Энциклопедический словарь

7-е Издание
Русского Библиографического
Института „Гранат"

Пастернак

Энциклопедический словарь

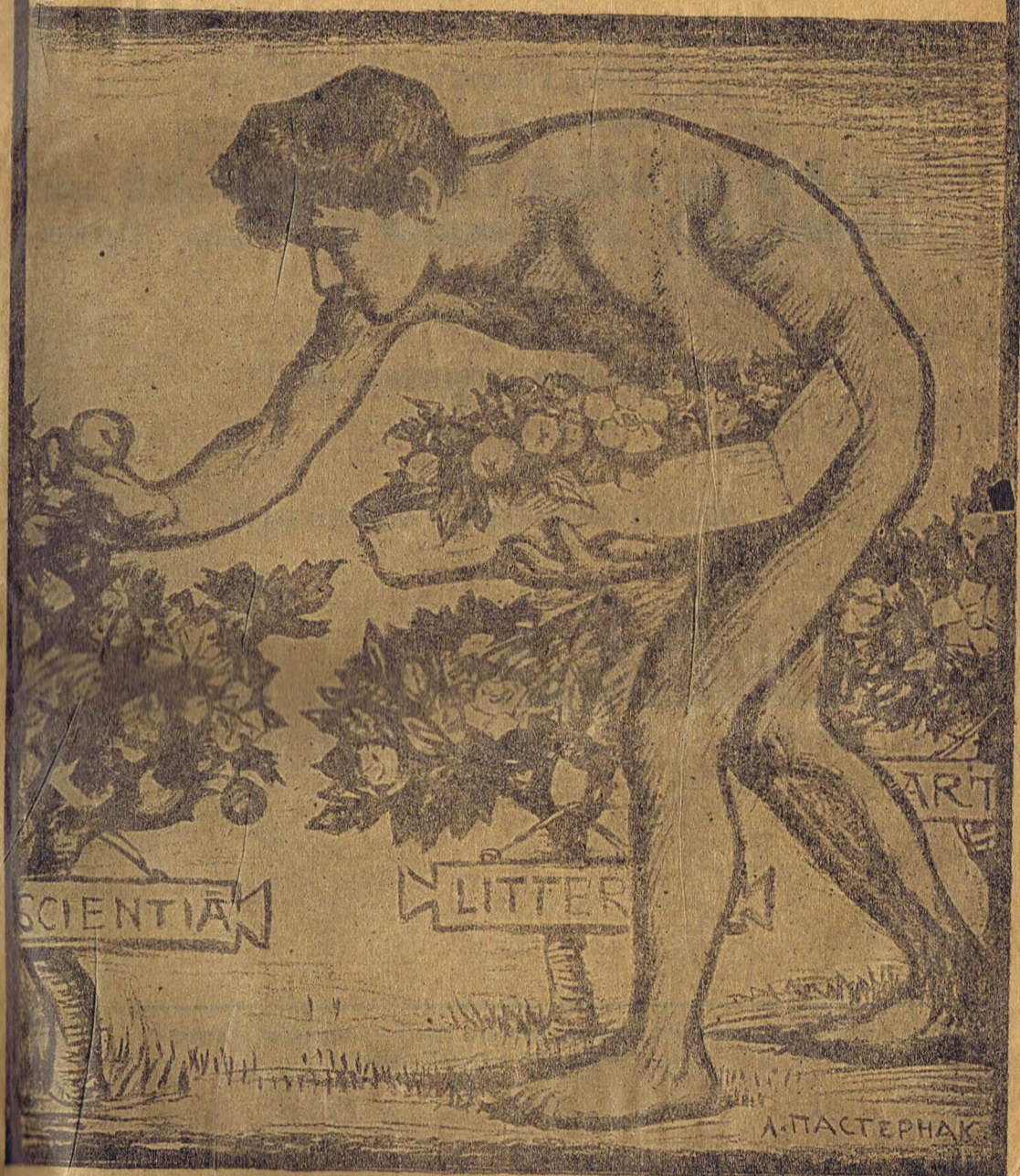
7-е Издание
Русского Библиографического
Института „Гранат"

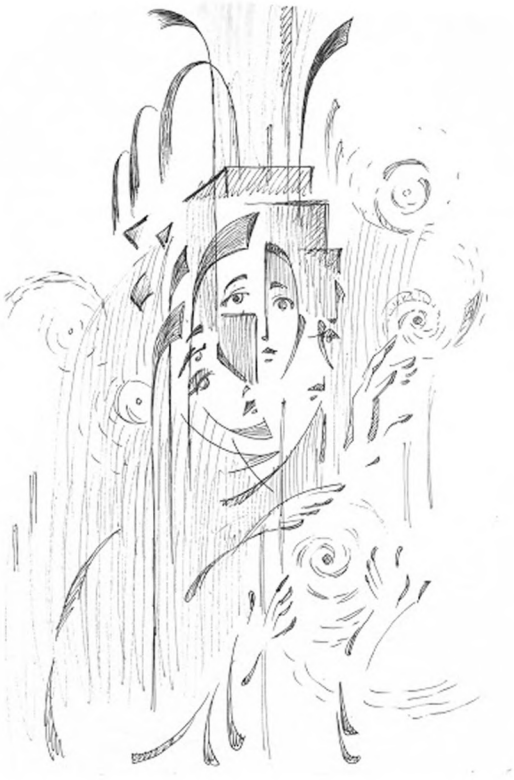
Пастернак

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

7-е переработан. издание

ПОД РЕДАК: (до 33 тома) ПРОФ. В.Я. ЖЕЛЕЗНОВА, М.М. КОВАЛЕВСКОГО, С.А. МУРОМЦЕВА и К.А. ТИМИРЯЗЕВА.





из книг
сергея и елены
москалевых

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

до 33 тома под редакцией

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

Том тридцать четвертый

Пуанкаре — Рабочий класс

Lexicographis secundus post Herculem labor.
(*Скалигер*).

Редакция и экспедиция „Русского Библиографического Института Гранат"
Москва, Тверской бульвар, 25.

Главлит № А—14.074. З. Т. 485. Тираж 7.100.
Отпеч. в 7-й тип. „Искра Революции“ Мосполиграфа, Арбат, Филипповский пер. 13.

Важнейшие статьи, помещенные в XXXIV томе

Стлб.

Пугачев и пугачевщина — проф. Н. Н. Фирсова 11
Пуля (с 9 рис.) — проф. Е. К. Смысловского 79
Пуризм — А. Г. Горнфельда 90
Пуссен Н. — проф. А. Г. Габричевского 100
Пушки (с 19 рис.) — проф. Е. К. Смысловского 120
Пушкин А. С.
1) Биография — проф. Б. В. Томашевского 156
2) Творчество — проф. Ю. Н. Тынянова 187
Пушной товар — проф. В. М. Житкова 218
Пчела — проф. Г. А. Кожевникова 236
Пчеловодство (с 8 рис.) — проф. Г. А. Кожевникова 250
Пшеница — проф. И. В. Якушкина 263
Пыпин А. Н. — проф. Н. К. Пиксанова 284
Пьянство — Э. И. Дейчмана 292
Поние — проф. Л. Л. Сабанеева 303
Рабле Ф. — проф. А. К. Дживелегова 344
Работа (с 8 рис.) — проф. А. И. Бачинского 350

РАБОЧИЙ КЛАСС *(цикл статей).*

I. Основные этапы в развитии Р. к. — проф. В Я. Яроцкого 361
1. Параллелизм в развитии капитал. общества и Р. к. 361
2. *а*) Подмастерье и институт наемного труда 367
б) Аграрная революция XVI в. в Англии 377
в) Наемный труд в эпоху торгового капитала 383
3. Р. к. в эпоху промышленной революции 396
4. Р. к. в эпоху промышл. капитализма 421
II. Современное положение Р. к. в Англии — Пэйдж Арнот (P. Arnot) *(перевод с рукописи)* и проф. В. Я. Яроцкого 448
1. Современ. структура англ. пролетариата 448
2. **Общий обзор послевоенного периода** 457
3. **Заработная плата** 466
4. **Продолжительность рабочего дня** 480
5. **Безработица и обеспечение безработных** 490
6. **Формы социальн. страхования** 501
7. **Помощь бедным** 512
8. Профессиональные союзы 517
9. Генеральный совет тред-юнионов 536
10. Организация предпринимателей 548
11. Законодательство о труде 553
12. Конфликты и стачки 561
III. Р. к. в современной Франции — Ж. Берлиоза (G. Berlioz) *(перевод с рукописи)* и С. Сорбонского 590
1. Экономич. облик современной Франции 590
2. Положение пролетариата 599
3. Профессиональн. рабочее движение 602
4. Стачечная борьба 608
5. Рабочее законодательство и соц. страхование 619
IV. Р. к. в Испании — А. Нина (A. Nin) *(перевод с рукописи)* 629
V. Р. к. в Португалии — А. Нина (A. Nin) *(перевод с рукописи)* 645

VI. **Р. к. в Италии.** — С. Слободского 649
1. Социальный состав населения 649
2. Экономич. положение Р. к. 651
3. Социальное страхование 661
4. Госуд. и обществ. содействие рабочим 666
5. Профессион. организации 668
6. Рабочие партии 677
VII. **Современное положение Р. к. в Германии** — Г. Глауб ауфа (H. Glaubauf) (*перевод с рукописи*) 679
1. Численность и состав германск. пролетариата 679
2. Рост пролетариата и его источники 696
а) Экспроприация крестьян 697
б) Тяга с.-х. рабочих в город 698
в) Эмиграция и иммиграция 702
г) Пролетаризация средних слоев городского населения 705
д) Война и инфляция 708
3. Экономич. положение герм. пролетариата 709
Разряды заработной платы 710
Жилищные условия 722
Санитарные условия и трудоспособность 724
4. Социальн. законодательство и соц. обеспечение 726
Правовое положение рабочего 727
Тарифные договоры 729
Трудовые суды и арбитражная система 730
Рабочее время 733
Охрана труда 733
Социальное страхование 735
Органы пролетарской самопомощи 740
Использование досуга 741
5. Профессиональное движение 747
Рост свободных профсоюзов 750
Профсоюзная бюрократия 754
6. Предпринимательские организации 757
7. Политические течения в Р. к. 758

ПРИЛОЖЕНИЯ.

К стлб.
1. **Пулемет Максима.** — проф. Е. К. Смысловского 65/66
2. **Пушкин А. С.** — (с портрета О. А. Кипренского) 160
3. **Библиография по Пушкину** — проф. Б. В. Томашевского 192
4. **Пчела** (таблица рисунков) 256
5. **Рабле Ф.** (с гравюры) 352

ПУАНКАРЕ

Пуанкаре (Poincaré), Анри, гениальный французский математик, род. в Нанси в 1854 г. В 1873 г. поступил в парижскую Политехническую школу, по окончании которой прошел еще курс Горного института и в 1879 г. получил звание горного инженера. Но стремление к чистой науке возымело верх у молодого инженера, и, получив степень доктора чистой математики, П. сделался профессором математики в Кане (Caen). В 1881 г. П. был приглашен в Париж, где читал в университете курсы теоретической механики, математической физики, теории вероятностей и небесной механики, а в Полит. школе — анализ. В 1887 г. П. был избран в члены парижской Академии наук, а в 1908 г. за свои философские сочинения — членом французской Академии. П. умер в Париже 4 июля 1912 г. после неудачно сделанной операции. П. написал несколько сот мемуаров и сочинений, посвященных различным вопросам математики, механики, астрономии, физики и философии. Чрезвычайное богатство идей, исключительная способность к интуиции и обобщению — основные черты его математического гения. Некоторым отделам науки П. посвятил целый ряд сочинений. Таковы его замечательные труды по математической физике: „Électricité et optique“, „Théorie mathématique de la lumière“, „Les oscillations électriques“, „Capillarité“, „Théorie des tourbillons“, „Leçons sur le potentiel newtonien“ и др. Много работ П. посвящено теории равновесия вращающихся жидких масс, молекулы которых взаимно притягиваются, по закону Ньютона, при чем им открыты новые формы равновесия и даны новые пути исследования. Замечательный мемуар П. по этому вопросу помещен в 7 т. (1885) „Acta Mathematica“. Последние 15 лет своей жизни П. с особенною любовью занимался небесной механикой, при чем им написано множество сочинений, из которых мемуар „Sur le problème des trois corps“, помещ. в 13 т. (1890) „Acta Mathematica“, увенчан премией короля Оскара Шведского. Работы П. по небесной механике исключительны по громадному продвижению вперед, которое они дали этому трудному отделу науки. Разыскания П. в области небесной механики собраны в его: „Les méthodes nouvelles de la Mécanique Céleste“, т. I—III и „Leçons sur la Mécanique Céleste“, т. I—III. Свои философские взгляды П. изложил в ряде сочинений, из которых переведены на русский язык: „Наука и гипотеза“, „Ценность науки“, „Наука и метод“, „Математическое творчество“, „Новая механика“, „Пространство и время с точки зрения механики“. Интересны воззрения П. на пространство; он высказался за условный характер свойств пространства и за возможность применения к миру не только евклидовой, но и любой из неевклидовых геометрий. См. *теоретические основы математики*; *математика*, XXVIII, 322/23. Об его анализе научного творчества см. *Наука*, XXX, 3, 5, 9, 10, 20.

А. Некрасов.

Пуанкаре (Poincaré), Раймонд, франц. политический деятель, *см.* XLVII, прилож. *био-библ. указатель соврем.*

иностр. полит. деятелей, 65, и *Франция*, XLV, ч. I, 377/390.

Пуансо (Poinsot), Луи, известный французский геометр, род. в Париже в 1777 г. В 1797 г. окончил парижскую Политехнич. школу и в 1809 г. был назначен в ней же профессором. В 1813 г. был избран в парижскую Академию после смерти Лагранжа (*см.*) на его место. С 1846 г.— пэр Франции и с 1852 г.— сенатор. Умер П. в Париже в 1859 г. Главнейшие сочинения П. след.: „Éléments de statique" (I изд. 1804; II, значит. дополн., 1872), является классическим по стройности и ясности изложения; в нем П. с полной определенностью развил теорию пар сил. „Théorie nouvelle de rotation des corps", 1834; в нем П. дал замечательное по изяществу геометрическое исследование движения твердого тела около неподвижной точки, когда внешние силы имеют равнодействующую, проходящую через эту точку. Исследование П. вошло во все учебники динамики системы, при чем этот случай движения, указанный впервые Эйлером, получил название случая Эйлера и П. Укажем еще: „Mémoires sur les polygones et les polyèdres réguliers", 1810; „Mémoires sur l'application de l'algèbre à la théorie des nombres", „Mémoires sur les cônes circulaires roulantes", 1853. *А. Некрасов.*

Пуант-а-Питр (Pointe-à-Pitre), портовый, самый большой гор. на о. Гваделупе, 27.679 ж. (1921). Вывоз сахара, какао, ванили.

Пуант-де-Галль (Pointe-de-Galle), см. *Галль.*

Пуантилизм, *см. французская живопись*, XLV—I; *живопись*, XX, 205.

Пуаре, Петр, *см.* VII, 204.

Пуаре. Эммануэль, см. *Каран д'Аш.*

Пуассон (Poisson), Симеон Дени, знаменитый французский математик, род. в Питивьере (деп. Луаретты) 21 июня 1771 г. в семье мелкого чиновника, бывшего солдата. Родные предполагали сначала сделать П. нотариусом, но затем отдали в хирурги, т.-е. на выучку к цирюльнику, дяде П., так как думали, что должность нотариуса требует сильного напряжения ума. У своего дяди П. учился делать кровопускания, прорезая ланцетом жилки на капустных листах. Смерть ребенка после мушки, поставленной П., так сильно подействовала на П., что он решительно отказался от дальнейших занятий медициной и возвратился домой. Отец П. по должности получал „Журнал Политехнич. Школы". Знакомство с этим журналом раскрыло математические дарования юноши, и, после школьных занятий, он был первым принят в Политехн. школу в 1798 г. В 1806 г. П. был уже приглашен профессором вместо Фурье в Политехн. шк. В 1808 г. был избран в бюро долгот. С 1812 г.—академик. В 1825 г. получил титул барона, а в 1827 г. был сделан пэром Франции. П. отрицательно относился к Наполеону, за что правительство первой и второй реставрации осыпало П. милостями, позабывая даже, что ненависть П. к Наполеону имела своим источником скорее исповедание демократических идей, чем преклонение пред началами легитимизма. П. умер 25 апреля 1840 г. П. написал свыше 350 сочинений по различным отделам математики, астрономии и физики. Его работы посвящены алгебре, дифференциальному, интегральному и вариационному исчислению, теории поверхностей, теории вероятности (*см.*), электричеству, магнетизму, капиллярности, теории упругости, теории тепла, теории звука, небесной механике. Ряд основных научных достояний связан с именем П., напр.: формула П. для адиабатного расширения газа, уравнение П. в теории потенциала, теорема П. об отсутствии вековых неравенств второго порядка у больших полуосей орбит планет. Имя П. стоит в ряду с именами великих математиков: Даламбера, Лагранжа, Лапласа.

А. Некрасов.

Пуату (Poitou), франц. провинция, в 1152 г. по браку Элеоноры Французской с Генрихом Плантагенетом перешла к Англии, отнята Филиппом II Августом, по миру в Бретиньи (1356) вновь уступлена Англии и в 1369 г. окончательно завоевана Карлом V. Гл. гор. был Пуатье. Из П. образованы департаменты Двух Севров, Вандеи и Вьенны.

Пуатье (Poitiers), гл. гор. департ. Вьенны, на р. Клэн, 37.663 ж. (1921).

Романско-готический собор св. Петра XII — XIV вв., церковь св. Радегунды VI в. и др.; развалины римск. врем. Академия, музеи. Торговля хлебом.— П., старин. *Лимонум*, или *Пиктовиум*, был одно время гл. гор. Аквитании, затем служил гл. гор. Пуату. В 732 г. Карл Мартел разбил здесь арабов. В столетнюю войну Черный принц одержал близ П. победу над французами (1356; см. *Франция*, XLIV, 534/35, и *столетняя война*, XLI, ч. 4-я, 642).

Пуатье, Диана, герцогиня Валентинуа (1499—1566), дочь графа Сен-Вилье и жена Луи де Брезе. После смерти мужа сделалась фавориткой дофина, будущего Генриха II. Политического влияния П. не очень искала, но все пути обогащения знала прекрасно. После смерти короля жена его, Екатерина Медичи, выслала ее в имение и заставила вернуть казне значительную часть ее богатств. Для нее Филибер Делорм выстроил замок Ане, а Жан Гужон сделал знаменитую статую Дианы.

Пубертатная железа, *см.* XLI, IV, 127.

Публиканы, римские откупщики (от лат. publicum—обществ. дело, казна, прибыль), собств. „люди, связанные с общественн. делом" или „причастные к доходам". В Риме издавна поручали частным лицам выполнение за плату обществ. работ, отдавали им на срочную эксплоатацию государственн. монополии (напр., соль) и госуд. земли; наконец, сдавали с торгов на откуп сбор различных налогов. Последнее совершалось цензором каждые пять лет. Но общественно-политич. значение П. приобрели лишь ко II в. до н. э., когда рост капитала и его значение в откупных операциях привели к тому, что за это дело могли браться лишь крупные капиталисты, нередко складывавшиеся в паевые предприятия (societates). А так как капиталисты в Риме принадлежали к сословию всадников (*см.*), то в общественн. сознании П. и всадники сделались синонимами. Влияние П. особенно выросло со времени К. Гракха (ок. 123—121 до н. э.), который, нуждаясь в политич. поддержке римских всадников, отдал им на эксплоатацию провинцию Азию (до этого времени сбор податей обычно откупали местные люди), а в Риме передал в их руки судебную власть. Тогда П.-всадники стали, по соглашению с наместниками, грабить провинции, при чем римские суды не давали хода жалобам потерпевших, или, если наместник пытался вступаться за провинциалов, П. поднимали против него травлю, инсценируя судебный процесс с обвинением в дурной администрации. Только уничтожение самой системы откупов в принципат Августа положило конец влиянию П. Население, естественно, ненавидело П., особенно их агентов, непосредственных сборщиков податей, которых, в более узком смысле, также звали П. (см. *мытарь*). *И. Ш.*

Публикация (лат.), — оповещение, обращенное ко всем гражданам. В древности П. осуществлялась при содействии специальных лиц, оповещавших граждан на улицах, площадях, базарах и других местах массового скопления народа (глашатаи, бирючи, герольды и пр.). В настоящее время П. производится при помощи периодических органов печати (гл. обр., в правительственных газетах).

С моментом появления П. часто бывают связаны существенные юридические последствия, при чем, в известной степени, самая идея П. основана на юридической фикции: *предполагается*, что каждый гражданин не только обладает возможностью следить по газетам за всякого рода *публикуемыми* сообщениями, но фактически это исполняет и потому всегда находится в курсе данного дела. Но при беспрерывно усложняющихся общественных взаимоотношениях такая фикция признается неизбежной. Из случаев П., требуемых нашим действующим законодательством, отметим: П. о розыске *безвестно* отсутствующих лиц, после чего, в случае невыяснения их местопребывания, они об'являются умершими; о перемене гражданами имен и фамилий; о расторжении брака супругом, местожительство которого *неизвестно*; о производстве публичных торгов (*см.*); об учреждении полного товарищества; о ликвидации некоторых юридических лиц (например, кооперативных организаций); об утверждении устава акционерного общества; о внесении должником в депозит суда сумм, причитающихся к выдаче кредитору, местожительство которого *неизвестно*; об утрате документа; в частности, о потери документа на пред'явителя (при так называемом вызывном производстве в суде) и пр. Особенно важное значение имеет П. текста издаваемых законов (технически именуемая опубликованием) в правит. органах печати, после чего законодательный акт считается вступившим в силу и обязателен как для представителей власти, так и для всех граждан. В некоторых случаях закон присваивает юридическую силу П., исходящей от частных граждан. Так, согласно гражданским законам некоторых стран (напр., Германии), П. при наличии известных условий порождает о б я з а т е л ь с т в е н н ы е отношения, являясь, так. обр., одним из источников обязательственного права (весьма редкий случай односторонней юридической сделки); поместивший П. о выдаче вознаграждения

за совершение определенного действия, в частности за достижение известного результата, обязан уплатить вознаграждение всякому, кто совершит упомянутое в П. действие, хотя бы совершивший при исполнении этого действия даже не был осведомлен о данной П. Последним признаком П., как источник обязательства, отличается от договора, который обязательно предполагает со стороны контрагента, вступающего в обязательство, его осведомленность и согласие. Наш Гражданский кодекс не упоминает особо о П. как источнике обязательственных отношений, но такая функция П. не противоречит духу кодекса и узаконена гражданским оборотом, подтверждением чему служит П., часто встречающаяся в любой современной газете. *А. Винавер.*

Публикола, см. *Валерий Попликола.*

Публилий Волерон, плебейский трибун, внесший в 472 г. до *н. э.* в народное собрание предложение о том, чтобы плебейские должностные лица избирались на трибутных комициях. Предложение стало законом (lex Publilia) в след. году.

Публилий Сир (Publilus Syrus), латин. мимический поэт (см. *мимы*) I в. до н. э.

Уроженец Сирии (откуда его прозвище), П. С. рабом привезен был в Италию, затем отпущен на волю и получил образование. Своими мимами, в которых он выступал сам, П. С. снискал благоволение Цезаря, имел огромный успех на устроенных им играх (в 46 г. до н. э.) и победил в литературн. состязании крупнейшего мимографа Д. Лаберия. Пьесы П. С. до нас *не дошли*; от них уцелели лишь „Sententiae", сборник изречений, составленный, м. б., для школьных целей уже в I в. н. э., пользовавшийся успехом в средние века и в новое время; его даже *пополняли* новыми изречениями. Подлинными считают до 700 стихов. Каждая строчка является законченным изречением. Расположены Sententiae в алфавитн. *порядке* по начальным буквам стихов. *И. Ш.*

Публициев иск — иск, заменявший в римском праве в некоторых случаях виндикационный иск и дававший, подобно последнему, заинтересованным лицам возможность истребовать данную вещь от всякого, у кого эта вещь находится без достаточных к тому оснований.

П. и. был впервые допущен римским претором Публицием (год его претуры нам неизвестен) и имел первоначально своей целью защиту *интересов тех лиц*, которые, стремясь к приобретению данной вещи в собственность и получив ее в свое фактическое владение, тем не менее, по причинам формального характера, по закону собственниками не сделались (напр., за неосуществлением установленного для отчуждения данного вида вещей торжественного или формального обряда приобретения). Идея П. и. заключалась в след.: поскольку при наличии перечисленных признаков заинтересованное лицо (приобретатель), по римскому праву, могло рассчитывать со временем обратиться в законного (квиритского) собственника по принципу приобретательной давности и поскольку оно, следов., в будущем могло использовать виндикационный иск, принадлежащий исключительно законному (квиритскому) собственнику, постольку, предвосхищая *те последствия*, которые должны наступить по истечении давностного срока, за данным лицом надлежит признать такое средство защиты, которое бы заменяло указанный виндикационный иск и фактически приводило бы к тем *же результатам*. На ряду со случаями защиты лиц, приобревших вещь от собственника ее с нарушением обрядовых норм (несовершение требуемого законом формального акта приобретения), П. и. *защищал* и такого приобретателя, который данную вещь приобретал закономерным дозволенным способом от несобственника, ошибочно считая последнего настоящим собственником. Требовалось лишь, *как общее условие*, без которого, по римскому праву, ни приобретательская давность, ни защита путем П. и. не допускались, чтобы спорная вещь не была похищена у ее собственника и не была бы им утеряна. В современных законодательствах П. и. не нашел себе места. Отчасти это об'ясняется отпадением в настоящее время существовавшего в римском классическом праве своеобразного дуализма (право собственности к в и р и т с к о е и право собственности б о н и т а р н о е); отчасти же причина кроется в эволюции идеи виндикационной защиты: лицо, располагавшее, по римскому праву, П. и., по большинству современных законодательств приобретает безусловное право собственности и защищается виндикационным иском (срав. Гражд. код., ст. 60). Относительно же некоторых видов имущества (*строения*) применение П. и. было бы вообще немыслимо в виду существующей в настоящее время строгой регистрации как этого вида имущества, так и тех лиц, которым право собственности на *это имущество* принадлежит (вотчинная система). *А. Винавер.*

Публицистика, печатное обсуждение различных вопросов с общественно-политической целью. Вопросы могут быть самые разнообразные: экономические, литературные, художественные и т. д. Если цель обсуждения общественно-политическая, оно тем самым приобретает характер П. Так, критика Реми де Гурмона — литература, а критика Чернышевского — П. Так как П. ставит себе целью произвести впечатление на массового читателя, ясно, что ее предпосылкой должно было быть существование книгопечатания. Многие из гуманистов до изобретения книгопечатания распространяли свои письма (латинские) путем рукописных копий (Петрарка, Салутати, Филельфо и др.), но это не была еще П., потому что до массы эти письма не доходили. Наоборот, когда Аретино начал свои письма печатать, и притом на итальянском языке, когда следом за ним пошли другие (Ник. Франко, Бембо, Бернардо Тассо и др.), это уже был суррогат П., а когда тот же Аретино стал выпускать в печатном виде так наз. giudizii, предсказания на тот или другой год, *пропитанные* густой политической тенденцией,— это была уже самая настоящая П. Такого рода письма (иногда вымышленные), предсказания, гороскопы и другие брошюры

того же характера в Италии, в Германии, во Франции, в Англии XVI в. сделались первыми публицистическими опытами. Разумеется, книгопечатание, как предпосылка П. и как ее техническое орудие, появилось в ответ на настоятельную нужду: с ростом торгового капитала сделалась сложнее игра интересов, разнообразнее общественные и политические противоположности, и борьба между различными группами поставила на очередь вопросы агитации и пропаганды. В начале публицистические выступления носили преимущественно индивидуальный и разрозненный характер. Но уже, напр., в „Письмах темных людей" мы имеем выступление коллективное. В эпоху религиозно-политической борьбы во Франции, в конце XVI в., некоторые лионские типографии сделались чем-то в роде редакций, коллективно подготовлявших публицистические издания. Так как классовая борьба далеко не достигла кульминационного пункта, то публицистические выступления носили более подчеркнутый личный, памфлетный характер. С появлением периодической печати (*см.*), т.-е. с начала XVII в., П. постепенно сосредоточивается на ее страницах, и, напр., уже в английской революции XVII в. периодич. издания не только информационного, но и публицистического характера сыграли большую роль. Но и отдельные публицистические выступления не прекращаются вплоть до наших дней. Роль П., как и периодической печати вообще, быстро возрастает по мере развития капитализма и роста классовой дифференциации. П. все больше становится одним из видов социальной и политической борьбы. См. *историю* отдельных стран, а о наиболее видных единичных представителях П. см. также *литературу* отдельных стран. *А. Дж.*

Публичная продажа, см. *публичные торги.*

Публичное право, совокупность юридических норм, которые, по господствующему еще до сих пор в буржуазных странах, но всё чаще оспариваемому (особенно советскими юристами) мнению, надлежит отличать от другой, противоположной группы норм, именуемой правом *частным*. Все попытки дать точный и исчерпывающий критерий, лежащий в основе разделения права на П. п. и частное, не увенчались успехом и лишь породили громадное количество самых разнообразных взглядов и теорий. Начиная с древнего римского юриста Ульпиана, жившего в III веке н. э. и видевшего в П. п. совокупность норм, защищающих общие интересы, а в частном праве—нормы, защищающие интересы частных лиц, и до настоящих дней в западно-европейской науке борются друг с другом теории, строящие классификацию по различию содержания норм (Ульпиан), по цели их (Савиньи), по формальному положению суб'екта (Пухта), по формальному способу защиты права (Тан) и т. д. Сторонники классификации юридических норм на П. п. и частное в дальнейшем расчленяют право частное на гражданское (*см.*) и торговое (*см.*), а к П. п. относят государственное (*см.*), административное (см. *полицейское право*), уголовное (*см.*), международное (см. *право междун.*), финансовое (см. *финансы*) и судебное (т.-е. гражданский и уголовный процесс; см. *судопроизводство*). Противники же этой классификации считают, что она является порождением несостоятельной идеи противоположения личности и государства, и что с отпадением этой идеи рушится и самая основа разделения юридических норм на П. и частное право. Об историческом соотношении между П. п. и гражданским правом *см.* XVI, 404/411. *А. Винавер.*

Публичные акты, в отличие от домашних или, как их называет действующий закон (Граж. код., ст. 27), простых сделок,—письменные документы, либо непосредственно исходящие от органов власти, либо, хотя и составленные частными лицами, но засвидетельствованные соответствующими должностными лицами или учреждениями (гл. обр., нотариусами).

В форму П. а. закон обычно предписывает облекать такие документы, которые с бесспорной достоверностью должны свидетельствовать о наличии того или другого правоотношения. Так, согласно советскому законодательству, признается действительным только такое завещание, которое удостоверено нотариусом (Гр. код., ст. 425); отчуждение строения или право застройки действительно лишь

при условии нотариального засвидетельствования договора и, помимо того, последующей регистрации в коммунальном отделе (Гр. код., ст. 185); доверенность, выданная на совершение какого-либо действия по отношению к правительственному органу или должностному лицу, требует нотариального удостоверения, а в специальной доверенности на получение почтовой корреспонденции нотариальное удостоверение может быть заменено засвидетельствованием нар. судьей, волисполкомом, сельсоветом или служебным начальством доверителя (Гр. код., ст. 265 и примеч. к ней). *А. Винавер.*

Публичные дома, см. *проституция.*

Публичные торги, заключение юридической сделки с любым лицом, предложившим наиболее выгодные условия. К П. т. прибегают преимущественно государственные и общественные учреждения при вступлении в договоры *подряда* или *поставки* (см.). От П. т. в широком смысле слова надлежит отличать *публичную продажу* (иначе *аукцион*—лат. auctio), т.-е. вступление в договор продажи с любым лицом, предложившим высшую цену, и укрепление за ним права собственности на купленное им имущество. Публичн. продажа, согласно действующему советскому законодательству, применяется, главным образом, при исполнении судебных решений, при взыскании налогов, взносов по социальн. страхов. и администр. штрафов, при реализации невостребованных ж.-д. грузов, багажа и почтовых отправлений, при реализации банками заложенных товаров. *А. Винавер.*

Публий Валериан, см. *Валериан.*

Публий Валерий, см. *Валерий.*

Пувильон (Pouvillon), Эмиль (1840—1906), франц. писатель, один из представителей „провинциального романа“ во франц. литературе, изображавший преимущественно нравы деревни в местностях Руерги и Керси („Jean-de-Jeanne“, „L'innocent“, „Les Antibel“ и др.). *В. Фр.*

Пугач, см. *филин.*

Пугачев и Пугачевщина. *I. Личность П. и его жизнь до открытого выступления.* Емельян Иванов П. своим внешним видом не поражал. Среднего роста, довольно плечистый, со спущенными на лоб подстриженными в кружок волосами и с кругловатой черной бородой на скуластом, самом простом мужицком лице, он представлял обычный тип простолюдина; его, пожалуй, совсем нельзя было бы отличить в простонародной толпе от ему подобных, если бы не большие и живые черные глаза, в которых светились ум и лукавство; глаза быстрые и наметанные, поблескивая своей чернотой и белками, от черноты еще более белыми, выделяли этого человека из толпы. Но, рассматривая его наиболее достоверный портрет (в летописи Оренб. осады Рычкова, см. Акад. изд. сочин. Пушкина, т. XI, примеч. Н. Н. Фирсова), мы тщетно стали бы отыскивать в лице П. какие-либо признаки исключительной одаренности, могучей воли, даже просто необыкновенной жестокости; ничего подобного мы не найдем в этом лице, нет, это слишком обыкновенное лицо; оно скорее благодушно, чем свирепо, и только в больших темных зрачках заметна какая-то болезненная напряженность, как бы говорящая нам о том, что этот человек может быть и себе на уме, но также не чужд и некоторой фантазии и способен фанатически прилепиться к идее, претворить ее в жизненный план, подобно тому, как это раньше делал всякий мало-мальски сосредоточенный в себе раскольник, а теперь делает любой „умственный“ серьезный сектант. Но не представляя по внешнему своему виду ничего особенного, П. все-таки не был вполне заурядным серым человеком. Он от природы был бойкий, расторопный малый, в высшей степени подвижная натура, и из него выработался один из тех типов, которые нередко выходили из широкого мира старой бродячей Руси. Уже в юноше - П., участнике семилетней войны, его военный начальник заметил „проворность“ и за это свойство взял его в свои ординарцы. „Проворность“ как нельзя лучше пригодилась П. в его дальнейшей скитальческой жизни, вывела его из многих бед и, еще более развившись от жизненных испытаний, бросила в отважные и крайне рискованные предприятия. Самостоятельная бродячая жизнь П. началась после турецкой войны, во время которой он дослужился до 1-го офицерского чина — хорунжего. Отпущенный П. Паниным на побывку домой по болезни, П. больше уже не вернулся в армию, к казенной службе. И случилось так потому, что он, будучи в отпуску, до-

вольно скоро перешел на нелегальное положение, оказался в бегах. Не добившись отставки по болезни, проявившейся в каких-то язвах на руках и груди, он вместе со своим зятем бежал на Терек, но и там ему не повезло. Как беглый, он был арестован и прикован на гауптвахте к стулу, но это не помешало ему бежать с тремя звеньями цепи и с подговоренным к побегу караульным солдатом. Вторично схваченный и заключенный, П. снова бежал. На этот раз он искал себе опоры и нашел таковую в раскольниках, выдавая себя самого за раскольника. После этого где только не побывал П. Побывал он в Польше, где, повидимому, еще более сблизился с раскольничьим миром — в одном из важнейших раскольничьих гнезд на Ветве. Поэтому, когда П. из Польши возвратился на льготном основании (в силу указа Екатерины II о беглых в Польшу), то неудивительно, что он, в сущности, начинает следовать всем директивам, которые получил от раскольников. Так, один из держателей П., раскольник Кожевников, направлял его на Иргиз в самые недра раскола—Мечетную слободу—к раскольничьему старцу Филарету—и П. посетил и эту слободу и этого старца. Перед тем он пожил в дворцовом селе Малыковке (ныне Вольск), тоже в раскольн. гнезде, и в это время уже знал о появившемся в Царицыне государе Петре Федоровиче, схваченном там царицыными властями, но успевшим скрыться „неизвестно куда“. Старец Филарет сообщил П., вошедшему в полное его доверие, об отчаянном положении яицких казаков и об их намерении „бежать к золотой мечети“, и нет ничего невероятного в том, что здесь, у старца Филарета, окончательно был выработан план иным способом улучшить положение яицких войск, вместе с тем и послужить и старой вере. От Филарета П. отправляется для осуществления своего плана на Яик. В раскольничьем мире тогда происходило сильное брожение. Он был не менее недоволен своим положением, чем разгромленное яицкое казачество. От петербургского правительства Екатерины II не ожидалось тех гарантий, какие раскольничий мир мог получить от Петра III, который прекратил сразу гонения на раскольников, и когда он так быстро и таинственно исчез с российского престола, то общий вздох сожаления о нем, об его безвременной гибели, вырвавшийся из раскольничьей груди, был так глубок и искренен, что невольно заразил сочувствием к погубленному Екатериной и барами царю все простонародье, в лице крепостного крестьянства ждавшее от Петра III освобождения от барской неволи подобно тому, как он освободил от монашской неволи так называемых экономических крестьян, переведя их из-под власти монастырей и др. церковных учреждений под власть государства. Их общее сочувствие к Петру III, распространившееся, как луч света, бесчисленными радиусами из раскольничьих центров по всему необозримому народному морю, всколыхнуло его ожившими в нем надеждами и ожиданиями. Ожили надежды и ожидания, разыгралась бурно народная фантазия — ожил и Петр III. Пошел слух, что он не умирал, не убит, бары и царица ошиблись в расчете — „батюшка“ спасся и скрылся, но явится, уже явился, но опять скрылся — и снова явится. Раскольники вели агитацию в этом смысле, а появление самозванцев одного за другим укрепляли массы в убеждении, что это и есть сущая правда. Едва ли можно сомневаться в таком толковании этого вопроса, что раскол был вдохновителем самозванской авантюры П., хотя он потом и отрицал это. Вся совокупность фактов и логика событий заставляют нас сделать такой вывод. Раскольники прикосновенны сильно к пугачевскому предприятию в его начале; лишь потом, при ликвидации его в жизни, они как-то исчезают со сцены, увидав безнадежность восстания. А раньше они готовились к торжеству „старой веры“ вместе с торжеством об'явившегося, симпатичного им, законного царя. В Саратове, напр., как мы узнаем из подлинного следственного дела о П., перед его выступлением коллективно изучалась „раскольничья библия“; кузнечный мастер Горбунов впоследствии показывал, что

ему с братом эту библию читал некто Савич. Вообще в раскольничьих кругах к чему-то готовились; дальнейшие события показывают, что, повидимому, обдумывался план поднять казачество, а потом весь народ на защиту старой веры, через возвращение престола ее другу,—императору Петру Федоровичу. Трудно думать иначе, особенно если принять во внимание то почитание, которое раскольники питали и до сих пор питают к памяти Петра III, образ коего в их сознании ассоциируется с образом Христа-искупителя. Дальнейшие похождения П. тоже свидетельствуют, что его блюло недреманное раскольничье око. Попавшись в руки властей и будучи заключен в казанскую тюрьму, он бежал оттуда при помощи раскольников. Самое указание ими же на яицких казаков, недовольство которых екатерининским правительством могло сыграть роль фактора, возбуждающего их к восстанию, весьма знаменательно: яицкое войско было привержено к старой вере, и раскольники имели основание надеяться, что в числе лозунгов их восстания за обретенного государя будет старая вера. Раскольники и не обманулись в своих надеждах как на П., так и на яицких казаков. Последние приняли первого и стали скрывать его по разным степным хуторам. С „Талового Умета“ пахотного солдата Оболяева П. перевезли на хутор казаков Кожевниковых, потом в „караулистое место“ на Усиху и, наконец, на хутор казака Толкачева. Здесь было решено, что подготовка для открытого выступления „государя“ достаточна: у него была уже хорошая казацкая шапка, красный кафтан, знамена с осьмиконечным крестом и до 80 человек разного сброда „подданных“. Перед ними-то 17 сентября (1773) и были распущены знамена „об'явившегося государя“, и прочитан его первый манифест. При первой встрече с правительственными войсками у П. было 140 человек, а 18 сентября его толпа увеличилась до 300 чел. Восстание началось успешно, хотя на первых порах, при встрече с правительственными отрядами, П. и подумал, что „разберут по рукам“. Не только не разобрали, но часть казаков даже присоединилась к „Петру Федоровичу“. От Яицкого городка, к которому прежде всего подошел этот вынырнувший из оренбургской степи „император“, ему пришлось отойти, он предпочел двинуться на крепостцы меньшего значения, и здесь его сопровождал успех за успехом. Восстание быстро разгоралось и становилось серьезным, хотя в Петербурге долго этого не понимали или не хотели понимать. Оно и научно вполне может быть понято лишь при условии, если вскроем его глубокие корни, выясним его социологические и психологические причины.

II. Общее положение. Основная причина пугачевщины заключалась, разумеется, в общем положении низших классов России. Предшествующая история России шла так, что низшие классы являлись как бы колонией по отношению к высшим классам, неустанно и без меры ими эксплоатируемой с древнейших времен, когда неорганизованные массы подчинились власти организованных верхов общества. На этой почве безмерной эксплоатации государством народа и образовались в России две неравных стороны — немногочисленные, но богатые и сильные своею „государственной“ организованностью господа, бояре, баре, мироеды-кулаки и многочисленная „чернь“ или, по барской терминологии XVIII в., „подлые люди“, сильные только своим количеством, но слабые своей неорганизованностью, некультурностью и умственной отсталостью. Большая часть этой „черни“ приходилась на долю крестьянства, в свою очередь более чем на половину в XVIII стол. находившегося в крепостном состоянии (*см.* XXV, 463/82).

Именно в XVIII в. явились еще более отягчающие условия жизни низов населения, как городского „посадского“, так в особенности крестьянского. Развитие денежного хозяйства сильно ухудшило положение трудящихся в России. Крепостное крестьянство остро почувствовало на своей спине власть денег, ибо помещики, нуждавшиеся в них для своей роскошной и дорогой жизни, выжимали из своих подданных деньги в оброке, на который они перевели

большинство крестьян в нечерноземных губерниях, или вообще через большую интенсификацию своего сельского хозяйства, превращавшегося у крупных владельцев из прежнего патриархально-барщинного в подлинное плантаторское, лишь с „белыми рабами". Власть помещиков в XVIII стол. чрезвычайно усилилась, а при Екатерине II дошла до своей кульминационной точки.

Бедственное положение крепостных отразилось и в простонародном литературном творчестве. Какой-то грамотей из крепостных составил целое большое стихотворение, напечатанное под заглавием „Плач холопа", в котором слышится и горе невыносимо тяжелой жизни крепостных и ненависть их к „господам", виновникам „бедства" „холопьей" жизни:

О горе нам, холопем, от господ и бедство!
А когда прогневишь их, так отнимут и отцовское наследство.
Что в свете человеку хуже сей напасти,
Что мы сами наживем—и в том нам нет власти.

По мнению автора „Плача", единственное средство избавиться от злых господ—это истребить их:

Ах, когда бы нам, братцы, учинилась воля,
Мы себе не взяли бы ни земли, ни поля,
Пошли бы мы, братцы, в солдатскую службу
И сделали-б между собою дружбу,
Всякую неправду стали-б выводить
И злых господ корень переводить.

Крепостные массы шли дальше своего поэта: они таили в себе мечту о „выводе" из жизни всех господ. Это было итогом всей страшной истории крепостного крестьянства.

Тяжело было положение и казенных и дворцовых крестьян, у которых помещиками были: у первых — государственная казна, т.-е. правительство, у вторых — царская фамилия. Эти крестьяне, сверх подушной подати (70 к. с души), платили оброк, возвышавшийся весьма быстро, но не быстрее помещичьего оброка: в 1760 г. они платили 1 рубль, в 1768 г. оброк с них был увеличен до 2 р., каковую сумму, в среднем, в 60-х годах платили и помещичьи крестьяне. Но казенные крестьяне имели над собой слишком много приказчиков в виде государственных чиновников, и потому они стонали под игом этих последних, своими взятками и притеснениями делавших положение казенных крестьян иногда не лучше, если не хуже, помещичьих.

III. Положение населения в Поволжьи и Приуральи. Особенно тяжело от чиновничьего ига приходилось инородческому населению Поволжья и Приуралья, где власть не уставала вести себя победительницей и потому считала своим неот'емлемым правом не церемониться с управляемыми. Так как, однако, излишек притеснений порождал некоторые неприятности и на местах, дававшие, в конце концов, себя чувствовать центру или в виде волнений и бунтов, или в виде потери населением платежной способности, от чего запускалась недоимка,— то правительство принуждалось принимать меры к выяснению причин прискорбных явлений с целью их устранения на будущее время. Назначались „осмотры" обширных восточных районов, расследования местных злоупотреблений, имевшие значение позднейших сенатских ревизий. В начале царствования Екатерины II подполковнику Свечину было поручено исследовать „причины бедности Казанской губернии государственных крестьян". Подполковник „исследовал" и нашел, что „причины" означенного печального явления заключаются в „разных обидах и народных поборах"; эти то „обиды и поборы", невыносимые для народа, и привели „многих" крестьян „в безнадежность" к платежу подушной подати. Следов., платежная способность крестьянства в корне подрывалась чиновничьим хищничеством: с этим не могла мириться центральная власть, терявшая свои доходы. Но что она, управляя через чиновников, могла предпринять целесообразное против своих доверенных слуг, в сущности против самое себя? Уловить чиновников было трудно, ибо контролеры были тоже чиновники, умевшие затемнять дело не хуже контролируемых и ревизуемых и, в конце-концов, оставлявшие правительство с пустыми руками. И подполковник Свечин ничего не мог толком разобрать в этих местных делах и делишках, ибо то, что Свечину было весьма необходимо знать и о чем

казанская губернская канцелярия и адмиралтейская контора „основательные сведения безотговорочно должны были иметь", осталось совершенно не освещенным. Да и неудивителен был такой общий результат расследования: упомянутые учреждения „темнили" в своих „промемориях", „так что", жаловался сенату в рапорте Свечин (от 29 февраля 1764 г.), „правого с виновным и самого дела основательно знать не можно" [1]).

Во всяком случае, узнать правительственному ревизору истину было трудно. Тем не менее он кое-что узнал, но не от чиновников, а от самого населения. Население жаловалось, подавало челобитные. И в губернскую канцелярию, „темнившую" дела, челобитные сыпались градом, их скрывать было невозможно даже губернским чиновникам, и правительственный ревизор узнал, что на комиссара майора Бутлерова, командовавшего на казанской дороге, было подано в губернскую канцелярию „с двадцать челобитен". Этот комиссар очень обижал татарское население: он брал взятки и деньгами, и овощами, и баранами; он прямо облагал жителей денежным и натуральным оброком в свою пользу — „по 16 коп. с души и по овце с жительства в год". Но и этим он не ограничился и установил даже барщину на татар, числившихся государственными крестьянами: „наряжал их в свою партикулярную работу в летнее рабочее время без всякой платы". Так начальник казанской дороги установлял своей властью фактическое крепостное состояние для государственных крестьян разных деревень, находившихся в управляемом им районе. Дальше уже некуда было итти в произволе местной администрации, хотя, казалось, путь этого произвола был бесконечный; ибо, как татарин Кутла Тахтаров, один из главных челобитников, так и прочие „никакого удовольствия не получили". Это свидетельствовал правительственный ревизор, сообщивший верховной власти, что на двадцать челобитных „и поныне правосудного рассмотрения и решения, почти через восемь лет, не последовало, и бедные иноверцы яко безгласный народ не удовольствованы" [2]). Не трудно понять, каково было настроение этих „бедных иноверцев", терявших надежду дождаться от государственной власти удовлетворения по их жалобам на вопиющие злоупотребления ее агентов-чиновников, управлявших на местах. Невольно у этого „безгласного народа" навертывалась мысль, что, должно быть, царица-то мироволит только тем, кто поставлен над народом, что это — господская царица, а царь для народа сбыт ею и господами. Словом, невольно народная мысль ждала не ревизора наличного правительства, в котором она изверилась, а какого-то нового пришельца, который бы вступился за народ деятельно, так, чтобы крестьянское население было „удовольствовано". Такой пришлец в виде чисто-народного мужицкого царя вскоре и явился, заявив, что им „присмотрена на Руси многая неправда". И он решил „наказывать и смерти предать" судей-мздоимцев, „которые дела судят неправедно и разоряют народ".

Население татарских деревень бывшего Казанского ханства разорялось чиновниками; те же чиновники, не исключая и самых высших, налегали и на жителей городов и прежде всего — главного города Среднего Поволжья — Казани. Так, напр., та же свечинская ревизия выяснила, что казанский губернатор князь Тенишев не брезгал брать с татар чем попало, лишь бы предмет был ценный: „взял" он „во взятку", доносил Свечин, „пакал серебряный вызолоченный с крышкою — ценою в тридцать два рубля". Все это не располагало татар почитать предержащую власть и защищать ее, сколько сил хватит, от посягновения на нее новой власти. Остальное инородческое население считало себя по отношению к наличному петербургскому правительству не менее чужим, чем татарское население. То обстоятельство, что чуваши, черемисы, мордва в большинстве числились в православии, тогда как громадное большинство татар бы-

[1]) Арх. б. м. юст. Дело прав. сената, № частн. 936, общ. 3419.

[2]) Там же.

ло стойко в мусульманстве и не поддавалось никаким миссионерским приманкам и устрашениям, не играло большой роли, ибо настроение создавалось материальными условиями жизни, а в этом отношении все население одинаково „разорялось“ правящими классами и служителями государственной организации, включавшей в себя и так называемую церковь. Если русское население угнеталось, разорялось преимущественно помещиком, татарское — преимущественно чиновником, то православное инородческое угнеталось и разорялось попом, недурно разыгрывавшим роль и помещика и чиновника в официально-православном инородческом селе. Когда впоследствии П. со своей толпой проходил мордовскими и черемисскими деревнями, то, по свидетельству одного из пугачевских полковников, „жители более всего жаловались на духовных лиц за их поборы и пр.“. Но на громадных пространствах между Волгой и Уралом, кроме оседлых инородцев, в роде упомянутых и других, обитали кочевники: башкиры, киргизы, калмыки. Они тоже притеснялись, и в широкой степи, их стихии, им становилось тесно: сюда шла промышленная колонизация, отбиравшая у кочевников лучшие земли. Заводская колонизация шла в Приуральский край вооруженной, ибо главными предпринимателями выступали наиболее влиятельные люди из правящего класса, в роде Шуваловых, к которым присусеживались богатеи из купечества, в роде Твердышева; правительство встало на страже этой колонизации, и вполне понятен государственный флаг, который она выкинула, понятна и та линия „крепостей“, которая глубоко врезалась в земли кочевников и отгородила от них лучшие, отнятые у туземцев, степные и лесные места. Правда, „крепости“ не оправдывали своего громкого названия; они были немудры, представляя просто русские деревни, окруженные тыном, валом и рвом; это — невзрачные степные „крепостцы“, в роде сибирских острожков; но для отражения нападений кочевников достаточны были и такие заграждения с их небольшими гарнизонами, составленными из старых солдат и поставленными под начальство опытных боевых офицеров. Преимущество этих гарнизонов перед кочевниками заключалось, главным образом, в огнестрельном оружии и даже в пушках, которыми обладали первые и не обладали последние, действовавшие в массах по старинке, холодным оружием — меткой стрельбой из лука и кривой азиатской саблей. Сверх того, заводы, возникшие в Уфимско-Оренбургском крае, кроме государственной охраны, имели и свою собственную в виде особых заводских гарнизонов, вооруженных и орудиями. Таким образом, положение кочевников делалось безвыходным, отчаянным. Несмотря на это, самые энергичные и свободолюбивые из них — башкиры, пытались несколько раз в течение XVIII века отбиться от русского господства в своей стране, вытряхнуть из нее все заводы с пришлым, чужим населением и со всеми их охранителями, казенными и частными. Борьба была упорная, кровавая, с великим ожесточением с обеих сторон, при чем одна хотела отстоять свои исконные земли, а другая — внедрявшуюся здесь заводскую колонизацию и широкие, как эти неоглядные степные пространства, перспективы эксплоатации и наживы на новых, благодатных местах. Правительство, дворянство и купечество представляло эту вторую сторону; она действовала особенно беспощадно, подавляя башкирские восстания: предписывалось „оных противников на страх другим без всякой пощады предавать смерти, и жилища их разорять до основания“. И это исполнялось в широчайших размерах. Башкирский народ уменьшался количественно, но истребляемый, уродуемый (не только вырезывали людей, но и языки и уши у оставленных живыми, отрубали у них руки, вырывали ноздри), опозориваемый, долго оставался стоек и при первом случае поднимался вновь. Особенно серьезен и упорен был мятеж Батырши, с трудом подавленный елисаветинским правительством. Батырша, руководимый казанскими муллами, выкинул мусульманское знамя, но основной причиной движения была не религия, а экономика — потеря земли и

имущества, попавших в ненасытную пасть заводским колонизаторам, которые к тому же не пощадили и башкирских женщин. „Злой вор, заводский командир", жаловались башкиры Батырше, „племя наше покорил и разграбил, жен и детей наших перед нашими глазами блудил... Не стерпев таких мучительств, наши убили командира и бежали". После подавления мятежа башкирам, не желавшим мириться с этими „мучительствами", ничего не оставалось, как совсем оставить свои земли, захватываемые алчными пришельцами, и откочевать за Урал. Это и сделали, наконец, 50.000 башкир, в начале екатерининского царствования ушедших к киргизам, а перед самым пугачевским восстанием туда же, за Урал, ушло 169 тыс. калмыков. Трудно стало дышать в степи кочевникам, ибо торговый и зарождавшийся промышленный капитал делал здесь слишком быстрые завоевания и готовился совсем загнать кочевников в западню; видя и чувствуя надвигавшуюси кабалу, они, как и русские крестьяне, как и инородцы Поволжья в XVII стол., побежали, но побежали не в одиночку, а массами, сообразно с условиями своего кочевого быта. Однако, большая часть башкирского народа не покидала своих родных мест, а по прежнему таила в себе ненависть к насильникам и инстинктивно готовилась к новой борьбе за свою землю и свободу. Отсюда ясно, почему башкиры сразу поддержали предприятие П., обещавшего им то и другое, полное выселение русских из их страны; ясно, почему разбитый П. нашел в Башкирии себе приют, там окреп и вновь ринулся на достижение цели восстания.

Яицкие казаки определили цели восстания, ибо они выработали самую его программу. Прежде всего они, разумеется, хлопотали о самих себе, но они вместе с показным вождем восстания понимали, что оно может пойти успешно, если будут приняты во внимание интересы тех, кому трудно жилось в Российской империи, т.-е. интересы прежде всего крепостного крестьянства и инородческого населения, а потом и вообще всех угнетенных, к которым принадлежало все простонародье тогдашних городов. Собственно интересы яицких казаков сводились к их стремлению освободиться от экономической и военной опеки над Яиком петербургского правительства. Эта опека была выгодна незначительному меньшинству яицкого казачества, так наз. „старшинской стороне", казацким мироедам, умевшим ладить с петербургскими властями и очень хорошо наживаться на откупе рыбных промыслов. Благосостояние заставляло этих казаков мириться и с военной опекой, тянувшей казаков в „регулярство", но все это было невыгодно и претило большинству яицких казаков, „войсковой стороне", державшейся за обычное казацкое право и за прежние экономические и административные порядки на Яике. В классовой борьбе между этими двумя социальными группами яицкого казачества, благодаря союзу казацкой буржуазии с петербургским правительством, казацкая демократия была побеждена, жестоко наказана, раскассована, частью пустилась по старинке в бега, а казацкое самоуправление на Яике было уничтожено, будучи заменено управлением комендантской канцелярии. Тут даже и те яицкие казаки, которые раньше были достаточно пассивны, представляя в политическом смысле болото, сделались активны и готовы были при подходящем случае помериться с Петербургом, „тряхнуть Москвой", как говорили они, по старой разинской повадке именуя российскую державу „Москвой". Преследование в этой державе старой веры диктовало казацкой демократии, приверженной к расколу, и религиозную цель восстания, основной целью которого была экономическая и политическая автономия яицкого войска. Угнетенное положение остального народа приводило казацких заговорщиков к мысли обещать всем и каждому землю, всякие угодья, свободную от всяких податей и повинностей спокойную жизнь. И кто только на Руси не готов был откликнуться на такую агитацию! В нищей России все были готовы, кроме помещиков, богатых купцов и самого высшего и хорошо обеспеченного духовенства. Городским чернорабочим и ремесленни-

кам милы были эти обещания и призывы, но к ним оказались восприимчивы и многие другие элементы. Мелкий и даже средний торговец, особенно тот, который чтил „старую веру“, не прочь был принять ее защитника главным образом потому, что он избавлял не только от гонения на ее сторонников, но и от всяких пошлин на торговлю; церковники-попы, дьяконы и дьячки, недовольные своим тяжелым материальным положением, надеялись поправить его при помощи восстания; они и вообще не желали итти против новой власти, раз на местах она брала верх над старой, к каковому признанию иногда присоединялось или делало вид, что присоединяется, и черное духовенство, тоже неспособное итти против общего течения. Но главные массы, на которые рассчитывали организаторы восстания, это, 1) иноплеменники Волжско-Уральского края, угнетенные, опозоренные и разоренные заводской колонизацией; 2) заводские рабочие, изнемогающие под тяжким бременем заводской работы, битые на ней нещадно и сажаемые в кандалах в страшные заводские тюрьмы; 3) приписанные к заводам крестьяне, изнемогающие, сверх сказанного, уже на одних мучительных и продолжительных периодических переходах из своих деревень на заводы и обратно при 500—700 верстных расстояниях между теми и другими, и, наконец, 4) вся крепостная крестьянская масса, кровь и тело которой „пили и ели“ помещики, по собственному признанию одного из них в гневную минуту. В Волжско-Уральском крае положение крепостных было тяжелее, чем в центральных местах государства, ибо на далеком степном просторе, как свидетельствуют современники из помещичьей же братии, напр., сам смиренномудрый С. Т. Аксаков в своих известных воспоминаниях, барский произвол развертывался во всю ширь этого простора: здесь нередко секли крестьян так, что их приходилось после этой операции сейчас же завертывать в только-что содранные бараньи шкуры; значит, буквально сдирали с человека шкуру и, чтобы он не умер тотчас же, давали ему чужую, тоже содранную, хотя и не в наказание. Все эти люди и целые массы людей были доведены до „крайности“, особенно опять-таки помещичьи крестьяне, ибо „ведь нет дома“, сообщает сама помещичья царица,—„в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления“. Императрица была права. И „преступление“ началось: оно было классовым ответом на преступление другого, высшего правящего класса.

IV. Оренбургский период движения или восстание яицких казаков и кочевников. В толпах П. с самого начала и до конца находился всякий сброд—русские и не русские, казаки и не казаки, беглые преступники, крестьяне, чернорабочие и вообще всякая „чернь“, далее — церковники и даже в небольшом числе изменившие Екатерине офицеры, преимущественно выслужившиеся из солдат, значит — вновь испеченные дворяне (столбовых дворян были единицы) и проч., но в каждый из периодов, на которые распадается история движения, преобладающее значение имели не все перечисленные элементы, а только некоторые, коими и должен быть охарактеризован тот или другой период восстания. И мы увидим, что таких элементов, имевших действительно большое значение в мятеже, было не так много. Так, в первой толпе, с которой П. поднял знамя восстания, были, кроме яицких казаков, калмыки и татары, но в очень небольшом числе; сверх того, П., разослав своих эмиссаров по деревням к крестьянам, через одного из своих помощников, татарина Идорку, вошел в сношения с киргиз-кайсаками. Эти последние вскоре явились из-за Яика в пределы Оренбургской губернии и начали опустошать своими набегами ее южную часть.

Вообще в первый период начатого движения П. крепко надеялся на поддержку входивших в состав России восточных народов. В Башкирию был послан манифест на татарском языке. В этом манифесте П. об'являл себя

„великим государем, явившимся из тайного места, прощавшим народ и животных в винах, делателем благодеяний, сладчайшим, милостивым, мягкосердечным российским царем, императором Петром Федоровичем". Соответственно восточным вкусам здесь татарское перо украсило П. пышными эпитетами. Требуя от башкирского народа службы, „не щадя живота своего" и „душ своих", требуя готовности „к пролитию крови", послушания и преданности, П., в случае исполнения башкирами этих требований, обещал им все то, что они просят „от единого бога". Манифест оповещал: „Отныне жалую вас землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованием, свинцом, порохом и провиантом, словом всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу". Короче, П. возвращал Башкирию исконным ее владетелям, у которых она быстро экспроприировалась русской земледельческой и промышленной колонизацией. И все свои обещания скреплял извещением, что он, „истинный государь", „сам идет", и „приказывал" башкирам встречать его „с усердием и верностью" и „видеть" его „лицо". „Видеть лицо" „великого государя Петра Федоровича", который „из потерянных об'явился, своими ногами всю землю исходил", как сообщал П. в другом манифесте тому же башкирскому народу,— это предводитель начавшегося движения считал первейшим из'явлением верноподданничества. „Слушайте", вещал он в этом другом манифесте (переведенном с башкиро-татарского языка 15 декабря 1773 г.),— „Подлинно мы государь! Поверьте и знайте, идите ко мне встречу светлому лицу, не устрашитесь, от меня милости просите, которые от нас бегают, таковым милости не будет, кто желает ко мне идите". Ясно, что П. желал, чтобы его признали „истинным государем" Петром Федоровичем. Это не буффонство, не проявление казацкого юмора, а вполне серьезное предприятие, ибо П. чувствовал, каким могучим средством является имя „истинного государя", при том уже потерпевшего за „чернь", скитавшегося в трогающем народное сердце нищенском образе мужицкого царя, считавшегося погибшим и вдруг „из потерянных об'явившегося", идущего к народу и звавшего народ к себе, пред „светлое" лицо свое. А тут еще „милость" от этого царя следовала за милостью. Башкиры, из цитируемого сейчас манифеста, слышали: „Есть ли в тюрьмах содержатца и в боярских руках люди в сем месяце, не держать, отпускать: от меня приказ". Но милостивый царь выявлял себя и грозным для непослушных, как подобало „истинному государю", ибо навыки русского самодержавия были хорошо известны, к ним привыкло население, и действия новой народной власти неизбежно пошли по прежнему руслу. „Ежели силою содержать будут", продолжал народный „самодержец",—„кто повелел, таковым головы рубить и кровь проливать, всю семью разделить". Главное,— надо не сомневаться в истинности царя: тогда все получит народ, все, в частности, получат башкиры и все остальные народы России. „Не сумневайтесь", взывал П., „приидите в чувствие, много милости получите". И в том, что его обещания будут исполнены, он присягал народу: „божиею милостью", говорит он, „мы всемогущим богом присягаем. Кто моей присяге не верит, тот злодей". Не верящие—это „злодеи", его „неприятель"— „таковым милости не будет". Повелевалось: „им головы рубить и пажить (имущество) разделить". Башкирский народ поверил. Он едва переносил свою зависимость от российской державы и при подходящем случае готов был вновь восстать против нее. Выступление П. с его зажигательной агитацией и явилось таким случаем: оно вызвало приход значительных башкирских партий в стан П. Башкиры оказали весьма серьезную поддержку П. и его яицким сподвижникам.

После яицких казаков они с такими своими руководителями, как их старшина Еман Серай, Кинзя-Арсланов, Юлай, Салават, под Оренбургом представляли главную силу пугачевского

сборища. Особенно замечателен из этих башкирских вождей Салават, сын Юлая. Он был не только военным, но и духовным вождем своего народа. Это—интересная личность из татаро-башкирского мира. Он был поэтом и импровизатором своих песен. Он их пел, как степная птица, но он также был страстным борцом за свободу родной степной жизни, всех своих соотечественников он звал к упорной борьбе против екатерининского правительства. То, что давал П. Башкирии, заставляло Салавата крепко примкнуть к поднявшемуся движению за императора Петра Федоровича.

Когда вполне выяснилось, что П. допускает уничтожение русского владычества в Башкирии и обещает отдать всю Башкирию в исключительное владение башкирам с выводом отсюда всех русских поселенцев, то башкиры массами начали присоединяться к П.: он знал, какие струны башкирского сердца задеть, чтобы в конце-концов поднять всю Башкирию. Близкие к башкирам татары выделили из своей среды энергичных помощников для П. в его сношениях с турецко-татарскими народами Приуралья и вообще в деле организации восстания в первое время. Таков, напр., татарин Идорка, по инициативе которого его сыном, яицким казаком Болтаем, было написано агитационное письмо к киргиз-кайсацкому хану Нур-Али; таков татарин Муса-Алиев, командовавший каргалинскими татарами, таков татарин Абдул, командовавший сборным отрядом. Это—незаменимые помощники П.; не обратись он к ним, едва-ли бы он смог привлечь к мятежу кочевников в том количестве, в каком ему это удалось.

На казанской дороге одновременно с башкирами поднялись за П. и служилые татары, и черемисы, и дворцовые крестьяне. Все они, „согласясь“, как говорится в татарском письме старшины Турая Ишалина, „к милосердому государю склонились“ и высказали полную готовность за него стоять, „не пожалея сил своих, до последней крови капли“. Далее, согласившиеся народы Казанской губ., в том числе и русские дворцовые крестьяне, исспрашивали у „царского милосердия“ присылки войска и пушек. Они при этом сообщали и о своем „намерении“: 1) собрать от окольных жителей „для нынешней войны с каждого двора по одному казаку и со всеми ружьями“ и 2) в ближайшую „пятницу город Уфу разорять ехать“. Под письмом подписались башкирские и татарские старшины, а также один мулла; черемисский управитель вместо „руки“ приложил „тамгу“, это же сделал и старшина Турай Ишалин, от имени которого было послано письмо. Под письмом нет ни одного русского имени, что указывает, что это предприятие было татаро-башкирским.

Нужно отметить, что подпись муллы под письмом не единичный показатель участия мусульманского духовенства в пугач. движении. Деревенские муллы, пожалованные от П. „верой и законом“, близкие по своему социальному положению к угнетенному крестьянству, как и русские сельские попы, нередко выступали застрельщиками восстания. В документах они упоминаются в качестве „походных командиров“, „войсковых предводителей и атаманов“ и „переводчиков“ „Русско-Азиатской армии“ П., при чем обыкновенно последнюю должность они совмещали с первой.

Итак, мы видим, что в первый период движения гражданская „война“ велась преимущественно силами восточных народов, главным образом башкир. Это имело, как увидим дальше, и свои отрицательные последствия для русского населения, в том числе и крестьянского, признавшего П. своим „государем“. При всем том главные нити движения остались в руках яицких коноводов, принявших П. в качестве обретшегося „государя“; это—яицкие казаки: Чика-Зарубин, Максим Шигаев, Андрей Овчинников, Тимофей Падуров, Димитрий Почиталин, Лысов, Чумаков, Иван Творогов, Афанасий Перфильев и др. Некоторые из них, если не все, знали о самозванстве П., но тем не менее они его приняли как удобное орудие восстания, как средство поднять черную Русь, да и другие угнетенные народы, на похитительницу власти, барскую царицу, за об'явившегося законного царя, пожелав-

шего дать все тем, у кого все было отнято, царя угнетенных и обездоленных, который знал, „что вся чернь его радостно и везде примет, лишь только услышит". К числу ближайших помощников П. следует отнести также бывшего крестьянина, беглого, с вырванными ноздрями, каторжника Хлопушу, который умело агитировал на заводах и доставлял с них П. не только толпы поднявшихся рабочих, в том числе и „годных к употреблению—с лопатками, кирками и другими горными инструментами", но и пушки, ядра и порох, сработанные на заводах специально для пугачевской армии. Хлопуша же привел к П. вместе с заводскими рабочими и толпу башкир. Все это—черты, которыми характеризуется первый период восстания. Присутствие в стане П. заводских рабочих и беглых крестьян указывало, в каком направлении будет дальше развиваться мятеж, но присутствие означенных и иных элементов, напр. 500 черемисов, не изменило первоначального казацкого и татаро-башкирского характера пугачевщины. На первых порах восстание было именно таковым. Окрепло оно не сразу, но все-таки весьма быстро. Мы знаем, что 17 сентября, при первой встрече П. с правительственными войсками, у него было всего 140 человек казаков, татар и калмыков. Но уже 18 сентября под Яицким городком толпа его значительно увеличилась перебежавшими на его сторону казаками; впоследствии в помощь прибыли башкиры и затмили собой другие инородческие отряды. Встреченный под Яицким городком пушечными выстрелами, П. отошел от Яицкого городка, сказав своей толпе: „Что, други мои, вас терять напрасно; пойдем туда, где нас примут". Казаки посоветовали ему итти по линии „до Илецкой станицы". Толпа и двинулась в указанном направлении. По пути к Илецкому городку П. со встречных форпостов „забирал" с собою всех людей, „кого силою, а кого охотою"; забирал также пушки и снаряды. Получив „указ" от П., илецкие казаки приняли его, как „государя", с хлебом и солью. Самозванец прошел прямо в церковь и велел там „петь молебен и упоминать на ектиньях государя Петра Федоровича, а государыню исключить". При этом распространился о своих планах как относительно государыни, так и своей будущей политики по отношению к поддерживающему ее дворянству.

„Когда,— говорил он,— бог донесет меня в Петербург, то зашлю ее (Екатерину) в монастырь, пускай за грехи свои богу молится. А у бояр села и деревни отберу, а буду жаловать их деньгами. А которыми лишен престола, тех без всякой пощады перевешаю". Вспоминал он и о Павле Петровиче: „Сын мой человек еще молодой, так он меня и не знает",—сказал П. и заплакал; потом, подняв глаза на иконы, воскликнул: „Дай бог, чтоб я мог дойти до Петербурга и сына своего увидеть здорова"... Атаман Илецкого городка, по наговору его подчиненных, был повешен, дом его разграблен, а малолетний сын взят был самим П. вместе с атаманскими деньгами, жалованным ковшем и хорошим платьем. Увеличив свою казну тремя стами рублей, а толпу 300 илецкими казаками, П. через два дня, которые он провел в Илецком городке, двинулся дальше. Он теперь шел к „Рассыпной крепости", предварительно послав туда тоже „указ" с требованием присоединиться к нему и с обещанием пожаловать за это „вечной вольностью, реками, морями, всеми выгодами, жалованьем, провиантом, порохом, свинцом, чинами и честью".

В „Рассыпной" казаки тоже перешли на сторону П., и крепость была взята им без труда. Комендант Целовский с женой, поручик Талбаев и священник, очевидно, не поторопившийся выйти к самозванцу с крестом и иконами, были повешены. После этой крепости та же судьба постигла и „Нижнеозерную", где были казнены комендант ее, майор Харлов, и другие офицеры. В „Татищевой", куда П. подошел после занятия Нижнеозерной, к нему передался бывший депутат Большой екатерининской комиссии, казак Падуров с товарищами, и это обстоятельство содействовало взятию Татищевой, но под этой крепостью П. встретил сильное сопротивление, и первый при-

отуп его был отбит пушечной пальбой. Приказав зажечь стоги сена вокруг крепости, П. запалил и ее самое, защитники дрогнули, пугачевцы ворвались в крепость и „множество людей покололи". В Татищевой П. досталась богатая добыча: не только несколько пушек, но и „немалое число"—как сообщает Рычков, — „полковой, кабацких и соляных сборов, денежной казны, многое число военной амуниции, провианта, сала и вина". В числе добычи П. оказалась и вдова погибшего Харлова, отосланная им перед приходом П. в место более безопасное — в Татищевую, к ее родителям, и попавшая здесь в наложницы к самозванцу; родителей ее, комендант Елагин с женой, и бригадир Билов, не согласившийся на сражение с инсургентами в открытом поле, погибли во время резни в крепости. Взяв после Татищевой еще несколько крепостей, П. приступил к Оренбургу, главному административному центру этого степного казацкого края. Оренбург был окружен инсургентами, и пути к нему были пересечены. Положение получилось весьма затруднительное, тем более, что оренбургский губернатор генерал Рейнсдорп не озаботился во-время перевести из близ лежавших малых крепостей в губернский город с'естные и боевые припасы. Тем не менее, несмотря на целый ряд и других ошибок и медлительность этого администратора, общая линия борьбы с мятежом была выбрана им правильно: он решился обороняться, а не наступать. Недостаточность хороших военных сил и особенно их социальная ненадежность, вполне выяснившаяся во время успешного движения П. к Оренбургу, невольно заставили Рейнсдорпа, а с ним и остальную губернскую администрацию, возложить единственную надежду на стены и другие укрепления этого города. Действительно, конная пугачевская толпа, достигавшая к моменту первого подступа к Оренбургу всего 2.360 человек, с небольшим сравнительно количеством пушек (до 20), была бессильна против городской более значительной артиллерии, плохо ли, хорошо ли действовавшей из-за городских прикрытий. Началась осада Оренбурга П., задержавшая его здесь надолго. Вполне естественно было для яицких казаков и приуральских кочевников желать во что бы то ни стало покончить с Оренбургом, ибо в их глазах здесь было сосредоточено все то зло, от которого они страдали; сюда их таскали в тюрьмы; отсюда их ссылали в отдаленные места; отсюда шло на них всяческое угнетение и лишение свободы пользоваться дарами природы того края, который искони они считали своим, жить и управляться так, как они искони привыкли. Оренбург, словом, и для яицких казаков и для инородцев, нередко становившихся яицкими казаками, был синонимом насилия, и они его ожесточенно ненавидели, а потому хотели во что бы то ни стало взять. Несколько раз П. приступал к Оренбургу с этой целью (12 и 22 октября, 2 и 3 ноября), но удачи не имел. Тогда он, основавшись в 7 верстах от Оренбурга в слободе Берде, решил взять его измором; но и это не удалось, хотя, казалось, многое благоприятствовало ему, особенно в первое время. В самом деле, силы П. значительно увеличились приводом к нему Хлопушей башкир и заводских рабочих, а также благодаря тому, что к нему в Берду стекалось все недовольное и раздраженное.

Последнему содействовала и агитация, которую П. широко вел из Берды. В числе рассылаемых им агитаторов были башкиры, что еще более подчеркивает значение их в пугачевском стане. Башкиры очень хорошо поняли основной смысл предпринятой П. борьбы — истребление „господ". „Ежели кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, — говорил эмиссар-башкирец крестьянам,—тому дано будет жалование 100 р., а кто 10 дворянских домов разорит, тому 1000 р. и чин генеральский".

„Разорять помещичьи дома"—это лозунг, который был брошен яицкими казаками в крестьянские массы с самого начала движения. П. показал пример осуществления этого лозунга. Пируя под Оренбургом в барских хоромах губернаторской усадьбы, он приказал разгромить богатую обстановку дома и в пояснение этого распоряже-

ния сказал: „Вот как славно живут мои губернаторы; а на что им такие хоромы, когда я сам, как видите, живу просто". Это было понятно сопровождавшей П. толпе, классовая ненависть которой не выносила преимуществ господского быта и вдохновляла ее стремиться к их уничтожению. А отсюда—шаг к уничтожению и самого класса, обладавшего этими преимуществами—„благородного" дворянства. П. был лишь ярким выразителем этих, приглушаемых насилием барского государства, чувств и затаенных желаний.

В одном из своих „манифестов", сообщив во „всенародное известие", что жители по оренбургской и сибирской линиям, „всякого чина люди" признали его за „великого государя" и обязались быть его „рабами", П. далее с негодованием говорил: „Прочие же, а особливо дворяне, не хотят своих чинов, рангу и дворянства отстать, употребляя свои злодейства, да и крестьян своих возмущая к супротивлению, нашей короне не повинуются". Этого „великий государь", вождь „победоносной армии", не мог потерпеть, и его „супротивники" были жестоко наказаны: „града и жительства их выжжены", сообщал П., „а с оными противниками учинено по всей строгости монаршего нашего правосудия". П. миловал и назначал командирами только тех, кто переходил на его сторону и отличался в верности к нему „против прочих весьма отлично", хотя таковой был и из офицерства противной „злодейской" стороны.

Но был также П. выразителем чаяний и раскольничьего мира, а потому иногда не церемонился с православными храмами, опорными точками и еретического новшества в вероисповедании и государственного насилия над духовною жизнью народа. П. предоставлял раскольникам — бывшим в его войске, „кержакам" (с „Керженца"), полную возможность ограблять церкви, но те этим не ограничились, предавшись и поруганию ненавистной им государственной веры: в'езжали в храмы прямо на лошадях, стреляли в образа, в уста Христа, изображенного распятым, вбивали гвоздь, иконы, писанные на холсте, сдирали и превращали их в подседельники, или в лошадиные потники, находящиеся под седлами. В то время, когда повсюду в северно-западной части Оренбургской губ., где уже в конце ноября 1773 г. свирепствовал мятеж, производились эти и подобные действия, — Берда все более и более наполнялась приставшими к движению, и здесь—в промежутки между перестрелками с Оренбургом, между стрельбой в цель, скачками взапуски для развлечения и казнями попавших в руки пугачевцев их классовых врагов—шли попойки и развертывались широко половые излишества, словом, жили весело. То же самое происходило и под Уфой, в резиденции второго П., еще более, чем первый, решительного и сметливого—Чики-Зарубина, принявшего звание и имя гр. Чернышева, председателя военной коллегии. Распоряжаясь из села Чесноковки, куда для утехи этого самозванца и его товарищей свозились из окрестностей хорошенькие женщины и девушки, Чика-Зарубин начал приобретать господство в самом сердце Башкирии, но мятеж шагал уже дальше—в северный заводской район и в Западную Сибирь. Яицкие казаки и башкиры, в качестве царских полковников, рассыпались повсюду по обширному краю и действовали, не давая, как и Чика-Зарубин, никому отчета, самостоятельно, хотя и от имени Петра III.

Они, прежде всего, терроризировали не желавших „впредь быти в тихомирской отеческой воле". С таковыми приказывалось поступать „со всею строгостью": „Жилища их", говорил указ пугачевского старшины, „енарала" или полковника, „от имени самодержца всероссийского",—„как можно огню предать для лутчего страху". „Строгие" меры действовали. Уклонявшиеся раньше от „отеческой воли" Петра Федоровича каялись: на этот случай предписывалось „зажженное сократить". Руководителям движения не было чуждо сознание общегосударственных интересов. У них была и соответствующая организация для планомерных действий—„военная коллегия", которая и об'являла „указы" от имени Петра III за подписью пугачевских старшин. При этом старшины русского происхождения

становились на защиту русского населения против „башкирских и мещерякских команд", предводительствуемых своими старшинами. Эти „команды" не обращали внимания, покорились ли, или нет П. „русские жительства и помещичьи деревни", а прямо их грабили и разоряли, „движимое имение" между собой делили и многих при этом русских крестьян убивали. Они разгромили даже „казенную соляную пристань" близь г. Уфы. Все это не одобрялось военной коллегией П., и она, напр., в лице Ивана Творогова, дьяка Ивана Почиталина и секретаря Максима Горшкова, предпринимала „строгие" меры против повстанцев-погромщиков: тут уже защищались подданные Петра III и казенное имущество. Приказывалось: таковым „чинить смертную казнь", а „при соляной пристани" поставить „достойный караул". Даже „боярскую пажить", т.-е. имущество бежавших дворян, военная коллегия считала государственным достоянием, грозясь наказанием за разграбление его „преслушникам его величества". О таком дворянском имуществе предписывалось, описав его, „репортовать" в военную коллегию. Особенно военная коллегия, разумеется, берегла „казенный хлеб", необходимый для прокормления „армии его императорского величества". Если бы тут нашлись противники, то с ними повелевалось поступать, как „с нерачителями общего покоя и с нарушителями его императорского величества указа по законам неупустительного самотяжчайшего наказания". Если иногда, как мы знаем, сам П. в угоду раскольникам и допускал надругательства над православными храмами, то, с другой стороны, мы видим и их защиту военной коллегией от его же имени. В этом сказывался тоже государственный смысл пугачевского движения. Военная коллегия, обращаясь к „верноподданным его величества рабам", требовала, чтобы „башкирцы или мещеряки до российских церквей божьих обиды и грабежи как сам их начальник, так и его команды люди, т.-е. иноверческие, разорения никакого бы не оказывали". Отпадать от „веры христианского закона" военная коллегия тоже строго запрещала, обещая „за нарушения закону тягчайшее наказание". Один из казацких старшин, Иван Кузнецов, был даже командирован для улаживания конфликтов, возникавших между русскими и „азиатскими народами", а также для пресечения отпадений от „христианской веры", что в разосланном им увещевании называется „развратом". Здесь Кузнецов тоже отмечает, что „азиатские народы чинят не только противящимся без всякого увещевания, но и верноподданным делают притеснения и разные предобижении", но он уверяет так же русское население в том, что теперь они „присмирены". На принципе законности стоял и властный (правая рука П. в первый период движения) Чика-Зарубин, он же „граф Иван Чернышев", который приказывал своим подчиненным „никаких обид, налогов и разорений не чинить и ко взяткам не касаться", угрожая за такие поступки „неизбежной смертной казнью". Подобные распоряжения, „увещевания" и „наставления" как военной коллегии, так и отдельных пугачевских вождей, делали имя Петра III еще более популярным в массах русского крестьянства и заводских рабочих,—и восстание крепло, быстро раздвигая свои пределы.

Поэтому неудивительно, что генерал Кар, присланный петербургским правительством для подавления бунта и сначала надеявшийся на быстрый успех, боявшийся лишь того, чтобы П. как-нибудь не ушел от него, увидал на месте, что восстание серьезно, что военные силы, предоставленные ему, совсем недостаточны, и потерпел полную неудачу. Авангард отступавшего перед пугачевскими толпами Кара, именно отряд полковника Чернышева, введенного в заблуждение тайными сторонниками П., попал в плен к самозванцу невдалеке от Оренбурга, куда этот отряд намеревался проскользнуть; его начальник, 32 офицера и некоторые другие захваченные вместе с отрядом лица были повешены в Берде. Отряд, состоявший из нескольких сот гарнизонных солдат, сотни казаков и 500 калмыков при 15 пушках, тоже не сопротивлялся и, сдавшись, был зачислен в войска П.

Сопротивление оказали лишь офицеры, „собравшись в одну кучу“, по свидетельству самого П., и „стреляя из ружей“. Они за это и заплатили жизнью; лишь один из них спасся и пробрался в Оренбург.

Само собой понятно, что после такого успеха П. инсургенты приобрели еще более уверенности в себе и сделались еще более настойчивы в достижении своей ближайшей цели—взятия Оренбурга. Но это, однако, не удавалось, несмотря на то, что силы П. с $2^1/_2$ тыс. увеличились в 5 раз, если не более, колеблясь между 10.000 и 15.000 человек. Помехой этому явилось отчасти тоже обстоятельство, которое вредило и обороне Оренбурга, вообще делу борьбы правительства с восстанием. Рано, с октября, наступившая зима с ее частыми в степи буранами замедляла военные операции под Оренбургом; если при вылазках правительственная артиллерия тонула в глубоких снегах и должна была, в конце концов, поскорее ретироваться в город, то эти же снега мешали действиям и пугачевского конного войска. Правда, под Оренбургом из взятых в плен солдат П. формировал и пехоту, но эта часть его войска имела второстепенное значение; к тому же не менее страдала от сильной стужи, чем и остальные пугачевцы, большинство которых принуждено было жить в землянках. Сверх того, осада Оренбурга стала осложняться еще осадой Яицкой крепости, куда с января начал отлучаться П. Вместо концентрации сил и действия единым фронтом против ближайшей главной цели, получалось разделение сил и несколько фронтов (оренбургский, уфимский, яицкий), взаимно ослаблявших друг друга. Неудивительно, что в результате главная цель—взятие Оренбурга, — осталась недостигнутой, а вместе с тем пришлось спасовать и на других фронтах. Оренбург изнемогал от голода, вследствие осады и известной нам непредусмотрительности губернатора, но этот город также показал, что его нельзя ставить в ряд со взятыми П. крепостями-деревнями: это был именно город, имевший за своими стенами регулярное, хорошо вооруженное артиллерией войско и достаточно такого населения, которому было что терять, населения служилого и торгово-промышленного, которому ненавистны были уравнительные лозунги П. Классовым характером Оренбурга в значительной мере об'ясняется его стойкость в отсиживании от самозванца и его разношерстной „армии“. И Оренбург отсиделся. П. целую зиму и часть весны потерял даром. Задержка под Оренбургом и под Яиком оказалась крупной и непоправимой стратегической и тактической ошибкой, благодаря которой организаторы восстания сами как бы локализировали начатую ими революцию, сразу превращали ее в чисто местное движение, именно в оренбургские „беспорядки“, каковыми стремились представить все дело восстания иностранным правительствам сама Екатерина и ее агенты. Но, по существу, а не по видимости, это дело было очень серьезным общим движением, и петерб. правительство, как нельзя лучше, воспользовалось оренбургско-яицким промедлением П. В этот сравнительно продолжительный период преимущественно бердинского сиденья петербургское правительство успело оправиться и собрать надлежащие силы для продолжения борьбы с восстанием, поставив их под главное руководство человека, испытанного в исполнении прежних поручений более или менее деликатного свойства. Это был А. И. Бибиков, недавний председатель комиссии для составления проекта нового уложения, в начале царств. Екатерины успешно закончивший усмирение заводских крестьян в Приуралье. Он и теперь быстро наладил дело борьбы с бунтом. Неудачи пугачевцев начались как раз в заводском районе — Кунгуре и Екатеринбурге, где движение только что начиналось и еще далеко не окрепло. Там командовал тоже один из энергичнейших военноначальников самозванца—беглый солдат Белобородов. Теснимый правительственными отрядами, он бежал из того края, чтобы соединиться с П. А тот в то время сам попал в крайне затруднительное положение. 25 марта он потерпел страшное поражение от кн. Голицина под Татищевой, где самозванец засел,

явившись из Берды, приблизительно с 8.000 пехоты и конницы и где он был стиснут правительственными войсками. Перебито инсургентов было множество, 3.000 человек „разного сброда“ и 290 яицких казаков попало в плен. Сам П. едва спасся, ускакав с четырьмя казаками в Берду. Здесь он собрал оставшиеся у него силы и оставил навсегда оренбургскую свою резиденцию—Бердскую слободу. Правда, он посылал еще раз туда своего сподвижника Ивана Творогова—захватить там провиант, в котором повстанцы, метаясь между Сакмарским городком и Каргалой, начали нуждаться, но сам уже более никогда не видал бывшей своей столицы. Под Каргалой, где у П. было до 3.000 человек, он был разбит на голову, и у него осталось не более 500 человек, из коих по сотне приходилось на казаков и заводских мужиков, а до 300 человек на башкир и татар; с этими остатками, имея около себя 4 лошадей для смены, П. бежал, „не кормя, во всю прыть до Тимашевой слободы“, а отсюда поскакал в Тагил, где ночевал. В Тагиле было небезопасно, ибо мятеж, перешагнувший за Урал, в Сибирь, подавлялся и в этих местах; поэтому П. из Тагила ударился в Башкирию, где на некоторое время и скрылся. Одновременно с ликвидацией Берды была ликвидирована и Чесноковка; Чика-Зарубин был разгромлен, бежал в Табынск, но самозванному гр. Чернышеву посчастливилось менее, чем самозванному Петру III: здесь Чика-Зарубин был схвачен. При двух ликвидациях—оренбургского и уфимского фронтов восстания, П. лишился почти всех главнейших своих помощников и руководителей: кроме Чика-Зарубина, в плен попали Максим Шигаев, Иван Почиталин (секретарь П.), Тимофей Падуров. Тяжкие неудачи постигли инсургентов в Западной Сибири. Казалось, мятеж был подавлен окончательно. Тем более можно было так думать, что и Яицкая крепость вскоре, меньше чем через месяц после ликвидации оренбургского и уфимского фронтов, была освобождена от осады генерал-майором Мансуровым (16 апреля), при чем один из руковод. последней, казак Дехтерев, был взят в плен, а двое других пугачевских вождей—казаки Овчинников и Перфильев, как раньше их названный „царь“, бежали в Башкирскую степь. Этому успеху правительственных войск не помешала даже смерть Бибикова (9 апреля): дело планомерной борьбы с „бунтом“ было уже налажено и шло как бы само собой к окончательной развязке. Но так только казалось. На самом деле, наиболее опасное для правительства Екатерины и для всего правящего класса было еще впереди. Это было затишье перед новой бурей, еще более сильной. Действительно, в Башкирии П. оправился. Башкиры оказали ему существенную поддержку.

V. *Прикамский период восстания, или заводская революция.* Организовать новое восстание башкир много помог П. сметливый и умелый Белобородов, приобретший „доверие“ самозванца „своей трезвостью, кротким нравом“. Отброшенный от Екатеринбурга, он быстро собрал новую толпу и в разные места, особенно в кунгурский уезд, разослал с эмиссарами несколько башкирских старшин и мещеряка Бихтинара Каныкаева для вербовки новых защитников самозванцу; всем таковым было велено тотчас же итти к нему, Белобородову, на Соткинский завод, „ибо“, говорилось в белобородовском приказе, „и батюшка наш, великий государь Петр Федорович изволит следовать в здешние края“. „Батюшка“ и сам приказал башкирам выступить в поход по одному человеку с дома, а если в доме 3 человека, то двум. Башкиры поднялись. Они опять начали с грабежа русских селений и заводов. Екатерининские власти увещевали башкир и угрожали им жестокими наказаниями, даже посылали к ним башкирца с отрезанным носом, ушами и пальцами на правой руке—„для воздержания товарищей“, но „товарищи“-башкиры не думали о том, чтобы покориться, и новым своим движением дали опору для снова предпринятой самозванцем открытой борьбы.

Белобородов соединился с П. в Магнитной, куда прибыли к нему также Овчинников и Перфильев с яицкими казаками, как известно бежавшие из-под Яика в Башкирию. Но кроме башкирско-

го народа и его уцелевших сообщников, П. мог рассчитывать на заводских рабочих и на крестьянское население, приписанное для работ к заводам. П. и появился на Белореческом заводе, как бы вынырнув из степного моря. Отсюда он бросился по верхне-яицкой линии и взял Магнитную крепость. Потом он потерпел снова несколько поражений от правительственных войск, особенно от Михельсона, но снова оправлялся, ибо его казацко-башкирская толпа не только не потеряла своего прежнего свойства—увеличиваться по мере своего движения,— но обнаруживала его еще в большей степени, чем раньше. Как и сообщал башкирам Белобородов, П. действительно явился в здешний заводский прикамский край, и в его толпу начали вливаться широкими волнами не только башкиры, но и заводские рабочие и ближайшие из приписанных к заводам крестьяне. Заводские рабочие, уже раньше вступавшие в движение, теперь восстали все поголовно, и эта заводская революция существенно подкрепила казацко-башкирскую революцию. Приставал к пугачевской толпе попрежнему всякий „сброд“: разные инородцы — татары, вотяки, также беглые помещичьи крестьяне, беглые преступники и т. д.; но главной силой, которая существенно теперь подкрепляет казацко-башкирское восстание, становятся заводские рабочие и крестьяне.

Однако, были и такие крестьяне, которые, как свидетельствует один из пугачевских документов, „не преклонялись к повиновению имени его императорскому величеству“; напротив, „завсегда имели в себе помысл злоумышленный“, по сообщению цитируемого документа. Соединившись с большим вооруженным отрядом посадских людей г. Кунгура, крестьяне „сел Тазовского, Спасского и Вознесенского, Покровского острожков“, тоже вооруженные, напали на крестьян, „приклонившихся“ к П., в том числе и на тех, которые были записаны в казаки пугачевской армии, очень многих из них перебили, всех ограбили и „тем привели крестьян и казаков во всекрайнее разорение и нищету“. Крестьяне-пугачевцы так были терроризированы контр-революционной посадско-крестьянской бандой, что многие из них разбежались и „обретались под скрытием“. Этот эпизод, несомненно, указывает на то, что крестьянство, вообще шедшее во время пугачевщины одним фронтом, все-таки и в ту пору выделяло из своей обширной среды и такие элементы, которым было выгоднее оставаться на стороне „матушки императрицы“ и наличного социального строя; это, по всей вероятности, были кулацкие слои деревни, близкие по своему экономическому состоянию к буржуазии уездных городков. Эти слои оружием противились „воле“ „его императорского величества“, возбуждая, таким образом, гражданскую войну в общественных низах. Не таковы были заводские рабочие. Гнет на заводах был тяжек рабочим. И этот невыносимый заводский гнет, как и в Башкирии, сделал свое дело: вызвал единодушный взрыв рабочего люда, готового на все, лишь бы освободиться от прежних хозяев, будь они частные предприниматели или екатерининские чиновники. Заводская кабала душила. Переходя на сторону новой, хотя бы и царской (это было все равно), но освобождающей власти (это было главное), рабочие захватывали конторские книги, стаскивали их в кучу и зажигали, ликуя и крича в радостном экстазе вольных в этот захватывающий момент людей: „Горите наши долги!“ Начинался буйный разгул, хотя новое начальство, в интересах боевой годности поднимавшихся, принимало свои меры против поголовного пьянства. Так, пугачевский полковник Белобородов однажды приказал выпустить вино из бочек, но это не остановило пьянства: „народ“, сообщает другой пугачевский полковник (Верхоланцев), „бросился на образовавшиеся лужи и с жадностью пил из грязных луж; пьяные бушевали по улицам“.

В горно-заводском районе главным начальником инсургентских сил был только-что упомянутый Белобородов, бывший простой солдат, но теперь „господин атаман и походный полковник“ „его императорского величества“, один из энергичнейших и талантливейших сподвижников П. Он был строг,

хорошо понимая значение военной дисциплины и высшего авторитета в глазах населения того лица, от имени которого он руководил движением в Камско-Уральском крае. Об этом, м. пр., свидетельствует „наставление", данное им подчиненным ему начальникам более мелких отрядов „Русско-азиатской" армии, сотникам: русскому—Семену Варенцову, башкирскому—Егафару Азбаеву, черемисскому—Оске Оскину; здесь Белобородов накрепко подтверждал (31-го января 1774 года) „содержать" им „во всякой строгости и послушании" находящуюся в их „сотнях русскую и татарскую команду" и „наблюдать" в ней „за единодушным к службе его императорского величества усердием". За провинности казаков „в самовольствах, озорничествах и непослушаниях" было велено их „наказывать без всякой пощады плетьми: русских—„при собрании русской и татарской команд, татар — потому же при собрании татарской и русской команд". В этом „наставлении" беглый солдат из армии Екатерины II, превратившийся в пугачевского атамана, проявил замечательное государственное чутье, рассматривая русских и татар равными перед законом и распоряжениями новоявленного народного носителя верховной власти. То же чутье, как мы видели, проявляли и другие пугачевские начальники. В горно-заводском районе это особенно было у места, ибо от грабительств команд здесь страдали интересы заводских рабочих. Так, например, башкирец Семен Илишев во время своего наезда с большой толпой соплеменников на Рождественский завод забрал с него „всю господскую казну без остатку", а это были деньги, привезенные сюда с другого завода того же хозяина (Демидова) для раздачи их, в качестве заработной платы, рабочим. Рабочие оказались тем более в безвыходном положении, что завод Семеном Илишевым был закрыт, а заводские рабочие кормились исключительно от заводской работы, ибо они были „люди беспахотные": „пропитание получить", жаловались они,—„не знаем откуда, а разойтись с заводу для сыску себе пропитания никуда не смеем". Далее выяснилось, что башкирская партия, с Семеном Илишевым во главе, из взятых с завода денег—2.017 р. 50 к.—разделила между собой лишь 597 р. 50 к., а остальные полторы тысячи рублей представила по начальству, но главный начальник пугачевцев и этого района — атаман Чика-Зарубин, или граф Иван Чернышев, приказал разделенную между башкирцами сумму с них взыскать и раздать ее рабочим в счет следуемой им заработной платы. Полторы же тысячи рублей Чика принял, но в заработную плату не обратил. Однако, и рабочих решил удовольствовать, определив, вместо принятых от башкирцев денег, отдать рабочим ту же сумму (1.500 р.) „из вырученных за соль и ис прочих питейных доходов" (14-го февраля 1774 г.). Не только среди высших пугачевцев, но и в массах замечается понимание момента и известная выдержка, свидетельствующая о том же государственном инстинкте, жившем во всем многомиллионном крестьянстве, мысль и чувство которого собственно и выражали главари движения. Так, приписанные крестьяне Авзяно-Петровских заводов, освобожденные П. от заводской барщины, признали его „Петром III императором" и, согласясь между собой „ехать в свои отечества", т.-е. домой, в свои деревни, в силу повеления „его величества", решили совершить эту поездку организованно — выбрали из своей среды большака „для провождения" своей партии и составили в этом смысле постановление за подписями представителей всех тех деревень и сел, из которых происходили приписанные к Авзяно-Петровским заводам крестьяне; их общий представитель Степан Понкин, выбранный ими, должен был наблюдать, чтобы „партия" его дорогою до „своих жительств" „не чинила" „никаких обид" и „налогов" в проезжаемых ею селениях. Таких „подданных" Петра III, хотя бы они были крестьянами XVIII века, нельзя трактовать очень свысока, как якобы не владеющих толком и членораздельною речью: они хорошо поняли и оценили создавшееся положение и умели весьма толково выражать словесно это понимание и эту оценку. Но, конечно, народные массы,

веками терпевшие от помещиков и чиновников, не могли делать революцию, похожую на парад. Восстание их никогда и нигде не отличалось мягкостью. Так было и во время пугачевского движения, которое не делалось скромнее от неудач. Во второй его период замечается даже большая ожесточенность восставших, чем в первый период мятежа. Нередко бывало, что рабочее население заводов, действуя рука об руку с башкирами, не признавало ни частной, ни государственной собственности. П. сам, встречая сопротивление, озлоблялся все более и более и тоже был беспощаден, когда добивался своего. Так, от г. Осы он сначала был „отражен" (18 июня); 20 июня он повторил приступ, и на другой день город сдался самозванцу, который в него „вошел, все, что надобно, набрал", показывал он впоследствии, „и пошел опять в стан, а Осу сжег". Вскоре после этого были заняты П. заводы Воткинский и Ижевский: они тоже не только были разгромлены, но и сожжены. Опустошено было на том же берегу Камы и еще несколько заводов. В результате всех своих успехов П. приобрел господство на обоих берегах Камы. У него было до 7 тысяч человек войска при двенадцати пушках, и его власть распространялась на обширный район. В Сибирской губернии опять начались волнения, и киргизская баранта опять стала вредить пограничным местам этой губернии. Но сам П. тянулся теперь не на восток, а на запад. В Ижевском заводе он об'явил поход на Казань.

VI. *Взятие Казани и начало крестьянской революции.* Когда П. беспрепятственно подошел к этой столице бывшего Казанского ханства, то прежде всего он послал казанскому губернатору указ, „чтобы без баталии сдался", как впоследствии показывал сам П. на допросе. Но „указ", или манифест, в дворянской Казани успеха не имел. Овчинников, возивший в Казань „манифест", по быстром возвращении оттуда, заявил, что „манифеста" „не слушают, а только бранят". Пришлось вступить здесь в „баталию", да не одну. К моменту прихода к Казани войско П. значительно увеличилось, так что самозванец разделил его на 4 части. Город плохо был подготовлен к защите, и взять его не составило большой трудности. Инсургенты ворвались в него с 2 сторон—через Арское поле, под прикрытием возов с сеном, и через Суконную слободу, где лично предводительствовал сам П. Некоторое сопротивление было оказано лишь у Арского поля гимназическим отрядом, который не выдержал стремительного натиска пугачевцев; за ним без боя отступил и солдатский отряд в 300 человек, под начальством родственника фаворита—П. С. Потемкина. Через Суконную же П. вторгся в город беспрепятственно. Казань, зажженная в 10—12 местах, сразу запылала. Начались всевозможные эксцессы победителей, как это всегда бывает при народных бунтах. „Многочисленная чернь", говорит современник, „составлявшая его (П.) шайку, вдалась в пьянство и грабеж". Полилась кровь. Не было никому пощады из классовых врагов победившей „черни". „Везде слышим вопль, рыдания и стон; страшные слова „коли его" часто повторяемы были",—под свежим впечатлением пережитых ужасов писал один современник. „Чернь" расходилась. Рассказывали, что „перед взорами жителей кидали в огонь младенцев, женщин насиловали нередко на смерть", с сокрушением сообщалось потом об умерщвлении даже „тех, кто искал спасения у самого алтаря". Казанский купец П. А. Сухоруков, во время пугачевщины 15-летний мальчик, бывший очевидцем казанского разгрома, впоследствии рассказывал, что „священники Грузинской церкви ходили в одной рубахе и босиком, чтобы казаки их не узнали": иначе они были бы умерщвлены. Тюрьма была разбита, и большинство арестантов, которых не успела заколоть стража (что было приказано П. С. Потемкиным), вышло на свободу. Арестанты, разумеется, тоже показали себя. В дыму и пламени пожара, при грохоте пальбы и завывании поднявшейся бури, озверевшие от вина и жажды мщения, неутоляемой вином, люди совершали, с гиканьем и визгом, выдающиеся по своей жестоко-

сти „дела“. И это продолжалось в течение целого дня и „до глубокой ночи“. В числе многих погибших из высших классов был современник Петра I, стодесятилетний старец генерал-майор Кудрявцев; он сидел в кресле в храме Покровского девичьего монастыря; когда пугачевцы ворвались туда, он поднялся и закричал на них: „Как можете вы, изменники, дерзать против своей государыни, осквернять и расхищать храм божий?“ Разумеется, он был тотчас же убит. Казань выгорела почти вся, уцелели только Суконная и Татарская слободы, да и то не вполне. Всего сожжено и разграблено оказалось 2.063 дома (уцелело 810 домов). „Унимать пожар“, поясняет современник, „было некому: народ весь выгнан был пугачевскими в поле, между селениями Савиновым и Царицыным“. Но сами „пугачевские“ пока не пошли так далеко; они ночью расположились поближе, на другом поле—на Арском. Сюда, на „поле“, было вывезено 15 бочек вина,—и начался пир. „Самозванец“, говорит бывший пугачевский полковник Верхоланцев, „любил угощать дружину после всякой победы“. Но победа была в данном случае не полная. Целый день П. обстреливал казанский кремль, где заперлись неудачливые защитники города, но кремль устоял. Тем не менее всю ночь продолжался разгул пугачевской толпы, разбившейся на несколько шаек, при чем самозванец „сам раз'езжал по стану“. Стан же его по взятии и разорении Казани находился на Арском поле; сюда были пригнаны все захваченные в плен и здесь поставлены на колени перед пушками. Но здесь же П., сидя в кресле, принимал татарскую делегацию, поднесшую ему подарки и через то, может быть, спасшую Татарскую слободу от грабежа и сожжения. „Народ“, поставленный на колени, был прощен, кричал ура, и многие из той толпы из'явили желание служить „великому государю Петру Федоровичу“, видя, как хорошо он угощает своих вином. Однако, похмелье торжествовавших победителей оказалось тяжелым. На утро после бурно проведенной инсургентами ночи под Казанью появился Михельсон с небольшим, но уже испытанным в бою конным отрядом в 800 человек. У П. было не менее 12.000 чел., но в громадном большинстве это была плохо вооруженная, совершенно иррегулярная толпа; лишь казацкая часть пугачевской армии да артиллерия, находившаяся в распоряжении опытных старых солдат и заводских рабочих, могли постоять за себя. Эти части и не ударили в грязь лицом при первом же столкновении с отрядом Михельсона у села Царицына, куда вышел П. из Казани встретить незванного гостя. „Злодеи меня“,—сообщал этот последний после боя в своем рапорте от 13 июля (1774), — „и с великим криком и с такою пушечною и ружейною стрельбою картечами встретили, какой я, будучи против разных неприятелей, редко видывал и от сих варваров не ожидал“. Несмотря на это, П. был разбит, потеряв до 800 чел. убитыми и 737 попавшими в плен. Он отступил к самой Казани, на Арское поле, где произошла вторая „баталия; П. был разбит снова, но опять-таки не счел еще своего дела проигранным; ибо он быстро собирал вокруг себя новые толпы, или, как говорит современник, „скоплялся“. К нему сбегались крестьяне из окрестных селений. В Казанской губ., в которой, как нам известно, и государственным крестьянам жилось плохо (русским и инородцам), П. врезался в густые массы крепостного крестьянства, и оно стало сейчас же прилипать к нему, как к своему социальному магниту. После второго поражения под Казанью П., удалившись за село „Сухую Реку“, быстро, верстах в 15—20 от Казани, собрал около себя новую толпу в 15.000 чел., а, может-быть, и более. 15 июля он померялся с Михельсоном под Казанью в третий раз, но был разбит наголову. До 2.000 человек из его войска (преимущественно башкиры и татары) было убито, и толпа его была окончательно рассеяна, и П. бежал с поля битвы лишь с 400 челов. (главным образом казаков). Опасались, что он перейдет на правый берег Волги, а он как-раз это и сделал, 17 июля переправившись немного пониже Сун-

дыря. В Сундыре П. не был принят, за что это село было им сожжено.

VII. *Поволжский период восстания или крестьянская революция, жакерия.* Но зато дальше, на правом берегу Волги, его ждало всеобщее признание. Этого-то и боялись екатерининские власти, ибо видели воочию, что здесь есть почва для признания миром крестьянства, особенно крепостного, и миром поволжского инородческого населения, тоже земледельческого, крестьянского. П. и его сообщники тоже это хорошо понимали. Переправившись через Волгу, пугачевская партия разделилась на две части: одна с П. во главе пошла на Чебоксары, а другая—по чувашским деревням и помещичьим усадьбам. Отдельные агитаторы быстро рассеялись по Казанской и Нижегородской губерниям и всюду, где появлялись, поднимали крестьянское население именем батюшки-царя Петра Федоровича. Вместе с русскими крестьянами восстали и инородцы—чуваши, черемисы и мордва, раздраженные злоупотреблениями чиновничьей администрации, „неправедными судьями", миссионерами и попами. Громадное агитационное влияние на крестьянские массы оказал „манифест", с которым П. обратился к крестьянству по переходе на правый берег Волги. „Жалуем", — об'являл самозванный Петр Федорович во „всенародное известие", „жалуем сим именным указом, с монаршим и отеческим нашим милосердием, всем находящимся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственно нашей короны и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободою, вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, во владение землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами без покупки и без оброку и освобождаем от всех прежде чинимых—от злодеев-дворян, градских мздоимцев и судей—крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощениев". Эти пожалования, при всей их кажущейся логической несообразности, вполне соответствовали экономической и бытовой жизни крестьянства и всего простого народа в России. В самом деле, с одной стороны—предлагалось остаться „рабами" короны, а с другой—давалась вечное казацкое, т.-е. вольное состояние: это—очевидное противоречие, очевидная логическая несообразность; но те общественные классы, к которым обращались с такими „пожалованиями"—быть рабами и вольными в одно и то же время—находили это вполне естественным и совместимым. Находясь еще в стадии натурального хозяйства, они не могли себе представить такого общественного устройства, при котором не было бы совсем хозяина, и, таким образом, они ничего не имели против хозяйского властительства короны, „царя-батюшки", тем более такого доброго, который об'являл освобождение от „всех податей и повинностей и даром наделял всеми землями и угодьями, столь нужными крестьянину и всему народу; с таким добрым, но далеким, одним барином и с рабством по отношению к нему можно помириться, лишь бы не было многих господ, близких к крестьянину и требовательных, а от них-то и освобождалось крестьянство, равно как и от всех мздоимцев и судей, становясь вольным,—казачеством; за такую же волю с радостью принималось „рабство" по отношению к царю, к единому барину, обещавшему не брать ничего ни с крестьянства и ни с кого, кроме дворянства, у которого отнималось все, не исключая и жизни. Последнее было ответом на вопрос, что делать с помещиками в мужицком царстве „вольных рабов" батюшки Петра Федоровича. И этот ответ, данный самим вольным казаком, вызвавшимся быть мужицким царем, гласил: истребить. „А как ныне имя наше властно всевышней десницы в России процветает", об'являлось далее в „манифесте", „того ради повелеваем сим нашим именным указом: кто из дворян в своих поместьях и вотчинах (находится), оных противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христи-

анства, чинили со своими крестьянами, по истреблении которых противников и злодеев-дворян всякий может восчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до века и продолжаться будут". „Манифест" и этой своей частью отвечал самым заветным стремлениям и чувствам крепостного крестьянства, возросшим и воспитавшимся на почве того социально-политического положения, которое падало на долю крестьян как результат общей экономической эволюции страны. Как „повелевал" манифест П., крестьяне и раньше сами так поступали—массами в Смутное время, так поступали во время разиновщины, то там, то сям, во все времена не будучи в состоянии выносить гнета владевшего землей и народным трудом класса—чтобы избавиться от него, от этого кровопийственного класса „злодеев", как и крестьяне в злую минуту называли помещиков; это—стародавняя мечта крестьянства. „Покойная жизнь" могла наступить, по крестьянскому мировоззрению, лишь после этого. Так „манифест" П. лишь подвел итог материальным и духовным явлениям в сфере взаимных отношений крестьянства и дворянства в затянувшуюся крепостную эпоху. Не мудрено, что он имел громадный успех: он ярко выразил наличное настроение самого крестьянства. Началось то, что дворянский поэт Державин называл „прекровожаждущим рыском" крестьян. Последние сделались первыми. Крестьяне решили, что пришло их царство: „Настает наше время",—говорили они,—„и бояться нам нечего". Они и не боялись ничего. Боялись дворяне. Эти испугались страшно и, видя, что идет гибель от пылавшего гневом и местью восставшего на них крестьянства, ударились бежать. Бежали в города, в Москву, куда из охваченного бунтом края с'ехалось немало дворян. Многие, застигнутые врасплох, бежали в леса, как бы сменив там прежних беглецов—крестьян, спасавшихся от барского гнева и мести. Но в лесах помещиков нередко настигали крестьяне и умерщвляли; бывало и так, что местопребывание убежавших в лес указывал кто-либо из дворни, считавшийся верным слугой, а потом об'явившийся еще более жестоким по отношению к своему господину, чем те, которые его захватили. Так, напр., это случилось при побеге в лес помещика Мертва́го с семейством. Когда этот помещик был захвачен пугачевцами, то крестьяне его деревни дали о нем хороший отзыв и просили помилованья, но дворовый, раньше выдавший семью Мертва́го, „стал бить его плетью"; это было сигналом: пугачевцы схватили несчастного и повесили, а потом, постреляв в него, бросили в реку, в тину. Тот же дворовый, который был причиной гибели Мертва́го, при задержании ударил жену и дочь его дубиной по голове. Не со всеми кончали на месте: многих, в надежде за каждого пойманного помещика получить от новой власти деньги—10 рублей, везли в город, даже к самому П., если он был поблизости. И сам П. и его полковники большею частью не знали пощады, и дворяне гибли целыми массами. Но и крестьяне, щадя иногда добрых господ, вообще-то не сантиментальничали, а часто в жестокости против своих низверженных „господ" превосходили даже самого П. и его казацких старшин. Крестьяне при этом все более и более проникались убеждением, что „злодей"-помещик уже более не вернется. Когда отрок-сын погибшего Мертва́го обещал наградить одного крестьянина, если опять все переменится и „будет по-прежнему", то получил на это „грозный" ответ: „Врешь", закричал крестьянин,—„этому не бывать; прошла уже ваша пора".

И крестьянство в целом сознательно шло на совершенное истребление помещичьего класса, не щадя никого, ни женщин, ни детей, ни даже грудных младенцев. Список убитых дворян во время пугачевщины, как сам народ прозвал эпоху „крестьянского прекровожаждущего рыска" на дворян, напечатанный Пушкиным, занимает несколько десятков страниц, но он не полон. Самые усадьбы, разумеется, разгромлялись, имущество разделялось между участниками разгрома, при чем делилось положительно все, что попадало под руку — даже обивка мебели и обои. Как и во вре-

мена разиновщины, вступил в свои права первобытный коммунизм распределения, прекрасно уживавшийся с полной анархией потребления. Словом, сильно и глубоко всколыхнулось крестьянское царство. Казанская и Нижегородская губернии сразу запылали мятежом, и ясно было, что пожар будет перекидываться всюду, где появятся пугачевские партии, почти безразлично с самим П. или без него. Слышно было, что и в столицах „чернь", особенно в Москве, волнуется и в нетерпеливом напряжении ждет „освободителя" батюшку Петра Федоровича, как когда-то ждала батюшку Степана Тимофеевича. Немногие оставшиеся в живых и на свободе сообщники П., яицкие казаки, понимая всю социальную обстановку восстания, звали своего показного главу в поход на Москву; это был смелый план, но при общем сочувствии простого народа предприятию П., к которому, как к Петру III, тянулось и духовенство и даже купцы, тоже классовые недоброжелатели дворянства,— осуществление этого плана могло увенчаться успехом: Екатерина считала это возможным, и сама некоторое время спала не раздеваясь, готовая бежать за границу с драгоценностями, разложенными по карманам. Но П. не воспользовался предложенным товарищами планом.

Почему? Этот вопрос не безынтересен, но едва ли он может быть разрешен с полной точностью. Одно несомненно: целый ряд обстоятельств отклонил П. от московского пути. Потерпев решительное поражение от регулярного войска под Казанью, П. боялся помериться с ним под Москвой, куда регулярная армия должна была подойти, так как война с турками закончилась; даже если бы П. и занял Москву, он мог бы очутиться в ней, как в мышеловке. С другой стороны, собственное войско П. было уже не прежней русско-азиатской армией: яицких казаков, главного ядра пугачевского войска, в нем было мало, и совсем не было воодушевленных ненавистью к русскому владычеству татаро-башкирских конных ополчений, привыкших владеть оружием, хотя бы и холодным. Во всяком случае, отряды, сформированные на правом берегу Волги из русских крестьян, много уступали прежней русско-азиатской армии, в которую входил и такой энергичный и во многих отношениях пригодный к борьбе элемент, как заводские рабочие.

Эта перемена в обстановке и боевом состоянии „армии" не могла содействовать решению П. итти на Москву. Голод, который начинался на путях к ней, тоже мог охлаждать его боевую энергию. Но за П., как за Петра III, было все крестьянство и городское простонародье; где бы он ни появлялся, хотя бы и с ничтожной военной силой, всюду он находил признание со стороны общественных низов. В этом была его могучая сила. На нее то и расчитывали казацкие старшины, когда звали П. в Москву. Они тоже видели и, надо думать, понимали условия нового создавшегося положения, но тем не менее советовали своему предводителю предпринять московский поход. Он же не решился на этот крупный шаг. Тутто и выявилась истинная личность этого вождя великого народного движения.

П. был обыкновенный, хотя и довольно бойкий и ловкий авантюрист бродячей Руси, не веривший в конечное торжество своего дела, отделенного им, в конце-концов, откровенно от дела народа. Он решил сделать попытку уйти от начавших его энергично преследовать правительственных войск и начал быстрое отступление в южном направлении, вместо того, чтобы итти на запад—на Москву. Сначала он, было, думал найти поддержку на своей родине, на Дону, но когда эта надежда сорвалась, он пустился совсем на утек, дабы скрыться в том же мире бродячей Руси, из которого он вышел, а, может быть, и пробраться опять в Башкирию. Всюду, где он проходил, вспыхивало восстание крестьян и вообще простонародья; но оно не задерживало П.: он стремился дальше. Это не обескураживало восставших, ибо у них появлялись свои „пугачи", которые и продолжали работу главного „пугача" вширь и вглубь. Иные, предводительствуя большими сборищами мятежников, наводили ужас на большую округу:

таков, напр., бывший дворовый Фирска, взволновавший „чернь“ в симбирском уезде настолько, что она, по свидетельству Рычкова, потерявшего здесь сына, „едва ли не вся устремилась на убийство и разграбление дворян“. Симбирск был в трепете от этого энергичного помощника П., пожалованного им в полковники, и чуть-чуть удержался. Сам П. тоже обошел этот город и попал в него лишь впоследствии, пойманным,—в железной клетке. Теперь, пока еще вольный верховный „пугач“ во время полета своего к югу брал города довольно успешно, ибо сопротивление в них не было организовано, а измена „матушке-императрице“ встречалась все чаще и чаще и все в более широких размерах. Взял он Пензу, потом Петровск, из которого двинулся на Саратов. П. двигался очень быстро; только конных из прибывавших к нему крестьян он присоединял к своей толпе, пеших отпускал, ибо для той быстроты, с какой он двигался, можно было иметь лишь конное войско. За ним шел громадный обоз с награбленным добром, с женщинами и детьми. Те группы сторонников П., которые во что бы то ни стало хотели присоединиться к его толпе, идя за своим новоявленным „батюшкой“, долго не могли его догнать. Лишь под Саратовом присоединились к нему волжские казаки, а заводские крестьяне, шедшие за П. от Казани, нагнали его только когда он уже вышел из Саратова. Под этот последний город П. подступил 5 августа (1774). Укреплен Саратов был плохо, но главная для него беда заключалась в том, что среди властей его не было единодушия, они ссорились между собой и старались подсидеть друг друга; к тому же не только среди жителей, но и среди войска открылась измена екатерининскому правительству; у коменданта Бошняка осталась лишь самая малая часть солдат, большинство которых вместе со своим начальником Салмановым и почти со всеми офицерами перешло на сторону самозванца. Бошняк со своим ничтожным отрядом вышел из Саратова и с боем отступил сначала до Улешей, а потом на лодках к Царицыну. 6 августа город был занят пугачевскими отрядами; сам П. не въехал в город, все время оставался в своем лагере в 3 верстах от города, в Улешах. Сюда саратовское духовенство устроило крестный ход 17 августа и тем самым оказало П. полное признание как „государю“, возглашая его имя во время богослужения вместе с именем его яицкой жены Устиньи Петровны. Между тем в Саратове происходила уже обычная пугачевская расправа. Многие дворяне и чиновники погибли; пострадало не мало и простых жителей, ибо вешали не только „благородных“, но и простых людей, даже бурлаков, если они в чем-либо противились новым властителям, убивали всех, кто только не желал отдать своей собственности. „Перечислить число убитых и повешенных“, говорит новейший исследователь, „было бы напрасной попыткой“. Разливанное море необузданного разгула захлестнуло и попов, которые в полупьяном состоянии приводили к присяге саратовских жителей в стане самозванца. Здесь же работали и виселицы. Саратов был освобожден от имевшихся в нем ценностей, частью сгорел. П. забрал отсюда 5 пушек и 25.789 р. медными деньгами; а пришлая и местная народная толпа расхватила более 19.000 четвертей муки и много овса. 9 августа П. выступил из Саратова к Царицыну с отборным войском, но толпы его хозяйничали здесь еще до 11 августа, когда им пришлось ретироваться, ибо и к Саратову подходил авангард гнавшихся по следам П. правительственных войск.

Несмотря на то, что под Царицыным к П. присоединилось до 3.000 ставропольских калмыков, этого города П. взять не удалось: к Царицыну подходил Михельсон, и самозванцу спешно пришлось отступить дальше.

VII. *Конец П. и пугачевщины.* Верстах в 60 от Царицына, ниже Сарепты, у Сальникова завода, Михельсон, наконец, настиг самозванца и нанес ему решительное поражение (26 августа). П. потерял всю свою „армию“ вместе со своим „фельдмаршалом“ Овчинниковым, пропавшим без вести. Видя, что, после отчаянного сопротивления, все потеряно, П. с „яицкими казаками

и несколькими крестьянами, с женой и больным сыном", как он сам впоследствии показывал, „бежал к Волге". Стали переправляться спешно на другую сторону. „В торопливости", сообщал потом П., „многие вплавь, а я с женой в лодке, приехали на остров. А как с оного еще надо плыть, то Перфильев, не знаю для чего, остался и с ним несколько толпы моей людей". Так Перфильев больше и не соединился с П., будучи захвачен отдельно от него с оставшимися людьми. Сам же П., переправившись на луговой берег Волги, с яицкими казаками, собравшимися вокруг него в количестве около 160 чел., бросился на Узени, в „место такого положения, какое всю мятежническую тварь в себя вмещает". Но там самозванческое его поприще кончилось: он был арестован бывшими при нем его „чиновными людьми", воспользовавшимися тем моментом, когда они очутились с П. по одну сторону р. Узени, тогда как остальная его толпа оставалась еще по другую. В полночь с 14 на 15 сентября (1774), значит, через год после начала его „царской" карьеры, он был привезен в Яицкий городок и выдан екатерининским властям. Закованный в кандалы и посаженный, как зверь, в железную клетку, он был затем доставлен в Симбирск к верховному „усмирителю" гр. Петру Панину; тот, увидав П., рассвирепел, дал ему несколько пощечин и оттаскал за бороду, „которою", саркастически пишет Панин, „он Российское государство жаловал". Побил „верховный усмиритель" скованного П., приведенного перед его светлые очи, как Панин сам сознается, „от распаленной крови на его (П.) злодеяния", т.-е. на пролитую им дворянскую кровь. Страшный враг дворянства был в оковах, и потому можно стало представителям этого класса дать волю и своему злорадству и всякому надругательству. Панин только выразил общее дворянское настроение, которое особенно ярко проявилось во время казни П. в Москве, на Болоте (10 января 1775 года). Дворянство было в восторге и, теснясь к эшафоту, не скрывало этого; оно считало это кровавое зрелище своим дворянским „праздником" и наслаждалось физическим и умственным созерцанием того, как за пролитую дворянскую кровь платил кровью же показной глава „прекровожаждущего рыска" на дворян. Казнены были и ближайшие, попавшие в руки дворянства, сообщники П. (Перфильев — в Москве, Чика - Зарубин — в Уфе), кроме тех, которые сделались его предателями (Иван Творогов и Чумаков с товарищами). Немилостиво были наказаны вожаки башкир. Таковыми были, мы знаем, например, Юлай и его сын Салават Юлаев. Пугачевская агитация сильно увлекла Салавата Юлаева, этого экспансивного башкирского патриота. Кто не хотел пристать к восстанию за лозунги, брошенные в башкирский народ П., все беспощадно истреблялись Салаватом: он их казнил всеми видами смертной казни, вплоть до сожжения заживо, и притом всех поголовно, с женами и детьми. Когда П. был уже пойман, в ноябре месяце, все еще продолжался бунт в 10 башкирских волостях, и виновником этого упорства башкир в восстании был Салават. Понятно, что когда он сам был изловлен, правительственный суд его не пощадил, равно как и его отца, тоже одного из руководителей башкирского движения. Оба они были приговорены к наказанию кнутом во всех тех местах, где они мятежнически действовали, а потом к ссылке в каторжную работу, после того как они будут заклеймены и у них будут вырезаны ноздри. С этим клейменьем и вырезыванием вышла некоторая задержка. Когда Юлай и Салават предстали пред присутствием правительственной канцелярии после всех этих наказаний, то члены этого присутствия с удивлением увидали, что оба преступника с ноздрями и без клейма. Спросили того чиновника, который должен был позаботиться, чтобы у них не было ноздрей и были бы клейма. Он, к не меньшему, вероятно, их удивлению, ответил, что клейма по какой-то причине стерлись, а ноздри выросли снова. Провинциальная канцелярия не удовлетворилась этим об'яснением, постановила заклеймить преступников и вырезать у них ноздри при членах канцелярии. После

исполнения этого приговора в такой обстановке, надо думать, ни клейма не стирались, ни ноздри не вырастали, Так наказывали мятежных вождей башкирского народа. Но казнями главарей классовое чувство мести дворянства не могло быть удовлетворено. Перед ним вставал коллективный виновник — крестьянство, возбуждавшее в нем острое желание проучить непокорных „рабов“ жестоким образом. Верховный „усмиритель“ на местах пугачевщины, дабы памятно было мятежному крестьянству, надолго развил такую систему самого необузданного террора, что его стала останавливать сама „матушка-царица“, считавшая в данном случае милосердие „неуместным“. Но Панин, как истый представитель своего класса, принимал „с радостью пролитие крови таких государственных злодеев на себя и на чад своих“. Он приказал в бунтовавших местах вешать одного человека от каждых 300 чел., всех же остальных крестьян велено было „пересечь жестоко плетьми, и у пахарей, негодных в военную службу, на всегдашнюю память злодейского их преступления урезать у одного уха“ и т. п. Пугачевщина была подавлена. Ближайшим последствием этого был голод в тех местах, которые ею были захвачены. Разорение и недоимки—вот что осталось для крестьянства от попытки стать господами своей жизни, совершенно устранив из нее помещичий класс; по одной Казанской губ., в одних только экономических селениях, недоимки за один год образовалось до 100.000 р., и ее надо было платить с разоренного хозяйства. Неудивительно, что крестьянство присмирело, а некоторые наиболее впечатлительные представители его впали в отчаяние. Последнее видно хотя бы из того, что как раз в Волжско-Камском крае в крестьянстве усиливается развитие религиозного изуверства: проповедывается учение совсем уходить из этого мира при помощи самосожигания или самоутопления, и находятся фанатические последователи этого ученья, осуществляющие его мрачную, смертную идею.

Новый путь перед умственным взором крестьянства пока застилался непроглядной тьмой или, точнее говоря, вследствие господствовавших тогда производственных отношений нового пути еще не было. В этом—причина полного краха пугачевщины и последовавшего за ней мрачного угнетения духа и разочарования в себе и жизни крестьянских и вообще простонародных масс.

Литерат.: А. С. Пушкин, „История Пугачевского бунта“ (Сочин. Пушкина, т. XI в изд. Академии Наук, с примеч. *Н. Н. Фирсова*); *Н. Ф. Дубровин*, „П. и его сообщники“; *Н. Н. Фирсов*, „Пугачевщина“, 3-е изд.; *его же*, „Народные движения в России до XIX в.“; *А. Н. Филиппов*, „Москва и П.“; *Г. С. Губайдуллин*, „Пугачевщина и татары“, Баку, 1927; *„Пугачевщина“*, изд. Центрархива. (Из архива Пугачева: манифесты, указы и переписка).

Н. Фирсов.

Пугачев, прежде *Николаевск* (см.), уездн. гор. Самарск. губ., 17.460 ж. (1926).

Пугачевский уезд (раньше *николаевский*), самый южн. у. Самарской губ. Площ. 27.326 кв. км., насел. (по пер. 1926 г.) 350.418 ч., в т. ч. 36.573 ч. городского, плотн. сельск. насел. 11,5 ч. на 1 кв. км. Прежде занимал 32.088 кв. км.; в 1924 г. часть территории на сев. у. отошла к самарск. у. (выделенный, было, в 1921 г. *балаковский у.* в 1924 г. был упразднен и обратно включен в П. у.). См. *николаевский у.*

Пугетзунд, то же, что *Педжетсаунд* (см).

Пуд, мера веса, *см.* XII, 645/6.

Пудель, см. *собаки.*

Пуджа (pûjâ, pooja), др.-инд. слово перешедшее из санскрита (*см.*) и в новоиндийские (*см.*) языки, значит *почитание, поклонение,* а также соответствующие религиозные обряды и церемонии прославление, празднование в честь какого-либо божества, напр. Dûrgapûjâ—праздник Дурги (*см.*). В современном англо-индийском жаргоне обозначает вообще всякого рода церемонии, напр. в военном деле: сбор войска под знамена (pooja of the flag) у сипаев (*см.*). *П. Риттер.*

Пудлингование, пудлинговый процесс, *см.* XX, 152, прилож. *железо и железоделательное производство,* 35/37.

Пудож, б. уездн. гор. Карельской АССР, на р. Водле, 2.189 ж. (1926); в 1926 г. преобразован в село. Возник

из Никольского погоста, упоминается в Новгородской летописи XV в., в XVI в. входил в Обонежскую пятину Новгородск. обл. С конца XVIII в. по 1920 г. был уездн. гор. Олонецкой губ.; до 1927 г.—уездн., а с 1927 г.—районный центр Карельск. АССР.

Пудожский уезд, лежал в ю.-в. части Карельской АССР, граничил с Архангельск. и Вологодск. гг.; раньше занимал с.-в. часть Олонецк. губ., имея территорию в 20.654 кв. км. с 45,4 тыс. ж. (1914); в 1922 г. при упразднении Олонецк. губ. у., за исключением сев.-вост. половины, присоединенной к каргопольск. у. Вологодск. губ., отошел к Карельск. АССР; в 1927 г. при разделении республики на районы у. *упразднен.*

До упразднения площ. у. (без внутр. вод)—10.406 кв. км., насел. по пер. 1926 г.—25.728 ч., в т. ч. 2.189 городского; плотн. сельск. насел. 2,3 ч. на 1 кв. км. Поверхность б. ч. возвышенная, холмистая, понижающаяся к Онежскому оз., омывающему у. с зап. на протяжении 100 км.; сложена из кристаллических пород (гранитов, гнейсов и диоритов). Гл. река Водла, впадающая в Онежск. оз. У. изобилует озерами, соединенными порожистыми реками и болотами. Самое значительное оз.—Водлоозеро. Почвы малоплодородны, преобладают дерново-подзолистые супеси. Леса (гл. обр. хвойные) занимают значит. площадь. Занятия населения: земледелие (рожь, овес, ячмень, картофель, лен, „корелка"), лесные промыслы, рыболовство, охота.

Пудра, см. *косметические средства.*

Пудра сахарная, сахарный порошок, остающийся как побочный продукт при распилке рафинада на пиленый сахар или приготовляемый измельчением рафинада; идет в конфетном, пирожном и вообще кондитерском и аптечном деле, домашнем хоз. и пр.

Пудрет, порошкообразное удобрение, получаемое из человеческих экскрементов.

Пуельчи, см. *Америка,* II, 450.

Пузанок, см. *сельди,* XXXVIII, 16.

Пузыреногие, см. *насекомые.*

Пузыри (bullae), см. *кожа,* XXIV, 441.

Пузырная сыпь, *пемфигус,* см. *кожа.*

Пузырник, Colutea arborescens, кустарник из сем. мотыльковых, до 5 м высоты, нередко разводится на юге в садах и парках и дико растет по сухим склонам в Крыму и на Кавказе. Листья непарноперистые, цветы желтые, бобы пузыревидновздутые, на верхушке замкнутые, при надавливании лопаются с треском. Другой вид П., C. orientalis, до 4 м. выс., с оранжевыми цветами и раскрытыми на верхушке бобами, дико растет в тех же местах, как и первый вид. *М. Н.*

Пузырный проток, см. *анатомия,* II, 658.

Пузырчатая глиста (*финна*), см. *глисты,* XV, 159.

Пузырчатковые, Lentibulariaceae, сем. сростнолепестных растений из пор. Personatae, водные и болотные, реже сухопутные многолетние травы с прикорневыми или очередными листьями и неправильными обоеполыми цветками, сидящими б. ч. кистями или колосьями. Чашечка 2—5 раздельная; венчик двугубый, нижняя губа со шпорцем. Тычинок 2. Завязь верхняя, одногнездная, с центральным свободным семеносцем. Плод многосеменная коробочка. Семена безбелковые. Все представители П.—насекомоядные растения, распространенные главн. обр. в тропиках. См. *насекомоядные растения* и *приложения* к ним. *М. Н.*

Пузырчатник, см. *водоросли,* X, 554, и *фукусовые.*

Пузырь желчный, см. *анатомия,* II, 658/9 и табл. IX.

Пузырьки (*vesiculae*), см. *кожа,* XXIV, 441.

Пузырь мочевой, см. *мочеполовая система,* XXIX, 384[1].

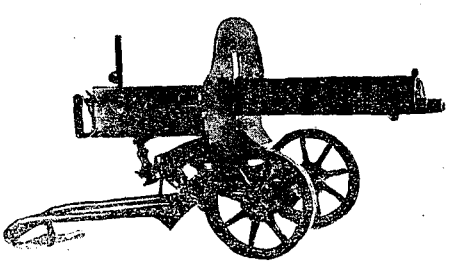
Пузырь плавательный (у рыб), придаток кишечного канала, обыкновенно помещающийся над последним и открывающийся в пищевод. Однако, у многих рыб П.п. во взрослом состоянии не открывается в кишечник и является замкнутым. Рыб с П. п., открывающимся в кишечник, называют открытопузырными (Physostomi), тех, у которых П.п. замкнутый,— закрытопузырными (Physoclisti). В огромном большинстве случаев П. п. является непарным, но у некоторых рыб он несет более или менее выраженные следы его парности, а у других является подразделенным рядом перетяжек на следующие друг за другом отделы. В еще более редких случаях он дает многочисленные боковые выросты. У Polypterus вместо дорзального П.п. имеется парный вентральный придаток с коротким протоком, открывающимся спереди в пищевод; из двух лопастей этого придатка правая больше левой,

Действие пулемета.

Заряжание. При продевании ленты справа в окно приемника 10 первый патрон надавит на нижние пальцы 13, вследствие чего они опустятся и, когда патрон пройдет их, снова поднимутся, упрутся в патрон снизу, с правой стороны, и не позволят ленте выпасть обратно. Концы верхних пальцев 12 прайдутся над патроном, левее его. Шляпка патрона упрется в зацеп боевой личинки 42, что задержит дальнейшее продвижение ленты влево.

При первом повороте рукоятки 26 назад, до отказа, соединенные шарнирно, мотыль 25 и шатун 24 поднимутся и отведут назад замок, при чем ось мотыля, вращаясь вместе с барабаном, на который наматывается цепочка 30, растянет возвратную пружину 28. Боевая личинка 42, назначаемая для перенесения патронов из приемника в патронник, сначала скользит по верхним планкам короба своими рожками, а миновав их, направляемая дугами 18, под влиянием собственного веса, опустится.

Затем лента протягивается влево, при чем верхние пальцы 12 ползуна пружинят по патрону, который при первоначальном продевании ленты удерживался нижними пальцами, и упрутся в него сверху, с правой стороны; одновременно нижние пальцы пружинят по следующему, второму патрону, поднявшись, упрутся в него и удержат ленту от выпадения. После этого первый крайний патрон окажется установленным шляпкой в окне приемника 10, между его выступами, вплотную к его левой стенке, чем дальнейшее движение ленты влево будет ограничено.



Пулемет Максима.

При первом опускании рукоятки возвратная пружина 28 сжимается, цепочка 30 сматывается с барабана, вращая его вместе с осью мотыля 25. Шатун 24 и мотыль 25 становятся в свое первоначальное положение, продвигая замок вперед, к обрезу ствола. При этом боевая личинка 42 поднимается коленчатыми рычагами и своими загибами захватывает за шляпку первого патрона, находящегося в приемнике. Когда боевая личинка дойдет до своего крайнего верхнего положения, шляпка патрона заскакивает в ее защелку 49, которая удержит патрон в боевой личинке.

При втором повороте рукоятки назад повторятся те же действия частей механизма, что и при первом, но замок, отойдя назад, вытащит загибами боевой личинки первый патрон из приемника, а когда боевая личинка с первым патроном опустится,—последний станет против патронника ствола. Возвратная пружина при этом снова будет растянута.

Лента протягивается вторично, при чем вместо опустившегося вместе с боевой личинкой первого патрона в приемник будет втянут второй патрон и упрется в левую стенку приемника.

При втором опускании рукоятки возвратная пружина опять подаст замок вперед. Патрон, находящийся в боевой личинке, войдет в патронник ствола, боевая личинка подымется, скользя своими загибами по закраинам шляпки патрона. При этом он освободится из защелки личинки и остановится против имеющегося в ней отверстия для бойка ударника 21. В защелку из приемника попадет следующий очередной патрон.

Действие замка. При отходе замка назад трубка замочных рычагов 23, под действием шатуна 24, вращаясь на своей оси, давит на хвост лодыжки 20 и поднимает его; а лодыжка своей головкой отводит ударник 21 назад, сжимая боевую пружину 22. Своим боевым взводом лодыжка заскакивает за шептало верхнего спуска 19, упирается в него и тем удерживает ударник на боевом взводе. Трубка замочных рычагов продолжает подниматься и надавливать на хвост лодыжки, вследствие чего лодыжка еще больше оттягивает ударник назад настолько, что нижний предохранительный спуск 45 своим выступом заскакивает за предохранительный взвод на ударнике, при чем боевой взвод лодыжки перестает упираться в шептало верхнего спуска. Но при движении замка вперед трубка замочных рычагов опускается нажимая на предохранительный спуск, и когда замок дойдет к обрезу ствола, предохранительный спуск будет вывезен из-за выступа ударника. Ударник продвинется несколько вперед, повернет немного лодыжку, вследствие этого боевой взвод лодыжки упрется в шептало верхнего спуска, и ударник остановится на боевом взводе. Шатун и мотыль, скрепленные между собою осью, при этом несколько будут выдаваться вниз, образуя тупой угол, при чем передний конец мотыля будет упираться в ребра на станинах рамы 27.

Стрельба. Под'емом предохранителя 35 освобождается верхний конец нажимного рычага 34.

При нажатии на верхний конец рычаг 34 давит на спусковой рычаг 33, который отводит назад спусковую тягу 32. Тяга своим выступом нажмет на верхний спуск 19 и выведет шептало спуска из-под боевого взвода лодыжки 20. Боевая пружина 32 своим длинным концом толкнет вперед ударник 21, который разбивает капсюль патрона и тем производит выстрел.

Пороховые газы давят на дно гильзы, которая толкает замок назад, чем приводятся в действие все подвижные части пулемета. Этому помогает давление части газов, попавших при выстреле в надульник, между обрезом ствола и втулкой. При движении частей пулемета происходит следующее. От полученного толчка замок отходит назад, а вместе с ним отходит назад и рама со стволом. Если бы шатун и мотыль могли сложиться в своем шарнирном соединении, то от толчка замок должен бы был отделиться от ствола в момент смещения пули. Но шатун и мотыль составляют тупой угол, обращенный вершиной вниз, при чем мотыль передним своим концом упирается в ребра рамы. Под давлением пороховых газов на дно гильзы, мотыль еще плотнее прижимается к ребрам рамы. Замок удерживается в закрытом положении и может двигаться назад не иначе, как вместе с рамой и стволом. Такое совместное движение этих частей продолжается до тех пор, пока изгиб хвоста рукояти 26 не подойдет к ролику 37.

Скользя по ролику изгибом хвоста, рукоятка 26 поворачивается, отчего шатун и мотыль, сгибаясь в своем шарнирном соединении, поднимаются и ускоряют отход замка назад. Замок отделяется от ствола, одновременно извлекая стрелянную гильзу из патронника, а новый патрон из приемника.

При поднятии мотыля и шатуна поднимается также конец трубки замочных рычагов 23, которая надавливает на хвост лодыжки 20 и этим взводит ударник на боевой, а затем и на предохранительный взвод.

Пройдя верхние планки на боковых стенках короба, боевая личинка опускается. При этом стрелянная гильза из нее выпадает, а новый патрон ставится против патронника.

Возвратная пружина растягивается, а цепочка наматывается на барабан.

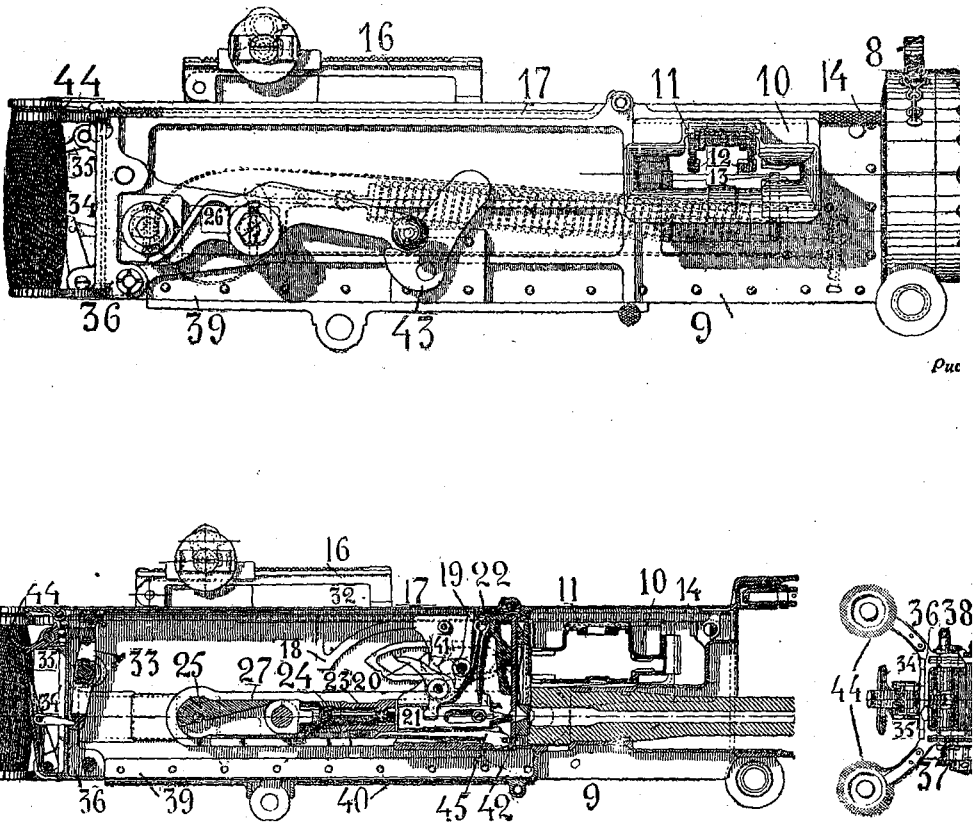


Рис. 2. Продольный разрез.

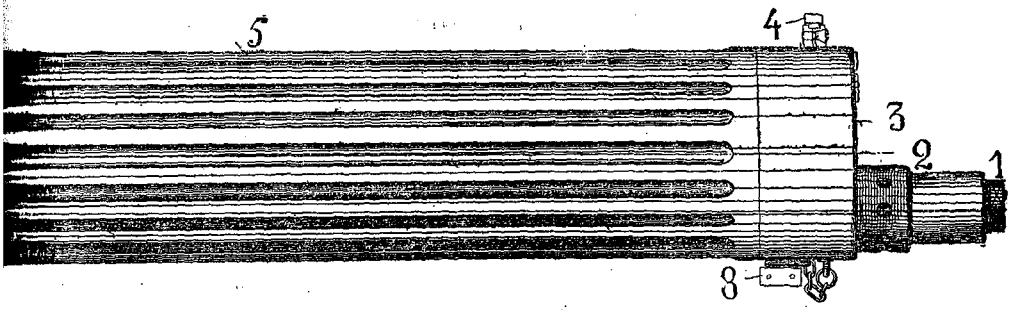
1. Гайка надульника. 2. Надульник. 3. Передняя крышка кожуха. 4. Мушка. 5. Кожух с водой. 6. Пароотводная труба. 7. Ствол. 8. Пробки в отверстия кожуха. 9. Дно кожуха. 10. Приемник. 11. Ползун приемника. 12. Верхние пальцы приемника. 13. Нижние пальцы приемника. 14. Передняя крышка. 15. Коленчатый рычаг приемника. 16. Прицел откидной. 17. Задняя крышка. 18. Направляющие дуги. 19. Верхний спуск. 20. Лодыжка. 21. Ударник. 22. Боевая пружина. 23. Замочный рычаг. 24. Шатун. 25. Мотыль. 26. Рукоять мотыля. 27. Станина рамы. 28. Возвратная пружина.

При отходе рамы назад левая ее станина своим вырезом тянет за выступ коленчатого рычага 15. При этом рычаг поворачивается и подвигает ползун 11 вправо, пока верхние пальцы приемника не захватят очередной патрон.

К тому моменту, когда рама со стволом отойдет назад, возвратная пружина, растягиваясь, успеет поглотить энергию отдачи. Затем, сжимаясь, она пошлет раму со стволом вперед, при чем вырезом на левой станине рамы ползун будет подан влево и продвинет ленту в приемнике. В то же время, по инерции, рукоятка 26 продолжает вращаться своим длинным концом назад, отделяя замок от ствола и окончательно извлекая гильзу из патронника. Длинное плечо рукояти скользит своим изгибом по ролику, помогая возвратной пружине подать вперед раму со стволом.

Когда ствол дойдет до своего крайнего положения, конец длинного плеча рукоятки ударит по ролику сверху. С этого момента возвратная пружина, ничем не сдерживаемая, энергично разжимаясь, сматывает цепочку с барабана, поворачивает тем ось мотыля, вследствие чего мотыль, шатун и замочные рычаги выпрямляются и посылают замок и рукоятку вперед. При движении замка вперед конец верхнего спуска задерживается выступом отведенной назад спусковой тяги, отчего шептало спуска выводится из боевого взвода лодыжки. Лодыжка перестает удерживать ударник, но он остается во взведенном положении, вследствие упора своего предохранительного взвода в выступ нижнего предохранительного спуска. При движении замка к обрезу ствола, замочные рычаги поворачивают под'емные, которые поднимают личинку в верхнее положение. К моменту окончания их под'ема трубкой замочных рычагов предохранительный спуск будет опущен. Ударник освобождается, посылается боевой пружиной вперед и вновь производит выстрел. Так будет продолжаться до тех пор, пока будет нажат рычаг 34 и спусковая тяга 32 тем будет оттянута назад. Если рычаг будет опущен, спусковая тяга отойдет вперед на свое место, верхний спуск при движении замка не встретит выступа тяги. Вследствие этого ударник останется во взведенном положении, и стрельба прекратится.

Пулемет Максима представляет собой один из наиболее совершенных образцов пулемета с



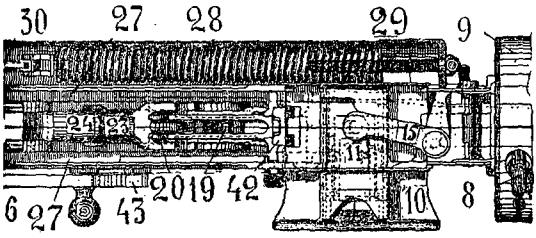


Рис. 3. Вид сверху.

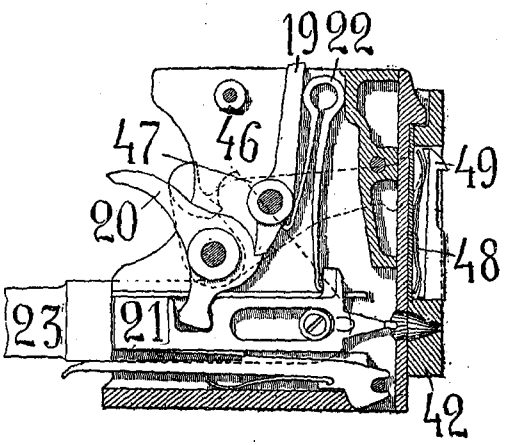


Рис. 4. Замок.

29. Винт возвратной пружины. 30. Цепочка возвратной пружины. 31. Коробка возвратной пружины. 32. Спусковая тяга. 33. Спусковой рычаг. 34. Нажимной рычаг. 35. Предохранитель. 36. Затыльник. 37. Ролик. 38. Винтовой засов затыльника. 39. Дно короба. 40. Ставень дна короба. 41. Остов замка. 42. Боевая личинка. 43. Задержка. 44. Рукоятка затыльника. 45. Нижний предохранительный спуск. 46. Замок. 47. Под'емные рычаги. 48. Пружина защелки. 49 Защелка.

подвижным стволом, принятых на вооружение *большинства армий.*

Действие ружья-пулемета Гочкиса.

До заряжания. Подвижные части находятся в крайнем переднем положении при чем:

Затвор закрывает патронник.

Затворная муфта повернута влево, ее прерывчатые винтовые выступы сцеплены с такими же выступами затвора, почему она вплотную прилегает к уступу *верхней каморы короба.* Этим достигается прочное и плотное запирание канала ствола.

Ударник в *переднем положении.*

Газовый поршень находится в переднем положении, и его чашечка прилегает к отверстию газового цилиндра.

Палец подавателя повернут направо.

Спусковая тяга в переднем положении, и шептало спуска поднято кверху. Тарель стержня прижата к затыльнику; рукоятка повернута направо. Возвратная пружина разжата.

Заряжание. Надо повернуть рукоятку влево до упора и с усилием оттянуть стержень на себя до отказа. При этом:

Выступы стержня *зацепят за перегородку* газового поршня и потянут его вместе с затвором. Затворная муфта повернется вправо, освободив затвор, который совместно с газовым поршнем отойдет в крайнее заднее положение. Подаватель повернется влево. Возвратная пружина сожмется. *Части будут удерживаться рожком подавателя.*

Затем рукоятка досылается вперед и поворачивается вправо до приклада. Нажав снизу на *стержень подавателя,* пока палец не отойдет влево, в пазы приемника, с правой его стороны, поверх отделяющей планки, вкладывается обойма с патронами (30 штук) и продвигается влево до упора патрона в пружинный упор приемника. Крайний патрон при этом придется против патронника. Отодвинутые назад части будут удерживаться на боевом взводе шепталом спуска. Ружье-пулемет заряжено. При этом части будут находиться в следующем положении:

Затвор с газовым поршнем оттянуты назад. Ударник прилегает к задней стенке затвора и

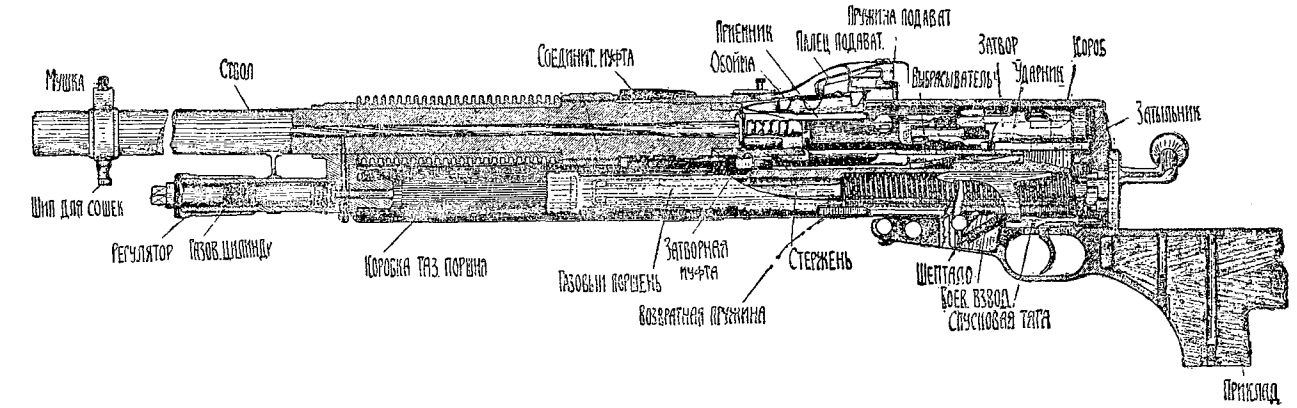


Рис. 2. После выстрела.

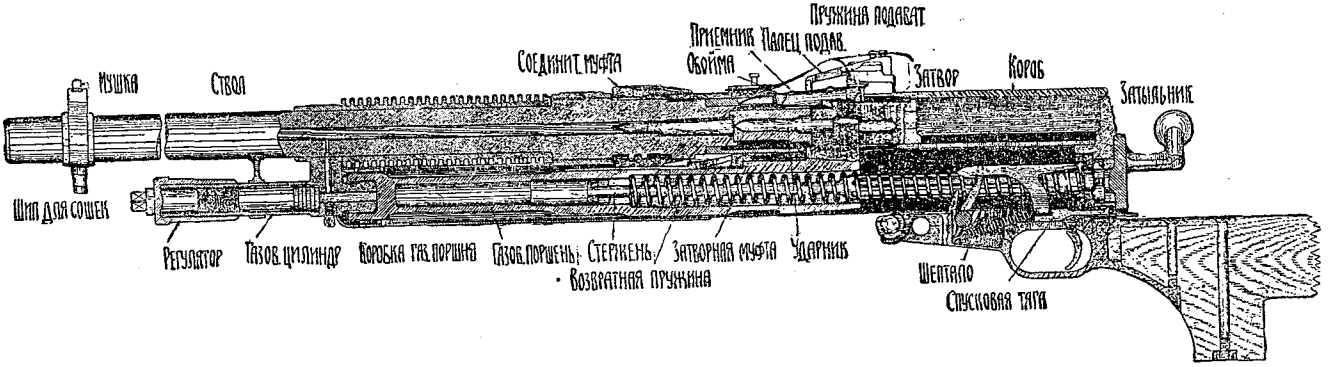


Рис. 1. Выстрел.

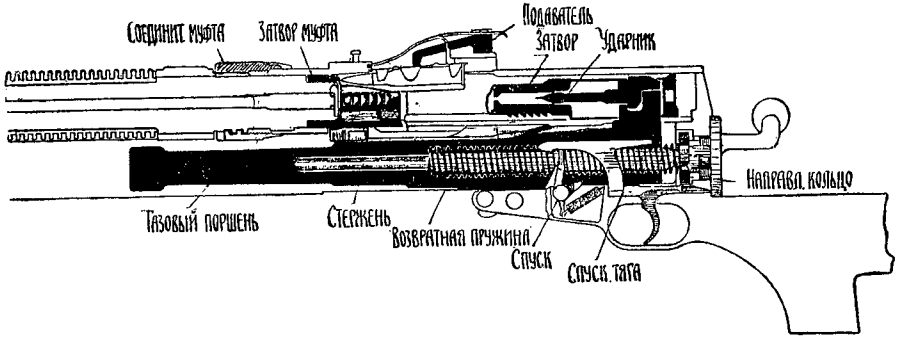


Рис. 3. Схема подвижных и неподвижных частей (подвижные—черные).

всем гребнем лежит на правом вырезе его окна. Затворная муфта повернута вправо. Шептало спуска находится под боевым взводом газового поршня и удерживает его на боевом взводе. Палец подавателя — в левом положении. Рукоятка — на предохранительном взводе.

Выстрел. Для производства выстрела рукоятку надо повернуть до совмещения черты тарели А с чертою на затыльнике и нажать на спусковой крючек. При этом:

Спусковая тяга зубом рычага потянет за палец спуска и выведет шептало из-под боевого взвода газового поршня. Освобожденный газовый поршень, под действием возвратной пружины, продвинется вперед и подаст затвор. Двигаясь вперед, затвор дошлет из обоймы патрон в патронник. После этого газовый поршень, направляя своим косым пазом выступ затворной муфты, повернет ее влево, вследствие чего ее прерывчатые винтовые выступы зайдут за соответствующие выступы в затворе, и патронник будет заперт. При движении газового поршня вперед рожки подавателя, скользя по наклонным пазам поршня, поворачивают стержень с пальцем вправо, и палец заскакивает за очередное гнездо обоймы. Во время поворота муфты ударник поворачивается косым пазом короба вправо, досылается газовым поршнем вперед и своим бойком разбивает капсюль патрона. Происходит выстрел.

После выстрела. Образовавшиеся газы толкают пулю вперед, и, когда она минует газовую дыру ствола, часть их устремляется в газовый цилиндр и давит на газовый поршень. Этот поршень отходит назад и сжимает возвратную пружину. При этом косым пазом он поворачивает затворную муфту вправо и этим освобождает затвор, а гребнем отводит ударник назад. Ударник скользит своим гребнем по косому пазу короба и поворачивается влево, а гребень его ложится в вырез окна затвора. Освобожденный затвор двигается назад вместе с газовым поршнем и извлекает гильзу из патронника, которая, встретив на пути отражатель, вылетает через окно для выбрасывания гильз влево. В то же время подаватель скользит рожками по наклонным пазам отходящего назад газового поршня и поворачивается влево; его палец продвигает обойму с патронами и ставит очередной патрон против патронника.

Если спусковой крючок держать нажатым, то шептало будет оставаться утопленным, после отхода назад подвижные части не будут задержаны в заднем положении, снова пойдут вперед, и произойдет автоматическая стрельба.

Для производства одиночного огня надо повернуть тарель влево до совмещения ее черты с чертою на затыльнике. При таком положении тарели с нажатием на спусковой крючок шептало выводится, и хвост спусковой тяги опускается вниз, а рычаг с зубом поднимается кверху. Поднявшееся шептало будет удерживать отодвинутые назад части, и выстрела не последует; для его производства надо отпустить спусковой крючок, при чем спусковая тяга продвинется вперед и зуб рычага ее заскочит за палец спуска. При новом нажатии на спуск последует выстрел.

Для постановки на предохранительный взвод рукоятка поворачивается вправо до отказа. При таком положении тарель закроет отверстие затыльника, служащее для прохода хвоста спусковой тяги. При нажимании на спусковой крючок тяга назад не продвинется, не выведет шептало из боевого гнезда газового поршня, и выстрел не произойдет.

Ружье-пулемет Гочкиса весит около 12,9 кгр., может стрелять без станка, с сошки, доступно обращению и переноске одному человеку, почему представляет собой тип ручного пулемета.

Е. Смысловский.

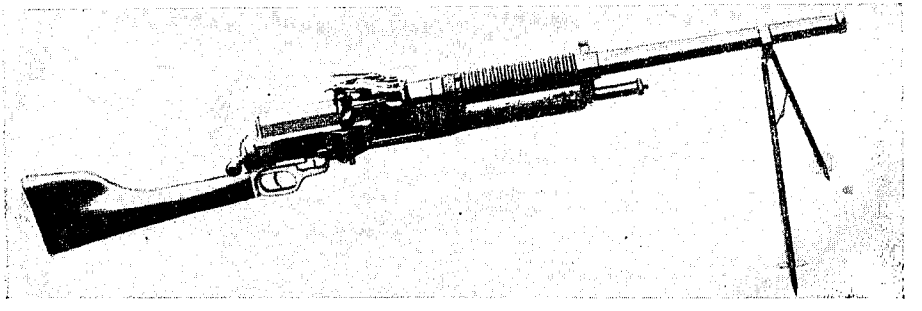


Рис. 4. Ружье-пулемет Гочкиса.

но внутренняя поверхность стенок этого придатка гладкая, как обыкновенно у П. п. У Lepidosteus, напротив, внутренняя поверхность стенок П.п. ячеиста вследствие образования многочисленных выростов. В таком виде П.п. напоминает до чрезвычайности легкие двойнодышащих рыб. П. п. Polypterus рассматривается многими как такой зачаточный орган, который мог, сохраняя свое положение, но осложняясь в строении, стать легким и, с другой стороны, переместившись в филогенетическом развитии рыб на дорзальную сторону кишечника, измениться в П. п. Что касается отношения зачатка П. п. и легких к жабрам, то этот вопрос для рыб не может считаться достаточно разработанным. П. п. нет у многих рыб не только донных, каковы камбалы, но и у некоторых из превосходно плавающих, каковы Elasmobranchia, Thynnus и др.

Стенки П.п. состоят из эластичной ткани, снабжены гладкими мышечными волокнами и выстланы тонким эпителием. Только в некоторых местах эпителий утолщается и образует т. наз. газовые железы, имеющие вид красных пятен вследствие большого количества находящихся здесь кровеносных сосудов, образующих т. наз. чудесные сплетения. Как следует развиты газовые железы у закрытопузырных; у них же в заднем отделе П. п. дифференцирована особая область, где происходит поглощение газа стенками пузыря.

Газ, содержимый в П. п., состоит из смеси кислорода, азота и углекислоты. У открытопузырных господствует азот (около 87%), у закрытопузырных кислород (у окуня 65%, у глубоководных рыб до 80%). При асфиксии количество содержимого в П. п. кислорода уменьшается; угри, находясь на земле, потребляют содержимый в П. п. кислород. Благодаря эластичности стенок П. п., объем его может уменьшаться или увеличиваться, чем объясняется его значение в качестве гидростатического аппарата. В этом процессе участвуют как газовые железы, так и мышечные элементы П. п.

У многих рыб (сомовые и др.) П. п. соединен посредством видоизмененных частей передних позвонков (т. наз. Веберов аппарат) с слуховым аппаратом, являясь для него дополнительным органом. У довольно большого числа рыб П.п. является в дополнение к своей главной функции гидростатического аппарата „звуковым аппаратом“, т. к. обладает некоторыми приспособлениями для приведения его газового содержимого в вибрацию. Это достигается тем, что туловищная мускулатура прямо или посредством видоизмененных скелетных частей прикрепляется к стенкам П. п. У Balistes П. п. служит резонатором, усиливающим звуки, производимые трением других частей. Большинство анатомов принимает, что первоначально П. п. служил дыхательным органом. *М. Мензбир.*

Пук (Puck, точнее *Пёк*), шаловливый, но не злой дух в народных скандинавских и вообще германских легендах, состоящий также в свите царя и царицы эльфов (*см.*), Оберона и Титании. Художественный образ П. в европейской литературе — у Шекспира, „Сон в летнюю ночь“, и у Виланда в его поэме „Оберон“, давшей сюжет и для одноименной оперы Вебера.

Пукирев, Василий Владимирович, живописец (1832—1890), вышел из Московского училища живописи и ваяния, где в 1850—1860 годах нарождалось новое идейное направление „гражданского реализма“. В первой своей крупной картине „Неравный брак“, написанной в 1862 г., он выразительно, с обличительной ноткой дал фигуру старого генерала рядом с молодой девушкой. Эта картина, созвучная обличительным настроениям общества, создала художнику сразу известность. Несмотря на обличительную тенденцию, Академия художеств присудила за нее П. профессорство. В этом же направлении им были трактованы „Взыскание недоимок“, „В мастерской художника“. Позднее П. стал отходить от гражданских обличительных сюжетов и становится спокойным жанристом. Таковы его „Приемка приданого“, „Ревнивая жена“ и рисунки к „Мертвым душам“ Гоголя. С 1861 по 1873 год П. вел преподавание в Училище живописи и ваяния. *Н. Т.*

Пукоу, гор. в китайск. пров. Цзянсу, на лев. бер. Ян-цзы-цзян, напро-

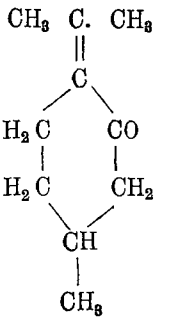
тив Нанкина. Конечный пункт П.-Тянцзинской ж.-д.

Пукшеньга, см. *Северная Двина*, XLI, ч. 5, 669.

Пул (англ. pool), одн из форм об'единения промышленных предприятий, см. *Сев.-Американские Соед. Штаты*, XLI, ч. 6; также *хлебное дело*, XLV, ч. 2, 461/462, и *тресты*.

Пулавы, гор. в Польше, до 1918 г. назывался *Новой Александрией* (см.).

Пулегон, C_{10} H_{16} O, непредельный циклический кетон. Вместе с ментолом и ментоном входит в состав эфирных масел некоторых губоцветных (Labiatae), иногда в количестве до 80%. При каталитическом восстановлении водородом П. переходит в ментон; гидратирующим действием серной кислоты расщепляется по месту двойной связи на ацетон и β-метил-цикло-гексанон. Отсюда строение П.



П. — бесцветная маслянистая жидкость с темп. кип. 221—222°. Вращает плоскость поляризации вправо.

С. Наметкин.

Пулемет, представляет собой такое оружие, из которого автоматически можно производить столь быструю стрельбу, что оно как бы „мечет" пули, летящие друг за другом. Подобная автоматическая стрельба достигается тем, что все действия механизма, необходимые для заряжания, производства выстрела, выбрасывания стрелянной гильзы и нового заряжания, выполняются механизмом П. за счет части энергии пороховых газов, расходующейся при выстреле на отдачу. С этой целью механизм П. устраивается так, что при отдаче двигающиеся части его сжимают назначаемую для того возвратную пружину, в которой накопляется, таким обр., некоторый запас энергии; а когда явление выстрела закончится,— пружина разжимается и приводит в движение части механизма для заряжания, закрывания замка и производства нового выстрела.

В современных системах П., при условии полной исправности и чистоты их частей и патронов, скорость стрельбы достигает 600 выстрелов в минуту; правильнее сказать — частота стрельбы — 10 выстрелов в секунду, так как практически средняя скорость длительной стрельбы бывает обыкновенно меньше 600: помимо неизбежных задержек, происходящих вследствие целого ряда неустранимых причин, по преимуществу вследствие малейших неисправностей в патронах, и при нормальном действии пулеметный огонь обычно ведется с перерывами, вспышками, часто весьма непродолжительными. Некоторые виды современного огневого боя, длительность которых измеряется секундами (воздушный, танковый), породили необходимость дальнейшего увеличения частоты стрельбы; однако, для современных калибров П. есть естественный предел частоты (около 15 выстрелов в секунду), за которым по многим причинам на исправное действие П. рассчитывать нельзя; например,—при слишком быстром извлечении стрелянных гильз из патронника, вследствие их инерции и трения о стенки оружия, у них отрываются шляпки. Эти обстоятельства привели к системе спаренных (сдвоенных) П., действующих одновременно, общая частота стрельбы которых достигает 20 выстрелов в сек. (и выше). В П., устанавливаемых на самолетах для стрельбы через пропеллер, частота стрельбы регулируется особым приводом от двигателя самолета так, чтобы выстрелы следовали в те моменты, когда перед дулом П. находится промежуток между лопастями пропеллера.

По принципам устройства механизма и его деталей системы современных П. весьма многочисленны и разнообразны; однако, в этом отношении их можно подразделить, главным образом, на П. с неподвижным стволом и с подвижным.

В первых при выстреле давлением пороховых газов отодвигается назад затвор, сжимающий при этом возвратную пружину, энергией которой и выполняются затем все дальнейшие действия; во вторых первоначально весь ствол с закрытым затвором отодвигается назад действием отдачи, также сжимая пружину, и, через посредство шарнирного приспособления затвор открывается уже только тогда, когда пуля вылетела из канала ствола.

Осуществление конструкции П. с неподвижным стволом, говоря вообще, проще, чем с подвижным; однако, приходится считаться с тем, что при открывании затвора до вылета пули можно опасаться разрыва извлекаемой пустой гильзы. П. с подвижным стволом этого недостатка не имеют, но зато конструкция их неизбежно сложнее. В последнее время технике удалось осуществить системы П. с неподвижным стволом весьма совершенной конструкции. Дальнейшее усовершенствование ныне идет по пути возможного уменьшения частей механизма, упрощения его сборки и разборки, обращения с ним и уменьшения общего веса П.

Питание патронами производится или из лент с гнездами, в которые предварительно вставляются патроны, или из особых м а г а з и н о в,— тонкостенных металлических коробок разного устройства, прикрепляемых к П., наполняемых патронами. Лента автоматически протягивается через боковые отверстия, имеющиеся в коробке П.; автоматическим порядком производится и питание из магазинов.

Вследствие частой стрельбы ствол П. довольно быстро нагревается настолько, что без принятия каких-либо мер к его охлаждению дальнейшая стрельба оказалась бы невозможной. Охлаждение ствола производится водой или воздухом, или же П. устраивается так, чтобы нагревшийся ствол можно было быстро заменить другим. При водяном охлаждении ствол помещается в прикрепленный к П. резервуар с водой, к которой в зимнее время прибавляется глицерин или спирт, что препятствует ее замерзанию. Охлаждение воздухом достигается гл. обр. тем, что наружная поверхность ствола для большего излучения теплоты снабжается ребрами, или применяется автоматическое продувание воздуха через канал после каждого выстрела. Тем не менее при каждой системе охлаждения есть некоторый предел непрерывной стрельбе, *при котором не только вода кипит ключом*, но ствол П. все-таки нагревается так, что даже при кратковременном пребывании в его канале пули плавятся, и вместо стрельбы П. „плюет". Для П. с водяным охлаждением такой момент наступает тысяч последних выстрелов, а для П. с воздушным,— в зависимости от совершенства их устройства,— много раньше (начиная от 150).

Для большей надежности направления выстрелов в цель и удобства стрельбы П. устанавливаются на станки разнообразного устройства, начиная от простой сошки, которой подпирается дульная часть, и кончая специальным станком, имеющим вид небольшого лафета с колесами. Для действия с постоянных мест П. ставятся на станках, прикрепляемых наглухо: к валу укрепления, борту корабля, к танку, к борту самолета или на турели. Колесные станки, применяемые в сухопутном бою, позволяют установить П. на желаемой высоте от земли, удобной для действия стрелка сидя или лежа. На том же станке П. можно перевозить, тащить или толкать его перед собой (ползком).

Для наводки П. снабжаются прицельными приспособлениями самого разнообразного устройства, начиная от прицела и мушки одинакового устройства с принятыми для винтовок и кончая сложными прицелами, иногда с оптическим оборудованием, ближе подходящими к прицелам артиллерийских орудий. П., назначаемые для стрельбы по воздушным целям, для воздушного или танкового боя, снабжаются прицелами, специально приспособленными для этого вида стрельбы. Для разбрасывания пуль по фронту обстреливаемой цели (в стороны) и в глубину (в дальности) станки снабжаются особыми приспособлениями.

Для защиты стрелка от выстрелов противника П. снабжаются небольшими стальными щитами, прикрепляемыми к станку.

На большие расстояния П. вместе со станками и с запасом патронов перевозятся на специальных *повозках, запрягаемых лошадьми, или на* вьюках. Наша боевая практика эпохи гражданской войны выдвинула возку П. (в коннице) на так наз. „тачанках" — легких обывательских тележках, на которых П. с запасом патронов не только перевозится, но с которых может и стрелять.

Большее или меньшее совершенство П. в отношении системы охлаждения (водяное или воздушное), надежности направления огня (станок) и прикрытия стрелка (щит) естественно сказывается на его весе. Вес современных образцов колеблется в очень широких пределах от 4,4 (русский автомат инж. Федорова) и до 58 (французский — С.-Этьен) кгр. В отношении веса, связанного с ним устройства и вытекающих из него качеств П. подразделяются на с т а н к о в ы е (иногда называемые т я ж е л ы м и) и р у ч н ы е (называемые также л е г к и м и). *Первые требуют для передвижения и обслуживания в бою нескольких человек*, вторые же ближе подходят уже к типу автоматической винтовки, так как носятся и обслуживаются одним, много двумя людьми.

Требование надежного обеспечения П. патронами в бою заставляет иметь их того же калибра, какой имеет винтовка, состоящая на вооружении армии. Вот почему стрельба из П. в общем обладает теми же основными свойствами, что и ружейная. Но более устойчивое положение ствола при выстреле, по сравнению с положением винтовки, придает огню П. большую кучность боя и большую уверенность в направлении огня в намеченную цель, хотя бы и при тяжелой боевой обстановке. Сила П. в том, что большая часть работы человека по выполнению стрельбы, результаты которой находятся в такой большой зависимости от его психологического состояния в бою, заменена работой автоматической машины. Огонь одного станкового П. заменяет огонь 50 стрелков. Однако, очевидно, что П. неспособны к продолжительному беспрерывному действию хотя бы уже вследствие того, что при этом их невозможно бы было напитать необходимым количеством патронов; неизбежны также задержки, происходящие от самых различных, трудно уловимых, причин. В виду этого обычно стремятся группировать П. парами.

Идея оружия м н о г о к р а т н о й стрельбы заложена в глубокой древности, когда ее первообраз был осуществлен в виде машин, метавших одновременно большое количество стрел (балисты). В первые века существования огнестрельного оружия было создано не мало образцов артиллерийских орудий многократного огня (наши о р г а н ы). Однако, до конца XIX века подобного рода оружие не имело существенного значения. Впервые серьезное внимание обратили на себя к а р т е ч н и ц ы (м и т р а л ь е з ы), примененные французами во время войны 1870—71 гг., стрельба из которых производилась вращением рукоятки. Они не имели успеха, главным образом, вследствие их громоздкости и неправильного тактического использования— в виде отдельных батарей. Только с применением принципа использования энергии отдачи выстрела, приведшего к появлению самых разнообразных образцов п о в т о р и т е л ь н о г о автоматического оружия, П. дело начинает развиваться. Одним из наилучших образцов является П. системы Максима, принятый ныне у нас и в большинстве иностранных армий. В конце минувшего столетия П. впервые вводятся в полевые войска Англии; *однако, отличное действие их в экспедициях против* некультурных народностей еще не склоняет другие государства к их введению. У нас ведутся настойчивые опыты, и П. вводятся на вооружение армии в виде отдельных пулеметных команд, которыми мы располагали в небольшом числе к началу русско-японской войны. Опыт последней ярко подчеркивает значение П., почему, по мере средств, вся наша пехота и кавалерия снабжаются коман-

дами П. (32 на дивизию), чему следуют и заграничные армии (от 8 до 24 на дивизию). Однако, первоначально П. все-таки отводилась сравнительно узкая роль действия: против целей большого значения, на небольшие дистанции, в решительные моменты боя, т.-е. преимущественно при обороне. Только мировая война вскрыла полностью крупное значение П. в пехотном и кавалерийском бою, однако не в виде только каких-либо самостоятельных боевых единиц, а в виде могущественного огневого средства, которое должно быть тесно слито с основными родами войск — пехотой и конницей. П. получил большее значение не только при обороне, но и при наступлении, вытесняя прежний ружейный огонь. Это привело даже к изменению организации главных родов войск в их мелких подразделениях (рот и эскадронов), разделяемых ныне на группы, центром которых является П. Изменились и боевые порядки пехоты и спешенной конницы, разбивающиеся ныне на пулеметные и стрелковые (не имеющие П.) группы, располагающиеся на широком районе врозь, но поддерживающие друг друга издали, и при обороне и при наступлении, надежным огнем П. К концу мировой войны число П. на дивизию (станковых и легких) возросло до 684 (Франция) и даже до 1.000 (Америка).

Большой вес станковых П. и затруднительность питания П. вообще в бою, под огнем противника, ограничивают применение более совершенных по качествам станковых П., наравне с которыми армии вооружены и менее совершенными — ручными. Первые назначаются по преимуществу для стрельбы на самые дальние дистанции (до 5.000 шагов), в промежутки между своими войсками, через их головы, с закрытых позиций; применение ручных более ограничено. Для борьбы с танками появились П. крупного калибра (13 мм.), стреляющие бронебойными пулями. Кроме того, принципы устройства пулеметного механизма начинают применяться к малокалиберным орудиям, назначаемым для борьбы с самолетами (40 мм. орудие — П. Виккерса и др.), где скорость стрельбы (до 200 выстр. в мин.) играет большую роль.

Есть основания предполагать, что в будущем автоматичность стрельбы будет распространена на все винтовки, при чем минет надобность в применении П. одинакового с ними калибра; с другой стороны—этот же принцип все в большей мере начинает применяться к артиллерийским орудиям малого калибра. (См. *пушки*, также XLVI, *четырехлетняя война—техника в мировой войне*), также см. *приложение*.

Литература очень обширна. Более крупные труды — „Пулеметное дело“ *Федорова*, офиц. наставления, „Основания стрельбы из ружей и пулеметова“ *Филатова*, ГВИЗ. 1926.

Е. Смысловский.

Пуленбюрг, ван, Корнелис, голландский живописец (1586—1667), родился и учился в Утрехте у А. Блумерта, ездил затем в Италию и там под влиянием Эльсгеймера стал писать своеобразные небольшого размера картины. Фон его картин — Романская кампанья со скалами, горами, водопадами, купами деревьев, руинами, с пасущимися на низинах стадами. На этом фоне выступают небольшие фигуры мужские, женские, детские, то языческие, то библейские, то нагие, то одетые, обвеянные живым светом, нежно, законченно написанные. Эти идиллические пейзажи пользовались большим успехом в кругах буржуазии и вызвали целый ряд подражаний П. *Н. Т.*

Пулково, см. *Пулковская обсерватория.*

Пулковская обсерватория, в 20 км. к югу от Ленинграда, основана в 1839 г. Она построена под руководством известного астронома В. Я. Струве (*см.*) по планам академика Брюллова. По целесообразной конструкции всех инструментов она долгое время служила, и в значительной мере до сих пор служит, образцом для подражания. Что касается постройки здания, в котором многие павильоны для инструментов соединены в одно гармоничное целое, то в последние годы предпочитают отступать от этого типа и помещать инструменты в отдельных павильонах и башнях. С самого начала был выработан определенный план работы обсерватории, неуклонно проводящийся и до настоящего времени: возможно точное определение мест звезд на небе и определение тех величин (коэффициенты рефракции, прецессии, нутации и аберрации), которые влияют на координаты звезд. По этому плану раз в двадцать лет вновь определяют места избранных звезд, постепенно, впрочем, увеличивая их число, конечно с применением всех усовершенствований как в конструкции отдельных частей инструментов, так и в методах наблюдений. Для этой цели служит большой пассажный инструмент и вертикальный круг. Получаемые таким образом пулковские каталоги звезд пользуются превосходной репутацией в астрономическом мире и были положены Ауверсом в основу сводного фундаментального каталога главных звезд. Меридианный круг служит для определения мест других, в общем более слабых звезд. На 15-тидюймовом рефракторе производились различные работы микрометром, из которых наиболее известны и ценны обширные измерения двойных звезд и нахождения новых двойных звезд, произведенные О. Струве.

В 1885 г. П. о. получила большой рефрактор (в 30 д. отверстия), на котором Г. Струве произвел свои известные наблюдения спутников планет и двойных звезд, а с 1892 г. с ним

А. А. Белопольский фотографирует спектры звезд с целью исследования их движения на основании принципа Допплера-Физо. В 1893 г. обсерватория получила „нормальный“ международный астрограф, который служит преимущественно для фотографирования звездного неба для разнообразных целей: определения параллаксов звезд, исследования их собственных движений, спутников планет, фотографирования солнца и т. п.

В 1905 г. был получен „бредихинский астрограф“ со светосильным фотографическим об'ективом; с ним ведутся исследования переменных звезд в различных лучах спектра, фотографируются спектры звезд для определения температур и других целей, кометы и друг. неб. светила для астрофизических исследований. Недостаточная точность наблюдения в зимние месяцы солнца, вследствие его малой высоты над горизонтом, и южных звезд побудила организовать для этих наблюдений одесское отделение П. о., открытое в 1908 г. и перенесенное в Николаев в 1912 г. В нем были поставлены пассажный инструмент и вертикальный круг, по идее подобные тем, которые оставались в Пулкове; на них так же, как в П. о., производятся определения мест избранных звезд. В 1908 г. было организовано второе южное отделение П. о. в Симеизе, где Н. С. Мальцов подарил П. о. участок земли с двумя башнями и астрографом Цейсса. Этот инструмент служил и до сих пор служит для фотографирования малых планет. Перед войной были заказаны у англ. фирмы Грэбб для южных отделений большие инструменты: рефлектор в 1 м. отверстия и астрограф с фотограф. об'ективом в 32 д. отверстия. Война задержала изготовление их, но в настоящее время рефлектор получен и установлен в Симеизе. Директоры П. о.: В. Я. Струве (1839—1862); О. В. Струве (1862—1890); Ф. А. Бредихин (1890—1895); О. А. Баклунд (1895—1916); А. А. Белопольский (1916—1919); А. А. Иванов—с 1919 г. Хорошее подробное описание П. о. и ее работ наход. в Русском астроном. календаре на 1915 г. в статье А. П. Высотского. *С. Блажко.*

Пулланы (франц. poulains). Так называли родившихся в Сирии потомков первых крестоносцев („франков“, или „латинов“, каких называли на Востоке по господствующему языку и вероисповеданию) от смешанных браков с туземцами. П. преимущественно сосредоточивались в городах Сирии.

Пулолог, см. *византийская литература*, X, 96.

Пуло-Пинанг, то же что *Пинанг* (см.).

Пултуск, укрепл. гор. в Варшавском воеводстве (Польша), к сев. от Варшавы, на прав. бер. р. Нарева, 16.000 ж. Осн. в XI в. В 1703 г.—победа Карла XII над польско-саксонскими войсками. В 1806 г.— сражение между русскими (Беннигсен) и французами. В 1915 г. был взят германск. армией Гальвица. До отделения Польши П. был уездным гор. Варшавск. губ. Бывш. *пултусский уезд* занимал 1.526 кв. км. с 131,8 т. ж. (1914).

Пульверизатор, прибор для распыления жидкостей струей воздуха или пара. Простейший П., придуманный Бергсоном, состоит из двух трубок. Одна трубка, оканчивающаяся вверху сужением, опущена в распыляемую жидкость; перпендикулярно к ней расположена другая трубка, также несколько суживающаяся к концу (причем отверстие второй трубки шире отверстия первой). Если дуть во вторую трубку, то, вследствие уменьшения давления перед сужением первой трубки (см. *механика*, прил., XXVIII, 581), жидкость поднимается по этой последней и, выходя отсюда, разбивается в мелкие брызги, уносимые воздушной струей. Одно из применений П. представляет собою форсунка (*см.*). *А. Б.*

Пульгада, старая испанская мера, *см.* XII, 649.

Пулье (Claude-Mathias Pouillet, 1790—1868), выдающийся франц. физик. Учился в Нормальной школе, был проф. физики в нескольких высших школах Парижа, с 1831 по 1849 г.—директором Conservatoire des Arts et Metiers. Работал всего более в области электричества. Построил тангенс-бусоль (см. *гальванометр*, XII, 459), и синус-бусоль; построил прибор для измерения лучистой энергии солнца (пиргелиометр) и прибор для изуче-

ния законов ночного излучения телами, находящимися на поверхности земли (см. *актинометр*, I, 632); придумал способ электрического контактного измерения малых промежутков времени; не зная о работах Ома, изучил самостоятельно зависимость между силой тока, электродвижущей силой и сопротивлением. П. был превосходным преподавателем. Написанный им курс физики переиздавался несколько раз и был положен в основу распространенного и в наше время немецкого курса Müller—Pouillet—Pfaundler. *А. Б.*

Пульи, *см.* XXII, 292.

Пулька, см. *стекло*, XLI—IV, 515.

Пульман, *Пульман-Сити*, фабр. городок в сев.-амер. шт. Иллинойс, южн. предместье Чикаго, 10.000 жит. Осн. в 1881 г. *Георгом П* (1831—1897). Производство пульмановских вагонов (см. *вагоны*, VII, 459/60, прил., III—IV).

Пульпа, *пульпарная полость*, см. *зубы*, XXI, 354.

Пульс. Стенки артерий (*см.*) обладают сильной эластичностью; поэтому когда кровь из левого желудочка поступает в аорту, аорта в данном месте расширяется притекающей кровью; но затем стенки аорты вследствие своей упругости стремятся принять прежнее положение, аорта суживается и выжимает кровь с данного места в обе стороны; однако, обратное движение крови (по направлению к сердцу) невозможно вследствие захлопывания аортальных клапанов (см. *анатомия*); поэтому кровь из данного места при последовательном сужении аорты выжимается по направлению от сердца; выталкиваемая кровь растягивает ближайший соседний участок аорты, и здесь повторяется то же самое, т.-е. по прекращении растяжения аорта в данном месте сжимается и проталкивает кровь далее. Таким образом, после каждого выбрасывания крови из желудочка в аорту расширение ее как бы пробегает вдоль нее по направлению от сердца к капиллярам (подобно тому, как после брошенного в воду камня волна, resp. ее поднятая часть, пробегает по поверхности воды). Такая волна расширения пробегает вдоль стенок артериальных сосудов со скоростью 9 метров в секунду; кстати сказать, кровь в артериях движется значительно медленнее. Если на артерию, лежащую где-либо вблизи поверхности тела, положить палец, то палец будет ощущать эту пробегающую волну как толчок, и каждый толчок будет соответствовать выбрасыванию крови из желудочка. Такое „биение“ артериальных сосудов называется П.; частота П., следов., соответствует частоте сокращений желудочков. Пульсовая волна доходит лишь до капилляров, капилляры пульсируют в редких случаях, на вены же пульсовая волна обыкновенно не передается. Частота П.: у взрослых 65—75 ударов в минуту; у детей П. чаще (около 100). В покое, во время сна частота П. уменьшается; при мышечной работе, после принятия пищи, при душевных волнениях П. учащается; также П. учащается при лихорадочном состоянии (до 120—140 и более); при расстройствах деятельности сердечной мышцы П. б. ч. учащается. Кроме частоты, отмечают наполнение П. П. хорошего наполнения, когда артерия под пальцем представляется достаточно наполненной кровью; при ослаблении сердечной деятельности из сердца в артерию поступает мало крови, и П. в таких случаях часто бывает очень плохого наполнения. Степень растяжения артерий зависит от количества поступающей в артерию крови, от силы, с которой кровь движется, а также от степени податливости сосудистой стенки; в зависимости от степени растяжения артерий П. может быть большим или малым. Кроме того, отмечают „напряжение“ П.; напряженный П. выражает собою упругое напряжение артериальной стенки при ее расширении, что зависит от степени давления движущейся крови на стенки сосуда и от степени упругости стенки; в связи с этим П. может быть напряженным, сильным или слабым; слабый П. может зависеть от ослабленной деятельности сердечной мышцы, от расстройств ее иннервации, от понижения эластичности сосудистых стенок (напр., при артериосклерозе). На степень давления крови влияет степень расширения, resp. (либо) сужения, сосудов (под влиянием сокращения гладких мышц, на-

ходящихся в стенках сосудов, resp. под влиянием сосудорасширяющих или сосудосуживающих нервов); расширение сосудов способствует понижению кровяного давления и, следов., ослаблению П.; сужение же сосудов — повышению давления: повышенно-напряженный П. Наконец, отмечают ритм П.; если отдельные пульсовые волны (resp. сокращения желудочков) следуют одна за другой через одинаковые промежутки времени, то П. называется правильным, ритмичным; если эти промежутки времени не одинаковы, П. называется неправильным, аритмичным, а самое состояние называется аритмией. Аритмия может зависеть от расстройства иннервации сердца или от заболеваний самой сердечной мышцы.

Н. Кабанов.

Пульсометр, см. *насосы*, XXIX, 659′.

Пульхерия, Элия Августа, дочь имп. Аркадия и Евдокии (399—453), визант. императрица. Воспитанная в строго-церковном духе, П. 16 лет дала обет безбрачия, обратила царский дворец в монастырь, воспитывая в том же направлении своего младшего брата Феодосия II (*см.*), за которого она управляла государством. Правление ее отмечено ростом культурного влияния Греции на Востоке, особ. в Армении, которая именно при П. стала входить в среду цивилизованных стран. На 20-м году П. женила брата на красавице Афинаиде, дочери философа Леонтия, принявшей в христианстве имя Евдокии. Разгоревшееся женское соперничество кончилось торжеством П. (Евдокия навсегда удалилась в Иерусалим), но влияние ее было ослаблено церковной смутой (пропаганда монофизитов) и придворными интригами; в 449 г. П. даже покинула двор. Но уже в след. году смерть брата сделала ее императрицей, и П., не меняя монашеского образа жизни, вышла замуж за старика-сенатора Маркиана, провозгласив его императором. *И. Ш.*

Пульчи (Pulci), Луиджи (1432—1487), итальянский поэт, был поэтом при дворе Лоренцо Великолепного, по совету его матери написал поэму „Morgante Maggiore“ (собственно „Morgante“; эпитет „Maggiore“ прибавлен к изданию 1483 г., более полному в сравнении с изд. 1480 г.). Воспользовавшись более ранними поэмами о подвигах Роланда, П. создал, с одной стороны, карикатуру на былины уличных песенников, а с другой — выдвинул фигуры великанов Морганте и Маргутте, из которых последний является его собственным созданием (оба они являются предшественниками героев Рабле, а Маргутте—одним из прототипов шекспировского Фальстафа), и вплел эпизоды с дьяволами Астаротте и Фарфарелло, беседующими с Роландом об истинном смысле религии, о географических открытиях (есть намек на существование Америки). Как в своей поэме, так и в своих сонетах и письмах П. высказывал еретические мысли, пародировал христианские обряды, отрицал бессмертие души и т. д., от которых потом, впрочем, отрекся в своей „Исповеди“, „Confessione“.

Пульчи, Лука (1431—1470), брат Луиджи П., вел дела фирмы, обанкротился, должен был временно покинуть Флоренцию (как и Луиджи), был также поэтом, воспел турнир Лоренцо Великолепного („Giostra“) и его любовь („Pistoles“), написал, в подражанье Боккачио, пастораль „Driadea d'amore“ и рыцарскую поэму „Giriflo Calvaneo“, дополненную братом и законченную по приказанию Лоренцо поэтом Б. Джамбуллари. Вопрос о том, принадлежат ли указанные произведения частью или целиком ему или брату, считается до сих пор спорным. *В. Фриче.*

Пульчинелла (Pulcinella, франц. Polichinelle), одна из масок Commedia dell'arte, из т. наз. южного квартета (П., Скарамуччья, Тарталья, Ковьелло), появился во второй половине XVI века (филиация из персонажей римских ателлан не доказана), как одно из воплощений Zani, типа слуги. Социальный облик П.— крестьянин из окрестностей Кавы или Ачерры, под Неаполем, действующий в условиях преимущественно городской жизни (но в некоторых сценариях он — контрабандист, бандит и т. п.). Психологически он очень напоминает соответствующую маску северного квартета, Бригеллу: такой же умный, изворотливый, не брезгующий никакими средствами, злой, коварный, но с более живым, южным

лемпераментом. Костюм — белая блуза, белые панталоны, белое жабо, белая шапочка, черный пояс, красный кошель, черная маска, горб спереди, горб сзади. См. *B. Croce*, „P. eil personaggio del Napoletano in commedia“ (1889). Ср. *кукольный театр*, 155.

А. Дж.

Пуля, сплошной снаряд (см. *пушки*), применяемый для стрельбы из ручного огнестрельного оружия и пулеметов, а также для наполнения (снаряжения) снарядов артиллерийских орудий (шрапнель, выведенная ныне из употребления картечь), назначаемых для поражения живых целей (картечное действие). Первоначально, при гладкоствольном оружии,— а в артиллерийских снарядах и ныне,— имела сферическую форму,— как наилучшую, обеспечивающую правильность полета П. в воздухе. Материалом для ее изготовления издавна служит свинец, обладающий большим удельным весом, почему, при одинаковых размерах, свинцовые П. обладают большей поперечной нагрузкой (см. *стрельба*) по сравнению с П. из другого материала. Это обеспечивает им лучшую способность преодоления сопротивления воздуха, или среды, в которую П. попадает, а потому и большую дальность полета, большую убойность. Для придания материалу П. большей твердости к свинцу прибавляют сурьму (около 20%).

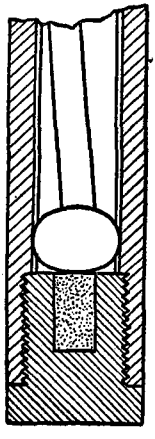


Рис. 1.
Пуля Дельвиня.

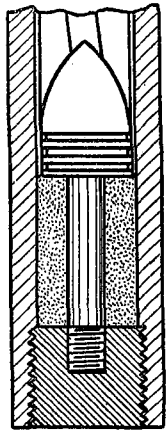


Рис. 2.
Пуля Тувенена.

П. первых образцов огнестрельного ручного оружия (XVI век) имела калибр около 8,5 линий (21,6 мм.) и весила 12 зол. (51,2 гр.). По мере ее совершенствования уменьшался калибр, а вместе с тем и вес П. — до 7 и до 6 линий. При переходе к нарезному оружию, заряжавшемуся первоначально с дула, требовалось, чтобы П. свободно входила в канал при заряжании, а при выстреле следовала бы по нарезам. Для этого первоначально П. перед заряжанием обертывалась пластырем и загонялась в канал ударами молотка по шомполу. Затем было предложено (французский карабин Дельвиня) входившую свободно с зазорами П. расплющивать ударами шомпола на уступах камеры, которою заканчивался канал винтовки, или на стержне, ввинченном в дно канала (Тувенен, Франция). Далее, стала применяться вместо сферической продолговатая П., обладавшая при том же калибре большей поперечной нагрузкой. Наилучшие результаты давали П. расширительной системы, в особенности с конической выемкой в донной части, в которую вставлялась железная чашечка (Минье). При выстреле давлением пороховых газов более легкая чашечка успевала сместиться раньше тяжелой П. и, входя в коническую полость П., раздавала стенки ее в стороны, вгоняя их в нарезы. Длина П. вначале превышала ее калибр в 1,5 раза.

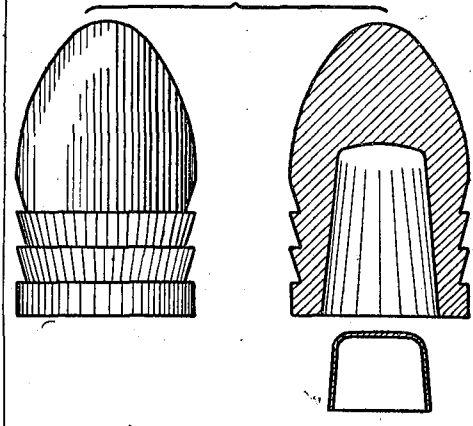


Рис. 3.
Пуля Минье.

Последующее усовершенствование ручного огнестрельного оружия сводится к стремлению достигнуть большей поперечной нагрузки и большей начальной скорости П., что приводит к необходимости увеличения ее относительной длины и уменьшения веса, а следовательно и калибра. При этом вследствие тонкости стенок П. расширительной системы оказываются неприменимыми. Появляются П. сжимательной системы, основанные на том, что при большой относительной длине (не меньше 2 калибров) и начальной скорости (не меньше 1.000 ф./сек.) при выстреле задние частицы П. начинают движение раньше передних, П. сжимается по длине и, расширяясь у дна, врезается в нарезы. Дальнейшее повышение балистических качеств ручного оружия, в связи с повышением необходимой скорострельности и увеличением запаса патронов, носимых стрелком, ведет к дальнейшему уменьшению калибра П. и ее веса, а также к увеличению начальной скорости, при чем П. расширительной системы оказываются непригодными (оплавляются при выстреле). Вводятся

форсируемые П., состоящие из свинцового тела, заключенного в прочную оболочку из мельхиора или стали. Диаметр их несколько превышает диаметр канала, почему при выстреле П. врезается боковой поверхностью в нарезы. Калибр современных П. (от 7,6 до 6,5 мм.) достиг предела, за которым убойность их становится недостаточной. В последнее время главное внимание обращается на усовершенствование формы наружного очертания П. и сочетания ее веса с возможно большей начальной скоростью. Эти меры обеспечивают наименьшее сопротивление при движении в воздухе, ведут к достижению наибольшей отлогости траектории и дальности, в особенности дальности прямого выстрела (см. *стрельба*). Головная часть П. приобретает заостренную форму, корпус П. несколько суживается к дну.

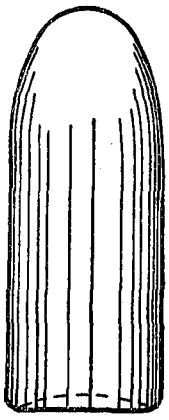


Рис. 4.
Пуля сжимательной системы.

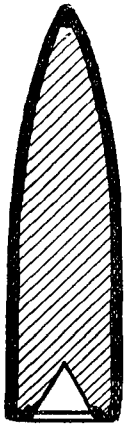


Рис. 5.
Форсируемая пуля.

Появление стальных щитов (у пулеметов, артиллерийских орудий, впоследствии — в танках, самолетах) вызывает необходимость применения специальных бронебойных П., изготовленных со стальным сердечником, так как мягкий свинец для пробития щитов непригоден. Для улучшения наблюдаемости точек падения П. при пристреле или при полете их в воздухе, что так необходимо при воздушном бое, применяются пристрелочные П., *содержащие небольшое количество* вещества, дающего при падении П., при посредстве специального приспособления, взрыв и небольшое облачко дыма, и трасирующие П., содержащие дымородный состав, загорающийся при выстреле и оставляющий на полете дымовой след. Этого рода П. вводятся в небольшом проценте, чередуясь при стрельбе с обыкновенными.

По существу, пристрелочные П., как разрывные, противоречат международным правилам об обычаях ведения войны, которыми не разрешается применение разрывных снарядов, имеющих вес меньше 1 фунта, как наносящих при разрыве в теле излишние страдания. К этой же категории П. надо отнести П. с надрезами в головной части или с полостью, заполняемой деревом, так как такого рода П. попадая в тело, сильно деформируются своей головной частью, нанося жестокие рваные раны (П. дум-дум).

В целях охоты П. применяется для стрельбы по крупному зверю. Необходимость нанесения надежного ранения приводит к употреблению для стрельбы по особенно крупному и опасному зверю П. с *большой убойной силой*, что разрешается или сравнительно большим калибром, или применением П. с надрезами или полостью в головной части

Е. Смысловский.

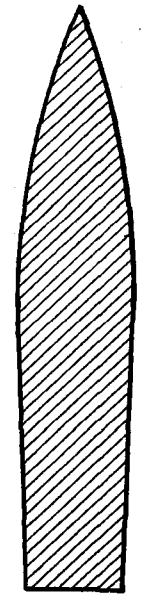


Рис. 6.
Французская латунная пуля D.

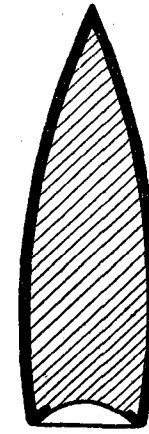


Рис. 7.
Немецкая пуля S

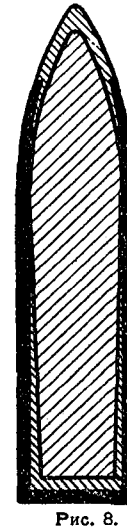


Рис. 8.
Бронебойная пуля со стальным сердечником (штриховка внутренняя).

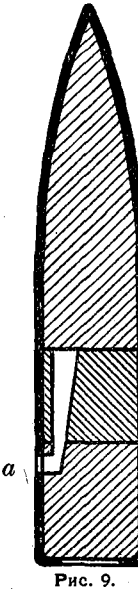


Рис. 9.
Трасирующая пуля: штриховка — фосфор; а — отверстие, через которое происходит воспламенение фосфора при выстреле.

Пума, см. *кугуар.*

Пумперникель, вестфальский ржаной хлеб из мало очищенной ржаной муки; тесто бродит 16—20 часов и закисает; печется тоже долго, 16—24 часа, в хорошо замкнутой печи; получаемый так темнокоричневый хлеб довольно удобоварим, особенного вкуса, очень прочен в лежке и потому рассылается повсюду в Германии; иногда готовится и в Боснии. *Я. Н.*

Пуна, гор. в индо-британск. пров. Бомбей, 176.671 жит. (вместе с фортом 214.796 жит.; 1921). Изделия из золота, серебра, слоновой кости. Женск. универс., инженерн. школа.

Пуна, см. *Перу,* XXXII, 38; III, 395.

Пундит (собств. *пёндит* в современном англо-индийском произношении, из санскритского *pandita*—ученый), общеупотребительное в Индии наименование для всякого получившего хотя бы среднее образование туземца, а затем и для профессионального ученого; как термин, обозначающий известное звание или титул, может приравниваться к европейским ученым степеням баккалавра, магистра, даже доктора, хотя последнему скорее соответствует более почетный эпитет *бхатта.* *П. Ритт.*

Пуни, Цезарь, композитор, значение которого существенно, гл. обр., для России, так как его творчество долгое время было единственным, обслуживавшим специфическую область балетной музыки в России. П. род. в 1805 г. в Генуе, ум. в 1870 г. в Петербурге. Изучал музыкальное искусство в миланской консерватории, при чем специализировался на балетной музыке, написав до 300 балетов. Помимо того, он писал оперы и даже мессы, но они не имеют существенного значения. С 1851 г. он был приглашен в Петербург в императорские театры для заведывания музыкальной частью балета. Для русской сцены им написано много новых балетов, при чем некоторые из них до сих пор не сошли с репертуара, как, напр., „Эсмеральда", „Конек-Горбунок", „Дочь Фараона". Вне балетной области музыка его, приближающаяся по типу к легкой опереточной музыке, никакого значения не имеет *Л. Саб.*

Пунические войны, более чем столетняя борьба между Римом и Карфагеном (264—146 гг. до н. э.) из-за господства в зап. части Средиземного моря. Римляне называли карфагенян финикийцами, poeni; финикийский — punicus, откуда и название войн П. Считают три П. в. О ходе их см., главным образом, в статьях *Карфаген* (XXIII, 578/79) и *Сципионы.* По миру, закончившему *первую* П. в. (264—141), римляне получили Сицилию с прилегающими островами и контрибуцию в 3.200 талантов. *Вторая* П. в. разыгрывалась преимущественно в Италии (так. наз. *Аннибалова война*), но эпизоды ее происходили и в других местах: римлянам приходилось отбивать нападения на Сардинию, оспаривать притязания на Сицилию (при взятии римлянами Сиракуз в 213 г. погиб Архимед), с затратой больших сил разрушать военную базу карфагенян в Испании, над чем работали два поколения Сципионов (*см.*). В конце-концов карфагеняне уступили Испанию и все средиземноморские острова, сдали военный флот и слонов, обязались выплатить в 50 лет 10.000 талантов и отказались от ведения войн без разрешения римлян. Нарушение последнего условия привело к *третьей* П. в. (149—146), закончившейся разрушением Карфагена и превращением его владений в римскую провинцию Африку. См. также *Аннибал, Гамилькар, Гасдрубал, Фабии* и *Рим — история.* Главные *источники* для П. в.: Полибий, кн. 1, 2, 3 и заметки в кн. 7—15; Ливий, кн. 21—30; Аппиан, Res Lybicae (для 3-й войны). *Литература:* помимо общих работ по римск. истории Момзена, Ihne, Nietzsch'a, см. библиографию у *B. Niese,* „Grundriss der römischen Geschichte". *И. Ш.*

Пункахарью, горн. хребет в Финляндии, *см.* XXXVII, 276.

Пунктирная манера, манера рисовать маленькими точками посредством самой тонкой кисти; употребляется в миниатюрах, а также при гравировании (*см.* XVI, 364).

Пуно, гл. гор. департ. П. в Перу, на оз. Титикака, на выс. 3.824 м. н. ур. м., 6.000 ж.

Пуно, см. *Финляндия,* XLIII, 669.

Пуночка, или *снежный подорожник,* Plectophanes nivalis Meyer (Emberiza nivalis L.), вид овсянок, миловидная птичка, дл. до 16 см.; самцы в брачном наряде имеют пестрое оперение из сочетания черного и белого цветов, в зимнем — бурое. Самка в брачном оперении вместо черного цвета имеет темнобурый. Имеет широкое распространение по тундрам Евразии и Америки, выбирая для гнездования более высокие места; зимой передвигается к югу до Италии, Черного моря, Туркестана, Китая и в Америке до южн. штатов. Песенка напоминает трели полевого жаворонка, но резче их. С этим видом сходен подорожник лапландский, P. lapponicus Smith (E. lapponica L.), но у самца брачная окраска еще пестрее, состоит из сочетания черного, ржаво и темно-бурого, белого. Гнездится немного южнее первого, предпочитая сырые места с кочками. *М. Н.*

Пунсон (лат. punctio, укол; ит. punzone; фр. poinçon), клеймо или чекан. В монетном (и медальном) деле П. — закаленный стальной брусок с выпуклым изображением (патрица); с помощью П. выдавливается на другом, отпущенном стальном брусе вогнутое изображение (матрица); после закала матрицею чеканят медаль или монету. В словолитном деле П. вырезывается для каждой отдельной буквы, от руки или машиной, на отпущенной стали, которая после этого закаливается и служит для оттиска, с ее помощью, на меди матрицы, с которой уже отливают из гарта (сплава) самый шрифт.

Пунт, так др. египтяне называли страну, занимавшую нын. сомалийский берег у ю. конца Красного моря и вдоль ю. стороны Аденского залива, м. б. и противолежащий берег Аравии (повидимому, „Фуд" Библии, „Офир" царя Соломона). Изображения пунтийцев на египетских памятниках указывают их поразительное сходство с египтянами. Сношения с П. поддерживались Египтом с очень отдаленных времен, при фараоне Сахуре (5-я династия, ок. 2750 г. до н. э.) они засвидетельствованы в летописи. Из П. доставлялись в Египет ароматические смолы и камеди для воскурений и умащений, черное дерево, слоновая кость, драгоц. металлы, страусовые перья, павианы, мартышки, туземные рабы, наконец даже свежие миртовые деревья для храма (при царице Хатшеспут, ок. 1700 г. до н. э.). Торговля с П. была, повидимому, исключительной прерогативой фараонов и приносила значит. доход. Египтяне чрезвычайно освоились с путешествиями в П., у них сложилась даже дошедшая до нас сказка о чудесных приключениях моряка, потерпевшего крушение в тамошних водах. Направление пути в П. в разные периоды египетской истории менялось. Известно два маршрута: несколько севернее Фив, у Копта, начинался через Хаммамат пятидневный караванный путь, стараниями фиванских царей 11-й династии снабженный колодцами и станциями; здесь Нил ближе всего подходил к Красному морю, по которому дальше плыли к югу на кораблях; или же спускались по Нилу до дельты, откуда через Вади Тумилат вел канал к сев. части Красного моря, — дальше в П. плыли уже морем. *Й. Ш.*

Пунта-Аренас, гл. порт Коста-Рики, 5.768 ж. (1923), *см.* XXV, 279/80.

Пунцовое крашение, *см. красильное производство,* XXV, 360, прил. 3 *ализарин,* II, 242.

Пунцовый товар, *пунц. ткани, пряжа, кумачевый товар,* подготовленный ализариновым маслом, в состав которого входит клещевинное масло, протравленный глиноземом и окрашенный искусственным ализарином, очень прочный по окраске красный товар, ровный или с узорами иных цветов — расцветкою. *Я. Н.*

Пунш, напиток, заимствованный англичанами на Востоке еще в конце XVII в. и получивший свое название, повидимому, от слова „пять" (на яз. индустани „panch"), по числу основных ингредиентов этого напитка (вода, спирт, сахар, лимон, пряности). П. бывает горячий, холодный, даже замороженный. Потребляется тут же, по изготовлении, но есть П., заготовляемые впрок. Разновидностей очень много в зависимости от различных ингредиентов.

Пуншевая эссенция, имеющаяся в торговле жидкость для быстрого и удобного приготовления пунша, состоящая из рома, джина, арака, вина и пр. с сахаром и иногда с фруктовыми соками и лимонной или винной кислотою. *Я. Н.*

Пуны, холодные, пустынные плоскогорья в Перу и Боливии на выс. 4.000 м. и более, с редкой раститель-

ностью (жесткие травы и кустарники, кактусы и низкорослые деревья), *см.* V, 231, и XXII, 38.

Пуньяни, Гаэтано, знаменитый виртуоз-скрипач. Род. в 1731 г. в Турине, ум. в 1798. Его учителями были выученики знаменитых виртуозов XVII в. Тартини и Корелли, в том числе известный в свое время скрипач Сомис. В 1752 г. молодой скрипач уже становится первым концертмейстером придворного оркестра в Турине, затем концертм. итальянской оперы в Лондоне. Конец жизни П. был дирижером придв. театра в Турине. Он оставил много учеников, к числу которых принадлежат Виотти и Бруни. П. является очень плодовитым композитором, но только незначительная часть его сочинений напечатана. Он писал много и для сцены (7 опер) и для оркестра, культивировал тогда еще только зарождавшуюся форму камерной симфонии. Наибольшую славу ему доставили его произведения для скрипки, в том числе 9 скрипичных концертов (из них только один напечатан) и 14 сонат для скрипки соло, которые и до сих пор составляют необходимую принадлежность репертуара скрипача. В последнее время некоторые вещи П. обработаны знаменитым скрипачем Крейслером и в таком виде получили мировую известность. *Л. Сабан.*

Пупавки, Anthemis, род из сем. сложноцветных, одно- и многолетние травы с зубчатыми или перистонадрезанными листьями и большими корзинками на концах ветвей. Краевые цветки белые или желтые, реже их нет. Семена без хохолка. Наиболее обыкновенны: *красильная П.*, A. tinctoria, окружные цветки желтые, обыкновенная трава; и *полевая П.*, A. arvensis, с белыми окружными цветками. *М. Н.*

Пупарт (Poupart), Франсуа (1676—1708), хирург и анатом, занимал кафедру в Париже. Некоторое время работал в Hôtel-Dieu. В 1699 г. был избран членом франц. академии наук. В анатомии именем П. названа связка, соединяющая верхнепереднюю ость подвздошной кости с бугорком лобковой (*Пупартова связка*). В области хирургии имеется обширный труд П.— „Chirurgie complète". П. занимался также естественн. науками, в частности энтомологией.

Пуп земли, в смысле центра, средины земли — термин, известный еще в древности: еще римляне им обозначили одно место на форуме, где сосредоточена была главная святыня, отметили его отдельным храмом. Связывая центр религиозной, общественной и политической жизни, они этим памятником наглядно подчеркивали важное значение как места, так и самой идеи единства религиозного и государственного. Христианство по-своему унаследовало эту идею, перенеся ее на колыбель христианства, Иерусалим: и здесь, в храме Воскресения Христова, за алтарем, под отдельной часовней помещен был „пуп земной". Это представление, вероятно через паломников, занесено и в старую русскую литературу не позднее нач. XII в. („пуп земной" описывает уже русский паломник, игумен Даниил, 1107—1108), получило отражение и в устной словесности: в известном духовном стихе о Голубиной книге Иерусалим потому „всем городам мать", что там храм Воскресения и в нем „пуп земли". *М. Спер.*

Пуповина, или *пупочный канатик* (*см. зародыш у человека*, XX, 614/16), извитой тяж, образован кровеносными сосудами, пупочными артериями и пупочной веной, заключен в отросток амниона и окружен студенистой эмбриональной соединительной тканью, наз. *Вартоновым студнем.*

Пупочная артерия, *см.* XX, 615.

Пупочная вена, *см.* XX, 615.

Пупочная грыжа, *см. грыжа*, XVII, 270.

Пур, р. в тобольском окр. Уральск. обл., берет начало на границе с томским окр., впад. в Тазовскую губу (ответвление Обской губы Карского м.). Дл. св. 400 км.

Пура, мера сыпучих тел в Эстляндской губ., *см.* XX, 657.

Пурана (purâna—древность, старина, легенда), обозначает в священной литературе брахманизма (*см.* VI, 511) сначала отдельные места в Ведах и Брахманах, трактующие обычно в форме космогонических мифов об „исконном начале вещей", а затем и преимущественно — особый весьма обширный

отдел в санскрит. литературе (*см.*) т. н. *18 П.*, легендарных хроник, древнейшие из которых восходят к VI в. н. э. (*Winternitz*, „Geschichte d. indischen Literatur", I, S. 446—480; *Henry*, „Les littératures de l'Inde", p. 188—204; *Macdonell*, „A History of Sanscrit Literature", p. 299—302), получивших свой теперешний вид в последующие века, по мере упрочения реставрированного брахманизма, и закрепивших учение о Тримурти (*см.*) как основу т. н. индуизма, или необрахманизма, приняв вследствие этого даже известную сектантскую окраску. В П. собраны и древнейшие, хотя и фантастически преломленные, исторические предания: напр., учение о *кали-юга*, последнем из четырех *юга* (см.), как самом злосчастном в ныне длящемся мировом периоде, сложилось под впечатлением всех ужасов нашествия „белых" *гуннов* (см. XVII, 391) в V—VI вв. н. э. Гл. содержание П.—космогонич. легенды, описания династий богов, царей, героев и святых, их назидат. „жития", разные морализующие рассуждения и изречения, при чем все это облечено в общедоступную форму стихотворных диалогов, где главным повествователем является святой певец-сказитель *Ломахаршана*, сын легендарного компилятора Вед и Махабхараты (*см.*), мудреца Вьясы, считающегося также автором и 18 П., составлявших священный авторитет уже для реформатора XII века н. э., вишнуита *Рамануджи* (см.). Правоверный индус до сих пор обращается к П., дабы согласовать с их учением свою жизнь и соблюсти обязанности, ведущие к телесному и духовному благополучию, так что в религиозной жизни народных масс в Индии, по своему отношению к канонической литературе Вед, Упанишад (*см.*) и ортодоксальным философским системам Санкхья (*см.*), Йога (*см.*) и Веданта (*см.*), П. занимают место, аналогичное с тем, какое можно отвести для христианства „житиям святых" по сравнению с библией, схоластикой и теологией. Эти 18 П. распределены на 3 группы, по 6 в каждой, соответственно 3 божествам, составляющим Тримурти, и 3 основным принципам Санкхьи, последовательно с ними сопоставляемым: I. Вишну — Саттва (добро, чистота, созидающая сила): Vishnu-, Bhâgavata-, Nârada-, Gâruda-, Padma-, Vârâha- purâna. II. Брахма — Раджас (страсть, энергия, сохраняющая сила): Brahma-, Brahmânda-, Markandeya-, Brahma-vaivarta-, Bhavistva-, Vâmana-purâna. III. Шива—Тамас (тьма, разрушительная сила): Çiva-, Linga-, Agni-, Skanda-, Kûrma-, Matsy-purâna.

Самой популярной в Индии, интересной и характерной, является Бхагавата-П. (12 книг, 18.000 станс.), подробно повествующая об аватаре Вишну в лице Кришны, доступная и европейцам в превосходном франц. переводе: „Le Bhâgavata Purâna ou histoire poétique de Krishna", traduit et publié par Eugène Burnouf, t. I—III, Paris. 1840—47; t. IV—V, publiés par *Manoette - Besnault* et *P. Roussel*. Paris, 1894—1898. *П. Риттер.*

Пураче (Puracé), вулкан в Андах, в Колумбии, 4.700 м. в.

Пурбекские слои, верхний ярус юрской системы на Западе. См. *геологические системы*, XIII, 286.

Пурва-Миманса, см. *Миманса.*

Пурга, см. *буран.*

Пурген, см. *слабительные средства*, XXXIX, 451.

Пури (*П.-Джаганнатха*), гор. в Бенгалии (в дивизии Орисса), у южной оконечности дельты р. Маганади, 49.000 ж., известен святилищем Джаганнатхи (*см.*).

Пуризм (от латинск. purus—чистый), стремление к чистоте языка, иногда преувеличенное, но часто и законное. Язык народа есть живая традиция, и здесь, как во всяком развитии, естественно столкновение между закономерностью традиционного целого и непокорностью живого языка, преступающего традицию иногда творческим ее преодолением, иногда ненадлежащим ее нарушением. Против невнимания к общепринятым формам языка, как органического целого, восстает как подсознательное языковое ощущение, чаще всего консервативное, эстетическое и национальное, так и сознательная мысль, которая, видя в языке важнейшее практическое орудие, не может мириться с различными недостатками

речи литературной и разговорной, отражающимися на ее должном применении. То, что язык есть явление развития, хотя и целесообразного, однако свободного, нисколько не устраняет возможности появления в нем искажений, инородных стихий, нарушающих его целостность, затрудняющих понимание, неспособных к слиянию и развитию, звучащих неприятно для слуха, привыкшего ощущать в языке известную систему, иногда оскорбляющих условное и групповое чувство пристойности. И стихийно-органическому характеру языка не противоречит сознательное тяготение к чистоте речи, к ее обереганию от иноязычных влияний, от грамматических и стилистических неправильностей, от недостаточно понятных или нецелесообразных новшеств. Особенно естественно стремление охранять от всего наносного, уродующего, грубого и неблагозвучного речь литературную, и стилистическая теория, обсуждая различные такие уклонения, как архаизмы, варваризмы, провинциализмы, неологизмы и т. п., с одной стороны, видит в них законное проявление индивидуальности речи писателя, с другой стороны, однако, пользуется этими категориями для распределения по ним многообразных погрешностей против правильности и чистоты языка. Среди таких погрешностей заслуживают особого внимания варваризмы и неологизмы, обличаемые с особенной страстностью, объясняемой тем, что П. часто бывал связан с тенденциями не чисто литературно-лингвистическими, но больше общественно-политическими.

Под прикрытием борьбы против иностранных слов не раз велась борьба против чужеземных освободительных идей; возмущение новым словом часто прикрывало ненависть к враждебной мысли. И наоборот, отвержение старого способа выражения есть вид нападения на устарелое мировоззрение. Так, в наши дни одни нападают на новые термины и новые словообразования, связанные с новым бытом, другие же отвергают, как устарелую и тормозящую, церковную, библейскую, канцелярско-бюрократическую или религиозно-идеалистическую фразеологию. Политический П., видящий во внесении иностранного слова кощунственное потрясение основ народно-государственной жизни, обычно бывает груб и невежествен, так как забывает, что языковые заимствования также неизбежны в культурном развитии, как идейное взаимодействие. И во всяком случае, было ли в свое время уместно введение иностранного слова, или нет, оно в дальнейшем почти всегда срастается с живою тканью языка, делая ее необходимым его элементом. В частности, в русском языке, как показало исследование, к иностранному первоисточнику восходит множество слов, давно усвоенных речью и звучащих как коренные русские слова (напр., немецкие: плуг, меч, буква, блюдо; татарские: сарай, сундук, туман, товар; греческие: исполать, куралесить, катавасия и мн. др.). Практика П. должна направляться не столько общими теоретическими соображениями, сколько языковым чутьем и литературным тактом. Во всяком языке много новообразований, казавшихся уродливыми в момент их внесения и, однако, прочно вошедших в состав языка. Нельзя также отвергать новые формы только на том основании, что мы с ними не встречались у образцовых писателей или в разговорной речи; язык должен обновляться, и не так просто решить в отдельном случае, имеем мы дело с словесной однодневкой,—также имеющей права на существование,—или с обогащением языка. Лишь его история скажет, в какой степени жизнеспособны были новшества, принесенные, например, „словесной инструментовкой“ декадентов, „заумью“ футуристов и т. п. Но надо помнить, что мы говорим и писатель пишет не для обогащения языка и истории литературы, но для выражения своей личности и для воздействия на других.

В разные времена в разных условиях всегда менялись объекты П. Деятельность его бывала направлена то на поэтический стиль, то на разговорную речь, то на научный язык, то на словарь, то на фонетику, то на грамматику.

После периода литературной изысканности (гонгоризм в Испании, ма-

ринизм в Италии, юфуизм в Англии, прециозность во Франции) в Европе XVII века получили всеобщее преобладание требования простоты и ясности, черпавшие идеал в стиле классической древности и с наибольшей отчетливостью выразившиеся в свое время в французском классицизме. Однако, классицизм тоже нес с собой, с одной стороны, пуристическое предпочтение высокого стиля и борьбу с „низкими" словами; с другой — под французским влиянием национальные языки загромождались иностранными словами, и борьбою с с ними отмечены лингвистические стремления XVIII века в Германии, Италии, России. До сих пор показательным остается то, что усилия французских пуристов направлены почти исключительно на правильность и стилистическую безукоризненность литературного языка, тогда как немецкий П. заботится почти исключительно об очистке языка обиходного и научного, очень склонного к словарным заимствованиям. Средоточием этих тенденций является во Франции Академия, во многовековой работе обновляющаясвой словарь, назначение которого не только научное, но и практически-нормативное. В Германии стремление пуристов практически об'единяет и направляет Deutscher Sprachverein, развивающий чрезвычайно широкую и напряженную деятельность по очистке словаря от иностранщины, но при этом борющийся также за ясность и простоту, напр., научного, торгового, законодательного языка и добившийся в этом отношении очень многого. Авторитет общества так велик, что с ним считаются при редактировании законопроектов. Несмотря на ясную националистическую окраску деятельности общества, оно успешно борется и с претенциозными и неуклюжими „истинно-немецкими" архаизмами.—В России уже Крыжанич и Посошков указывали на необходимость очистки языка, уже Тредьяковский, Ломоносов, Сумароков изобретали удачные русские слова для замены иностранных и успешно боролись с славянизмами.

Российская академия, работая над словарем, пыталась при его посредстве заменять иностранные слова русскими, но сочиненные слова (напр. „слушалище" вместо аудитория, „приобщник" вместо адъюнкт и т. п.) не привились. Неизмеримо удачнее была деятельность отдельных ученых, создавших русскую естественно-научную и философскую терминологию. Начало XIX века ознаменовано пурификаторской деятельностью знаменитого Шишкова, яростно боровшегося против удачных неологизмов Карамзина. В дальнейшем против иностранщины выступал Погодин (1860) и другие националисты, вплоть до „Нового Времени". В 1897 г. был основан „Союз ревнителей русского слова", мало проявивший себя. В шовинистическом неистовстве, вызванном войной 1914 г., значительное место занимал (не только в России) националистич. П. правительств, выражением которого явилось у нас переименование Петербурга в Петроград. Однако, то, что даже направленный на иностранщину П. не имеет необходимой связи с политическим консерватизмом, показывает краткая заметка В. И. Ленина „Об очистке русского языка", где говорится: „Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности, употребляем неправильно. К чему говорить дефекты, когда можно сказать недочеты, или недостатки, или пробелы... Не пора ли объявить войну коверканию русского языка?" („Ленингр. Правда", 1924, № 278). В речи на московской губ. парт. конференции М. И. Калинин говорил: „Нужно к преподаванию политграмоты допускать только таких лекторов, которые умеют говорить на настоящем русском языке... Ни один агитатор, ни один оратор не будет ни агитатором, ни оратором, если он русский язык изучает только по газетам. По газетам русский язык не изучишь, а забудешь, потому что вы сами знаете, как пишутся наши газеты" („Известия", 1927, № 15). Здесь основа П. чисто практическая.

Литер. Стилистики: немецкие — Эльстера (1911), Энгеля (1914), французская Бальи (1905); *Noreen*, „Om språkrightighet" (Упсала, 1888); *M. Bréal*, „Qu'appelle-t-on pureté de language" („Journal des savants", 1897); *Soyson Bidet* (M. Schwob), „Moeurs des diurnales" (1902); *E. Dêschanel* Les déformations de la langue française" (1904); *Витберг*, „Ревнители русского слова прежнего времени" (1899); *В. Чернышов*, „Правиль; ность и чистота русской речи" (1914—1916, 3 т.).- Словари неправильностей русской разговорной речи *В. Долопчева* (1909), *Н. Огиенко* (1912); *Горнфельд*,

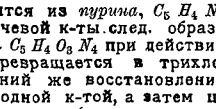
„Новые словечки и старые слова“ (1922); *Виноку р*, „Культура языка“ (1925). *А. Горнфельд.*

Пурим, иудейский праздник, вошедший в религ. обиход в послепленную эпоху; совершается 14 и 15 Адара. Происхождение его неясно. См. *Есфирь.*

Пурин, см. *пуриновые основания.*

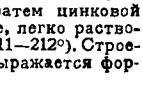
Пуриновые основания, важная группа органич. соединений, из которых одни (ксантин, мочевая к-та и др.) являются продуктами распада белковых тел в организме животных; другие встречаются в растительн. царстве и получили широкое применение в медицинской практике (таковы, напр., кофеин, теобромин и т. д.).

Все П. о. выводятся из *пурина*, $C_5H_4N_4$, легко получаемого из мочевой к-ты след. образом. Мочевая кислота (*см.*) $C_5H_4O_3N_4$ при действии хлорокиси фосфора превращается в трихлорпурин: $C_5HCl_3N_4$; последний же восстановлением сначала иодистоводородной к-той, а затем цинковой пылью и водой дает пурин (сильное, легко растворимое в воде основание, с темп. пл. 211—212°). Строение пурина, вытекающее отсюда, выражается формулой:



и представляет сочетание двух ядер: пиримидинового

и глиоксалинового



Первое (в виде производных) входит в состав нуклеиновых кислот, второе (в виде гистидина)—в молекулы многих белков. Все производные группы пурина являются продуктами замещения атомов водорода в пурине на группы OH, NH_2 и CH_3. Положение заместителя обозначается цифрой. Часто все соединения, исключая мочевую кислоту, называются ксантиновыми основаниями. Все соединения группы пурина связаны взаимными переходами, имеющими место и в организмах. Замещая в формуле пурина водороды, стоящие при углеродных атомах, на гидроксилы (OH), получаем различные оксипурины; так, напр., 2,6 ди-оксипурин, или ксантин; 2,6,8 три-оксипурин, или мочевую к-ту, и т. д. Соединения эти могут реагировать и в виде таутомерных форм, при чем группировка N=C(OH) переходит в NH—CO (*ср.* формулы *ксантина* и *мочевой кислоты*). Оксипурины имеют ясно выраженный кислотный характер. Соли их легко реагируют с иодистыми алкилами, при чем получаются замещенные оксипурины; таковы, напр., *теобромин* (см.), или 3,7 диметил-ксантин; *кофеин (см.)*, или 1,3,7 триметил-ксантин и т. д. Из других П. о. наиболее важное значение имеют амидо-пурины. Таковы, напр., 6-амидопурин, или *аденин* (*см.*) и 2-амидо-6-оксипурин, или *гуанин* (см.). Образование П. о. при гидролизе характерно для особого вида белковых тел, так наз. *нуклеопротеидов* (*см.* VII, 341).

С. Наметкин.

Пуритане, религиозная партия в Англии, *см.* III, 19, и VIII, 596 и след.

Пуришкевич, В. М., см. XVII, прилож., *члены Государств. Думы*, 44[1]; принимал участие в убийстве Распутина в декабре 1916 г.; после Октябрьской революции был арестован, но вскоре выпущен и уехал на Кавказ, где организовывалась „добровольческ. армия“; умер от сыпн. тифа в Новороссийске в 1920 г.

Пурка, прибор для определения качества зерна, т. н. „натуры“ его. П.— сосуд определенной емкости, заполняемый зерном и взвешиваемый. Вес содержимого П. перечисляется на об'ем общепринятой меры зерна.

Пуркинье (Purkinje), Иоганн-Евангелист (1787—1869), знаменитый физиолог, эмбриолог и гистолог. Чех по происхождению, он изучал в Праге сначала философию, а затем медицину, и в 1819 г. был назначен ассистентом при кафедре анатомии и физиологии в Праге. По рекомендации Гёте, данной на основании диссертации П. „К физиологии зрения“, П. был назначен в 1823 г. орд. проф. физиологии и патологии в Бреславль, где оставался до 1850 г., устроив там физиологический институт. В 1850 г. П. перешел проф. физиологии в Прагу, где также с'умел организовать физиологический ин-т, в котором и работал до конца своей жизни. П., особенно во 2-ю половину жизни, был ярым националистом и много содействовал организации в Праге особого чешского университета. Уже в диссертации П. описаны его знаменитые открытия в области физиологии зрения: „сосудистая фигура П.“ (т.-е. видение теней кровеносных сосудов сетчатки), „зеркальные образы П.“ (от роговицы, передней и задней поверхности хрусталика, важные для суждения о механизме аккомодации), „феномен яркости П.“ (условия сумеречного видения) и мн. др. его наблюдения как в области зрения, так и в области кожных ощущений. В 1825 г. П. открыл зародышевый пузырек в курином яйце и тем положил основание эмбриологии. Он первый применил микротом для разложения об'ектов на серии срезов и канадский бальзам для заключения микроскопических препаратов. Его работы в области микроскопической анатомии чрезвычайно многочисленны. Им открыты выводные протоки потовых желез, строение хрящей, костей, зубов, эмбриональное развитие последних, строение стенок кровеносных со-

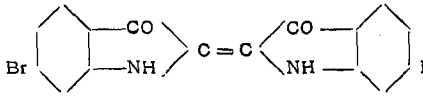
судов, мерцательное движение у позвоночных, железы желудка, структура нервных волокон с осевыми цилиндрами, нервные клетки („клетки П.") в мозгу и мн. др. В течение ряда лет (1853—1864) он издавал в Праге на чешском языке естеств.-науч. журнал „Zniva". Им переведены на чешский язык „Освобожденный Иерусалим" Тассо и многие лирические произведения Шиллера. *М. Шатерников.*

Пур-наволок, мыс, см. *Северная Двина,* XLI—V ч.

Пурное место, полевая мера в Эстляндск. губ., *см.* XII, 652.

Пурпур, очень высоко ценившаяся в древности краска, открытие которой приписывалось финикиянам, добывавшим ее из морских моллюсков Murex brandaris. По новейшим данным, добывалась на Крите еще за 1.600 л. до н. э. Применялась для окраски царских одежд, римских тог и пр. Химическая природа П. была выяснена (1908) Фридлендером.

В особых железках пурпурового моллюска (Murex brandaris) содержится особое бесцветное вещество (еще не выясненной природы), которое на воздухе под влиянием солнечного света дает П. Фридлендер из 12.000 моллюсков выделил 1,5 гр. краски и показал, что она представляет 6,6' диброминдиго, который может быть получен синтетически различными способами:



Так. обр., обнаружился новый факт накопления морским животным в своем теле брома из морской воды, установлено родство между весьма ценной краской древнего мира (во время римского императора Диоклетиана 1 кгр. пурпура стоил около 20—25.000 наших золотых рубл.) и одной из важнейших и распространенных современных красок индиго, что открыло путь к дешевому способу синтетического П., по качествам превосходящего природный (ср. XXV, *краски,* прил. 3).

Н. Демьянов.

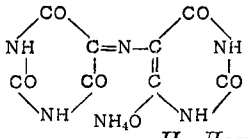
Пурпур зрительный, вещество, окрашивающее наконечники палочек сетчатки глаза, бывшего в темноте, в красный цвет, быстро, в несколько минут, выцветающее при дневном освещении, но опять восстановляющееся по перенесении глаза в темноту. Красный свет не обесцвечивает П. з. Это фотохимическое вещество открыто в 1876 г. англичанином Боллем, а затем более подробно изучено немецким физиологом Кюне, который, с одной стороны, дал метод извлечения П., названного им „родопсином", из сетчаток с помощью раствора желчно-кислых солей, а с другой — указал способ фиксации (4% раствором квасцов) „оптограмм", т.-е. изображений, получаемых на дне глаза в результате выцветания П. в соответствии с яркостью частей внешнего предмета, напр. оптограмм окна и т. п. В. Тренделенбург показал (1904 г.), что обесцвечивающее действие различных спектральных цветов на растворы П. з. вполне соответствует суб'ективной яркости этих цветов для человека в условиях сумеречного зрения, как это было установлено (1902) опытами М. Шатерникова. Если, согласно теории И. ф. Криса, палочки являются сумеречным аппаратом нашего глаза, то П. з. следует рассматривать как посредника между световой энергией и возбуждением палочкового аппарата сетчатки. Поскольку в условиях сумеречного зрения мы видим спектр бесцветным (Геринг) и различаем лишь яркость света, постольку можно говорить о соответствии П. з. черно-белой зрительной субстанции Геринга.

М. Шатерников.

Пурпурины (*изо - П., флаво - П.*), триантрахиноны, краски, см. *ализарин,* II, 246; *краски,* XXV, прилож. 11.

Пурпуровая кислота, в виде соли аммония, т. н. *мурексида,* открыта Прустом (Proust) в 1818 г. Название получил мурексид по ярко-красному, пурпуровому цвету. Мурексид—$NH_4\ C_8\ H_4\ O_6\ N_5$, кристаллики с зеленоватым металлическим отливом, растертый—красный порошок. Образуется при выпаривании мочевой к-ты $C_5\ H_4\ N_4\ O_3$ с разведенной азотной кислотой досуха и смачивании красного остатка аммиаком—мурексидная проба на мочевую кислоту и ее некоторые производные. Одно время готовился технически из гуано и применялся как краска (до открытия анил. красок). При получении из мочевой кислоты последняя переходит в аллоксантин $C_8\ H_6\ O_8\ N_4 + 2\ H_2\ O$, который дальше переходит в мурексид. Последний лучше готовить из готового аллоксантина, вливая горячий водный раствор последнего в водный раствор уксуснокислого и углекислого аммония. Известны и другие соли П. к., но свободная П. к. не получена вслед-

ствие ее непрочности. Формула строения мурексида:



Н. Демьянов.

Пурталес, см. XLVII, прил. *иностранные деятели*, 65, и *дипломатия и мир. война*, 63/64, 65 и др.

Пуруж (Purus), р. в южн. Америке, прав. приток Амазонки, берет начало в перуванских Кордильерах, протекает по лесистой, богатой каучуковыми деревьями местности, впад. в Амазонку в бразильск. шт. Амазонас. Дл. 3.100 км.

Пуруравас, легендарный индийский царь, основатель „Лунной династии", уже в поэзии Вед (*см.*) прославленный как любовник нимфы (апсарасы) Урваши, герой драмы Калидасы „Урваши" (*см.* XXXVII, 285, 296).

П. Р.

Пуруша (purusha), первоначально значило в др.-индийском *человек*, но, продолжая сохранять это значение, уже в Ведах означает: исконный человек, прачеловек, творец, господь, сближаясь с терминами *атман* и *брахман* (см.). В философии Санкхья (*см.*) значит: дух, индивидуальная душа, как противоположность *пракрити* (материя). См. *Deussen*, „Allgemeine Geschichte der Philosophie", I B. (index, subvoce); *Soeyer*, „Die indische Theosophie", Leipzig, 1914.

П. Риттер.

Пуруша-медха, человеческая жертва (medha), существовавшая в др. Индии, как и у всех народов древности, но постепенно, во всяком случае в эпоху брахманизма (*см.*), превратившаяся в символический, а не реальный акт, однако сохранившаяся у отдельных народов и сект, напр. у т. н. „*тхагов*" (см.), т.-е. удушителей, поклонников богини Дурги (*см.*). См. *Hillebrandt*, „Litteratur Vedische Opfer und Zauber", § 77 Grundgriss der indo-arischen Philologie). *П. Риттер.*

Пуруша-нараяна, эпитет Вишну, он же Нараяна.

Пурушоттама, зн. высший (uttama) дух (purusha) — эпитет Вишну (*см.*) и Кришны (*см.*).

Пуссен (Poussin), Николай, знаменитый французский художник (1593) (1594?)—1665), род. в Вийэ в Нормандии, где он и начал учиться живописи под руководством Квентина Варена (1575 — 1627), фламандца-маньериста. В 1616 г. П. отправился в Париж, где ему удалось приобрести значительную художественную культуру и получить самостоятельные заказы. В 1624 г., благодаря знакомству и рекомендациям знаменитого итальянского поэта Дж. Б. Марино, проживавшего в то время в Париже и заказавшего ему иллюстрации к своей поэме „Адонис", П. осуществил свою мечту и попал в Рим, где постепенно завоевал себе общее признание, опираясь на поддержку кардинала Барберини и кавалера Кассиано дель Поццо. В 1630 г. П. женился на дочери повара Жана Дюге и усыновил ее брата, Гаспара Дюге, знаменитого впоследствии пейзажиста, известного под именем *Гаспара Пуссена* (Дюге), его ближайшего ученика и последователя. Слава П. достигла французского двора, и в 1639 г. Людовик XIII пригласил его переехать в Париж. После долгих колебаний П. в 1640 г., оставив жену и дом, отправился на родину, но не ужился там и уже в 1642 г., под предлогом отпуска, возвратился в Рим с тем, чтобы больше его не покидать. Однако, и во вторую половину своей жизни он продолжал работать на французских заказчиков: Ришелье, Мазарини, известного мецената Шантелу.

П. — один из крупнейших представителей классицизма, при чем: 1) классицизма в смысле определенного творческого склада, для которого искусство — осуществление разумно понимаемого и разумно построяемого идеала человеческой красоты, однажды и как-бы раз навсегда воплотившегося в античном искусстве; 2) классицизма, как одной из характернейших тенденций в искусстве европейского барокко XVII в., выдвигавшей пластические и конструктивные моменты в противовес экспрессионистическим (Рембрандт, Сальватор Роза) или натуралистическим (Караваджо, Веласкез) направлениям; 3) классицизма, как типичного проявления французского националь-

ного гения, в частности французской культуры нарождавшегося абсолютизма, в искусстве которой преобладали идеи разумного порядка и устроения, опять-таки в противовес анархическим, индивидуалистическим и демократическим тенденциям, господствовавшим в искусстве Италии и Нидерландов, искусстве барокко в узком смысле этого слова. Искусство П. характеризуется, с одной стороны, необыкновенным разнообразием манер и стилей, настолько, что его нередко обвиняли и обвиняют в эклектизме; с другой стороны, в его вещах почти всегда чувствуется разрешение той или иной конструктивной задачи, опять-таки настолько, что ему постоянно ставится в укор рассудочный, нарочитый формализм; и, наконец, упорные поиски драматической, выразительной композиции нередко придают его произведениям привкус некоторой театральной ходульности. Действительно, все эти черты его искусства очень часто выступают как противоборствующие тенденции, нарушающие непосредственность его творчества и единство художественного образа. Зато если вникнуть в его творческое развитие и если взять его лучшие вещи, то перед нами рисуется крупная и полная величайшего творческого напряжения художественная индивидуальность.

Решающими моментами, определившими развитие П., были, с одной стороны, античность, с другой стороны — увлечение классиками Возрождения, главным образом Рафаэлем, при чем П. примкнул не к болонцам, а к Доменикино. Наконец, П. в своих чисто живописных исканиях примыкал опять-таки не к болонцам, а к Тициану в его ранней манере. Ранние произведения П. распадаются на две группы. Это, с одной стороны, большие многофигурные композиции, героические сюжеты, написанные, как он сам говорил, в „дорическом ладу", в которых он добивается строгого, рельефного построения, расчленения пространства на ряд параллельных кулисных слоев, резкой, скульптурной, даже форсированной лепки, широко пользуется античными мотивами и, жертвуя живописностью в угоду пластической четкости, применяет цвет исключительно в его локальных функциях („Взятие Иерусалима" в Вене, „Сабинянки" в Лувре, „Поклонение волхвов" в Дрездене). С другой стороны — целый ряд картин на вакхические и идиллические темы, написанных в „ионийском ладу", в которых П., примыкая к Тициану, при помощи легкой, живописной фактуры добивается чисто колористических эффектов в пределах очень свободной композиции („Аврора и Кефал" в Лондоне, „Воспитание Вакха" в Лувре, „Эрминия и Танкред" в Эрмитаже и маленькая мифологическая картина в Музее изящных искусств в Москве). К концу 30-х годов П. уже вполне сложившийся художник. Сохраняя излюбленное им рельефное построение, П. от пестрой раскраски переходит к цветовой композиции, пользуясь любимым своим цветовым трезвучием — желтое, красное, синее — и достигает гораздо большей гармонии между пластической конструкцией и живописным целым. Сюда относятся его большие вакханалии, как, напр., „Триумф Флоры" в Лувре и два таких подлинных шедевра классического искусства, как „Вакханалия" в Лондоне и „Аркадские пастухи" в Лувре. В это же время П. начинает работать над несколькими многофигурными циклами („Чудеса Моисея", из которых знаменитый „Сбор манны" находится в Лувре, и две серии „Таинств", которые находятся в Англии). В этих работах П. ищет, с одной стороны, более свободного синтеза пластической статуарной конструкции с пространственной глубиной и со светотенью, с другой — типических мимических формулировок человеческой выразительности и аффекта. („Сбор манны" в этом смысле воспринимался французскими академиками как канонический пример драматического выражения в живописи). Особенно интересны „Таинства", в которых, в противовес напыщенной риторике иезуитского барокко, господствует строгий и трезвый, почти пуританский рационалистический морализм, очень близкий по духу аналогичным тенденциям янсенизма.

В 40-е и 50-е годы П. создает ряд шедевров: „Ревекка", „Иерихонские

слепцы", „Смерть Сапфиры", „Суд Соломона" в Лувре. Здесь достигнута полная гармония между лаконической конструкцией действующих фигур и пространственной глубиной (ландшафт все чаще и чаще появляется в качестве фона его картин) и между изощренной композицией локальных тонов и воздушной перспективой. П. сочетает классическое построение с чисто северным романтическим проникновенным чувством природы, что особенно ярко сказывается в его героических пейзажах. П. поистине является создателем этого жанра. Таковы, напр., два первоклассных пейзажа в Эрмитаже („Полифем" и „Геракл и Как"). В старческих произведениях 60-х гг. лирические настроения решительно преобладают над прежним драматизмом. Фигуры в его последних, быть может самых глубоких, созданиях („Весна—Адам и Ева", „Лето—Руфь и Вооз", „Осень—Грозди из Обетованной Земли", „Зима—Потоп" и неоконченный „Апполон и Дафна" в Лувре)—уже не актеры на фоне пейзажа, а безличные ритмические мотивы, неотъемлемые элементы гармонического живописного целого, насыщенного своеобразной пантеистической поэзией природы. Искусство П. сравнительно очень мало отразилось на развитии итальянского искусства. Зато для Франции он вплоть до наших дней являлся классическим выразителем национального художественного идеала. Его искусство легло в основу теории и практики всего академизма и классицизма. А в наши дни Сезанн, а затем кубисты и неоклассики видят в нем свой идеал и своего учителя.

Из новейших исследований о П. наиболее полны: *E. Magne*, „N. P., premier peintre du roi", 1914; *W. Friendländer*, „*N. P.*", 1914; *O. Grautoff*, „*N. P.*", 1914; *A. Венгура*, глава о П. в его „Истории живописи", где приведена литература.

А. Габричевский.

Пуста, см. *Венгрия*, IX, 375.

Пустельга, Tinnunculus, род небольших соколов с слабыми ногами, короткими пальцами и крыльями, не достигающими конца хвоста. Насчитывают более 15 видов. Питаются, главным образом, насекомыми. *П. обыкновенная*, T. alaudarius, до 38 см. длины; голова и бока шеи самца сверху пепельного цвета, спина, плечи и кроющие крыла рыжевато-красные, маховые черно-бурые, хвост пепельный с широкой черной полосой, низ буровато-желтый. Распространена во всей Европе, Азии и сев. пол. Африки. Питается насекомыми, мышами, мелкими птичками. Близка к этому виду *степная П.*, T. cenchris, распространенная в средиземноморских странах, Украине, на ю.-в. до 51°, по Уралу и в Туркестане.

Пустер, долина, см. *Альпы*, II, 373.

Пустерталь, горная долина в южном Тироле (*см.* II, 373). Дл. 100 км. В западной, нижней части орошается р. Линцом, в восточной р. Дравой. Водораздел между ними составляет Тоблахское поле. Принадлежала Австрии; в 1919 г. бо́льшая западная часть отошла к Италии.

Пустозерск (*Пустозерское*), с. печорского у. Архангельской губ. на оз. Пустом, в 20 км. от р. Печоры. Осн. в конце XV в. и был (до XVIII в.) администр. и торговым центром Печорского края. Служил также местом ссылки (протопоп Аввакум, здесь же сожженный; боярин Арт. Матвеев; фаворит Софьи Вас. Голицын).

Пустосель, травы из сем. зонтичных, то же, что *омежник* (см.).

Пустоцвет, народное название бесплодных цветов — гл. об. тычиночных (мужских), напр. у огурцов, тыквы.

Пустулы, см. *кожа*, XXIV, 441.

Пусты, обширные, степные пространства в Венгрии, *см.* IX, 375.

Пустыни, области, лежащие в умеренном и тропическом поясах в местах, где относительная влажность воздуха мала, а количество атмосферных осадков ничтожно (250—200 мм. и менее в год). Растительный покров в П. обычно не образует сплошного ковра. Орошение недостаточно, и реки сплошь и рядом не достигают до океана, оканчиваясь во внутренних озерах (Аральское море, Балхаш) или даже постепенно иссякая в пустыне (Мургаб, Теджен). В П. много сухих котловин, лежащих иногда ниже уровня океана (напр., Сарыкамышская котловина между Каспием и Аралом, дно которой на 39 м. ниже уровня океана). Весьма важное значение принадлежит деятельности ветра, разрушающего одни формы рельефа и созидающего но-

вые (барханы). При малом количестве атм. осадков и незначительной облачности инсоляция в П. весьма значительна, и механическое влияние ее на породы велико. П. по своей периферии, при посредстве полупустынь, постепенно переходят в степи (см. *пояса земли*).

Главнейшие П.: Усть-урт, Кара-кумы закаспийские, Кызыл-кумы, Кара-кумы приаральские, Муюн-кумы, П. Прибалхашья, Вост. Туркестана, Гоби, Ордос, П. Персии, Аравии, Сахара, Калахари, Атакама, П. Великого Соляного озера (в Сев. Америке), Австралии.

Можно различить П. песчаные, глинистые, солончаковые и каменистые.

I. Рельеф *песчаной* П. бывает: а) более или менее ровным или лишь слегка волнистым (песчаная степь), б) сильно расчлененным, холмистым. Холмистые пески в свою очередь являются в разных формах: в виде дюнных, барханных, грядовых, бугристых П.

Обычно в песчаных П. грунтовая вода бывает пресная и залегает недалеко от поверхности, что зависит от след. причин: 1) влагоемкость песка мала, почему атмосферная вода, не стекая по поверхности, опускается вглубь, где испарение ничтожно; 2) капиллярное поднятие воды в песках происходит, правда, с большой скоростью, но на ничтожную высоту, при чем, чем чище песок, чем менее он заключает глинистых частиц, тем капиллярное поднятие воды меньше; 3) вследствие малой влагоемкости и малой капиллярности песка, испарение с поверхности его вообще весьма мало. Всем этим об'ясняется то, что в песках нередко в подходящих условиях развивается довольно богатая растительность; ботаник Борщов пески аралокаспийского края называет даже „лесной областью пустынной флоры".

На подвижных (барханных) песках Туркестана из первых появляется джузгун — кустарник из рода Calligonum из сем. Polygonaceae (гречишные); через заросли Calligonum песок передвигается свободно, не повреждая растений; большие барханы, конечно, постепенно засыпают куст, но при этом верхушки ветвей растут тем быстрее, чем сильнее их засыпает, и нередко опережают песок. Такою же способностью к быстрому росту обладает и „песчаный овес" (Elymus sabulosus). Кустарник куян-суек (Ammodendron conolly, из мотыльковых) отличается способностью выживать при выдувании песка. К числу других пионеров подвижных песков относится деревцо черкез (Salsola Richteri), сыир-куйрюк (Eremosparton aphyllum), из мотыльковых и некоторые астрагалы. Поселение всех вышеперечисленных видов мало-по-малу изменяет подвижность песков и кладет начало их самозарастанию. Уже два-три отдельных куста Calligonum, засыпанные барханной грядой и проросшие ее, разбивают на гряду отдельные участки; в дальнейшем бархан может двигаться уже не как сплошное целое, а разрозненными отрезами, которые постепенно делаются все ниже и становятся более доступными для зарастания. Таким путем подвижная барханная гряда превращается в ряд неподвижных бугров. Теперь могут селиться и более требовательные растения, и пески переходят в стадию б у г р и с т ы х, для которых наиболее распространенными растениями являются из кустарников: Eremosparton aphyllum, Ammodendron Sieversi, A. Karelini, Astragalus ammodendron, *песчаный или белый саксаул*, а *из* травянистых растений: Aristida pennata, полыни, Chondrilla, Heliotropium и др. В котловинах выдувания между буграми поселяется более влаголюбивая растительность: камыш (Phragmites communis), рогоз (Typha) и др. С течением времени песчаные пионеры песков вымирают, сменяясь в центральных Кара-кумах зарослями солончакового саксаула. Это—конечная стадия развития подвижных песков. Следовательно, естественные процессы ведут к самозакреплению песков; но нередко мы видим, что заросшие пески, под влиянием пастьбы скота и вообще воздействия человека, снова переходят в движение.

II. Примерами *глинистых* (или, вернее, суглинистых) П. являются в Туркестане области развития карбонатных суглинков на севере (Усть-урт, Бедпак-дала) и лессовые пространства (покрытые сероземами) ближе к пред-

горьям. Растительность здесь ранней весной довольно обильна, а затем выгорает. (*См.* т. XLI, стлб. 442/44).

III. *Солончаковые* П. обычно не занимают обширного протяжения; обыкновенно солончаки разбросаны пятнами среди глинистой, реже среди песчаной П., будучи приурочены к приречным и приозерным (вообще—пониженным) пространствам, где грунтовые воды имеют возможность достигать поверхности и, испаряясь, оставлять здесь легко-растворимые соли. (Впрочем, в Персии солончаковые П. занимают большие площади).

Солончаки или лишены растительности, или же на них растут солянки, гребенщик (Tamarix), Nitraria Schoberi и др.

Столбчатые солонцы, столь характерные для полупустыни, в П. обычно не развиты; они встречаются лишь по северной окраине П. (например, на Усть-урте).

IV. *Каменистые* П. бывают разных типов. В одних в результате процессов развевания обнажается голая поверхность материнской породы; мелкие же продукты разрушения оказываются унесенными ветром. В других—поверхность П. усеяна острогранными кусками или осколками, щебнем (щебневые П.) или более или менее окатанной галькой (галечные П.). Галька образуется или при обработке ветром щебня, или из разрушения древних галечниковых отложений (конгломератов или других, содержащих гальки, пород), или, наконец, бывает речного происхождения. На равнинах Туркестана встречаются местами галечные П., распространенные, главным образом, на третичных, послетретичных и современных галечниках и конгломератах, слагающих нередко широкие речные террасы, а также покатости у подножья хребтов (например, у подножия Чаткальского хр. в Наманганском у. и др.). Растительность туркестанских каменистых П. представлена весной скоро отмирающими формами: Hordeum murinum, Poa bulbosa, Papaver pavonium, а летом и осенью полынью Artemisia maritima, каперцами Capparis spinosa, солянками Kochia prostrata, Anabasis eriopoda, Suaeda paradoxa и др. Изучая разрезы почв галечниковой П., мы под поверхностным слоем гальки обычно видим пористую сланцеватую, суглинистую корку от 3 до 15 см. мощностью, далее — более или менее тонкую глинистую массу, обычно с выцветами углекислого кальция; этот горизонт книзу (на 20—50 см. от поверхности) постепенно обогащается галькой и переходит в конгломерат, богатый корками гипса.

Из того обстоятельства, что П. отличаются большой сухостью воздуха и малым количеством атмосферных осадков, что орошаются они реками в общем скудно, что растительность в них не достигает пышного развития, из всего этого было бы ошибочно делать вывод, будто П. находятся в состоянии беспрерывного усыхания. Напротив, относительно Туркестана имеется целый ряд фактов, показывающих, что за весь исторический период климат Туркестана отличался замечательным постоянством. Мало того, есть данные предполагать, что эпоха, предшествовавшая современной, характеризовалась более сухим, более континентальным климатом, когда П. распространялись далее к северу, чем теперь. См. *И. Вальтер*, „Законы образования П.“, 1911, пер. с нем. с добавл. Л. С. Берга, „Формы русских П.“ (литер.) и В. А. Дубянского, „Растительность русских песчаных П.“ (литер.); *Л. С. Берг*, „Климат и жизнь“, М., 1922, (о климате П. за историч. время); *его же*, „Основы климатологии“, Лнгр., 1927; *В. А. Дубянский*, „Песчаная П., южные Каракумы“. Труды по прикл. ботан. и селекции, 1928. — *См.* также XLI, I, 431 и сл. *Л. Берг.*

Пустынь, монастырь, основанный в местах, удаленных от городов и сел, преимущественно в лесной глуши, держащийся особенного устава, „пустынного“.

Пустырник, Leonurus, род из сем. губоцветных, многолетние травы с прямостоячими стеблями и пальчатонадрезными листьями; цветы розовые, белые, пурпуровые; соцветия — густые многоцветковые мутовки; венчик с короткой трубкой, верхняя губа пушистая. L. Cardiaca с розовыми цветами, весьма распространенное сорное рас-

тение, так же как L. Marrubiastrum L. (Chaiturus Marrubiastrum Rchb.), с бледнорозовыми цветами.

Путативный брак, см. *дети*, XIX, 297.

Путешествия и *экспедиции географические*, см. *география*, XIII, 236/248; *полярные экспедиции и страны; Магеллан*; *Кук*; *Австралия*, I, 136/38, *Азия*, I, 508/14, *Америка*, II, 457/8, *Африка*, IV, 326/8.

Путивль, гор. в глуховск. окр. УССР (с 1925 г., до 1924 г.— уездн. гор. Курской губ., в 1924—25 г.— заштатн. в рыльск. у. той же губ.), на р. Сейм. 8.002 жит. (1926). Сохранились остатки укрепления („городка") времен Лжедмитрия. Впервые П. упоминается в 1146 г., был уже тогда значительным городом, принадлежал князьям северским. В XIV в. отошел к Литве, в 1500 г. присоединен к Москве. В 1604 г. одним из первых перешел на сторону Лжедмитрия. В 1879 г. был сделан уездным гор. Курского наместничества. В течение всей своей истории подвергался много раз разорению.

Путивльский уезд, находился в юго-зап. углу Курск. г.; в 1924 г. *упразднен*; в 1925 г. территория его отошла к конотопск. и глуховск. окр. УССР. Занимал 2.870 кв. км. с 165,8 т. ж. (1920), из них 8,6% гор. насел. По пер. 1897 г., 52,5 насел.— украинцы. Поверхность волнистая, особ. в сев.-восточной, более возвышенной части. Орошается р. Сеймом с притоками (наиб. значит. Клевань). Почва черноземная. Леса заним. ок. 9%. Гл. занятие насел.— земледелие, дающее избыток хлеба.

Пути и средства сообщения, см. *транспорт*.

Путилово, село ленингр. окр. Известно ломками силурийск. известняков (путиловские ломки), залегающих у юго-зап. бер. Ладожск. оз. Добычей плит, идущих для настилки тротуаров, для фундаментов и облицовки цоколей, занимаются жители как П., так и окрестных деревень. Ок. 3.000 ж.

Путкамер (Puttkamer), Роберт Виктор, прусск. политик (1828—1900), юрист по образованию, в 1854 г. вступил на госуд. службу, в 1873—91 гг. неоднократно избирался членом рейхстага, где принадлежал к нем. консерв. партии; в 1879 г. сменил Фалька на посту мин. нар. просв., которое круто повернул в консерв. русло; в 1881 г. сделался мин. внутр. дел. Его имя скоро стало символом самой черной реакции. При Фридрихе III именно по этой причине получил отставку. Его сын *Еско* был в 90-х годах губернатором Камеруна, где вел политику в духе своего родителя, но с еще большей бесцеремонностью, применительно к цвету управляемых. Оппозиционная печать называла колонию не иначе, как Путкамеруном. *А. Дж.*

Путна, прав. приток р. Серет (*см.*).

Путник, Радомир, см. XLVI, прилож. *военные деятели эпохи мир. войны*, 442′.

Путорама, горн. хребет в Туруханском крае (енисейск. окр.), *см.* XX, 68/69.

Путресцин, $H_2N(CH_2)_4NH_2$, — тетраметилен-диамин, один из птомаинов — ядовитых продуктов гниения белков; образуется при действии аэробных гнилостных бактерий на орнитин, $NH_2(CH_2)_3\,CHNH_2COOH$. Кристал. вещество с темп. пл. 27—28°. Синтетически получается восстановлением этиленцианида $NC.CH_2.CH_2CN$. *С. Н.*

Путумайо, или *Иса*, р. в Колумбии, Эквадоре и Бразилии, лев. приток Амазонки, берет нач. на выс. 2.750 м. в Кордильерах Колумбии; дл. 1.580 км. Судоходна на б. части своего течения.

Путцойль, наиболее тяжелый из всех легких продуктов перегонки бакинской нефти, удельного веса 0,750—0,770, служащий для очистки от жиров и жирной грязи. *Я. Н.*

Путь, см. *приказы*, XXXIII, 453/4.

Путята, тысяцкий князя Владимира святого; по свидетельству летописи, насильственно вводил христианство в Новгороде: „П. крестил мечом, а Добрыня огнем".

Путята, Николай Васильевич, писатель (1802—1877). Воспитанник Муравьевской школы колонновожатых, служил в гвардии, участвовал в войне с турками (1828—29), затем перешел на гражд. службу; был одно время председат. Об-ва любит. российской словесности в Москве. Дружил с Баратынским, был знаком с Пушкиным, выступал посредником в несостоявшейся дуэли поэта с секретарем

франц. посольства Лагрене. Пушкин дал П. свое стихотворение „Твоих признаний, жалоб нежных"... П. оставил многочисленные работы об Александре I, графе Закревском, В. Ф. Одоевском, Грибоедове, гр. Растопчиной, Н. М. Карамзине и др.

Путятин, Ефим Васильевич, см. *члены Государственного Совета*, XXIII, 674.

Пуфендорф (Pufendorf) Самуил, знамен. нем. юрист, один из творцов естественного права (1632—1694), род. в местечке около Кемница в Саксонии, сын пастора, учился в лейпцигск. и иенск. университетах, в 1658 г. поступил воспитателем в семью Петра Койета, шведского посланника в Дании, при разрыве диплом. сношений между обоими скандин. государствами был арестован вместе со всеми домашними Койета и просидел восемь месяцев в тюрьме. Там он обдумывал свои будущие сочинения. По выходе на свободу П. сопровождал своих воспитанников в Лейден, где они поступили в университет. В Голландии П. выпустил свое первое сочин. „Elementa jurisprudentiae universalis" (1660). Книга была посвящена курфюрсту Карлу Людвигу Пфальцскому. Последний пригласил П. в гейдельбергский университет на специально для него созданную кафедру естественного права, первую в европ. университетах. Здесь он выпустил, с благословения курфюрста, под всевдонимом Severinus de Monzambano свой знаменитый политич. памфлет „De statu imperii Germanici" (1667), *см.* XIII, 599/600. В следующем году, уступая просьбам шведского короля Карла XI, он принял приглашение на ту же кафедру в новооснованном лундском университете. В Лунде был закончен его главный труд „De jure naturae et gentium" (1672), за которым три года спустя последовал третий его теоретический трактат „De officio hominis et civis". В Лунде положение П. скоро стало очень тяжелым. Богословы подняли на него гонение и стали обвинять его в нечести за попытку секуляризации естеств. права, но король взял его под свою защиту, отправил в изгнание его врагов, а самого его вызвал в Стокгольм, где П. был сделан королевским историографом. Здесь он написал три истор. работы: „Einleitung zur Historie der vornehmsten Reiche und Staaten" (1682), „De rebus suecicis" (1686), „De rebus a Carolo Gustavo gestis" (1688). В 1688 г. П. был приглашен в качестве историографа великим курфюрстом Бранденбургским, но пока он собирался в Пруссию, курфюрст умер, и П. пришлось писать его историю „De rebus gestis Frederici Wilhelmi Magni" (1693), за которой последовала история его преемника „De rebus gestis Frederici III" (1695). Это был последний труд П. Он вышел уже после его смерти.

Главная заслуга П.— его работы по естественному праву, вернее одна работа, потому что первая его книга— не более, как изложение учения Гроциуса, а „De officio" лишь конспект его собственного главного труда. „De jure naturae et gentium"— одно из основных сочинений по естественному праву. Это первое систематическое изложение той новой науки, которую создал Гроций и которая у него далеко не была приведена в стройную систему. П. изложил ее more geometrico, по картезианскому принципу, дополнив некоторыми мыслями, заимствованными у Гоббса. П. сильно упрекали и современники и еще не так давно новейшие критики за то, что он сузил источники естественного права по сравнению с тем, как они были изложены у Гроция. Из трех источников (общественные инстинкты людей, разум человеческий и божественная воля) П. оставил, в сущности, только первый. Теологический принцип сведен к нескольким чисто формальным оговоркам, а роль разума, который в отношениях людей между собою принимает формы обязанностей, прав и права, сильно сужена. Государство П. признает нравственной личностью (persona moralis). Воля государства, по его мнению, есть сумма индивидуальных воль, его составляющих, и создается государство духом ассоциации. Семена этого здорового реализма взошли пышным цветом в учении „Общественного договора" Руссо, а вся система П. оказала огромное влияние на развитие юриспруденции, в частности на си-

стему такого блестящего юриста, как Христиан Томазиус. И если влияние П. оказалось меньшим, чем заслуживало его учение, то ответственность за это падает в значительной мере на Лейбница, который терпеть не мог П. из-за теоретических разногласий с ним и где мог, вел с ним идейную, а часто и не совсем идейную, борьбу. См. *P. Meyer*, „S. P.“ (1894). *А. Дж.*

Пуффины, Puffinus, род буревестников, птицы средней величины с тонким длинным клювом, длинными крыльями и ступенчатым хвостом. По вост. берегам Атлантич. океана и его частей распространены белобрюхие П. *Серый П.*, P. kuhli, характеризуется сильным клювом и буроватосерой окраской спины; *Большой П.*, P. major, до 45 см. дл., сверху аспиднобурого цвета; *Обыкнов. П.*, P. anglorum, до 35 см. дл., сверху однообразного черноватого цвета. Бо́льшее распространение имеет *Темный П.*, P. obscurus, темнее обыкновенного П., обитающий как в Атлантич. океане, так и в Великом. П. превосходно плавают и летают, бол. часть проводят в море, гнездятся по неприступным скалистым берегам.

Пух, см. *птицы*, XXXIII, 671.

Пухоеды, название своеобразной, резко обособленной группы насекомых, положение коих в системе неопределенно. В разговорном языке П. часто называют в ш а м и, но в зоологической системе они стоят отдельно от настоящих вшей. Одни систематики считают их с достаточным основанием за особый отряд (Mallophaga); другие, под тем же названием, считают их за особый подотряд не всеми признаваемого отряда „ложнохоботных“ (Pseudorynchota), а вторым подотрядом считают настоящих вшей; третьи считают П. за подотряд в отряде сетчатокрылатых, а вшей за подотряд в отряде полужесткокрылых. Это хороший пример того, насколько трудно деление насекомых на отряды, если делать это без грубой схематизации. Затруднение происходит в данном случае от того, что П. сильно изменены паразитизмом, и эти вторичные изменения сильно затушевали типичные черты их первичного строения, по которым можно было бы разгадать их родственные связи с другими группами. П. живут на кожных покровах млекопитающих и птиц, прячась среди шерсти и перьев и питаясь верхними слоями эпидермиса, нежными частями перьев и молодыми волосами. Могут поедать и кровь, выступающую из поврежденной кожи, но не являются кровососущими насекомыми. Размеры их малы, многие в 1—2 мм., виды более сантиметра и до двух в длину являются гигантами. Черты, которые надо считать вторичными, в результате паразитизма развившимися признаками: безкрылость, безглазость или зачаточность глаз, ничтожное развитие усиков, слабое развитие надглоточного нервного узла (т. наз. „мозга“). Большинство видов живет на птицах, меньшинство на млекопитающих, в том числе на собаках, кошках, коровах, лошадях. На птицах размножаются иногда в большом количестве, особенно на домашней птице, специально на курах, на которых найдено пять различных видов. Стремление кур купаться в песке объясняется как средство освободиться, путем стряхивания, от докучливых паразитов, раздражающих кожу. Как меру борьбы с П. в птичниках рекомендуют посыпание пола песком с серным цветом, а также отравление помещения, в отсутствие птиц, парами сероуглерода (требует осторожности в обращении, ядовит и огнеопасен) (см. также *насекомые*, XXIX, 666). В литературе по П. и одновременно вшам, имеются две солидных монографии: *Giebel und Nitzsch*, „Insecta epizoa“, 1874, и *Piaget*, „Les Pèdiculines“, 1880. *Г. Кожевников.*

Пухта, Фридрих-Георг (1798—1846), сын довольно известного в свое время в юридической литературе судьи Вольфганга-Генриха, ученик Савиньи (*см.*), цивилист (римское право) и один из наиболее крупных представителей исторической школы юристов. В области римского права П. немало способствовал реконструированию римского права в его чистом виде и устранению из него наслоений последующих эпох. Как теоретик исторической школы, П., развивая общие идеи Савиньи и в то же время находясь под сильным влиянием Шеллинга (*см.*), пытается вскрыть по-

нятие „народного духа“,—этого краеугольного камня во всем учении П. о праве, обществе и государстве. „Народный дух“, по мнению П., есть не что иное, как самостоятельная действенная сила, присущая народу, с ним родившаяся, всегда неизменная и ни в коем случае не вырабатывающаяся исторически. „Народный дух“ непосредственно творит правовые нормы, независимо от субъективных стремлений и активной деятельности отдельных лиц; свойства его предрешают характер данной правовой системы. Из этого „народного духа“ право развивается органически, как растение из зерна; личность—только носитель права, но не творец его; отдельный субъект в правосознании своем лишь отражает правосознание всего народа; народ не получает с в о е г о убеждения из убеждений и взглядов отдельных лиц, и деятельность народа, как такового, не слагается из актов деятельности отдельных граждан. В вопросе о происхождении общества П. придерживается п а т р и а р х а л ь н о й теории (народ — разросшаяся семья). Территориальное обособление и географические условия налагают отпечаток на духовную физиономию отдельных народов, и, таким образом, создаются разные народности. Государство, по учению П., в отличие от народа,— не просто естественный союз: оно образуется общей волей, организующей народ в государство. В основе общей воли первоначально лежало „естественное соглашение“ (natürliche Uebereinstimmung). Государство непосредственно не творит права, оно есть лишь орган выявления общей воли — этого истинного творца права. Однако, до возникновения государства права еще нет, т. к. нет органа для выражения общей воли. Позднейшая критика разрушила основы теоретических построений П., направив свои удары, между прочим, в сторону невыясненности понятия „народного духа“ и порождаемого им „народного правосознания“. Но во всяком случае в развитии учения о происхождении права учение П. далеко не безинтересно в числе прочих этапов, пройденных по этому пути историко-юридической наукой (ср. *Иеринг*). Из произведений П. отметим: „Encyclopedie als Einleitung zu Institutionen“ (1825), „Gewohnheitrecht“ (1828), „Pandecten“ (1838), „Institutionen“ (1844), „Vorlesungen“ и мног. друг. Некоторые труды П. выдержали ряд изданий, при чем отдельные работы переиздавались и после его смерти. Литер. научная деятельность П. нашла себе оценку в обстоятельных некрологах, рассеянных по периодич. немецким журналам и впоследствии собр. и приложенных к изданному Рудорфом сб. статей П. (Kleine zivil. Schriften).

А. Винавер.

Пуццолан, см. *цемент.*

Пучеглазие, выпячивание глазных яблок из орбит при Базедовой болезни (*см.*) и при болезнях глазницы (см. *глазные болезни,* XV, 92).

Пучеж, заштатн. гор. юрьевецк. у. Ив.-Вознесенск. г., на прав. бер. Волги, 5.506 ж. (1926). Крупная льнопрядильная фабрика.

Пученье (*флатуленция*). В кишечнике и желудке постоянно имеются газы; частью они состоят из воздуха, обычно проглатываемого при еде или питье, частью образуются в кишечнике при брожении или гниении пищи. Газы эти постоянно всасываются стенками кишек, чем предотвращается излишнее их накопление в желудке и кишках. Кроме того, в стенках желудка и кишек имеются так наз. гладкие мышцы (*см.*); при достаточных сокращениях этих мышц они препятствуют раздуванию кишечника газами. Наконец, в стенках живота имеются поперечнополосатые мышцы (*см.*): диафрагма (мышечная перегородка между грудной и брюшной полостями) и так наз. мышцы живота (в передней и боковых его стенках); при хорошем напряжении (тонусе) этих мышц они сдавливают брюшную полость и препятствуют газам раздувать живот. Но если вводится в желудочно-кишечный канал пища, которая скорее бродит или загнивает, если содержимое кишек медленнее продвигается по ним и задерживается в них (а чем дольше остается пища в кишечнике, тем больше она разлагается), если в кишечнике больше обычного имеется микроорганизмов, вызывающих брожение

или гниение, то газы образуются в кишечнике в значительно больших количествах, чем в норме; а если на ряду с этим имеется ослабление мышц желудка и кишек, ослабление мышц в стенках брюшной полости, то легко получается так наз. П., т.-е. вздутие живота. Особенно часто это наблюдается у людей, которые много едят и мало двигаются; тогда кровь мало приливает к скелетным мышцам и, наоборот, в больших количествах скопляется в органах брюшной полости, так как к более работающим органам обычно и больше приливает крови; а так как достаточного отлива крови из брюшной полости нет вследствие понижения деятельности скелетных мышц, то получается застой крови в органах живота, в частности в желудке и кишках; застой этот может вести к вялости мышц в стенках желудочно-кишечного канала. Кроме того, достаточная мышечная деятельность (ходьба, ручная работа) поддерживает хороший тонус скелетных мышц и в частности мышц в стенках живота; при недостаточной же мышечной деятельности тонус этих мышц понижается. При таких условиях мышцы в стенках желудка, кишек и самой брюшной полости перестают преодолевать давление газов в желудочно-кишечном канале, перестают препятствовать растяжению кишек и желудка газами, и получается вздутие, иногда очень значительное. Но, помимо того, вялость мышечных стенок живота и желудочно-кишечного канала может быть и в иных условиях: при общем упадке питания, при упадке иннервации (в особенности при угнетенных настроениях духа), у рожавших, в особенности если живот во время беременности не бинтовался. Кроме того, вздутие живота бывает при запорах, в особенности если запор зависит от спазматического сокращения толстых кишек, что часто наблюдается у очень нервных людей.

Из предыдущего легко видеть, что нужно для устранения или предотвращения вздутия: правильное необильное питание, при чем необходимо избегать пищи, вызывающей более сильное брожение или гниение (закусок, грубой, т.-е. мало измельченной и плохо проваренной, растительной пищи, в особенности капусты, обильного употребления мяса и пр.); достаточная мышечная деятельность для укрепления мышц стенок живота и для устранения застоев крови в брюшной полости, улучшение состояния нервной системы (правильный отдых, водолечение, достаточное пребывание на свежем воздухе и пр.), устранение запоров (*см.*); наконец, для устранения П. употребляют внутрь вещества, легко поглощающие газы, напр. жженую магнезию, а еще лучше порошок тонко измельченного угля. *Н. Кабанов.*

Пучки сосудистые, см. *сосудистые пучки.*

Пучкожаберные, Lophobranchii, группа костистых рыб, куда входят иглы-рыбы, морские коньки, трубкорылы и тряпичники, то соединяемая с колюшками в одну группу колюшкообразных (*см.* XXV, 282), то выделяемая в особый подотряд; характеризуется особой формой жабр, состоящи, в противоположность бахромчатым жабрам прочих костистых рыб, из маленьких пуговковидных вздутий, сидящих на жаберных дугах. Тело с длинным трубчатым рылом, на конце которого нах дится беззубый рот. Кожа одета костяными, часто шиповатыми пластинками. П.— прибрежные рыбы, скрываются в водорослях и питаются рачками, червями и проч. мелкими насекомыми. *М. Н.*

Пучности, см. *колебательное движение,* XXIV, 487.

Пуччини, *Джакомо,* знаменитый оперный композитор, род. в 1858 г. в Лукке, ум. в 1925 г. Музыкальное образование получил под руководством Баццини и Понкиелли в миланской консерватории. В начале своей композиторской деятельности П. написал также несколько камерных произведений и торжественную мессу, но слава ожидала его на оперном поприще, где он сразу стал на путь, указанный гением Джузеппе Верди— сочетая природную для итальянца мелодичность и драматический пафос с достижениями оперной техники послевагнеровской оперы, с более сложными гармониями и пышной инструментовкой. Не менее характерно для П. и

направление его оперных сюжетов, которые он избегает, в противоположность прежним оперным композиторам, брать из области фантастики и легенды, из героических областей и вымысла, а предпочитает сюжеты из реальной жизни, полные движения и драматизма. В этом отношении П. идет по стопам итальянских композиторов Масканьи и Леонкавалло, отчего обычно его вместе с ними заключают в одну группу под наименованием *„веристов"* (от слова „verum"—правда, как показатель искания жизненной правды в опере). В связи со своим реалистическим направлением П. избегает, подобно Вагнеру, законченных номеров в опере, и его оперная музыка льется сплошной струей без разграничений, обычных в прежних операх. В 90-х гг. прошлого века приемы П. казались иногда очень смелыми, и молодой автор снискал реномэ новатора. Наибольший успех имели его оперы: „Тоска", „Манон Леско", „Богема" и „М-м Баттерфлей" („Чио Чио-Сан"), которые обошли все мировые сцены, в том числе не сходят и с репертуара русских театров. Последняя его опера—„Турандот". Несмотря на свою огромную популярность, вызванную как приятной мелодичностью музыки, так и мастерским знанием сцены и оперных эффектов, П. все же не является по существу ни оригинальным, ни первоклассным композитором, но ему принадлежит, несомненно, одно из выдающихся мест в среде композиторов современной Италии, уже давно утратившей музык. гегемонию в мире. *Л. Сабанеев.*

Пушак, грызун, см. *шиншиловые.*

Пушица, Eriophorum, род из сем. осоковых, крупные, б. ч. болотные, многолетние травы; корневища ползучие или образуют густые дерновины; стебли чаще трехгранные. Колоски крупные, многоцветковые; кроющие чешуи расположены спирально, околоцветник состоит из многочисленных лентовидных нитей, которые по отцветании сильно вырастают, давая всему соцветию вид хлопковидного комочка. У нас 8 видов; наиболее часты: E. vaginatum и E. gracile по торфяным болотам, E. polystachyum и E. latifolium по болотам и сырым лугам.

Пушкарев, Николай Лукич, *см.* XI, 691.

Пушкари, старинное название артиллеристов на Руси, возникшее одновременно с появлением пушек. Служилые люди „по прибору", П. вербовались из вольных людей и служили пожизненно, передавая службу детям. Получая от казны хлебное довольствие, П. в мирное время несли гарнизонную службу, жили обычно в особых слободах („пушкарские слободы" местами сохранились в городах по сию пору) и, подобно стрельцам, занимались торговлей и ремеслами. Ведал П. особый *Пушкарский приказ* (*см.* XXXIII, 461).

Пушки *и иные артиллерийские орудия.* Оружие, назначаемое для непосредственного воздействия на противника вооруженными руками (рукой), называется рукопашным оружием (см. *холодное оружие*). На ряду с идеей нанесения противнику непосредственных ударов, хотя бы и вооруженной рукой, с самых древних времен развивается другой способ нападения,—воздействие на противника через расстояние,—приводящий к применению так наз. метательного оружия, т.-е. такого рода орудий, которые или сами бросаются в противника рукой, как, напр., камень, дротик, ручная граната, или же необходимая скорость метания (бросания) сообщается бросаемому предмету—снаряду помощью специальных метательных орудий. Первоначально для бросания человек пользовался все той же своей физической силой; но по мере развития его культуры стал использовывать естественные силы, чтобы наилучшим образом направить полет бросаемого предмета, или же чтобы, кроме того, бросить его с силой, превышающей человеческую. Так, в праще была использована центробежная сила; в луке, арбалете, в древних и всех так наз. невро-балистических орудиях—сила упругости твердых тел (жил, человеческих волос); в баро-балистических орудиях метание производилось силой тяжести, путем воздействия груза на короткое плечо рычага, длинное плечо которого, с положенным на него камнем, получало размах, которым камень и метался; в пневмо-балистических орудиях (пневматических) используется сила упругости сжатого газа; в пиро-балистических орудиях, называемых обычно огнестрельными,—снаряд бросается силою упругости (или динамическим действием—турбинные орудия) газов, образующихся при взрыве заряда, вследствие химической реакции, с выделением большого

количества тепла (с огнем), способствующего еще большему увеличению силы их упругости. В последнее время есть попытки использовать электро-магнитные силы в магнитно-фугальных орудиях.

Все метательные орудия подобного рода можно подразделить на два класса: в одних количество энергии, затрачиваемое человеком, не меньше того ее количества, которое должен получить бросаемый предмет; в других же используется посторонняя энергия материального мира. Естественно, что вторые имеют все преимущества перед первыми; к числу их принадлежат *орудия* пневматические, пиро-баллистические называемые обыкновенно огнестрельными, и электрические (магнитно-фугальные). Из этих трех родов орудий наибольшие преимущества, в особенности в военном отношении, представляют огнестрельные орудия, в которых используется скрытая химическая энергия метательных веществ (пороха), преобразующаяся при взрыве в кинетическую. Главное достоинство этих веществ состоит в том, что при малом об'еме и весе они заключают в себе большой запас энергии, вследствие чего использование таковой удобно в отношении заблаговременного заготовления ее запаса, хранения, перемещения и расходования на поле сражения. Этим и об'ясняется столь широкое распространение огнестрельного оружия. Пневматические орудия уступают огнестрельным, так как запас энергии в них, в виде сжатых заблаговременно газов, более громоздок; электрические, требующие в течение короткого времени производства выстрела расхода чрезвычайно огромного количества электрической энергии, осуществимы только при наличии специальных мощных электрических силовых установок, весьма неэкономичных, прикрепляющих орудие к месту их расположения, почему вопрос о таких орудиях практически пока остается открытым.

Понятие о всяком виде орудий, назначаемых для физической борьбы как рукопашных, так и метательных, наилучшим образом определяется словом вооружение. Орудие, носимое и обслуживаемое одним человеком, называется обыкновенно *оружием*, или даже *ручным* оружием: *холодным* — рукопашным или *огнестрельным* — метательным; орудия, требующие для обращения с ними и перемещения нескольких человек, исключительно метательные, называются орудиями, или артиллерийскими орудиями. Есть типы вооружения, которые хотя и требуют для обращения с ними больше одного человека, но стреляют пулями (патронами), одинаковыми с теми, какие назначаются и для ручного огнестрельного оружия, или немного более крупными против таковых: подобного рода типы вооружения называются *пулеметами (см.)*.

Весь комплекс предметов и понятий, связанных с вооружением, т.-е. самые предметы, теория их устройства и использования, войска, назначаемые для использования артиллерийских орудий, об'единяется общим понятием артиллерия, хотя первоначально это слово, повидимому, имело более узкое значение в отношении одного только искусства стрельбы. Всякие предметы вооружения, а равно предметы, назначаемые непосредственно для его использования в бою или для обучения действию им, называются артиллерийским имуществом. Кроме предметов вооружения, назначаемых для активных действий при борьбе—нападения, под тем же наименованием часто разумеют и предметы, назначаемые для действий пассивных — защиты, к числу которых можно отнести прежний щит, шлем, латы, панцырь и т. п. При весе, допустимом ношению человеком в боевых условиях, сила сопротивления этого вооружения имеет столь небольшой предел, что с появлением огнестрельного оружия, снаряды которого обладают большой силой пробивания, такого рода оборонительное индивидуальное вооружение почти совсем утратило свое значение; идея же пассивной защиты преобразовалась в коллективную форму, в виде щитовых прикрытий, которыми снабжаются многие современные орудия, брони и всякого рода искусственно сооружаемых прикрытий, составляющих предмет фортификации.

Возможность замещения своей природной физической силы силами материального мира до неограниченных пределов и возможность (но недостоверность) подчинения воли противника издали, с уклонением от схватки вплотную, служат основными свойствами метательного вооружения, в силу которых оно получило столь широкое развитие, с неограниченными перспективами в будущем. Первое свойство аналогично со свойствами вообще всякого орудия и его ролью в сфере человеческой культуры; второе поддерживается прежде всего инстинктом самосохранения, который непреодолимо указывает человеку, что схватка вплотную (рукопашная) представляет собой наиболее опасный вид физической борьбы, где все решает грубая сила, которою обладает далеко не всякий. Постепенный рост численности человеческих масс, принимающих участие в вооруженной борьбе, влекущий за собой необходимость каждому боеспособному гражданину быть воином, в связи с естественным падением среднего уровня физических и моральных сил каждого из них, необходимых для борьбы, еще больше способствуют развитию метательного вооружения. Наконец, в некоторых условиях борьбы, например, в воздухе, только и применима борьба на расстоянии, так как схватка вплотную в воздухе, по крайней мере при существующих условиях, вела бы к гибели самого нападающего. Этим об'ясняется, почему метательное вооружение имеет применение решительно во всех видах и сферах вооруженной физической борьбы: на суше, на море (воде), в воздухе. Естественно, что наиболее широкое применение оно может иметь на суше, так как этого вида борьба представляется наиболее доступной всякому, без к.-л. плавучих или летающих аппаратов, при отсутствии которых она была бы немыслима на воде и в воздухе; с другой стороны, борьба на суше гораздо более разнообразна, по сравнению с борьбой в других стихиях, в отношении обстановки, предметов воздействия, возможных методов ведения и пр. Вследствие этого сухопутное вооружение имеет наибольшее развитие и разнообразие; вооружение, применяемое на море или в воздухе, по своим свойствам во многом тождественно с сухопутным и отличается от него только некоторыми особенностями, обусловливаемыми естественным характером той стихии, в которой происходит борьба. Соответственно тому, для борьбы в какой стихии применяется артиллерия, она подразделяется на сухопутную, судовую (морскую) и воздушную.

Разнообразные условия применения артиллерийских орудий предъявляют к ним различные требования в отношении их устройства и методов их употребления. Требования эти можно подразделить, прежде всего, по отношению наилучшего воздействия на противника, затем в отношении использования орудий своими войсками и, наконец, орудия должны быть возможно более экономичными. До мировой войны 1914—18 г.г. последнего рода требования играли в значительной мере второстепенное значение, так как и количество артиллерии во враждующих сторонах и об'ем ее применения были таковы, что войну можно было провести за счет тех запасов, которые были заготовлены в мирное время. Последняя война показала неизбежность столь широкого применения артиллерии, что никакие практически осуществимые запасы мирного времени потребности в ней удовлетворить не могут. Из всех предметов боевого снабжения артиллерия в первую очередь истощает промышленные силы государства. Это обстоятельство заставляет, на ряду с требованиями техническими и военными, выдвигать и требования экономические, имея неизменно в виду, чтобы каждое артиллерийское орудие, удовлетворяя в возможной мере даум пер-

вым, было в то же время, как и всякая вообще машина, производительным, в самом широком значении этого слова.

В техническом отношении артиллерии в первую очередь ставятся требования наилучшего поражения целей. Виды таковых и их свойства весьма разнообразны, почему и требования и свойства артиллерийских орудий (оружия) неизбежно также весьма различны. Первоначально приходилось преимущественно поражать цели живые (людей, лошадей); однако, на ряду с этим артиллерии приходится бороться все более и более широко с различного рода закрытиями, трудно проницаемыми для артиллерийских снарядов (и пуль): стены, всякого рода фортификационные сооружения на суше, броня на военных судах. В отличие от живых целей этого рода сооружения называются мертвыми целями. Можно еще упомянуть о целях смешанного типа, в которых при разрушении мертвых предметов гибнет и живой противник или, по крайней мере, лишается возможности борьбы; к такого рода целям можно отнести танки, самые артиллерийские орудия, суда, аэропланы. Живые и смешанные цели могут быть неподвижные и подвижные; открытые, т.-е. доступные непосредственному поражению, или же закрытые, за броней или фортификационными сооружениями, спереди или даже сверху. Для поражения закрытых живых целей артиллерия должна быть в состоянии разрушать мертвые закрытия. По роду требуемого метода воздействия цели подразделяются на вертикальные — люди в рост, бортовая броня корабля, окопы, и горизонтальные — фортификационные убежища, прикрывающие сверху, палуба судов.

В зависимости от рода и характера целей, от снарядов (пуль, гранат, бомб, шрапнелей, мин), выбрасываемых из орудий, требуется, в той или иной степени, один из следующих видов воздействия: ударное — для проникания в тело человека (пуля, осколок), в грунт или бетон укрепления в броню, фугасное — под которым понимается механическое действие газов разрывного заряда (см. *фугасное действие*); картечное — действие большим числом пуль или осколков небольшого размера по живым открытым целям; химическое — действие на живые цели отравляющими веществами, заключающимися в снаряде и силой газов заключающегося в нем разрывного заряда распыляемыми при взрыве; зажигательное — помощью заключенных в снаряде сильно горючих веществ; светящее — достигаемое помещением в снаряд светящих материалов, загорающихся при взрыве на полете и падающих медленно в воздухе; маскирующее — помощью густого дыма, образующегося при взрыве, из дымородных веществ, которыми наполняется снаряд; психическое — достигаемое путем разбрасывания при взрыве агитационной литературы. Независимо от перечисленных видов, артиллерия действует на противника морально звуком своих выстрелов, летящих снарядов, их разрывов, а главное — угрозой смерти; те же эффекты, наоборот, поднимают моральное состояние своих войск. Весьма часто в одном и том же снаряде соединяется несколько видов действия: например, фугасная бомба, пробивая борт корабля, разрушает действием своих газов его железные части, поражает осколками экипаж и зажигает внутренность корабля, наполняет его ядовитыми газами, образующимися при взрыве. Все указанные разновидности действия артиллерийского снаряда, а, следовательно, и выбрасывающего его оружия, объединяются понятием могущества его действия.

В огромном большинстве случаев для поражения или разрушения цели требуется многократное повторение выстрелов из одного и того же оружия; такое требование вызывается иногда многочисленностью целей (люди и лошади, составляющие войска), в других случаях их протяжением, как, например, при разрушении фортификационных сооружений, необходимостью образования пораженного района определенных размеров — например, при создании облака отравляющего газа, и весьма часто вследствие того, что, даже при соблюдении всех необходимых условий для возможно более точного попадания в цель, отдельные выстрелы всегда происходят не одинаково и потому пункты действия снарядов (разрывов, попадания) будут рассеиваться на некотором протяжении (см. *стрельба*). Между тем период времени, в течение которого необходимо произвести воздействие на цель, весьма часто имеет существенное значение, как, например, при стрельбе по целям живым, которые могут принимать немедленные меры, чтобы укрыться от огня, или целям подвижным — люди, лошади, броневые машины, суда, аэропланы. Это обстоятельство весьма часто требует от артиллерийских орудий и оружия скорострельности, которая выражается наибольшим числом выстрелов, какое орудие данной конструкции может произвести в течение минуты, — а если достижение эффекта требуется в течение долей минуты, как, например, при кратковременных схватках движущихся аэропланов, то числом выстрелов в течение секунды. Очевидно, что скорострельность находится в большой зависимости от размеров самого орудия и снарядов, которыми оно стреляет, так как чем он больше, тем труднее в техническом отношении достигнуть большой скорострельности.

В отношении рассеивания достоинство орудия или оружия определяется кучностью его боя, которая будет тем значительнее, чем в большей мере удастся уменьшить влияние случайных причин на рассеивание выстрелов и тем ограничить его пределы (см. *стрельба*).

Подобно тому как и во всякого рода машинах, достоинство артиллерийского орудия (оружия) или, — что то же, — его мощность, определяется эффектом, который оно в состоянии проявить в течение единицы времени; последний определяется: а) могуществом каждого отдельного выстрела, б) числом выстрелов, произведенных в единицу времени, и в) тем их количеством из числа произведенных, которые попали в требуемую цель. Число попавших выстрелов, при надлежащем направлении орудия в цель, всецело зависит от кучности боя, которым обладает оружие; число выпущенных определяется скорострельностью. Таким образом, мощность артиллерийского орудия определяется произведением могущества отдельного выстрела на скорострельность и на кучность.

В порядке последовательности по отношению к воздействию на противника, кроме мощности, артиллерийское вооружение должно удовлетворять требованию целеприспособляемости, т.-е. должно поражать цели, расположенные от места орудий на определяемом боевыми и другими условиями расстоянии как по дальности, так и по высоте (в воздухе). Наилучшее действие снарядов, кроме того, должно обеспечиваться соответствующим направлением пути их падения, при котором поражению подвергались бы наиболее уязвимые стороны цели, или даже цель по возможности поражалась бы со всех сторон. Дальность стрельбы в горизонтальном направлении определяется дальнобойностью, под которой в большинстве случаев разумеют наибольшую дальность, или так называемую досягаемость, на которую данное орудие в состоянии добросить свои снаряды, при наивыгоднейшем его положении для достижения этой дальности. Однако, такое понятие о дальнобойности не всегда служит непреложным условием для оценки орудия, так как прежде всего по мере увеличения дальности мощность огня слабеет уже в силу одного только неизбежного увеличения рассеивания выстрелов и, следовательно, уменьшения кучности, почему может стать мало производительной. Кроме того, во многих случаях ослабевает значительно могущество отдельного выстрела, например, пробивной способности снаряда, затрудняется или даже становится вовсе невозможным наблюдение за результатами стрельбы, без чего, в значительном числе случаев, невозможно успешное ее ведение; наконец, при некоторых боевых условиях, напри-

мер, при очень близком расположении противных сторон друг к другу, и ложение цели может пред'явить обратные требования. В виду этого во многих случаях под дальнобойностью подразумевается не досягаемость, а дальность производительного огня. В равной мере аналогичные соображения могут быть отнесены и к высокобойности, т.-е. в отношении расстояний до цели по высоте.

В отношении направления пути полета снарядов перед их попаданием в цель, приходится стремиться или к горизонтальному — для поражения целей с вертикальною уязвимою поверхностью (люди в рост, лошади, бортовая броня броненосца), или к горизонтальному—при горизонтальной уязвимой поверхности (люди, прикрытые от выстрелов спереди, своды и другие перекрытия фортификационных сооружений, палуба корабля).

По отношению к цели действия, артиллерийское вооружение должно удовлетворять требованию маневренности, под которым подразумевается маневренность самого огня, т.-е. возможность ведения его в требуемых направлениях и на требуемые расстояния, по дальности и высоте, маневренность самого вооружения, называемая обыкновенно подвижностью. Маневренность огневая достигается соответствующим конструктивным устройством, допускающим установление орудия в требуемое положение как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях; таковое можно подразделить на приспособления, которыми орудию можно придать указанное положение, и такие, помощью которых можно удостовериться, что такое положение орудию придано. В частных случаях, например в ручном оружии, этих приспособлений может и не быть, так как их роль выполняют руки человека, в других, например, в орудиях примитивного устройства, поворот в стороны выполняется угловым перемещением всего орудия вместе со станком (лафетом), с которого оно стреляет. Фиксирование орудия в требуемом положении производится приспособлениями для наводки, или прицеливания (см. ниже). Маневренность огня достигается возможностью быстрой наводки, т.-е. установки орудия в требуемое положение, и быстрого ее изменения.

Маневренность материальная — подвижность — *определяется обычно* пред'являемым артиллерии безусловным требованием — *сопутствовать всюду тем войскам, для совместного* действия с которыми данные орудия предназначаются, *по всем дорогам и даже без дорог*, где только этим войскам приходится вести боевые действия. *При этом проходимость* орудия по местности должна быть такова, чтобы оно могло безотказно *поспевать своевременно к* требуемому месту действия. Это общее условие ставит различным родам *орудий весьма* разнообразные требования подвижности, начиная от возможности переноски его, хотя бы по частям, на руках, в самых передовых линиях боя, до полной неподвижности, каковая вполне естественна для орудий, по своему назначению прикрепленных к постоянным пунктам расположения, как, например, орудия береговые, назначаемые для борьбы с неприятельским флотом, или некоторые орудия местного назначения в крепостях. В конструктивном отношении, независимо от свойств местности, по которой предстоит движение, подвижность орудия определяется его весом, родом применяемых для передвижения движителей и приспособленностью для передвижения. До мировой войны в качестве движителя применялась почти исключительно лошадь (для вьючного движения — иногда мул); развиваемое ею тяговое усилие ограничено ее природой и к тому же не может быть увеличено одновременно запряжкой нескольких лошадей вместе дальше некоторого весьма ограниченного числа, при котором от этого получалась бы существенная польза. Это имело следствием, что вес систем орудий, применявшихся для сухопутной войны, был ограничен весьма жесткими пределами, находившимися в тесной зависимости от того рода местности, по которой орудию надлежало иметь движение при его применении (без дорог, по шоссейным дорогам, по вьючным тропам). А так как могущество орудия, говоря вообще, находится в весьма тесной зависимости от его веса, то и таковое в этом случае было ограничено. До некоторой степени это ограничение устранялось технически такой конструкцией более мощных и потому более тяжелых орудийных систем, при которой *для передвижения* они разбираются на части допустимого веса или, по крайней мере, внутренним *перемещением* некоторых их частей приводятся к более удобному для *передвижения виду. Это дает даже повод при* соображениях об их подвижности учитывать время, *необходимое для* перехода системы из состояния для походного движения в состояние для боя. Тем не менее *кардинально вопрос о* подвижности артиллерийских систем принципиально получил *новое решение почти перед* самой мировой войной, когда, в связи с развитием применения двигателей *внутреннего сгорания к* механической тяге, таковые стали применяться и для передвижения артиллерийских орудий. Мировая война сильно подвинула этот вопрос, а ныне он продолжает развиваться; имеются уже образцы механических движителей, обладающих прекрасной проходимостью не только по плохим дорогам, но и вовсе без дорог и даже по такой местности, по которой движение конной тягой было бы вовсе невыполнимо (болотистая местность, пески, в танках — даже окопы и молодой лес). Что касается развиваемого механическими движителями тягового усилия, то таковое, говоря теоретически, почти неограничено, потому что весу движителя, или перевозимой им орудийной системы, ставится предел разве только в отношении прочности тех мостов, через которые предстоит движение. Такое решение вопроса о подвижности открывает широкие пределы для увеличения веса, а, следовательно, и могущества артиллерийских систем и освобождает его от прежней безусловной зависимости от требований подвижности. Кроме применения механических средств передвижения по обыкновенным дорогам и без дорог, в последнее время получило широкое развитие использование для передвижения орудий рельсовых путей нормальных железных дорог или даже устраиваемых специально, обыкновенной или узкой колеи, и применяемых на рельсовых путях движителей паровых и электрических. Во всех этих случаях применения механической тяги артиллерийские системы или перевозятся движителем в качестве груза, тягою (запряжкою) или на его платформе, или же движитель составляет с системой одно целое, и он (*или платформа*, на которой установлено орудие) представляет собой вместе с тем и основание, с которого непосредственно производится стрельба. На судах водяного и воздушного флота вес, а, *следовательно*, и могущество артиллерийских систем определяется под'емною силою *этих судов* и ограничивается тою долею грузоподъемности, которая может быть *предоставлена на долю вооружения*, в связи с выделением таковой на остальные потребности (*бронирование, механизмы* и пр.).

Современные условия боя настоятельно требуют возможно более тщательного укрытия артиллерийских орудий сухопутной артиллерии маскировкою от наземного и в *особенности от воз*душного наблюдения. Самые системы маскируются, главным образом, соответствующей *окраской* и до некоторой степени ограничением их превышения над местностью, что допускает большее укрытие их за возвышенностями или за местными предметами, а также естественными и искусственными масками. Что касается маскировки их выстрелов, то в значительной *мере этот* вопрос разрешен уже применением бездымного пороха; ближайшими *задачами артиллерийской* техники является достижение беспламенности и беззвучности выстрела, из *которых первая уже имеет* пути к разрешению; что же касается второй, то для ее достижения отчасти *применяются в неизбежных* случаях пневматические стреляющие без звука орудия, как *было указано выше*, мало продуктивные в других

отношениях. Общее решение задачи о беззвучности выстрела пока еще не имеет даже теоретических оснований, так как этому препятствует сама природа явления.

Что касается требований военных, т.-е. таких, которым артиллерийское вооружение должно удовлетворять по отношению к применению их войсками, то в этом отношении, по мере возможности, должны быть соблюдены простота обращения, ухода и обучения, безопасность обращения для самих войск и надежность действия. Все эти качества почти всецело зависят от состояния артиллерийской техники. В отношении простоты обращения до некоторой степени имеет значение простота устройства; однако, естественно, что при наличии остальных качеств сложность вооружения не может играть сколько-нибудь существенной роли. Гораздо большее значение в отношении своих войск имеет управляемость орудийных систем как индивидуальная, так и при соединении их для действия в группы,— и в техническом и в тактическом отношении. Особенное значение при этом имеет возможность внезапного применения и срочного изготовления систем и их групп для исполнения такового. Управляемость индивидуальная достигается соответствующим устройством самих орудийных систем; что же касается управляемости групповой, то, кроме надлежащего устройства для того самых орудийных систем, группы орудий назначаемые для совместного действия, об'единяются еще целым рядом иногда весьма сложных технических средств. В отношении управляемости современная артиллерийская техника идет по пути механизации и даже автоматизации всех действий по управлению огнем, при чем естественно, что наиболее полно эти идеи осуществляются первоначально в более поддающемся этому ручном оружии, а за тем уже, по мере развития и усовершенствования артиллерийской техники, постепенно распространяются и на артиллерийские орудия.

При современном огромном значении артиллерийского вооружения весьма крупное не только боевое, но и экономическое значение имеет питание артиллерийскими средствами в военное время как в отношении артиллерийской материальной части, так в особенности в отношении расходуемых всякого рода боевых припасов. Современные условия боевых столкновений, в отношении весьма большой численности армий и входящей в их состав артиллерии, огромного значения всех видов огня, скорострельности современных орудий, и оружия и в особенности широкого применения противником всевозможных средств защиты от него, влекут за собой необходимость колоссального расхода боевых припасов. В первую очередь возникает вопрос о возможности заготовления их, а также всевозможного оружия и орудий, для возмещения израсходованного и изношенного, в государстве, которое само должно иметь возможность справиться с этой задачей. Ведь по политической обстановке посторонняя помощь далеко не всегда может иметь место. Как показала мировая война, потребность в артиллерийском вооружении может быть настолько велика, что удовлетворение ее истощает промышленные силы даже богатых ими государств. Это обстоятельство, отсутствовавшее при прежних войнах, выдвигает вопрос о производительности артиллерийского вооружения в столь резкой форме, что, решая задание о наилучшей конструктивной форме его, быть может, приходится поступаться до некоторой степени наилучшими сторонами решения, дабы, уступая в них, но за то выигрывая в большей выполнимости артиллерийского снабжения, в окончательном результате получить более производительное решение.

Но даже в случае удовлетворительного решения о боевом снабжении, в отношении количественном еще представляет не малые трудности, для разрешения вопрос о его доставке в боевые линии, в распоряжение расходующих его войск. Эту доставку можно подразделить: на перевозку боевого снабжения из тыловых органов государства (складов, заводов) к линии фронта, т.-е. на транспорт этого снабжения, аналогичный с транспортом вообще всего имущества, необходимого для армии, и на подвоз и доставку его всякими способами в бою к самим войскам, что составляет уже боевое маневрирование, совершенно аналогичное со всяким другим маневрированием войск. Транспорт боевого снабжения в общем вполне анологичен с транспортом другого военного имущества; необходимо только иметь в виду, что нужда в нем, почти отсутствующая в периоды затишья, наоборот, резко возрастает в дни боев и притом иногда в столь большой степени, что не только начинает препятствовать подвозу в армию всего остального, также крайне необходимого имущества (продовольствия), но представляется почти непреодолимой даже для государств с богатой сетью путей сообщения. Что касается маневрирования боевых запасов на поле сражения, то таковое должно быть поставлено в отношении требований подвижности питающих единиц в условия, решительно ничем не отличающиеся от подвижности самих войск, так как иначе, даже при наличии безграничных запасов в тылу, войскам может угрожать „патронный голод", со всеми его ужасающими последствиями. Бой решается не орудиями, а снарядами, почему, не опасаясь парадоксальности, можно сказать, что подвоз снарядов нередко может оказаться б лее ценным, чем подвоз орудий. Для судовой и воздушной артиллерии вопросы питания не имеют столь острого значения вследствие того, что по самой природе боев на море и в воздухе они отличаются краткосрочностью и обыкновенно достаточно обеспечиваются запасом боевых припасов, имеющихся при боевых судах и аппаратах.

Наконец, в экономическом отношении к артиллерийскому вооружению приходится пред'являть требования в отношении возможности его успешного изготовления промышленными средствами государства, его стойкости при хранении в течение промежутков мирного времени, иногда весьма длительных, и, наконец,—стоимости. Эти стороны в общем совершенно аналогичны с подобными же экономическими сторонами другого государственного имущества и даже всякого имущества вообще. Надлежит только иметь в виду, что артиллерийское вооружение, по самому своему назначению, не имеет решительно никакого применения для мирных целей, а между тем стоит весьма дорого, почему расход на него непосредственно для мирного строительства государства представляется весьма тягостным и отрывает силы и средства от других культурных потребностей.

В техническом отношении, в течение многих десятилетий сухопутную артиллерию принято было подразделять по степени ее подвижности на полевую, осадную, крепостную и береговую; непосредственное вооружение пехоты и конницы, кроме холодного оружия, составляли револьвер и винтовка и некоторое количество пулеметов, обладавших подвижностью значительно большей, чем подвижность артиллерийских орудий легкого типа. Обстановка минувшей мировой войны, в связи с различными боевыми факторами и достижениями артиллерийской техники, в значительной мере видоизменила эти основания классификации.

В отношении вооружения пехоты и конницы прежде всего выяснилась непреодолимая тенденция к автоматизации огня, в силу чего, помимо появления на вооружении автоматических ружей, хотя бы для части стрелков, в значительной степени возросла потребность в применении более надежного, в отношении устойчивости оружия, пулеметного огня, с неуклонным стремлением выдвинуть пулеметы в передовые боевые линии. В свою очередь это повлекло за собой требование об увеличении их подвижности, достигаемой прежде всего уменьшением их веса, хотя бы и в ущерб конструктивным качествам. Вот почему, на ряду с прежними магазинными винтовками, появились

автоматические ружья, более легкие и подвижные ручные пулеметы, доступные передвижению и действию для одного человека, пулеметы же прежнего типа, получившие наименование станковых, более совершенного устройства, допускающие надежную стрельбу на дистанции наибольшие для ружейной пули, также ныне влиты в состав самых *мелких подразделений пехоты и конницы* (см. *пулеметы*). Есть основание предполагать, что по мере развития техники пехота и конница будет вооружена вся автоматическими винтовками, почему надобность в ручных пулеметах отпадет. Прежние револьверы, имеющие роль оружия для самообороны, вытесняются различными автоматическими пистолетами.

На ряду с указанным вооружением д а л ь н е г о и н а с т и л ь н о г о б о я, для пехоты (и спешенной конницы) необходимо также ручное вооружение б л и ж н е г о б о я, в виде различного рода р у ч н ы х г р а н а т, н а с т у п а т е л ь н о г о типа — с большим районом действия в точке разрыва, и о б о р о н и т е л ь н о г о — с ограниченным районом; постепенно, с развитием техники эти гранаты вытесняются аналогичными р у ж е й н ы м и г р а н а т а м и, которыми можно стрелять, при помощи простого приспособления, на небольшие расстояния, с бо́льшим успехом против ручных. Всех этих огневых средств, однако, для современного пехотного *боя* оказывается недостаточно, так как им недостает разрушительной силы (против щитов пулеметов, танков, снижающихся самолетов), почему, кроме того, приходится снабжать пехоту специальными пулеметами бо́льшего *калибра и бо́льшей разрушительной силы* и вводить в состав ея мелких подразделений а р т и л л е р и ю б л и ж н е г о б о я, именующуюся в в и д е п е х о т н о й, с т р е л к о в о й, у нас — б а т а л ь о н н о й, для отлогой и крутой (навесной) стрельбы.

В отношении артиллерийских орудий большую роль сыграли позиционный характер войны, требовавший и вместе с тем допускавший постепенное сосредоточение больших артиллерийских сил и длительную их подготовку к действию, усовершенствование строительства и использование всякого рода путей сообщения для подвоза и вообще новейшие ускоренные методы строительства всякого рода фортификационных сооружений, в том числе и прочных оснований для орудий большой мощности и потому большого веса, применение механической тяги и пр. Все это повело к тому, что границы различия между разного рода типами артиллерии как бы слились, и в условиях боя с полевыми войсками начали принимать участие всевозможные системы, до самых мощных и тяжелых включительно. В виду этого классификацию артиллерии в настоящее время нельзя считать вполне установленной; однако, придерживаясь в качестве руководящего признака ее свойств по *подвижности, в общем можно остановиться на* следующем ее подразделении.

Прежде всего надо оговорить, что при всякого рода боевых действиях артиллерии приходится вести огневую работу против целей как живых,—открытых и закрытых, подвижных и неподвижных,—так и против мертвых. В разных случаях этого рода цели требуют для поражения или отлогого полета снаряда или крутого. По большей части технически оба эти вида стрельбы неосуществимы достаточно производительно из одного и того же орудия, почему приходится иметь орудия отлогой и крутой (навесной) стрельбы в каждом роде артиллерии. Далее, всю артиллерию можно подразделить на артиллерию о б щ е г о д е й с т в и я, для решения всяких огневых задач, представляющихся при боевых действиях на сухопутье, и с п е ц и а л ь н о г о д е й с т в и я.

Артиллерия общего действия подразделяется на: А) в о й с к о в у ю могущую двигаться по любой дороге (местности) с другими родами войск, почему такая артиллерия и входит организационно в состав войсковых соединений (бывшая полевая). Этого рода артиллерия подразделяется на: а) п е р е н о с н у ю, т.-е. такую, которая перевозится на лошадях, но может перевозиться (или даже переноситься по частям на руках) людскою тягою; она имеет назначением ближний бой с пехотой (стрелковая); б) в ь ю ч н у ю или в ь ю ч н о - в е р х о в у ю (прежняя горная), для действия на местности, недоступной для колесного движения (в частности гористой), с пехотой и конницей; в) к о н н у ю — для действий с конницей; г) л е г к у ю — для действия с пехотой; д) т я ж е л у ю — для действия с пехотой и иногда с конницей, при условии несколько лучших дорог. Все эти типы артиллерии могут быть з а п р я ж е н н ы м и для передвижения лошадьми, передвигаться т р а к т о р а м и (тягой) или же быть с а м о х о д н ы м и, т.-е. иметь такое устройство, при котором орудие передвигается и стреляет с автомобиля. Б) Т я ж е л у ю не-войсковую способную для движения только по шоссе (прочные мосты), преимущественно больших калибров; запряженная, тракторная или самоходная. Придается крупным войсковым соединениям для решения специальных задач (прежняя осадная). В) Ж е л е з н о д о р о ж н у ю — имеющую движение и стрельбу с железнодорожной платформы (всяких калибров); имеет ограниченное применение в районе железнодорожных путей; способна к обороне берего́в. Г) П о з и ц и о н н у ю — подвозимую по железной дороге только в качестве груза, но стреляющую *со специально возводимых оснований* (прежняя осадная и крепостная). Д) К р е п о с т н у ю — неподвижную, назначаемую для специальных задач крепостной борьбы (например, противоштурмовая, башенная). Е) Б е р е г о в у ю — частный вид *крепостной в береговых крепостях*.

Артиллерия специального действия подразделяется на А) з е н и т н у ю: а) войсковую, б) шоссейную, в) железнодорожную и г) местную. Б) Б р о н е в у ю — с а к т и в н ы м н а з н а ч е н и е м *брони: а) войсковая—бронемашины и легкие танки*, б) позиционная—тяжелые танки и в) железнодорожная—бронепоезда. В) М и н о м е т н у ю—для сильного и преимущественно ближнего фугасного и химического действия: а) войсковая — легкая и тяжелая и б) позиционная (траншейная). Г) Б о м б о м е т н у ю—картечного ближнего действия (траншейная).

Судовая артиллерия подразделяется на: а) а р т и л л е р и ю к р у п н у ю — больших калибров и мощности, назначаемую для борьбы с бронированными судами и стрельбы на большие дистанции при бомбардировке берегов; б) а р т и л л е р и ю с р е д н ю ю—для поражения слабо бронированных или небронированных частей судов, личного состава, борьбы с береговыми батареями; в) м е л к у ю—для поражения миноносцев, подводных лодок, открыто стоящих людей, мелкой артиллерии на судах, для сопровождения десанта с судов. Кроме того, на современных судах имеется з е н и т н а я артиллерия, для борьбы с воздушным противником, и м и н н а я, выбрасывающая самодвижущиеся мины.

Артиллерия воздушная может быть подразделена на два вида: а) для д е й с т в и я п о з е м н ы м ц е л я м и б) для б о я с в о з д у ш н ы м *же противником. Первого* рода артиллерия пока выражается исключительно в виде сбрасывания бомб различного размера и веса — картечного, фугасного или химического действия, приобретающих необходимую для действия скорость при падении под влиянием силы тяжести. Кроме того, поражение земных целей выполняется и пулеметами, мало отличающимися по устройству от применяемых в сухопутных действиях. Для воздушного боя пока применяются почти исключительно пулеметы же, так как в силу целого ряда особенностей воздушного боя, и прежде всего вследствие его чрезвычайной краткосрочности, быстрой изменчивости дистанций и потому необходимости вести его только на близких расстояниях, поневоле приходится останавливаться как на цели действия преимущественно на личном составе и применять для стрельбы почти исключительно пулеметы, дающие возможно большее число выстрелов в секунду. Артиллерийская борьба на сколько

нибудь значительные расстояния, а также крупное поражение самих воздухоплавательных или летающих аппаратов, при нынешнем состоянии артиллерийской техники, неосуществимы со сколько нибудь существенными результатами. Тем не менее, в этом отношении техника ежедневно идет вперед, почему на вооружении самолетов и дирижаблей появляются все более и более крупные орудия.

Для наилучшего использования в техническом отношении, артиллерийские орудия соединяются обыкновенно в б а т а р е и. Число орудий в батареях разного типа артиллерии бывает различно, но в общем можно сказать, что при стрельбе по неподвижным мертвым целям, когда положение цели с течением времени не изменяется и есть возможность, а потому и необходимость, пристреливать точным образом каждое отдельное орудие, принимая во внимание неизбежные его индивидуальные качества боя, батарея может состоять из двух, даже из одного орудия; в особенности, если речь идет об орудии большого калибра. Если же, наоборот, приходится действовать по целям подвижным, когда приходится создавать в короткое время районы поражения определенных размеров по ширине (по фронту) и в глубину, дабы наверное накрыть выстрелами цель, число орудий должно быть больше и обычно бывает не меньше четырех. В частности для той же цели приходится об'единять технически и большее число орудий, для чего пользуются сосредоточением огня нескольких батарей; например, при стрельбе с судов по движущимся судам же механически об'единяется работа всех орудий, состоящих на корабле, которые только могут принять участие в стрельбе при данных условиях положения цели. Кроме технических соображений, для установления числа орудий в батарее имеют значение и соображения организационного и хозяйственного характера; даже и при крупном калибре не лишнее иметь в батарее два орудия вместо требуемого техническими соображениями одного: на случай порчи, для ускорения действия, для экономии в личном составе и вспомогательных средствах для стрельбы и т. п.

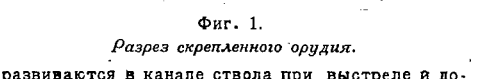
В о р г а н и з а ц и о н н о м о т н о ш е н и и батареи попрежнему соединяются в отделения, дивизионы, полки. Прежнее грубое соотношение числа орудий на 1.000 пехотинцев или сабель, доходившее перед мировой войной до 6 и даже 7, в значительной мере поколеблено как по абсолютной величине, так и в отношении метода подобного рода расчета. По большей части принято относить количество орудий к батальону пехоты, который во всех армиях имеет приблизительно одинаковый состав. Минувшая мировая война с ее длительным позиционным периодом, в течение которого войска безнаказанно могли загружаться сколько угодно большим количеством артиллерии, несомненно оказывает при определении этой численности свое влияние, почему некоторые из авторитетов считают нужным иметь на батальон до 11 и даже до 14 различного рода орудий. Несомненно, что в этом сказывается значительная доля увлечения, так как перегруженные таким количеством войска вряд ли будут в состоянии успешно вести маневренную войну. Более осторожные полагают, что организационно надлежит связывать с войсками не больше 8 орудий на батальон; что же касается остальной артиллерии, в том числе и артиллерии перечисленного выше специального действия, то она должна составлять особого рода артиллерийские резервы, называемые часто артиллерией особого назначения, артиллерией главного командования, разбиваемой иногда по фронтам и армиям, в состав которой должны входить всякого рода типы орудий. В мере действительной потребности эти резервы должны придаваться тем войсковым соединениям, которые фактически будут в ней нуждаться по роду выполняемых ими боевых задач.

В т а к т и ч е с к о м о т н о ш е н и и артиллерия сухопутных войсковых соединений подразделяется обыкновенно на следующие главнейшие соединения батарей, по возлагаемым на них боевым (тактическим) задачам: а) а р т и л л е р и я о б щ е г о н а з н а ч е н и я — преимущественно для борьбы с артиллерией противника и поражения других целей, имеющих общее значение для всего войскового соединения; б) а р т и л л е р и я н е п о с р е д с т в е н н о й п о д д е р ж к и, участковая, „пехотные батареи", назначаемые для непосредственной поддержки огнем отдельных подразделений пехоты стрельбою по тем целям, которые препятствуют непосредственно данному подразделению пехоты; в) а р т и л л е р и я с о п р о в о ж д е н и я—имеющая назначением не только поддерживать пехоту в ближнем бою, когда поддержка батарей, расположенных в тылу, оказывается невозможной, но и сопровождать наступающие части пехоты продвижением вперед, с целью поражения внезапно появляющихся ближних целей в период штурма и его развития (пулеметов, танков) и первоначального закрепления на занятой позиции противника.

Значение всякого вида огня, в том числе в особенности артиллерийского, при современных условиях боя значительно возросло по сравнению с прежним; это дало основание весьма многим преувеличивать безмерно и самое назначение артиллерии, возлагая на нее роль главного рода оружия, считая, что „артиллерия все завоевывает, а пехота только закрепляет завоеванное" или что „артиллерия наносит удар, а пехота его только довершает". Такие взгляды в особенности приходится слышать со стороны представителей тех государств, которые должны считаться с крайним недостатком живой силы и даже, б. маж., грозными симптомами ее вырождения (Франция). В крайнем увлечении некоторые даже мечтают механизировать всю войну, сведя роль человека только к роли руководителя. Ошибочность таких увлечений ясна из того, что было изложено выше в отношении необходимости хотя бы одного только стремления к рукопашной схватке, без которого немыслимы большинство боевых достижений; а к рукопашной схватке артиллерия никогда не может быть способна: она выполнима только пехотой и конницей. Вот почему назначение артиллерии будет правильнее формулировать в следующих словах: „Назначение артиллерии — поражением активной силы противника и разрушением его средств защиты—стремиться создать условия, при которых боевые задачи могли бы быть разрешены с наименьшими потерями. В бою действия пехоты (и конницы) и артиллерии неотделимы".

II. Ближайшее значение слова *артиллерийское орудие* обнимает собою два понятия: 1) собственно ствол—т е л о о р у д и я, из которого производится стрельба, и 2) полный комплект всех предметов артиллерийской м а т е р и а л ь н о й ч а с т и, необходимых для действия, составляющих одну артиллерийскую т е х н и ч е с к у ю единицу, состоящих из самого орудия с л а ф е т о м и другими предметами п р и н а д л е ж н о с т и, а если орудие перевозится,—то и с передком и даже с лошадьми.

II. В современных орудиях ствол изготовляется исключительно из лучших сортов стали, как наиболее прочного матерьяла, могущего выдерживать те огромные давления пороховых газов, которые



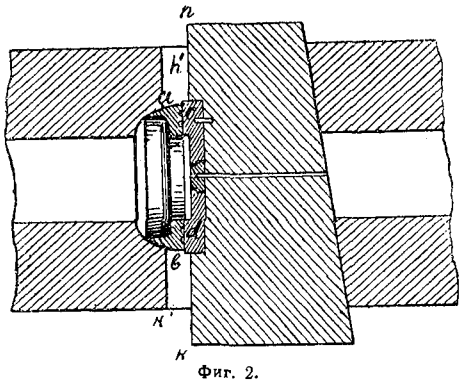
Фиг. 1.

Разрез скрепленного орудия.

развиваются в канале ствола при выстреле и достигают 3.000 атмосфер. Однако, прочность даже наилучших сортов стали была бы для этого недостаточна, почему уже давно орудия изготовляются с к р е п л е н н ы м и из нескольких слоев так, что наружные, еще до выстрела, сжимают внутренние *(фиг. 1)*. При выстреле давление газов

растягивая внутренние слои, первоначально доводит их до нормального, не сжатого состояния, а затем уже растягивает, вследствие чего скрепленные орудия обладают гораздо большим запасом прочности, чем если бы они были изготовлены со сплошными стенками. Стягивание внутренних слоев достигается тем, что при изготовлении ствола наружные слои надеваются на внутренние в нагретом состоянии и при охлаждении, уменьшаясь в размерах, стягивают внутренние; или же соприкасающимся поверхностям слоев придают слегка коническое очертание и насаживают их друг на друга большим давлением. Первоначальные теоретические основания скрепления орудий разработаны во второй половине минувшего столетия русским артиллеристом Гадолиным.

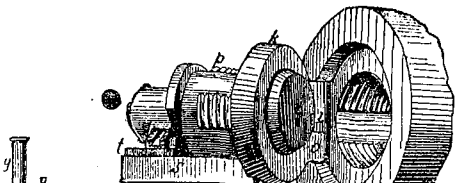
В последнее время повышение качеств стали и способов ее обработки дали возможность изготовлять артиллерийские орудия со сплошными стенками, которые затем сильным гидравлическим внутренним давлением растягиваются. В результате металл. стенок получается состоящим из ряда бесконечно тонких слоев, скрепляющих друг друга. Скрепление орудия этим способом, называется а в т о с к р е п л е н и е м. Автоскрепленные орудия возможно готовить только из высших сортов стали; они выдерживают весьма большие внутренние давления, до 4 000 атм. и выше.



Фиг. 2.

Клиновой затвор (разрез): ав—обтюрирующее кольцо. cd—плитка, прижимаемая к кольцу ав при вдвигании клина, пк—плоскость клина, перпендикулярная к оси канала.

Часть орудия, из которой вылетает снаряд, называется д у л ь н о ю, а противоположная — к а з е н н о ю. Современные орудия заряжаются с казны, почему имеют сквозной канал, запираемый

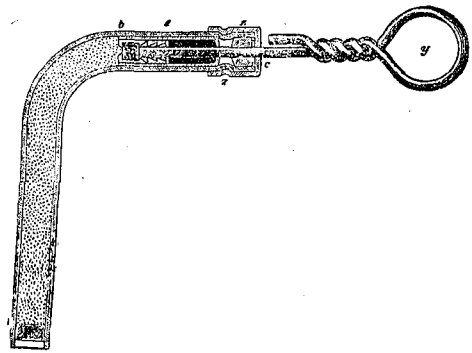


Фиг. 3.

Поршневой затвор. p—тело поршня с выступами.

з а т в о р о м, который устраивается или в форме клина, вдвигаемого поперек канала в прорезы стенок орудия *(фиг. 2)*, или в виде поршня, запирающего казенную часть *(фиг. 3)*. После вдвигания на место затвор прочно скрепляется с телом орудия. В применяемых у нас поршневых затворах это достигается тем, что наружная поверхность поршня и внутренняя поверхность канала имеют очертание винта крупной нарезки, часть которой через каждую шестую часть окружности снята. Вследствие этого, поставивши поршень винтовыми выступами против соответствующих гладких мест казенной части канала, его легко вдвинуть; а при повороте на одну шестую часть окружности его выступы сцепляются с выступами канала. Поршень поддерживается рамой, прикрепленной к казенной части орудия и имеющей движение на шарнирах, в виде дверцы. В современных конструкциях затворов поворот поршня и его извлечение из канала, а равно обратные действия при закрывании—производятся автоматически, при движении рамы, снабжаемой рукояткой. Есть конструкции, в которых открывание затвора производится энергией отдачи, при откате орудия после выстрела, почему подобные затворы называются полу-автоматическими. В больших орудиях, затворы которых весьма тяжелы, выдвигание клина производится вращением ходового винта, гайкой которого служит казенная часть орудия. Работа эта иногда выполняется электрическим током (на судах, в береговых орудиях).

Для устранения прорыва пороховых газов через щели запертого затвора, последний снабжается *обтюратором*. В клиновых затворах обтюрирующее приспособление состоит из хорошо пришлифованных друг к другу стальной плитки, укрепляемой в передней поверхности клина, и стального же кольца, имеющего поверхность, обращенную к плитке, плоскую, а с другой стороны — сферическую. Сферической стороной кольцо вставляется в соответствующее по очертанию гнездо, выточенное в металле орудия. При выстреле пороховые газы растягивают кольцо, вследствие чего размеры его увеличиваются, оно стремится выйти из сферического гнезда и этим, естественно, плотно прижимается плоской своей стороной к плитке затвора. Кольцо смазывается густой нефтяной смазкой, что окончательно препятствует прохождению пороховых газов даже в малейшие щели. Обтюратор

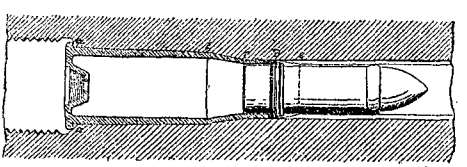


Фиг. 4.

Вытяжная трубка.

поршневых затворов имеет вид лепешки, изготовленной из асбеста, заключенного в несгораемую ткань, через середину которой пропускается стальной грибовидный стержень, проходящий через тело затвора. При выстреле пороховые газы давят на гриб стержня, расплющивая асбестовую лепешку, которая при этом плотно прижимается к стенкам канала орудия, препятствуя проникновению газов. В орудиях, стреляющих патронами с металлической гильзой или зарядами, заключенными в такую гильзу, обтюрация достигается тем, что тонкостенная гильза растягивается давлением газов и плотно прижимается своими стенками к стенкам канала.

Зажигание заряда в простейшем случае производится через узкий канал, имеющийся в теле затвора, в наружный конец которого вставляется латунная *вытяжная трубка*, наполненная порохом (*фиг. 4*). Трубка снабжается особым воспламеняющим приспособлением, наполненным составом, загорающимся при трении, через который пропускается зазубренная проволока. При выдергивании этой проволоки состав загорается, зажигает порох, наполняющий остальную часть вытяжной трубки, который дает луч огня внутрь канала орудия и зажигает заряд. Проволока трубки выдергивается крючком шнура, закрепляемого за ушко, которым заканчивается ее конец. В орудиях, стреляющих зарядами, заключенными в гильзу, воспламенение производится ударом по капсюльному приспособлению, укрепленному в дне гильзы, помощью устроенного в теле затвора *стреляющего* приспособления, действующего при помощи натяжения шнура. Большие орудия иногда воспламеняются электрическими запалами. В затворах делаются приспособления, не допускающие возможности производства выстрела при не вполне запертом затворе, а также не позволяющие открыть затвор немедленно после произошедшей осечки; такие приспособления применяются вследствие того, что при современных порохах воспламенение его иногда может произойти не сразу, и потому выстрел мог бы последовать при открытом затворе, если бы его открыть немедленно после осечки.



Фиг. 5.

Разр з тела орудия с вложенным патроном. Заряд патрона находится в расширенной гладкой части—зарядной каморе; снаряд—в снарядной каморе, в которой уже начинаются нарезы. Ведущий поясок снаряда упирается в их начало. Центрующее утолщение снаряда прилегает к полям.

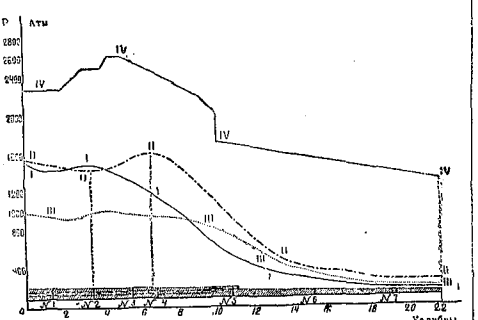
Канал орудия подразделяется на *зарядную* и *снарядную каморы*, куда помещается заряд и снаряд при заряжании, и *нарезную часть*, стенки которой снабжаются нарезами, имеющими вид правильных винтообразных дорожек, простроганных в металле стенок (*фиг. 5*). Число нарезов определяется требованиями прочности их самих и врезающихся в них частей снаряда, почему естественно в орудиях большого размера их больше. Если смотреть в канал со стороны казенной части, то нарезы видны изгибающимися по винтовой линии, в направлении движения часовой стрелки, почему в этом направлении получает вращение и вылетающий из орудия снаряд. Число оборотов его в секунду, естественно, определяется той поступательной скоростью, с которой он проходит последний элемент длины канала, и крутизной винта в этом же месте. Последняя не всегда бывает одинакова по всей длине канала, и часто, начинаясь полого у камеры, делается более крутой к дулу. В этом случае нарезка носит название *нарезки прогрессивной крутизны*. Число оборотов в секунду определяется требованиями устойчивости снаряда на полете и, говоря вообще, должно быть тем больше, чем длиннее снаряд. Промежутки между нарезами называются *полями*. Диаметр канала орудия между двумя противоположными полями называется *калибром* орудия. Длина канала, а следовательно и длина всего орудия, выражается обыкновенно не в абсолютных единицах длины, а в отношении ее к калибру и называется поэтому *относительной длиной орудия*. Очевидно, что при прочих одинаковых условиях пороховые газы будут толкать снаряд тем дольше, и потому сообщать ему тем бо́льшую *начальную скорость* при вылете его из дула, чем больше относительная длина орудия. При тех же условиях орудия, имеющие одинаковую относительную длину (подобные), естественно, сообщат, каждое своему снаряду, приблизительно одну и ту же начальную скорость. Чем больше относительная длина орудия, тем большим зарядом можно из него стрелять, не рискуя, что часть его не успеет сгореть за время движения снаряда по каналу и потому будет израсходована даром; к тому же при этом получилось бы разнообразие в сгорании заряда при различных выстрелах, а, следовательно, и разнообразные начальные скорости. Относительная длина орудия рассчитывается так, чтобы снаряд получал желаемую начальную скорость при условии полного сгорания заряда за время движения снаряда в канале. Для разрешения различных артиллерийских задач требуется различная начальная скорость снаряда, почему в артиллерии применяются орудия различной относительной длины: наиболее короткие из них, имеющие относительную длину не больше 10 калибров и сообщающие снаряду начальную скорость до 300 метров в секунду, называются *мортирами*; длинные, от 25 калибров длиною, сообщающие начальную скорость от 500 м. в сек. и больше, называются *пушками*; орудия промежуточной относительной длины (от 10 до 25 калибров), сообщающие средние начальные скорости, называются *гаубицами*. Точные границы относительной длины этих различных родов артиллерийских орудий установить нельзя, так как, кроме длины, начальные скорости зависят от величины зарядов и сорта пороха. В последних образцах артиллерийских орудий калибр их достигает до 20 дм., а относительная длина некоторых типов (для сверх-дальней стрельбы) доходит до 170 калибров. Такую длину имела германская пушка, стрелявшая по Парижу с расстояния больше 100 километров, почему, при ее калибре около 9 дюймов, ствол ее имел длину около 37 метров. Она сообщала снаряду начальную скорость около 1.500 м. в сек.

Современные артиллерийские орудия стреляют *бездымным порохом*, приготовляемым из пироксилина или из нитроглицерина. В чистом естественном виде оба эти вещества были бы совершенно непригодны для стрельбы, так как при этом они сгорали бы в такой короткий промежуток времени и развивали бы мгновенно такие огромные давления в канале орудия, что всякое орудие было бы разорвано. Для замедления сгорания пироксилин желатинизируют, сушат и обращают в ленты или зерна. Для этого его погружают в растворитель, состоящий из смеси спирта с серным эфиром, в котором он частью растворяется, образуя тестообразную массу; массу эту продавливают через отверстия аппарата, получая ленты желаемой ширины и толщины, которые просушиваются и режутся на куски требуемого размера. В таком виде пироксилин и представляет собою *пироксилиновый* бездымный порох.

Нитроглицериновый порох получается из теста, приготовляемого из смеси нитроглицерина и пироксилина. Пироксилин получается обработкой клетчатки смесью серной и азотной кислот (нитроклетчатка), преимущественно хлопковой (отбросы хлопковой пряжи), хотя может быть получен из льна и древесины (целлюлозы); для получения нитроглицерина подобным же образом обрабатывается глицерин, извлекаемый из жиров. При такой обработке химический состав этих веществ изменяется, обогащаясь кислородом, за счет которого при взрыве и сгорает их углерод. Для достижения лучшей стойкости пороха, изменяющего свои качества при хранении, в особенности под влиянием сравнительно высокой температуры,—например, в южных широтах или в пороховых погребах военных судов (крюйт-каморах), при фабрикации к нему прибавляются в небольшом количестве *флегматизирующие* и *стабилизирующие* химические вещества. Будучи простой по идее, фабрикация бездымного пороха весьма капризна в исполнении в отношении получения однообразного стойкого про-

дукта. Неизбежное разнообразие в химическом составе и качествах исходных материалов влечет за собою неизбежную разницу и в качествах получаемого пороха, почему различные партии его, хотя бы изготовляемые на одном и том же заводе, обыкновенно несколько разнятся по величине той начальной скорости, которую одно и то же количество пороха может сообщить, при одинаковых прочих условиях, одному и тому же снаряду. Вот почему величина заряда подбирается по весу для каждой отдельной партии опытным путем, которым и устанавливается каждый раз точный вес заряда, сообщающего требуемому снаряду желаемую начальную скорость.

Все усилия пороходелия уже давно направлены к тому, чтобы уменьшить р а з р у ш и т е л ь н о е действие пороха, использовав в то же время в полной мере его м е т а т е л ь н у ю силу. Очевидно, что разрушительная сила определяется тем наибольшим давлением, которое данный заряд определенного сорта пороха развивает при выстреле. Вначале это давление равно нулю, затем, по мере горения пороха, оно быстро нарастает, так как вначале снаряд успевает продвинуться немного, и образовавшиеся газы, нагретые до высокой температуры, занимают сравнительно небольшой об'ем; далее, хотя порох, продолжая сгорать, и образует еще новое количество газов, но снаряд продвигается по каналу все дальше и дальше, об'ем, занимаемый газами, все увеличивается, и потому давление, после достигнутого maximum'а, падает, понижаясь до minimum'а в момент вылета снаряда из дула. Измеряя помощью особых приборов давление пороховых газов в различных точках по длине орудия и имея в виду, что эти давления близки к давлениям, оказываемым газами на дно снаряда, в момент прохождения ими по каналу мимо этих точек измерения, можно построить *кривую давлений*, которые дно снаряда и стенки орудия испытывают в различных точках канала *(фиг. 6)*.



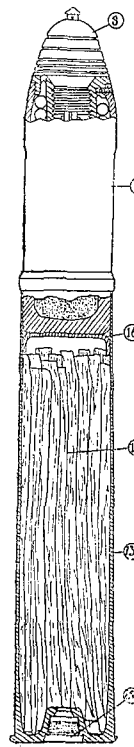
Фиг. 6.

I—Кривая давлений для заряда в 1400 гр. селитро-угольного пороха. II—для заряда в 716 гр. и III—для заряда в 544 гр.—бездымного пороха. IV—кривая прочного сопротивления пушки. Номерами обозначены места, в которых в стенках орудия были укреплены приборы, измеряющие давление пороховых газов.

Площади, ограничиваемые кривыми I и III, равны, почему меньший по весу заряд бездымного пороха сообщает снаряду ту же начальную скорость, что и больший по весу пороха селитро-угольного. Кривая II показывает, что, стреляя еще большим зарядом бездымного пороха, можно бы было получить большую начальную скорость снаряда, чем давал ве селитро-угольный; но при этом запас прочности орудия был бы недостаточный (требуется от $1/3$ до $1/2$).

Эти кривые показывают, что давление достигает наибольшей величины в расстоянии нескольких калибров от дна канала, почему орудия и приходится изготовлять с более толстыми стенками в казенной части. Давлением на дно снаряда пороховые газы производят работу, выражающуюся в том, что снаряд приобретает все большую и большую скорость, а, следовательно, и живую силу $(\frac{m\,v^2}{2}$, где m—масса снаряда и V—приобретаемая им скорость). Ясно, что одну и ту же окончательную живую силу, а, следовательно, и определяемую ею начальную скорость, которую снаряд приобретает к моменту вылета из дула, можно получить разными сортами пороха, из которых один, сгорая скорее, даст большее максимальное давление, но зато это давление затем сравнительно быстро упадет, тогда как другой, сгорая медленнее, не даст такого максимального давления, однако давления у дула окажутся больше, чем у первого. Законами механики легко доказать, что площади, ограниченные кривой давлений и осью канала, выражающие полную работу пороховых газов при выстреле, т.-е. его метательную силу, в обоих указанных случаях будут равны, тогда как разрушительная сила, определяемая наибольшим давлением, у первого сорта пороха будет больше, чем у второго. Уменьшить максимальное давление можно, увеличивая величину зерен или лент пороха, так как более крупные зерна и толстые и широкие ленты будут сгорать медленнее; однако, для каждого орудия есть предел такому увеличению, так как иначе зерно или лента не будут успевать сгорать *до момента вылета снаряда из дула*. Строго говоря, для каждого типа орудия, в зависимости от его калибра и длины, можно бы было подобрать свои наивыгоднейшие размеры зерен или лент; однако, это весьма усложнило бы производство пороха, почему обыкновенно изготовляется сравнительно небольшое количество сортов, из которых каждый назначается для нескольких типов орудий. Другим средством для уменьшения максимального давления служит придание зернам определенной формы,—напр., снабжение их сквозными каналами; при этом по мере горения первоначальная поверхность зерна, уменьшаясь снаружи, увеличивается за счет увеличивающейся поверхности внутренних каналов, и порох сгорает равномернее. Но наиболее действительным средством для получения медленно горящего так наз. *прогрессивного* пороха представляется изменение природы вещества, из которого он приготовляется. В этом направлении и производилось совершенствование прежнего *селитро-угольного* пороха путем различной степени обжигания входящего в его состав угля, почему кроме обыкновенного *черного* пороха, с наиболее обожженным черным, быстро сгорающим углем, для орудий больших калибров применялись медленно горящие сорта *бурого* и *шоколадного* пороха. Дальнейшее совершенствование прежнего пороха дошло до естественной природной границы, а между тем требование достижения все больших и больших начальных скоростей, с которыми неизбежно связаны и наибольшие давления, привело к необходимости прийти к другому веществу — пироксилину и нитроглицерину,— которое при обработке в желатинообразную массу дало еще большую прогрессивность горения. Попутно эти новые сорта пороха дали другое драгоценное в тактическом отношении свойство — *бездымность*, так как продукты горения названных веществ газообразны, тогда как прежний порох давал большое количество твердых веществ, образовывавших дым. Ныне, под давлением того же требования дальнейшего увеличения начальных скоростей, пороходелие снова подходит к естественным границам совершенствования бездымного пороха, почему, наравне с настойчиво ведущимися изысканиями *по получению более прогрессивных* сортов бездымного пороха, можно отметить начавшиеся попытки изменения самого способа его использования и даже замены его новым деятелем. Так, уже осуществлены проекты орудий, в которых утилизируется не давление пороховых газов, а кинетическая энергия газовых частиц, которою они обладают, вытекая из отверстия каморы, в которой сжигается заряд. По принципу устройства орудие это напоминает устройство пульверизатора, в котором струей воздуха увлекаются ча-

стицы жидкости. При таком использовании удается достигать больших начальных скоростей при тонких стенках орудия. Правда, и расход пороха при этом значительно возрастает. Кроме того, есть несколько предложений использовать для бросания снарядов магнитную силу электрического тока. Имеются обстоятельные теоретические расчеты и небольшие модели таких *магнитно-рельсовых* орудий, разрешающих этот вопрос различными методами. Теоретически предвидится возможность получать при этом столь большие начальные скорости, при которых снаряды можно будет бросать на сотни километров, и притом без пламени выстрела и без шума. Однако, практическое осуществление подобных орудий, несомненно, должно встретить еще не мало затруднений, из которых как на крупнейшее приходится указать на необходимость наличия для питания таких орудий электрическим током чрезвычайно сильных электрических станций, мощность которых подсчитывается в десятки тысяч *лошадиных сил*. Наконец, мировая война заставила обратить внимание на возможное уничтожение пламени и звука при выстреле, так как вспышки выстрелов обнаруживают скрытые батареи, а звук их выстрелов позволяет определить их местонахождение помощью особых звукометрических приборов даже в том случае, когда даже и вспышек выстрелов не видно. Для устранения пламени существует несколько способов изготовления б е з п л а м е н н ы х порохов, устранение же звука в некоторых орудиях, не требующих больших начальных скоростей и неизбежно связанных с ними больших давлений, может быть достигнуто применением сжатого воздуха. Такие *пневматические* орудия применялись в минувшую мировую войну для стрельбы на небольшие расстояния (минометы).



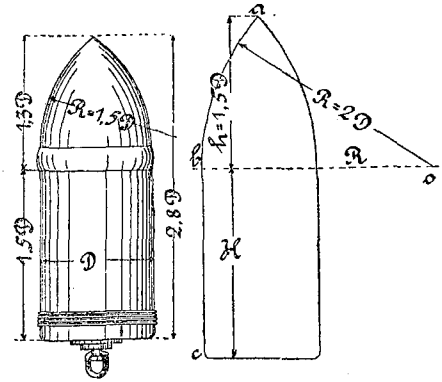
Фиг. 7.

Патрон легкой войсковой пушки.

1—снаряд. 8—трубка. 13—гильза. 14—боевой заряд ленточного бездымного пороха. 15—капсольная втулка. 16—папковый обтюратор.

У нас принят бездымный пироксилиновый порох и только для некоторых орудий, приобретенных во время мировой войны за границей, применяется нитроглицериновый, принятый в Германии, Англии. Порох заряда, в виде пучка пороховых лент требуемых размеров, заключается в к а р т у з — оболочку — из грубой шелковой ткани (оческов), так как шелк не тлеет, или же помещается в латунную г и л ь з у. Если орудие стреляет всегда постоянным зарядом, то гильза соединяется со снарядом, образуя *патрон (фиг. 7)*; при переменных зарядах снаряд содержится и заряжается отдельно. Так как бездымный порох загорается довольно трудно, то для надежности его воспламенения в картуз, с задней его стороны, вшивается небольшой мешечек с черным порохом, называемый в о с п л а м е н и т е л е м. В гильзах порох воспламеняется помощью ввинчиваемой в дно капсюльной втулки, содержащей капсюль гремучей ртути и воспламенитель. Боек ударника стреляющего приспособления производит удар по капсюлю и производит тем его воспламенение.

Снаряды, которыми стреляют современные артиллерийские орудия, имеют цилиндрическую форму, *с заостренной, так называемой, о ж и в а л ь н о й* головной частью, способствующей лучшему прониканию снаряда в толщу атмосферного воздуха на полете и в твердые среды (земля, броня, бетон), по которым ведется стрельба *(фиг. 8)*. Очертание контура оживальной части представляет собою



Фиг. 8.

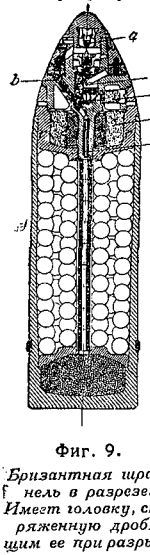
Общий вид артиллерийского снаряда.

часть дуги окружности, но последние исследования законов сопротивления воздуха на тела различного очертания привели к выводам, что дугу окружности выгоднее заменить дугой полукубической параболы, а цилиндрическую часть задней части снаряда несколько сузить. Общая длина снаряда обычно выражается в калибрах и, в зависимости от целого ряда соображений, бывает от $2^1/_2$ до 6 калибров, а в последнее время, в снарядах с формою „улучшенного проникания", имеющих сильно заостренную головную часть, — и больше.

Для правильного движения снаряда по каналу орудия, вблизи головной части, его цилиндрическая поверхность имеет кольцевое ц е н т р у ю щ е е у т о л щ е н и е, диаметр которого строго соответствует диаметру канала по полям (калибру). В некоторых снарядах прежней конструкции, вместо центрующего утолщения, применяется центрующий поясок из красной меди, укрепляемый в кольцевом желобке, выточенном в теле снаряда. Близ донной части, в таком же кольцевом желобке, укрепляется в е д у щ и й п о я с о к из красной меди, диаметр которого равен диаметру канала по нарезам. Давлением пороховых газов ведущий поясок врезается в металл нарезов, образуя выступы, входящие в нарезы, которыми снаряду и придается вращение. Ведущий поясок служит вместе с тем и *обтюратором*, препятствующим прониканию пороховых газов между стенками канала и снарядом. Красная медь применяется в качестве материала достаточно прочного для того, чтобы выдержать боковое давление нарезов при винтовом движении снаряда в канале, и вместе с тем достаточно мягкого, чтобы в поясок без порчи, могла врезаться, сталь полей нарезов. Дабы центрование снаряда и врезание ведущего пояска происходило правильно и постепенно, поля нарезной части растачиваются двумя коническими скатами, расположенными так, что при вложенном в орудие снаряда передний скат приходился на месте центрующего утолщения, а задний — впереди ведущего пояска. При таком устройстве, при вдвигании в канал, снаряд постепенно устанавливается центрующим утолщением по полям нарезов и упирается ведущим пояском, по всей окружности заднего конического ската, в начало нарезов, почему при выстреле и врезание в них происходит правильно, одновременно по всей окружности. Корпус снарядов, подвергающихся весьма большим давлениям в канале орудия и ударам при попада-

нии в цель, изготовляется из высоких сортов стали или, в крайнем случае, наилучших сортов чугуна (сталистого, закаленного), что, впрочем, вызывается *больше соображениями экономического* характера. В особенности высокие требования приходится пред'являть снарядам, назначаемым для пробивания брони судов или для помещения большого количества взрывчатого вещества; последнее требование неизбежно приводит к необходимости изготовлять их с тонкими стенками. Кроме высокого сорта материала, идущего на изготовление снарядов, для достижения наилучших качеств требуется искусная термическая обработка их, зачастую выполняемая с большими затруднениями и *составляющая секрет изготовляющ. снаряды заводов.*

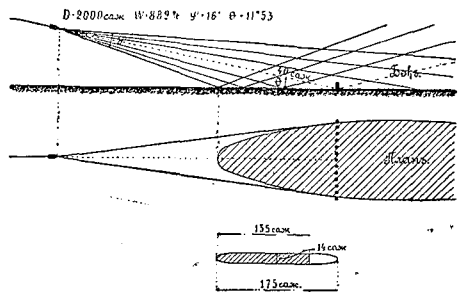
Внутренняя конструкция снарядов различна и зависит от их назначения. Для поражения живых целей требуется снаряд, дающий большое количество поражающих частиц хотя бы и небольшого размера и веса, но обладающих убойной силой, достигаемой достаточной скоростью полета; для действия по земляным и бетонным сооружениям необходимо перенести к цели большое количество сильно взрывчатого вещества, в достаточно прочном снаряде, который мог бы углубиться в толщу закрытия и, разорвавшись, газами выбросить возможно большее количество материала; для действия по прочной судовой броне необходим весьма прочный снаряд, могущий ее пробить и взорваться внутри судна; кроме того, задачи, пред'являемые артиллерии, требуют снарядов *осветительных, зажигательных, химических*, т.-е. наполненных отравляющими веществами, *агитационных*, разбрасывающих при разрыве прокламации.



Фиг. 9.

Византийская шрапнель в разрезе. Имеет головку, снаряженную дробящим ее при разрыве веществом.

Отвечая этим задачам, современные снаряды имеют следующее устройство. Для поражения живых открытых целей применяется *шрапнель (фиг. 9)*, состоящая из стального стакана, у дна которого, под перегородкой (диафрагмой) помещается небольшой разрывной заряд из селитро-угольного пороха, а остальная часть заполняется сферическими пулями, из сплава свинца с сурьмой. Промежутки между пулями, *во избежание* их передвижения при выстреле и на полете, заливаются канифолью и дымородным составом, дающим при разрыве облако дыма, необходимого для наблюдения места разрыва. По оси шрапнели устанавливается *центральная трубка*, наполняемая также порохом или пороховыми столбиками, через посредство которой от головной части к донному заряду шрапнели может быть передан огонь. Стакан шрапнели закрывается слабо прикрепленной к нему головкой (крышкой), в центральное очко которой ввинчивается *дистанционная трубка*, назначаемая для воспламенения пороха в центральной трубке. Дистанционная трубка устроена так, что заключенная в ней полоска порохового состава загорается в момент выстрела, горит во время полета снаряда и сообщает огонь в центральную трубку в тот момент, когда шрапнель находится вблизи перед целью. Действием разрывного заряда головка шрапнели отрывается, и пули выбрасываются в виде конусообразного пучка, так как кроме той поступательной скорости, которую они имели в момент разрыва шрапнели, и той прибавки ее, которую они получают от разрывного заряда, центробежная сила вращения заставляет их разлетаться в стороны *(фиг. 10)*. Пучок пуль поражает цели на протяжении значительной площади, ширина и глубина которой зависят от скорости пуль, от угла

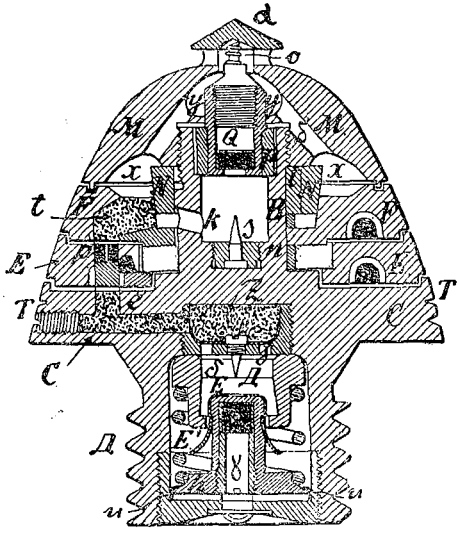


Фиг. 10

Вид снопа пуль шрапнели. D—дистанция; W—окончательная скорость; φ—угол разлета пуль: Θ—угол падения. В уменьшенном масштабе показана вся поражаемая площадь. На протяжении заштрихованной части не меньше $^1/_2$ пуль обладают убойностью (достаточной скоростью полета).

разлета их и от угла, под которым центральная ось пучка встречается с местностью, а также от высоты, на которой разорвалась шрапнель над землей. Чем больше скорость пуль, зависящая, прежде всего, от окончательной скорости шрапнели в момент разрыва, чем меньше угол встречи средней оси пучка с местностью, тем больше и глубина поражаемой площади. *Шрапнель полевой* 76-мм. пушки поражает площадь, размеры которой изменяются с дистанцией, доходя до 400 мтр. в глубину и до 30 мтр. по ширине. По мере полета пули теряют свою скорость, а вместе с ней и убойность, почему практически глубину поражения рассчитывают, исходя из условия, чтобы не меньше половины пуль еще сохраняли свою убойность. Для 76-мм. пушки такая глубина достигает 250—300 мтр. По открытым живым целям действие шрапнели чрезвычайно губительно: несколько правильно направленных выстрелов косят целый полк. В шрапнели воскресла прежняя *картечь*, состоявшая из жестянки, наполненной пулями, которые при выстреле разлетались смертоносным пучком непосредственно из дула орудия. Но дальность действия картечи была весьма незначительна (не больше 400 мтр.), почему она была сильна только при гладкоствольных недальнобойных орудиях, при слабом ружейном огне, когда атаки велись густыми колоннами, представлявшими обильную жатву для картечи. В современной шрапнели, представляющей собой как бы небольшое орудие, переносимое выстрелом на большое расстояние к противнику, выстрел картечью происходит на любой дистанции, доступной для данного орудия. Шрапнель применяется для стрельбы из орудий до 6-дм. калибра включительно, при чем в этих орудиях дальность шрапнельного огня достигает 10 клм. Будучи весьма сильным снарядом для действия по открытому живому противнику, шрапнель совершенно бессильна против такого же противника, закрывшегося за непроницаемым для пуль закрытием, хотя бы и весьма малой прочности (бруствер окопа, дерево, стенка, даже ранец), действие ее также значительно ослабевает при уменьшении уязвимой поверхности цели, т.-е. если противник присядет, приляжет. Попытки поражения закрытого спереди (окопами) противника шрапнелью, бросаемой под большим углом к местности, не дали хороших результатов, так как при этом глубина поражения значительно меньше, почему требуется очень точно пристреляться и затратить большое количество шрапнелей; убойность пуль слабее, так как стрельбу под большими углами падения можно вести только при условии, если снаряду сообщается небольшая начальная скорость. В виду этого повсюду отказываются от поражения закрытого противника шрапнелью, сохраняя ее для

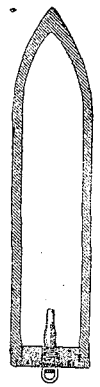
орудий, стреляющих малыми начальными скоростями только для самообороны, при стельбе на малые дистанции, когда и при малых начальных скоростях угол встречи с местностью получается достаточно малым. Дистанционная трубка (*фиг. 11*) шрапнели устраивается так, чтобы и в том случае, если трубка не успеет догореть во время полета, шрапнель разорвалась после удара о землю, почему трубка и называется трубкой двойного действия. При ударе о землю шрапнель рвется после рикошета, при чем пучок пуль направляется кверху, и они падают, потеряв свою убойную силу; поэтому действие шрапнели с удара весьма слабо.



Фиг. 11.

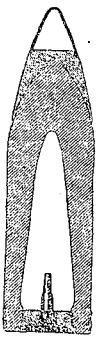
Дистанционная трубка (разрез) B—*головка стебля;* C—*тарелка;* Д—*хвост стебля;* S—*жало;* Q—*дистанционный ударник с капсюлем;* P—*разрезное предохранительное кольцо, через которое ударник проскакивает при выстреле, но удерживающее его до выстрела;* E и F — *дистанционные кольца. Вспышка капсюля* Q *зажигает пороховой состав верхнего неподвижного кольца, от которого передается нижнему, подвижному, и затем от него пороху, помещенному в петарде* Z. *Поворачивая нижнее кольцо, можно установить его на время горения, соответствующее времени полета снаряда на желаемую дистанцию.* N—*зажимное кольцо, заклинивающееся при выстреле.* Y — *ударный ударник,* Д — *разгибатель,* E — *предохранитель с лапками* E′.

Для действия по мертвым целям—укреплениям, зданиям, проволочным сетям и т. п. назначаются *фугасные* снаряды, наполняемые возможно большим количеством сильно взрывчатого вещества (*фиг. 12*). Подобного рода сильно взрывчатых веществ, называемых *дробящими* или *бризантными* веществами, весьма много, — например, пироксилин, нитроглицерин, динамит и т. п.,—но не все из них пригодны для снаряжения артиллерийских снарядов по своим физическим и химическим качествам, а главным образом по своей опасности в обращении при выстреле. Дробящие вещества отличаются от метательных взрывчатых веществ, к которым принадлежит порох, тем, что, при соблюдении некоторых условий взрыва, сгорают почти мгновенно, почему образующиеся при взрыве газы, обладая весьма высокой температурой и занимая первоначально весьма малый об'ем, оказывают огромное давление на все окружающее. Вот почему взрыв подобного вещества хотя бы и положенного без всякого прикрытия, дробит даже такие прочные предметы, как, например, стальной рельс. Подобный мгновенный, взрыв называется *детонацией*. Для артеллер. техники пригодны такие дробящие вещества, которые, будучи возможно более безопасными в обращении, давали бы наиболее сильный эффект детонации. Наилучшим в этом отношении ныне повсюду считается три-нитро-толуол, носящий техническое наименование *тротила* (морск. тол), получаемый путем обработки толуола смесью азотной и серной кислот. Самый толуол составляет продукт отгонки каменного угля, получаемый при его коксовании. Для снаряжения тротил, представляющий собою воскообразное вещество, плавится в котлах и заливается в снаряды. Он горит с небольшой энергией, но, будучи взорван помощью гремучей ртути или посредством взрыва более чувствительного к детонации взрывчатого вещества *тетрила*, дает сильную детонацию. Мировое производство толуола было слишком недостаточно для удовлетворения потребностей минувшей войны, почему обе воюющие стороны принуждены были в широкой мере применять для снаряжения снарядов менее совершенные дробящие вещества, к каковым надо отнести *мелинит*, *экразит*, *шедит*, *аммонал*, *шнейдерит*, смеси с *аммиачной селитрой* и т. п. Для помещения возможно большего количества дробящего вещества фугасные снаряды делаются большой длины и имеют тонкие стенки, которые при взрыве разрываются на весьма мелкие осколки, разлетающиеся с огромною скоростью. В этом отношении они пригодны и для поражения живых целей, однако это поражение, весьма сильное вблизи места разрыва, быстро падает по мере удаления от него, так как мелкие и имеющие неправильную форму осколки быстро теряют свою скорость. В виду этого для поражения войск и таких целей, как аэропланы, применяются снаряды с толстыми стенками и небольшим разрывным зарядом, рвущиеся на меньшее число более крупных осколков, лучше сохраняющих свою скорость. Подобные снаряды называются *бризантными*. И фугасные и бризантные снаряды могут быть разорваны как при падении на землю, так и на полете. Так как осколки их разлетаются во все стороны,



Фиг. 12.

Фугасная бомба (разрез).



Фиг. 13.

Разрез бронебойного снаряда.

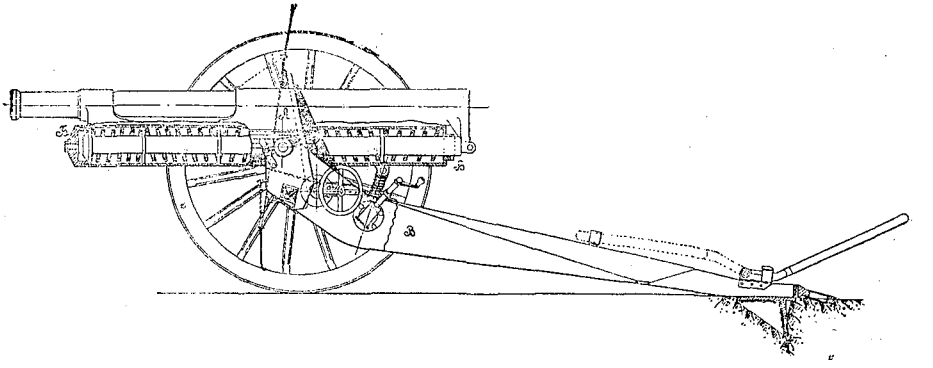
то ими можно наносить поражение даже с тыла, если разрыв последует за спиной противника или над его головой. Однако, поражение это слабое, так как при небольшом даже уклонении точки разрыва от наивыгоднейшего положения относительно цели, осколки пролетают мимо или действуют слабо.

Для действия по толстой броне судов применяются толстостенные *бронебойные* снаряды (*фиг. 13*),

изготовляемые из закаленной стали. Действие этих снарядов улучшается, если на их оживальную голову надевается наконечник из мягкой стали, имеющий также оживальное очертание, но притупленный с передней стороны плоским срезом. Так как такая форма наконечника увеличивала бы сопротивление воздуха на полете, то на него сверху надевается второй наконечник с тонкими стенками и острой головой, легко сминающийся при ударе в броню. Существует несколько разновидностей снарядов смешанного типа, обладающих теми или другими из указанных выше качеств в большей или меньшей степени. Фугасные, бризантные, бронебойные снаряды и снаряды смешанного назначения называются б о м б а м и, если вес их превышает 1 пуд, и г р а н а т а м и при весе до 1 пуда. *Зажигательные* снаряды изготовляются в виде шрапнели, с пулями из горючего состава, впивающимися при разрыве в обстреливаемый предмет и производящими пожар. *Осветительные* выбрасывают при разрыве звездки, горящие ярким пламенем, поддерживаемые в воздухе продолжительное время помощью скрепленных с ними парашютов. *Химические* снаряды снаряжаются жидкостями и небольшим разрывным зарядом, взрывом которого снаряд при падении разрывается, а жидкость разбрызгивается в виде мельчайшего тумана или газа, производящего, в зависимости от ее химического состава, кашель, удушье, кровохаркание, слезотечение и даже смертельное отравление. Состав химических веществ, подвергшихся испытаниям для указанного назначения во время мировой войны, чрезвычайно разнообразен. По мере того как против какого-либо из них вырабатывалась мера противодействия, оно заменялось новым, обладающим другими свойствами, почему государства старались удержать состав этих веществ в тайне.

Однако, последнее время с достаточною уверенностью можно ожидать, что практически придется остановиться только на немногих отравляющих веществах. Одним из наиболее сильных по действию химических веществ представляется так называемый *иприт*, сохраняющий свои отравляющие свойства в течение нескольких дней, производящий при соприкосновении с кожей ожоги. В виду этого площадь, обстрелянная ипритовыми снарядами, становится весьма опасной для пребывания на ней войск. *(см. XLVI, химическая война,* и XLV—II ч., *химическая промышленность).*

Воспламенение разрывного заряда снарядов производится посредством *дистанционной трубки (фиг. 11)* (двойного действия) на полете и помощью *взрывателя*, если снаряд должен рваться при ударе. Принятые в нашей артиллерии дистанционные трубки, изготовляемые из алюминия, состоят из тарели с проходящим в ее центре стеблем, нижним концом которого трубка ввинчивается в головное очко снаряда. На верхний конец стебля надевается плоское кольцо, плотно прилегающее к тарели, снабженное с нижней поверхности желобком, наполненным прессованным медленно горящим пороховым составом. Если зажечь этот состав в момент выстрела, то он будет гореть во время полета снаряда, и, когда горение дойдет до имеющегося на тарели отверстия, огонь через него будет передан внутрь хвостовой части стебля, в которой помещается пороховая *петарда*. От последней огонь передается внутрь снаряда. Поворачивая кольцо около стебля, можно, по желанию, изменять длину кольцевого состава, которая должна сгореть от момента воспламенения до момента догорания до отверстия в тарели; а так как кольцевой состав горить равномерно, то соответственно изменению длины его сгорающей части изменяется и время горения трубки. Перед заряжанием кольцо устанавливается так, чтобы время горения трубки соответствовало времени полета снаряда на требуемую дистанцию, почему трубка и носит название дистанционной. Для удобства установки наружная поверхность кольца снабжается соответствующей шкалой делений, а на боковой грани тарели делается отметка против того места, где в ней сделано отверстие, ведущее к петарде. Воспламенение кольцевого состава производится посредством приспособления, помещенного внутри головной части стебля, состоящего из цилиндрического грузика, подвешенного к стеблю трубки, в дно которого впрессован капсюль из гремучего состава. При выстреле грузик инерцией обрывается и, падая на дно внутренней полости стебля, натыкается капсюлем *на укрепленное в этом дне жало.* Через просверленные в стенках стебля каналы огонь передается кольцевому составу. Кольцо удерживается на тарели гайкой, навинчиваемой на верхний конец стебля, имеющей, вместе с кольцом и тарелью, оживальное очертание. При описанном устройстве трубки снаряд может быть разорван в любой момент его полета: тотчас по вылете из дула, высоко в небе и на самой дальней дистанции, досягаемой для данного орудия. Дистанционные трубки называются по наибольшему времени их горения, которое в некоторых образцах достигает минуты. При большом времени горения, одного кольца недостаточно, почему трубки устраиваются с несколькими кольцами, накладываемыми друг на друга, при чем огонь из одного кольцевого состава переходит к последующему. За границей применяются трубки, в которых пороховой состав заключен в свинцовую кишку, впрессованную в винтовой желобок, вьющийся по наружной поверхности трубки. Для уста-

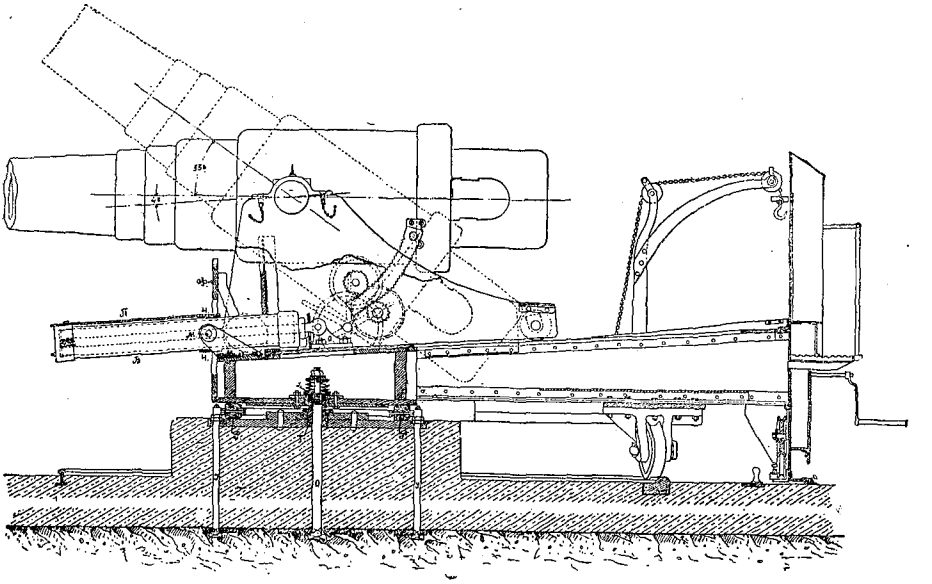


Фиг. 14.

Общий вид орудия на колесном лафете. А—*тело орудия;* В—*станок лафета;* ББ—*люлька в разрезе. Видны спиральные пружины накатника и цилиндр компрессора.*

новки желобок прокалывается на требуемом расстоянии от конца его горения особым прибором, и во время выстрела пороховой состав зажигается через прокол непосредственно пламенем заряда. Трубки этой системы требуют специального прибора для прокола, (тогда как дистанционное кольцо устанавливается рукой) и, будучи проколоты для какой-либо дистанции, непригодны для стрельбы на бо́льшие. Недостаточная стойкость дистанционного порохового состава, портящегося при хранении, и большие времена полета снарядов при стрельбе на большие дистанции, требующие устройства слишком сложных многоярусных трубок, давно побудили к попыткам замены горения порохового состава действием часового механизма, который пускался бы в ход при выстреле, а по истечении желаемого времени воспламенял бы разрывной заряд снаряда. Созданные образцы подобных м е х а н и ч е с к и х трубок пока не получили широкого распространения. В хвостовой части стебля, кроме петарды, помещается приспособление, для разрыва снаряда при ударе, если бы почему-либо он не был разорван на полете. Принцип устройства этого приспособления, одинаковый с принципом устройства специальных ударных трубок и взрывателей, состоит в том, что помещенный в трубке тяжелый цилиндрический ударник, продолжая после удара снаряда движение по инерции, натыкается жалом на укрепленный в трубке капсюль. До выстрела такое движение ударника невыполнимо, так как между ним и капсюлем помещается особое приспособление, препятствующее этому движению, но оседающее на ударник при выстреле вследствие инерции или освобождающее ударник под влиянием центробежной силы при вращении снаряда. Так. обр., до выстрела трубка или взрыватель вполне безопасны в обращении.

Чтобы произвести детонацию дробящего вещества, *которым заполнена внутренняя* полость снаряда, по большей части взрыва одного капсюля гремучей ртути в трубке недостаточно; необходимо достигнуть детонации в небольшой части другого, более активного в этом отношении вещества, которое уже заставит детонировать и более инертную массу всего заряда. В противном случае получится неполный взрыв, происходящий в более длительный промежуток времени, почему и эффект его получится значительно слабее. Для получения надежной детонации снаряды подобного рода снабжаются *детонаторами*, представляющими собою *металлическую трубку, наполненную более активным веществом*. В нее то и помещается взрыватель. По конструкции применяемые в артиллерии взрыватели весьма разнообразны. Это разнообразие вызывается теми требованиями, какие предъявляются снаряду в отношении момента и характера разрыва, согласно его назначения. Так, большая часть снарядов снабжается *головными* взрывателями, тогда как снаряды, назначаемые для пробивания прочных преград, требуют *донных*; в ином случае требуется *мгновенный* разрыв снаряда, хотя бы при слабом прикосновении его к таким нежным преградам, как оболочка аэростата в другом, наоборот, требуется, чтобы взрыватель подействовал с *замедлением* даже в том случае, когда он страшным ударом углубляется в толщу брони, бетона, земли. Есть комбинированные типы, функционирующие, по желанию, тем или другим порядком, путем соответствующей установки их частей перед заряжанием; наконец, применяются сложные образцы трубок, могущих *разорвать снаряд, по желанию, на полете* или после удара, мгновенно или с замедлением, простым взрывом или детонацией. Опыт войны не оправдал широкого применения подобных сложных трубок.



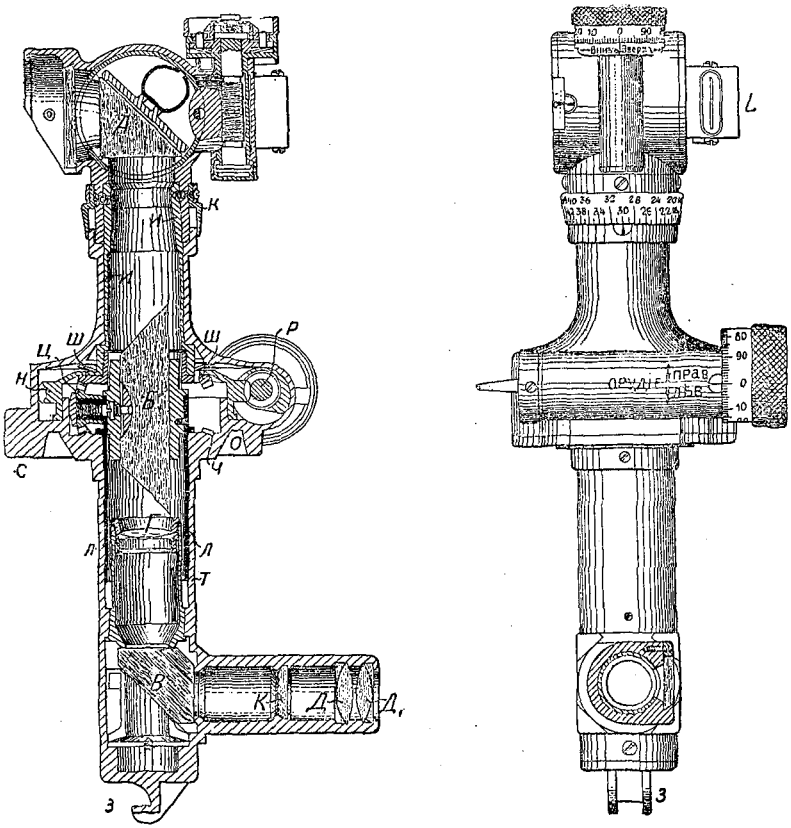
Фиг. 15.

Общий вид берегового лафета и установки орудия. ПВ—*компрессор. Накат происходит вследствие наклона верхней поверхности рамы.*

Для стрельбы, а если нужно, и для перевозки, орудие накладывается на *лафет* (*фиг. 14*). Основную часть всякого лафета составляют *две станины*, изготовляемые обыкновенно из толстой листовой стали, скрепляемые между собою поперечными листами и болтами. Для больших орудий станины делаются двойными, коробчатыми. Орудие закрепляется на лафете в передней его, *лобовой*, части в гнездах, в которые оно накладывается составляющими с ним одно целое двумя поперечиями *цапфами;* сверху цапфы закрепляются *наметками*. В колесных лафетах, внизу лобовой

части, укрепляется ось, на концы которой надеваются колеса. Задней, *хоботовой*, частью колесные лафеты опираются на землю или на специально настилаемую деревянную платформу, почему в общем колесный лафет имеет три точки опоры. Лафеты больших орудий, действующих с постоянных мест расположения, имеют вид трапеции, опирающейся нижней своей линией на специально устроенную металлическую раму, которая крепится к тумбе, прочно укрепленной в бетонном основании (*фиг. 15*). Повороты в стороны таких установок производятся поворотами всей рамы около

к тому же вовсе недопустима. В виду этого уже с давних пор, сначала для орудий крупного калибра, а ныне и для всяких, в конструкцию лафета вводится специальное приспособление, помощью которого значительная часть энергии отката поглощается и рассеивается безвозвратно в пространство, отчего величина отката *орудия* получается весьма незначительной; теми же приспособлениями откатившееся орудие, после отката, автоматически ставится на место. Самый лафет при этом остается на месте. Достигается это тем, что орудие накладывается на лафет не непосред-



Фиг. 16.

Панорамное прицельное приспособление. Луч, попадая на призму А, направляется на призму Б, которая поворачивает изображение и дальше через линзы и призму В—в окуляр., угол поворота измеряется по горизонтальному кольцу, разделенному на 60 частей, и по барабану, сцепленному червяком, при полном обороте которого верхняя часть поварачивается на $^1/_{60}$ доли окружности. Барабан червяка разделен на 100 частей ($^1/_{6000}$ окружности). Верхний барабанчик назначается для измерения наклона призмы А.

тумбы. Орудия малых калибров, действующих с постоянных мест расположения, или орудия, ведущие огонь под большими углами возвышения и горизонтального обстрела, крепятся непосредственно к тумбе. Давление пороховых газов на дно канала орудия, развивающееся при выстреле, неизбежно заставляет орудие, а вместе с ним и лафет, двигаться в сторону, противоположную движению снаряда. Это явление *отката* весьма замедляло стрельбу при колесных лафетах, так как после каждого выстрела орудие приходилось накатывать на прежнее место; при ограниченном же месте расположения орудий, например, на судах или в крепостях, большая величина отката

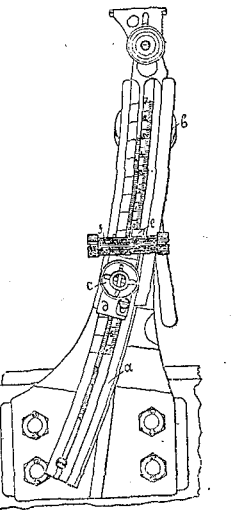
ственно, а скрепляется с так наз. *люлькой*, которая уже своими цапфами скрепляется с лафетом. Орудие может двигаться вдоль люльки. Внутри люльки помещаются один или несколько цилиндров, наполненных довольно густым нефтяным маслом или смесью воды с глицерином, в которых двигаются поршни со штоками. Цилиндры скрепляются с орудием, а штоки с люлькой, почему при откате орудие стягивает цилиндры с поршней и, через отверстия, которыми снабжаются поршни, масло, под большим давлением, протекает с одной стороны поршня на другую. Кинетическая энергия струй масла, разбивающихся затем о стенки и дно цилиндра, обращается в теплоту.

Кроме того, при прохождении масла через узкие отверстия развивается большое трение. От этих двух причин масло нагревается, поглощая таким образом механическую энергию отката; а затем *теплота нагретого масла излучается в пространство*. Такого рода гидравлический тормоз называется *компрессором*. Одновременно с откатом по люльке, орудие сжимает помещенные в ней пружины или заключенный в особые резервуары воздух. Когда откат закончился, пружины или воздух начинают принимать свое первоначальное состояние и побуждают орудие двигаться на прежнее место. При этом масло в цилиндрах компрессора вновь переходит через отверстия поршней в прежнюю часть цилиндров и своим трением регулирует скорость наката, отчего он получается плавным. Этого рода приспособление называется *накатником*. Детали устройства компрессоров и накатников сложны, что об'ясняется сложностью самого явления отката, необходимостью поглотить огромную его энергию *на возможно меньшем протяжении* отката. В этом отношении современная техника достигла такого совершенства, что в большинстве орудийных систем длина отката немногим превосходит один метр, не исключая и орудий самого крупного калибра.

Для защиты прислуги, работающей при орудии, от пуль и осколков противника лафеты снабжаются стальными щитами или даже устанавливаются в броневые башни; применяются скрывающиеся лафеты, устроенные так, что после выстрела орудие скрывается за брустверь, из-за которого вновь появляется только на короткое время, чтобы произвести новый выстрел.

Для прицеливания и наводки орудие и лафет снабжаются специальными приспособлениями. В *огромном большинстве случаев применяется так* называемая раздельная наводка, при которой одними приспособлениями орудию придается требуемое направление на цель в горизонтальной плоскости, а другими придается определенный угол в вертикальной плоскости, соответствующий дальности полета на требуемую дистанцию. Для выполнения *горизонтальной наводки* тем или другим способом измеряется угол между направлениями на цель и на какую-либо избранную точку наводки, расположенную хотя бы в стороне или даже сзади орудия. Этот угол откладывается на угломерном приборе, прикрепленном к орудию так, что один из диаметров угломерного круга параллелен оси орудия, а подвижная часть угломера, вращающаяся около его центра, *может быть поставлена к этому диаметру под* любым углом. Эта подвижная часть обыкновенно снабжается оптическим приспособлением, с перекрестием в поле зрения, которое без труда можно направить на точку наводки. Если на угломерном приборе установить подвижную часть под таким же углом к основному диаметру, какой получен промером между направлениями на цель и на избранную точку наводки, и навести перекрестие в эту точку, то ось орудия, очевидно, окажется направленной в цель (см. *стрельба*). Современные угломерные приспособления имеют весьма совершенное устройство, представляя собою зачастую сложный оптический аппарат, помощью которого при постепенном вращении подвижной части можно последовательно видеть всю панораму, открывающуюся с точки расположения орудия; поэтому подобные приспособления и называются панорамными или, для краткости, *панорамой (фиг. 16)*. При повороте подвижной части панорамы на ней отсчитывается и угол поворота с точностью до 1/6000 части окружности. Такая мера углов принята в артиллерии вследствие того, что поворот орудия на 1/6000 долю окружности переносит место падения снарядов почти точно на 1/1000 дистанции ($2\pi R : 6000 = 6{,}28\frac{1}{2} R : 6000 =$ почти $1/1000$, где R равно радиусу окружности, описанной данной дистанцией). Это облегчает многие расчеты углов, которые приходится производить при стрельбе. Крупные орудия, имеющие постоянную установку, вращающуюся около тумбы,—например, судовые, береговые, крепостные,—часто направляются в цель по дугам, прикрепленным к их платформам, на которых нанесены соответствующие деления.

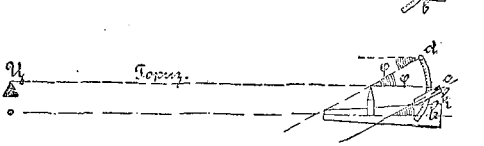
Вертикальная наводка (фиг. 17) выполняется *при помощи уровня*, устанавливаемого в такое положение относительно оси орудия, при котором, при приведении пузырька уровня на середину, ось орудия получила бы положение под требуемым углом к горизонту (*фиг. 18*). Для этого уровень скрепляется или с дуговым прицелом, имеющим общий центр дуги с центром вращения орудия на цапфах и выдвигаемым на требуемый угол, или к барабану, который можно установить под желаемым углом к оси орудия. Прицелы крупных орудий, в особенности стреляющих по подвижным целям на море или в воздухе, имеют весьма сложное устройство, дающее возможность принимать во внимание все элементы движения цели и *упреждать* ее выстрелами, учитывая ее передвижение за время полета снаряда.



Фиг. 17.

Дуговой прицел: а—стебель прицела, двигающийся в пазах дугообразной коробки, составляющей одно целое с кронштейном, прикрепленным к орудию; в — маховичек, вращением которого прицел передвигается в пазах коробки; с—маховичек, вращением которого уровень передвигается по дугообразному пазу прицела.

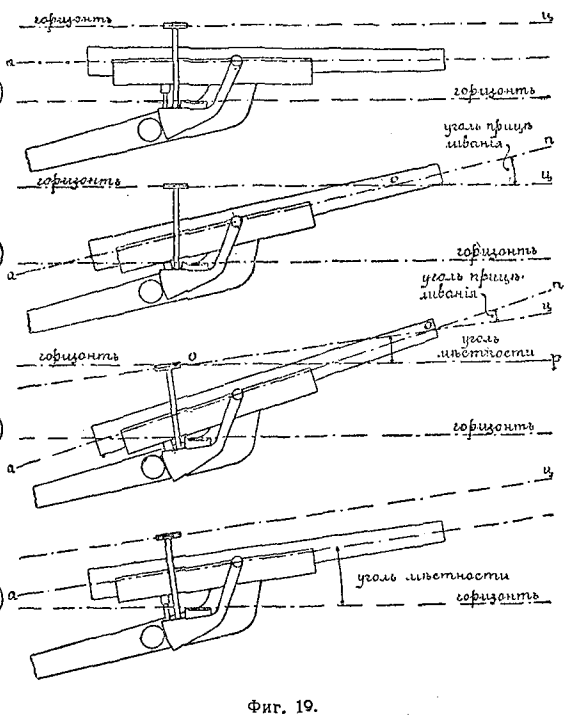
Горизонтальное направление на цель придается поворотом всей системы, а для более точной наводки многие лафеты снабжаются, кроме того, приспособлениями, помощью которых орудию можно придавать небольшие отклонения в стороны от оси симметрии лафета. Для придания вертикальных углов к орудию прикрепляется винт, а к лафету—гайка, вращая которую можно опускать или подымать казенную часть орудия или и орудию, крепятся зубчатые дуги, а к лафету — сцепленное с ними зубчатое колесо, вращением которого можно поворачивать и самое орудие. В неко-



Фиг 18.

Схема вертикальной наводки. В верхнем положении прицел bd на поле и трубка уровня о горизонтальна. В нижнем положении прицел bd выдвинут, уровень о наклонен к горизонту под углом Ф, равным углу прицеливания, который составляет линия прицеливания с осью орудия. При опускании в казенной части орудия до установки пузырька уровня на середину ось орудия будет поставлена под углом φ к горизонту.

торых системах вертикальная наводка расчленена на две операции (*фиг. 19*). Кроме той люльки, с которой непосредственно связано орудие, в них имеется еще вторая люлька, вращающаяся около того же центра, что и первая, и связанная с ней под'емным механизмом; между второй люлькой и остовом лафета помещается второй под'емный механизм. Для наводки назначаются два наводчика, располагаемые с двух *сторон орудия и работающие* каждый своим под'емным механизмом, независимо друг от друга. Говоря вообще, вертикальный угол, под которым должно быть направлено орудие, слагается из двух углов: угла между горизонтом и направлением на цель, называемого *углом местности*, и угла, который надо придать орудию относительно направления на цель, дабы снаряд полетел на требуемую дальность, и называемого *углом прицеливания* (см. *стрельба*). Угол местности придается вторым под'емным механизмом, которым вторая люлька устанавливается в требуемое *положение*. Очевидно, что при стрельбе по одной и той же цели подобную наводку придется выполнить только один раз, а при дальнейшей стрельбе *только слегка* исправлять ее, так как при безоткатном лафете она будет сбиваться от выстрелов весьма немного. Этим всецело и занять один наводчик. Другим под'емным механизмом орудию придается угол прицеливания относительно второй люльки. Этот угол зависит исключительно от дистанции, на которую желают стрелять, но не зависит от угла местности, и потому другой наводчик может его устанавливать, согласно командам, независимо от первого наводчика и даже не глядя вовсе на цель, так как направление орудию уже дано. Такое устройство, называемое *независимой линией прицеливания*, весьма ускоряет наводку, составляя неот'емлемую часть конструкции наиболее совершенных скорострельных систем.



Фиг. 19.

Схема независимой прицельной линии. Из чертежей А и Б видно, что при угле местности ноль угол прицеливания придается перемещением орудия относительно „люльки под'емного механизма", на которой укреплен прицел. Это выполняется правым наводчиком (не глядя на цель). Линия прицеливания направляется в цель левым наводчиком. Если же угол местности не ноль (черт. В и Г), то он придается орудию его перемещением совместно с люлькой под'емного механизма относительно лафета. Это выполняется левым наводчиком, а правый, „независимо" от него, придает орудию требуемые углы прицеливания.

Орудия, придаваемые полевым войскам, должны обладать соответствующей подвижностью, дабы следовать с ними повсюду по дорогам и даже без дорог. Для этой цели эти орудия приспосабливаются для перевозки путем сцепления их с двухколесными *передками*, запрягаемыми обычно лошадьми. Подобным же образом перевозятся и *боевые припасы* к орудию (снаряды и заряды), в особых *зарядных ящиках*, повсюду следующих за орудиями и имеющих также вид четырех-колесной повозки, задний ход которой может быть отцеплен и оставлен на позиции рядом с орудием. Для действия в гористой местности или вообще в местности, недоступной для колесного движения, применяется *вьючная (горная)* артиллерия, сконструированная так, что она может разбираться на отдельные части и перевозиться на вьюках. Применение лошадей для передвижения артиллерийских орудий и зарядных ящиков в последнее время все больше и больше начинает вытесняться применением механической (автомобильной) тяги. Среди многих преимуществ последней надо в особенности отметить возможность достижения гораздо больших скоростей движения и перевозки более тяжелых орудий, в особенности при применении *двигателей так наз. гусеничного* типа, в которых колеса катятся не по местности, а по бесконечному полотну из стальных звеньев, которое автомобиль все время как *бы расстилает* по пути своего движения. Кроме передвижения путем запряжки автомобиля в орудие, вместо запряжки лошадей, в настоящее время имеется не мало разработанных типов *самоходных орудий*, представляющих собою автомобили, на которых непосредственно устанавливается орудие. Несомненно, что в будущем автомобиль будет иметь в артиллерии крупное значение как средство ее передвижения. К разновидностям такой артиллерии надо отнести *броневые автомобили*, вооружаемые пулеметами или небольшими орудиями, и *танки (см.)* — имеющие аналогичное вооружение. Обширный период позиционной войны, во время которой обеим сторонам пришлось бороться с весьма мощными укреплениями, вызвал потребность в применении весьма крупных орудий, для перевозки которых пришлось пользоваться железнодорожною тягою, прокладывая иногда к позициям специальные рельсовые пути узкой или нормальной колеи. Это обстоятельство дало повод к развитию специальной *железнодорожной артиллерии*, к разновидностям которой надо отнести *бронированные поезда*, состоящие из бронированного локомотива и одной-двух бронированных платформ, вооруженных орудиями. Железнодорожная артиллерия, а в особенности бронированные поезда, в большинстве систем могут действовать непосредственно с тех *транспортеров*, на которых они перевозятся; для некоторых приходится устанавливать на позициях специаль-

ные основания. Появление воздушного противника создало необходимость в применении специальных *зенитных орудий*, обладающих большим вертикальным и горизонтальным обстрелом и большой скоростью стрельбы. Наука и техника пока еще не сказали в этом отношении последнего слова, которым этот труднейший вид стрельбы разрешался бы вполне удовлетворительно. Траншейная война вызвала необходимость в *траншейной артиллерии ближнего боя — бомбометах и минометах* — обладающих малым весом, легко переносимых и устанавливаемых в окопах. Чрезвычайная необходимость поддержки артиллерии во все периоды боя, а в особенности в момент штурма, когда нормальная артиллерия, стоящая в тылу штурмующей пехоты, не может оказать этой поддержки вследствие многих причин, главным образом вследствие невозможности стрелять без риска поражения своих, вызвала необходимость в снабжении пехоты тесно с ней связанной стрелковой (пехотной, батальонной) артиллерией в виде весьма легких подвижных орудий, хотя бы и слабых по могуществу, однако достаточных по силе огня для действия по близким целям (главн. обр., по нулеметам).

Для выполнения стрельбы и других боевых действий артиллерия снабжается различным вспомогательным имуществом, назыв., в общем, *артиллерийской принадлежностью*. К таковой можно отнести: *бинокли, стерео-трубы, перископы, угломеры-трансформаторы, буссоли, дальномеры, полевые телефоны*, принадлежность для заряжания и производства выстрела. Кроме того, части артиллерии снабжаются различным инструментом. Бинокли в артиллерии применяются призматические, обладающие наилучшими качествами, с увеличением от 6 до 12. Стерео-трубы состоят из двух скрепленных на шарнире призматических труб, с увеличением в 10, в 20 раз, устанавливаемых на треноге. Перископы — оптические приборы, позволяющие производить наблюдение из-за закрытия. Угломеры-трансформаторы назначаются для направления огня батарей с удаленного от них наблюдательного пункта; эти приборы определяют части треугольника — батарея, цель, наблюдательный пункт (см. *стрельба*) — и в том числе угол, определяющий направление, которое надо придать орудиям по отношению к линии — батарея—наблюдательный пункт. В береговой *артиллерии подобного* же рода приборы называются шворневыми приборами. Буссоли назначаются для направления орудий под желаемым углом к магнитному меридиану. Многочисленного вида дальномеры позволяют, по одной промеренной стороне треугольника, называемой базой, и двум прилежащим к ней измеренным углам, определить любую из остальных сторон, составляющих расстояние до цели. Точность измерения дальномеров тем больше, чем больше относительная величина базы и точность измерения углов. Различают дальномеры с базой в приборе, с базой на местности, горизонтально-базные, вертикально-базные. Принадлежность для заряжания применяется в орудиях большого *калибра*, в которых снаряд и заряд имеют большой вес, и состоят из *кокора* — особого рода ящика, в который укладывается снаряд и заряд при подноске к орудию, и под'емных средств. Все действия при орудиях *небольших калибров выполняются* вручную; в крупных орудиях, от которых требуется возможно более скорая стрельба,—например, судовых, береговых,— все действия выполняются электрическими или гидравлическими двигателями.

Литература весьма обширна, но после мировой войны в значительной мере устарела. Новые идеи можно почерпнуть в многочисленной периодической печати, в том числе в русских изданиях: „Война и Техника", „Война и Мир" (берлинское издание). *Нилус*, „История материальной части артиллерии", 1907; *Нилус* и *Маркевич*, „Курс Артиллерии", 1907; *Александер*, „Курс Артиллерии". 1927 г. ВНО Военной Академии „Артиллерия и ее боевая работа". 1926 г. *Général Heer*, „L'artillerie ce qu' elle a été, ce qu' elle doit être (русск. пер.) 1924; *Гаскуэн*. „Эволюция артил. во время мир. войны" 1921; *Rimailho* „Artill. de campagne". 1924; (русск. извлеч.) *J. Campana*, „Les progrés de l'artillerie" 1923; (русск. извлеч.); *Schwarte*, „Technick im Weltkriege". 1920; *Маниковский*, „Боевое снабжение русской армии в 1914—17 г.г. 1921—23.

Е. Смысловский.

Пушкин, Александр Сергеевич, величайший русский поэт XIX века. Род. в Москве 26 мая (6 июня н. с.) 1799 г. Отец его, Сергей Львович, принадлежал к старинному роду служилых дворян, пользовавшемуся в XVIII в. значительным благосостоянием (П-ым принадлежали некогда крупные земельные владения в Нижегородской губ., от которых отец поэта унаследовал с. Болдино). Мать — Надежда Осиповна, происходила от Абрама Ганнибала, „арапа Петра Первого", колоритного родоначальника созданной Петром новой служилой знати. Надежде Осиповне принадлежало имение в Псковской губ.—с. Михайловское (опочецкого уезда). Семья Пушкиных вела безбедную, открытую жизнь в Москве, поддерживая тесные связи с представителями московской литературной интеллигенции, к которой принадлежал брат Сергея Львовича—Василий Львович. Семейная обстановка, в которой рос П., не была особенно для него благоприятна. Светский образ жизни родителей, неуравновешенный характер, унаследованный матерью от абиссинских предков, отдаляли сына от родителей, тем более, что он не был любимым ребенком в семье: его старшая сестра Ольга и младший брат Лев пользовались явным пред ним предпочтением. П. был сдан на руки французов-гувернеров, от которых воспринял лишь уменье говорить по-французски, в ущерб русскому языку, да раннее знакомство с разнообразными формами человеческой порочности. Лишенный семейной заботливости, П. рос в среде челяди, достаточно развращенной условиями праздной городской жизни. Ранние годы П. проводил в Москве и в подмосковном имении Захарове, принадлежавшем матери Надежды Осиповны. Подрастая, П. становился всё большей обузой для семьи и, наконец, решено было сдать его в какое-нибудь закрытое учебное заведение. В это именно время в Царском Селе был основан лицей. Пользуясь

протекцией А. И. Тургенева, устроили П. в это привилегированное учебное заведение. Летом 1811 г. он прибыл с дядей Василием Львовичем в Петербург, 12 августа держал вступительные экзамены; 19 октября лицей был торжественно открыт. Образование, полученное П. в лицее, было беспорядочное, и потому что в организации учебной части лицея были крупные дефекты, и потому что П. был не среди преуспевающих учеников. При всех своих способностях, П., заявивший себя в лицее подвижным, шаловливым учеником, не проявлял достаточной усидчивости и работоспособности. Однако, небесследно для П. прошли уроки естественного права, преподававшегося молодым профессором Куницыным, окончившим гёттингенский университет. Эти уроки представляли собой изложение идеологии либерализма и конституционализма. Дефекты образования П. пополнял товарищеским общением с талантливой плеядой своих однокурсников, участием в литературных опытах лицеистов и литературными связями, через своего дядю В. Л., с группой молодых писателей, группировавшихся вокруг Карамзина. Среди товарищей П. необходимо особо упомянуть двух будущих декабристов Кюхельбекера и Пущина, и Антона Дельвига,—едва ли не самого близкого друга П. И Кюхельбекер и Дельвиг уже в лицее заявили себя поэтами, хотя и не одного с П. направления, и эта разность направлений тогда уже чувствовалась. П. поступил в лицей, уже впитав путем чтения отцовской библиотеки французскую литературную традицию, представленную поэтами XVII и XVIII вв. Французская поэзия от классиков века Людовика XIV до элегий Парни и поэта эпохи империи Мильвуа была ему знакома. В первых своих опытах он примыкал к тем русским поэтическим направлениям, которые переносили на русскую почву французскую традицию и усваивали ее в русской поэзии. Литературные занятия лицеистов выражались в издании журналов, отчасти дошедших и до нас, составлении „антологий“ лицейских произведений, сочинении песен, распевавшихся общим хором. На литературные направления лицеистов оказывала наибольшее влияние группа молодых Карамзинистов в лице Вяземского, Жуковского и др.

Эта группа объединилась в литературное общество „Арзамас“ —впрочем не представлявшее собой серьезной и прочной организации, и являвшееся скорее „содружеством“ лиц, противоставлявших себя литературному направлению, объединенному „Беседой любителей русского слова“, которую возглавлял Шишков. Шишковисты, поклонники монументальной поэзии, грандиозныхформ и веского, архаического слова, служили объектом нападений и насмешек со стороны карамзинистов, склонявшихся к легким формам интимной поэзии. П. участвовал в „Арзамасе“ и носил там кличку „Сверчок“ (все арзамасцы имели свои литературные клички). Карамзинизм П. выразился в ряде его литературных „посланий“, в которых излагался литературный символ веры карамзиниста, и в тяготении к жанру элегий, которые, под влиянием элегического направления во Франции, П. первоначально считал основным жанром своей поэзии. П. рано вышел за пределы лицейских журналов. В 1814 г. 4 июля было напечатано в „Вестнике Европы“, журнале, издававшемся В. Измайловым, стихотворение П. „К другу стихотворцу“, доставленное в журнал В. Л. Пушкиным. Вообще, за время пребывания в лицее П. напечатал в общей прессе до 25 произведений, из которых некоторые были включены в качестве образцовых, в издававшийся в эти годы сборник „Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах“ (1816—1817). Литературная известность далась П. легко, без особой борьбы. Среди произведений лицейского периода одно из первых мест занимают литературные послания, некоторые из которых (напр. „К другу стихотворцу“) восходят к высоким формам французской поэзии XVII в., другие (напр. „Городок“) к более интимным формам XVIII в. Среди мелочей этого периода большинство подражательных или переводных, без отчетливо выраженного предпочтения той или иной литературной школе. Есть попытки создания произведений крупной формы, напр., начало

поэмы „Бова“, повторяющее создавшуюся в России в нач. XIX в. традицию комической „богатырской“ поэмы и отчасти зависящую от Вольтеровской „Девы“. Из литературных влияний, характерных для лицеиста П., необходимо отметить несколько образцов Оссианических фрагментов, и цикл элегий, находящихся в явной зависимости от преромантической французской элегии от Парни до Мильвуа, с ее тенденцией к мотивам природы и попытками создания особого элегического героя, чувствования которого переплетаются с описательной поэзией, формы которой еще господствовали во французской и русской поэзии начала XIX века. Лицейская обстановка, равно, как и политические события эпохи — война 12 года, реставрация Бурбонов, открытие польского сейма и т. п. — наложили прочный отпечаток на общественные взгляды П. Непосредственное соседство с двором (лицей находился во флигеле царскосельского дворца) развенчали в глазах лицеистов царя и его окружение. Лицеисты были в курсе дворцовых сплетен и скандальных анекдотов о частной жизни Александра I. Кроме того в Царском Селе лицеисты сталкивались с офицерами, побывавшими в кампании 1812—14 г.г. в Париже и вывезшими оттуда либеральные убеждения. Среди этих офицеров следует назвать Чаадаева, а также Н. Раевского, хотя и умеренного в своем политическом поведении, но резко выражавшего западнические либеральные взгляды.

П. окончил лицей 8 июня 1817 г. и был зачислен по департаменту иностранных дел. Впрочем служба его была фиктивна. Не порывая связей с арзамасцами, П. стал искать литературных связей и вне узкого круга членов Арзамаса. Еще в лицее он встретил в Кюхельбекере сторонника чуждого „Арзамасу“ литературного направления. После окончания лицея П. сблизился с П. Катениным, представителем литературного направления, близкого Кюхельбекеру. Катенин был в это время сторонником радикальных идей и занимал ответственные посты в тайных обществах. В литературе он исповедывал идеи создания национальных русских форм, что сближало его, с одной стороны, с будущими декабристами (см. аналогичные славянские мотивы у А. Одоевского), с другой стороны, со школой Шишкова, исповедывавшей приверженность к затрудненным, грубоватым формам поэзии, в противоположность карамзинской легкости языка. Через Катенина П. познакомился и с Шаховским, считавшимся чуть ли не главным врагом Арзамаса. П. уже не удовлетворялся элегическим жанром. Наряду с элегиями он предпринимает большое произведение, поэму „Руслан и Людмила“, которая одновременно должна была и утвердить карамзинские позиции в большом жанре и, к другой стороны, выводила П. за пределы интимных форм, обязательных для карамзинистов. „Руслан и Людмила“ отчасти продолжала русскую традицию „богатырской“ поэмы, не больше, чем предшествующие опыты, приближаясь к прототипу — к сатирической поэме Вольтера. Существенным отличием от поэмы Вольтера являлась крайняя сжатость и скупость повествовательных форм и отсутствие „второго плана“, идеологической сатиры. В противоположность Вольтеру П. преследовал чисто литературные цели, чем и объясняется различие в выборе темы и повествовательных эпизодов. Эта поэма была закончена 26 марта 1820 г. и произвела на карамзинистов не одинаковое впечатление: Жуковский приветствовал поэта, Вяземский отнесся двусмысленно к новому произведению, а карамзинист старшего поколения, И. И. Дмитриев, резко восстал против поэмы. Вне узкого круга литературных друзей П. поэма, вышедшая в свет, когда П. находился уже на юге, произвела бурю. Литературные староверы обрушились на молодого поэта, молодежь сразу усмотрела в нем главу нового направления.

В лирике П. за эти годы всё более и более определенно слышатся гражданские мотивы. Послание к Чаадаеву, „Деревня“, „Вольность“ являются стихотворными выражениями социально-политической программы их автора. Ненависть к самодержавию, чаяние социальных реформ и раскре-

А. С. ПУШКИН (1799 — 1837).
С портрета в Госуд. Третьяковской галлерее, писанного в 1827 г. О. А. Кипренским (1783—1836).

пощения крестьянства и последовательный конституционализм, противоставляющий силу закона единодержавию как царей, так и демократии; конституционализм, не скрывающий антипатий к тактике вождей французской революции эпохи террора,— всё это гармонировало с господствующим настроением в активной среде русского общества, группировавшегося вокруг тайного „Союза Благоденствия". В эти годы либерализм в обществе поддерживался еще тем, что конституционные идеи были официально провозглашены Александром I в тронной речи при открытии польского сейма. В этой речи заключались совершенно определенные уверения о неизбежности распространения конституции на всю Россию. Таким образом, конституционный либерализм, в своих монархических формах, официально допускался. Среди литературных друзей П. наиболее резко выражал конституционные взгляды П. А. Вяземский, сам принимавший участие в организации торжеств открытия польского сейма. За годы 1814—1818 не было открытого разрыва между русскими либералами и правительством. Война с Наполеоном рассматривалась как борьба с тираном, реставрация Бурбонов во Франции — как возведение на престол конституционного короля, связавшего себя либеральной хартией; польская политика Александра I, хотя и задевала национальные чувства русских либералов предпочтением, оказанным полякам перед Россией, казалась всё-таки гарантией конституционных чаяний русского общества. В „Союзе Спасения", действовавшем в 1816—1817 гг. большинство было сторонников лойяльной политики, и лишь меньшинство предусматривало возможность насильственного переворота, и то в форме переворота дворцового, знакомого русским по установившейся в XVIII в. практике насильственной смены монарха. П. не принимал прямого участия в работе тайных обществ: его порывчатый темперамент, рассеянный образ жизни делали его мало пригодным в конспирации, и его ближайшие друзья, Н. И. Тургенев, И. И. Пущин, причастные к организациям, не считали возможным привлечь П. к тайной работе. Однако, П. находился всё время в сфере морального влияния союза как через своих друзей, так и участием в обществе „Зеленой Лампы", представлявшем собою, под видом литературно-светского объединения, поле пропаганды, находившееся под непосредственным, хотя и не явным, контролем членов союза. Эта не вполне ясная для непосвященных участников общества работа сочеталась с литературными вечеринками, проходившими далеко не чинно, что создавало обществу несправедливую репутацию кружка светских кутил. В эти годы П. и написал ряд эпиграмм, задевавших наиболее видных представителей правительства. Эти эпиграммы расходились во множестве списков, равно как и гражданские стихи П., создавая ему репутацию смелого вольнодумца. Теперь трудно установить точно, какие эпиграммы были написаны П., так как кроме подлинных его эпиграмм по рукам ходило много чужих, приписывающихся П. Эти произведения доходили до правительства, и, в конце-концов, Александр I решил покарать поэта. Лишь вмешательство Карамзина спасло П. от более суровой кары. Правительство ограничилось высылкой из столицы, замаскированной переводом на службу на окраину России. В 1820 г. 6 мая П. выехал из Петербурга в Екатеринослав в распоряжение ген. Инзова, в канцелярию попечителя над колонистами. В Екатеринославе он пробыл недолго, отпросившись по болезни в отпуск, и вместе с семьей Раевских выехал на Кавказ. С это семьей П. связывала дружба с Николаем Раевским-младшим. На Минеральных Водах на Кавказе П. прожил около двух месяцев, после чего последовал за Раевскими в их имение в Крыму (Гурзуф). Результатом пребывания на юге явилась поэма „Кавказский пленник" (1820) и „Бахчисарайский фонтан" (1822). Это время, проведенное с Раевскими, обогатило П. литературными и житейскими впечатлениями. Здесь с братом Н. Раевского, Александром,—П. начал знакомиться с Байроном, подсказавшим П. новую форму поэмы, наметившуюся

в развитии его литературных замыслов. В Крыму П. впервые прочел книгу стихов Андрэ Шенье, поэзия которого отразилась в цикле античных кратких элегий („антологических отрывков"). Новые формы обогатили пушкинскую поэзию, для которой открылся второй ее период — романтический. В пушкинских южных поэмах критика усмотрела подлинное выражение русского романтизма и тем самым поставила П. во главе современной литературы, как признанного вождя наиболее прогрессивного литературного течения. Южные поэмы знаменуют конец первого периода пушкинской литературной деятельности, означенной верностью классическим формам. Скептицизм по отношению к классическим канонам, явившийся, по всей вероятности, под влиянием таких книг, как „О Германии" г-жи де Сталь, вывел П. из узкого круга поэтических форм, освященных классической традицией. Отныне П. обращается к литературным образцам также и за пределами французской литературы. Английские и отчасти итальянские влияния с этого времени проникают в его поэзию.

К этому же времени относится и серьезное увлечение П. одною из дочерей генерала Раевского (вероятно Марией, позже вышедшей замуж за Волконского и по осуждении его по делу декабристов последовавшей за ним в Сибирь). Это несколько идеализированное чувство, особенно после грубых и примитивных увлечений в Петербурге, совпавшее с мечтательно-элегическим настроением П., оставило свой след в стихах П., где он говорит об этой своей любви, скрывая (даже от друзей) имя той, в которую он был влюблен безнадежной, нераздельной любовью. После трехнедельного пребывания в Крыму П. отправился по месту службы. В это время канцелярия Инзова была переведена в Кишинев, куда П. приехал 21 сентября 1820 г. В Кишиневе П. прожил до начала июля 1823 г., выезжая оттуда в Каменку, имение Раевских под Киевом, в Одессу и в Аккерман. За это, почти трехлетнее, пребывание П. в Кишиневе им закончена поэма „Кавказский пленник" 15 мая 1821 г.), написаны „Братья разбойники" (конец 1821 г.) и „Бахчисарайский фонтан" (1822), начат „Евгений Онегин" (28 мая 1823 г.); кроме многих мелких стихотворений, здесь же им написана „Гавриилиада", представляющая собой кощунственно пародическое изложение библейских событий, смешанных с резкой эротикой (1821), и первая сказка—„Царь Никита" (1822), отличающаяся нецензурностью сюжета. Из стихотворений политических здесь написан „Кинжал" (22 июня 1821 г.). Политические события, которыми богаты эти годы, дали совершенно новое направление мысли П. Именно в эти годы европейское равновесие, установленное Венским конгрессом, стало резко нарушаться рядом восстаний и революционных движений. Неаполитанские события, движение в Испании, греческое восстание, усиление карбонарского движения в Италии, заговоры во Франции обозначили перелом в настроении западно-европейского общества. В это же время усилилась и деятельность тайных обществ и организация тех двух центров революционного брожения, которые открыто выступили в декабре 1825 г.—„Южного общества", об'единявшего радикальные круги республиканцев, и „Северного общества", объединявшего более умеренных либералов. П. на юге оказался в сфере влияния „Южного общества". Немаловажным поводом к усвоению радикальных взглядов было и остро переживавшееся П. личное чувство бесправного ссыльного. Всем поведением своим П. подчеркивал протест произведенного над ним насилия. Протест этот проявлялся в беспорядочных выходках, не без примеси фанфаронства и цинизма. В процессе „полевения" П. чувствовал крушение своих конституционно-либеральных чаяний. Именно события этой эпохи показали социальное значение реставрации Бурбонов и общеевропейской реакции. Преобладание реакционно-феодальной аристократии и духовенства при французском дворе показало, что Бурбоны боролись в лице Наполеона не с „тираном", а с теми социальными завоеваниями революции, сохранение которых обеспечивало жизнеспособность империи. Вот почему для этих

лет характерно об'единение бонапартизма с республиканцами. Вопросы политические уступали место задаче защиты социального переворота, совершенного революцией. На П. это отразилось в изменении образа Наполеона в его поэзии. В „Вольности" 1817 г. Наполеон изображался как „самовластительный злодей", в оде „Наполеон" 1821 г. П. уже не может „безумным возмутить укором его развенчанную тень". В „Вольности" тирании Наполеона противоставлялись конституционные гарантии, а незадолго до того („Наполеон на Эльбе") П. противоставлял Наполеона и „законных царей", т.-е. реставрированных Бурбонов. В оде „Наполеон" мы слышим утверждение завоеваний Великой революции:

...на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал
И день великий, неизбежной
Свободы светлый день вставал...

Именно этой революционной свободе противоставляет П. „тирана" Наполеона. Вместе с тем происходит резкий перелом в понимании событий Великой французской революции, которая была мерилом общественных взглядов в начале XIX в. С другой стороны, у П. возрастает интерес к Ж. Ж. Руссо, в сочинениях которого республиканцы искали обоснования своих общественных взглядов. Так, в эти годы он заявлял себя убежденным антимилитаристом, а в стихотворение „К морю", написанное несколько позже (1824), ввел декламацию против „просвещенья". Увлечение взглядами Руссо не было глубоко и длительно, но оно свидетельствует о направлении интереса П. на целый ряд новых вопросов. Именно в эти годы его отвлеченно-политический либерализм усложнился новым пониманием социального значения французской революции.

В начале июля 1823 г. П. перевелся на службу в Одессу, где поступил в распоряжение наместника Бессарабской области графа Воронцова. Здесь он продолжал „Евгения Онегина" и написал большую часть поэмы „Цыганы". Эта поэма замыкает собой цикл „южных" поэм, означающих так наз. „байронический" период творчества П. В самом деле, некоторые черты в композиции этих поэм дают право усматривать в них следы прямого влияния Байрона на П. Однако, самый выбор образца для подражания был подсказан П. внутренней эволюцией его собственного творчества. Продолжая еще мыслить себя в первую очередь элегиком, П. всё время упорно работает над созданием крупной стихотворной формы. „Руслан и Людмила" была первым опытом, подводившим итоги прошлому. „Южные" поэмы П. представляют собой монументальные элегии, инсценированные в речах и раздумьях героев и развернутые на фоне лирических описаний природы и „экзотической" местности, в которой развертывается скудное действие. Приключение, „авантюра" в этих поэмах отсутствует. Это—повесть об одной, почти неизменной ситуации, построенной на контрасте выведенных персонажей. Этот контраст заимствуется из идеи противоставления разочарованных представителей развитой европейской цивилизации и быта диких племен, живущих „естественной" жизнью среди близкой им природы. Столкновение двух культур — основная, если не единая тема поэм, в которых отражается в самой постановке проблема контраста этих культур, отдаленный след идей Ж. Ж. Руссо, к которым П. в эти годы подошел и благодаря увлечению идеологией крайнего руссоистского крыла европейского либерализма и благодаря всё усиливавшемуся влиянию литературного руссоизма преимущественно во французской прозе (напр., у Шатобриана). Это построение давало свободу отступлениям, обрываниям в изложении и недоговоренности в повествовании.

„Южные" поэмы П. служили предметом оживленных споров в среде тогдашней критики. П. нашел горячих сторонников новой, „романтической" системы. Однако, сам он не заключал с ними союза, так как в момент появления его поэмы в печати П. уже отходил от системы романтической поэмы к новым литературным формам, вырабатывавшимся в процессе создания „Евгения Онегина".

Именно ко времени пребывания П. в Одессе относится окончательное

осознание себя профессионалом-писателем. Неопределенность его заработка до этой поры, неясность служебного положения не давали П. возможности решительно остановиться на окончательном выборе карьеры. С дворянской помещичьей жизнью он был почти незнаком, а упадок имений в руках отца разрушал надежды на то, что эти имения явятся когда-либо источником его благосостояния. Материальный успех в литературе заставил П. остановиться в выборе карьеры на профессии писателя. Вместе с тем он стал думать о выходе в отставку, чего не скрывал от своего начальства. П. заявлял, что рассматривает свое жалованье как паек ссыльного, а вовсе не как плату за работу. Он претендовал на независимое состояние писателя. Свое дворянское происхождение он рассматривал в окружавших его обществ. условиях как гарантию от покушений на его самостоятельность и независимость. Все это не сходилось со взглядами Воронцова на своего подчиненного. В Одессе служебные условия были не так патриархальны, как в канцелярии Инзова. Совершенно иной тон господствовал в отношениях наместника с его подчиненными. Этим условиям служебной дисциплины не подчинялся П. Дело осложнялось чисто личными столкновениями П. с Воронцовым; как на одну из причин личной неприязни Воронцова к П. указывают на ревность Воронцова. Среди светских увлечений и успехов П. в Одессе мы находим и жену наместника, графиню Воронцову. После ряда доносов в Петербург Воронцова на П. и после вскрытия полицией одного письма, в котором П. исповедывал атеизм, последовало распоряжение об исключении П. вовсе со службы и о высылке его в имение отца, село Михайловское Псковской губ., под наблюдение местных властей. Затушеванная ссылка превратилась в явную. В августе 1824 г. П. из Одессы переезжает в Михайловское, где его ожидают новые неприятности, конфликт с отцом и т. п. П. покидал юг уже не в прежнем настроении. Крушение революционных движений на Западе вызвало у него разочарование в идее народного восстания.

Паситесь, мирные народы,
Вас не пробудит чести клич!
К чему стадам дары свободы,
Вас нужно резать или стричь...

В таких стихах П. выражал разочарование в надеждах возлагавшихся им на демократию, как источник политического обновления Европы. Это в свою очередь подготовило возврат П. к старому умеренно-либеральному конституционализму. Впрочем, возврат этот никогда не был полным, и даже в годы сильного „поправения“ П. он не упускает из виду проблему социального сдвига, произошедшего в Европе в результате французской революции.

На почве предписанного надзора за П. у него произошло в октябре 1824 г. резкое столкновение с отцом, после которого вся семья уехала из Михайловского, оставив П. одного. Здесь в уединении П. делил время между Михайловским и соседним имением Тригорским, с владельцами которого—Осиповой и ее дочерьми, П. близко подружился. В это же время он не оставлял упорной работы над своими замыслами. В Михайловском закончены „Цыганы“ (10 октября 1824 г.), здесь же написаны 4 главы „Евгения Онегина“. Кроме того, в Михайловском написан „Борис Годунов“ (1825), произведение, в котором П. пытался реформировать классическую систему, господствовавшую в русской драматургии. П. придавал большое значение этому произведению, считая его выражением полного расцвета своих творческих сил. Однако, оно увидело свет лишь через 6 лет после своего написания, явившись в новой литературной обстановке, и не произвело ожидаемого влияния на литературу и тем менее на сцену. Замыслив трагедию, П. противоставил „придворным обычаям“ классического театра, ведущего начало от французского классицизма XVII в., народную систему шекспировского театра. Годы работы над Годуновым совпадают с изучением Шекспира и теоретических трудов о драме. Избрав систему народного театра, П. отбросил все условности в построении своей трагедии. Но самое главное—это отказ от центрального героя, переполнение действия второстепенными, эпизодическими сценами, выведение на

сцену народной массы, вообще введение народа в качестве героя. Народные движения, народные волнения — вот основной мотив пьесы. Для написания П. предпринял историческое изучение эпохи, отправляясь, главным образом, от трудов Карамзина. Вообще, с „Бориса Годунова“ начинается полоса исторических занятий П., при чем замечательно, что внимание его привлекают всегда эпохи, ознаменованные народными движениями: Мазепа и возглавлявшееся им украинское восстание, Стенька Разин, Пугачев — вот основные темы, избранные П. для изучения и для художественной обработки. Увлечение П. театром началось еще с лицейских лет. Первые годы по выходе из лицея он усердно посещал театр, принимая деятельное участие в театральных группировках того времени. Плодом его театральных увлечений остался отрывок статьи о русском театре и планы ненаписанных комедий. Эти попытки драматического творчества, насколько можно судить по тому немногому, что дошло до нас, нисколько не уклонялись от традиции стихотворной комедии начала XIX века. В начале 20-ых годов, под влиянием западных споров о классической и романтической системе, П. приступает к опытам романтической трагедии. Первым опытом в этом роде и был „Борис Годунов“, вслед за которым П. пишет ряд других драматических произведений. К ним относятся, вероятно, и недошедшие до нас произведения „Иисус“ и „Павел I“. Это увлечение драматургией продолжалось до 1830 года. Позднейшие опыты—народно-сказочная драма „Русалка“ (вольная обработка сюжета „Днепровской Русалки“, популярной в то время оперы) и историческая драма из рыцарских времен не доведены до конца.

Из более крупных произведений в Михайловском написана еще шутливая стихотворная повесть „Граф Нулин“ (1825 г.). Появление этой поэмы в печати в 1828 г. вызвало нарекания критики в том, что автор разрабатывает грязный сюжет. В самом деле, „Граф Нулин“ является реакцей на романтический тон „южных“ поэм, знаменующий новый этап в пушкинском творчестве. П. последовательно „снижал“ свои сюжеты с высот торжественной поэзии классицизма XVIII века до реалистических форм свободной повести. Комические произведения вроде „Графа Нулина“ означали творческие завоевания на пути этого „снижения“. Из мелких стихотворений этих лет следует упомянуть „Подражание Корану“ (1824) и в особенности „Андрей Шенье“ (1825). В последнем стихотворении, названном элегией, П. не только отдает дань поэзии Шенье, своего любимого поэта: здесь впервые П. отчетливо формулировал свое отношение к французской революции. Устами Шенье П., через свое отрицание террора и робеспьеровского режима, принимал революцию, как необходимый и справедливый исторический акт, с последствиями которого борьба невозможна.

Большое значение для истории пушкинской лирики имеют стихотворения: „19 октября 1825 года“, „Жених“— попытка создания русской баллады не по образцу переводных баллад Жуковского и в то же время не по образцу катенинских баллад, и „Сцена из Фауста“, один из ранних образцов драматизованного стихотворения. Возможно, что уже в эту эпоху П. задумал, а, может быть, отчасти и набросал цикл „маленьких трагедий“, завершенный им в „болдинскую“ осень 1830 г.

Деревенское уединение, изредка прерываемое посещениями Пущина, Языкова и др., способствовало поэтической производительности П. Деревенские впечатления, непосредственное общение с народом обогащало опыт П.; памятны рассказы о том, как П., одевшись в крестьянский наряд, ходил по ярмарке и подпевал слепцам у Святогорск. мон. Именно в Михайловском П. приступил к собиранию народных песен и сказок. Это изучение народной поэзии несколько позже отразилось в творчестве П. в форме „Сказок“ и „Песен западных славян“. Но уединение было подневольно, за П. учинен был явный надзор, усиленный еще тайным расследованием его поведения. В таких условиях возникает мысль о бегстве за границу. Попытку

уехать за границу П. предпринял в двух направлениях: сперва он пытался уехать легально, под предлогом лечения аневризмы. Вместо разрешения уехать за границу на это последовало разрешение выезжать для лечения в Псков, а Жуковский, как бы не понимая истинной цели ходатайства П., предложил ему прислать в Михайловское своего знакомого врача Мойера. Когда П. решил тайно бежать, то среди друзей его составился против него целый заговор. Плетнев, заведывавший издательскими делами П. и рассчитывавшийся с издателями, по соглашению с Жуковским и др. сообщал П. неверные сведения о его литературных доходах и задерживал высылку денег, чтобы лишить его средств, необходимых для тайного от'езда за границу.

Ко времени пребывания П. в Михайловском относится и его „крестьянский" роман, связь с крепостной девушкой Калашниковой, которая вскоре была отправлена вместе с ее отцом в Болдино, где и выдана замуж.

Между тем надвигались декабрьские события 1825 г. П. собирался воспользоваться сумятицей, царившей в центре, и самовольно выехать из Михайловского в Петербург, но откладывал свой от'езд со дня на день. События 14 декабря совершенно переменили обстановку. П. считал себя лично связанным с декабристами. В их среде были его близкие друзья. Однако, он думал, что неучастие его в восстании является достаточным основанием, чтобы договориться с новым правительством. Он пытался вступить в переговоры с Николаем I, обещая устраниться в дальнейшем от общественной деятельности, но требуя зато свободы. Однако момент был, по мнению Жуковского, неблагоприятный для подобных переговоров, и особенно казались неуместными переговоры в тоне договаривающихся двух равных сторон, как предполагал приступить к ним П. В самом деле — в следствии по делу 14 декабря выяснилось огромное влияние произведений П. в распространении вольнолюбивых настроений и конституционных идей. Политические стихотворения П. в руках членов тайных обществ были могучим орудием пропаганды. У правительства не было прямого повода к обвинению П. в заговоре. Его непричастность к материальной организации возмущения выяснилась весьма точно. Но идейную ответственность за происшедшее Николай I на П. возлагал и не предполагал так просто дать свободу человеку, в руках которого было такое могущественное орудие для борьбы с правительством, как слово. Ходатайства семьи П. о разрешении П. переехать из Михайловского в Петербург систематически отклонялись. Дело осложнилось еще и тем, что до правительства дошел выпущенный цензурою из „Андрея Шенье" отрывок, ходивший по рукам с ложным заголовком, связывавшим эти стихи с событиями 14 декабря. Началось строжайшее расследование. Между тем Николай I, находившийся после коронации в Москве, затребовал П. к себе; с фельд'егерем П. был доставлен в Москву 8 сентября 1826 г. Здесь состоялось свидание царя с П., изменившее судьбу ссыльного поэта. Чтобы понять результаты этого свидания, которое некоторые современники рассматривали как измену П. идеалам юности, следует учесть, что П. был утомлен ссылкой, чувствовал себя не призванным к общественной борьбе и сознавал бесцельность подобной борьбы после разгрома 14 декабря. С другой стороны, Николай I учитывал огромное моральное влияние П. на русское общество и понимал всю выгоду привлечения П. на сторону правительства. Николаю I было нетрудно внушить П., что новое правительство имеет задачей проводить в жизнь чуть ли не полностью программу того же тайного общества. Беседа П. с Николаем I нам не известна, и ее можно восстановлять лишь по позднейшим высказываниям П. в том, в чем они совпадали с уверениями правительства. Очевидно, — эти совпадения „прогрессистской" аргументации николаевского самодержавия с политическими суждениями П. и были той политической платформой, на которой состоялось соглашение. В результате беседы П. явился сторонником Николая I. Здесь не было измены общественным идеалам, здесь была уверенность, что в личности Ни-

колая I Россия имела проводника тех мероприятий, которые выдвигали ее в направлении, диктуемом именно этими общественными идеалами. К этому гражданскому оправданию Николая I, ярко выраженному в стансах „Нет, я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю", присоединялось еще живое чувство личной благодарности к Николаю, освободившему поэта из ссылки. Свидание с царем имело еще один важный для П. результат: его произведения изымались из общей цензуры и поступали впредь на рассмотрение самого Николая I. Посредником между царем и П. назначался шеф жандармов Бенкендорф.

Первые дни, проведенные в Москве, были днями торжества и триумфа. Здесь П. лично убедился в своей популярности в русском обществе. Знаки внимания, встречавшие его на каждом шагу, столичная жизнь, сменившая скучное и однообразное деревенское уединение, мало скрашиваемое обществом няни, Арины Родионовны, все это не давало почувствовать обратной стороны новых отношений, установившихся с правительством. Между тем эта обратная сторона скоро дала себя почувствовать. Бенкендорф оказался не посредником между П. и царем, а полицейским опекуном, гражданским начальством и распоряжался П., как лицом ему подчиненным. Царская цензура оказалась на первых порах сопряженной с большими неудобствами, так как П. было запрещено что-либо печатать помимо Бенкендорфа. Это било уже по профессии П. Не все, что он печатал и что имело свою цену, считал он возможным посылать на личный просмотр царю. Приходилось отказываться от права на реализацию некоторой части своей литературной собственности. Любимое произведение П. „Борис Годунов", посланное царю после внушения, сделанного Бенкендорфом за чтение трагедии в некоторых московских домах, было возвращено без разрешения на напечатание, но с советом переделать трагедию в роман в роде Вальтер Скотта (вообще Николай I считал необходимым совместить с ролью цензора роль критика, для чего были мобилизованы литературные силы, какими располагало знаменитое Третье отделение, возглавлявшееся Бенкендорфом, для подготовки критических резолюций царя). Вообще П. очень скоро дали почувствовать тяжелую руку правительства, и из года в год положение его становилось все труднее.

Получив „свободу" в форме разрешения проживания в столицах и, следовательно, тесного общения с представителями культурного русского общества, П. в первое же время стал искать связей с литературными группировками. Такой группой, с которою он вступил в ближайшие сношения, оказалась группа московской молодежи — в лице М. П. Погодина, С. П. Шевырева, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Веневитинова и др., группа, являвшаяся ядром позднейшего славянофильства. Правда, эту группу разделяло от П. увлечение ее идеями немецкой идеалистической философии, шеллингианством, но, с другой стороны, „Борис Годунов" П. с его интересами к историзму, к проблеме народности, с остронациональной темой совпадал с идеалом национальной литературы, какой рисовался в воображении молодых москвичей. Вместе с Погодиным П. замыслил издание журнала „Московский Вестник", в котором намеревался усердно сотрудничать. Впрочем, союз П. с московской группой длился недолго, и мало-по-малу П. отошел от нового журнала, который просуществовал сравнительно недолго (до 1831 г.).

В 1827 г. П. из Москвы переехал в Петербург, а осень провел в Михайловском. К этому времени относится работа П. над первым крупным прозаическим замыслом — романом „Арап Петра Великого". После исторической трагедии П., таким образом, переходит к историческому роману. В следующем году он пишет историческую поэму „Полтава". Годы 1828 и 1829 он проводил в Петербурге, в имении Малинники Тверской губ. старицкого у., принадлежавшем Осиповой, соседке П. по имению в Псковской губ. В 1828 г., во время работы П. над Полтавой, возникло дело о „Гавриилиаде", которая случайно стала предметом внимания пра-

вительства. П. вызвали, допрашивали, он отрекался от авторства, на вторичном допросе написал какое-то письмо Николаю I, после которого дело было прекращено. Это дело показало П. непрочность его свободы. С другой стороны, оно дало Николаю I средство поставить П. еще в большую от себя зависимость: можно предполагать, что в письме своем П. признал себя автором поэмы, и прекращение дела было актом „милости“ Николая. Подобная „милость“ связывала П. морально, обязывая его по отношению к Николаю I личной благодарностью. После процесса о Гавриилиаде П. стал упорно отрекаться от этого произведения и уничтожать все, находившиеся в его распоряжении, списки поэмы. Возможно, что в это же время им уничтожены и другие произведения, которые могли причинить ему подобные же неприятности (напр., драмы „Иисус“ и „Павел I“).

„Полтава“, которую П. считал наиболее зрелой из своих поэм, по выходе в свет не имела успеха. Только союзники П. в Москве увидели в ней новое доказательство „народности“ поэзии П. Наоборот, для прежних сторонников пушкинских романтических „южных“ поэм „Полтава“ показалась скучным произведением, и критика изощрялась в обычных придирках.

В след. 1829 г. П. самовольно выехал из Москвы на Кавказ, откуда последовал в действующую армию и доехал до Эрзерума. Одним из поводов к этой поездке служило неуспешное сватовство П. к Н. Н. Гончаровой, с которой он познакомился в начале 1829 г. В первые же годы освобождения из ссылки П. начал мечтать о семейной жизни и неоднократно пытался кончить свое холостое существование. Так, еще в 1826 г. он сватался в Москве к своей однофамилице Софье Пушкиной, в 1828 г. сделал предложение в Петербурге Анне Олениной. Эти брачные проекты перерывались увлечениями того рода, которыми так богата была жизнь П. Из них более известно его увлечение А. П. Керн, начавшееся еще в Михайловском в 1825 г., но развившееся до конца только позднее—в Петербурге. Романическое прошлое П., весьма громкое, являлось часто препятствием к его семейным планам. Та шероховатость в истории сватовства к Гончаровой, которая на два года оттянула свадьбу, отчасти вызвана доходившими до семьи невесты разговорами о бурном прошлом П.

Поездка в Эрзерум не прошла для П. бесследно: он получил за нее строжайший выговор от Бенкендорфа и требование впредь испрашивать разрешения на отлучку. Следует упомянуть, что часто П. на просьбу о разрешении отлучки получал категорические отказы без особой аргументации. В результате поездки П. написал путевой дневник: „Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года“, напечатанный им в 1836 г. и в свое время не обративший на себя большого внимания. Это—один из первых опытов П. вне жанров поэзии и сюжетной прозы. До этого П. в этом роде написал лишь несколько журнально-полемических статей, цикл афоризмов и замечаний, да краткое описание путешествия по Крыму в форме дружеского письма. В дальнейшем занятия журналистикой и историческими темами все чаще отвлекают П. от строгих поэтических жанров в область чистой прозы.

В 1830 г. П. удалось осуществить свою мечту о создании собственного органа печати. С этого года начинает выходить „Литературная Газета“, издаваемая его другом Дельвигом. Первое время фактическим редактором газеты был П., разделяя редакционный труд с О. Сомовым. Однако, это издание не оправдало надежд П. С одной стороны, оно вовлекло П. в ожесточенную полемику против Булгарина, издателя конкурирующего органа—„Северной Пчелы“, а затем против Полевого. С другой стороны, узкие рамки программы издания, чисто литературного, и одновременно с этим стеснительные цензурные условия препятствовали ведению издания в желательном для П. направлении. Он мечтал о широком общественно-литературном издании, по образцу французских или английских газет. Вместо этого „Литературная Газета“ превращалась в орган, представлявший интерес лишь для писателей и распространявшийся лишь в узко профессиональном кругу,

Полемика не оживляла страниц издания, т. к. была однообразна, не выходя за пределы литературных тем и переходя лишь на личную почву. Скоро П. охладел к газете, а затем, переехав в Москву, и совсем почти перестал в ней печататься.

К моменту последнего приезда П. в Москву, в августе 1830 г., относятся европейские события, снова всколыхнувшие общественную мысль и отразившиеся также и на внутренней русской политике. Июльская революция во Франции явилась сигналом к возобновлению революционных движений, прекратившихся в начале 20-х годов. Революционное движение коснулось Италии, Бельгии, Германии и др. стран. В ноябре 1830 г. произошло восстание в Польше, об'явившей свою независимость и низложение Николая I в качестве царя польского.

П. внимательно следил за европейскими событиями. Будучи близко знаком с Е. М. Хитрово, дочь которой была замужем за австрийским посланником, он имел возможность помимо всякой цензуры следить за событиями во всех их подробностях и читать газеты всех направлений.

В самый разгар европейских событий П., состоявший уже официальным женихом Натальи Николаевны Гончаровой, под влиянием постоянных столкновений с семьей невесты, уезжает в Болдино, где и проводит всю осень. Пребывание его там продлилось еще благодаря холерной эпидемии, распространившейся позже на всю территорию России и вызвавшей повсеместное установление карантинов. Болдинская осень 1830 г. (с нач. сентября до конца ноября) была необыкновенно плодовита в творчестве П. Здесь он как бы подвел итог последним годам своей поэтической работы, здесь он закончил ряд своих более ранних замыслов и написал много новых произведений. В первую очередь следует назвать законченного вчерне „Евгения Онегина“ (приведенного в окончательный вид через год, в октябре 1831 г.). Это наиболее крупное стихотворное произведение П. в течение семи лет было главным предметом его трудов. Начиная с 1825 г., он публиковал этот „роман в стихах“ отдельными главами. Последняя глава вышла в свет в 1832 г. Появление „Евгения Онегина“ произвело в критике большие споры. Прежние поклонники П.-романтика, автора „южных поэм“, были разочарованы в своих ожиданиях, увидя ряд реалистических картин, перебиваемых ироническими лирическими отступлениями. Наиболее благосклонно критикой были приняты описания природы и воспринятые в сентиментальном плане изображения характеров, особенно Татьяны. Что касается общего плана романа, то он возбуждал всеобщее недоумение. Впрочем — план романа был неясен в начале и самому П. Он предпринял роман в намерении написать резкую сатиру и даже вначале не предназначал свое произведение к печати. Образцом своей поэмы П. первоначально избрал „Дон Жуана“ Байрона. Но в процессе творчества сатирический элемент стал проявляться все менее и менее. Вместо сатиры на великосветское общество П. дал ряд об'ективных „картин“ мелкопоместного быта, почти идиллического настроения. Мало связанный движением фабулы, совершенно свободной, П. оказался связан типами своих героев. Сатирическую „злобу“ сменило изображение положительного „идеала“ Татьяны. Наоборот, Евгений Онегин, который в первоначальном плане должен был служить орудием сатиры, оказался несколько отодвинутым на задний план. Эти образы переплетались с темами „отступлений“, описаний и т. п., образуя очень сложный и запутанный композиционный рисунок. Но самые темы, затронутые в Онегине, свидетельствуют об упрощении, „снижении“ поэтической фантазии. Экзотическим описаниям и романтическим чувствованиям противопоставлены картины русской деревни, Москвы и Петербурга и соответствующая бытовая психология. Реалистический тон повествования и разговорный стиль языка свидетельствуют о перемене направления и возведении в идеал того, что П. именовал „прелестью нагой простоты“ и противопоставлял искусственному „языку богов“ традиционной поэзии. В общем плане романа в Болдине написана и X глава, содержав-

шая хронику декабрьского движения. Глава эта была Пушкиным сожжена, и до нас дошли от нее лишь небольшие отрывки.

Стремление отказаться от высокой поэзии ради „низких“ форм еще больше сказалось в „Домике в Коломне“, шутливой повести в октавах (в подражание английским октавам Байрона), где рассказан нарочито пустой анекдот с целью пародирования высоких тем романтического искусства. В этом отношении П. боролся с той подражательной поэзией, которая продолжала линию его „южных“ поэм. Для П. это было пройденым этапом, его более мелкие современники продолжали писать романтические поэмы.

Наконец, в Болдине П. написал ряд прозаических повестей, изданных под названием „Повести Белкина“. Прозой П. стал заниматься еще в 1827 г., когда приступил к историческому роману „Арап Петра Великого“ (отчасти под влиянием В. Скотта). „Повести покойного Ивана Петровича Белкина“ в свое время не произвели почти никакого впечатления в критике, отнесшейся к этим опытам сжатого повествования пренебрежительно. Романтические новеллы современника П. Бестужева-Марлинского имели гораздо большее распространение и влияние. Только в следующую эпоху развития русской прозы — в конце тридцатых и сороковых годов—пути, намеченные П., начинают оказывать влияние, что сказалось, напр., в творчестве Гоголя и Достоевского, которые вслед за „Станционным смотрителем“ П. обратились к разработке повестей с незаметным героем, далеким от великосветских персонажей романтических повестей, с интимной и будничной обстановкой повествования. Эти повести не лишены и пародического элемента, если их сопоставить с модной в те годы формой романтического анекдота - новеллы, предшествовавшего расцвету французского романа в 30-ых годах.

В плане „Повестей Белкина“ П. набросана в Болдине незаконченная „История села Горюхина“, где в пародической форме широкого исторического труда излагаются картины подавленной помещичьей властью разоренной деревушки Горюхина. Эта „История“— незавершенный опыт сатирического изображения социальных последствий крепостного права. Впрочем, и здесь чисто литературные задачи пародической имитации высокого исторического повествования почти совершенно подавляют элементы социальной сатиры.

Несколько в стороне от этих исканий новых тем и новых форм лежит завершенный в Болдине цикл маленьких трагедий („Скупой Рыцарь“, „Пир во время чумы“, „Моцарт и Сальери“ и „Каменный гость“), написанных под непосредственным влиянием английских поэтов, изучением которых П. усиленно занимался, начиная с 1828 г.

Лирические произведения, написанные в Болдине, весьма разнообразны. Здесь написаны (или закончены) „Бесы“, элегия „Безумных лет угасшее веселье“, лирическая трилогия: „В последний раз твой образ милый“, „Заклинание“ и „Для берегов отчизны дальной“, ряд гекзаметров, полемическая „Моя родословная“, терцины „В начале жизни школу помню я“ и т. д. В то время как в крупных произведениях и в прозе П. утверждал формы пародии и „низкого“ реалистического рассказа, в лирике он продолжил разработку высоких форм медитативной элегии. Любопытно, что из лирических стихотворений, написанных в Болдине и являющихся вершиной лирического творчества, большая часть не была напечатана при жизни П. В Болдине же предпринят ряд журнальных полемических статей, предназначавшихся для „Литературной Газеты“. Однако, скорая женитьба П. и смерть Дельвига (ум. 14 января 1831 г.) отвлекли П. от журнальной работы, и эти статьи остались ненапечатанными.

Из Болдина, прорвавшись сквозь цепь карантинов, П. прибыл в Москву 5 декабря 1830 г. Ближайшее время ушло на подготовку к свадьбе, которая и произошла 18 февраля 1831 г. В ближайшие три месяца П. окончательно убедился в невозможности спокойной жизни в соседстве с семьей жены. В мае он переехал в Царское Село. Вскоре распространив-

шаяся в Петербурге эпидемия отрезала его от столицы. В Царском Селе П. прожил до октября, в непосредственном соседстве с переехавшим туда же двором, с которым его связывала дружба с Жуковским, постоянно бывавшим при дворе по службе (в качестве воспитателя наследника). К пребыванию П. в Царск. Селе относится и знакомство его с Гоголем, тогда еще лишь начинавшим свою карьеру писателя.

В Царском Селе, вблизи от культурного центра, П. снова оказался охваченным общественными интересами, под влиянием всё развивавшегося революционного движения на Западе. Именно здесь П. задумал исторический труд по истории французской революции, оставшийся незаконченным. До нас дошли только отдельные наброски, план введения, да небольшая тетрадка выписок из исторических трудов и из современной политической прессы. Труд этот был предпринят, вероятно, не столько с чисто историческими целями, сколько в задачах точной политической оценки происходящих событий. В набросках П. сказывается сильное влияние новейшей исторической французской школы либерального лагеря. В своем плане он дает очерк не политических, а социальных причин революции, и в сохранившихся набросках публицистических статей того же времени он резко отделяет политическое проявление революции (в частности, политику террора, к которой он попрежнему относился отрицательно) от социального переворота, который он принимал безусловно. Построение введения к истории революции указывает на сильное влияние книги де-Сталь „Взгляд на французскую революцию“, либеральные же идеи, высказанные в данных набросках, равно как в различных заметках того же времени, обнаруживают несомненную близость П. ко взглядам Б. Констана, изложенным в конституционных трактатах его. Сочинения Констана П. цитирует и конспектирует. Имена Сталь и Констана были близки П. не только по их публицистическим произведениям, но и по их романам („Дельфина“ Сталь и „Адольф“ Констана), которые произвели на П. глубокое впечатление. П. горячо сочувствовал сближению последовательных либералов с представителями левого крыла аристократических групп, напр. с Шатобрианом, либеральным идеям которого он горячо сочувствовал и за литературной деятельностью которого тоже внимательно следил. Во взглядах либералов типа де-Сталь и Констана и либеральных монархистов типа Шатобриана центральное место занимала идея примирения новых форм европейского общества с аристократическим началом. Вот почему в конституционных планах умеренных либералов играет такую роль вопрос о верхней палате как гарантии устойчивости нового строя. Эти идеи П. воспринял и пытался применить к русской обстановке. Аристократические взгляды П. являются органической частью его конституционных убеждений. Независимая от короны аристократия, как гарантия политического равновесия, постоянно выдвигается в его политических набросках. В русской обстановке именно дворянство приобретает в политической системе П. тем большую роль, что крупная буржуазия, как вполне сформировавшийся социальный слой, еще отсутствовала, и то, что на Западе шло от третьего сословия, —напр., интеллигенция, представителем которой себя считал П., как профессионал-писатель,— в России вербовалось из дворянской среды. Т. обр., то постоянное выдвигание роли дворянства, которое встречаем мы в произведениях П., вовсе не есть признак его личной аристократической кичливости, тем менее свидетельствует о реакционности его взглядов. Это — признаки усвоения П. западно-европейского либерализма умеренного толка. Аристократия упоминается П. не как элемент феодализма (П. даже отрицал наличие феодализма в истории России), а как социальный элемент нового либерального строя. Очевидно, с целью укрепить и исторически оправдать свои общественные взгляды, П. и предпринял исторические изыскания из истории революции, которые он вел параллельно с изучением русской истории.

С переездом П. в Петербург начинается его личная трагедия, связанная с его отношением к двору. Если в 1825 г. П. мечтал о договоре с правительством, обещая с своей стороны невмешательство в общественные дела, то теперь, даже при полнейшем отказе от открытого исповедания своих взглядов, ему приходилось решать в личной плоскости вопрос о его сотрудничестве с самодержавием. Он находился в личной зависимости от Николая I. До женитьбы дело ограничивалось строжайшим контролем и запретительными мерами, пресекавшими П. пути в свободном распоряжении своей судьбою. После женитьбы новые „милости“ Николая I гораздо более связали П. В 1831 г. 14 ноября, через месяц после переезда в Петербург, П. зачислили на службу, т.-е. определили ему жалованье (ничтожное, сравнительно, с теми расходами, которые вызывала широкая светская жизнь Натальи Николаевны). Через два года П. производят в камер-юнкеры. Производство это он принимает как скрытое оскорбление, так как это звание носили юноши, начинающие свою придворную карьеру. Когда через полгода П. пытается уйти в отставку, ему угрожают карами, немилостью и т. д. и посредством Жуковского и Бенкендорфа заставляют вымаливать об оставлении его на службе. При этом все это сопровождается унизительными выговорами, требованиями, чтобы все его прошения писались в наиболее приниженном тоне и т. п. Когда П. указывает, что его насильственное пребывание при дворе вызывает непосильные расходы, Николай I выдает ему ссуду в 30.000 руб. и тем окончательно привязывает к себе П. Так. обр., все попытки уйти от придворной жизни насильственным образом пресекаются; понятно, и в семье своей, в лице Натальи Николаевны, П. не находил единомыслия. Светская жизнь, непрерывные успехи при дворе, понятно, были его жене гораздо милее жизни где-нибудь в деревенской глуши, в малодоходном имении. Наталья Николаевна, как москвичка, выросшая в несколько провинциальной обстановке патриархального города, понятно, всю жизнь мечтала о блестящей столичной жизни Петербурга.

Последние годы П. можно поделить на два периода — до конца 1833 г. (до камер-юнкерства) и последние 3 года его жизни — до дуэли. Первый период, хотя и был в творческом отношении менее плодовит, чем 20-е годы, однако ознаменовался несколькими крупными произведениями. В поэзии П. все более тяготеет к темам и формам народной поэзии. На этот путь он вступил еще в 1828 г., но до болдинской осени не дал ничего законченного. В начале 30-х годов он пишет ряд народных сказок („Сказка о Царе Салтане“, „О мертвой царевне“, „О золотом петушке“, „О рыбаке и рыбке“, „О попе и работнике его Балде“) и перелагает на русский язык написанные в подражание иллирийским народным песням имитации Мериме. Присоединив к ним переводы с сербского и несколько собственных композиций на юго-славянские темы, П. об'единил их в цикл „Песни Западных Славян“. Возможно, что над циклом этим П. начал работать еще с 1828 г. (имитации Мериме —„Guzla“— появились в 1827 г.), но впервые напечатал его в 1835 г. и продолжал работать над ними и позже. В октябре 1833 г. в Болдине, где П. остановился во время своей поездки на Урал, среди прочих произведений написана его поэма „Медный Всадник“, совершенно новая по замыслу композиция, в которой об'единены широкие исторические темы с повестью о незаметном герое. Поэма эта не была напечатана, так как ее запретил Николай I. Там же в Болдине написана и последняя поэма „Анжело“ на тему, заимствованную у Шекспира. Параллельно с этим П. все чаще обращается к прозе. В конце 1832 г. он начинает писать роман „Дубровский“, но, не доведя его до конца, бросает в феврале 1833 г. В конце 1833 г. он пишет фантастическую повесть „Пиковая Дама“, в которой сказывается влияние Гофмана, воспринятое П., вероятно, сквозь французские переводы и французские имитации, распространенные в начале 30-ых годов. Изучая русские народные движения, П. обратился к восстанию Пугачева и пред-

принял исторический труд на эту тему. Не ограничиваясь изучением литературы вопроса и архивного материала, он едет на места изучаемых событий, посещает Казань и Оренбург (осенью 1833 г.). В результате этих работ он пишет „Историю Пугачева“ (переименованную Николаем I в „Историю Пугачевского бунта“). Параллельно с этим чисто историческим трудом он пишет исторический роман „Капитанская дочка“, законченный и напечатанный им позже, в 1836 г. В этом романе, равно как и в более ранних прозаических опытах П., начиная с „Арапа Петра Великого“, отражаются поиски новых прозаических форм под влиянием расцвета западно-европейского романа, в частности В. Скотта и его школы (напр., Манзони).

После 1833 г. производительность П. резко падает. От поэзии и художественной прозы он переходит больше к публицистическим и историческим трудам, по большей части не довершенным. Последние годы он работает над историей Петра I, образ которого привлекал его внимание еще в период создания „Полтавы“. Проблема петровских реформ лежит в тесной связи с общественными взглядами П. Ликвидация обществен. движений 1830 г., естественно, производит свое действие и на П. Он разочаровывается в общественных движениях, а окружающие его представители культурного общества в России поселяют в нем сомнение в том, чтобы наиболее активные представители общественности являлись прогрессивными силами. Строго различая в эти годы проблемы политической свободы и социального прогресса, П. начинает сомневаться в том, что либеральные учреждения толкнут Россию на свободное развитие ее общественных форм. Не будучи до конца своих дней апологетом самодержавного режима, П. подходит к проблеме: не является ли в обстановке русской общественности 30-х годов самодержавие наиболее прогрессивной общественной силой. Отсюда — интерес к деятельности Петра, который произвел культурную реформу методами самодержавия. Вопрос о самодержавии ставится как вопрос общественного прогресса в данных условиях, и П., ежедневно возмущавшийся самодержавием и полицейской практикой Николая I, не видел возможности общественной деятельности без сотрудничества с самодержавием.

В 1836 г. П. предпринял издание журнала „Современник“. Это—последняя страница литературной деятельности П. В конце 1836 г. произошли события, подготовившие трагическую развязку. Дантес, французский офицер-монархист, поступивший на русскую службу и усыновленный голландским посланником Геккерном, начал открыто ухаживать за женой П. Столкновение П. и Дантеса усложнилось рассылкой (в первых числах ноября) анонимных писем, пародически причислявших П. к „ордену рогоносцев“. В этих анонимных письмах, разосланных, как ныне установлено, кн. П. В. Долгоруковым, прозрачно намекалось на ухаживания Николая I за Нат. Ник. П. усмотрел в этих письмах участие Геккерна и Дантеса, и послал последнему вызов. Дуэль удалось отклонить тем, что Дантес женился на сестре Натальи Николаевны, но в январе П., видя не прекращающееся ухаживание Дантеса и узнав о свидании своей жены с Дантесом, снова вызвал его на дуэль. Смертельно раненный 27 января, П. умер 29 (10 февраля н. ст.) в три четверти третьего часа по-полудни. Тело его перевезено было в Святые Горы (село рядом с Михайловским), где он и погребен 6 февраля.

Последние годы П. игнорировался критикой, как писатель, уже закончивший свой литературный путь и ничего не обещающий в дальнейшем. После смерти отношение к нему сразу изменяется. Смерть его рассматривалась современниками как факт огромного общественного значения.

Смерть обнаружила огромную популярность П. в читательской среде, симпатии которой не всегда совпадали с мнением, господствовавшим в журнальной критике. Рост популярности П. после его смерти продолжается непрерывно до середины 50 годов. В этот первый период особенно знаменательны статьи Белинского о П. (1843—1846), в которых деятельность П. связана со

всем предшествующим развитием русской литературы. Первый период завершился первым критическим изданием сочинений П. под редакцией П. В. Анненкова (1855). Новые общественные интересы, возникающие в конце 50-х и в 60-х годах, уводят внимание читателей от П. Он становится все более достоянием „библиографов". Писаревские статьи (1865), развенчивающие П. как поэта и особенно как мыслителя, характерны для этого периода отрицания П. и его школы. Новый под'ем интереса к П. совпадает с торжеством открытия памятника П. в Москве (июнь 1880 г.), когда была произнесена знаменитая речь Достоевского, утверждавшая П. как национального поэта. Окончившееся в 1887 г. право собственности семьи на сочинения П. сделало его сочинения всеобщим достоянием. Огромное количество дешевых изданий содействовало распространению их в читающей среде. Торжества 1899 г. по поводу столетия со дня рождения, не отличаясь яркостью, свидетельствовали о широкой популярности П.

Приблизительно с этого времени начинается и научное изучение П. Из библиографических и исторических изысканий предшествующих десятилетий мало-по-малу дифференцируется самостоятельная дисциплина — „пушкинизм", занимающая долгое время среднее положение между любительским культом имени П. и самостоятельной отраслью русской историко-литературной науки.

Для начальных шагов этой дисциплины характерна „стилизация" П. как в области понимания его литературной роли, так и в области истолкования его исторической личности, его общественных, философских и прочих взглядов. К П. обращаются представители разных течений с целью найти в нем оправдание своей позиции. Мало-по-малу стилизация уступает место историзму. П. становится предметом двойного изучения, — с одной стороны, как мастер он сохраняет все свое значение до наших дней, и изучение его мастерства продолжает быть источником художественного опыта писателей нашего времени; с другой стороны, как культурно-историческая личность он становится достоянием истории. Значительность же его литературного наследия и его литературной эпохи отводит ему совершенно исключительное место в историко-литературных исследованиях.

Б. Томашевский.

II. Характеристика творчества П. Два факта останавливают прежде всего внимание исследователя П.: 1) многократное и противоречивое осмысление его творчества со стороны современников и позднейших литературных поколений и 2) необычная по размерам и скорости эволюция его как поэта. Переосмысление литературных произведений — факт общий. Таков же факт борьбы младших литературных поколений со старшими. Но и борьба с П. и переосмысление его имеют не общий характер. П. побывал уже в звании „романтика", „реалиста", „национального поэта" (в смысле, придаваемом этому слову Аполлоном Григорьевым, и в другом, позднейшем), в эпоху символистов он был „символистом". Надеждин боролся с ним, как с пародизатором русской истории по поводу „Полтавы", часть современной П. критики и Писарев — как с легкомысленным поэтом по поводу „Евгения Онегина". Самая природа оценок, доходящая до того, что любое литературное поколение либо борется с П., либо зачисляет его в свои ряды по какому либо одному признаку, либо, наконец, пройдя в начале первый этап, кончает последним — предполагает особые основы для этого в самом его творчестве. Эволюционный диапазон П. нередко в понимании XIX века подменялся понятием широты и универсальности его жанров: лирики, эпоса, стиховой драмы, художественной прозы и журнальных жанров. Между тем, жанровая универсальность была общим признаком литературы 20-х годов. Понятие жанровой широты по отношению к П. оказывается менее существенным, нежели быстрая, даже катастрофическая эволюция его творчества: „Руслан и Людмила" отделена от „Бориса Годунова" всего пятью годами. Оба основных факта находят объяснение в самых писательских методах П.

У П. не было ученичества в том смысле, как оно было, напр., у Лермонтова. Интерес последних лет XIX в. и символистов к его так наз. „лицейским стихотворениям" вполне оправдан, и если все же в конце концов преобладает мнение, выраженное Брюсовым, что „лицейские стихи" представляют интерес более исторический и биографический, нежели художественный —

это проистекает от неправомерного сопоставления лицейской лирики с позднейшею. П. никогда не отказывался от лицейских стихов. Будучи уже зрелым поэтом, работая над „Евгением Онегиным“ и „Борисом Годуновым“, в 1825 г. П. подготовляет к печати лицейские стихи. Подробный анализ этой позднейшей редакторской работы П. над его лицейской лирикой не произведен, и выводы не сделаны. А между тем они могли бы выяснить многое.

Самые приемы и результаты переработки указывают, что П. не относился к ним как к сырым материалам, которые можно использовать для новых задач и в новых жанрах, а, напротив, применил новые средства, чтобы наиболее ясно проявились старые задачи. Жанр лицейских стихов оставлялся им в неприкосновенности. В лицейских стихах он является совершенно законченным поэтом особого типа. То была условная лирика, ставившая себе задачей стилизацию, то, что в Германии принято называть Konventionell-Lyrik. Лирика этого типа неразрывно связана с периферией литературного течения, назыв. „карамзинизмом“. Стилизация совершалась эклектически на основе результатов, достигнутых к тому времени Дмитриевым, Батюшковым и Жуковским.

Ко времени лицейского П. „сентиментализм“ уже был отчасти тем, чем он остался для позднейших поколений. Младшее поколение лириков — Жуковский и Батюшков, расходясь по генетической основе своего искусства между собою и вовсе не совпадая с Карамзиным и его товарищами по жанрам, обновило течение. „Мудрец“ и „мечтатель“— литературные герои карамзинистов, получили новые черты. К 1814 г. определилось и сконструировалось течение старших архаистов — „Беседы любителей российской словесности“, борьба с которою дала новый материал для тем и для теории. Возникает „Арзамас“ — шуточное и даже шутовское об'единение, имеющее характер пародии на „Академию“, с того времени уже сделавшуюся нарицательным именем литературной косности, и на воинствующий отряд старого поколения, проповедующего ломоносовские и державинские принципы—„Беседу“.

Литературная борьба и разнородные элементы поэзии, связанной с карамзинизмом, дают материал для П.-стилизатора — „лицейского П.“.

По поводу лицейской лирики П. обычно говорят о ее эротической тематике, в особенности, о влиянии легкой франц. поэзии, „poèsie fugitive“. Но если мы вспомним, что к 1816 г. относится знаменитая речь Батюшкова „О влиянии легкой поэзии на язык“, в которой теоретически обосновано значение „легкого рода“ (жанра) и в частности эротического, — станет ясно, что вопрос о французских влияниях есть прежде всего вопрос о материале, а не о литературном стимуле, что вопрос о влиянии poèsie fugitive — общий вопрос того времени, а не частный вопрос изучения П.

П. двигался по пути уже известному в русской поэзии. Как поэт-стилизатор, лицейский П. эклектически развивает все упомянутые жанры, стилизуя последовательно условно-античную и оссиановскую окраску Батюшкова, „рыцарскую“ и „идиллически-ужасную“ окраску Жуковского по соответствующим жанрам и вне жанров.

К 1826—1828 гг. относится внимательная стилистическая критика П. по отношению к Батюшкову. „Главный порок в сем прелестном послании („Моих Пенатах“) есть слишком явное смешение древних обычаев мифологии с обычаями жителя подмосковной деревни. Музы — существа идеальные: христианское воображение наше к ним привыкло; но норы и кельи, где лары расставлены, слишком переносят нас в греческую хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином — суворовского солдата с двухструнной балалайкой. Это все друг другу слишком противоречит“.

То, что отмечал П. в Батюшкове, наличествует еще в большей мере в его лицейской лирике: противоречивость лексических рядов (она, гл. обр., и изгонялась П. при редактировании). После „седеющей на холме тьмы“ из элегических рядов Жуковского, его же „мирной неги“ и „нагоревшей свечки“ следует батюшковский „богов домашний лик в киоте небогатом“ и „бледный почник пред глиняным пенатом“ (с тем же смешением рядов); эклектизм лексический дает в результате даже простое семантическое противоречие:

И тихий, тихий льется глас,
Дрожат златые струны:
В глухой, безмолвный мрака час
Поет мечтатель юный;
Исполнен тайною тоской,
Мечтаньем вдохновенный,
Летает резвою рукой
По лире оживленной.

(„Мечтатель“).

Лирический сюжет развивается прямо и исчерпывающе. Нужны были особые условия, чтобы прервать порочный круг этой эклектической, стилизаторской лирики. Кризис относится к 1817—1818 гг., годам окончания лицея и распада „Арзамаса“.

К этим годам в лицейской лирике П. оказались уже замаскированными, загримированными под оссиановские, античные и шуточно-карамзинистские тона, „любовницы“, друзья, товарищи и профессора-адресаты,—сам поэт и лицейский быт. (Этот

грим впоследствии создал легенду о бурных лицейских кутежах, которых на самом деле не было). К этим годам „Арзамас“, пародически загримированный в балладу, проделал большую разрушительную работу: самое шутовство общества (все члены его назывались по героям и словам баллад Жуковского) похоронило обязательность литературных масок, из которых оно выросло, и поставило вопрос—либо о прорыве литературы в общественность (речь Орлова-Рейна, 1818), либо о новом поэтическом рупоре, о новом поэте.

Для П. биографически кончился лицейский грим. К 1818 г. относится его послание Юрьеву, где поэт сбрасывает его. Именно листок с этим стихотворением, по преданию, судорожно сжал в руках уходящий из литературы Батюшков и проговорил: „О, как стал писать этот злодей“ (Анненков).

А я — повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте...
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

Исключительно биографическими причинами эту смену „лирического героя“ объяснить, конечно, нельзя: „взращенный в дикой простоте“ — мотив, противоречащий и лицейской лирике и биографии одновременно. Но смена „поэта“ совершилась, выступает „поэт с адресом“: „потомок негров безобразный“.

Это было и новым речевым рупором, новым лирическим героем, от имени которого велась стиховая речь,— и новою темою, „литературною личностью“ одновременно. И герой-рупор и герой-тема в течение позднейшей деятельности П. варьировались. Так, „негр“ позже явился руслом для подхода к историческому материалу и для выяснения социальных отношений поэта („Арап Петра Великого“, „Моя родословная“). В середине 20-х годов в тему героя вступают черты, подготовленные деятельностью любомудров („высокий поэт“ — ср. „Поэт и Чернь“); тогда же в эту тему вступают новые черты столкновения с промышленным веком и подчинения ему („Разговор книгопродавца и поэта“).

Эта смена лирического героя (речевого рупора) сказывается в лирике отрывом от условной интонации, ориентировавшейся у карамзинистов на „разговор хорошего общества“, и в переносе внимания на индивидуальную интонацию. (В стиховых черновиках П. эта выправка интонаций занимает большое место). Вместе с тем, при конкретности „автора“ и неминуемо связанной с нею конкретности „лирических героев“ и „адресатов“,— появляется та индивидуальная домашняя семантика, которая не терпит „пояснительных“ мест и развитых описаний. Лирические стихотворения П. с 20-х гг. не только ведутся от имени конкретного „поэта“, но, например, жанр посланий этим совершенно преобразуется: он полон той конкретной недоговоренности, которая присуща действительным обрывкам отношений между пишущим и адресатом.

Вместе с тем, резко порвав с лицейским гримом, П. не занимается в позднейшем „упорядочением“ и „сглаживанием“ ошибок стилизатора, а, напротив, меняя самое отношение к поэтическому слову, доводит до крайних выводов свою стилизаторскую работу и использует их. Исследователями отмечается тематическая и стилистическая связь между его лицейской и позднейшей лирикой. Лицейские темы и жанры не исчезают, они преобразуются. В итоге эклектического отношения к предметным рядам,— несовместимость их обнаружилась, и в ясное поле выступило не предметное значение слова, а его *лексическая окраска*. Античное имя и слово остается у П., изгоняется отношение к нему как к предметному обозначению; то же и с „бытовыми словами“ и именами, противоречиво связывавшимися в лицейской лирике.

Маскировка предмета перешла в лексический тон, окрашивающий весь текст. „Женское имя,— по свидетельству Смирновой, говорил Пушкин в позднейшую пору,—так же мало реально, как и все эти Хлои, Лидии или Делии XVIII века. Это только „название“. В итоге эти слова — лексические тона — не влекут за собой развитых картин и описаний. Одного слова-„названия“ достаточно, чтобы вызвать соответствующие ассоциации и заставить читателя двигаться в определенном плане. Слово стало заменять у П. своею ассоциативною силою развитое и длинное описание.

Это отношение к слову, как к лексическому тону, влекущему за собой целый ряд ассоциаций, дает возможность П. путем тонкой организации словесных лексических рядов передавать „эпохи“ и „века“ вне развитых описаний одним семантическим колоритом. Это искусство достигает, например, в одном послании к „Вельможе“ совмещения английского, французского, испанского и латинского колоритов и двух веков на несложной лирической фабуле. Утонченное и обогащенное семантического колорита стоит в связи его с фонетикой стиха: так, в стих „Стамбул гяуры нынче славят“ — два противополагаемых семантических ряда — „Стамбул“ и „Арзрум“ проведены не только в различных лексических планах, но и на различных фонетических средствах (на разной инструмен-

Библиография по Пушкину

I. Общая библиография.

В. И. Межов, Puschkiniana, 1886 г.; *В. В. Сиповский*, Пушк. юбилейная литер. (1899–1900), 1902; *С. М. Аснаш* и *А. Н. Яхонтов*, Описание Пушк. музея, 1899; *Л. К. Ильинский*, Puschk. за 1911 и 1912 г. („П. и его совр.", вып. XIX—XX); *Н. К. Пиксанов*, Пушк. студия, 1922; Puschkiniana XX в. (1900—1910), под ред. *С. А. Венгерова* и *А. Г. Фомина*, 1928; *B. Tomasevski*, Die Puskin-Forschungseit 1914. Zeitschr. für slavische Philol., 1925, B. II, H. 1/2; *Б. Томашевский*, П., 1925; *А. В. Мезиер*, Русск. словесн., ч. II, 1902; П. 1924; *П. А. Ефремов*, Мнимый П. в стихах, прозе и изображен., 1923.

II. Издания сочинений.

См. *Н. Синявский* и *М. Цявловский*. П. в печати 1814—1837, 1914; Стихотворения Александра П. 1826; Стих. А. П. Первая часть, 1829; 2-я ч., 1829; 3-я ч., 1832; 4-я ч., 1835; Поэмы и повести А. П. ч. 1-я, 1835; ч. 2-я, 1835; Повести, изд. А. П., 1834; Борис Годунов, 1831; Евгений Онегин гл. I, 1825 и 1829; гл. II, 1826 и 1830; гл. III, 1827; гл. IV и V, 1828; гл. VI, 1828; гл. VII, 1830; гл. VIII, 1832; полностью, 1833 и 1837; История Пугачевск. бунта, 1834; „Современник", литерат. журн., изд. А. П. 1836. т. I, II, III и IV; Сочин. 8 т., 1838, к ним 3 т. дополн. в 1841 г. (так наз. *„посмертное"* изд., при участии В. Жуковского и др.); Сочин. изд. *П. В. Анненкова*. 6 т., 1855 г., и 7-й т., 1857 г.; Сочин. 6 т., изд. *Я. А. Исакова*, под ред. Г. Геннади, 1859—1860; то же 2-е изд., 1869—1872; Стихотв., не вошедшие в последнее собр. его сочин. *Русский (Н. Гербель)*. Берл. 1861 (переизд. 1870); Соч. 6 т., изд. *Я. А. Исакова* под ред. *П. А. Ефремова*, т. I—IV, 1880, т. V, 1881, т. VI, 1878; Сочин. 7 т., изд. *Ф. И. Анского*, под ред. *П. А. Ефремова*, 1882; Соч. 7 т., изд. общ. для пособия нужд. литер. и учен. (так наз. „Изд. Литерат. фонда") под ред. *П. О. Морозова*, 1887; Полное собр. соч. 7 т., изд. *В. В. Комарова*, под ред. *П. А. Ефремова*, 1887; Сочин. с объясн. их и сводом отзывов критики, изд. *Л. Поливанова* для семьи и школы, 5 т., 1887—1888; Сочин. изд. Академии наук. Том I. Лирич. стихотв. 1812—1817, под ред. *Л. Н. Майкова*, 1899, 2-е изд. 1900; т. II. Стихотв. и поэмы 1818—1820. Ред. *В. Е. Якушкина*, 1905; т. III. Стих. и поэмы 1821—1824. Ред. *В. Е. Якушкина* и *П. О. Морозова*, 1912 т.; т. IV. Стих. и поэмы 1825—1827. Ред. *П. О. Морозова*, 1916; т. IX. Критич. статьи. Ред. *Н. К. Козмина* (печат.); т. XI. История Пугач. бунта. Ред. *В. Е. Якушкина* и *Н. Н. Фирсова*, 1914; Переписка. Изд. Академии наук. Ред. *В. И. Саитова*. т. I—1906, т. II—1908, т. III—1911; Сочин., с прилож. биогр. Пушкина, написанной *И. И. Ивановым*. Юб. изд. *Кончаловского*, 1899; Сочин. и письма. 8 т. изд. „Просвещ.", под ред. *П. О. Морозова*, 1903—6; Сочин. 8 т. изд. *А. С. Суворина*, под ред. *П. А. Ефремова*, 1903—1905; Полн. собр. сочин. 6 т. изд. Брокгауз-Ефрон, под ред. *С. А. Венгерова*, 1907—1915; Собр. сочин., т. I, ч. 1. **Лирика.** Изд. Госуд. издат., под ред. *В. Я. Брюсова*, 1919; Сочин. I т. Госуд. изд., под. ред. *Б. Томашевского* и *К. Халабаева*. I изд. 1924, III изд. 1928; Неизданный П. Собр. *А. Ф. Онегина*, 1922, II изд. 1923: Дневник А. С. П. Труды Гос. Румянц. музея. М. 1923; Дневник П. (1833—1835), под ред. *Б. Л. Модзалевского*, 1923; Письма П. и к П. Собр. *М. Цявловский*. М. 1925 (дополн. к академич. изд. переписки); Письма П. под ред. *Б. Л. Модзалевского*, т. I. (1815—1825), 1927; т. II (1826—1830); Гавриилиада, изд. под ред. *В. Брюсова*, 1918, под ред. *Б. Томашевского*, 1922; см. также тексты П., не включенные в собр. его сочин., в изд. „Наш Труд", № 2, 1924; „Атеней", сборник 1-й, 2-й и 3-й.—„Русский Соврем.", 1924, № 2, „Жизнь Иск.", 1924, №№ 1 и 24, и в изд. „П. и его соврем".—Сборн. Пушк. Дома на 1923 г. Ср. прежние публикации: *И. А. Шляпкин*, Из неизданных бумаг А. С. П., 1903; *В. Я. Брюсов*, Письма П. и к П., 1903.

III. История текста.

В. Е. Якушкин, Рукописи А. С. П., хранящ. в Румянц. музее в Москве, „Русск. Старина", 1884, февр.-дек.; *В. Е. Якушкин*, О Пушкине, 1899; *М. Л. Гофман*, П. Первая глава науки о П., 2 изд. 1922; Сб. „Творческая история", под ред. *Н. К. Пиксанова*. М. 1927 (статьи *В. Н. Стефанович*, Из истории „Кавк. пленника" П., и *Г. Н. Фрида*, История романса П. о бедном рыцаре).

IV. Биография П.

Н. О. Лернер, Труды и дни П., изд. 2-ое, 1910; *П. В. Анненков*, Матер. для биогр. П., 1855 и 1873; *Я. К. Грот*, П., его лицейск. товарищи и наставн., 2 изд. 1899; *К. Я. Грот*, Пушк. лицей, 1911; *В. П. Гаевский*, П. в лицее и лицейские его стих., „Соврем." 1863, кн. VII и VIII; *П. Е. Щеголев*, Пушкин, 1912; *П. И. Бартенев*, П. в южной России, послед. изд. 1911; *П. В. Анненков*, П. в Александр. эпоху, 1874; *Б. Л. Модзалевский*, П. под тайным надзором, посл. изд. 1925; *П. Е. Щеголев*, Дуэль и смерть П., 1916, посл. изд. 1927; *А. С. Поляков*, О смерти П., 1921; *А. Н. Гастфрейнд*, П. Докум. госуд. и С.-Петерб. главн. архива минист. иностр. дел, 1900; Дела III отделения о П., 1906; *Л. Н. Майков*, П., 1895; Рассказы о П., запис. *П. И. Бартеневым*, ред. *М. А. Цявловского*, 1925. Недостоверны: *Л. Павлищев*, Воспоминания об А. С. П., 1899, и фальсифицированные *записки А. О. Смирновой*, 1895, равно как разные свидетельства о П. *Гоголя*.

Краткие популярные биогр. П.: В. Я. Стоюнин, А. С. П., 2 изд., 1906; *А. И. Кирпичников*, Оч. по ист. нов. русск. лит., т. II, 1903; П., Оч. жизни и творч. (*Н. В. Измайлова* и *Б. Л. Модзалевского*), 1924.

V. Критика и общая оценка творчества.

В. Зелинский, Русск. критич. литер. о произвед. А. С. П. 7 ч., 1887—1899 (кончая критикой 50-х гг.); *В. И. Покровский*, А. С. П.. сб. истор.-литер. стат. 1916; *В. Г. Белинский*, Статьи о П. „Отеч. зап." 1844, №№ 2, 3, 5 и 12, 1845, №№ 4 и 11, 1846 № 10. *Г. В. Плеханов*, Литер. взгляды Белинского (сб. „За 20 лет", 1905); *Н. Г. Чернышевский*, П. „Соврем.", 1855, №№ 2, 3, 7 и 8; *Ап. Григорьев*, Взгляд на русскую литер. со смерти П. „Русск. Сл.", 1859, №№ 2 и 3; *его же*, Народность и литер. „Время", 1861; *Д. И. Писарев*, П. и Белинский, „Русск. Сл." 1865, №№ 4 и 6; *Ф. М. Достоевский*, Речь о П. „Дневник писателя", 1880 (см. Достоевский и П.", сб. под ред. *А. Л. Волынского*, 1921); *Н. Страхов*, Заметки о П. и др. поэтах, 1913; *Д. С. Мережковский*, Вечные спутники, 1897, 3 изд. 1906; *М. О. Гершензон*, Мудрость П., 1920; *его-же*, Гольфстрем, 1922; *его-же*, Статьи о П., 1926; *Д. Овсянико-Куликовский*, П.; сочинения О.-К., т. IV; *его-же*, Произведения П. в стихотв. форме. „История русск. литер.", XIX вып. изд. „Мир"; *Н. О. Лернер*, Проза П., 1923; *Н. А. Котляревский*, П. как историческая личность, Берлин. 1925; *Ю. Н. Тынянов*, Речь по поводу 90-л. смерти. „Ленингр. Правда", 10 февр. 1927; *А. В. Луначарский*, Литерат. силуэты, 1923.

VI. Истор.-литер. изучение творчества П.

В. В. Сиповский, Жизнь и творчество, 1907; *А. И. Незеленов*, П. и его поэзия (1799—1826). 1882; *его-же*, Шесть статей о П., 1892; *Н. Сумцов*, Этюды о П., 1899; *П. Владимиров*, П. и его предшеств. в русской литер. („Памяти П."), Киев. 1899; *В. П. Семенников*, Радищев, 1923; *Е. Сидоров*, Литер. общ. „Арзамас" („журн. Мин. нар. прос.", 1901 №№ 6 и 7); *Н. М. Данилов*, П. о Державине, 1916; *его же*, П. и Карамзин, 1917; *И. Н. Розанов*, Кн. Вяземский и П. (Сб. об-ва Ист. Лит.), вып. I. 1915); *Ю. Н. Тынянов*, П. и архаисты („П. в мировой литер."), 1926; *его-же*, П. и Тютчев (Сб. „Поэтика". I) 1926; *Н. К. Кульман*, Отношение П. к романтизму (Сб. „Памяти Л. Н. Майкова"), 1902; (Ср. „П. и его соврем." в. 23—24); *С. Любомудров*, Античн. мотивы в поэзии П. (Изд. 2-е). 1901; *П. Черняев*, П., как любитель античн. мира, 1899; *Н. П. Дашкевич*, Статьи по новой русск. литер., 1914; *Алексей Веселовский*, Западн. влияние в нов. русск. литер., 1916; *его-же*, Этюды и характер.. 1907; *А. Мазуэ*, Ce que doit P. aux écrivains français („Revue Bleue", 13 août. 1904); *В. М. Жирмунский*, П. и Байрон, 1924; *В. В. Сиповский*, П., Байрон и Шатобриан, 1899; *В. А. Розов*, П. и Гете, 1908; *В. Д. Спасович*, П. и Мицкевич у памятн. Петра Вел. (соч. т. II); *П. В. Владимиров*, Происхождение „Русл. и Людм." А. С. П. („Киевск. унив. изв.", 1895. № 6); *П. Н. Шеффер*, Из замет. о П. „Русл. и Людм.", 1902; *Н. Павлов-Сильванский*,

Народ и царь в трагедии П. (Оч. русск. истор. XVIII—XIX в., 1910); *М. О. Гершензон*, Комментарии в изд. А. П. „Граф Нулин", 1918; *В. О. Ключевский*, Евг. Онегин и его предки („Очерки и речи"), 1913; *Б. М. Эйхенбаум*, Путь П. к прозе (Сб. „Пушкинист", IV. 1923); *А. К. Бороздин*, И. П. Белкин и его произвед. (Собр. сочин., т. 2), 1914; *А. Г. Горнфельд*, Моцарт и Сальери (О русских писат., т. I), 1912; *А. А. Чернышев*, Заметка о „Скупом Рыцаре" П. (*Сб. „Памяти Л. Н. Майкова"*), 1902; *Н. И. Черняев*, Капит. дочка" П., 1897; см. также ст. в собр. соч. П. под ред. Л. Поливанова, 1887, и С. А. Венгерова, 1907—1915; *В. Ходасевич*, Статьи о русской поэзии (Петерб. повести П.; о Гавриилиаде; Колеблемый треножник), 1922; *его-же*, Поэтич. хозяйство П., кн. I, 1924; *Ю. Айхенвальд*, П. (изд. 2), 1916; *Г. И. Чулков*, П. и театр („Гол. Мин." 1923, № 3).

VII. Поэтика П.

Ф. Е. Корш, Разбор вопроса о подлинности окончания „Русалки", 1899 (Ср. сб. „Подделка Русалки", 1900); *С. П. Бобров*, Новое о стихосложении П., 1915; *А. Белый*, Символизм (Морфология русского 4-ст. ямба), 1910; *Б. М. Эйхенбаум*, Проблема поэтики П. („Сквозь литер."), 1924; Очерки по поэтике П. *(Б. В. Томашевский*, Пятист. ямб П.; *П. Г. Богатырев*, „Гусар"; *В. Б. Шкловский*, Евг. Онегин (П. и Стерн). Берл., 1923); *В. М. Жирмунский*, Вал. Брюсов и наследие П., 1922; *В. Я. Брюсов*, Левизна П. в рифмах („Печ. и рев.", 1924, кн. 2); *его-же*, Звукопись П. („Печ. и рев.", 1923, кн. 2); *М. А. Петровский*, Морфология пушк. „Выстрела" (сб. „Проблемы поэтики"), 1925.

VIII. Язык Пушкина.

Е. Ф. Будде, Опыт грамматики языка П., ч. I. 1904; *В. Водарский*, Матер. для словаря П. прозаич. языка („Филол. Зап.", 1901); *Л. В. Щерба*, Опыт лингвист. толкования стих. „Воспоминание" (сб. „Русская Речь", вып. I. 1923); *Г. О. Винокур*, П.—прозаик („Культура языка"), 1925; *Н. П. Некрасов*, К вопросу о значении П. в истории русск. литер. языка (Сб. журн. „Жизнь". 1899).

IX. Общественные взгляды П.

Р. Е. Якушкин, П. и Радищев. („О Пушкине"), 1899; *А. Л. Слонимский*, Политич. взгляды П. („Истор. Вестн.", 1904, № 6); *Б. М. Эйхенбаум*, П.—поэт и бунт 1825 г. („Вестн. Знан." 1907, кн. I); *П. Н. Сакулин*, П. и Радищев, 1920; *В. Я. Брюсов*, П. и крепостное право („Печ. и револ.", 1922, кн. 2); *Д. Д. Благой*, Классовое самосознание П., 1927.

X. Сборники, посвященные П.

„Пушкин и его современники". Вып. I. *Б. Л. Модзалевский*, Поездка в с. Тригорское в 1902 г.; В. II. *В. В. Каллаш*, П., Полевой и Булгарин, 1904; В. III. *Е. А. Бобров*, П. в Казани; *В. В. Сиповский*, П. и Рылеев, 1905; В. IV. *В. И Срезневский*, Пушк. коллекция А. А. Майковой; 1906; В. V. *Н. К. Пиксанов*, Несостоявшаяся газета П. „Дневник"; *Е. А. Бобров*, Полежаев о П.; В. VI. *С. А. Переселенков*, Матер. для истории отношений цензуры к А. С. П.; *А. Г. Фомин*, Матер. тургеневск. архива; В. VII. *Д. Ф. Кобеко*, Альбом Энгельгардта; *П. Е. Щеголев*, Зеленая Лампа; В. VIII. *Е. Г. Вейденбаум*, Кавказск. знакомцы П., 1908; В. IX—X. *Б. Л. Модзалевский*, Библиотека П., 1910; В. XI. *П. Е. Щеголев*. П. в политич. процессе 1826—1828 г.; В. XII. *Б. Л. Модзалевский*, Рукописи Онегинского музея; *Н. О. Лернер*, Новооткрытые страницы П., 1909; В. XIII. *П. О. Морозов*, I. Шифров стих. П., II. Эпиграмма на пер. Илиады; *Н. О. Лернер*, Восстань, восстань, пророк России; *Б. Л. Модзалевский*, Архив опеки; *П. Е. Щеголев*, К тексту П.; *Н. О. Лернер*, Заметка П. об „Адольфе", 1910; В. XIV. *Н. О. Лернер*, Ранняя любовь П.; *П. Е. Щеголев*, Из разысканий в обл. биографии и текста; В. XV. *Н. О. Лернер*, Новое письмо П.; Письма О. С. Павлищевой мужу; *Н. Н. Трубицын*, Народные песни, запис. П.; *А. Л. Бем*, О влиянии Шатобриана на П., 1911. Вып. XVI. *А. Егоркин*, П. и цензура; *М. Л. Гофман*, Баратынский о П., 1913; В. XVII—XVIII. *М. А. Цявловский*, П. и английский язык, Письма С. С. Пушкиной к мужу; *А. С. Ганнибал*, Ганнибалы. I; *А. С. Поляков*, П. и Пнин, 1913; В. XIX—XX. *Д. Габричевский*, „Странник" П.; *М. А. Цявловский*, П. по докум. Погодинск. архива. I; *П. Н. Столпянский*, П. и „Северная Пчела". I *А. С. Ганнибал*, Ганнибалы. II. 1914; В. XXI—XXII. Дневник Вульфа с прим. М. Л. Гофмана, 1915; В. XXIII—XXIV. *П. Е. Щеголев*, Неизд. ст. П. об альм. „Сев. Лира"; *М. Л. Гофман*, Отзыв П. о „Карелии" Глинки; *А. И. Малеин*, П. и Овидий; *Д. Н. Соколов*, П. в Оренбурге; *М. А. Цявловский*, П. по докум. Погод. арх. II; *П. Н. Столпянский*, П. и „Северная Пчела". II; Письма О. С. Павлищевой к мужу; *В. В. Сиповский*, П. и романтизм; *А. А. Чебышев*, Мериме, 1916; В. XV—XVII. *П. Е. Щеголев*, Дуэль и смерть П., 1916; В. XVIII. *Б. Л. Модзалевский*, Новые строки П. („Акафист Карамзиной"); *Н. В. Яковлев*, Бари Карнуоль; 1917; В. XXIX—XXX. *В. Л. Комарович*, Достоевский и „Егип. Ночи"; *Н. К. Замков*, I. К цензурной истории, II. Архивные мелочи, III. П. и Ф. И. Глинка; *Б. В. Томашевский*, Ритмика 4-ст. ямба по стиху „Евгения Онегина"; *С. П. Бобров*, Описание ст. „Виноград". 1918; В. XXXI—XXXII. *Н. В. Измайлов*, Из истории текста „Анчар"; *В. Н. Писная*, Фабула „Уединенного домика на Васильевском"; *М. Д. Беляев*, Соболевский о П.; *Ю. Г. Оксман*, Из истории печатного текста; *П. Н. Столпянский*, П. и „Сев. Пчела". III. 1927; В. XXXIII—XXXV. *М. Л. Гофман*, I. Пропущенные строфы „Евгения Онегина", II. Посмертн. стих. П., 1922; В. XXXVI. *Н. О. Лернер*, Стихотв. складчина П. и Дениса Давыдова, *Н. В. Яковлев*, Об источн. ст. „Цыганы"; *Б. В. Томашевский*, П. и m-me Staël, 1923; В. XXXVII. *Б. Л. Модзалевский*, Новое письмо П. к отцу; 20 октября 1836 г.; *М. Н. Розанов*, П. и Данте; *Ю. Г. Оксман*, Легенда о стихах Ленского) *Н. В. Измайлов*, Роман на Кавк. водах; *Д. П. Якубович*, Реминисценции из В. Скотта в „Повестях Белкина".

„Памяти Пушкина", сб. ст. преподав. и слушат. Спб. универс., 1900; *Ф. Д. Батюшков*, П. и Расин; *С. К. Булич*, П. и русская музыка; *И. Н. Жданов*, „Русалка" П. и Генслера; *Н. К. Козмин*, Взгляд П. на драму; *В. В. Гиппиус*, П. и журнальная полемика; *С. И. Поварнин*, „Русский Пелам";

„А. С. П.", изд. ж. „Русск. Библиоф." 1911; *А. Г. Фомин*, Новые рукописи А. С. П. (архив Тургеневых); *В. В. Майков*, Из дневника Б. М. Федорова.

„Пушкинист". Вып. I. 1914; В. II. *Б. М. Энгельгардт*, Историзм П.; *А. А. Тамамшев*, Опыт анализа осенних мотивов в творч. П.; *А. А. Попов*, П. и франц. юморист. поэзия XVIII в.; *Ю. Г. Оксман*, Драма П. о Пиниссе, 1916; Вып. III. *М. О. Лопатто*, I. Повести П., II. Эпитеты XIII гл. „Капит. дочки", 1918; Вып. IV. Памяти С. А. Венгерова; *М. К. Клеман*, Текст лицейск. стихов П.; *Д. И. Выгодский*, Из эвфонических наблюдений; *Б. М. Эйхенбаум*, Путь П. к прозе; *Ю. Н. Тынянов*, Ода Хвостову; *Н. В. Яковлев*, Об источниках „Пира во время чумы"; *А. Л. Слонимский*, О композиции „Пиковой Дамы"; *А. С. Долинин*, П. и Гоголь; *Б. В. Томашевский*, П.—читатель французских поэтов; *Е. Г. Кислицына*, К вопр. об отношении Пушкина к религии; *В. П. Дяганов*, Приписьв. П. эпигр. на Фотия; *Д. П. Якубович*, К стих. „Таится пещера"; *С. И. Бернштейн*, О методолог. значении фонетич. изучения рифм, 1923.

„Пушкин". Сб. I, ред. Н. К. Пиксанова (Пушк. комисс. О-ва люб. рос. словесн., 1924); *П. Н. Сакулин*, Памятник нерукотворный; *В. Я. Брюсов*, П.—мастер; *М. А. Цявловский*, Тексты „Гавриилиады"

„П. в мировой литературе". (Научно-исслед. инст. при Л. Г. У.), 1926; *С. Я. Лурье*, „Гавриилиада" П. и апокриф. евангелия; *Б. В. Томашевский*, П. и Буало; *С. В. Савченко*, Элегия Ленского и франц. элегия; *Н. К. Козмин*, П. о Байроне; *Н. В. Яковлев*, Из разысканий о литерат. источниках в творчестве П.; *Д. П. Якубович*, Предисл. к „Повестям Белкина" и Вальтер Скотт; *Ю. Н. Тынянов*, Архаисты и П.; *Н. В. Измайлов*, П. и В. Одоевский.

„Пушкин". (Одесск. Дом ученых. Пушк. комиссия. Ред. М. П. Алексеева); Вып. I. *Б. В. Варнеке*, Источн. и замысел „Бор. Годунова"; *М. П. Алексеев*, Мелкие заметки о „Гавриилиаде"; 1925; Вып. II. *В. И. Семенов*, П. и греч. восстание; *Б. В. Варнеке*, П. и актеры; *М. П. Алексеев*, К „Ист. села Горюхина".

„Моск Пушкинист". I. 1927 (Ред. М. А. Цявловского).

Б. Томашевский.

товке стиха, играющей, т. обр., смысловую роль). Это отношение к слову не как обозначающему предмет, не в его номинативной функции, а только как к вызывающему ассоциативные ряды, лексически окрашенные — делают слово у П. двупланным.

Семантическая двуплановость стихотворения „Аквилон", 1824 г. („Недавно дуб над высотой В красе надменной величался, Но ты поднялся, ты взыграл... И дуб низвергнул величавый"), семантическая связь его с революцией декабристов не подлежит сомнению, так же как двуплановый смысл стихотворения „Арион" („Нас было много на челне... Погиб и кормщик и пловец. Лишь я, таинственный певец, на берег выброшен грозою"). В стих. „Герой", где изображается Наполеон, обходящий и ободряющий чумных больных, и где этот „возвышающий обман" опровергается „низкой истиной" прозаического примечания о том, что этого не было — было написано во время холеры в Москве и посещения Москвы Николаем. Неудачи польской кампании совпадают с воскрешением 1812 г. в стихотворении „Перед гробницей святой", посвященном Кутузову: „Иди, спасай, ты встал и спас", при чем последние строфы, явно обнаруживавшие современный смысл, — П. не печатал.

Подобным же образом безупречно выдержанная в стиле „подражания латинскому" ода „На выздоровление Лукулла", относящаяся к тому же 1835 г., является пасквилем на гр. С. С Уварова. („Пасквиль" в 20-х — 30-х годах был совершенно законным жанром, имевшим такого славного представителя, как сатира „На Временщика" Рылеева. Ср. „Опыт Науки изящного", Галича, 1825 г., где сатира делится на сатиру личную (пасквиль), частную и общую). Но не следует думать, что нужно просто подставлять предметных героев в стихотворения; предметный герой сосуществует со своим стиховым двойником. Вся суть в колебании этих двух планов

Стих. „К Н.***" („С Гомером долго ты беседовал один"), выдержанное в высоких антично-библейских лексических рядах, вызвало, на ример, легенду об „адресате", изложенную Гоголем: „адресатом" Гоголь назвал Николая. В последнее время доказано, что стихотворение относится к Гнедичу. Но Гнедич оказывается только „предметным" адресатом, стоящим вне стихотворения. Он не лезет в текст, в силу непроницаемой семантической окраски стихотворения. Предметный герой не дан, а задан. Семантическая система П делает слово у него „бездной пространства", по выражению Гоголя. Слово не имеет поэтому у П. одного предметного значения, а является как бы колебанием между двумя и многими. Оно многосмысленно. Послание Катенину „Напрасно, пламенный поэт" может быть воспринято как дружеское и даже в известной части комплиментарное, тогда как на самом деле в нем есть два плана: „предметных" укоризн и насмешек, лексически преобразованных в противоположное.

Семантика П. — двупланна, „свободна" от одного предметного значения, и поэтому противоречивое осмысление его произведений происходит так интенсивно.

Легко заметить результаты эволюции: тогда как лицейский П. движется почти исключительно в лирических жанрах, П. после перелома, окончательные результаты которого мы только-что очертили (но процесс которого углублялся и расширялся хотя и с катастрофической быстротой, но, разумеется, последовательно) является поэтом большой формы. Лицейская лирика, так. обр., была как бы опытным полем для эпоса, так же как естественно и органически эпос повел впоследствии П к стиховой драме. Позднейшая лирика уже не имеет этого характера.

К 1815 г. относится первый серьезный эпический опыт П. „Бова". „Батюшков, который в то время уже решился изменить эпикурейское направление своей поэзии и настаивал на том, чтобы Жуковский занялся поэмой о Владимире Святом, подал и юноше П. совет посвятить свой талант важной эпопее" (Л. Майков). Свидетельство о том сохранил нам сам П. во втором своем послании к Батюшкову, относящемуся к 1815 г., где он отказывается от предложения Батюшкова.

Неудача Жуковского и отказ П. в деле создания важной героической эпопеи понятны: работа карамзинистов слишком изменила характер литературы и опорочила грандиозные жанры. Пушкинский „Бова" начинается с того же, чем кончается послание к Батюшкову: с отказа от эпопеи и ее тем и от всего строя старой литературы, которая ее позволяла осуществлять. Выбор фантастически-народной темы был вполне понятен в ту пору: „легкие" эпические произведения XVIII века и карамзинистов его подсказывали. „Бова" остался незначительным и недоведенным до конца опытом.

Это объясняется тем, что П. не наткнулся еще на разрешение важнейших вопросов поэтического стиля Условная маска карамзинистского поэта-„causeur'a" была достаточно выработана уже Карамзиным („Илья Муромец") и Херасковым („Бахариана"). (Поэма является близким подражанием „Илье Муромцу" Карамзина). Стиль поэмы представляет неорганическое

смешение предметных рядов, характерное для всей его лицейской продукции. Главным элементом, который повлек за собою всю систему, был здесь метр. Метр, которым написана поэма (4-стопный безрифменный хорей с дактилическим окончанием), употреблялся ранее Карамзиным, Херасковым („волшебная" повесть „Бахариана или неизвестный"),—это был метр легкой сказки, conte, метр сугубо говорный, „козёрский".

„Руслан и Людмила" задумана в лицейское время. П. работал над нею в годы перелома, окончена она в 1820 г. Ни одна поэма, по свидетельству Анненкова, не стоила П. столько труда, и не одна не вызвала такого негодования и восхищения. Этою поэмою П. совершает жанровую революцию, и вне понимания ее не может быть осознан пушкинский эпос.

Карамзинисты и теоретически, и практически уничтожили героическую поэму, но вместе с ней оказался уничтоженным эпос, большая форма вообще: несмотря на размеры, иногда довольно значительные, „сказка", „conte", воспринималась как младший жанр,—как мелочь.

В „Руслане и Людмиле" П. принимает жанр сказки, но делает ее эпосом, большой эпической формой. Связь с „Бовой" в „Руслане и Людмиле" сказывается как тематическим, фабульным материалом сказки (ср. даже деталь: напр., „чох" немца лекаря в „Бове" со знаменитым „чохом" головы в „Русл. и Люд."), так и наличием и характером авторского лица. И то и другое, однако, изменилось.

Поэма написана 4-стопным ямбом. 4-стопный ямб, с которым связаны главные поэмы П., представлял ряд условий, важных для смысла, слова и жанра поэмы. Прежде всего, с ним не была связана определенная жанровая окраска: четырехстопным ямбом писались в XVIII—XIX веках и оды торжественные, и оды „горациански-анакреонтические" (Капнист), и бурлескно-пародические поэмы XVIII века („Энеида" Осипова), и „conte", сказки („Сон" Козодавлева), и, наконец, послания. Всё, за исключением героической поэмы. Ко времени написания „Руслана и Людмилы" 4-стопный ямб был по преимуществу лирическим стихом, а в посланиях очень быстро исчезла определенная замкнутая строфа, чем стих этот стал удобен для неравномерных стиховых абзацев и чем он получил большую свободу в чередовании, количественном и качественном,—строк с мужским и женским окончанием.

Эта неопределенная жанровая функция метра освобождала П. от ассоциаций с готовыми эпическими жанрами как старшими, так и младшими и давала возможность легкого перехода от повествования в собственном смысле к лирике.

В „conte" с говорным стихом авторское лицо, лицо рассказчика, доминировало и окрашивало всю ткань: в „Бове" перед нами чистое явление стихового сказа, подсказанное самым метром поэмы. В „Руслане и Людмиле" авторское лицо появляется и исчезает. Оно дано в виде обращений к читателю, риторических вопросов, замечаний и, наконец, выделено в особые группы, так наз. „отступления". „Отступления" были характерны и для эпоса карамзинистов, но благодаря говорному стиху не осознавались как отступления: все было в одинаковой мере „рассказом" (так называли тогда „сказ").

Гибкий четырехстопный ямб, как губка, впитывал в себя лирику, и лирика была ощутительна, как „отступление". Таковы элегические „отступления" в песне I, песне V, таков же элегический зачин VI песни. Зачины же песен II — IV были как бы посланиями, переселившимися в поэму, а песня дев в IV песне поэмы — вставным романсом. И автор, и читатель меняются в продолжение поэмы в зависимости от самого материала. Автор — то эпический рассказчик, то иронический болтун-causeur, забывающий, о чем идет речь (песнь V, „Да впрочем дело не о том". „Но полно, я болтаю вздор"). Это происходит оттого, что жанр поэмы оказался комбинированным: в „младший эпос", в conte, замешалась лирика (элегия, послание, а в картине боя — и ода).

П. остается в пределах conte—по отношению к теме (волшебная народная сказка) и по вытекающей из темы сложной фабуле (ср. сложность фабулы в „Бахариане" и др.), но гибкость и переменность материала, а вместе и способа его подачи, (авторское лицо) выводит его на новую дорогу. Оставаться в кругу лексического однообразия „среднего штиля", выработанного карамзинистами, П. не мог. Оно есть в поэме кусками. Но переход из одного тона в другой требовал нового стиля.

К 1818 г. относится кризис карамзинизма, к тому же году относится сближение П. с архаистом Катениным. Элементы „высокого и низкого" штилей взамен нормативного однообразия „среднего штиля" были использованы П. для различной окраски материала: в, а „низкий" словарь—для новой трактовки „народности". В итоге поэма перестала быть „легкой сказкой", на основе „младшего эпоса" вырос комбинированный жанр с использованием других лирических жанров, что еще подчеркнуто лирическим эпилогом, и с частичным переходом в героический эпос (знаменитый

„бой“ в VI песне, послуживший образцом для Полтавского боя в „Полтаве“ и для лермонтовского „Бородина“; Кюхельбекер ставил его выше, чем бой в „Полтаве“).

Поэма, будучи по тематической основе „легкой сказкой“, имела все притязания стать новым большим эпосом. Это было подлинной жанровой революцией. Озлоблены были вовсе не старшие архаисты, как это обыкновенно изображается, а либо „беспартийные консерваторы“, либо те же старшие карамзинисты и близкие к ним. Воейков, описательный поэт, писавший в стиле старших карамзинистов и близкий к ним, нападал на „подлость“ слов в поэме. „Житель бутырской слободы“ возмущался тем, что „народная сказка“ преподнесена серьезно. Вожди старших карамзинистов не поняли, не увидели поэмы: Карамзин назвал ее „поэмкой“, т.-е. принял за мелочь, Дмитриев сравнивал ее с пародическим бурлеском XVIII века — „Элеидой“ Осипова и осуждал ее эротизм.

П. был, разумеется, неравнодушен к этой словесной войне. Уже в 1828 г., переиздавая 2 м изд. поэму, он написал к ней предисловие, в котором бесстрастно выписал все бранные отзывы, оставив их без возражения. Тем явнее была ирония. К одной критике отнесся П., однако, особо внимательно — это была статья, которая вышла из круга Катенина и которую П. сначала приписывал Катенину, и состояла в ряде вопросов о фабульных невязках в поэме („слабость создания поэмы“). С последним П. был согласен („Заметка о „Рус. и Люд.“).

Вместо того, чтобы „увязывать“ фабулу, он начинает строить свой эпос вне фабулы. Полный отказ от „conte“, разрыв с этой традицией, влечет за собою отказ от сложной, развитой фабулы и развитие всех результатов комбинированного жанра „Рус. и Люд.“. В „Рус. и Люд.“ обнаружились как бы два центра „интереса“, динамики: 1) фабульная, 2) внефабульная. Сила отступлений была в не включении из плана в план. Выступало значение этих „отступлений“ не самих по себе, не статическое, а значение их энергетическое: переключение, перенесение из одного плана в другой само по себе двигало. Подобно этому сравнение и вообще образ у П. в этой поэме перестал быть уподоблением, сравнением предмета с предметом: он тоже стал средством переключения. Похищение Людмилы сравнено с тем, как похищает коршун у петуха курицу. Переключение из „страшного замка колдуна“ в курятник — огромной силы, удавшееся вовсе не из-за слабого слова „так“ („Так видел я“), а благодаря стилистической образной связи: петух— „султан курятника спесивый“, „трусливая курица“,—„подруга“, „любовница“, коршун —„цыплят селенья старый вор“, „приявший губительные меры“, „злодей“. Что это оказалось устойчивым результатом в применении образа, явствует из подобного же образа-отступления в „Онегине“—„о волке и ягненке“ и в „графе Нулине“—„о кошке и мыши“.

При этой внефабульной динамике сами герои оказались переключаемыми из плана в план. Остались, в сущности, только амплуа героев, на которые нагружается разнообразный материал. Самым широким по захвату фабульного материала и самым невесомым оказался главный герой.

„Кавказским пленником“ сразу же после „Рус. и Люд.“ открывается ряд „южных“ поэм П. Есть ряд литературных условий, при которых исторический и современный национальный материал становится литературным, в частности поэтическим. „Руслан и Людмила“ была сказкой, в которой была подновлена (относительно) „народность“, что и выразилось в противоречивом эпитете П. „русский Ариост“, который носится в 20 х гг. Выход в экзотику, как это ни странно, совпадал с теоретическим требованием „народности“ в новой литературе, назвавшей себя „романтическою“: так, О. Сомов в трактате о романтизме 1823 г. указывает на живописность национальных материалов, в которые зачисляет и Сибирь, и Украину, и Кавказ, и Крым. Так, экзотические поэмы П. были в сознании современников романтическими не только в силу их построения, рвавшего со старой эпической традицией, но и по материалу. В „Кавказском Пленнике“ этот переход на „национальность“ и на „современность“ в фабуле закреплен эпилогом, который Вяземский называл „славословием резни“ (кавказской). В соответствии с этим „Кавказский Пленник“ уже не „поэма“, а „повесть“, по пушкинской терминологии (на которой он впрочем не настаивал). Принципы новой вещи были яснее всего указаны самим П.: „повесть, поэма или что вам угодно“; „описание нравов черкесских не связано с происшествием и есть не иное что, как географическая статья или отчет путешественника“. „Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести, но все это ни с чем не связано и есть истинный hors d'oeuvre“. Примат материала, вытесняющего фабулу, ведет к простоте плана: „Простота плана близко подходит к бедности изобретения... Легко было бы оживить рассказ происшествиями, которые сами собой истекали бы из предметов. Черкес, пленивший моего русского, мог быть любовником его избавительницы; мать, отец и братья ее могли иметь каждый союз роль, свой ха-

рактер; всем этим я пренебрег: во-первых, от лени; во-вторых, оттого, что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, когда обе части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имел я духа".

Главный герой — герой лирический. Он был неудачной пока попыткой П. обратить свободного героя в *характер*, попыткой психологизации, удавшейся значительно позднее: „Кавказский Пленник"—первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил. Он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам". „Характер пленника неудачен. Это доказывает, что я не гожусь в герои романтического стихотворения". И, однако, это все же попытка создать характер на основе „свободного героя", а не оставить „амплуа": „Зачем не утопился мой пленник вслед за черкешенкой? Как *человек*, он поступил очень благоразумно, но в *герое* поэмы не благоразумие требуется". Перевес „человека" над героем был у П. намеренным.

Повесть была снабжена примечаниями. Примечания пояснительные к неизвестным словам и названиям—прием общий и прозе и стихам того времени. Некоторые примечания к поэме носят уже характер дополнительных сведений, замечаний путешественника о климате Грузии и ее песнях. Примечания эти интересны как прямой ввод читателя в методы работы, как обнаружение прозаических материалов и связывание стиха с ними. Но особенно любопытны примечания П., касающиеся литературных источников поэмы. П. приводит длинную выписку из державинской „Оды к графу Зубову" и из послания Жуковского к Воейкову; последнее было действительно пушкинским источником. Дело было, м. б., в том, что, „заимствование" вовсе не считалось в 20 х гг. грехом, и ему противопоставлялась самая обработка мотива, при чем упор на *точность* описания выделял пушкинскую обработку материала, а кроме того — дело было и в жанровой разнице источников и поэмы. С этой точки зрения— „Послание к Воейкову" Жуковского особенно любопытно: немногим по размерам уступая поэме П., оно остается посланием, между тем как тот же описательный материал, поставленный в сюжет и играя там роль сюжетную (временных перерывов, торможения, замены фабульных мотивов), давал ощущение большой формы (хоть он и был „hors d'oeuvre", по выражению П., но вся вещь на нем и держалась).

Главным результатом этого упора на описание была новая трактовка сюжета. Основными для изображения героев и положений стали описательные детали [1]). Описание означает временные перерывы, и, наконец, самая сюжетная развязка дана не прямо: „Вдруг волны глухо зашумели и слышен отдаленный стон... И при луне в водах плеснувших струистый исчезает круг".

В связи с упором на описание, авторское лицо, по сравнению с „Русл. и Людмилой", —в поэме спрятано (единственное прямое *авторское* отступление в I части 1—8 строк: „не вдруг увянет наша младость"), а элегия дана монологом героя—и точкой зрения, ракурсом героя оправданы описания.

По поводу „Кавк. Пленника" и южных поэм существует обширная литература о байроновском влиянии. Эту тему необходимо, конечно, ограничить: принципы конструкции этих поэм развились как результаты, ставшие ясными П. после „Рус. и Людмилы", и связаны исторически со „сказкой", conte. Знакомство с Байроном могло их только поддержать и усугубить. В области же героя влияние Байрона, несомненное, впрочем, сильно осложняется тем, что герой по самому своему положению в поэме был рупором современной *элегии*, — стало быть, конкретизацией стилевых явлений в лицо. В итоге внефабульного развития сюжета поэма по размерам получалась значительно меньше „Рус. и Люд.", а в итоге оперирования описательным материалом, как временными сюжетными элементами, она оказалась фрагментарной, с большой ощутимостью абзацев (характерен вставной номер, „Черкесская песнь", со сложной строфой).

Этот путь последовательно довел П. до поэмы-фрагмента в „Братьях-разбойниках". Основанный на действительном происшествии, свидетелем которого был сам П. в Екатеринославе, сюжет есть дальнейшее углубление непосредственной связи с конкретным материалом, и если он оказался „tour de force", виною этому — полное исчезновение авторского лица и ведение рассказа через героя: для лирического сказа от имени героя не оказалось еще соответствующего стиля. Он колеблется в поэме между „низким стилем" („харчевня", „острог", „кнут") и стилем байронической элегии. „Снижение" героя, взятого с натуры, не удалось из-за этого. Но в этой поэме П. делает попытку добиться интонации действующих лиц, и этот опыт краткой прерывистой речи героя используется им позднее.

В „Бахчис. фонтане" П. точно так же использовал материал путешествия, но впервые в эпосе прикоснулся к историческим материалам, правда, в виде предания: он „суеверно перекладывал в стихи рассказ

---

[1]) Здесь можно говорить о влиянии приемов Байрона.

молодой женщины". Материал восточного предания дан условно и намеренно условно: „Слог восточный был у меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам... Почему я не люблю Мура? Потому что он чересчур уж восточен".

Автор — лирический проводник-европеец по Востоку, и эта его роль дала материал для лирического конца поэмы. В соответствии с этим авторское вмешательство в действие выражается в вопросах и ответах, описывающих самые действия. Метод „описания" обратился в полное завуалирование фабулы, даже самое разрешение фабулы поставлено под знак вопроса. Вместе с тем в поэме продолжались те же методы работы, что и в „Кавк. Пленнике". П. привлекает к изучению материалы („Histoire de Crimée", „Тавриду" Боброва). Вяземский говорит со слов П., что он „пишет поэму „Гарем" о Потоцкой, похищенной которым-то ханом, *событие историческое*". Посылая поэму Вяземскому, П. в качестве материала для предисловия приложил „полицейское послание". Рисунок фонтана не был приложен к изданию только потому, что все это „верно описано в поэме"; к изданию были приложены примечания документального характера из книг Муравьева-Апостола — „Путешествие по Тавриде" (в 1823 г.). Однако, документ противоречит фабуле поэмы.

Условная фабула в сочетании с условными героями вытравили „документальность". Может быть, в том обстоятельстве, что самые методы работы не развились, причина того, что сам П. ставил „Бахчис. Фонтан" ниже „Кавказск. Пленника".

Невязка условной фабулы с историческим материалом, заставляла либо отказаться от исторического материала, либо от условной фабулы и условных героев. Первое происходит в „Цыганах", второе — в „Борисе Годунове". „Цыганы" завершают первый период эпоса и разрушают его. Экзотический (и вместе национальный) материал южных поэм здесь сугубо снижен, как и герои. „О Цыганах одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и тот — медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазеющей публики. Вяземский повторил то же замечание. Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее. Всего бы лучше сделать из него чиновника или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы: „ma tanto meglio". „Помещик" и „чиновник" еще впереди; но в „Цыганах" снова перед П. возник вопрос о „герое" и „характере". П. становится перед вопросом об изменении героя под влиянием появления второстепенных героев, „страдательной среды" (термин Салтыкова), к которой герой прикреплен. Полное отсутствие „авторского лица", перенесенного в эпилог, и оживление второстепенных героев — повлекло за собой своеобразное положение лирического „героя" среди эпических „характеров". Алеко оказался лицом другого жанрового измерения в ожившей „среде", оторванным от роли и ремесла, которое дано ему автором, и сюжетная катастрофа была в сущности катастрофой литературной: столкнулся лирический, эпический „герой" с эпическими „характерами". Отсюда замечание дамы, Вяземского и Рылеева. „Цыганы" переросли жанровые пределы поэмы, развитие сюжета не только фрагментарно, но и распределились роли автора и героев: автор — эпик, он дает декорацию и нарочито краткий, „сценарный" рассказ, — герои в диалоге, без авторских ремарок, ведут действие. Стиховая ткань эпоса разорвана драматическим диалогом и вставными нумерами. (Разорваны диалогом даже строки). Вместе с тем, она оказалась разорванной и метрически, — впервые в ямбической поэме появились во вставных нумерах другие метры. Так П. оказался перед поэмой, переросшей одновременно „героя", жанр и метр, — очутился перед стиховой драмой.

Подготовительные изучения П. к „Борису Годунову" превосходят по размаху и характеру своему все, практиковавшиеся им до этой поры. Изучения ведутся одновременно и теоретические и материально-документальные.

В области теоретической П. ищет выхода из законов трагедии, связанных с героями и фабулой; в исторически-документальной — более обязательной и новой связи с фактом. „Свободное и широкое развитие характеров" является его задачей. В „Цыганах" оно явилось результатом оживления „страдательной среды". В „Борисе Годунове" — следующий этап: приравнение главных героев к второстепенным.

Русская стиховая трагедия имела две традиции: княжнинскую героическую трагедию и так наз. „романтическую", озеровскую, которую поддерживали карамзинисты. Пересмотр общих вопросов, связанных с карамзинизмом, заставил П. уже в начале 20-х гг. критически отнестись к озеровской драме, основанной на любовной интриге, влекшей неизбежно за собою соответствующую трактовку героев.

Целиком присоединяясь к отрицательной позиции архаистов по отношению к озеровской трагедии и будучи близок к ним в вопросе о „массовой" трагедии, П. об-

ращается не только к материалам национальной истории, но и к национальным источникам этой истории. За жанровую основу он избирает шекспировскую хронику, привнеся в нее, однако, черты и трагедии фабульной, классической: „Вы меня спросите: трагед я моя — трагедия ли характеров или костюмов? Я выбрал наиболее удобный род, но стараюсь соединить их оба". Фабульная интрига вошла в трагедию линией Дмитрия: „С удовольствием мечтал я о трагедии без любви; но кроме того что любовь составляла существенную часть романтического и страстного характера моего авантюриста, Дмитрий еще влюбляется у меня в Марину, чтобы мне лучше высказать странный характер этой последней". Таким образом, фабульная сторона трагедии играет роль подчиненную, роль предлога, свободного поля для того же „вольного и широкого изображения характеров".

В итоге, однако, и жанр „хроники" и жанр „трагедии" оказался снова смещенным. П. называет ее то „трагедией", то „драмой". По тонкому замечанию Л. Поливанова, само пушкинское название — „Комедия о настоящей беде" и т. д. — есть „термин пиес старого русского театра XVII в., далекий от всякой претензии различать виды драматической поэзии, в роде „Комедии о крепости Грубетоне, в ней же первая персона Александр, царь Македонский и т. д." П. называет ее романтической, во-первых, потому, что в ней он обращается к „мутным, но кипящим источникам народной поэзии", и, во-вторых, потому, что жанр самой вещи — комбинированный. Главными чертами „романтизма" для П. являлась „народность" (что было общим в глядом) и новизна или комбинированность жанров (что было далеко не общим взглядом).

„Б рис Годунов" при появлении (1831) был встречен враждебно критикою своего вр мени; причинами были: новый комбинированный жанр и новая стилистико-стиховторная структура, целью которой было „характерное" и которая, развив интонационную сторону поэтической речи, была лишена „картин, игры слов, эффекта в мыслях и выражениях" (отзыв современника). По-новому, под углом характерного разрешался вопрос о поэтических диалектах: „Есть шутки грубые, сцены простонародные. Поэту не должно быть площадным из доброй воли, если можно их избежать; если ж нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным". „Народная", „площадная драма, рассчитанная на идеальные массы зрителя, не удалась. „Простонародные" и комические сцены Надеждин назвал фарсом. П. придавал совершенно особое значение успеху и неуспеху своей трагедии: „С величайшим отвращением решаюсь я выдать на свет „Бориса Годунова. Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы"... „Признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня; ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны законы драмы шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина..." Диалектическим результатом „Бориса Годунова" была для П. выяснившаяся жанровая роль *фрагмента*. Драматическая эпопея, в которой личная фабула была оттеснена на задний план широкой, фактически-документальной исторической фабулой, вызвала массу действующих лиц и была дана монтажем характерных сцен (в „Борисе Годунове" их 24). Важность для П. изображения характеров при массе действующих лиц обострила выбор положений и точку зрения автора в каждой данной сцене. Обн ружилась самостоятельная роль каждой сцены.

Неудача „Бориса Годунова" явилась результатом переоценки „социального заказа". „Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики,— пишет он, предугадывая неуспех трагедии,— и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу врем ни. Это первое признание ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону". Дело идет здесь о „романтизме", а стало быть о материалах и жанрах. Вопросы эти, после неудачи „Б. Год.", с обычным литературным скептицизмом (а вернее, свободой) П. разрешает в диаметрально противоположную сторону. Не характеры, а амп уа (а иногда маски: „Фауст", „Дон-Жуан"). Не площадная драма, а трагедия „костюмов". И вместе с тем, при учете результатов „Бориса Годунова" — преобразование фрагментов в большие жанры. С полной силой эти методы преобразования сказываются уже в „Сцене из Фауста", где насыщенный, сжатый диалог не обращается в отдельные лирические стихотворения, а является подлинной драмой именно благо аря выбору драматического положения. Пространственные и декоративные драматиче кие элеме ты здесь не даны, а введены в самую речь героев, как жесты.

Совершенно естественен второй этап стиховой драмы П., так называемые (и неправильно называемые) „маленькие трагедии" на основе сценарно сжатого диал га. Чер овые заглавия П.—„Зависть", „Скупой", указывают на переход к классической трагедии. Установка на фрагмент сталки-

вает П. с фрагментарной английской трагедией Барри Корнуоля и Вильсона. В итоге и здесь П. дает новый жанр: классической трагедии, преобразованной техникой фрагмента. Любопытны в этом отношении проекты названий П. для драматического цикла: „Драматические сцены, драматические очерки, драматические изучения, опыт драматических изучений". Первые два подчеркивают жанрообразующую роль фрагмента, вторые два указывают, что стиховой жанр был не только новым, но и теоретически нащупывался. Сила драматических аксессуаров, введенных в самую речь, как элемент ее (ср. знаменитую реплику Лауры: „Приди — открой балкон"), так велика здесь, что П. не нуждается в настойчивом проведении одного какого-либо лексического тона, и такие имена, как „Иван" (слуга), такие обращения, как „барин" не разрывают лексической иноземной окраски произведения и вместе с тем доводят ее до минимума, до прозрачности. Так могли пригодиться как материал автобиографические черты в „Каменном Госте" (ссылка П.) и в „Скупом Рыцаре" (скупость отца и известная стычка с ним).

На „Моцарта и Сальери", благодаря его семантической двупланности, обиделся Катенин (П. полемизировал здесь с Катениным), а „Пир во время чумы" написан во время холерной эпидемии.

Трагедия костюмов, данная на иноземном материале, была полна современным автобиографическим материалом.

Между тем работа над „Борисом Годуновым" привела П. к целому ряду общих последствий, и в этом отношении эволюционная роль этого произведения для второй половины творчества П. может быть уподоблена роли „Руслана и Людмилы" для первой.

Работа эта в совершенно новом виде поставила перед П. вопрос о материале. Материал стал для П. здесь *обязательным*, художественное произведение приблизилось к нему, был исключен момент авторского произвола по отношению к материалу,— и этим самым художественное произведение приобрело совершенно новую, внелитературную функцию. Не царом „Борис Годунов" вызвал в критике не только эстетические оценки, но и исторические штудии.

Работа над подлинным историческим материалом необычайно обострила вопрос о методах современной обработки исторического материала: должно ли быть художественное произведение, построенное на историческом материале, археологически-документальным, или трактовать вопросы исторические в плане современном. Уже сличение летописей с историей Карамзина должно было поставить эти вопросы, а внимание П. к Пимену,—этому персонифицированному методу идеальной летописи—доказывает их важность. „Граф Нулин", написанный непосредственно вслед за „Борисом Годуновым", является, совершенно неожиданно, методологическим откликом, реакцией на работу поэта над документами: „В конце 1825 г. находился я в деревне и, перечитывая Лукрецию, довольно слабую поэму Шекспира, подумал: что, если бы Лукреции пришла в голову мысль дать затрещину Тарквинию? Быть может, это охладило бы его предприимчивость, и он со стыдом принужден был бы отступить. Лукреция бы не зарезалась, Публикола не взбесился бы — *и мир и история мира* были бы не те. Мысль пародировать *историю и Шекспира* мне представилась; я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть". Легкая повесть, примыкающая по материалам и стилю к „Евгению Онегину", оцененная критикой как скабрезный анекдот, была методологическим экспериментом. Частая игра словом „нуль" в современной критике в применении к поэме едва ли не совпадает с намеренной игрой самого П. на имени героя.

Крайне любопытно, как Надеждин связывает „Графа Нулина" с „Полтавой". В статье о „Полтаве" он пишет: „Поэзия П. есть просто пародия... П. можно назвать по всем правам гением на карикатуры... По-моему, самое лучшее его творение есть „Граф Нулин". В соответствии с этим, „Полтаву" он называет „Энеидой на изнанку", повторяя упрек Дмитриева по отношению к „Руслану и Людмиле".

Это не только странное непонимание. Причина этого отзыва, может быть, глубже, чем кажется, а упоминание о „Нулине" в связи с „Полтавой" у критика, не знавшего истории возникновения „Графа Нулина", поразительно. „Нулин" возник диалектически в итоге работы с историческим материалом, в итоге возникшего вопроса об историческом материале, как современном.

Дальнейшие шаги в этом направлении сделаны П. в „Полтаве" и „Медном Всаднике". „Двойственность" плана и создания „Полтавы" неоднократно указывалась критикой. Первоначальный интерес к романтико-исторической фабуле (Мазепа—Матрена Кочубей) вырос при исторических изучениях в интерес к центральным событиям эпохи. Это обусловило как бы раздробление центров поэмы на 2: фабульно-романтич. и внефабульно-истор. Поэма, основанная на этих двух центрах, имеет как бы два конца: фабула оказывается исчерпанной во второй песне, а третья песня пред-

ставляет собой как самостоятельное развитие исторического материала с остатками исчерпанной фабулы, играющими здесь роль концовки. Материал перерос фабулу. Поэма является смешанным комбинированным жанром: „стиховая повесть“, основанная на романтической фабуле, соединяется с эпопеей, развернутой на основе оды. (Ср. в особенности бой: „И он промчался пред полками“, и начало эпилога).

Историческая поэма П. после „Бориса Годунова“ двупланна: современность сделана в ней точкой зрения на исторический материал. Обстоятельствами, предшествовавшими появлению „Полтавы“ (1829), были: подавление восстания декабристов, недавняя казнь революционеров, а обстоятельствами современными — персидская и турецкая кампании, как возобновление национальной империалистической русской политики. (В „Путешествии в Арзрум“ П. не забывает отметить совпадение „взятия Арзрума с годовщиною Полтавского боя“). При этом аналогия Николай I — Петр, данная уже П. в знаменитых „Стансах“ („В надежде славы и добра“) и впоследствии разрушенная в сознании П. — была еще в полной силе. Прямого политического смысла поэма не имела, слишком документальны были изучения П., и слишком ограничен бы был замысел, — но современен был *выбор материала* и *стилистическая трактовка* его. Эпилог: „Прошло сто лет“ подчеркивал современного поэта-рассказчика и не случайно перекликался с той же фразой из пролога к „Медному Всаднику“. Это и объясняет отзыв Надеждина.

„Медный Всадник“ является последней „исторической поэмой“ П. и вместе высшей фазой ее. Исторический материал не играет роли самодовлеющей, документально-археологической, современной только по выбору: он становится современным, активным, введенным в поэму в виде „мертвого героя“, идеологического современного образа. Перевес материала над главным героем оттеняется в пушкинском эпосе названиями: „Бахчисар. фонтан“, „Цыганы“, „Комедия о настоящей беде Московскому царству и т. д.“, „Полтава“. Эти названия подчеркивают экспентрическое положение героя. Название „Медного Всадника“ того же типа. В „Цыганах“ было столкновение „героя“ с ожившей „страдательной средой“, второстепенными героями. В „Борисе Годунове“ главные герои отступили, приравнены к второстепенным. В „Полтаве“ имеем рецедив главных героев, „сильных, гордых сих мужей“. В „Медном Всаднике“ „главный герой“ (Петр) вынесен за скобки; он дан *во вступлении*, а затем сквозь призму второстепенного. Процесс завершился: второстепенный герой оказался ведущим действие, главным. „Главное“ положение второстепенного героя, ведущего действие, несущего на себе исторический и описательный материал, — несовместимо с жанром комбинированной поэмы. П. дает в „Медном Всаднике“ чистый жанр стиховой повести. Фабула низведена до роли эпизода, центр перенесен на повествование, лирическая стиховая речь вынесена во вступление. Стиховое повествование, опирающееся на документы (П. оставляет и эту поэму, как все предшествующие—примечаниями), сохраняя все признаки стиха, во фразеологическом отношении опирается на прозу. Изменилось и литературное время, не прикрепленное к фабульному эпизоду; это уже не время поэмы, соединенное с моментом завязки и катастрофы. Это—широкое время повести. На это жанровое преобразование, несомненно, повлияла работа П. над прозаическими жанрами.

Эволюция пушкинского эпоса как бы в сокращенном виде отражена в „Евгении Онегине“: это произведение, эволюционирующее от главы к главе. „Онегина“ П. писал больше 8 лет, и отдельные главы его выходили в свет от 1825 по 1832 г. Анненков пишет по этому поводу: „Евг. Онег.“, кроме всех других качеств, есть еще изумительный пример способа создания, противоречащего начальным правилам (!) всякого сочинения“.

Сам П., как всегда понимавший свои вещи лучше современных критиков, дал два положения, два термина, необходимых для уразумения „Евгения Онегина“.

Первое сообщение П. о „Евгении Онегине“ такое: „Я теперь пишу не роман, *а роман в стихах* — дьявольская разница!“ (4/XI, 23 г.)

Последняя строфа последней главы:

...Даль *свободного романа*
Я сквозь магический кристалл
Еще неясно различал.

Итак: „не роман, а роман в стихах“ и „свободный роман“.

Борьба П. против фабульной скованности поэмы была борьбой за внесюжетное построение; внесюжетное построение — это развертывание вещи на материале, будь то лирический или описательный. В „Евгении Онегине“ это разрешается опытом „свободного романа“ и связанного с ним „свободного героя“. И фабула и характер не задуманы во всех чертах, а предоставлены развертыванию, развитию. В начале „Евгений Онегин“ задуман как сатирическая поэма, в роде „Дон-Жуана“ Байрона, не для печати, в которой поэт захлебывается желчью. А в 1825 г. он пишет Бес-

тужеву: „Где у меня сатира? О ней и помина нет в „Евгении Онегине“. Фабула должна была быть достаточно свободной и емкой для включения материала деревни, города, света, литературы и развивалась, подталкиваемая собственной инерцией. Онегин, по первоначальному варианту, влюблялся в III главе в Татьяну. Вычеркнутая строфа (после XXI) главы II, первоначально относившаяся к характеристике Ольги, затем, по намерению поэта, должна была относиться к Татьяне. Подобно этому расширялись амплуа героев. Евгений был вначале задуман как герой под стать Алеко (черты „Демона“, прообраз Н. Раевского). При развертывании романа не только расширяются материалы героя (внесение автобиографических черт), но он и осмысляется пародически. Ленский должен был быть „крикуном и мятежником странного вида“ (с чертами Кюхельбекера), он становится элегиком, по контрастной связи с Онегиным и по злободневности вопроса об элегиях, что дает возможность внедрения злободневного материала. Герои, которые в позднейшей критике были названы типами, были свободными, двупланными амплуа для развертывания разнородного материала. (Ср. отвлеченные названия П. для глав: „Поэт“, „Барышня“).

„Свободный роман“, „панорама“, по выражению П., строит материал на переключении из плана в план, из одного тона в другой. Это переключение (так называемые „отступления“) явилось главным сюжетным средством и уничтожило однотонность героя-амплуа. Исключительной двуплановости достигает П. в самых ответственных фабульных пунктах (высокий и иронический план смерти Ленского), совершенно изменяя этим роль фабулы. Внесюжетная „свобода“ романа подчеркнута его концом. Роман как начат, так и окончен—внезапно. Прощание с Онегиным дано на напряженном фабульном моменте. Но и последняя глава (1832) и первое полное издание „Евгения Онегина“ (1833) кончалось „отрывками из путешествия Евгения Онегина“, которые и являются, таким образом, подлинным концом Онегина, подчеркивающим его „бесконечность“. Эти отрывки не только подчеркивают внесюжетное построение, но как бы стилистически символизируют его. Последние 140 стихов написаны в виде отступлений от одной фразы: „Я жил тогда в Одессе пыльной“.

И весь „Евгений Онегин“ кончается неоконченной фразой:

„Итак, я жил тогда в Одессе“.

Свобода романа была в его развертывании, не только сюжетном, но и стилистическом.

Собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных.

Сравнить подоснову стиховой речи I главы (установка на светскую речь и отсюда галлицизмы) с подосновой последней главы (разговорные интонации прозаического типа, напр., „А он не едет“.., „А Татьяне и дела нет...“, „А он упрям“). Свободным оказался в результате самый жанр. Вследствие непрестанных переключений из плана в план, жанр оказался необязательным, разомкнутым, пародически скользящим по многим замкнутым жанрам одновременно. Он скользит по жанру прозаического романа, типа вальтер-скоттовского романа и романа сантиментального.

Одновременно, в силу того, что это не роман, а „роман в *стихах*“, выплывает пародия на героическую поэму:

„Пою приятеля младова (гл. VII)“.

Попутно П. использует пародически малые стиховые жанры (элегию).

Для всего этого нужны были особые стиховые условия. Бесстрофический четырехстопный ямб, употребляемый П. в его эпосе, не мог удовлетворить его. Отсутствие строф не давало сюжетной меры авторским отступлениям. Эта мера отчетливо выступает в строфе, где стиховое время и энергия *равномерно* уделяется каждой строфе, будь то отступление, или рассказ, или речь героя. Строфа „Евгения Онегина“ есть в данном случае открытие П. и является такой же законченной строфической формой, как сонет, напр. В ней есть целый ряд смысловых условий для разнообразия авторского тона.

Работа над документальным материалом истории, возникновение чисто научных методологических вопросов и сомнений по поводу него, постепенное вовлечение в стих огромных современных материалов, напряженные теоретические изучения,— вся эта подготовительная работа поэта уже к концу 20-х годов склоняет П. к испробованию прозаических жанров.

Общее достижение литературной науки XIX и XX веков по отношению к прозе П. — это утверждение, высказанное еще Шевыревым и затем подтвержденное исследователями позднейшими, что проза П. стоит особняком по своим стилистическим особенностям в современной П. литературе. Роль карамзинской прозы, как традиции прозы П., еще не изучена, а связь его прозы с западно-европейскими явлениями не уясняет специфического положения ее в русской литературе.

Подобно тому, как самое веское слово по отношению к семантике пушкинского стиха было сказано Гоголем: „бездна пространства“, так самое веское слово по

отношению к пушкинской прозе было сказано Львом Толстым. В письме к Голохвостову от 1874 г. он пишет: „Давно ли вы перечитывали прозу П.?.. прочтите сначала все повести Белкина. Их надо изучать и изучать каждому писателю... Изучение это чем важно? Область поэзии бесконечна, как жизнь; но все *предметы поэзии* предвечно распределены по известной *иерархии*, и смешение низших с высшими или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у П., эта гармоническая *правильность распределения предметов* до совершенства... чтение Гомера, П. сжимает область и, если возбуждает к работе, то безошибочно".

Толстой изучал фразеологическую систему, и его утверждение в первую очередь относится к единицам построения пушкинской прозы. Пушкинская проза преобразовывалась не внутри какого-либо одного прозаического жанра. Таким жанром не могли быть письма П., сами проделавшие сложную эволюцию от карамзинистской шуточной перифразы его ранних писем до фразеологической простоты и вместе обилия намеков („домашняя семантика") его позднейших писем. Эпистолярный жанр был устойчивым, достигшим большой культуры у карамзинистов, и эволюция его у П. сама должна была быть вызвана какими-либо причинами. Жанр иронических предисловий, заметок и статей П., несомненно, должен быть изучен, но пока рано говорить о значении его, как двигателя пушкинского стиля в прозе. Ранние заметки его о Шаховском доказывают, что лицейский П. движется здесь по периферии карамзинистской прозы, и нужны были какие-то дополнительные условия, чтобы совершился сдвиг и в этом жанре. Условия эти след ет искать в стиховой работе П. Уже Сенковский в 1834 г. отметил близость пушкинской прозы к его стиху (в личном письме к П.). В наше время заново поднял вопрос о родстве пушкинской прозы со стихом Б. М. Эйхенбаум, проанализировавший фонетическое строение пушкинской прозаической фразы.

Верно отмеченное сродство возбуждает, однако, вопрос об условиях, при которых стих мог до такой степени повлиять на прозу. Дело разъясняется, если мы обратимся не столько к стиху как результату, сколько к самой стиховой работе П.

Стиховая работа П. с опубликованием черновиков совершенно разрушила ходкую в первой половине XIX века (когда рукописи его были недоступны) легенду о П.-экспромтере. Прозаические планы — прозаические программы — стиховые черновики,—вот краткий перечень этапов и методов его стиховой работы. Вместе с тем, при изучении массы его черновых материалов возникло противоположное убеждение, что пропасть лежит между ними и окончательным результатом — стихом. Однако, анализ его прозаических планов и программ для стихов указывает, что этой пропасти не существует. П. намечает в планах и программах о п о р н ы е фразовые пункты, выпуская между ними то, что предоставляется дальнейшему развитию стиховой речи. При этом в планах условные обозначения—„то и то", „etc" — указывали на эти свободные места, а в программах эти свободные места не обозначены, и фразовые отрезки синтактически спаяны.

Эта фраза не явилась в итоге простым отражением стиховой фразы и не была, в то же время, прозаическим периодом. Огромные пространства, оставленные для свободного развития стиховой речи, сказывались в большом временном обхвате фразы. Слова, как воссоединенные опорные пункты стиховой речи, уже не служили для заполнения прозаического периода, а являлись емкими обозначениями. „Иерархия предметов" явилась результатом программного назначения прозы. Отсюда перенос центра тяжести не на период, а на краткую фразу; отсюда же — учет веса, „иерархия слов", синтактически воссоединяемых, и учет веса, „иерархия фраз", соединяющихся в период.

Как зыбка грань, отделяющая пушкинские черновые программы от его чистовой прозы, видно из того, что иногда эти черновики становились сами по себе чистовой прозой. Так, „Сцены из рыцарских времен" являются, повидимому, распространенным сценарием драмы (они носят у П. название „План"), а „Кирджали", напечатанный самим П., является точно так же программою большого произведения.

Так, не стерта грань между программою и произведением в „Путешествии в Арзрум", где „NB" перед фразами „и проч.", обрывающие фразы, дают непосредственность речи путешественника.

„Иерархия предметов" от этого нейтрального фразеологического построения получается совершенно своеобразная. Действия и события перечисляются, а не рассказываются; они не педализированы. Нейтральная сценарная фраза вырастает в нейтральную позу рассказчика.

Здесь были методы овладения внелитературными и литературными материалами: запись исторических анекдотов (table talk), пересказ литературных материалов („Джон Теннер", „Записки бригадира Моро де Бразе") становились сами по себе литературными произведениями. Анекдот, как своеобразная

программа, является сюжетною основою его новелл („Повести Белкина“, „Пиковая Дама“).

Этот же метод наличествует и в тех прозаических жанрах, которые достигли во время П. значительного распространения и известной степени культуры: в исторической повести, разбойничьем романе и т. д. („Арап Петра Великого“, „Дубровский“, „Капитанская дочка“). Насколько нейтральный стиль пушкинской прозы помогал ему использовать документальные материалы, видно хотя бы из того, что главою „Дубровского“ является подлинный современный судный документ и что введение его в ткань романа не вызвало никакого стилистического разнобоя. Это делает у П. совершенно нейтральным лицо автора и позволяет в ряде случаев разделить его на два лица: выдвинуть вымышленное лицо рассказчика, а себе взять роль издателя („Повести Белкина“, „История села Горюхина“, „Капитанская дочка“).

Отношение к материалу историческому для П. вытекает из его работы над стиховым эпосом — материалы „вызываются“ современной точкой зрения. Так, в „Арапе Петра Великого“ П. разрабатывает материалы своей родословной, бывшие актуальными для него сначала как составная часть его „поэтического лица“, а затем актуализованные социальными вопросами („Моя родословная“). Так, работа над „Капитанской дочкой“ совпадает с исторической работой над Пугачевским бунтом, работой, также выдвинутой актуальными социальными проблемами, а „История села Горюхина“ является экспериментом писателя-историка,—пародическим осмыслением „Истории Государства Российского“ Карамзина (Н. Степахов).

Работа поэта, а затем и прозаика все больше сталкивает П. с документом. Его художественная работа не только питается резервуаром науки, но и по возникающим методологическим вопросам близка к ней.

Отсюда — диалектический переход на материал, как на таковой; П. становится историком. Его этнографическая собирательская работа (народные песни, историч. анекдоты и т. д.), „Пугачевский бунт“, предварительная работа над „Историей Петра Великого“, планы его работы над историей кавказских войн и намерение заняться историей французской революции— доказывают, что П. постепенно, но неукоснительно шел к концу своей литературной деятельности, к широкому раскрытию пределов литературы, к включению в нее и научной литературы.

С этим совпадало и изменение авторского лица. Все более вырисовывавшаяся в его художественно-прозаической работе нейтральность авторского лица, лицо автора-издателя материалов, будучи явлением стиля, постепенно перерастало свою чисто стилистическую роль.

Когда Сенковский, воспользовавшись вымышленным именем и обликом Белкина, напечатал за подписью Белкина несколько своих повестей, П. так об этом писал Плетневу: „Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль (разумеется из-за угла и тихонько, например, в М. Набл.) объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима“ (1835).

Так вымышленное лицо „циклизатора“, которое было сродни многим зап.-европ. явлениям (вымышленные циклизаторы у Вальтер-Скотта, Вашингтон-Ирвинга, ср. с русскими явлениями Гомозейки, казака Луганского, Пасичника рудого Панько и т. д.) у П. дорастает до явления *журнала*.

Стремление к собственному журналу растет у П. постепенно, оно сочетается со сложными условиями литературной работы (борьба против монополии Булгарина и Греча), но к 30-м годам журнал становится для П. необходимостью, вызванной эволюцией его литературной деятельности. Это доказывает хотя бы несостоявшееся журнальное предприятие, в котором П. шел на соглашение и сотрудничество с Булгариным. „Литературная газет “, издававшаяся Дельвигом при ближайшем сотрудничестве П., по небольшим своим размерам и узким задачам не могла удовлетворять П. (Мешали сотрудничеству в ней и биографические условия тогдашней его жизни — разъезды) Журналом П. становится „Современник“. При том широком объеме и содержании понятия „литература“, которое в ту пору созрело у П., журнал его представляет собою любопытное явление. Несомненен его упор на чисто фактический, документальный материал. (В. Шкловский). Сношения с лицами, не являющимися профессиональными литераторами, но много видевшими и любопытными: И. А. Дуровой, В. А. Дуровым, Сухоруковым и т. д. — характерны для П.-журналиста, так же как и попытки вызова литераторов из соседних с художественной литературою рядов — не даром последнее письмо П. предлагает конкретное литературное сотрудничество в журнале детской писательнице Ишимовой.

Бесполезны догадки о том, что делал бы П., если бы в 1837 г. не был убит. Литературная эволюция, проделанная им, была катастрофической по силе и быстроте. Литературная его форма перерастала свою функцию, и новая функция изменяла форму. К концу литературной деятельности П. вводил в круг литературы ряды внели-

тературные (наука и журналистика), ибо для него были узки функции замкнутого литературного ряда. Он перерастал их.

Ю. Тынянов.

Пушкин, Василий Львович, поэт (1770—1830), родной дядя А. С. Пушкина. Получив в родительском доме хорошее образование, П. рано начал блистать в „высшем кругу“ сначала Москвы, где он провел детство и юность, а потом и Петербурга, куда он явился на службу в гвардии Измайловский полк. П. в совершенстве владел франц. языком, знал также английский, итальянский, латинский и немецкий языки, следил за отечественной и иностранной литературой и, кроме того, обладал рядом светских дарований; он мог быстро и удачно сочинять стихи на случай, прекрасно декламировал свои и чужие стихи, с успехом участвовал в любит. спектаклях, наконец он был весел, остроумен, одевался по последней моде, словом — был денди во вкусе конца XVIII в. На военной службе П. долго не удержался, в 1797 г. вышел в отставку с чином поручика, переехал снова на житье в Москву и женился на красавице К. М. Вышеславцевой; но он не был создан для постоянства и семейного очага; уже в 1802 г. жена его просила у синода развода по причине неверности мужа; развод был дан лишь через 4 года, а пока тянулось дело, П. путешествовал в Германии, Франции и Англии; из-за границы он привез прекрасную библиотеку, новомодные прическу и фрак, — и воспоминания о многочисленных знакомствах с великими людьми Европы от Наполеона до Коцебу. В 1812 г. П. вместе с многими другими бежал из Москвы в Нижний-Новгород; его московский дом сгорел со всем, что в нем было (и с библиотекой); это отразилось на материальном благосостоянии П. Однако, вернувшись на пепелище, он постарался восстановить погибшее и последние годы жизни провел в покое, продолжая поддерживать литературные и светские знакомства, несмотря на жестокую подагру, его мучившую. П. начал печатать свои стихотворения еще с 1793 г. Главным образом, он писал в „легких“ жанрах: басни, эпиграммы, дружеские послания, стихи на случай и т. д. Стихи его иногда имели успех, он имел репутацию поэта со вкусом, но настоящей славы он не достиг и никогда не мог стать в ряду крупнейших писателей эпохи. Будучи сторонником новаторских стремлений Карамзина и Дмитриева в области поэтич. языка, П. старался подражать последнему. Примечательная по тем временам легкость языка, остроумие и чистота стиха отличают произведения П.; впрочем, Жуковский обвинял его в многоречивости и вялости слога. Крупный успех выпал на долю лишь одного стихотворения П., маленькой комич. поэмы „Опасный сосед“; поэма эта в блестящих, эпиграмматически кратких стихах реально и просто описывает похождения героев в доме терпимости; чопорная цензура александровской эпохи не пропустила поэмы, но она широко распространилась в списках. П. был одним из первых защитников карамзинской реформы и новой послекарамзинской литературы от нападок архаистов, возглавлявшихся Шишковым. Начиная с 1810 г., он в ряде посланий к друзьям осмеивал пристрастие архаистов к славянизмам, их литературный консерватизм, а также их недопустимые полемические приемы, обскурантизм и ханжество. Эти послания сыграли известную роль в борьбе новой литературы с шишковцами и участвовали в полемическом воспитании молодого поколения поэтов, основавших потом знаменитое Арзамасское общество. П., несмотря на разницу в летах, был связан личной дружбой с арзамасцами, в особенности с Вяземским, Дашковым и со своим великим племянником, которого он любил и опекал на первых шагах его житейской и литературной карьеры. Арзамасцы же были не прочь посмеяться на счет простоватого, легкомысленного, но безгранично добродушного старшего друга; так, когда в 1816 г. П. приехал в Петербург, они, под предлогом приема его в Арзамасское о-во, устроили грандиозную буффонаду, в которой несчастный поэт был принужден играть главную комическую роль. *Литер.* „*Русск.* биограф. слов.“ (тут и библиогр.); Сочин. В. Л. П. под ред. и со ст. *В. И. Саитова*, 1893; В. Л. П.,

„Опасный сосед", со ст. *О. П. Боброва*, 1918. *Гр. Гуковский.*

Пушкино, гор. (с 1925 г.) Московск. губ. и у., на лев. бер. Учи (прит. Клязьмы) и на Северной ж. д., 3.488 ж. (1926).

Пушнина, *см.* XXXIII, прил. 559[1]/61[1]; *пушной товар.*

Пушной промысел, см. *промыслы охотничьи, пушной товар.*

Пушной товар, по принятой в настоящее время номенклатуре образует две группы: собственно *пушнину*—добываемые путем охотничьего промысла (*см.*) шкуры диких зверей, а также домашних животных из групп хищников и грызунов; и *меховое сырье* — шкуры домашних копытных животных (за исключением северного оленя, шкуры телят которого — неплюй и пыжик — также относятся к группе пушнины). О количестве и разнообразии видов П. т. можно составить представление из видового списка „Всесоюзного стандарта на пушнину и меховое сырье" (3 изд. Наркомторга, 1927), заключающего только виды, добываемые в пределах СССР. Номенклатура мехового сырья заключает следующие виды: жеребок меховой, каракули—черный, серый, и цветной, каракульча, крымка, мерлушка, муарэ, муфлон (меховая козлина), смушка. К пушнине относятся след. виды: барсук, барс, белка, бурундук, волк, выдра, горностай, енот (енотовидная собака), зайцы: беляк, русак, песчаник и земляной (тушканчик), кидус, колонок, колонок каменный, корсак, кошка дикая, кошка домашняя, кролик, крот, крыса водяная, куница мягкая, куница горская, ласка, лисица, медведи бурый и белый, неплюй, нерпа, норка, песцы белый и голубой, песчаник, пыжик, россомаха, рысь, собака, соболь, сурок, суслик, тарбаган, хомяк, хорь светлый и темный, шакал.

Несравненно обширнее и сложнее видовой список мехового товара, собираемого на пространстве всех стран земного шара. Собственно меха очень высокого качества дают только некоторые виды зверей, обитающих в областях земли с климатом холодным или умеренным по средним годовым, но с холодной зимой. Поэтому лучшие сорта пушнины и важнейшую по ценности часть мирового сбора дают страны Сев. Америки (Канада и Соед. Штаты) и СССР (преимущественно Сибирь). Но при высоко развившемся в настоящее время искусстве обработки и окраски мехов и имитации высоких сортов, равно и вследствие потребности в более дешевом товаре, рынок усиленно требует и малоценные шкурки низкого качества. Сев. Америка (как это ясно и из данных зоогеографии) дает пушнину, по видовому составу близкую к пушнине Европы и Сибири. Важное значение там имеют не встречающиеся у нас ондатра (в пушной торговле неправильно — с зоологической точки зрения—называется „американской выхухолью"), скункс, енот. Но собирается и целый ряд тожественных с нашими или очень к ним близких видов (россомаха, песец, волк, лисица, американские куницы). Важные виды нашей пушной фауны, не встречающиеся в Америке — обыкновенная белка и соболь.

Однако, значительное количество пушнины дают и южные и даже тропические области земли. Из Австралии поступают на рынок многочисленные виды из группы сумчатых животных (кенгуру, валлаби и др.); из Африки, Южной Азии и Америки— многие виды хищников, грызунов обезьян, лемуров и представители других отрядов. Большое значение в пушной торговле имеют также такие дешевые и мало прочные меха, как зайцы и домашние кролики. Число видов зверей, которые используются пушным делом, постепенно увеличивается: вследствие роста цен и спроса начинают поступать на рынок виды пушнины, которые ранее не собирались.

Упомянутый выше видовой список П. т. нашего стандарта не тождествен с зоологической видовой классификацией зверей. Так, вид *барс* заключает и барса и леопарда; вид суслик — целый ряд видов зоологического рода суслик (*Citellus*). Так же сложны по видовому составу пушные единицы: сурок, тарбаган, тушканчик, дикая кошка. С другой стороны, лисица обыкно-

венная, как единый зоологический вид, представлена в пушном стандарте целым рядом видов пушнины, соответствующих цветным изменениям обыкновенной лисицы: красная, межеумок, караганка, сиводушка, крестовка, серебристая. Впрочем, пушной стандарт не является еще достаточно разработанным и окончательно установившимся.

Большинство видов П. т. представляет сложную совокупность сортов. Качества, а, следовательно, и стоимость шкур, зависят от некоторой совокупности физических и биологических условий, в которых существует зверь, т.-е. прежде всего (если речь идет о спелой зимней шкурке) от района, в котором встречается и ловится зверь. Поэтому пушной вид распадается на ряд *кряжей*, связанных с определенными районами всей области распространения зверя. Соболь, напр., нашим стандартом разделяется на следующие кряжи: камчатский, баргузинский, витимский, зейский, прибайкальский, якутский, карамский, иркутский, николаевский, амурский, сахалинский, минусинский, алтайский, монгольский, енисейский, кузнецкий, тобольский и туринский. Разница качества и стоимости кряжей в отдельных видах П. т. может быть очень велика. Так, высшие кряжи соболя могут стоить сотни рублей (до тысячи) за одну шкурку, а низшие — часто десятки рублей. В каждом кряже различают *сорта* по времени боя и качеству волоса. Так, соболя сортируются на три сорта: первый — полноволосый, с густой остью и пухом, с чистой мездрой, зимнего боя; второй — менее полноволосый, с менее густой подпушью, с чистой мездрой, зимнего боя; третий — полуволосый с низкой остью и жидким хвостом, с синеватой мездрой, осеннего боя.

Наивысшего качества по пушистости и блеску меха и по стоимости шкуры ценных видов достигают лишь на сравнительно короткий период в средине зимы. Хороши по качеству (имеют зимний, крепкий, не тронутый еще линькой волос) они в течение всей зимы (в климатических условиях центральных губерний и южной Сибири приблизительно с конца ноября до половины марта; понятно, что в тундре или на Новой Земле срок этот значительно удлиняется). В осеннее и раннее весеннее время обыкновенно бывает уже заметна линька, обесценивающая шкурку и видная не только по состоянию волоса, но и по цвету темнеющей мездры. Время протекания и вся картина линьки, явления весьма сложного и мало изученного, зависит в первую очередь от климатических, но также и от биологических условий (возраста и пола зверя, условий его питания и размножения и т. д.). Поэтому действительно рациональные сроки добычи пушнины должны быть различны по видам зверя и районам охоты и трудно осуществимы на практике.

Мировые центры пушной торговли и переработки мехов—Нью-Йорк, Лондон и Лейпциг. Размер мирового сбора пушнины сильно колеблется в зависимости от „урожая“ различных видов. Для последних десятилетий перед европейской войной сбор этот немецким специалистом пушного дела Брассом определялся в среднем суммой в 400 млн. марок. С тех пор цены на П. т. выросли очень значительно. Для некоторых видов товара рост стоимости в течение одного десятилетия может выражаться сотнями процентов. В 1900 г. белый песец на северно-сибирских ярмарках стоил 3 рубля; в 1910 г. 10 — 12 рублей; в настоящее время он стоит около 50 рублей (на последних аукционах в Лейпциге от 120 до 300 марок). О размере нашего сбора можно судить по экспорту последних лет, достигшему стоимости в 85 млн. рублей в год. Среди наших видов первое место по размеру и стоимости годового улова занимает белка (15 млн. штук на 15 млн. руб.). Большое значение имеют белый песец (до 70.000 штук на $3\frac{1}{2}$ млн. рублей), лисица, заяц, хорек, горностай. В американском промысле первое место занимает ондатра, по стоимости годовой добычи превосходящая нашу белку.

Средние цифры годовой добычи по видам, характеризующие размеры нашего пушного промысла и стоимость отдельных видов, таковы (в тыс. штук

и в тыс. рублей, по заготовительным ценам):

	Тыс. шт.	Тыс. руб.
Белка	15.000	15.000
Лисица	500	5.000
Заяц	7.000	3 000
Песец белый	60	3.000
Хорек	800	1.200
Куница	60	1.000
Горностай	500	1.000
Соболь	15	1.000
Колонок	200	800
Корсак	200	800
Суслик	10.000	700
Сурок	500	600
Волк	30	300
Норка	50	300
Выдра	5	200
Барсук	70	100
Медведь	5	75
Рысь	3	60
Россомаха	2	50

Статистика нашего пушного дела такова, что цифры эти нужно рассматривать как приближенные. Они сильно меняются по годам в зависимости от „урожая" отдельных видов Стоимость видов и кряжей также колеблется по годам в зависимости от требований мирового рынка при общем ежегодном возрастании цены П. т. в целом.

При недостатке П т. сравнительно с потребностью рынок, с одной стороны, стремится заменить ценные меха дешевыми путем имитации (техника такой обработки мехов, определяемой немецким термином „Veredlung" — облагораживание, в последние десятилетия получила большое развитие), с другой — обращает внимание на сбор таких видов (преимущественно мелких грызунов и насекомоядных), которые, по малоценности своей, в оборот пушной торговли поступали в малом числе или не добывались вовсе. Таковы: бурундук, суслики, хомяк, тушканчики, сони, водяная крыса, крот. В связи с требованием мирового рынка в самые последние годы на территории СССР начался сбор нескольких мелких видов. Так, значительно увеличен сбор сусликов, которые, правда, добывались еще в конце прошлого века, но шли преимущественно на внутреннее потребление, теперь же экспортируются. Начали собирать крота, который давно уже добывается в большом количестве в Западной Европе и идет на выделку очень ценных меховых вещей. Сделан также удачный опыт сбора водяной крысы (см. *полевки*). Последнюю мы вывозим в обработанном виде, в собранных очень красивых мехах. Шкурки кротов принимаются в настоящее время скупающими меха организациями по 40 коп., шкурки водяных крыс — по 15 — 30 коп. В настоящее время имеется также возможность начать сбор тушканчиков и увеличить добычу бурундука. Быстро растет также требование на шкуры зайцев и цена их. Добыча новых видов пушнины в пределах СССР развивается еще слабо вследствие неосведомленности населения и отсутствия широкой организации скупки. Если принять в соображение размер площади Союза, то можно думать, что использование в должных размерах мелких пушных видов должно увеличить наш ежегодный экспорт на много миллионов рублей.

Рядом с нетронутыми еще запасами мелкой и индивидуально малоценной пушнины, которая вместе с тем важна—нужно думать—по размерам запасов, мы имеем ряд видов пушнины, получаемых от зверей, почти истребленных. Промысловое законодательство ограничивает или вовсе запрещает добычу таких видов. Параллельно с этим особыми постановлениями Комиссариата торговли запрещены хранение, покупка и продажа соответствующих видов пушнины, именно: речного бобра, морского бобра (*морской выдры*), котика и выхухоли. Кроме того, для целого ряда пушных зверей запрещено торговое движение шкур весеннего и летнего боя. Полное истребление, т.-е. потеря для рынка, угрожает и ряду других видов, напр. *соболю* у нас, ильке и шиншилле в Америке. Истощение естественных запасов пушнины вообще делается все более угрожающим. Борьба с таким истощением заключается в различных мерах упорядочения способов и сроков добычи, отводе закрытых для промысла территорий (заказников и заповедников) и в развитии пушного звероводства, которое значительно преуспевает в С. Америке и государствах З. Европы, у нас же едва начато и пока протекает с малым успехом.

Определяя по заготовительным ценам стоимость средней годовой добычи пушнины (от диких видов) суммою около 35 млн. руб., мы имеем следующее процентное отношение стоимости важнейших видов пушного сырья: белки 15 млн. штук на 15 млн. руб., т.-е около 40% стоимости всей годовой добычи пушнины; лисицы на 5 млн. руб., т.-е. около 15%; песца на $3^1/_2$ млн. руб., т.-е. около 10%; хорька на $1^1/_2$ млн. руб., т.-е. около 5%; и соболя на 1 млн., т.-е. около 3% всей годовой стоимости добычи. Первые места по общей ценности своей занимают дешевые шкурки, добываемые большими массами (белка, заяц, дешевые сорта лисицы). Очень ценные индивидуально (черная лисица, соболя самых высоких сортов) добываются в таком незначительном количестве, что общее товарное значение их ничтожно.

Нормальная ценность *товарного* выхода пушнины у нас составляет около 85% от общей ценности годового сбора. Потребление пушнины на местах (охотничьим, частью туземным населением) составляет около

15% сбора, выражаясь цифрой около 5 млн. руб.

По районам первое место по ценности выхода пушнины занимает Сибирь (около 35% всего сбора), затем Дальний Восток (около 12%) и Уральская область (около 10%). Заметное место по выходу пушнины занимает Казакстан (около 8%), где добывается много дешевой лисицы, корсака, светлого хорька и суслика.

Положение центров сбора и выхода отдельных видов пушнины стоит в зависимости от общего протяжения района распространения данного вида зверя и географического распространения кряжей. Так, для белки важнейшая область сбора—гористая Восточная Сибирь, где водятся наиболее ценные кряжи. Для песца областью распространения служит тундра; партии этого вида пушнины издавна собирались на северных ярмарках — Обдорской, Туруханской, Якутской. Лучший кряж песца приходит с Новой Земли. Соболь, за истощением запасов его в большинстве местностей Сибири, собирается в заметном числе в немногих сравнительно районах—на Камчатке, в Татарском хребте, в Саянах. Куница добывается исключительно на территории Европейской части СССР, причем значительное количество шкур дает Кавказ кий хребет, и только в малом числе вид этот добывается на восточном склоне Урала.

При больших (в особенности для некоторых видов) различиях в качестве и ценности шкурок, как в зависимости от места их добычи (кряжи), так и от иных причин (время добычи, условия с'емки и хранения шкуры и т. д.), особое значение при сборе, экспорте и обработке пушнины имеет сортировка шкур—давнее традиционное искусство, которым в полной мере владеют лишь сравнительно немногие знатоки П. т. Для определения сезонных сортов, т.-е. шкур выходных, полноволосых, с одной стороны, и тронутых линькой с другой, обычно имеются признаки и на мездре в виде сплошного или частичного ее потемнения (таковы, напр., сорта *подпаль* и *синюха* у белки). Очень заметные признаки цвета и характера волоса (длина его, пышность, густота подпуши) иногда отличают очень ясно далеко отстоящие кряжи (примером могут служить белки якутская и европейская). Но близкие по типу и условиям географического распространения кряжи отличаются лишь весьма тонкими признаками, которые далеко не всегда можно определить и формулировать об'ективно. Чрезвычайно трудна и оценка уников в высших сортах шкур, напр. собольих, так как здесь принимается во внимание ряд тонких признаков шкурки в целом. В общем, при распознавании качеств и ценности шкуры и установлении ее торговой характеристики имеют значение следующие признаки: вид зверя или шкурки (соболь, белка, песец белый и т. д.); место происхождения (кряж); степень спелости, т.-е. характер опушения в зависимости от сезона; цвет, оттенок; ряд качеств волоса—нежность, блеск—и некоторые особые признаки, присущие отдельным видам, напр. характер завитка у каракуля; размер шкуры; способ с'емки; некоторые индивидуальные качества или пороки, могущие быть отмеченными (напр., повреждения, вследствие которых шкура относится в брак). Так как, с одной стороны, даже и практическая номенклатура сортировки не выработана, с другой—пушнина, как товар, очень мало изучена и многие признаки шкур не имеют под собою точных научных определений, то и стандартизация П. т. не может еще иметь должной точности и должного единства.

Большое значение для общей стоимости П. т. имеет первый момент его заготовки, т.-е. с'емка шкурки охотником и ее хранение. Небрежность с'емки или даже только не вполне правильный способ ее может значительно обесценивать товар. Некоторые обычаи туземных охотников Сибири, сохранившиеся от тех времен, когда цена на отдельные виды пушнины была еще низка, в настоящее время могут быть очень убыточны. В тундре туземные женщины (напр., самоеды) обшивают песцовыми хвостами свои оленьи капоры так, чтобы белый и мягкий мех песца охватывал лицо. Поэтому некоторый процент песцовых шкур всегда попадал на северные ярмарки и в руки скупщиков без хвостов. В настоящее время отсутствие хвоста на песцовой шкуре (которая идет на выделку дорогих горжет) понижает ее стоимость на 5—6 долларов, т.-е. приблизительно на сумму цены целого оленя в тундре. Важное значение для экспорта пушнины имеют способы упаковки товара—составление партий, вязка их в бунты, упаковка в тюки или ящики, защита от моли и т. д. Для каждого вида пушнины есть принятые определенные правила упаковки. Партии сопровождаются спецификацией.

Вывоз мехов составляет в настоящее время государственную монополию Союза. Сбор пушного сырья также ведется преимущественно Госторгом и центрами кооперативных систем — потребительской, сельско-хозяйственной и охотничье-промысловой, скупающих шкуры по возможности непосредственно от охотников. Наш экспорт мехов до мировой войны шел преимущественно в Германию (в 1911—

1913 годах приблизительно на 10 млн. руб. в год). Вывоз в Англию составлял около $^1/_8$ экспорта в Германию. После войны и восстановления экспорта пушнины крупнейшими покупателями ее стали Англия и Америка, Германия же отошла на третье место. Экспорт дикой пушнины *за 2 года* (1923/24 и 1924/25) по видам был таков:

	Тысяч штук
Белка	30.000
Лисица	863
Песец	180
Куница	110
Горностай	1.180
Колонок	394
Норка	100
Соболь	36
Хорек	1.370
Волк	44
Заяц	4.931
Сурок	598
Корсак	225

Всего на 107 млн. руб., считая еще на 7 млн. руб. „разной" пушнины, кроме переименованной. С октября 1924 года по октябрь 1925 года экспорт наш распределился так: в Англию на 33 млн. руб. (51,3%), в Америку на 22 млн. руб. (34,4%), в Германию на $7^1/_2$ млн. руб. (11,8%), в прочие страны на $1^1/_2$ млн. руб. (2,5%).

В последнее время экспорт наш в Германию увеличивается, и значение Лейпцига, как мирового центра распределения пушнины, вновь начинает возрастать.

Наше скорняжное дело и искусство имитации ценных мехов стояло и стоит у нас много ниже, чем в Германии и Америке. У нас перерабатываются преимущественно дешевые сорта сырья, напр.: заяц (из 7—8 млн. годовой добычи на местное потребление остается 4—5 млн. штук), суслик (перерабатывается до 60%); в меньшем об'еме — лисица (20%), сурок (20%), белка (7%), волк, барсук. Развитие этой отрасли промышленности имеет, конечно, значение для внутреннего потребления мехов и улучшения качества готового мехового товара. Но для экспорта развитие обработки мехов не имеет положительного значения, так как все страны, покупающие нашу сырую пушнину, имеют высокие таможенные пошлины на выделанные меха и готовые меховые изделия.

В общей системе научного товароведения отдел пушнины — один из наименее разработанных. В противоположность, напр., волокнистым веществам животного и растительного происхождения, где качества товара почти полностью выражаются формулами и цифрами, качества и признаки пушнины определяются на глаз и ощупь условными терминами, не связанными с точными научными определениями. В партии шелка такие качества товара, как процент содержания воды, толщина нити, ее крепость и эластичность, выражаются вполне определенно, и партия товара может всегда иметь точный сертификат, содержащий все характерные ее признаки. Для волокнистых материалов издавна уже существуют испытательные учреждения (кондиционы), могущие при помощи инструментов и по хорошо разработанной системе делать испытания и определения качеств товара, вести экспертизу и стандартизацию. По отношению к пушному сырью только в последние годы едва намечаются пути его научного изучения. Такие широко употребляемые при сортировке термины, как густота волоса, пушистость, крепость, носкость, нежность, блеск, не имеют под собою научных определений. Цвета шерсти, иногда сильно изменчивые в пределах одного вида и характерные для кряжей, не сведены к какой-нибудь шкале и не имеют принятой терминологии. Между тем точные научные определения необходимы и для установления (в пределах возможности этого) правил об'ективной сортировки и оценки сырого товара и для выработки точных и постоянных оснований стандарта. При отсутствии точных научных исследований и определений, касающихся таких признаков сырой пушнины, как крепость и нежность волоса, носкость, качества мездры и соотношения мездры и волоса, невозможно и выяснение таких важных для обработки мехов вопросов, как влияние на мездру, нежность, крепость и носкость волоса тех или иных способов обработки и окраски. Поэтому и принятый у нас стандарт мехового сырья имеет только временное значение и нуждается в разработке его научных оснований и введении в его положения точных определений.

Б. Житков.

Пушту, см. *Афганистан*, IV, 302.

Пуща Беловежская, см. *Беловежская пуща*; во время мировой войны 1914—1918 гг. была разорена германскими войсками, корабельный лес вырублен и вывезен, большинство животных погибло. Отдельные экземпляры зубров были вывезены в Германию. По Рижскому договору 1921 г., П. Б. отошла к Польше, войдя в состав Белостокского воеводства и не составляя больше заповедника.

Пушин, Иван Иванович, декабрист, член Северного общества. Родился 4/V 1798 г., умер 3/IV 1859 г. Учился вместе с Пушкиным в царскосельском лицее, где, по удостоверению наставников, оказывал „превосходные успехи, более твердые, нежели блистательные,

редкое прилежание, счастливые дарования, здравый смысл"; „по нравственной части" его аттестовали „весьма благонадежным, с осторожностью и разборчивостью, благородным, добродушным, рассудительным и чувствительным, с мужеством; в обращении приятен, вежлив и искренен". Таким П. остался на всю жизнь, по характеристике всех знавших его. Еще на лицейской скамье в 1817 г. П. был введен в одну из тех либеральных гвардейских офицерских артелей, из которых развились тайные общества и заговор декабристов. Благодаря указанным выше качествам П. вскоре стал одним из главных участников тайного общества и деятельно работал по развитию и углублению заговора. В числе привлеченных им к заговору был К. Ф. Рылеев. Вступив после лицея в гвардейскую конную артиллерию, где он мог сделать блестящую карьеру, П. в 1823 г., после столкновения с вел. кн. Михаилом Павловичем, вышел в отставку и перешел на службу в гражданскую уголовную палату, чтобы претворить в жизнь вынесенные из лицея заветы „о правах и обязанностях людей в общежитии", „об естественных правах человека", „о равенстве всех перед законами". П. хотел даже пойти в околоточные надзиратели, чтобы послужить угнетаемым массам, „страждущим от произвола властей", но вынужден был уступить слезным мольбам родных не делать их древний род посмешищем в глазах „общества". П. пошел в судьи, что также очень огорчило семью и долго волновало т. наз. высшие круги столицы. Действовал он в суде, куда привлек нескольких сочленов по заговору, в соответствии с уставом Союза Благоденствия, который предписывал членам тайного общества уничтожать лихоимство и злоупотребления, улучшать нравственность, распространять просвещение, наблюдать за исполнением смысла законов, помогать пострадавшим за правду. В таком же духе действовал П. в течение всей своей сибирской ссылки. Семья П. (отец его, генерал - интендант флота, имел 12 детей) была почти бедна. П. не имел ни земли, ни крепостных. При обсуждении программы заговора был за упразднение монархии, за наделение крестьян землею. К моменту восстания приехал из Москвы в Петербург. 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади проявил хладнокровие и храбрость; хотя был в штатском платье, но заменял растерявшихся военных участников восстания, ободрял солдат, заботился, чтобы от стрельбы было как можно меньше жертв. Товарищи из минист. иностр. дел давали ему возможность скрыться за границу от суда победителей 14 декабря, но П. не хотел взвалить на соучастников по заговору ответственность за его дела. На следствии и суде по делу о заговоре П. держался с достоинством настоящего революционера; редкий из декабристов был так сдержан, осторожен и уклончив в своих ответах комиссии, как П.— показания его едва ли не самые краткие из всех показаний главарей заговора. При чтении приговора П. единственный заявил протест против осуждения его и товарищей и выступил из рядов декабристов с политической речью. Осужденный к смертной казни, замененной 20-ти летней каторгой, П. провел 30 лет в Сибири. Здесь он вместе с другими декабристами много работал по просвещению масс и помогал им в отстаивании своих прав. В Сибири П. имел дочь и сына (Ивана, врача, умершего в 1918 г. в Орле; его сын Лаврентий, внук декабриста, был членом 4 Госуд. Думы). По возвращении в Россию после амнистии 1856 г. П. женился на вдове декабриста Н. Д. Фонвизиной. П. был самым близким другом своего лицейского товарища А. С. Пушкина, которой хотел, чтобы П. ввел его в заговор. П., понимая всю рискованность этого предприятия и сознавая уже в начале 20-х гг. значение Пушкина как поэта, уклонялся от этого. Пушкин посвятил П. целый ряд своих стихотворений лицейского и зрелого периода („Мой первый друг, мой друг бесценный"...). Умирая от пули Дантеса, Пушкин говорил: „Как жаль, что нет тут П., мне бы легче было умирать". П., еще не зная об этих словах поэта, писал из Сибири: „Роковая пуля встретила бы мою грудь, я бы нашел средство сохранить поэта - товарища, достояние России". П. увековечил в памя-

ти потомства лицейский период жизни своего друга, оставив записки о Пушкине, в которых любовными, яркими красками нарисовал портрет юноши-поэта, чью душу он хорошо понимал и которого умел правильно ценить. О литературном даровании П. были очень хорошего мнения его современники, особенно Пушкин. Литературное наследие П. собрано и дважды издано: „И. И. П.—Записки о Пушкине и письма“, М. 1925 г. и М. 1927 г.

С. Штрайх.

Пуэбла, гл. гор. одноим. мексик. штата, вблизи р. Атояк, 2.162 м. над ур. м., между вулканами Попокатепетль и Оризабой, 96.121 жит. Один из красивейших и важнейших в промышленном отношении гор. Мексики (текстильн., керамическ., кожевенн. и др. фабрики).

Пуэбло, гор. в сев.-америк. шт. Колорадо, на р. Арканзас, 43.050 ж. (1920). Сталелитейное и машиностроит. производство.

Пуэбло, 1) индейцы *pueblos*, 2) общественные жилища, см. *Америка*, II, 439, 446/447; *американские древности*, прилож. 2.

Пуэрперальный период, см. *роды*.

Пуэрто де Санта Мария (*Эль Пуэрто*), гор. и морской порт в исп. пров. Кадикс, на р. Гвадалете, у Кадикской бухты, 20.120 ж. Мавританск. цитадель, готич. церковь XIII в. Торговля хересом.

Пуэрто Коломбия (*Саванилья*), гл. порт Колумбии, в деп. Боливар, при впадении р. Магдалены в Карибск. м.; соединен ж. д. с важн. торг. гор. Барранкильей (*см.*).

Пуэрто-Плата, гор. на сев. берегу о. Гаити, 26.073 ж. (1921), главная гавань респ. С.-Доминго. Угольные копи.

Пуэрто-Принсипе (офиц. *Камагуей*), гл. гор. одноим. пров. на о. Кубе, 93.145 ж. (1924). Торговля скотом, фруктами, сахаром, медом, воском. Осн. в начале XIV в.

Пуэрто-Рико, см. *Порто-Рико*.

Пфальц (лат. Palatinatus), область старой германской империи, распадалась на Верхний П. (Palatinatus Superior, или P. Bavariae) и Нижний, или Рейнский, П. (P. Inferior, или P. Rheni). Первый черезполосно с другими областями примыкал к Баварии с севера, второй, исконный П., занимал оба берега верхнего Рейна, охватывая территории епископств Вормса и Шпейера. На Рейне и началась история П. Область была первоначально населена аллеманами. При салических императорах там сложилась имперская территория, которая перешла к Гогенштауфенам. На нее перенесена была из Лотарингии должность пфальцграфа. При Фридрихе Барбароссе (1156) была учреждена должность пфальцграфа. В 1319 г. П. перешел к императору Людовику Баварскому, который в 1329 г. передал его своим племянникам, присоединив к нему несколько северных округов Баварии (Верхний П.). В 1356 г., по Золотой Булле, пфальцграф сделался одним из семи курфюрстов (*см.* XIII, 538). После смерти пфальцграфа Рупрехта III (1410), занимавшего в течение десяти лет королевский престол Германии, обе части П. вели раздельное государственное существование, но при прекращении княжеской линии в одной половине область переходила к другой. По Люневильскому миру (1801), Франция получила весь левобережный Рейнский П., правобережную часть поделили Бавария, Баден, Гессен-Дармштадт и Гессен-Нассау. Венский конгресс (1815) отдал левобережный Рейнский П. Баварии, Гессен Дармштадту и Пруссии, правобережную почти целиком Бадену. Баварский П. почти не выходил из владения Баварии.

Пфальцграф (Pfalzgraf, comes palatii или palatinus), во франкской монархии ближайший советник короля по судебным делам, замещал короля в королевском суде и руководил своим особым судом, где разбирались менее важные дела. Кроме того, по поручению короля мог исполнять временно и другие высокие поручения (посла, полководца). В послекаролингское время характер должности П. изменился. Оттон I пересадил ее в племенные герцогства, где П., как представитель короля, должен был быть противовесом герцогу, всегда бывшему в оппозиции к общегосударственн. тенденциям королевской власти. П. появились в Баварии, Саксонии и Лотарингии. Из последней должность была

перенесена на Рейн, где приурочена к территории, постепенно складывавшейся; в 1156 г. было появилось княжество Рейнский Пфальц, с П. во главе. П. рейнский и саксонский считались заместителями императора, что было зафиксировано по Золотой Булле (1356). П. рейнский приобрел особенно большое значение как заместитель императора по суду и судья над императором. С упразднением империи была упразднена и должность П. *А. Дж.*

Пфейфер, Генрих, см. *Германия*, XIII, 571; *социализм*, XL, 411.

Пфейффер, Рихард, род. в 1858 г. в Прусской Познани. В 1880 г. окончил курс в мед. акад. в Берлине. Бактериологическую подготовку прошел у А. Пфейффера в Висбадене. В 1891 г. получил звание пр.-доцента, а в 1894 г. стал профессором гигиены в Берлине. С 1891 г. заведывал отделом Института инфекционных болезней Р. Коха там-же. С 1899 г. по 1909 г. орд. профессор гигиены и бактериологии и дир. Бактер. инс-та в Кенигсберге, с 1909 по 1926 гг. в тех же должностях в Бреславле. С 1926 г. в отставке. В 1892—94 гг. производил работы по исследованию инфлуэнцы, открыв ее возбудитель. Имя П. связано с открытием бактериолитических иммунных веществ, легшим в основу чрезвычайно важного в учении об иммунитете „феномена Пфейффера". Последний состоит в том, что при впрыскивании в полость брюшины морской свинке холерных вибрионов, тифозных палочек или других микробов в смеси с соответствующими иммунными сыворотками эти микробы растворяются. Эта реакция широко применяется при изучении механиама инфекционных болезней и систематики их возбудителей (ср. *иммунитет*, XXI, 564, 566/8; *инфлуэнца*, XXII, 83).

Главн. работы: „*Mikrophotograph.* Atlas d. Bakterienkunde" (вместе с Френкелем), 1889, „*Untersuch. über. d. Choleragift*", „*D. Aetiologie d. Influenza*", „*Ueber. d. spezif. Immunitäts-Reaktion* b. Typhusbaz". с Колле), „*Ein neues Grundgesetz d. Immunität*", 1896.

Пфенниг, соврем. нем. монета, сотая часть марки (*см.*), равной ок. 48 к. Подобно родственному англо-саксонскому пенни (*см.*), П. известен уже в средние века (см. *деньги*); обычным обозначением его служило d (денар).

Пфеффер, Вильгельм (1845—1920). Ботаник-физиолог. Сын аптекаря. Сначала подготовлялся к фармацевт. деятельности и много работал по химии. В 1869 г. начал занятия по ботанике, работал в Вюрцбурге, по приглашению Сакса. После перемены неск. универс. городов, с 1878 г. стал професс. в Тюбингене. Здесь он выпустил 2 т. своих работ и работ учеников, „Untersuch. Botan. Inst. Tübingen", 1881—8. В 1887 г. он перешел професс. ботаники в Лейпциг, где и оставался до смерти. С 1895 г. редакт. вместе с Страсбургером „Jahrbücher f. wissensch. Bot." Среди крупных исследований наибольшей известностью пользуются „Osmotische Untersuch.", 1877 г. Ему посчастливилось достать однородные глиняные цилиндрики, с которыми он определил величину осмотического давления, получающегося с осадочными перепонками. Много лет спустя американскому ученому Морзе понадобилось 10 лет работы, чтобы получить числа лишь немного точнее, чем у П. Им проведены большие исследования над движением растений, и он много занимался явлениями раздражимости; к этим исследованиям он возвращался неоднократно. В связи с этими работами стоят его определения хемотаксиса. Он стремился выяснить основные свойства протоплазмы по отношению к ее проницаемости для различных питательных веществ—ее избирательную способность: для этой цели он удачно применил анилиновые краски. Много работы им было посвящено на выяснение сущности дыхания; особенно обстоятельно он проследил интрамолекулярное дыхание.

В своих об'яснениях процесса он стремился охватить его во всей его широте, свести явления к физиологическому равновесию и установить саморегулирование процесса со стороны растения.

К нему в лабораторию стекались молодые ученые со всего мира, и многие русские физиологи прошли через его школу (*ср.* XX, 290).

Ф. Крашенинников.

Пфефферкорн, Иоганн, один из противников гуманизма в Германии, родом еврей из Кельна, принявший хри-

стианство в 1506 г. Из мести прежним друзьям, нападавшим на него за вероотступничество, он выхлопотал у императора Максимилиана указ о сожжении всех еврейских книг, за исключением Библии. Но когда император, уже после подписания указа, спросил по этому вопросу мнение Рейхлина (*см.*), тот решительно взял еврейские книги под свою защиту. Это вызвало приостановку исполнения указа, и обозленный П. обрушился на Рейхлина бешеным памфлетом „Handspiegel“ (1511). Завязалась полемика, в которую были вовлечены и другие гуманисты. Кульминационным ее моментом было появление „Писем темных людей“ (*см.*), где П. подвергся беспощадному осмеянию, вплоть до разоблачения связи между его женой и Ортуином Грациусом (*см.*). После этого он скоро сошел со сцены. *А. Дж.*

Пфинцинг, Мельхиор, немецк. писатель (1481—1535), см. *Германия*, XIV, 257.

Пфицнер, Ганс, видный немецкий композитор послевагнеровской эпохи; род. в 1869 г. в Москве, ученик своего отца и консерватории во Франкфурте. Был капельмейстером, в 1908 г. стал во главе страсбургской консерватории. Из двух его музыкальных драм особенный успех на многих немецких сценах имела „Die Rose vom Liebesgarten“ (1901). Много написано П. крупных вещей для хора и оркестра, песен, а также произведений камерного ансамбля (виолонч. сонаты, трио, квартет, квинтет). *Ю. Э.*

Пфланцер-Балтин, К., см. XLVI, *военные деятели эпохи мир. войны*, 398[1]; также 67/95.

Пфлаум, см. *звук*, XXI, 16.

Пфлюгер (Pflüger), Эдуард, знаменитый немецк. физиолог (1829—1910), один из выдающихся представителей блестящей плеяды учеников Иоганнеса Мюллера, решительно порвавших с витализмом и культивировавших физико-химические методы исследования в физиологии. С 1859 г. был проф. в Бонне и директором Физиол. института. В 1852 г. появилась первая работа П. „Die sensorischen Functionen d. Rückenmarks der Wierbeltiere“, а в январе 1910 г.—последняя „Über d. Muttersubstanz d. Glykogenes“. За этот промежуток времени им было опубликовано свыше 200 работ, большею частью в основанном им в 1868 г. всемирно известном ныне журнале „Archiv für d. gesammte Physiologie d. Menschen und d. Tiere“, которому после смерти П. присвоено его имя. Работы П. относятся к различным отделам физиологии и везде имеют важное или даже основное значение. Будучи еще студентом, а затем и прив.-доцентом в Берлине, он работал в области нервно-мышечной физиологии. Его большая монография „Die Physiologie d. Elektrotonus“ (1859) является и поныне классическим исследованием. В 1859 г. П. получил кафедру в Бонне (после Гельмгольца, перешедшего в Гейдельберг) и здесь в течение целого полустолетия совместно со своими многочисленными учениками, среди которых были и русские, работал по преимуществу в области физиологии обмена веществ и в частности газообмена. В этой области П. явился реформатором, смело выступавшим с критикой господствовавших неверных учений и всегда обосновывавшим свою критику глубоко продуманными и методически блестяще проведенными экспериментами. Его классические исследования о месте окислительных процессов в организме и о роли в этих процессах живой протоплазмы, его работы о газообмене между воздухом и кровью, с одной стороны, и кровью и тканями—с другой, исследования об источниках мышечной силы, об основных законах питания и др. составляют в своей совокупности основу всей современной физиологии дыхания и обмена веществ. *М. Шатерников.*

Пфорцгейм, германск. гор. в респ. Баден, при слиянии р. р. Энца, Вюрма и Нагольда, 78.859 ж. (1925). Значительное ювелирное производство, машиностроительные, бумажные, химические и др. фабрики. Дворцовая церковь XIв. с кладбищем. В XIV—XVI вв. служил резиденцией маркграфов Баденских.

Пфуль (Pfuel), Карл Людвиг Август, генерал (1757—1826), родом пруссак, служил в прусск. армии, после Иены перешел на русск. службу, составил

первонач. план операции против Наполеона в 1812 г.; в центре его стояла идея Дрисского укрепл. лагеря. Крушение плана послужило причиной крушения карьеры П. Он покинул Россию, но впоследствии был назначен посланником в Голландию.

Пфуль (Pfuel), Эрнст, прусск. генерал (1779—1866), в 1799 г. поступил на военную службу в Пруссии, потом служил в австр. и русск. армиях, в 1815 г. вернулся в прусскую, в 1848 г. произв. в полные генералы. В мартовские дни 1848 г. был военн. губерн. Берлина и очень вяло сопротивлялся революционным отрядам. В мае подавил движение в Познани. В сентябре, после отставки Ауэрсвальда, стал во главе кабинета, но в конце октября должен был выйти в отставку и покинуть ряды армии. В 1858 г. был избран в палату.

„Пчела", сборник изречений, переведенный с греческого на старинный русский литературный язык, один из самых обширных этого рода памятников в старой русской письменности (в „П." свыше 70 глав, с 50 приблизительно изречениями в каждой). По своему составу это — один из многочисленных т. н. „флорилегиев" византийской письменности, представляющий собрание изречений из св. писания, писаний отцов церкви и древних философов, преимущественно греческих, расположенное по отдельным нравственным, реже житейским, принципам. Как изложенные в краткой, иногда остроумной, легко усвояемой форме, изречения „П." пользовались большой популярностью в старой русской письменности, оказывая влияние на другие произведения, а сама „П." подвергалась переработкам применительно к потребностям времени, воспринимая в свой состав аналогичные материалы из других памятников как письменных, так и устных, напр. пословиц, близко ей родственных по духу. Поэтому известно несколько уже русских редакций „П." в старой письменности. Первоначальный перевод „П." сделан с одного из греческих текстов, приписываемых Максиму Исповеднику (VIIв.), в конце XII в.; существовали переводы и других греческих редакций этого сборника: один, сделанный в Болгарии в XIV веке, вскоре перешедший в русскую письменность, другой — в трех частях, приписывавшийся Антонию и тому же Максиму, — переведен в юго-западной Руси в 1599 г.

См. *М. Н. Сперанский*, „Перев. сборн. изречен. в славянорусск. письменн.", М., 1904; *В. Семенов*, „Древнерусская П. по пергаменному списку". Спб., 1893.

М. Сперанский.

Пчела *(Apis)*, род насекомых из сем. *Apidae* (пчелиные); 4 вида: большая индийская П. (*A. dorsata*), средн. инд. П. (*A. indica*), малая инд. П. (*A. florea*) и наша обыкновенная медоносная П. (*A. mellifera* L.). Первые три вида живут в пределах Индийской области, при чем „средняя" индийская, наиболее похожая на нашу, заходит в Приморскую область и Японию, а обыкновенная или медоносная П., о которой говорится далее, широко распространена по земному шару, при чем некоторые страны и даже части света получили П. в историческое время, а иногда даже точно известно, когда именно, и никогда не имели первобытно-диких П. Так, не было обыкновенных диких П. в Сев. и Южн. Америке, в Австралии, в Туркестане, в Приморской обл. (живет дико индийская). Весьма вероятно, что и обыкновенная дом. П. происходит из Индийской обл. Ее южное происхождение сказывается в большой чувствительности к холоду, а в особенности в том, что в противоестественных для размножения условиях зимовки в холодном климате матка начинает откладывать яйца еще задолго до наступления весны. Несомненно, что на широкое распространение обык. П. мог оказать влияние и человек. В разных местах своего жительства П. в большей или меньшей степени изменчива. Особенно ясно отличаются от обыкновенных европейских африканские П., образующие несколько мало изученных подвидов, живущих среди некультурных местностей и разводимых полудикими племенами первобытным образом. Из африканских П. наиболее известная египетская, подвид *A. mellifera fasciata* Latr., отличающаяся яркой желтизной (с красноватым оттенком) передней

части первых четырех члеников брюшка. Эта желтизна разных оттенков характерна и для итальянской П., описанной как подвид *ligustica* Spinola. Совершенно похожи по внешним признакам на итальянских и желтые кавказские П., отмеченные Палласом под названием *A. remipes*, которых теперь называют закавказскими или персидскими П. (Горбачев). Отличаются желтизной и кипрские П., считаемые обычно породой. Большая неопределенность в систематике пород П. происходит в значительной степени оттого, что П. отличается сильной изменчивостью и индивидуальной и под влиянием внешних условий, а кроме того, широко проявляется метизация, совершающаяся обычно вне контроля пчеловода и создающая всевозможные переходы в окраске и размерах. В настоящее время идет усиленная работа по биометрике П., т.-е. изучению ее признаков измерениями с точностью до 0,01 мм. и последующей обработке этих данных методами вариационной статистики, и в этой работе и приоритет и мировое первенство принадлежат нашей стране. Несмотря на применение точной методики, вопрос о внешних признаках пород П. еще далеко не решен. Еще труднее поддается точному решению вопрос о внутренних качествах пород, что особенно важно для практики. Пчеловоды склонны придавать преувеличенное значение мелким, трудно уловимым признакам П. определенной местности и оценивать их как породу. Так, в пределах в общем однотипной среднеевропейской (она же среднегерманская и среднерусская) П. немцы отличают люнебургскую „вересковую“ П. по ее замечательной склонности к роению, без каких-либо внешних отличий, крайнскую (от австрийской провинции „Крайна“), отличимую ничтожными признаками пушистости; мы пытаемся отличить украинскую по трудно уловимым признакам пушистости, а в последнее время и биометрически. На Кавказе, кроме вышеупомянутых желтых П., живут серые горные П., из которых абхазские славятся как наиболее длиннохоботные. Подобно желтым кавказянкам, они не склонны жалить. Эта порода теперь особенно сильно рекламируется в связи с вопросом о способности длиннохоботных П. работать на красном клевере (см. *пчеловодство*). Однако, увлечение русских пчеловодов иноземными матками служит только к выгоде торговцев ими и в ущерб работе по улучшению местных П. путем отбора.

П. принадлежит к числу полиморфных животных. Кроме обычного полового диморфизма, в пределах вида имеется третья форма, рабочая П. Это —самка, но существенно отличающаяся во всех чертах своего строения от матки, вполне развитой самки, родоначальницы семьи. Обычно между маткой и рабочей нет переходных форм, как это бывает, напр., у шмелей, но в 1919 г. Г. А. Кожевниковым была найдена настоящая переходная форма, а впоследствии несколько экземпляров были получены экспериментально, при чем они все замечательно отличались друг от друга. Общий план строения всех трех особей пчелиной семьи: матки, трутня и рабочей—одинаков, но в подробностях большие отличия.

Голова матки и рабочей в общем сходны между собой, а у трутня большие отличия; его сложные глаза занимают значительную поверхность головы, сходятся на темени и оттесняют оттуда на лоб 3 простые глазка. Различна и форма верхних челюстей, при чем у матки они сильно развиты, а у трутня резко атрофированы. Длина хоботка (*рис. 1*) у рабочей 6—7 мм., у матки 3,5 мм., у трутня 4 мм. Здесь мы видим явное недоразвитие столь важного органа, как орган добывания пищи, и в связи с этим исчезновение самого инстинкта добывания пищи: и матка, и трутень могут жить только на приготовленном для них рабочими корме. Колебания в длине хоботка рабочей создали целое направление в современном научном пчеловодстве—стремление характеризовать „породы“ длиною хоботка, но при этом выяснилось, что эта длина чрезвычайно неустойчива и находится в некотором соотношении с географическим положением местности. Наиболее важны отличия в строении задних ножек. У рабочей

на первом, сильно увеличенном членике задней лапки (tarsus) имеется щеточка из нескольких рядов жестких щетинок. Этой щеточкой рабочая П. очищает с волосков, покрывающих все ее тело, приставшие к ним пылинки цветня из тычинок посещаемых П. цветов. Из этой цветочной пыльцы П. ловко скатывает „обножку", прикрепляемую ею в особое небольшое углубление на голени задней ножки. Вес обножек на обоих ножках замечательно одинаков, что доказывает тонкость чувства осязания и равновесия. Цветочная пыльца, наз. пчеловодами „пергою", складывается П. в ячеи и плотно там утрамбовывается. Это—запас азотистой пищи, особенно необходимой при кормлении личинок и при работе восковых желез. За редкими исключениями П. всегда в избытке снабжены пергою. Пчеловоды пока не умеют учитывать ее экономическое значение как при суждении о колебаниях веса контрольных ульев, так и при суждении о количестве потребляемого П. корма. На ножках же приносится собираемый П. смолистый „прополис", пчелиный клей. В строении брюшка существенное отличие рабочей от матки и трутня заключается в том, что у рабочей на четырех последних из шести брюшных полуколец имеются особые места *(рис. 2)*, назыв. „зеркальцами", где хитин тонок и лишен волосков, а под ним изнутри лежат вырабатывающие воск кожные клетки—восковые железы. Воск в жидком виде просачивается через мельчайшие поры „зеркалец" и затвердевает снаружи в щели между двумя полукольцами, так как предшествующее полукольцо прикрывает переднюю половину последующего. Воск выделяется П. непроизвольно, и неиспользованные восковые пластинки теряются без пользы, что служит одним из доводов против проповедников ограничения постройки новых сотов.

Вынимая задними ножками восковые пластинки из щели между члениками, П. мнет воск челюстями и лепит из него двусторонние соты с ячейками шестигранной формы и трехгранными донышками. Такая форма постройки является наиболее выгодным способом использования материала и пространства. Граненость ячей об'ясняется как результат всестороннего давления при постройке. Математической правильности ячей не существует. Типы ячей таковы: ячеи для вывода рабочих П., более крупные—для трутней, совсем особые, не граненые, а похожие на жолуди — для маток и более высокие, чем рабочие, и наклоненные вверх—для меда. Эти медовые ячеи определ. высоты не имеют. П. строят соты лишь весною и летом, особенно энергично во время наибольшего расплода. Особой строительной способностью отличаются рои, почему их сажают на рамки с узенькими полосками вощины, чтобы получить свежие соты. Весной П. особенно склонны строить трутневые соты. В задней части брюшка и матки и рабочей помещается хитиновое жало *(рис. 3)*, которое есть не что иное, как видоизмененный яйцеклад, придаток женских половых органов. У матки оно вместе с функцией жаления сохраняет и функцию яйцеклада. Так как рабочие иногда кладут яйца, то это относится и к ним. Жало весьма сложный с механической точки зрения аппарат, существенная часть которого состоит из непарных „салазок", по которым скользят два зазубренных тончайших стилета. Толчок к скольжению этих стилетов дает маленькая треугольная пластинка, связанная с двумя другими пластинками. Эта система трех пластинок с каждой стороны, связанных мускулами, имеет назначение давать силу, толкающую стилеты и высовывающую их наружу. Зазубрины стилетов мешают жалу выйти из тела человека или иного животного с мягкой эластичной кожей, и ужалившая П. в своем усилии вырвать жало кончает тем, что все жало целиком вместе с ядовитыми железами, а иногда и частью других внутренностей, вырывается из тела П. и остается в ране, а смертельно изуродованная П. улетает. Пчелиный яд—хорошее лекарство от ревматизма. Некоторые люди (редкое исключение) тяжело реагируют на ужаление даже одной П.: повышение температуры, сыпь, т шнота, боль в груди, общее недомогание. Опасны ужаления для маленьких детей

и для людей с больным сердцем. Повторные ужаления понижают у нормальных людей чувствительность к яду. Лучшее средство ослабить действие ужаления—моментально удалить жало.

К широким краям передней части жала прикрепляется конец влагалища. Половой аппарат матки *(рис. 4)* и рабочей состоит из одинаковых отделов. 2 яичника, в каждом из которых у матки от 110 до 180 яйцевых трубочек, а у рабочей от 1 до 20. Два яйцевода, семяприемник и короткий непарный яйцевод, переходящий в расширенное влагалище. Матка выходит из ячеи (маточника) с недоразвитыми яйцевыми трубочками, которые в течение первых дней жизни матки постепенно развиваются, делятся на яйцевые и желточные камеры, при чем об'ем яичников увеличивается раз в пять. У рабочей нормально немногочисленные трубочки яичников в течение всей жизни остаются в недоразвитом состоянии. Лишь в том случае, когда в семье нет матки и рабочим, кормилицам личинок, некого кормить, обильно потребляемая ими вследствие не угасшего инстинкта кормления азотистая пища (перга) идет всецело на их усиленное питание, в результате этого у нескольких сот рабочих в улье яйцевые трубочки начинают развиваться, формируются яйцевые и желточные камеры, часто уродливые, и образуются яйца. Неизвестно, все-ли П. с раздутыми яйцевыми трубочками откладывают яйца, т.-е. становятся настоящими „трутовками", по выражению пчеловодов, но несомненно, что таких яйцекладущих П. бывает в с е г д а несколько. Количество же всех П. с развитыми трубочками, которых мы предлагаем называть „анатомическими трутовками", бывает несколько сот.

Семяприемник матки *(рис. 5)* по об'ему в несколько десятков раз больше семяприемника рабочей П., у которой он никогда не функционирует, вследствие чего она может в качестве „трутовки" класть только неоплодотворенные яйца, из которых путем девственного размножения (партеногенезиса) развиваются только самцы, трутни. Семяприемник матки представляет собою шарик, наполненный неизвестного состава прозрачной жидкостью, которая обладает удивительным свойством быть средой, поддерживающей жизнь попавших в семяприемник живчиков трутня в течение 3—4 лет. Семяприемник соединяется с непарным яйцеводом тоненьким канальцем, стенки которого соединены со сложным микроскопически малым мускульным аппаратом, работа которого открывает обычно сжатый просвет выводного канальца семяприемника. Вышедшая микроскопическая капелька содержимого семяприемника заключает в себе, конечно, несколько живчиков. Идущие из яичника по яйцеводам неоплодотворенные яйца, проскальзывая мимо этой содержащей живчики капельки, оплодотворяются. Но возможна случайность, что яйцо проскользнет не оплодотворившись (хотя бы потому, что капелька иссякла, а новая не успела выйти). Только этим можно об'яснить, почему у самой хорошей плодной матки среди сотен ячей с рабочими неожиданно выдается одиночная ячея с трутнем в рабочей ячее. Самое замечательное в кладке яиц маткою состоит в том, что при безусловно одинаковых условиях, на промежутке времени в несколько секунд, она может положить и оплодотворенное яйцо в рабочую ячею, и неоплодотворенное в трутневую. Всякие механические причины оплодотворения в одном случае и неоплодотворения в другом безусловно исключаются, кроме одной: в первом случае матка пускает в ход отмыкающий мускульный аппарат семяприемника, во втором — нет. Если матка почему либо не оплодотворится, то она кладет только трутневые яйца.

Половые органы трутня состоят из двух семенников, двух семенных протоков, двух семенных пузырьков, двух придаточных слизеотделительных желез и семеизвергательного канала, постепенно переходящего в весьма своеобразно устроенный орган спаривания *(рис. 6)*, имеющий вид расширенного канала с причудливыми складками и утолщениями и двумя боковыми выростами в концевой части. В одном из расширений этого хитинового канала скопляется масса живчиков, смешанная со слизью, и образует сгусток, так наз. с п е р м а т о ф о р. При спаривании орган не выдвигается, как у других насекомых, а выворачивается наизнанку, образуя весьма причудливую фигуру, при чем та его часть, где находится сперматофор, оказывается концевой и, следовательно, наиболее далеко продвигается вглубь полового органа матки, при чем сгусток с живчиками оказывается против того места, где находится отверстие канала семяприемника. Боковые выросты совокупительного органа заходят в боковые расширения влагалища и вместе с другими выступами и шероховатостями создают прочное сцепление полового органа с влагалищем матки. Спаривание совершается всегда вне улья, на лету, и кончается тем, что трутень умирает, застрявший орган его отрывается, и матка, освободившись от трупа своего супруга, возвращается в улей с торчащим из ее полового отверстия обрывком его полового органа, со „знаком оплодотворения", как говорят пчеловоды. Вхождение живчиков

внутрь семяприемника происходит, конечно, путем их активной подвижности, так как иной способ попадания через тончайший канал семяприемника механически невозможен. Вероятно, застревание органа трутня во влагалище матки есть своеобразное приспособление для того, чтобы было время для вползания живчиков в семяприемник.

Как правило, матка оплодотворяется однажды на всю жизнь, но были доказанные случаи повторного оплодотворения. Условия этой повторности еще не изучены. Если матка при брачном вылете не встретит трутня и это повторится несколько раз, то у нее навсегда пропадает охота к вылету, и она остается девственной, т.-е. негодной для пчеловода, так как может производить только трутней. Многие пчеловоды придумывают фантастические об'яснения тому факту, что из тысяч трутней лишь единицы выполняют свое назначение самцов. Единственным об'яснением этой кажущейся странности является то, что для благополучной встречи на короткое время вылетающей матки с трутнем необходимо, чтобы воздух над пасекой был насыщен трутнями.

Случайность встречи матки с неизвестно каким трутнем ставит пчеловода в исключительно невыгодные условия с животноводственной точки зрения. При обычном ходе дела ни о каком отборе производителя-самца не может быть речи. Но общие соображения приводят нас к необходимости для улучшения породы „в себе" давать развиваться трутням и маткам только в наилучших семьях. Большинство пчеловодов пренебрегает этим основным правилом животноводства и тем подрывает доходность своей пасеки.

В кишечном канале П. *(рис. 7)* мы имеем ту особенность, что следующее за узким пищеводом, лежащее в передней части брюшка расширение — зоб — служит временным помещением для собранного П. нектара, и в этом помещении под действием ферментов слюнных желез, а по мнению некоторых и стенок зоба, происходит превращение нектара в мед. Содержимое зоба выплевывается П. в ячейки, там происходит испарение лишней воды (созревание меда), и когда мед достигнет определенной густоты, степень которой П., очевидно умеют оценивать, они закрывают („запечатывают") ячеи восковой крышечкой. Ячейки с пергой не запечатываются. Средняя кишка П., как и у всех насекомых, выполняет функции желудка, а во втором отделе задней кишки, в толстой кишке, скопляются извержения. Так как П. во время зимовки, при нормальном состоянии ее здоровья, не испражняется, то задний отдел кишечника раздувается до громадных размеров, стесняя другие внутренности. Длительность зимовки — явление ненормальное для П., родиной которой надо считать страны с мягкой зимой, а потому и чрезмерное переполнение кишечника в климате средней и северной России надо считать явлением ненормальным, подрывающим здоровье П. В мягком климате южной Германии П. в течение зимы несколько раз делают вылеты, опорожняя свой кишечник Это возможно, конечно, лишь, при зимовке без омшаника.

Отложенное маткой яйцо развивается в течение трех дней. Выведшаяся из него личинка, безразлично рабочая или трутневая, питается первые три дня так наз. „молочком", которое ей дают рабочие П. Большинство считает, что молочко есть выделение первой пары головных слюнных желез, которые развиты только у рабочих (всех слюнных желез четыре системы; некоторые считают две за одну). Но есть мнение, что питательное молочко и более густая питательная кашица взрослой маточной личинки являются содержимым средней кишки, отрыгаемым в ячейки. После трех дней молочко для рабочих и трутневых личинок заменяется менее питательной смесью меда и перги, а матка в течение всей личиночной жизни получает высоко питательную пищу, которая после трех дней дается в таком густом виде, что ее удобнее называть не молочком, а кашицей или „желе" (американский термин). Рост личинок весьма быстр, и на восьмой день после откладки яйца личинка рабочей перестает питаться, и рабочие ее „запечатывают" крышечкой не из чистого воска, а из воска, смешанного с пергой и вследствие этого скважистого, пропускающего газы, что необходимо для дыхания личинки. Маточная личинка запечатывается тоже на восьмой день, а трутневая на девятый. Пища дается рабочим и трутневым личинкам в обрез, а матке с большим избытком, так что по выводе матки обычно на дне остается подсохшее, никогда не загнивающее „желе". После запечатывания личинки плетут кокон, вещество которого выделяется из особых парных прядильных желез. Верхушка кокона состоит из переплетающихся нитей, а бока и дно из сплошной массы. После вывода личинки приставшие плотно к воску стенки кокона не удаляются, и второе поколение оставляет после себя второй кокон и т. д. В результате накопления коконов — уменьшение просвета ячеи и измельчание П. После изготовления кокона личинка обращается в куколку. Готовая куколка — сначала белого цвета, потом темнеет. Развитие матки продолжается 17 дней, рабочей — 21, трутня — 24 дня. Всякая ли-

чинка, вышедшая из оплодотворенного яйца, может быть воспитана как матка, если она еще не перешла на пищу рабочей, т.-е. если она не старше трех дней. П. переделывают рабочую ячею на маточник и продолжают кормить личинку питательной кашицей. Переделанные из рабочей ячеи маточники называются „свищевыми“ в отличие от „роевых“,—в основание которых кладется особая, устраиваемая рабочими, „мисочка“,—которые изготовляются при подготовке к роению. Интересно отметить, что личинка рабочей П. в течение всей личиночной жизни имеет яичник вполне сходный с яичником матки, и только при переходе в куколку начинается его дегенерация.

Нервная система П. отличается весьма сильным развитием надглоточного узла (мозга) и весьма большой сложностью его гистологического строения *(рис. 8)*. По об'ему мозг трутня в общем больше мозга рабочей *(рис. 9)*, но значительная часть этого об'ема приходится на глазные доли, а центральная часть мозга больше всех у рабочей, что и соответствует ее более сложной нервной деятельности. Сложные глаза П. приспособлены для смотрения вдаль и широкого кругозора; с их помощью П. постепенно изучает дороги от улья в места взятка и летает потом по определенным путям. П. способны различать цвета, но не все. Обоняние у них сосредоточено в чувствительных ямочках хитина на усиках и очень хорошо развито. В жизни П. обоняние играет важную роль: оно помогает отыскивать взяток, оно дает возможность отличить своих от чужих. За последнее время доказано Фришем, что П. способны отличать многочисленные запахи и что их можно „дрессировать“ на запах, т.-е. установить ассоциацию между представлением о не имеющей запаха пище (сахарном сиропе) и искусственно сопровождающим ее запахом (не примешанным к нему). Органы слуха найдены у матки, трутня и рабочей в голени ножек в виде тяжей, натянутых как струны между двумя местами кожи и стоящих в связи с воспринимающими нервными клетками. Что П. слышат разнообразные звуки, доказывается как перекликанием маток перед выходом вторака (см. ниже), так и реакцией П. на разного типа жужжания, производимые другими П. За орган вкуса предположительно считают группы чувствительных палочек у основания язычка и чувствительные ямочки в стенке глотки. Наличность чувства вкуса у П. не доказана научно. Осязательные волоски разбросаны у П. по всему телу. Восприятия, идущие ото всех этих органов чувств, являются источниками рефлексов, значение коих в жизни П. очень велико. Новейшие наблюдения доказывают, что П. сигнализируют в улье о нахождении ими взятка особыми движениями („танцами“), при чем предполагают, что к жестам присоединяется запах только что посещенных цветов и набранного нектара. Обычно, наблюдая жизнь П., мы имеем дело не с жизнью отдельных особей, а с жизнью коллектива, с жизнью семьи, как биологической единицы. За последнее время, путем применения метода индивидуальной метки П. разноцветными пятнышками, много работают над выяснением их индивидуальной жизни, при чем имеются наблюдения, что в разные периоды своей жизни П. проделывает неодинаковую работу: первые три дня жизни она чистит ячейки, подготовляя их к новой кладке матки, и согревает детку; в возрасте от трех до шести дней она кормит личинок старшего возраста (старше 4-х дней) смесью меда и перги; в возрасте от 6—13 дней П. кормит молодых личинок „молочком“; от 13 до 20 дня жизни она производит разные работы в улье, в том числе принимает мед от лётных П., утрамбовывает пергу, сторожит вход и т. п., а также учится летать; и только после 20-го дня жизни П. становится лётной и ходит за взятком (Реш).

Важным моментом жизни семьи является роение. Всякие попытки отыскать основную причину роения в совокупности внешних условий биологически необоснованы: основная причина одна — инстинкт размножения, а окружающая обстановка может или тормозить проявление этого инстинкта, или дать ему вполне развиться. Размножение в форме увеличения особей в одной семье не имеет значения для благоденствия вида: погибнет ли, или народится семья в 10 или 100 тысяч П., все равно; речь идет об одной биологической единице. Наоборот, для вида не безразлично, представлен ли он в данной местности малым или большим числом семей. Роение и есть увеличение числа семей, необходимое для процветания вида. При выходе первого роя („первака“) из улья уходит старая плодная матка с лётными П. Остаются один или несколько запечатанных маточников и обычно еще несколько более молодых незапечатанных. Когда дозревает старшая из молодых маток, она выходит из маточника и ходит по сотам. Обычно это бывает на девятый день по выходе первака. Она при этом издает особые звуки, похожие на „ти-ти-ти“, а сидящие в маточнике созревшие матки отвечают звуками, похожими на „ква-ква-ква“. Если пчелы предоставлены самим себе, то это предшествует выходу второго роя („вторака“) с одной или несколькими

неплодными матками. Потом может выйти третий и т. д. рой, до семи и более, понятно, очень мелких. В интересах вида,— чтобы роев было больше, хотя бы маленьких.

Другим своеобразным моментом в естественной истории П. является уничтожение трутней. Оно происходит в конце лета, по окончании роения и главного взятка, в различные сроки, смотря по совокупности условий. Трутни изгоняются из улья и быстро погибают от голода, а отчасти от ночного холода.

Литература: Г. А. Кожевников, „Материалы по естественной истории П." выпуск I, 1900; выпуск II, 1905; Изв. Общ. Люб. Естеств., т. 99; *Э. Цандер*, „Строение П.", 1927; *его же*, „Жизнь П.", 1927; *Цесельский*, „Пчеловодство", ч. I. Природа П." 1893; *В. Шванвич*, „Цветы и насекомые", 1928; *R. Snodgras*, „Anatomy and Physiology of the Honeybee", 1925; „Archiv f. Bienenkunde", 1920—1928.

Таблицу рисунков см. *в приложении.*

Г. Кожевников.

Болезни пчелы. Личинки П. заболевают заразными болезнями бактериального происхождения, известными под общим названием гнильца. Точное распознавание двух видов гнильца возможно только путем специального бактериологического исследования, так как разные виды болезни вызываются разными видами бактерий. Так наз. американский гнилец вызывается микроорганизмом Bacillus larvae, а европейский—микроорганизмом B. pluton, к которому незадолго до смерти личинки, а чаще уже после ее смерти присоединяются два других микроорганизма— B. alvei и Streptococcus apis, не являющиеся, как прежде думали, причиной смерти личинки.

Американский гнилец заразительнее и опаснее европейского. Он поражает, гл. обр., печатную детку; разложившийся труп личинки превращается в сильно тягучую массу. Европейский гнилец поражает, главным образом, непечатную детку. Гниющая масса не отличается тягучестью и издает сильный противный запах. Этот гнилец менее злокачественен и легче поддается лечению.

Проявления гнильца, в особенности европейского, изменчивы и не вполне определенны для распознавания вида болезни „наглаз". Поэтому рядовому пчеловоду нельзя советовать заниматься таким распознаванием без помощи бактериолога или очень опытного пчеловода, а можно посоветовать следующее. Для предупреждения гнильца соблюдать на пасеке полную чистоту, не иметь никаких сношений с гнильцовыми пасеками, не покупать меда для подкормки из неизвестных источников, не пускать в дело подержанных ульев и инвентаря без предварительной тщательной дезинфекции, проявлять величайшую осторожность при покупке П. Легко уловимые признаки сильно развившегося гнильца: дурной запах из улья, вдавленные или продырявленные крышечки запечатанных ячей, тягучая коричневая масса в них, желтовато-бурый цвет гниющей открытой червы. Начало заболевания легко проглядеть. Убедившись в наличности гнильца в одном-двух ульях, лучше всего немедленно их сжечь совсем содержимым, особенно если пчеловод неопытен. Более экономен такой способ: вечером, когда кончится лёт, быстро стряхнуть всех П. больного улья в пустой улей, зарешетить леток и поставить в погреб. Все гнездо больного улья сжечь, место, где стоял улей, перекопать и засыпать негашеной известью. П. в пустом улье продержать день, если их встряхнули быстро и они не успели набрать зараженного меда, два дня,— если успели. Следить все время, не осыпаются ли от голода. Если это началось к вечеру первого или второго дня, то, когда кончится лёт П., вынести улей из подвала, стряхнуть их в пустой улей с навощенными рамками и накормить. Помнить, что П. не выносят голодания. Зараженный улей вычистить, дезинфецировать и лучше всего не заселять до следующего года. Помнить, что всякая соринка из зараженного улья, всякий инструмент, с которым в нем работали, руки и фартук пчеловода — источники заразы.

За последнее время в Америке изобретен сложный и дорогой, но верный способ лечении гнильца без уничтожения гнезда— путем дезинфекции сотов в ванне смесью из 2 частей неразведенного формалина и 8 частей спирта (обратиться к специалисту). Другие способы лечения с сохранением гнезда считаем непрактичными.

У взрослых П. есть несколько болезней, самая распространенная из которых нозематоз, происходящая от заражения кишечника спорами паразита Nosema apis из споровиков *(см.)*. Вышедшее из микроскопической споры амебовидное существо внедряется в клетку кишечного эпителия, живет за ее счет, в конце концов уничтожая ее и давая в заключение своей жизни много спор, которые выпадают в полость кишки и отчасти заражают свежие клетки, доводя среднюю кишку до полной пораженности (отчего и смерть), а отчасти в громадном количестве выбрасываются вместе с испражнениями. До своей смерти больная П. успеет полетать, заразивши спорами все окружающее, что делает невозможным радикальную дезинфекцию. Поражение кишечника вызывает понос, а так как наиболее сильно нозематоз развивается зимою, когда П. не вылетают, то все гнездо и стенки улья являются загаженными.

Лекарств от нозематоза нет. Паллиативные меры, ведущие к сокращению источников заразы — сжигание подмора и сора, тщательная чистка и дезинфекция ульев, рамок, инвентаря, усиленная перетопка старых сотов, индивидуальный уход за семьями (не перетасовывать рамок из улья в улей, пользоваться особыми инструментами для больных). На счастье пчеловодов молодые П. не заражаются, и после быстрого весеннего вымирания зимовавших новые поколения успевают за лето поработать, создавая картину как бы прекратившейся болезни, но зимою она опять проявится. В местностях, где нет нозематоза, надо провести полный запрет ввоза П. П. болеют еще бактериальным поносом, паратифом, но эти болезни мало изучены. Учение о болезнях П.— наука будущего

Враги пчелы. Пчеловоды склонны называть врагами П. всякое существо, уличенное в поедании П. или меда. Такой взгляд неправилен. Врагами П. надо называть тех, кто не случайно, а систематически нападает на них и их продукты. Из млекопитающих П. опасны только медведи и мыши, беспокоющие П. в зимовниках своей грызней и залезанием в ульи. Меры борьбы—общеизвестные. Из птиц заслуживающим внимания врагом является лишь золотистая щурка, или пчелоед (*см.*), *Merops apiaster*, водящийся на юге Европ. России, на Кавказе, в Туркестане и стайками нападающий на пасеки. Приходится отстреливаться. Из насекомых особенно опасны два вида бабочек, называемых „мотылицей“. Личинка проедает соты в ульях, но особенно опасна как истребительница запасов старых сотов. Превращение их в утрамбованную массу—хорошее предохранительное средство, равно как и окуривание серой. Чистота и сильные семьи лучшее средство против мотылицы в ульях. Муравьи иногда делают форменные набеги на ульи и медовые запасы. Надо уничтожать соседние муравейники (кипяток, сжигание с керосином) и ставить ульи на колышки, смазывая их гусеничным клеем или липкой смолой.

Хищная оса—филант, или „пчелиный волк“, размножаясь местами в большом количестве, губит много П.; вредна лишь при массовом размножении. На самих П. паразитирует своеобразное насекомое, слепая „пчелиная вошь“ (*Braula coeca*). Есть указания, что при окуривании П. табачным дымом вши осыпаются. Наиболее опасным врагом является пчелиный клещ, *Acarapis Woodi*, поселяющийся в трахеях и при сильном размножении удушающий П. Способы борьбы не разработаны, кроме удаления больных семей с пасеки или уничтожения их. Производятся опыты с некоторыми ядовитыми газами в дозировке, не убивающей П. Чистота в ульях и на пасеке — лучшая охрана от многих напастей.

Литература: *Э. Цандер*, „Болезни и вредители П.“, 1927; *И. Сербинов*, „Заразные болезни П.“, 1922; *И. Кораблев*, „Болезни П. и их лечение“, II изд.; *К. Горбачев*, „Гнилец, борьба с ним в дуплянках и рамочных ульях“, 1917; *А. Брюханенко*, „Полная победа над гнильцом у П.“, 1925; *В. Логинов*, „Что такое гнилец и как от него избавиться“; *Я. Пикель*, „Враги П. в России“, 1913; *А. Белявский*, „Враги П.“, 1927.

Г. Кожевников.

Пчелиные вши, см. *двужкрылые*, XVIII, 104; *пчела (болезни П.)*.

Пчеловодство, отрасль животноводства, имеющая своим предметом разведение пчел в целях получения меда и воска. П. развилось из первобытной „охоты за пчелами“, состоявшей в том, что люди отыскивали заселенные пчелами дупла и добывали оттуда мед и воск, закурив пчел. Такой способ добычи пчелиных продуктов широко распространен и теперь в лесистых местностях, так как ежегодно множество улетающих с пасек роев поселяются в дуплах, а кроме того и ранее поселившиеся в лесах пчелы дают рои. От природного дупла естественный переход к „борти“, т.-е. выдолбленному в толстом дереве помещению, закрываемому большими вставными втулками, „должеями“. Это первобытное „бортевое“ П. процветало в древней Руси, но и доселе сохранилось кое-где в Сибири и на Урале. От борти перешли к колоде, общеизвестной и широко распространенной среди крестьянства форме неразборного улья, представляющего собою обрубок толстого дерева в метр или немного более вышиною, выдолбленный внутри и закрывающийся двумя должеями. Другой тип неразборного улья—дуплянка, долбленый улей без дна, осматриваемый снизу в перепрокинутом состоянии. Распространен на Украине. Живя в колодах и дуплянках, пчелы в значительной мере предоставлены самим себе, и неумелому пчеловоду трудно напортить им своим вмешательством. Поэтому для незнающего сложного ухода за пчелами в разборных ульях и нежелающего этому учиться пчеловода неразборные ульи более подходящи, чем разборные.

К неразборным ульям относятся и куполообразные соломенные ульи, сильно распространенные в Германии, и плетеные из хвороста куполообразные или цилиндрические кавказские „сапетки“.

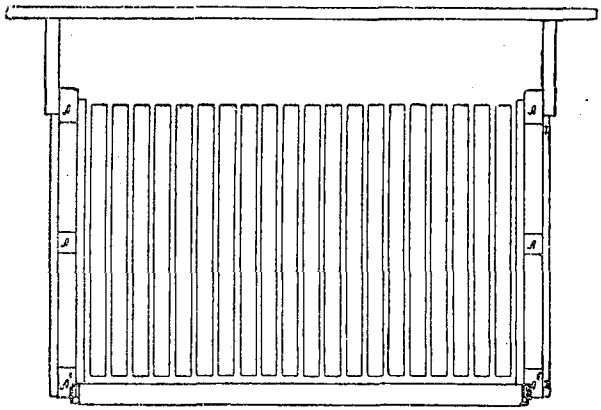


Рис. 1. Улей Лайанса со стенками, обитыми соломой, и с односкатной крышей, в поперечном разрезе (по Яницкому).

В неразборном улье жизнь пчел почти недоступна для наблюдения, и лишь с устройством разборных ульев она могла быть изучена, и на основе этого изучения постепенно развилось современное разумное П. Изобретателем разборного улья (в 1814 г.) был русский пчеловод П. И. Прокопович (1755—1850). Система его не вошла в пчеловодную практику, но первенство построения разборного улья установлено за ним. В течение ряда лет, однако, это изобретение было настолько основательно забыто, что даже русские пчеловоды приписывали первенство построения разборного улья немецкому пчеловоду Дзержону (1811 — 1907), который прикрепил соты к подвижным, вставляющимся в пазы линеечкам. Бока сотов в линеечном улье приклеиваются к стенкам, что делает улей полуразборным. Большим усовершенствованием разборного улья явилось изобретение рамки, в которую пчелы вделывают свой сот. Первенство изобретения рамки приписывают американскому пчеловоду Лангстроту (1851), но имеются данные, что известный наблюдатель над жизнью пчел швейцарец Ф. Гюбер изобрел рамку еще в 1792 г. при построении своего наблюдательного улья, а двумя годами позже Лангстрота до этого открытия самостоятельно дошел немецкий пчеловод барон фон Берлепш. С тех пор, т.-е. с конца пятидесятых годов, рамка, в которую вделан пчелами сот, стала символом разумного П. Но так как рамки можно делать весьма различных размеров, то вопрос об этих размерах явился одним из боевых вопросов пчеловодной техники, так как эти размеры определяют и размеры и форму улья. В понятие о „системе“ улья обязательно входит понятие о рамке. При всем разнообразии рамок их можно разделить на две категории: узко-высокие и низко-широкие, при чем размеры рамок (в миллиметрах) следует считать наружные, а не внутренние, так как толщина планок, из которых рамка сколочена, может колебаться, а размеры рамок должны быть величиной постоянной. Узко-высокие рамки: Лайанса—410 *мм.* выш. × 330 шир. *(рис. 1)*, Левицкого—432 × 240, так называемая „нормальная“ немецкая—370 × 220; низко-широкие: Дадан-Блатта—300 × 435 *(рис. 2)*, Лангстрота—232 × 446 *(рис. 3)*, Ханда- 125 × 450. Низкие рамки обязывают составлять гнездо улья из двух или нескольких этажей с одинаковыми рамками. В улье Дадан-Блатта с большей высотой рамки надставка состоит из полурамок. Такое отличие гнездовой рамки от магазинной бывает иногда неудобно, как, например, нельзя поставить магазинную рамку в гнездо в качестве

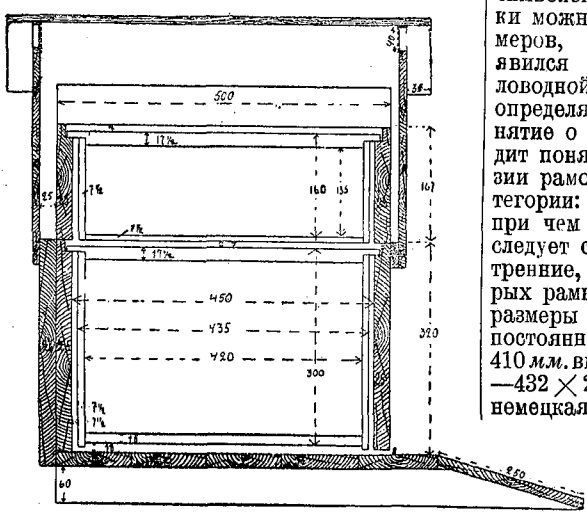


Рис. 2. Улей Дадана-Блатта на 12 рамок в продольном разрезе (Райковский).

зимнего запаса и вообще нельзя любой рамке дать любое назначение. Поэтому многие предпочитают Лангстрота-Рута с одинаковыми рамками в обоих этажах. Ульями „стояками“ некоторые называют ульи с узковысокой рамкой, а „лежаками“—с низко-широкой, что логически правильно, но среди пчеловодов за последнее время распространяется условное обозначение лежаками таких ульев, у которых рамки всегда в один этаж и расширение улья происходит не путем надставки, а путем добавления рамок в гнездо, а стояками—ульев двух и многоэтажных. При большом разнообразии ульев полезно установить некоторые основные признаки их классификации, независимо от рамки. Ульи бывают одноэтажные и двух или многоэтажные. Второй этаж чаще всего служит „магазином“, т.-е. надставкой, которую ставят при начале главного взятка для сбора чистого меда. При таком типе улья нижний этаж является гнездом, где идет расплод и где хранятся зимние запасы меда. При самой низкой из существующих рамке Ханда гнездо не бывает менее как из двух этажей (зимой, а летом улей многоэтажный). В ульях одноэтажных фактическим „магазином“ являются приставленные при усилении медосбора боковые рамки, но в делении ульев на категории „магазинными“ называют только ульи с надставкой. Ульи бывают разбираемые сбоку или сверху. У нас вынимание рамок сбоку улья, на себя, совершенно не употребительно, но в Германии ульи такого типа очень распространены в подражание первому немецкому рамочному улью Берлепша, разбиравшемуся „на себя“. Рамки в улье могут вставляться или перпендикулярно к той стенке улья, где леток, что называется „холодным заносом“, или параллельно стенке, где леток, „теплый занос“. Все указанные основные признаки, из которых главный—размеры рамки, характеризуют систему улья. Но ульи одинаковой системы могут быть разнообразной конструкции: одностенные или двустенные, двустенные с широким пространством между стенками, засыпаемым опилками, мякиной, сухим торфом, или двустенные с малым, ничем не засыпаемым промежутком между стенками, с отъемным или наглухо прикрепленным дном, с разными размерами и разным устройством летков, с разными крышами и потолками и с весьма разнообразными приемами столярной техники. Пчеловоды обладают весьма большой склонностью проявлять свою индивидуальность не только в конструкции ульев, но и в системе их, вплоть до произвольного изменения размеров типичных рамок — явление весьма нежелательное. Часто в изменение рамки не вложено никакой идеи, а оно является просто непривычкой работать строго по образцу. Поэтому замена ручного способа изготовления ульев машинным по общепризнанным образцам является одним из главных условий развития пчеловодной техники.

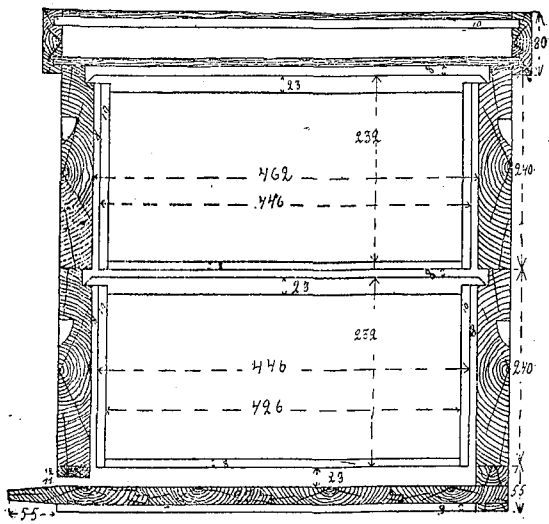


Рис. 3. Улей Лангстрота-Рута в продольном разрезе; разм. в миллиметрах (Брюханенко).

Основой правильного П. является создание для пчел благоприятных жизненных условий. Пчелы должны всегда иметь запас корма, так как они неспособны голодать. У нас значительная часть гибнущих зимой семей гибнет от голода. На зиму надо оставлять пчелам не менее 12 кило хорошего меда. Плохим медом считается мед с значительной примесью „пади“, т.-е. сладких извержений тлей, которые пчелы собирают вместо меда. Подкармливать пчел приходится и весной при отсутствии взятка и в конце лета (начале осени), если они мало собрали запасов. Правильное ведение хозяйства требует, чтобы у пчеловода всегда был на пасеке запас хорошего меда для подкормки пчел. Это пчеловоды, особенно русские, реже всего соблюдают, предпочитая подкармливать сахаром. Кроме того, пчеловоды любят отбирать осенью от пчел больше меда, чем следует, заменяя его более дешевым сахаром. Эти приемы выгодны с бюджетной точки зрения, но с точки зрения нор-

мальных условий пчелиной жизни они являются нежелательными, ибо сахар менее нормальная пища для пчел, чем мед, и значительно отличается от меда по своему химическому составу (*см.* XXVIII, 381). Единственное оправдание сахарной подкормки в том, что сахар свободен от всякой заразы. Опасность подкармливания медом заключается в возможности в нем заразы (гнилец, нозематоз), в виду чего покупать мед для подкормки можно только с заведомо здоровой пасеки, а самое правильное—пользоваться своим от заведомо здоровых семей. Другая опасность медовой подкормки—примесь пади. Второе условие пчелиного благополучия — тепло. Развитие яиц и личинок требует тепла, которое внутри улья бывает 20—25°С. и более и даже на зимовке бывает внутри клуба 15°С. и выше. Недостаток тепла задерживает развитие личинок, а сильное падение температуры может повести к их гибели. Это требует не только тщательности при постройке улья, но и хорошего утепления его сверху (соломенные маты, подушки). Источником тепла в улье являются сами пчелы, тело которых имеет высокую температуру, не воспринимаемую обыкновенными термометрами (если изучаем одиночную пчелу). По исследованиям К. Брюниха (1920), произведенным термоэлектрической иглой, температура рабочих пчел достигает 39,6°С., а трутней—48,4°С. Температура детки (личинок и куколок) достигает 45,3°С. Выделяемое пчелами тепло легко рассеивается, если занимаемое ими помещение слишком просторно, в виду чего оно уменьшается путем удаления рамок и вставки перегородок (так называемой диафрагмы), отделяющей незанятую часть улья от занятой. В холодное время пустое пространство закладывают подушкой, сеном и т. п.

Пчеловод не должен без нужды тревожить пчел осмотрами, но должен знать, когда эти осмотры необходимы. После выставки пчел из зимовника (омшаника) делается первый беглый весенний осмотр, при котором проверяется, есть ли матка в улье, удаляется подмор и сор, а также заплесневелые и почерневшие соты, проверяется, есть ли запас меда. Затем при вполне теплой погоде производится подробный осмотр (весенняя ревизия) каждой семьи и чистка улья и рамок. При нормальном ходе пчелиной жизни весной идет сильная кладка маткою личек, население улья растет, и пчеловод вставляет в гнездо новые рамки или с готовыми чистыми сотами из хранящегося запаса их, или с листами искусственной вощины (*рис. 4*). Так называют тонкие листы чистого воска, на которых металлическими вальцами (*рис. 5*) выдавлены трехгранные донышки ячеек пчелиного сота. Над этими донышками пчелы оттягивают стенки ячеек. Употребление искусственной вощины является одним из важных приемов пчеловодной техники. Она при наклейке узкими полосками дает пчелам направление постройки, при наклейке листами ускоряет постройку сотов и экономит выделяемый пчелами воск, хотя оценка этой экономии весьма неопределенна. Обычно принимаемое соотношение, что пчела потребляет около трех кило меда, чтобы выработать 1 кило воска, основано на весьма грубых опытах, при которых не учтено количество поедаемой пчелами перги (цветочной пыльцы), а также не выяснено, поскольку воск есть побочный продукт, образующийся вне зависимости от того, строят пчелы соты или нет. Затем нужно помнить, что воск нужен для рынка в большом количестве, несмотря на сокращение производства церковных свечей, и нельзя чрезмерно сокращать его производство нашими пчелами, усиливая ввоз его из-за границы. При умелом использовании естественного стремления пчел строить соты можно довести доход воска до килограмма с улья без ущерба для медосбора. Тем не менее, употребление искусственной вощины необходимо, и одно из ее важных применений состоит в том, что, заполняя ею сплошь рамку, вставленную в гнездо, мы тем самым лишаем пчел возможности строить соты с трутневыми ячейками и выводить чрезмерное количество трутней, к чему они весьма склонны, особенно весною.

До наступления роевой поры уход за пчелами сводится, главным образом, к правильному расширению гнезда, т.-е. к постепенной подстановке новых рамок, сообразуясь с силою семьи. Если пчел мало, то несоразмерное расширение гнезда поведет к его охлаждению и создаст ненормальные условия развития детки. Но современные пчеловоды прибегают специально к охлаждению гнезда в сильных семьях, желая помешать роению. Это охлаждение делается и усиленной подстановкой рамок и ранней постановкой надставки (магазина) или подставки, т.-е. одного из этажей улья с рамками или полурамками. Кроме охлаждения гнезда, постановка новых рамок, надставок или подставок усиливает строительную деятельность пчел, что, вероятно, тоже тормозит роевой инстинкт. Борьба с роевым инстинктом (см. *пчела*) входит в программу многих из современных пчеловодов и осуществляется многими, часто весьма хитрыми и далеко не всегда удающимися способами, из которых усиленное расширение гнезда самый простой. Для примера укажем на один из про-

Об‘яснения к таблице „ПЧЕЛА“

Рис. 1. Хоботок рабочей пчелы (нижняя губа с двумя нижними челюстями по бокам). Cd — сочленовная часть нижней челюсти; St — основная часть ее; Ga — концевая лопасть ее; Mx Plp — щупальце ее; Lr — соединение нижней челюсти с нижней губой; Smt—нижний подбородок (submentum); Mt—подбородок (mentum); Ges — язычек; Lbl — его „ложечка“; K — щель; Pgl — боковые придатки язычка; Plg — основание губного щупальца; Lb. Plp — губное щупальце; o — основание язычка.

Рис. 2. Пятое брюшное полукольцо рабочей пчелы. Белые места на рисунке — „восковые зеркальца“.

Рис. 3. Жало рабочей пчелы с брюшной стороны, обращенное острием вперед. Bgl — выводной проток малой ядовитой железы; Psn Sc — выводной проток ядовитого пузыря; Lct — стилеты; ShB — салазки, по которым скользят стилеты; ShA—боковые отростки их; Stn Plp — щупальца жала; IXS — остатки IX брюшного полукольца; Ob—продолговатая пластинка; Qd—„квадратная“ пластинка; Tri — треугольная пластинка.

Рис. 4. Половые органы, жало и ядовитые железы матки со спинной стороны. Ov — яичники; ov — яйцевые трубочки; OvD — яйцевод; Spm — семяприемник; SpmGl — железа семяприемника; Vag — влагалище; BCpx—расширенная его часть; BP—боковые выступы влагалища, куда входят выросты мужского органа (b на рис. 6); AglD — двуветвистая большая ядовитая железа; Agl — концевые расширения ветвей железы; PsnSc — ядовитый пузырь; Bgl—малая ядовитая железа; Stn—острие жала; StnPlp — щупальцеобразные придатки жала.

Рис. 5. Семяприемник матки. OvD — яйцевод; Vag — влагалище; Spm — семяприемник; SpmGl — железа семяприемника; b — выводной проток этой железы; d — выводной проток семяприемника; у места его отхождения от семяприемника показаны черточками мускулы, которые управляют расширением просвета канала.

Рис. 6. Совокупительный орган трутня в невывороченном состоянии, вид сбоку. EjD — семяизвергательный канал; Pen B — расширение, где образуется сперматофор; g — хитиновые пластинки в стенке этого расширения; f — боковой непарный вырост спинной стороны; e — хитиновые шершавые складки; d—хитиновая пластинка спинной стороны; c — пластинка брюшной стороны; b — боковые полые выросты, входящие в боковые выступы влагалища (рис. 4, BP); a — концевой отдел совокупительного органа, через отверстие которого происходит выворачивание наизнанку и выпячивание всего органа.

Рис. 7. Кишечник и слюнные железы рабочей пчелы. Phy — глотка; 1 Gl — первая пара головных (глоточных) слюнных желез; 2 Gl — вторая пара головных желез; 3 Gl—грудные слюнные железы; OE—пищевод; Mal—мальпигиевы сосуды; Vent—средняя кишка; SInt — тонкая кишка (передняя часть задней кишки); Rect — толстая или прямая кишка (задняя часть задней кишки); Hs — зоб (медовый желудок); Pvent — клапан между зобом и средней кишкой.

Рис. 8. Упрощенная схема расположения нервных центров и проводящих путей в мозгу рабочей пчелы: a — чувствующие нервы усиков; b — ассоциативные клетки; C, CC — соединительные волокна и клетки; E—комиссура между двумя сторонами мозга; Pk — грибовидные тела; St — их ножки; Gz — их ганглиозные клетки. Даже сильно упрощенная схема показывает большую сложность строения пчелиного мозга.

Рис. 9. Мозги: вверху — трутня, в середине — рабочей пчелы, внизу — матки в одном масштабе. Se — зрительные доли; Go — надглоточный узел; Pk — его специально дифференцированные части, так наз. „грибовидные тела“, развитие которых прямо пропорционально степени развития нервной деятельности насекомых; Fe — обонятельные доли; Gu — нижнеглоточный узел

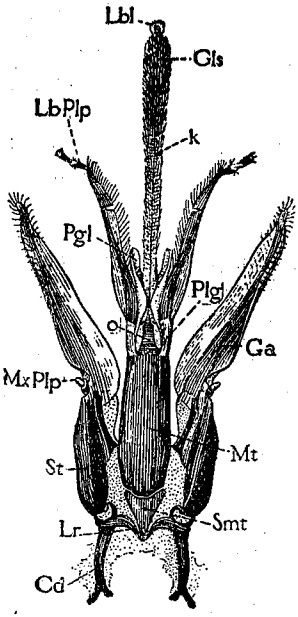


Рис. 1.

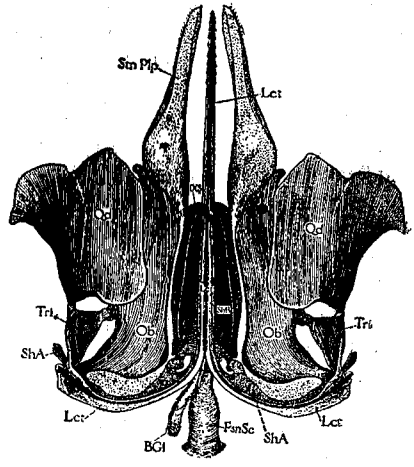


Рис. 3.

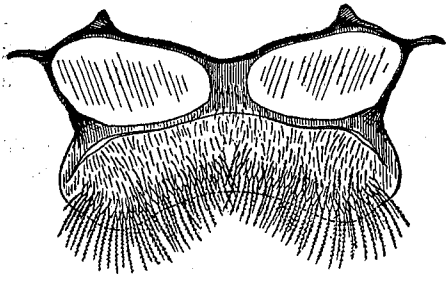


Рис. 2.

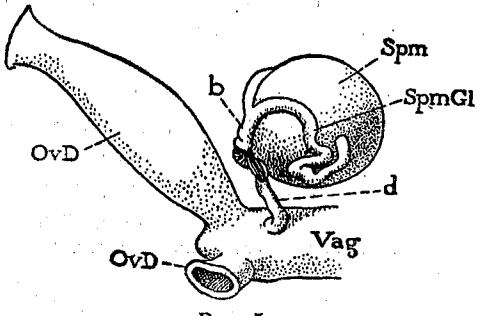


Рис. 5.

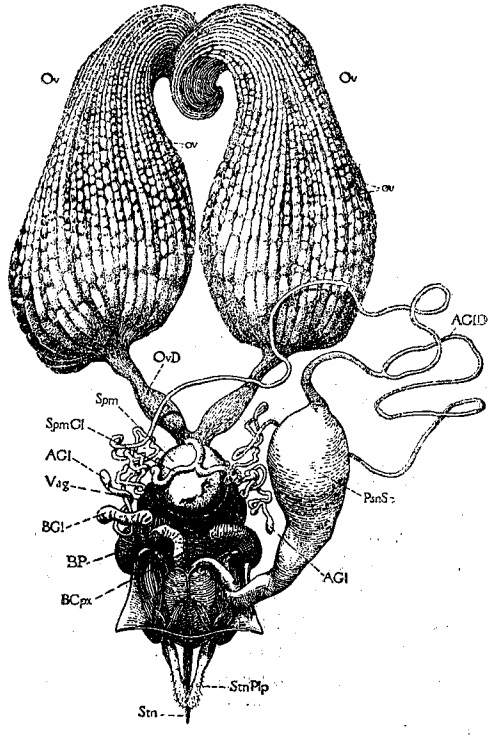


Рис. 4.

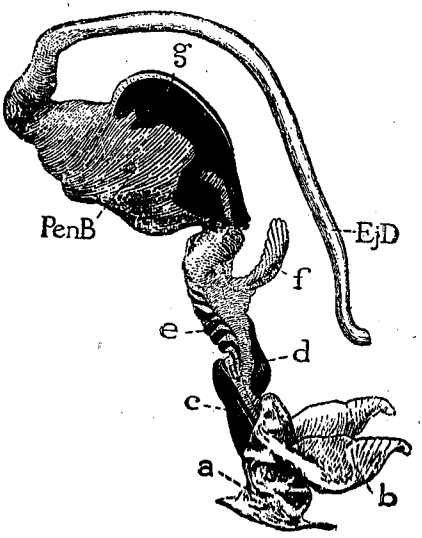


Рис. 6.

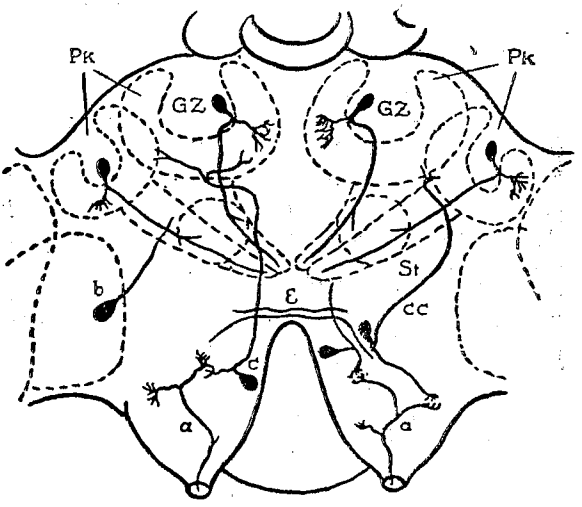


Рис. 8.

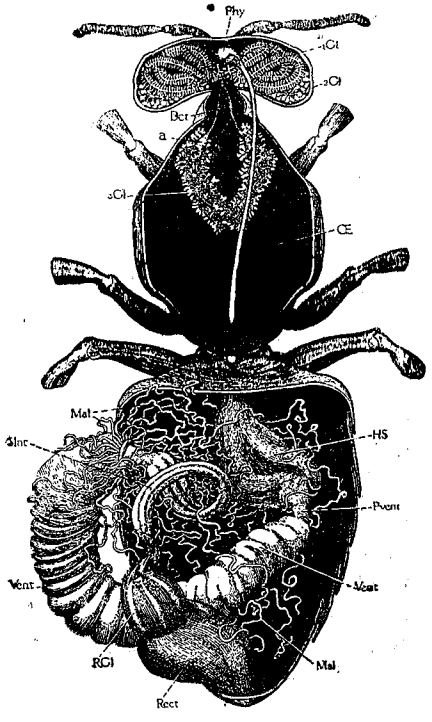


Рис. 7.

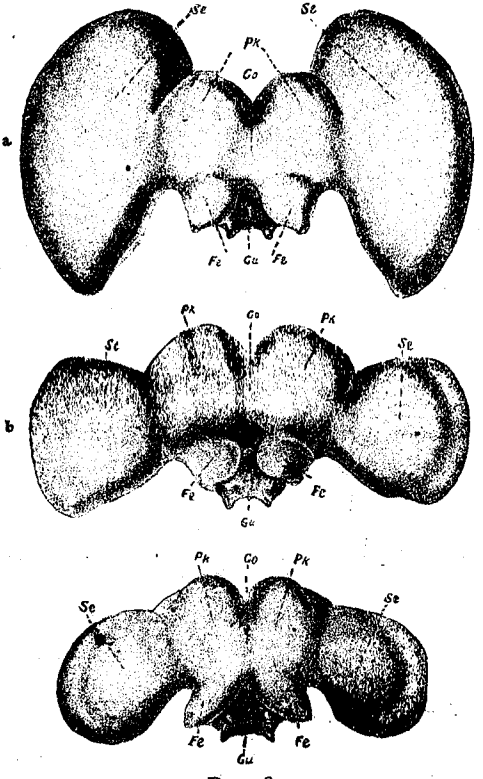


Рис. 9

„Пчеловодство“

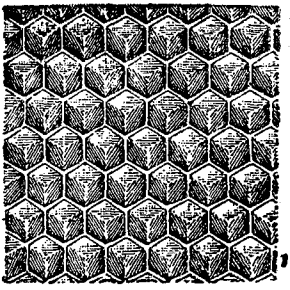


Рис. 4. Искусственная вощина.

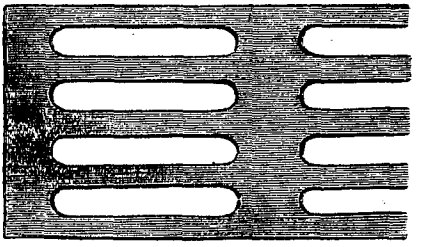


Рис. 6. Кусочек Ганемановской решетки, в натур. величину.

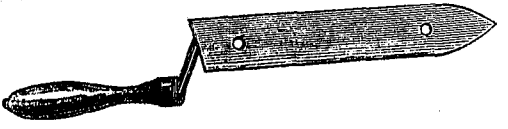


Рис. 8. Нож Бингама для распечатывания сотов.

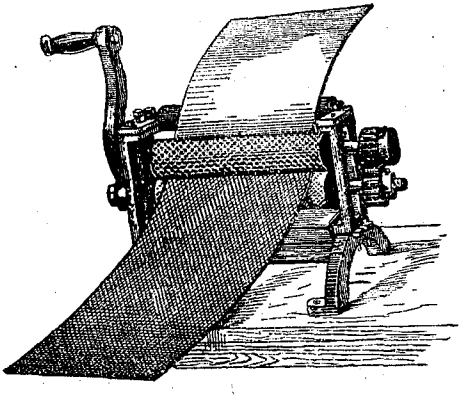


Рис. 5. Вальцы для искусственной вощины.

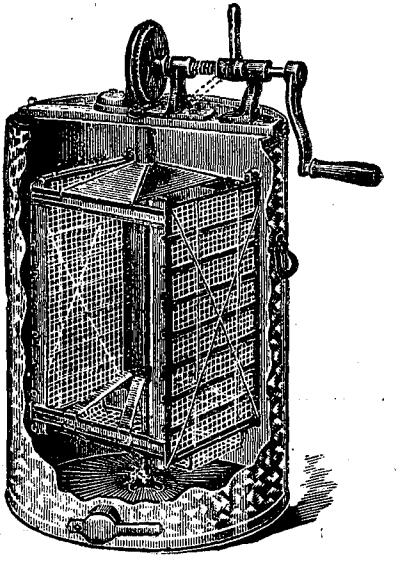


Рис. 7. Английская медогонка на 2 рамки.

стых противуроевых методов Симинса. Он состоит в том, что после усиления семьи, предшествующего роению, переносят все гнездо в магазин, а на место полных детки и меда гнездовых рамок ставят пустые и помещают туда матку, отделив ее от магазина ганемановской решеткой *(рис. 6)*. Так называются вставляющиеся в улей цинковые перегородки с пробитыми отверстиями такого поперечника, что рабочая пчела свободно проходит, а матка или трутень—нет. Часть пчел переберется к матке на пустое гнездо и займется работой, а матка—червлением, и это остановит роение. (О разных противуроевых методах см. у Шимановского). Бороться с роевым инстинктом надо заблаговременно, пока он еще не проявился, иначе борьба будет бесполезной тратой энергии у пчеловода и пчел и даст убыток, ибо в роевом настроении пчелы плохо собирают мед, почти бездействуют. Что роение понижает в конечном итоге медосбор роящейся семьи, можно считать доказанным. Если дать пчелам волю проявлять во всю свой роевой инстинкт, то они отпустят несколько роев, из которых уже второй обычно бывает слабым, а остальные совсем негодны для хозяйства. Такое неограниченное роение бывает только при первобытном П. в колодах и дуплянках и совершенно исключается из техники рамочного П., при котором роевой свободой считается взять от семьи лишь один рой (первак). Такую сильно ограниченную роевую свободу признают многие хорошие пчеловоды, мотивируя свою систему пчеловождения тем, что полный отказ от естественного роения идет в разрез с коренным инстинктом пчелы, что рои перваки бывают весьма энергичны в постройке сотов и вообще в работе, что роение есть наиболее нормальный путь получения молодых маток, выводимых в наиболее благоприятных условиях, что роение увеличивает живой инвентарь пасеки, чем компенсируется убыточное влияние роения на медосбор. Наконец, наиболее интересное решение вопроса о роевой свободе дается методом А. С. Буткевича, который, не удерживая пчел от перваков, соединяет их по нескольку в один улей, получая семьи в 5—6 кило. Такие семьи-„медовики“ успевают собрать до конца медосбора большое количество меда, являясь весьма доходными семьями. После окончания главного взятка матку запирают в клеточку, и семья, не получая приплода, быстро слабеет. Замечено, что вслед за окончанием главного взятка, сильно изнашивающего пчел, так как они в это время работают с величайшим напряжением, семья теряет к осени до 40% своего состава, несмотря на продолжающуюся кладку яичек маткой. А в результате запирания матки в клеточку семья к началу осени почти сходит на нет, и остатки пчел присоединяют к какой-либо семье.

Маленькие рои (меньше $1^1/_2$ кило) невыгодно сажать отдельно, а надо соединять или возвращать обратно. Большинство ходовых рамочных ульев рассчитаны на большое количество пчел на 4—5 кило, и заселять их маленькими семейками значит искажать самую идею улья. Основной девиз доходного П.— сильные семьи. Чтобы не ослаблять семей, даже при так называемой роевой свободе не берут второго роя (второрака), а останавливают роение, что можно сделать без ошибки, вырезав маточники через 8 дней после выхода первого роя. При наличности на пасеке естественного роения весьма важным и трудным моментом ухода за пчелами является с'емка привившихся на дереве роев. В роевую пору на пасеке должно быть постоянное дежурство, чтобы следить за выходящими роями. Но укараулленные рои в большом количестве разлетаются в разные стороны. Их можно ловить, ставя легкие ловчие колоды на деревьях. Из этих улетевших роев создается одичавшее пчелиное население высокоствольных лесов (в дуплах). Избежать хлопот с роями и в то же время увеличить пасеку можно путем искусственного роения. Существует много способов его, но почти все они сводятся к разным вариантам „налета“ пчел на матку или детку. Налет основан на одном из основных инстинктов пчелы возвращаться на старое место, при чем решающим моментом является не улей, из которого пчела вылетела, а место, на котором он стоял. Замена родного улья чужим не заставляет пчелу искать своего (что она при своем прекрасном обонянии могла бы, кажется, сделать), а имеет следствием вселение ее в другой улей, лишь бы он стоял на старом месте. Для получения искусственного роя можно поймать в семье, готовящейся к роению, или вообще в достаточно сильной семье матку, посадить ее в клеточке в улей, наполненный пустыми рамками, кроме одной с медом, и поставить такой улей в хороший день, когда есть взяток и много пчелы на полете, на место того улья, от которого мы берем рой, от которого уже взяли матку, а этот улей относим на несколько сажен от старого места, лучше подальше. Возвращающиеся с полета за взятком пчелы постепенно заполняют пустой улей, матку на другой же день можно выпустить, и получается полное подобие натурального роя—лётная пчела со своей старой маткой. Семья, которую переставили на новое место, выведет себе новую матку. Вместо матки можно из отроиваемого улья взять сот или

два с молодой деткой и яичками. Вернувшиеся с полета пчелы выведут себе новую матку, а старый улей останется со своей маткой. Вместо налета на свою матку можно сделать налет на чужую, например покупную, или свою запасную, но тогда надо ее продержать в клеточке дня три. Искусственное роение удобно для тех, кто не хочет или не может лазить за роями на деревья, а особенно для тех, кто по роду своих занятий может посвящать пчелам лишь немного времени и не может караулить выход естественных роев. После роения пчеловод должен следить, оплодотворились ли молодые матки, и, если нет, заменить их плодными. Роение занимает в средней России приблизительно июнь и начало июля. Чем раньше оно кончается, тем лучше. Хорошо, если оно кончается до главного взятка, который для многих мест определяется цветением липы, для других цветением гречихи, для третьих цветением белой акации, или подсолнечника, или целого подбора диких трав. При хороших условиях растительности пчелы уже до главного взятка собрали себе достаточно запасов на зимовку, и главный взяток идет в доход пчеловоду. Для удобного получения его и изобретены надставные магазины. К главному взятку семья должна достигнуть наибольшей силы. Хороший день может дать 4—6 кило прибыли. Наибольший доход с улья в России был установлен в Череповце — около 200 кило, цифра рекордная, исключительная, вызывающая сомнения, но удостоверенная. Получение 80—100 кило с улья считается блестящим, не частым результатом, даже 30—45 кило радуют пчеловода, а если целый ряд лет дает хотя бы 15 кило в среднем на улей, то можно быть довольным, особенно при большом количестве ульев и при упрощенном уходе за ними. Все эти цифры относятся к богатым взятком местностям, удачным по погоде годам и к умелым пчеловодам. Но так как большинство пчеловодов неумелое, то средний доход с улья рамочного для всей страны надо считать всего 4 кило, а неразборного 2 кило. При исчислении доходности П. весьма важен учет времени, затраченного на уход. Исключительно блестящие медосборы, за исключением особо богатых взятком местностей, связаны обычно со сложным уходом за пчелами, возможным лишь с большой затратой времени и при небольшом числе ульев. Пасеки в 100 и более ульев (бывает и до 1.000) не выдерживают сложного ухода и особых повышающих доходность методов пчеловождения, и на них оценивается общий массовый итог медосбора, обусловливаемый количеством ульев, и даже невысокая средняя цифра дохода с улья обогащает пчеловода, так как операционные расходы могут быть очень малы, а вкладываемый в дело основной капитал возвращается при хорошем медосборе в один год. Возможность П. как промышленного предприятия доказана в широкой мере в Америке, где люди привыкли к хорошим доходам, а у нас тоже во многих местах, особенно на Кубани и в Приморской области. Основой доходности П. является то, что пчеловод собирает доход с земельной площади, за использование которой ничего не платит как арендатор и на производительность которой он тоже ничего не тратит. Пчела раньше всех отменила права собственности на землю, и для нее не существует границ и межевых знаков. Миллионы пудов ценного продукта, цветочного нектара, могут быть использованы человеком только при помощи пчел, и там, где нет пчел, остается не взятой крупная ценность. Первым условием доходности П. в любой местности является состав растительности в районе лёта пчел, т.-е. в круге, радиус которого около 3,5 километра. Вне этого круга как бы кончается мир для пчел, так как лишь в виде исключения летают они дальше, но этот дальний полет убыточен для пчеловода, так как занимает много времени, истощает пчелу и увеличивает шансы ее пропажи в пути. Оценка растительности в круге 7 км. в диаметре является решающим моментом при выборе места для пасеки. В средней полосе России хорошие естественные условия взятка складываются так: с весны разные виды ив, затем фруктовые деревья и ягодные кустарники, потом луга и в завершение липа. В лесах хорошими весенними медоносами являются клен и орешник, летними — иванчай или кипрей (на порубках и гарях) и дикая малина. На безлесном юге липу заменяет гречиха и подсолнух, а из диких трав синяк, донник, шалфей, мята. Местами на юге имеет большое значение белая акация. При громадности пространства СССР и разнообразии ее природных условий, конечно, и условия взятка совершенно различны в разных далеко друг от друга отстоящих районах. Как пример особо своеобразной растительности можно указать на Дальний Восток, где, особенно в Приморской области, П. дает блестящие результаты.

В местностях с сухим и жарким летом растительность выгорает среди лета, и П. возможно только там, где по близости горы, куда пчеловоды кочуют со своими пасеками. Пример—Армения. Другого типа кочевка создается там, где в определенное время в определенных местах создается взяток, которого в том же районе в других местах нет. Таковы кочевки на гречиху и на подсолнух на Украине и на Сев. Кавказе и

других местах, таковы кочевки на „толоки", т.-е. заросшие сорняками паровые поля на Кубани.

Во время сильного взятка, а также по окончании его приходится опрастывать соты от меда с помощью особой машины — медогонки *(рис. 7)*, в которой развивающаяся от вращения рамок с сотами центробежная сила выпрыскивает мед из распечатанных ячеек. Не успевшие загрязниться опорожненные соты идут снова в дело, а потемневшие грязные необходимо перетапливать — весьма важная предупредительная мера против развития болезней. Чем чаще перетапливать соты, тем лучше. Для этой цели существуют особые технические приспособления. Растопить сот в горячей воде нетрудно, трудно очистить чистый воск от отбросов (главным образом остатки коконов в гнездовых рамках). Для этого существуют особые воскопрессы, обычно винтовые. Воск — весьма ценный продукт, и его у нас не хватает. При плохой переработке старых вощин много воска выбрасывается с сором. По окончании взятка начинается уменьшение населения улья — вымирают усиленно работавшие во время главного взятка пчелы. Эта убыль доходит до 40%. Важно, чтобы в начале осени (август для средней России) матка продолжала расплод, тогда в зимовку пойдут свежие, молодые пчелы, которые весной будут работоспособны. Зимовка—наиболее опасное время для пчеловода. Бывает массовая гибель и от голода (см. выше), и от холода, и от болезней (нозематоза, поноса). Для обеспечения от холода ульи помещают в особые зимовники (омшаники) или специально построенные, или устроенные в готовом помещении (подвал, сарай, нежилой дом). Основное требование от зимовника — способность поддерживать мало колеблющуюся температуру, самое лучшее от — 5° до + 7°С. Повышение температуры опаснее понижения, так как пчелы, согревшись, расстраивают свой зимний клуб, в котором они должны находиться в спокойном состоянии. Специально устраиваемые зимовники бывают надземные, полуподземные и подземные. Самые гигиеничные, но и самые дорогие — двустенные надземные Во всяком зимовнике необходима широкая вентиляция, а ульи должны быть хорошо утеплены. Особый способ зимовки — в кожухах, т.-е. не в омшанике, а снаружи, под прикрытием особого ящика с засыпкой промежутка между ним и ульем. Хорошо построенные двустенные ульи могут зимовать наружи и без кожухов, но расход меда бывает больше. Благоприятная зимовка—лучшее испытание уменья пчеловода и здоровья пчел.

П. имеет большое значение и как мелкий промысел кустарного типа, подсобный в сельском хозяйстве, и как промышленное занятие, могущее дать крупные доходы. Характерные особенности П. с экономической точки зрения—возможность вести дело с небольшим основным и оборотным капиталом, небольшая затрата труда и высокая доходность. Необходимое условие — умелость пчеловода на основе знаний, чего не хватает громадному большинству русских пчеловодов. Ликвидация пчеловодной безграмотности—основная задача в развитии русского П.

В настоящее время особое место в нашем и мировом П. заняло опытное пчеловодное дело. Опытные пчеловодные станции—дело новое и за границей и особенно у нас. Задачи этих станций — детальное выяснение биологии пчелиной семьи, особенностей различных пород пчел и медоносной растительности, в целях применения добытых научных результатов к наиболее выгодному построению системы пчеловодного хозяйства в разных районах. Несмотря на свою молодость, русское опытное пчеловодное дело поставлено с научной стороны не ниже заграничного, но масштаб его мал вследствие бюджетных условий. Из опытных пчеловодных учреждений следует назвать: Тульскую опытную пчеловодную станцию, Пчеловодный отдел Московской обл. оп. с.-х. станции, Казанскую, Харьковскую, Ленинградскую, Кубанскую станции.

Помимо своего прямого дохода медом и воском, П. дает большой, но трудно учитываемый доход, повышая урожайность плодов культурных растений путем опыления их пчелами. Это весьма доказательно при крупном садоводстве и огородничестве, при чем за границей выгода от этого учитывается больше, чем у нас. В Америке даже практикуется оплата фермерами постановки ульев в их хозяйствах. За последнее время у нас выдвинулся вопрос о значении пчел как опылителей красного культурного клевера, при расширении посевов которого начинает резко чувствоваться недостаток в естественных опылителях-шмелях, тем более, что вследствие изменения природных условий кое-где наблюдается уменьшение шмелиного населения. Особенно подходящими в качестве опылителей красного клевера считаются длинно-хоботковые серые кавказские горные пчелы, но и обычные русские пчелы могут опылять клевер, хотя и в меньшей мере.

Пчеловодная литература, иностранная в особенности, подавляюще богата количеством книг и журнальных статей, но это обилие в значительной мере основано на том, что руководства по П. перепечаты-

вают в разном изложении одни и те же данные, и в новых журналах можно найти нередко то, что было уже напечатано 20—30 лет тому назад.

Литература: *А. Н. Брюханенко*, „П.“; *А. С. Бутлеевич*, „Самоучитель П.“; *его-же*, „Азбука доходного П.“; *М. А. Дернов*, „Главные пасечные работы“, 8-е изд.; *его-же*, „Организация пасечного хозяйства“; *И. Кораблев*, „Учебник П.“, 2-е изд.; *Лангерот*, „Пчела и улей“; *Рут*, „Энциклопедия П.“; *Шимановский*, „Методы пчеловождения“; *Цандер*, „Практическое П.“; *Глухов*, „Медоносные растения“; *Ф. И. Губин*, „Медоносные с.-хоз. растения в связи с различными севооборотами“ (2 изд.); *Журналы:* „Пчеловодное дело“, „Пчеловод-практик“, „Опытная пасека“ (Тула), „Пчела и пасека“ (Свердловск).

Г. Кожевников.

Пчелояды, или *щу́рки*, Meropidae, сем. сизоворонковых птиц, изящные яркоокрашенные птицы с длинным изогнутым клювом; 2, 3 и 4-ый пальцы в верхней половине срастаются. Длина 15—33 см. До 40 видов, распространенных главн. обр. в Африке и Индии. Гнездятся в норах, редко в дуплах. *Золотистая щурка*, Merops apiaster, длиной 25 см., одна из самых красивых наших птиц. Преобладающая окраска синевато-зеленая, верх бурокоричневый, надхвостье темножелтое, плечи светложелт., горло и перед. часть шеи желтые. Гнездится в южн. и юго-вост., частью в сев.-зап. Европе и в Передней Азии, во второй половине лета встречается в наших степях огромными стаями. Кормится насекомыми и особенно любит пчел, не давая поэтому в Нижн. Поволжьи развиваться пчеловодству.

Пшавы, см. *грузины*, XVII, 191; *Союз ССР*, XLI—I ч., 481.

Пшеница, Triticum, род из сем. злаков, хлебное растение — главнейшая культура всех стран умеренного климата. Годичное мировое производство составляет около шести миллиардов квинталов. Мировая площадь под П. около 1913 г. достигала 106 миллионов гектаров, опускалась в военные годы, в 1925 г. исчислялась в 108 млн., к 1927 г. еще несколько возросла. В России засевалось в 1894 г. озимой П. около 5,3 миллионов гектаров, в 1914 около 8,3, всех яровых П. в 1894 г.— 11,3, в 1914 г.— 21,4. Общая площадь под П. за два предвоенные десятилетия почти удвоилась. Такой внушительный рост стоял в связи с более или менее неуклонным возрастанием цен на П. Он вызывался также обращением под распашку крупных степных площадей в южных и юго-восточных областях страны. Рост площадей под П. сопровождался переходом от залежных систем к интенсивно зерновым, частью вовсе без пара или с ничтожными его площадями. На свеже-распаханных землях П. яровая находила прекрасные для себя места и давала высокие урожаи даже при повторном возделывании и низких приемах культуры. Расширение площадей под озимой П. протекало в трехпольной полосе за счет уменьшения ржи, на юге озимая П. вытесняла яровые хлеба. Лишь в самые последние перед войной годы прирост пшен. посевов как бы приостановился, гл. обр. благодаря чудовищной засоренности полей в основных пшеничн. районах. Другие хлеба выносят засоренность все же более стойко, чем П., в особенности П. яровая. Площадь под П. в Союзе республик в 1926 г. определена в 7,3 миллионов гектаров для озимой и около 16 миллионов для яровой.

Систематика и селекция П. в последнее десятилетие достигла триумфальных успехов. Открыты новые виды (Н. И. Вавилов), найдено множество новых форм (экспедиции, руководимые Вавиловым). С виртуозной точностью характеризованы детальные отличия не только разновидностей, но и сортов. Описанию форм пшеничн. растения посвящены блестящие монографии, возросшие до целых томов (Percival, Флаксбергер, Вавилов).

Ботанически для П. характерен изогнутый уступами (в отличие от ячменя) стержень колоса. Верхушечный колосок обычно присутствует. Колоски сидят на коротких ножках, попеременно на каждом изгибе, колоски составлены из нескольких цветков, при чем недоразвитые расположены вверху колоска. Зерновка имеет бороздку и несет характерно расположенные волоски. У озимых мягких П. и у твердых вообще цвет всходов ярко-зеленый, у мелких яровых всходы чаще всего покрыты волосками. Язычек несколько рассеченный, рожки его ясно выражены, но короткие.

Существует несколько вариантов деления П. на подвиды или виды, при чем колеблется и разграничение между этими двумя группами систематических единиц. П. настоящие, T. frumentum, обладают прочным колосовым стержнем и голым зерном. В отличие от них полбы и полуполбы несут колос, который распадается при молотьбе, а зерно выпадает одетое пленками. К ненастоящим П. относятся: 1) собственно полба (T. spelta) — почти вытесненная из культуры, очень рыхлый колос, в обхвате близкий к квадратному, 2) эммер двузернянка (T. dicoccum) — колос значительной плотности, узкий, почти всегда несущий ости, киль на колосковой пленке хорошо развит; 3) одно-зернянка (T. monococcum) — плоский, еще более узкий колос, толщина значительно больше ширины, ширина минимальная среди всех видов, колосковая пленка несет два зубца, внутренняя цветочная пленка распадается на две доли. Ненастоящие П. отличаются неприхотливостью и удаются на менее плодородных полях и в более суровых условиях при меньшей сумме тепла. У нас под именем полбы преимущественно высевается эммер. Посевы его в заметных размерах распространены, впрочем, в ограниченном районе — лишь в средневолжском районе, в Татарской и Башкирской республ. (Казанской и Уфимской губ.).

Настоящие П. могут быть подразделены на 5 подвидов. Из них: 1) польская П. (T. polonicum) имеет очень длинные колоски, овсяноподобные колосковые пленки, продолговатым зерном напоминает рожь—встречается в культуре в Северной Африке и Южной Европе. 2) П. английская (T. turgidum) обладает выполненной в верхней части соломиной, колос плотный, иногда ветвистый, зерно круглое, сильно мучнистое, пленка вздутая, короткая — высевается в некоторых местностях Средней Европы. 3) П. карликовая-ежевка (T. compactum) с очень короткими, плотными, густыми, толстыми колосьями; послужили, посредством скрещивания, для образования продуктивных европейских сортов — плотноколосых сверхедов. Преобладающие в культуре формы принадлежат почти исключительно двум иным подвидам: 4) П. обыкновенная (T. vulgare) и 5) П. твердая (T. durum).

Основные различия между ними будут: у мягкой — полая, у твердой — заполненная или, во всяком случае, сильно выполненная в верхней части соломина; зерно у мягкой — мучнистое, у твердой — в разрезе стекловидное, сжатое с боков. Колос у твердой значительно более плотный, ости всегда длиннее колоса, параллельные ему по направлению, напоминают ячмень; между тем у остистых сортов мягкой П. ости короткие, расположенные веером. Дальнейшее изложение будет относиться почти исключительно к двум последним подвидам.

Перечисленные восемь подвидов или восемь видов по числу хромозом распадаются на три группы, при чем цитологическое деление в полной мере повторяет морфологические и генетические связи. В первую группу входят только однозернянки (T. monococcum), у которых число хромозом ограничено 14. Двузернянка имеет 28 хромозом. Такое же число хромозом свойственно П. твердой, английской, польской; все эти подвиды генетически и морфологически действительно связаны между собой. С другой стороны, взаимную близость и связанность обнаруживают полба настоящая, П. обыкновенная мягкая и ежевка. У всех трех подвидов число хромозом довольно близко и колеблется между 42 и 50. Находящиеся внутри одной группы более близкие между собой подвиды легче подвергаются взаимному скрещиванию. Классическое скрещивание, приведшее к образованию сверхедов, происходило между мягкой П. и ежевкой.

Современный состав видов или подвидов не ограничивается перечисленными выше. На наших глазах число видов возросло сначала до девяти, а затем до одиннадцати или двенадцати. Вавиловым выделена *персидская П.* (T. persicum), по внешности примыкающая к мягким пшеницам, но по числу хромозом (28) относящаяся ко II группе. Персидская П. в полной мере иммунна к мучнистой росе, почти не по-

ражается ржавчиной. Соломина выполнена, зерно стекловидно, стеблевые узлы опушеные. Скрещивание с мягкими П. затруднено. К той же II группе принадлежит и выделенная Персивалем в самостоятельный вид T. orientale (*П. Хоросана*). П. эта во многом напоминает П. польскую, отличаясь от нее общим строением пленок. Наконец, III группа П. обогащается еще выделением T. pyramidale, *египетской* П., близкой к ежевкам определенного типа. Обособленность последней формы, на чем настаивает Percival, может, однако, вызывать сомнения. Равным образом требует особых доказательств выделение тринадцатого вида, T. sphaerococcum; ее представители, видимо, очень близки к английской пшенице. Как бы то ни было, за последнее десятилетие открыты совершенно новые самостоятельные виды П., хотя, казалось бы, это растение и ранее уже было изучено в совершенстве. Не менее значительному расширению подвергся и состав разновидностей у отдельных видов. Так, новейшая классификация мягкой П. (Вавилов) расширила их число с 24 до 62. Вавиловым описан ряд без'язычковых разновидностей. Следует, однако, указать, что большинство вновь открытых форм представляет величайшую редкость, они встречаются в ограниченных районах или отличаются малой продуктивностью. В культуре господство принадлежит только двум видам мягкой и твердой пшеницы. Внутри этих видов массовая культура также сосредоточена на очень ограниченном числе разновидностей. За пределами этого очень небольшого числа форм ботанические разновидности уже легко превращаются в ботанические редкости. Основные разновидности твердой пшеницы, определяющие основной состав ее посевов, объединяются светлой окраской зерна. Господствует в культуре твердых пшениц Hordeiformae; к ней примыкают также белозерные Melanopus, Provinciale, Coerulescens. Краснозерные разновидности встречаются почти исключительно в качестве примесей. Обратно тому, культура мягкой яровой пшеницы строится почти исключительно на краснозерных разновидностях. Господствующей разновидностью в культуре мягких яровых пшениц должна быть признана Lutescens. Остистые группы представлены, по преимуществу, Erythrospermum. Несколько селекционных номеров принадлежат яровой культуре разновидности Albidum. Несколько местных хозяйственных сортов представлено разновидностью Alborubrum. Господство в посеве других разновидностей представляет уже значительную редкость.

Разновидностный состав озимой П. несколько многообразнее: однако, и он ограничен в основе перечисленными выше шестью разновидностями. Так же, как и в яровой культуре, весьма скромное место принадлежит разновидностям бархатистым, опушенным и остистым, белозерным. Основная масса посевов и здесь разделяется между упомянутыми выше разновидностями. Преобладание принадлежит остистым формам. Основной разновидностью можно признать Erythrospermum, примыкает к ней Ferrugineum; среди безостых наибольшее распространение следует признать за Milturum, последующее значение занимает Lutescens и Albidum. В отличие от яровой культуры разновидность Albidum представлена несколькими ценными сортами.

Целесообразный выбор сортов может быть здесь намечен лишь в самых общих чертах. Современная эпоха сопровождается также блестящим развитием селекционных работ по П. Селекционные успехи соврем. пшеничн. селекции достигли исключительного развития. В главнейших пшеничных странах опубликованы племенные книги и описания сортов. Выведенный путем скрещивания красной калькутской (именуемой твердой — видимо по стекловидности ее зерна) и известного сорта Fife (галицийского происхождения) Саундерсом — знаменитый сорт маркиз в два-три десятилетия завоевал три четверти пшеничной площади в Канаде. Селекционные пшеницы Соединенных Штатов, в значительной доле созданные на основе ввоза из России, занимают многомиллионные площади. В Германии в состав одобренных апробацией П. только по озимым формам входит много десятков. В Соеди-

ненных Штатах число сортов, каждому из которых отводилось более 100 тысяч акров, исчисляется, примерно, в 22—25. Следует поэтому всегда помнить, что как в Европе, так и в Америке число стандартных сортов велико. Правда, в Соед. Штатах в 1923 г. около 45% всей пшеничн. площади принадлежало двум сортам: *турецкой* (29%) и *маркизу* (16%). Турецкая П. представляет крымку, ввезенную в Канзас русскими переселенцами с реки Молочной (молокане, меноните).

Из новых европейских послевоенных сортов могут быть упомянуты „союзная" П., возникшая в 1916 г. и полученная путем скрещивания, а также П. мира, выведенная Вильмореном с помощью скрещивания. У нас практически наиболее интересные межвидовые и межродовые скрещивания произведены Мейстером, которым выведены твердые П. без остей и получены плодоносные ржано-пшеничные гибриды. Среди новейших селекционных сортов наивысшую продуктивность в многократных сортоиспытаниях показали в степной Украине — кооператорка (выведена из крымки), в правобережной—украинка (Мироновской станцией выведена из банатки), в Центрально-Черноземной области—саратовская 237 (Мейстера) и дюрабль (Лебединский—Ивановская станция), в Крыму— селекционная новокрымка. Весьма интересны также очень хорошо выносящие бесснежность зим сорта Краснокутской станции. К сожалению, громадная доля новейших селекционных сортов принадлежит к остистым формам. Среди безостых большой интерес представляет юрьевка (№ 676 Харьковской станции), а также 329 Саратовской, П. Екатериносл. ст. и Воронежск. с.-х. инст. Русскими селекционными станциями выведены замечательные сорта яровых П.— упомянем о мягких и твердых П. саратовской, краснокутской и екатеринославской селекции (селекционные арнаутки).

Громадный интерес представляют сибирские П. Скалозубова (Caesium, Miltu-rum 32). П. эти, хорошо сопротивляющиеся шведской мухе и выносящие прохладное лето, способны будут раздвинуть область яровой П. далеко к северу.

Многие из вновь созданных селекционных сортов обладают первоклассными мукомольными и хлебопекарными качествами. Эффект, вызванный сменой беспородных П. селекционными, измеряется крупными величинами, многими центнерами на гектар. Господствующие в Западной Европе сверхеды пригодны для наших условий только в немногих, по преимуществу остистых, представителях. Из старых хозяйственных доселекционных сортов некоторые сохранили значение и до настоящего времени. Из озимых к более популярным принадлежали: на западе—пулавки, кульки, костромки (Albidum), в центре—высоколитовские, сандомирские, датель (Alborubrum), на правом берегу Днепра — банатки (Erythrosp.). Среди яровых наибольшее распространение имели из мягких: полтавки (Поволожье), ульки (Одесса), белоколоски (Полтава), а также остистые русаки. Продолжают представлять крупный интерес четыре доселекционных сорта твердых П., связанные с определенными районами, а именно: белотурки (правый берег Волги), кубанки (Заволжье), гарновки (Северный Кавказ), арнаутки (Украина). Среди этих сортов имеются формы, хорошо выносящие культуру на старопахотных землях. Сюда относится предположительно IV тип нашей номенклатуры, тип арнаутки. Доселекционные сорта постоянно представляют смесь разнообразных рас и даже разновидностей, однако часто именно смесям принадлежит ряд незаменимых преимуществ.

Мягкие и твердые П. значительно различаются между собой и по своему химическому составу. Принято было считать, что зерно твердых П. всегда заметно богаче белковыми веществами, которых может быть иногда до 25% (обычный уровень 13—15%). Оказалось, что и мягкие П. в известных условиях могут быть в той же мере насыщены белками. Во всяком случае особенности клейковины по составу или распределению делают твердые П. незаменимой составной частью муки, и для получения высших сортов ее применяется примешивание твердых П. Зерно высшей ценности твердые П. могут давать лишь в определенных

климатических районах: богатство почвы и яркая инсоляция необходимы для нормального их формирования. Они высеваются и далеко на запад, но свои необыкновенные качества ярко сохраняют лишь в губерниях южного Поволжья. Среди мягк. П. озимые сорта всегда имеют более низкое содержание белков, чем яровые. Центральный юг (степную Украину) можно считать районом по преимуществу мягких яровых П. Массовое распространение озимых П. здесь еще тормозится довольно суровыми зимними месяцами, но над этим природным препятствием зимостойкие сорта ежегодно одерживают все новые победы. Основной областью озимой П. нужно считать третий, все же более южный и более западный район: он тянется почти сплошной полосой от Владикавказа и Ставрополя через Запорожье, Херсон, Подолию, Киев до Житомира и дальше в Польшу. Обладая здесь несравненно более высокой урожайностью, озимая легко вытесняет яровые в Предкавказьи и на правом берегу Днепра. Лучше мирясь с недостаточно теплой весной, озимая П. проникает на север значительно далее яровой. Озимая П. прекрасно удается в Орловской и Тульской губерниях, где дает урожаи более высокие, чем рожь, и где яровая П. отсутствует совершенно; озимая П. уступает ржи лишь к югу от Харькова. Распространение озимой П. составляет в названном районе одну из крупных сторон агрикультурной реформы. При известном уровне техники озимая П. довольно устойчива и под Москвой. Проникновение озимой П. на восток и более медленно, и менее уверенно. Главное препятствие — непостоянство и малоснежность зим.

При огромном протяжении тех пространств, на которых высевается П., приемы культуры ее крайне разнообразны. По сравнению с рожью или овсом П. требует и более тщательной подготовки, и большего плодородия полей. У северной границы своей озимая П. вообще почти не удается без свежего навозного удобрения. На минеральные удобрения чаще более отзывчива озимая, чем яровая П. Эта разница зависит не столько от особенностей обеих П., сколько от общей невосприимчивости яровых посевов к удобрению в черноземной России. Всего чаще фосфаты (суперфосфат) оказываются благотворными для П., хотя на сильных землях они отнюдь не страхуют от вылегания. К калийным удобрениям П. менее отзывчива, чем ячмень. Азотистые — полезны в ограниченном количестве, чаще весной для укрепления слабых зеленей, а также осенью, если П. следовала по занятому пару. При осеннем внесении особенно уместен сернокислый аммиак. Правильная культура озимой П. в пару требует обязательно ранней вспашки, при отсрочке — сильное падение урожаев. П. благодарна за перепашки пара (двоение и троение) даже в такой полосе, где для ржи они определенно приносят уже вред. Равным образом, свежеперепаханные, не осевшие поля гораздо менее опасны для П. П. более безнаказанно, чем рожь, выносит глубокую (10—12 см.) заделку, что важно при сухой во время посева погоде. Время для посева озимой П. должноб ыть названо очень коротким: для средних губерний Орловской, Курской и Воронежской существуют почти железные пределы — вторая половина августа. Лишь на юге эти пределы несколько раздвигаются. Весеннее боронование озимой П. тяжелыми боронами в большинстве случаев является полезной мерой ухода, иногда требуется весеннее укатывание (рыхление поверхности). Зерно П. хорошо дозревает в снопах, и уборку целесообразно поэтому проводить несколько в прозелень. Для яровой П., особенно в местностях центрального юга, решающее значение имеет ранняя летняя вспашка: по многолетним данным Полтавского опытного поля, июльская вспашка, по сравнению с октябрьской, повышала урожай на 25 пудов зерна на десятине. Но зависимость такого характера нарушается для местностей с сухой осенью (юго-восток). Весной уместно предварительное боронование или шлейфование полей, поступающих под П. На почвах тяжелых подготовку к посеву правильнее вести сильными культиваторами (черноземы допускают работу одних борон). Рядовой посев имеет и для яровых П. вне спора стоящие

преимущества. Для яровых сортов густота посева должна быть значительно более высокой (в центральной полосе не менее 8, часто 10 пудов), чем для озимых (около 5 — 6 пудов). Рациональная густота падает по направлению на восток, но, в общем, на юго-востоке население держится более редких посевов, чем надлежало бы. Среди ленточных комбинаций устойчивую продуктивность приобрели, но только на юго-востоке, черезрядные посевы яровой П. со сгущением внутри ряда. Для озимой ленточные посевы в общем понижают урожаи. Озимая П. в России высевается почти исключительно по чистым парам, и в этих условиях ее урожаи оставляют далеко позади себя урожаи П. яровой. Но очень часто два сбора не требующей пара яровой П. могут дать заметно более, чем один урожай озимой. Поэтому суждение о неизмеримом превосходстве озимой должно приниматься лишь с осторожностью, озимую следует выбирать лишь тогда, когда она дает больше, чем два посева яровой, или хорошо удается без чистого пара. При такой мерке превосходство озимой П. прочно на Северном Кавказе, в Центрально-Черноземной области, в губерниях Заднепровья, оно шатко уже в Полтавской и обманчиво в Поволжьи.

Применение чистых паров в культуре П. постепенно подлежит ограничениям. Яровая П., сколько известно, нигде в России, даже на крайнем юго-востоке, не способна удвоить урожай по парам по сравнению с культурной обработкой жнивья. А занятые пары, постепенно совершенствуясь, становятся пригодными для озимой П., как это показано рядом украинских станций, а также опытами Воронежского с.-х. института. Так, в различных районах озимая П. хорошо удается по картофелю, в центре—по гороху, а на юге—по кукурузе. У северной и западной своей границы озимая П. дает превосходные урожаи непосредственно по клеверу и особенно по клеверу однолетнего пользования. Излюбленным способом посева озимой П. является в степной Украине редко-кукурузный посев — пар херсонский или американский пар. Сеялки, высевающие П., проходят между рядами кукурузы, и кукурузные стебли, сохраняемые на зиму, задерживают снежный покров. Общая сумма возникающих благоприятных влияний часто удерживает урожай на той высоте, которая достигается лишь чистым паром, а собранная кукуруза представляет полный выигрыш.

При культуре яровых П. основная задача—выбор между твердыми и мягкими. Твердая П. до недавнего времени считалась растением исключительно пластовым, но жизнь постепенно разрушает это предубеждение. Количество белковых веществ, быть может, убывает, но высокие урожаи вполне достижимы без пласта. В свеклосахарных хозяйствах до недавнего времени широко высевали после свеклы твердые арнаутки. На юге Самарской губернии многолетний пласт заменяют для твердых белотурок ржаным жнивьем. При сильной остистости твердые лучше борятся с суховеями: ости несколько ослабляют вокруг колоса стремительный обмен воздуха. Остистые формы вообще дают, как правило, более высокие урожаи зерна. Обратно тому, гуменные корма обесцениваются остями. Солома яровых П. и, в частности, мягких имеет более высокое кормовое достоинство, чем П. озимых (так как она богаче белками).

Для яровых П. хорошими предшественниками будут тыква и морковь, кукуруза и картофель (приросты около 20 %), далее—бобовые и свекла. Яровая П. может высеваться и повторно, но возрастающая засоренность довольно скоро устраняет эту возможность. Как высокоценный хлеб, П. часто разделяет основные черты разнообразных севооборотов. В свеклосахарных пшеничн. хозяйствах озимая и яровая П. часто занимают по одному полю из четырех. В более зерновых районах площадь под одной яровой П. может подниматься до половины всех полей, но осторожнее ограничиваться одной третью. Однако, в Самарской губернии существует даже такое трехполье: 1) рожь 2) П. твердая, 3) П. мягкая. При занятых парах мыслимы интенсивные севообороты с целой третью под озимой П. Средняя урожайность озимой П. в общем выше, чем урожайность ржи, уро-

жайность яровой П. ниже, чем урожайность овса. Достигаемые в России урожаи озимой П. около 200 пудов, яровой — около 120 пудов. О сравнительном значении П. для питания *см.* XXXII, 244; о потреблении — XXXIII, 161; статистику посева и сборов — XL, прил., табл. 15, 16, 17, 59, 93, и XLI, ч. II, 10/16; о роли П. в хлебной торговле — XLVI, 541/44, 547/48.

Литература (по преимуществу русская): *Бажемов.* О П. в ботаническом и хозяйственном отношениях, 1856; *Колесов.* О сортах культурных растений, разводимых в России, 1883; *Богданов.* П. Юго-Западного края, 1890; *Скалозубов.* Сибирские П., 1899; *Васильев.* Ботанические разновидности и сорта хлебных растений в России, 1905; *Стебут.* Яровая П., 1912; *Флаксбергер.* Определитель П., 1915; *Якушкин.* Твердые П., 1915; *Флаксбергер.* П. России, 1917; *Регель.* Хлеба в России, 1917; *Вавилов.* Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям, 1917; *Percival.* The what Plant, 1921; *Орлов.* Географический центр и район возделывания твердой П., 1922; *Якушкин.* П. Крыма, 1922. *Мейстер.* Опыт изучения межвидового скрещивания, 1922; *Вавилов.* Полевые культуры юго-востока, 1922; *Вавилов.* К познанию мягких П., 1922; *Чилю-Чинлас.* П. юго-востока России в мукомольном и хлебопекарном отношении, 1922; *Николаева.* Цитологические исследования рода Triticum, 1922; *Писарев.* Перерождение П., 1922; *Жуковский.* Персидская П. в Закавказьи, 1922; *Писарев.* Работы Тулунского опытного поля. Селекция и семеноводство. Сборник статей, 1923; *Воробьев.* Главнейшие сорта хлебов, разводимые на Украине, 1928; *Clark*, Martin. Carleton Ball. Classification of American wheat varieties, 1923; *Fischer* и *Mickel.* Deutsche Hochzuchten, 1925; *Якушкин.* Полевые растения Воронежского края, журнал „Сельское хозяйство и лесоводство", 1924; *Вавилов* и *Якушкина.* К филогенезу П., 1925; *Флаксбергер.* П. однозернянки, 1925; *Писарев.* Скороспелые П. Восточной Сибири, 1925; *Батыренко.* Сорта озимой П. за 1924 год, 1925; *Вавилов* Центры происхождения культурных растений, 1926; *Таланов.* Сорта яровой П., 1926; *Дибольд.* Сорта озимых хлебов Украины, 1926; *Батыренко.* Сорта озимой П. за 23/24 и 24/25 г.г., 1926; *Кулешов* Сортовой состав полей Украины, 1926; *Якушкин* и *Богдан.* Селекционное улучшение новокрымки, 1927; *Батыренко.* Сорта озимой П. в мукомольном и хлебопекарном отношении, 1927; *Мейстер.* Отчеты Саратовской станции; *Лебединский.* Отчеты Ивановской станции; *Константинов.* Отчеты Краснокутской станции.

И. Якушкин.

Пшенная крупа, пшено, см. *крупа*, XXVI, 64; *просо*, XXXIII, 575.

Пшесмыцкий, Зенон (псевдоним Мириям), известный польский поэт и эстет, родился в 1861 году. Основоположник символизма в польской поэзии. Проводил резко анти-социальную линию. В основанном им в 1887 году в Варшаве еженедельнике „Zycie" („Жизнь") стоял на той точке зрения, что главное в искусстве — формальная красота. Закрыв в 1891 году „Жизнь", П. уехал в Париж, где нашел подходящие к своему умонастроению образцы в творчестве французских и бельгийских символистов. Став проповедником их идей в Польше, П., впрочем, всего менее способствовал успехам символизма своими собственными произведениями. Его поэзия (главный сборник его лирики „Z czavy mlodosci", „Из кубка молодости", вышел в 1893 г.) изобилует формальными красотами, но лишена творческого вдохновения и кажется скорее перепевами чужого творчества. Зато П. сделал своими мастерскими переводами очень много для популяризации иностранной поэзии. Особенно примечателен П. как теоретик искусства и издатель. Его предисловие к переведенным драмам Метерлинка (1894) сыграло большую роль. Теоретический символ веры П. можно передать цитатой из его статьи в „Химере" в 1903 г. „Борьба против искусства": „Подобно религии, метафизике, мистике — искусство является окном в бесконечное, призмой, сквозь которую мы, не будучи в состоянии об'ять всю бесконечность, то с одной, то с другой стороны бросаем взгляд в ее бездонную пропасть. Поэтому нет нового искусства, есть только новые способы, новые попытки, новые желания открыть под новым углом, с новой стороны, то же самое, вечно единое, всеобнимающее единство бытия". Несмотря на всю об'ективную антиреволюционность позиции П., расцвет его деятельности пришелся на годы предреволюционного брожения в Польше (1901—1905). Основав в 1901 году журнал „Химеру", он собрал вокруг него цвет писателей и художников. Против искусства с общественным направлением он резко выступал. При всем этом упадок общественной активности в годы реакции отразился и на „Химере", которая потеряла жизненность и принуждена была уже в 1907 году закрыться. С тех пор и сам П. замолчал и ничем себя не проявляет.

Г. Каменский.

Пшеха, река в майкопском округе Северо-Кавказского края, впадает (слева) в Белую (приток Кубани). Длина около 160 км. Водятся форели.

Пшибышевский, Станислав, современный польский писатель, один из главных представителей „модернизма". Родившись в прусской Польше (в 1868 году), П. получил образование в

Берлине, и его первые произведения—„Totenmesse“ и „Homo sapiens“—написаны на немецком языке. Одно время П. принадлежал к социалдемократической партии (отголоски его увлечения революц. деятельностью видны в „Детях Сатаны“), но скоро ушел из рядов демократии в мир интернациональной художественной богемы, жил в Скандинавии, дружа одно время с Стриндбергом, в Париже, Испании. В 1898 г. П. поселяется в Кракове, становится редактором органа польских модернистов „Zycie“ и польским писателем. „Сыны земли“, продолжение романа „Homo sapiens“, написаны уже по-польски. В Польше П. впервые пишет драматические произведения („Гости“, „Золотое Руно“, „Мать“, „Снег“, „Вечная Сказка“), которые принесли ему еще большую славу, чем „Homo sapiens“. В Польше вокруг П. завязалась страстная борьба: критика и читающая публика разделились на два враждебные лагеря. В начале 900 годов П. становится популярным и одно время модным писателем в России. „Homo sapiens“ читается нарасхват, драмы его, в которых выступает Комиссаржевская, идут с большим успехом. Мода на П. проходит по мере того, как проходит увлечение крайностями модернизма. П. и в теории искусства, и в своем творчестве, и в своей жизни—самый крайний индивидуалист. Художник, по его мнению, должен черпать только из мира своей собственной души, мир этот бесконечно богат, за порогом сознания есть еще бесконечный океан бессознательного, океан тайны и загадок, и истинному творцу не зачем обращаться к внешнему миру, достаточно бурей творческого безумия взволновать океан души и выбросить на берег неисчерпаемое количество сокровищ. Оставаясь верным своей теории, П. в своем творчестве черпал из одного только источника—чувства любви, и быстро стал повторяться. Во всех его драмах и романах варьируется одна и та же тема — трагедия любви: двое любят друг друга настоящею, великой предопределенной любовью и если бы не было преград на пути этой любви, то они слились бы в одно целое, в одно высшее цельное существо андрогинэ. Но судьба зла и коварна и разбивает это высшее счастье: он или она уже принадлежит другому (другой), и отсюда ревность, страдания, преступления и муки совести, смерть и убийства, из которых слагается жизнь человеческая. Эта драма героя „Homo sapiens'a“, Фалька, который не может примириться с тем, что его возлюбленная уже принадлежала другому, повторяется во всех позднейших произведениях П. Повторяясь, творчество его слабеет. Его последние драмы („Обручение“, „Пир жизни“), равно как и последние романы („Сумерки“, „Сильный человек“, „Дети нищеты“) далеко не на уровне „Homo sapiens'a“ или таких драм, как „Снег“ и „Вечная сказка“. При всем несомненном и огромном таланте П., творчество, питающееся из одного источника, быстро истощилось. П. оказал большое влияние на целый ряд писателей—польских, русских, немецких, скандинавских. Страстная сила его слога, парадоксальная прямолинейность, эффектность его символических драм, смелость в трактовке тем половой морали, все это импонировало и подчиняло его влиянию молодых писателей. Влияние это скоро прошло, но след в литературе остался в слоге писателей, подражавших П., в увлечении схематическими драмами и в чрезмерном интересе к проблеме пола. Все сочинения П. переведены на русский язык, некоторые в нескольких изданиях. Лучший из русских переводчиков П.—В. Высоцкий. В 1926 г. вышли в Варшаве „Воспоминания“ П.

В этой книге, назв. автором „Среди чужих“, П. дал весьма интересные с литературно-бытовой стороны картины из жизни „Молодой Германии“, группы, которая в конце XIX в. занимала передовые литературные позиции, и куда входили такие писатели, как Демель, Лилиенкрон и др.; кроме того, в мемуарах имеются яркие характеристики Стриндберга, Ибсена и ряда друг. писателей. Умер П. 23/XI—1927 г. Самые последние годы П. прожил в Варшаве в трудных материальных условиях. После его смерти критика заговорила о трагической его судьбе и подняла вопрос о недостаточно высокой оценке произведений его, написанных по-немецки и в стилисти-

ческом отношении часто более совершенных, чем их польские переводы.
Л. Козловский.

Пшиш, р. в майкопском округе Северо-Кавказского края, левый приток Кубани, берет начало в Главном Кавказском хребте и его отрогах. Длина около 160 км. По долине П. проложено шоссе из Майкопа в Туапсе.

Пыж, прокладка из мягкого материала, каковы: лен, посконь, конопля, пакля, шерсть, даже вата, лучше всего — войлок, помещаемая при стрельбе из охотничьих ружей дробью между зарядом пороха и зарядом дроби. Такой пороховой П. назначается для предотвращения прорыва пороховых газов между дробинками и служит в то же время для них постелью. Сверху дробь удерживается картонным дробовым П. При ружье, заряжаемом с дула, после всыпания заряда П. забивается туго ударами шомпола, затем всыпается дробь и загоняется дробовой П. Если ружье заряжается готовым патроном, то оба П. помещаются в гильзе патрона при его снаряжении.

В прежней артиллерии, стрелявшей дымным порохом, П. применялся иногда для ускоренной очистки канала орудия от нагара так называемым водяным выстрелом. Для этого, после вкладывания заряда, с дула загонялся туго П. из просаленного материала, орудию придавался возможно больший угол возвышения, с дула наливалось в канал некоторое количество воды, и производился выстрел. Вода, прогоняемая при этом через канал орудия под сильным давлением пороховых газов, во время движения по каналу сильно прижималась к его стенкам и смывала нагар. В современной артиллерии пробковым П. закрывается заряд пороха в гильзе, при раздельном заряжении (в гаубицах). *Е. С.*

Пыжма, р. в шадринском и тюменском округе Уральской области, левый приток Туры, берет начало с восточного склона Среднего Урала, длина около 500 км., сплавна, течение быстрое. В верховьях П.—золотоносные россыпи. По П. имеются также месторождения орлеца и угольные.

Пылевые болезни, см. *профессиональные болезни,* XXXIII, 601/02.

Пылесосы, аппараты и машины, служащие для удаления пыли из квартир, складов, мастерских, жел.-дор. вагонов и т. п. Пыль, не поднимаясь на воздух, удаляется ими через закрытый трубопровод, благодаря искусственной тяге; при этом нет надобности сдвигать с места те предметы (как мягкая мебель, ковры), которые служат главным вместилищем пыли. Первые П. представляли собой поршневые воздушные насосы, приводившиеся в действие силой руки; к насосу примыкала шланга, имевшая на конце насадку в виде воронки. Несколько ранее 1910 г. вошли в употребление электрические П.; в них сила руки была заменена силой электрического мотора. Оказалось также выгодным заменить воздушный насос центробежным вентилятором, насаженным непосредственно на вал мотора. Эти усовершенствования позволили сильно уменьшить размеры и вес П. В настоящее время применяются два типа П. Аппараты первого типа создают сильный ток воздуха, проходящий сквозь тот предмет (напр., сквозь половой ковер), который подвергается очистке. Увлекаемая этим током пыль входит в аппарат и осаждается здесь в слое фильтрующей ткани. Иногда аппараты этого рода бывают снабжены щетками, расположенными у края сосущей насадки и помогающими очистке, но эти щетки играют здесь второстепенную роль. В аппаратах другого типа, наоборот, щетка исполняет главную часть работы, выделяя пыль из ковра; затем эта пыль захватывается вентилятором. Жилые дома в культурных странах часто снабжаются стационарной пылесосной установкой: самая машина помещается в подвале, а идущий от нее трубопровод разветвляется по всем этажам дома. В каждом этаже может быть устроено любое число точек приключения для рукавов. О быстроте распространения П. дают представление следующие цифры: в 1910 г. в Соединенных Штатах Северной Америки было 18.000 П., в 1925 г.—5 миллионов.
А. Б.

Пыль, является неизбежной примесью к атмосферному воздуху. Наличность П. можно доказать везде и всегда (*см.* IV, 244/45). Даже там, где

мы не видим ясно взвешенных в воздухе частиц, они все-таки имеются в огромном количестве. Стоит пропустить луч света через щель в затемненную комнату, и мы в луче увидим игру огромного количества пылевых частиц (*солнечная* П.). Даже на больших высотах, где воздух чист, он не свободен от П. Ветер поднимает с поверхности почвы пылинки, и они носятся подчас целыми тучами (особенно в сухое время года), заслоняя солнечный свет (лондонские туманы). Особенно много П. в городах и селениях, местах скопления людей. В городах и селах находили, смотря по погоде, характеру почвы, по замощению улиц и по уходу за ними, от 0,2 до 25 мгр. пыли на 1 куб. м. наружного (атмосферного) воздуха. Образование П. здесь—естественный результат жизнедеятельности, хозяйственной и промышленной работы людей. Из фабричных труб ежечасно выбрасывается масса копоти, и эти частички угля примешиваются к воздуху. Так, в воздухе Лондона Руссель нашел следующее количество сажи:

В ясную погоду	в среднем	0,1 мгр.	в 1 куб. м.
„ облачн.	„	„	„	0,4	„	„	„	„
„ туман.	„	„	„	1,0	„	„	„	„

Внутри жилых домов и рабочих помещений П. образуется благодаря постоянному трению, неизбежному при работе, при движении. По исследованиям Гессе, на каждый куб. м. воздуха было найдено П.:

В сортировочной на писчебумажной фабрике	25,0 мгр.
„ железно-шлифовальн. мастерской	100,0 „
„ мастерской войлочной обуви . . .	175,0 „

Вдыхание П. вредно действует на здоровье. При небольшом количестве П. не так страшна, так как она выбрасывается из дыхательного горла вместе со слизью. Продолжительное пребывание в атмосфере П. влечет за собой неблагоприятные последствия. При вдыхании П. прокладывает себе путь в легочные ячейки, отлагается в соединительной ткани между ними, в бронхиальных железах, обусловливая раздражение и воспаление ткани. Запыленное легкое не в состоянии оказать должного противодействия проникающим вместе с нею болезнетворным микробам, и в нем легче, чем в здоровом легком, развиваются легочные инфекции, в частности туберкулез (*см.* XXXIII, 601/02).

Борьба с П. нелегка. На улицах уменьшение П. достигается хорошим мощением и частой их поливкой. Достижению той же цели содействует разбивка садов и бульваров, насаждение деревьев, способствующих некоторому увлажнению воздуха и оседанию П. Для уменьшения копоти необходимо ратовать за вынесение фабричных помещений за пределы города и устройство таких приспособлений, которые способствовали бы полному сгоранию углерода. В фабричных помещениях необходимы рациональная вентиляция (*см.*) и установление эксгаусторов, удаляющих П. в момент ее образования. В жилых помещениях необходимо поддерживать полную чистоту, мыть пол чисто или натирать воском, избегать большого количества мягкой мебели, портьер и занавесок, на которых скопляется П. (механическое удаление ее пылесосами), вытирать ежедневно мягкой тряпкой мебель и все предметы (особенно нагревательные приборы). Вытирание сухой тряпкой, как и подметание не политой улицы, способствует лишь переходу больших количеств П. в атмосферный воздух. *В. Канель.*

Пыльник, см. *тычинка.*

Пыльца, *цветень, цветочная пыль,* состоит из множества очень мелких зернышек, которые образуются в пыльниках явнобрачных (цветковых) растений, представляют необходимый для оплодотворения мужской элемент этих растений (см. *растения*, а также *цветковые*, XLV, 2, 191) и соответствуют микроспоре папоротников (*см.* XXXI, 135/37). Большей частью эти зерна шарообразны, или яйцевидны, или в виде тетраэдров, редко имеют нитчатую форму.

Оболочка пыльцевого зерна, представляющего собой изолированную клетку, состоит из наружного кутикуляризованного слоя, э к з и н ы, окрашенного нередко в желтый цвет, и внутреннего слоя, и н т и н ы. У некоторых водных растений, напр. Zostera, экзины не бывает. Наружная поверхность экзины почти всегда покрыта правильными, определенными узорами в форме колючек, бородавок, валиков, гребешков и проч., которые настолько характерны для каждого

растения, что по ним можно определять само растение. Содержимое пыльцевого зерна состоит из густой протоплазмы, в которой часто содержатся зернышки крахмала и капельки масла, и крупного ядра. Перед оплодотворением созревшее пыльцевое ядро у покрытосеменных делится надвое; одно входит в состав небольшой голой клетки, называемой генеративной (антеридиальной) клеткой, а другое—в состав большой клетки, дающей пыльцевую трубку и называемой вегетативной. Перед оплодотворением ядро генеративной клетки делится надвое, и получаются два ядра, играющие роль живчиков. У голосеменных малая клетка отделяется от большой настоящей перегородкой. У некоторых хвойных внутри П. сбразуется несколько мелких клеток. В воде пыльцевое зерно лопается. П. образуется из клеток внутреннего слоя пыльника, называемого археспорием, которые делятся на 4 пыльцевых клетки, при чем происходит редукционное деление ядра, вследствие чего ядра П. содержат половинное число хромозом. У некоторых цветковых растений (Rhododendron, Typho, Neotria и другие) образовавшиеся из материнских клеток четыре дочерние клетки остаются соединенными в пыльцевые тетрады или все продукты археспория образуют сложную пыльцевую массу (mossula), состоящую из 8, 12, 16, 32, 64 пыльцевых зерен. В семенах мимозовых можно найти разнообразные степени развития сложной П. У многих орхидных (*см.* XXX, 664) и ласточниковых (*см.*) вся П. цветочного отделения соединена в одну массу (поллиний, поллинарий). Необходимость перенесения П. на рыльце для опыления вызвала образование целого ряда особенностей в строении П. У ветроопыляемых растений (*см.*) пыльцевые зерна шаровидные, гладкие, при чем величина их, колеблющаяся в очень узких пределах (около 30 μ), наиболее благоприятна для передвижения П. по воздуху. Та своеобразная скульптура П., о которой сказано выше, с иглами, шипами, кромками и т. п. характерна для насекомоопыляемых растений (см. *цветковые*, XLV, ч. III, 196 след.). Эти выступы, а также покрывающее пыльцевые зерна масло, делают П. клейкой и способствуют прилипанию ее к телу насекомых, которые переносят П. на рыльце другого цветка. Величина П. у этих растений варьирует в очень широких пределах, от 2,5 μ (альпийская незабудка) до 250 μ (ночная красавица), оставаясь, однако, для каждого растения весьма постоянной; только у помесей величина зерен неодинакова, так как много пылинок не достигает полного развития. Особенно крупны пыльцевые зерна у тыквенных и мальвовых. В тех случаях, когда приспособления к переносу П. насекомыми особенно развиты (например, у орхидных), П. развивается немного; у ветроопыляемых растений, где вероятность попадания П. на рыльце весьма мала, ее развивается огромное количество.

М. Нечаев.

Пыльцевая трубка, см. *пыльца.*

Пыпин, Александр Николаевич, академик, историк русской литературы и общественности. Род. в 1833 г., в Саратове, в семье мелкопоместного дворянина (мать — духовного звания). Учился в саратовской гимназии, в казанском, потом — в петербургском унив-те, по филологическому факультету; в 1833 г. получил степень кандидата словесных наук. В 1857 г. утвержден в степени магистра рус. словесности и был командирован за границу на два года (Германия, Италия, славянские страны). В 1860 г. начал лекции в петербургском университете в качестве профессора всеобщей литературы, но в 1861 г. с некоторыми другими профессорами ушел из университета, в знак протеста против притеснений студентов, и больше туда не возвращался. В 1871 г. избран в академики, но не был утвержден царем по докладу министра Толстого. Только в 1898 г. П. вновь избран ординарным академиком. Скончался в 1904 г. — Научно-литературную деятельность П. начал рано, 20 лет, статьей о драматурге XVIII века Лукине, в „Отечеств. Записках“ 1853 г. В 1857 г. вышла магистерская диссертация П.: „Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских“, и затем научные труды появлялись в такой последовательности: в 1865 году вышел „Обзор славянских литератур“ (в 1879 г.— „История славянских литератур“, в 2 тт., с участием В. Д. Спасовича по польской литературе), в 1870 г.—„Общественное движение при Александре I“ (5 изд., 1918), в 1871 г.—„Белинский, его жизнь и переписка“ (2-е дополнен. изд., 1908), в 1878 г.—„Характеристики литературных мнений с 20-х до 50-х годов“ (4 изд., 1909), в 1891 г.—„История русской этнографии“, в 4 тт., в 1898 году—„История русской литературы“, в 4 тт. (4 изд., 1911—1913), в

1899 году—„М. Е. Салтыков. Идеализм Салтыкова. Журнальная деятельность", в 1905 г.—„Н. А. Некрасов", в 1910 г.—„Мои заметки" (воспоминания). Здесь не перечислено несколько меньших книг П. и не названы его журнальные статьи. Оставив кафедру, П. стал журналистом; в течение пятидесяти лет он из года в год печатался—сначала в „Отечественных Записках" и „Современнике", потом, с 1867 года и до смерти, в „Вестнике Европы". Продуктивность П. колоссальна, она больше продуктивности Александра Веселовского и Момзена; список трудов П. включает до 1.200 номеров. Некоторые из его крупнейших статей изданы в посмертных сборниках: „Русское масонство XVIII и первой четверти XIX веков" (1916), „Религиозные движения при Александре I" (1916), „Очерки литературы и общественности при Александре I" (1917).—П. был необычайно разнообразен в своих научных работах; он писал и по народной словесности, и по старо-русской письменности, и по русской литературе XVIII века, и по славянским литературам, и по новейшей русской литературе. Кроме литературы, его сильно интересовала этнография, также—религиозные движения, например масонство, и еще больше—движения общественные. Он оставил много работ по историографии литературной науки—о Буслаеве, Тихонравове, Гердере, Гетнере и другие. Всюду П. проявлял огромную эрудицию, уменье охватить дробный и обширный материал, дар монументальных научных конструкций, понимание связей литературы и общественности. Его три „великих свода": „История русской этнографии", „История славянских литератур" и „История русской литературы" в течение десятков лет не заменены новыми. Его две книги по общественным движениям при Александре I и Николае I долго служили нуждам не только литературоведов, но и историков. Да и все другие книги не теряли активности десятилетиями. Их живучесть обусловлена не только богатством материалов и достоинствами разработки, но и тем миросозерцанием, какое в них отразилось. П. был двоюродный брат Чернышевского и его воспитанник; Чернышевский руководил его юношеским чтением и помогал войти в журналистику; П. был глубоко предан Чернышевскому и, когда того сослали в Сибирь, воспитывал его сыновей, помогал ему самому и делал все усилия, чтобы облегчить и сократить его ссылку. П. многое воспринял из взглядов Чернышевского в вопросах философских, политических, социальных. Так, П. через Чернышевского стал поклонником Фейербаха; П. воспринял и развил взгляды Чернышевского на эпоху Белинского. По многим другим общественным вопросам П. популяризировал или разрабатывал дальше воззрения Чернышевского. Острая критика правительственной реакции и консерватизма в прошлом и настоящем, что столь характерно для исторических и публицистических работ П. и что так отличает его от Буслаева, Тихонравова, Веселовского,—идет от Чернышевского и от „Современника". Однако, не следует преувеличивать этого влияния. Всякие формы социализма остались навсегда чужды П. Здесь взгляды Чернышевского и Добролюбова оказались ему не по плечу. Революционные идеи Чернышевского тоже чужды П. Он отрицательно относился к Бакунину, Лаврову, к революционным народникам. Нечего и говорить, что П. отрицательно отнесся к марксистам; когда вышла книга Н. Рожкова: „Город и деревня в русской истории", П. принципиально отверг ее. П. с конца 60-х годов вошел в редакцию „Вестника Европы", и это определило его социально-политическую позицию как либерально-буржуазную. В соответствии с этим общим миросозерцанием П. создал своеобразный историко-литературный метод: культурно-исторический и либерально-дидактический. Он рассматривал литературу как часть общественной истории, как наглядную иллюстрацию к общественным движениям. Так, излагая политическую историю России при Александре I в своей известной монографии, П. только в конце книги вспоминает литературу и рассказывает, как либеральное движение отразилось в стихах Пушкина и Рылеева, в комедии Грибоедова. В „Характеристиках лите-

ратурных мнений" под „литературными" мнениями разумеются политические, и П. просто излагает официально-консервативные, славянофильские, западнические взгляды. В „Истории русской литературы" среди двух тысяч страниц не найдется и двух, посвященных чисто литературному анализу (для примера смотри главу о Вяземском). Общественно-исторический процесс П. понимает дуалистически, он видит в нем борьбу „правительства" и „общества", реакционных и прогрессивных начал, „светлых и темных явлений". Общество прогрессивно, оно борется за просвещение, за справедливость, за свободу слова, за гражданские права. П. совершенно чужд классовости в понимании социальных и идеологических процессов. Жизнь он понимает рассудочно: если в „обществе" проявляется что-нибудь „темное", то это — только плод „заблуждений", „невежества" и т. под. П. — культурник и либерал-просветитель, и своим историческим работам он придает иносказательно-дидактический характер. О декабристах он рассказывает так, чтобы читатель почувствовал необходимость конституции и народного представительства; рассказывая о Пушкине, П. внушает читателю необходимость свободы слова и отмены цензуры; при изложении литературных произведений выдвигаются мрачные картины крепостного права. По условиям цензуры П. не мог договаривать до конца, и оставалось не ясно, как далеко он сам идет; но так как его исторические памфлеты были достаточно остры и смелы, то он пользовался большим успехом не только в либеральных, но и в радикальных кругах. Научные достоинства его работ, известная широта воззрений и твердая убежденность, а также близкое соответствие миросозерцанию высшей и средней буржуазной и разночинской интеллигенции создали П. обширную аудиторию и целую школу учеников — историков литературы, применявших тот же культурно-дидактический метод. П. господствовал в течение нескольких десятилетий. Потому начали сопротивляться: сначала критики-эстеты из группы „Весов" и одновременно — литературоведы-психологи типа М. О. Гершензона, дальше — формалисты; с развитием марксистского литературоведения культурно-дидактический метод, в основе которого лежит тот же идеализм, вовсе потерял свой вес, и теперь обширное научное наследие П. сохраняет ценность только как деловые своды обширных фактических материалов.

Библиография. Работы П. по 1903 год перечислены (с обширными аннотациями) в книге: „Список трудов академика А. Н. Пыпина. 1853—1903". Составил *Л. Л. Барсков* (1903), дополненный список смотри в издании: *„Материалы* для биографического словаря действительных членов имп. Академии Наук" (ч. II, П. 1917). О. П.: „50-летие научно-литературной деятельности академика А. Н. Пыпина" (СПБ. 1903) (из „Литературного Вестника", 1903, № 3); *П. Н. Сакулин*, „А. Н. Пыпин" („Вестник Воспитания", 1905, № 4); *Ю. М. Стеклов*, „Записка А. Н. Пыпина по делу Чернышевского" („Красный архив", 1927, том 3 (22).

Н. Пиксанов.

Пырей (Agropyrum), трава, широко распространенная как в культуре лугов и полей, так и в естественных сообществах. Род П. богат видами: их только в Европе насчитывают свыше 30, однако основное значение в культуре принадлежит двум биологически контрастным видам: П. ползучему — Agr. repens, — и П. кустовому — житняку. Последний поддается морфологическому разграничению на Agr. cristatum (ширококолосая форма), Agr. desertorum (узкоколосая форма), Agr. sibirium, форма более богатая остями.

Все последние виды принадлежат к П. бескорневищевым, все они являются кустовыми многолетними злаками и в короткий срок образуют пласт. К бескорневищевым принадлежит также Agr. tenerum. П. ползучий характеризуется развитием длинных корневищ, которые образуют густые сети. Agr. repens резко отличается от Agr. cristatum и по устройству соцветия колоса. П. ползучий имеет длинный колос, составленный из колосков, плотно прилегающих к стержню своей широкой стороной, ширина колоса ровная по всей длине. У Agr. cristatum колос значительно короче, и колоски длиннее, от стержня отогнуты, при созревании угол отгиба может даже приблизиться к прямому; колос представляет конус, гребенку (модификация, называемая иногда П. гребенчатым). Оценка П. ползучего определяется системой земледелия; в залежной системе П. ползучий — мечта земледельца, во всех других — жестокий враг. В естественных сообществах ползучий П. представляет один из основных залежных злаков. Нередки чистые П.-перелоги, в других местах П. смешан с костром безостым и чаполочью. В залежном полеводстве основным стремлением являлась замена бурьянов П. Такой замене препятствует сошная и содействует плужная пахота, а также сырая осень и сухая весна. Следует, однако, иметь в виду, что П. ползучий является желательным гостем только при безграничных земельных просторах. Здесь П. ценится как дающий сено первоклассного качества. Уже при стеснении залежной системы, а тем более вне ее, ползучий П. пре-

вращается в докучливую сорную траву, с которой приходится вести упорную и мучительную борьбу. Жизнеспособность П. заставляет для его уничтожения применять специальную систему обработки: приходится жертвовать запасом влаги, итти на пересушивание пахотного слоя и на многократное боронование. На современном уровне земледелия П. ползучий является признаком низкой культуры. Урожаи П. в степях ничтожны, сена П. получается с единицы площади не больше, чем зерна яровой пшеницы. Как бы высоко ни ценить сено П., но при таком соотношении в урожаях он не имеет никаких шансов на сохранение и обречен в степном полеводстве на полное вымирание. Он сохранил свое значение лишь в верхней части заливных лугов, где его корневища не входят в столкновение с растениями. Бескорневищевые П. поддаются запашке без сопротивления и могут быть уничтожены в любой момент через 2—3 года жизни, в то время как от П. ползучего надо ожидать долгие годы естественного уплотнения почвы, которое подорвет жизненность П. В силу этого обстоятельства бескорневищевые П., введенные в культуру В. С. Богданом, положили начало так назыв. пыренно-краткосрочной залежной системе. Бескорневищевые П. могут входить в короткие севообороты и через 2—3 года давать пласт идеального строения. Бескорневищевые П. принадлежат к растениям очень зимостойким и превосходно выносящим засуху, пригодны для нижнего Поволжья. К серьезным недостаткам бескорневищевых П.—житняков принадлежит капризность их культуры и малая продуктивность. При сравнении ширококолосых и узкоколосых форм Краснокутск. станц. (П. И. Константинов)—показал значительно большую продуктивность узкоколосый (Agr. deserterum) как по сену, так и по семенам. В расходовании воды узкоколосые формы также экономнее ширококолосых. Наибольшие урожаи бескорневищевые П. дают в третий год жизни. Осенние посевы признаются для бескорневищевых П. более надежными. Разница в пользу беспокровных посевов не велика. Одним из условий правильной культуры является малая густота посева (4—5 клгр).

Бескорневищевые П. ценны как составные части смесей (смесь житняка и люцерны); в ряде предшественников бескорневищевые П. занимают хорошее, но не исключительное место. Основное значение принадлежит им в Заволжьи, где их высокая засухоустойчивость выдвигается на первое место, а малая продуктивность скрыта низкою урожайностью всех растений. Большая урожайность свойственна третьему бескорневищевому П., Agr. tenerum, однако, вопреки наименованию, его сено значительно грубее. Высокую оценку Agr. tenerum получил в работах Западно-Сибирской станции (Омск). В итоге можно сказать, что ползучий П. является в полеводстве травой прошлого, бескорневищевый П. не сделался травой настоящего. Увлечение ими сменилось довольно сдержанным к ним отношением. Для центральных районов они недостаточно урожайны, а на востоке, вероятно, уступят место серповидной люцерне или ее гибридам.

И. Якушкин.

Пытка (die Tortur, die Folter, la torture, tortura), как *уголовно-правовой* институт старого времени, средних веков и нового времени (почти до начала XIX в.), состояла в причинении обвиняемому физических страданий с целью получения его признания. При господстве формальной системы доказательств признание обвиняемого рассматривалось, как „лучшее“, самое „совершенное“ доказательство его виновности, и поэтому получение такого признания являлось с точки зрения старого процесса весьма желательным. Происхождение П. относится к глубокой древности и находится в связи с системой ордалий как формы суда божьего: с испытанием водою (judicium aquaticum), огнем (judicium ignis), крестом (judicium crucis) и пр.

В древней Греции и в Риме П. применялась в разнообразных видах не только к обвиняемым гражданам, но и к свидетелям-рабам: последние должны были скреплять свои показания перенесением мучений: „Servis testimonii dictio ne esto, nisi per tormenta“. Впрочем, допрос под П. свидетелей не получает повсеместного распространения и не играет той роли, которая принадлежит в истории уголовного процесса П. обвиняемого. В случае совершения особо тяжких преступлений и присуждений к смертной казни, судебная практика и закон допускали отягчение наказания смертной казни предварительным мучением приговоренного, например рванием его тела щипцами: в этих случаях этою П. хотели вырвать у пытаемого новые признания и оговоры или преследовали только цель отягчения мук наказания. Постепенно разнообразные виды П. складываются в определенную систему: устанавливается порядок применения этих видов П., создаются процессуальные условия их применения; издаются официальные руководства по искусству пытания, предающие указания, как следует поступать, чтобы достичь при П. наибольшего успеха. Так, например, предписывалось служить перед П. мессу за успех ее исхода; поили подсудимого на тощак „святой водою“; обвязывали его по телу особою лентою с написанными на ней последними семью словами Христа, произнесенными им на кресте; сбривали со всего тела волосы; произносили особые заклинания и пр. В Бамбергском уголовном уложении 1508 года, в уложении Карла V, так называемой „Каролине“, 1532 года, в австрийском кодексе „Терезиане“ 1769 года в руководство судьям даются рисунки разнообразных пыточных инструментов и наглядного способа их употребления. Появившиеся в законе ограничения П., например, *запрещение применять ее более одного раза*, истолковывались превратно (например, примененная П. об'являлась прерванною и продолжалась в следующие дни). Кровавые страницы вписала в историю П. инквизиция (*см.*). В России П. также широко применялась при „сыске“ виновных, но ее виды были не столь изощренной жесткости, как на Западе. Обычным средством „допроса с пристрастием“ была дыба с кнутом. Об'ем применения П. был весьма велик: она допускалась не только для установления вины и выдачи соучастников, но и для выяснения места нахождения имущества обвиняемого, если ему грозила конфискация. Движение в литературе против П. с наибольшей силой сказалось в книге Беккарии (*см.*) „О преступлении и наказании“, вышедшей на итальянском языке в 1764 году. В законодательствах отмена П. начинается с великой

французской революции. В России ее юридическая отмена состоялась в 1801 г.

Литература. См. обширное в 2 томах исследование Dr. *Fr. Helbing*, „Die Tortur. Geschichte der Folter im Kriminalverfahren aller Völker und Zeiten". *Jühling*, „Die Inquisition" (1908).

М. Гернет.

Пышма, см. *Пыжма.*

Пьедестал, см. *колонна.*

Пьемонт, область северной Италии, ограниченная на севере Швейцарией, на западе Францией, на востоке Ломбардией и на ю. Лигурией (*см.* XXII, 341/43); разделяется на 6 провинций: Алессандрия, Аоста, Верчелли, Кунео, Новара и Турин, с общей площадью в 29.368 кв. км. и 3.383.646 жителей (1921). Равнинная поверхность, окруженная со всех сторон, исключая границу с Ломбардской равниной, горами: Пеннинскими, Грайскими, Коттийскими, Приморскими и Лигурийскими Альпами. Орошается системой реки По. Земледелие, виноделие. Обширная промышленность (2-е место среди областей Италии). Главн. город—Турин. П. — наименее национальная из итальянских областей. Колыбелью пьемонтской государственности была Савойя (*см.*). В 1720 г. герцог Савойский получил Сардинию и сделался сардинским королем, в XVIII в. к *Сардинскому королевству* были присоединены соседние части Ломбардии, т. е. П. Венский конгресс дал сардинскому *королю титул короля* П. Дальнейшая история П. сливается с историей Италии (*см.* XXII, 409 и след.).

Пьер, *Пирр* (Pierre), главный город сев.-амер. шт. Южная Дакота, 3.560 ж. (1925).

Пьерлуиджи, см. *Палестина.*

Пьеро делла Франческа, итальянский художник, *см.* XXII, 532.

Пьерро (Pierrot), французское видоизменение одной из масок итальянской Commedia dell'arte, Педролино. Последний первоначально изображал крестьянского парня-простофилю, вечно вымазанного мукой (отсюда костюм П.—широчайший белый балахон и вместо маски—выбеленное лицо), а потом постепенно был сближен с Бригеллой. П. пошел от раннего Педролино и вначале трактовался как глупый и неудачливый молодой крестьянин. Позднее, уже в XVIII в., облик его стал другим. В нем появился трагический излом (вечно обманутый муж Коломбины, неистово мучающийся от измены жены). Таким П. перешел в новую литературу: „le pâle Pierrot au clair de la lune" (Лафорг, Блок и др.). Женское воплощение П., Пьерретта, появляется не раньше XVIII в. См. Hugounet, „Mimes et Pierrots" (1889).

А. Дж.

Пьомбо (Piombo), Себастиано дель, прозвание итальянского художника Лучиани (1485—1547). Он был родом из Венеции, где учился у Джов. Беллини и вдохновлялся живописью Джорджоне. Лучшим произведением его венецианского периода был алтарный образ в церкви S. Giovanni Crisostomo. В 1511 г. он перебрался в Рим, где в мастерской Микель Анджело закончилось его формирование как живописца. Последние годы жизни он был хранителем папской печати (il Piombo). Отсюда его прозвание. О значении П. в истории итальянской живописи *см.* XXII, 547/48.

Пьюджин, см. *английское искусство*, III, 70.

Пьяве, см. *Пиаве.* Бои в мировую войну в 1917/18 гг. (*см.* XLVI, 113/14, 127).

Пьяна, р. в Нижегородской губернии, левый, самый значительный приток Суры. Длина 386 км. Течение извилистое. Близ устья судоходна.

Пьяная трава, народное название: 1) одного вида звездчатки (*см.*), Stellaria graminea, 2) андромеды (*см.*), также назыв. подбелом или болотником, 3) нескольких видов рододендрона, Rhododendron chrysanthum, R. dahuricum (также багульник, Ledum palustre), 4) одного вида азалии, Azalea pontica (Rhododendron ponticum).

Пьяница, *пьяника*, народное название голубики (*см.*) или гонобобеля.

Пьянство, как социальное зло, подрывающее физические и умственные силы населения, его трудоспособность и благосостояние, вызывающее эксцессы и усиление преступности (*см. алкоголизм*, особенно I, 263/69), издавна побуждало к борьбе с ним и само население и государственную власть. В последнем случае, однако, борьба очень часто парализовалась тем, что обложение спиртных напитков давало казне

очень большой доход, вследствие чего борьба с алкоголизмом принимала призрачный характер (см. *питейная торговля, попечительства о народной трезвости*). Значительные перемены произошли со времени мировой войны. За время мировой войны потребление спиртных напитков повсеместно резко сократилось в связи с военным запретом, проведенным почти во всех участвовавших в войне странах. Однако, с окончанием войны везде употребление спиртных напитков начинает увеличиваться, оставаясь все же во всех странах (исключая Испании) ниже довоенного душевого потребления. Приводимая таблица показывает изменения к 1919—22 годам по сравнению с 1906—10 годами.

НАЗВАНИЕ СТРАНЫ	Душевое потребл. абсолютного алкоголя в литрах		% восстановления душевого потребл. в сравнении с 1906—1910 г.г.
	1919—1922	1906—1910	
1. Франция	17,99	22,53	78,4
2. Испания	15,83	14,02	112,8
3. Италия	13,77	17,29	79,6
4. Швейцария . .	11,99	13,71	87,4
5. Бельгия	9,01	10,58	85,1
6. Великобритания	6,17	9,67	63,8
7. Швеция	3,03	4,33	70,0
8. Голландия . . .	3,00	5,01	59,8
9. Дания	2,89	6,82	42,4
10. Германия . . .	2,74	7,47	37,0
11. Норвегия . . .	1,95	2,37	82,2

1919—1922 годы были первыми восстановительными годами. В последующие годы в большинстве стран продолжается увеличение душевого потребления алкогольных напитков. Общие запреты производства и продажи спиртных напитков были проведены за время войны и после нее в Исландии, Норвегии, СССР, Финляндии и Соединенных Штатах Северной Америки. В *Исландии* запрет был введен в 1915 году и касался всех спиртных напитков, содержащих свыше 2,25% алкоголя. Под нажимом Испании, потребовавшей свободного ввоза своих крепких вин взамен вывозимой рыбы, запрет был отменен в 1922 году. В *Норвегии* был об'явлен в 1917 году запрет продажи водки и вин крепости свыше 12°. В октябре 1919 года был проведен референдум, и большинством 489.017 голосов против 304.673 было решено запрет военного времени продлить.[1]) Первые годы результаты запрета были удовлетворительны. Затем потреблен. спиртн. напитков стало увеличиваться благодаря развитию рецептурной выписки алкоголя врачами и развитию контрабандного ввоза. Задержано было контрабандного спирта: в 1921 г. — 16.989, в 1922 г. — 93.092 и в 1923 г.—546.442 литра. Потребление спиртных напитков, допущенных законом (не считая контрабанды), было следующее (на душу населения чистого алкоголя в литр.):

	Спирт и водка	Вино	Пиво	Всего
1916 г.	1,69	0,31	1,03	3,03
1921 „	0,59	0,21	1,40	2,20
1922 „	0,63	0,13	1,38	2,14
1923 „	0,82	1,15	1,25	2,22

Число задержанных в пьяном виде

1914 г.	49.132	1919 г.	37.410
1915 „	52.507	1920 „	34.539
1916 „	62.641	1921 „	35.502
1917 „	81.109	1922 „	44.685
1918 „	22.914	1923 „	49.019

По окончании войны Франция потребовала взамен экспортируемой рыбы права импортирования 450.000 литров вина. Правительство Норвегии удовлетворило требование Франции. Затем анологичное требование пред'явила Испания на 500.000 литров и, наконец, Португалия — на 850.000 литров (1923). Оставался, таким образом, запрет только на водку. Референдум в 1926 году отменил запрет и на водку (408.324 голоса было подано за сохранение запрета, 519.878— против). В настоящее время проводится готтенборгская система (*см.* II, 267). Продажа водки разрешена только в городах с населением свыше 4.000. В деревнях водка не продается. Часы продажи—от 3 часов дня до 11 вечера. Лицам моложе 21 года спиртные напитки не отпускаются.

[1]) Большинство за запрет дала деревня. В городах подано было 117.000 голосов за запрет и 116.000—против, а в Христиании 19.000 за и 71.000 против запрета.

В *Финляндии* постановление о запрете напитков, содержащих свыше 2% алкоголя, было принято сеймом в 1907 г., но оно не было утверждено царским правительством. После отделения Финляндии закон о запрете был принят снова и вступил в силу в 1919 году и существует и в настоящее время. Статистические данные говорят с несомненностью, что алкоголь находит себе нелегальные пути. Задержано в пьяном виде лиц: в 1919 году—5.389; в 1920 году—21.184; в 1921 году—30.730; в 1922 году—42.800; в 1923 году—56.413; в 1925 году—70.000; в 1926 году—73.829.

Процент больных с алкогольными психозами по отношению ко всем поступившим в психиатрические лечебницы больным был: в 1920 году—7,8; в 1921 году—17,9; в 1922 году—24,5; в 1923 году—32; в 1924 году—41. Растет контрабандный ввоз, о чем косвенно свидетельствует количество задержанного контрабандного алкоголя: в 1919 году—11.502 литра, в 1920 году—91.248 литров, в 1921 году—79.383 литра, в 1922 году—174.309 литров, в 1926 году—378.154 литра.

Количество отпускаемого из аптек по рецептам алкоголя возросло с 100.000 кгр. до запрета до 900.000 после запрета.

В Америке общему запрету для всей федерации предшествовали запреты в отдельных штатах. Штат Майн первый ввел запрет в 1851 году. Провели у себя запрет к концу 1914 года 14 штатов, а к 1918 году—27 штатов. 1 января 1920 года вступил в силу закон о полном запрете производства и продажи спиртных напитков, вошедший в конституцию Соединенных Штатов. Ему предшествовал военный запрет 1917 года. Первые годы наблюдалось понижение отрицательных последствий алкоголизма, учитываемых статистически. Затем наступает нарастание тех же последствий. Так, смертность от алкоголизма по данным, касающимся 18 миллионов застрахованных, была на 100.000 человек следующая:

1911 — 4,1	1916 — 5,4	1921 — 1,5
1912 — 5,4	1917 — 5,2	1922 — 2,5
1913 — 5,4	1918 — 1,9	1923 — 3,4
1914 — 4,8	1919 — 1,4	1924 — 3,2
1915 — 4.3	1920 — 1,3	1925 — 4,1

Число задержанных в пьяном виде в городах было на 1.000 жителей:

1910 — 17,2	1915 — 17,2	1920 — 7,0
1911 — 16,9	1916 — 17,8	1921 — 9,6
1912 — 17,2	1917 — 17,0	1922 — 12,9
1913 — 18,3	1918 — 12,9	1923 — 14,6
1914 — 17,4	1919 — 8,8	

Рост потребления идет, главным образом, за счет контрабандного ввоза самогонокурения и денатурата. Созданы мощные об'единения с крупным капиталом, которым тайная продажа спиртных напитков приносит большой барыш. О размерах тайной продажи можно судить лишь косвенно, по следующим данным:

	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Обнаружено: тайн. винокур. заводов	9.746	8.313	12.219	10.392
пивоварен. . . .	70.014	81.640	124.401	124.720
Конфисковано галлонов дестиллированных спиртных напитков . .	413.987	382.390	457.365	1.672.743
Число арестованных за сбыт и производство спиртных напитков	34.175	42.223	66.936	68.161

Опыт запретительной системы в перечисленных странах за сравнительно небольшой отрезок времени показал, что каждая страна имеет свои трудности в проведении запрета, и делать окончательные выводы о целесообразности или нецелесообразности введения запрета пока не следовало бы.

В России запрет был введен в 1914 г. в начале войны. Советское правительство 2 января 1920 г. декретировало запрет производства и продажи спиртных напитков. Годы империалистической и гражданской войны, при условиях резкого недостатка хлебных продуктов и напряженной борьбы, были благоприятны для осуществления запрета. С окончанием войн, после присоединения винодельческих районов (Крым, Грузия, Армения) была разрешена в августе 1921 г. продажа вин крепости до 14° и пива. Затем НЭП и появление товарных излишков

хлеба привели к нарастанию самогонокурения. Косвенным показателем развития самогонокурения были цифры обнаруженных по годам случаев самогонокурения: в 1922 году 94.000 случаев; в 1923 году 191.000 случаев; в 1924 году 275.000 случаев. Отобрано самогонных аппаратов: в 1922 году—22.000; в 1923 году—54.000; в 1924 году — 73.000.

Развившееся самогонокурение и крайняя нужда в денежных средствах, которых нельзя было получить от капиталистических держав, не соглашаясь на кабальные условия, заставили советское правительство пойти на разрешение сперва 20° наливок и настоек (30 января 1923 года), затем (в декабре 1924 года) на разрешение 30° и, наконец, с 1 октября 1925 г.— на 40° водки.

Потребление спиртных напитков в СССР по сравнению с потреблением в бывшей Российской империи изменилось след. образом:

Годы	Водки		Пива		Виногр. вина	
	Всего в млн. вед.	На душу в ведрах	Всего в млн. вед.	На душу в ведрах	Всего в млн. вед.	На душу в ведрах
1913	104	0,66	94	0,55	25	0,16
1927/28	41	0,31	34	0,23	5	0,04

В пределах теперешней территории СССР в 1913 г. душевое потребление водки было: в городах — 1,71 ведра, в сельских местностях—0,54, в империи — 0,69. В 1926/27 г. потребление составляло: в городах—0,66 ведра, в деревнях — 0,14 ведра (15.327 тыс. в городах и 16.834 тыс. в сельских местностях), что составляет 38,5% довоенного потребления в городах и 27,8% в селах. В деревнях необходимо учесть дополнительное потребление самогона, но размеры последнего трудно поддаются учету. Ориентировочно может служить цифра Четыркина, выведенная на основе анкеты Госспирта в 1923 г. и равная 15,2 млн. ведер в переводе на 40°. Цифра, вычисленная мною в Государственном институте социальной гигиены, на основании 10.000 крестьянских бюджетов 1924/25 г. и 1925/26 г. (в среднем 10 млн. ведер в год в переводе на 40°) такова:

Динамика развития потребления 40° за последние годы в тысячах ведер.

Годы	В городах	В сельских местностях	Всего
1925/26	10.127	8.543	18.670
1926/27	15.327	16.834	32.161
1927/28	17.735	23.265	41.000 (предв. дан.)

Вычислено, что население СССР затратит на спиртные напитки в 1927/28 году около 1.200 миллионов рублей: 885 миллионов рублей на водку, 200 миллионов на пиво и свыше 100 миллионов на вино. Доходы государственного бюджета от акцизов на спиртные напитки равны 700 миллионам рублей (11% бюджета против 28% довоенных).

Из других систем борьбы с алкоголизмом, помимо полного запрета, следует особо отметить так называемую *„браттовскую систему“*, введенную с 1917 г. в Швеции. Она предложена д-ром Браттом как дополнение к готтенборгской системе. Право местных общин запрещать продажу спиртных напитков сохранено. Там, где нет местного запрета, продажа водки производится по специальным водочным карточкам (motbok), по которым можно купить максимум 4 литра в месяц. Статистические данные динамики потребления следующим образом освещают результаты системы Братта:

Потребление по годам в литрах на душу населения.

Годы	Абсол. ал-голя	50° водки
1906—10	4,33	6,8
1922	2,8	3,8
1923	2,9	3,9
1924	3,1	4,2
1925	3,2	4,4

Э. Дейчман.

Пьяченца, итальянская провинция в области Эмилии; 2.471 кв. км. с 285.855 ж. (1921). На севере равнинна, на юге покрыта Лигурийскими Апеннинами. Орошается системой р. По. Земледелие, скотоводство, шелководство.

Пьяченца (Piacenza), главный город одноим. итальянской провинции, на р. По; 61.961 ж. (1926). Замечательны по красоте церкви: San Sisto (1499), где до 1754 г. находилась Сикстинская Мадонна Рафаэля, S. Sepolcro и другие. Текстильная и машиностроительная промышленность. В средние века торговля и промышленность выдвинули ее на положение одного из важнейших городов Ломбардии, в 1545 г. подчинена Пармскому герцогству Пьер Луиджи Фарнезе, в 1848 г. первая из ломбардских городов подчинилась Пьемонту, в 1859 г. присоединена окончательно.

Певцов[1]), Михаил Васильевич (1843—1902), путешественник, генер.-майор, кончил курс в Николаевской академии генерального штаба. Служил в Омске, откуда в 1876 г. совершил путешествие в Джунгарию во главе казачьего конвоя для охраны хлебного каравана, частью по неисследованной и неизвестной местности, произвел многочисленные астрономические, магнитные и барометрические определения и составил карты пути. В 1878—79 гг. П. совершил экспедицию в Монголию и сев. провинции Китая—Шанси и Чжили.

П. была произведена маршрутно-шагомерная съемка на протяжении около 4.500 км., определено географич. положение 28 пунктов и собраны ботанич. и зоологич. коллекции. В 1882 г. П. проводил границу с Китаем на семипалатинском участке к востоку от оз. Зайсана. В 1887 г. он переехал в Петербург делопроизводителем азиат. части главн. штаба. 15-тилетнее пребывание в Зап. Сибири и путешествия сделали П. одним из лучших знатоков Центр. Азии, и поэтому после смерти Н. М. Пржевальского он был приглашен в качестве руководителя организованной Пржев. пятой экспедиции (см. *Козлов*, П. К., XXIV, 452, и *Тибет*, XLI, ч. 8, 41). Ближайшими его сотрудниками были П. К. Козлов, В. И. Роборовский и К. И. Богданович. Экспедиция прошла свыше 11.000 км., определила положение 87 пунктов, измерила 335 вершин в Кашгарии и собрала обширные коллекции. Последние 10 лет П. провел в Петербурге за обработкой материалов экспедиции и состоял при генер. штабе, работая по географии и астрономии. Нап. „Путевые очерки Джунгарии", „Очерк путешествия по Монголии и сев. провинциям внутреннего Китая". Описание последнего путешествия вышло в 3 тт. под загл. „Труды Тибетской экспедиции 1889—90 гг.". Кроме того, П. нап. „Об определении географической широты по соответствующим высотам двух звезд" (1888), „О барометрич. нивеллировании" (1896) и др.

[1]) Ниже следуют слова (*Певцов-Пешков*), писавшиеся раньше через *ъ* и потому не помещенные в своем месте под *Пе* в XXXI—XXXII т.

Певчие, певцы, участвующие в хорах, преимущественно духовных. В России институт П. или „П. дьяков", как их ранее именовали, существует с очень древних времен.— П. дьяки входили в состав церковнослужителей и пользовались рядом льгот, принадлежавших духовному сословию.

Существовали еще их подсобники или ученики,—„под-дьяки". П. образовывали почти замкнутую касту, которая наиболее окрепла в XVII в., когда техника церковного пения стала требовать больших знаний и умений, в связи с водворившимся в русском церковном пении с XVII в. „партесным", или многоголосным, пением. Многие знаменитые русские певцы-артисты выходили из среды П., которая давала как бы первый отбор людей с музыкальной и вокальной одаренностью, как О. Петров или Шаляпин. Качество П. было предметом специальной художественной оценки, которая имела своих высших ценителей в среде дворянства и преимущественно купечества. Особенно ценились тут глубокие басы („октавы"), и действительно, многие из П. были настоящими артистами в своей замкнутой сфере, в которой культивировался преимущественно диапазон голоса и его мощь (сила).

Институт придворного хора старых московских царей, именовавшийся „государевыми П. дьяками", зародился в XV в., но окреп к XVII в. П. в этом хору было около 70 человек, во главе их стоял так называемый „уставщик". В эпоху „строчного" пения П. набирались исключительно из взрослых и делились на „вершников" (исполнявших верхний голос), „путников" (второй голос), „нижников" (третий голос) и „демественников" (нижний голос). Но с XVII в., когда проникло через Украину в Московское государство пение „партесное" („по партиям"), они стали именоваться, как и теперь, „дискантами, альтами, тенорами и басами", при чем пришлось дисканты и альты набирать из мальчиков и юношей. При Петре Великом государев хор был переведен в СПБ, и он продолжал оставаться лучшим, так как постоянно пополнялся присылкой лучших сил со всей России. При Анне Иоанновне П. стали привлекать и к участию в оперных представлениях при дворе. Цветущее время придворного хора, который стал именоваться с XVIII в. „капеллой", наступило при *Бортнянском* (*см.*),—первом „директоре" капеллы, который улучшил материальное и художественное положение капеллы. Бортнянский—сам один из выдающихся церковных композиторов России—открывает целую серию выдающихся деятелей на почве русского церковного пения, деятелей, работа которых так или иначе все время связана с „Придворной капеллой". Директорами ее перебывали: Ф. Львов, его сын

А. Ф. Львов (*см.*), Бахметев (*см.*), М. Балакирев (*см.*), А. Аренский (*см.*), С. Смоленский, гр. Шереметев.

Кроме царей, отдельный певческий хор имел патриарх („патриаршие П. дьяки"), и от этого хора преемственно возник знаменитый *синодальный хор*, который, по справедливости, считается лучшим хоровым ансамблем не только в России, но и во всем мире. Синодальный хор выдвинул, кроме того, немало композиторов из своей среды. Местом традиционных выступлений этого хора являлся московский Успенский собор. Было организовано специальное „Синодальное училище", директорами его были С. В. Смоленский и Орлов. Синодальный хор совершил даже выезд за границу (в 1912 г.) и получил всеевропейское признание своих высоких качеств.

Кроме этих центральных „певческих учреждений" в России, начиная со второй половины XIX века, мы видим возникновение ряда частных хоров, многие из которых достигают существенного художественного значения и большой техники, при чем у них уже мы не видим исключительной верности „церковному" репертуару. Таковы — хор *Архангельского*, возникший в 1880 г., капелла *Булычева*, организованная в конце прошлого века в Москве и имевшая главной целью реставрацию старых музыкальных произведений западного искусства. После революции как „придворная капелла", так и „синодальный хор", а также большинство частных духовных хоров в России распадаются, при чем остатки их образуют *„Государственную капеллу"*, которая, однако, лишенная своей основной специальности — сферы церковного пения,—влачит довольно тусклое и жалкое существование. *Л. Сабанеев.*

Певчие птицы. Многочисленные виды птиц местной фауны высоко ценятся за их пение. На первом месте среди них стоят соловьи, и среди соловьев лучшим певцом считается наш восточно-европейский вид (Luscinia philomela). Западно-европейский вид (Luscinia megarhynchos), проникающий в западные части нашей страны, а также в Крым и на Кавказ, значительно уступает первому в качестве певца. Наконец, персидский соловей (Luscinia hafizi) **является, пожалуй, в лучшем случае конкурентом западного, к которому близок и систематически. Повидимому, искусство пения связано у соловья** с весьма развитым слухом, благодаря чему молодые птицы научаются петь от старых. Это же об'ясняет, почему в какой-либо области вырабатываются временно лучшие певцы: случайное появление выдающегося певца должно сказаться на молодых особях нескольких поколений, и таким образом в известном районе может выработаться, так сказать, „своя школа". Этим, без сомнения, об'ясняется продолжительная известность „курских соловьев", ныне едва ли имеющих право на звание лучших певцов. За соловьями надо поставить черноголовую славку (Silvia atricapilla), которая по звучности и мелодичности своей песни многими ценится отнюдь не ниже соловья. Далее следуют жаворонки — полевой (Alauda arvensis) и лесной (A. arborea), *или юла*, и камышевка—сорокапесенник (у тульских птицеловов) (Acrocephalus dumetorum), замечательная своим умением подражать голосам других птиц. Приятным пением отличается также лесная малиновка (Hypolais icterina), но она требует очень тщательного ухода, что относится также к пеночкам (Phylloscopus), и потому эти птички редко встречаются в клетках. Охотно держат также в клетке чижа (Chrysomitris spinus), который никак не может претендовать на звание хорошего певца, но тем не менее имеет многочисленных поклонников за живость своего характера и бойкую песню. Все перечисленные птички характеризуются однообразной окраской оперения и содержатся в клетках только за пение. Напротив, зарянка (Dandalus rubecula) обладает красивым звучным голосом и миловидной наружностью, с своей кирпично-красной грудкой и большими черными глазами. В этом отношении с ней сходны варакушка (Cyanecula svecica) и горихвостка (Ruticilla phoenicurus), но последнюю редко держат в клетках за ее наклонность часто издавать свой призывный крик, чем она может надоедать. Очень красив и прекрасно поет зяблик (Fringilla coelebs), до пения которого есть большие охотники. Более за красоту, нежели за пение, держат щегла (Carduelis elegans), снигиря (Pyrrhula coccinea) и чечевицу (Carhodacus erythrinus), которые приятны еще тем, что легко приручаются. В клетках редко держат дроздов, отчасти вследствие сравнительно крупной величины птицы, отчасти вследствие трудности содержания ее в неволе, между тем певчий (Turdus musicus) и черный дрозд (Merula vulgaris) являются превосходными певцами. Зато часто содержат скворцов (Sturnus vulgaris), которые очень невзыскательны на корм, легко приручаются и если не могут считаться хорошими певцами, зато мастерски подражают самым разнообразным слышанным ими звукам.

Из иностранных П. п. чаще других можно встретить у нас северо-американского дрозда-пересмешника (Mimus polyglottis), тоже замечательного своею способностью подражания. Сведения об образе жизни наших П. п. см. у *Мензбира*, „Птицы России“, и *Кайгородова*, „Из царства пернатых“. О ловле и содержании тех же птиц см. книгу *Шамова*, „Наши П. п.“.

М. Мензбир.

Пеганки, Tadorna, крупные утки величиной почти с гусей, распространенные в числе 6 видов в умеренных странах Старого Света и Австралии. Шея довольно короткая, ноги длиннее, чем у других уток, клюв при основании очень высокий; крылья длинные и сильные. Окраска обоих полов почти одинаковая; на передней части крыла всегда белое пятно. Огромное распространение имеет T. cornuta, длиной до 60 см.; окраска пестрая, с преобладанием черного и белого цвета, очень красивая; клюв красный; голова, верх шеи и наружные плечевые перья черные с зеленым отливом; вокруг передней части туловища рыжая полоса. Окраска самки бледнее. П. предпочитает песчаные морские берега, живет всюду по побережьям Европы, начиная с Норвегии, по всему средиземноморскому побережью, по берегам Каспия, затем по соленым озерам Туркестана, Южной Сибири и Монголии, зимует по берегам Великого и Индийского океанов. Гнездится в глубоких норах, пользуясь брошенными кроличьими или лисьими или вырывая собственную. Несет до 30 яиц, если отбирать их по мере снесения, чем и пользуются датчане, обратившие П. в полудомашнюю птицу. Мясо неприятного вкуса. *М. Н.*

Пение,— извлечение музыкальных звуков голосом человека,—таково наиболее широкое и точное определение П. Другие определения, как, напр., „омузыкаленная речь“— оказываются или неправильны, или узки. П. вовсе не есть речь и даже до известной степени противополагается речи. Тем не менее в П. могут проникать те или иные элементы речи, создавая формы звукоизвлечения, промежуточные между тем и иным явлением.

П., как звукоизвлечение человека, характеризуется полным, длительным, музыкальным звуком определенной высоты и притом высоты „устойчивой“. Человек, помимо звуков П., способен издавать множество иных звуков. Часть их формирует речь, другие же остаются на долю всевозможных звукоподражаний и междометий. Голосовой аппарат человека представляет собой необычайно многосторонний инструмент, способный, в сущности, подражать почти всем тембрам. Тем не менее только очень незначительная часть этих возможных тембров используется в П. и составляет его область.

От речевых звуков звуки П. отличаются, прежде всего, своей устойчивостью по высоте. В речи звук не выдерживается на одной высоте, а все время интонационно меняется, образуя причудливые профили интонации. Далее, звук в П. наполнен, тогда как в речи он на полутонах, полузвуках, часто сходящих на шумовые призвуки. В речь входит масса шумов и немузыкальных звуков, вовсе лишенных определенной высоты, в П. мы имеем всегда звуки музыкальные, с выдержанным ровным тембром, большею частью большей длительности, чем звуки речи. Отсутствие перечисленных качеств обычно квалифицируется как плохое П. При этом П. более или менее приближается или к речи разговорной, или просто теряет художественные очертания.

Тем не менее, некоторые элементы речи поневоле проникают в область П. П., в сущности, мыслимо вовсе без слов, и мы знаем, что есть масса напевов, построенных либо без текста, либо с минимальным его участием, при чем на одно слово берется целый ряд различных звуков („вокализация“). Но обычно П. сопровождается текстом и от него не отделяется, так что в образе П. мы имеем как бы синтетическое искусство „музыко-слова“. Элементы речи тогда накладываются на музыкальные формы П., отчасти деформируя основную музыкальную стихию. Общность между П. и речью заключается в интонационных и динамических изменениях звука и в связи этих изменений с выразительностью. Тут музыка может следовать за привычными и „принятыми“ интонациями речи или же, напротив, не принимать их во внимание, порабощая себе речь и заслоняя эмоции и интонации речи своими собственными — чисто музыкальными. В первом случае мы имеем т. н. „декламационный“ тип П., при котором мелодия музыки старается следовать за естественными речевыми акцентами и интонациями. Во втором случае мы имеем тип „ариозный“, когда, напротив, музыка доминирует и часто, в предельных случаях, вовсе не считается с речевыми оттенками. В первом случае мы имеем до некоторой степени перевес речевого эле-

мента, во втором случае — музыкального. Интересно, однако, отметить, что вообще музыка слышнее речи в совместном впечатлении. Это проистекает благодаря большей „насыщенности“ (полноте) звука П. сравнительно со звуком речи, благодаря чему чисто динамически музыкальный „петый“ звук сильнее „сказанного“ и благодаря большей длительности звуков петых и благодаря выдержанной их высоте. Стихотворный текст, положенный на музыку, при П. очень часто заглушается звуками и неясно слышен, в частности „рифмы“ почти не слышны через музыку, которая подавляет ритмы слова своими собственными, более мощными звуками и ритмами. Речевые интонации вообще „утонченнее“, зыбче, неуловимее, чем „интонации П.“, музыка как бы стилизует интонации речи даже тогда, когда желает им подражать в целях большей выразительности. В истории вокальной музыки мы все время имеем картину борьбы двух основных течений — за преобладание вокального элемента в П. и за преобладание речевого элемента. Предельные выражения первого элемента влекут расцвет вокальной виртуозности, культ звука П. ради него самого, полное игнорирование текста и его эмоционального значения, разрушение форм речи и, наконец, простое обращение речи в условную канву для „вокализации“. К такого рода стилю приходили композиторы-итальянцы времен расцвета вокального искусства в Италии, отчасти к этому же типу относится и множество классических произведений вокальной литературы, в частности духовная музыка старых времен, в которой текст был только поводом для вокализации на отдельные его гласные. Но в музыке все время наблюдалась и борьба против такого направления и стремление перегнуть весы в сторону речи, в желании достичь наибольшей „правды выражения“. С такими реформаторскими попытками связаны имена Монтеверде,— первого реформатора оперы, которой он захотел придать значение драмы, потом аналогичная реформа Глюка на пороге XVIII—XIX веков, потом реформа Вагнера в XIX веке. Классические эпохи вообще были более склонны к перевесу музыкального момента, романтические — речевого. Из русских авторов — Даргомыжский и в особенности Мусоргский особенно много работали в смысле придания мелодии П. наибольшей близости к „правдивым интонациям речи“, зачастую в ущерб чистой музыкальной красоте. В общем же историк может отметить известный „периодизм“ этих увлечений, каждый из которых, восторжествовав временно, потом испытывает реакцию и возвеличение своего антипода.

В народной песне мы обычно имеем решительный перевес П. над „речью“, и часто наблюдается даже игнорирование речевых акцентов. В культурном П. стало принятой аксиомой „соответствие“ между акцентированными моментами речи (ударными, тяжелыми слогами) и соответственными элементами музыкальной метрической сети. Однако, и тут встречаются исключения, и теперь надо признать, что такое точное соответствие является необходимым только в самых простых образцах вокального искусства. Гораздо более важным является „синтактическое соответствие“ — правильное разделение музыкальной ткани на периоды, соответствующие периодам речевого текста. Во всяком случае надо признать, что музыкальная и речевая часть, действуя согласно и взаимно поддерживая друг друга, вообще усиливают общее впечатление в смысле выразительности. Кульминационными пунктами такой выразительности являются произведения Вагнера и Мусоргского. Напротив, действуя независимо друг от друга, они отчасти парализуют друг друга, при чем в выигрыше остается только музыка, а текст только теряет.

Как музыкальный инструмент,— П. многими признается за наиболее совершенное звукоизвлечение. Не даром высшей похвалой для всякого инструменталиста является выражение „он как поет“. Голос — инструмент, наиболее богатый всяческими возможностями, в частности и способностью к существенным изменениям тембра, а также драгоценной „непосредственностью“ в передаче эмоций от психики. По своему устройству орган П. есть „язычковая труба“ с двумя язычками, которыми служат „голосовые связки“ (*см.* II, 648/49), узкое отверстие между которыми, или гортанная „щель“, может по произволу меняться, суживаться и расширяться, извлекая разные звуки. Сами „связки“ тоже подвергаются изменениям, они могут делаться толще и тоньше, натягиваться и ослабевать, управляемые целой системой мускулов. Тембр, или окраска голоса, а также его высота зависят от многих условий, в частности от толщины (основной) связок и от способа их колебания (целиком или частями, всей связкой или только краями ее). Кроме того, в „инструмент П.“ входит также система резонаторов. Первый резонатор—это головной, он состоит из полости рта вплоть до губ. Его назначение,—во-первых, усиливать звук, гортанными связками издаваемый; в этом смысле его роль аналогична роли самой „трубы“ в язычковом инструменте. Другая роль его, еще более существенная— это изменения и варьяции тембра. Посредством изменения „формы“ этого резонатора

человек способен давать различные гласные и согласные и изменять тип тембра (давать звук разной окраски). Второй резонатор — грудной; он состоит из полости груди. Его роль — только усиливательная, он аналогичен „резонансовому ящику". Певцы придают очень большое значение „грудному резонатору" и считают, что правильная „установка" его и есть главное в постановке голоса. Напротив, ученые физиологи до сих пор сомневаются не только в его значении, но и в самом его существовании и функционировании (см. *голос*).

От толщины (основной) связок зависит тип голоса. Низкие голоса вообще свойственны мужчинам, высокие — женщинам и детям до переходного возраста. При переходном возрасте у мужчин голос „ломается" или „линяет", переходя из высокого в более низкий, вследствие физиологических изменений в связках и степени их гибкости и толщины. В средние века и даже позднее, когда П. в церквах было запрещено женщинам, прибегали к кастрации мальчиков для того, чтобы сохранить путем этой жестокой операции их голоса в их детском высоком уровне. Таким образом получались высокие, как бы женские голоса необычайной силы и красоты, которые даже ценились больше женских. Многие из этих „кастратов" достигли огромной виртуозности и прославились. Последний из этих „сопранистов" — Велутти — пел еще в начале XIX века. У женщин голос тоже подвергается „линянию", но в менее резкой форме. Женскими голосами являются сопрано, меццо-сопрано и альт (контральто). Мужскими — тенор, баритон и бас (см. *голос музыкальный* и *звук*). Об'ем каждого из этих типов голосов обычно равен около двух октав (обычно меньше—20 полутонов), но в исключительных случаях мы имеем голоса с об'емом в 2 с половиной октавы. Верхним пределом всякого П. надо считать верхнее „до" (на второй добавочной), хотя некоторые колоратурные сопрано имеют и „ми" и даже „фа диез" (на третьей добавочной), а знаменитое сопрано Агуяри имела даже верхнее „до" (выше пятой добавочной). Нижним пределом вокального диапазона в басах является нижнее „фа" (ниже первой в бас. ключе), но некоторые басы имеют даже „си бемоль". Однако, эти верхние границы существуют только для „сольного П.", а при П. в хоре, где мы имеем обычно голоса среднего размера, пределы эти сильно суживаются. Интересно отметить, что в настоящее время (и уже сравнительно давно) отмечается вообще исчезновение ранее часто встречавшихся низких голосов (контральто, бас) и, напротив, количественный перевес высоких (сопрано, тенора).

В пределах каждого из этих типов голоса мы различаем регистры П. Таких регистров обычно считается три: грудной, головной и фистула, или „фальцет". Грудные звуки характеризуются своей сочностью и полнотой звука. Науке в точности неизвестно, при каком именно типе колебания получаются грудные тоны. Но предполагается, что они являются следствием колебаний связок по всей их ширине. Головные звуки получаются, повидимому, колебанием частичным связок (не по всей ширине) и напряжением их только по краям. Они характеризуются более резким и пронзительным тембром. Певцы считают, что при этом резонирует „главным образом" столб воздуха, находящийся в полости рта и в „голове", отчего и происходит их название. Фальцет *(см.)* получается, повидимому, от колебания только краев связок — он имеет наиболее напряженный характер. Различие тембров отдельных регистров обычно довольно существенно. Грудные звуки занимают сравнительно небольшое протяжение, напротив, головной регистр отличается наибольшей шириной. В целях получения ровного тембра на всем протяжении голоса обычно при обучении П. выравнивают регистры, т.-е. стараются упражнениями сгладить различия регистров, придав головному большую мягкость и несколько сбавив полнозвучия грудному регистру. Фальцетные ноты употребляются обычно только в самом верху диапазона — они употребительнее в мужских голосах, чем в женских.

Кроме основных различий в „регистрах", свойственных каждому голосу, большое значение в П. имеет „подача голоса". Системы П. полны самых сложных терминов, касающихся этого вопроса. Звук может быть „сжатый", если он „ощущается" ближе к нёбу, „носовой" — если он ощущается ближе к отверстию носа, „плоский" — когда он чувствуется у зубов. Звук считается наилучшим, когда певец ощущает его в середине ротовой полости — тогда он имеет наибольшую ясность тембра. Звук считается „открытым", когда головная коробка недостаточно резонирует — тогда получается „простой" тембр. Напротив, звук „в маску", как говорят певцы, дает более звучный и сочный звук.

Чтобы П. получило все свои качества и выявило все свои возможности, недостаточно иметь от природы хорошие голосовые данные, необходимо умение ими пользоваться. Существует масса способов и систем постановки голоса, нередко эти системы друг другу противоречат и часто страдают смешными деталями. Отчасти это об'ясняется недостаточн. знакомством с физиологией голоса, но в большей степени это обусловлено

тем, что сама наука тут еще очень мало осведомлена. Главная задача педагога — это „выровнять регистры", научить „подаче звука" и правильному дыханию. Это достигается рядом специальных упражнений, в числе которых имеют наиболее важное значение: „уменье набирать воздух", выдерживание тона данной высоты, упражнения на „гибкость" голоса. Параллельно идут упражнения на выработку более тонкого слуха, на расширение голосового об'ема, на произношение и на экспрессию. Важное значение имеет правильное дыхание, от которого в значительной мере зависит и красота звука при П. Посредством „филировки" и „месса ди воче" („messa di voce") это достигается одновременно с умением владеть изменением звуковой силы. Специальные упражнения существуют для выработки „колоратуры" или особо подвижного, виртуозного голоса. Колоратурой обладают обычно высокие голоса, в настоящее время только женские, но ранее и мужские обнаруживали способность к колоратуре.

Среди систем постановки голоса для П. „итальянская" система обращает главное внимание на красоту тембра и виртуозность владения инструментом, „немецкая" — на экспрессию и декламацию. Вообще „типы П." можно свести к следующим трем: концертному, камерному и оперному. Из них оперное требует не только экспрессии и дикции, мастерски разработанных, но еще и чисто драматических дарований. Наиболее трудным считается камерное П., в котором обращается особое внимание на „тонкость" отделки деталей и на глубину экспрессии, на качество дикции. Концертное П. занимает промежуточное место между оперным и камерным. Концертное и оперное П. существует уже давно, но камерное, в сущности, развилось только в XIX веке вместе с жанром романса или „песни" и дало свои кульминационные достижения в конце прошлого века. В камерном П. центр внимания обращен на самую композицию, в концертном — на виртуозность исполнителя, отчего для восприятия камерного П. требуется более высокая интеллигентность самой аудитории.

Приемы П. разработаны уже с незапамятных времен, но, главным образом, они получили развитие в эпоху итальянской оперы (с XV века). Тогда же вошли в обиход и главнейшие термины для обозначения различных приемов П. Ариозное П. — сводится к „широкой" плавной подаче звука с максимумом музыкальной выразительности. Колоратурное П. — более острое и тонкое по подаче звука, — главным образом, дает максимум подвижности и виртуозности. Т. н. „бель канто" (bel canto) — характерное для итальянской школы — есть своеобразное смакование красоты самого звука при исполнении, наслаждение „самим звуком". Речитатив есть полудекламация, в нем музыкальный элемент отступает на второй план перед речевыми, даже ритм музыкальный отождествляется с ритмом речи. Происхождение речитатива относится к XV веку и обусловлено стремлением найти „музыкальную речь", наиболее соответствующую декламации. Первоначально речитатив произносился полуговорком и сопровождался только отрывистыми аккордами струнных. В более поздней эпохе речитатив усовершенствовался и усложнился. В произведениях Вагнера и Даргомыжского он получает полную художественную ценность, как „омузыкаленная речь", при чем одновременно речитативные элементы начинают проникать и в ариозные, образуя некоторый смешанный стиль, полуречитативный, полуариозный.

Виртуозы П. чрезвычайно многочисленны, и наиболее прославленные артисты в музыкальной сфере всегда относились преимущественно к области П., как самого популярного и доступного из музыкальных проявлений. Один из старейших знаменитых итальянских мастеров П. был Каччини, автор самого старого руководства по П. (1602). Сочинение виртуоза и маэстро Този об украшениях в П. (1723) не потеряло значения и по наше время. В XVII веке мы имеем особенное развитие виртуозного П., которое обусловлено развитием итальянской оперы и тем, что благодаря этому развитию музыка как бы вырвалась из плена церковности, в которой виртуозности негде было развиться. Маэстро П. того времени суть: Пистокки, Порпора, Лео Фео, Пели, Този, Маччини. Они жили и работали в разных городах Европы, так как П. имело всюду поклонников, а поставщиками системы П. были почти исключительно итальянцы. В XVIII веке мы наблюдаем большое количество виртуозов П. „кастратов" (см. выше). Из них получили мировую известность: Ферри, Пази, Сенезино, Кузанино, Николини, Фаринелли, Джициело, Кафарелли, Момолетто. В том же веке мы имеем знаменитых теноров: Рааф, Пайта, Рауцини. Из певиц выдавались: Фаустина Гассе, Куццони, Страда, Агуяри (феноменальное колоратурное сопрано, не превзойденное до сих пор), Тоди, Мара, Корона Шретер, М. Пиркер, Минготти. В XIX веке мы наблюдаем некоторый упадок старого мастерства „бель канто", хотя и в это время итальянцы дали ряд первоклассных мастеров П. К числу их относятся: Ваккаи, Конконе, вокализы которых до сих пор служат для обучения П. В это же время появляются и в Германии многочисленные певцы, по-

лагающие основу „германской школе“ П., более глубокой по содержанию и отношению к музыке, но менее эффектной в деле красоты звука. Среди германских маэстро надо отметить: Гаузера, Энгеля, Гётце, Шимон, Штокхаузена, Зибера, Гея и других. XIX век дал массу виртуозов-певцов и знаменитых представителей оперного П., которое в этом веке стало пред'являть (в творчестве Мейербера и потом Вагнера) особо высокие требования к певцам. Из длинного ядра певцов и певиц XIX века надо отметить: певиц — Каталани, Шредер-Девриент, Зонтаг, Мильдер-Гауптман, Линд, Пизарони, Альбони, Церр, Виардо Гарсиа, Малибран, Паста, Нау, Ниссен-Саломон, Титьенс, Персиани, Арто, А. и К. Патти, Требелли, Крувелли, Нильсон, Монбелли, Лукка, Маллингер, Герстер, Зембрих. Теноры: Кривелли, Таккинарди, Вильд, Тихачек, Рубини, Тамберлик, Шнорр, Мартини, Марио, Таманьо, Карузо. Баритоны: Маркези, Баттистини, Титта Руффо. Басы: Тамбурини, Лаблаш, Виганд и т. д. В России, начиная с XIX века, мы имеем много первоклассных певцов, часть которых получила мировое значение: Таковы: Иванов (тенор), О. Петров (бас), Александрова-Кочетова (сопрано), Неждановa (сопрано), Шаляпин (бас), Собинов (тенор), Фигнер (тенор), Медея Фигнер (сопрано), Збруева (контральто), Воробьева-Петрова (контральто), Лавровская (контральто), Литвин (сопрано), Славина (сопрано), Нина Кошиц (сопрано), Стравинский (бас — отец композитора), Тартаков (баритон), Мозжухин (баритон). Россия же выдвинула в последнее время первоклассных камерных исполнителей, как Оленина д'Альгейм, которая создала эру в камерном П. В самое последнее время на поприще П. с успехом выступила новая раса — негры, которые тут обнаружили огромные дарования. Такой тенор, как Хайс, имеет полное основание стать величиной мирового порядка.

Л. Сабанеев.

П. и гигиена голоса (ср. *голос*). Обучение П. для художественного его исполнения с эстрады нужно отличать от преподавания его детям. Только по окончании периода мутации голоса у подростков может итти речь о подготовке их к деятельности певца-артиста; у мальчиков период этот оканчивается не ранее 18 лет, у девочек—не ранее 15. В более зрелом возрасте (85—40 лет) естественный процесс окостенения и обызвествления хрящей гортани не дает никакой надежды на успешность обучения.

Обучение П. детей имеет музыкальные и гигиенические задачи: 1) укрепление дыхательного аппарата, 2) развитие слуха, 3) развитие ритмического чувства, 4) разработка правильной „атаки“ голоса. Для избежания большого напряжения голоса, при обучении детей допускается только напевание отдельных нот и небольших песенок (в 5—6 тонов не более). После каждых 6—7 минут упражнений необходим перерыв для избежания утомления нестойких детских голосов. Крайне вредно хоровое П. детей, старающихся при этом перекричать друг друга, поющих часто выше своих сил и своего диапазона, при чем контроль педагога за каждым поющим в хоре в отдельности невозможен. Важное в гигиеническом отношении П. для детей должно проводиться под наблюдением не только учителя П., но и училищного врача и врача-ларинголога. Необходимо обследование конституции детей, их голосовых органов, ранних расстройств голоса (сипоты, дрожания голоса, детонирования), лечение воспалительных процессов миндалин, болезней носа, исправление пороков речи; все эти моменты должны быть приняты во внимание, и только таким образом можно сберечь детские голоса от ранней их порчи.

П. вообще благотворно влияет на здоровье: 1) дыхательные движения делаются более глубокими, 2) улучшается вентилирование легочных верхушек (излюбленное место туберкулезных бацилл), 3) грудная клетка расширяется, и одновременно расправляется и позвоночник, 4) выдыхаемый воздух всегда теплее и богаче водяными парами, чем вдыхаемый; чем вообще больше вдыхается и выдыхается легкими воздуха, тем более организмом теряется тепла и воды; усиливаются голод, жажда, общий газообмен и обмен веществ в целом. Более глубокая и более интенсивная работа дыхательного аппарата облегчает сердечную деятельность и улучшает вообще процесс кровообращения; связанные с глубоким дыханием более обширные экскурсии диафрагмы влияют как массаж на нижележащие органы живота и тонизируют деятельность желудочно-кишечного канала.

Известно благотворное влияние П. и на психическое состояние человека, на его настроение и волю: даже очень уставшие в походе солдаты веселее идут под песни и музыку маршей.

Крайне важны для дыхательной функции гимнастические упражнения. Приводим некоторые примеры, предлагаемые Imhofer'ом: 1 упражнение: а) быстрое поднятие рук выше головы, поворот ладоней внутрь. Вдыхание. б) Медленное опускание рук до туловища. Выдыхание. 2 упражнение: а) вытянуть руки вперед (ладони кнутри), б) Раздвигание вытянутых рук. Вдыхание. в) Приведение рук в положение (а). Выдыхание. г) Руки опустить. 3 упражнение: а) руки, сжатые в кулак, сложить на груди. б) Быстро и глубоко вдохнуть, положение рук такое же, как в (а). в) Руками три раза сделать движения толчками вперед и в бок, при чем грудная коробка остается во вдыхательном положении. г) Тихо выдохнуть, руки опустить.

Упражнение 3 приучает д е р ж а т ь дыхание, т.-е. выпускать его небольшими порциями во время П. Каждое из этих упражнений вначале делается не более 3—4 раз, в дальнейшем 4—5 раз. (О других формах общей гимнастики *см.* т. XIV, 572/73). Из форм спорта рекомендуются такие, которые имеют своей задачей развитие не только дыхательной мускулатуры, но и всего организма (прогулки, горный спорт, беганье на коньках, в особенности гребля, осторожная гимнастика на аппаратах, фехтование), но спорт всегда должен быть умеренным, а никак не „рекордным“. На первом плане должно стоять пребывание на чистом воздухе, а также ежедневное обтирание холодной водой. С другой стороны чистота полости рта, забота о лечении зубов необходимы, но промывания носа, вдыхания, пульверизации, ненужные полоскания более вредят, чем приносят пользы, в особенности, если они применяются как „туалетные“ средства изо дня в день. О вокальной технике *см. техника музыкальная*, XLI—ч. 7, 669/70.

М. Рессер.

Пенница слюнявая, вид цикадовых (из полужесткокрылых), *см.* XXXII, 543.

Пеночки, Phylloscopus, мелкие птички, об'единяемые с *славками* (см.) в одно семейство. Клюв слабый, тон-

кий или расширенный у основания; крылья довольно длинные. Видов много.

Наиболее обыкновенны *П.-весничка*, Ph. trochylus, *П.-кузнечик (теньковка)*, Ph. collybita, и *П.-желтобровка*, Ph. sibilatrix, распространенные по всей Европе и отчасти в северной Азии. Из них *П.-весничка* — сверху оливково-серого цвета, низ белый с сероливковым или желтоватым налетом или даже с желтыми пятнами; *П.-кузнечик* сверху буровато-серого цвета с зеленоватым оттенком, низ грязновато-белый с буроватым налетом на груди и боках, с продольными яркожелтыми пятнами; *П.-желтобровка*—яркожелтовато-зеленого цвета с широкими яркожелтыми надбровными полосами. П. прилетают в апреле, гнездятся на земле или не высоко над землей, на пнях и т. п. Зимуют большей частью в Африке. Наиболее распространенная П.-кузнечик предпочитает смешанные леса и холмистые и гористые местности в северо-западной России и сырые луга, поросшие ивняком, тополью и пр. в Заволжьи. Пение ее однообразно (теньканье), но довольно звучно и приятно. В приуральской тайге чаще встречаются *П.-зеленая*, Ph. viridanus, и *П. сибирская*, Ph. tristis, южнее *П.-лесная*, Ph. sibilatrix. Под названием *П.-камышевок* известны виды Hypolais, сходные с камышевками по клюву, а с настоящими П. по окраске. К этому роду относятся *малиновка* лесная (см.) или *желтая П.*

Пенязь, др.-русское название привозной англо-саксонской и германской монеты (Penega, Penig), во множестве обращавшейся на Руси IX—XI вв. (ср. *пенни* и *пфенниг*). В XV—XVI вв. так называли у нас польскую серебряную монету. У поляков посейчас общее название денег pieniadze.

Песнопение, вокальная композиция на духовный текст без сопровождения инструментов. Музыка православного богослужения, не допускающего в церкви никаких инструментов, состоит, таким образом, исключительно из П.

„Песнь Бьярки“, см. *Дания*, XVII, 597.

„Песнь о Гильдебранде“, см. *Германия*, XIV, 242.

„Песнь о Людовике“, см. *Германия*, XIV, 244.

„Песнь о Нибелунгах“, см. *Германия*, XIV, 249/50.

Песнь песней, одно из наиболее любопытных и в то же время загадочных произведений древне-израильской литературы. Оно состоит из ряда необычайно поэтических, благоухающих чисто восточною красотою реплик между возлюбленным и возлюбленной (Суламифь), скомпанованных в древнем стихотворном семитском стиле (этот стиль не знает правильн. метра, но основывается на ритме и на так наз. параллелизме членов, т.-е. параллелизме по содержанию и образности первой и второй половины стиха). Будучи совершенно светским произведением, П. п., однако, оказалась включенной в еврейский и христианский канон, при чем богословы принуждены были толковать ее аллегорически: в смысле аллегории, изображающей таинственный союз Иагве с синагогой или Христа с церковью как жениха с невестой. Но представители библейской науки уже давно искали другого, реального об'яснения П. п. Одно время очень популярным было толкование П. п. в качестве драматического произведения; наиболее замечательными попытками такого толкования были попытки Якоби (1722) и в особенности Ренана, который, не меняя ни одного слова и порядка реплик, ввел действующих лиц и разделил П. п. на действия и явления. Однако, драматическое толкование имело слишком много слабых сторон и не нашло признания, хотя в последнее время в защиту его выступил такой крупный ученый, как Дюссо. Правильное понимание П. п. было дано этнографическими наблюдениями. В 1873 году Ветцштейн опубликовал свои наблюдения над свадебными обрядами крестьянского населения в Хауране (в восточном Заиорданьи) и в окрестностях Дамаска. Обряды эти сопровождаются песнями, сходными по содержанию с некоторыми отрывками из П. п. (в особенности характеристичны песни, описывающие красоту жениха и невесты; жених и невеста называются царем и царицей и т. д.). Отсюда большинство библеистов склоняется теперь к тому, что П. п. есть собрание народных свадебных и любовных песен, имевших, быть может, местный характер. Время составления книги не поддается точному определению, но во всяком случае книга составлена много позже Соломона, которому приписала ее традиция; данные языка (наличность эллинизированных выражений и арамаизмов) заставляют считать эпохой окончательной кристаллизации книги III или II век до н. э., хотя, конечно, составные части книги в устной поэзии существовали много раньше.

Ср. *Haupt*, „Bibl. Liebeslieder“; *Thilo*, „D. Hohelied“; *Budde*, „D. Hohelied“; *Dussaud*, „Le cantique des cantiques“.

Н. Никольский.

Песня — *песенная форма*—в музыке называется тип сочинений, в которых имеются две темы (две мелодии), чередующиеся по такой схеме: I тема—II тема—I тема. Таким образом, сначала излагается первая мелодия, потом сменяется на вторую, потом вновь появляется первая. Это—наиболее простая из форм музыкальных сочинений и одновременно наиболее распространенная. В ней пишутся почти все П. (куплеты), танцы и произведения легкой музыки. Но в ней же написаны и многочисленные произведения классической и романтической эры музыки. В более сложных случаях мы имеем в музыке „сложную песенную форму" или распространенную песенную форму, которая состоит *из как бы сочлененных* простых П.,—например, по такой схеме: I. a, b, a; II. c, d, c; III. a, b, a. Таким образом, тут имеется четыре темы (a, b, c, d), они *расположены симметрично*, при чем третий эпизод повторяет первый (так называемая „реприза"). В этой сложной форме написаны многочисленные сочинения великих авторов, *преимущественно* „средние" части симфоний и сонат („адажио" и „скерцо", „менуэты" и проч.). Дальнейшее развитие того же принципа в области формы дает нам уже более сложные формы „рондо". В произведениях авторов „неоромантического периода" и позднейших „импрессионистов" песенная форма, как слишком простая, не встречается часто, она начинает вновь возвращаться в современной музыке, отвечая ее стремлению к формальной четкости и простоте. *Л. С.*

Песня *инструментальная* — „П. без слов", „романс" (инструментальный) — небольшое сочинение, обычно написанное в так называемой „песенной форме" (см. выше) и имеющее явно выраженный мелодический характер. „П. без слов" в качестве музыкальной формы были прославлены гением Мендельсона, который этой форме отдал много вдохновения. По его следам шли многие композиторы, при чем в итоге этот тип сочинений стал излюбленной формой для „салонной музыки". К этому типу надо отнести и так называемые „романсы" для разных инструментов — форма и наименование, встречающееся еще у классиков (Моцарт, Бетховен). *Л. С.*

Песня или *романс*, художественное музыкальное произведение для голоса, написанное на определенный текст. В то время как народная П. обычно не различает в творческом процессе „текста" от „музыки" *и оба эти слагающие появляются сразу*,— культурная П., или романс, строго различает автора музыки от автора текста. Музыкальная практика не знает случаев писания „текста" к музыке, а только случаи писания музыки к тексту. По сравнению с народной формой П. художественно-культурная П. имеет ряд отличий, главным образом в смысле большего проникновения в смысл текста. Народная П. очень часто имеет тип „куплетов", при чем одна и та же музыка (напев) поется на разные тексты. Такого рода примитивная куплетная форма существовала и в культурной П. до порога *XIX* века, теперь она сохранилась только в так называемом „легком жанре" музыки. Свое начало художественная культурная П. получила от „romanza", возникшего в романских странах, преимущественно в Испании. Непосредственными предками романса-П. надлежит считать П. миннезингеров и трубадуров XIV века. Своего настоящего *развития форма* П. *достигла* накануне XIX века и развилась преимущественно в Германии, где появились и первые крупные композиторы этого жанра — Гиллер и Шуберт. До того времени песенная форма, хотя и культивировалась классиками (Бетховеном, Гайдном, Моцартом), но не давала кульминационных проявлений. Начиная с Шуберта, начинается блестящая полоса в истории художественной П. Мендельсон, Шуман, Брамс, Вольф, Вагнер и Лист представляют плеяду авторов, отдавших гениальные вдохновения этому типу творчества, который соединил в себе изысканность с интимностью чувства. По стопам немецких авторов идут и авторы иных стран. В России мы имеем специальный и особый расцвет этого типа творчества. Русские авторы, начиная с самых первых, еще дилетантских,—отдавали свои силы преимущественно этому жанру, который тут, как и в Германии, возник из оперной формы арии или куплета. Первые русские романсы или П. носили сильное влияние итальянской оперной манеры, но национальное стремление *быстро пробуждается* в русских авторах. Уже Титов, Алябьев, Варламов стремятся сочинять романсы „по образу и подобию" русской народной П. Проблему национального творчества разрешил впервые Глинка, и его П. становятся образцом для последующих русских авторов. Даргомыжский, Рубинштейн, *Чайковский*, *Римский-Корсаков*, Бородин, Балакирев образуют плеяду славных композиторов, которые поставили русский романс на высоту его германского прототипа. *Кульминационным достижением* тут надо признать творчество Бородина и Мусоргского. В русской линии художественной П. интересен момент стремления к *реализму*, в противовес германской романтической идеальности этой формы. По стопам Чайковского идут Танеев, Рахманинов, линию Мусоргского продолжают в наше время Стравинский и Прокофьев. Особняком и ближе к германской линии

стоит творчество Метнера. Интересно явление „еврейского национального романса" на русской почве, давшее крупные художественные достижения (Ал. Крейн, Гнесин). Русское песенное творчество в настоящее время является наиболее продуктивным. В Германии линию гениальных романтиков продолжает Рих. Штраус, Малер и Шенберг. Во Франции романс культивируется „неоимпрессион." — Дебюсси, Равелем, Форэ, Де-Севераком, Шмитом, при чем в связи с характером нации тут П. получает уклон в сторону декламационную. В Норвегии песенное творчество получило большой импульс в фигуре Грига, который может быть поставлен наравне с Шубертом по интенсивности и национальности музыкально-мелодической мысли и который сильно повлиял на русский романс последних лет. В других странах эта форма пока не дала сколько-нибудь выдающихся художественных достижений, могущих быть сопоставленными с достижениями германской, русской, французской и норвежской П.

Л. Сабанеев.

Песня *народная*, произведения коллективного народного творчества, первоначально связанные с магическими действиями или известными телодвижениями, требующими разрешения энергии в звуках. По мнению Бюхера („Arbeit und Rhytmus"), ритмические действия, каковы гребля на судне, пиление дров, косьба и т. п., облегчаются при издавании одновременно с ними ритмических звуков, и так возникает мелодия, П. без слов. Этим одним, конечно, не исчерпывается происхождение П.; почти у всех народов наблюдается, как особый вид П., клич (греческий *пэан*), производимый с различными модуляциями голоса, приближающими его к П. Наконец, повсюду у народов, приближающихся по своей культуре к ранним стадиям развития человечества, П. отделима от пляски, как на это указывают даже в позднее время названия П. (прованская *баллада* при *balar*, танцовать, французский *балет*). Из этого первоначального синкретизма (о нем см. *А. Н. Веселовский*, „Три главы из исторической поэтики") выделяются со временем элементы рассказа и действия, и П. приобретает значение сама по себе, без сопровождающего ее мимического действия. Стремление петь прирождено человеку и унаследовано им от его животных предков; весьма вероятно, что и самое происхождение языка находится в связи со стремлением первобытного человека пением изливать свои настроения (см. подробности у *А. Погодина*, „Язык, как творчество"). Термин „народная П." (Volkslied) был введен Гердером (1778), но он не может быть признан удачным в виду двусмысленности первой части этого названия: под народной можно подразумевать национальную П., — тогда как народной в узком смысле слова надо считать П., сложенную безымянным автором, происходящим из народных, мало дифференцированных масс или получившую в них распространение. Такая П. обнаруживает первоначальное тесное соединение слов с мелодией, так что каждая П. поется на определенный мотив. Однако, и эта связь впоследствии разрушается; мелодия может отойти на задний план и замениться речитативом, как, например, в наших *частушках (см.)*, четверостишиях на злобу дня. Длинные лирические П. поются по преимуществу женщинами во время исполнения обычных женских работ (пряжа, тканье, шитье); длинные эпические П. слагаются и поются главным образом мужчинами: так, по свидетельству Гильфердинга (в предисловии к „Онежским былинам") и других русских этнографов, плетение неводов зачастую сопровождается пением бесконечно длинных былин. Специалисты певцы и поэты возникают уже на ранних стадиях развития человечества: наличность их констатируется у народов Африки, Меланезии, Америки и т. д., при чем П. пользуется таким почтением, что заимствование ее совершается с известной закономерностью (см. *Vierkandt*, „Die Stätigkeit im Kulturwandel"). Историческим свидетельством народная П. быть не может, но она отражает в некоторых случаях глухие воспоминания о давно минувших временах, переплетенные с вымыслом. Лирические народные П. обычно строятся по одному шаблону: картине природы, играющей роль вступления в П. (Natureingang, как назвал такое вступление немецкий ученый А. Мейер, подробно изучивший его в латинской, немецкой, санскрит-

ской и других народных П., — „Essays und Studien", II), соответствует известное душевное состояние автора. В формальном отношении эволюция лирической народной П. идет в направлении к возможному сокращению ее, пока она не принимает типического характера четверостишия, как имеет П. у большинства современных культурных народов и к какому приближается и великорусская частушка. Городская культура является главным врагом народной П.; фабрика, газета, брошюра уничтожают ее. Тем не менее, даже у французов и немцев события, поражающие народное воображение и вызывающие сочувствие широких народных масс, доныне находят себе отражение в народной П. У малокультурных народов это наблюдается в еще большей степени. Собрания народных песен громадны. Русские народные П. (кроме былин, изданных Гильфердингом и другими) из различных сборников, старых изданий, газет и т. п. собраны А. И. Соболевским. Лучшим из общих исследований о народной П., обнимающим все стороны вопроса, является книга *Otto Böckel*, „Psychologie der Volksdichtung" (1913); там же отчасти и литература. *А. П.*

В музыкальном отношении П. н. есть первичный и наиболее естественный образ музыкального высказывания. Обычно—это непосредственно интонируемая мелодия, выражающая своим мелодическим профилем определенную эмоцию и очень часто ритмом своим как бы символизирующая ритм быта, эту эмоцию порождающего. П. может быть в сущности и чисто инструментальной (напр. „наигрыши пастухов"), но обычно принято считать П. то, что буквально „поется", стало-быть мелодию для голоса. Напротив, присутствие текста при таком напеве вовсе не обязательно. В народных П. мы имеем очень часто перевес „музыкальной стихии" над текстовой, литературной, тексты многих П. суть как бы простой фон для развития чисто музыкальной эмоции и не имеют существенного значения, а часто и смысла. Народная П. подлежит специфическим законам постепенного изменения напева, который варьируется вследствие отсутствия музыкальной записи и вследствие невольных импровизационных изменений, вносимых разными исполнителями. В итоге музыка П. как бы нивелируется, после таких изменений в ней исчезают все индивидуальные „авторские" черты и остаются только те наслоения, которые внесены бесчисленными исполнителями и которые действительно дают этой П. некоторый общенародный стиль, т.-е., иными словами, выражают в музыке наиболее частые в народе эмоции и настроения. Помимо этого процесса „изменяемости", или мутации, мы набюдаем в народной П. еще процесс „миграции", или перенесения напевов, созданных в одних странах, в другие, в процессе „заимствования", при чем понемногу напев приспособляется к новой среде и изменяется соответственным образом. Многие П., превратившиеся в народные, написаны настоящими композиторами, имена которых даже известны. К числу таковых относятся многие оперные напевы, ставшие народными в Западной Европе. Для того, чтобы П. имела шансы вообще стать народной, она должна иметь некоторые данные: простоту мелодии, легкую запоминаемость ее („рельефность"), соответствие быту народа в данный момент его исторического существования, соответствие господствующим в это время в народе типам эмоции и музыкального понимания. П. оттого имеет обычно ограниченный век своего существования,— она изменяется или вымирает, когда условия окружающей среды становятся неподходящими для нее. Земледельческий быт, охотничий быт, ремесленный быт — все они имеют свои „тоны эмоции" и свой стиль песенного их высказывания. П. пахаря отличается своей созерцательной лиричностью, соответствующей медлительному ритму работы, так же и в других рабочих П., мы неминуемо наблюдаем соответствие ритма П.— ритму работы. Другие П. вызываются к жизни потребностью отдельных моментов быта: культом религии, разными житейскими ритуалами. Таким образом, возникают П. религиозные (культовые), П. свадебные, величальные, похоронные. На первобытных стадиях развития народа обычно каждое проявление бытовой жизни имеет свой тип П. Отдых сопровождается своими П. и часто „П.-плясками", в которых П. сочетается с танцем. Современная городская и фабричная цивилизация оказывается самым грозным врагом П. Последняя быстро исчезает при продвижении цивилизации: ритм фабричной промышленной жизни не способствует вообще творчеству П., она вырождается; с другой стороны, облегчение сообщений в современном мире вызывает громадный наплыв уже готовой легкой музыкальной литературы в народные массы, которые теряют вкус к своей П., и последняя вытесняется готовыми продуктами цивилизованной музыки. Оттого мы сейчас наблюдаем повсеместное

исчезновение народной П. Обычно в то время, когда начинается ослабление народного творчества, пробуждается большой интерес к нему, и начинается лихорадочное собирание остатков народной П. со стороны музыкантов. Таким образом, создается как бы музейный фонд народной П., которая уже утрачивает свое живое бытие и становится объектом изучения, исследования, а часто и самостоятельных творческих опытов на этой почве (национальная музыка). Сперва П. н. записываются непосредственно „со слуха" музыкантами, но в последнее время этот метод все более вытесняется более объективным фонографическим методом. Так, у нас в 1903 г. появляется сборник *Линевой*, в котором напевы фиксированы посредством фонографа.

Основным качеством всякой народной П. надлежит признать простоту ее музыкального построения. Большая часть народных П. написана в „народных ладах", очень часто в „пятиступенных" архаических ладах, напевы некоторых национальностей (восточных, кавказских, персидских, еврейских) имеют специфические лады, часто довольно сложного строения. Другим качеством народной П. в ее древней формации является большая свобода ритма. Эти качества ослабевают в своей яркости по мере исторического развития цивилизации, и народная П. приобретает все более нейтральный колорит, утрачивая свои специфические свойства. *Л. Сабанеев.*

Петух морской, название двух рыб из сем. Triglidae—Trigla hirundo (Chelidonychtys lucerna) и T.milvus. Отличаются большой головой, покрытой сплошным панцырем, и длинными грудными плавниками.

Перед каждым грудным плавником находятся три свободных членистых луча; при помощи их рыбы могут ходить по дну. Вынутые из воды, они издают звук, похожий на хрюканье или ворчанье, который производится трением друг о друга костей жаберных крышек. Встречаются по побережьям Атлантического океана и повсюду в Средиземном море и попадаются в Черном море, доходя до Крыма. П. м. называют также летающую средиземноморскую рыбу Dactylopterus volitans.

Петухоголосость и *петухоперость*, см. *феминизация*, XLIII, 142.

Петуший гребешок, Celosia cristata, декоративное растение из сем. амарантовых, разводимое из-за своих красивых лентовидных мясистых соцветий, напоминающих по форме, особенно у красных сортов, петуший гребень.

Верхушка соцветия занята недоразвитыми цветками; вполне развитые цветки имеются только на нижней части соцветия. В сущности говоря, П. г. представляют уродливую разновидность обыкновенного тропического сорняка C. argentea с густым серебристобелым колосообразным соцветием, встречающегося иногда в виде красной разновидности. Культурный П. г. дает много колеров, лучшими считаются ярко-красные. Стебель у П. г. невысокий, листья густые, очередные, яйцевидные. Родина—Азия. Посев семян делается во второй половине апреля в теплицы или в парники, всходы 2 раза пикируются и в июне высаживаются с большим комом земли в сильно унавоженную землю; в сухую погоду требуется обильная поливка. Предпочитаются низкорослые сорта (C. cr. nana), высота 20 — 25 см. *М. Н.*

Петушки скалистые, или *каменные*, Rupicola, род одноголосых воробьиных птиц (Anisomyodae), живущих в Южной Америке. Самцы яркооранжевые или красные, с большим шлемовидным хохлом. 3 вида, из которых более известен *оранжевый П.*, R. crocea, длина 28 см., обитающий в Гвиане и области нижней Амазонки; преобладающая окраска самцов оранжевая; самка — оливковобурая; замечательны у самцов этого вида в брачный период танцы, похожие на токование у тетеревей; самцы и самки образуют при этом круг, в средину выскакивает самец, начинает прыгать, трепещет крыльями, вращает головой и, только утомившись, издает крик и возвращается в круг, а на его место выходит другой самец.

Пеун, *хлебная жужжелица*, Zabrus gibbus, черный жук с темнобурыми ногами, до 2,5 см. длины; в отличие от других жужжелиц, питается растительной пищей. Личинка появляется осенью, питается всходами озимых хлебов, перезимовывает и в конце весны закукливается. В июне выходит жук и нападает на еще мягкие зерна хлебных растений (кроме овса). Образ жизни сходен с таковым других жужжелиц: ночью кормится, днем сидит в норе и под камнями. Встречается в Средней и Южной Европе. В борьбе с этим жуком большую пользу приносит многопольная система.

Пехота (*инфантерия*), главный род оружия и по значению и по численности во всех европейских армиях; особенную важность получила со времени изобретения пороха и введения огнестрельного оружия. О значении П. в современных армиях *см.* XLVI, 335/82, также *тактика*.

Пешехонов, Алексей Васильевич, публицист и политический деятель, родился в 1867 г., учился в духовной семинарии, был народным учителем, потом статистиком (в 1896—98 го-

дах заведывал статистическим бюро калужского земства, в 1898 году руководил статистическими работами полтавского земства), в 90-х годах стал печатать статьи по народному образованию и экономике в толстых журналах, в 1899 году начал вести внутреннее обозрение в „Русском Богатстве", потом стал членом его редакции (с 1904 года), в 1903 году примкнул к Союзу Освобождения, в 1905 году был членом Крестьянского союза, в 1906 году явился одним из инициаторов образования Народно-социалистической партии. Неоднократно подвергался аресту и высылке. В 1917 году был министром продовольствия в июньском и июльском кабинетах Керенского, вышел в отставку 31 августа (ст. ст.). После Октябрьской революции ушел к белым, по окончании гражданской войны вернулся в РСФСР, но вскоре был выслан за границу (1921); в эмиграции принадлежит к группе „возвращенцев". Как публицист и экономист был специалистом по аграрному вопросу. Из брошюр и книг его пользовались известностью: „Крестьяне и и рабочие", „Экономическая политика самодержавия", „Земельные нужды деревни", „Аграрная проблема", „Хлеб, свет и свобода" и др., выдержанные в духе последовательного народничества.

Пешков, Алексей Максимович, см. *Горький*, XVI, 112/16, также XI, 632. С 1921 года живет в Италии, в 1928 г. приезжал в СССР, где торжественно праздновалось 60-летие со дня его рождения. „Собрание сочинений" выпущено Государственным издательством в 1924 году в 16 томах; (в 1928 г. предпринято Гос. изд. издание „Полн. собр. соч."); главн. произв. последних лет: „Мои университеты", 1923; „Заметки из дневника"; „Воспоминания", 1924; „Рассказы. 1922 — 1924 гг.", 1925; „Дело Артамоновых", 1926, „Клим Самгин", 1927—1928.

Пэан (исцелитель), у древних греков прозвание многих богов, например, Аполлона, Гелиоса и даже бога смерти (Танатос), как избавителя от земных скорбей. П. назывались также торжественные песни в честь Аполлона, впоследствии и других богов, затем вообще песни радостного, возбуждающе-веселого содержания (победные, благодарственные и т. п.). См. *песня народная*.

Пэджет (Paget), Вайолет, английская писательница, известная под псевдонимом *Вернон Ли* (Lee), родилась в 1856 году во Франции, очень много путешествовала, живет почти все время в своей вилле в Майано около Флоренции (виллу и ее чудесно изобразил Анатоль Франс в „Le lys rouge"). Лучшие ее вещи посвящены Италии, которую она знает вплоть до самых сокровенных ее уголков, страстно любит, проникновенно чувствует и умеет изображать с непередаваемым лирическим sfumato. Такие книги, как „Genius loci and the Enchanted Woods", „Sentimental traveller", „Tower of Mirrors", „Spirit of Rome and Laurus nobilis", раскрывают очарование Италии (а попутно и других любимых П. мест Европы) так, как не всегда удается настоящим поэтам. А „Studies of XVIII Century in Italy" (1880) представляет исследование по театру и музыке Италии XVIII века, в котором большое знание соперничает с необыкновенной интуицией (русский перевод „Италия", 2 части, представляет сборник отдельных кусков, выбранных из разных книг). Из беллетристики П. лучшее („Pope Jacynth", „Sister Benvenuta", драма „Ariadne in Mantua") опять-таки посвящено Италии. Случалось П. грешить и публицистикой. Наименее слабое посвящено войне—„Satan the Waster". *А. Дж.*

Пэдогенезис, *см.* XX, 268.

Пэйвэринта (Päiwärinta), Пиетари, финский писатель (1827—1913), сын батрака, с 12 лет служил батраком, с 1868 года занимал должность пономаря в родной деревне, в 1877 году сделался писателем, опубликовав свою автобиографию „Elämäni" („Моя жизнь"), получил за нее денежную премию, после чего неоднократно выступал с рассказами („Tintta Karha", „Torpon poika", сборник „Elämän havoinnoito" и другие). Прекрасный знаток деревенского быта, П. с особенным сочувствием рисует женские образы и молодых парней, которые после борьбы со своими недостатками или с внешними обстоятельствами становятся дельными, всеми уважае-

мыми людьми. Проникнутые гуманным отношением к людям и даже к животным, строгим отношением к жизни, рассказы П. оказали большое воспитательное влияние на финское крестьянство, для которого П. один из любимейших писателей. *Ср.* XLIII, 738. *В. Фриче.*

Пэйенне, см. *Пейяне.*

Пэй-хо (*Бай-хэ*), р. в китайской провинции Чжили, *см.* XXIV, 196, и 223/24, прил. 6.

Пэн (Paine), Томас, английский публицист и деятель американской и французской революций (1737—1809). Происходя из квакерской семьи, он не получил правильного образования и как самоучка нередко говорил в своих сочинениях вещи, делавшие его предметом насмешек среди недругов. Но благодаря простоте и убедительности изложения и революционному пафосу, он производил своими речами и писаниями сильное впечатление на современников. Познакомившись с Франклином, приезжавшим в Англию, П. получил от него рекомендательное письмо в Америку, английские колонии которой в это время (в 1774 г.) вступили в конфликт с метрополией. Здесь он сразу стал на сторону колонистов и даже возил от них петицию к королю в Лондон (1775). П. был одушевлен идеей индивидуальной и политической свободы, стоя на той точке зрения, что добиваться ее—долг развитого человека: „Мое отечество там, говорил он, где свобода отсутствует, но где борятся за ее достижение". Он близко принял к сердцу дело северо-американских колонистов и пропагандировал идею их независимости. Его памфлет „Здравый смысл" („Common sense", 1776) защищал то, что теперь называется правом народов на самоопределение. Популярность его в будущих Соединенных Штатах возрастала каждый день, и его скоро приблизил к себе Вашингтон, в главной ставке которого он издавал газету „Американский Кризис". Одна статья, написанная П., удостоилась даже по приказу Вашингтона прочтения ее во всей армии перед строем. П. же принадлежала мысль о национальной подписке для усиления материальных средств в войне с Англией, а в 1781-году его командировали в Париж для заключения там займа. По заключении версальского мира (1783) он вернулся в Англию, но в начале французской революции уехал в Париж, оставив своему другу Вильяму Годвину (*см.*) для издания рукопись книги „Права человека" („The Rights of Man"), где против Бёрка защищал прирожденное право человека на индивидуальную свободу и революционное законодательство Франции. Когда книга вышла (1792), против нее был возбужден судебный процесс, и, несмотря на замечательную защиту выдающегося адвоката Эрскина, друга П., присяжные признали автора виновным в оскорблении короля и конституции. Зато во Франции он сделался членом Национального конвента (от департ. Паде-Кале), где сблизился с жирондистами. Особую известность в революционных кружках он приобрел после бегства короля в июне 1791 года, когда П. энергично развешивал на улицах Парижа и даже в кулуарах Законодательного собрания плакаты с требованием низложения беглеца и отмены королевской власти. Когда конвент нарядил суд над Людовиком XVI, П. высказался против казни, предложив изгнать его в Америку, где он мог бы воочию убедиться в благодетельности республиканского строя. Разгром жирондистов повлек за собой и арест П. с перспективою смертной казни, но после 9 термидора он снова занял свое место в конвенте. Изданный им в 1797 году „Век разума" („The Age of Reason"), заключавший в себе рационалистическое объяснение библии, оттолкнул от него даже лучших его американских друзей (П. был атеист и в Париже примкнул к теофилантропическому движению). Эту неприязнь он испытал лично, когда в 1802 году приехал в Америку на корабле, посланном за ним президентом Джефферсоном. Вскоре после своего возвращения в Америку П. умер в полном одиночестве, покинутый всеми. Несколько раньше „Века разума" П. выпустил книгу по аграрному вопросу — „Аграрная справедливость" („Agrarian Justice"), в свое время мало обратившую на себя внимания, но имеющую большое зна-

чение для истории аграрного социализма (*см.* XI, 459/60). См. биографию его, написанную *Conway* (1893), который издал также его литературное наследство. *Н. Кареев.*

Пэон, см. *стихосложение,* XLI, IV, 604.

Пэоний, см. *Пеоний.*

Пэр, см. *Великобритания,* IX, 301/03.

Пэсли, см. *Песли,* по переп. 1921 г. 84.837 ж.

Пэссэйк, см. *Пессейк,* по переп. 1920 г. 63.841 ж.

Пэтерсон, см. *Петерсон,* по переп. 1920 г. 135.866 ж.

Пювис де Шаванн (Puvis de Chavannes), Пьер-Сесиль, французский живописец (1824—1893), сын лионского инженера, работал в мастерской Деларош вместе с Шеффером и Кутюром. Однако, решающими моментами в его художественном развитии явились, с одной стороны, его второе путешествие в Италию в 1848 году и его увлечение монументальной живописью Возрождения, с другой—его дружба с Шасерио (*см.*), гениальным художником-сумевшим сочетать стилистические искания Энгра с чисто живописным мастерством Делакруа и оказавшим глубокое влияние на П., главным образом в области монументальной композиции. После нескольких неудач в салонах, П. в 1861 г. сразу завоевывает себе общее признание своими двумя декоративными панно для Амьенского музея („Война" и „Мир"), в которых он выступает уже готовым мастером, с ярко выраженным направлением и индивидуальностью. Все дальнейшие его работы—монументальные циклы исторических и аллегорических картин (в Марселе — 1870, в Пуатье—1874—75, в парижском Пантеоне—1879 и 1898—„Житие святой Женевьевы", в парижской Сорбонне—1887, в Руане—1891, в парижской ратуше—1893, в бостонской библиотеке—1895)—являются лишь развитием и усовершенствованием одной основной художественной идеи или тенденции, определяющей все его творчество: создание монументальной живописи согласно традиции возрождения и классицизма, а именно—при строгом соблюдении реалистических приемов изображения предметов и построения пространства, идеализация при помощи сложной и обдуманной композиции и классической стилизации ландшафта и фигур. Несмотря на крупные достижения П. в этом жанре, на его благородный и изысканный колорит, на его тонкий вкус и чисто французскую ясность и стройность композиции, искусство П. во многом двойственно, эклектично и как раз лишено того подлинного большого стиля, которого он искал, следуя, с одной стороны, исконной традиции французского искусства и, с другой, как один из первых представителей того конструктивного направления, которое, в противовес натурализму и импрессионизму, все ярче и ярче обозначается к концу XIX века и, наконец, делается господствующим в начале XX века во всех областях художественной культуры. Неудача П. объясняется не столько недостатком его личной одаренности, сколько общими условиями его времени: воспитанный на натуралистическом искусстве XIX века, он всегда в большей или меньшей степени „стилизует", т.-е. почти что насильственно подгоняет натуралистически увиденную и обработанную форму под ту или иную традиционную, академическую схему; вот почему так часто в его вещах неприятно поражает несоответствие между реалистически написанным „натурщиком" и несколько условным и архаизованным тоном, выдержанным подчас в стиле итальянских примитивов XV века. Именно эта черта теснейшим образом связана с тем, что он жил в эпоху, лишенную стиля, а потому и архитектуры, т.-е. единого языка, общего для всех искусств. Тонкому и серьезному художнику приходилось „украшать" бледные, чаще всего пошлые строения бездарных эклектиков. Поэтому, помимо несомненного обаяния его индивидуального творчества, П. принадлежит видное место в истории искусства и как блюстителю традиции большого искусства и как предтече тех более дружных и более сознательных исканий нового стиля, которые мы наблюдаем

в наши дни. См. *Vachon*, „P. de Ch.“ (1896), *Golberg*, „P. de Ch.“ (1901).

А. Габричевский.

Пюже (Puget или Pujet), Пьер (1622—1694), французский скульптор, живописец, архитектор и инженер. Сын корабельного плотника, П. юные годы провел в марсельском порту. Пешком добрался до Италии и во Флоренции под влиянием Кортоны стал заниматься живописью. В 1646 году в Риме, увлеченный Бернини и антиками, П. занялся скульптурой в камне (атлетические фигуры атлантов у входных дверей тулонской ратуши, „Геракл в борьбе с гидрой“ и так называемый „Галльский Геракл“). В 1660 году П. в третий раз в Италии, в Генуе. Здесь он исполнил нежные живописные группы —„Беспорочное зачатие“, „Мадонну“ (1670), статуи святого Себастьяна и святого Амвросия. В 1671 году П. трудился в тулонском арсенале в качестве заведующего украшением королевских кораблей. В том же году он получил заказ для Версаля, над которым он работал 10—15 лет. Это были два главные его произведения: „Милон Кротонский со львом“ и „Александр Македонский и Диоген“. Первое произведение отражает изучение антиков и Микель-Анжело. Второе—барельеф—родственно барокко, которое было мало свойственно в это время французской скульптуре. Также барочно и живописно, но более реалистично скомпанован другой барельеф — „Чума в Милане“. Совершенно в стиле барокко исполнена группа „Андромеда, освобожденная Персеем“ (1682). Наконец, в числе скульптурных работ П. нужно отметить и большой мраморный тонкий рельеф — профильный портрет Людовика XIV, где превосходно передана надменность короля, и выразительный скульптурный портрет самого художника. П. оставил также до 50 картин. Лучшие произведения П. принадлежат к шедеврам французского ваяния XVII века.

Н. Тарасов.

Пюзи (Pusey), Эдуард Бувери, английский богослов (1800—1882), лидер так называем. High Church party (см. *англиканская церковь*, III, 22), с именем которого связано близкое к католицизму направление в англиканской церкви, так называемый *пюзизм, или англо-католицизм*; с 1828 года состоял профессором еврейского языка в оксфордском университете. В 1833 году П. примкнул к группе, издававшей так называем. „Tracts for the Times“, обнимавшие собой всю область богословия и проповедывавшие католические догматы. П.—влиятельный представитель широко распространившейся католизирующей религиозной мысли Англии XIX века. Несмотря на интенсивную проповедническую деятельность, П. оставался по преимуществу богословом, догматиком, отрицательно относился к *ритуализму*, знаменующему для англо-католицизма вырождение в католическую обрядность.

Пюи, *Ле Пюи* (Le Puy, Le P. en Velay), главный город французского департамента Верхней Луары, на одном из притоков Луары, 18.000 ж. (1921). Собор XII века, церковь Святой Жанны VI века, церковь Святого Лоренца XIV века. Над городом возвышается базальтовая скала (760 м. высоты), на которой стоит статуя Святой Девы (Notre Dame de France), сделанная из орудий, взятых под Севастополем. Производства: кружевное, трикотажное, позументное и другие. В римскую эпоху П. назывался Аниций, в X веке,—Podium Sanctae Mariae.

Пюи-де-Дом (Puy-de-Dôme), департамент в центральной Франции, на северном склоне центральной французской возвышенности, образован из Нижней Оверни и отчасти Бурбонне, 8.016 кв. км., с населением в 490.560 человек (1921). Поверхность большею частью гористая (горы Оверни). По восточной границе проходят Мон-дю-Форез, в западной части — вулканическая группа Мон-Дор с высочайшей вершиной внутренней Франции П.-де-Санси (1.886 м.). Северным продолжением ее служит плато, усеянное группой из 60 усеченных конусов (Пюи) вулканического происхождения, носящее название Мон-Дом; наиболее значительны: П.-д.-Д. (1.465 м.) с метеорологической обсерваторией и П.-д.-Париу (1.210 м.) с глубоким кратером. Центральная часть — плодородная равнина Лиманъ. Главные реки: Алье и Дордонь. Климат суровый. Леса занимают 829 кв. км. Зем-

леделие, скотоводство. Развито сыроварение. Добывается уголь, торф, асфальт, сурьма, серебросвинцовая руда и друг. Много минеральных источников (Мон-Дор, Шатонеф, Шатель-Рюйон, Северный Нектэр и другие). Главный город Клермон-Ферран.

Пюизегюр, см. *гипнотизм*, XIV, 592/93.

Пюньо, *Рауль*, знамен. франц. пианист. Родился в 1852 году в Монруже, умер в 1913 году в Москве. Родившись в музыкальной семье, П. рано сформировался музыкально и рано начал концертные выступления. В 1870 году молодой пианист сильно увлекался крайними политическими течениями и даже имел отношение к восстанию Коммуны в 1871 году. Это обстоятельство сильно повредило ему в дальнейшей карьере, хотя, видимо, его участие в восстании было сильно преувеличено. Он вскоре получил место органиста в церкви Сент-Эжен и в 1878 году стал капельмейстером там же. Его пианистическая карьера раскрылась как-то сразу и неожиданно и притом сравнительно поздно, когда П. было уже под сорок лет. С тех пор он занял одно из первых мест среди французских пианистов, в особенности как интерпретатор классической музыки. Многократно концертировал за границей, при чем несколько раз с успехом выступал и в Петербурге и в Москве (между прочим, в ансамбле со знаменитым скрипачом Изаи). П. выступал и как композитор академического направления—его оратория „Воскрешение Лазаря" была исполнена в концертах Паделу в Париже,—и как композитор легкого жанра, автор опереток и балетов, а также салонных фортепианных вещей.

Л. Сабанеев.

Пюто (Puteaux), город во французском департаменте Сены, западное предместье Парижа, у подножья Мон-Валерьен, на левом берегу Сены, 33.503 ж. (1921). Химическая и другие промышленности.

Пюхявуори, см. *Финляндия*, XLIII, 668.

Пюхякоски, порог в Финляндии на реке Оулоуики, *см.* XLIII, 671.

П. Я., см. *Якубович.*

Пявозеро, озеро ухтинского уезда Карельской АССР, 559 кв. км. Соединено протоками с Топозером и Ковдозером.

Пяденицы, Geometridae, обширное семейство бабочек (*см.* IV, 394), обнимающее около 2.000 видов, из них почти половина европейских. Крылья у самок некоторых видов недоразвиты. Летают большей частью ночью. Личинки, характерные способом передвижения, что зависит от недоразвития брюшных ножек (их всего 2 пары), похожи по цвету на стебли, кору и пр. В случае опасности они, уцепившись брюшными ножками за ветвь, откидывают свое тело и делаются чрезвычайно похожими на сучки, черешки листьев и т. п. Закукливание происходит на земле. Гусеницы нередко приносят большой вред лесам, плодовым садам и т. п. *См.* XI, 455. Для хвойных лесов особенно вредна *сосновая П.*, Fidonia piniaria; личинки—3 см. длины, зеленые, с 5 беловатыми продольными полосами (июль — сентябрь). Взрослая бабочка-самец—черная, с желтоватой срединой крыла, самка — рыжая с черными крапинами. Куколка бурая, перезимовывает.

Пяйянне, см. *Финляндия*, XLIII, 671.

Пяндж, река, см. *Аму-Дарья*, II, 500.

Пянхасово, *см.* XLI—I, 396.

Пясина, река в Туруханском крае, енисейского округа, берет начало из озера Пясино, впадает в Пясинскую губу Карского моря. Длина около 1.000 км. *Ср.* XX, 69/70.

Пясты, древнейшая королевская династия, царствовавшая в Польше, *см.* XXXII, 555/71.

Пясть, см. *анатомия*, II, 628.

Пятаков, Г. Л., *см.* XLI, ч. II, прилож. *деятели СССР и Октябрьской революции*, 133/36.

Пятигорск, окружный город терского округа Северо-Кавказского края, принадлежит к так называемой группе Кавказских Минеральных Вод, являясь ее административным центром. Расположен на южном склоне горы Машука, на высоте 470—580 м. над уровнем моря, 47.856 ж. (1923). Климат умеренный, лето жаркое, сухое. Наиболее высокая средняя t° (19—21°)—с половины июня до половины сентября. Западные ветры часто приносят дождь, восточные же, дующие из сте-

пей — жаркую погоду, а иногда так называемый сухой туман или мглу от взвешенных в воздухе мельчайших частичек лёссовой пыли. В состав минеральных источников П. входят главным образом хлористый и серно-кислый натр и углекислый кальций; большинство источников содержит сероводород в небольших количествах. Серные источники употребляются главным образом для ванн. Кроме того, имеются разнообразные приспособления для применения физических методов лечения и для грязелечения. Имеется диэтетическая столовая. Курорт функционирует с половины мая до конца сентября. Есть театр, домм музей Лермонтова, памятник Лермонтову (бронзовый памятник в самом П. и обелиск в $1^1/_2$ км. от П. на склоне Машука, на месте дуэли и смерти Лермонтова). Метеорологическая и сейсмическая станция. Безусловными показаниями для лечения в П. считаются: 1) хронический ревматизм суставов, мышц и гонорройный артрит; 2) невриты, особенно седалищного нерва, полиневриты, сифилитические заболевания головного и спинного мозга и их оболочек; 3) сифилис, в позднем кондиломатозном и гуммозном периодах; 4) хронические отравления металлическими ядами (ртуть, мышьяк, свинец и друг.); 5) некоторые кожные болезни, требующие продолжительной мацерации (сухие экземы без наклонности к обострению); 6) хронические заболевания матки и ее придатков; 7) катарры желудка и кишек (питьевые источники).

Условные показания — заболевания: 1) гонорройные простатиты и эпидидимиты; 2) болезни обмена веществ: ожирение, подагра. Противопоказания: 1) значительная сердечная слабость; 2) хроническое воспаление легких несифилитического происхождения; 3) наклонность к бронхиальным кровотечениям; 4) маточные кровотечения; 5) спинная сухотка при значительном общем упадке питания. *Н. Кабанов.*

Пятигорский отдел, находился в северо-западной части Терской области, на границе с Кубанской областью и Ставропольской губернией. Занимал 5.890 кв. км. с 168,1 тысяч жителей (1914), в том числе 67,1 тыс. городского населения. В 1921 году южная часть отдела была включена в состав Горской республики, а из остальной части вместе с прилегающими частями бывшего александр. уезда Ставропольской губернии и баталпашинского отдела Кубанско-Черноморской области был образован П. *округ* Терской губернии. В 1924 году, с образованием Северо-Кавказского края П. о. был упразднен, а территория его включена в состав терского округа Северо-Кавказского края.—Поверхность в восточной части весьма гориста, наполнена горными хребтами, составляющими продолжение отрогов Эльбруса, здесь же находятся и отдельные горы, как Бештау, Машук. Западная часть равнинная, степная. Реки: Кума с Подкумком, Терек (у южной границы), Малка, Кура (в степной части) и другие. Главное занятие населения — хлебопашество. Развито также скотоводство, огородничество, садоводство, виноградарство, пчеловодство. На территории П. о. находились Кавказские Минеральные воды.

Пятигорские лакколиты, *см.* XLI, ч. I, 463.

Пятидесятница, название еврейского и христианского праздников. Еврейская П. была земледельческим праздником царской эпохи.

Первоначально она праздновалась в конце периода жатвы, продолжающегося в Палестине около двух месяцев (с конца нашего марта до середины или второй половины мая), и называлась праздником жатвы; позднее праздник был фиксирован через *семь недель после праздника опресноков* (см. *пасха*) и получил название праздника *семи недель* или просто *недель* (шабуот); отсюда же его название П. Христианская П. появилась в связи с христианской пасхой *(см.)*, когда та окончательно сложилась; именно в IV веке было установлено считать 50 дней, следующих за пасхой, днями радости, сплошными, без постов, и отправлять в течение их богослужение по особому чину, близкому к пасхальному; 50-й день, приходящийся на воскресенье, был торжественным праздничным днем, завершающим пасхальный цикл. Впоследствии праздник ближайшим образом был посвящен культу Троицы *(см.)*, а следующий за ним понедельник стал праздником в память сошествия духа на апостолов, которое, согласно легенде Деяний, произошло, якобы, во время еврейской П. При распространении христианства среди европейских народов праздник П., или *Троицын день*, был в особенности легко усвоен народной массой, так как совпал по времени со старинными дохристианскими весенними циклами обрядов. Так, в русской народной религии седьмая неделя после пасхи, кончающаяся Троицыным днем, называется *Семиком* (см.), или *русальной неделей;* она связана с концом посева и соединяется со старинными культами русалок и некоторых деревьев (*особенно березки*); магическая и жертвенная обрядность этой недели стремится обеспечить

как урожай хлебов и трав, так и человеческое плодородие; это — специфический праздник девушек, которые гадают о замужестве. С такими же чертами выступает П. (Pfingsten) в народной германской религии; там так же фигурируют всякого рода духи и ведьмы, которые особенно беспокойны и деятельны в это время, и так же фигурирует культ майского дерева. *Н. Никольский.*

Пятидневная лихорадка, носит также несколько других названий: волынская, окопная, траншейная. Первые описания этой болезни появились во время мировой войны в России и во Франции; наблюдалась она по преимуществу в условиях окопной жизни, а у нас первые наблюдения были произведены на волынском фронте. Возбудитель болезни неизвестен; передается же зараза обычно через вшей. Период инкубации (скрытый период развития болезни после заражения)— около трех недель. Начинается болезнь, подобно малярии, сразу потрясающим ознобом и быстрым поднятием t°. Особенно характерными являются очень сильные, иногда нестерпимые боли в голенях; на рентгеновских снимках нередко отмечаются изменения костного мозга в костях голени. Кроме того, наблюдаются боли в голове, по ходу крупных нервных стволов во всех конечностях и резкое повышение кожной чувствительности. Часто наблюдаются поносы, изредка желтуха. Высокая t° держится 1—2 дня и затем быстро падает. Но через 4—6 дней снова повторяются те же явления; и таких приступов может быть 2—6 и больше. Приступы повторяются приблизительно через каждые пять дней, отсюда и название — пятидневная. Такими промежутками между приступами эта лихорадка отличается от малярии, где приступы ежедневные или через день и притом продолжительность приступов обыкновенно менее суток. Наоборот, при возвратном тифе приступы бывают обычно реже, а продолжительность их больше. Изредка наблюдаются случаи более медленного подъема и более медленного опускания t°, а в промежутках между приступами могут оставаться небольшие поднятия t° (так называемая субфебрильная t°). Течение само по себе не представляет никакой опасности, и после ряда приступов болезнь заканчивается. Лечение этой болезни чисто симптоматическое, как и всех вообще острых инфекционных заболеваний.

Н. Кабанов.

Пятикнижие, название первых пяти книг Ветхого Завета (еврейской библии): Бытия, Исхода, Левита, Чисел и Второзакония (евр. Bereschith, Schemoth, Wajjiqra, Bemidbar, Debarim), составляющих в современном их виде Тору, или так называемый закон Моисеев. Традиция приписала составление всех пяти книг законодателю евреев Моисею (*см.*), жившему еще до вступления сынов Израиля в землю Ханаанскую (т.-е. кругло за 1.500—1.300 лет до н. э.); закон, изложенный в П., должен был, с этой точки зрения, определять общественное и религиозное устройство сынов Израиля после поселения их в земле Ханаанской.

Изложение закона дается в П. в исторической форме или, точнее говоря, в форме священной истории, предметом которой служат заветы (договоры, евр. berith), заключаемые божеством с первыми людьми, с родоначальниками израильского народа, а затем и с самим народом посредством закона, дарованного через Моисея на Синае. Законодательные тексты вдвинуты в рамку исторического рассказа, повествующего о сотворении мира и первых людей, о рае и грехопадении, о допотопных патриархах, о потопе, о вавилонском столпотворении, после которого единое до тех пор человечество разделилось на языки и народы; это—первобытная история человеческого рода. Далее нить рассказа переходит специально к прародителям Израиля, Тераху (Фарре) и Аврааму, его потомкам, к истории Иакова-Израиля и его двенадцати сыновей, родоначальников двенадцати колен израилевых, с их кочевьями по земле Ханаанской, пребыванием в Египте и исходом оттуда под предводительством Моисея. Описанием этих событий занята вся книга Бытия и начало книги Исход; в дальнейшем изложении, начиная с XX главы книги Исход, на первый план выступает законодательство, занимающее большую часть изложения книг Исход, Левит и Числ и лишь изредка перебивающееся мелкими эпизодами из странствий сынов Израиля по пустыне. Стоящая в конце П. книга Второзаконие содержит краткий обзор истории странствования сынов Израиля по пустыне после исхода из Египта, а затем излагает законы, которые надлежит соблюдать сынам Израиля по вступлении в землю Ханаанскую, а также угрозы и проклятия за неисполнение этих законов, и кончается описанием смерти и погребения Моисея. Эта последняя книга дает как бы второе после Синая законодательство, при этом существенно отличающееся от законодательства средних книг, и потому традиция дала ей название Второзакония. Вопрос о правильности традиционной точки зрения на время происхождения и автора П. превратился в основную проблему библейской критики и библейской истории, так как от того или иного его разрешения зависит построение соц.-экономической и религиозной истории Израиля, для которой Тора является главным источником. Со времени реформации крепло убеждение в том, что П. во всяком случае составлено не одним, а многими авторами или скомпановано из сочинений различных авторов (источников П.), на что с полной очевидностью указывали такие явления, как обилие противоречий в рассказах об одних и тех же событиях, наличность дубликатов, т.-е. параллельных рассказов об одном и том же событии; против авторства Мои-

сея говорили многочисленные попутные замечания, свидетельствующие о том, что автор или авторы их жили в царскую эпоху. Первый ученый, который сделал первую замечательную попытку разложения П. на составные части, был лейб-медик Людовика XVI, Жан Астрюк. В 1753 г. он выступил с книгой, в которой разбирал текст книги Бытия и обращал внимание на чередование имен божества, нарицательного (*elohîm*) и собственного (Иегова, как тогда произносили); по мнению Астрюка, это чередование не было случайным, но об'яснялось тем, что соответствующие отрывки с разными именами божества были заимствованы из различных источников. Догадка Астрюка послужила отправным пунктом для последующих немецких исследователей, которые анализировали содержание первых четырех книг П. и установили, что эти книги составлены на основании не менее как трех различных источников. В этой работе библеистам огромную услугу оказало важнейшее открытие немецкого библеиста д е-В е т т е, который в 1805 — 1807 гг. выступил с исследованиями, установившими надежный опорный пункт для хронологического приурочения и идеологической характеристики указанных трех источников. Именно де-Ветте обратил внимание на то, что основные положения религиозного законодательства Второзакония, требующие уничтожения всех местных святилищ и культов и сосредоточения культа только в Иерусалимском храме, вполне совпадают с религиозной реформой царя Иосии (*см.*), произведенной на основании найденной в 621 г. в храме книги закона. Де-Ветте отождествил эту книгу закона с Второзаконием и таким образом установил его точную дату. После этого довольно быстро получило общее признание разрешение вопроса о двух источниках первых четырех книг, о так называемых и а г в и с т е и э л о г и с т е, названных так условно, по примеру Астрюка, согласно преимущественному употреблению имен божества (Иагве и элогим) в этих источниках. Оба эти источника, в противоположность Второзаконию, стоят на точке зрения множественности мест культа, и поэтому их приурочивают к более ранней эпохе, чем Второзаконие, именно, чаще всего к IX—VIII вв. Из них иагвист составлен в иудейском царстве, элогист — в царстве Эфраима; и тот и другой являются преимущественно собранием мифов и народных сказаний, с незначительной примесью законодательного элемента (десять заповедей, заповедь о множественности мест культа, книга договора—Исх. гл. 20—23). Наиболее трудным оказался вопрос о третьем источнике первых четырех книг, который своей генеалогической и хронологической сеткой связывает весь материал П. в одно целое и потому был назван первоначально „о с н о в н ы м и с т о ч н и к о м". К нему критика отнесла законодательство о культе, занимающее всю книгу Левит и большую часть книги Исход (с 25 гл.) и Чисел, а также пестрый ряд рассказов; законодательство этого источника содержит в себе именно те нормы, которые должны были превратить Израиля в теократическое государство: во главе народа должен стоять первосвященник, которому подчиняются жрецы и левиты, единственные законные исполнители культа, центр народа — святилище пустыни, скиния собрания; все мельчайшие подробности жизни регулируются сакральными постановлениями, устанавливаются строгие и многочисленные очистительные и искупительные жертвы, празднование субботнего дня и т. д.; одним словом, тут фигурирует все, что составляет специфический „закон Моисеев". До 70-х годов этот „основной источник" считался самым ранним из всех составных элементов П., и некоторые библеисты приписывали его составление самому Моисею. Решительный удар этой устарелой точке зрения был нанесен в 1879 г. гениальным библеистом Юлиусом Велльгаузеном (*см.* т. IX, 352/53). В своем блестящем исследовании „Prolegomena zur Geschichte Israels" Велльгаузен подхватывает, развивает и доказывает точку зрения, мимоходом высказывавшуюся ранее Фейсом и Графом и заключающуюся в том, что так называемый основной источник является самым поздним источником П. При этом Велльгаузен не ограничивается литературным анализом, но подвергает традицию П. проверке при помощи исторической и пророческой традиции, а законодательство П. о культе сверяет с практикой культа в различные эпохи израильско-иудейской истории. Он приходит к выводу, что фигурирующая в „основном источнике" скиния собрания, как центральное место культа до построения храма, неизвестна исторической действительности; также не существует ни на практике, ни в законодательстве иагвиста-элогиста и Второзакония строгой иерархии жречества, которое в историческую эпоху подчинено царям. Писаный закон известен в царскую эпоху только один — Второзаконие, и с его точки зрения произведена обработка исторических книг. Допленной эпохе совершенно чужды иерократические тенденции, которыми проникнут „основной источник"; иерократия появляется в действительности только после плена, после реформ Ездры и Неемии (*см.* XIX, 614/16), которые ввели в действие в общине второго храма „книгу закона Моисеева". С этого времени во главе общины становится первосвященник, как предписывает закон Моисеев, устанавливается иерархия клира, вся жизнь регулируется религиозно-обрядными нормами, согласно предписаниям закона; появляются „люди закона", ученые, изучающие законы. Отсюда следует, что „основной источник" был составлен жрецами в эпоху плена или после плена и был соединен с более ранними историческими и законодательными частями П. путем редакционной обработки этих последних; поэтому Велльгаузен дал ему название „ж р е ч е с к о г о к о д е к с а", общепринятое с тех пор в науке. Основная иерократическая идея жреческого кодекса оправдывается и освящается намеренной архаизацией стиля и исторической обстановки: священная конституция с ее учреждениями перенесена в глубь веков, в эпоху кочевья в пустыне, при чем храм заменен фикцией — скинией собрания (*см.*), а самый закон изображен предустановленным. Эта тенденция жреческого кодекса проведена в П. путем проработки всего остального материала настолько основательно, что долгое время могла обманывать критическое чутье исследователей. Значение открытия Графа-Велльгаузена, открытия, которое признали сейчас же все почти наиболее крупные исследователи, было огромно: только после него история древнего Израиля осветилась настоящим светом, и явилась возможность вполне научного ее построения. Новейшие археологические открытия в Палестине также подтвердили правильность точки зрения Велльгаузена, поскольку воочию доказали существование множественности культов в древнем Израиле и именно тот их характер, какой обнаружи ается из иагвиста-элогиста и исторических книг. После выхода в свет книги Велльгаузена критика П., конечно, не стояла на одном месте; во всех составных частях П. были открыты в свою очередь более древние и более поздние части, так что описанные здесь источники П. оказались также составными произведениями. Далее, с 900-х годов стали подвергаться проверке и ревизии основные положения господствующей концепции. По отношению к Второзаконию общепринятой считается теперь поправка в том смысле, что эта книга не совпадает буквально с книгой закона 621 г.; большинство ученых считает Второзак. одним из последующих расширенных изданий закона 621 г. Отдельные библеисты совсем отвергают и эту точку зрения, считают Второзаконие несвязанным с реформой 621 г. и датируют его одни — более ранней эпохой (Хизкии, Соломона, даже Моисея), другие (Гёльшер)—эпохой плена или после плена; ни одна из этих разрозненных попыток, однако, не может считаться достаточно обоснованной. По отношению к гипотезе иагвиста, элогиста и жреческого кодекса принципиальным противником выступил голландский библеист Эрдманс, но в целом ему не удалось поколебать точку зрения Велльгаузена, и заслуживают внимания лишь некоторые его отдельные наблюдения. Важные поправки внесены по отношению к жреческому кодексу. В настоящее время

руководящие библеисты, признавая, что в целом жреческий кодекс есть результат работы жрецов эпохи плена и после плена, думают, что далеко не весь материал его такого же позднего происхождения, и находят, что в целом ряде ритуальных предписаний относительно соблюдения чистоты, празднования пасхи, празднования дня очищения (Йом-Кипур) и др. мы имеем только запись и систематизацию издревле сложившихся обычаев; отсюда, жреческий кодекс в некоторых частях может служить важным источником и для истории допленного культа. Ср. *de Wette*, „Beiträge z. Einleitung z. Alt. Test.“, 1806—1807; *Hupfeld*, „D. Quellen d. Genesis“, 1853; *Wellhausen*, „Prolegomena z. Geschichte Israels“ (1879; посл. изд. 1923, русск. перев. „Введение в историю Израиля“, 1909); *Holzinger*, „Einleitung in d. Hexateuch“; *Eerdmanns*, „Alttestamentliche Studien“, 1908—1912; *Hölscher*, „Komposition u. Ursprung d. Deuteronomiums“, 1922; *Oestreicher*, „D. deuteronomische Grundgesetz“, 1923; *Löhr*, „Untersuchungen z. Hexateuchproblem“, 1924—25.

Н. Никольский.

Пятимильный акт, см. *Великобритания*, IX, 58.

Пятины, см. *Новгород*, XXX, 293.

Пятиречье, см. *Пенджаб.*

Пятиустка, Pentastoma, паразитный организм, относимый к паукообразным и близкий к клещам. См. *язычковые* (Linguaticidae).

Пятка, пяточный бугор, см. *стопа*, XLI—IV, 670/71.

Пятна пигментные, см. *пигментные пятна*; *кожа*, XXIV, 440.

Пятна солнечные, см. *солнце*, XL, 62/68.

Пятна трупные, см. *трупные пятна.*

Пятнистый кускус, *см.* XXVI, 258.

Пятнистый тиф, см. *тиф сыпной.*

Пятница, день молитвенных собраний у мусульман, ставший с течением времени праздничным днем, подобным еврейской субботе.

До сих пор не выяснено, почему был выделен именно этот день недели. Он установлен уже в Коране; легенда прибавляет, что Магомет избрал его потому, что по библейскому мифу бог сотворил в этот день человека. В православном и католическом культе П. считается постным днем, кроме некоторых, так называемых сплошных недель; пост установлен вследствие того, что по евангельскому преданию Иисус был распят и умер именно в пятницу.

Н. Н.

Пяточная косолапость, *см.* XLI—IV, 674.

Пятра, окр. гор. в Румынии, в северной Молдавии, на реке Быстрице, 19.299 ж. Центральный пункт торговли лесом.

Пяхяярви, *см.* XLIII, 670/71.

Р.

Р (эр), 16-ая буква русского алфавита по новой орфографии, 17-ая — по старой, 18-ая—в старо-славянской азбуке, где она обозначала также число „100“. Буквою *р* в русском языке обозначается согласный сонорный небно-зубной звук, образующийся благодаря ударам дрожащего кончика языка о десну, прилегающую к передним верхним зубам. Звук *р* может быть также альвеолярным, например в английском языке (*right*, *try*), задне-небным (увулярным, или картавым), как в парижском диалекте французского языка, а также губным, например в русском „тпру“ (звук, которым останавливают лошадей). Звук, обозначаемый в русском языке буквой *р*, восходит к индоевропейскому *r*. Ср., напр., русск. *беру*, латинское *fero*, греческое *φέρω*, древнеиндийское *bharāmi*. Для русского языка характерны так называемые полногласные сочетания *р* (и *л*) с гласными: оро, ере (оло), которым соответствуют неполногласные сочетания других славянских языков, например русск. борода — ст.-слав. брада, пол. broda; русск. берег — ст.-сл. брѣгъ, пол. brzeg; русск. золото — ст.-сл. злато, пол. zloto. *М. Петерсон.*

Ра (Rha), у древних название нынешней Волги (*см.*).

Ра, древнее имя солнца, как космического божества, в религии Египта (*см.*), изображавшегося обыкновенно в виде человека с солнечным диском на голове в различных положениях: идущим, стоящим, сидящим на троне. Суточный путь солнца представлялся также, как путешествие Р. в лодке по „небесному“ Нилу. Главным местом его культа был „солнечный“ город — Гелиополь (Илиополь) близ нынешнего Каира. Р. считался также родоначальником династий фараонов и отождествлялся с другими богами, к имени которых присоединялось его имя, например Амон-Ра (в Фивах); сближался с ним и Гор (*см.*), сын Озириса и Изиды. Гимн к Солнцу—Р. сохранился в знаменитом египетском тексте так называемой „Книги Мертвых“. *См. Б. А. Тураев*, „История древнего Востока“, ч. I, стр. 178/82, 239/42. *П. Риттер.*

Рааб (нем.), венг. *Дьёр* (Györ), комитат в с.-з. части Венгрии, на правом берегу Дуная; площадь 1.528 кв. км., насел. — около 140 тыс., преимущественно венг. Поверхность — плодородная равнина, повышающаяся к югу, орошается Дунаем, Раабом и др. Занятия — земледелие, скотоводство, виноградарство (в гористой части).

Рааб (нем.), венг. *Дьёр*, главный город одноименного венгерского комитата, при впадении реки Р. в Дунай. 50.036 жителей (1920). Собор XII века. Значительная торговля (хлеб, скот). Производство машин, сельскохозяйственных принадлежностей, растительного масла. Р. находится на месте римской *Арабоны* (Рабоны).

Рааб (нем.), венг. *Раба*, правый приток Дуная в Венгрии, начинается в Альпах, в Штирии, к северу от Граца; ниже Керменда судоходен. Длина 256 км.

Раабе, Вильгельм, выдающийся немецкий романист, род. в 1831 г., ум. в 1910 г.; с начала 50-х гг. посвятил себя литературе. Рисуя в своих повестях и романах тихую, простую жизнь уединенных уголков Германии в ее столкновениях с непривычными условиями и веяниями нового времени, Р. напоминает Ж. П. Рихтера, Диккенса и Достоевского своею чуткою впечатлительностью и уменьем находить трагичное и трогательное в обыденном. Лучшие произведения: повести „Horacker", „Alte Nester", „Deutscher Adel", „Wunnigel" и друг.; романы „Der Hungerpastor", „Abu Telfan" и друг. *(Ср.* XIV, 307).

Рабат, портовый город во французской зоне Марокко, на Атлантическом океане, при впадении реки Бу Регрег, 37.985 жителей (1926; в том числе 14 тысяч европейцев). Р.— местопребывание французского резидента и главный административный центр страны. Развалины дворца и мечети с башней Гассана (50 метров высоты). Производство ковров, материй, глиняной посуды и сафьяна. Вывоз шерсти, кожи, ковров. Основан Р. в начале XIV века.

Раббат-Аммон, см. *Амман.*

Рабдитис (Rhabditis nigrovenosa), см. *угрицы.*

Рабек, см. *Дания,* XVII, 601.

Рабиндранат Тагор, см. *Тагор.*

Рабинович, Осип Аронович, русско-еврейский писатель, родился в 1817 г., учился в харьковском университете, долгое время состоял нотариусом в Одессе. Принимал деятельное участие в „Литературных вечерах", издав. в 1849—50 гг. в Одессе Фумели, и в „Одесском Вестнике" конца 50-х гг. (редакции профессоров А. И. Георгиевского и А. М. Богдановского); в 1859 г. напечатал в „Русском Вестнике" рассказ „Штрафной", рисующий безотрадный быт русских евреев в дореформенную эпоху; большим успехом пользовалась и другая повесть Р.—„Наследственный подсвечник". В „Русском Слове" 1860 г. поместил романы „Калейдоскоп" и „Историю торгового дома Фирлич и Ко". В 1860—1861 гг. Р., при ближайшем участии профессора А. И. Георгиевского, издавал в Одессе первый по времени печатный орган русских евреев, еженедельник „Рассвет", служивший выразителем просветительного движения, охватившего русское еврейство в эпоху реформ; громя в „Рассвете" недостатки еврейской жизни, замкнутость и косность своих единоверцев, призывая их к сближению с русским населением, Р., с другой стороны, на страницах своей газеты энергично боролся с предрассудками русского общества против евреев. Умер в 1869 г. Полное собрание его сочинений в 3 томах вышло в 1880—88 гг.

Рабинович, Соломон Наумович, выдающийся еврейский бытописатель-юморист, писавший под псевдонимом *Шолом-Алейхем.* Родился в 1859 г. в Переяславле (Полтавской губернии) в ортодоксальной семье. Детские и школьные годы, проведенные Р. в традиционном „хедере" (еврейская народная школа), подробно им описаны в опубликованной после его смерти автобиографии „Vun'm Jarid". До 15 лет Р. изучал лишь старую еврейскую письменность, затем, под влиянием ново-еврейской просветительной литературы, занялся и общим образованием. В 1880—82 гг. Р. был общественным раввином в Лубнах, затем переехал в Киев, где нажил состояние биржевыми операциями, но вскоре разорился и стал жить исключительно литератур-

ным трудом. После октябрьских погромов 1905 г. Р. покинул Киев и стал вести скитальческую жизнь; провел некоторое время в Америке и в Италии. В 1904 г. Р. вернулся в Россию, но вскоре после начала войны уехал в Америку, где и умер 13 мая 1916 г. Литературная деятельность Р. началась в конце 70-х годов; он первое время помещал корреспонденции и статьи в газетах на древнееврейском языке; но свое настоящее призвание он проявил лишь тогда, когда перешел к разговорно-еврейской литературе. В основанном Р. в 1888 г. ежегоднике „Jüdische Volksbibliotek" появились его два романа: „Stempenju" и „Jossele Solowei". Р. дает галлерею еврейской детворы, где есть и смех, и свои детские утехи (эти очерки известны в русском переводе под общим заглавием „Дети черты"), но суровая жизнь делает этих „детей черты" не по летам восприимчивыми и проницательными („Motel dem chasens"). Р. открыл смех, правда своеобразный, и у взрослых обитателей „черты". Прославленное „Менделе" (см. *Абрамович*) еврейское местечко Кабцанск, как олицетворение „черты", является прототипом Касриловки в произведениях Ш. А. Преломляясь сквозь призму его юмора, безрадостная черта принимает своеобразный колорит. Это особенно ярко проявляется в серии очерков „Kleine Menschelech mit kleine hassogot" („Маленькие людишки с маленькими идеалами"), где рисуется своеобразный мир патриархальной Касриловки. У этих „маленьких людишек", влачащих жалкую жизнь, полную лишений, Ш. А. открывает исключительный дар — могучим и неоценимым смехом, шуткой одолевать бесчисленные невзгоды.

События 80-х годов с их погромами и ограничительными законами поколебали старый изолированный мир и его старозаветный уклад. Рушились экономические устои „черты", и как из разрытого муравейника выбрасывались и рассеивались во все стороны ее ошеломленные обитатели. Эту своеобразную эпопею Ш. А. воспроизвел в серии очерков, в которой центральной фигурой является горемычный биржевой делец Менахем-Мендель. Герои его — „люди, живущие воздухом", „Luftmenschen", для которых азарт, неустанная суетливость и лихорадочное напряжение нервов становятся второй натурой. Автор, сам увлекавшийся в молодые годы биржевыми спекуляциями, не скрывает родства со своим героем, и в беспощадном изобличении злополучного неудачника чувствуется акт морального преодоления самого художника. В противовес „человеку воздуха", Ш. А. рисует молочника Тевью „деревенского еврея", скрывающего под грубоватой внешностью проницательный ум и детски-нежную душу и дает в жизнеописании этого героя широкую картину глубоких перемен в еврейской жизни с конца 80-х годов. Значительно слабее романы Ш. А. позднейшего периода, рисующие быт русско-еврейской эмиграции в Америке: „Blondsende Stern", „Der Matul" и др. Совершенно исключительной популярности Ш. А. среди широких еврейских слоев не мало содействовал его богатый, красочно-сочный, чисто народный язык. Первое собрание сочинений Ш. А. вышло в 1903 г., последнее (издательство Клецкина) в 1926 г. в 28 томах. Перед мировой войной вышел русский перевод произведений Ш. А. (издат. „Современные Проблемы"). *С. Цинберг.*

Рабле (Rabelais), Франсуа, самый крупный из писателей французского Возрождения. Основные даты его биографии, многие из важнейших событий его жизни не могут еще считаться окончательно установленными. В последнее время наука очень энергично работает над жизнью и произведениями Р. (главным образом, в журнале „Revue d. études rabelesiennes", 1903—1912, продолжающемся с 1913 г. под названием „Revue du seizième siècle"). То, что теперь мы знаем о Р., гораздо более точно, зато и несравненно более скудно. Исчезли многие яркие легенды.

Р. родился в 1494 г. в Шиноне (Турэн). Он был младшим сыном мелкого судебного чиновника, в 1510 г. поступил во францисканский монастырь и до 1524 г. пробыл монахом в Фонтенэ Леконт (Пуату). Там же был посвящен в священники. Но духовные подвиги мало соблазняли да-

ровитого юношу. Он хотел учиться. К великому соблазну товарищей по монастырю он засел за науку, легко одолел ученую латынь, принялся за греческий, читал Платона, вступил в переписку с Гильомом Бюде. В конце концов, обозленные этим чрезвычайно нефранцисканским образом жизни Р. („non curent nescientes litteras litteras discere", учил ведь святой Франциск), монахи отняли у него его греческие книги, добытые с величайшими жертвами. Его спасли друзья, выхлопотавшие ему папское разрешение перейти в бенедиктинский орден, не имевший столь пылких обскурантских традиций. Р. сделался настоятелем бенедиктинского аббатства в Мальезе, где его поддерживала дружба местного епископа Д'Эстиссака. Здесь ему не мешал никто. Он не только продолжал свои эллинистические занятия, но стал отдавать все больше и больше времени естествознанию и медицине. В 1528 г.— пока еще с разрешения духовного начальства — он отправился в Париж для пополнения своих знаний, а оттуда, уже самовольно—дальше, все с той же целью. Сначала (1530) он попал в Монпелье, где читал лекции по Гиппократу и Галену и зарабатывал себе на пропитание то как врач, то как священник. В 1532 г. он уже в Лионе— врачом большой больницы в городе. Отсюда он завязал сношения с Эразмом. Здесь начал писать и печатать. В 1532 г. появилась под псевдонимом-анаграммой Alcofribas Nasier I-я часть „Пантагрюэля" („Les horribles et pouvantables faits et prouesses de très renommé Pantagruel, roi des Dipsodes, fils du grand Géant Gargantua"). В 1533 г. он начал издавать свои календари (непрерывно до 1553 г.) и в том же году издал сатирическое предсказание на ближайший год: „Pantagrueline pronostication". В 1534 г., в качестве врача кардинала Дюбелле, Р. в первый раз отправился в Рим. Вернувшись в Лион, он напечатал пролог к „Пантагрюэлю", ставший первой книгой его эпопеи: „La vie inestimable du grand Gargantua, père de Pantagruel". В 1535 г. он вторично посетил с кардиналом Дюбелле Рим, где добился от папы отпущения за самовольное оставление монастыря. В 1537 г. он получил в Монпелье степень доктора и ближайшие годы практиковал как врач в разных местах на юге Франции. В это время у него завязываются сношения с королем Франциском. В 1542 г. напечатал вместе обе первые книги эпопеи, при чем из опасений репрессий—уже начинались гонения на „еретиков"—смягчил нападки на богословов Сорбонны. В 1540—42 гг. он находился при дворе пьемонтского наместника —Пьемонт в значительной части принадлежал тогда Франции — брата кардинала Дюбелле, а в 1545 г., благодаря ему, получил от короля привилегию на дальнейшие издание „Пантагрюэля", что было далеко не лишним, ибо Сорбонна уже точила на него когти. Третья книга „Пантагрюэля", такая сравнительно невинная, вышла в 1546 г., а начало четвертой — в 1548 г. В промежутке Р. пришлось все-таки скрыться из Парижа, куда он приехал, чтобы следить за печатанием книги. Он пробыл год городским врачом в Меце, а потом съездил третий раз в Рим, все еще с кардиналом Дюбелле. Круг его покровителей расширился: через кардиналов Лотарингского и Шатильона он вступил в сношение с могущественными домами Гизов и Колиньи. Этого крепкого щита было едва достаточно, чтобы уберечь его от крупных неприятностей. В 1549 г. на него написал злейший донос некий католический монах, а в следующем году напал на него Кальвин в памфлете „De scandalis". Католики и протестанты ненавидели Р. одинаково, но под эгидою трех кардиналов он рискнул вернуться во Францию. Гизы дали ему приход в Мэдоне под Парижем, где он пробыл два года. Перед тем, как выпустить четвертую книгу (1552), он оттуда скрылся: книга была полна резких нападков на католических богословов. Она была осуждена парламентом, но королю—это был уже Генрих II — объяснили, что она помогает ему в борьбе с Римом за галликанские вольности, и лично Р. не тронули. В 1553 г. он спокойно умер в Париже. Легенда больше всего приукрасила рассказ о его последних часах. Ему приписывают и знаменитые, трудно-пере-

водимые, скептические слова: „Je vais quérir un grand Peut-être“, и насмешку над священником, подававшим ему последнее причастие: „Мне смазывают сапоги для большого путешествия“, и буфонное завещание: „У меня нет ничего ценного, я много должен, остальное я оставляю бедным“. Все это, повидимому, выдумки его врагов. В 1562 г. появилась в печати частично, в 1564 г. целиком — пятая книга „Пантагрюэля“. В ней самому Р. принадлежат, повидимому, лишь наброски, не весь текст, более тяжелый, более перегруженный аллегорией и более яростно нападающий на церковь (религиозная борьба за это время стала острее), чем в книгах, вышедших при жизни Р.

С легкой руки Брюнетьера, в последнее время Р. стараются изобразить чуть не правоверным католиком, человеком, в котором преобладали средневековые черты, в котором нет ничего, что было бы типично для Возрождения. Все это резко противоречит фактам. Французское Возрождение очень скоро утратило свой основной характер, благодаря возгоревшейся религиозной борьбе, в гораздо большей мере, чем это было в Германии. Во Франции Возрождение начиналось, как и в Италии, классическими занятиями (Фише, Гагэн, Шампье) и новеллистикою. То и другое отражало общественный рост: служило ответом на культурные запросы буржуазии. Яростный напор кальвинизма нарушил спокойное течение культурного процесса и, начиная с Лефевра д'Этапля, гуманизм насыщается религиозными интересами. Выяснить свое отношение к католицизму и протестантству стало обязательным для всякого гуманистически образованного писателя. И наоборот, отношение ко всякому идеологу нового течения определялось его религиозными оценками. Поэтому вопросы религии занимают такое несоизмеримо большое место у всех, начиная с Лефевра. А это всегда придает налет средневековщины.

Р.—монах, эллинист, врач, ботаник—с первых же шагов попробовал выяснить свою точку зрения. Он не пошел ни за Сорбонной, ни за Женевой. Он примкнул к Деперье, который во имя свободы духа отверг и католицизм и кальвинизм. Это была, повидимому, подлинная позиция Р. Она прекрасно отвечала настроениям научного критицизма ученого филолога и естествоиспытателя. Внешне Р. на этой позиции не устоял. Он затушевал свои первые формулы уже в повторном издании двух первых книг эпопеи (1542) и разразился чрезвычайно сердитой инвективой против старого друга, Этьена Деле, напечатавшего их перед этим без изменений. Дальнейшие его формулы становились мягче. Но это не вводило в заблуждение никого. Сорбонна его кляла. „Плеяда“, перешедшая с развернутыми знаменами в лагерь католической реакции, осыпала его издевательствами и преследовала доносами. Кальвинисты, для которых натиск во имя свободы совести был более нестерпим, чем что-бы то ни было, поражали его своими перунами. Но над Р. были простерты три красных мантии, и перуны были бессильны. Совершенно несомненно, что Р. сам старался набрать себе побольше покровителей и для этого был готов на многие компромиссы. Он отказывался от опасных теорий, от личных намеков и инсинуаций, смягчал все, что было можно. В нем не было темперамента мученика, как у Беркена или у Доле. Терновый венец не прельщал его. Он любил жизнь. И он был оппортунистом, подобно Эразму, подобно большинству итальянских гуманистов. Эти люди создавали новую идеологию для буржуазии, и характер у них вырабатывался соответствующий. Картина Телемского аббатства (I книга) поэтому вдвойне характерна для Р. Прежде всего—по распорядку, в нем заведенному. В уставе аббатства было только одно правило: „Fay ce que vouldras“, „делай, что захочется“. Полная свобода. Никакого обязательного труда. Светлое, спокойное существование. Ни надрыва, ни фанатических выступлений, ни ссор. В этом эпикурейском монастыре к тому же царит дух тонкого аристократизма. Сын мелкого буржуа, Р., как и все гуманисты, привержен к высшему обществу, всю жизнь стремился быть поближе к его представителям, умел сделать себя для них не только

необходимым как врач, но и приятным как собеседник. И извлекал для себя выгоды всякого рода. Поэтому жизненный строй аристократии становится идеалом для буржуазии, для того класса, к которому Р. преимущественно обращается: „В людях свободных, хорошего происхождения, хорошо образованных, вращающихся в порядочном обществе, от природы заложен инстинктивный порыв, толкающий их к добродетельным поступкам и отвлекающий от порока; они зовут его честью". Естественным дополнением такого взгляда является отношение к трудящимся, как к profanum vulgus, который в лучшем случае не представляет никакого интереса. Типичное мировоззрение буржуазии, расправляющей свои крылья.

Но для этой буржуазии, чтобы она могла легче осуществлять свои исторические задачи, нужна особая идеология. Р. в эту новую идеологию внес большой вклад. Он застал гуманистическую науку вполне разработанной. Не только итальянцы, не только Рейхлин и Эразм, но и свои: Шампье, Бюде, Анри Этьен сделали очень многое. Р. не хотел вступать с ними в соревнование. Поэтому мы и не найдем у него восторженного преклонения перед древней культурой. Поэтому во время путешествия по Италии в нем ни разу не вспыхнул пафос развалин, которым так часто загорались другие, до него. Р. больше естествоиспытатель, чем гуманист. Он хочет сделать достоянием нового общества уже не гуманитарные науки, как его предшественники, а естественные. Р. одинаково интересуется и ботаникой, и зоологией, и медициною, и то над чем Леонардо да Винчи думал в тиши своего кабинета и что, боясь гласности, набрасывал криптографически в своих тетрадях, Р. стремится популяризировать. Те элементарные знания, которые помогли Колумбу открыть Америку, у Р. разработаны с поразительной точностью и широтою. Детальная сверка путешествия Пантагрюэля с картою, произведенная недавно, раскрыла это вполне. География Моровой „Утопии"—детский лепет по сравнению с географией „Пантагрюэля".

А для пропаганды своего настроения у Р. было орудие, которого не было ни у кого: его смех. Смех Р.—не мелкое пасквильное острословие Аретино и не тонкая скептическая усмешка Монтэня. Это оглушительный смех, который понятен каждому и потому обладает огромной заразительностью, от которого рушится все, над чем он разражается, смех здоровый, освежающий, очищающий атмосферу.

Сатира Р. делала не только общественное дело, но творила чудеса в области художественной.

„Пантагрюэль"—первоклассное художественное произведение, немного грубое по форме, но сочное и полное красок, богатое описаниями и образами (Панург (*см.*) и брат Жан принадлежат к наиболее ярким фигурам в мировой галлерее эпических типов). Поэма скромного „мэдонского кюре", борца за новое общество, художника и мыслителя, имеет полное право считаться национальной эпопеей французского народа. Она создана в такой момент его истории, когда он только что закончил свое политическое объединение и в бурях и муках ковал свою культуру. Все формальные недочеты поэмы именно тем и объясняются, что она писалась в атмосфере борьбы и незавершенного культурного строительства.

Лучшие издания Р.: *Marty-Lavaux* (5 т. 1868 сл.) и критическое *Lefranc, Boulanger, Clouzot* и др. (8 т. 1912 сл.). Из литературы о Р.: *Gebhart*, „R., Renaissance et Réforme" (1877); *Brunetière*, „Histoire de la littérature française classique" (I т. 1909, статья о Р. опирается на его старые этюды); *Stapfer*, „R., sa personne, son génie, son oeuvre" (1889); *Millet*, „R." (Gr. écriv. franc., 1892); *Tilley*, „R." (Lond. 1907); *Morf*, „Gesch. d. franz. Litteratur im Zeitalter d. Renaissance" (1914, суммированы результаты монографической разработки).

А. Дживелегов.

Рабовладельчество, см. *рабство.*

Работа. В обиходной речи словом „работа" мы обозначаем различные виды телесной и умственной деятельности, а также результаты этой деятельности, при чем вообще не бывает речи о единой числовой мере Р. Физика дает термину „работа" точный смысл на основании анализа обширной группы процессов, которые с точки зрения обычного словоупотребления соответствуют „совершению Р.", или „производству Р.". Здесь, прежде всего, обнаруживается, что, например, такой вид

Р., как подъем груза, всегда требует наличия некоторой силы, приблизительную оценку которой мы можем произвести при помощи мускульного чувства. (Точно измерить любую силу можно путем сравнения ее с силою тяжести одного килограмма, т.-е. с тою силой, с какою килограммовая масса давит—вследствие своей тяжести—на покоящуюся подставку). Но одного наличия силы еще недостаточно для производства Р. в физико-механическом смысле. Сила должна быть еще деятельной, т.-е. она должна двигать точку своего приложения. В таком случае оказывается, что величина производимой Р. тем больше, чем больше работающая сила и чем больше расстояние, пройденное точкой приложения силы по направлению этой последней. На этом основании установлено определение: Р. измеряется произведением силы на путь, пройденный по направлению силы. Так, Р. поднятия груза измеряется произведением тяжести груза на высоту подъема. Если же мы, например, держим в течение нескольких минут килограммовый груз в горизонтально вытянутой руке, то (с точки зрения физико-механической) Р. здесь равна нулю, потому что нет никакого перемещения точки приложения силы. Что же касается непосредственного ощущения, которое говорит нам, что и здесь произведена некоторая Р., сказывающаяся известным утомлением, то оно истолковывается тем, что сократившиеся мышцы производят физиологическую Р., которую нужно выражать не произведением силы на путь, а иначе. Часто применяемой единицей Р. является килограмм-метр—Р. силы, равной 1 кгр., на пути в 1 м.; о других единицах Р. см. *единицы измерений*, XIX, 604, прил.

В теснейшей связи с понятием Р. стоит понятие *энергии* (см.). Всякий раз, как совершается Р., происходит или передача энергии от одного тела другому (например, когда человек поднимает груз, то часть запаса энергии человека передается грузу и принимает форму потенциальной энергии этого последнего), или превращение энергии (например, когда тело падает под действием силы тяжести, то его потенциальная энергия превращается в кинетическую). При этом совершонная Р. как раз равняется переданной или превращенной энергии. Это расширенное определение позволяет произвести подсчет работы и в тех случаях, где это было бы невозможно на основании первоначального определения (Р. = сила × путь); например, в физиологическом примере сократившейся мышцы, поддерживающей груз, Р. равняется затрате энергии мышцей.

Примеры и применения понятия Р.

1. В общей механике. Если точка приложения M силы P (рис. 1) проходит исчезающе-малый путь $MM' = ds$, при чем φ есть угол, составляемый силою P и „элементом“ пути MM', то Р. силы P на этом пути равна $Pds\cos\varphi$; это — так-назыв. элементарная Р. Если перемещение происходит на конечном пути $s_2 - s_1$ (где s_1 и s_2 — расстояния, отсчитываемые по траектории от начальной точки O), при чем сила P может менять свою величину и направление, то Р. на этом пути равна сумме элементарных Р.; поэтому она выразится определенным интегралом $\int_{s_1}^{s_2} Pds\cos\varphi$. Это выражение графически представляется площадью $ABCD$ кривой, изображающей зависимость между проекцией $P\cos\varphi$ силы P на касательную к траектории и расстоянием s по траектории

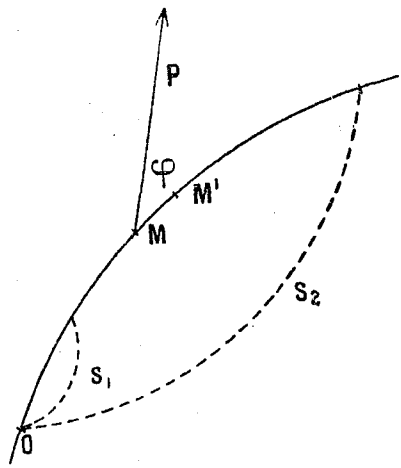


Рис. 1.

Франсуа Рабле (1494—1553).
С гравюры из „Biographie Universelle“.

от начальной точки (рис. 2). Заштрихованная полоска представляет элементарную Р.

Весьма важное применение понятия Р.— в „принципе возможных перемещений“ (см. *механика*, XXVIII, 576′).

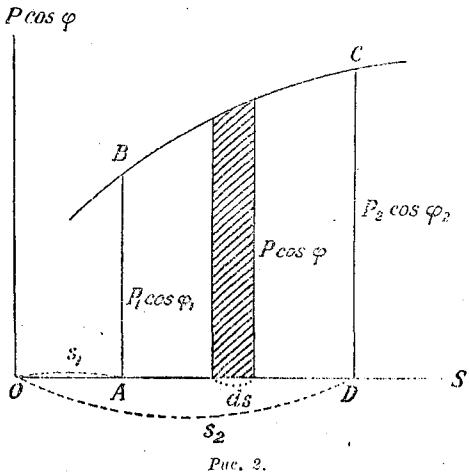


Рис. 2.

2. В т е о р и и п р и т я ж е н и я (см. *тяготение*, XLII, 1). Две массы m и m' на расстоянии r притягивают друг друга с силою $G\frac{m\,m'}{r^2}$, где G — гравитационная постоянная. Вообразим, что масса m удерживается неподвижно, а масса m' действием некоторой силы, преодолевающей силу тяготения, отодвигается от массы m, так что расстояние r увеличивается на dr. Р., совершенная при этом, будет $G\frac{mm'}{r^2}dr$; эта Р. равняется приращению запаса потенциальной энергии системы масс m и m'. Если расстояние r увеличилось на конечную величину $R-r$ (так что в результате рассматриваемого изменения обе массы находятся на расстоянии R), то совершенная Р. (или приращение потенциальн. энергии системы) будет $Gmm'\left(\frac{1}{r}-\frac{1}{R}\right)$. Если масса $m'=$ =единице массы и если она удаляется на бесконечно большое расстояние от притягивающей массы m (так что $R=\infty$), то совершаемая Р. получает выражение $V=G\frac{m}{r}$. Это выражение называется *потенциалом*. Итак, потенциал в данной точке „поля тяготения“ численно равен той Р., которую нужно совершить (нередко говорят —„затратить“: подразумевается затрата энергии), чтобы притягиваемую единицу массы из данной точки удалить в бесконечность[1]. Это определение сохраняет годность и в том случае, если притягивающих масс не одна, а несколько: m_1, m_2, m_3...; тогда потенциал в точке Q, отстоящей от m_1 на r_1, от m_2 на r_2 и т. д. (рис. 3), будет равен $G\left(\frac{m_1}{r_1}+\frac{m_2}{r_2}+\dots\right)$, т.-е. он равняется сумме потенциалов, создаваемых в точке Q каждою из притягивающих масс в отдельности. Подсчитать общее действие любой системы притягивающих масс на притягиваемую массу, помещенную в какой-нибудь точке Q „поля тяготения“, можно двумя способами: а) складывая геометрически силы, с которыми действует на притягиваемую массу каждая из притягивающих масс, б) исходя из выражения потенциала, создаваемого данной системой масс в точке Q. Второй способ—проще, потому что потенциалы (как выше было указано) складываются арифметически. Этим обусловливается большое значение, которое имеет потенциал в теории притяжения.

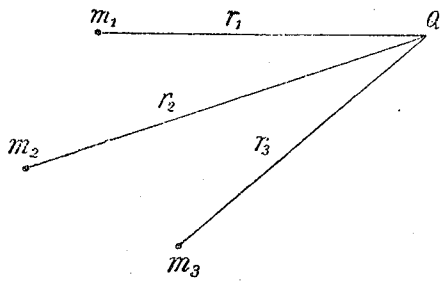


Рис. 3.

3. В т е о р и и у п р у г о с т и. Представим себе упругий стержень AB (рис. 4), закрепленный на одном конце и растягиваемый силою P, приложенною к другому концу. Сила P уравновешивается упругими силами, развиваемыми стержнем. Пусть l—длина стержня до растяжения, σ—его поперечное сечение, λ—удлинение, получаемое им благодаря действию силы P. Тогда (при небольших удлинениях) $\lambda=\frac{Pl}{\sigma E}$, где E—постоянная величина, характерная для данного вещества и называемая м о д у л е м Ю н г а. Если сила P увеличивается, начиная от значения $P=0$ и кончая зна-

1) Из данного определения потенциала вытекает, что Р., совершаемая внешнею силой, передвигающей в поле тяготения притягиваемую массу m' из точки *1* в точку *2*, равна произведению m' (V_1-V_2) притягиваемой массы на разность потенциалов в этих точках. Р. действующей в поле силы тяготения при том же перемещении будет равна m' (V_2-V_1); различие между обоими выражениями обусловлено тем, что внешняя сила по направлению противоположна силе поля.

чением $P = P$ так, что стержень все время остается в равновесии, то Р. этой силы будет $\int_0^\lambda P d\lambda = \frac{l}{\sigma E}\int_0^P P dP = \frac{lP^2}{2\sigma E} = {}^1/_2 P\lambda$[1]).

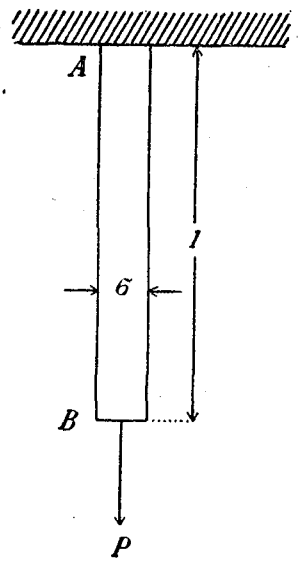


Рис. 4.

Эта Р. перейдет в упругую энергию стержня. Количество упругой энергии, содержащееся в каждой единице объема растянутого стержня, будет $\frac{lP^2}{2\sigma E} : l\sigma = {}^1/_2\frac{P^2}{\sigma^2 E} = {}^1/_2\frac{p^2}{E}$, где $p = \frac{P}{\sigma}$ есть „растягивающее усилие“ (т.-е. сила, приходящаяся на единицу поперечного сечения стержня). Если представить себе, что сила, растягивающая стержень, все время сохраняет постоянное значение P, то к моменту, когда удлинение сделается равным λ, Р. силы P будет равна $P\lambda$; половина этой Р. пойдет на создание упругой энергии ${}^1/_2\ P\lambda$, другая половина превратится в кинетическую энергию частей стержня.

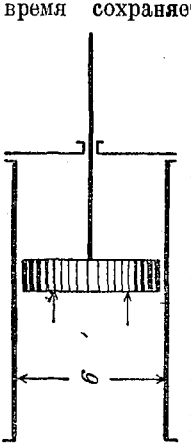


Рис. 5.

4. Р. газообразных тел. Важный пример Р. газов и паров дается „рабочим“ процессом тепловых двигателей. Газ или пар, заставляя двигаться поршень (рис. 5), производит Р. расширения. Если давление внутри цилиндра равно p, площадь поршня есть σ, то сила, с которой газ или пар действует на поршень, будет $p\sigma$; если действием этой силы поршень перемещается на расстояние ds, то совершенная при этом (элементарная) Р. будет $p\sigma ds$, или pdv, где $dv = \sigma ds$ есть приращение объема v газа или пара при перемещении поршня на ds. Если газ или пар расширяется таким образом от начального объема v_1 до конечного объема v_2, то Р. расширения будет $\int_{v_1}^{v_2} p\,dv$.

Если на оси абсцисс будем откладывать v, на оси ординат p, то эта Р. представится

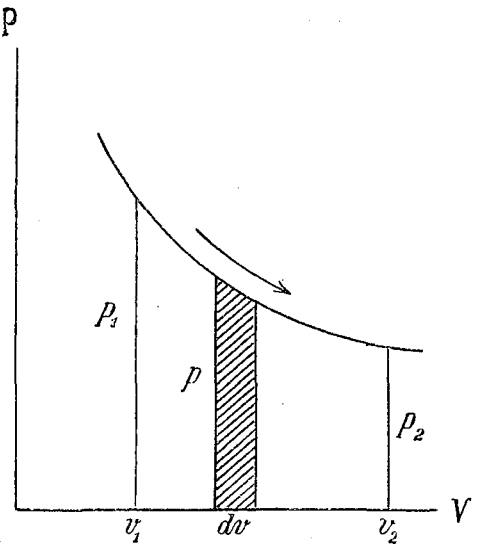


Рис. 6.

площадью (рис. 6), которая ограничена слева и справа ординатами, соответствующими началу и концу процесса, снизу—отрезком оси абсцисс, сверху—кривой линией, изображающей процесс (т.-е. представляющей зависимость между объемом и давлением газа или пара).

Если некоторая внешняя сила заставляет поршень двигаться в обратном направлении, то совершается Р. сжатия, которую также можно графически представить площадью. Если процесс является замкнутым или круговым (так что газ или пар, сначала расширявшийся при бо́льших давлениях, затем подвергается сжатию при меньших давлениях, и поршень, сделав ход туда и обратно, возвращается к концу процесса в начальное положение), то полная Р., совершаемая газом или паром за время такого процесса (*ABCDA* на рис. 7), представится площадью той замкнутой кривой, которая

[1]) *Можно иначе найти этот результат, строя график, аналогичный рис. 2. Зависимость силы P от пути λ изобразится в данном случае прямою, проходящею через начало координатных осей; ее Р. представится площадью прямоугольного треугольника, у которого один катет—окончательное удлинение λ, а другой—окончательное значение силы P.*

изображает процесс (потому что из Р. расширения $EABCF$ нужно вычесть Р. сжатия $CDAEF$). Подобными „диаграммами“ весьма часто пользуются при рассмотрении Р. тепловых двигателей (см. *двигатели внутреннего сгорания*, XVIII, прилож.; *паровые машины*, XXXI, 276/80; *индикатор*, XXI, 616).

Формула Р. $\int_{v_1}^{v_2} pdv$ и ее графическое представление остаются верными и тогда, если тело, подвергающееся расширению или сжатию, не заключено в цилиндр, а ограничено произвольной поверхностью (лишь бы только давление p было одинаково во всех точках этой поверхности). Этим об-

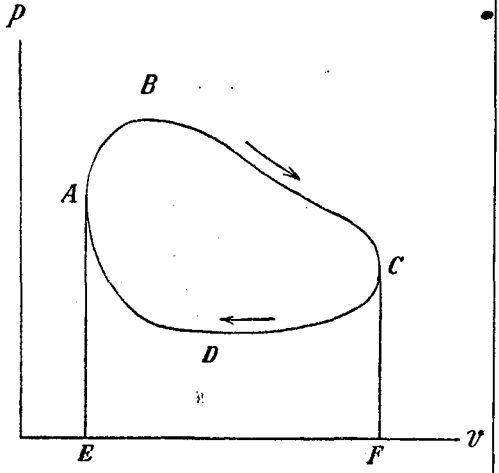


Рис. 7.

условливается обширное применение указанной формулы и ее графика в термодинамике.

5) Р. сил поверхностного натяжения. Предыдущие рассуждения могут быть применены и к жидким телам: расширяясь под действием внешнего давления, жидкость производит Р.; сжимаясь, она „поглощает“ Р. Но у жидкостей производством или поглощением Р. сопровождаются не только изменения объема, но также изменения величины поверхности: чтобы поверхность жидкости увеличивалась, внешние силы должны совершить некоторую Р.; наоборот, уменьшая свою поверхность, жидкость производит Р. На рис. 8 изображена проволочная рамочка $ABCD$ с одной подвижною стороною AD, затянутая пленкой из мыльного раствора; пленка, стремясь сократиться, тянет проволочку AD с некоторой силой F кверху; эту тягу можно уравновесить, приложив к проволочке AD силу F по направлению книзу. Если эта сила F получит бесконечно-малое приращение, проволочка AD будет двигаться вниз, поверхность пленки будет увеличиваться. Пусть AD переместилась вниз на расстояние a, так что поверхность жидкой пленки увеличилась на $2AD.\ a$ (множитель 2 появляется потому, что пленка имеет две стороны—переднюю и заднюю); при этом внешняя сила F совершит Р., равную Fa; эта Р. идет на приращение „поверхностной энергии“ жидкости [1]).

Для данной жидкости при данной температуре сила F, прилагаемая к данному участку AD проволочки, является величиной совершенно определенной (что касается AB и a, то они могут меняться). Таким образом, имеется пропорциональность между приращением поверхности жидкости и затрачиваемой Р.; эта пропорциональность выражается равенством $2AD\ .\ a\alpha = Fa$, где $\alpha = \frac{F}{2AD}$ есть коэффициент пропорциональности, называемый поверхностным натяжением (см. *жидкости*, XX, 283). Силы, с которыми пленка стремится сократиться, называются силами поверхностного натяжения.

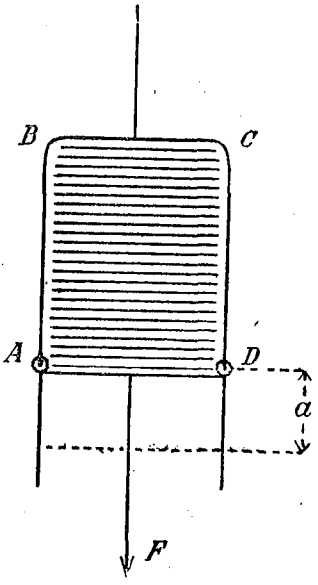


Рис. 8.

6) Р. электрических сил. Под действием электрических сил положительное электричество стремится переходить от высшего потенциала (см. *электричество*) к низшему, а отрицательное — от низшего к высшему. Если такой переход совершается в действительности, то электрические силы совершают Р., равную произве-

[1]) Однако, из этого не следует, что приращение поверхностной энергии равно Р., затраченной извне. Дело в том, что растягиваемая пленка охлаждалась бы, если бы к ней не притекала теплота из окружающей среды; при условии же изотермичности процесса, поглощаемое пленкой тепло также пойдет на увеличение поверхностной энергии.

дению q (V_1—V_2) перемещающегося заряда q на разность электрических потенциалов в начале и в конце пути[1]).

Измерение Р. двигателей производится на практике с помощью динамометров (*см.* XVIII, 377); измерение электрической Р. — с помощью электрических счетчиков.

Мощность. Различные источники Р. (например, машины-двигатели) и приспособления, поглощающие Р. (например, электрические лампы), сравниваются друг с другом по их „мощности". Так называется Р., производимая (или потребляемая) в одну секунду. Об единицах мощности см. *единицы измерений*, XIX, прил. 5, 7, 8. *А. Бачинский.*

Работные дома, см. *призрение общественное*; *благотворительность*, VI, 17.

Работодательские организации, см. *рабочий класс.*

Работорговля, см. *похищение людей*, XXXIII, 165; *рабство.*

Рабочая кооперация, см. *Союз ССР*, XLI, 3 ч., 363/377 и сл.

Рабочая плата, см. *заработная плата.*

Рабочедельцы, *см.* XL, 574, и XLI, ч. 2, 7/10.

Рабочее движение, см. *рабочий класс.*

Рабочее законодательство, см. *рабочий класс.*

„Рабочее знамя", название нелегального с.-д. журнала конца 90-х гг. и группы, создавшейся вокруг этого журнала. В начале 1898 г., параллельно с подготовкой первого съезда Р.С.-Д.Р.П., инициатива которого исходила от группы киевских с.-д., издававших „Рабочую газету", стремление к объединению проявила и другая группа с.-д. Эта группа не была организационно связана с инициаторами I-го съезда и находилась в резкой оппозиции к уже намечавшемуся тогда „экономизму", самым ярким выразителем которого был выходивший в Петербурге с осени 1897 г. журнал „Рабочая мысль". Поэтому весной 1898 г. группа выступила самостоятельной, как „русская с.-д партия", выпустив нелегально в Белостоке № 1 журнала „Рабочее знамя", с ярко политической окраской. Летом того же года почти все члены группы были арестованы. Но оставшимся на свободе удалось позднее выпустить уже за границей еще 2 номера „Рабоч. знам.". Между тем в борьбе против широко развившегося „экономизма" в Петербурге в 1898—99 гг. образовалась новая с.-д. группа, выступившая против „Союза борьбы" как группа „Рабочее знамя". В состав этой группы входили в разное время: С. В. Андронов, М. Б. Смирнов, В. П. Ногин, А. Я. Сольц, С. О. Цедербаум (Ежов), Л. О. Цедербаум-Канцель и Б. В. Савинков. Ей удалось повести довольно энергичную пропаганду среди питерских рабочих, а также выпустить ряд брошюр и листков. В 1901 г. организация прекратила свое существование. Часть ее членов (Савинков, Татаров, впоследствии известный провокатор) примкнула к образовавшейся тогда партии с.-р., остальные слились с организацией „Искры". (*Ср.* XL, 574). *Б. Горев.*

Рабоче-крестьянская инспекция (*Рабкрин*), см. *Союз ССР*, XLI, ч. I, 278; прилож. 27^1, 28^1, 32^1.

Рабоче-мясной скот, см. *скотоводство*, 372/73 след.

Рабочие биржи, см. *биржи труда*; в СССР—см. *труд в СССР*, XLI—II.

Рабочие в сельском хозяйстве, см. *земледельческие рабочие* и *рабочий класс.*

Рабочие жилища, см. *жилищный вопрос*, XX, приложение; *строительное дело*, XLI — V ч., 100/25; *строительство рабочее.*

Рабочие клубы, см. XLI, 3 ч., 335/6.

Рабочие партии, см. *рабочий класс.*

Рабочие союзы, см. *рабочий класс.*

Рабочий вопрос, см. *рабочий класс.*

Рабочий день, см. *рабочий класс.*

Рабочий договор (*личный наем*), в силу которого один контрагент обязуется предоставить другому контрагенту (нанимателю) за определенное вознаграждение свой труд (см. *подряд*, XXXII, 436). В истории своего развития институт Р. д. пре-

---

[1]) Существует полная аналогия между электрической Р. и Р. в поле тяготения (см. выше). Но аналогия эта не полна: электрическая Р. выражается через q (V_1—V_2), тогда как Р. сил тяготения через m' (V_2—V_1); между обоими выражениями—различие в знаке. Это различие обусловлено тем, что весомые массы *притягиваются* друг к другу, между тем как одноименные электрические заряды *отталкивают* друг друга.

терпел ряд весьма существенных изменений. В римском праве область применения его была весьма ограничена. К нему прибегали лишь в сравнительно редких случаях: когда в распоряжении нанимателя не оказывалось достаточного количества бесплатной рабочей силы в лице рабов. Наем же работников умственного труда („либеральных профессий") формально рассматривался как договор поручения (*см.* XXXIII, 95) и в принципе считался безвозмездным (см. *гонорар*, XV, 427). Параллельно с развитием капитализма растет и социально-экономическое значение юридического института Р. д., который нередко обращается в формальный, узаконенный способ безудержной эксплоатации рабочих (см. *заработная плата*, XX, 538). Советское законодательство, уделяющее трудовым отношениям сугубое внимание, внесло в Р. д. элементы публично-правового характера и из системы гражданского права выделило его в специальный Код. зак. о труде (*см.* XLI, 345).

А. Винавер.

Рабочий класс (*Цикл статей*).

А. Исторический обзор. **I. Основные этапы в развитии рабочего класса.** *1. Введение. Параллелизм в развитии капиталистического общества и рабочего класса.* Р. к. появляется на исторической сцене одновременно с образованием капиталистических отношений. Вместе с возникновением и развитием капитализма зарождается и развивается и класс наемных рабочих. Это вытекает из самой природы Р. к., характернейшим признаком которого является разлучение производителя и средств производства.

„Процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда; это — процесс, превращающий, с одной стороны, общественные средства производства и существования в капитал, с другой стороны, непосредственных производителей — в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителей от средств производства. Он представляется „первоначальным", так как образует пред'историю капитала и соответствующего ему способа производства" (К. Маркс, „Капитал", I, гл. 24).

В „Коммунист. манифесте" Марксом и Энгельсом еще в 1848 г. было, поэтому, отмечено, что „в той же степени, в какой развивается буржуазия, т.-е. капитал, развивается пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, и которые находят работу только до тех пор, пока их труд увеличивает капитал".

Этот полный параллелизм в развитии капитализма и Р. к. в свою очередь обусловливает соответствие в этапах развития капиталистического общества и самого пролетариата. Как положение наемного труда (заработная плата, продолжительность рабочего дня, условия труда на предприятиях, правовое положение рабочего), так и формы рабочего движения, его характер и роль в классовых отношениях оказываются на протяжении всей истории Р. к. различными, в прямой зависимости от состояния народного хозяйства, его направления и формы, и вместе с тем и от классового строения общества. Экономика, в обстановке которой существует рабочий, предопределяет, другими словами, его организацию и его отношение к другим классам. А это, в свою очередь, приводит к образованию внутри самого Р. к. разнообразных слоев, характеризующихся различным материальным, общественно-политическим и даже правовым положением. Достаточно взять несколько примеров, чтобы убедиться в этом. Даже в условиях пролетарской диктатуры экономическое положение отдельных групп Р. к. неодинаково. Внутри класса все еще наблюдается дифференцированность, которая, правда, находит значительный противовес в политике заработной платы профессиональных союзов СССР (подтягивание отстающих отраслей промышленности с VI Всесоюзного съезда, подтягивание отсталых групп внутри предприятия с VII съезда), но все же достаточно значительна. Так, по данным ВЦСПС, распределение работников промышлен-

ности по размерам заработков в марте 1926 и 1927 гг. было след.:

	1926 г.	1927 г.
Число работников, вошедших в подсчет, в тыс.	787,7	800,6
Средний месячный заработок в черв. руб.	58,64	66,0
В том числе получали в процентах к итогу:		
до 0,5 средн. заработка . . .	15,0	12,8
от 0,5 до 1 заработка	43,7	44,9
„ 1 „ 1,5 „	24,6	26,6
„ 1,5 „ 2 „	9,8	9,5
„ 2 „ 2,5 „	3,9	3,3
свыше 2,5 „	3,0	2,9

Другими словами, хотя и наблюдается некоторое снижение пропорции рабочих на полюсах, и число получающих наименьшую плату, равно как и число получающих много больше средней заработной платы, уменьшается,—тем не менее неоднородность рабочей массы бесспорна. Внутри самого Р. к. мы имеем различные группы по их обеспеченности.

Еще более значительна дифференциация в условиях капиталистических. Можно сказать, что в периоды расцвета промышленности процесс дифференциации значительно усиливается, а в периоды депрессии—ослабляется. Падение реальных заработков всегда значительнее для высококвалифицированных групп, и потому в периоды снижения заработной платы обычна картина ослабления и дифференциации. Чрезвычайно в этом отношении показательны данные об изменении фактических заработков квалифицированных и неквалифицированных рабочих в Англии между 1914 и 1924 гг. По данным „Labour Research Department“ (см. „Monthly Circular“ от июля 1925 г., стр. 139), заработки составляли (см. столб. 364).

	В 1914 г.		В 1924 г.		% роста
	ш.	п.	ш.	п.	
Для каменщиков . .	40	7	73	4	81
„ чернорабочих строителей	27	—	55	5	105
Для монтеров	38	11	56	6	45
„ чернорабочих машиностроителей .	22	10	40	2	76
Для корабельных плотников	41	4	55	7	35
„ чернорабочих в судостроении	22	10	38	5	68
Для наборщиков . . .	35	8	73	9	107
„ переплетчиков .	33	11	73	4	117
„ машинистов . . .	—	—	—	—	80
„ жел.-дор. носильщиков	18	—	45	—	150

Но, как правило, мы находим в капиталистических условиях нашего времени наличность совершенно определенного разделения самого Р. к. на группы, различные по своей обеспеченности.

В связи же с этой дифференцированностью в самом Р. к. по степени обеспеченности, в каждый данный исторический момент мы наблюдаем различие и в общественно-политическом положении рабочих, что создает качественные отличия внутри пролетариата. Процесс роста Р. к., поэтому, является процессом изменения как в материальном положении всей рабочей массы и ее отдельных групп, так и в формах ее организации и в характере проводимой ее объединениями классовой борьбы. Отсюда вытекает огромное значение статики и динамики заработной платы, рабочего бюджета, продолжительности рабочего времени, социального страхования, изменений в строении и методах работы профессиональных союзов и политических рабочих организаций для реконструкции истории пролетариата. Ибо из всех этих элементов складываются те огромные качественные изменения, какие на всем протяжении своей истории Р. к. пережил в прямой зависимости от общих условий найма рабочей силы, создаваемых на различных этапах развития капиталистического общества переменами в строении народного хозяйства и в характере классовых отношений.

В самом деле, если взять только самые основные качественные перемены в Р. к. за всю длительную историю наемного труда, то сразу бросается в глаза принципиальное отличие работника по найму эпохи торгового капитала, являвшегося „человеком с инструментом“, все еще самостоятельно сам для себя устанавливавшего темп своей работы, от работ-

ника по найму эпохи промышленного капитализма, от „человека при машине“, темп работы которого стал всецело определяться темпом, в каком пущена машина. Между двумя этими типами рабочих нет почти ничего общего, кроме того основного, что составляет вообще отличительную особенность наемного труда, а именно: отлучения непосредственного производителя от средств производства, зависимости наемного работника от продажи своей рабочей силы, как единственного источника средств к существованию, и вытекающей отсюда противоположности его интересов, интересов продавца рабочей силы—интересам хозяина-покупателя этой силы.

Равным образом, огромно различие, отделяющее работника по найму в Англии тридцатых-сороковых годов, когда основная масса Р. к., жестоко эксплоатируемая владельцами первых капиталистических предприятий, состояла преимущественно из неквалифицированных или малоквалифицированных „рабочих рук“, от работника по найму в той же Англии в семидесятые-девяностые годы XIX в., превратившегося в узкого специалиста высокой, относительно, квалификации. Здесь разница огромна и по степени организации, и по уровню культурности, и по политическим стремлениям.

Наконец, нельзя упускать из виду и образование в конце XIX в. типа рабочего аристократа, живущего частично за счет колониальных сверхприбылей или дифференциальной прибыли империалистического капитала. Своеобразие данного типа рабочего и причины, вызвавшие его появление на исторической арене в эпоху империализма, Ленин сжато, но чрезвычайно выпукло охарактеризовал в предисловии к франц. изд. „Империализма, как последнего этапа капитализма“. Мы читаем здесь:

„...Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше.

„Понятно, что из такой гигантской сверхприбыли... можно подкупать рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ее и подкупают капиталисты „передовых“ стран, подкупают тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых.

„Этот слой обуржуазившихся рабочих, или „рабочей аристократии“, вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная социальная (не военная) опора буржуазии... В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону „версальцев“ против „коммунаров“ (том XVII, стр. 248, 249).

Т. обр., и в эпоху империализма мы получаем различия внутри самого Р. к.

Попытка осветить эти различия необходимо и неизбежно приводит к анализу той экономики, в обстановке которой и под непосредственным влиянием которой складывается тот или иной всеобщий или частный тип рабочего. Только представив себе конкретно картину дифференциации внутри Р. к. по уровню материальной обеспеченности, по общественно-политическому и правовому положению и те качественные изменения, какие пролетариат претерпевает в процессе своего роста, под влиянием изменений в экономике капиталистического общества, мы будем иметь основной материал по истории Р. к.

Совершенно очевидно, таким обр., что исторические пути, которыми идет развитие Р. к., являются теми же путями, по которым развивается и капиталист. общество в целом.

Три этапа в развитии капиталистического общества и Р. к. Вряд ли нужно доказывать, что история капиталист. общества, при всем многообразии и своеобразии ее проявлений в отдельных капитал. странах, укладывается в хронологические грани трех основных эпох—именно, распадается на эпоху так назыв. „первоначального накопления“, составляющую, по красочному выражению Маркса, „пред'историю капитала“, на эпоху промышленного капитализма и на эпоху империализма.

Каждой из этих эпох свойственны совершенно своеобразные черты и особенности. Разумеется, конкретный материал, характеризующий прохождение капиталист. обществом данных исторических этапов в той или иной из стран Европы или за пределами европейского материка, отличается значительными индивидуальными особенностями. Процесс распада феодальных отношений в Англии, Франции, Гер-

мании или России отличается, в каждом отдельном случае, не только длительностью, но и характером. Спорен, напр., вопрос, переживала ли Франция такую же промышленную революцию в конце XVIII в., через какую прошла в этот период Англия. Спорен и вопрос, возможно ли проводить без оговорок параллель между процессом распада сеньоральных отношений на западе и распадом крепостнических отношений на востоке Европы. Конкретные картины экономического развития каждой из стран содержат в себе неповторяющиеся черты и особенности. Тем не менее — совершенно бесспорно то, что история экономического, а следовательно и политического, быта всех капиталистических стран проходит три основных этапа.

Соответственно с этим, и Р. к. проходит в своем историческом развитии три основных этапа — этап возникновения института наемного труда или пред'истории пролетариата, этап оформления промышленного пролетариата в эпоху промышленного капитализма и, наконец, этап международной организации Р. к. в эпоху империализма.

В настоящей статье, являющейся вводной ко всему циклу, мы попытаемся дать абрис истории Р. к. на двух первых этапах. Последний этап особенно отчетливо определился в эпоху четырехлетней войны, обострившей внутренние противоречия империализма и в соответствии с этим вызвавшей аналогичное обострение противоречий в рабочем движении. Рабочему движению в эпоху империалистической войны посвящена особая статья (*см.* XLVI, 456/531). Характеристика же положения Р. к. и рабочего движения в послевоенный период дается в настоящем томе. В нашем очерке мы будем главным образом останавливаться на истории Р. к. в Англии, так как в ней капитализм получил наиболее последовательное, полное и законченное развитие.

2. Пред'история Р. к. Подмастерье, как переходная ступень к институту наемного труда. Эпоха торгового капитала является пред'историей капитализма и вместе с тем пред'историей Р. к.

Прежде всего, она характеризуется отслоением обрабатывающей промышленности от сельского хозяйства; после того, как торговля получает некоторое развитие, возникает ремесло, как постоянное, пожизненное занятие для определенных групп населения. На почве этого отслоения вырастает и специальная организация ремесла, гильдия или цех, имеющая двойственный характер классового объединения новой общественной формации и хозяйственной организации. Цех образовывается и крепнет лишь тогда, когда интересы ремесленников сталкиваются с интересами торговых посредников и требуют для своей защиты особой организации, замкнутой по своему характеру и обладающей монополией на определенную отрасль промышленности. Начало цехов относится к XII и XIII вв. (*см.* VIII, 440 и след.). Фанье таким образом характеризует цех: „Прежде всего это — ассоциация ремесленников, занятых определенным производством на основе определенной привилегии и ими же самими установленных правил. Ремесленник, принудительно принадлежащий к корпорации, с начала и до конца своего пребывания в ней подчинялся корпоративной дисциплине“[1]).

Но подобная организация уже сама по себе является отрицанием недифференцированных отношений феодализма.

Обычное представление, что организованная в цех обрабатывающая промышленность строится так, что внутри нее совершенно нет никаких следов наемного труда, не соответствует картине развития цеха. Организация ремесла (период XII—XIV вв.) представляла собою чрезвычайно последовательно проводившуюся в статутах и регламентах иерархию, в которой отдельные части на первый взгляд плотно друг к другу пригнаны, а на деле представляли собою обособленные и, что особенно важно, обособливавшиеся все более и более социальные категории.

Цеховая иерархия предусматривала внутри цеха сначала, как известно, лишь две ступени. Первая, низшая

[1]) Gustave Fagniez, „Etudes sur l'Industrie et les classes industrielles à Paris au XIII et XIV siècles“, стр. 55.

ступень занималась учеником, проходящим курс обучения ремеслу. Ученичество представляло собою, однако, несколько иное явление, чем простое изучение техники данного производства. Цех был монополией. Вступить в него могли поэтому лишь лица, имевшие на то право — наследственное (для „детей мастеров“ [1]) или благоприобретенное. В последнем случае за учение взималась высокая плата. Кроме того, из монопольного же характера цеха вытекало и ограничение доступа в цех путем регулирования числа учеников. Из 78 цехов, зарегистрированных в „Книге ремесл“ Парижа в конце XIII в., в 49 число учеников было ограничено 1—3, и лишь в 29 мастеру предоставлялась полная свобода в приеме учеников. Но и от этих последних уставы или статуты цехов требовали определенных условий. Так, мастер должен был быть совершеннолетним или свободным от опеки (ср. статут позолотников, запрещающий сыну, живущему с отцом, принимать учеников), обладать жилищем, должен был быть достаточно состоятельным, чтобы содержать ученика, и достаточно способным, чтобы правильно научить его ремеслу. Он же обязан был следить и за нравственностью ученика. Этим, разумеется, ограничивалась возможность принимать в учение большое количество учеников. Наконец, статутами устанавливались и сроки ученичества — обычно около 6 лет, спускаясь до 3—2 и поднимаясь в отдельных цехах до 11 лет.

Следующую ступень занимал в цеховой иерархии мастер, полноправный член цеха. Эта двухступенчатость цеха сохраняется сравнительно долгое время. Фанье, напр., определенно указывает, что „в эпоху, которой мы заняты (именно XIII и XIV вв.), большинство корпораций еще не знало института подмастерьев [2]). Другой исследователь, Мартэн де Сен-Леон, устанавливает, что этот институт лишь позднее занимает прочное место в цеховой иерархии, хотя частично он появляется и в XIII в. [1]).

Но двухступенчатость цеховой иерархии исчезает под давлением торгового капитала. Уже с XIV—XV столетия эта иерархия становится трехступенчатой. Правда, появление промежуточной ступени — подмастерьев—как будто мало меняет природу внутрицеховых отношений. Первоначально, до XVI—XVII стол., переход от подмастерья к мастеру был вполне возможен. По представлении пробной работы особая комиссия из присяжных мастеров цеха признавала подмастерье заслуживающим звания мастера.

Эшли указывает, анализируя роль подмастерья в цехе, что „некоторое время „слуга“ был скорее подчиненным товарищем или помощником мастера, нежели его наемником; размер его вознаграждения, как видно из многих ордонансов и статутов, составлял более половины вознаграждения самого мастера; ему платил при этом часто не мастер, а лицо, нанявшее их обоих“ [2]).

Однако, зарождение с середины XIV столетия института подмастерьев в цеховой иерархии, внося весьма существенные перемены в самый цех, являлось результатом действия таких сил, которые не могли не создавать в цехе внутренних противоречий; введение стажа подмастерья для кандидата в мастера было прямым выражением этих противоречий. В самом деле, тот самый фактор, который вызывает появление ремесла как обособленной отрасли хозяйственной деятельности и приводит к созданию ремесленных цехов — именно денежное хозяйство и его развитие,— вызывает значительные изменения и внутри ремесленного строя.

Прежде всего, рынки, начиная с XIV в., неизменно расширяются. Особенно повлияли на развитие и расширение рынков открытие Америки и другие великие географические открытия в конце XV в. Они расширили

[1]) В некоторых случаях дети мастеров принимались в цех без предварительного прохождения стажа ученичества. Таково было положение в XIV в. у мясников св. Женевьевы, у поваров Парижа, у оловянных посудников Парижа и др.

[2]) Фанье, цит. соч., стр. 94.

[1]) „Фактически, только с XIV века кандидат на звание мастера должен был пройти еще одну новую ступень — компаньонажа“ („Histoire des Corporations de Métiers“, par Etienne Martin de Saint-Leon, Париж, 1897, стр. 67.

[2]) Ashley, „An introduction to english economic history and theory“, Part II, 1893, p. 101; русск. пер. „Экономическая история Англии“, М. 1897, стр. 363.

почти на всем земном шаре процесс товарного обращения. Во второй половине XVI в., напр., под влиянием открытия Америки и путей в Индию, в результате путешествий Чанслера в Архангельск и др., в Англии возникает ряд новых крупных торговых компаний. В 1554 г. образуется московская компания, в 1558 г.— компания купцов из Эксетера, в 1571 г.— такая же компания купцов из Бристоля, в 1579 г.— восточная компания для торговли на Балтийском побережьи, в 1581 г.— турецкая компания, в 1585 г.— варварийская компания, в 1588 г.— гвинейская компания, наконец в 1600 г. возникает историческая ост-индская компания, подчинившая себе в конце концов почти всю Индию и сохранившаяся до середины XIX в. Этого перечня, который далеко не полон, достаточно, чтобы судить о размахе мировых торговых операций Англии, превращающейся с XVI в. в международного торгового посредника. Как известно, не одна Англия развивала подобным образом свою внешнюю торговлю. Франция и Испания, Нидерланды и Португалия и ряд других стран точно так же активно выступают с XV—XVI вв. на ставшем уже мировым рынке.

Какое впечатление могло оказать такое развитие товарных отношений на внутрицеховые отношения? Такой исследователь истории цеха и истории наемного труда, как Фанье [1]), отмечает, что в XII—XIV вв. из 78 цехов Парижа лишь в одном переход на звание мастера был обеспечен через ступеньку подмастерья. Только в одном цехе требовалось проработать год в роли подмастерья, чтобы получить звание мастера, во всех остальных 77 цехах вовсе не надо было служить за заработную плату в роли подмастерья целые годы для того, чтобы получить право на звание мастера. Когда кончалось долгое, обычно, ученичество, ученик XIII—XIV вв. непосредственно получал звание мастера. Но уже в XV—XVI стол. мы находим резкое изменение положения внутри цеха. Мы находим, что институт подмастерьев из случайного, незначительно распространенного, охватывающего собой лишь отдельные, наиболее крупные ремесленные предприятия и цехи, становится всеобщим институтом, наблюдающимся всюду. Уже нельзя было стать мастером, если предварительно ученик, закончивший учение, не проходил известного промежуточного стажа работы по найму в качестве подмастерья. В этом образовании промежуточной ступени заключался первый результат роста и развития торгового капитала, сказавшийся во внутрицеховых отношениях. Ученик перестал сразу переходить на ступень мастера, он был уже вынужден пройти и ступень подмастерья.

Из двухступенчатой организации цеха получилась трехступенчатая иерархия, которая начинает очень строго соблюдаться. Каков был смысл этой трехступенчатости? Прежде всего, развитие торгового капитала укрепило внутри цеха те отдельные группы цеховых мастеров, которые располагали большей возможностью оперировать на широком рынке, располагали большим оборотным капиталом, нуждались в дополнительной рабочей силе и стремились уменьшить конкуренцию. Для того, чтобы обеспечить мастера от конкуренции новых мастеров, цехами были приняты соответствующие меры. Каждый ученик получал больший дополнительный период ученичества: он должен был быть подмастерьем на год, на два и даже на три. „Напомним, говорит, напр., Этьен Мартэн де Сен-Леон — положения „Книги Цехов“ о мастере. Чтобы быть принятым в цех в качестве мастера, достаточно было пройти ученичество, длительность которого колебалась обычно от 3 до 5 лет. Только в XIV в. к этому прибавляется требование работы в качестве подмастерья в течение 2 или 3 лет. Что касается расходов, то они ограничивались внесением определенной суммы мастеру за ученика при поступлении его и уплате от 5 до 20 сольди при „покупке ремесла“; кроме того, мастер обязан был уплатить несколько денье в братство мастеров. Все эти обязательства сохранились и в XVI веке.

[1]) Цит. соч., стр. 93—94.

Но как они были отягчены, и сколько новых издержек было прибавлено к прежним... Прежде всего кандидат должен был нести все возрастающие расходы по изготовлению шедевра. Затем нужно было устроить пир для жюри, рассматривавших шедевр, при чем приходилось приглашать на этот пир и главных мастеров; определенное число гостей являлось незванными, и новичек вынужден был угощать 50, 60 и даже 100 собутыльников. Эти пиры стоили весьма дорого и нередко целиком поглощали все сбережения кандидата в мастера. И это не было все; под предлогом обычая, мастера предъявляли еще кучу требований, отказаться от выполнения которых новичок не осмеливался. Документ Ламара, приведенный Левассером, дает представление о стоимости звания мастера. Согласно этому документу, в то время, как все издержки по ордонансам законно не превышали 36 ливров, подлинная сумма издержек... колебалась от 200 до 1.200 ливров, что составляло для того времени весьма значительную сумму. Это закрывало доступ к званию мастера огромному большинству подмастерьев или разоряло их с самого начала, заставляя их влезать в долги. Не менее значительной несправедливостью было освобождение от всех или от части этих издержек сыновей мастеров. Вся тяжесть этих издержек падала, таким образом, определенно на несостоятельного подмастерья, который не имел счастья наследовать своему отцу“ [1]).

Такого рода мероприятия имели два последствия. С одной стороны, это ослабляло приток в цех новых мастеров. С другой стороны, окончив свое ученичество, умелый рабочий не имел права и возможности стать самостоятельным мастером и часто был вынужден всю жизнь работать на положении подмастерья за зараб. плату, оказываясь подсобной рабочей силой для более крупного мастера.

Образование наемного труда в цехе. Но таков был только первый результат расширения торговых операций в XV—XVI вв. За ним последовал и другой. Углубление торговых операций, дальнейшее их развитие, охват ими отдельных уголков производства и народного хозяйства в целом приводили, сверх отмеченной трехступенчатости цеховой иерархии, к тому, что в рамках цеха цеховому мастеру, имеющему достаточный запасный капитал, становилось тесно; настолько ему становилось тесно, что еще с XV и в особенности в XVI в. среди мастеров-суконщиков проявляется сильная тенденция уходить из-под цеховой опеки и правил городской общины в деревни, где не так сильно чувствовалась строгая цеховая и муниципальная регламентация и где можно было в гораздо большем соответствии с условиями торговли проводить работу по организации своих предприятий. В этом отношении действовал еще один значительный фактор, который вызывал такого рода стремление к увеличению числа работников, занятых в одном месте. Это—почти беспрерывные войны войны между Францией и Англией войны на всем европейском континенте. Эти войны, *массовыми* заказами правительств для нужд вооружения своих армий, оказали необычайно сильное влияние на производственные отношения. Зомбарт приводит ряд ярких фактов, иллюстрирующих это влияние массовых военных заказов на состояние и характер промышленности того периода.

В области цехового производства из этого роста спроса на массу товаров вытекает наблюдающееся уже в XV в. стремление мастеров набрать как можно больше рабочей силы. Именно в этот период возникает совершенно новый институт: трехступенчатая иерархия становится четырехступенчатой. На ряду с учеником — этой основной, главной категорией цеха — и мастером, другой, также основной, главной категорией цеха, а равно и с промежуточной категорией — подмастерьем, будущим самостоятельным мастером — появляется четвертая: это — вольно-наемный рабочий. Его называют „валетом“, йоменом (yeomen), „услужающим человеком“, „поденщиком“ (journeyman), „слугой“, „кнехтом“(на-

[1]) Э. Мартэн де Сен-Леон, цит. соч., стр. 237—238.

емником), — но независимо от различия в названии он представляет собою *наемного рабочего* и появляется в XIV и XV столетиях. В самом деле: „Число валетов — отмечает Мартэн де Сен-Леон — не было, обычно, ограниченным... Рабочий считался знающим ремесло и работающим у мастера не столько для обучения, сколько для извлечения выгоды из уже приобретенного знания... Рабочий не жил у своего мастера... Договор о найме был срочным".

В связи с этим появлением уже строго наемного рабочего, и положение подмастерья в цехе становится еще менее твердым, еще менее „органическим". В самом деле, класс подмастерьев вырос в солидную прослойку в цехе, потому что торговый капитал создавал большую потребность в квалифицированной рабочей силе, не имеющей такого положения, каким обладал цеховой мастер. В положении подмастерья в ремесленном цехе было очень много особенностей, позволявших проводить параллель между положением этого подмастерья и положением наемного рабочего. Так. обр., имеется некоторая предпосылка для того, чтобы и подмастерье стал чувствовать известную противоположность своих интересов интересам мастера. Это устанавливается в XVII в., когда влияние торгового капитала углубляется в цехе, когда „торгаш",— как документы и жалобы того времени презрительно называют торговцев, отдельных одиночек и группы ремесленников, работающих не на скупщиков, а на открытый рынок,— когда торгаш настолько крепко входит в цех, что мастера-не торгаша превращает в своего поставщика, ставит почти в положение подмастерьев, и уже начинает образовываться подлинный наемный труд. Напр., в 1667 г. в лионской промышленности торговцы шелковыми изделиями были приняты в состав ткацкого цеха и этим добились равноправия с мастерами, производившими шелковые материи, бархат, парчу и т. п. Однако, этим скупщики не удовлетворялись: в тот же статут 1667 г. были внесены постановления, которыми мастера-производители низводились на степень подмастерьев и совершенно отдавались во власть мастеров-скупщиков. Как и подмастерья, они лишались права отказываться от работы на скупщика, не предупредив его об этом месяцем раньше, не окончив начатой работы и не возвратив полученного задатка. Последнее мог сделать за мастера, в случае его несостоятельности, новый скупщик, который ему давал заказы. Но если сумма была значительна, трудно было найти скупщика, который согласился бы на это, и мастер-кустарь *рисковал остаться* в течение продолжительного времени без работы. Выбирая из двух зол меньшее, он продолжал работать на этого же скупщика даже на невыгодных для себя условиях. Тот же статут содержал следующее постановление: мастер, который дает работу другому мастеру, подвергается штрафу в 60 ливров, если он не удостоверился в том, остался *ли* этим мастером доволен тот, на которого он раньше работал. Таким образом,—жаловались мастера,— мастер никогда не может рассчитывать получить заработок, если он не сумеет покорностью и низкопоклонничеством добиться милости у своего хозяина.

Совершенно определенно, что такое превращение мастера в купца продвигало подмастерья на шаг ближе к положению пролетария. Мы видели, что появляется пролетарский элемент в виде валетов, поденщиков, услужающих людей и т. п. И сам мастер в условиях, какие складывались под влиянием торгового капитала, часто подлежал угрозе превращения не только в зависимого поставщика, но и в подлинного наемного рабочего, в пролетария. Фанье отмечает, что „порой патрон-хозяин, либо добровольно, либо вследствие скверного оборота его дел, становился простым рабочим и уже работал на своих сотоварищей по ремеслу". Эта жизнь в обществе равных, эта легкость, с которой рабочие и хозяева переходили из *одной группировки в другую*, мешали зарождению систематического антагонизма, который их разделяет в настоящее время. Конечно, рабочие вовсе не переставали от этого иметь совершенно отдельные интересы и образовы-

вать совершенно независимый класс. Их отношения с хозяевами иногда даже давали место резким конфликтам. Так. обр., еще в недрах цехового строя под влиянием торгового капитала,— благодаря развитию процесса товарного обращения, требующего все большего и большего количества оборотного капитала, создававшего все больший и больший спрос на продукты,—возникла новая тенденция внутри цеха, заключавшаяся в пролетаризации средней ступеньки цеха — подмастерьев — и вклинивании в цех совершенно пролетарского элемента, наемных рабочих типа валетов, услужающих людей и поденщиков, и частично пролетаризировавшая самого мастера, не обладавшего достаточным капиталом.

Таковы особенности этого периода. Эти особенности делают данный период периодом зарождения института наемного труда.

Аграрная революция XVI в. в Англии. Эволюция ремесленного строя, начинающаяся еще с XV в., приводит к появлению института наемного труда, создает противоречия интересов работника и хозяина, но еще не вызывает резкого расхождения в экономическом положении противоположных классов, хотя уже становится источником социальных конфликтов.

Ряд производств, как уже было отмечено, организуется еще в XV — XVI вв. не в городах, где цеховой строй был еще крепок и где порядок найма учеников и порядок перехода с одной иерархической ступеньки на другую ограничивали владельца средств производства, а в деревне, за пределами компетенции цехов и муниципальных властей. Такова, напр., шерстяная промышленность в Англии, которая в XV—XVII вв. все больше и больше переносится в сельские местности и строится отнюдь не по цеховым правилам, а как уже чисто капиталистическая промышленность. Миграцию центров производства мы наблюдаем и в незнавшей цехового строя железоделательной промышленности, но немного позднее (XVII в.), в Англии. Что касается Франции, то здесь мы можем констатировать подобное же возникновение капиталистических предприятий в XVI—XVIII вв.

Рабочую силу капиталист находил в сельских округах среди обезземеленного или малоземельного крестьянства. Эти крестьяне в шерстяной промышленности являлись уже типичными работниками-квартирниками, работающими на дому за определенную плату. Уже к середине XV ст. *домашняя система* промышленности широко развивается в Англии—и в деревне и в городе. И столь же рано начинается самая безудержная эксплоатация этих безответных кустарей, не защищаемых цеховыми регламентами, всех этих „прядильщиков, чесальщиков, ткачей, валяльщиков, красильщиков, стригальщиков", как их перечисляет один стихотворный памфлет того времени. „Вы знаете, говорит памфлетист, как много горя выносит бедный нуждающийся народ, как его притесняют во всем, во всем... Плату убавляют, а шерсти прибавляют и таким образом присвоивают себе труд прядильщиков и чесальщиков" [1]). При этом, указывает памфлетист, расплачиваются с ними часто не деньгами, а всякими ненужными товарами. И действительно, уже в 1464 г. приходится издать специальный закон против такой расплаты с кустарями—против truck-system—и запретить мошеннические надбавки шерсти при сдаче ее в переработку. Среди тех же малоземельных и обезземеленных крестьян, среди мастеров-самоучек и городских недоучек набирались работники и для возникающей *мануфактуры*. Суконщики скупают целые поместья, разводят собственных овец, устраивают мастерские для выделки сукна; эти сельские мануфактуры быстро расцветают, оттесняют городскую цеховую промышленность и ведут к обеднению и обезлюдению городов. Законодательные акты всего XVI ст. переполнены жалобами на этот упадок городов, вызываемый развитием вне-цеховой сельской мануфактуры (*см.* VIII, 567/90).

Помимо промышленного пролетариата, создавшегося трансформацией цехов, развитием домашней промыш-

[1]) „Political Poems", ed. by Th. Wright, v. II, p 285

ленности и нарождением капиталистической мануфактуры, были еще значительные кадры рабочих, никогда в цехи не входивших,—чернорабочие, рабочие транспорта, мастера простейших, преимущественно деревенских ремесл — все те „бедные рабочие, возчики, кузнецы, плотники, плужники", о которых Томас Мор в начале XVI ст. свидетельствует, что „по сравнению с их трудом и их жизнью положение рабочего и вьючного скота представится блаженством"[1]). К этому надо еще прибавить матросов торгового флота. Далее, издавна в Англии существовал очень многочисленный класс земледельческих наемных рабочих. Не только этих сельских батраков и поденщиков, но и чернорабочих города, рабочих портов, транспорта, кустарей домашней промышленности и рабочих мануфактуры поставляла деревня.

Каким образом в эпоху, о которой идет речь, могли образоваться эти кадры рабочих из крестьян? Ответ на этот вопрос дает процесс обезземеливания английского крестьянства, начавшийся еще в XVI в., под влиянием роста внешней торговли страны. Процесс личного раскрепощения крестьян в Англии закончился в XIV в. в результате развития денежного хозяйства. Но развитие торгового капитализма означало усиленное стремление землевладельцев к переходу от пахотного к пастбищному хозяйству, так как положение Англии особенно благоприятствовало расширению внешней торговли в XVI в. с Нидерландами, где в то время сосредоточивалась шерстяная промышленность. Прекращение ввоза шерсти из Англии во Фландрию вызывало безработицу почти половины населения фламандских городов. Цена шерсти возросла в XVI в. вдвое по сравнению с ценою ее в XV в. Это делало затрату капитала в сельском хозяйстве на производство шерсти наиболее выгодным занятием. Все возраставшее значение торговли шерстью с Фландрией, Данией, Францией и служило в XV—XVI вв. неизменно усиливавшимся стимулом к замене зернового хозяйства овцеводческим. Но препятствием к этому являлся характер земельных отношений и землепользования в Англии. Крестьяне (вилланы) имели право на свою землю на основе обычного права. Но земли их лежали чересполосно, отдельными акрами и полуакрами в нескольких полях, в перемежку с полосками соседей, иногда и вотчинника. Это вело к обязательному севообороту. Пастбища находились в общем пользовании всей деревни и лорда. Как землевладельцам-дворянам, стремившимся превратить свои земельные угодия в пастбища для дававших столь хорошие доходы овец, так и богатым крестьянам такая чересполосица была чрезвычайно нежелательна. Отсюда — стремление к укрупнению площади, к уничтожению чересполосицы, к консолидированию и огораживанию своих земель и к разверстанию общинных угодий. Этот процесс огораживания, вызвавший массовое обезземеление крестьянства, подробно рассмотрен в общем обзоре истории Англии (*см.* VIII, 527/49; *ср.* также XXI, 83/84), и мы поэтому здесь на нем не будем останавливаться.

Размеры огораживаний в XVI—XVII вв. все же были не столь уже значительны и не уничтожали в Англии крестьянства. Но в результате огораживаний и последовавшего обезземеливания части крестьян уже в XVI—XVII вв. образовались значительные резервы наемной рабочей силы. Для конца XVII стол. один из лучших знатоков тогдашней Англии, герольд и таксатор (составитель оценочных описей имений), много работавший по „политической арифметике",—Грегори Кинг, сделал, на основании ряда косвенных показателей, схематический подсчет численности различных слоев и классов английского народа, их годового дохода и расхода в 1688 г.[1]). Таблица настолько интересна, что приводим ее полностью (опускаем только общую сумму дохода для каждого класса). Под семьей в таблице разумеются все живущие в доме; следовательно,

[1]) „Th. More's Utopia", ed. by I. Ch. Collins, Clarend. Press, 1904, p. 139.

[1]) „Natural and political observations and conclusions upon the State and Conditions of England", 1696, by Gregory King, Esq. Lancaster H., p. 48—49, в прилож. к книге *George Chalmers*, „An Estimate of the comparative strength of Great Britain". A new edit. 1802.

Ранг, звание, титул и занятие	Семей	Всего душ	На семью душ	Годовой доход на семью Фун.	ш.	на душу Ф.	ш.	Расход на душу Ф.	ш.	Излишек на душу Ф.	ш.	п.	Всего тыс. ф. ст.
Светские лорды	160	6.400	40	2.800	—	70	—	60	—	10	—	—	64
Духовные лорды	26	520	20	1.300	—	65	—	55	—	10	—	—	5,2
Баронеты	800	12.800	16	880	—	55	—	51	—	4	—	—	51
Рыцари	600	7.800	13	650	—	50	—	46	—	4	—	—	31,2
Сквайры	3.000	30.000	10	450	—	45	—	42	—	3	—	—	90
Джентльмены	12.000	96.000	8	280	—	35	—	32	10	2	10	—	240
Должностн. лица высш.	5 000	40.000	8	240	—	30	—	27	—	3	—	—	120
Должностн. лица низш.	5.000	30.000	6	120	—	20	—	18	—	2	—	—	60
Купцы, вед. иностр. торг.	2.000	16.000	8	400	—	50	—	40	—	10	—	—	160
Купцы, вед. внутр. торг.	8.000	48.000	6	200	—	33	—	28	—	5	—	—	240
Юристы	10.000	70.000	7	140	—	20	—	17	—	3	—	—	210
Духовные лица высш.	2.000	12.000	6	60	—	10	—	9	—	1	—	—	12
„ „ низш.	8.000	40.000	5	45	—	9	—	8	—	1	—	—	40
Фригольдеры бол. бог.	40.000	280.000	7	84	—	12	—	11	—	1	—	—	280
„ мен. „	140.000	700.000	5	50	—	10	—	9	10	—	10	—	350
Фермеры	150.000	750.000	5	44	—	8	15	8	10	—	5	—	187
Лица свободн. проф.	16.000	80.000	5	60	—	12	—	11	10	1	10	—	40
Лавочники и мелк. торг.	40.000	180.000	4,5	45	—	10	—	9	10	—	10	—	90
Мастера и ремесленники	60.000	240.000	4	40	—	10	—	9	10	—	10	—	120
Офицеры флота	5 000	20.000	4	80	—	20	—	18	—	2	—	—	40
Офицеры сухопутн.	4.000	16.000	4	60	—	15	—	14	—	1	—	—	16
Итого приумножающих богатство государства	511.586	2.675 520	5,25	67	—	12	18	12	—	—	18	—	2.447,1
										Д е	ф	и ц	и т
Матросы	50.000	150.000	3	20	—	7	—	7	10	—	10	—	75
Рабочие люди и внедомашн. присл.	361.000	1.275.000	3,5	15	—	4	10	4	12	—	2	—	127,5
Коттеры и пауперы	400.000	1.300.000	3,25	6	10	2	—	2	5	—	5	—	325
Солдаты	35.000	70.000	2	14	—	7	—	7	10	—	10	—	35
Бродяги	—	30.000	—	—	—	2	—	3	—	1	—	—	60
Итого уменьшающих богатство государства	849 000	2.825.000	3,25	10	10	3	3	3	7,5	—	4	6	622
ВСЕГО	1.360 586	5.500.530	—	32	—	7	18	7	11,3	—	+5	9	+1.825

включается прислуга и у знати — вся дворня.

Таблица показывает, что ко времени „славной" революции буржуазия прочно укрепилась в седле, далеко обогнав поместное сословие по размерам своего „приумножения богатства". Landed interest должен был отступить пред money interest. Но по количеству занятых рук промышленность еще далеко не доминирует. Еще очень сильно самостоятельное крестьянство. Еще очень развито также ремесло, мануфактура оттеснила его, капитал подчинил его себе, но не убил. Однако, пролетариат, считая вместе городской и сельский (коттеров), составляет уже больше половины всего населения. „Две нации", о которых говорит Дизраели через полтораста лет, уже вполне вырисовываются в конце XVII в. И нация имущих настолько уже оправилась от прежних страхов перед левеллерством первой революции, что едкие сарказмы коммуниста Беллерса (*см.* XL, 416/17) парирует своей статистикой: не праздные, как уверяет коммунист, живут на счет трудящихся, а трудящиеся живут на счет праздных, на счет имущих; не они, трудящиеся, приумножают богатство государства, они уменьшают его, пополняют свой прожиточный минимум пособиями от приходских советов. Но тут же представитель имущих должен признать, что весь громадный для тогдашней Англии сельский пролетариат живет хуже бродяг, что земледельческий рабочий Англии в своей массе своим безмерно тяжелым трудом вырабатывает в полтора раза меньше, чем добывает нищий.

Положение наемного труда в эпоху торгового капитала. Уже одно это свидетельство Грегори Кинга, что в конце XVII стол. сельский рабочий по своему материальному положению стоял ниже бродяги, заставляет думать, что в условиях жизни английского наемного рабочего к этому времени произошло значительное ухудшение, ибо не мог же громаднейший слой населения в течение веков вырабатывать продажей своей рабочей силы менее самого крайнего физиологического минимума, необходимого для поддержания этой рабочей силы: он неизбежно вымирал бы. И действительно, классический труд Торольда Роджерса „История земледелия и цен", который Маркс по справедливости признал единственной научной работой по ранней истории Р. к. в Англии, в полной мере подтверждает ухудшение в положении наемного труда в XVII стол. по сравнению с более ранними эпохами. Роджерс изучил отчеты управляющих многочисленных поместий оксфордского университета и его отдельных колледжей с середины XIII стол. и извлек из них, в частности по истории заработной платы, богатейший материал, какого не имеет экономическая литература ни одной другой страны. Сам Роджерс доводит свое исследование до начала XVII стол. — до 1702 г.; уже после его смерти был издан 7-й том его монументального труда, заключающий статистический материал по XVIII в. — до 1793 г., менее, однако, богатый, чем для ранних периодов. Шведский экономист Густав Стеффен в своих „Этюдах по истории английских наемных рабочих" по данным Роджерса исчисляет, какая доля дневного заработка квалифицированного и простого рабочего требовалась для покрытия физиологического минимума существования рабочей семьи. Рабочую семью Стеффен, как принято в Англии, считает в составе мужа, жены и 3 или 4 детей. Физиологический минимум существования он исчисляет, на основании различных данных и научных исследований, при исключительно растительном режиме — в 0,01914 квартера пшеницы, при смешанной растительно-мясной пище — в 0,01436 квартера пшеницы плюс 1,5 англ. фунта мяса в день. Однако, сомнительно, можно ли принимать одинаковый состав рабочей семьи для ряда веков; исчисления физиологического минимума также представляют всегда много спорного, а по отношению к далеким векам — тем более. Поэтому, приводя далее сводку оплаты труда двух категорий рабочих — мастера-плотника и земледельческого рабочего, — мы ограничиваемся лишь переводом денежной платы на пшеницу, с самых далеких времен являвшуюся, по общему мне-

нию, поддерживаемому и Роджерсом, главным продовольствием преобладающей части рабочего населения Англии, на ряду с овсяным хлебом у наиболее бедных слоев населения (надо, однако, заметить, что Эшли в своем посмертном исследовании „The bread of our forefathers", Oxf., 1928—оспаривает это мнение и доказывает, что вплоть до XVIII ст. главным хлебом крестьянства и рабочих была рожь, а не пшеница). Для первого и третьего периодов с 1261 по 1350 и с 1583 по 1662 гг.—за недостаточностью данных о поденной заработной плате земледельческих рабочих, взята средняя плата подавальщика соломы при покрытии крыш — как представителя простого труда, для 1541 — 1582 гг.—подавальщика кирпича. Средние даны, как у Роджерса, по десятилетиям, и по эпохам, различаемым Стеффеном, средние выводятся по средним за десятилетия [1]).

Уата Тайлера (*см.*) до восстания Кета (*см.*), английский рабочий переживает эпоху сравнительного благополучия, свой „золотой век"; вторая половина XVI стол. показывает уже значительное понижение в реальной плате, что до известной степени может иметь свою причину в фальсификации монеты (1543—1552) и в обесценении серебра вследствие громадного прилива его из Америки (приблизительно с 1560 г.), вызвавших значительное повышение цен на главный предмет питания рабочего — на хлеб. Но во второй половине XVI стол. это вздорожание жизни в значительной мере покрывалось повышением денежной заработной платы. Подлинная революция цен, в особенности по отношению к пшенице, начинается с конца XVI стол. Денежная оплата труда повышается, но далеко не в такой мере, и эпоха с конца XVI стол. до 60-х годов XVII стол. является для английского Р. к. самой

	Денежная зараб. плата в день				Цена квартера пшеницы		Сколько пшеницы мог купить на дневной заработок (квартер.)	
	Плотника		Чернорабочего [1])					
	Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.	Плотник	Чернорабоч. [1])
1261—1350	—	3 1/8	—	1	5	9 1/4	0,0462	0,0151
1351—1540	—	5 1/2	—	4	6	8/8	0,0781	0,0561
1541—1592	—	10 3/8	—	7	15	10	0,0561	0,0371
1593—1662	—	14 1/14	—	9 1/2	41	3 1/14	0,0283	0,0211
1663—1672	—	18 1/8	—	12 1/4	35	8 8/4	0,0423	0,0286
1673—1682	—	21 1/2	—	13 1/8	42	2	0,0425	0,0260
1683—1692	—	22 1/8	—	14 1/4	34	5 1/2	0,0535	0,0345
1693—1702	—	25 3/8	—	13 1/2	43	2 3/4	0,0489	0,0260

Ухудшение в материальном положении наемного труда действительно констатируется,—ухудшение жестокое и затяжное. В течение двух веков, со времени моровой язвы и до 40-х годов XVI стол., точнее от восстания мрачной, самой бедственной в его истории. Естественно, при таком понижении реальной заработной платы заработок простых, неквалифицированных рабочих—сельских батраков и поденщиков—оказывается в течение все-

[1]) Gustaf Steffen, „Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter", I B., 1901, S. 118, 119, 121, 250, 254, 260, 365, 370, 374, 471, 472, 474.

[1]) За 1261—1350 и 1583—1662 гг.—подавальщика соломы, за 1541—1582 гг.—подавальщика кирпича, за остальные периоды—земледельческого рабочего.

го этого периода значительно ниже минимума, физиологически необходимого для поддержания жизни.

Положение дела было настолько тяжелым и уровень существования рабочих настолько снизился, что во времена Елизаветы было принято твердое решение о необходимости законодательного вмешательства в регулирование заработной платы. В противоположность законодательству XIV—XV стол., всемерно стремившемуся снизить заработную плату [1]), теперь закон должен был поставить своей задачей не давать оплате труда чрезмерно понижаться. Таково было провозглашенное намерение правительства и парламента. Это законодательство вылилось в форму предоставления мировым судьям права на своих четверть-годовых съездах устанавливать твердые ставки оплаты труда, руководствуясь, главным образом, ценами на хлеб. На протяжении всего периода действия закона, именно между 1533 г. и 1725 г., неизменно мировые судьи всегда устанавливали твердые ставки заработной платы в пропорции к ценам на средства существования.

Однако, удержать заработную плату от падения не удавалось никакими постановлениями мировых судей и магистратов. Так, напр., когда закон Елизаветы был издан, заработная плата для летнего периода была установлена съездом мировых судей в 6 и 7 пенсов в день при цене на зерно в 7 ш. 8 п. Уже через 60 лет, в 1593 г., новые ставки, установленные для зимнего и летнего времени, выразились в 7—8 п., но их рост далеко не соответствовал росту цен на зерно. Именно, цена квартера пшеницы обходилась в 18 ш. $4^1/_2$ п. Общая картина соотношения цен и устанавливавшихся судьями заработков может составиться из следующих данных (см. стлб. 388).

Но было ли подлинным намерением законодателя елизаветинской эпохи обеспечить „бедного батрака и наемного человека“? Или здесь играло роль

Годы	Расценки квалиф. рабочих		Цены на зерно за квартер
	Летние	Зимние	
1533	6 п.-7 п.	—	7 ш. 8 п.
1593	8 п.	7 п.	18 ш. $4^1/_2$ п.
1610	9 п.-10 п.—1 ш. 5 п.	8 „—1 ш. 2 „	40 ш. 4 п.
1661	1 „ 6 п.	1 „ 4 „	70 „ 6 „
1684	1 „ до 8 п.	11 п. до 7 п.	42 „ $1/_2$ „
1725	1 „ максимум	—	46 „ 1 „

стремление обеспечить известное количество дешевого труда за растущей промышленностью, которая чувствовала недостаток в квалифицированной рабочей силе? Изменение отношения к вопросу о заработной плате со стороны законодательства имеет весьма двусмысленный характер в обстановке начала XVII века. Даже у благожелательно к законодательству того времени настроенных авторов вводная часть закона вызывала несколько критическое отношение к истинным намерениям елизаветинского законодательства. Законодатель, говоря о своем желании притти на помощь „наемному человеку“, вместе с тем проводит линию не на то, чтобы установить минимум заработной платы, а на то, чтобы создать твердые фиксированные расценки, устанавливая и максимум и минимум заработной платы одновременно. При этом за нарушения расценок закон карает хозяина 10 днями тюрьмы и 3 ф. ст. штрафа, а рабочих — 21 днями тюрьмы. Заработная плата устанавливается мировыми судьями, а мировые судьи избираются землевладельцами из землевладельцев и богатых людей. Таким образом, регулирование заработной платы, долженствовавшее иметь своей задачей облегчить безмерно бедственное положение рабочих, было фактически отдано в руки работодательского класса, естественно заинтересованного не в повышении, а в понижении заработной платы. На ряду с этим восстанавливается старый закон времен восстания Кета, запрещающий всякие объединения рабочих.

[1]) Акты 23, 25, 31, 34, 36, 42 годов Эдуарда III; 2, 12, 13 гг. Ричарда II; 4, 7 гг. Генриха IV; 2, 4 гг. Генриха V; 2, 6, 8, 23 гг. Генриха VI; 11, 12 гг. Генриха VII; 4, 6, 7 гг. Генриха VIII.

(зак. 2—3 гг. Эдуарда VI). Запрещение это, под страхом строгого наказания, возобновляется при Карле II (1682/83) и сохраняет свою силу вплоть до 1824 г. Все это заставляет Роджерса, столь глубокого и объективного исследователя фактического положения Р. к., подвести такой общий итог всей эпохе от последней трети XVI стол. до первой четверти XIX века: „Я утверждаю, что с 1563 по 1824 г. в Англии существовал заговор, вызванный законом и проведенный в жизнь заинтересованными классами с целью отнять у рабочего его заработок, приковать его к земле, лишить всякой надежды и повергнуть в неизлечимую бедность... Слишком два с половиной века английские законы и их служители стремятся низвести рабочего до полуголодного существования, подавить в зародыше всякое действие и всякое выражение, указывающее на организованное недовольство, и давить его наказаниями, когда человек начинает вспоминать свои естественные права. Меня не могут ввести в заблуждение лицемерные фразы, обыкновенно служащие введением в законы: эти красивые слова всегда стоят в прямом противоречии с детальными постановлениями закона. Так, напр., в законе Елизаветы заявляется, что „заработная плата слишком низка и не соответствует условиям времени"; далее говорится о „нужде и обременении бедного рабочего и наемника"; между тем этот-то самый закон и понизил заработную плату работника и увеличил его нужду и обременение, потому что он-то и сделал тех, которые заинтересованы в том, чтобы держать работника в бедности, судьями его заработной платы; он-то и дал право требовать от рабочего свидетельство, написанное его прежними работодателями, приходскими попечителями и надзирателями за бедными, когда рабочий хотел поступить на новое место, оставляя прежнее" [1]).

Весьма резкое расхождение интересов продавцов и покупателей рабочей силы, все более и более становящееся характернейшей чертой производственных отношений, постепенно осознается наемными рабочими на протяжении XVI—XVII вв. И наличность такого противоречия не может не заставить и пролетаризирующегося подмастерья, в той же самой мере как и валета, услужающего человека и поденщика, образовавшихся к этому времени в качестве четвертой социальной группы в системе цеховых отношений,—стремиться к защите своих собственных интересов. Эта защита проводилась ими прежде всего в форме стачек. Уже в XIV веке отдельные мастера Лондона и других мест жалуются на то, что наемные рабочие, работающие у них, а равно и подмастерья, ведут себя дерзко и нагло и стремятся поднять свою заработную плату, уговаривая своих не работать на плохо платящих мастеров. Так, Веббы[1]) приводят следующие известные им примеры наиболее ранних эпизодов открытых столкновений между хозяевами и наемными рабочими:

„Уже в 1383 г. мы находим, что корпорация Сити Лондона вынуждена запретить „все сборища, тайные сговоры и заговоры рабочих". В 1387 г. „услужающие люди" лондонских сапожников, подняв беспорядки против „наблюдателей за промышленностью", проявляют стремление создать постоянное братство. Девять лет спустя „услужающие люди" седелочников, именуемые „свободными людьми", утверждают, что их братство существует „спокон веков" и имеет установленную форму и должным образом избранных руководителей. Хозяева, однако, заявили, что общество это существует всего лишь тринадцать лет и что его целью является повышение заработной платы. В 1417 г. „услужающим людям и поденщикам" портных в Лондоне запрещается жить отдельно от хозяев, так как-де они устраивают сходки и образовали нечто в роде ассоциации. И этого рода братства образовываются не только в Лондоне. В 1538 г. епископ острова Эли сообщает

[1]) „Six centuries of work and wages", 1884; цитируем по русск. пер., к сожалению, очень плохому: „История труда и заработной платы в Англии", 1899, стр. 328; см. также „Hist. of agricult. a. prices", v. 5, ch. 28 и предисловие к этому тому.

[1]) С. и Б. Вебб, „История тред-юнионизма". Русск. пер. 1922. Вып. 1, стр. 12.

Кромвелю, что 21 поденщик сапожного цеха в Висбехе собрались на холме за пределами города и послали троих своих представителей к мастерам с приглашением явиться для переговоров по вопросу о повышении заработной платы, угрожая в противном случае, что „никто не попадет в город для работы за заработную плату старого размера в течение периода в двенадцать месяцев и один день, без того, чтобы мы над ним не учинили членовредительства, если только он не примет такой же присяги, какую приняли мы".

Примерно такие же сведения имеются и о Франции. Филипп Лонг, автор XIV в., рассказывает, как в Руане в 1285 году ткачи этого города, недовольные условиями найма и в особенности приглашением рабочих со стороны, собрались скопом у предприятия по выработке суконных тканей, принадлежавшего некоему Даммету, и „пели скверные песни, неприлично жестикулировали и всячески по своей воле поносили, а равно чинили иные безобразия, коих даже нельзя перечислить, и нанесли указанному предприятию большой ущерб". Фанье отмечает, что „безработные рабочие собирались в твердо установленных местах для сговора о найме с хозяевами. Суконвалы, нанимавшиеся поденно, собирались перед притвором церкви св. Гервазия, работавшие же на основе годичного контракта—у Орлиного дома на улице Бодойе. Их заставляли являться на эти места поодиночке. Эти сборища рабочих не были безопасны. Они порождали беспорядки и по меньшей мере постоянные объединения рабочих. Поэтому государственная власть порой вынуждена была их прямо запрещать" [1]).

В силу же того, что по мере укрепления влияния торгового капитала в народном хозяйстве противоречия между продавцами и покупателями рабочей силы не ослаблялись, а заострялись от эпизодических стачек, „заговоров" и „сговоров", пролетаризирующиеся подмастерья и наемные рабочие вне-цеховых отраслей промышленности (печатное дело, мануфактуры, частично металлические производства) к XVII в. начинают создавать длительно существующие объединения.

Какого рода были эти организации?

„Один из наиболее ранних примеров доказанного длительного существования профессионального объединения,— говорят Веббы [1]),— доставляет объединение шляпочников (или фетровщиков), чей союз — ныне профессиональный союз рабочих шляпочников Великобритании и Ирландии — имеет право, быть может, вести свое летоисчисление с 1667 г.— того самого года, когда компания мастеров фетрового производства получила свою грамоту от короля Чарльза II. В течение нескольких месяцев рабочие различных мастерских Лондона, каждая из которых имела, повидимому, свою собственную организацию, напоминающую по своему строению „каплицу" печатников,— объединились для представления в суд старшин петиции против деяний мастеров и наблюдателей компании. Суд старшин решил, дабы поденщики с помощью объединения или иным произвольным способом не повышали чрезмерно оплаты своего труда, ежегодно вырабатывать и издавать в качестве законом утвержденного список сдельных расценок. Повидимому, поденщики приготовляли такой список совместно с предпринимателями и совместно же с ними мешали найму на работу „несвободных граждан". Так. обр. закрепляемые расценки не всегда, однако, удовлетворяли рабочих, особенно когда предпринимателям удавалось их понизить. И в 1696 г. нам становится известным, что к суду старшин отправляется делегация для заявлений, что рабочие решили не соглашаться на заработную плату меньшего размера, чем получавшаяся ими ранее, и что они требуют пересмотра списка сдельных расценок. Они, согласно заявлению предпринимателей, не ограничились мирными резолюциями, но попытались терроризировать несогласных, преследуя тех, кто соглашался работать по пониженным расценкам. „Они

[1]) См. Фанье, цит. соч., стр. 75-76.

[1]) Цит. соч., вып. 1, стр. 32-33.

подтолкнули учеников схватить работающего по пониженным расценкам во время работы, привязать его к тачке и самым шумным и бунтарским манером провезти его по всем важнейшим улицам Лондона и Саутворка". Вместе с тем указывалось, что рабочие сорганизовались в „клубы", которые „собрали различные суммы денег для поощрения и поддержки тех, кто покинет службу у своих хозяев". В 1697 г. предприниматели ввели „записку о характере", или „свидетельство о расчете", при чем компания вынесла постановление, что ни один предприниматель не должен нанимать рабочего, который принадлежит к клубу. Из сводки заработной платы фетровщиков, делаемой Энвином,видно, как, однако, незначительны были достижения этих ранних стачек. Так, на хозяйских харчах за выделку шляпы ценой в 14 шилл. подмастерье получал: в 1667 г. 1 ш. 9 п.; через 30 лет в ноябре 1696 г. — 2 ш. 2 п., в сент. 1698 г.— тоже 2 ш. 2 п., в окт. 1698 г. — 2 ш. 3 п.; при цене шляпы от 16 до 17 шилл. в те же годы: 2 ш. 3 п., 2 ш. 4 п., 2 ш. 6 п.; при цене в 18 ш.— 2 ш. 3 п., 2 ш. 6 п., за касторовую шляпу—2 ш. 9 п., 3 ш., 3 ш. 2 п.[1]).

Даже тогда, когда в основе организации „клубов" лежала не столько боевая тактика наступления на мастера, сколько элементы взаимопомощи,—первая брала верх в силу обострения отношений между мастером и подмастерьями. Один из наиболее примечательных деятелей профессионального движения конца XVIII в., Френсис Плейс, тогда подмастерье в производстве кожаных брюк для верховой езды, рассказывает, что вскоре после своей женитьбы он стал „членом общества взаимопомощи брючников, организованного для оказания поддержки членам во время болезни и выдачи пособий на похороны в случае их смерти. „Я,— рассказывает Плейс,— регулярно выплачивал свои взносы, но никогда не посещал того кабачка, в котором происходили собрания клуба, за исключением того вечера, когда были избраны должностные лица. Клуб, хотя он и был фактически обществом взаимопомощи, был создан с целью оказания поддержки членам во время стачки. К весне 1793 г. у него в кассе имелось около 250 ф. ст., что и было сочтено достаточной суммой. Стачка была назначена, и рабочие бросили работу. Последняя была весьма неудовлетворительной, да и производство было нерегулярным. Хороший рабочий, постоянно работавший, мог выработать до гинеи в неделю. Но едва ли кто-либо работал полную неделю. Лучшие рабочие в самых лучших мастерских не могли поэтому вырабатывать больше 18 ш. в неделю, а в других — и того меньше. Они поэтому и прибегли к стачке, чтобы сравнять свои заработки с заработками в других профессиях" [1]).

Однако, полуремесленные рабочие даже в конце XVIII в. строили преимущественно общества взаимопомощи, клубы, выполнявшие функции этих последних. И если стачка естественно вспыхивала в результате жесточайшей эксплоатации и средства клуба использовались на проведение ее, то это бывало не потому, что основной целью явилось боевое наступление на мастера, а потому что логика отношений диктовала такое расширение целей клубов.

Процессы же, о которых речь шла выше— процесс развития цеха в сторону сначала образования подмастерья, как посредствующей ступени между учеником и мастером, затем процессы постепенной, медленной, но верной пролетаризации подмастерья и присоединения еще четвертой группы, посторонней цеху, из типично-наемных рабочих — были весьма длительными, и их результаты сказывались не сразу. Приведенные выше данные показывают, что первые проблески классовых противоречий наблюдаются уже в XIII—XIV веках. Самый характер наемного работника тогда был недо-

[1]) George Unwin, „Industrial organisation in the XVIth and XVIIth centuries", Oxf., 1904, p. 224; см. там же (Append. A, IV—VI, pp. 240—252) интересные извлечения из протоколов арбитражных разбирательств и других документов, характеризующих эти ранние стачки и положение подмастерья в фетровом промысле.

[1]) Цит. по Graham Wallace, „Life of Francis Place", Лондон, 1898, стр. 6.

статочно четким. Фанье в известной степени прав, когда говорит о легкости перехода мастера и подмастерья с одной ступени на другую, как о причине смягчения классовых противоречий. Подмастерья строят, поэтому, свои организации по примеру, гл. обр., мастеров, для которых самая организация цеховых гильдий представляла собой форму организации взаимопомощи: по уставу, цех должен был помогать больным и неимущим своим членам. И, создавая свои клубы и объединения, подмастерья заимствовали целиком образцы организации у своих мастеров, строя клубы преимущественно на началах взаимопомощи. А за подмастерьями следуют наемные работники. Лишь постепенно, лишь мало-по-малу от взаимопомощи „клубы" подмастерьев и „услужающих людей" переходят, под давлением нарастающих противоречий внутри цеха и ухудшения положения рабочих, к стачечной борьбе и к созданию организаций, носящих определенно боевой характер. XVIII век уже оказывается веком, когда, с одной стороны, клубы численно сильно возрастают, а с другой усваивают боевую тактику.

Но даже меняясь, они остаются организациями уходящей в прошлое прослойки Р. к., организациями полуремесленных рабочих, которых тянет назад, к цеховому порядку. Веббы отмечают, что типичный профессиональный клуб городского ремесленника этого времени был изолированным кружком высококвалифицированных рабочих, отделявшихся даже более заметно от основной массы физического труда города, чем от небольшого класса капиталистов-предпринимателей. Обычное принудительное проведение в жизнь правил ученичества и высокая „премия", какую должны были вносить родители детей, не принадлежавшие к „производству", за их обучение, надолго удержали фактическую монополию наилучше оплачиваемых профессий в руках почти наследственной касты „профессионалов", в рядах которых сами предприниматели часто проходили курс своего ученичества. Пользуясь на деле такого рода юридическим (либо даваемым обычным правом) покровительством, они видели, что их профессиональные клубы полезны преимущественно для обеспечения пособиями и для сговора с хозяевами насчет лучших условий. Мы находим в таких клубах лишь слабые следы того чувства солидарности работников физического труда, какое впоследствии в различных производствах стало заметной особенностью профессионального движения. Их случайно возникшие конфликты с хозяевами напоминали скорей семейные сцены, чем столкновение двух различных социальных классов. Они скорее проявляют склонность идти рука об руку с хозяевами против общества или оказывать им поддержку в борьбе с соперниками, чем объединяться с товарищами по работе из других производств в атаках на класс капиталистов[1]).

Более того: защиту себе эти группы рабочих искали в требованиях последовательного соблюдения ученичества и восстановления елизаветинского законодательства о труде. Веббы приводят многочисленные случаи, когда даже в начале XIX стол. данные группы рабочих энергично добивались, напр., восстановления за мировыми судьями права регулировать заработную плату[2]). Лишь с промышленной революцией происходит радикальное изменение в положении наемного рабочего, и с этого момента на исторической сцене появляется новый тип рабочего—индустриальный пролетарий.

3. Р. к. в эпоху промышленной революции. XIII-XVI вв. представляют собой поэтому подготовительный период истории Р. к. Это (если применить слова Маркса, сказанные по отношению к истории капитализма) — пред'история Р. к. В данный период формируются элементы, из которых впоследствии вырастает индустриальный пролетариат. История же Р. к. начинается только с момента образования индустриального пролетариата.

Промышленная революция в Англии XVIII в. Обычно промышленный переворот в Англии относится к последней

[1]) Веббы, цит. соч., стр. 45-46.
[2]) Ср. Мантуа, „Промышл. револ.", гл. IV, отд. 2.

трети XVIII стол. А. Тойби, П. Мантуи другие авторы совершенно определенно ведут начало истории промышленной революции от изобретений, изменивших техническую основу текстильной промышленности. Новая прялка, изобретенная Кромптоном и увеличившая значительно производительность труда, переход к использованию пара, ставший возможным благодаря изобретению Уаттом паровой машины, действительно произвели переворот в той отрасли народного хозяйства, которая до последней четверти XIX в. обеспечивает Англии роль „мастерской мира". Механизирование производства освободило владельца капиталов от необходимости опираться на относительно немногочисленные кадры обученных рабочих и открыло для него возможность широко применять труд женщин и детей. Ланкаширские „водяные фабрики" (water mills), построенные на основе сложного разделения труда для выработки хлопчатобумажных тканей, превратились в современные крупные предприятия с сотнями и тысячами рабочих, с миллионными оборотами, с ежедневной выработкой сотен кусков бумажной ткани.

Но промышленная революция, производящая в последней трети XVIII в. столь поразительный переворот в технике производства одной из основных отраслей английского народного хозяйства, начинается ранее этого времени. Предпосылками для изменения технической основы текстильной промышленности не могли не быть изменения в средствах производства и в характере промышленного топлива. Применение новых текстильных машин и пара стало возможным лишь благодаря предварительному развитию железоделательной и горной промышленности.

Тяжелая индустрия должна была быть опорой народного хозяйства в эпоху промышленной революции так же, как и в конце XIX в., в эпоху империалистического капитализма.

И на самом деле, характерной особенностью промышленной революции является то, что она происходит на основе, подготовленной развитием как раз именно железоделательной и каменноугольной промышленности.

Когда производительные силы начинают разрывать ту оболочку, которая соответствовала хозяйственному строю в период феодализма, то весь этот процесс сказывается не только разрушением ремесленного уклада; прослеженный нами в предыдущей главе процесс перерастания производством рамок цехового строя и организации его на общий рынок составляет, разумеется, весьма важную часть тех процессов, которые переживаются народным хозяйством. Но этим процессом дело не ограничивается. На ряду с ним сказывается влияние и иных процессов.

Прежде всего, в течение XVII-XVIII в. возникают такие новые отрасли производства и такие формы организации в этих отраслях производства, которые ни на одной стадии своей эволюции не скованы цеховым укладом. Этими новыми отраслями промышленности являются каменноугольная и железоделательная промышленность.

Горная промышленность ведет свое начало с XIII в. В Ньюкэстле в 1238 г. начата была добыча каменного угля. В следующем году королем Генрихом III дарована была ньюкэстльским купцам хартия, разрешающая торговлю углем. Но развитию каменноугольной промышленности мешало то, что в это время еще неизвестен был способ применения каменного угля при выплавке чугуна, а применение угля в домашнем обиходе наталкивалось на предубеждения.

Широко начинает развиваться горная промышленность лишь с момента, когда истощение лесных богатств Англии железоделательной промышленностью [1]) ставит остро вопрос о новой технике в этой последней. Новую технику для выплавки металлов доставил в начале XVII в. Дэд Дэдли, сын лорда Дэдли, который открыл возможность применения „морского и подземного угля" и получил в 1619 г. монополию „на тайну и ис-

[1]) В 1580 г. постройка железоделательных заводов на определенном расстоянии от Лондона была формально запрещена „в интересах лесосохранения". Манту, цит. соч., р. пер. 1925, стр. 206.

кусство выплавки железной руды и превращение оной в чугунные болванки в особых печах при помощи мехов". Несмотря на то, что первые домны, построенные Дэдли, были разгромлены ремесленниками, почувствовавшими в монополии лорда угрозу своему существованию, уже к концу XVII в. выплавка чугуна по способу Дэдли дала 180 тысяч тонн, а в начале XVIII в. число занятых на этой работе превышало 200 тысяч человек.

Примерно к этому же времени исчезает и другое препятствие, стоящее на пути к развитию горной промышленности. До конца XVII стол. добыча угля затруднялась отсутствием средств борьбы с затоплением копей. Воздушные насосы, применявшиеся обычно, не в состоянии были осушать копи. Лишь в 1698 г. Томас Славери изобрел паровой насос, который с 1705 г. заменен был насосом Ньюкомена, гораздо более ценным изобретением, тоже основанным на применении пара. Насосы Славери и Ньюкомена позволяли широко поставить добычу угля. И с этого времени каменноугольная промышленность начинает быстро развиваться.

Точно так же обстояло дело с железоделательной промышленностью. В 1730 г. Абрагам Дарби нашел средство строить крупные домны (Дэд Дэдли не мог выплавить больше 7 тонн в неделю), и с 1756 г. его предприятия, колбрукдэльские железоделательные мастерские, давали ему до 20—21 тонны в неделю. После Дарби значительные новшества были внесены Смитоном, и тем самым железоделательная промышленность была еще более укреплена. Таким образом, еще до последней трети XVIII в., к которой относится обычно дата промышленной революции, в экономическом быту Англии налицо были значительные перемены, перестраивавшие не только технику производства, но, что особенно важно, и производственные отношения.

Ни горная, ни железоделательная промышленность XVII — XVIII в.в. не были построены на началах ремесленной организации. В самом деле, в горной промышленности мы находим такие производственные отношения, какие менее всего напоминают нам отношения внутри цехов. Несмотря на то, что крепостное право уже не существовало в Англии и Шотландии XVII в., в горной промышленности отношения найма (рабочий добровольно нанимался на подземные работы) сочетались с некоторыми пережитками крепостных отношений. Так, в Шотландии вплоть до 1799 г. в силе был закон, по которому сын отца, работающего в недрах земли по добыче каменного угля, обязан был работать в той же самой копи. Лишь в 1799 г. этот закон был отменен, но при этом установлено было, что юноши от 16—22 лет обязаны были работать не менее 10 лет в этих копях, а дети от 10—16 лет должны были работать, по крайней мере, в течение пяти лет. Только по истечении этого периода работы они переставали быть прикрепленными к предприятию. Дальнейшее поколение было уже свободно от обязательной работы в горнозаводских предприятиях по добыче каменного угля. В железоделательной же промышленности мы не находим следов подобных пережитков крепостничества, как не находим их в горной промышленности самой Англии. На предприятиях, которые не были, конечно, значительны по своим размерам, работали наемные рабочие, чья рабочая сила превратилась уже в товар и чья заработная плата представляла собою цену этого товара.

Поэтому XVIII в., век технических открытий, в этом отношении не внес никаких принципиально новых изменений. К тому времени, когда Джемс Харгривс изобрел „прялку дженни", которая позволяла прясть одновременно уже не одну нить, как раньше, а до 120 (1770), когда Аркрайт в 1771 г. построил свою „водяную раму" для прядения, а Самюэль Кромптон, соединив принцип обоих этих изобретений в своей „мюль-машине", в 1779 г. открыл возможность для одного прядильщика работать с постоянно возраставшим числом веретен,—в Англии уже начал складываться Р. к. в современном смысле этого слова, уже появляется в тяжелой промышлен-

ности индустриальный пролетариат. Его удельный вес еще незначителен. Только с развитием капиталистической текстильной фабрики, технической основой для которой явились изобретения второй половины XVIII в., горная и железоделательная промышленность начинают крепнуть, и их роль становится крупной, а число занятых в них рабочих достигает значительных размеров.

Для конца эпохи промышленной революции (для 1812 г.) мы имеем новую примерную оценку численности и дохода различных классов и групп, только не одной Англии, а всего Соединенного Королевства. Это известные таблицы Когуна [1]), в свое время пользовавшиеся большой популярностью. Когун — статистик с большой склонностью к приемам „политической арифметики", широко дополняющий факты, где их не хватает, косвенными исчислениями и личными впечатлениями. Статистическая ценность его опыта поэтому невелика, но так же, как и исчисления Грегори Кинга, его работа представляет большой интерес как оценка, хотя частью и глазомерная, но вдумчивого и широко осведомленного наблюдателя, и дает поучительную параллель к таблице Кинга. Чтобы не вдаваться в детали, мы возьмем из таблицы Когуна только хозяйственные классы—владеющий класс и класс наемного труда, оставляя в стороне духовенство, чиновничество, офицерство, правоведов и лиц свободных профессий, а также бродяг, преступников и т. п. (см. таблицу на след. стр.).

Сравнение данных Грегори Кинга для Англии 1688 г.—эпохи торгового капитала—с приведенными исчислениями Когуна для Соединенного Королевства 1812 г. — начальной эпохи расцвета промышленного капитала—показывает, что в эти 124 года в социальной структуре страны произошли очень крупные перемены. Население самой Англии за этот период без малого удвоилось, дойдя до 10 млн., все Соед. Королевство насчитывает в начале XIX в. слишком в три раза больше жителей, чем было в конце XVII ст. в Англии, по оценке Кинга, при чем в состав Соединенного Королевства входит Ирландия, насчитывающая почти 6 млн. населения (5.937.856 по переписи 1811 г.). И несмотря на это вхождение чисто земледельческой Ирландии с сильно развитым мелким фермерством, относительная численность крестьянства показывает громадное, поражающее сокращение с 24,1% всех глав семейств в 1688 г. до 14,0% глав семейств и самодеятельных одиночек в Соединенном Королевстве в 1812 г. Абсол. численность крестьянства в Соед. Кор. в нач. XIX в. значительно больше, чем в Англии 1688 г. (560.000 против 330.000), но это увеличение далеко ниже разницы в общей численности самодеятельного населения. На ряду с тем сильно упала доля крестьянства в народном доходе—с 38,8% до 17,1%. Напротив, относительная численность крупных землевладельцев—высшего дворянства и джентри—возросла с 0,4% глав семейств до 1,16%, и доля их в народном доходе, не взирая на рост торгово-промышленных доходов, не упала, а даже несколько возросла — с 13,0% до 13,7%, но доля в народном доходе промышленников увеличилась почти вдвое—с 5,5% до 10,7% (не считая кустарей), а предпринимательский доход в торговле поднялся с 9,6% до 16,4% всего народного дохода в 1812 г. Возросла и доля в народном доходе пролетариата — с 20,6% до 25,2% (не считая приказчиков); но люди наемного труда, не считая домашней прислуги (которая входит в состав семейств) и откидывая приказчиков, как лица с более высоким заработком, образуют в 1812 г. уже почти *две трети* — 65,4% самодеятельного населения. В абсолютных цифрах численность пролетариата (причисляя сюда солдат и матросов в виду вербовочной системы набора) с неполного миллиона (849.000) в Англии в 1688 г. поднялась почти до 3 миллионов (2.782.765) в Соедин. Королевстве в 1812 г., а с семействами с неполных 3 миллионов (2.795.000) до *10 млн.*

---

[1]) Colquhoun, „Treatise on the wealth, power and resources of the British Empire", 2 изд. 1815, стр. 124—125.

Соединенное Королевство в 1812 г.

Классы и группы [1]	Глав семейств и других самодеятельных	Всего душ (включая домашнюю прислугу)	Средний годовой доход главы семейства и других самодеятельных (ф. ст.)	Весь годовой доход группы (тыс. ф. ст.)
Всего . . .	4.252.661 [2]	17.096.803	—	430.521
Владеющие классы				
Землевладельцы и арендаторы				
Крупные землевлад.				
Знать	564	13.620	от 5.010 до 10.000	5.400
Джентри	46.861	402.915	от 800 до 3.510	53.022
Крестьянство				
Фригольдеры крупные	70.000	385.000	275	19.250
„ мелкие	210.000	1.050.000	100	21.000
Фермеры	280.000	1.540.000	120	33.600
Промышленность				
Владельцы мануфакт. и заводов . .	44.000	264.000	804	35.376
Механики, строители и т. п. предприниматели	8.700	43.500	300	2.610
Ремесленники-предприниматели . . .	43.750	218.759	180	7.875
„ кустари	70.000 [3]	150.000	50	3.500
Торговля и судоходство				
Крупн. купцы по внешн. торг. . . .	3.500	35.000	2.600	9.100
Проч. купцы по внеш. торг. и маклера.	22.800	159.600	850	18.354
Строители судов	500	3.000	804	402
Судовладельцы	8.750	43.750	600	5.250
Оптов. внутр. торг.	900	5.400	804	724
Розничная торговля	140.000	700.000	200	28.000
Трактирщики	87.500	437.500	100	8.750
Разносчики	1.400	5.600	45	63
Наемный труд				
Сельские рабочие	742.151	3.154.142	45	33.397
Промышлен. рабочие	1.021.974	4.343.389	48	40.055
Водники (кроме матросов)	180.000 [4]	400.000	45	8.100
Матросы	171.540 [5]	320.000	42	7.205
Солдаты	280.000 [6]	450.000	35	9.800
Приказчики и писцы	95.000 [7]	262.000	70	6.750
Пауперы	387.100	1.548.400	35	9.871

[1] Номенклатура групп—обобщенная, у Когуна она часто очень детальная.
[2] Глав семейств — 3.501.781, прочих самодеятельных по подсчету указаний, которые делает Когун в графе о среднем доходе —750.880.
[3] Глав семейств всего 5.000, прочих самодеятельных 65.000.
[4] „ „ „ 80.000, „ „ 100.000.
[5] „ „ „ 50.000, „ „ 121.540.
[6] „ „ „ 70.000, „ „ 210.000.
[7] „ „ „ 42.500, „ „ 52.500.

Промышленному капиталу потребовались огромные массы „свободных рабочих рук". Аграрная революция, поэтому, подготовив резервы рабочей силы для цеховых гильдий и города вообще, для горной, железоделательной и шерстяной промышленности, должна была усиленным темпом загонять обезземеливаемых крестьян на рынок труда для промышленности, развивающейся уже на новой технической основе. Она эту роль и выполнила. Уже не потому, что шерсть была ценным предметом экспорта, а в силу преимущественно роста капиталистического земледелия, заставлявшего Артура Юнга в конце XVII в. восклицать, что „собственность превращает даже песок в золото", под покровительством таможенных пошлин на зерно,—землевладельцы, строющие крупные агрикультурные предприятия, в XVIII и XIX вв. ведут политику полного обезземеливания крестьян. Мы видели, как сильно убыла относительная численность крестьянства к началу XIX в. Статистика огораживания и разверстания угодий освещает этот процесс и дальнейшее его развитие в XIX стол.

Приводимые данные ограничиваются размерами огораживания пахотных земель и пустошей по специальным актам парламента за 4 периода: в первой половине XVIII стол., до 1760 г., с этого времени до конца столетия, в XIX стол. до издания общего закона о разверстании общинных земель и после издания акта 1844 г.[1]):

	Общин. поля и частью пустоши		Только пустоши	
	специальн. актов	огорож. акров	специальн. актов	огорож. акров
1700—60	152	237.845	56	74.518
1761—1801	1.479	2.428.721	521	752.150
1802—44	1.075	1.610.302	808	939.043
с 1844	164 [2])	187.321	508 [2])	334.906
Всего . .	2.870	4.464.189	1.893	2.100.617

Этот процесс обезземеливания крестьянства происходил не только в Англии. Под влиянием английского примера и на европейском континенте идет уничтожение общинного землепользования (см. *землеустройство*).

Характер Р. к. в эпоху промышленного переворота. Мы видим, таким образом, что аграрная революция подготовляла рабочие резервы для промышленного переворота. Именно из этих резервов черпают свою рабочую силу предприятия и горной, и железоделательной, и шерстяной промышленности в XVI—XVIII вв. Отсюда же получают свою рабочую силу и бумагопрядильни конца XVIII—начала XIX вв. В связи с этим процесс образования Р. к. приводит первоначально к формированию двух основных типов рабочих.

Таблицы Когуна соединяют в общую рубрику ремесленных и фабрично-заводских рабочих, но уже значительное число ремесленников-предпринимателей—218.000 (с членами семейств), говорит за то, что пролетаризующийся подмастерье все еще долгое время продолжает составлять значительную часть Р. к., что промышленный переворот не сразу вызывает гибель ремесла и ремесленного предприятия. Изобретенный Картрайтом механический станок начинает применяться в Англии лишь с 1818 г., после улучшения его Раддклиффом и Хорроксом. К 1810 г. в английской промышленности насчитывалось около 5 тысяч паровых машин. К 1788 г. работали всего 142 бумагопрядильни с 2 миллионами веретен и 20 тысячами „прялок дженни". Таково было положение в бумагопрядильной промышленности, дальше всех отраслей шагнувшей по пути превращения в промышленность фабричную. Вслед за ней шла шерстяная промышленность, давно, еще с XVI стол., переходившая от ремесла к мануфактуре (преимущественно сельской) и с конца XVIII в. перестроившая мануфактуру в фабрику. Остальные же отрасли оставались в значительной мере в стадии ремесленных предприятий,—небольших по размерам, где применялся попрежнему ручной труд. Еще слабее сказывались результаты промышленного переворота в других странах. Толозан в своем

[1]) A. H. Johnson, „The disappearance of the small landowners". 1909, p. 90. Подробные данные по графствам см. у G. Slater, „The english peasantry and the enclosure of common fields", 1907, Append.

[2]) По постановлениям—awards.

докладе от 1790 г. сообщал, что во Франции было всего 900 „прялок дженни". Ф. Меринг[1]), констатируя быстрое проникновение в Германию фабричного производства, указывает, тем не менее, что лишь после 40-х годов наблюдается быстрое вытеснение здесь ручного труда машинным (о ходе индустриализации в Германии см. *Германия*, ст. Э. Бернштейна, XIV, 71/174). Само собою, что при столь относительно ограниченном применении изобретений и сравнительной медленности процесса индустриализации, пролетаризующийся ремесленник-подмастерье продолжал играть значительную роль в экономике и Франции и Германии. Даже в Англии он представлял собою в эпоху промышленного переворота значительные кадры наемного труда.

Для ремесленного подмастерья, переживающего период упадка, отличительной особенностью была прежде всего его крайняя реакционность. Его положение было ужасным. Сам ремесленник, у которого он работал, попал уже под тяжелый пресс экономической борьбы мелкого производства с крупным. Цены, платимые за определенного вида ткани, падали так:

1795 г.	. . . . .	89 ш.	9 п.
1800 „	. . . . .	25 „	—
1810 „	. . . . .	15 „	—
1820 „	. . . . .	8 „	—
1830 „	. . . . .	5 „	—

Гиббинс приводит, в соответствии с такими расценками работ ручного ткача, заработки рабочих, работавших на мелкого хозяина на ручных станках:

Годы	Заработная плата ткача	Стоимость квартера пшеницы
1802	13 ш. 10 п.	67 ш. 9 п.
1806	10 „ 6 „	76 „ 9 „
1812	6 „ 4 „	122 „ 8 „
1816	5 „ 2 „	76 „ 2 „
1817	4 „ 3½ „	94 „ 0 „

Портер, основываясь на материалах о движении заработной платы ручных ткачей в Болтоне и Олдгэме, сообщает следующие данные:

Годы	Болтон	Олдгэм
1800	25 ш. 0 п.	—
1805	25 „ 0 „	—
1810	19 „ 6 „	—
1815	14 „ 0 „	11 ш. 9 п.
1820	9 „ 0 „	9 „ 0 „
1825	7 „ 0 „	8 „ 9 „
1830	5 „ 6 „	5 „ 0 „
1833	5 „ 6 „	4 „ 6 „

[1]) Ср. Ф. Меринг, „История германской социал-демократии", т. III, стр. 4.

Нетрудно представить себе, что ремесленному подмастерью, превратившемуся уже к XVIII веку в подлинного рабочего, без всякой перспективы перехода на следующую ступень, причина катастрофического снижения его заработка рисовалась в виде сбивающей цены на его продукцию машины. Вот почему рабочий, выросший в ремесленном производстве, обращает свои взоры, как мы указывали выше, вспять, к „счастливым дням" елизаветинского законодательства, к „золотому веку" прошлого. Он и делает попытки восстановить прежний строй отношений. На протяжении всего XVIII стол. этой частью работников наемного труда делаются попытки добиться от своего хозяина, с одной стороны, а с другой — от государственной власти признания именно необходимости сохранить полностью и целиком весь тот строй жизни, который был свойствен ремесленному укладу народного хозяйства предшествующего периода. В архивах министерства внутренних дел Англии и в архивах английской палаты общин имеются многочисленные петиции, которыми парламент забрасывался пролетаризирующимися ремесленниками и наемными рабочими ремесленных предприятий, с однообразными требованиями, весь смысл, все содержание которых сводится именно к восстановлению уставов ремесленных цехов и елизаветинского законодательства. Даже сами мастера иногда выступают вместе с подмастерьями, требуя возрождения цеховых порядков.

Эти реставрационные настроения полуремесленных рабочих не находят, разумеется, сочувствия у фабрично-заводского пролетариата. Но последний в эпоху промышленного переворота еще недостаточно сформировался. Он лишь формируется в конце XVIII — начале XIX вв. Поэтому его характер еще неопределен, неясен. В годы и десятилетия промышленного переворота, в силу этого, характер Р. к. все еще оказывается в значительной степени зависящим от ремесленных групп рабочих.

С изменениями, какие были внесены в экономический быт Англии и дру-

тих стран промышленной революцией, с развитием процесса замещения ручного труда машинным,— эти группы рабочих постепенно сходят с исторической сцены. Их роль заканчивается. Организации, ими создавшиеся, накопив определенный опыт и проведя (в Англии с 1799 г. по 1825 г.) борьбу за право рабочих на объединение, на коалицию, точно так же теряют свое историческое значение. Развитие фабрично-заводской системы на взрыхленной торговым капиталом и мануфактурным способом производства почве открывает уже совершенно новую главу в истории Р. к. и рабочего движения.

Положение фабрично-заводского пролетариата. Материальное положение промышленного пролетариата было несколько лучше положения вырождающегося полуремесленного рабочего, поскольку речь идет о рабочих мужского пола. Так, что касается заработной платы, то, как мы знаем, она весьма резко падала для ручных ткачей и прядильщиков; а в фабрично-заводской промышленности она проявляла значительную устойчивость для рабочих мужского пола и понижалась только для женщин. Гиббинс приводит исчисления Томаса Иллингворта, по которым движение заработной платы было таким:

В неделю:

	1808-15 гг.
Прядильщики . . .	от 24 до 26 ш.
Прядильщицы . . .	„ 13 „ 14 „
	1815-23 гг.
Прядильщики . . .	от 24 до 26 ш.
Прядильщицы . . .	„ 13 „ 14 „
	1823-30 гг.
Прядильщики . . .	от 24 до 26 ш.
Прядильщицы . . .	„ 11 „ 12 „
	1830-36 гг.
Прядильщики . . .	от 24 до 26 ш.
Прядильщицы . . .	„ 8 „ 10 „
	1836-45 гг.
Прядильщики . . .	от 24 до 26 ш.
Прядильщицы . . .	„ 7 „ 9 „

Таким образом, заработная плата рабочих мужчин оставалась неизменной в течение почти полустолетия. Падала лишь заработная плата работниц.

Но, во-первых, мы наблюдаем в тот же период чрезвычайно быстрое замещение мужского труда женским и даже детским по мере того, как вводятся новые, доступные женщине и ребенку машины. Вот какие наблюдения сделала одна из созданных парламентом комиссий по поводу найма малолетних: „В ремесленных производствах и на фабриках положение было следующее: 1) встречаются случаи, когда дети начинают работать уже в возрасте трех и четырех лет и нередко в возрасте пяти, шести и семи лет, обыкновенно они начинают работать в семь или восемь лет. Большинство детей начинает работать, следовательно, с девятого года жизни, хотя и существуют немногие производства, в которых дети начинают работать с десяти, даже с двенадцати лет и даже еще позднее. 2) Значительное количество всех лиц, занятых в ремеслах и на фабриках, состоит из подростков, не достигших еще тринадцатилетнего возраста, и еще большее число состоит из 13—18-летних, хотя в отдельных случаях число лиц, не достигших 13-летнего возраста, равняется числу лиц в возрасте 13—18 лет, иногда даже превышает последнее, как это доказывают отдельные случаи“...

Портер приводит следующие данные о составе рабочих в текстильных предприятиях Англии по полу и по возрасту для 1839 г.:

Возраст	Число занятых: Хлопчато-бумажное производство	Шерстяное производство	Шелковое производство	Льняное производство
Моложе 9 лет .	—	—	962	—
от 9 до 13 . . .	12.330	10.678	2.757	1.759
от 13 до 18 . . .	97.308	34.222	11.731	19.135
свыше 18 . . .	149.747	41.546	13.868	22.593

В том же году пропорция женщин в возрасте от 13 лет и выше составляла 55,2%, детей моложе 13 лет 5,9%, а взрослых рабочих мужчин 22,8%. Остальные 16,1% приходились на подростков в возрасте от 13 до 18 лет[1]).

Вполне естественно, что даже при устойчивости заработной платы рабочих мужчин положение Р. к. не могло не ухудшаться чрезвычайно быстро. Маркс в „Капитале“ (I, стр. 671) приводит из доклада специальной комиссии по изучению тюремной системы в Англии таблицу потребления пищи преступниками и рабочими. Эта

[1]) См. G. R. Porter, „The Progress of the Nation“, edit. by F. N. Hirst, Лондон, 1912, стр. 25.

таблица чрезвычайно отчетливо рисует тяжелое положение рабочих. Так, недельное количество пищи составляло:

	Азотистые составн. части (унций)	Безазотистые составные части (унций)	Минеральные составн. части (унций)	Общая сумма
Для преступника в Портландской тюрьме	28,95	150,06	4,68	183,69
Для матроса королевского флота	29,63	152,91	4,52	187,06
Для солдата	25,55	114,49	3,94	143,98
„ каретника (рабочий)	24,53	162,06	4,23	190,82
„ наборщика	21,24	100,83	3,12	125,19
„ сельского рабочего	17,73	118,06	3.29	139,08

На самом предприятии положение рабочего было более чем бесправным. Гаммонды в своих монографиях о положении городского рабочего в эпоху промышленного переворота [1]) приводят список штрафов, которым подлежали рабочие на одной фабрике близ Манчестера, работавшие при 80-94 град. жары по Фаренгейту:

За открытое окно	штраф	1 ш.
„ грязные руки на работе	„	1 „
„ мытье рук	„	1 „
„ то, что не на месте стоит жестянка с машинным маслом . .	„	1 „
„ оправку приводного ремня при газовом освещении	„	2 „
„ преждевременное включение газа	„	1 „
„ несвоевременное выключение газа утром	„	2 „
„ то, что пламя горелки в газовой лампе слишком выпущено . . .	„	1 „
„ свистание во время работы . . .	„	1 „
„ запоздание на 5 минут	„	1 „
„ то, что заболевший прядильщик не мог послать на свое место другого,—он платит в течение болезни за пар, использованный на его станке без работы, в день по	„	6 „
„ то, что не собирает еженедельно по 3 раза и не доставляет в контору обрывков и бумажной пыли	„	1 „
и т. д. и т. д.		

Гиббинс приводит еще более поразительный факт. За то, что одна молодая женщина пыталась бежать с фабрики, где ей стало не по силам работать, она была приговорена к году заключения в тюрьме. После годичного заключения она была „приведена на фабрику обратно и должна была отработать понесенные предпринимателем убытки. Поэтому она работала два года безвозмездно, чтобы вознаградить хозяина за потерянное время“ [1]). Гиббинс прямо называет создавшееся на фабриках положение „английским рабством“.

Совершенно естественно, что при этих условиях демонстрации, на которые собираются по несколько десятков тысяч рабочих, шествия с петициями в парламент, стачки, захватывающие целые районы, не могут не стать общим явлением. Совершенно естественно также, что при этих условиях необходимо должны возникнуть и первые попытки организации боевых профессиональных союзов.

Аналогичное положение наблюдалось и во Франции в начале XIX в. В 1830 г. в Северном департаменте Франции занято было по найму 74.412 мужчин, 17.936 женщин, 14.720 детей. Взрослые рабочие зарабатывали в день 1 фр. 73 сант., а работницы—86 сант., дети же — около 64 сант. Таковы были заработки во Франции в самом промышленном районе — в Северном департаменте. Для юга, где потребность в рабочей силе ощущалась сильнее в шелко-ткацкой промышленности, заработная плата больше. Так, взрослые рабочие мужского пола получали от

[1]) J. L. and Barbara Hammond, „The Town Labourer 1760—1832“, 1920, стр. 19—20.

[1]) Gibbins, цит. соч., стр. 400.

2 до 2 фр. 25 сант. в день, женщины — от 90 сант. до 1 фр. 25 сант., а дети от 90 сант. до 1 фр. 09 сант. Политический же центр Франции, Париж, по данным Луи Блана, мало отличался в отношении оплаты труда от юга или севера. Мясник зарабатывал около 3 фр. в день, сапожник — 2 фр. 75 сант., при чем в среднем на долю этих рабочих приходилось в год до трех месяцев безработицы. Портным было несколько хуже: их заработок равнялся 3 фр., но продолжительность периода безработицы была большей. Женский труд оплачивался ниже, прачки вырабатывали 2 фр., швея — 1 фр. 25 сантимов.

Материальная необеспеченность рабочих сопровождалась чрезвычайно тяжелым положением их на предприятии. Рабочий день длился в среднем 15 часов. Луи Виллермэ след. обр. описывает положение детского труда: „Обе индустрии (шерстенабивная и бумаготкацкая) требуют от ребенка, правда, только наблюдения. Но дети остаются на ногах по 16—17 часов каждый день, при чем не менее 13 часов они проводят в закрытом помещении, не меняя места и положения. Это—не работа, не задача, это — пытка, и ее то терпят дети в 8 лет, плохо одетые, плохо накормленные“ [1]).

Массовое недовольство является одной из характернейших особенностей этого периода. Оно часто выливалось в такие формы, которые свидетельствуют уже о том, что Р. к. выступает *против капитализма*. К числу таких вспышек, исключительно сильных и массовых по характеру, относится восстание в ноябре 1831 г. ткачей в Лионе (Франция).

Лионское восстание. В конце 20-х гг. положение этих последних было весьма тяжелым. Та картина, которую рисует цитированный нами Виллермэ, относится уже к концу тридцатых годов. Ранее же общее обнищание ухудшалось еще серьезными кризисами, вызывавшими снижение заработной платы. Так, к ноябрю 1831 г. заработная плата, в конце XVIII ст. равнявшаяся 4—6 фр. в день, упала до 96 сант. Само собою, что рабочие делали попытки стачками и организацией в профессиональные союзы, называвшиеся ими „обществами сопротивления“, укрепить свои позиции. В Лионе подобные общества появляются еще в 1823 г. Эти общества добились, было, у префекта Лиона, Бувье-Дюмолара, установления минимума заработной платы. Когда же, однако, 104 фабриканта запротестовали против подобных действий власти, а из Парижа прибыли известия о том, что правительство не одобряет уступок рабочим — Дюмолар заявил, что его постановление является лишь доброжелательным „советом фабрикантам“, а отнюдь не обязательным распоряжением. В виду создавшегося тупика и наблюдавшегося в городе среди рабочих брожения, командующий местными войсками генерал расставил по городу усиленный караул и призвал на службу национальную гвардию, состоявшую исключительно из фабрикантов и мелких мастеров [1]). Последние, ободрившись, все чаще и чаще стали нарушать тариф, а недовольных рабочих выгоняли на улицу; одни совсем прекращали работы и увольняли рабочих, другие вызывающе держали себя по отношению к работающим. В городе рассказывали, что один фабрикант принял у себя рабочих с пистолетом на столе, а другой публично заявил: „Если у них нет хлеба в брюхе, мы им всадим туда штыки“. Среди рабочих велась горячая агитация: общества сопротивления решили прекратить работу на неделю и устроить ряд демонстраций на улице.

21 ноября 1831 г. началась забастовка, быстро превратившаяся в восстание. С раннего утра рабочие стали прекращать работу в мастерских и собираться на улицах. Небольшой отряд национальной гвардии был отброшен, и рабочие двинулись к центру. Здесь залпы большого отряда той же гвардии, ранившие многих рабочих, произвели временное замешательство. Но в самом скором времени весь рабочий квартал был занят рабочими, вооруженными

[1]) Louis Villermé, „Tableaux de l'État physique et morale des ouvriers“, 1840, т. II, стр. 91.

[1]) Не следует думать, что „фабрикант“ 30-х гг. напоминал фабриканта конца XIX в. В одном Лионе насчитывалось свыше 4.000 „фабрикантов“ при 20.000 рабочих.

палками, заступами и ружьями. Овладев двумя пушками, они двинулись на город с барабанным боем, при чем на знаменах восставшие написали ставшие историческими слова: „Жить, работая, или умереть, сражаясь". Войска, однако, помешали войти в город, и рабочие отошли к своему кварталу. К ним явился для переговоров префект, но ему не удалось добиться разоружения рабочих. 22 ноября восстание охватило целый ряд других предместий, а в ночь на 23 командующий генерал должен был очистить город, который, таким образом, очутился во власти рабочих.

Последние везде восстановили порядок, прекратили начавшиеся грабежи, организовали стражу для охраны казначейства и вообще всеми силами старались успокоить население города; даже дома крупных капиталистов охранялись от попыток разграбления. Во главе города стало временное правление из рабочих, которое заведывало всеми делами. Некоторые из членов его пытались придать движению политический характер и провозгласить республику, но большинство рабочих отвергло это. Однако, удержать власть лионские рабочие не смогли, так как восстание в Лионе было изолированным выступлением, и против него буржуазное правительство смогло двинуть крупную военную силу. 3 декабря восстание было подавлено подоспевшей из Парижа армией, и 20-тысячный гарнизон занял Лион.

Но лионское восстание во Франции показало, что классовые отношения в фабричной промышленности обострены до степени, когда оба класса сталкиваются в открытых боях. Оно было тем бесспорным симптомом, который свидетельствовал о непримиримости интересов и вытекающей отсюда неизбежности попыток организационного оформления этих интересов. Точно так же в Англии кровавые события (Питерлу, разгром шествия „одеяльщиков"— ткачей Манчестера на Лондон, и др.) несколько ранее — в 1818—1819 гг. — ознаменовали собою начало классовых столкновений, приводящих уже не полуремесленных рабочих, а фабричнозаводской пролетариат к организации своих сил.

Возникновение профессиональных союзов. Массовое движение в период с 1815 г. по 1836 г. захватывает почти поголовно весь Р. к., почти все фабрично-заводские районы. В Англии образовываются колоссальные объединения, ставящие себе целью борьбу частично за интересы рабочих на предприятии, частично за низвержение капитализма. Речь идет о первых профессиональных союзах или, как они тогда назывались, о союзах производств (Trades-Union).

До начала 30-х гг. XIX в. вообще в Англии понятия „профессиональный союз", или „союз производств", еще не существовало. Рабочие экономические и политические организации в одинаковой мере назывались коалициями, ассоциациями, клубами, обществами. Термин „Trades-Union", т.-е. „союз производств", впервые появляется, правда, в обиходе в 1818 г., когда создается так наз. „Филантропический Геркулес". Но последний представлял собою весьма недолговечный опыт создания всеобщего союза, который объединял бы рабочих без различия профессий. Гораздо большее историческое значение имеет „Великий национальный консолидированный союз производств", созданный уже в 1834 г. при непосредственном участии Роберта Оуэна, и с момента его основания в историю Р. к. в Англии входит прочно термин „Trades Union" (союз производств).

Эта организация возникла вскоре после тяжелого кризиса 1829 г. и сразу стала центром внимания для Р. к. Роберт Оуэн (*см.*) к этому времени уже приобрел прочную репутацию „смелого реформатора". Им уже проделан был целый ряд опытов, начиная с опыта улучшения положения рабочих на принадлежавшей ему и группе предпринимателей фабрике в Нью-Ланарке и кончая проектом 1817 г., представленным им в особую комиссию по законам о бедных, которая была назначена палатой общин. В этом своем проекте Оуэн мотивировал необходимость предложенного им коренного преобразования организации коммун и поселений на 500—1.500 душ—след. обр.: „Ближайшей причиной современной нужды является понижение оценки человеческого

труда. Это произошло вследствие повсеместного введения машин и мануфактуры в Европе и Америке, но всего более в Британии, в которой этот переворот был сильно ускорен изобретениями Аркрайта и Уатта. Введение машин в производство предметов роскоши понизило их цену; понижение цены увеличило спрос на них в общем до столь крупных размеров, что после введения машин человеческого труда стало требоваться больше, чем до того. Первым средством новых технических условий явился рост частных богатств, что давало новый импульс к дальнейшим изобретениям... Но тут возникли новые обстоятельства. Так как предметы производства перестали требоваться для надобностей войны, то для них не оказалось рынков: мировой доход оказался недостаточным для того, чтобы закупить все, создаваемое столь могучей производительной силой, — последовало сокращение спроса. Когда же вследствие этого явилась необходимость сократить производство, то вскоре оказалось, что механическая сила машины гораздо дешевле человеческого труда. Первая поэтому продолжала работать, а последний сделался излишним, и человеческий труд можно теперь иметь за плату много ниже той, которая безусловно необходима для существования при обычном уровне потребностей... Но при существующей коммерческой системе механическая сила не может быть выведена из употребления в одной стране, ибо это разорит ту страну, в которой ею перестанут пользоваться. Поэтому ни один народ не откажется от машины; и если бы такой акт был возможен, он явился бы несомненным признаком варварства тех, кто сделал бы подобную попытку. Однако, было бы еще более очевидным варварством и актом грубой тирании, если бы какое-нибудь правительство позволило механической силе уморить голодом миллионы людей. Этой мысли нельзя допустить ни на одну минуту; осуществление ее принесло бы неслыханные бедствия для всех классов. Поэтому только третий из указанных выводов заслуживает рассмотрения, а именно тот, что для „безработных классов должно быть найдено прибыльное занятие, в котором работа машины должна служить в помощь труду, а не вытеснять его, как в настоящее время“.

Роберт Оуэн внес и в организованный при его участии „Великий национальный консолидированный союз производств“ полную меру своего отношения к капитализму, высказанного им в вышеуказанной докладной записке. Предпоследний 46 § устава устанавливает, что:

„Хотя целью союза является, в первую голову, повышение заработной платы рабочим или борьба с дальнейшим понижением в оной и сокращение продолжительности рабочего дня,—великой и конечной целью должно быть утверждение прав трудолюбивого человечества, путем проведения в жизнь таких мер, которые дееспособно помешают ленивой и бесполезной части общества иметь недолжную меру контроля над продуктами нашего труда, чем, благодаря порочной денежной системе, она в настоящее время обладает. В соответствии с этим, члены союза не должны терять ни малейшей возможности оказать возможную поддержку и помочь друг другу, проводя в жизнь иной строй правил, при которых действительно полезная и разумная часть общества, и только она одна, будет иметь право руководить делами общества и при которых трудолюбие и добродетель получат справедливую меру отличия и вознаграждения, а порочная леность — заслуженное презрение и нищету“.

„Великий национальный консолидированный союз производств“ не делал различия между рабочими разных профессий. Он был подлинно всеобщим союзом и объединил огромное по тому времени число членов. Последнее достигало, по некоторым данным, 100 тысяч. Однако, ни правильной организации отделов, ни руководящих органов (последним должен был быть несозывавшийся Великий делегатский совет) не удалось достичь. Равным образом, и установленный в размере 3 пенсов в неделю членский взнос не поступал в Великие „ложи“ отдельных профессий, входившие в союз, как не поступал он и в кассу самого союза. Руко-

водства стачечной борьбой, которая захватывала отделы союза в разных местах, тоже не было. В конце концов, все это привело к гибели „Великого национального консолидированного союза производств".

Он, однако, явился живой иллюстрацией тяги рабочей массы фабричных центров к организации. При этом § 46 устава показывал, что эта тяга идет не только по линии борьбы за ближайшие интересы рабочих у станка, но и против всего строя хозяйственной жизни, который создан был промышленным переворотом. Мы видим, таким образом, что на ряду с обострением классовой борьбы начинает сразу же наблюдаться и некоторый политический рост рабочих фабрично-заводских районов.

Еще более ярким свидетельством этого же политического роста является созданная Догерти, вождем ланкаширских текстильщиков (бумагопрядильщиков Манчестера), „Ассоциация для защиты труда". Это была организация, ставившая своей целью объединение рабочих для борьбы за рабочее законодательство, а не только для борьбы за заработную плату и другие условия труда на предприятии. В нее вошло тоже до 100 тысяч рабочих,— и она, точно так же, как и „Великий национальный консолидированный союз производств", была недолговечной: созданная в 1830 г., она прекратила свое существование уже в 1831 г.

Фабрично-заводской пролетариат 30-х годов в Англии не ограничился созданием данных двух организаций. На ряду с ними возникали еще полуэкономические, полуполитические объединения, а также и местные, небольшие пока, союзы типичного цехового характера. Весь период 30-х гг. характеризуется ростом этих объединений. И это свидетельствует о значительности массового движения нового фабричного пролетариата, рожденного промышленным переворотом.

Англия, пережившая более глубокие и значительные экономические перемены, раньше и крепче построившая у себя фабричную систему промышленности,— вместе с тем дает и больше примеров возникновения широких массовых объединений фабрично-заводского пролетариата. Другие страны — даже Франция и Германия — отстают от нее не на один десяток лет. Тем не менее и во Франции к 30-м гг. мы находим значительное развитие профессиональных объединений. Два типа объединений характерны для этого заключительного периода эпохи промышленного переворота—общество взаимопомощи, все еще являющееся делом полуремесленных рабочих, и общество сопротивления, создаваемое уже фабричными рабочими, подлинными индустриальными пролетариями. Одно из наиболее известных обществ последнего типа, созданное в 1823 г. в Лионе, было активнейшим руководителем известного уже нам лионского восстания. Называвшееся „Обществом взаимного долга", оно ставило своей задачей, подобно английским всеобщим союзам, не только защиту интересов рабочего у станка. Его устав предусматривал: 1) на практике проводить равенство, 2) обеспечить ткачам разумную плату за их труды, 3) избавить фабрики от злоупотреблений фабрикантов и 4) заботиться о моральном и физическом уровне своих членов. Общество это насчитывало до 3 тысяч членов в 1833 г. Аналогичные общества создавались и в Париже, а особенно — на севере (наиболее индустриализированной части Франции).

Так как и закон Ле Шапелье и гражданский кодекс Наполеона запрещали организацию рабочих, то все эти общества были, разумеется, нелегальными, в отличие от английских „союзов производств", которые могли существовать открыто, в виду отмены в 1825 г. законов о сообществах. Это в такой же мере сталкивало их со всем буржуазным государством, в какой в Англии создавали политические настроения среди рабочих репрессии против массового движения после отмены этих законов. Как в Англии, так и во Франции налицо был политический рост Р. к. Если в 1831 г. лионские рабочие, подняв восстание, еще не объявляли республику даже тогда, когда временно власть находилась в их руках, если в Англии они все еще предоставляли радикалам — Плейсу, Юму,

Генту и др.— руководить своими политическими выступлениями, то события 20-х и 30-х гг. XIX ст., весь ход классовой борьбы и организации недолговечных всеобщих профессиональных союзов подготовляли те первые самостоятельные выступления Р. к. в качестве класса, выдвигающего свою собственную политическую программу, какие открывают собою эпоху чартизма, подлинное начало истории Р. к. в Англии (об эпохе чартизма см. ст. *чартизм*, XLV, ч. 3), и эпоху революций 1848 г. на европейском континенте (*см.* XLV, ч. I, 241/60; XIV, 1/36, 155/157).

4. *Р. к. в эпоху промышленного капитализма.* Когда Р. к. выходит побежденным из своих первых политических выступлений эпохи 1848 г., в истории его наступает перелом. Смысл этого перелома заключается в том, что Р. к. выступает впервые в качестве начинающей осознавать себя общественной силы, которая стремится противопоставить себя всем остальным классам общества и государству, как органу классового господства, т.-е. Р. к. входит в историю, как „класс для себя". На почве опыта первых классовых боев пролетариата с буржуазией начинается рост классового сознания. Это является основной предпосылкой укрепления революционных позиций пролетариата, ибо —как об этом говорит Энгельс в своем предисл. к немецкому изд. „Коммунист. манифеста" от 1890 г.— „Маркс придавал исключительное значение в деле развития борьбы пролетариата за свое освобождение росту знаний, росту теоретической подготовки рабочей массы. Без этой теоретической подготовки, без понимания рабочим его места в экономике капитализма, в общественной и политической жизни капиталистической эры человеческой истории рабочий не может стать классом „для себя". А появление „Коммунист. манифеста" и начало переворота в общественных науках, созданного теорией классовой борьбы и поддержанного анализом законов капиталистического развития, который был дан Марксом в его „Капитале", представляют собой базу для дальнейшего роста Р. к.

Из поражений в классовых боях сороковых годов Р. к. выходит с формулированной уже пролетарской программой и делает первую попытку международной организации революционных сил пролетариата. Правда, несмотря на то, что партия Р. к.— и притом партия, объединяющая авангард рабочих не одной, а ряда стран — создается уже в 1848 г. вокруг „Коммунист. маниф.", международную организацию мы находим только через полтора десятка лет: I Интернационал складывается в прочную, относительно многочисленную организацию в 1864 г. Это объясняется тем разгулом реакции, какой наступил во всей Европе после революций 1848 г. „Манифест имел свою судьбу,— писал Энгельс в 1890 г.—При своем появлении он был с восторгом встречен передовым отрядом сторонников научного социализма..., но вскоре затем он был оттеснен реакцией, начавшейся вслед за поражением работников в июне 1848 г., и объявлен вне закона после осуждения кельнских коммунистов в ноябре 1852 г. Когда исчезло с общественной арены рабочее движение, начавшееся с февральской революцией, „манифест" также отошел на задний план". Но I Интернационал имел своими предшественниками и предтечами не только „партию коммунистов", сложившуюся на платформе „Коммунистического манифеста" и являющуюся в самом точном смысле этого слова международным объединением авангарда Р. к.

В другой статье (см. *чартизм*) мы отмечаем, что группы чартистов, сохранившиеся в Англии после гибели движения, явились здесь опорой будущего „Междунар. товарищ. рабочих". Но они были не только опорными пунктами для I Интернационала. Они в равной мере играли роль инициаторов в деле международного сплочения передовых отрядов мирового пролетариата в пятидесятые годы и вплоть до образования „Междунар. товарищества". Ф. Ротштейн собрал в своей работе „Очерки по истории рабоч. движения в Англии" богатый материал, иллюстрир. эту роль эпигонов чартизма в истории междунар. объединения

Так, он сообщает о том, как Эрнесту Джонсу в 1853 г. удалось сплотить остатки чартистов при содействии К. Маркса и Луи Блана. „15 мая 1853 г. — рассказывает Ротштейн,— 3.000 чел. собрались на чартистскую демонстрацию около Манчестера, и был выбран совет. В марте 1854 г. в Манчестере заседал чартистский „рабочий парламент", составивший новую программу. Джонс и его друзья были полны воодушевления, и даже Маркс, избранный вместе с Луи Бланом почетным членом „парламента", по этому поводу заявил, что „само возникновение такого парламента образует новую эпоху в истории мира". Отсюда, конечно, было очень близко к мысли, что настало время противопоставить космополитизму буржуазии интернациональность пролетариата. Повод этому дало полученное осенью 1854 г. известие, что Барбес, жертва наполеоновского государств. переворота, помилован и предполагает направиться в Англию. Джонс сейчас же собрал друзей и предложил им использовать посещение Наполеона и таким образом противопоставить один символ другому. Идея понравилась, и сейчас же был создан „Комитет протеста и приветствия", в который были включены представители различных иностранных союзов... Комитет решил 4 декабря, в день бойни, устроенной на улицах Парижа сторонниками Луи-Наполеона, провести собрание „приветствия и протеста". Несмотря на оппозицию некоторых радикалов, выступивших за союз с Францией, собрание прошло так блестяще, что восемь дней спустя комитет, по предложению Джонса, объявил себя постоянным, с целью „демонстрации солидарности с французскими изгнанниками и братства с демократией континента в противоположность союзу королей". 17 декабря состоялось второе очень успешное демонстративное собрание, и в своей газете Джонс приветствовал „новую федерацию демократии" как силу, которая „поколеблет основания королевских тронов и своды их окровавленных корон".

Очевидно, мы здесь имеем ту же картину, какую представляла собою и „партия коммунистов" и будущее „Междунар. товарищество рабочих". По мнению Ротштейна, организационный комитет даже „в точности предвосхитил его организационные формы" [1]). Тем более, что организационный комитет вскоре исчез, и его „Междунар. комитет" превратился в самостоятельную организацию. Эрнест Джонс был его председателем, Джемс Финлен (вскоре вышедший) был кассиром, и каждая „национальность" избрала своего секретаря: англичане — Чэпмана, французы — Таландье, немцы — Блея, поляки — Дембинского, итальянцы — Педци и испанцы — Сальвателло. Это была та же организационная форма, которая повторяется позднее и в историческом Интернационале. Этот комитет в 1855 г. предложил вместе с представителями французской эмиграции (так наз. „Революционной Коммуны") на митинге в память революции 1792 г. ряду организаций, в том числе Немецкому коммунист. союзу, Обществу английских чартистов, Союзу польских социалистов и „всем другим, которые, не принадлежа ни к какой организации, имеют право быть членами Международного комитета"—организовать „альянс" с целью поддержки друг друга в борьбе за демократическую и социальную республику. Повидимому, такой „альянс" и был заключен и даже имел свои отделения в Америке, которые поддерживали связь с центр. комитетом в Лондоне.

Весь этот исторический материал указывает на то, что ко второй пол. XIX в. Р. к. уже выделил свой авангард, уже входит в историю в качестве силы, роль которой неизменно возрастает во всех событиях. Завершением этого формирования Р. к., как „класса для себя", является образование в 1864 г. „Международного товарищ. рабочих" (см. *социализм*, XL, 512/20; *международное товарищество рабочих*, XXVIII, 387/92).

Это формирование международного объединения на платформе, разработанной К. Марксом, свидетельствовало об укреплении авангарда Р. к.

[1]) См. Ротштейн, „Очерки по истории рабоч. движения в Англии", стр. 172.

во всем мире. Само товарищество имело „целью, — как об этом говорит Ф. Энгельс, — объединение в одно большое войско всех боеспособных сил Р. к. Европы и Америки". Поэтому оно не могло взять за точку исхода принципы, изложенные в „Манифесте". Оно должно было иметь такую программу, которая не затворила бы двери перед английскими тред-юнионами, французскими, бельгийскими, итальянскими и испанскими прудонистами и немецкими лассальянцами. Такая программа — введение к уставу Интернационала — была написана Марксом с мастерством, которому отдавали справедливость даже Бакунин и анархисты. Для Маркса единственной гарантией окончательной победы выставленных в „Манифесте" положений являлось умственное развитие Р. к. как необходимый результат совместной деятельности и обсуждения. События и перипетии борьбы с капиталом, победы, а еще более, поражения, непременно должны были раскрыть перед борющимися полную недостаточность тех панацей, которых они придерживались, и сделать их головы более доступными для основательного понимания истинных условий освобождения рабочих. И Маркс был прав. В 1874 г., во время разложения Интернационала, Р. к. был совсем не тот, каким он был в 1864 г. при основании этого общества" [1]).

Т. обр., характернейшей особенностью нового периода в истории Р. к., наступающего после 1848 г. и длящегося почти до конца XIX в., является, прежде всего, образование длительно существующих объединений а в а н г а р д а Р. к., сторонников научного социализма и близко примыкающих к ним групп, уже на самых первых ступенях носящих не только по своей идеологии, программе и тактике, но и по своей организации строго международный характер.

Но наряду с этим выделением авангарда Р. к. в особые объединения, в эпоху промышленного капитализма наблюдается и ряд других явлений, указывающих, что внутри Р. к. происходит процесс дифференциации, расслоения — в связи с особенностями развития капиталистического общества в эпоху промышленного капитализма.

Устойчивость капитализма и повышение уровня существования рабочих. Гибель чартистского движения в Англии в значительной мере предопределена была к концу 40-х гг. двумя ближайшими и одной основной причинами. К числу ближайших относятся: 1) снижение, а затем и полная отмена пошлин на зерно (Corn Laws), произведенные в период между 1840 и 1849 гг., и 2) введение 10-часового рабочего дня. Основной же причиной явилось быстрое поглощение резервной армии непрестанно растущей промышленностью Англии.

Эта перемена в материальном положении английского рабочего в эпоху промышленного капитала, по сравнению с предшествующими эпохами, ярко отражается прилагаемой схематической диаграммой Стеффена. Она охватывает колоссальный ряд веков, всю историю наемного труда в Англии, от последней трети XIII в. почти до конца XIX стол. (до 1890 г.). Пользуясь для времени до начала XVIII в. статистикой Роджерса, она дает изменения за эти века реальной платы, выраженной в пшенице, двух разрядов рабочих — плотника, как представителя квалифицированного труда, и земледельческого рабочего, как отражающего оплату простого труда. Наметка с левой стороны диаграммы означает количество пшеницы, требующейся для выпечки одного пшеничного хлеба в 4 англ. фунта (quartern loaves); каждое деление соответствует количеству пшеницы, нужному на один такой хлеб; цифры обозначают количество пшеницы для 3, 6, 9 и т. д. таких 4-фунтовых хлебов. Верхняя волнистая линия указывает, сколько пшеницы мог купить на дневную свою заработную плату плотник, нижняя волнистая линия—сколько на свою дневную плату мог приобрести пшеницы земледельческий рабочий. Прямая неменяющаяся линия внизу (несколько ниже цифры 3 с левой стороны диаграммы) обозначает количество пшеницы (по нормам, принятым Стеффеном), требующееся в день

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, „Коммунист. манифест", изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 53—54.

для пропитания средней по составу рабочей семьи (0,01914 квартера). Деление по периодам намечено Стеффеном по эпохам повышения и падения реальной заработной платы. (См. диаграмму на стран. 431/34).

О колебаниях и катастрофических эпохах в истории английского пролетариата мы говорили выше. Конечно, измерить точно эти колебания мы не можем — слишком разнородны данные по разным эпохам. Значение диаграммы поэтому — только грубо ориентировочное. Этого отнюдь не следует забывать. Но большой подъем в реальной заработной плате с середины прошлого столетия она намечает правильно, показывая, что квалифицированный рабочий достиг в эпоху промышленного расцвета Англии благосостояния, какого он не знал за все прошлые века развития страны, и в то же время ставя под вопрос, стало ли лучше и в конце XIX стол. по сравнению с серединой XV стол. положение земледельческого рабочего.

Во всяком случае с начала 50-х гг. XIX стол. улучшение наступило и оно вызвало значительные изменения в настроениях промышленных рабочих.

Аналогичные причины, приводившие к аналогичным результатам, действовали не только в Англии. Их действие наблюдалось в эпоху промышленного капитализма и во Франции, и в Германии. Устойчивость и органический рост капитализма повсюду порождали устойчивость положения рабочих и относительно быстрый рост уровня материального благосостояния их. Период первоначального накопления и ранняя эпоха „фабричной системы" означали такую безудержную эксплоатацию труда, какой ранее не знала история. Сравнительная обеспеченность работника ремесленного предприятия сменилась болезненной пауперизацией, обнищанием всего населения, лишенного орудий производства и получавшего средства к существованию от продажи своего труда. С 50-х гг. картина положения Р. к. первых десятилетий XIX стол. решительно изменилась. Само собою, что основной факт эксплоатации сохранился. Формы ее, однако, оказались гораздо более смягченными и менее ощутительными для рабочей массы.

В Англии в 1829—1831 гг. средний доход рабочего бумаготкацкой промышленности составлял в год 19 ф. ст. 8 шил. и держался на этом уровне более или менее длительный срок, поднявшись лишь к середине 40-х гг. (1844 — 1846) до 24 ф. ст. 10 ш., а в 1859 — 1861 гг. он уже равнялся 30 ф. ст. 15 шил. С этого же времени наблюдается и более или менее равномерное повышение и заработной платы и общенационального дохода. Известный английский статистик Боули вычислил, что если принять для 1860 г. средний доход населения (т.-е. все доходы от промышленности, торговли и т. д.) за 100 и за такую же цифру принять заработную плату того же года, то получается следующее соотношение в росте того и другого:

Годы.	Доход.	Заработная плата.
1860	100	100
1870	123	113
1880	135	124
1891	148	140

Другими словами, рост оплаты труда сравнительно с ростом всего национального дохода отстает, но не настолько, чтобы быстрый рост богатства Англии, широко эксплоатирующей и свое положение единственной „мастерской мира", и свою роль единственного поставщика средств морского транспорта, и свои многочисленные колонии, не отражался повышением благосостояния и английского рабочего (см. *социальное распределение*, XLI, ч. 1, 101/10). Покупательная способность Р. к. увеличивается из года в год, обеспечивая ему, в обмен за его заработок, тот уровень существования, который совершенно не был ему доступен в период первоначального накопления капитала. Дж. Вуд в Journal of Royal Statistical Society (март 1909 г.) устанавливает, что на протяжении всей второй половины XIX ст. реальная заработная плата английских рабочих возросла на 80%. При этом по отдельным периодам рост заработной платы распределяется так:

Периоды	Номинальная заработная плата в % %	Цены в % %	Реальн. заработная плата (с учетом влияния безработицы) в% %
С 1850 — 1854 по 1873 — 1877 гг.	+ 41	+ 11	+ 32
С 1873 — 1877 по 1880 — 1884 гг.	— 4	— 7	+ 3
С 1880 — 1884 по 1900 — 1902 гг.	+ 21	— 14	+ 36
Для всего периода с 1850 по 1902 г.	+ 70	— 5	+ 80

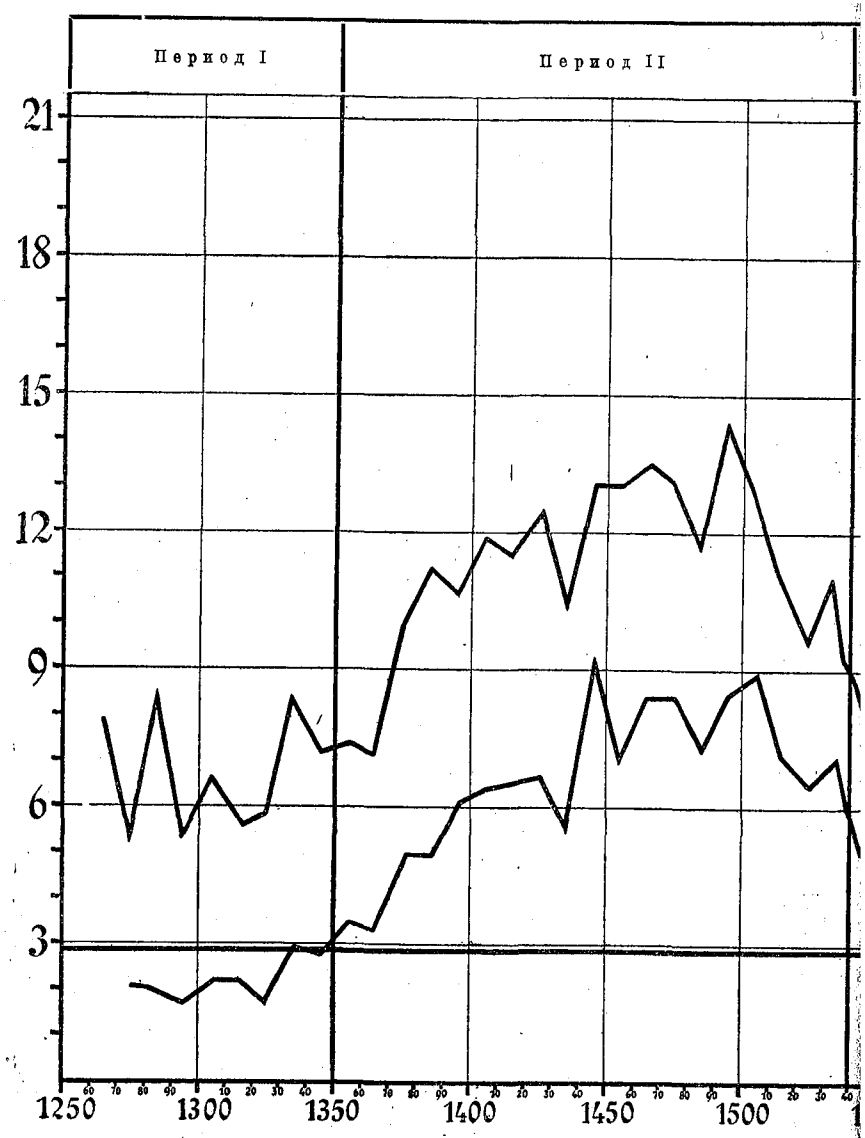
Боули дает следующую таблицу-характеристику движения заработной платы, в общем совпадающую по своим выводам с таблицей Дж. Вуда. Она интересна тем, что она содержит не статистический, а синхронистический материал-характеристику:

Периоды	Номинальная заработная плата	Цены	Реальн. заработная плата
1790—1810	Быстро поднимается	Чрезвыч. быстро поднимаются	Медленно падает
1810—1830	Падает	Быстро падают	Медленно поднимается
1830—1852	Почти стационарна	Медленно падают	„
1852—1870	Быстро поднимается	Поднимаются	Значител. подним.
1870—1873	Чрезвычайно быстро поднимается	Быстро поднимают.	Чрезвыч. быстро поднимается
1873—1879	Быстро падает	Быстро падают	Почти стационарна
1879—1887	Почти стационарна	Падают	Поднимается
1887—1892	Поднимается	Подним. и падают	„
1892—1897	Почти стационарна	Падают	„
1897—1900	Быстро поднимается	Поднимаются	„
1900—1904	Несколько падает	Падают и поднимаются	Стационарна

Мы видим, таким образом, что непосредственно в четвертьвековой период, наступивший вслед за переломом в движении Р. к., заработная плата, до конца 40-х гг. почти не менявшаяся, быстро растет как в абсолютных, так и в относительных цифрах и дает реальное увеличение суммы средств существования, которой располагает рабочий. Английский капитализм, опиравшийся в это время на эксплоатацию цветнокожих рас в своих колониях и обслуживавший на монопольных началах весь мировой рынок как товарами, так и транспортом, мог мириться с увеличением заработной платы английского рабочего. Попрежнему, конечно, вся масса рабочих, составлявших подавляющее большинство населения, получала в свое распоряжение менее половины общенационального дохода. Даже в 1914 г. вся заработная плата составляла лишь $^4/_{11}$ последнего. Но тем не менее впечатление прогрессирующего улучшения складывалось у рабочих достаточно отчетливо: капитализм переходит от экономики низкой заработной платы к экономике высокой заработной платы.

Во Франции точно так же наблюдалось значительное повышение как номинальной, так и реальной заработной платы. Правда, то обстоятельство, что здесь линия развития проходила, гл. обр., по направлению к укреплению ссудного, спекулятивно-ростовщического капитала, а не по направлению к укреплению промышленности, не могло не вызвать соответствующего отставания французского рабочего от рабочего английского. Положение рабочего необходимо должно было здесь оказаться гораздо более скромным, чем то, какое наблюдалось в соответствующий период в Англии или в другой стране, быстро идущей по пути промышл. развития,—в Германии. Того наличия благополучия, которое связывает английского рабочего второй половины XIX ст. со всем строем капиталист. отношений, во Франции установиться не могло. И в самом деле, если восстановить движение заработной платы во Франции за рассматриваемый период, то не трудно констатировать большую или меньшую устойчивость заработной платы на относительно более низком, чем в Англии, уровне.

(Диаграмма Г. Стеффена—Gustav F. Steffen, „Studien zu



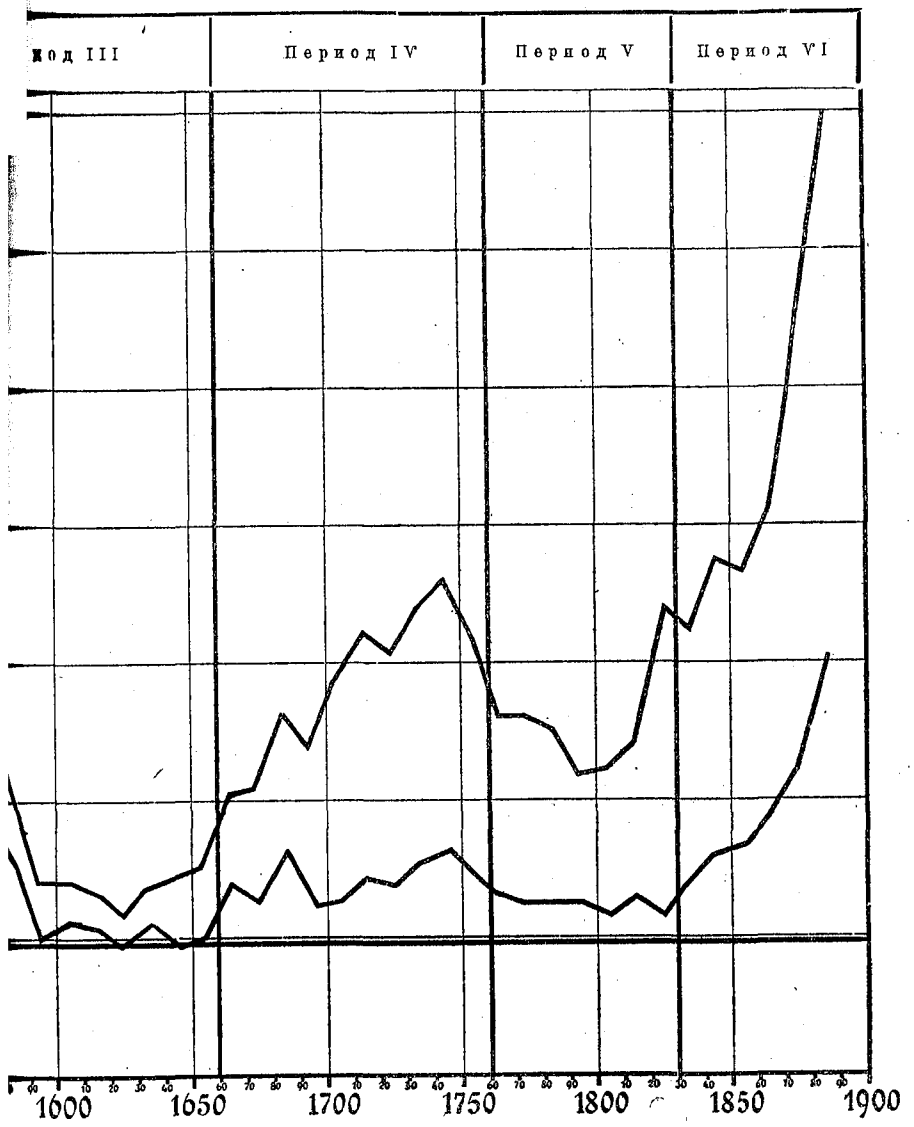
1. В основу диаграммы положена средняя за десятилетие денежная заработная плата в расчете на день работы в различных местностях Англии, переведенная на пшеницу, по средним за десятилетие ценам.

2. Единицей измерения для пшеницы взято количество ее, какое требуется для выпечки одного четырехфунтового английского хлеба *(quartern lo*

3. Наметка и цифры с левой стороны диагра обозначают, на какое количество 4-фунтов. англ ских хлебов мог купить пшеницы за свою дневн заработную плату английский рабочий.

4. *Верхняя волнистая линия* обозначает измене

dor englischen Lohnarbeiter", B. 1, Stuttg. 1901, Taf. II).



переведенной на пшеницу дневной заработной платы *плотника*.

5. *Нижняя волнистая линия* обозначает движение переведенной на пшеницу заработной платы за день *земледельческого рабочего*.

6. *Утолщенная прямая линия* под волнистыми линиями обозначает количество пшеницы, какое требуется в день для прокормления рабочей семьи среднего состава (0,01914 квартера).

7. Нанесенные перпендикулярными линиями периоды соответствуют различаемым Стеффеном периодам повышения и падения реальной заработной платы.

След. таблица показывает движение заработной платы для некоторых групп рабочих Парижа (в сантимах за 1 час):

Годы	Каменщики	Плотники	Кожевники	Кузнецы	Шоссейн. рабочие	Чернораб. в слес. дел.
1852	42 с.	50 с.	35 с.	50 с.	30 с.	30 с.
1862	52 „	60 „	45 „	55 „	40 „	35 „
1873	55 „	—	50 „	65 „	55 „	40 „
1880	—	—	—	—	—	—
1885	—	—	—	—	—	—
1896	80 „	80 „	80 „	77 „	55	50 „

Для всей же Франции материал, представленный министерством труда на всемирную выставку 1900 г., дает такую картину изменения номинальной заработной платы. Если принять данные за 1892 г. за 100, то получится след. движение заработной платы:

В 1853 г.	56
„ 1860—1865	70
„ 1873	75
„ 1880	98
„ 1892	100

Другими словами, номинальная заработная плата увеличилась за этот период на 78,5%. Темп роста ее значительно, притом, превысил темп роста цен на предметы потребления. По тем же источникам, последние увеличивались след. обр.:

В 1854—1863 г.г.	99,0
1864—1873	102,5
1874—1883	105,8
1884—1893	100,0

Так. обр., колебания в ценах на основные предметы потребления были в общем незначительными и к концу XIX в. дали немногим более 1,0%. Иначе говоря, и во Франции мы находим повышение реальной заработной платы примерно на 75% (ср. *Франция*, XLV, ч. I, прилож. к ст. 351/52, табл. 13—14).

Что же касается Германии, то мы наблюдаем аналогичное поступательное движение заработной платы, но лишь в несколько более поздний период, именно—с 80-х гг.

Неравномерность повышения жизненного уровня рабочих. Но рост материального благополучия рабочих шел в эпоху промышленного капитализма неодинаково для различных групп рабочих. Мы наблюдаем в эту эпоху значительное расхождение между заработками высококвалифицированных и неквалифицированных рабочих.

Следует отметить, что вообще только в самое недавнее время — лишь с XX в. — статистика заработной платы ведется сколько-нибудь удовлетворительно. Для предыдущего периода, в том числе и для рассматриваемой эпохи, характерно отсутствие сколько-нибудь точных данных. Все, чем мы можем оперировать, сводится к приблизительным исчислениям таких статистиков и экономистов, как в Англии Гиффен, Джордж Вуд и Боули. Что же касается других стран, то напрасно мы искали бы сведений о движении заработной платы там для отдельных групп рабочих ранее 90-х г. XIX в. Однако, имеющийся материал, хотя он и не может быть непосредственно сравниваем по отношению к отдельным датам, вполне достаточен, чтобы дать представление об основной тенденции в движении заработной платы. Эта тенденция заключается в расхождении заработков квалифицированных и неквалифицированных групп рабочих.

Первое исчисление относительно распределения рабочего населения по размерам заработков и по степени квалифицированности рабочих было произведено путем изучения распределения народного дохода в 1868 г. Дэдли Бакстером. Данные последнего сводились к след. В 1867 г. годичный заработок составлял [1]):

Квалификация рабочих.	Численность группы		Сумма заработка 1 рабочего по сравнению с заработком квалифицированного рабочего		
	Абсолютно	Относител.	ф. ст.	шилл.	% %
Квалифицированные	1.345.000	12,2	50	—	100
Средней квалифик.	5.087.000	46,4	33	10	67
Сельско-хоз. и неквалифиц. .	4.529.000	41,4	24	10	49

[1]) Цит. по A. Bowley, „Wages in the United Kingdom in Nineteenth Century", стр. 65.

По этим данным, заработки неквалифицированного рабочего не составляли и половины заработков высшей группы. Разрыв, как видим, был весьма значителен. Артур Боули, подвергнувший чрезвычайно обстоятельному анализу весь имеющийся материал, составил свое собственное исчисление размеров заработков разных групп на протяжении всего XIX ст. Его данные таковы [1]). Заработная плата составляла в среднем:

Квалификация рабочих.	1795 г.	1807 г.	1824 г.	1833 г.	1867 г.	1897 г.
Лондонск. квалифиц.	25 ш.	30 ш.	30 ш.	28 ш.	36 ш.	40 ш.
Провинциальн. квалифиц.	17 „	22 „	24 „	22 „	27 „	34 „
Городск. чернорабоч.	12 „	14 „	16 „	14 „	20 „	25 „
Сельско-хоз. батрак.	9 „	13 „	9 „ 6 п.	10 „ 6 п.	14 „	16 „

В известной мере, переломным годом был 1833 год. С этого времени номинальная заработная плата неизменно повышается. Каково же соотношение между заработком наихуже и наилучше оплачиваемой группы рабочих в период от 1833 по 1897 г.? Если принять для каждого года заработную плату квалифицированного рабочего за 100, то окажется, что заработная плата с.-хоз. батрака составила в 1833 г. 37,5, в 1867 г. — 38,8 и в 1897 г.— 40,0, а городского чернорабочего соответственно—50,0, 55,5, и 62,5. Несмотря, т. обр., на некоторое сближение крайностей, которые наблюдаются в оплате разных по квалификации групп труда рабочих, на протяжении всего XIX в. мы находим весьма значительный разрыв между оплатой труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих, как это ярко иллюстрирует и приведенная выше диаграмма Стеффена.

Такого рода разрыв означал — не мог не означать — что Р. к. Англии переживал в эпоху промышленного капитализма значительную дифференциацию. Интересы различных по квалификации групп рабочих оказывались на протяжении всей этой эпохи неодинаковыми.

У нас есть и другой способ установить этот процесс дифференциации. Гиффен для 1885 г. произвел исчисление процентного распределения рабочих мужского пола по размерам фактических заработков. Для 1912 г. эту работу проделал Сидней Вебб. Разумеется, сравнению эти две серии исчислений не подлежат, тем более, что дата исчисления процентного распределения рабочих по размерам заработка у Вебба относится уже не к эпохе промышленного капитализма, а к эпохе империализма. Но некоторое указание на тенденции развития Р. к. мы можем получить и путем сопоставления данных Гиффена и Вебба [1]). Так, из всего числа рабочих мужского пола получали:

	По Гиффену для 1885 г. (в %%)		По Веббу для 1912 г. (в %%)
Менее 15 ш. в неделю	2,7		3,7
От 15 до 20 ш. в неделю	20,9		7,4
„ 20 „ 25 „ „	34,4	79,9	18,4
„ 25 „ 30 „ „	23,6		19,3
„ 30 „ 35 „ „	11,2		19,3
„ 35 „ 40 „ „	4,4		12,0
Свыше 40 ш. в неделю	1,8		11,9

Что говорят нам эти цифры? По Гиффену, средние группы давали свыше $^3/_4$ всего числа рабочих. Крайние полюсы были незначительны по размерам. По Веббу же, крайние полюсы выросли (при общей тенденции к более значительному повышению высших групп), а средние группы стали дробнее, но многочисленнее. Другими словами, процесс дифференциации в Р. к. стал отчетливее.

Подобная неоднородность повышения материального уровня рабочих не

[1]) A. Bowley, цит. соч., стр. 70.

[1]) Приводим и те и др. по работе И. Граната, „Классы и массы в Англии", стр. 94—95.

могла не поставить в разное положение по отношению к капитализму разные группы рабочих в рассматриваемую эпоху. Одни чувствовали отчетливо, что их положение крепнет и улучшается быстро с прогрессом капитализма, другие, напротив, оказывались в тисках ужасающей бедности. На самом деле, обследования, произведенные Чарльзом Бусом в Лондоне для 80-х г.г. и Сибомом Раунтри в Иорке для конца 90-х г.г., показали, что „абсолютная бедность", определенная как состояние, при котором „общая сумма заработков семьи недостаточна для обеспечения ее минимумом необходимого для поддержания одной только физической дееспособности" [1]), составляет достояние очень значительной части населения промышленных городов. По Бусу, в абсолютной нужде находилось в момент произведенного им обследования 30,7% лондонского населения, а по Раунтри — 43,4% всего рабочего населения и 27,8% общего числа населения г. Иорка [2]). Аналогичные данные для более позднего периода были получены и по другим городам. И даже Боули вынужден признать, что „большей частью бедность, обнаруженная исследованиями,— не преходящая, а постоянная, не случайная, порождаемая исключительным несчастием, а нормальное свойство промышленности данных городов. Не может быть слишком сильных слов для установления факта, что из всех причин, порождающих „первичную бедность", низкая заработная плата — далеко преобладающая [3]).

Другими словами, внутри Р. к. установилось в эпоху промышленного капитализма несколько градаций по размерам заработной платы, при чем весьма значительная группа оказывалась все время и неизменно ниже „линии бедности", тогда как, напротив, другая группа — высококвалифицированных рабочих — оказывалась в особо благоприятном положении и неизменно же стояла значительно выше этой „линии".

Таково было положение в Англии. Оно не было иным и во Франции и в Германии. Так, отношение между квалифицир. и неквалифиц. группами в 1914 г. было в Англии равно 100 и 66, во Франции — 100 и 68, в Австрии — 100 и 75. В 1897 г., как мы видели, в Англии оно составляло 100 и 62 (ср. *заработная плата*, XX, прим., а также, относительно Бельгии, *V*, 254/55).

Очевидно, процесс расслоения, дифференциации Р. к. имел место повсюду, где установился капиталистический способ производства. И мы не поймем основной отличительной особенности рабочего движения в эпоху промышленного капитализма, именно — дифференциации его, если не учтем этого расслоения самого Р. к.

Дифференциация рабочего движения в эпоху промышленного капитализма. Процесс отслаивания наиболее обеспеченных групп в рабочем движении начинает наблюдаться на почве дифференциации в самом Р. к. уже в 40-е годы.

Устойчивость вошедшего в эпоху своего органического развития капитализма и своеобразие рамок, в которых развиваются капиталист. отношения, вместе с ростом материального благополучия высоко квалифицированной группы рабочих,—обусловливают перенесение центра тяжести рабочего движения из организаций, которые занимают позиции последовательной, до конца выдержанной классовой борьбы, в организации защиты непосредственных, ближайших интересов рабочего у станка.

Еще в период чартизма в Англии, напр., мы находим организацию цеховых союзов квалифицированных рабочих. Эти союзы возникают потому, что появляется уже новый тип рабочего. Постепенно, по мере выявления неравномерности в повышении заработной платы и др. условий материального существования рабочих для отдельных прослоек рабочих и по мере роста нужды капиталист. предприятий в высококвалифицированных рабочих, могущих работать не только при ма-

---

[1]) B. Seebohm Rowntree, „Poverty, a Study of Town Life", изд. 2, стр. 117.

[2]) Ср. C. Booth, „Life and Labour of the People in London", т. II, стр. 20, и B. S. Rowntree, цит. соч., стр. 150—151.

[3]) Цит. по И. Гранату, упом. соч., стр. 92.

шине, но, что главнее, настраивать, налаживать эту машину, — вырабатывается тип „механика“, тип человека, столь же отличающегося от „человека при машине“, как этот последний отличается от „человека с инструментом“. Среди высококвалифицированных рабочих, которые пользуются на рынке труда чрезвычайно благоприятным для них соотношением спроса - предложения и добиваются очень хороших и выгодных условий найма по сравнению с остальной массой, образовываются организации, ставящие своей целью дальнейшее укрепление позиции, уже обеспеченной благоприятным соотношением рынка труда за данной группой рабочих. Эти организации держатся в стороне от чартистского движения и даже отказываются его поддержать. Когда Фрост и др. чартисты, пытавшиеся освободить из тюрьмы арестованных вождей чартистского движения, были захвачены с оружием в руках и приговорены к смертной казни, ни один союз не откликнулся на призыв чартистов выступить в защиту арестованных. Это вызвало в „Северной Звезде“ горячую, возмущенную статью Фергюса О'Коннора, клеймившего позорное предательство союзов того периода. „Никогда, — писал он в № от 24 авг. 1846 г., — не была проявлена более преступная апатия, чем безразличие профессиональных организаций Великобритании к страданиям этих людей“. И О'Коннор прибавляет, что „если бы половина того, что было сделано для дорчестерских батраков или глэзговских бумагопрядильщиков, было сделано и для Фроста, Вильямса и Джонса — они давно были бы уже возвращены к свободной жизни“.

Первоначально эти экономическ. организации немногочисленны. Их количественная сила точно так же невелика. Веббы считают, что в период чартизма союзы квалифицированных рабочих едва ли насчитывали больше 100 тысяч членов. Но устойчивость этих организаций так же значительна, как и устойчивость промышленного капитализма. Организующиеся в Англии в 1850 г., а во Франции и в Германии — в 1860 г. экономические объединения, меняясь на протяжении длительного периода времени, видоизменяя свою физиономию, свой характер — остаются неизменно теми же организациями, даже по названию, даже по преемственности записей, членских книжек и т. д. В настоящее время в Англии не трудно найти рабочего, который является потомственным членом профессионального союза и у которого хранятся членские книжки не только за свою жизнь, но и за жизнь своего отца, деда и прадеда.

Вот эти-то организации квалифицированных рабочих в эпоху промышленного капитализма оказываются организациями, стоящими целиком и полностью на позициях буржуазной политической экономии. Уже в кризис 1837—1842 гг. уроки поражений воспринимаются близко к сердцу английскими рабочими объединениями в смысле учета опасности стачечной борьбы. Делегаты английского союза формовщиков, напр., на своем собрании 26 сент. 1846 г. выступают определенно против тактики стачечной борьбы. „Стачки изобилуют, — говорится в их постановлении, — в некоторых случаях они порождают новые стачки... Как часто столкновения вовремя предупреждались переговорами с предпринимателями! И уж, конечно, не бесчестно объяснить вашему предпринимателю природу и размер ваших требований“. Центральный комитет каменщиков неоднократно предупреждал своих членов в конце сороковых годов об опасности, угрожающей союзу в результате стачечной борьбы. „Воздерживайтесь от стачек, — говорилось, напр., в его циркулярном обращении к массам на рождество 1845 г., — так же, как вы держались бы в стороне от хищного зверя, который, как вы знаете, готов пожрать вас... Помните, что именно стачка довела вас до ничтожества в 1842 г... Мы умоляем вас, братья, если вы только бережете свое благополучие, избегайте, насколько возможно, этих бесполезных стачек“. „Дайте нам возможность еще год заняться искренне и внимательно организационной работой; и если годичная работа не укрепит наше положение, то займемся этой работой в следующий

год. Ибо именно представление о неорганизованном состоянии рабочих вообще и побуждает предпринимателей-тиранов угнетать их". Не менее решительно высказывались против стачечной борьбы и рабочие, занятые в производстве хрустального стекла. На протяжении пятилетия — с 1850 по 1855 гг.—руководящий орган объединений этих рабочих непрестанно выступает против стачек. И утверждения журнала, что „стачки были проклятием для тред-юнионов", выражают настроения всей массы организованных рабочих; в 1845 г., по предложению центрального комитета союза рабочих, занятых в производстве английского стекла, референдум среди членов союза дал единодушное голосование за уничтожение пособий стачечникам[1]).

Вместе с тем эта волна „антистачкизма" сопровождается нарастанием настроений примиренности с капитализмом. Насколько решительно и безоговорочно в тридцатые годы рабочие массы выступали *против* капитализма, настолько в пятидесятые годы они упорно отклоняют от себя всякую мысль о необходимости уничтожения господства капитала; преобладающими настроениями оказываются настроения примирения с капитализмом. Союзы занимаются вопросом об эмиграции, а не о борьбе с классовым врагом. Они считают, что их ближайшая и непосредственная задача— улучшение условий найма. И эту задачу считают возможным разрешить без опасных и приводящих к страшным потерям революционных выступлений. Их идеология строится целиком и безоговорочно на прочном еще в то время фундаменте буржуазной идеологии. Они настолько не видят расхождения своих интересов с интересами буржуазии, что сразу же после пятидесятых годов прибегают к идеологическому руководству буржуазных ученых и публицистов. Кто им помогает практическим советом в деле ограждения своих публично-правовых привилегий? Ряд буржуазных адвокатов во главе с Фредериком Гаррисоном, известным последователем Конта. Кто ими приглашается читать лекции и доклады на съездах на темы о сущности профессионального движения? Проф. Бизли, д-р Ингрем... Они настолько во власти буржуазных взглядов на сущность общественных отношений, что им рисуется совершенно естественным вхождение рабочих, избранных ими для участия в работах парламента,— секретаря шотландских горнорабочих Александра Макдональда, Томаса Барта, Генри Броадхерста и др.—в состав либеральной партии. Событие, которое десятками лет позднее вызвало бурю в социалистическом движении всего мира,— вступление депутата-социалиста Мильерана в состав буржуазного министерства Вальдек Руссо,—проходит здесь незамеченным. Когда Генри Броадхерст получает незначительный пост в министерстве,— рабочая масса гордится этим; это отмечается как достижение. И один за другим секретари союзов поступают на службу к буржуазии, занимают чиновничьи посты в различных министерствах, нисколько не порождая недовольства среди массы.

Своей идеологии профессиональное движение не вырабатывает. Своих идеологов оно не выдвигает. Но не потому, что нет для этого сил в движении. Напротив, в пятидесятые-шестидесятые годы в рядах профессионально организованного пролетариата Англии имеется целая группа способнейших работников. К именам Апплгарта, Оджера можно присоединить имена Аллена, Ньютона, Гайла, Каулсона и др., каждый из которых имел свои, твердо сложившиеся, взгляды и каждый из которых был бы способен отложить заметный отпечаток на всем движении в идеологическом разрезе, если бы для этого была подходящая почва. Но английское профессиональное движение с пятидесятых годов не в состоянии было воспринимать иные учения, чем учения Ингремов, Гаррисонов и т. п. представителей буржуазного мышления, и, в силу этого, только те деятели движения, чьи точки зрения совпадали уже с общей линией капиталистического развития, чья политика стала буржуазной политикой Р. к.,

[1]) Веббы, цитир. соч., вып. II, стр. 67—68.

могли выполнять свою роль руководителей профессиональных союзов. Наиболее характерно то, что горячие головы, как их именуют Веббы, в роде Джорджа Поттера, оказывались почти без всякого влияния на движение. Что Поттер был в числе сторонников последовательной стачечной борьбы—это бесспорно. На заседании лондонского совета тред-юнионов от марта 1864 г. председатель Амальгамиров. о-ва механиков бросил такую характеристику этого работника, пытавшегося вести движение по пути борьбы: „Он стал подстрекателем стачек; он ни о чем больше не думает и никакого иного дела не делает; стачки для него—хлеб насущный. Коротко говоря, он стал стачечных дел маклером и превратил свою газету „Beehive" в средство совать свой нос в каждый возникающий где бы то ни было злосчастный конфликт" [1]). Но Поттер, в сущности, оказывался бессильным сдвинуть профессиональное движение Англии с рельс соглашательства. С 1859/60 г. он создал совершенно крохотную и невлиятельную организацию — „Ассоциацию рабочих".

Одним из крупнейших общепризнанных теоретиков профессионального движения эпохи является секретарь союза переплетчиков Т. Дж. Дэннинг (1799—1873). Т. Дж. Дэннинг выступил со своими теоретическими положениями в ежемесячном органе своего союза, так назыв. Bookbinders Circular („Циркуляр союза переплетчиков"), где он и поместил ряд статей о заработной плате, тактике профессиональных союзов и т. д. И именно в этих попытках подвести теоретическую базу под тред-юнионистскую практику сказалось полностью все влияние буржуазного миросозерцания Т. Дж. Дэннинга.

Исходная точка зрения Дэннинга заключалась в том, что в каждый данный момент больше того, что рабочий получает, промышленность не может ему дать. Поэтому он считал, что борьба союзов за заработную плату не может дать никаких результатов, если речь идет о действительном увеличении заработков, а не о борьбе против особой тирании отдельного предпринимателя; оказывать же нажим с успехом могут только те рабочие, которые имеют за собой хорошее соотношение спроса и предложения на рынке труда. Отсюда Дэннингом делался вывод о необходимости совершенно определенной формы организаций и совершенно определенных методов борьбы за интересы членов этих организаций. Это — воздействие на предпринимателя через рынок труда со стороны крепких союзов, объединяющих рабочих лишь одной профессии с одинаковой заработной платой и одинаковыми условиями труда. Даже Веббы не могут не подчеркнуть, что теоретические рассуждения Дэннинга были настолько буржуазны, что сам Мак Кулох мог бы под ними подписаться.

Другим типичным представителем профессионального движения, который в такой же мере находился во власти буржуазной политической экономии, был Джемс Стирлинг, выступавший точно так же с „теорией" подчинения союзов „естественным законам" капитализма. „Коротко говоря, — писал он,—профессиональное движение стоит перед дилеммой... Если его попытки вырвать у работодателя лучшие условия не удаются, то просто оказываются выброшенными на ветер организационные издержки и силы рабочих... Если же оно, напротив, на время добивается успеха, то конечные результаты оказываются еще хуже. Нарушенные естественные законы вновь проявляют себя путем реакции" [1]).

Мы видим, таким образом, что в рабочем движении как раз именно с пятидесятых годов начинает формироваться течение, являющееся выразителем буржуазной политики Р. к. Другими словами, после опыта политических боев, пережитых рабочими в 40-ые годы на всем европейском континенте, развитие Р. к. идет уже двумя путями. Первый путь—путь углубления и расширения организации пролетариата для завоевания политической власти и коренного переустрой-

[1]) Там же, вып. III, стр. 19.

[1]) J. Stirling, „Trade-Unionism", стр. 36.

ства экономики на социалистических началах. Это — путь I Интернационала. Второй путь — путь мирного сожительства с капитализмом, путь буржуазной политики Р. к. Это — путь тред-юнионизма.

Эпоха промышленного капитализма, в рамках которой происходит дифференциация, расслоение самого Р. к. на группы с различными интересами по уровню своей материальной обеспеченности, дает сторонников и первого и второго пути. В борьбе этих двух течений — революционного и консервативного — выковываются конкретные формы организации массовых объединений рабочих.

В разных странах и характер этой борьбы, и строение народного хозяйства, и состав самого Р. к., и условия классовых отношений — предопределяют известное своеобразие конкретных объединений. Мы получаем в английском рабочем движении преобладание буржуазных влияний на организованных рабочих и тред-юнионизм, как типичное выражение этих влияний. Во Франции столкновение классов приводит к Парижской Коммуне и росту революционного движения, вырождающегося в условиях неразвитой промышленности XIX в. в анархо-синдикализм (см. *синдикализм*). Германия становится ареной развития социал-демократического движения, оказывающегося руководителем и строителем массовых рабочих организаций (*см.* XIV, 157/69; XL, 495/505).

Дифференциация в Р. к., другими словами, приводит не только к образованию двух основных течений в рабочем движении, но и к многообразию организационных форм этого последнего. Это многообразие исчезает — и то лишь постепенно — только в эпоху империализма на том этапе рабочего движения, который Р. к. переживает уже в первые десятилетия XX века и который связан с нарастанием революционного движения пролетариата во всем мире. (См. *рабочее движение во время войны*, XLVI, 456/531; *Германия в эпоху мировой войны*, XLVII, особ. 256/68; *Франция в эпоху мировой войны*, XLVII, 462/574; *Великобритания*, XLVII, 381/426). *В. Яроцкий.*

В. Современное положение Р. к. в важнейших странах Запада.

II. Современное положение Р. к. в Англии. 1). *Современная структура английского пролетариата.* Предшествующий обзор истории Р. к. показывает, что на каждой стадии капитализма положение пролетариата, его устремления, его силы, направление его классовой борьбы, его победы и поражения определяются, с одной стороны, удельным весом Р. к. в общем составе всего населения страны, т.-е. структурой всего общества, с другой — структурой самого пролетариата, его расслоением по размерам заработка и уровню благосостояния в зависимости от степени профессиональной квалификации, от пола, возраста и т. п.

Как мы видели, в Соединенном Королевстве — в Великобритании вместе с Ирландией — пролетариат еще на ранней ступени промышленного капитализма, в 1812 г., составлял почти две трети всего самодеятельного населения. Боули в исследовании „The division of the product of industry“ (Oxf. 1921) дает строение населения Соединенного Королевства по социальному положению, основным профессиям и размерам дохода для 1911 г., т.-е. для эпохи расцвета империализма. Итоги его таковы (см. первую табл. на след. стран.).

Как видно из этих цифр, люди наемного труда, в тесном смысле наемные рабочие, составляли в Соединенном Королевстве в 1911 г. три четверти всего самодеятельного населения, а вместе с мелкими служащими — даже 85% — пропорция, которая не встречается более ни в какой иной стране. Без южной Ирландии, где преобладает земледелие и мелкое фермерство,—в современном Соединенн. Королевстве эта пропорция еще несколько больше. В последующей работе Боули совместно со Стемпом (Bowley and Stamp, „The national income 1924“, Oxf., 1927, p. 12) дается такое исчисление для 1924 г. (см. табл. 2 стр. 451).

Таким образом, одни рабочие образуют 75,86%, а рабочие и служащие, независимо от дохода последних, составляют без малого 90% всех само-

Табл. 1.

Занятия	Соед. Корол. 1911. Число лиц (в тыс.) с доходом: свыше 160 фун. ст.		менее 160 фун. ст.		Численность (в тысячах) наемных рабочих	Всего активн. насел. (в тысячах)
	Предприниматели	Служащие	Предпр. и самостоят. работники	Служащие		
Промышленность	135	120	570	350	7.420	8.595
Железные дороги	—	10	—	80	530	620
Другие виды транспорта, торговля, посредничество, рыболовство	230	155	850	395	2.650	4.280
Сельское хозяйство	80	—	610	5	1.675	2.320
Домашнее услужение	—	—	—	—	2.310	2.310
Свободные профессии	135	20	270	320	115	860
Госуд. и коммун. служба, включая войско и флот	—	80	—	135	950	1.165
Всего	530	385	2.300	1.285	15.650	20.150

Табл. 3.

	Англия и Уэльс 1921.						Великобритания 1921.
	Мужчин			Женщин			
	Работодатели	Рабоч. и служащ.	Самостоят. работники	Работодатели	Рабоч. и служащие	Самостоят. работники	Рабочие и служащие обоего пола Всего
Всего	563.203	3.800.276	749.239	73.708	4.664.603	327.021	17.414 718
В том числе главн. занятия:							
Сельское хозяйство	138.646	895.205	137.447	9.983	63.400	9.669	1.097.277
Горное дело	1.181	1.060.454	114	16	3.347	1	1.218.744
Металлургия	88.145	1.470.968	86.122	887	108.370	317	1.857.711
Текстильн. промышленн.	6.194	862.545	1.295	821	606.941	1.702	1.094.855
Швейная и обувн.	29.582	211.660	47.475	10.918	457.408	79.687	781.802
Деревообд. и меб.	18.470	441.078	86.862	264	25.811	1.015	545.634
Строительн. дело	27.248	459.779	18.518	177	1.556	10	522.231
Пищев., вкл. парфюм. и табачн.	19.169	163.489	10.874	2.887	92 875	4.882	308.136
Бумажн. и полиграф. промышл.	9.054	154.122	5 342	411	108.814	628	297.871
Окраска домов, судов и т. д.	10.360	176.667	17.784	95	2.679	89	195.564
Силикатная пром.	1.744	89.843	527	49	41.943	49	142.425
Транспорт и служба связи	15.559	1.364.177	40.857	437	62.600	543	1.601.854
Торговля, кредит и страхов. (за исключ. контор. служ.).	165.672	652.313	245.135	21.815	385.119	89.122	1.173.574
Конторские служащ., чертежн. и машинистки	—	567.770	264	—	429.683	12	1.124.788
Кладовщики и упаковщики	307	221.532	430	9	128.617	84	383.583
Личное услужение	38.055	232.704	69.185	21.338	1.557.307	97.780	1.972.893

Табл. 2.

Великобр. и Сев. Ирланд. 1924.	Мужч. и мальч.	Женщ. и девушек
	в тысячах	
Рабочих	11.000	4.400
Служащих	1.700	1.100
Самостоят. работн.	900	400
Предпринимат., фермеров, лиц свободн. профессий	700	100
Всего. . .	14.300	6.000

деятельных, а по переписи 1921 г. в частности для Англии с Уэльсом—почти 91% (90,96). Приводим, по перепи. 1921 г., абсолютные цифры для Англии с Уэльсом, в целом и по важнейшим видам занятий, по трем основным категориям, различаемым переписью: работодатели, наемные работники (рабочие и служащие), самостоятельные работники (работающие за собственный счет),— отдельно для мужчин и женщин, а также общее число рабочих и служащих обоего пола по всей Великобритании (см. таблицу 3 на стран. 449/50).

Следует иметь в виду, что по сельскому хозяйству к рабочим и служащим причислены также помогающие члены семьи фермера (по Великобритании—100.401). *Мужской* наемный труд применяется преимущественно в таких отраслях, как металлургия, горное дело и сельское хозяйство (свыше 1 млн. рабочих и служащих в каждом из этих занятий), далее строительное дело (520.580), деревообделочное и мебельное производства (515.867); в значительно меньшей степени мужской труд находит применение в текстильной (397.511) и швейно-обувной промышленности (229.562). В последних двух отраслях заметно преобладает *женский* труд (697.344 — в текстильной промышленности и 501.740—в швейно-обувной).

Распределение всего самодеятельного населения Англии с Уэльсом по главным видам производственного труда в годы двух последних цензов представляется в след. виде (см. ст. 452).

В общем, как видим, продолжается весьма давно начавшийся процесс передвижения пролетариата от сельского хозяйства к промышленности и от менее квалифицированного труда — к более квалифицированному, от ремесленного труда (строительное дело) и частью потогонного (швейно-обувное производство) к фабрично-заводскому. Соответственно, конечно, должна была изменяться и группировка промышленного пролетариата по величине заработка.

Табл. 4.

Отрасли	В Англии и Уэльсе на 10.000 самодеят. было занято	
	в 1911 г.	в 1921 г.
Металлургия.	931	1.237
Каменноуг. промышл.	596	659
Пищевая	207	220
Бумажн. и полиграф.	175	198
Химическая промышл.	81	115
Швейно-обувная . . .	645	474
Хлопчато-бумажная. .	386	347
Строительная	529	442
Шерстяная	143	138
Деревообделочная. . .	149	133
Вся обрабатыв. промышленность. . . .	3.804	3.879
Сельск. хозяйство . .	755	654

В предшествующей статье мы уже приводили итоги исчисления Сиднея Вебба распределения рабочих Соединенного Королевства по размерам заработка для 1912 г. Приводим его теперь полностью [1]) в виду исключительн. интереса, представляемого им для выяснения положения Р. к. в Англии накануне мировой войны. Вебб в своем исчислении принимает, что рабочий теряет в течение года из-за простоев, безработицы и болезни пять рабочих недель. Умножая указываемый им средний заработок за полную рабочую неделю на 47, мы получаем на основании его данных такую группировку Р. к. по размерам годового заработка (см. стлб. 453/54, табл. 5).

По данным обследования, произведенного рабочими организациями [2]), в 1914 г. для содержания рабочей семьи в 5,2 душ при 1,6 работника требовалось в среднем 2 ф. 1 пенс в неделю, т.-е. 104 ф. стерл. в год. Это говорит, что весьма значительная часть Р. к. Англии, почти полная треть— 32% взрослых мужчин с постоянной работой, не была в состоянии на свой заработок, даже вместе с заработком других членов семьи (считая его в 0,6

[1]) См. „Facts for socialists", 13 ed. 1926. Fabian tract. № 5.

[2]) Parlamentary Commitee, Trades Union Congress. „Final report on the cost of living", L. 1921, p. 32.

Табл. 5.

Группировка по недельн. заработной плате в Соед. Корол. в 1912 г.	Число рабочих	%	Средний недельный заработок		Средн. годов. зараб. в фунт. стерлинг.
			Шилл.	Пенсов	
Постоянные рабочие					
Менее 15 шиллингов	320.000	4	13	—	30,5
15—20 „	640.000	8	18	—	42,3
20—24 „	1.600.000	20	22	6	52,8
25—30 „	1.680.000	21	27	6	64,6
30—34 „	1.680.000	21	32	6	76,4
34—40 „	1.040.000	13	37	6	88,1
40—44 „	560.000	7	42	6	99,8
Свыше 44 „	480.000	6	50	—	117,5
Всего постоянных рабочих	8.000.000	100	30	—	70,5
Временные рабочие	700.000	—	12	—	28,2
Всего взросл. мужчин	8.700.000	—	28	4	66,5
Подростки	1.900.000	—	10	—	23,5
Женщины на постоянной работе					
Ниже 12 шиллингов	1.000.000	—	9	—	21,2
От 12 до 15 „	1.500.000	—	13	—	30,5
Свыше 15 „	500.000	—	17	—	39,8
Всего женщин с постоянной работой	3.000.000	—	12	4	28,9
	3.100.000	—	11	7	27,3
Женщины со случайной работой	100	—	3	6	8,2
Девушки	1.500.000	—	7	6	17,6

заработка главы семьи), содержать свою семью на сколько-нибудь сносном уровне существования: вся эта масса рабочих (вместе с временными рабочими их 3.260.000 взросл. мужч.) должна была либо опускаться ниже этого жизн. уровня, либо не могла иметь семьи.

И в самом деле, перен. 1921 г. показывает, что по Англии (с Уэльсом),— при общем количестве самодеятельных мужчин в 12 млн., женатых было 7,5 млн., вдовцов 0,6 млн.; из женатых 2,2 млн. не имели малолетних детей (до 16 лет) и 1,7 млн. имели одного ребенка. Только около 11% имело более трех малолетн. детей. Среднее число малол. детей для женатого было 1,27, для вдового —0,32. Напомним при этом, что в последние годы рождаемость в Англии упала даже ниже уровня ее во Франции. В Англии на 1.000 населения приходилось рождений в 1901/10 гг.— 27,2, в 1925/26 гг.—18,1, в Европ. России за те же годы—46,7 и 45,1, в Германии—32,9 и 20,1, во Франции—20,6 и 18,9 (*см.* XLI, ч. 7, 379/80). Очевидно, „контроль рождений" (birth control), на ряду с эмиграцией, играет в жизни английского пролетариата не малую роль в борьбе за лучший уровень существования, значительно ослабляя энергию классовой борьбы.

Исчисления С. Вебба указывают на очень значительную дифференциацию в среде английского пролетариата. Такое расхождение в положении различных слоев Р. к., очевидно, должно оказывать особенно сильное влияние на ход классовой борьбы, осложняя ее и затрудняя единство. Далее, приведенные исчисления выведены для всего Соединенного Королевства и, так. обр., не отражают различий, существующих в уровне заработной платы между разными районами, а такие различия, в свою очередь, должны отражаться неблагоприятно на сплоченности и стойкости пролетариата.

Необеспеченность рабочей семьи заработком одного лишь главы семьи служила и служит весьма сильным стимулом к поступлению на работу „вспомогательных" семейных работников, и в частности (при незначительности в семье числа детей рабочего возраста и законодательных ограничениях детского труда) женщин. Военн. период, потребовавший огромного числа живой силы для фронтов, вызвал дополнительное вовлечение женского труда в производство.

Число работниц и служащих женского пола, занятых в народном хозяйстве Англии, составляло в июле 1914 г.

5,5 млн., а в 1918 г.—уже 6,8 млн. При этом численность домашней прислуги сократилась на 400.000 (с 1,6 млн. до 1,2 млн.), и, таким образом, женский труд вовлекался преимущественно в промышленность (увеличение на 1,7 млн.). Окончание войны и возвращение мобилизованных мужчин вызвало обратный процесс—отлив женского труда из промышленности. Тем не менее, именно женский труд растет в своем применении, если брать длительные периоды, отделяющие отдельные цензы один от другого.

Данные обследований, производившихся до войны 1914 г., давали основание полагать, что промышленность втягивает главным образом незамужних женщин и преимущественно девушек (до 75% работниц относилось к числу последних). Сохраняется ли это положение в силе и в позднейшие даты? Ответ на этот вопрос дают нам следующие данные о возрастном составе занятых женщин в Великобритании, основанные на материале переписей 1911 и 1921 г.:

Табл. 6.

Возраст	Процент занятых женщин (Великобритан.)		Процент увеличения или уменьшения(—) *абсолютн.* численн. 1911—1921 гг.
	в 1911 г.	в 1921 г.	
До 13 лет . . .	0,9	0,5	—42,1
14—15 „ . . .	6,8	6,4	— 1,2
16—17 „ . . .	9,8	10,1	7,8
18—19 „ . . .	10,4	10,7	8,7
20—24 „ . . .	21.6	21,1	— 2,8
25—44 „ . . .	34,2	33,5	— 3,0
45—64 „ . . .	13,7	15,1	15,7
Старше 65 л. .	2,6	2,6	5,9
Итого . . .	100,0	100,0	5,1

Другими словами, слегка возросло число женщин в возрасте от 16 до 17 и от 18 до 19 лет. Ниже средней нормы — возрасты от 20 до 44 лет (возраст замужества). Резко поднялась пропорция занятых старших возрастов (от 45 до 64 лет)—преимущественно вдов, и весьма значительно сократилось число занятых в младших возрастах. Таким образом, после войны среди работниц преобладают самостоятельн. женщины, вынужденные существовать только на свой заработок. Это несколько меняет картину, так как до войны работали преимущественно „дополнительные" семейные работники, девушки до замужества. Это является прямым следствием войны, которая превратила значительную часть женского населения в промышленных рабочих, целиком зависящих от своего личного заработка.

Следует еще остановиться на возрастных изменениях в составе рабочих м у ж с к о г о пола. Цензы 1911 и 1921 г. дают нам следующий материал:

Табл. 7.

Возраст	Возрастной состав рабочих мужского пола (Великобритан.)		Процент увеличения или уменьшения(—) *абсолютн.* численн. 1911—1921 гг.
	в 1911 г.	в 1921 г.	
До 13 лет . . .	0,8	0,3	—55,3
14—15 „ . . .	4,4	3,9	— 5,7
16—17 „ . . .	5,4	5,3	3,6
18—19 „ . . .	5,5	5,4	3,2
20—24 „ . . .	12,8	11,7	— 3,5
25—44 „ . .	44,3	41,1	— 1,8
45—64 „ . . .	22,8	27,5	27,1
Старше 65 л. .	4,0	4,8	25,2
Итого . . .	100,0	100,0	5,6

В этих данных обращает на себя внимание прежде всего резкое повышение пропорции с т а р ш и х групп— в возрасте свыше 45 лет и старше — на ряду с весьма ощутительным сокращением основной группы рабочих в возрасте от 20 до 44 лет. Это точно так же представляет собою прямой эффект войны, в ходе которой население потеряло исключительно большое число молодых рабочих жизней. На смену образовавшегося дефицита в рабочей силе пришли, однако, не подрастающие молодые силы, а старшее поколение, мало затронутое воинской повинностью. И это представляет собою второй замечательный факт в области изменений в составе Р. к., так как он играет весьма значительную роль в определении характера классовых отношений в послевоенной Англии. Если снижение уровня материального благополучия Р. к. служит стимулом к развитию промысловых конфликтов и к созданию предпосылок классовых столкновений, то повышение возрастного уровня Р. к. в целом

и сокращение в пропорциональном отношении между старыми и молодыми группами численности последних сказывается определенным усилением консервативных начал в английском пролетариате.

2. Общий обзор послевоенного периода. Вторая половина XIX стол. обычно считается периодом, в течение которого Р. к. Великобритании неизменно улучшал свое экономическое положение. Это — период уступок со стороны буржуазии как в области заработной платы и условий труда, так и в политической области. Это, конечно, верно, поскольку речь идет о констатировании фактов улучшения положения рабочих; но, конечно, уступки получались рабочими только потому, что рабочие оказывали постоянное давление на предпринимателей. Не следует также думать, что положение Р. к. стало более устойчивым, менее подвергалось колебаниям в сторону крайней нищеты в годы экономических кризисов, которые обрушивались с большой регулярностью, несмотря на общий хозяйственный расцвет, переживавшийся в течение этого периода. Хорошо известный кризис хлопчатобумажной промышленности, происходивший между 1860 и 1866 гг., анализ которого дан в I томе „Капитала", был одной из многих острых депрессий, которые время от времени сильно били по рабочим различных производств.

Борьба сельскохозяйственных рабочих под руководством Джозефа Арча в 1872 г., известная стачка на лондонских доках 1889 г. и борьба горняков в 1888 и 1903 гг.— это вехи на пути развития организации профессиональных союзов в ходе обостренной борьбы. Образование же конгресса тред-юнионов было началом попытки создать классовую организацию, дальнейшее развитие которой впоследствии привело к политической организации. Образование Социал-демократической федерации в 1882 г. и Общества Фабианцев в 1884 г., Независимой рабочей партии в 1893 г. и Комитета рабочего представительства в 1899 г., названного впоследствии Рабочей партией (с 1903 г.) — было чрезвычайно важным показателем дальнейшего направления политики главных профессиональных союзов,— равным образом в экономической и в политическ. областях.

Тем временем, чисто профессиональные объединения быстро росли в силе и в организационной устойчивости. Централизация фондов, которые в период отдельного существования местных организаций были распределены по всем округам, а теперь накоплялись в Лондоне и немногих других хозяйственных центрах, сопровождалась ростом числа хорошо оплачиваемых профсоюзных секретарей и других высших служащих, которые часто подпадали под влияние предпринимателей, встречаясь с ними во время переговоров и совещаний. Постепенно професс. союзы этого периода становились по существу либеральными, и, когда Рабочая партия начала строить свой собственный избирательный аппарат, пережитки старого влияния либерализма на вождей привели к своеобразному явлению, названному „либеральным лейбуризмом". К концу XIX стол. общее повышение в реальной заработной плате замедлилось, а с 1900 г. и до настоящего времени реальная заработная плата неизменно падала. Хотя в течение войны и немедленно после нее и наблюдался рост организаций, который привел к улучшению условий для неквалифицированных рабочих, но это сопровождалось фактически снижением уровня реальной оплаты труда квалифицированных рабочих. Снижение реальной заработной платы после 1900 г. содействовало росту в общегосударственном масштабе рабочих организаций, и в 1908 г. Великобританская федерация горнорабочих, созданная в 1899 г. для объединения некоторых из окружных организаций, превратилась во всеобъемлющую организацию горнорабочих по всей стране.

В 1913 г. из движения сравнительно мелких *цеховых* союзов был построен на *производственной* основе Национальный союз железнодорожников. В отличие от Амальгамированного общества механиков, эта новая национальная организация была образована на основе точно формулированной программы. В 1912 г. горняки начали всеобщую стачку, выдвинув требование минимума заработной платы, и вышли из этой борьбы с завоеванием сокращенного рабочего дня и с общим увеличением расценок. Национальный союз железнодорожников вырос из крупной железнодорожной стачки 1911 г. и с самого своего основания начал подготовляться к борьбе за сокращение рабочего времени и значительное увеличение в оплате труда. Накануне войны тщательно разработанная программа требований была выдвинута горняками, железнодорожниками, строительными рабочими и машиностроителями. Весь Р. к. сильно почувствовал падение реальной заработной платы с 1900 г. и экономический кризис 1908—09 г. Условия военного времени, вызвавшие быстрое падение реальной заработной платы, являлись причиной нарастания стачечной борьбы. Правительство принимало меры к тому, чтобы не допустить возникавшие в этот период стачки развиться в более серьезные столк-

новения; оно подчиняло своему контролю соответствующие производства, увеличивая или отстаивая увеличение заработной платы, что немедленно удовлетворяло ближайшие требования, но что отнюдь не меняло того факта, что заработная плата отставала всегда от роста стоимости существования (*см.* XLVI, 456/531). Но путем умелого сочетания пропаганды, репрессий и уступок правительство оказалось в состоянии отложить разрешение основного вопроса о положении Р. к. до конца войны.

Немедленно по окончании войны борьба вспыхнула заново с прежней энергией. Требования, которые выдвигались накануне войны горняками и железнодорожниками, были выдвинуты теперь ультимативно. Сдаваясь перед порывом штурма, правительство пошло навстречу требованиям горняков. Продолжительность их рабочего дня была сокращена до 7 часов; равным образом была сделана уступка в виде значительного повышения заработной платы. Благодаря такого рода уступкам требование национализации копей было снято. В то же самое время правительство начало создавать штрейкбрехерские организации, которые были приведены в действие, когда требования железнодорожников довели дело до стачки в сентябре 1919 г. В этом случае, однако, победа все еще была одержана железнодорожниками, которые, уже раньше обеспечив себе 8-часовой рабочий день и 48-часовую гарантированную неделю, теперь обеспечили за собою и некоторую стабилизацию заработной платы.

Повышенное настроение рабочих во всех отраслях народного хозяйства проявилось постоянным предъявлением требований, большинство из которых получало удовлетворение почти без борьбы. Наиболее важным достижением 1919—1920 гг. было сокращение продолжительности рабочего дня во всех важнейших производствах с 54 и даже большего числа часов в неделю до 48 и менее. Это сокращение продолжительности рабочего времени, за небольшим исключением, сохранялось, вопреки трудностям, испытанным в годы экономической депрессии после 1921 г., до трагического исхода борьбы в горной промышленности в 1926 г.

Повышение заработной платы, которой рабочие добились борьбой в данный период, было, однако, иллюзорно, ибо, за исключением наихудше оплачиваемых категорий, это увеличение заработной платы не повысило реальной заработной платы выше уровня 1914 г. благодаря быстрому росту стоимости существования. А когда началась экономическая депрессия, то многие рабочие немедленно подпали под действие так называемой „скользящей скалы", предусмотренной в коллективных договорах (изменение заработной платы в зависимости от стоимости средств существования), которые они добровольно заключали в период роста цен.

В то время как вопрос об общем снижении заработной платы все еще не был разрешен, правительство, которое контролировало горно-заводскую промышленность с 1916 г., решило вернуть контроль над ней шахтовладельцам. Это не вызывало фактически никаких изменений в принципе организации промышленности, так как шахтовладельцы и при существовании правительственного контроля продолжали управлять копями, и правительственный контроль означал на деле лишь финансовую ответственность правительства за состояние горной промышленности. Отказ от контроля был согласован с шахтовладельцами, которые немедленно заявили, что заработная плата должна быть урезана, и, в соответствии с этим, по всем горнозаводским районам было разослано предупреждение о локауте, когда еще парламент продолжал обсуждать законопроект о снятии правительственного контроля.

В этом кризисе горняки возлагали свои надежды на Тройственное согласие труда, на соглашение, заключенное в 1915 г.[1]) между горняками, железнодорожниками и транспортниками. План, который наметило Тройственное согласие, заключался в совместных выступлениях всех трех участников соглашения, при чем каждый участник должен был выдвинуть свою собственную программу и бороться за нее, опираясь на поддержку других участников.

31 марта 1921 г. горняки обратились за помощью к другим участникам Тройственного согласия, и на 12 апреля была назначена стачка всех трех групп союзов, входивших в „Согласие". Тем временем переговоры были возобновлены, и правительство сделало все от него зависящее, чтобы запугать Тройственное согласие демонстрацией своих сил. Первый прорыв в рабочем фронте был произведен секретарем Феде-

[1]) Мысль о соглашении возникла в 1913 г. сразу после стачечной войны 1911—1912 гг., показавшей огромную роль стачек солидарности в „узловых" отраслях народного хозяйства, приостановка работ в которых быстро приводит к параличу всего хозяйства—именно в горнозаводской промышленности и на транспорте. С целью обеспечить солидарные выступления рабочих этих отраслей, в 1913 г. и была созвана конференция Великобританской федерации горнорабочих, Национального союза железнодорожников и Федерации транспортных рабочих, на которой вопрос о создании единого руководящего борьбой центра и был разрешен в положительную сторону. Однако, лишь в 1915 г. был создан аппарат этого центра.

рации горнорабочих Фр. Ходжесом, который предложил заключить временное тарифное соглашение, снимая тем самым основное требование горняков. Когда же это предложение было отклонено исполнительным комитетом горняков, другие участники „Согласия" решили не объявлять стачки. Это решение, получившее печальную известность под именем „черной пятницы" (15 апреля 1921 г.) по дню, в который оно было вынесено, предрешило исход, и после трехмесячной стачки горняки были разгромлены.

Тяжелое поражение повело за собой серьезное сокращение в числе членов профессиональных союзов и было сигналом к общему наступлению предпринимателей на заработную плату и условия труда, завоеванные с момента окончания войны. В виду этого левые элементы в профессиональных союзах настаивали на необходимости дальнейшей консолидации сил профессионального движения. Эта политика была, повидимому, правильна в 1920 г., когда Советы действия помешали войне против Советской России. План координирования работы профессиональных союзов был выработан и утвержден Конгрессом тред-юнионов, войдя в силу с сентября 1921 г. Старый *Парламентский комитет конгресса тред-юнионов* был сдан в архив и заменен новым *Генеральным советом*, гораздо более полно представляющим все важнейшие секции рабочих и наделенным гораздо более широкими полномочиями и обязанностями, хотя он все еще не имел формального права двинуть в бой объединенные силы профессионального движения. Настоятельная потребность, испытывавшаяся профессиональным движением в организации, имеющей полномочия координировать выступления отдельных союзов, была скоро вполне осознана.

Почти в каждой отрасли народного хозяйства начались, однако, наступления со стороны предпринимателей, и в одном производстве за другим заработная плата стала снижаться. Последний месяц 1921 г. был отмечен разрывом между Амальгамированным союзом машиностроителей и Федерацией предпринимателей машиностроительной индустрии по вопросу о сверхурочных работах и управлении мастерскими. Этот же месяц был отмечен и резким падением заработной платы горняков до уровня гораздо более низкого, чем уровень 1914 г. В марте 1922 г. союз рабочих, занятых в машиностроительной индустрии, отклонил ультиматум предпринимателей, и в результате члены этого союза были подвергнуты локауту. Рессурсы союза были постепенно истощены в длительной борьбе, которая последовала за этим, и в середине июля Амальгамированный союз машиностроительных рабочих, который выдерживал дольше остальных, вынужден был признать свое поражение. Предприниматели отпраздновали свою победу требованием существенного сокращения заработной платы. Тем временем рабочие в некоторых других отраслях хозяйства вынуждены были примириться с значительной урезкой заработной платы, и предприниматели открыли наступление даже против минимума заработной платы, установленного на основании закона о промысловых советах.

Во всей истории этого периода контраст между реформистской и революционной политикой самоочевиден в чисто экономических вопросах, и за этот же период он сказался и в политических организациях Р. к. Вопрос, лицом к лицу с которым стали рабочие во всех производствах, заключался в том, должны ли они принимать более низкий уровень условий труда для того, чтобы поддерживать капиталистическую промышленность, или же они должны сопротивляться ухудшению этих условий, зная, что решительное сопротивление должно еще более ослабить капиталистов. При отсутствии какой бы то ни было дееспособной координации и руководства по линии сопротивления, результат был неизбежен. Все боевым образом настроенные рабочие рассматривали борьбу горняков в 1921 г. как момент, когда можно сломить наступление капиталистов, и как момент, открывающий возможность при помощи Тройственного согласия двинуть в бой значительные части рабочих. „Черная пятница", за которой последовала небывалая безработица, сломила этот дух, и последующие наступления предпринимателей встречали все меньшее и меньшее сопротивление. Разгром механиков в следующем году завершил это общее поражение и создал пораженческую психологию даже среди групп рабочих, до того настроенных боевым образом.

В 1920 г. главной политической организацией была Рабочая партия и поддерживающие ее организации — Общество Фабианцев, Независимая рабочая партия, в которой преобладали парламентско-реформистские настроения, и некоторые революционные организации, как Британская социалистическая партия и Социалистическая рабочая партия. Организация Рабочей партии придавала преобладающее значение в определении политики мнениям вождей профессиональных союзов и тех отдельных лиц из Фабианского общества и Независимой рабочей партии, работа которых содействовала привлечению в Рабочую партию вождей союзов и дала партии политическую программу.

Независимая рабочая партия имела в своих рядах революционно настроенные группы, но даже эти группы не представляли себе ясно своей собственной политики и в основном не поддерживали контакта с профессиональными союзами. Британская социалистическая партия и Социалистическая рабочая партия, с другой стороны, были теснее и ближе связаны с массовыми рабочими организациями, и их вожди приобрели довольно значительный опыт во время войны в движении „цеховых делегатов". В августе 1920 г. из этих элементов была образована Великобританская коммунистическая партия, а в апреле 1921 г. к ним присоединилась небольшая группа наиболее классово сознательных элементов Независимой рабочей партии. Но партия была невелика. „Левые" элементы причиняли значительные затруднения, и хозяйственный кризис 1921 г. наступил слишком быстро для того, чтобы партия могла оказать сколько-нибудь заметное влияние на ход событий. Но её активность в организации революционных настроений и в содействии образованию из элементов, которые участвовали в движении цеховых делегатов во время войны, движения меньшинства внутри профессиональных союзов привела к попыткам со стороны вождей Рабочей партии изгнать коммунистов из существующих рабочих организаций. Однако, под руководством Коммунистич. партии все левые тенденции в британск. рабочем движении медленно, но верно развивались и нашли выражение в фактической борьбе рабочих, равно как и в разрешении организационных вопросов и в резолюциях о политике. В результате этой активности Исполнительный комитет Рабочей партии решил отказать в допущении Коммунистической партии в ряды Рабочей партии, а ежегодная конференция Рабочей партии 1922 г. подтвердила это решение, которое затем повторно принималось на последующих ежегодных съездах. С 1925 г., когда ежегодный съезд Рабочей партии в Ливерпуле запретил коммунистам даже индивидуальное членство в местных организациях партии, возник дальнейший раскол. Те местные рабочие партии, которые отказывались изгнать коммунистов, были исключены из Национальной рабочей партии, вопреки тому факту, что во многих случаях местные рабочие партии, как советы профсоюзов, находятся под контролем профессионалистов и представляют собой точку зрения рядовых членов союзов. Эти элементы опять-таки теперь организованы в „движении левого крыла", состоящего из отдельных членов партии, которые выступают против ливерпульского решения, поддерживают коммунистов, хотя сами они не являются коммунистами, и придерживаются недостаточно ясной, но искренне-революционной точки зрения.

Политические организации рабочих в Великобритании, т. обр., распадаются на две группы: *реформистскую*—1. Национальная рабочая партия, 2. некоторые местные рабочие партии, 3. Общество Фабианцев и 4. Независимая рабочая партия; и *революционную*—1. Коммунистическая партия и 2. местные рабочие партии, примыкающие к левому крылу.

После краха „Тройственного согласия" в 1921 г. самым важным вопросом для профессионального движения был вопрос о создании организации, с помощью которой Р. к. мог бы объединиться в контр-выступлении против предпринимательск. наступления или в защиту требований улучшения условий труда. Левые, включающие в свое число профессионалистов, которые рассматривали этот вопрос с чисто экономической точки зрения и не имели никакого представления о политических выводах, выдвигали лозунг расширения полномочий и обязанностей Генерального совета конгресса тред-юнионов. Но на самом конгрессе соответствующие резолюции проваливались каждый год. Таким образом, в качестве временной меры, в 1924 г. было выдвинуто горняками предложение создать Индустриальное согласие на том же базисе, на котором было создано раньше Тройственное согласие, но включающее механиков и других рабочих в такой же мере, как железнодорожников, транспортников и горняков. Идея несколько привилась, но в 1925 г., в то время, когда обсуждалась конституция Индустриального согласия, кризис в угольной промышленности побудил Генеральный совет конгресса тред-юнионов предпринять шаги 31 июля 1925 г. с тем результатом, что локаут в горной промышленности не состоялся и правительство сдалось перед угрозой наложения эмбарго на перевозку угля, угрозой, официально объявленной Генеральным советом. С этого времени мало кто думал об „Индустриальном согласии", так как считалось, что Генеральный совет конгресса тред-юнионов показал себя способным, не располагая формальными полномочиями, вести во время борьбы весь Р. к. Когда опять назрел углекопный кризис в конце апреля 1926 г., Генеральный совет стал во главе движения и при поддержке Исполнительного комитета, входящего в Генеральный совет профессиональных союзов, объявил широкую стачку в поддержку горняков. Отклик последовал грандиозно-дружный и показал боевое настроение рабочих в случаях, когда налицо имеется ясное и четкое

руководство. Поражение стачки и последующее снижение уровня существования горняков, не считая суровейших массовых преследований рабочих, которые бастовали в помощь горнякам, не были ни целиком, ни главным образом результатом отсутствия формальных полномочий у Генерального совета, а были скорее последствием отсутствия у Генерального совета и его персонала политической сознательности. Другими словами, вопрос о формальных полномочиях координирующей, руководящей организации был разрешен явочным порядком, а на первый план был выдвинут поэтому более важный вопрос — политики.

Постановка этого вопроса Коммунистической партией, движением меньшинства и горняками привела к еще большему разрыву между правыми и левыми, при чем разрыв этот коснулся отношений и британского Генерального совета с В. Ц. С. П. С.

Генеральный совет, следуя по стопам Рабочей партии, попытался исключить движение меньшинств из местных советов профессиональных союзов, тогда как некоторые союзы предприняли достаточные меры, чтобы „очиститься от красных". С другой стороны, „красные" выдвинули лозунг замены нынешних вождей как в Генеральном совете, так и в отдельных исполнительных комитетах профессиональных союзов. Эта борьба между правым и левым крылом становится все более ожесточенной в то время, как наступление капиталистического правительства на условия труда в горной промышленности и — через некоторое время — на права самих тред-юнионов делает для рядовых членов союзов совершенно ясным вопрос о ближайшей политике.

Анализируя нынешнюю организацию британского Р. к., следует сказать, что все построение ее неустойчиво. Основная единица — это не группа рабочих на определенной фабрике или в определенных мастерских, но местный отдел, построенный без соблюдения каких-либо определенных принципов, а на практике охватывающий своим влиянием членов союзов одной определенной профессии, живущих в одном и том же районе. Сами профессиональные союзы имеют чрезвычайно разнообразные принципы приема в члены, путая прием по признаку профессии и по признаку производства, тогда как во всеобщие союзы, из которых только четыре являются действительно важными организациями, принимается любой работник любой профессии и из любого производства. Делегатские конференции союзов созываются на основе невероятно разнообразных принципов представительства: в некоторых случаях они состоят из делегатов от отдела, в других — из делегатов по выборам самих союзных масс в районах, в третьих случаях — из делегатов, выбранных по косвенной системе выборов от окружных комитетов. Исполнительные комитеты союзов равным образом избираются не по единому принципу, и, быть может, единственным общим для всех принципом является то, что руководящие должностные лица избираются на длительный срок и фактически, на практике, могут чувствовать себя на своем посту прочно, выбранными пожизненно (см. ниже, отд. 8).

Наконец, Генеральный совет конгресса тред-юнионов, номинально избираемый ежегодным конгрессом тред-юнионов, фактически назначается, главным образом, наиболее крупными союзами (см. ниже, отд. 9). Нельзя, таким образом, ожидать никаких радикальных перемен в составе исполнительных комитетов профессиональных союзов или Генерального совета. С другой стороны, тенденция образовывать новые раскольнические союзы под влиянием левого крыла была всегда чрезвычайно незначительной, так как и Коммунистическая партия и движение меньшинства решительно высказывались против раскола.

3. Заработная плата. а) Размеры ее. В 1924 г. министерством труда проведено было общее обследование заработков и продолжительности рабочего времени в Великобритании, но оно далеко менее детально, чем аналогичный ценз заработной платы 1906 г., и не освещает различий в оплате труда по отдельным специальностям в одном и том же производстве. Вследствие этого, сведения, которыми мы располагаем для сравнения послевоенной заработной платы с довоенной, для отдельных специальностей ограничены данными, сообщаемыми профессиональными союзами или собираемыми время от времени министерством труда по отношению к тарифным ставкам заработной платы или к минимальным расценкам последней, устанавливаемым коллективными договорами (соглашениями между предпринимательскими организациями и профессиональными союзами); известное значение в этим отношении имеют также постановления и приказы арбитражных судов, действующих на основе законов о промысловых советах, а равно и минимальные расценки, установляемые соответствующими профессиональными союзами. Что касается фактических заработков в плохо организованных и так называемых потогонных отраслях производства, то за исключением тех, на которые распространяется действие закона о промысловых советах, у нас имеется весьма немного сведений.

Министерство труда публикует общую сводку изменений в заработной плате в

ряде отраслей производства, охватывающих около 10 миллионов из 16 миллионов всех работников наемного труда Великобритании. Главные группы рабочих, чья заработная плата не включена, это — сельскохозяйственные рабочие, домашняя прислуга, торговые и конторские служащие, государственные и муниципальные служащие.

Приводим эти данные особо за годы войны и за послевоенное время, сопоставляя их с ростом стоимости жизни к концу каждого года сравнительно с июлем 1914 г.

Табл. 8.

Год	Приблиз. число лиц, зар. плата которых:		Изменение в сумме недельной зар. платы		Увелич. стоимости жизни сравн. с июлем 1914 г. =100
	повысилась	понизилась	Увелич. (ф. ст.)	Умен. (ф. ст.)	
1914	566.000	419.150	56 800	38.400	110
1915	4.305.000	—	867.100	—	135
1916	4.848.000	250	885.250	50	165
1917	6.362.000	75	2.986.200	5	185
1918	6.924.000	—	3.434.500	—	220

Из этих таблиц следует, что заработная плата отнюдь не шла в ногу с изменением стоимости жизни. Сумма зар. платы лишь весьма медленно повышалась в течение первого года войны, и только с 1917 по 1920 гг. наблюдается сколько-нибудь значительный охват рабочих повышением заработной платы. Немедленно после депрессии в промышленности наступил обратный процесс, и в 1921—1922 г. во всех отраслях народного хозяйства заработная плата, в сумме, была опять снижена.

В первой половине 1914 г. расценки заработной платы, которые за 3 предшествующих года повысились, стали проявлять понижательную тенденцию. Вскоре после начала войны понижательное движение было приостановлено, и в последние 5 месяцев 1914 г. отмечено было лишь немного изменений. К концу года, однако, повышение стоимости пищевых припасов на ряду с ростом спроса на рабочую силу привело к параллельному требованию повышения заработной платы. К началу 1915 г. прибавка на дороговизну, или так наз. „военная заработная плата", была предоставлена железнодорожникам и рабочим судостроительных верфей, а также крупным группам рабочих в главных центрах машиностроительной промышленности. Эта повышательная тенденция постепенно сказывалась и в других отраслях производства, и к лету 1916 г. осталось действительно немного рабочих в каких-либо из важных отраслей производства, которые не получали бы прибавки на дороговизну.

Продолжающийся рост стоимости жизни вызвал значительное увеличение первона-

Изменения в расценках недельной заработной платы с 1919 по 1926 гг. *Табл. 9.*

Год	Приблизительное число рабочих, чья заработная плата:		Изменение в сумме недельной заработной платы.		Стоимость жизни в конце года сравнительно с июлем 1914 г., принят. за 100.
	повысилась	понизилась	Превышение увеличения на (ф. ст.)	Превышение сокращения на (ф. ст.)	
1919	6.240.000	100	2.547.140		225
1920	7.867.000	500	4.793.020		209
1921	78.000	7 244.000		6 061.000	199
1922	73.700	7.633.000		4.210.050	180
1923	1.202.000	3.079.000		317.600	177
1924	3.019.000	481.500	553.900		181
1925	873.000	851.000		78.100	175
1926	420 000	740.000	49.300		175
1927	280.000	1.858.000		358.600	168
1928	212.000	1 608.000		141.900	167 [1]

[1]) 1 января 1929 г.

чальной „военной заработной платы", или прибавок на дороговизну, хотя наблюдалась весьма значительная разница в размере увеличения в различных отраслях промышленности и во многих случаях даже для различных групп рабочих и в различных округах для одной и той же отрасли промышленности. Например, в строительной промышленности к апрелю 1919 г. паяльщики и маляры получили повышение в размере 10 и 9 пенсов за час, тогда как военная прибавка другим строительным рабочим сводилась, примерно, к $8^1/_2$ пенсам. Тем не менее, строительные чернорабочие имели наиболее высокий процент повышения заработной платы (129%). В горнозаводских районах средняя прибавка колебалась по округам. Напр., в Нортумберленде заработная плата была повышена на 47%, тогда как в Дургэме, Иоркшире, Ланкашире и Средних графствах, а также и в мелких горнозаводских округах повышение составляло от 28 до 33%. По некоторым отраслям производства заработная плата была повышена гораздо раньше, чем в других. Говоря вообще, производствами, которые шли впереди в смысле повышения заработной платы, были производство военного снабжения и транспорт вместе с некоторыми другими существенно важными производствами, напр. горной промышленностью, в которых снабжение рабочей силой много отставало от роста спроса на нее.

По отношению к многим значительным группам рабочих сведения о числе получивших военную прибавку не сообщались, хотя и имеются сведения относительно суммы, на которую заработная плата была повышена. В соответствии с этим статистика подобного рода перемен не может быть учтена в таблицах 8 и 9. Среди этих рабочих находятся сельскохозяйственные батраки, для которых в 1918 г. „Совет по установлению сельскохозяйственной заработной платы" принял минимум заработной платы в 30 шиллингов в неделю, при чем эта сумма была увеличена на 6 шиллингов 6 пенс. в неделю в некоторых округах в 1919 г. и повторно повышена в 1920 и 1921 гг. Полицейские констебли, постоянные правительственные чиновники, служащие в муниципальных учреждениях, другие крупные группы служащих и торгово-промышленные служащие также получили прибавку на дороговизну. За первые 10 месяцев 1920 г., в то время как повышательная тенденция заработной платы и стоимости жизни, наблюдавшаяся почти без перерыва с 1914 г., все еще продолжалась, средний процент повышения недельных расценок заработной платы был, в общем, тем же самым, что и средний процент повышения стоимости жизни, если предположить, что данные министерства труда относительно стоимости жизни точны. В ноябре 1920 г., однако, стоимость жизни начала падать, тогда как расценки заработной платы рабочим продолжали подниматься до конца года, и в начале 1921 г. реальная заработная плата за полную рабочую неделю была несколько выше в среднем, чем в 1914 г.

В начале 1921 г. расценки заработной платы начали падать, но падение стоимости жизни продолжалось, и средняя реальная заработная плата оставалась более высокой, чем в 1914 г., до лета 1922 г., когда понижательная тенденция в заработной плате перегнала понижательную тенденцию стоимости жизни. (По сравнению с 1914 г., с этого времени и до последних двух лет 1927—28 гг., средний процент повышения заработн. платы не бывал больше среднего процента повышения стоимости жизни). То же продолжается в следующие три года: денежная плата падает сильнее, чем понижается стоимость средств существования. Только к концу 1925 г. уровни заработной платы и стоимости жизни по сравнению с 1914 г. уравниваются, а затем понижение стоимости жизни идет несколько быстрее понижения номинальной оплаты труда, и в конечном итоге официальная статистика может констатировать повышение реальной заработной платы по ставкам за полную неделю—к концу 1928 г. на 2—5% сравнительно с июлем 1914 г. Однако, это благополучие оказывается мнимым, когда мы примем во внимание размеры безработицы. Приводим расчеты министерства труда, прибавляя к ним процент безработных среди застрахованных. Данные относятся к концу каждого года по сравнению с июлем 1914 г., а для безработицы — процент в июле 1914 г. и в декабре каждого последующего года, кроме 1915 г., для которого соответственных сведений не имеется (см. табл. 10 на след. стр.).

Учтя разницу в размерах безработицы между июлем 1914 г. и декабрем каждого из приведенных годов, мы получим такое соотношение реальной заработной платы по тарифным ставкам в послевоенные годы сравнительно с предвоенным месяцем:

Годы		Годы	
1919	93—95	1924	87—90
1920	98—101	1925	93
1921	93—96	1926	92
1922	87—89	1927	95—98
1923	86—89	1928	94—97

Таблица 10.

Годы	Средняя тарифная зар. плата за полн. неделю работы	Стоимость жизни рабочей семьи	Реальная зар. плата за полн. неделю	% безработных среди застрахованн.
июль 1914	100	100	100	3,8
кон. 1915	195—200	220	89—91	?
„ 1919	215—220	225	96—98	6,6
„ 1920	270—280	265	102—106	7,9
„ 1921	210—215	192	109—112	13,0 [1]
„ 1922	170—175	173	96—98	12,8
„ 1923	165—170	177	93—96	100,6
„ 1924	170—175	180	94—97	10,7
„ 1925	175	175	100	10,5
„ 1926	175	175	100	11,7 [1]
„ 1927	170—175	163	101—104	9,8
„ 1928	170—175	167	102—105	11,2

Таким образом, реальный заработок фактически еще и до сих пор не вернулся к довоенному уровню; некоторое улучшение в этом отношении наблюдается, гл. обр., под влиянием понижения дороговизны жизни; но, с другой стороны, угнетающе давит на фактический заработок стойкая, целое десятилетие непрерывно продолжающаяся жестокая безработица. Поэтому и последний год, вопреки официальному итогу, показывает фактически не повышение, а понижение заработка.

Но это—итоги в среднем для всей промышленности. Иные выводы получаются для отдельных отраслей и отдельных специальностей. В опубликованных данных министерства труда мы находим сопоставление для различных профессий тарифных ставок за полную неделю в сентябре 1927 и %-ное увеличение в сент. 1927 и 1928 гг. сравнит. с 4 авг. 1914 г. В след. таблице мы параллельно приводим из других официальных сообщений число застрахованных от безработицы в июле 1926 г. (отдельно для мужчин и женщин) по отдельным отраслям,—чтобы дать представление о сравнительном значении этих производств для Р. к.,—и процент безработных среди застрахованных в сентябре 1927 и 1928 гг. (см. табл. 11 на след. стр.).

Эти данные показывают, что повышение денежной заработной платы шло крайне неравномерно; громадное несоответствие между вздорожанием жизни и повышением заработной платы обнаруживает горная промышленность; в металлургии и судостроении мы видим сильное ухудшение материального положения квалифицированного труда. С другой стороны, повышение заработной платы чернорабочих во всех приведенных отраслях значительно превосходит повышение цен на средства существования. Но это только ставки, а для ряда важн. отраслей — текстильной, обувной, железных дорог и для сельского хозяйства — лишь примерные оценки.

Фактические размеры среднего недельного заработка занятого рабочего выясняются цензом заработной платы, произведенным в 1925 г., дающим, по сведениям предпринимателей, суммы, выплаченные рабочим в четыре недели (в январе, апреле, июле и октябре) 1924 г. Полученные данные охватывают только 5 млн. рабочих. В среднем для взятых 4 недель средняя заработная плата по отраслям промышленности составляла для мужчин и женщин следующие величины:

Таблица 12.

Отрасли промышл.	Число рабочих, охвачен. цензом		Средний фактический недельный заработок в 1924 г.	
			мужчин	женщин
	мужч.	женщ.	шилл./пенс.	шилл./пенс.
Металлургия вся	1.110.948	106.350	54/9	25/3
Текстильная	259.256	386.784	51/6	28/9
Швейная	113.618	282.920	54/10	27/5
Пищевая и табачная	218.107	119.255	57/1	27/8
Силикатн., химич. и т. п.	183.935	47.427	56/7	24/1
Деревообработ.	144.062	18.224	53/6	26/2
Строительн. и т. п.	281.519	765	58/2	25/9
Бумажная и полиграф.	121.080	70.195	69/1	27/4
Друг. отрасли промышл.	224.483	49.804	54/0	26/5
Коммунальн. предпр.	446.619	7.775	59/3	29/4
Государств. промышл. предприят.	97.480	2.598	59/10	38/3
Итого	3.201.057	1.091.597	56/3	27/6

Суммарные данные ценза заработной платы 1924 г. не дают возможности выяснить расслоение Р. к. Англии по размерам заработка, но они все же показывают, в какой мере в одних отраслях труд в среднем для всех занятых в них оплачивается лучше, чем в других производствах. Из приведенной таблицы мы ви-

[1] Не считая бастовавших горняков.

Таблица 11.

Отрасли промышленности	Тарифная недельн. зарплата: 4 авг. 1914 г. шилл./пенс.	Тарифная недельн. зарплата: 30 сент. 1927 г. шилл./пенс.	% увеличен. сравн. с 1914 г.: 1927	% увеличен. сравн. с 1914 г.: 1928	Всего застрах. в отрасли в июле 1926 г. (в тысячах): мужчин	Всего застрах. в отрасли в июле 1926 г. (в тысячах): женщин	% безработных среди застрахованн.: 1927 г.	% безработных среди застрахованн.: 1928 г.
ное дело								
за смену	6/5,75	9/10,5	52	43	1.220	7	18,6	21,6
Строительное дело								
Каменщ. кирпичн. кладки	40/7	74/1	82	79	793	8	9,5	11,7
„ камен. „	39/7	74/2	87	84				
Маляр	36/8	73/4	102	98				
Чернорабочий	27/—	55/11	107	101				
Металлургия [1])								
Токарь по металлу	38/11	58/1	49	51	573	43	10,1	10,4
Литейщик	41/8	61/8	48	49				
Формовщик	42/1	62/6	49	50				
Чернорабоч.	22/10	41/8	82	83				
Судостроение								
Кораб. плотник	41/4	55/7	35	42	221	3	21,2	29,8
Кораб. столяр	40/0	57/9	44	44				
Чернорабоч.	22/10	38/5	68	75				
Хлопчатобум. пром.								
В средн. для сдельн. рабоч.	—	—	61	61	211	368	9,1	14,3
Шерстян. промышл.								
В среднем	—	—	80—90	80—90	106	148	8,0	17,1
Обувная промышл.								
Обуч. рабочий	30/0	60/0	100	86	92	54	8,0	17,4
Женщина	17/0—18/0	36/0	100—112	89—100				
Железные дороги								
В средн. квалифицир.	—	—	ок. 100	до 100	153	8	4,2	6,6
„ „ неквалифиц.	—	—	к. 145	140				
Сельское хоз. Англ. и Уэльса								
Взросл. рабочий	18/0	31/8	76	76	—	—	—	—

дим, что к лучше оплачивающим отраслям относятся бумажная промышленность (включая полиграфическую), коммунальные и государственные предприятия, строительное дело и пищевая промышленность (включая табачную), а к хуже оплачивающ. труд (берем по заработной плате мужчин) относятся производства: текстильное, деревообрабатывающее, металлургическое и швейное. Сопоставление процентной численности рабочих, занятых в главных отраслях индустрии и горного дела—мужчин и женщин—по цензам промышленности 1907 и 1924 гг. позволяют несколько уяснить себе, насколько изменилась сравнительная численность рабочих в отраслях с лучшей и худшей оплатой труда (следует, однако, иметь при этом в виду, что группировки по занятиям в цензе зараб. платы и в цензах промышленности значит. расходятся) (см. табл. 13).

В наиболее выгодных для рабочих первых четырех отраслях было занято в 1900 г. 33,7% всех рабочих-мужчин, а в 1924 г. лишь 32,1%; особ. сильное сокращение произошло в относительной численности строительных рабочих. Для женщин по этим 4 отраслям получается, наоборот, повышение—с 16,4% их общей численности в индустрии и горноделии до 19,1%. Но, с другой стороны, сократилась также относительная численность рабочих мужчин в 4 последних (не считая группы „прочие производ.") хуже оплачиваемых отраслях—с 41,7% до 37,5%, для женщин—с 77,7% до 73,5%.

[1]) Engineers' Iron and Steel Founding.

Процентное распределение рабочих в индустрии и горном деле.

Таблица 13.

	в 1907 г.		в 1924 г.	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Бумажн. и полиграф. . . .	3,7	6,3	3,5	6,5
Коммунальные предприятия	11,7	0,3	12,8	0,3
Строительное дело	13,2	2,3	10,9	2,8
Пищевая промышл. . . .	5,1	7,5	4,9	9,5
Горное дело .	20,0	0,4	24,4	0,3
Металлургия .	22,8	4,6	22,8	8,0
Швейная промышл. . . .	44,2	29,1	3,4	24,2
Деревообрабат. промышл. .	3,7	1,3	3,0	1,7
Текстильная промышл. . .	9,7	42,7	8,3	39,2
Прочие отрасли	5,9	5,8	5,9	7,4

В общем характерное для Англии XIX стол. передвижение рабочей массы от менее выгодных для нее отраслей к более выгодным со времени депрессии начинает колебаться. Сокращение относительной численности рабочих, занятых в лучше оплачиваемых производствах, балансируется исключительным увеличением их в каменноугольной промышленности, которая также относится к лучше оплачивающим труд. Но с 1924 г. к июлю 1928 г. число застрахованных углекопов сократилось на 7,5%; перспективы в угольной промышленности настолько ухудшаются, что правительство Болдуина сочло необходимым принять всевозможные меры для облегчения перехода углекопов к другим видам труда. В то же время условия труда углекопов круто и жестоко ухудшаются. Как мы видели выше (табл. 9) в 1297 и 1928 гг. заработная плата в общей сумме ее за неделю вновь значительно упала, и сокращение это имело место не только в угольной промышленности, но и в строительном производстве, в железоделательной и сталелитейной промышленности и др., при этом значительное сокращение заработной платы в 1928 г. не компенсировалось даже удешевлением стоимости жизни, так как стоимость средств существования оставалась на уровне предшествующего года. Все это говорит за то, что Англия переживает не только затяжной и сильный экономический кризис, но и нарастающий кризис социальный, особенно в области квалифицированного труда.

б) Расценки сверхурочных работ. Наиболее общей расценкой оплаты сверхурочного времени теперь, как и в 1914 г., является оплата его на 25% выше обыкновенной расценки в одних отраслях производства и на 50% — в других, с увеличением ее в большинстве производств после работы в течение определенного точно установленного числа часов сверхурочных работ. Расценки сверхурочных работ обыкновенно выше в последний день недели, при чем, как общее правило, они на 50% выше обычных расценок для субботы пополудни и в 2 раза выше для воскресного сверхурочного времени. В некоторых отраслях производства, однако, наблюдается тенденция, в особенности там, где ранее размер оплаты сверхурочных работ колебался в зависимости от округа или от группы рабочих (например, в строительном производстве), повышать пропорцию там, где она была низка, до более высокого уровня.

в) Методы оплаты труда и регулирования заработной платы. В 1906 г. министерством торговли были собраны подробнейшие сведения, показывающие относительное преобладание различных методов выплаты заработной платы.

В то время около $^3/_4$ всего числа рабочих, охваченных обследованием, получали повременно и $^1/_4$ — сдельно или по другим системам оплаты [1]). В течение войны сдельщина получила значительное распространение, особенно в производствах военного снабжения, и хотя с тех пор во многих случаях были восстановлены довоенные условия, вполне возможно, что пропорция рабочих, получающих заработную плату по результатам, в некоторых производствах выше, чем в 1906 г.

Обычная форма выплаты в зависимости от результатов работы — это индивидуальная сдельщина. На основе этой системы каждый рабочий получает в соответствии со своей выработкой, при чем часто имеется оговорка, что сдельщику гарантируется, независимо от его производительности, определенный индекс оплаты, обычно поденный минимум. В некоторых случаях, где несколько рабочих работают совместно группой, применяется также групповая сдельщина, при чем выплата устанавливается в зависимости от общей выработки группы. В некоторых случаях общая сумма делится поровну, в других (прокатные „ганги" на некоторых металлургических заводах) главный работник группы является своего рода поднанимателем, от себя оплачивающим своих помощников. В иных случаях (в мюльном прядении) раздел заработной платы устанавливается регламентом профессионального союза или коллективным договором, заключаемым профессиональным союзом с

[1]) Веббы отмечают, что в 1897 г. 42 союза с 573.000 членов высказывались за сдельщину, 88 союзов с 290.000 членов — за повременную оплату, а 24 союза с 140.000 членов признавали обе системы оплаты труда (Industrial Democracy, стр. 286—287).

ассоциацией предпринимателей. Во всяком случае, данная групповая сдельщина является системой, которая охватывает лишь весьма незначительные части производства. В некоторых производствах, на ряду с оплатой труда по времени, применяется система премий за сверхурочную выработку.

Метод регулирования заработной платы значительно меняется в зависимости от характера производства и округа, и в большинстве наиболее важных отраслей народного хозяйства заработная плата устанавливается *общенациональными* (т.-е. распространяющимися на всю страну) *коллективными договорами*, заключаемыми путем переговоров профессиональных союзов с предпринимательскими организациями, либо вырабатываемыми объединенными промысловыми советами (joint industrial councils) там, где они существуют, в которых участвуют представители предпринимателей и профессиональных союзов.

В значительном числе производств и отраслей народного хозяйства соглашения, принятые рабочими и предпринимательскими организациями, устанавливают зависимость заработной платы от так наз. *скользящей скалы*, при чем основанием для расчета является или *а) стоимость жизни* или *б)* изменения в *отпускных ценах*. Первый метод стал преобладающим во время войны, благодаря повышению стоимости существования и его временному (как предполагалось) характеру. Текстильное производство было первой важной отраслью народного хозяйства, которая применила этот метод, и в 1919 г. соглашение о введении скользящей скалы применялось в шерсте-набивной и шерсте-ткацкой промышленности и в красильно-отбелочной и аппретурной отраслях текстильной индустрии. Постепенно эта система была применена в ряде других производств и охватывает приблизительно $2^1/_2$ миллиона рабочих. Соглашение о скользящей скале предусматривает, что расценки заработной платы, установленные на определенный срок предпринимательскими организациями и профессиональными союзами, время от времени изменяются в соотношении с изменением в стоимости жизни, согласно индексу министерства труда. Такого рода соглашения встречаются во многих отраслях металлической промышленности, текстильной индустрии, производства одежды, пищевкусового производства, деревообделочной и мебельной промышленности, строительного дела, на железных дорогах и др. профессиях, а равно в коммунальных предприятиях, на государственной и коммунальной службе, в кооперативах Шотландии и др.

В главных видах тяжелой железоделательной и литейной промышленности, отчасти в железо-рудном деле и ломках известняка применяется скользящая скала второго типа, по которой изменение средних отпускных цен чугуна либо готового железа или стали предопределяет соответственное изменение заработной платы рабочих. Этот метод регулирования заработной платы применяется также в коксовой промышленности и на предприятиях по обработке вторичных продуктов выгонки кокса. Соглашения этого рода охватывают, по примерному подсчету, около 220 тысяч рабочих. Раньше, с конца 70-х годов, система скользящей скалы заработной платы по отпускным ценам угля широко применялась в каменноугольной промышленности, но в настоящее время от нее уже отказались. Во время войны и до 1920 г. определенное повышение заработной платы было завоевано горняками путем нажима на правительство, в то время контролировавшее горную промышленность, на основе единой процентной прибавки к довоенным расценкам в каждом каменноугольном районе. Прибавка исчислялась рабочим на основе (хотя и не всегда в размере) повышения в индексе стоимости жизни. По отношению к сдельщикам была применена еще дополнительная процентная прибавка для компенсации сокращения продолжительности рабочего времени в 1919 г., с целью сохранить прежние размеры недельного заработка. После катастрофического локаута 1921 г., когда горняки были оставлены на произвол судьбы другими участниками Тройственного согласия, владельцы, вместе с Фр. Ходжесом, тогда занимавшим пост секретаря Федерации горняков, ввели соглашение, устанавливающее автоматическое изменение заработной платы на основе *скользящей скалы*, но исходя не из продажных цен угля, как было некогда, а из *учета чистой выручки*. Для этого определялась периодически вся выручка за проданный за взятое время уголь, из валовой выручки вычитывались все расходы, кроме заработной платы, и чистая выручка делилась в такой пропорции: 85% — на заработную плату, 15% — предпринимателям как прибыль. Чистый доход исчислялся особо по отдельным горным округам, которых для этой цели было установлено 13. Прежде всего, этим соглашением был предусмотрен различный *минимум*. Так, был установлен минимум заработка для рабочих с низкой заработной платой, которые получали дополнительную заработную плату до минимума существования, когда скала чистой выручки автоматически не обеспечивала им такого минимума. Далее, во всех округах ни один рабочий не должен был получать за работу полного времени менее 20% над-

бавки против платы, которую он получал в 1914 г. Это был национальный минимальный процент надбавки, против которого впоследствии решительно боролись шахтовладельцы. Опыт применения соглашения показал, что во многих округах этот минимум являлся равным образом и максимумом, и в 1924 г. горняки путем переговоров и угрожая стачкой обеспечили увеличение „национального минимального процента надбавки" до $33^1/_3\%$ по сравнению с заработной платой 1914 г. и на ряду с тем увеличение доли рабочих в чистой выручке с 85% до 87%. Следует отметить, что основа для исчисления расценок была различной для каждого округа. Горняки настаивали на единообразной процентной прибавке в общенациональном масштабе к этой основной расценке для того, чтобы получить признание необходимости регулирования заработной платы в общенациональном масштабе и помешать снижению заработной платы в более бедных районах. После заключения соглашения 1924 г. предприниматели направили все свое внимание на борьбу за уничтожение этой единообразной процентной прибавки. Такова была главная цель их требования заключения договоров по округам, этого они и добились после поражения 1926 г. В большинстве округов (Дэргэм, Шотландия, Южный Уэльс) им удалось немедленно снизить процентную прибавку с $33^1/_3\%$ до 20%, но лишь до 25% в Иоркшире, и даже временно пришлось увеличить ее для средних графств, вместе с общим удлинением рабочего дня. Нынешнее положение по отношению к заработной плате горняков сводится к тому, что расценки различны для различных округов не только по отношению к основной расценке, но равным образом и к минимальной процентной прибавке. Каждый округ уже близок к минимуму, так как финансовое положение промышленности (из которого исходит соглашение) весьма неудовлетворительно во всех округах. Горняки, наконец, начинают понимать, что идея участия в прибылях, на которой построено соглашение, неправильна, что различными способами шахтовладельцы в состоянии показать плохие финансовые результаты, и если предположить даже правильность баланса, то и тогда горняки будут на минимальной заработной плате, т.-е. заработная плата будет лишь на 20% выше уровня 1914 г., тогда как стоимость жизни теперь на 67% выше против 1914 г. К несчастию, значительная доля внимания горняков была сосредоточена специальной пропагандой на деталях соглашения, а не на несостоятельности самой идеи участия в прибылях.

В некоторых отраслях производства, где рабочие не организованы или плохо организованы, минимальные расценки устанавливаются промысловыми советами. Еще давно, с конца 80-х годов, общественное внимание было привлечено потогонной системой в некоторых отраслях, особенно в производстве готового платья, лент, рыболовных сетей, цепей и картонных коробок. Закон о *промысловых советах* 1909 г. (Trade Boards act) создал паритетные камеры, состоящие из равного числа представителей предпринимателей и рабочих данной промышленности с участием нескольких членов по назначению правительства для установления минимальных расценок заработной платы в определенных отраслях производства. Эти расценки проводились в жизнь в принудительном порядке под наблюдением правительственных инспекторов. Данный закон был изменен в 1918 г., и министр труда теперь имеет право создавать паритетные промысловые комитеты в любой отрасли промышл., в которой по его мнению не существует дееспособного аппарата для правильного регулирования заработной платы. Промысловые комитеты в настоящее время существуют в 35 отраслях промышленности, в которых занято, примерно, $1^1/_2$ миллиона рабочих. Наиболее важные промышленности, охваченные действием закона, это — производство одежды и табачное производство.

4. Продолжительность рабочего дня. Одним из наиболее важных результатов роста сил организованных рабочих за время войны было сокращение продолжительности рабочей недели во всех главных отраслях народного хозяйства, при чем это сокращение они были в состоянии вырвать у предпринимателей в конце войны. Уже в 1918 г. рабочее время было сокращено в машиностроении и в судостроении, в строительной промышленности и в производстве одежды. Наиболее крупные изменения произошли в первой половине 1919 г., и в течение этого года свыше 6 млн. рабочих стали работать сокращенное время, при чем среднее сокращение составляло $6^1/_2$ часов в неделю. В конце 1918 г. число рабочих часов в неделю в главнейших отраслях промышленности Соединенного королевства колебалось от 48 до 60, тогда как в конце 1919 г. обычная амплитуда колебания равнялась 44-48 часам. Продолжительность рабочего дня в машиностроении и судостроении с января 1919 г. сократилась с 54 часов в неделю до 47. Несколько позднее других металлисты добились подобного же сокращения. 48-часовая неделя была введена для всех железнодорожников с 1 февраля 1919 г. Посменные рабочие—в железоделательной и стале-

литейной промышленности и на прокатных заводах, а равно в электропромышленности и в газовом производстве — добились 8-часовой смены. В результате отчета комиссии о положении дел в угольной промышленности, во главе с судьей Санки, продолжительность рабочего дня для углекопов, работающих под землей, была сокращена с 8 часов до 7 часов, а для рабочих, занятых на поверхности, до $46^1/_2$ ч. в неделю. С июля 1919 г. 48-часовая неделя укрепилась на текстильных предприятиях после трехдневной стачки. Равным образом 48 или 47-часовая неделя была введена в целом ряде других отраслей промышленности, включая шерстяную, обувную, местный транспорт, бумажную, печатную и переплетную, производство цемента, кожевенную промышленность, производство бочек, пекарное дело (44-часовая неделя в Шотландии), производство перчаток, стекольное, бутылочное и т. д. В строительной промышленности было заключено сепаратное соглашение в различных округах и в различные периоды времени, но в конце 1919 г. летняя продолжительность рабочего дня была сокращена для большинства округов, примерно, до $44\text{-}49^1/_2$ часов в неделю, а для зимы, в большинстве случаев, тоже была установлена сокращенная неделя. В 1920 г. в строительной промышленности *большинства тех округов, в которых* 44-часовая неделя еще не была введена,— эта неделя была принята.

Сокращение продолжительности рабочего дня продолжалось и в 1920 г., но проходило не столь быстро, при чем главной группой рабочих, на которых распространялось это сокращение, являлись строительные рабочие и те рабочие производства одежды, которые работали на портновских фабриках (в отличие от мелких мастерских). Для этих последних была установлена 48-часовая неделя. Следующие табл. 14 и 15 дают сводку положения. В них приведено число рабочих по каждой группе производства, для которых продолжительность рабочего времени была сокращена, и общие сокращения продолжительности рабочего дня за полную неделю для соответствующих групп.

Данные эти не охватывают горнозаводских, сельскохозяйственных рабочих, полицию, домашнюю прислугу, торговых служащих и конторских служащих. Продолжительность рабочего дня торговых служащих, работников складов и конторских служащих, занятых в кооперативных предприятиях, была сокращена до 48 часов в неделю в 1919 г., но значительная часть других торговых служащих, особенно занятых в розничной торговле, работает до 61 часа в неделю.

Таблица 14.

Группы производств	Число рабочих, чья продолжит. рабоч. вр. сокращена.	Общее количество часов, на котор. раб. вр. их было сокращено.	Среднее сокр. в колич. час. на 1 рабоч.
1919 г.			
Строительное	201.000	916.000	4.5
Угольное	1.060.000	5.217.000	4.9
Рудничное	33.000	139.000	4.3
Чугун, железо или сталелит.	132.000	1.811.000	13.7
Машино- и судостроение и др. металл. производства . . .	1.860.000	11.655.000	6.3
Текстильная промышленность	990.000	6.957.000	7.0
Производство одежды	213.000	1.046.000	4.9
Транспорт	900.000	7.797.000	8.7
Бумажн. промышлен., печатное дело и т. д.	193.000	783.000	4.0
Производство стекла, кирпича, фаянса и химич. продуктов .	264.000	1.668.000	6.3
Другие производства	445.000	2.644.000	5.9
Обществен. службы .	109.000	828.000	7.6
	6.400.000	41.461.000	6.5

Таблица 15.

Группы производств	Число рабочих, чья продолжительность рабочего времени сокращена.	Общее количество часов, на которое рабочее время их было сокращено.
1920 г.		
Строительное	282.000	994.000
Рудничное	15.000	44.000
Металлич. производство	9.000	35.000
Текстильная промышленность	55.000	363.000
Производство одежды	130.000	422.000
Другие производства	47.000	158.000
Обществен. службы .	22.000	69.000
	560.000	2.085.000

Среднее сокращение на 1 работающего: 3,7 часов в неделю.

По отношению к сельскому хозяйству комиссия по установлению заработной платы и окружная комиссия того же характера, созданная в августе 1917 г., обеспечили сокращение продолжительности рабочего времени для некоторых работников ферм, хотя и невозможно получить точных систематических данных по этой статье. Минимум заработной платы, установленный этим комитетом, вообще говоря, исходил из продолжительности рабочей недели в 54 часа летом и 48 часов зимой, хотя гораздо более продолжительный рабочий день имел место на практике и до сих пор еще наблюдается в некоторых округах и на некоторых работах (при работах с лошадью, в скотоводч. и молочном хозяйстве и т. д.). Самый факт обязательности выплаты сверхурочных должен был привести к стремлению сократить, где только возможно, продолжительность рабочего времени.

Нижеследующая таблица дает представление об изменениях в главнейших отраслях производства со времени окончания войны:

Таблица 16.

Производства	1918 г. (часы)	1920 г. (часы)	1926 г. (часы)
Строительная промышленность	50—55½	44—49½	44—46½
Угольная промышленность, посменно	8	7	7½—8½
Надземные рабочие (в неделю)	—	46½	49
Железоделат. и стальная промышленность, посменно	12	8	В 1926 г. не было никаких изменен. для всей группы. То же
Металлич. производство	54	47	
Машиностроение и судостроение	53—54	47	„
Текстильная промышл.	55½	48	„
Производство одежды	52½	48	„
Транспорт	60	48	„
Печатное дело	50—51	48	„
Сельское хозяйство	60	48—54	48—58

Таков ряд сокращений продолжительности рабочей недели, за исключением горнозаводской промышленности,— в результате настойчивых требований профессиональных союзов. Для фабричных рабочих юридически установленной все же является рабочая неделя продолжительностью в 55½ часов,— только для горняков законодательство сократило, а впоследствии увеличило продолжительность рабочей недели.

Борьба за восьмичасовой рабочий день, которая закончилась фактически победой во всех главных ответвлениях народного хозяйства Великобритании (за исключением сельского хозяйства и судоходства) к концу 1920 г., велась долгие годы до войны, но привела к победе лишь в результате временного расцвета промышленности и последовавшего усиления профессиональных союзов после войны.

Возьмем, напр., железные дороги. Уже в 1906 г. движение, охватившее все группы работников на железных дорогах, имело своей целью требование установления восьмичасового рабочего дня для службы движения. В течение войны, когда нажим со стороны железнодорожных союзов достиг максимальной эффективности, вопрос о восьмичасовом рабочем дне неизменно стоял на первом плане в программе их деятельности. В результате этого в 1917 г. правительство взяло на себя обязательство обсудить проект введения восьмичасового рабочего дня немедленно по окончании войны. Исполнение этого обязательства немедленно было потребовано после заключения перемирия, т.-е. тогда, когда правительство все еще опасалось мощи профессиональных союзов. Однако, к 1921 г. прилив уже сменился отливом, началась в промышленности депрессия, и немедленно предприниматели открыли наступление в такой же мере на продолжительность рабочего дня, как и на заработную плату. Совершенно естественно, что наиболее мелкие и наименее организованные группы рабочих первыми подверглись наступлению. Требование ланкаширских резиновых фабрикантов в 1921 г. о немедленном продлении рабочей недели с 48 до 55½ часов привело к стачке 10 тысяч рабочих, занятых в резиновой промышленности. Стачка закончилась через неделю на условии сохранения 48-часовой рабочей недели. Предприниматели в шерстяной и бумагопрядильной промышленности точно так же потребовали продления рабочей недели с 48 часов до 55½ часов, но в обоих случаях требования эти наткнулись на сильнейшее сопротивление со стороны рабочих, которые сорвали его угрозой забастовки в случае изменения продолжительности рабочей недели. Лондонские автобусные работники так энергично выражали свое отношение к вопросу об увеличении продолжительности рабочего дня, что, когда

соответствующий профессиональный союз вел переговоры по вопросу о коллективном договоре с основной компанией автобусных линий в Лондоне, в котором взамен стабилизации заработной платы допущено было продление рабочего времени с 9 до 10, а в некоторых случаях и до 12 часов, рабочие отклонили данное соглашение даже после повторного голосования и против прямого совета со стороны союза. Трамвайные компании, хозяева-строители, каменноугольные компании и портовые компании точно так же решили повести наступление на продолжительность рабочего времени. Рабочие в машиностроении вынуждены были принять увеличение продолжительности рабочего времени.

В 1922 г. изменения в продолжительности рабочего времени коснулись главным образом: 1) булочников Шотландии, для которых продолжительность рабочего времени была увеличена с 44 часов в неделю до 47 в мелких пекарнях и в Глазго от 44 до 47 в крупных пекарнях, и 2) сельскохозяйственных рабочих, которые, в результате отмены всех сельскохозяйственных комиссий по установлению заработной платы, потребовали завоеванных ранее уступок относительно продолжительности рабочего времени.

Сверх того, локаут в машиностроении, продолжавшийся с 11 марта по 13 июня, был вызван настойчивостью федерации машиностроительных предпринимателей, их требованием, чтобы они имели право без соглашения делегатов от мастерских проводить сверхурочные работы. Федерация принудила рабочих после длительного сопротивления по существу принять условия предпринимателей.

Наступление на продолжительность рабочего дня усилилось в 1923 г. Предприниматели, добившись значительного сокращения заработной платы за предыдущие два года, обратили свое внимание и энергию на продолжительность рабочего времени. В июне строительные компании потребовали увеличения 44-часовой рабочей недели, при чем это требование частично было удовлетворено арбитражным судом, установившим рабочую неделю в $46^1/_2$ часов в течение 5 месяцев летнего времени и в 44 часа для остальной части года. Ассоциация шахтовладельцев Великобритании потребовала возвращения к 8-часовой смене, прибегая к всевозможным и невозможным аргументам с настойчивостью, которая закончилась катастрофическим локаутом 1926 г. Рудокопы в Клевленде были вынуждены работать по 8 часов в смену под землей вместо 7 часов и по 49 часов в неделю вместо $46^1/_2$ часов на поверхности. Точно так же лондонские рабочие местного транспорта, разносчики, мелкие муниципальные работники и даже государственные служащие должны были вести борьбу за сохранение нормальной рабочей недели. В 1925 г. железнодорожные компании, не добившись согласия рабочих на временную отмену гарантированного дня и гарантированной недели (8-часовой день, 48-часовая гарантированная работа в течение недели), прибегли к сокращенной работе и к расчетам, в то же время пользуясь весьма часто и в больших размерах сверхурочными работами. „Релвей Ревью“ констатировал, что: „До нашего сведения дошло много примеров, свидетельствующих, что работы продолжаются по 10—12 часов. Наступило время, чтобы компании определенно приняли меры к соблюдению продолжительности рабочего времени, предписанного генеральным коллективным договором. Имеются сведения о том, что в определенном числе железнодорожных мастерских и депо за неделю прорабатывается не мало тысяч сверхурочных часов“. Несмотря на это, расчеты рабочих продолжались, и в конце апреля работники лондонской подземки „работали по правилам“, в виде протеста против этой политики. Со стороны руководителей союза это их сопротивление не нашло, однако, никакой поддержки. В железнодорожном коллективном договоре, который был заключен после всеобщей стачки 1926 г., гарантированная неделя была отменена, но после значительного обострения отношений и агитации был заключен новый коллективный договор, которым гарантированная неделя была восстановлена в апреле 1927 г. В машиностроительной промышленности требование более продолжительного рабочего времени было использовано предпринимателями в качестве контр-маневра требованию рабочих о повышении на 20 шиллингов заработной платы. В апреле 1925 г. предприниматели предложили для дневных смен 50-часовую рабочую неделю, а для ночных — неделю в $52^1/_2$ часа вместо 47, на ряду с сокращением сверхурочных расценок и столь незначительным повышением заработной платы, что на основании данного предложения рабочие вынуждены были бы работать более продолжительное время за пониженную заработную плату. Естественно, эти предложения были отклонены, и механики добились того, что 47-часовая рабочая неделя сохранилась.

Учитывая силу и настойчивость наступления предпринимателей на продолжительность рабочего времени, следует признать огромное значение боевого настроения рабочих и силу их организации, благодаря которым кампания предпринимателей увен-

чалась столь сравнительно незначительным успехом. Оставляя в стороне горняков,— положение которых особое,— мы должны признать, что увеличение продолжительности рабочего времени с 1924 по 1926 г. не коснулось ни одной большой группы рабочих. Следует также отметить, что увеличение продолжительности рабочего времени, навязанное рабочим с 1921 по 1923 г., в большинстве случаев относительно лишь ничтожное, проводилось преимущественно по отношению к более слабым, неорганизованным группам рабочих. Из значительных групп лишь строительные рабочие вынуждены были согласиться на удлинение рабочего дня, отказавшись от незадолго перед тем завоеванной более короткой рабочей недели.

Результаты упомянут. уже выше обследования, произведенного в 1925 г. министерством труда по вопросу о заработной плате и продолжительности рабочего времени, показывают, что среднее нормальное количество рабочих часов в неделю в текстильн. промышленности, в производствах стекольно-керамичном (производстве кирпичном, стекольном, химическом и т. д.), железоделательном и сталелитейном, машиностроительном и металлическом, в производстве бумаги, в печатном деле, в деревообрабатывающей промышленности, на общественных службах, в производстве одежды, пищевкусовой промышленности и в так наз. группе „других производств" — в 1924 г. составляло около 47 часов; в строительной промышленности средняя продолжительность рабочего времени была равна 45 часам, а на железных дорогах—48.

Ниже следующая таблица дает общее представление об изменениях в продолжительности рабочего времени с 1919 г. (по сводке несколько отличной от табл. 15 и 16).

Изменения в продолжительности рабочего времени с 1919 по 1927 гг.

Табл. 17.

Годы	Число рабочих, продолжительность рабочего времени которых была:		Общее количество недельного увеличения (+) или сокращен. (—) продолжительности рабочего времени
	увеличена	сокращена	
1919	1.150	6.305.000	— 40.651.000
1920	2.000	570.000	— 2,114.000
1921	51.500	12.900	+ 14.500*)
1922	16.000	302.700	— 93.000
1923	325.000	9.600	+ 108.750
1924	13.150	16.150	+ 12.500
1925	1.300	3.925	— 11.750
1926	934.600	340	+ 3.972.000*)
1927	18.650	1.650	+ 59.000

*) Эта цифра целиком относится к углекопам.

Наступление на продолжительность рабочего дня в каменноугольной промышленности требует несколько более детального рассмотрения, так как данная отрасль народного хозяйства являет собой пример успехов предпринимателей, при помощи правительства навязавших значительной группе организованных рабочих восстановление довоенной продолжительности рабочего времени. Как мы видели, акт 1919 г. об угольных копях сократил установленный законом 1908 г. рабочий день в 8 часов до 7 часов (не включая времени, потраченного на спуск в шахты и подъем), считая с момента, когда последний рабочий смены оставлял поверхность, вплоть до того времени, когда первый рабочий смены вернулся на поверхность. Законом было разрешено удлинение продолжительности рабочего времени смен на 1 час в течение не свыше 60 дней в году, но на практике это не допускалось рабочими, за исключением ремонта и общественно необходимых работ. По коллективному договору, который был заключен вслед за локаутом 1921 г., заработная плата во всех округах была значительно снижена. На всякое требование повышения заработной платы шахтовладельцы отвечали контр-требованием введения восьмичасовой смены. Расследование лорда Букмастера в 1924 г. представляло собой формально расследование вопроса о заработной плате, но среди моментов, выдвинутых секретарем Ассоциации шахтовладельцев, мы находим нижеследующее положение: „Главное затруднение, переживаемое угольной промышленностью, заключается в сокращении выработки на одного рабочего, что вызвано главным образом сокращением продолжительности рабочего времени с 1919 г.". Об этом упоминается в отчете, но последний не делает никаких выводов по вопросу о продолжительности рабочего времени в виду того, что данный вопрос не входил в пределы компетенции комиссии расследования. Комиссия по вопросу о положении в каменноугольной промышленности, которая была назначена в сентябре 1925 г. под председательством сэра Герберта Самюэля, получила гораздо более широкие полномочия и рассмотрела вопрос о продолжительности рабочего времени. Представителями предпринимателей горячо защищалось возвращение к восьмичасовой смене, но, вопреки всем их аргументам, комиссия Самюэля отклонила это предложение, указав, что единственным последствием подобного рода мер было бы либо увеличение выработки каменного угля, для которого нет рынка, либо лишение работы 130 тысяч углекопов. Тем не менее, правительство Болдуина после провала всеобщей стачки

издало закон об углекопах 1926 г., отменявший акт 1919 г. о 7-мичасов. смене. Условия же окружных коллективных договоров в конце концов навязали горнякам восьмичасовую смену (если считать с момента спуска последнего рабочего до момента подъема первого рабочего, то фактически свыше $8^1/_2$ часов) и удлинили продолжительность рабочего времени горняков, работающих на поверхности, в большинстве округов до 49 часов в неделю. Только в Йоркшире, Ноттингеме, Дербишире и Кенте был достигнут компромисс относительно введения $7^1/_2$-часового рабочего дня для всех подземных рабочих, а в Нортумберленде и Дэргэме — $7^1/_2$-час. рабочий день были установлен только для забойщиков. Последствием этого, как и предвидела комиссия Самюэля, было увеличение безработицы, и в конце января 1927 г. свыше 200 тысяч углекопов оказались зарегистрированными в качестве безработных (столько же в июне 1929 г.).

До второго мин-ства Макдональда (июнь 1929 г.) английское правительство настойчиво уклонялось от ратифицирования Вашингтонской конвенции о 8-часовом рабочем дне, а среди предпринимателей окрепло общее стремление требовать более продолжительного рабочего дня. Наступление на продолжительность рабочего времени в Великобритании уже приняло форму удлиненных смен в некоторых отраслях народного хозяйства, особенно среди транспортных рабочих, и непрерывных сверхурочных работ в других (в некоторых отраслях машиностроения).

Расцвет, который, согласно мнению капиталистической печати, ожидается в ближайшем будущем, послужит предлогом к еще более широкому применению сверхурочных работ, и, когда рабочие привыкнут к этим последним, а „расцвет" исчезнет, нормальный рабочий день будет увеличен. Только сильное сопротивление и боевая тактика могут воспрепятствовать введению более продолжительного рабочего времени.

Отпуска. На ряду с общим увеличением заработной платы и сокращением продолжительности рабочего времени, наиболее замечательной чертой, свидетельствующей об улучшении положения Р. к. в Великобритании, происшедшем в первые годы после войны, было широкое применение принципа отпусков с сохранением содержания. До войны, как правило, работники физического труда не получали содержания за время отпусков. Главнейшими исключениями были железные дороги, коммунальные предприятия и газетные типографии. В этих отраслях большинство работников получало отпуска с сохранением содержания на срок от 3 до 12 дней в году. С 1919 г., однако, практика отпусков с сохранением содержания была перенесена и в другие отрасли народного хозяйства, и к концу 1922 г. свыше сотни коллективных договоров, заключенных между организациями предпринимателей и рабочих, предусматривали отпуска с сохранением содержания. С того времени заключено было некоторое число новых соглашений, имевших подобную же цель, а в 1925 г. министерство труда опубликовало сведения о 25 генеральных договорах, обеспечивающих отпуска с сохранением содержания сроком от 6 дней после 12-месячной работы до 24 дней (продолжительность работы в данном случае не указана). В большинстве случаев в обычные нерелигиозные праздники отпуска тоже предоставлялись, при чем во время этих отпусков заработная плата сохранялась за рабочими (в одном случае — служащие приютов для умалишенных — установлены отпуска с сохранением содержания в течение 21 дня, но при этом в число дней отпуска включаются нерелигиозные праздники). Помимо генеральных договоров имеются сведения о ста, приблизительно, договорах аналогичного характера в горной промышленности, металлургическом производстве, в пищевкусовой промышленности, в производстве электроэнергии, в потребительской кооперации и в розничной торговле, на транспорте и в ряде второстепенных производств. Методы оплаты отпусков чрезвычайно различны. В случаях поденной работы оплачивается обычно полная поденная ставка; что же касается сдельщиков, то они порой получают за время отпуска на основе поденной расценки, но гораздо чаще им выплачивается средний заработок. В некоторых случаях создается особый отпускной фонд, в который предприниматели и рабочие вносят определенную сумму каждую неделю и который потом распределяется на период отпусков.

5. Безработица и обеспечение безработных. Вопросы о болезни, старости, безработице, несчастных случаях — не новые вопросы в жизни английских рабочих. Для борьбы с их последствиями с середины прошлого столетия большинство профессиональных союзов Великобритании широко развернуло свою страховую практику, настолько, что она даже стала преобладающей в их работе. Надолго сохранившиеся формы цеховых организаций были в значительной мере результатом этого уклона в работе, так как наиболее высоко оплачиваемые категории рабочих устанавливали относительно высокие пособия и соответственно высокий членский взнос, который не в состоянии

были уплачивать мало-квалифицир. рабочие (см. IX, *статист. обзор Великобр.*, стр. VIII).

Законодательство по охране труда развивалось на протяжении всего XIX стол. и выливалось в целый ряд парламентских актов. Но до конца прошлого столетия не существовало специального законодательства для тех рабочих, которые оказывались неспособными к труду. Рабочий, пострадавший от несчастного случая во время работы, мог предъявлять иск к своему предпринимателю только в случае, если он в состоянии был доказать, что несчастный случай вытекал из небрежности предпринимателя. Рабочий же, заболевший или доживший до возраста, когда он переставал быть полезным своему предпринимателю, или рабочий, выброшенный с работы условиями наступившей депрессии, не имел возможности существовать, за исключением пособия, выплачивавшегося его профессиональным союзом, или за счет того вспомоществования бедным, какое он мог получить от местного прихода.

Первая важная мера в области социального законодательства — это закон о компенсации рабочих 1897 г., который вместе с актами 1900 и 1906 гг. установил, что работающий — временно или постоянно—потерявший способность к труду вследствие несчастного случая во время исполнения своих служебных обязанностей или в результате профессионального заболевания,—должен получать средства существования от предпринимателя, независимо от того, явился ли несчастный случай результатом небрежности предпринимателя.

За законом о компенсации рабочих последовал акт о пенсиях на старость 1908 г., предусматривавший организацию выдачи пенсии без предварительных взносов со стороны рабочих. Но безработица, болезнь, инвалид. и смерть все еще оставались вне пределов законодательства.

Лишь с наступлением периода капиталистического упадка, когда правящий класс начал ясно представлять себе опасность лишения огромных масс рабочих средств к существованию, государство предприняло меры по организации социального страхования в сколько-нибудь широком масштабе.

Экономический кризис 1908—1909 г., вызвавший гораздо большую безработицу, чем испытывалась с 1886 г., привел к разработке проекта социального страхования, который в конечной редакции стал законом в виде акта 1911 г. Он установил обязательное и основанное на предварительных взносах страхование от болезни, включая беременность, и от безработицы в четырех отраслях народного хозяйства: строительной, машиностроительной, судостроительной и вагоностроительной. В условиях нового кризиса, наступившего после мировой войны, организация страхования от безработицы была расширена так, что охватила почти 12 миллионов рабочих. И так как кризис продолжался, то дополнительно был разработан проект страхования вдов и сирот.

Введение этого ряда актов не лишило, однако, профессиональные союзы их страховых функций. Во многих случаях профсоюзные организации сами частично выполняют роль административных органов по государственному страхованию. Многие же союзы выдают дополнительные пособия сверх правительственных. Так, напр., обеспечение права рабочего на компенсацию при несчастном случае—как смертельном, так и несмертельном — является частью нормальных функций профессиональных союзов. Члены профессиональных союзов, достигшие 70-летнего возраста, ожидают от своих союзов облегчения им возможности получения пенсии. Для распределения пособий больным, пособий материнства, особых пособий, установленных для туберкулезных, и т. д. по государственному страхованию, профессиональные союзы организовали так наз. „одобренные общества“ (*см.* ст. 502), за работой которых они устанавливают полный контроль и которые конкурируют с другими обществами, созданными капиталистическими учреждениями. Равным образом, и государственные пособия безработным могут распределяться через профессиональные союзы. В обоих этих направлениях профессиональный союз, продолжая выдавать пособия по безработице и пособия на случай болезни из своих собственных фондов, оказывается связанным с правительственным механизмом буржуазии. Государственное страхование в Германии, введенное Бисмарком в 1881 г., имело своей целью притупить остроту социального недовольства рабочих масс. Билли по рабочему страхованию Ллойд-Джорджа в 1911 г. и последующего времени стремятся превратить рабочие организации во вспомогательные органы капиталистического государства.

Чрезвычайное усиление безработицы, которое представлялось неизбежным по окончании войны, не давало себя чувствовать вплоть до последних месяцев 1920 г. Рабочий персонал предприятий в первой половине 1919 г. состоял на $^2/_3$ из женщин; в результате прекращения работы на нужды войны и общей промышленной дислокации, вызванной заключением мира, они были затем вытеснены из производства. Известное число безработных было вновь вовлечено в производство в 1919—20 г.

С декабря 1920 до января 1922 г. число безработных быстро возросло, но после этой даты начало опять снижаться, хотя и не с той же быстротой. Единственно имеющиеся статистические данные—это официальные сведения о лицах, зарегистрированных в качестве безработных на биржах труда. Большое число безработных не регистрируется либо потому, что они не имеют права на пособие из страховых фондов в случае безработицы (например, сельскохозяйственные рабочие, домашняя прислуга, служащие, зарабатывающие свыше 5 фунтов в неделю, и т. д.), либо потому, что им отказано в выдаче пособия на том или ином основании. Вследствие этого фактическая численность безработных по меньшей мере на 20% больше, чем официальные цифры.

Следующая табл. дает, в дополнение к табл. 10, официальные сведения о безработных к *началу 1919—1928 гг.*

Таблица 18.

На январь	Число зарегистрирован. на биржах труда	% безработных по отношению к общему числу застрахованн. рабочих
январь 1919 . .	728.000	9,9
„ 1920 . .	495.000	6,1
„ 1921 . .	1.065.000	8 2
„ 1922 . .	1.906.000	16,2
„ 1923 . .	1.460.000	12,7
„ 1924 . .	1.253.000	11,9
„ 1925 . .	1.287.000	11,5
„ 1926 . .	1.237.000	11,0
„ 1927 . .	1.451.000	12,1
19 дек. 1927 . .	1.127.000	9,8
январь 1928 . .	1.262.000	10,7
17 дек. 1928 . .	1.312.000	11,2

Наибольшая цифра, приходящаяся на **январь 1927 г., есть последствие локаута в каменноугольной промышленности. Процент безработных среди застрахованных в конце марта 1927 г. равнялся 9,9, а общее число зарегистрированных на бирже труда** составляло, примерно, 1.115 тысяч, из которых 905 тыс. были взросл. мужчины и 153 тыс. — женщины; в конце марта 1929 г. процент безработных равнялся 10,1, а абсолютное число зарегистрированных на биржах—1.168.000, при чем мужчин насчитывалось 918.000 и женщин—190.000. В среднем за весь 1927 г. безработные кроме оставшихся без работы вследствие локаута составляли 9,7% застрахованных.

Сравнивая цифры 1927 г. с данными за предшествующие годы, можно было бы притти к заключению, что безработица становится стабильной на весьма высоких цифрах, но 1928 г. дал новое повышение, опять подняв процент безработных среди застрахованных до 10,9% в среднем за год. До войны 2% рассматривались в качестве „несократимого минимума“ безработицы,— теперь, даже по официальной статистике, 9% стало несократимой цифрой, а между тем по отношению ко всему Р. к. фактически процент следует определить даже для 1927 г. в пределах от 10 до 11% всего числа рабочих.

Нынешняя тенденция капиталистического хозяйства Великобритании, характеризующаяся общим сокращением производства и рационализацией промышленности, т.-е. закрытием наиболее мелких и наименее удовлетворительно поставленных предприятий, на ряду с ростом индустриализации в колониях и других отсталых земледельческих странах, должна привести к усилению безработицы и делает тщетными надежды на ослабление ее. Официальная численность безработных в разных производственных группах (за 1921—1927 гг.) дана в нижеследующей таблице (см. на след. стр. табл. 19).

Следует заметить, что число застрахованных снижается на *150 тысяч* между 1921—27 гг. Это, однако, не значит, что народонаселение уменьшилось численно,— напротив, численность его значительно возросла, и уменьшение числа застрахованных *лишь показывает, в какой мере новый* бюрократический регламент превратил часть Р. к. в люмпен-пролетариат, отдав ее целиком на милость попечительств о бедных.

Некоторые отрасли производства, как судостроение, особенно резко выделяются по размерам безработицы, но эти официальные цифры показывают, что фактически все отрасли народного хозяйства *очень сильно захвачены безработицей.* Нынешняя устойчивость безработицы в действительности является результатом общего хозяйственного положения, а не последствием **исключительной** депрессии какой-либо **одной или немногих** отраслей народного хозяйства. Проблема безработицы представляет собой отображение капиталистического упадка. Самые благоприятные исчисления экономистов-сторонников капитализма определяют продукцию 1923—24 гг. (годы относительно хорошей хозяйственной конъюнктуры), примерно, в 90% довоенной. В 1925 г. продукция упала еще более, а в 1926 г.—в результате конфликта в каменноугольной промышленности и его весьма глубоких отражений во всех отраслях народного хозяйства,—продукция упала, примерно, до 60—70% довоенной.

Хотя с января 1927 г., когда работа на копях восстановилась полностью, уровень выработки был весьма значителен, однако пределы повышения скоро оказались до-

Таблица 19.

	Октябрь 1921 г.			Январь 1927 г.		
	Число застрахованных (в тысячах)	Зарегистрирован. безработн. (в тысячах)	% безработных	Число застрахованных (в тысячах)	Зарегистрирован. безработн. (в тысячах)	% безработных
Рыболовство	—	—	—	26,9	4,9	18,5
Угольная промышленность	1.152,8	153,2	13,3	1.227,8	200,6	16,3
Другие отрасли горного дела	94,1	19,0	27,9	154,4	18,6	12,0
Кирпичн. и фаянсовое производ.	146,6	14,7	9,7	156,7	19,4	12,4
Стекольное производство	40,3	8,7	21,7	44,6	6,6	14,9
Производ. воен. снаряжен. и химич. производство	310,5	31,4	10,1	210,8	16,7	7,6
Металлопромышленность (тяжелая)	374,5	93,9	22,2	346,0	60,3	17,4
Машиностроение	1.264,9	249,2	19,7	778,7	112,3	14,4
Вагоностроение	321,4	38,6	12,0	302,0	28,0	9,3
Судостроение	346,4	101,6	29,3	224,1	82,7	36,9
Легкая металлопромышленность	457,2	64,5	14,1	524,0	55,8	10,6
Хлопок	537,2	48,5	9,0	579,1	65,3	11,3
Шерсть	274,8	33,5	12,2	254,7	31,3	12,3
Другие отрасли текстильной промышленности	455,7	44,0	9,7	509,0	65,2	12,8
Кожа	90,4	7,6	8,4	67,2	6,8	10,2
Одежда	666,9	61,7	9,2	582,2	59,0	10,1
Пищевкусовая промышл.	485,8	39,5	7,3	524,1	49,5	9,4
Лесопильн., деревообделочн. и мебельное дело	254,9	28,6	11,2	203,9	19,8	9,7
Печатн. дело и производство бумаги	345,8	27,4	7,9	376,1	22,3	5,9
Строительное дело	1.029,4	147,6	14,3	965,1	159,7	16,5
Разные отрасли обраб. промышл.	101,9	9,2	9,0	144,2	12,4	8,6
Производство газа, водопроводн. дело и пр. электр. энергии	214,2	17,1	8,0	185,3	11,1	6,0
Жел.-дор., местн. и водный транспорт	804,5	123,3	15,3	790,6	121,0	15,3
Распредел. отрасли народного хозяйства	967,5	61,6	6,4	1.510,8	100,4	6,6
Торгов., банковск. дело, страхов. и финансовое дело	307,1	12,3	4,0	220,1	6,4	2,9
Государств. учреждения	390,1	30,9	7,9	151,4	10,7	7,1
Органы местн. управления	—	—	—	261,2	25,7	9,9
Различные	755,1	86,1	11,3	717,8	77,2	10,8
	12.190,7	1.554,9	12,8	12.041,0	1.451,1	12,1

стигнутыми, и продукция в угольной, а также в текстильной промышленности начала падать к апрелю 1927 г.; одновременно с тем удлинение продолжительности рабочего дня в горной промышленности и общие меры рационализации в других отраслях народного хозяйства привели к более устойчиво высокой безработице по всей стране. Эта тенденция, как мы уже говорили, будет проявляться со все увеличивающейся силой. Конфликты из-за заработной платы и продолжительности рабочего времени, становящиеся все более широкими и частыми, только подчеркивают этот экономический упадок и рост безработицы.

Каково отношение к этой постоянной и растущей безработице со стороны, во-первых, правящего класса, а, во-вторых,—рабочих?

Немедленно после войны правительство весьма серьезно отнеслось к тем затруднениям, какие могли бы возникнуть в случае, если огромное количество безработных окажется без всяких средств существования. Действовавшая система страхования от безработицы охватывала лишь первоначально введенные в страхование четыре отрасли народного хозяйства — строительную, машиностроительную, судостроительную и вагоностроительную,—на ряду со всеми рабочими, занятыми в производстве военного снаряжения. Весьма же значительная часть демобилизованных солдат и моряков не имела никакой связи с про-

фессиональными союзами, от которых они могли бы рассчитывать получить пособие. В то же время сильно возрастало и ширилось в Р. к. недовольство,— частью как естественная реакция на тяжелое положение в течение последних стадий войны, частью — в результате роста профессионального движения, особенно среди горняков, железнодорожников, докеров, механиков; значительный толчок дало также впечатление от Октябрьской революции в России.

Попытки демобилизации армии и флота постепенно, с целью избежания хозяйственной дислокации, были сорваны массовым дезертирством и незначительными, но совершенно определенными вспышками бунта. Немедленное решение данного затруднения было найдено в весьма щедрых выдачах демобилизованным, на ряду со специальной системой пособий безработным, которая, в отличие от ранее существовавшей системы страхования от безработицы, была построена не на принципе страховки, а представляла собой определенный подарок из общегосударственных фондов. К этому присоединились военные пенсии раненым солдатам и морякам, а равно и семьям убитых, и в течение 1919 и 1920 гг. свыше 250 миллионов фунт. стерл. было распределено из государственных фондов для того, чтобы содержать огромное число рабочих, для которых нельзя было найти работы. В то же время под руководством милитаристов были образованы специальные ассоциации, целью которых было удержать демобилизованных от вступления в организации безработных и помешать им осознать свои классовые интересы. Такой ассоциацией была, напр., „ассоциация товарищей великой войны", впоследствии переименованная в Британский легион, который получал специальные фонды для выдачи пособий своим членам.

Первоначально пособия по безработице выдавались в течение 6 месяцев, впоследствии под угрозой наступления горняков и железнодорожников в 1919 г. всякие ограничения этого рода были отменены. В 1920 г. правительство приняло решение отказаться от принципа безвозмездности и восстановило принцип страхования от безработицы в более широком, чем раньше, масштабе. Осенью 1920 г. система выдачи пособий безработным постепенно была ограничена, а существовавшая система страхования от безработицы расширена так, что под ее действие подпало 12 из 16 миллионов рабочих (см. отд. 6 г).

После поражения рабочих в 1921 г. правительство перестало бояться безработных, и с этого времени, за исключением периода рабочего правительства в 1924 г., правящий класс неизменно стремится сократить размеры выдачи безработным и предоставить их собственной судьбе. Прежде всего были сокращены размеры пособий. Еще более важное значение имела вторая линия тактики,—линия на сокращение общего числа получающих пособие, тем самым вынуждая обойденных или согласиться на любые условия труда, или вступить в армию как единственную альтернативу. Сокращение числа получающих пособие по безработице было проведено рядом поправок к основному закону и административных разъяснений, ставящих вовсе бол-е тяжелые условия безработных, не находивших работы в течение определенного периода. Сотням и тысячам было отказано в выдаче пособий по безработице— то в виду того, что они „иностранцы", то потому, что они „не искренне стремятся найти работу", то потому, что кто-либо из их семьи работает, то потому, что они потеряли работу после того, как временно работали в отраслях народного хозяйства, на которые не распространяется страхование по закону 1920 г.

Лишенные этого источника дохода безработные вынуждены были обратиться к последнему источнику — к пособиям бедным от местных властей. Рост рабочего контроля в органах местного самоуправления в промышленных округах, однако, обеспечил защиту рабочих от голода; во многих случаях получавшие пособие из фонда помощи бедным в округах, где местное самоуправление находилось в руках рабочих, получали лучшие условия, чем можно было бы получить по системе государственного страхования. На этом основании правительство предприняло наступление на органы местного самоуправления, с целью ограничить суммы, выплачиваемые из фонда помощи бедным; в крайних случаях там, где местные самоуправления оказывали сопротивление государству, оно лишало их полномочий и передавало обязанности по содержанию бедных чиновникам, назначенным государственной властью.

Таким образом, развернулось наступление на безработных: с одной стороны, ограничили размеры помощи бедным, а с другой стороны, широко исключали безработных рабочих из сферы действия государственной системы страхования. Когда же безработные обращались к фонду помощи бедным, то применялись суровые административные меры для ограничения числа пользующихся помощью.

Следует упомянуть два дополнительных метода помощи безработным, хотя они имеют небольшое значение по сравнению с размерами данной проблемы.

Первый — это различного рода *общественные работы*. Непосредственно после окончания войны было предпринято известное количество новых работ, главным образом по прокладке дорог, как государством, так и местными самоуправлениями, получившими для этой цели денежное ассигнование от государства. Однако, размеры сумм, уделенных на эти работы, не обеспечивали работу больше чем 10.000, а с 1922 г. подобного рода метод оказания помощи безработным сохранился вообще только в некоторых районах.

Снабжение безработных работой было выдвинуто в качестве мотива и для проведения государственного проекта кредитования внешней торговли и гарантированных займов. Эти проекты не распространялись на торговые сношения с Советской Россией, и фактически они представляли собой лишь форму субсидирования определенных капиталистических групп, тесно связанных с правительством.

Другой подсобный метод разрешения проблемы безработицы заключался в поощрении правительством *эмиграции*. Фактически экономическое положение в Канаде, Южной Африке и других колониях было почти столь же неудовлетворительным, как и в Великобритании, и безработица значительно выросла в этих странах. И по мере того как неудачи эмигрировавших рабочих становились известными, правительственная пропаганда теряла всякое значение. Общее число эмигрантов упало с 345.000 в 1913 г. до 178.000 в среднем за 3-летие 1922/24 гг. и до 154.000 в среднем за 1925/27 гг; чистая эмиграция (за вычетом иммиграции из-за океана) составляла в 1913 г. 265.000 чел., в среднем за 1922/24 гг.— только 118.000, а за 3-летие 1925/27 гг.— уже лишь 99.000 в год.

Ясно, что облегчение безработицы нельзя найти в эмиграции, так как число эмигрантов, показанное выше, включает членов семей и гораздо меньше числа добавочных рабочих, вводимых в промышленную армию ежемесячно самим ростом народонаселения.

В какой мере основные факты, из которых складывается проблема безработицы, были осознаны рабочим движением и каково было отношение к этой проблеме профессиональных союзов и парламентской рабочей партии?

Когда вспыхнул экономический кризис 1921 г., большинство профессиональных союзов было весьма крепко в финансовом отношении. Для выдачи пособий безработным членам в добавок к государственным пособиям профессиональные союзы обладали крупными фондами. Кризис считался чисто преходящим, проблема безработицы казалась связанной лишь с вопросом о том, кто будет выплачивать пособие — государство или союз. Хотя безработица была использована весьма активно для предъявления требования восстановления торговых сношений с Советской Россией, не были сделаны попытки связать общие вопросы безработицы с общими же вопросами классовой борьбы. Вожди профессиональных союзов примирились с фактом экономического кризиса в том же самом смысле, в каком примирились и капиталисты, и использовали свое влияние для того, чтобы обеспечить согласие рабочих на сокращение заработной платы.

По мере углубления кризиса нажим на союзные фонды стал прямо невыносим. Некоторые из союзов вынуждены были совершенно прекратить выдачу пособий по безработице. Рабочие, оставшиеся безработными в течение долгих месяцев и не получавшие пособия, уходили из союзов, и в течение двухлетнего периода общее число организованных рабочих сократилось на 40%. Существование огромной и неорганизованной массы безработных делало сопротивление дальнейшему сокращению заработной платы еще более трудным.

В главнейших промышленных округах безработные сами при помощи левых, а впоследствии и коммунистической партии, создавали *комитеты безработных*, частью для защиты интересов своих членов на местах, а частью — для нажима на организованное рабочее движение с целью заставить его усвоить более энергичную политику по отношению к вопросу о безработице. Эти комитеты объединились в национальное движение комитетов безработных рабочих. Но хотя велась упорная работа по организации безработных, успех ее носил строго местный и временный характер. С января 1923 г. между Генеральным советом конгресса трэд-юнионов и Национальным комитетом безработных рабочих установилась связь. Эта связь привела к организации объединенной комиссии, под руководством которой была проведена демонстрация в 1925 г. После лета 1925 г. заседания объединенной комиссии прекратились, а зимой 1926 и 1927 гг. Генеральный совет и вовсе прекратил ее существование.

В состав правительственного комитета по безработице под председательством лорда Бленсборо входила Маргарита Бондфильд от Генерального совета конгресса трэд-юнионов. Отчет комитета имел задачей еще далее провести нажим на безработных, предусматривая значительное сокращение в выплате пособия безработным одиноким рабочим и ряд других, вызывав-

ших решительные возражения, предложений. Рядовые массы членов Рабочей партии и профессиональных союзов энергично протестовали против подписи Маргаритой Бондфильд этого отчета. Но на конференции, состоявшейся 28 апреля 1927 г., чиновники Рабочей партии отказались поставить на голосование порицание Бондфильд и обеспечили прохождение резолюции, предлагающей поправками в парламенте изменить предложения отчета.

Таким образом, вожди профессиональных союзов и Рабочей партии предоставили безработных их собственной судьбе, отказываясь помочь их организации и рассматривая весь вопрос как такой, который не требует никаких усилий для своего разрешения. Вопрос этот остается, так сказать, „внепартийным" вопросом. Тори и рабочие депутаты в одинаковой мере — хотя и по несколько разным мотивам — не желают предоставить безработным умереть голодной смертью. Единственный спорный вопрос, который разделяет их,— это какой паек нужен для того, чтобы не допустить голодной смерти.

Даже правительство Болдуина не могло пренебречь опасностью, связанной с положением, и правящим классом уделены для социального страхования всякого рода весьма существенные суммы.

Нижеследующая таблица показывает, какая сумма расходуется ежегодно, при чем цифры о пенсиях вдовам и старикам относятся к тому моменту, когда соответствующая форма страхования войдет полностью в силу.

Таблица 20.

Расходы по социальному страхованию.

а) Безработица	55.000.000	ф. с.
б) Пособие неимущим	36.000.000	„
в) Пенсия старикам и вдовам . .	50.000.000	„
г) Страхование на случай болезни	35.000.000	„
д) Страхование от несчастн. случ.	7.000.000	„

Общая сумма свыше 180 млн. фунтов стерл. составляется, примерно, в равных пропорциях из взносов государства, предпринимателей и рабочих. Детали различных систем страхования и связанного с этим последним финансового положения рассматриваются дальше, в отделе о социальном страховании.

6. Формы социального страхования. *а) Национальная система страхования на случай болезни.* Акт о национальном страховании 1911 г. сделал страхование на случай болезни обязательным для всех работающих по договору о найме, за исключением работников умственного труда, получающих свыше 250 фунтов стерлингов в год. Взносы производятся предпринимателями, работниками и государством, при чем ответственность за собирание взносов от рабочих возлагается на предпринимателей. Пенсионная система (см. ниже) в настоящее время снабжается средствами путем взносов, делаемых вместе со взносами по страхованию на случай болезни, при чем общая сумма выплаты со стороны предпринимателей и со стороны рабочих составляет 1 шиллинг 6 пенсов за взрослого рабочего мужского пола (по 9 пенсов от предпринимателей и от рабочих) и 1 шиллинг 1 пенс на взрослую работницу (из них 7 пенсов от предпринимателей и 6 пенсов от работниц). Взнос из государственных средств составляет $^2/_9$ общей суммы, собранной с предпринимателей и рабочих. Взносы не производятся во время безработицы.

Пособие в случае болезни выплачивается за эти взносы после того, как застрахованный внес не менее 104 взносов, и выдается в размере 15 шилл. в неделю для взрослого рабочего мужского пола и в 12 шилл. для работницы, в течение, самое большее, 26 недель,— и по 7 шиллингов 6 пенсов в неделю, если неспособность к труду продолжается после истечения этого срока. При ожидании ребенка в качестве *пособия материнства* и при условии выплачивания не менее 42 недельных взносов выдается 2 фунта стерл. Врачебное обслуживание организовано с помощью определенных врачей, которые получают поголовную плату со всего списочного состава своих пациентов. Из определенных аптек выдаются безвозмездно лекарства. Равным образом предоставляется и санаторное лечение, но в весьма ограниченных размерах.

Все пособия выплачиваются через так называемые *„одобренные общества"*, т.-е. специальные общества по выдаче пособий, признанные министерством здравоохранения на основе закона о страховании. Этими обществами могут быть специально организованные общества взаимопомощи или специальные секции взаимопомощи профессиональных союзов, а равно специальные отделы капиталистических страховых обществ, в роде известной компании Прюденшель; в качестве альтернативы застрахованные имеют право получать пособия непосредственно из почтовых контор.

Общее управление страховым делом поручается местным врачебным комиссиям, состоящим из представителя министерства здравоохранения, врачей и „одобренных обществ". На эти комиссии возлагается обязанность наблюдения за тем, чтобы врачебное обслуживание и т. п. проводилось должным образом в их округе. Они, между прочим, составляют и списки страховых врачей. Следует добавить, что пособия на случай болезни не могут выдаваться параллельно с пособием по без-

работице по системе государственного страхования.

Доходы и расходы по страхованию на случай болезни, в миллионах фунтов стерлингов, в 1919—24 г.г. были таковы:

Табл. 21.

Годы	Взносы	Общая сумма дохода	Пособия	Общая сумма расхода
1919	18.2	29.6	15.4	19.8
1920	22.6	36.2	21.2	26.6
1921	25.2	40.6	24.5	29.9
1922	25.3	38.4	25.2	30.2
1923	26.6	39.0	24.9	29.9
1924	27.8	41.0	26.6	34.2

В 1924 г. было исчислено, что количество лиц, имеющих право на пособие по данной системе страхования, составляло 15.588.000 человек в Великобритании и северной Ирландии.

б) Пенсии вдовам и сиротам. Закон о пенсиях вдовам, сиротам и старикам стал законом в августе 1925 г., и с 4 января 1926 г. производятся взносы в фонд страхования и выплачиваются пенсии вдовам и сиротам. Взносы при этой системе, как уже было упомянуто, выплачиваются вместе с взносами в фонд страхования на случай болезни. Размеры пенсии установлены в след. виде. Вдовам. Вдовы застрахованных, сделавших по меньшей мере 104 недельных взноса в общей сложности и не менее чем 26 недельных взносов в течение каждого года из трех, предшеств. смерти застрахованного, лет (периоды болезни и безработицы засчитываются как периоды, в течение которых взносы производились), получают для себя по 10 шилл., по 5 шиллингов для старшего ребенка и по 3 шиллинга для всех остальных, покуда дети не достигли 14-летнего возраста или 16-летнего, если они все еще посещают школу. Вдове пенсия прекращается, если она вновь выходит замуж или сходится с другим мужчиной. Сиротам — по 7 шиллингов 7 пенсов в неделю. В настоящее время нет еще финансовых данных, которые бы показали, какая сумма расходуется на эти пенсии. Однако, вычислено, что рабочие и работодатели будут выплачивать почти 20 миллионов фунт. стерлингов в год, а государство обязалось доставлять по 4.070.000 фунтов стерлингов в течение десятилетнего периода.

в) Пенсии по старости. Не считая пенсионных фондов крупнейших профессиональных союзов, некоторых обществ взаимопомощи и некоторых предприятий в отдельных отраслях народного хозяйства, мы имели до 1908 г. весьма мало организованных попыток обеспечить стариков. Огромное большинство стариков неизбежно пауперизировалось, если их родные не в состоянии были обеспечить их в годы старости. Акт о пенсиях по старости от 1908 г. предусматривал выдачу пенсии всем британским бедным, достигшим 70-летнего возраста и проживавшим в Соединенном Королевстве в течение предшествующих 20 лет, раз они не имели постоянного дохода какого бы то ни было характера, в размере от 12 шиллингов в неделю и свыше. Полная пенсия, для желающих ее получать и не имеющих никаких других доходов, составляла 5 шиллингов в неделю, но снижалась до 1 шиллинга, когда доходы старика превосходили 11 шиллингов в неделю.

Акт 1919 г. увеличил размеры пенсии до 10 шиллингов в неделю для тех, чьи средства к существованию не превосходят 26 фунтов 5 шиллингов в год, а акт 1924 г. предусматривал, что при исчислении дохода первые 15 шиллингов, даже если они были результатом не заработанного дохода, не должны учитываться. Закон о слепых 1920 г. снизил установленный законом возраст, дающий право на пенсию по старости, до 50 лет для слепых.

В 1925 г. система пенсий старости была перестроена на основе предварительного составления фонда путем взносов, т.-е. на началах страхования, предусматривала, что каждый застрахованный и жена застрахованного должны получать пенсию в 10 шиллингов в неделю по достижении 65-летнего возраста, раз рабочий был застрахован в течение пяти лет до достижения этого возраста и сделал 104 взноса. Далее акт устанавливает, что застрахованный рабочий, его жена или вдова имеет право каждый на полную пенсию в 10 шиллингов по достижении 70-летнего возраста, без какой бы то ни было проверки средств к существованию, местожительства или национальности, предусмотренных в предшествовавшем акте. Акт распространяется на всех застрахованных в обязательном порядке на основе акта о национальном страховании на случай болезни и на лиц, занятых на некоторых работах, не подлежащих действию страхового акта. Другие группы работников могут стать участниками на началах полной добровольности.

(Число выплаченных пенсий и общая сумма их показана в таблице 22 на след. стр.).

г) Страхование на случай безработицы. До 1911 г. единственное обеспечение рабочих на случай безработицы доставлялось за их собственный счет без помощи государства их профессиональному союзу. Часть вторая акта о национальном

Пенсия по старости

Табл. 22.

За год по 31 марта	Число выплачиваемых пенсий (на конец марта)	Общая сумма пенсий, выплаченных в течение года
1919	920.198	17.728.000 фун. ст.
1920	957.915	19.110.000 „ „
1921	1.002.342	25.092.000 „ „
1922	1.029.367	26.360.000 „ „
1923	936.953	23.397.000 „ „
1924	957.543	24.270.000 „ „
1925	1.051.358	25.942.000 „ „

страховании 1911 г. предусматривала выплату ссуды министерством труда тем профессиональным союзам, которые брали на себя выдачу пособий по безработице своим членам и давали согласие подчиняться ряду условий, установленных министерством. Часть вторая акта предусматривала также обязательное всеобщее страхование правительством всех рабочих, занятых в машиностроении, в литейном деле, в судостроении, в строительном деле, на лесопильных заводах, в каретно-вагонном производстве и на всякого рода работах по возведению построек. Это обязательное страхование охватывало только $2^1/_2$ миллиона рабочих, т.-е. около $^1/_6$ общего числа наемных работников. Предприниматели и рабочие выплачивали каждый по $2^1/_2$ пенса в неделю, а рабочий, в случае безработицы, получал 7 шиллингов в неделю.

Огромный рост безработицы после войны сделал необходимым расширение системы страхования, и акт о страховании на случай безработицы, вошедший в действие в ноябре 1920 г., распространил обязательное страхование на всех рабочих, охваченных уже страхованием на случай болезни (см. об этом выше), за исключением работников на дому, сельскохозяйственных рабочих, домашней прислуги, а равно работников предприятий общественного значения. К этому времени число застрахованных рабочих на основе акта 1911 г. возросло до 4 миллионов, данный же акт увеличил число застрахованных почти до 12 миллионов.

Первоначальная мысль, что рабочий, потерявший работу вследствие состояния промышленности, должен получать определенный минимум для того, чтобы не страдать от голода, основывалась на том, что издержки пособия должны покрываться взносами, производимыми им самим, его предпринимателем и государством в примерно равной пропорции. После того как безработный проел эти взносы, он уже не должен был бы получать никакого пособия. Но промышленная депрессия, начавшаяся в 1921 г., вызвала столь много случаев прекращения выдачи пособия (и таким образом стала потенциальным фактором волнений), что акты о страховании были изменены, с целью предоставить министерству труда возможность продолжать фактически, по своему усмотрению, выплату пособия лицам, занятым в застрахованных производствах, которые нормально вернулись бы к работе и тем самым приобрели бы вновь право на пособие. Эти пособия называются *расширенными*, и средства для них найдены были частично путем равного повышения всех вообще взносов, частично путем займа у казначейства. Нынешние размеры взносов таковы:

Табл. 23.

От	За взрослых мужчин	За взрослых работниц	За подростка от 16 до 18 л.	За девушку в возр. от 16 до 18 л.
рабочих . . .	7	6	$3^1/_2$	3
предприним..	8	7	4	$3^1/_2$
государства .	8	6	$4^3/_8$	$4^2/_8$

Предприниматель несет ответственность за наклейку марок в страховой карточке и может вычитать взносы рабочих из их заработной платы. Некоторые группы рабочих, например, пенсионеры или имеющие частные источники дохода, могут не делать взносов, а равно и не получать пособия, но тем не менее их предприниматели обязаны за них выплачивать взносы.

Пособия выплачиваются в следующем размере:

В неделю	Шилл./пенс.
Рабочим мужч.	18/—
Работницам	15/—
Подросткам мальч.	7/6
Подросткам девушкам.	6/—
Иждивенцам или женам	5/—
Детям до 14-летнего возраста или 16-летне о возраста, если они продолжают посещать школу,—каждому по	2/—

В течение первых шести дней пособия не выплачиваются. Таким образом, они установлены только для непрерывной безработицы. Но безработица считается непрерывной, если не более 3-х дней работы приходится на последовательных шесть дней.

Чтобы получить основное пособие, рабочий должен иметь право на пособие. Это означает, что он может получить пособие в размере, установленном для одной недели за каждые шесть недель, в течение которых он выплачивал взносы Но сколько бы взносов он не уплатил, он не имеет права получать пособия больше, чем в течение 26 недель в году, а равно он и

вовсе не имеет права получать пособия, если он не уплатил, по меньшей мере, 20 взносов в течение финансового года (с июля по июль), предшествующего времени, когда он стал безработным.

Всякого рода дальнейшая поддержка ему обеспечивается лишь при выдаче расширенного пособия, которое выплачивается по доброй воле министерством труда застрахованным, уже использовавшим право на основное пособие и соответствующим нижеследующим условиям:

1) они в состоянии выполнить работу, подлежащую страхованию, которую они могут с должным основанием получить в нормальное время;

2) они доказывают свое безработное состояние распиской в безработной книге на какой-нибудь бирже труда так часто, как это может быть потребовано от них, и ежедневно для тех, кто живет не далее 2 миль расстояния от биржи;

3) что у них нет других средств существования;

4) если они уплатили по меньшей мере 30 взносов в течение двух страховых лет до того года, когда они стали получать пособие;

5) они посещают курсы переподготовки, если это от них требуется (на практике это применяется только к немногим подросткам);

6) что они искренне ищут работы.

Значение последней фразы предоставляется определить правительственным чиновникам, которые называются суперарбитрами, и это-то и вызвало гораздо больше сомнений и споров, чем какое-либо другое положение из перечисленных выше. Так как выплата расширенного пособия в конечном счете зависит от решения министра труда, министру предоставляется право обусловить выдачу сверх перечисленных и другими условиями, которые содержатся в акте парламента. Таким образом, в настоящее время пособия не выплачиваются никому, кто не выполнил резонного количества подлежащих страхованию работ за предшествующие два года, при чем толкование слов „резонного" количества предоставляется чиновникам. Пособия не выплачиваются одиноким, живущим со своими родителями или чужестранцам, или рабочему, жена которого работает, а также и наоборот, если доход семьи превышает 13 шиллингов в неделю на душу, включая военную пенсию. Во всех случаях пособия могут не выдаваться рабочим, теряющим свою работу по своей собственной вине. Забастовщики не получают пособия, но в настоящее время возможно для рабочего, потерявшего работу в результате стачки, предъявлять претензию на пособие, если он сам незаинтересован или не принадлежит к группе рабочих, как бы то ни было заинтересованных в стачке, или если стачка возникла в силу нарушения предпринимателем генерального или окружного коллективного договора.

Пособия выплачиваются биржей труда, за исключением случаев, когда профессиональный союз получил разрешение от министерства выполнить предписание акта по отношению к своим собственным членам.

При толковании вопроса, имеет ли право, или не имеет рабочий на получение основного пособия, или выполнил ли он законом предусмотренные условия, без которых расширенное пособие не может быть выплачиваемо, первое решение принадлежит страховому чиновнику, правительственному представителю на бирже труда в каждом округе. На его решение можно апеллировать к экспертному суду, который назначается в равном числе по спискам, намеченным предпринимателями и рабочими, под председательством лица, назначенного министром. На суд экспертов можно апеллировать к третейскому судье, суперарбитру, назначенному правительством.

Нижеследующая таблица дает представление о сумме, выплаченной в качестве пособий, с 1919 г. и общей сумме взносов от предпринимателей, рабочих и государства.

Табл. 24.

Год, закончившийся июлем	Сумма пособий в миллионах ф. ст.	Взносы от предпринимателей в млн. фунт. ст.	Взносы рабочих в млн. фунт. ст.	Государ. взносы в млн. фунт. ст.
1919	13.3	2.9 [1]	—	0.9
1920	37.7	8.0 [1]	—	0.9
1921	48.0	9.9 [1]	—	2.2
1922	59.0	16.1	14.4	11.9
1923	47.9	17.9	16.1	12.6
1924	41.2	19.3	17.4	13.5
1925	44.6	19.3	17.3	13.5
1926	50.2	17.8	15 8	13.2

До ноября 1920 г. страхование применялось только в небольшой части промышленности, и фактические пособия, выплаченные на основе страховой системы, в 1919 г. составляли лишь 152.000 фунтов стерлингов и в 1920 г. 1 миллион фунтов стерлингов, а остальная сумма пособий сводилась к пособиям бывшим солдатам, которые получали эти пособия целиком из государственных фондов и в более значительном размере.

[1]) Включая взносы от рабочих; в данном случае отдельной цифры взносов не имеется.

д. Страхование от несчастных случаев. Страхование рабочих от несчастных случаев в Великобритании — явление сравнительно недавнего происхождения. До введения его рабочий, получивший увечье во время работы, находился под защитой лишь гражданского права или акта об ответственности предпринимателей от 1880 г. На основе этого акта необходимо было доказать, что несчастный случай вызван небрежностью или дефектом в работе со стороны предпринимателя или лица, находившегося у него на службе. На практике оказалось чрезвычайно трудным доказать небрежность в таком виде, чтобы суд был удовлетворен этим доказательством. Наибольшая сумма, которая на основе этого акта могла быть получена рабочим, не превышала среднего фактического заработка пострадавшего в течение трех лет до увечья.

Первый закон о вознаграждении увечных рабочих от 1897 г. время от времени расширялся и изменялся, и теперь основное законоположение по данному вопросу содержится с небольшим дополнением в законе о вознаграждении рабочих от 1925 г., которым были консолидированы предшествующие законодательные акты. Принципом этих актов является то, что рабочий, пострадавший от несчастного случая в ходе и в связи со своей работой, имеет право при известных условиях получить компенсацию от своего предпринимателя, независимо от того, можно или нельзя возложить прямую ответственность за несчастный случай на предпринимателя.

Вознаграждение выплачивается в виде недельных пособий за все время неспособности к труду. Сумма недельной выплаты в случае полной неспособности к труду, составляет половину среднего фактического недельного заработка. В случае, если рабочий зарабатывал менее 2 фунт. стерл. 10 шиллинг., предусмотрена определенная прибавка к недельной плате. В тех же случаях, когда наблюдается частичная потеря трудоспособности, сумма недельной выплаты зависит от размера потери трудоспособности.

В случае смерти и наличия иждивенцев у погибшего рабочего, максимальное пособие составляет 300 фунтов, но если вдобавок к другим иждивенцам имеются дети до 15-летнего возраста, то сверх этой суммы выплачивается еще на каждого ребенка, в зависимости от возраста последнего, дальнейшая сумма, которая, однако, не должна превышать 300 фунтов стерлингов в год, не считая первой суммы в 300 фунтов. Незаконорожденные дети имеют право на вознаграждение в такой же мере, как если бы они были законорожденными.

За исключением смертельных исходов несчастных случаев, закон не предусматривает права требовать единовременную сумму и вознаграждение выдается еженедельно в течение всего периода потери трудоспособности.

Рабочий не делает никаких взносов в качестве условия получения пособия; взносы производятся предпринимателями, которые обычно на практике страхуются от этого риска. В добавление к ответственности за несчастные случаи, предприниматели подлежат материальной ответственности в том же самом размере по отношению к определенным, твердо установленным профессиональным болезням, в роде, например, свинцового отравления и горного нистагма.

Право на вознаграждение и способы получения его, разрешение вопроса о правильности претензий обставлены всякого рода техническими ограничениями весьма сложного характера. Судами вынесены уже решения по многим тысячам случаев, и вопросы эти считаются одними из самых сложных и трудных вопросов, известных английской юриспруденции. Тяжбы обычно завершаются соглашением или решением окружного суда, но есть также положение о том, что вопросы медицинского характера переносятся на решение специального врачебного суперарбитра, назначенного государством.

Законы о вознаграждении применяются ко всем лицам, занятым физическим трудом и заключившим договор о найме, но на работников умственного труда они распространяются только в тех случаях, если их вознаграждение не превышает 350 фунтов стерлингов в год. Общее число несчастных случаев, от которых пострадали рабочие на фабриках, в копях и на железных дорогах, равнялось в 1919 и 1926 г.г.:

Табл. 25.

	1919 г.	1926 г.
Фабрики и мастерские:		
Общее число	188.858	188.900
Смертельных случаев	1.165	729
К о п и:		
Общее число	134.926	117.205
Смертельных случаев	1.248	787
Железные дороги:		
Общее число	16.610	20.346
Смертельных случаев	326	231

Согласно официальным сведениям, рост в числе несчастных случаев является частью результатом большей точности регистрации этих случаев.

Нижеследующая таблица дает представление о числе несчастных случаев в отдельных отраслях производства за 1919 и 1926 годы:

Табл. 26.

	1919 г.	1926 г.
Текстильные предприятия . .	15.274	18.003
Судостроительные предприят.	34.227	22.387
Металлургические предприят.	40.392	40.801
Другие фабрики и заводы . .	93.465	102.709
Доки	10.196	12.845
Склады и строения	3.107	8.223
Итого	196.661	204.968
Всего, со включением мореплавания, карьеров, горных предприятий и железных дорог .	355.102	356.240

Единственная промышленность, в которой число зарегистрированных несчастных случаев сократилось в 1926 г. по сравнению с 1920 г. — это судостроение. Но следует заметить, что в течение 1925 г. более $^1/_3$ части судостроительных рабочих было безработными.

Нижеследующая таблица дает сведения о вознаграждениях, выплаченных на основе соответствующего акта в семи крупных ответвлениях промышленности, по которым сведения доставляются предпринимателями на основе статьи 12 акта 1909 г., а именно: по каменноугольным копям, каменоломням, железным дорогам, фабрикам, докам, конструктивным работам и торговому мореплаванию. Кроме различных коммерческих, учрежденческих и домашних работ, на которые акт тоже распространяется, есть еще ряд весьма важных отраслей народного хозяйства, которые не включены в отчетные сведения, например, строительные работы, сухопутный транспорт и сельское хозяйство.

Табл. 27а.

Год	Общее число лиц, занятых в соответствующих отраслях промышл.	Число несчастных случаев: Со смерт. исходом	Без смерт. исхода	Общее число
1914 [1]	7.057.111	4.216 [2]	437.900	442.116
1919	8.359.183	3.293	365.176	368.469
1920	8.348.150	3.531	381.986	385.517
1921	7.815.866	2.385	283.361	285.746
1922	7.205.609	2.429	390.423	392.912
1923	7.842.311	2.657	477.378	480.035
1924	7.512.359	2.878	487.442	490.320
1925	7.541.014	3.080	473.055	476.085
1926	7.001.795	2.845	868.563	370.908
1927	7.403.222	2.567	455.852	458.419

[1] Включая Ирландию, для последующих годов — без Ирландии.

[2] В 1914 г. произошла крупная катастрофа на шахтах.

Табл. 27б.

Год	Сумма вознаграждения: За смертельные несчастн. случаи	За несмертельн. несчастные случаи	Общая сумма
	В фунтах стерлингов		
1914	679.732	2.785.629	3.465.361
1919	687.477	3.929.246	4.616.723
1920	755.657	5.333.352	5.978.009
1921	518.064	4.991.331	5.509.395
1922	546.889	5.948.839	6.495.728
1923	591.164	6.542.932	7.134.096
1924	786.444	5.888.594	6.675.038
1925	864.726	5.778.204	6.642.930
1926	674.611	5.332.310	6.006.921
1927	763.271	5.552.532	6.315.803

В 1926 г. средняя выплата на основе акта о вознаграждении рабочих в случае смерти составляла 288 фунт. стерл. по сравнению с 161 фунт. стерл. в 1914 г. В случае потери трудоспособности выплата составляла 14 фунт. 9 шилл. по сравнению с 6 фун. 7 шилл. в 1914 г.

Суммы, фактически выплаченные рабочим и их иждивенцам в семи главных производствах, составляют, однако, лишь около двух третей всех расходов, связанных с вознаграждением за несчастные случаи; остальная треть уходит на административные расходы, на медицинскую помощь, юридические процедуры, прибыль страховых компаний и т. п., так что общая сумма расходов по этому делу в главных семи отраслях для 1926 г. или 1927 г. вряд ли будет менее 9 млн. ф. стерл.

Сверх вознаграждения за несчастные случаи, в 1926 г. было уплачено по семи производствам вознаграждений за *профессиональные болезни* в 27 случаях со смертельным исходом — 5.943 фун. стерл. и в 14.751 случае потери трудоспособности — 599.393 фун. стерл. Огромная масса случаев имела место в горнозаводской промышленности, и случаи нистагма горняков составляют более 65% всех случаев профессиональных заболеваний. Общее число этих случаев возросло с 460 в 1908 г. до 6.449 в 1919 г. и до 10.041 в 1926 г.

7. Помощь бедным. Когда больной или безработный рабочий теряет право на пособие от безработицы или на пособие по случаю болезни, либо его право на компенсацию прекратилось, единственное право, которое все же остается за ним, это право на пособие, выдаваемое на основании закона о бедных. Столь крепко вошло в обиход это право, по крайней мере в теории, что если бедняк умирает от голода и будет доказано, что чиновник по оказанию помощи бедным отказал ему в помощи, то данный чиновник может

быть привлечен к ответственности как за непредумышленное убийство. На практике этого, однако, не случается.

Вопреки различным реформам, законы о бедных в отношении лиц, имеющих право на помощь, в основном сегодня те же, что были в эпоху Елизаветы (*см.* VIII, 553/66, в особенности 562—акт 1601 г., 43 г. Елизаветы); увеличение или сокращение этих групп представляет собой верный показатель хозяйственного положения страны. В эволюции этих исходных, несколько веков тому назад установленных, принципов особенно знаменателен известный закон 1834 г. Его основные положения сводились к следующему:

а) помощь не должна оказываться трудоспособным лицам и их иждивенцам в ином виде, кроме помещения в рабочем доме. Положение трудоспособного паупера должно быть менее сносным, чем положение независимого работника за стенами рабочем дома;

б) управление и проведение в жизнь закона о бедных должно вверяться непосредственно избранным на сей предмет местным властям. Последние именуются советами попечителей;

в) все управление делом помощи бедным сосредоточивается в ведении центральной власти, имеющей для этой цели специальных инспекторов;

г) пассивное избирательное право в совет попечителей предоставлялось на основе имущественного ценза. Избирали попечителей только плательщики налога в пользу бедных.

Цель закона была та, чтобы передать дело помощи бедным в руки тех, кто был заинтересован в возможно большем сокращении расходов на такую помощь, и вместе с тем закон своими обязательными предписаниями стремился сделать эту помощь возможно более скупой и возможно более унизительной, разлучая детей с их призреваемыми родителями, крайне ограничивая помощь на дому и устанавливая для рабочих домов режим, который заслужил им в рабочей среде название „бастилий труда“ (*см.* IX, 182/86); и несмотря на такой характер закон 1834 г. сохранял свою силу до самого последнего времени, хотя, разумеется, практика его применения, по мере усиления влияния Р. к. и демократизации избирательной системы по местному самоуправлению, значительно смягчалась. Парламентская комиссия, назначенная в 1905 г. для пересмотра закона 1834 г., проработала 4 года, опросила множество сведущих людей, собрала богатейший материал, выпустила 34 тома „трудов“, ярко выявила всю архаичность и всю несостоятельность старого закона, но тем не менее ни один из двух проектов комиссии — ни проект более умеренного большинства ее, ни проект более радикального меньшинства — не получил осуществления. Безрезультатно прошла также работа комиссии Маклена 1917 г., назначенной министерством восстановления. Новый закон о помощи бедным был издан в годы чрезвычайного усиления безработицы и громадного роста расходов по оказанию помощи бедным; это — билль министра здравоохранения Невиля Чемберлена, ставший законом в апреле 1927 г. Проведенный консервативным министерством, он, естественно, стремится не расширять, а напротив—всемерно сжимать помощь нуждающимся.

Кризис, наступивший после расцвета 1920 г., привел к значительному росту числа безработных. Пособия по безработице оказались совершенно недостаточными, и безработным пришлось обратиться к помощи на основании закона о бедных. Влияние этого факта на расходы на помощь бедным показаны в нижеследующей таблице:

Табл. 28.

Год	Размер налога в пользу бедных на душу населения (шилл./пен.)	Сумма, собранная на местах в пользу бедных (фунт. стерл.)	Государственная субсидия в пользу бедных (фунт. стерл.)
1918	8/3	11.591.000	2.485.000
1919	9/10	14.712.000	2.519.000
1920	12/7	19.479.000	2.585.000
1921	17/0	27.170.000	2.567.000
1922	22/4	37.396.000	2.644.000
1923	22/10	37.237.000	2.637 000
1924	19/9	32.569.827	3.199.433
1925	19/0	31.215.028	3.203.767

Число лиц, пользовавшихся пособием на дому, было увеличено мерой правительства Болдуина, принятой по отношению к пособиям по безработице. Когда в октябре 1924 г. пало рабочее министерство, число лиц, пользовавшихся помощью на основе закона о бедных, составляло 384 души на 10 тысяч душ населения. Новый регламент вступил в силу в марте 1925 г., и в апреле число лиц, пользующихся пособием для бедных, поднялось до 410. Дальнейшие ограничения при выдаче пособий по безработице были проведены в жизнь в августе, и цифра лиц, получавших пособия по бедности, поднялась до 617, засвидетельствовав этим, как безработные, теряя право на пособие по безработице в силу законодательных и административных мероприятий правительства, вынуждаются прибегать к помощи закона о бедных.

Некоторые из бедных округов, издавна рассматривавшихся как нуждающиеся, были

не в состоянии вынести бремя налогов в пользу бедных и принуждены были прибегнуть к займам для того, чтобы покрыть текущие расходы.

Наиболее страдавшие от тяжести долгов такого характера были нижеследующие шесть советов попечительств о бедных: Вестгем, Шеффильд, Вест-Дерби, Бедвелт и Поплер, Бирмингем.

Между тем, рабочее представительство в местном самоуправлении быстро крепло, и в 1925 г. в одном только Лондоне в шести советах попечительств имелось уже рабочее большинство. Постановления советов попечительств о заключении займов должны санкционироваться министерством здравоохранения, что дает последнему огромную власть над рабочими советами попечителей, и с 1921 г. советы, проявившие какую-либо решительность в проведении в жизнь закона о бедных в интересах бедноты, оказывались вовлеченными в непрерывную борьбу с министерством, и многие из них загонялись все ближе и ближе к банкротству. Положение в Лондоне было еще хуже, чем в провинции, потому что здесь имеются отдельные попечительские советы для каждого округа, они могут собирать налоги в пользу бедных только в границах своего собственного округа и не могут требовать поддержки от более богатых округов Лондона, тогда как в провинциальном городе налог собирается одним советом со всего обязанного к платежу налога населения, и в бедных и в богатых кварталах. В 1921 г. положение в Поплере (округ в Лондоне) стало столь обостренным, что поплерский совет, который собирает налоги также и для некоторых центральных органов, в том числе для совета лондонского графства, отказался собирать эти налоги, если ему не будет оказана более состоятельными округами финансовая помощь в деле выдачи пособий бедным. За этот отказ шестеро из поплерских советников были заключены в тюрьму; но в конце концов правительство уступило, и издержки по помощи бедным были частично распределены по всем округам. „Поплерство", как консерваторы назвали попытки местных властей применять закон о бедных в интересах пролетариата, а не в интересах налогоплательщиков, быстро распространилось по всей стране. Правительство пыталось подрезать положение рабочих в местном самоуправлении:

1) отказом в санкции займов попечительным советам, если не соблюдалось условие снижения размера пособия;

2) взысканием с попечителей и советников сумм, которые рассматривались как израсходованные не должным образом;

3) заменой выборных попечителей назначенными на основе акта 1927 г. (о попечителях по закону о бедных) комиссарами. До сих пор этим способом были заменены попечители в Вестгеме, Честер-Ле-Стрите в графстве Дэргэм, Бедвелти в графстве Монмут.

Правительственная политика сводилась не только к снижению размера помощи до уровня голодного существования, но и к установлению даже более низких размеров в бедных округах и, во-вторых, к решительному сокращению числа получающих помощь путем всякого рода ограничений и запугиваний.

Эта политика, однако, не могла проводиться в округах, где рабочее представительство стало значительно и где не представлялось достаточного предлога для замены местного самоуправления назначенным чиновником. Поэтому билль Невилля Чемберлена упразднил советы попечителей о бедных и передал их функции советам графств, в которых, за весьма немногими исключениями (число рабочих округов), рабочее представительство теперь сравнительно незначительно. Наряду с тем закон 1927 г. предписывает сокращение пособий работоспособным и координирование пособий с выплатами по страхованию от безработицы.

Общее число лиц, получ. пособия для бедных за посл. годы было след. (см. табл. 29).

Размеры пособий. Размеры пособий, выдаваемых бедным на дому, чрезвычайно разнообразны в различных округах и были значительно сокращены в 1925/26 гг. во многих округах по мере того, как финансовое положение советов попечителей становилось хуже, а министерство здравоохранения все более и более настаивало на сокращении.

Циркуляр, который был разослан министерством здравоохранения во время всеобщей стачки в мае 1926 г., информировал попечителей, что они не имеют права оказывать помощи работоспособным лицам, для которых работы не находится только в результате их собственных „действий или согласия".

Нижеследующая табл. иллюстрирует различные размеры пособий, но только до известной степени, т. к. невозможно учесть все усложняющиеся моменты по отношению к общесемейным доходам (см. табл. 30).

Помощь бедным оказывается в настоящее время главным образом на дому. На 1 января 1923 г. помощью на дому пользовалось 1.222 547 чел., на 1 января 1925 г. — 886.779, на 1 января 1927 г. — 1.212.479, на 1 января 1928 г. — 1.026.678. Из пользовавшихся помощью на дому

Размеры пособий *Табл. 30.*

	На основании циркуляра в мае 1925 г.	Вестминстер. попечительство, июль 1926 г.	Попечительные сов. Честер-Ле-Стрита	Стокпорт (не рабочий округ) 1926 г.	Поплер 1925 г.	Размеры, установленные министерством здравоохранения в 1922 г.
Взрослые	18/—	15/—	15/—	7/6	12/6	15/—
Взрослые, живущие дома	—	9/6	—	—	10/—	10/—
Муж и жена	23/—	19/—	25/—	16/—	20/—	25/—
1 ребенок	2/—	5/—	5/—	2/6	6/6	6/—
2 „	2/—	5/—	5/—	2/6	5/6	5/—
3 „	2/—	5/—	5/—	2/6	3/6	4/—
Квартирная плата	—	15/—	3/4	4/—	—	—
Отопление	—	2/6	2/—	—	1/6	3/—
Максимум	—	55/—	55/—	30/—	51/6	50/6

Табл. 29.

Дата	Лица, получающие помощь в Англии и Уэльсе	
	Всего	На 10.000 душ населения
Средн. 1901—1910	769.623	227
„ 1913	676.985	126
1/I 1919	554.617	150
„ 1920	576.418	154
„ 1921	663.667	176
„ 1922	1.493.066	394
„ 1923	1.537.990	403
„ 1924	1.372.098	357
„ 1925	1.205.267	311
„ 1926	1.439.810	367
„ 1927	1.548.911	396
„ 1928	1.364.691	347

больше половины падает на безработных и членов их семейств, как это видно из следующих данных за февраль 1927 и 1928 гг. (табл. 31):

Табл. 31.

Получ. пособия на дому	Всего лиц		На 10.000 душ населения	
	1927	1928	1927	1928
1. а) Безработные застрахован. .	429.000	101.000	110	26
в) несамостоят. члены их семейств		268.000		67
2. Безработные незастрахован., регистрир. на бирже труда, и члены их семейств . . .	43.000	35.000	11	9
3. Прочие лица, обычно имеющи работу, и члены их семейств	108.000	96.000	28	24
4. Все прочие . .	485.000	479.000	125	122
Всего .	1.065.000	974.000	274	248

8. Профессиональные союзы. Организация рабочих в профессиональные союзы в Великобритании представляет собой весьма сложную картину, так как эти организации развивались в течение ряда поколений по разным методам в каждой отрасли народного хозяйства и в каждый период и так как не наблюдалось логической последовательности в развитии этих организаций. В 1892 г. имелось не менее 1.233 союзов, при чем общее число членов их достигло полутора миллионов. В 1900 г. число членов достигло 2 миллионов. Между 1910—1913 гг. наблюдался быстрый рост, примерно с трех миллионов до четырех миллионов, а военный период ускорил процесс еще более, так что в конце 1920 г. было достигнуто максимальное число членов в 8.300.000. Эта огромная масса членов, явившаяся прямым следствием силы положения, обеспеченного за собой союзами в период благоприятного спроса на труд и роста заработной платы, начала сокращаться с закрытием фабрик в конце 1920 г. и быстро снизилась после неудачи сопротивления союзов снижению заработной платы в 1921 г. В настоящее время численность профессионального движения упала до более или менее устойчивой цифры в пять с половиной миллионов, которая все же является значительно более благоприятной цифрой, чем довоенная.

Следующие таблицы дают детальный статистический материал, иллюстрирующий организацию в различных отраслях народного хозяйства и показывающий силу крупнейших профессиональных союзов.

Таблица 32-ая приводит данные об общем числе профессиональных союзов как зарегистрированных, так и не зарегистрированных, в конце каждого года, независимо от того, входят ли эти союзы в Генеральный совет тред-юнионов, или нет.

Таблица 33-я содержит сведения о новых союзах, образовавшихся в период 1920—27 гг., и о сокращении числа союзов, вместе с указанием причин этого сокращения.

Таблица 32.

Годы	Число профсоюзов в конце года [1])	Число членов союзов в конце года: мужчин (в тысячах)	женщин (в тысячах)	всего (в тысячах)
1914	1.260	3.708	437	4.145
1919	1.360	6.600	1.326	7.926
1920	1.364	6.994	1.340	8.334
1921	1.251	5.618	1.004	6.622
1922	1.203	4.744	870	5.614
1923	1.161	4.597	813	5.410
1924	1.155	4.720	811	5.531
1925	1.144	4.690	832	5 522
1926	1.129	4.401	807	5.208
1927	1.127	4.116	792	4.908

Таблица 33.

Годы	Новые союзы	Сокращение в результате: роспуска	амальгамации
1920	119	33	82
1921	45	73	85
1922	28	40	36
1923	16	42	16
1924	26	18	14
1925	18	26	7
1926	27	30	12
1927	26	29	12

Таблицы 34а и 34б дают представление о числе союзов и их членов, принимавших участие в конгрессах профессиональных союзов в 1919, 1920, 1921—1926 гг. Цифры фактически относятся к членам в 1919 г. (старая классификация).

Таблица 34 а.

Группы производств	Число союзов	Число членов в тысячах.
Деревообделочное и мебельное производство и строительная группа	14	275
Группа производства одежды	12	239
Группа обработки хлопка	18	100
Группа доков и мореплавания	22	308
Группа машино- и судостроения	14	579
Сельское хозяйство и чернорабочие	10	1.133
Металлическая группа	48	390
Горнозаводская группа	6	683
Печатное и бумажное дело	13	137
Железные дороги	3	545
Ткачи	47	362
Различные	62	526
	269	5.233

конце предыдущего года. 1919 г. трудно сравнивать с последующими годами, так как классификация союзов была изменена Конгрессом профессиональных союзов 1921г. В 1927 г. на конгрессе было представлено 168 союзных организаций с 4.164.000 членов, в 1928 г. — 160 проф. организаций с 3.815.000 чл. (сокращение вызвано тем, что в силу закона 1927 г. организации государственных служащих не могли принимать участие в конгрессе).

Таблица 35-ая (стр. 523/4) показывает число местных профессион. союзов по сведениям конгрессов профессиональных союзов в 1920, 1925 и 1926 гг. В 1920 г. отдельно не приводятся данные о половом составе членов союзов. В том случае, когда за этот год не приводятся цифры, союз представляет собой новую амальгамацию, сложившуюся после 1920 г., в силу чего и нет цифры, которую можно было бы сравнить.

Финансовое положение зарегистрированных профессиональных союзов обрисовывается данными табл. 36 за 1917, 1920, 1926 и 1927 гг. (стр. 525/26).

[1]) Из общего числа профсоюзов было зарегистрировавшихся в регистратуре обществ взаимопомощи (Chief Registrar of Friendly Societies): в 1914 г.—540 с 3.199.346 членов, в 1920 г. — 557 с 6.928.666 чл., в 1924 г. — 484 с 4.458.147 чл., в 1927 г.—487 с 3.903.000 членов.

1921—1926 гг. (новая классификация).

Таблица 34 б.

Производственные группы	1921 г.		1926 г. *)	
	Число союзов	Число членов (тыс.)	Число союзов	Число членов (тыс.)
Горнозаводская	7	937	9	840
Железнодорожная	3	616	3	454
Транспортная (за исключ. железнодор. жн.)	20	470	9	395
Судостроительная	4	169	4	115
Машиностроительная, чугунолитейная и вагоностр. гр.	25	695	24	393
Группа по произв. железа и стали и горнозав. промышл.	19	198	21	140
Деревообраб., мебельная и строительная группа	16	457	15	355
Группы печатная и бумажная	14	201	13	170
Хлопкообрабатывающ. группа	34	378	38	233
Текстильн. группа за вычетом хлопкообрабат.	18	226	17	165
Группа производства одежды	8	154	8	95
Группа по обработке кожи и обувному делу	7	101	5	90
Группа по производству стекла, фаянс. посуды, пищевкусов. веществ и т. д.	16	277	17	191
Сельское хозяйство	1	130	1	80
Государств. и муницип. служ.	17	186	11	157
Работники умственного труда	8	98	8	62
Чернорабочие	7	1.176	4	474
	214	6.417	207	4.359

Отметим также число проф. союзов и число членов этих союзов, входивших в Рабочую партию, за период с 1919—1926 гг.

Год	Число	Число их членов
1919	126	3.464.020
1920	122	4.317.587
1921	116	3.973.558
1922	102	3.279.276
1923	106	3.120.149
1924	108	3.158.002
1925	101	3.158.002
1926	101	3.345.822

В конце 1926 г. 111 союзов были участниками Генеральной федерации профессиональных союзов, представлявших всего 711.000 рабочих (см. ниже, стлб. 538).

Величайшим затруднением, испытываемым великобританским профессиональным движением, является множественность союзов, обслуживающих одни и те же группы рабочих. Начиная с войны, было сделано не мало усилий для слияния возможно большего числа союзов, и, хотя в этом направлении было сделано и многое, особенно в 1920—21 г. (см. табл. 33), — все еще имеется почти столько же союзов в настоящее время, как и в 1892 г., и сокращение их численности в результате амальгамации становится все меньшим с каждым годом.

Все это в значительной мере является прямым следствием огромной личной заинтересованности чиновников в сохранении своих постов в мелких союзах, огромного числа мелких союзов, имеющих различные скалы пособий, выдаваемых из фондов взаимопомощи, и различной системы управления.

*) Данные за 1926 г. относятся к числу участников конгресса в Борнемуте.

Таблица 35.

СОЮЗЫ	1920 г.	1925 г.		1926 г.	
	Мужч. и женщ. в тыс.	Мужч. в тыс.	Женщ. в тыс.	Мужч. в тыс.	Женщ. в тыс.
Великобританская федерация горнорабочих	800	800	—	800	—
Объединен. общество паровозн. механ. и кочегар	58	62	—	61	—
Асс циац. ж.-дор. служащих	86	60	4	62	4
Национальн. союз жел.-дор.	481	325	2	325	2
Национ. союз горняков и кочегаров Великобритании и Ирландии	75	59	—	59	—
Союз транспортников и чернорабочих	—	290	10	300	—
Союз котельщик. и судостроителей	100	80	—	76	—
Ассоциация пароходных строит. и корабельных плотников	45	32	—	29	—
Союз электрич. профессий	50	25	—	25	—
Амальгамир. союз машиностроения	288	206	—	204	—
Национ. союз чугунолитейщиков	41	35	—	34	—
Национ. союз вагоностроителей	19	26	—	26	—
Конфедерация железоделательн. и сталелитейн. профессий	134	94	1	83	1
Всеобщ. союз строительных чернорабочих	—	30	—	30	—
Амальгам. союз строит. раб.	—	58	—	59	—
Национ. амальгам. ассоциация модельщиков	30	21	1	22	—
Национ. амальгам. общество маляр. и декораторов	62	43	—	41	—
Амальгам. общ. деревообдел.	—	110	—	115	—
Нац. союз печатник., переплетч. и бумажников	70	37	38	37	38
Типографская ассоциация	29	30	—	31	—
Амальгам. ассоц. бумагопрядильщиков	24	48	—	48	—
Амальг. ассоц. ткачей	218	[1] 164	—	40	122
Амальг. общ. красильщиков, белильщиков, концовщиков и родствен. профессий в Бретфорде	51	24	6	16	5
Национ. союз текст. рабочих	90	27	25	40	25
Общество портных	101	13	38	19	37
Нац. союз рабоч. обувного производства	101	54	23	57	24
Нац. союз распределит. рабочих	—	66	26	66	28
Нац. союз прикасч., складских рабоч. и служащих	60	24	11	24	12
Нац. союз сельско-хоз. рабочих	130	30	—	30	—
Ассоц. государств. служ.	—	12	5	12	6
Союз почтовых работников	80	[1] 84	—	70	15
Нац. союз чернораб. и муниципальных рабочих	443	296	30	288	31
Рабочий союз	495	131	15	135	17

Сантиментальная приверженность к традиционным методам руководства, к традиционным вождям и т. д. тщательно прививается в каждом союзе чиновниками, состоящими на содержании союзов. Организационные принципы чрезвычайно разнообразны и зависят от характера самого союза. Порой это союзы местные, входящие в областную или в общегосударственную федерацию, порой — это союзы общегосударственного масштаба, но узко цеховые по своей природе, порой — это производственные союзы, а иногда и смешанного характера. Таким образом, благоразумнее не пытаться дать общий обзор, а ограничиться фактическими деталями в строении нескольких крупнейших союзов.

Великобританская федерация горнорабочих. Возьмем сначала горнозаводскую промышленность, ибо здесь в производственную федерацию объединено было до 1926 г. около 800.000 рабочих (в настоящее время — по данным конгресса в Сванси от XI. 1928 г. — немногим больше 400 тысяч). Великобританская федерация горнорабочих представляет собой объединение на федеративных началах около 20 профессиональных союзов, охватывающих своей работой отдельные угольные районы Великобритании и представляющих свыше $^5/_6$ всего числа рабочих

[1] Состав мужчин и женщин по данному союзу отдельно не показан.

Таблица 36.

	1917 г.	1920 г.	1926 г.	1927 г.
Число зарегистриров. профсоюзов	609	656	577	578
Членов в тысячах (конец года)	4.387	6.982	4.190	3.947
Доходы в тысяч. фунт. стерл.				
от членов	5.166	11.315	7.120	7.465
от мин-ства труда (по страхов. от безработицы и администрат. расходы)	53	312	4.542	2.096
из прочих источников	645	1.372	2.282	636
Расходы в тыс. фунт. стерл.:				
пособия безработным, на переезды и эмиграцию	267	1.718	6.377	3.131
„ стачечникам	137	3.219	5.617	187
„ по случаю болезни и несчастн. случаев	536	748	808	772
„ на похороны	265	297	318	340
прочие пособия	553	728	1.141	1.136
выдачи из политическ. фондов	43	185	108	185
дотации федерациям и друг. союзам и т. п.	276	1.687	456	244
административн. и проч. расходы	1.610	4.363	3.216	2.994
Остаток средств (фонды) в тыс. фунт. стерл.:				
к началу года	10.596	15.917	12.747	8.641
к концу года	12.773	15.975	8.650	9.899

каменноугольной промышленности. Многие из входящих в состав федерации ассоциаций графств сами являются областными федерациями более мелких союзов. Эти ассоциации графств, а равно и более мелкие союзы, построены на так наз. горняцкой ложе, при чем в большинстве случаев ложа объединяет работников одной шахты. Она представляет собой основную единицу союзной организации в данной отрасли промышленности.

Каждая ассоциация графств, или областная горняцкая ассоциация, имеет соответствующее число представителей в исполнительном комитете федерации, в зависимости от своей численности. Более мелкие округа, насчитывающие менее 20.000 членов, группируются вместе и имеют одного представителя. Есть также специальные группы, состоящие из 23.000 механиков и коксовщиков, составляющих определенную секцию в федерации и представленных одним членом исполнительного комитета федерации.

Южно-уэльская федерация горнорабочих, которая имеет 4 представителей в исполнительном комитете и общее число членов в которой равно 149.000, состоит из целого ряда окружных организаций, в значительной мере автономных. Уставные цели федерации сводятся к следующему: а) составление фонда для выполнения задач федерации; б) обеспечение и развитие производственных и профессиональных интересов своих членов; в) составление фонда для обеспечения и развития политических и самодеятельных интересов своих членов. Но со времени образования федерации в 1889 г. целями ее было: сокращение продолжительности рабочего времени в копях; сохранение и улучшение условий труда, включая заработную плату; обеспечение лучших условий вознаграждения увечным; обеспечение безопасности в копях; представительство горняцких интересов в парламенте; национализация копей и недр земли.

Аппарат федерации состоит из исполнительного комитета, ежегодной и специальных конференций. Во главе союзной повседневной работы стоит председатель, вице-председатель, казначей и секретарь, при чем первые трое избираются национальным исполнительным комитетом. Секретарь федерации — это состоящий на постоянной службе чиновник, являющийся в то

же время членом исполнительного комитета. Он выбирается непосредственно баллотировкой всех членов федерации; в периоды между конференциями руководство работой федерации горнорабочих вверено исполнительному комитету, состоящему из 22 представителей входящих в федерацию союзов. Исполнительный комитет ответственен перед делегатской конференцией в составе почти 200 делегатов, выбранных на основании различных правил ассоциациями графств. Входящие в состав федерации союзы обычно посылают своих постоянных чиновников на эти делегатские конференции и, сверх того, определенное количество работников от станка, специально выбранных для этой цели. За последние годы требования событий вынудили, чтобы политика федераций все более и более вырабатывалась именно на специальных конференциях. Для руководства делегатской конференцией имеется верховный управляющий орган, но верховность этого органа ограничена. Прежде всего, по исключительно важным вопросам, какими являются, напр., объявление стачки или окончание стачки, либо локаута, организуется референдум среди членов федерации; во-вторых, за последние годы выработалась и все более и более усиливается тенденция подкреплять важные решения делегатской конференции повторным голосованием этого вопроса и окончательной ратификацией решения окружными организациями. По крайней мере, в течение борьбы горняков 1926 г. один раз такого рода ратификации не после овало,— речь идет о посредническом меморандуме епископов относительно условий соглашения.

Таким образом, политика федерации горнорабочих определяется самими членами федерации в степени, совершенно незнакомой великобританскому профессиональному движению. С другой стороны, мощь этого контроля со стороны рядовых членов горняцких объединений проявляется не прямо в общегосударственном масштабе, а происходит через аппараты отдельных независимых профессиональных союзов горняков в различных графствах.

Ассоциации графств в большинстве случаев возникли много раньше федерации, у них есть свои собственные традиции, своя собственная история, свои собственные обычаи, они имеют крупный административный аппарат, отдельного секретаря и свои собственные финансы, свой собственный фонд, взносы, пособия и т. д. В то время как они получают не меньше шиллинга в неделю от своих членов, выплата в фонд национальной федерации составляет всего лишь 6 пенсов в год с каждого члена.

Все это подчеркивает федеративную природу великобританской федерации горнорабочих и превращает ее скорее в объединение горняцких союзов, чем в мощную, специальную, централизованную организацию. Члены исполнительного комитета федерации играют не столько роль лиц, ответственных за работу во всей каменноугольной промышленности Англии, сколько роль послов, представительствующих отдельные ассоциации графств. Против этой центробежной силы работает нажим предпринимателей, который, несмотря на то, что предприниматели организованы по округам, проявляется в общегосударственном и, в особенности за последние годы, в международном масштабе. Но до сих пор секретарский пост, выборы на который происходят в общегосударственном масштабе, является почти единственным символом тенденции к укреплению единства организации. В настоящее время элементы левого крыла стремятся перестроить всю организацию на основе единого централизованного союза с одинаковыми взносами и одинаковым пособием во всех угольных районах. Этому оказывается значительнейшее сопротивление чиновниками союза графств, и осуществить эту задачу в ближайшее время будет весьма трудным делом.

Национальный союз железнодорожников. Следующий крупнейший союз — Национальный союз железнодорожников, имеющий 325.000 членов,—представляет собой интересный образчик совершенно иного типа организации. Первый постоянный железнодорожный союз—Амальгамированное общество железнодорожных служащих, который был образован в 1871 г.,— ставил своей задачей обслужить всякого железнодорожного работника, хотя на практике он не охватывал своей работой чернорабочих, а равно и рабочих узких профессий в железнодорожных машиностроительных мастерских. Но конфликт между цеховым и производственным принципом, который является столь заметной чертой британского профессионального движения, весьма рано вспыхнул в среде железнодорожников, и скоро некоторые из сторонников цехового момента в организации паровозных машинистов образовали новое общество, которое сложилось в 1880 г. в Объединенное общество паровозных машинистов и кочегаров. Это общество, которое теперь имеет свыше 60.000 членов, все еще обслуживает, в соперничестве с Национальным союзом железнодорожников, паровозных машинистов и поддерживает цеховый принцип на железных дорогах; этот принцип поддерживается, сверх

того, цеховыми союзами машиностроителей, обслуживающими рабочих в различных ж.-д. депо.

Ассоциация железнодорожных служащих, с другой стороны, возникла только в результате отказа со стороны предпринимателей признать право Амальгамированного общества железнодорожных служащих выражать интересы работников не физического труда и работала всегда в полном контакте с Амальгамированным обществом железнодорожных служащих и его преемником — Национальным союзом железнодорожников. На железных дорогах, сверх того, возник ряд других цеховых союзов, охватывающих определенные группы рабочих (стрелочники, кадры станционных служащих и т. д.), но все эти объединения были очень незначительны по размеру и ничего не в состоянии были делать для своих членов.

В 1911 г. Амальгамированное общество железнодорожных служащих объявило стачку, предъявив требование признания его всеми железнодорожными компаниями, и в этой стачке его поддержали остальные шесть союзов, объединяющих в Англии железнодорожников. К 1913 г. данное общество было в состоянии образовать из всех других организаций—за исключением Ассоциации железнодорожников и машинистов—Национальный союз железнодорожников.

Национальный союз железнодорожников в своем уставе намечает в качестве основной своей цели „обеспечение полной организации всех рабочих, занятых на железной дороге или в связи с железнодорожным делом в Соединенном Королевстве". Таким образом, оно представляло собой совершенно сознательную попытку создать организацию производственного характера вместо организации профессиональной или цеховой.

Верховной властью в этом союзе обладает ежегодный генеральный митинг, состоящий из 60 представителей выборных от округов, вместе с председателем и генеральным секретарем союза. Делегаты выбираются для участия в ежегодном генеральном митинге только на 3 года, и каждые 3 года исполком объединяет отделы заново в, примерно, одинаковые избирательные округа. Ежегодный митинг является теоретически верховным и имеет право отменять и восстанавливать уставные положения и фактически контролирует политику союза по всем крупным общим вопросам, при чем специальные генеральные митинги созываются по мере необходимости. Однако, весьма многие полномочия совершенно неизбежно передаются исполкому, который состоит из председателя, генерального секретаря и 24 других членов. Способы избрания этих членов являются наиболее примечательной чертой конституции союза, так как они представляют собой попытку обеспечить подлинное представительство как различных цеховых категорий, так и округов. Устав гласит по этому поводу следующее: „24 представителя в исполком избираются баллотировкой всех членов союза. Союз образовывает с этой целью 6 избирательных округов. Внутри каждого округа различные профессии разделяются на 4 избирательных секции. Секции эти таковы: 1) паровозная секция службы тяги, 2) секция службы движения, 3) службы пути и 4) службы депо". В свою очередь „исполком разделяется на 4 секционных подкомиссии, включающих представителей вышеназванных секций. Полномочия исполкома зависят исключительно от генерального митинга. Исполком толкует уставное положение и может собирать дополнительные взносы. Апеллировать на его решения можно только к генеральному митингу. Исполком улаживает отношения с предпринимателями, но результат его работы в этом отношении должен быть ратифицирован на специальном или ежегодном генеральном митинге. Генеральный секретарь избирается всеми членами союза и остается на своем посту без ограничения времени — по воле и желанию большинства членов, которым предоставляется право на ежегодных или специальных всеобщих митингах требовать ухода его в отставку". Председатель избирается баллотировкой на каждом ежегодном генеральном митинге и может быть избран только на три года сряду. Полная централизация контроля является главным принципом организации Национального союза железнодорожников. Финансовая система его централизована, и областные советы, которые могут быть образованы, с согласия исполкома, отделами, обязаны ограничиваться организационной и культурно-просветительной работой. На практике, однако, вопросы о тактике и политике свободно обсуждаются на заседаниях областного совета, и через отделы резолюции, принятые на этих заседаниях, передаются исполкому.

Другие железнодорожные союзы, вступившие в Генеральный совет тред-юнионов, — это Объединенное общество паровозных машинистов и кочегаров, насчитывающее, как указано выше, более 60 000 членов. Далее, ассоциация железнодорожных служащих с 66.000 членов, что увеличивает общее число организованных железнодорожников до 455. 00. В течение последних лет было сделано много попыток достичь слияния всех трех союзов, но объединенное общество паровозных машинистов и

кочегаров настолько цехово настроено, что не допускает слияния с более крупн. союзом железнодорожников. Что же касается Ассоциации железнодор. служащих, то последние выражали желание солидаризировать свою работу с работой других организаций, оставаясь, однако, на точке зрения необходимости особого союза работников не-физического труда и сохраняя свою особую организацию с целью привлечения этих последних, из коих лишь около 25% организовано, по сравнению с 95% организованных Национальным союзом железнодорожников и Амальгамированным обществом паровозных механиков и кочегаров.

Амальгамированный союз машиностроителей. Амальгамированный союз машиностроителей, насчитывающий 204.000 членов, является наиболее важным союзом в машиностроительной промышленности. Он возник в 1920 г. в результате слияния Амальгамированного общества механиков с 3 28.000 членов с 9 более мелкими цеховыми союзами. Само Амальгамированное общество механиков образовалось в 1851 г. и насчитывало тогда почти 12.000 членов, после число их возросло до 161.000 к 1913 г. и удвоилось за военный период. В течение многих лет Амальгамированное общество механиков было самым крупным и важным профессиональным союзом, и его конструкция являлась моделью, по которой строилось большинство цеховых союзов, образовавшихся в период между 1850 и 1913 гг., ибо до середины 1920 г. оно все еще было главным образцом старого типа группово-цеховых союзов.

Амальгамированное общество имеет 1.572 отдела в Великобритании и колониях. Эти отделы группируются исполнительным советом в 26 округах, при чем каждый округ имеет свой особый комитет, находящийся на полном содержании у союза, имеет окружного делегата, избираемого на три года округами. Окружные комитеты располагают определенной автономией и имеют полномочия, с согласия исполнительного комитета, регулировать тарифные ставки, продолжительность рабочего времени и условия труда в своем округе. Равным образом, имеется еще 7 областных комитетов, образованных из представителей по избранию окружных комитетов. Верховным органом союза является национальный комитет, состоящий из 2 представителей от каждой области (избираются ежегодно), из трех представителей от исполнительного совета, председателя и генерального секретаря. Все решения этого органа окончательны и обязательны для исполнительного совета. Он имеет право пересматривать устав в конце каждого четырехлетия.

Исполнительный совет состоит из председателя союза и семи членов, непосредственно избранных самими членами союза. Выборы для этой цели происходят в семи избирательных округах. Срок полномочий выборных членов исполнительного совета трехгодичный, но каждый член исполнительного совета может быть переизбран. Председатель, генеральный секретарь и два помощника секретаря избираются членами союза на трехлетний период и точно так же могут быть переизбраны. Особенностью организации Национального союза машиностроителей является то, что сверх вышеописанного аппарата союза им создан еще институт делегатов от мастерских и заводские комитеты как на предприятиях, так и в цехах, избираемые рабочими под наблюдением окружных комитетов, в которых представлены равным образом и делегаты от мастерских.

Целями союза являются: „1) контроль над промышленностью в интересах общества, 2) организация рабочих, которые имеют право состоять членами союза; развитие наиболее сердечных отношений с другими союзами в данной отрасли промышленности, с целью организации единого союза для чугунолитейного, машиностроительного и судостроительного производств". Последний пересмотр устава имел место в мае 1926 г., и он отличался определенным сдвигом в сторону производственной основы союзных организаций. До тех пор можно было бы признать, что Амальгамированное общество механиков и Амальгамированный союз машиностроителей представляют собой переходную стадию от узко цехового профессионального движения к движению, построенному на производственной основе. В 1912 г. был сделан шаг вперед к расширению сферы деятельности союза включением в него дополнительно и не квалифицированных рабочих. Эта группа имела меньше прав в союзе и как отдельная группа перестала существовать в 1915 г. Нажим со стороны предпринимателей в течение последних пяти лет вызвал теперь крупные уставные перемены, и союз открыт для всех рабочих данного производства без различия профессий с ноября 1926 г. Этот акт расширения сферы действий союза иллюстрирует общую тенденцию профессионального движения, которое теперь быстро перестраивает свои организации для того, чтобы удачнее приспосабливать свою работу к условиям современного капитализма.

Кроме Амальгамированного союза машиностроителей, — в машиностроении, производстве чугуна и вагоностроении имеется еще 23 союза, насчитывающие 188.000 членов. Это дает общую цифру организованных

рабочих в данной отрасли народного хозяйства в 393.000 из общего числа застрахованных рабочих этой отрасли в 1.304.000. Однако, есть еще несколько союзов, не входящих в состав конгресса тред-юнионов, число которых не учитывается в вышеприведенных цифрах, но они численно незначительны и обслуживают лишь специальные группы в небольших округах. Они представляют собой пережитки старейших форм местных и цеховых типов организации.

Текстильные союзы. Одним из наиболее старых типов профессиональной организации представлена текстильная промышленность, включающая обработку хлопка, шерсти, шелка, трикотажное дело, производство кружев, красильное дело и т. п. Эта промышленность организована частично на цеховой основе и частично представляет собой организации локального характера. Хотя в данной отрасли народного хозяйства неоднократно имело место слияние и объединение в федерации, — все еще есть огромное число союзов, обслуживающих 815.000 работниц и 527.000 рабочих, занятых в этой промышленности.

Нижеследующая таблица даст число текстильных профессиональных союзов и их членов в конце 1924 г., процентное отношение членов, состоящих в союзах, входящих в федерации, к общему числу тред-юнионистов в отрасли и общее число застрахованных от безработицы на 1 июля 1925 г.

Табл. 37.

Отрасли текст. промышл.	Союзов (кон. 1924 г.)	Членов (тыс.) Всего	Членов (тыс.) в том ч. женщин	% членов в союзах, вход. в федерации, из всего числа	Всего застрах. от безработицы на июль 1925 г. (тысяч)
Хлопчатобум. . . .	169	367	226	100	577
Шерстян. . .	28	79	31	100	258
Полотн. и джут . . .	23	34	24	81	149
Трикотажн.	10	28	21	100	98
Отбельн., красильн., аппрётурн. и т. п.	28	73	17	65	119
Прочие отрасли .	24	28	17	61	138
Всего . .	281	610	335	93	1.339

Таким образом, по отношению к числу застрахованных от безработицы организованные рабочие составляют всего лишь 45,5% (52% для мужчин, 41% для женщин), а в союзах, принимающих участие в конгрессах тред-юнионов, состоит менее трети числа застрахованных (во всех же объединениях тред-юнионов — 42%).

Три секции текстильной промышленности: а) хлопковая, б) шерстяная, в) джутовая и льняная — организованы совершенно отдельно, поскольку и подготовительный процесс и процесс обработки совершенно раздельны. Лишь красильщики, белильщики и концовщики в каждой из трех секций организованы в одни и те же союзы.

Самой крупной секцией является хлопкообрабатывающая; она обладает самыми отчетливыми признаками старой организации, покоящейся на мелких союзах и ассоциациях в каждом округе для каждого отдельного производственного процесса. Эти местные ассоциации затем объединяются в довольно свободные федерации, такие как Амальгамированная ассоциация кладовщиков, Амальгамированная ассоциация ткачей, Амальгамированная ассоциация прядильщиков и т. д. Эти федерации имеют центральный стачечный фонд и располагают правом контроля над экономической работой входящих в ее состав местных ассоциаций. На практике, однако, конфликты между федеральными органами и входящими в федерацию организациями редко имеют место.

Девять этих федераций, охватывающих рабочих, занятых обработкой, опять-таки объединены на федеративных началах в федерацию текстильных профессий северных графств, основанную в 1905 г. Эта федерация не имеет ни центрального фонда, ни системы централизованной выдачи пособий, и ее целью является обеспечение более полного единства, а, равным образом, она принимает активное участие во всех переговорах. Объединенная ассоциация текстильных рабочих — это другая федерация, которая представляет рабочих хлопкообрабатывающей промышленности в целом и включает прядильщиков, кардовщиков и секции рабочих, занятых окончательной обработкой продуктов. Цель этой ассоциации следующим образом сформулирована в уставе: „Целью ассоциации должна быть борьба со всеми причинами недовольства, от которых страдают ее члены и для уничтожения которых требуется парламентское или правительственное вмешательство; поддержка рабочего представительства в парламенте; проявление инициативы в рабочем законодательстве, а равным образом во всех других ответвлениях активности, которые могут получить санкцию и поддержку Генерального совета". В 1919, 1920 и 1921 гг. эта ассоциация вела переговоры с предпринимателями во всей хлопчатобумажной промышленности, но она не имела права принудить принять свои пред-

ложения и достигнуть соглашения. Даже эта федерация не включает все объединенные ассоциации в хлопчатобумажной промышленности, и, таким образом, нет организации, которая могла бы говорить от имени всех рабочих производства.

Союз чернорабочих. Из четырех союзов неквалифицированных рабочих и чернорабочих, входящих в состав конгресса тредюнионов, наиболее важными являются Национальный союз чернорабочих и муниципальных рабочих, с общим числом членов 319.000, и Рабочий союз, с 152.000 членов обоего пола. Национальный союз чернорабочих и муниципальных рабочих представляет собой плод слияния, имевшего место в 1925 г. и объединившего в единый союз Ассоциацию муниципальных служащих, Национальный амальгамированный союз труда и Национальный союз чернорабочих. В уставе его говорится, что „целью данного союза является объединение таких групп рабочих, какие время от времени Генеральный совет сочтет нужным организовать в союз, и таким образом узами единства и составлением и распределением фондов (нижеперейменованных) обеспечить общественные, моральные и интеллектуальные интересы своих членов, добиваться и удерживать за ними справедливые тарифные ставки и резонные продолжительность рабочего дня и условия труда". Что касается уставного положения, то оно гласит следующее: „Все лица, занятые какого-либо рода неквалифицированной работой—будь то физический труд или умственный,—имеют право вступить в союз". Членство в Национальном союзе чернорабочих и муниципальных рабочих самым определенным образом ограничивается неквалифицированными рабочими. Рабочий же союз, который был основан в 1898 г., ставит себе более широкие задачи и соперничает с индустриальными союзами, стремясь объединить рабочих разных отраслей народного хозяйства. Любой рабочий, который присоединяется к принципам, методам и целям Рабочего союза, имеет право стать членом его, и, хотя на практике состав членов главным образом заполнен неквалифицированными рабочими, среди членов его имеются в значительном количестве рабочие и работницы, которые должны были бы по существу быть членами индустриальных или цеховых союзов. Например, в некоторых округах, где рабочие плохо организованы Амальгамированным союзом машиностроителей, в Рабочий союз входят почти целиком рабочие отдельных машиностроительных предприятий. Равным образом по многим сельскохозяйственным округам этот союз организует и сельскохозяйственных рабочих. Это — результат совершенно определенной тактики со стороны руководителей Рабочего союза, рассматривающих свой союз как основу для единой политики союза, который постепенно вовлечет в свои ряды все другие союзы. По словам генерального секретаря этого союза (в предисловии к уставу, изданному 1 января 1926 г.), „массовая продукция теперь находится еще лишь на начальных стадиях своего развития. Она открывает чудесные возможности для развития производства полезных продуктов. Массовая организация представляется надлежащим путем к успешному приспособлению к новым условиям, которые вскоре воцарятся во всех производственных и распределительных отраслях хозяйственной деятельности. Рабочий союз готов к этой перемене". Рабочий союз управляется исполнительным комитетом, состоящим из председателя, секретаря и 8 членов по избранию от 8 избирательных округов на трехлетний период. Делегатская конференция созывается каждые три года для обсуждения общих принципов и будущей политики союза. Делегаты избираются отдельно от каждого избирательного округа. Председатель и секретарь (он же казначей) избираются баллотировкой всех членов конференции на трехлетний период. Верховная власть в Национальном союзе чернорабочих и муниципальных рабочих принадлежит созываемому каждые два года конгрессу делегатов, избираем. по округам по принципу представительства — 1 делегат на каждые 3.000 членов. Управление делами союза передоверяется генеральному совету в составе председателя, секретаря и двух представителей от каждого округа, один из коих обязательно—окружный секретарь при генеральном совете. Председатель, генеральный секретарь и помощники его—национальный организатор и главный женский организатор — выбираются голосованием всех членов один раз и затем становятся постоянными чиновниками союза. Одним из наиболее интересных пунктов устава является правило, которое уполномочивает генеральный совет создавать секции в центре для обслуживания какого-нибудь отдельного производства или группы производств, рабочие которых входят в состав союза. Это представляет собой попытку обеспечить особые интересы членов по особым отраслям труда,—попытку которой мы не находим в Рабочем союзе, несмотря на то, что последний стремится расширить свои рамки гораздо дальше, чем Национальный союз чернорабочих и муниципальных рабочих.

9. Генеральный совет тред юнионов. На протяжении почти всей истории англий-

ского профессионального движения последнее не имело единого объединяющего и руководящего центра. Правда, еще в тридцатые годы XIX в. спорадически созывались конгрессы тред-юнионов. Однако, постоянного регулярного обмена опытом и мнениями между делегатами профессиональных союзов не устанавливалось вплоть до 1868 г., когда был созван по инициативе Совета производств Манчестера и Солфорда конгресс в Бирмингеме, вынесший решение о регулярном созыве таких конгрессов. Этим конгрессом открывается почти непрерывный список конгрессов, последний из которых, шестидесятый по счету, состоялся в сентябре 1928 г. в Сванси.

Но хотя конгрессы открывали широкую возможность обмена опытом и тем самым естественно превращались в руководящий центр, характер их работы и их роль в английском профессиональном движении ограничивали их значение.

Чрезвычайно показательно, что мысль о регулярном созыве конгрессов возникла не у отдельных мощных профессиональных союзов, являвшихся наиболее влиятельными организациями, а у межсоюзного объединения, игравшего второстепенную роль в движении. Вожди тред-юнионов долгое время относились с подозрением к конгрессам, опасаясь покушения с их стороны на самостоятельность союзов. Если они дали свое согласие на созыв конгрессов, то в силу весьма определенных мотивов: к концу шестидесятых годов в Англии консервативным правительством намечался новый закон о профессиональных союзах, угрожавший значительно урезать явочным порядком приобретенные „права“ союзов, и в силу этого все движение в целом стало испытывать потребность в демонстрации своего отношения к законодательной деятельности правительства. Отсюда — тот характер конгрессов, который им был придан вождями союзов, характер внешне прекрасно организованного парада мощи профессионального движения, стройность которого отнюдь не нарушается какими бы то ни было внутренними разногласиями. Отсюда и постановка на конгрессах лишь вопросов, которые не могли по сути дела вызвать какие-либо разногласия. Отсюда же и создание, в качестве исполнительного органа конгресса, не действительно руководящего органа, а „парламентского комитета“ (с 1869 г.) в составе председателя, секретаря и трех членов, на которых возлагалась обязанность следить за ходом законодательства и организовывать посылку депутаций к министрам по тем или иным вопросам рабочего законодательства и законодательства о профессиональных союзах.

Попытки использовать организацию конгресса для того, чтобы ввести в английское профессиональное движение аппарат руководства всем движением, хотя бы с весьма ограниченными полномочиями, неизменно наталкались на самое упорное сопротивление со стороны руководителей отдельных профессиональных союзов. После Шеффильдского конгресса, состоявшегося в 1874 г., несколько вождей союзов создали недолговечную „Федерацию организованных рабочих“, которая, не встретив поддержки со стороны крупнейших в то время союзов машиностроителей и текстильщиков, сошла с исторической сцены. Пять лет спустя, в 1879 г., новую попытку в этом же направлении сделал сам парламентский комитет, который особенно остро чувствовал свою беспочвенность и беспомощность. Им был разослан всем союзам проект устава „Федерации организованных союзов“. Но на приглашение вступить в такую федерацию откликнулись только некоторые союзы (не более полудюжины), а точку зрения остальных выразил секретарь союза бумагопрядильщиков, Томас Эттон, который заявил на конгрессе 1882 г., что „уже в течение ряда лет парламентский комитет и другие лица пытаются создать организацию, о которой говорится в резолюции (внесенной и на этот конгресс), но это оказывалось совершенно невозможным... Нелепо было принимать эту резолюцию. Рабочие союзы страны не могут быть объединены, так как интересы их слишком разнородны и так как они завистливо относятся друг к другу“. В дальнейшем попытки повторялись, но лишь в 1890 г. Эпплтону удалось, уже и мимо конгресса тред-юнионов, создать Федерацию, целью которой было объединение стачечных фондов входивших в нее союзов и оказание помощи из средств объединенного фонда тем союзам, которые вовлечены в конфликт. Но и эта Федерация тред-юнионов, основанная Эпплтоном, оказалась в стороне от профессионального движения и объединила только небольшую часть союзов. Движение числа объединенных этими союзами членов показывает, что Федерация никогда, в сущности, не имела значительного удельного веса в английском профессиональном движении. Так, общее число членов Федерации равнялось

в 1911 г.	861.000	или 27,4%	всех чл. союз. в Англ.
„ 1916 „	727.000	„ 15,6%	„ „ „ „ „
„ 1921 „	1.320.000	„ 19,9%	„ „ „ „ „
„ 1926 „	711.000	„ 18,6%	„ „ „ „ „

Необходимо отметить, что на короткий промежуток времени Федерация была официальным представителем английского профессионального движения в международных отношениях. С 1919 по 1920 гг.

Эпплтон являлся председателем Международной федерации профессиональных союзов, и лишь с конца 1920 г. в эту Федерацию вступил конгресс тред-юнионов, к которому и перешло представительство английских союзов в международной организации.

Таким образом, в течение весьма продолжительного периода английское профессиональное движение оказывалось без объединяющего и руководящего центра.

В обстановке эпохи промышленного капитализма, когда острота отношений между предпринимателями и рабочими была относительно не столь значительной, подобное положение считалось нормальным и в общем не создавало значительных осложнений в работе профессиональных союзов, проводивших политику „коллективных сделок" по цеховой линии. В обстановке эпохи империализма отсутствие руководящего центра, наоборот, начало сильно давать себя чувствовать. Особенно резко вопрос был поставлен нарастанием стачечной борьбы 1910—1914 гг.

Новая стачечная тактика английских рабочих, заключавшаяся в применении стачек солидарности, т.-е. выступлений ряда союзов в поддержку одного из них, потребовала создания органа, координирующего действия всего профессионального движения. Конгресс, созывавшийся раз в год, и его парламентский комитет, состоявший первоначально из пяти, затем из 12 и, наконец, с 1916 г., из 16 членов, не могли взять на себя эту роль. Конгресс в состоянии был лишь подъитожить за годичный срок опыт стачечной борьбы, но не был в состоянии в любой момент стать во главе движения. Парламентский комитет, в свою очередь, был мало влиятельным и дееспособным органом. Все его члены, за исключением секретаря, были местными работниками, принимавшими участие лишь в заседаниях комитета. Секретарь тоже не был, в сущности, постоянным работником, хотя и получал определенное содержание в размере 200 ф. ст. в год; из этой суммы, однако, он обязан был оплачивать всех работников комитета, и потому обычно на пост секретаря выбирался коммонер, получавший содержание от государства, что мешало ему целиком отдаваться работе в комитете. Все это заставляло союзы стремиться к созданию новой организации, которая бы удовлетворила растущую потребность в руководящем органе для всего профессионального движения.

Стачечная волна 1910—1914 гг. продемонстрировала исключительно большую ударную силу некоторых союзов, объединяющих работников тех отраслей народного хозяйства, от бесперебойного функционирования которых зависела вся жизнь страны. Транспорт, железные дороги и горнозаводское дело оказались наиболее поддающимися нажиму со стороны профессиональных союзов в силу того, что в высоко индустриализированной стране, где население сконцентрировано в немногих крупных промышленных центрах и зависит целиком от этих отраслей в снабжении продовольствием, расстройство данных отраслей народного хозяйства быстрее всего сказывается тяжелыми последствиями. Поэтому прежде всего мысль о создании единого координирующего стачечную борьбу и руководящего центра возникла именно у союзов железнодорожников, транспортников и горнорабочих. В 1913 г., в переговорах между исполнительными органами этих союзов, намечено было создание „Тройственного согласия труда", как организации, способной сплотить воедино три наиболее активно и наступательно настроенных союза. Переговоры едва успели закончиться, как вспыхнула мировая война. И хотя организация „Тройственного согласия труда" была санкционирована соответствующими союзами и само „Тройственное согласие" было образовано из председателей и секретарей Национального союза железнодорожников, Федерации транспортных рабочих и Великобританской федерации горнорабочих, на время войны деятельность нового объединения замерла. Лишь с окончанием войны значение новой организации могло бы сказаться в английском профессиональном движении.

Но 1919 г. открывает собою совершенно новую главу в истории английского движения. Ожидания и надежды, с которыми в рабочей массе Англии было связано окончание „последней войны", были совершенно разбиты подлинными результатами мирового военного конфликта. Во всем Р. к. Англии, поэтому, началось небывалое брожение. Даже те вожди, которые во время войны занимали определенно оборонческую позицию, вынуждены были заговорить по иному. Так, Томас, который в 1917 г. считал стачечное движение довоенного периода грозным для судеб цивилизации и благословлял войну, как фактор сплочения национальных интересов, на Портсмутском конгрессе тред-юнионов 6 сентября 1920 г. продемонстрировал эту „смену вех". Он отметил, в связи с вмешательством английских рабочих в антисоветскую политику Ллойд Джорджа, что последние события открывают новую эру в истории тред-юнионизма. „Все силы рабочего класса—говорил он — были в течение этих недель сконцентрированы против парламентского строя. Рабочими был брошен вызов самой конституции"

Образование Совета действия для активной борьбы с интервенционистской политикой правительства, нарастание стачечной волны, разработка проектов национализации различных отраслей народного хозяйства отдельными союзами, посылка на мирные переговоры представителей тред-юнионов в Ригу, огромный интерес, проявленный рабочими к докладам т. Литвинова в 1919 г. в Англии,— все это свидетельствовало о весьма значительных сдвигах в английском профессиональном движении. Удовлетвориться одним лишь „Тройственным согласием труда“ в этой новой обстановке движение уже не могло.

Было еще одно обстоятельство, которое четко ставило вопрос о создании единого руководящего центра английского профессионального движения. Среди горняков, железнодорожников и транспортников, а в особенности среди первых, укрепились в обстановке усилившейся классовой борьбы синдикалистские тенденции. Проект Великобританской федерации горнорабочих о национализации копей и недр земли требовал, чтобы органы управления национализированной горной промышленностью формировались на 50% по назначению самой Федерации, на 25%—по назначению правительства из числа членов Федерации и лишь на 25%—по „свободному“ выбору правительства. Кроме того, наибольшая непримиримость проявлялась именно этими союзами. Для старого руководства профессиональным движением, выросшего и сформировавшегося в обстановке мирной, примиренческой политики союзов, „Тройственное согласие труда“ не могло не рисоваться угрозой для их положения в движении, так как руководство переходило из их рук в руки этого последнего.

Вот почему уже на конгрессе в Глазго в 1919 г. принято было принципиальное решение образовать единый руководящий центр для всего профессионального движения, в виде „Генерального штаба индустриального труда“. Это решение было принято далеко не единогласно. „За“ голосовало 2.881.000, против — 1.722.000, при чем особенно сильную оппозицию предложение встретило именно среди горнорабочих и железнодорожников. Франк Ходжес, секретарь Великобританской федерации горнорабочих, заявил, что горнорабочие, транспортники и железнодорожники не видят пользы в организации „Генерального штаба индустриального труда“, полагая, что весь проект недостаточно продуман. Джон Бромли, секретарь союза машинистов и кочегаров, точно также выступал против предложения и предлагал передать решение на референдум всего движения. Такая позиция железнодорожников, транспортников и горнорабочих объяснялась, разумеется, тем, что данные союзы уже имели свой центр в виде „Тройственного согласия труда“ и что образование нового центра означало бы ослабление революционного крыла, в силу „разжижения“ „ударных“ групп союзов мелкими и находящимися по-прежнему во власти традиций старого тред-юнионизма союзами. Оппозиция крупнейших и влиятельнейших союзов сыграла свою роль. Несмотря на повторно принятое в 1920 г. решение о создании „Генерального штаба“, лишь в сентябре 1921 г. окончательно конгресс в Кардиффе формирует этот последний,— уже после того, как „Тройственное согласие труда“ оказалось нежизнеспособным 15 апреля 1921 г., в „черную пятницу“.

Действительно, „Тройственное согласие труда“ было сорвано в решительную минуту поведением Томаса и Вилльямса, руководителей Национального союза железнодорожников и Федерации транспортников. Когда конфликт в горной промышленности потребовал впервые на деле выступления этих двух союзов на поддержку горняков, и Томас и Вильямс заявили, что они не могут объявить стачку солидарности по точному смыслу уставов своих союзов, которые требуют предварительного референдума по такому важному вопросу. Отказ поддержать горняков поставил последних лицом к лицу с объединенным капиталом в обстановке полной изоляции. Борьба закончилась поражением горнорабочих, „Тройственное согласие труда“ механически распалось, а это-то и позволило следующему конгрессу, состоявшемуся в Кардиффе, образовать, наконец, „Генеральный штаб“ под названием Генерального совета конгресса тред-юнионов.

Но 1921 г. был уже годом перелома в рабочем движении Англии. От наступления труд перешел к обороне. Реакционные тенденции, которые и до того были сильны в движении и вызвали распад „Тройственного согласия труда“, подняли голову. Ими были полностью использованы центробежные силы английских союзов для того, чтобы лишить новую организацию боевого значения. В силу этого, устав Генерального совета предусматривал такой порядок его образования, при котором „автономия“ каждого союза сохранялась бы полностью и единства в настоящем смысле этого слова не получилось бы. Вместо принципа выборности всех членов совета самим конгрессом, введен был принцип представительства в совете отдельных групп союзов. Это ясно из того, что состав Генерального совета, определенный в 32 члена, складывается

прямо из представителей 18 профессиональных групп, как это видно из § 4 „Положения о конгрессе тред-юнионов". Этот § гласит:

„Генеральный совет выбирается конгрессом и состоит из 32 членов, представляющих 18 профессиональных групп, образованных следующим образом:

Горное дело	3 представителя
Железнодорожное дело	3 „
Транспорт (кроме ж. д.)	2 „
Судостроение	1 „
Машино-, вагоностроение	3 „
Железоделательная и стальная промышленность	2 „
Строительная, мебельная и деревообделочная промышл.	2 „
Бумажное и печатное дело	1 „
Хлопкообрабатывающая промышл.	2 „
Текстильная прочая	1 „
Производство одежды	1 „
Кожевенная и обувная промышл.	1 „
Керамичная, химическая и пищевкус.	1 „
Сельское хозяйство	1 „
Государствен. служащие	1 „
Работники интеллектуального труда	1 „
Чернорабочие	4 „
Женщины-работницы	2 „

Таким образом, уже самый состав Генерального совета говорит о представительстве групповых интересов, а не о единстве всего профессионального движения. Порядок же выборов таков, что этот момент представительства оказывается еще резче подчеркнутым. В самом деле, каждый союз, отнесенный к той или иной группе, имеет право выдвигать кандидатов в Генеральный совет. Если по данной группе выдвинуто лишь то число делегатов, которое точно соответствует числу мест, отведенных данной группе, то конгресс только подтверждает факт избрания. Конгресс голосует только кандидатуры, число которых превышает число отведенных мест, т.-е., в случае споров внутри группы между отдельными союзами, этот спор разрешается остальными союзами путем голосования на конгрессе. Это обусловливает совершенно определенный характер состава Генерального совета конгресса, как парламента мнений отдельных групп союзов. И вполне прав Джордж Гикс, секретарь союза каменщиков, который в „Plebs" (№ от сентября 1928 г.) указывал, что по всем вопросам члены Генерального совета выражают свои цеховые взгляды и ни один не поднимается до общеклассовых. „Генеральный совет,— говорил Гикс—как он в настоящее время составлен, представляет собою группу людей, для которых чрезвычайно трудно рассматривать профессиональное движение как единое целое, которые не в состоянии думать о рабочих, как о рабочих. Они привыкли видеть в рабочем прежде всего горняка, железнодорожника, металлиста механика, строителя, текстильщика и т. д. Что же на самом деле требуется от членов Генерального совета, так это в первую голову чувство класса, а не чувство цеха".

Это цеховое начало представительства явилось, как мы указывали, результатом укрепления реакционных тенденций в английском профессиональном движении к моменту образования Генерального совета. Оно же, в свою очередь, позволило так составить Генеральный совет, что подлинного соотношения сил в профессиональном движении Генеральный совет не отражает. Это видно из численного состава тех профессиональных групп, среди которых распределено представительство в Генеральном совете. Так, реакционные союзы имеют больше представителей, чем революционные или проявляющие прогрессивные тенденции, что ясно из нижеследующих данных:

Табл. 38.

	Число членов	Число союзов	Число представ.	1 представитель
Горняки	840.543	9	3	на 280 тыс. чел.
Железнодорожники	454.924	3	3	„ 151 „ „
Транспортники	397.126	9	2	„ 198 „ „
Судостроители	122.850	4	1	„ 122 „ „
Механики	394.051	23	3	„ 131 „ „
Раб. железоделат. пром.	153.932	21	2	„ 77 „ „
Деревообделочн. и строит.	349.658	16	2	„ 174 „ „
Работники хлопкообраб. пром.	234.864	37	2	„ 117 „ „
Печатники	167.665	13	1	„ 167 „ „
Прочие текстильщики	152.307	17	1	„ 152 „ „
Производство одежды	90.428	8	1	„ 90 „ „
Кожевники	86.868	5	1	„ 86 „ „
Керамаки, химики	186.534	16	1	„ 186 „ „
Землед. раб.	30.000	1	1	„ 30 „ „
Чиновники	150.227	10	1	„ 150 „ „
Чернорабочие	475.760	5	4	„ 119 „ „
Работники интеллект. тр.	62.845	8	1	„ 62 „ „

Наиболее реакционно настроенными союзами за 1921—1928 гг. проявили себя союзы чернорабочих, текстильщиков, рабочих железоделательной и сталелитейной промышленности, производства одежды (за исключением лондонского отдела), кожевники, представительство которых организовано от гораздо меньшего числа рабочих, чем представительство прогрессивных союзов (деревообделочники, транспортники, горняки). В некоторых случаях мы имеем положение, при котором реакционному союзу надо иметь втрое и даже вчетверо меньше членов для посылки одного члена в Генеральный совет, чем это нужно для союза революционного (горняки и рабочие железнодор. и проч. транспорта).

Но это не все. Порядок образования Генерального совета превращает этот последний в представительство платных чиновников союзов. В самом деле, из 32 членов Генерального совета 20—генеральные секретари соответствующих профессиональных союзов. Почему возможно такое положение? Ответ на этот вопрос дает нам порядок наметки кандидатов. Последние выдвигаются исполкомами соответствующих союзов. Затем происходит сговор между исполкомами данной профессиональной группы относительно выдвинутых кандидатур. В ходе переговоров окончательно намечается твердый список. Напр., на Гулльском конгрессе только по 10 из 18 групп было выдвинуто больше отведенного числа кандидатов, а по 8—выборы не происходили, и намеченные кандидаты автоматически стали членами Генерального совета. Очевидно, выбирают членов Генерального совета только чиновники профессиональных союзов. А это означает, что и выбираются те же чиновники.

Но даже создавая такой именно руководящий орган профессионального движения в целом, который по самому своему составу и по порядку выборов обеспечивал бы от минимальн. нарушения „автономии“ отдельных союзов, конгресс в Кардиффе, созванный при обстановке преобладания в движении реакционных сил, обставил работу Генерального совета еще дополнительными оговорками, дополнительными гарантиями самостоятельности союзов. Полномочия Генерального совета были определены чрезвычайно осторожно.

§ 8 устава конгресса тред-юнионов след. образом формулирует „права“ Генерального совета:

а) Генеральный совет ведет дела в промежуток между конгрессами, наблюдает за ходом экономической борьбы и, где возможно, координирует деятельность союзов в этой области;

б) наблюдает за ходом законодательства о труде и проявляет по указаниям конгресса законодательную инициативу;

в) пытается улаживать все споры и конфликты между союзами;

г) имеет право организовывать совместные выступления союзов по общим вопросам—вопросам заработной платы, продолжительности рабочего времени и любым другим вопросам общего значения—затрагивающим интересы и взаимоотношения союзов, отношения между союзами и предпринимателями или между профессиональным движением и правительством; и имеет право оказывать поддержку любому союзу, если он подвергся нападению по какому-либо жизненному вопросу профсоюзной организации;

д) помогает союзам в их организационной работе и ведет пропаганду укрепления профессионального движения в целях достижения вышеперечисленного;

ж) имеет право созыва по своему разумению внеочередных конгрессов в случае возникновения экстренной потребности.

Даже Вальтер Ситрин, являющийся ныне председателем Амстердамского интернационала и одним из главнейших деятелей английского профессионального движения, стоящий на позициях поддержки капиталистической рационализации, отмечает в своей книге „The British Trade Union Mouvement“ (стр. 70), что подобного рода полномочия не соответствуют действительной потребности в руководящем органе. „Концепция генерального штаба предполагает—читаем мы здесь—не только организческую дееспособность, но и обладание такими правами, какие позволили бы уверенно проводить работу, без того, чтобы она была истолкована как узурпация... Генеральный совет не наделен такими широкими правами“.

С новым подъемом стачечной волны и общим подъемом рабочего движения в 1924—1925 гг., поэтому, вопрос о расширении прав Генерального совета ставился неоднократно и даже частично был разрешен в положительном смысле на конгрессах в Гулле (1924) и Скарборо (1925). Но даже с поправками, какие были внесены конгрессами в Гулле и Скарборо в полномочия Генерального совета, объем прав последнего оставался чрезвычайно незначительным. „Общая политика Генерального совета“ в важнейшем вопросе о стачках устанавливалась уставом и после этих конгрессов, как „воздержание от вмешательства, если только сами заинтересованные союзы не потребуют этого вмешательства от Генерального совета“ (§ 11 уст.).

События 1926 г. показали, что неопределенность и нечеткость полномочий легко может быть использована реакционными элементами Генерального совета для срыва стачек. В самом деле, когда перед рабочим движением остро встал вопрос о всеобщей стачке, Генеральный совет не мог использовать никаких своих уставных полномочий для объявления стачки. Он вынужден был созвать специальную конференцию исполкомов тред-юнионов, на которой изложил вопрос, получив санкцию на объявление и руководство стачкой. Эта зависимость Генерального совета от конференции исполкомов создала положение, при котором контроль за ходом всеобщей стачки и ее исход нах дились в руках у небольшой чиновничьей верхушки английского профессионального движения. Делегаты конгресса не заслушивали даже отчета о поведении Генерального совета во время стачки и не могли высказаться по поводу стачки и ее руководства. Отчет свой Генеральный совет представил только конференции исполкомов, от которых он и получил полномочия на объявление стачки. А это означало, что весь ход стачки протекал вне поля зрения самой массы, без ее ведома и контроля. Все решалось не-

большой группой руководителей союзов. Отсюда чувство безнаказанности и безответственности перед массой, которое проявлено было Генеральным советом, и, напротив, полная зависимость Генерального совета от вождей крупнейших профессиональных союзов, от вождей Рабочей партии и от правительства. Вполне естественно, что такого рода положение способствует проявлению в Генеральном совете реакционных тенденций. Фактическими руководителями всеобщей стачки оказались Томас, Пью, Ситрин, Крамп, Бен Тэрнер и другие реакционные вожди, которые повели за собою и „левых вождей" (Персель, Гикс, Свэйлс), с тем результатом, что стачка была сорвана, а рабочие вынуждены были безоговорочно принять все условия кабинета Болдвина и предпринимателей.

Мы видим, таким образом, что английское профессиональное движение, несмотря на образование в 1921 г. Генерального совета, продолжает оставаться распыленным, лишенным единого подлинно руководящего центра. Именно поэтому в течение 1924—1928 гг. неоднократно вновь в рядах профессиональных союзов возникает мысль о реорганизации Генерального совета. В 1924—1925 гг. эту мысль высказывают делегаты конференции движения меньшинств и „левое крыло" английского профессионального движения. Джордж Гикс еще в 1928 г., в связи с конгрессом в Сванси, вновь ставит вопрос о радикальной перестройке совета. Он требует, чтобы Генеральный совет состоял из лиц, намечаемых и выбираемых на самом конгрессе, усматривая в этом путь к освобождению совета от цехового подхода к вопросам тактики и стратегии классовой борьбы. Но с 1926 г. движение меньшинств отказалось от борьбы за расширение полномочий Генерального совета в виду определившегося реакционного характера его политики.

В самом деле, за небольшим исключением (годы 1924—1925), когда Генеральный совет пережил некоторое освежение своего состава (часть реакционных вождей покинула его ряды, получив портфели в кабинете Макдональда), неизменно Генеральный совет служил оплотом реакционных элементов. Подлинными его руководителями и вдохновителями являлись и продолжают являться бессменные секретари союзов, при чем во главе их находится Дж. Томас, правой рукой избравший для себя Ситрина, которого он и провел в секретари Генерального совета. Эти реакционные элементы пользуются аппаратом Генерального совета для борьбы с теми настроениями в союзах, которые вызывают полевение и части вождей. Всякое проявление самостоятельности в подборе своих руководителей низовыми организациями профессиональных союзов вызывает со стороны Генерального совета роспуск соответствующих организаций. Конгресс в Сванси даже специально расширил в этом направлении полномочия Генерального совета. Последний теперь, на основе постановления конгресса в Сванси, имеет право исключать те организации, которые в своей политике расходятся с политикой Генерального совета. Тем самым Генеральный совет превращен в мощное орудие борьбы реакционных элементов с элементами революционными. Вполне естественно при этих условиях, что движение меньшинств в настоящее время не продолжает более настаивать на дальнейшем расширении полномочий Генерального совета, предпочитая выждать нового подъема в рабочем движении для постановки вопроса о создании боевого центра английского профессионального движения.

10. Организация предпринимателей и борьба с союзами. Степень обостренности классовой борьбы в Англии эпохи империализма, создавшая необходимость консолидации сил рабочего движения и образования крупных профессиональных объединений, действовала аналогично и на противоположную сторону, на предпринимателей.

Промышленники имели и имеют в возможность использовать для прямого отпора рабочим и для организации наступления капитала на труд аппарат не только специальных ассоциаций, которые ставили бы своей прямой целью борьбу с профессиональным движением. В их распоряжении весь аппарат организации промышленности. Поэтому чрезвычайно иногда трудно распознать в статистике объединен й предпринимателей, какие именно организации являются специально боевыми и какие лишь выполняют определенную роль в классовой борьбе, имея своей целью, главным образом, овладевание рынком сырья или сбыта. Само собою, что тресты относятся к последней категории, хотя именно объединение в тресты позволяет предпринимателям проявлять гораздо более энергично и с гораздо большим эффектом силу сопротивления требованиям рабочих. Мы, однако, считаем нужным рассмотреть организацию английских промышленников только в части, определенно обслуживающей интересы промышленников в их борьбе с рабочими.

Эти последние организации за время, наступившее после мировой империалистической войны, значительно выросли в силе и значении. Правда, на первый взгляд может показаться, что силы промышленников столь же распылены, как и силы Р. к.

Мы имеем огромное число предпринимательских организаций во всей промышленности, а в некоторых отраслях число это исключительно велико. Так, на 1928 г. насчитывалось:

Отрасли промышленности	Предприн. ассоциаций
Строительная	377
Горнозаводская	38
Металлообрабатывающая	148
Текстильная	69
Производство одежды	97
Прочие производства	381

А всего имелось 1.110 предпринимательских ассоциаций.

Но таково только первое впечатление, зависящее, главным образом, от того, что статистика учитывает каждую предпринимательскую ассоциацию без указания, входит ли она в какую-либо федерацию предпринимательских ассоциаций, или же не входит. Между тем по-левоенный ход событий указывает именно на чрезвычайно быстрый рост федераций предпринимателей, *в особенности основной — „Федерации британской промышленности“.*

Последняя представляет собою ныне самое могущественное объединение английских промышленников. Она создалась в 1916 г. и с тех пор быстро укреплялась. Следующая таблица показывает процесс роста Федерации. В ее состав входило:

Табл. 39.

Годы	Предпринимат. ассоциаций	Отдельн. фирм	Общее число членов
1916	8	50	53
1917	73	494	567
1918	152	793	945
1919	174	946	1.120
1920	166	1.222	1.888
1921	168	1.567	1.735
1922	166	1.729	1.895
1923	167	1.798	1.965

Если проанализировать состав Федерации британской промышленности, то не трудно убедиться, что она является наиболее представительной организацией английского капитала. В 1928 г. общее число фирм, представленных в ней, достигло 20 тысяч, считая и отдельные фирмы, входящие через предпринимательские ассоциации. Главнейшие комбинаты, в роде Виккерса, Леввера, Компании Маркони, Англо-персидской нефти, и трое из пяти представителей „большой пятерки“ (пять главнейших банковских групп в Англии) входят в состав Федерации. Уже в ноябре 1919 г. сэр Винсент Каллярд на ежегодном общем собрании членов Федерации мог заявить, что Федерация „представляет 18 тысяч фирм с объединенным капиталом в 5 миллиардов ф. ст.“ и с числом рабочих свыше 4 миллионов.

Формально, Федерация британской промышленности не ведет борьбу с рабочими. Целью ее, по букве устава, является: „2) Создание условий и поощрение свободного и неограниченного обмена мнений и обсуждения хозяевами и рабочими, имеющее в виду обеспечение дружеских сговоров и отношений между хозяевами и рабочими и предупреждение и разрешение стачек и всех других форм промышленной борьбы между хозяевами и рабочими“.

В 1923 г., когда практические формы „дружеских сговоров и отношений“ слишком резко подчеркнули истинное содержание данного § устава, Федерация британской промышленности выступила в печати с декларацией своей рабочей политики, в которой говорилось: „Федерация британской промышленности в течение некоторого времени подвергалась нападкам на том основании, что она ведет кампанию в пользу удлинения продолжительности рабочего времени и сокращения заработной платы. Федерация категорически заявляет, что такого рода утверждения абсолютно не соответствуют действительности. Устав Федерации запрещает ей принимать какое бы то ни было участие в регулировании отношений между работодателями и рабочими. Она имеет дело исключительно с вопросами торгового, финансового и технического порядка, в связи с чем она содействует соблюдению интересов своих членов и тем самым их рабочих. Вопросы, относящиеся к взаимоотношениям между работодателями и рабочими, рассматриваются другими, совершенно независимыми организациями“.

Несмотря на то, что данное заявление расходится как будто с уставным положением, приведенным выше, на деле, действительно, Федерация непосредственно не вмешивается в промышленные конфликты. Все переговоры между рабочими и предпринимателями ведутся попрежнему между непосредственно заинтересованными в конфликте организациями. Кроме того, Федерация создала две специальных организации для борьбы с рабочими, оставаясь формально в стороне, но действуя за кулисами и руководя всей борьбой английского капитала с трудом. „Дочерними“ организациями Федерации являются Национальный альянс предпринимателей и рабочих и Национальная конфедерация предпринимательских организаций.

Сама Федерация британской промышленности не скрывает, что именно она была инициатором создания обоих этих боевых организаций капитала. Федерацией, в связи с Лионской международной выставкой (1919), был выпущен специальный бюллетень, в котором, между прочим, указывается и на связь Федерации с Национальным альянсом. „Политикой Федерации

британской промышленности — читаем мы здесь — является содействие и сотрудничество в самом широком смысле этого слова с организациями, чья активность дополняет или параллельна активности Федерации... Проводя эту политику, Федерация явилась в значительной мере виновником образования Национального альянса работодателей и рабочих... Федерация работает в тесном контакте с этой организацией, влияние которой каждодневно возрастает в экономической политике".

Национальный альянс образован был в декабре 1916 г. В него вошли крупнейшие предприятия металлопромышленности, текстильной индустрии и банковского дела. „Виккерс", „Кросли", „Гест, Кин и Неттльфольд", „Армстронг-Витворт", „Бирмингемская Компания по производству мелкого оружия" — таковы фирмы, вошедшие в Альянс со стороны представителей металлопромышленности. Директор Английского банка Хут Джаксон представлял в Альянсе банковский капитал, а Диксон и Гадфильд — текстильную промышленность. 28 представителей рабочих организаций насчитывали в своих рядах: секретаря Генеральной федерации тред-юнионов В. Эпплтона, вождя моряков и кочегаров торгового флота Гавлока Вильсона, представителя почтовых служащих Гарри Даббери, генерального секретаря Союза чернорабочих Чарлза Дункана и — что особенно знаменательно — председателя Генерального совета тред-юнионов во время всеобщей стачки 1926 г., представителя „Конфедерации рабочих железоделательной и сталелитейной промышленности" Артура Пью. Дж. Томас, политический секретарь Национального союза железнодорожников не вошел в Альянс, но всецело его поддерживает. В апреле 1923 г. он выступил на собрании Альянса и заявил: „Тот вождь союза, который желает стачки, непригоден для своей работы... Болтовня о классовой борьбе ведет в ад".

Уже этих фактов достаточно, чтобы представить себе, насколько значительна роль этой организации „классового сотрудничества". События 1924 г., когда Гавлок Вильсон сорвал стачку моряков и даже вызвал решительный протест со стороны Генерального совета тред-юнионов, события 1926 г., когда во главе всеобщей стачки оказался Дж. Томас, наконец, образование на средства Альянса в Нортумберленде реакционного профессионального союза горняков Спенсером — указывают, в каком направлении ведется работа Альянса работодателей и рабочих, созданного Федерацией британской промышленности.

Отчеты Альянса не дают возможности восстановить картину подлинного роста этой организации. Мы знаем только, что ею охвачено в настоящее время около шестидесяти промышленных районов, где — пользуясь определением самого Альянса — „имеется ячейка как предпринимателей, так и рабочих, которые готовы работать во имя общего блага". Лишь в редких случаях Альянс сообщает имена тех „рабочих", которые участвуют в его работе на местах. Финансовый отчет точно так же приводит лишь материал о единовременных пожертвованиях и о членских взносах, а не о размере всех поступлений, и дает скромные цифры (в $2-2^1/_2$ тысячи ф. ст.) для годичного дохода.

Другая „дочерняя организация" Федерации британской индустрии, Национальная конфедерация предпринимательских организаций, еще теснее связана с Федерацией. Она была создана со специальной целью регулировать активность предпринимательских организаций в вопросах взаимоотношений труда и капитала. Федерация британской промышленности сама рассматривает эту организацию как своего агента в данной области. В цитированном уже нами бюллетене Федерации мы читаем, что одному из отделов аппарата Федерации поручается „снабжать информацией по всем вопросам труда... и предпринимать соответствующие действия, когда это необходимо, через Национальную конфедерацию предпринимательских организаций". Руководящий состав Конфедерации включает наиболее активных и непримиримых предпринимателей: сэра Аллана Смита, председателя ассоциации предпринимателей машиностроения; Эвана Вилльямса, председателя ассоциации горнозаводчиков Великобритании; сэра Эндру Дункана, председателя федерации предпринимателей судостроения, лорда Вейра и др.

С помощью как Национального альянса, так и Национальной конфедерации Федерация британской промышленности оказалась в состоянии сплотить весь капиталистический мир для всесторонней борьбы с рабочими. Выступая в роли „либерально настроенной организации" в собственной маске, Федерация в острые моменты, когда рабочие раздражены чрезмерной неуступчивостью предпринимателей, появляется на сцене в качестве примиряющего фактора. Так, в момент подъема рабочего движения к концу 1923 г. Федерация сделала попытку организовать ряд митингов в районах конфликтов, устроив выступления Геддса и Райленда с целью уверить рабочих в этих районах в благорасположении предпринимателей".

В лице Национального альянса Федерация проводит политику классового сотрудничества, создавая видимость единения

„труда и капитала". А Национальная конфедерация предпринимательских организаций служит боевым оружием для активного наступления на труд. Объединив самых крупных и влиятельных предпринимателей в своих рядах, сплотив их в единую мощную организацию, Федерация британской промышленности с 1916 г. неизменно ведет работу по укреплению позиций британского капитализма.

11. Действующее законодательство о труде. Англия обладает еще до сих пор репутацией страны, где законодательство о труде было и продолжает оставаться одним из самых передовых. Правда, сразу же бросается в глаза то обстоятельство, что именно в Англии, в отличие от других капиталистических стран, нет единого кодекса законов о труде, и законодательные акты попрежнему представляют собою несогласованные изолированные мероприятия, охватывающие лишь отдельные вопросы законодательной охраны труда.

Тем не менее, Англия первая вступила на путь государственной защиты рабочих, государственного регулирования условий труда и даже найма. Уже в 1802 г. парламентом был издан „Health and Morals of Apprentices Act" (Акт о здоровьи и морали учеников) — мероприятие, имевшее совершенно ничтожное практически значение, но явившееся первым проявлением регулирующей роли государства. Точно так же и вопрос о 10-часовом рабочем дне в фабричных предприятиях был впервые поставлен именно в Англии, при чем закон 1847 г., устанавливавший ограничение продолжительности рабочего дня 10 часами, имел настолько огромное значение, что Маркс назвал его „победой принципа", а „не только крупным практическим успехом". В свою очередь, введение фабричной инспекции и работа последней в Англии явились дальнейшим шагом вперед в деле установления известных норм трудовых отношений. Репутация английской фабричной инспекции стояла настолько высоко в течение пятидесятых и шестидесятых годов, что Маркс подчеркивал исключительную роль ее работы для пролетариата.

Законодательная деятельность английского парламента в области нормирования условий труда не отличалась планомерностью, и в ней наблюдались на протяжении XIX века огромные перерывы в периоды промышленного подъема, когда рабочие были склонны главные надежды возлагать на самопомощь и стачечную борьбу. Но по мере того, как народное хозяйство переходило в стадию монопольного капитализма, безграничная вера в самодеятельность сменяется все усиливающимися требованиями государственного вмешательства в интересах труда (см. *Великобритания*, IX, прилож. *статистич. обзор В.* стр. VIII—IX), и самые стачки в значительной степени становятся средством воздействия на государственную власть (см. след. отдел). Под этим влиянием между 1906—1914 гг. и затем после империалист. войны рабочее законодательство в Англии значительно расширяется. Введение „советов по регулированию заработной платы в потогонных производствах", обеспечение стариков, достигших 70-летнего возраста, пенсией за счет государства, развитие законодательства о вознаграждении потерпевших от несчастных случаев, страхование на случай болезни, инвалидности и безработицы (акты о национальном страховании 1911 и 1913 гг.) на значительно иной, чем принятая до того в капиталистических странах, базе, установление 8-часового рабочего дня в горной промышленности — все это свидетельствовало о крупном повороте законодательной деятельности в сторону государственного регулирования и нормирования условий труда. И это все возрождало репутацию Англии, как страны с передовым законодательством о труде.

Однако, по принципам, лежащим в основе английского законодательства о труде, Англию, по крайней мере в настоящее время, после мировой империалистической войны, приходится отнести не к передовым, а скорее к отсталым странам.

На протяжении всей истории английского законодательства о труде основной особенностью законодательной деятельности парламента было то, что в любой мере, проведенной парламентом, отсутствовало намерение регулировать и нормировать условия труда, вмешиваться вообще в отношения между работодателем и работником. Уже в законе 1847 г., которым устанавливался 10-часовой рабочий день в текстильных предприятиях, эта особенность уменьшала ценность самого закона. Регулировался труд только детей и женщин. Никаких норм для мужского труда закон 1847 г. не давал. Если 10-часовой рабочий день на практике и установился для всех рабочих текстильной промышленности, то только потому, что в данной индустрии преобладает женский труд, и притом характер работы женщин таков, что ее темп определяет собою темп работы всех остальных групп рабочих. Формально же английский парламент сознательно отказывался регулировать условия труда взрослых рабочих мужского пола, считая, что данная категория рабочих в состоянии собственными силами, без государственного вмешательства, обеспечить свои интересы. В даль-

нейшем никаких отступлений от этой политики мы не имели. Законодательство о труде исходило из соображений защиты наиболее слабых групп рабочих, а отнюдь не из потребности в систематическом регулирующем воздействии со стороны государства на все вообще условия труда.

Правда, как-будто несколько расходится с этим положением тот факт, что в 1912 г. законодательный акт парламента установил 8-часовой рабочий день для всех работников (в том числе и мужского пола) в горной промышленности. Но и это расхождение — только чисто внешнее. Дело в том, что стачка горнорабочих 1912 г., выдвинувшая в числе требований не только повышение заработной платы и установление минимума ее, но и введение восьмичасового рабочего дня, стачка, происходившая уже в обстановке империалистической эпохи, выявила исключительные условия труда в горной промышленности; в особенности огромное значение в этом отношении имела статистика несчастных случаев, показавшая, что труд горняка не менее опасен, чем положение солдата на фронте, как по количеству несчастных случаев, так и по невероятно тяжелым, исключительным во всех отношениях условиям работы. Поскольку государство в Англии в это время считало своей обязанностью ограждать законодательными актами жизнь и здоровье населения от исключительно неблагоприятных условий, постольку и сокращение рабочего времени горняков толковалось именно как вытекающее из исключительных условий существования данной группы рабочих.

Что именно таков был характер законодательства о 8-часовом рабочем дне в горной промышленности — свидетельствует то, что в дальнейшем государство в Англии не распространило действие закона о 8-часовом рабочем дне ни на одну из остальных категорий рабочих. В настоящее время, в 1929 г., в Англии попрежнему действует лишь закон 1901 года (Factories and Work-Shops Act, 17 августа 1901 г.), которым устанавливается продолжительность рабочей недели в $55^1/_2$ часов для женского труда, и только. Несмотря на то, что представители английского правительства принимали участие в Вашингтонской конференции по вопросам труда (1919) и там голосовали за законодательное ограничение продолжительности рабочего дня восьмью часами, в течение всего последующего времени Англия не ратифицировала постановлений Вашингтонской конвенции. Ее не ратифицировало даже правительство Дж. Рамзай Макдональда во время пребывания у власти Рабочей партии в 1924 г. А министр труда в кабинете Болдвина, Стиль Мэйтленд, на заседании 43 и 44 сессии верховного руководящего органа Международного бюро труда (в Женеве, с 11 по 16 марта 1929 г.) предложил вообще созвать новую конференцию, на которой и поставить вопрос о новой конвенции. Аргументация Стиль Мэйтленда сводилась к тому, что в прежней конвенции содержится так много неясностей, так неудовлетворительно формулированы отдельные положения, что английское правительство, опираясь на авторитетное мнение своих экспертов-юристов, не считает себя в праве ратифицировать столь неудовлетворительный документ. Детальный проект пересмотра, внесенный Стиль Мэйтлендом, фактически уничтожал конвенцию. Это и было отмечено в дебатах, в которых определилось с очевидностью, что английское правительство, в течение $9^1/_2$ лет отказывавшееся ратифицировать конвенцию, просто-напросто ищет повода к оправданию своей „бездеятельности“ в этом отношении. Это требовалось консервативному правительству Болдвина потому, что в марте 1929 г. уже были ясны некоторые перспективы всеобщих выборов, которые и дали 30 мая 1929 г., как известно, большинство мандатов Рабочей партии и вызвали образование второго министерства Макдональда. По существу же отказ в ратификации Вашингтонской конвенции объяснялся традиционным отношением английского правительства к вопросу о регулировании труда взрослых рабочих: установление в законодательном порядке 8-часового рабочего дня означало бы решительную ломку прежней политики, допускавшей государственное вмешательство в отношения между трудом и капиталом в области рабочего времени лишь для наиболее слабых и беззащитных групп рабочих.

Но если в области охраны труда взрослых рабочих английское правительство, таким образом, неизменно, несмотря на все перемены в его составе, проводило политику отказа от вмешательства, то есть ряд областей во взаимоотношениях между работодателем и работником, в которых активность законодательных органов Англии весьма значительна. Таковы: 1) техника безопасности производства (как „Акт о фабриках и мастерских“, так и „Акт о копях“ уделяют огромное место детальнейшему регулированию условий труда с точки зрения его безопасности), 2) регулирование конфликтов (создание „промысловых советов“, законодательство о стачках), 3) социальное страхование (расширение страхования от безработицы в 1920 г., установление порядка получения пособий безработными в 1924, 1927 гг.). В этих областях сделано чрезвы-

чайно много, и законодательные акты, трактующие проблему безопасности работ, порядок разрешения конфликтов, вопрос о стачках, или устанавливающие порядок страхования, отличаются детальностью и разработанностью.

Эти черты английского трудового законодательства тоже симптоматичны. Они указывают на то, что в Англии установка в законодательстве о труде делается на обеспечение за населением дееспособности, охранение населения от таких результатов капиталистических отношений найма, которые подрывали бы здоровье и трудоспособность населения.

В самом деле, уже первый законодательный акт (о здоровьи и морали учеников — от 1802 г.) как по своему происхождению, так и по своему характеру был иллюстрацией этой тенденции английского трудового законодательства. Он был издан в результате страшнейшей сыпно-тифозной эпидемии, вспыхнувшей в силу антигигиенических условий, в которых содержались малолетние рабочие на Ратклиффских мануфактурах блиа Манчестера. Эпидемия перекинулась и на состоятельные кварталы города, тем поставив в прямую связь условия труда малолетних рабочих на текстильных предприятиях с судьбами всего населения. Вместе с тем самый акт особо внимательным был именно к условиям здравоохранения на предприятиях. Последующие законодательные акты точно так же в значительной мере имели своим назначением борьбу с исключительно быстрым снижением уровня физической годности населения фабричных районов. Доклад парламентской комиссии 1832 г., например, вскрыл страшную угрозу в этом отношении раннего детского труда. Показания свидетелей выявили физическую дегенерацию подростков, с раннего возраста поступавших на работу по найму. „Мне 14 лет — говорил, например, один из свидетелей, опрошенных комиссией, — с 7 лет я поступил на прядильную фабрику. С тех пор мой стан начал искривляться, и вот уж более трех лет, как я совершенно скрючен". Ф. Энгельс, в „Положении рабочего класса в Англии" приводит многочисленные примеры аналогичного влияния условий труда. К этим фактам, о которых кричали материалы разнообразных парламентских и министерских комиссий первой половины XIX столетия, присоединялись еще и другие. Если детский труд вызывал дегенерацию населения, то не меньший вред причинял и нерегулируемый женский труд. Не говоря о снижении уровня морали в фабричных районах („фабричная" — было ругательством вплоть до середины XIX в. в Англии, в виду того, что беспорядочная половая жизнь девушек была правилом, усердно поддерживавшимся в особенности низшей фабричной администрацией) — нормальное материнство становилось невозможным для женщин, долгое время и с раннего возраста работавших на текстильных предприятиях. Огромная смертность детей на первом году жизни, рахитизм, общее плохое питание новорожденных — все это создавало весьма существенную угрозу для будущего и не могло не вызвать со стороны государственного аппарата капиталистической Англии попыток вмешательства, в интересах повышения общей трудоспособности населения, в отношения между работодателем и работником.

Но именно такие мотивы вмешательства и ограничивали характер его заботами о возрастной норме поступления на работу, продолжительности рабочего времени детей и женщин и безопасности условий работы.

Что касается дальнейшего развития законодательства о труде — в особенности с 1906 г., когда издается ряд актов о социальном страховании, обеспечении стариков и вознаграждении пострадавших от несчастных случаев,—то непосредственно здесь не всегда мог играть такую же роль мотив обеспечения трудоспособности населения (т.-е. фактически самостраховки капиталистического общества от отрицательных — и с классовой точки зрения буржуазии в целом — последствий анархии производства и неурегулированности условий найма). Но только непосредственно. И во всяком случае и эти государственные мероприятия не только не противоречили, но содействовали интересам буржуазии в ее целом. Повышение темпа хозяйственной активности, по мере укрепления власти машины над человеком при капитализме, требует особой трудоспособности, на которую неспособен рабочий, с одной стороны страдающий от какой-либо, б. м. хронической, болезни, а с другой — вынужденный ослабевшие силы нести на производство, снижая своими сниженными качествами уровень производительности других рабочих. Аппарат капиталистического хозяйства требует в составе рабочих бригад только вполне здоровых и трудоспособных. Инвалиды, старики остаются за бортом. Для капиталистического государства это означает переложение тяжести по содержанию этих выброшенных за борт производства людей за свой счет. Введение страхования за счет и предпринимателя и самого рабочего (акт о национальном страховании 1911 и 1913 гг.) на случай болезни и инвалидности создает иллюзию радикальной реформы, но на деле привлекает рабочего к несению материальных тягот по

тому обеспечению нетрудоспособного населения, которое на основе законов о бедных со времен Елизаветы ложилось на государство, т.-е. на плательщиков налогов Введение пенсий старости лишь видоизменяло и по существу у д е ш е в л я л о ответственность государства за содержание престарелых рабочих, по возрасту непригодных к активной работе по найму. Что же касается обеспечения пострадавших от несчастных случаев известной компенсацией, то здесь мотив был, примерно, тот же: государство в законодательном порядке вводило известное единообразие в обеспечение людей, которые, по своей нетрудоспособности, все равно легли бы бременем на бюджет государства. Чрезвычайно характерно, что все главнейшие законы по обеспечению были изданы в результате работ „Королевской комиссии по законам о бедных", закончившей свои доклады в период между 1906 и 1909 гг., а сама комиссия была назначена еще консервативным министерством Бальфура для того, чтобы облегчить бремя финансовых обязанностей, лежавших на государстве в Англии по отношению к содержанию нетрудоспособного населения.

Однако, несмотря на то, что все акты законодательства о труде прямо или косвенно отвечали интересам капиталистов как класса, принимались эти законы почти всегда только в результате классовой борьбы. В сущности, только первый законодательный акт (1802) был в известной мере „добровольным" актом законодателя — вернее, его вынудила на этот акт сыпно-тифозная эпидемия. Во всех же остальных случаях законодательствованию парламента предшествовала обостренная классовая борьба. Возьмем хотя бы историю 10-часового рабочего дня, хорошо теперь известную. Промульгирование этого акта было результатом ожесточенной классовой борьбы между землевладельцами-тори и промышленниками-вигами. Участие в движении за 10-часовой рабочий день таких представителей помещичьего землевладения, как лорд Эшли, впоследствии граф Шефтсбери, консерватор Остлер и др., с очевидностью свидетельствует, что классовые интересы землевладельцев, ущемленные успешной борьбой буржуазии за избирательную реформу, с одной стороны, и за свободную торговлю — с другой, нашли противовес и частичную компенсацию в аналогичном ущемлении интересов промышленного капитала, заинтересованного в „свободе эксплоатации" наемного труда. Вовлечение в эту борьбу широкой рабочей массы — на стороне „свободной торговли" идеологами промышленного капитала Брайтом, Кобденом, на стороне землевладельцев — Шефтсбери, Остлером и др. — могло иметь место лишь при условии, что перед этими широкими массами будет некий реальный и понятный им идеал. „Свободная торговля" означала „дешевый завтрак". Тори же могли подорвать силу своих противников только путем борьбы за 10-часовой рабочий день.

Точно так же классовая борьба предопределяла собою и в дальнейшем как исторический момент, в который проводилось то или иное конкретное мероприятие, так отчасти и внешнюю форму, в которую это мероприятие выливалось. Всеобщая стачка 1912 г. в горной промышленности, поставившая государство в Англии перед фактом нарастающего революционного брожения в целом ряде районов, была резким толчком, вызвавшим паническую спешку в проведении законодательства, которым требования рабочих как-будто и удовлетворялись. Так появился акт о восьмичасовом рабочем дне и минимуме заработной платы в копях. Возникновение в качестве самостоятельного конкурента прежним двум партиям — либеральной и консервативной — третьей партии, представляющей рабочих, на выборах 1905 г. и ее успех, вызвавший появление в стенах палаты общин 40 членов этой партии, заставило либеральную партию лихорадочно выработать политику социальных реформ, которая выбила бы *из-под новой партии ее базу* — что рисовалось тем более возможным, что Рабочая партия самостоятельной программы не имела и ограничивалась только разработкой „платформы", включавшей очередные требования рабочих. Расширение страхования от безработицы в 1920 г. точно так же связано прямо с подъемом революционного брожения в рабочей массе Англии. Наконец, прямая связь может быть установлена между всем законодательством о „промысловых советах", примирительных камерах, о союзах и стачках, к которым заполнена деятельность английского парламента в период между 1900 и 1929 гг., и тем нарастанием стачечной волны, которым отмечено это время (см. отдел о конфликтах).

Очевидно, таким образом, что классовая борьба и ее фазисы определяют собою исторический момент, когда английское законодательство о труде оживляется, и те формы, в которые это законодательство выливается. Однако, то обстоятельство, что это законодательство на протяжении всей своей истории было делом буржуазной государственной власти (за вычетом первых трех четырех десятилетий XIX в.), накладывает исключительно глубокую печать на нем. Даже те случаи, когда рабочая масса своим выступлением вырывает у вла-

сти известные уступки и при этом, употребляя выражение Маркса, одерживает победу „принцип пролетарской политической экономии", оказываются под значительным влиянием общей установки буржуазного законодательства о труде. Нередко завоевания рабочих просто отнимаются. Такова отмена всех прав профессиональных союзов на использование стачки, как орудия классовой борьбы, по закону 1927 г. Такова потеря горнорабочими семичасового рабочего дня.

Анализ важнейших законодательных актов по отдельным разделам о труде дан уже в предыдущих отделах настоящей статьи о современном положении Р. к. в Англии, поэтому мы здесь ограничимся лишь сводной таблицей, которая показала бы наглядно состояние английского трудового законодательства к 1929 г. (см. на след. стр.).

12. Конфликты и стачки в Англии. Эпоха империализма в области отношений труда и капитала в Англии характеризуется значительным обострением этих отношений. Как правило, в эпоху промышленного капитализма английское рабочее движение не склонно было прибегать к стачке, как к методу разрешения многочисленных конфликтов, возникающих в отношениях между рабочими и нанимателями рабочей силы. Как по уставам тред-юнионов, так и по практике руководителей профессионального движения можно видеть, что стачка не пользовалась в эту эпоху популярностью среди организованных рабочих. Это не означает, конечно, что конфликты в промышленности не выливались в стачки и локауты. Однако, вообще говоря, до 80-х годов стачечное движение в Англии охватывало относительно незначительные по численности группы.

Даже в 80-е и 90-е годы, когда в экономическом быту страны уже стали сказываться последствия концентрации капитала и его монополистический характер, когда господство английской промышленности на мировых рынках уже стало отходить в прошлое, а акционерная форма организации предприятия усилила разрыв между продавцом и покупателем рабочей силы,— размеры стачечного движения были все еще относительно небольшими. Правда, именно в два последних десятилетия XIX в. в Англии отдельные стачки представляли собою уже массовые выступления рабочих. Так, в 1889 г. происходила стачка докеров, в которой насчитывалось до 100 тысяч участников. В 1890 г. произошли три больших стачки: горняков Иоркшира, Ланкашира и средней Англии (число участников свыше 100 тысяч, длительность — 7 дней), механиков северо-восточн. побережья Англии (20 тысяч участников, длительность — 9 дней) и докеров (тоже около 20 тысяч участников). Следующий год отмечен забастовкой 20 тысяч лондонских портных. В 1892 г. стачечное движение охватило значительные массы ланкаширских бумагопрядильщиков, при чем эта стачка вспыхнула вновь в 1893 г., когда в ней участвовало уже свыше 50 тысяч рабочих. В 1893 же году происходили стачки горняков в Дэргеме (около 70 тысяч участников), в Средних графствах (свыше 140 тысяч) и в Южном Уэльсе (около 100 тысяч участников). Список этот можно было бы продолжить, так как, за исключением 1896 г., почти все годы до начала XX в. отмечены крупными стачками. Тем не менее, *общая* картина стачечного движения в течение последних двух десятилетий XIX в. характеризуется не столько этими крупными стачками, свидетельствующими о значительном обострении в отношениях между трудом и капиталом, сколько относительной слабостью и распыленностью боевых выступлений рабочих.

Об этом отчетливо говорят следующие данные департамента труда министерства торговли и промышленности:

Табл. 40.

Годы	Число стачек	Число стачечников	Среднее число стачечников на 1 стачку
1888	517	119.000	230
1889	1.211	360.000	299
1890	1.040	393.000	378
1891	906	267.000	293
1892	700	357.000	510
1893	783	636.000	812
1894	1.061	324.000	305
1895	876	264.000	301
1896	1.021	199.000	195
1897	864	230.000	266
1898	674	247.000	366

Другими словами, даже в наиболее отмеченное крупными стачками десятилетие конца XIX в. средний размер

Отрасль законодательства	Важнейшие законы	На кого распространяются	В каких отраслях труда	Органы, ведающие проведением закона	В какой форме установлены нормы
1. Законодательство о минимуме заработной платы.	Зак. от 20 окт. 1909 г. с изменением 1918 г.	На всех.	В так наз. „потогонных" (список устанав. мин. труда).	„Промысловые советы" (Trade Boards) в составе представ. предпр., рабоч. и лиц по назначению мин. труда.	Повременная ставка устанавливается советом.
	Зак. 19 августа 1924 г.	На всех.	В сельск. хозяйстве.	С.-х. советы по зарплате (Agricultural Wage Boards) в составе предст. от хозяев и с.-х. рабочих. Решения этих советов, с утв. мин. труда, обязательны.	Ставка повременной оплаты устанавливается советом.
2. Труд детей и подростков.	Зак. 17 августа 1901 г.	Дети в возрасте до 12 лет.	Во всем народн. хозяйстве.	Фабричная инспекция. Суд.	Запрещается работа по найму.
	Зак. 19 августа 1921 г.	Дети в возрасте от 12 до 14 лет.	За исключением фабричной и горной промышленности — всюду.	„ „ „	Допускается в свободное от школьных занятий работа по найму.
		Дети в возрасте от 12 до 14 лет.	В фабрично-заводской и горной промышленности.	„ „ „	Допускается работа по найму в возрасте 13 лет лишь при условии окончания школы и с 12 лет лишь с разрешения школьных властей. Работа по найму запрещена в ночное время, в копях (под землей) и в ряде вредных производств. Рабочее время устанавливается в $^1/_2$ времени взрослых рабочих (не свыше 6 часов). Запрещена переноска тяжестей.
		Подростки от 14 до 16 лет.	В фабрично-заводской и горной промышленности.	„ „ „	Рабочий день на $^1/_2$ часа меньше, чем взрослых. Ночные работы запрещены, сверхурочные допускаются. Запрещена перевозка и переноска тяжестей в каменноугольной промышленности.
		Подростки от 16 до 18 лет.	В фабрично-заводской и горной промышленности.	„ „ „	То же, что и для 14—16-летнего возраста, но с допущением ночных работ в произв. гальваниз. железа, произв. фарфора и глины, на электр. станциях, в произв. металлич. проводки и в ряде других. Во вредн. предприятиях — запрещается по особым спискам. Переноска тяжестей допускается всюду.
3. Труд женщин.	Зак. 17 августа 1901 г.	На всех женщин.	В фабрично-заводской промышленности.		55$^1/_2$-часовая неделя, не свыше 10 ч. в день; ночные работы совершенно запрещены, запрещена также работа в производствах свинц. белил и в ртутных.
	Постановление от 8 ноября 1921 г.				Освобождение от работы на 4 недели после родов.

4. Примирительное и третейское разбирательство.	Зак. 20 ноября 1919 г. Постановление мин. труда от 15 марта 1920 г.	На всех рабочих и служащих, кроме лиц, занятых во флоте, армии, авиации и состоящих на коронной службе.	Во всех, кроме перечисленных в предыдущем столбце.	Промысловые суды. Организация их: 1) постоянная (председатель и члены суда) и временная (члены следственных комиссий, избираемые для рассмотрения каждого отдельного конфликта). Члены пром. суда назначаются мин. труда из представителей рабочих, предпринимателей и „незаинтересованных" лиц.	Урегулирование конфликтов с рабочими. В случае конфликта стороны не обязаны обращаться в промысловый суд. Но раз вынесенное по треб. сторон решение обязательно для них. Решение выносится, в случае примир. разбир., членами суда от сторон, в случае третейск. разбирательства — суперарбитром.
5. Социальное страхование.	Зак. 16 дек. 1911 г., 15 авг. 1913 г., 9 авг. 1920 г., временн. постановл. от 14 сент. и 7 окт. 1920 г. (о страховании от безработ.), 10 нояб. 1921 г., кодификационный закон 12 апреля 1922 г., закон 1925 г. (о пенсиях старости), закон о страх. от безработицы 1927 г. и закон 1 янв. 1929 г. (о нац. страховании).	На всех рабочих в возрасте от 16 лет и старше за исключением: **по страх. на случай болезни — госуд. и ж.-д. служащих,** обеспеченных иным образом **на случай болезни,** а также **работников умствен. труда с заработком свыше 250 ф. ст.** в год и преподавателей школ; **по страх. на случай безработицы** — сельскохозяйственных рабочих, домашней прислуги, квартирников;	Во всех, кроме перечисленных в предыдущем столбце.	**По страхов. на случай болезни** — так наз. „одобренные общества", которыми могут быть: а) проф. союзы (обязанные вести особое делопроизводство и учет), б) страховые компании, в) общества взаимопомощи. Условием „одобрения" является отказ от прибыли от страх. операций. Кажд. об-ство имеет свой устав и действует на его основе. Контроль за деятельностью касс (об-ств) проводится „страховыми комитетами" (по одному в каждом графстве и городской общине) в составе от 40 до 80 членов ($^3/_5$ представителей застрахованных, $^1/_5$ по назначению графства и городской общины, 2 врача по выборам от страхов. врачей, от 1 до 3 врачей по назначению графства или общины и из лиц по назначению страхового бюро. Страхов. бюро — центральный орган госуд. и назначается канцлером казначейства. **По страхов. на случай безработицы** — госуд. организ. (почтов. отделения), выдающие пособия по указаниям страх. комитетов и с санкции бирж труда, где ведется регистрация безработных.	**Страхов. на случай болезни** построено на взносах от предпринимателей и рабочих (по 4$^1/_2$ пенса в неделю за кажд. застрахов. мужского пола и 4$^1/_2$ пенса со стороны предпр. и 4 пенса со стороны работницы за кажд. застрахов. женск. пола). Взносы государства составляют $^1/_7$ всей суммы взносов за застрах. мужск. пола и $^1/_5$—за застрах. женск. пола. Для рабочих в возрасте 18 лет и больше, получающих менее 4 ш. в день, взнос установлен в 4 п. со стороны самого застр. и в 6 п. со стороны работодателя, а за рабочих с заработком менее 3 ш. в день страхов. взнос целиком выплачивается работодателем. Для получения полного пособия по болезни (на случ. болезни 14 ш. в нед. для мужчин и 11 ш. для женщин, на случ. инв.—по 7 ш. в нед.) необходимо делать взносы в течение 45 недель, но полное пособие выдается только при наличии не менее 104 взносов. Пособие это выдается в течение 26 недель, после чего застрах. переходит на инвалидное пособие. Застрахованные получают медиц. помощь, пособие при родах и добав. пособия, если у „одобр. об-ства" есть средства. **Взносы по страхов. на случай безработицы установлены еженедельные в след. разм. (с июля 1928 г.):** (в пенсах) Со стороны застр. / Предпр. / Государ. Подростки м. пола (18—21 г.) . . . . . 6 / 7 / 5$^1/_4$ Подростки ж. пола (18—21 г.) . . . . . 5 / 6 / 3$^3/_4$ Взросл. раб. м. пола. 7 / 8 / 6 „ „ ж. пола. 6 / 7 / 4$^1/_2$

Отрасль законодательства	Важнейшие законы	На кого распространяются	В каких отраслях труда	Органы, ведающие проведен. закона	В какой форме установлены нормы
					Пособия на *случай безработицы* с 19 апр. 1924 г. установлены в таком размере: Мужчины старше 21 г. . . . 17 м. в нед. Женщины „ 21 „ . . . 15 „ „ „ Подростки м. пола . . . . . 6 „ „ „ „ ж. пола . . . . . 5 „ „ „ Кроме того, на каждого иждивенца полагается 7 ш. в неделю, если без работы оказыв. глава семьи. Право на пособие предост. безраб., кот. сделал не менее 30 взносов в течение 2 лет до безработицы и „действительно ищет работы". Участие в стачке лишает права на пособие на все время стачки.
		По страх. на случай старости — всех лиц с доходом не свыше 99 ф. ст. 15 шилл. в год, достигших 65-летнего возраста.			**По страхованию на случай старости** (введенному, целиком за счет госуд., в 1906 г., но намен. на началах взносов и от застр.) взносы на страх. на случ. болезни обеспечив. и престарел. рабочих пенсиями в размере 10 ш. в неделю, если общий доход мужа и жены (если они живут вместе) не превышает 52 ф. 10 ш. в год после вычета из суммы дохода по 15 ш. на кажд. в неделю незаработан. доходов. Для всех остальных категорий застрах. эта сумма выплачивается при условии, что доход, после вычета из него 39 ф. ст. в год, не превышает 26 ф. ст. 5 ш.
6. Вознаграждение потерпевших от несчастн. случ.	Зак. 1880 г. (ответств. предприним.) и зак. 1906 г. (вознаграждение рабочих) и закон 1925 г. (вознаграждение рабочих).	На всех работников по найму.	Во всем народн. хозяйстве.	Судебные учреждения и министер. труда.	*Обязательство предпринимателя* возместить материальный ущерб. Размер определяется на основании постановлений мин. труда в развитие норм закона, и спорные дела рассматриваются судами в особом порядке. В 1926 г. 6.056.820 ф. ст. было выплачено в качестве возмещ. пострадавшим от несчастн. случаев и их семьям.
7. Законодательство о стачках.	Зак. 1906 г.; закон 1927 г.	На всех работников по найму.	Во всем народн. хозяйстве.	Судебные учреждения и министер. труда.	Стачки допускаются только в случае *прямого конфликта* между бастующей группой и предпринимателем по вопросам найма. Стачки солидарности, подстрекательство к стачкам, организация пикетирования, а равно стачки в общественно-важных предприятиях — уголовно-наказуемое деяние.

8. Законодательство о профессиональных союзах.	Зак. 1871 г.; закон 1913 г.; закон 1927 г.	На всех рабочих.	Во всем народном хозяйстве.	Судебные учреждения и министер. труда.	Законными функциями союза устанавливается защита и представительство интересов членов союза в вопросах найма. Политическое представ. интересов членов союза допускается лишь по отношению к тем членам союза, которые подают соответствующее заявление о желании делать взносы на политич. цели; из собираемых таким образом взносов образуется особый политич. фонд. Лишь регистрируемые в особом порядке союзы имеют право юридич. лица. Регистрируемые и нерегистрируемые союзы обязаны в определенные сроки посылать отчет о своей деятельности „Главному регистратору сообществ". Всем гос.ud. служащим воспрещается быть членами организации, входящей в международные объединения. Полицейским, армейским и флотским служащим совершенно воспрещается образовывать союзы.

стачек незначителен. Что же касается вообще стачечного движения в эпоху промышленного капитализма, то такой автор, как Ганс Ностиц, который добросовестным образом собрал по данному вопросу все доступные материалы, отмечает „с начала девятнадцатого века до 1888 г. всего 195 стачек, имевших большое значение"[1]). При этом он добавляет: „В то время как до восьмидесятых годов была только одна большая стачка углекопов в 1844 г., в десятилетие с 1871 до 1880 г. было не менее 8 стачек, из которых 4 были такие же большие, 3 вдвое и одна — втрое больше. Десятилетие с 1889 по 1898 г. опять-таки превосходит десятилетие с 1871 по 1880 г. как по числу, так и по размерам больших стачек"[2]).

Совершенно иная картина рисуется данными за тот период, когда полностью сказался уже эффект перестройки всего хозяйственного быта Англии на новых основаниях и история страны вошла прочно в эпоху империализма. Правда, первое десятилетие XX в. все еще не *особенно* богато стачками—фактически беднее даже, чем последнее десятилетие XIX в. С этой стороны рост мощи организованного капитала, благодаря увеличению числа боевых предпринимательских организаций (число их составило в 1911 г. свыше 1.110) и готовности оказать отпор рабочим, привел к ряду тягчайших поражений; наиболее важное — разгром и финансовое истощение крупнейшей профсоюзной организации „Амальгамированного общества механиков" в 1897 г., от которых тредюнионы не могли долгое время оправиться и не оправились, покуда не изменили уже в 1911—1912 гг. свою организацию и тактику стачечной борьбы. С другой стороны — такое же влияние оказали и юридические нормы (фактически лишившие союзы *права* на стачку с 1900 г.), которые были промульгированы буржуазным государством по прямому требованию предпринимательских организаций (вердикт по делу о стачке в Таффской долине, запре-

[1]) Ганс Ностиц, „Рабочий класс Англии", Москва, 1902, стр. 490.
[2]) Там же, стр. 492.

щавший пикетирование и делавший союз материально ответственным за ущерб, понесенный от стачки предприятием). Но накануне мировой войны, а особенно после ее окончания, полностью сказалось то обострение отношений между трудом и капиталом, которое назревало уже с 80-х годов XIX в. Картина, которую нам рисует официальная статистика труда, не оставляет никаких сомнений в этом. Она такова:

Табл. 41.

Годы	Число стачек	Число стачечн.	Число стачечн. на 1 стачку	Число потерян ных дней
1911	872	952.000	1.091	10.15[illegible].000
1912	834	1.462.000	1.753	40.890.000
1913	1.459	664.000	455	9.804.000
1914	972	447.000	460	9.878.000
1915	672	448.000	660	2.958.000
1916	532	276.000	519	2.446.000
1917	730	872.000	1.208	5.647.000
1918	1.165	1.116.000	9 8	5.875.000
1919	1.352	2.591.000	1.916	34.969.000
1920	1.607	1.932.000	1.202	26.58[illegible].000
1921	763	1.801.000	2.360	85.872 000
1922	576	552.000	958	19.850.000
1923	628	405.000	645	10 672.000
1924	710	613.000	863	8.424.000
1925	603	441.000	731	7.952.000
1926	323	2.734.000	8.464	162.288.000
1927	308	108.000	360	1.174.000
1928	302	124.800	414	1.405.000

В этой таблице обращает на себя внимание прежде всего резкое повышение числа стачечников, приходящихся на 1 стачку. То, что в последнее десятилетие XIX в., являвшееся кульминационным по интенсивности стачечной борьбы на протяжении всего столетия, представляло собою среднюю *максимальную*, оказывается средней *минимальной* за весь восемнадцатилетний период, включающий — и это надо особо отметить — период самой войны, когда все говорило *против* стачек. Лишь последние два года—1927 и 1928 — по средней числа стачечников приближаются к последнему десятилетию XIX в. Но 1927 г.— это сугубо исключительный год: он наступил вслед за тем годом, в котором в течение 9 дней всю Англию потрясала всеобщая стачка, охватившая от $2^1/_2$ до 4 миллионов человек [1]). Поражение, понесенное по вине Генерального совета тред-юнионов рабочими в эту стачку, и истощение горняков, выдержавших стачку в течение 9 месяцев, не могли не вызвать значительного спада стачечной волны, определенного снижения боевых настроений, что продолжало еще сказываться и в следующих годах. За вычетом же 1927 и 1928 гг., перед нами картина совершенно *небывалого* обострения отношений между трудом и капиталом.

Другая заметная особенность, вскрываемая в картине стачечного движения послевоенного и непосредственно довоенного периода — это известная цикличность стачечных волн. Максимум достигается в 1911—1912 г., затем вновь волна поднимается в 1919 и 1921 гг. и, наконец, в 1926 г. Почти регулярный пятилетний период отделяет наивысшую точку, достигаемую подъемом стачечного движения. Наиболее замечательно при этом то, что после каждой смены упадка и подъема стачечной волны высшая достигнутая точка находится выше предыдущей. Среднее число участников стачки составляет в начале максимум 1.753 человека на одну стачку и 40 миллионов потерянных дней, затем следующий этап дает нам уже 2.360 участников и 85 миллионов потерянных дней, а в 1926 г. мы имеем 8.464 участника в среднем и 162 миллиона потерянных дней. Впечатление быстро нарастающей обостренности классовых отношений совершенно определенно складывается от этого ряда цифр.

Как мы уже указывали, подобного рода обострения можно было бы ожидать уже a priori, на основании анализа тех отношений между трудом и капиталом, которые неизбежно вытекают из обстановки, создаваемой эпохой империализма в Англии. Вся эта эпоха характеризуется, как мы уже видели выше (в отделе о заработной плате), усилением эксплоатации рабочей массы и ухудшением материального положения последней. В силу этого неизбежны смены острого наступления то труда, то капитала, при чем первоначально наступает капитал и, добившись значительного ухудшения положения рабочих (сокращение заработной платы, удлинение рабочего дня), вызывает энергичное контр-наступле-

[1]) Статистика труда отмечает свыше 1.000.000 бастовавших горняков и 1.580.000 транспортников, печатников, строителей, металлистов и т. д. По подсчету Генерального совета тред-юнионов бастовало не менее 4—5 миллионов рабочих.

ние рабочих, на короткий срок слегка выравнивающее это положение с тем, чтобы вновь потерять завоеванные позиции. Официальная статистика не *различает оборонительных* стачек от наступательных. Она, поэтому, не позволяет точно установить, насколько значительны успехи наступления капитала и контр-наступлений труда. Но есть косвенный критерий, которым можно воспользоваться для примерного определения основной тенденции. Дело в том, что весьма значительная часть стачек и локаутов (в эпоху империализма почти всегда стачка и локаут дополняют друг друга) возникает на почве конфликта по вопросу о заработной плате. Об этом ясно говорит нижеследующая таблица:

Табл. 42.

Причины стачек и локаутов в Великобритании.
(% % отношение к числу стачек)

Годы	По вопросу о заработн. плате		Другие тарифные вопросы	Все стачки по вопросу о зарплате	Продолжит. рабочего дня	Права союзов	Остальные причины
	Повышение	Снижение					
1918	56,6	2,2	7,3	66,1	2,1	6,7	25,1
1919	50,2	4,7	8,5	63,4	10,1	3,8	20,7
1920	55,2	3,2	8,7	67,1	2,6	5,5	24,8
1921	2,4	51,5	12,5	73,4	4,1	3,2	19,3
1922	5,0	44,3	17,5	66,8	3,1	5,4	24,7
1923	12,1	23,6	20,5	56,2	2,5	14,5	26,8
1924	30,1	11,0	20,3	61,4	1,8	8,0	28,8
1925	19,2	13,8	17,6	50,6	2,5	11,9	35,0
1926	16,7	10,2	18,9	45,8	4,9	8,7	41,5
1927	11,4	23,0	19,2	53,6	7,1	8,5	30,8
1928	8,6	20,9	26,5	56,0	5,0	4,8	34,7

Таким образом, мы видим, что вопросы заработной платы доминируют над остальными вопросами. Это еще более выясняется данными о числе стачечников, которые участвуют в забастовках, возникших на почве конфликта по вопросу о заработной плате. Здесь *мы имеем следующее соотношение:*

Табл. 43.

Годы	% участников в стачках по вопросу о заработной плате	% участников в стачках по другим вопросам
1918	49,0	51,0
1919	70,0	29,9
1920	81,5	18,5
1921	96,3	3,7
1922	40,2	59,8
1923	42,9	57,1
1924	75,6	24,4
1925	68,6	31,4
1926	39,9	60,1
1927	34,4	65,6
1928	47,8	52,2

В определенные моменты почти все участники стачек относятся к числу тех, которые бастуют именно по вопросу о размере заработной платы. Вот почему возможно судить о наступательных и оборонительных стачках, имея лишь данные о соотношении между стачками против снижения заработной платы и стачками с требованием повышения ее,— другими словами, имея те данные, какие публикуются министерством труда. Из вышеприведенной таблицы мы видим, что по вопросу о повышении заработной платы стачки объявлялись преимущественно в 1918—1920 гг., затем, хотя и в более слабой степени,— в 1924—1926 гг. Остальные годы — это годы стачек против снижения заработной платы. Еще определеннее станет для нас картина по существу оборонительной борьбы рабочих в послевоенный период, если мы сравним отношения между числом участников стачек обоих видов. Данные министерства труда рисуют нам в этом отношении такую картину:

Табл. 44.

Годы	% участн. стачек, возникших по вопросу о: повышении зарпл.	понижении зарпл.
1918	41,2	2,5
1919	43,8	22,6
1920	76,0	2,5
1921	0,5	94,9
1922	0,9	33,0
1923	3,1	27,4
1924	54,6	14,2
1925	9,7	54,2
1926	0,3	38,8
1927	5,2	20,3
1928	7,8	18,6

Иначе говоря, два года (1920 и 1924) являются годами, когда наступление ведет, в сущности, труд. Но немедленно после этого капитал переходит в контр-наступление (годы 1921 и 1926), снижает заработную плату, чем вызывает уже оборонительные стачки, и закрепляет достигнутое рядом более мелких, менее обостренных конфликтов в последующие годы. В сущности говоря, мы имеем в этих данных яркую иллюстрацию того, как в Англии эпохи империализма проходит в боях постоянное наступление капитала, лишь в редких случаях прерываемое агрессивными выступлениями рабочих. Что

это именно так — показывают сведения о результатах стачечной борьбы, результатах, которые даже в годы наступления рабочих не всегда сводятся к действительным успехам. Эти сведения таковы:

Табл. 45.

Годы	Закончились для % участников стачек в пользу: рабочих	работодателей	компромиссом
1918	23,4	22,1	54,5
1919	14,0	23,9	62,1
1920	10,6	10,6	78,8
1921	1,5	5,6	92,9
1922	4,4	12,5	83,1
1923	24,8	23,1	52,1
1924	9,7	18,0	72,3
1925	53,1	16,1	30,8
1926	1,8	94,7	3,5
1927	28,1	30,6	41,3
1928	5,1	39,3	55,5

Эти цифры на первый взгляд как будто не в состоянии внушить пессимистическое впечатление. Но анализ их показывает:

1. При наступлении капитала, которое достигает особенной силы в 1921—1923 гг., затем в 1926—1927 гг., результаты стачек либо целиком (94,7% в 1926 г.) кончаются победой предпринимателей, т.-е. заработная плата снижается полностью по программе предпринимателей, либо целиком же (92,9% в 1921 г., 83,1% в 1922 г.) сводятся к компромиссу, т.-е. к сокращенному, но все же снижению заработной платы. Даже тогда, когда рабочие частично одерживают победу, как в 1923 г., когда 24,8% всего числа участников добились успеха, мы имеем лишь невыполнение программы урезывания заработной платы и только. Тогда же, когда наступление ведут рабочие, мы имеем всегда одинаковую пропорцию полного успеха и рабочих и предпринимателей, при весьма значительном числе стачечников, заканчивающих забастовку компромиссом. Это бросается в глаза особенно в годы 1918—1920, годы самого активного наступления рабочих. А компромиссный исход стачек *означает лишь весьма незначительное*, как правило, улучшение положения рабочих.

2. Это заставляет сделать вывод, что стачка, как метод борьбы за улучшение условий существования английского рабочего в эпоху империализма, становится все более *недееспособной*. Эпоха империализма, которая в Англии сказывается особенно сильно ростом класса рантье, приводит к тому, что былая возможность для рабочего укрепить свое положение в рамках капиталистических отношений производства ослабевает с каждым десятилетием и даже годом и что всякая серьезная попытка борьбы за интересы рабочей массы, хотя бы она предпринималась традиционным методом выступления под лозунгом экономической борьбы, неизбежно перерождается в политическое столкновение классов.

Особенно яркий пример этого перерождения доставляет самое крупное событие в Англии послевоенного периода — всеобщая стачка и борьба горняков в 1926 г.

Всеобщая стачка, превратившая между 3 и 12 мая 1926 г. всю Англию в вооруженный лагерь и выявившая небывалую солидарность, была результатом конфликтов, в течение 1921—1926 г.г. происходивших в английской горной промышленности. Она была объявлена Генеральным советом тред-юнионов в ответ на локаут, поставивший горнорабочих в положение защищающейся стороны, с 1 мая 1926 г. с целью принудить горнопромышленников отказаться от предъявленных ими рабочим горной промышленности требований удлинения рабочего дня с 7 до 8 часов, сокращения заработной платы и отказа от общенациональных коллективных договоров. Всеобщая стачка поэтому представляет собою эпизод классовых боев, завершающий собою длинную цепь событий хозяйственной жизни Англии, событий, которые свидетельствуют об экономическом упадке Великобритании. И то обстоятельство, что ближайшим толчком явились конфликты в горной промышленности, еще более определенно подчеркивает это историческое значение всеобщей стачки, ибо кризис *угольной промышленности* Англии особенно ярко отражает общий кризис английского народного хозяйства в послевоенную эпоху.

До 1913 г. выработка угля в Англии неизменно росла. Правда, темп

роста ее уже с 90-х годов отставал от темпа роста угольной промышленности других стран. Так, по данным за 1914 г., выработка угля составляла в миллионах метрических тонн:

	1890	1913	% роста
Во Франции . . .	25	45	80
В Германии . . .	70	305	335
„ С.-А. С. Ш. . .	140	570	301
„ Японии	2,6	24	823
„ России	6	35	483
„ Великобритании	184	322	75

Уже, таким образом, к 1913 г. положение оказывалось весьма неблагоприятным. Уголь в Англии — не только топливо для туземной промышленности, но и значительная, все возрастающая статья экспорта, как об этом говорят следующие данные:

Годы	% экспортного угля в выработке его	% стоимости экспортного угля в общей сумме экспорта
1880	16,3	4,8
1890	21,3	9,0
1900	25,9	16,6
1909	31,9	18,1

Поэтому отставание Англии от других, конкурирующих с ней, стран означало не только вытеснение ее с мировых рынков (первое место сменяется в 1913 г. вторым), но и ослабление общей мощи английского народного хозяйства. Таково было положение даже к 1913 г. В послевоенный период произошло дальнейшее ухудшение. Относительное падение добычи угля сменилось абсолютным: в 1913 г. добыто было 287 млн. тонн, в 1924 г. уже только 267 миллионов, а в 1925 г. даже 246 миллионов. Сокращение же экспорта равнялось к этому времени 30% по сравнению с довоенным. Это мы видим по следующим данным:

Годы	Экспорт (тыс. тонн)	Бункерный уголь (тыс. тонн)
1913	73 400	21.023
1923	77.974	18.158
1924	59.179	17.689
1925	48.574	16.487
Сокращение на . . .	33,8%	21,3%

Угольный кризис в силу этого больно ударял по всей экономике страны, так как подобный упадок в добыче и экспорте угля удорожал основное промышленное топливо и сокращал значительно торговые операции по объему, что в свою очередь вызывало значительные осложнения для коммерческого судоходства.

Хотя причина кризиса заключалась в более быстром, чем в Англии, развитии угольной промышленности во всем мире и более высокой рентабельности угольных копей других стран, на ряду с замещением угля нефтью, уже в 1921 г. сделана была попытка найти выход из положения в сокращении заработной платы горнорабочих. В последующие годы неоднократно эти попытки повторялись горнопромышленниками, при чем для подготовки „общественного мнения" в общей и специальной печати публиковались сравнительные таблицы номинальной заработной платы горнорабочих Англии и Германии для доказательства, что именно „непомерно высокая заработная плата английского горняка является основной причиной кризиса". Даже в самый разгар всеобщей стачки правительство прибегло опять к такой аргументации в защиту позиций горнопромышленников. В широко распространявшихся правительственных прокламациях мы читаем:

„Восемь месяцев тому назад правительство назначило Королевскую комиссию для изучения положения в каменноугольной промышленности... Комиссия доложила, что „над промышленностью нависла угроза катастрофы", так как из каждых 10 тонн вырабатываемого угля 7 добывается по себестоимости, которая выше рыночной цены. Комиссия видела также, что необходимо сокращение заработной платы для спасения промышленности. Правительство согласилось с докладом комиссии. Шахтовладельцы приняли ее предложения. Горняки отказались работать хотя бы на секунду дольше и получать за свою работу одним пенни меньше — даже в качестве временной меры, нужной для того, чтобы избегнуть краха".

На самом деле, уровень заработной платы английских горняков все время снижался — в особенности начиная

с 1921 г., когда наступление капитала на труд закончилось „черной пятницей“ (см. выше),—и картина подлинного положения их резко отличается от публиковавшейся накануне конфликта 1926 г. Реальные заработки горняков быстро снижались, как об этом говорят след. цифры:

Табл. 46

Средние заработки горняков

Годы	Сумма заработка в неделю	% 1914 года	Стоимость существования
1914 г. (июнь)	34 шилл. —п.	100	100
1921 „ (последн. кварт.)	62 „ 3 „	183	204
1922 „ „	47 „ 5 „	139	181
1923 „ „	57 „ 6 „	169	175
1924 „ (второй кварт.)	59 „ 7 „	172	171
1924 „ (последн. кварт.)	55 „ 7 „	164	179
1925 „ (перв. квартал)	56 „ 4 „	166	179
1925 „ (второй „)	52 „ — „	153	174

В этой таблице мы можем отметить лишь два „прорыва“: второй квартал 1924 г., когда индекс номинальной заработной платы и индекс стоимости существования находились на одном уровне, и затем в первом квартале 1925 г., когда номинальная заработная плата опять поднялась. Во все же остальные периоды реальная заработная плата не достигала довоенного уровня. Но именно это обстоятельство, при наличии сильнейшей заинтересованности всего капиталистического мира Англии в разрешении угольного кризиса, являвшегося, как мы видели, кризисом всего народного хозяйства страны, служило толчком к тому, чтобы в дальнейшем снижении заработной платы и ухудшении условий труда горняков искать выхода из хозяйственного тупика.

Одно событие особенно заставляло капиталистический мир Англии искать выхода именно в этом. В 1924 г. Великобританской федерации горнорабочих удалось собрать свои силы и, в связи с остальными союзами, поставить предпринимателей лицом к лицу с необходимостью поднять заработную плату. Угроза всеобщей стачки, так и не реализованная в виду уступок, сделанных шахтовладельцами, сыграла свою роль и показала, что рост силы английского профессионального движения весьма значителен. „Красная пятница“ (как был назван день победы горняков), однако, послужила стимулом к усиленной подготовке разгрома рабочего движения всеми силами капиталистического мира Англии. Не будучи готовым к борьбе с горнорабочими, правительство в 1924 и 1925 гг. временно отказалось от поддержки требований горнопромышленников. Но это была лишь „передышка“, в течение которой весь государственный аппарат был мобилизован для подготовки к более серьезным столкновениям, к намечающемуся общему локауту в горной промышленности. Правительство накапливало запасы угля, мобилизовало автомобильн. транспорт, подготовило войска, собрало в городах большие запасы продовольствия. Когда подготовка кончилась, правительство, субсидировавшее во время передышки дефицитные предприятия горной промышленности, отказалось продолжать субсидии. Шахтовладельцы настаивали на:

1) восстановлении коллективных соглашений по районам, мотивируя это тем, что „жизненно необходимо вернуть районам полную автономию, которой они обладали до войны в области регулирования заработной платы и условий работы“;

2) сокращении на 25% издержек по транспортировке и хранению угля в доках путем сокращения заработной платы железнодорожных и доковых рабочих;

3) восстановлении 8-часового рабочего дня, в качестве „первого шага в проведении здоровой политики восстановления промышленности“;

4) сокращении заработной платы горняков в различном размере для разных районов, при чем мерилом должно было быть пропорциональное соотношение между суммой сокращения и каждой выработанной и реализованной на рынке тонной угля в размере от 3 пенсов до 4 шилл. 9 пенсов на тонну.

Правительство целиком поддержало шахтовладельцев. 30 июля 1925 г. Стенли Болдвин выступил с декларацией, в которой заявил:

„Не только горнорабочие должны согласиться на сокращение заработной платы, но и все рабочие страны должны пойти на такое сокращение, чтобы помочь поставить промышленность на ноги".

Так как горнорабочие, чья заработная плата, как мы видели, значительно снижалась на протяжении всего периода, начиная с 1921 г., не соглашались на требования шахтовладельцев, то 1 мая 1926 г., когда истек срок заключенного за год до того соглашения, был объявлен локаут.

Опыт экономической борьбы английских рабочих еще с начала XX в. сводился к тому, что в эпоху империализма даже общая стачка в целой отрасли промышленности не обеспечивает успеха. Последний достигается только дезорганизацией всего народного хозяйства, т.-е. лишь при условии поддержки подвергшейся локауту группы рабочих по меньшей мере рабочими всех основных отраслей народного хозяйства, без регулярного функционирования которых вся экономическая жизнь быстро приходит в расстройство—именно: рабочими транспорта, металлопромышленности и горной промышленности. Конгресс тред-юнионов в Скарборо, заседавший в сентябре 1925 г., этот опыт учел. „Наше движение — говорил в своей вступительной речи председатель Генерального совета тред-юнионов Свэйлс,— научилось многому в течение этих лет, отмеченных реакцией, проводимой предпринимателями, и одним из уроков является то, что боевая тактика является единственной, способной объединить, консолидировать и вдохновить наши ряды... Нашей задачей должно быть: использовать боевое настроение в нашей организационной работе и вплести его в ткань и структуру профессионального движения в ближайшем будущем. Капиталистический класс получит урок от этих первых схваток и использует все свое влияние на современное общество, чтобы принудить нас к отступлению. Конгресс должен предоставить Генеральному совету широкие полномочия по созданию необходимого аппарата для оказания сопротивления всякому наступлению со стороны наших врагов... Полученная горняками передышка, завоеванная в весьма трудной обстановке... выявила полностью сложившееся положение, и мы не выполнили бы нашего долга перед конгрессом, если бы не установили с совершенной ясностью, каковы наши задачи".

Вполне, поэтому, понятно, что приближение момента нового обострения отношений в горной промышленности вызвало со стороны Генерального совета ряд шагов. 26 февраля 1926 г. специальная комиссия Генерального совета (Industrial Committee) опубликовала недвусмысленное заявление, указывавшее, что профессиональные союзы готовят отпор локауту. „Экономическая комиссия, читаем мы в этом заявлении, регулярно совещалась с Федерацией горнорабочих, и хотя на настоящей стадии было бы преждевременным пытаться установить какую-либо тактику во всех подробностях, комиссия уже подтвердила то отношение профдвижения, какое выражено было им в минувшем июле, а именно, что движение объединенно и непоколебимо будет противостоять всякому покушению снизить еще более уровень существования в угольных районах. Не должно быть ни сокращения заработной платы, ни увеличения рабочего дня, ни нарушения принципа общегосударственных коллективных договоров". Так. образ., события неизбежно приводили к расширению рамок конфликта в угольной промышленности до рамок всеобщей стачки.

Не следует думать, что Генеральный совет собирался привести в исполнение угрозу солидарного выступления всех рабочих на защиту горняков. Напротив, когда наступил момент такого выступления, вожди Генерального совета забили отбой. Пью (председатель), Ситрин (секретарь) и Томас (секретарь Национального союза железнодорожников) за спиной деятелей Великобританской федерации горнорабочих пытались сговориться с правительством. Они от имени Генерального совета предложили Болдвину соглашение на основе обещания „убедить горняков передоверить нам ведение переговоров на основе доклада

(комиссии Самюэля, отвергнутого горнорабочими) и с презумпцией возможности сокращения заработной платы". Под давлением Дж. Рамзей Макдональда и Артура Гендерсона Генеральный совет даже едва не порвал переговоров с Федерацией горнорабочих, отказавшейся пойти на снижение заработной платы.

Как мы видели, все силы капиталистической Англии были мобилизованы для борьбы с горняками. Неизбежность крупнейшего столкновения классов вытекала из всего опыта классовых боев в послевоенный период. И правительство избрало момент, который ему казался наиболее подходящим для общего наступления капитала на труд. Вот почему, когда наборщики газеты „Daily Mail" отказались набрать направленную против горняков и озаглавленную „За короля и родину" статью,— Болдвин написал вызывающее письмо Генеральному совету, извещающее о полном прекращении переговоров. Ссылаясь на проводимую советом подготовку стачки, на „грубое нарушение свободы печати", что, по его словам, представляло собой нарушение „конституционных прав и свободы нации", Болдвин в этом письме от имени правительства заявил, что он „требует, прежде чем возобновить переговоры, осуждения указанных действий, уже имевших место, и немедленной безоговорочной отмены инструкций по подготовке всеобщей стачки".

Даже этот неслыханный ультиматум не побудил Генеральный совет к действиям. Пью и Ситрин написали жалкий ответ Болдуину, в котором ссылаются на неосведомленность совета относительно собраний, о которых речь идет в ультиматуме правительства. Но правительство, в котором Черчилль и другие „крайние" считали (по выражению Черчилля), „что небольшое кровопролитие освежит атмосферу", вело дело к углублению конфликта. *Всеобщая стачка была об'явлена.*

Позиции капиталистического мира Англии были ясны. В обстановке эпохи империализма конфликты того типа, которые свойственны были эпохе промышленного капитализма, конфликты по вопросам экономического положения рабочих, неизбежно *превращаются из изолированных столкновений* отдельных групп рабочих с отдельными предпринимателями в столкновения *двух классов*. Само правительство так именно и толковало всеобщую стачку, усматривая в ней совершенно правильно крупнейший акт *политической* борьбы классов.

В той передовой газеты „Daily Mail", которая вызвала отказ печатников выпускать очередной номер и которая была бесспорно инспирирована, указывалось уже на политическую природу конфликта:

„Всеобщая стачка — не экономический конфликт. Это — революционное выступление, имеющее целью причинить страдания огромной массе невинного населения страны и тем принудить правительство... Успех этого выступления может быть достигнут только уничтожением правительства и аннулированием прав и свободы народа... Раз это так, то ни одно цивилизованное правительство не может терпимо отнестись к данному выступлению. Против него должны быть использованы все рессурсы общества".

Болдвин выступил в свою очередь с заявлением, что „правительству брошен вызов другим правительством", и в правительственной прокламации мы читаем: „Это другое правительство — этот Совет — определяется небольшой кучкой вождей профессиональных союзов. Она представляет только небольшую часть населения. Она даже не посоветовалась с этой частью населения, перед тем как приставить револьвер к голове правительства".

Другими словами — со стороны капиталистического мира Англии всеобщая стачка нашла политическую оценку; и в соответствии с этим меры борьбы с ней были приняты тоже политические. Сюда относится мобилизация военных сил государства и активная пропаганда, направленная против „узурпаторов власти", вождей союзов. Однако, как раз именно профессиональные организации, возглавляемые реформистами, абсолютно не поняли социального смысла событий, в которых рабочая масса единодушно приняла участие и которые оценены были должным образом и правительством и буржуазией страны. Организация, на призыв которой массы откликнулись, руководству которой они дисциплинированно подчинились, оказалась не на высоте своего положения. Состоящая из реформистских вождей, которые все время утверждали, что путь революции неприемлем для Англии, — эта организация оказалась неспособной развернуть движение, придать ему характер *политической борьбы классов*, какой фактически и было это небывалое столкновение буржуазии и пролетариата в дни всеобщей забастовки. Напротив, вожди сознательно шли на срыв стачки. Томас на второй день после объявления всеобщей забастовки, на которое он согласился после неудачной попытки уговорить премьер-министра консервативного кабинета Болдвина пойти на компромисс, заявил в палате общин, что он против стачки, считает стачку вредной и опасной. И этот вождь английских железнодорожников, уже

в 1921 г. раз сорвавший борьбу горняков, был не одинок. Такие же позиции занимали и другие деятели Генерального совета. Так называемое „левое крыло“ в нем — Персель, Хикс, Бен-Тиллет, Свэйлс—в свою очередь боялись революционного характера стачки и делали все от них зависящее, чтобы смягчить конфликт, превратить его в чисто-экономическое столкновение. Генеральный совет поэтому и не стремился использовать солидарность, которую столь блестяще проявила рабочая масса. Он не призвал к забастовке ряд рабочих. Он не сорвал работы штрейкбрехеров по набору и выпуску правительственной газеты, во главе которой был поставлен вдохновитель наступления — Черчилль. Он рекомендовал рабочим устраивать спортивные состязания, игры, любительские спектакли в самый разгар невиданной борьбы. И в своей газете „The British Worker“ деятели Генерального совета больше всего старались убедить стачечников, что Генеральный совет и не думает выступать против правительства, что он объявил стачку лишь в защиту справедливых требований горняков, отнюдь не желая итти против парламента. Словом, организация, которая под напором масс объявила стачку, делала все для того, чтобы свести это столкновение классов к простому эпизоду экономической борьбы.

Когда же оказалось, что в ходе борьбы вырастает влияние боевой части рабочих, что коммунистическая партия Великобритании начинает крепнуть (число членов ее за время стачки удвоилось) и руководить местными стачечными организациями, когда правительство, видя, что движение становится, вопреки Генеральному совету, все более революционным, решило арестовать членов последнего, руководящая стачкой организация панически отступила и объявила стачку прекращенной. Предлогом для прекращения стачки она выставила предложения, сделанные никем не уполномоченным на переговоры с горняками бывшим министром в либеральном кабинете Гербертом Самюэлем. Она объявила, что правительство согласно на эти предложения, которые вполне, по мнению Генерального совета, обеспечивают интересы горняков. Под напором союзного аппарата, массы рабочих вернулись на работу. Одни лишь горняки отказались подчиниться решению Генерального совета, но они были оставлены в одиночестве, и хотя они продолжали борьбу — массовое движение, которое потрясло всю хозяйственную жизнь Англии, оказалось сорванным.

Поражение всеобщей стачки, а затем — через 9 месяцев — и поражение горняков, полностью подтвердило правильность того положения, что в эпоху империализма экономические выступления рабочих необходимо переходят в политическую классовую борьбу, ставящую вопрос о власти, и что изолированные выступления отдельных групп рабочих, хотя бы в целой отрасли промышленности, обречены на неудачу, если они оказываются чисто-экономическими по содержанию своих требований и не встречают поддержки остальных групп рабочих.

Так как руководящий состав профессиональных союзов Англии отнюдь не является революционным, так как даже „левые“ представители профессиональных союзов типа Перселя, Гикса, Свэйлса, Тиллета декларировали неоднократно неверие в революционный переворот как метод обеспечения интересов Р. к., то вполне понятен тот перелом, какой тактика союзов пережила вслед за всеобщей стачкой в вопросе о промысловых конфликтах. 1927 и 1928 гг. представляют собою в истории стачечной борьбы и конфликтов в Англии не только годы затишья de facto. Это, вместе с тем, и годы принципиальной защиты „мира в промышленности“, отрицательного отношения вождей союзов к стачке как к методу разрешения промысловых конфликтов. После всеобщей стачки вновь приобрели популярность в английских тредюнионистских кругах заглохшие было идеи примирительного разбирательства и принудительного арбитража.

В прошлом, время от времени, однако без заметного успеха, делались попытки придумать способы примирительного разбирательства, которые предупреждали бы стачки и локауты. В 1919 г. был принят закон о создании промысловых судов и были созданы постоянные промысловые суды (Industrial Courts), получившие полномочие играть роль арбитражных судов во всех вопросах конфликтов между предпринимателями и рабочими, если обе стороны дают на это свое согласие. Данным законом министр труда также уполномочен в случае возникновения конфликтов — как ожидающихся, так и уже возникших, — затрагивающих интересы всего общества, назначать судебно-следственные комиссии (Courts of Inquiry), одной из задач которых является предоставление публике беспристрастного отчета о смысле данного конфликта: такая комиссия не имеет арбитражных функций, и для назначения ее не требуется согласия сторон. Со времени издания закона и до середины 1925 г. судебно-следственные комиссии были назначены в 14 конфликтах. Объединенные промысловые советы (Joint industrial councils) были созданы в различных отраслях народного хозяйства в 1917 г. в результате

выводов специального комитета по вопросу об отношениях между предпринимателями и рабочими (так назыв. комиссии Уитли), и, пожалуй, можно признать, что они оказались в состоянии предупредить небольшое число конфликтов, возникших по второстепенным вопросам. В общем же, ни одно из этих учреждений примирительного разбирательства не смогло предупредить стачек и локаутов крупного масштаба.

Однако, после 1926 г. вопрос о „мире в промышленности" вошел в новую стадию, в стадию заключения специальных соглашений об отказе от стачки как метода борьбы и о признании индустриального арбитража. Эта стадия отмечена тенденцией, которую уже определили по имени короля английской химической промышленности Монда (ныне лорд Melchett), как „*мондизм*".

Уже на конгрессе в Эдинбурге в 1927 г. прозвучали ноты, свидетельствовавшие о том, что уроки всеобщей стачки, сорванной Генеральным советом в мае 1926 г., были определенным образом усвоены деятелями английского профессионального движения. В речи председателя Эдинбургского конгресса Джорджа Гикса, — правда, еще робко — наметился поворот от классовой борьбы к классовому сотрудничеству. Гикс не совсем уверенно и определенно говорил о необходимости „нового духа в в промышленности". Неясность, какою председатель конгресса, имевший до того репутацию „левого", попытался прикрыть истинный смысл своей речи, никого не ввела в заблуждение. Тогда уже буржуазная печать во главе с „Таймсом" совершенно определенно расшифровала намерение Генерального совета тред-юнионов, а одна из крупнейших групп промышленников — именно, группа Монда, организатора и руководителя быстро-растущей химической промышленности Англии, — сделала на основе выступления Гикса в Эдинбурге предложение начать переговоры о „мире в промышленности". В течение 1928 г. в результате этого происходил ряд совещаний между представителями Генерального совета и группой предпринимателей во главе с Мондом.

Эти перегов ры вызвали значительные споры внутри английского профессионального движения. С одной стороны, решительно против каких бы то ни было соглашений с предпринимателями, связанных с ограничением боеспособности тред-юнионов, выступило движение меньшинств. Движение меньшинств входит в красный Интернационал профессиональных союзов. Делегаты этого движения участвовали в работах и последнего—IV—конгресса Профинтерна. для них, само собой разумеется, абсолютно неприемлемо было решение Генерального совета добиваться путем переговоров с предпринимателями мира в промышленности. Движение меньшинств не было одиноким. Оно нашло сочувственный отзвук даже внутри Генерального совета, где А. Дж. Кук, секретарь Великобританской федерации горнорабочих, решительно возражал против переговоров с группой Монда. Кук, как в своих выступлениях на заседаниях Генерального совета и на многочисленных митингах по всей Англии, так и в особой, направленной против политики Генсовета брошюре, характеризовал эту политику, как сдачу всех позиций профессионального движения. Его точка зрения сводилась к тому, что переговоры с группой Монда коренным образом меняют роль профессионального движения, превращающегося из средства борьбы за интересы Р. к. в средство сотрудничества с капиталистами. Вместе с тем даже Гикс, который, как сказано было выше, в своей речи на Эдинбургском конгрессе первый дал толчек к разговорам о мире в промышленности, изменил несколько свою точку зрения и повел кампанию против продолжения переговоров с предпринимателями. Он тоже принял участие в агитации против политики Генерального совета по вопросу о мире в промышленности, выступая как на митингах, так и в печати. Его выступления были несколько отличны от выступлений Кука и представителей движения меньшинств. Гикса напугала перспектива капиталистической рационализации. Когда переговоры с группой Монда привели уже к определенному соглашению, в основу которого было положено признание профессиональными союзами Англии необходимости капиталистической рационализации, Гикс почувствовал в этом угрозу для английских рабочих. Он находил, что в условиях капитализма нельзя обеспечить „полную и надлежащую меру дееспособности в организации производства, распределения и услуг и повысить уровень существования народа". Капиталисты — по мнению Гикса — не могут рационализировать промышленность, „капиталисты,— писал он в „Дэйли Геральд",— стремятся к рационализации. Мы также хотим рационализации, т.-е. наилучшей организации и наиболее целесообразных методов производства и распределения. Но между этими двумя позициями — разница колоссальная. Капиталистическая рационализация может в лучшем случае быть только частичной рационализацией... Капиталисты, в силу того факта, что они капиталисты, преследуют цели накопления прибылей в своих собственных интересах... В капиталистических условиях, при наличии антогонистических групп, не

может быть надлежащей организации народного хозяйства". Гикс даже договаривался в своих возражениях против политики Генерального совета до весьма революционных мыслей. Он писал: „Только такая организация, как ВСНХ, которой была бы поручена задача организации всей промышленности на рациональных началах, могла бы справиться с положением... Только общеанглийский орган, наделенный надлежащими полномочиями и опирающийся на полное доверие и поддержку населения, мог бы провести в жизнь надлежащую экономическую политику. А это означало бы уничтожение частного предприятия, другими словами — установление социализма".

На конгрессе в Сванси (сентябрь 1928 г.) эта политика мира в промышленности была безоговорочно принята и одобрена значительным большинством делегатов.

Генеральный совет предлагал конгрессу утвердить ту часть отчета, в которой приведено было оправдание политики мира в промышленности. Наиболее существенная часть отчета гласила:

„Совет полностью убежден, что выборные представители не заслуживали бы доверия своих избирателей, если бы в такое время, как нынешнее, не использовали всех средств улучшения условий существования своих избирателей... Говоря вообще, перед профессиональным движением открыты три пути: первый ведет к открытому заявлению, что союзы сделают все возможное, чтобы приостановить аппарат народного хозяйства и вызвать всеми мыслимыми средствами крушение капиталистической системы, в надежде создать революционную ситуацию в предположении, что это может быть использовано к выгоде рабочих и для уничтожения капитализма. Профессиональное движение категорически отвергло эту политику как бесплодную, осужденную на гибель и наверняка приводящую к кровопролитию и несчастиям. Второй курс заключался в том, чтобы отойти в сторону и предоставить предпринимателям вести свою работу по-своему, тогда как союзы будут продолжать борьбу в отдельных отраслях промышленности, добиваясь частичного улучшения. Возражения против этого курса состоят в том, что подобного рода политика несовместима с современными требованиями полного изменения положения рабочего в промышленности и что эта политика бесплодна, является признанием собственного банкротства, ибо она приводит к отказу союзов от участия в важных переменах, происходящих в экономической жизни страны. Третий курс профессионального движения — это заявить смело, что профессиональные союзы не только озабочены процветанием промышленности, но и собираются получить голос в решении вопроса, как надо вести промышленность, с тем, чтобы влиять на вводимые новшества. Конечные цели движения требуют хорошо построенной, а не разрушенной промышленности, и профессиональные союзы могут использовать свою мощь для содействия и руководства научной организацией промышленности, равно как и для завоевания материальных выгод от реорганизации последней. Стоя лицом к лицу со сложившейся ситуацией, Генеральный совет усвоил ту точку зрения, что третий курс является единственным, если профессиональное движение сохранится в качестве живой творческой силы. Эта политика внушает надежды на улучшение положения и уровня существования рабочих, представленных советом".

Против этого предложения Генерального совета Кук выступал с указанием на полную бесплодность именно третьего курса и на необходимость решительной до конца классовой борьбы. Остальные противники предложения Генерального совета — Браунли, Свэйлс и Гикс — отклоняли это предложение на том основании, что Генеральный совет нарушил права отдельных союзов и вступил в переговоры без санкции исполнительных комитетов и членов этих союзов, тем самым незаконно вмешиваясь во внутренние дела последних.

Состав конгресса обеспечил подавляющее большинство предложению Генерального совета. За него голосовало 3.075.000, против — 566.000.

В области конфликтов, неизбежных на капиталистических предприятиях, тактика и политика „мира в промышленности" означает обязательство выносить все спорные вопросы на третейский суд, решения которого должны обладать принудительной силой. Именно этот путь, которого в течение нескольких десятилетий английские союзы всячески избегали, в настоящее время избран руководителями профессионального движения Великобритании.

Пэйдж Арнот (*P. Arnot*) и *В. Яроцкий* [1]).

III. Рабочий класс в современной Франции. *1. Экономический облик современной Ф.* По сравнению с другими культурными государствами Ф. должна быть признана во всех отношениях страной среднего уровня. Таково уже само ее географическое положение. При своих 550.000 кв. км. она занимает только $^1/_{18}$ часть Европы, а ее население в 40,5 млн. (по перен. 1926 г.) дает среднюю плотность всего в

[1]) Отделы 2—8 написаны P. Arnot *(перевод с рукописи)*, остальные—В. Яроцким.

71 чел. на кв. км. Связанная с европейским материком половиной своих границ, а другой половиной обращенная к открытому морю, обладая разнообразным, но умеренным рельефом почвы (так как $^3/_4$ ее поверхности не достигают 500 мтр. выс.), не имея ни одного района, который выходил бы за эти пределы среднего уровня, орошаемая реками умеренной длины, нормальной быстроты течения и достаточной полноводности, пользуясь вследствие подобных условий мягким в общем климатом, Ф., благодаря всем этим физическим и антропо-географическим особенностям, сделалась экономически однородным организмом при гармоническом разнообразии его составных частей. До империалистической войны 1914—1918 гг. правящая буржуазия Ф. озабочена была в своей экономической политике, гл. обр., одной мыслью: держать отдельные отрасли производства страны на таком уровне, чтобы она могла по возможности *существовать собственными средствами*.

Почва Ф. при указанных условиях обладает замечательными качествами для самых разнообразных культур. Напротив того, минеральные богатства, скрытые в недрах земли, в довоенное время были довольно ограничены. Так что Ф. была прежде всего земледельческой страной, и промышленность ее стояла далеко позади промышленности Англии, Германии и Соединенных Штатов.

Мировая война и послевоенный период вызвали глубокий переворот в условиях народного хозяйства. Газ. „L'Information Financière“ от 16 января 1927 г. так резюмирует этот переворот: „Бесспорно, война способствовала сверхиндустриализации Франции, а мир еще более усилил ее промышленную мощь вследствие присоединения металлургических и текстильных предприятий Эльзас-Лотарингии и Саарского каменноугольного бассейна“.

Оборудование национальной промышленности было действительно усилено и усовершенствовано в значительной степени; причины этого были следующие: 1) необходимость заменить новыми промышленные предприятия в оккупированных во время войны местностях и создать новые предприятия для обеспечения снабжения страны; 2) восстановление при помощи репарационных платежей предприятий опустошенных районов, согласно заранее намеченному плану и с современным оборудованием; 3) приобретение, в силу Версальского мирного договора, новых районов, богатых минералами и заводами (железные рудники и *железоделательная промышленность* Лотарингии, калийные копи и текстильная промышленность Эльзаса, каменноугольные копи Саарского бассейна); 4) полное использование этого разросшегося производственного аппарата, при содействии политики инфляции и обесценения франка. Но, с другой стороны, этому значительному развитию промышленности соответствовал регресс в области земледелия, бывшего раньше преобладающим элементом народного хозяйства Ф.

Промышленность. Тяжелая индустрия во Ф. пережила значительный подъем. Ф.— теперь самая богатая железной рудой страна в Европе, а в мировом масштабе она в этом отношении уступает только Соед. Штатам. В 1926 г. добыча руды достигла 39 млн. тонн; залежи ее сосредоточены на 95% в северо-восточных районах (бассейны Меца, Лонгви-Бриэ и Нанси); но все это количество не может быть использовано целиком в самой стране вследствие недостатка в каменном угле. Избыток руды по отношению к количеству кокса, которым может располагать промышленность, в настоящее время даже более значителен, чем до 1914 г., вследствие чего с особенной очевидностью снова выдвигается задача— связать французскую руду с немецким углем; эта именно задача и побудила французских капиталистов создать общеевропейский картель (см. *тресты*).

В 1913 г. добыча каменного угля достигала примерно 40 млн. тонн, тогда как потребление доходило до 65 млн. В 1926 г. добыча угля поднялась до рекордной цифры—52 млн. тонн, но потребность в нем повысилась в то же время до 76 млн., что вызвало значительный ввоз угля, считая в том числе уголь из правительственных копей Саарского бассейна, а также поступающий из Германии в счет репарационных платежей. Две трети добычи угля приходятся на бассейны деп-тов Севера и Па-де-Кале. Несмотря на установку при копях большого числа коксовальных печей, металлургическая промышленность вынуждена еще ввозить 5,5 млн. тонн кокса в год, т.-е. больше, чем его производится во Ф.

Мощность предприятий, вырабатывающих *чугун* и *сталь*, удвоилась с 1914 г., но она не использована в полной мере. Из 219 наличных доменных печей (из них 157 в восточной Ф.) в 1924 г. находилось в действии 134, в 1925 г.—147, в 1926 г.— 156. Они выработали в 1926 г. 9 млн. тонн чугуна против 5 млн. в 1913 г. и 8 млн. тонн стали против 4 млн. в 1913 г. Машиностроительные и механические заводы, еще недостаточно развившие свою деятельность и, главным образом, еще не усовершенствованные, не могут поглотить всю эту выработку, так что вывоз чугуна в 1926 г. дошел до 702.000 тонн, а вывоз стали—до 3 млн. тонн (преимущественно в Германию)

Французская *металлопромышленность* естественным образом пошла по пути концентрации своих капиталов и тесно связалась с капиталом банковским. Из общего числа приблизительно 80.000 промышленных предприятий одна тысяча обладает более чем 15 млрд. вложенных в них капиталов и использует $^3/_4$ общего числа рабочих. В своем Ежегоднике за 1926 г. Комитет металлургических предприятий (Comité des Forges) заявляет, что французская металлопромышленность мощно организована и что более $^3/_4$ всего производства железа и стали приходится примерно на два десятка крупных фирм и их филиалов. Почти в $^2/_3$ французской продукции преобладают концерны Шнейдер-Крезо и Вендель-Марин-Гомекур. Начинает понемногу устанавливаться взаимное проникновение групп, производящих железо и уголь. Комитет металлургических предприятий сделался главным рычагом всякой правительственной комбинации; он является активным органом мощного Союза металлургических и рудных предприятий, в состав которого входят 85 союзных палат предпринимателей, господствующих над 97% всего производства. Магнаты металлопромышленности держат, кроме того, в своих руках уже около 60% машиностроения, которое, считая в том числе и продукцию электропромышленности (материалы и приборы), вывезло в 1926 г. изделий на 8 млрд. фр., хотя в то же время оно ввезло некоторое количество механического оборудования для нужд своих заводов. Главным источником доходов в этой области является автомобильное производство. Ф. всегда была экспортером легковых автомобилей; но после войны она усвоила американские способы массового производства автомобилей, и эта отрасль промышленности подверглась значительной концентрации. Три фирмы — Рено (30.000 рабочих), Ситроэн (30.000 раб.) и Пежо (20.000 раб.) производят за последнее время 70% всех автомобилей Ф. Вместо 45.000 единиц, выпущенных в 1913 г., число их дошло до 200.000 в 1926 г., из коих 35% было вывезено за границу. Производство автомобилей заняло, таким образом, одно из первых мест по доле вывоза в продукции промышленности.

Химическая промышленность сделала огромный шаг вперед во время войны; она быстро завоевала внутренний рынок, бывший до того преимущественно в руках Германии; в настоящее время некоторые химические продукты сделались даже предметом вывоза. Крупные каменноугольные предприятия за последнее время обратили серьезное внимание на полное использование отбросов своей продукции и в финансовом отношении связались с фирмами Кюльман и Сен-Гобэн, которые, путем поглощения мелких предприятий и создания картелей, все более и более монополизируют всю французскую химическую промышленность, имеющую около 300 тысяч рабочих и занимающую второе после Германии место в мировой продукции.

Что же касается *текстильной промышленности*, то в этой области успехи менее значительны, за исключением хлопчатобумажного производства, которое много выиграло от присоединения эльзасских предприятий. Будучи третьей по своему объему на земном шаре, хлопчатобумажная промышленность Ф. насчитывает 9 млн. прядильных веретен, 1,3 млн. крутильных веретен и 182.000 механических ткацких станков; эти машины обслуживаются приблиз. 250.000 рабочими и потребляют в год 2 млн. кип хлопка; в 1926 г. они выработали 236.000 тонн пряжи и 12.300.000 штук тканей, из коих 30% были вывезены за границу. Но снабжение Ф. сырьем почти еще всецело зависит от американских хлопковых плантаций. Точно так же и шерстяная промышленность потребляет только $^1/_{10}$ французских шерстей, но по выработке она все-таки занимает 4-е место на земном шаре. Она располагает 2,3 млн. прядильных веретен, 679.000 крутильных веретен и 55.409 ткацких станков. Наконец, шелковая промышленность, также зависящая от заграничного ввоза в отношении сырья, занимает первое место в мировой продукции и является одним из наиболее важных факторов во внешней торговле Ф.; обладая 43.000 механическими и 17.000 ручными станками, сосредоточенными, главным образом, в юго-восточной части страны, шелковая промышленность не только насыщает весь внутренний рынок, но и вырабатывает для вывоза ткани высших сортов, лучшие во всем мире, из которых в среднем до 10.000 тонн сбывается ежегодно за границу по очень высоким ценам (на 3,5 млрд. фр. в 1924 г.). В общем французская текстильная промышленность особенно выделяется разнообразием и прекрасной отделкой своей продукции.

Важной проблемой экономической жизни Ф. является *нефтяной вопрос*. Несмотря на то, что по Версальскому договору Ф. получила в свое распоряжение Пехельбронские нефтяные источники в Эльзасе, она тем не менее почти целиком ввозит необходимую ей нефть, так как из своих источников она вырабатывает не более 50.000 тонн бензола, а потребляет его более $1^1/_2$ млн. тонн. Она находится поэтому *в полной зависимости от двух мировых* нефтяных трестов — Ройяль-Детч и Стандарт-Ойль. Зато Ф. обладает огромными

богатствами в виде белого угля, общей мощностью до 5.100.000 килоуатт, из коих до сих пор оборудовано и использовано только 800.000. Французская буржуазия обнаруживает твердое намерение ускорить по возможности использование этих рессурсов в соответствии с теми капиталами, которыми она может для этого располагать, с целью произвести электрификацию железных дорог и сельских местностей.

В заключение следует упомянуть еще о двух значительных источниках минерального богатства Ф.: о боксите (алюминии), добываемом в количестве 350.000 тонн в год, и об эльзасских калийных солях, которых добыто в 1926 г. 366.000 тонн и которые составляют крупный предмет вывоза.

Сельское хозяйство Ф. прогрессировало далеко не вровень с развитием крупной промышленности; оно было даже оставлено в некотором пренебрежении во время разгара индустриализации страны, вызванной инфляцией.

С 1914 г. население, живущее земледелием, сократилось по крайней мере на $1^1/_2$ миллиона чел. в связи с потерями на войне и с бегством из деревни в промышленные районы. И в настоящее время крестьянство во Ф. не превышает 40% населения (*ср.* XLVII, 462/63).

Обработка земли производится рутинными способами, характерными для преобладающих в сельском хозяйстве мелких собственников, работающих семьями, и для землевладельцев среднего достатка. Ф.— типичная страна мелкого собственника-крестьянина, владеющего по крайней мере частью обрабатываемой им земли (*ср.* XLV, ч. 1, 342/56). Последние официальные статистические данные (за 1921 г.) делят все земледельческое население Ф. на 2.839.000 наемных рабочих и на 6.112.000 одиночек и хозяев, при чем число первых все сокращается, а число вторых все растет. Распределение земельной собственности известно нам лишь по устарелым статистическим сведениям (*см.* XLV, ч. 1, прилож. к 351/52, табл. 9). Согласно им, владельцы более крупных, не крестьянского типа, участков, в 40 гект. и более, обладают 45% всей земли; но и это более крупное землевладение распределено в большей своей части между фермерами (арендующими землю за деньги) и издольщиками (половниками), которые обыкновенно работают всей семьей. Насчитывается до миллиона фермеров, из коих половина не владеет землей в личную собственность, и около 350.000 половников, из которых $^2/_3$ не владеют ни одной пядью земли.

Продукция сельского хозяйства, очень разнородная, но приносящая лишь умеренный или совсем незначительный доход вследствие недостаточного пользования машинами и удобрениями, состоит, главным образом, из предметов питания (зерновые хлеба, вина, сахарная свекла, картофель, овощи и плоды) и в незначительной степени из промышленных культур.

Современное направление земледелия может быть формулировано так: 1) специализация, вызванная конкуренцией новых стран с широко развитой массовой культурой, что заставляет некоторые районы переходить к возделыванию какого-либо одного культурного растения для получения более высоких урожаев; 2) замена земледельческой культуры скотоводством, гл. обр. вследствие недостатка в рабочих руках. Так, количество земли, занятой зерновыми хлебами, с 14.800.000 гкт. в 1892 г. упало до 11.300.000 гкт. в 1924 г., в то время как скотоводство, потерпевшее сильный урон вследствие войны, было сравнительно быстро восстановлено.

Бегство из деревни сильно беспокоит буржуазию, которая изыскивает средства, чтобы удержать крестьянина и земледельческого рабочего на земле. Вся ее программа может быть резюмирована в след. словах: дать земледельческому рабочему (батраку) возможность сделаться фермером, а фермеру облегчить приобретение земли в собственность. Программа эта, однако, невыполнима за отсутствием у государства достаточных финансовых средств; кроме того, ее осуществление вызвало бы необходимость принудительного отчуждения крупной земельной собственности. На самом деле имеется два вопроса, требующих разрешения: вопрос об увеличении продуктивности сельского хозяйства и вопрос чисто аграрный, ибо, если, с одной стороны, положение мелких собственников-крестьян значительно улучшилось после войны, то все же остается несколько миллионов земледельцев либо совершенно безземельных, либо владеющих далеко недостаточным количеством земли.

Перемены в народном хозяйстве Ф. внесли, разумеется, и крупные перемены в итоги ее *внешней торговли*. Оценка их во франках не дает, однако, правильного представления о них, в виду колебаний курса валюты; за 1926 г. мы имеем след. данные (для предшествующего времени *см.* XLV, ч. 1, прил. к 351/52, табл. 19):

Ввоз (млн. фр.)	
Предметы продовольствия	11.576
Сырье	40.367
Готовые изделия	7.570
Итого	59.514
Вывоз (млн. фр.)	
Предметы продовольствия	5.072
Сырье	16.672
Готовые изделия	37.789
Итого	59.534

Главными покупателями Ф. являются Англия, Бельгия и Германия, а поставщиками ее — Соед. Штаты, Англия и Германия.

Из приведенных выше данных видно, что мы ввозим предметы продовольствия, а вывозим, главн. обр., готовые изделия, при чем ценность их за единицу значительно выше ценности ввозимых фабрикатов, так как это преимущественно предметы роскоши или исключительно высокой отделки. По сравнению с 1913 г., пассивное сальдо по отношению к предметам продовольствия повысилось с 937 до 1.300 млн. золотых фр., а в отношении сырья, необходимого для нужд промышленности, оно выросло на 50%; но в то же время превышение вывоза готовых изделий с 2.400 млн. поднялось до 6.000 млн. золотых фр. Т. обр., равновесие торгового баланса достигнуто благодаря громадному вывозу продукции промышленности. Но если, с одной стороны, промышленность продолжает пребывать в сильной зависимости от заграничных рынков в вопросе о своем снабжении сырьем, то, с другой стороны, вывоз мог вырасти так значительно лишь благодаря разнице между ценами на товары на внутреннем и на мировом рынках.

Поэтому, когда частичная стабилизация франка положила предел этой разнице в ценах, с ноября 1926 г. обозначился начинающийся экономический кризис. Проблема удержания за собой необходимых заграничных рынков с особой остротой обсуждалась в течение последнего времени в капиталистических кругах в связи с разработкой нового таможенного тарифа, введенного в сентябре 1927 г. Этот последний определяет в следующих главных чертах дальнейшую ориентацию французской экономики: 1) внутренний рынок предоставляется исключительно национальной индустрии (при условии беспошлинного ввоза сырья) путем значительного усиления протекционной системы, несколько смягченной для сельскохозяйственной продукции; 2) вводится ряд мер для поощрения вывоза отборных сельскохозяйственных продуктов; 3) вывоз продуктов промышленности обеспечивается путем снижения себестоимости их и рационализации производства, а также посредством торговых соглашений и международных промышленных картелей.

Это означает, что действовавшая до тех пор во Ф. экономическая система полного самоснабжения была построена на шатких и недостаточно широких устоях и что вопрос о дальнейшем развитии промышленности и промышленного вывоза поставлен в настоящее время во всем его объеме.

До 1914 г. *торговый баланс* Ф. был в довольно сильной степени дефицитен, но помещенные за границей крупные капиталы, в сумме около 45 млрд. фр., обеспечивали ей ежегодный доход в 2.700 млн. фр., чем достигалось полное равновесие расчетного баланса. Из кредитора всего мира война сделала Ф. его должником: как последствие войны образовался внешний долг Англии и Соед. Штатам в размере 40 млрд. золотых фр., тогда как в 1913 г. такового вовсе не было, и внутренний долг, доходящий в настоящее время до 300 млрд. фр. (против 34 млрд. в 1913 г.). Национальный доход, исчислявшийся в 30 млрд. фр. до войны, теперь упал, а бюджетные тяготы выросли до чрезвычайных размеров. Тогда как раньше они поглощали не много более одной шестой части дохода, в настоящее время они съедают больше четверти его. В 1926 и 1927 гг. должно было быть уплачено населением ок. 50 млрд. фр. налогов, т.-е. по 1.200 фр. на душу, и более половины доходной части государственного бюджета идет на погашение задолженности и уплату процентов по ней. Т. обр., вопрос о государственном долге приобрел капитальное значение и должен повести к установлению финансовой опеки над страной со стороны ее лондонских и нью-йоркских кредиторов. Эта задолженность оказывает тяжелое давление на все попытки стабилизации франка, и неопределенность будущего неотвязчиво угнетает сознание буржуазии.

Буржуазия в своих программах финансового возрождения Ф. неизменно ставит две задачи: 1) „пересмотр, реорганизацию и упрощение условий промышленного производства", иными словами—его рационализацию, и 2) вступление на путь широкой эксплоатации колониальных владений. Капиталистические группы самых разнообразных направлений обращают свои взоры на „французскую империю", изыскивая все способы „включить ее целиком в сферу товарообмена". Эта колониальная империя занимает пространство в 11 млн. кв. км. слишком, т.-е. в 20 раз больше, чем сама Ф. с населением в 56 млн. жителей, но, с точки зрения капиталистов, она находится лишь в периоде организации и, кроме того, еще очень слабо заселена французами.

Главной целью является получение сырья: хлопка с Нигера и из Индо-Китая, продукции скотоводства из Судана, с о-ва Мадагаскара и из Алжира и в первую голову каучука из Индо-Китая. Задача состоит прежде всего в том, чтобы вложить в колонии необходимые для них капиталы, но при этом необходимо учитывать неизбежный антагонизм между угнетателями и угнетенными народностями, национальные движения, силы которых растут. Поэтому экономическое развитие колоний в буду-

щем представляется еще сомнительным, и буржуазии Ф. остается проводить первый пункт упомянутой выше программы: объединять, рационализировать и стандартизировать промышленную продукцию для сохранения благоприятной экспортной конъюнктуры за счет пролетарских масс. Экономика Ф. подошла в своей эволюции к чрезвычайно важному и опасному поворотному пункту.

2. Положение пролетариата. Экономические потрясения, пережитые Ф., имели естественным последствием общую перегруппировку классового состава всех разрядов населения; процесс этот еще далеко не закончился. В прежнее время Ф. была классической страной преобладающих средних классов: мелкой буржуазии, ремесленников, владельцев второразрядных промышленных предприятий, мелких торговцев, крестьян, скромных рантье и т. д. (*ср.* XLV, ч. 1, 347/50). Идеология лавочника была идеологией большей части населения. В настоящее время основным явлением следует считать рост двух противоположных, резко отграниченных друг от друга социальных полюсов: крупного капитала, с одной стороны, и пролетариата, с другой, между которыми средние классы отчасти раздавлены и во всяком случае утрачивают свое прежнее социальное значение.

Крупная буржуазия, сильно организованная, объединенная мощными банковскими предприятиями, каковы Парижско-Нидерландский банк или Банк парижского объединения, располагающая сосредоточенной в немногих руках тяжелой индустрией, стремящаяся к созданию национальных монополий, нуждающаяся в империалистическом охвате колоний и европейского континента, стремится к политической диктатуре путем полного подчинения своим интересам парламента или ограничения роли последнего.

Класс предпринимателей прочно организовался в объединенные палаты, в промышленные союзы и федерации, как областные, так и обще-национальные (*см.* XLV, ч. 1, 346).

В 1919 г. была основана Генеральная конфедерация французского производства, объединяющая все синдикаты предпринимателей во Ф., распределенные по 96 профессиональным разрядам. Эти мощные организации господствуют над экономической и политической жизнью страны.

В противовес им пролетариат вырос численно и изменился в своем характере. Он сосредоточился в крупных предприятиях, где квалифицированные рабочие все более уступают место полуквалифицированным и чернорабочим и где растет в процентном отношении число женщин и малолетних; он извлек из среды крестьян и из числа иностранных иммигрантов все наличные рабочие руки; эксплоатируется он в гораздо более жестокой степени, чем до войны.

Все 90 департаментов, или 37.963 коммуны государства, обладают насе ением в 40.743.000 чел. (39.700.000 — в 1913 г.). Уже с давних лет ежегодный прирост населения слаб, так как французская семья не велика: из 11.696.000 семей 1.680.000 не имеют вовсе детей, 3.011.000 имеют одного ребенка и 2.557.000 — двоих детей. Потери за время войны были с избытком возмещены притоком иностранцев. Перепись 1926 г. показала, что таковых имеется 2,5 млн (т.-е. 613 чел. на 10.000 жителей), из них итальянцев — 800.000, испанцев — 500.000, бельгийцев — 500.000, поляков — 320.000. Большая часть этих иммигрантов — промышленные рабочие; согласно официальным статистическим сведениям, таковых два миллиона, что является минимальной цифрой, если принять во внимание большое число тайных беженцев.

По официальным данным, способное к работе население в 21 миллион в 1921 г. распределялось след. образом: земледельцев — 8.951.000, из коих 2.839.000 наемных рабочих, 4.120.000 одиночек (т.-е. работ. без наемн. труда), 300.000 половников, 1.000.000 арендаторов и 689.000 крупн. собственников; в горном деле занято рабочих 294.000, хозяев—4.700, одиночек—2.000; в обрабатывающ. промышл. рабочих—3.622.000, хозяев—683.000, одиночек—1.162.000; работающих на транспорте — 1.185.000, из коих 848.000 наемных, 304.000 одиночек и 33.000 хозяев; торговых и банковских работников — 2.254.000, из коих 1.127.000 наемных, 518.000 одиночек и 609.000 хозяев; лиц свободн. профессий 590.000, госуд. служащих—1.322.000 и т. д.

Общий итог наемных рабочих и служащих во Ф. колеблется между 13 и 14 миллионами; рабочие в тесном смысле распределяются след. обр.: земледельческих рабочих—2,8 млн., торговых служащих и рабочих на транспорте — 2 млн. (из них 500.000 железнодор. и 100.000 моряков), промышл. рабочих и «квартирников» — около 7 млн., из них 300.000 горняков, 850.000 металлистов, около 3 млн. текстильщиков, швейников и кожевников (считая в том числе и работающих на дому), 700 000 строительных рабочих, 600.000 рабочих по дереву, 500.000 пищевиков, 300.000 рабочих химической промышленности, 150.000 типографских рабочих; прислуги и служащих гостиниц и ресторанов — около 1 млн.; низших государств. и коммун. служащих — 900.000. Работа женщин получает все большее и большее распространение, и ра-

ботницы составляют уже более 30% всей рабочей силы, используемой в промышленности, в торговле и на транспорте. Проблема иностранной рабочей силы является одной из наиболее важных, какие предстоит решить нашим профессиональным союзам; организация этой силы может быть выполнена только полулегальными путями, в виду частых изгнаний из пределов Ф. наиболее воинствующих иностранцев и запрещения их газет. Эти иностранные рабочие являются, однако, очень боевым элементом. Те же затруднения возникают с рабочими из колоний, число коих достигает по меньшей мере 160.000 человек.

С появлением всех этих новых элементов высоко квалифицированный рабочий, который был нужен среднему предпринимателю, производившему немного, но первосортного товара, который составлял влиятельную рабочую аристократию, постепенно исчезает. Теперь уже не заботятся о формировании кадров обучающихся ремеслу; преобладающим элементом пролетарской массы становится неквалифицированный чернорабочий, и во всех категориях рабочих замечается общее понижение уровня.

Доклад, представленный съезду Унитарной конфедерации труда в сент. 1927 г., так характеризует стремления предпринимателей: 1) добиться более высокой производительности труда, не увеличивая расходов, путем специализации продукции, иными словами,— удаляя квалифицированную рабочую силу и заменяя ее малоопытными рабочими, оплачиваемыми по значительно уступающим норме тарифным ставкам, недостаточность которых заставляла бы их прибегать к сверхурочным работам и вызывала бы постоянные нарушения 8-часового рабочего дня и договорных условий относительно работы; 2) достигнуть видоизменений в способах вознаграждения за труд, побуждая переходить к сдельной работе и премиям за производительность, с целью заменить недостаточную заработную плату, основанную на расчете часов.

Реальная заработная плата сильно понизилась сравнительно с 1913 г. Общий индекс оптовых цен, согласно официальным данным, со 100 в 1914 г. поднялся до 854 (максимум) в июле 1926 г. и после стабилизации франка колеблется вокруг цифры 640; индекс розничных цен в Париже доходит до 628, в то время как заработная плата не выросла в соответствующих размерах, как это констатирует Поль Луи в своей статье „Франция в эпоху мировой войны" в настоящем Энциклоп. Словаре (т. XLVII, 538/39).

Большой *хронической* безработицы во Ф. нет вследствие разнородности земледельческой и промышленной продукции, а также в виду постоянного недостатка рабочих рук в сельском хозяйстве. Кризис весны 1926 г. дал большое число полных безработных, но это число было сокращено посредством обратного водворения на родину многих иностранцев, этого „предохранительного клапана" французского капитализма (*см.* ниже, отд. 4).

Закон о 8-часовом рабочем дне обнародован 22 апреля 1919 г., но текст его предусматривал множество отступлений, так что на практике 8-часовой день применяется лишь в исключительных случаях; в текстильном производстве и в земледелии обычная практика — 9 или 10 часов работы; в металлургии сверхурочные часы сделались постоянным явлением, вызванным низкой заработной платой. и продолжительность рабочего дня нередко достигает в ней 12 и даже 14 часов. Коллективные договоры почти совсем неизвестны во Ф. (*см.* ниже, отд. 5).

Так. обр., положение французского рабочего в общем хуже того, каким оно было в 1914 г. Оно, однако, переносится им благодаря следующим условиям его жизни: 1) в одной и той же семье жена и дети рабочего нередко участвуют сами в процессе производства, и их заработок, хотя и невысокий, дополняет заработок главы семьи; 2) большое число городских рабочих вышло из крестьян и сохранило тесную связь с землей; в трудные времена они получают продукты питания от своей крестьянской семьи, а также возделывают небольшой огород, который поставляет им все количество нужных им овощей. Предместья промышленных центров усеяны огромным числом небольших земельных участков, сдаваемых в аренду и возделываемых рабочими по окончании рабочего дня и по воскресеньям, что отвлекает их от прямой борьбы за улучшение условий их существования; 3) жилищные условия рабочей семьи значительно хуже, чем в 1914 г., но квартиры менее дороги; пролетарская семья живет более скученно, в конурах, или строит себе на сбережения, сколоченные с трудом по грошам, небольшой домик в предместьи, что составляет мечту огромного большинства пролетариев.

3. Профессиональное рабочее движение. Экономическая структура до-военной Ф., несомненно, определила структуру и идеологию профсоюзного движения. Мелкое и в достаточной мере разбросанное производство, наличие верхнего слоя высококвалифицированных и самостоятельно пополнявших свои знания рабочих, медленность концентрации промышленного аппарата,

почти неисчислимое разнообразие отраслей производства — все это способствовало зарождению особого направления в рабочем движении, так наз. революционного синдикализма, или анархо-синдикализма.

Основными элементами его учения были: теория активных меньшинств и сектантское обособление, сорелевские абстрактные построения о насилии и всеобщей стачке, враждебность ко всякого рода политическим партиям, отвлеченные суждения о роли синдикатов в будущем обществе, суждения, которые заставляли забывать о борьбе за удовлетворение непосредственных требований и о конкретной подготовке революции (см. *синдикализм*).

В организационном отношении отсюда роковым образом проистекало профсоюзное движение сектантского характера, чисто-партийное, в котором качество предпочиталось количеству и объединение происходило не в силу потребностей, а во имя идей; это породило распыление организации между многочисленными местными союзами, фактически автономными и нередко сводившимися к одному остову, полное отсутствие централизации, одним словом то, что так расхваливали под именем „федерализма". Отражение такого понимания профсоюзного движения еще доныне сказывается на французских борцах его и находит себе подтверждение в голом факте, что центральные организации объединяют едва один миллион синдицированных рабочих при 13 млн. рабочих во Ф. Состояние профдвижения перед войной, судьбы его в годы войны и развитие в послевоенный период, так же как и ближайшая история и современные направления в рабочих партиях во Ф. освещены в названной выше статье Поль Луи в XLVII т. Словаря, и здесь мы ограничимся лишь общей характеристикой современного состояния профессиональных рабочих организаций.

Как известно уже читателю из указанной статьи (*см.* XLVII, 548/59), с 1921 г. существует во Ф. два центра профсоюзного движения. *а*) Реформист. *Всеобщая конфедерация труда (см.)*, примыкающая к Амстердамскому Интернационалу, насчитывает около 600.000 членов; в нее еще входят крупные группы рабочих, как, напр., союз горняков (65.000 членов), но особенно направляет она свои усилия на привлечение в свой состав служащих — служащих государств. и общественных предприятий и служащих крупных предприятий, одним словом—всех тех, которые носят название „помесячных работников" и обеспечены в отношении постоянства своей службы штатами своих учреждений или предприятий. В ней почти отсутствуют женщины и иностранные рабочие. Наибольшим влиянием она пользуется в северном районе (в текстильных и каменноугольных его предприятиях). Ее генеральный секретарь — Жуо.

ВКТ преследует политику хозяйственного восстановления и „общего интереса" в рамках буржуазного строя, путем сотрудничества в таких правительственных учреждениях, как Национальный экономический совет и Международное бюро труда Лиги наций. Она заявляет, что она „единственная прочная основа демократии, которую она спасла от большевистской диктатуры и от национального блока"; ее руководители принимают непосредственное участие в переговорах, предшествующих образованию левых министерств, в момент финансового кризиса они подумывали даже о сотрудничестве в „правительстве общественного спасения". Она отказывается от чисто рабочей и профсоюзной деятельности во имя необходимости повышения производительности труда. На ее последнем съезде ярко обозначилась ее ориентация в направлении „реформизма без реформ" и американизации производства; она ничего так не желает, как участвовать в „научной организации труда", иными словами — она приемлет рационализацию его, лишь бы она оказалась выгодной для небольшого слоя рабочей аристократии, которую она все более и более объединяла бы вокруг себя.

ВКТ, относящаяся с решительной враждебностью к единству рабочего движения, принуждена была, однако, допустить образование левого крыла, еще слабого (с двухнедельным журналом „L'Unité"), ставшего, однако, открыто на почву классовой борьбы. Прочность ВКТ зиждется на ее средних слоях, состоящих из социалистических деятелей и опирающихся на социалистические городские самоуправления. В целом своем составе она потеряна для классовой борьбы, и ее руководители будут поддерживать рационализацию производства и французский империализм.

б) Унитарная всеобщая конфедерация труда насчитывает около 550.000 членов, пролетариев промышленных, торговых и государственных предприятий; самый мощный союз, входящий в ее состав,—это союз железнодорожников с 100.000 членов; главные ее силы сосредоточены в районе Парижа, на который приходится по крайней мере одна треть общего числа ее членов. Она сделала большие успехи по пути освобождения своего от анархо-синдикалистских традиций, организации масс и борьбы с политической нейтральностью, но она до сих пор находится в разгаре реорганизации; она занята созданием новых экономических районов, имеющих заменить союзы по департаментам, и образованием рай-

онных промышленных профсоюзов, с секциями таковых на заводах, и слиянием в более крупные организации отдельных союзов, из которых многие носили печать цеховщины,—как, напр., союзы мебельщиков, пильщиков и бондарей, образовавшие в 1924 г. союз рабочих по дереву (24 союза вместо 37, бывших в 1923 г.), — пропагандой в пользу взаимопомощи и т. п. Она с успехом борется против двух слабостей, которыми страдает профсоюзное движение в своем первоначальном развитии: против пренебрежения непосредственными требованиями ради вопросов „большой политики" и против огромных колебаний в составе членов (la passoire). Взносы в профсоюзы УВКТ слишком низки; это объясняется тем, что французские рабочие вообще не любят платить много в свои организации, что препятствует образованию постоянных фондов для поддержки солидарных выступлений Р. к., в частности — забастовок, для которых приходится прибегать к подпискам, приносящим, впрочем, крупные суммы в короткий срок. Есть еще синдицированные рабочие, которые платят не более 3 — 4 фр. в месяц (т.-е. приблизительно заработок за один час работы). Заводских комитетов во Ф. нет.

Только со времени войны было установлено на съездах пропорциональное голосование соответственно числу членов профсоюзов (1 голос для профсоюза, имеющего от 10 до 200 членов, 2 голоса — при 200 — 500 членах, 3 голоса — при 500 — 1.000 членов, 4 — при 1.000 — 2.000 членов и т. д.); раньше, как наследие федерализма, профсоюз с 10 членами и профсоюз с 1.000 членов имели одинаково право лишь на один голос. Разрешение переизбирать руководителей профсоюзов на новый срок было установлено только в 1925 г. (до тех пор они по уставу должны были сложить свои *полномочия после* 2 или 4 лет), но в некоторых организациях этот принцип не проведен.

Центральное руководство и управление почти всеми объединениями профсоюзов и большинством самих профсоюзов находится в руках коммунистов. Руководящими органами являются президиум Конфедерации, состоящий из 4 членов (генеральный секретарь — Монмуссо), и Исполнительный комитет, собирающийся раз в неделю; последний избирается съездом, а сам выбирает президиум. В промежутках между съездами управление делами Конфедерации принадлежит национальным комитетам, избираемым на 3 месяца и состоящим из представителей федераций и районных объединений, которые заседают в течение 2 - 3 дней. Уставы как федерации, так и профсоюзов отличаются большим разнообразием.

УВКТ является организацией, ведущей непримиримую классовую борьбу, и в этом отношении ее деятельность параллельна деятельности коммунистической партии, совместно с которой она нередко образовывает комитеты действия. Влияние ее выходит далеко за пределы личного состава ее членов, она одна руководит забастовками и организует массовые демонстрации; сочувствие рабочих масс — на ее стороне. Ее активность обостряется недавно происшедшим, по приказанию правительства, разрывом сношений с входящими в нее организациями со стороны соответственных, по их работе, министерств (напр., министерства почт и телеграфов), так же как систематическим бойкотом ее профсоюзов со стороны предпринимателей, арестами ее активных *деятелей и т. п. фактами.*

Помимо этих двух центральных организаций, реформистской и революционной, существуют еще следующие организации, имеющие характер профсоюзных:

в) Федерация чиновников, автономная со времени раскола в профсоюзном движении, имеющая 180.000 членов, но переживающая полный разлад, так как большинство ее перешло или собирается перейти в ВКТ, где оно усилит правое течение, а меньшинство сочувствует УВКТ, желая при этом сохранить свою корпоративную автономию.

г) Конфедерация христианских рабочих, организация, преследующая задачи социального мира, но посвящающая много внимания борьбе за удовлетворение профессиональных нужд; она имеет около 135.000 членов (женщин, служащих и, в особенности, железнодорожников) и успешно распространяется в некоторых местностях.

д) Федеративный союз автономных профсоюзов, организация, склонная к анархизму, вышедшая в 1924—25 г. из состава УВКТ, но объединяющая лишь несколько отдельных профсоюзов, в особенности — профсоюзы строительных рабочих,—и лишенная какого бы то ни было влияния.

е) Несколько *желтых* организаций служащих, не имеющих никакого значения.

Рабочая печать. Коммунистическая партия располагает одним центральным печатным органом—„Юманите", ежедневной газетой с тиражем в 225.000 экземпляров (у нее есть, кроме того, в Страсбурге издание на немецком яз.), которая пользуется в рабочих кругах огромным влиянием. Социалистическая партия издает газету „Попюлер", тираж которой, повидимому, не превышает 30.000 экземпляров, но многие буржуазные газеты в провинции предоставляют ей свои столбцы. ВКТ издает „Le Peuple", ежедневную газету невысокого качества, которой продается едва ли более 10.000 экземпля-

ров в день, хотя она поглощает третью часть доходов Конфедерации. УВКТ не имеет своего ежедневного органа, а издает еженедельник для своих активных работников, „Рабочую Жизнь“ („La Vie Ouvrière“); тираж его около 30.000 экз., и он сыграл большую роль в политическом воспитании кадров работников основных ячеек организации. Большая часть федераций профсоюзов имеет ежемесячники, которые даром рассылаются всем членам их. Французский рабочий, вообще говоря, читает мало и часто довольствуется буржуазными органами, с совершенно беспартийной на первый взгляд информацией, но на деле очень ловко подобранной, в роде „Пти Паризьен“, ежедневный тираж которого достигает по меньше мере 2 миллионов экземпляров.

В профсоюзах нет почти никаких кружков для самообразования или пролетарских библиотек. Даже спортивное движение в рабочей среде очень слабо развито: две организации, одна — центральная революционная, другая — реформистская, имеют обе всего каких-нибудь 10.000 членов, в то время как предприниматели с лихорадочной поспешностью насаждают корпоративные клубы, в которых занимается спортом огромное большинство рабочей молодежи.

Революционая пропаганда производится преимущественно посредством *митингов*, так как французский рабочий — большой любитель красивых речей выдающихся ораторов и их ораторские выступления далеко предпочитает деловым докладам на конкретные темы и документированным отчетам. Далее пропаганда ведется посредством брошюр, изложенных ясно и коротко. Другой особенностью народных масс во Ф. является большая неустойчивость настроений и чрезмерная склонность к сентиментализму. Нужно еще отметить, что в некоторых местностях сильно развит алкоголизм, а в женских рабочих массах все еще велико влияние духовенства.

Но самыми серьезными препятствиями для согласованной классовой борьбы являются: индивидуалистическая традиция, унаследованная от прежнего хозяйственного строя и затрудняющая подчинение какой-либо дисциплине в организациях пролетариата, и живу есть иллюзий касательно парламентаризма и демократии, как результат долгого, в течение 75 лет, пользования правом всеобщего голосования. Но изменившееся экономическое положение и стремление крупного капитала к политической диктатуре способствуют рассеянию этих иллюзий. Точно так же в теперешней Ф. не может быть места для классового сотрудничества: логика экономического развития ведет либо к полному порабощению пролетариата, либо к полной победе его. Растущее влияние компартии и деятельность Унитарной всеобщей конфедерации труда доказывают, что пролетариат Ф. нашел пути для обеспечения своей победы.

Ж. Берлиоз (G. Berlioz) [1]).

4. Стачечная борьба. В период инфляции создалась очень сложная обстановка. С одной стороны, оживление промышленности, благоприятная экономическая конъюнктура и совершенное отсутствие безработицы, с другой стороны—финансовый маразм, крайне тяжелое положение государства. С одной стороны, обогащение крупной буржуазии, с другой стороны — понижение жизненного уровня Р. к. и обеднение широких слоев мелкой буржуазии. Создавшееся положение толкало Р. к. на путь стачечной борьбы. С начала 1926 г. забастовочное движение начинает усиливаться, охватывая буквально все отрасли промышленности и все районы от самых промышленных до самых отдаленных и в промышленном отношении отсталых. За первую четверть 1926 г. имело место ок. 300 забастовок, а в одном апреле этого же года число забастовок достигло почти такого же числа. Забастовочное движение при своем возникновении носило чисто стихийный характер. Профессиональные революционные организации поставили своей задачей осмыслить и систематизировать забастовочное движение, придать ему организованный характер на основе понятной для рабочих программы требований. Основным требованием рабочих являлось удержание реальной зарплаты от понижения, происходящего автоматически, в силу беспрерывного роста дороговизны жизни. Унитарная конфедерация труда выдвинула к этому времени в качестве очередного лозунга требование скользящей скалы зарплаты. Благодаря усилиям унитарных союзов и УВКТ удалось в большой степени начавшееся стихийное забастовочное движение направить по определенному руслу. В середине февраля 1926 г. рабочие металлисты всего Парижского района через Унитарное объединение металлистов района вручили почти одновременно свои требования как отдельным предпринимателям, так и известному Комитету предпринимателей в металлургии (Comité des Forges). Следует отметить, как выдающуюся дату в рабочем движении того времени, день 1 апреля 1926 г. В этот день по призыву Унитарной федерации металлистов была объявлена полудневная забастовка, в которой принимало участие около 100.000 рабочих из 250.000 рабочих металлистов всего района. Под давлением

[1]) *Перевод с рукописи.*

рабочих масс, руководимых в значительной степени Унитарной конфедерацией труда, требование о скользящей скале во многих местах было удовлетворено предпринимателями. Унитарная конфедерация труда, ставя в центре своей повседневной работы среди организованных и неорганизованных рабочих борьбу за увеличение реальной зарплаты, за введение скользящей скалы, увязывала свои требования и экономическую борьбу с политической борьбой против буржуазии, требуя переложения налогового бремени с плеч рабочего класса на крупную буржуазию. Между тем как Унитарная конфедерация труда находилась в самом центре происходящей борьбы и руководила забастовочным движением, реформистская Конфедерация труда всю свою деятельность ограничивала требованием о стабилизации валюты, независимо от того, какими путями эта стабилизация будет осуществлена. При выдвижении требования о стабилизации валюты реформистская ВКТ в лице Жуо довольно откровенно говорила о национальном значении этой меры, способной упорядочить финансовое положение страны и спасти весь режим от неминуемого краха.

Пер.од стабилизации. Уже в начале 1926 г. государственные финансы Ф. подходили к состоянию близкому к банкротству. Всему режиму грозила катастрофа. Учтя богатый опыт германской буржуазии, французская буржуазия во время спохватилась. Выжав все, что можно было выжать из рабочего класса путем инфляции, она рассчитала, что настал момент для крупного поворота в своей финансовой политике. В начале 1926 г. правительство Бриана назначило Комитет экспертов для изучения финансового положения страны в целях оздоровления и стабилизации валюты. План, представленный 3 июля 1926 г. Комитетом экспертов, состоявшим в большинстве своем из прямых или косвенных агентов финансового капитала, предусматривал оздоровление финансов путем увеличения прямых и косвенных налогов, путем жестокого режима экономии, рационализации производства и „либерального“ (т.-е. обходного) применения закона о 8-часовом рабочем дне. Это означало переложение всей тяжести финансовой реформы на плечи Р. к., понижение жизненного уровня рабочих, отказ от социальных реформ, требующих крупных расходов, и неминуемую безработицу Таким образом, план „оздоровления“ финансов был готов, необходимо было только найти „своего человека“, который сумел бы этот план без колебаний и шатаний твердой рукой провести в жизнь. Выбор пал на Пуанкаре. И в июле 1926 г. последний принял власть из рук выдохшегося левого блока.

С приходом к власти Пуанкаре, при содействии всей финансовой буржуазии, курс франка начал изо дня в день увеличиваться. 1 июля фунт стерлингов на парижской бирже котировался в 181,12 фр., 20 июля—в 240,50, 1 авг.—в 160,25, 1 сент.—в 164,87, 1 нояб.—в 145,75, 1 янв. 1927 г.—в 122,58. Пуанкаре был объявлен всей буржуазией спасителем не только франка, но и всей Ф. Под названием „национального единения“ ожил „национальный блок“. Банки и финансовые спекулянты стали играть на повышении курса, как в свое время на его понижении. Для многих капиталистов стало более выгодным покупать франки для продажи, чем сырье для производства.

В результате укрепления курса франка и перспективы дальнейшего его повышения, уже в первые месяцы прихода к власти Пуанкаре стал намечаться кризис в промышленности. Забастовка английских горняков, начавшаяся в мае 1926 г., несколько лишь отсрочила и ослабила надвигающийся кризис. Но уже в ноябре 1926 г. кризис начал выявляться с достаточной ясностью. В первую очередь начала сокращаться металлургическая промышленность (в Парижском районе) и все те отрасли промышленности, которые, главным образом, работали на экспорт: текстильная, швейная, обувная. К этому времени начал также сказываться неурожай 1926 г. В 1926 г. было собрано хлебных злаков на 20 миллионов квинталов, картофеля на 45 миллионов квинталов, а вина на 22 миллиона гектолитров меньше, чем в 1925 г.

Начиная с ноября число *безработных* начинает расти. В половине ноября 1926 г. число зарегистрированных безработных, получавших пособие, было не больше 500, но в декабре картина уже резко меняется. Число безработных, получавших пособие, равнялось:

31 дек. 1926 г.	17.078
15 янв. 1927 г.	38.800
22 янв. 1927 г.	45.222
10 фев. 1927 г.	64.484
28 фев. 1927 г.	79.689

На самом деле эта статистика лишь в незначительной степени отражала размеры постигшей Ф. безработицы. Бывший министр труда радикал Дюрафур во время дебатов в парламенте 11 фев. 1927 г. признал лживость правительственной статистики о безработице. По его мнению, официальное число безработных надо увеличить, по крайней мере, в четыре—пять раз. Но что было особенно характерным для состояния рынка труда того времени это то, что на ряду с сравнительно небольшим числом совершенно безработных имелось огромное число рабочих, работавших

неполную неделю: 5, 4, 3 и даже 2 дня в неделю. В этом явлении сказывалась, несомненно, политика правительства. Министр труда Фальер, через своих агентов, инспекторов труда, старался воздействовать на промышленников в том смысле, чтобы они при сокращении производства не увольняли рабочих, а устанавливали очередность, распределяя работу между всеми рабочими предприятия. Вследствие такой политики число рабочих, занятых неполную неделю, и, следов., получавших половину, а то и треть старой зарплаты, росло из месяца в месяц, достигнув по приблизительному подсчету двух миллионов человек.

Одновременно с проблемой безработицы стал во весь рост вопрос об *иммиграции*. В годы, последовавшие по окончании войны, для восстановления разоренных областей Ф., для поднятия сельского хозяйства, для увеличения добычи угля, железной руды, производства железа и стали Ф. нуждалась в большом количестве иностранной рабочей силы, и предприниматели, как и правительство, приняли самые энергичные меры для приобретения ее. Когда же наступил кризис и началась безработица, чтобы отвлечь внимание Р. к. от борьбы против непосредственных виновников кризиса и безработицы, во всей буржуазной прессе и в реформистской начался поход против рабочих иммигрантов. Еще летом 1926 г. „манифест" реформистской ВКТ о стабилизации франка намечал свое „разрешение" иммиграционной проблемы. Манифест содержал в себе следующую фразу: „На территории Ф. имеется 2.500.000 иностранцев, а мы знаем по опыту других стран, что период кризиса во всякой стране иммиграции неминуемо вызывает добровольный отлив иностранной рабочей силы". Правительство, чтобы вызвать „добровольный отлив" иммигрантов, выкапывает старые забытые законы, ограничивающие наем иностранной рабочей силы, вводит налог на иностранцев, в размере 375 франков в год, устанавливает жесткую систему выдачи и проверки паспортов, применяя произвольные высылки нежелательных элементов из страны.

В условиях необычной для Ф. безработицы Р. к. Ф. очутился в очень тяжелом положении. При отсутствии государственного страхования от безработицы, при отсутствии касс помощи безработным при профсоюзах, безработные вынуждены были довольствоваться теми жалкими пособиями, которые выдавались муниципальными или департаментскими кассами для безработных, наспех и кустарным образом организовывавшимися. Такие кассы функционировали приблизительно в 100 городах, между тем как во Ф. имеется около 30.000 коммун. По декрету 28 дек. 1926 г. государство взяло на себя расходы муниципалитетов по вспомоществованию безработным в размере 33% при условии, если кассы будут выдавать не больше 4 фр. 50 сант. в день одинокому безработному и 12 фр. в день многосемейным (франк ок. 8 копеек). Чтобы получить право на пособие, безработный был обязан представить удостоверение о проживании в пределах департамента в течение определенного срока, а также удостоверение о последнем месте службы, после чего допускался к регистрации на предмет получения пособия. Пособия выдавались не больше чем в течение 120 дней.

Р. к. Ф. к моменту вспышки кризиса, благодаря своей слабой организованности, оказался недостаточно вооруженным против буржуазии. Унитарная конфедерация труда принялась наспех за мобилизацию рабочих сил. Были созданы боевые комитеты безработных, организованы публичные манифестации и пущены в ход все меры воздействия на господствующие классы, на центральные и местные власти. В борьбе против безработицы УВКТ выдвинула следующую программу требований: 8-часовой рабочий день без исключений и без изъятий; борьба против понижения реальной зарплаты; рабочий контроль над наймом и увольнением рабочих на предприятиях; государственная помощь безработным как французам, так и иностранцам; освобождение безработных от налогов и квартирной платы; организация общественных работ под контролем профессиональных союзов; включение страхования безработицы в общий законопроект о социальном страховании. Движение безработных под руководством УВКТ в довольно значительной степени начало принимать организованные формы. Однако, полностью охватить движение УВКТ не удалось. Это было тем труднее осуществить, что УВКТ осталась совершенно одинокой. Реформистская ВКТ, обвиняя УВКТ в „разнуздании стихии", в „разжигании" классовой борьбы, предпочла вести борьбу с безработицей „своими методами", сводившимися к посылке делегаций к правительству и к сотрудничеству с буржуазией в Национальном экономическом совете.

Давление рабочих масс под руководством УВКТ на местные и центральные власти возымело свое действие. На местах власти были вынуждены увеличивать размеры пособия. Пуанкаре должен был издать новый декрет об увеличении пособия с 4 фр. 50 сант. до 6 фр. для холостого безработного и от 12 до 16 для многосемейного. Участие казны в субсидировании муниципальных касс увеличено с 33 до 60%

Промышленники использовали безработицу, чтобы ускорить темп рационализации производства; рационализация, главным образом, сводилась к введению премиальной системы зарплаты, увеличивающей интенсивность труда при сохранении старых заработков, к введению на фабриках и заводах крутой дисциплины. Чтобы удешевить производство и, несмотря на поднявшийся курс франка, закрепить за собой завоеванные во время инфляции экспортные возможности, французские промышленники сочли необходимым понизить зарплату рабочих. Это было достигнуто путем прямого наступления на Р. к., путем нажима на рабочих, путем объявления целого ряда локаутов. Локауты были объявлены на автомобильных заводах Рено в Бианкуре, на текстильных фабриках Ля Рок Д'Оль, в дюнкирхенском порту, на парижском метрополитене. Рабочие заняли оборонительную позицию, и лишь в некоторых случаях им удалось под руководством УВКТ успешно отразить наступление капитала. Так, частичной победой рабочих окончилась борьба металлистов на заводах Ситроэна в апреле 1927 г., победой окончилась также забастовка текстильщиков в Ля-Форте-Массе и других. Однако, в большинстве случаев рабочие терпели поражение. В целом ряде производств, и в первую очередь в текстильном, зарплата была понижена в течение 1927 г. на 12 — 15%. Особенно крупные поражения рабочие потерпели на тех участках оборонительного фронта, где формальное руководство движением принадлежало реформистской ВКТ. В угольной промышленности, находившейся в сравнении с другими отраслями народного хозяйства в более благоприятных условиях, реформисты в важнейших угольных бассейнах, где они еще сохранили свое влияние на массы, пошли на снижение зарплаты на 8 — 10%. В общем весь этот период является периодом большого упадка забастовочного движения, как об этом свидетельствует следующая табличка:

Годы	Число забастовок	Число стачечников	Годы	Число забастовок	Число стачечников
1919	2.026	1.151.000	1924	1.034	256.886
1920	1.832	1.316.559	1925	895	241.321
1921	475	405.877	1926	1.723	338.339
1922	665	290.326	1927	436	120.551
1923	1.068	330.954			

Таким образом, по количеству стачек и стачечников 1927 г. был наименее значительным за весь послевоенный период.

Из 436 забастовок, имевших место в 1927 г., окончилось компромиссом 92 (21%), победой — 76 (18%), а поражением — 235 (54%), относительно остальных 33 (7%) результаты не были известны.

Кризис, разразившийся в конце 1926 г. в результате ревалоризации франка, оказался, однако, менее острым и менее затяжным, чем это можно было ожидать. Сравнительно быстро завершившийся процесс фактической стабилизации франка позволил ликвидировать его без особенно крупных внутренних потрясений. К началу 1928 г. промышленность заработала нормальным темпом. Стабилизация франка получила законную санкцию 25 июня 1928 г., что привело к установлению более прочной базы для стабилизирующегося хозяйства страны. Урожай 1927 и 1928 гг., оказавшийся достаточно благоприятным, содействовал также улучшению состояния всего народного хозяйства страны. Об общем улучшении промышленной конъюнктуры можно судить по следующей табличке производственных индексов (1913 год взят за 100):

	Машиностроение	Автомобильная пром.	Кожевенная	Горная	Текстильная пром.
За весь 1927 г.	114	522	103	117	90
Январь 1928 г.	121	505	118	116	100
Июнь 1928 г.	143	670	134	117	100
Декабрь 1928 г.	149	657	139	119	99

Все взоры французской буржуазии, — и в этом корень ее империалистической агрессивности, — были обращены на внешние рынки, на экспорт. На расширение внутренн. рынка рассчитывать было нельзя, несмотря на то, что благодаря двум неплохим урожаям 1927 и 1928 гг., благодаря поощрению сельскохозяйственного экспорта, покупательная способность зажиточного крестьянства значительно повысилась. Дело в том, что обогащение зажиточного крестьянина идет за счет мелкой городской буржуазии и, главным образом, за счет Р. к., составляющего основную массу потребителей, расплачивающихся за вздутие цен на сельско-хозяйственные продукты. Это еще более побуждает буржуазию сосредоточить все свое внимание на расширении внешних рынков, что может быть достигнуто лишь путем дальнейшего снижения себестоимости, т.-е. дальнейшего понижения реальной зарплаты и повышения интенсивности труда.

На почве оживления промышленности исчезла безработица, возрос спрос на рабочие руки. В связи с этим все воздвигнутые правительством в течение 1927 г. рогатки против притока иммигрантов, как

и все законы, имевшие в виду создать отлив иммигрантов из страны, сами собой отпали. В течение 1928 г. уменьшилось число репатриантов по сравнению с прошлым годом; напротив, выросло число вновь прибывших в страну иммигрантов. Р. к., оказав сопротивление капиталу в период депрессии, не мог не перейти в наступление против капитала в период оживления промышленности в условиях благоприятного состояния рынка труда. Уже в первые месяцы 1928 г. начинается стихийный рост стачечного движения. В январе имело место, по официальным данным, 33 стачки с 4.771 бастующих, в феврале 28 стачек с 2.177 бастующих, а в марте забастовочная волна поднялась уже на довольно значительную высоту: было 49 забастовок с 33.989 бастовавших. IV конгресс Профинтерна (апрель 1928 г.), поняв всю важность руководства стачечным движением во Ф., где отсутствие централизованного стачечного руководства — традиционно, указал на то, что „при УВКТ необходимо создать центральный стачечный комитет, на обязанности которого должна лежать планомерная организация стачечной борьбы". Другой задачей было срочное создание профсоюзной информации о стачках и профсоюзной стачечной статистики, без которой невозможно правильное представление о размерах борьбы, о ее интенсивности, результатах и т. д. Директива IV конгресса о том, „чтобы для координации работы и правильной ориентации деятельности всех примыкающих к УВКТ организаций при УВКТ было создано Бюро по сбору материалов и информации", осуществляется. Информация о стачечной борьбе при УВКТ значительно улучшена, сделаны первые шаги для создания профсоюзной стачечной статистики. Благодаря этим, хотя еще далеко не совершенным, данным мы имеем возможность дать картину стачечной борьбы во Ф. *по профсоюзным источникам*, начиная с июня 1928 г.

Месяц	Число забаст.	За увеличение зарплаты	Против уменьшения зарплаты	Забастовка солидарн.	Признание союза и против рационализ.	Число стачечников
Июнь 1928 г.	102	85	—	10	7	25.620
Июль „	103	88	4	10	8	28.185
Август „	119	105	2	6	6	36.150
Сентябрь „	118	106	3	5	4	61.850
Октябрь „	140	116	2	10	12	110.225
Ноябрь „	149	125	3	10	11	52.560
Декабрь „	99	89	1	—	7	50.830
Январь 1929 г.	75	59	3	6	7	68.180
Февраль „	49	59	3	5	2	57.130

Из этой таблицы видно, что забастовочное движение продолжает усиливаться. В течение последней четверти 1928 г. в стачечное движение было вовлечено большее количество рабочих, чем за весь 1927 г. Унитарная профсоюзная статистика о стачках не дает, к сожалению, возможности всесторонне проанализировать характер происходящей стачечной борьбы.

Те малочисленные рубрики, в которых дается ответ на вопросы о причинах забастовок (увеличение зарплаты, против уменьшения ее, забастовки солидарности, и, наконец, признание союза и борьба против рационализации; последние два вопроса объединены), дают возможность с полной определенностью сказать, что борьба идет, главным образом, за увеличение зарплаты.

Предприниматели, конечно, отдают себе прекрасно отчет в том, что требования рабочих направлены против капиталистической рационализации, что удовлетворение требований рабочих и методы капиталистической рационализации исключают друг друга. Отсюда ожесточенное сопротивление предпринимателей, отсюда нежелание идти ни на какие уступки даже тогда, когда с точки зрения сегодняшнего дня та или иная уступка для капиталистов выгодна.

Сам характер борьбы определяет отношение к ней реформистской ВКТ. При иных условиях реформисты ничего не имели бы против того, чтобы поддержать ту или иную стачку за увеличение зарплаты, но настоящая борьба — они это понимают — есть борьба против капиталистической рационализации, этой основной пружины развития современного капитализма. Поэтому они очень резко выступают против стачечной борьбы и против УВКТ, которая руководит борьбой.

Результаты этих забастовок представляются в следующем виде:

Месяц	Число забаст.	Оконч. победой	Оконч. пораж.	Затянулись на след. мес.	Нет сведений
Июнь 1928 г.	102	42	15	32	13
Июль „	103	30	19	51	3
Август „	119	41	18	55	2
Сентябрь „	118	31	13	43	31
Октябрь „	140	46	12	45	37
Ноябрь „	149	47	9	54	39
Декабрь „	99	27	10	19	44
Январь 1929 г.	75	14	14	16	31
Февраль „	49	11	4	16	18

Эти данные говорят о том, что в большинстве случаев результаты борьбы были для Р. к. благоприятны. Р. к., несмотря на недостаточную подготовленность к борьбе, слабую организованность, нашел в себе,

однако, достаточно сил, чтобы защитить свои интересы. Все же нельзя оценивать положение слишком оптимистически. Вышеприведенная табличка говорит также о многих поражениях. Поражением окончился ряд забастовок докеров в Руане, Гавре и в других портовых городах. Ряд поражений потерпели моряки. Одно из крупнейших поражений имело место в Марселе. Поражением окончилась борьба текстильщиков в районе Лилль-Туркуэн-Рубэ. Забастовка портовых рабочих Дюхена, Бордо, руководимая унитарным союзом, дала рабочим победу. Среди моряков, как известно, до последнего времени УВКТ была крайне слаба, и унитарная федерация моряков образована лишь в середине 1929 г. Среди моряков работали главным образом, реформисты, и это они в Марселе, полагаясь на арбитраж, довели рабочих до полного поражения.

В большинстве забастовок,—конечно, не во всех,—где руководство принадлежало унитарным союзам, борьба кончалась в последние месяцы победой рабочих. Блестящей победой окончилась борьба текстильщиков летом в Аллуэне, стойко ведут борьбу по настоящее время (март 1929 г.) в течение пяти месяцев текстильщики долины Лисс.

Унитарные организации проявили в последних боях большую гибкость и умение маневрировать. Но в большинстве случаев мы имеем дело с революционной импровизацией. Во многих случаях недостаточна подготовка к забастовке, стачечные комитеты, напр., избираются уже после того, как стачка объявлена. В забастовке текстильщиков в северной Ф. унитарными союзами была проделана большая подготовительная работа, но и она носила почти исключительно агитационный, а не организационный характер.

Чтобы предупредить стачки, предприниматели со времени войны стали вводить *семейные прибавки к зарплате* в зависимости от семейного положения рабочих и служащих. Семейные прибавки стали выдаваться во Ф. некоторым категориям моряков еще в 1862 г. Прибавка тогда не превышала 10 сант. в день на каждого ребенка моложе 10 лет, находившегося на иждивении рабочего или служащего, занятого в морском транспорте. Во время войны, в связи с ростом дороговизны жизни, система семейных прибавок стала с каждым годом все больше и больше применяться. В той форме, в какой семейные прибавки практикуются в настоящее время, они впервые были введены в 1916 г. на предприятиях Режи—Жуа (Régis—Joya) в Гренобле, а затем в 1918 г. на металлургических предприятиях в Изере; мало по малу они распространились и на другие отрасли промышленности, а также и на торговлю и земледелие.

Предприниматели стараются внушить рабочим, что выдача семейных прибавок является проявлением заботливости работодателей в отношении рабочих. Путем семейных прибавок они стремятся не только избежать забастовок, но и прикрепить рабочих к предприятию, для чего выдача прибавок практикуется в отношении лишь тех рабочих, которые проработали на данном предприятии определенное время (шесть месяцев, год). Выдача семейных прибавок стала особенно усиленно распространяться после войны. В виду того, что выдача этих пособий могла толкнуть некоторых предпринимателей на путь преимущественного пользования рабочей силой холостых рабочих, в ущерб семейным, возникла мысль об учреждении общих касс для целого ряда предприятий одного производства или разных производств в одном районе. К началу 1918 г. начинают возникать так наз. *центральные компенсационные кассы*. Предприниматель делает взносы в эти кассы в зависимости от количества занятых рабочих, но не в зависимости от семейного положения рабочих, занятых на его предприятиях.

Закон от 19 дек. 1922 г. предписывает государству, департаментам, коммунам и общественным учреждениям, если в их ведении находятся предприятия с числом занятых рабочих больше 2.000, приступить к выдаче семейных прибавок. Три декрета, изданные 13 июля 1923 г., делают выдачу семейных пособий обязательной для государства, факультативной для департаментов, коммун и общественных предприятий. Размер пособия должен составлять 20 фр. в месяц за первого ребенка, 50 за второго, 90 за третьего и 40 фр. для каждого последующего. На 1 янв. 1924 г. система семейных прибавок была введена в государственных и общественных предприятиях 74 департаментов полностью или частично. О развитии компенсационных касс семейных прибавок говорит след. табл.:

Годы	Действие компенсац. касс распространялось на следующее число:		Выдано пособий на след. число детей
	рабочих	семейств рабочих	
1920	60.000	11.500	26.000
1921	525.000	128.000	218.000
1922	685.000	158.000	256.000
1925	1.210.000	279.000	505.000

Размер пособий, выдаваемых рабочим этими кассами, изменяется в зависимости от местности, составляя в среднем на одного ребёнка от 10 до 20 фр. в месяц. Кассы выдают также единовременные пособия на новорожденных детей, на грудных и т. д. По данным 1926 г., всех касс существовало 210, объединявших 16.220 предприятий с числом занятых рабочих 1.420.000. Все эти кассы выдали пособий на сумму 230 млн. фр. В 1927 г. касс было 218; они объединяли 20.000 предприятий с числом наемных рабочих 1.500.000. За 1927 г. кассы выдали 260 млн. фр. На ряду с этими кассами, обслуживающими частную промышленность, имеется в настоящее время, как упомянуто уже, ряд касс государственных и общественных, а также частных изолированных, существующих на отдельных предприятиях. Все эти кассы, вместе взятые, по оценке предпринимательских организаций, распространяли свое действие в 1927 г. на 3.862.000 человек, считая заинтересованных рабочих и их семьи. По тем же подсчетам всеми кассами, в общей сложности, как объединенными, так и изолированными, как частными, так и общественными, было выдано в течение 1927 г. пособий на сумму 1.475 млн. фр.

5. Рабочее законодательство и социальное страхование. Ф. по своему социальному законодательству является одной из самых отсталых по сравнению с другими так наз. передовыми странами Европы. Первым шагом в регулировании продолжительности *рабочего дня* был акт Рабочего комитета (Commission du Luxembourg), созданного в боевые дни революции 1848 г., декрет 3-го марта об ограничении рабочего дня. Исходя из предположения (явно оптимистического), что фактическая продолжительность рабочего дня в Париже не превышала 11 часов, а в провинции 12-ти, Рабочий комитет установил в Париже 10-часовой рабочий день, а в провинции 11-часовой. Поражение, понесенное Р. к. в июньские дни, свело на-нет все завоевания первых дней революции 1848 г., в том числе и закон об ограничении рабочего дня до 10—11 часов. Первым актом реакции была отмена декрета от 3 марта и опубликование нового декрета от 9—14 сент. 1848 г., который ограничил продолжительность рабочего дня 12 часами для всех рабочих в предприятиях с механическими двигателями (независимо от числа занятых рабочих) и для рабочих, занятых на фабриках и заводах с числом лиц наемного труда больше 20. Это, однако, не относилось к рабочим, занятым на постройках и в мастерских. Рабочий день миллионов рабочих продолжал оставаться неограниченным. 14—15 и даже 16-часовой рабочий день был обычным явлением. Закон от 2 нояб. 1892 г. ограничил рабочий день женщин 11 часами, рабочий день детей от 16 до 18 лет—11 часами, при условии максимальной рабочей недели в 60 часов, и рабочий день детей моложе 16 лет—10 часами. Закон этот распространялся лишь на промышленные предприятия, не касаясь сельского хозяйства. Закон от 30 марта 1900 г. ограничил рабочий день женщин до 10 часов, распространил свои действие также на взрослых мужчин, работающих в „смешанных" помещениях, т.-е. в помещениях, где работают женщины и дети. Это, однако, относилось не к целому предприятию, а лишь к отдельным его частям, так что достаточно было отделить стеной место работы женщин и детей от места работы взрослых рабочих-мужчин, чтобы тем самым лишить взрослых рабочих 10-часового рабочего дня. В 1901 г. Мильеран проводит для почтовых учреждений закон о 8-часовом рабочем дне; однако, фактического осуществления закон не получает. В 1902/03 г. был в принципе принят 8-часовой рабочий день в арсеналах морского ведомства и 9-час. на фабриках военного снаряжения. 9-часовой рабочий день был введен в табачном и спичечном производствах, а также в монетном дворе. Это был отголосок борьбы рабочих и довоенной ВКТ за введение 8-часового рабочего дня, борьбы, реально начатой в мае 1905 г. Попытка Р. к. ввести явочным порядком 8-часовой рабочий день 1 мая 1906 г. не дала непосредственных реальных результатов. К 1906 г. 8-часовой рабочий день представлял собой редкое исключение. По данным анкеты, произведенной инспекцией труда в 1906 г., среди 370.000 обследованных частных предприятий с числом занятых рабочих в 3.250.000 имелось лишь 140 предприятий с числом рабочих в 14.744, где применялся 8-час. рабочий день. В законодательном порядке 8-часовой рабочий день был проведен — и то с множеством изъятий — лишь 23 апреля 1919 г. (*см.* XLVII, 539/40).

Охрана труда женщин и детей. По действующему законодательству, как общее правило, дети моложе 13 лет не допускаются на работу в промышленных предприятиях. К торговым предприятиям это не относится. При наличии свидетельства об окончании первоначальной школы, могут быть допущены к работе и дети 12-летнего возраста. Труд девушек и женщин запрещается во всех подземных работах. Труд мальчиков в возрасте от 13 до 18 лет допускается в подземных работах подсобного характера. Кодекс законов о труде в принципе запрещает ночной труд женщин, а

также детей моложе 18 лет, допуская, однако, целый ряд отступлений, совершенно искажающих закон о запрещении ночного труда женщин и детей. В связи с ратификацией Вашингтонской конвенции, последовавшей 7 апр. и 6 авг. 1925 г., были изменены соответствующим образом статьи 20, 28, 96 второго раздела Кодекса законов о труде, чем упразднен целый ряд изъятий из закона об охране труда женщин и детей.

Введенная законом от 1841 и 1874 гг. *инспекция труда*, в обязанности которой входит наблюдение за выполнением законов, касающихся охраны труда и регламентации труда, представляет собой типичный бюрократический аппарат, которому чужды интересы Р. к. Инспекторы труда назначаются министерством труда для наблюдения за частными предприятиями, военным и морским министерствами — для надзора за государственными предприятиями. Инспекторы труда, главным образом, занимаются составлением докладов об общем состоянии техники безопасности, собиранием статистики труда, а меньше всего заботятся о мерах борьбы с предпринимателями, сплошь да рядом безнаказанно нарушающими жалкое законодательство об охране труда. Лишь в горной промышленности законом от 8 июля 1890 г. введен институт рабочих делегатов. Делегаты избираются самими рабочими и на их обязанности лежит наблюдение за выполнением всех законов о труде, выяснение причин катастроф и содействие выявлению виновников этих катастроф.

Количество инспекторов труда, назначаемых министерствами, совершенно ничтожно, и даже при не бюрократическом отношении к делу охраны здоровья и жизни рабочих инспекция труда не была бы в состоянии справиться со своими задачами. Так, во всей Ф. имеется лишь 134 инспектора труда, из которых 97 департаментских и 37 участковых. Число предприятий, посещаемых в среднем за год, не превышает 200.000, между тем как в 1913 г. (это последний год, по которому имеются исчерпывающие данные по этому вопросу) в ведении инспекции состояло 513.331 предприятие с числом занятых рабочих в 4.460.805.

На ряду с ростом индустриализации страны, усиленной рационализацией производства и другими факторами, увеличивающими профессиональный риск при работе, охрана труда во Ф. остается на том же низком уровне, в каком была до войны, что не могло не повлиять на увеличивающийся из года в год рост числа *несчастных случаев*. Об этом ясно говорит даже официальная статистика, далеко не полная. В 1903 г. число зарегистрированных несчастных случаев составляло 212.752, в 1910 г.—412.278. Начиная с 1916 г. это число не перестает расти.

Годы	Число несч. случаев	Годы	Число несч. случаев
1914	301.172	1921	615.639
1915	252.310	1922	682.830
1916	406.331	1923	777.970
1917	488.855	1924	856.875 *)
1918	479.981	1925	913.420 *)
1919	491.017	1926	989.442 *)
1920	656.350		

По закону 1898 г. о несчастных случаях, лечение пострадавшего оплачивается со дня несчастного случая до выздоровления тем предприятием, на котором пострадавший работал. Денежное пособие пострадавший начинает получать лишь с 5-го дня после несчастного случая в размере 50% дневного заработка (при чем оплачиваются воскресные и праздничные дни). При полной и постоянной не восстановимой утрате трудоспособности, пострадавший получает постоянную пенсию в размере $^2/_3$ своего годового заработка. При постоянной, но неполной нетрудоспособности, он получает пенсию, равную 50% той суммы, на которую уменьшился его годовой заработок в результате уменьшения трудоспособности. В случае смерти, происшедшей вследствие несчастного случая, семья погибшего получает, кроме временного пособия в размере 200 фр., пенсию из следующего расчета: на мужа или жену жертвы несчастного случая — 20% заработка умершего, на детей до 6 лет: на одного—15%, на двоих—25%, на троих—35%, на четверых и больше—40%; круглые сироты получают пенсию, составляющую 20% годового заработка погибшего от несчастного случая. Но при всех этих исчислениях полностью принимался в расчет, по первоначальному закону, лишь заработок до 2.400 фр.; если годовой заработок превышал эту сумму, излишек входил в расчет только на четверть; в 1920 г. основная предельная сумма исчисления была повышена до 4.500 фр. и, в виду дальнейшего обесценения валюты и повышения номинальной зарплаты, этот предел увеличен в 1926 г. до 8.000 фр. Закон первоначально распространялся лишь на промышленных рабочих. Начиная с 12 апр. 1900 г. страхование от несчастных случаев было распространено и на лиц наемного труда, занятых в торговых предприятиях. Закон от 2 августа 1923 г. распространил страхование на всех лиц,

*) Из них детей до 18 лет в 1924 г.—80.888, в 1925 г.—83.877, в 1926 г.—87.402.

находящихся в домашнем услужении. Закон 15 дек. 1922 г. и 30 апр. 1926 г. распространил страхование от несчастных случаев и на земледельческих рабочих.

В области *социального страхования* французское законодательство начинает делать первые робкие шаги во второй половине XIX века. Все законодательство с этого времени носит печать классового эгоизма, социального консерватизма, скупости буржуазии страны недоразвитого капитализма. Важнейшими из законов (в их хронологическом порядке) были: закон от 18 июня 1850 г. о национальной пенсионной кассе для престарелых (Caisse nationale des retraites pour la vieillesse); закон от 11 июня 1858 г. о кассе страхования на случай смерти (Caisse d'assurance en cas de décès); закон от 15 июля 1893 г. о безвозмездной врачебной помощи (L'assistance médicale gratuite); закон от 9 апр. 1898 г. о несчастных случаях на работе (Accidents du travail); закон от 17 июня 1905 г. об охране материнства (Assistance maternelle); закон от 14 июля 1905 г. об обязательной помощи больным и неизлечимым старикам (Assistance aux vieillards infirmes et incurables); закон от 5 апреля 1910 г. о старческих пенсиях для рабочих и крестьян (Retraites ouvrières et paysannes); закон от 14 июля 1913 г. о помощи многосемейным (Assistance aux familles nombreuses).

Все эти законы не ограждали даже самых элементарных прав Р. к., и, естественно, последний проявлял ко всему законодательству о труде не только равнодушие, но и прямую враждебность. Так, закон о пенсиях для рабочих и крестьян, опубликованный 5 апреля 1910 г., который должен был распространиться на 12 миллионов человек, заинтересовал не больше четверти этого числа, и понятно почему. Закон этот предоставлял право рабочим, достигшим 65-летнего возраста, на мизерную максимальную пенсию в 297 франков 44 сантима в год (постановление министр. финансов от 27 февр. 1912 г.). Между тем, обязательные взносы застрахованных равнялись 9 франкам в год для мужчин и 6 франкам для женщин. Интересно отметить отношение, какое проявила к этому закону довоенная Всеобщая конфедерация труда. Тулузский конгресс ВКТ, состоявшийся в октябре 1910 г., в резолюции по поводу закона говорит о необходимости „препятствовать применению закона, полезного в принципе, но противного нашим интересам в его приложении" („empêcher l'application d'une loi utile dans son principe, contraire à nos intérets dans ses dispositions"). 12-й конгресс ВКТ, состоявшийся в Гавре в сентябре 1912 г.,—несмотря на понижение возрастного предела с 65 до 60 лет, допущенное парламентом под непосредственным давлением рабочих и ВКТ, — остался при своем старом решении о необходимости оказания сопротивления закону. ВКТ призывала рабочих не делать требуемых законом взносов в пользу пенсионной кассы и уничтожать выдаваемые рабочим страховые книжки. Буржуазные партии, даже самые „радикальные", проявляли в отношении рабочего законодательства „социальный консерватизм", который далеко обгонял консерватизм самых реакционных партий монархической Германии. Лишь послевоенный подъем рабочего движения 1918/19 г. заставил буржуазию несколько уступить, по крайней мере на словах. Начиная с 1919 г. идет полоса рабочего законодательства, касающегося 8-часового рабочего дня, расширения прав профсоюзов и т. д.; начинаются также разговоры о широком плане социального страхования по образцу других, в промышленном отношении развитых капиталистических стран Европы.

В 1919 г. особая комиссия приступила к выработке проекта закона о социальном страховании; законопроект был внесен в парламент 22 марта 1921 г. министром труда в кабинете Бриана, Даниэлем Вансен. Но палата депутатов, избранная в 1919 г., не спешила с принятием закона. Лишь накануне новых выборов в апреле 1924 г. палата депутатов удосужилась принять законопроект и передать его на утверждение сената. С 1924 по 1927 гг. законопроект продолжает переходить из одной междупарламентской комиссии в другую, и лишь 7 июля 1927 г. сенат, после внесения целого ряда изменений, принял законопроект, который должен был, в виду этих изменений, получить вторичную санкцию в палате депутатов. Только накануне новых выборов, 14 марта 1928 г., палата без всяких изменений одобрила всеми голосами против голосов коммунистов законопроект сената. 5 апреля 1928 г. закон был опубликован в „Правительственном Вестнике" (Journal officiel). Согласно статье 73, 12 месяцев спустя после опубликования закона должен быть выработан устав и инструкция, регулирующие функционирование всех органов социального страхования, и лишь через шесть месяцев со дня опубликования устава закон о социальном страховании входит в силу (что произойдет в августе 1930 г.).

Главные положения закона о социальном страховании. Закон о социальном страховании предусматривает следующие виды страхования: страхование на случай болезни, на случай инвалидности, старо-

сти, страхование на случай смерти, а также систему пособий в случае материнства, безработицы, „семейное пособие“ в зависимости от семейного положения застрахованного.

Закон имеет ту отличительную черту, что содержит в себе как принцип обязательности, так и принцип добровольности страхования. Закон имеет обязательную силу для всех лиц наемного труда — мужчин и женщин, — которые извлекают от своего труда не больше 18.000 франков[1]) зарплаты в год деньгами или натурой, не считая семейных прибавок, а также для всех сельских арендаторов, обрабатывающих землю без наемного труда силами своей семьи и не владеющих никаким живым инвентарем (эта последняя категория охватывает около 300.000 человек). Закон прямо не делает никаких различий между иностранными рабочими и французскими. Однако, чтобы быть включенным в обязательное социальное страхование, иностранный рабочий должен иметь действительное и постоянное жительство во Ф. Таким образом, исключаются все те иностранные рабочие прифронтовой полосы, которые проживают в Бельгии, а работают во Ф. (таких рабочих насчитывается несколько десятков тысяч), а также сезонные рабочие-иммигранты. На иностранных рабочих не распространяются те виды социального страхования, в фонды которых поступают в той или иной форме средства государственные или общественные. Иностр. рабочие лишаются пособий при безработице, материнстве, пособий по семейному положению.

Добровольное страхование распространяется на мелких предпринимателей, фермеров-арендаторов, имеющих свой живой инвентарь, ремесленников, лиц свободных профессий, которые являются французскими гражданами и, живя преимущественно своим трудом, извлекают от собственного труда доход, не превышающий 18.000 франков в год. Право на факультативное страхование имеют также наемные рабочие, которые получают зарплату до 19.000 франков в год и которые не подлежат обязательному страхованию. Этот максимум может быть увеличен на 2.000 франков на каждого ребенка до 16 лет, находящегося на иждивении застрахованного, начиная со второго. При некоторых ограничительных условиях право на факультативное страхование распространяется также на жен, мужья которых подлежат обязательному страхованию.

За всех тех, которые подлежат обязательному страхованию, вносятся в фонд страхования взносы в размере 10% заработка страхуемого: 5% вносит страхуемый и 5% вносит предприниматель, у которого страхуемый работает. Подлежащие добровольному страхованию вносят в фонд страхования лично за себя 5 или 10%.

Размеры страховых пособий, выдаваемых по всем видам страхования, в принципе одинаковы как для застрахованных по обязательному, так и по факультативному страхованию. Величина же пособия зависит от величины взносов и количества лет, в течение которых делались взносы. Но между тем как обязательное страхование не делает никаких возрастных ограничений для страхуемых, факультативное страхование устанавливает возрастный предел. Не подлежат факультативному страхованию лица старше 50 лет (это не относится к страхованию от старости). Факультативно страхуемые подвергаются медицинскому освидетельствованию и подлежат страхованию лишь те, у которых при осмотре не было обнаружено никаких острых или хронических заболеваний, а также признаков инвалидности.

По приблизительному подсчету, обязательному страхованию будут подлежать около 8.310.000 лиц (4.970.000 мужчин и 3.340.000 женщин), годовая заработная плата которых равняется 38 миллиардам франков при минимальной оценке, 45 миллиардам — при средней и 56 миллиардам — при максимальной. Таким образом, приблизительный размер годового фонда, долженствующего питать кассу социального страхования, равен от 4 до 6 миллиардов франков.

Десятипроцентные отчисления от зарплаты по различным видам страхования распределяются следующим образом: страхование от болезни — 2,82%, страхование материнства — 0,45%, страхование на случай смерти — 0,20%, страхование от инвалидности — 2,10%, страхование старости — 3,5%, пособия при безработице — 0,1%, пособия по семейному положению — 0,1%, управленческие расходы — 0,5%, переходное время, неувязка и т. д. — 0,23%, всего — 10%.

а) Страхование от болезни. Страховая касса с первого дня болезни участвует в расходах застрахованного на визиты врача, операции и лекарства в размере 80—85%; она обеспечивает застрахованного лечением в госпитале. Это распространяется на жену застрахованного и на детей моложе 16 лет. Больной вправе пользоваться врачем по свободному выбору, но разницу между гонораром врача и установленным

[1]) Этот максимум может быть увеличен на 2.000 фр. для каждого ребенка, начиная со второго из находящихся на иждивении застрахованного, и уменьшен на 3.000 фр., если застрахованный не имеет детей на своем иждивении.

больничной кассой тарифом застрахованный обязан покрывать за свой счет.

Во время болезни, начиная с шестого дня ее и в течение 6-ти месяцев, застрахованный получает 50% средней заработной платы. Когда застрахованный лечится в больнице за счет страхкассы, его пособие уменьшается на $^1/_8$, если у него на иждивении есть один ребенок или больше в возрасте до 16-ти лет; и на половину, если застрахованный женат, но не имеет детей; если не имеет никого на своем иждивении — пособие уменьшается на три четверти. По вычислению Паске, докладчика сенатской финансовой комиссии, установление 3-х-дневного срока со дня заболевания, в течение которого застрахованный не получает денежной компенсации, лишило бы пособия 12,9% застрахованных; установление 5-дневного срока фактически лишает пособия по болезни 20% застрахованных.

б) Страхование на случай инвалидности. Не позже чем по истечении шести месяцев с момента заболевания застрахованный, утративший вследствие болезни или несчастного случая трудоспособность не меньше чем на две трети, переходит на инвалидность и получает пенсию, равную 40% среднего годового заработка при условии, если вступил в страхкассу до 30-летнего возраста. Для того, чтобы иметь право на пенсию, застрахованный должен состоять членом кассы не менее двух лет и уплатить взносы за 480 рабочих дней. Пенсия может быть увеличена на 1% за каждый лишний год сверх первых трех лет участия в страхкассе, с тем, однако, чтобы пенсия не превысила 50% годовой зарплаты. Пенсия уменьшается на одну тридцатую за каждый год, если застрахованный вступил в кассу после 30-летнего возраста.

в) Страхование материнства. Беременность рассматривается в отношении лечения как болезнь. В течение периода беременности и шесть месяцев после родов застрахованная или жена застрахованного пользуется услугами врача и лекарствами за счет страхкассы. Застрахованная в течение шести недель до и шести недель после родов получает 50% зарплаты. Застрахованная, кормящая своего ребенка, получает в течение периода кормления, но не больше одного года, дополнительное месячное пособие: в размере 100 франков в течение первых двух месяцев, 75 франков третий месяц, 50 франков в течение четвертого, пятого и шестого, 25 франков в течение седьмого, восьмого и девятого и по 15 франков в каждый из последних трех месяцев. Если мать не в состоянии кормить ребенка грудью, но ребенок воспитывается у нее, она получает пособие на молоко в размере $^2/_3$ пособия, какое ей следовало бы в случае кормления ребенка грудью.

г) Пособие во время безработицы. Закон о страховании избегает употребления термина „страхование от безработицы"; речь идет лишь о пособии безработному (гарантия против безработицы) в течение не больше трех месяцев в годичный период. Размер пособия равен 10% средней зарплаты. Пользуются правом на пособие лишь те застрахованные, которые имеют трудовой договор и являются французскими гражданами.

д) Страхование на случай смерти. В случае смерти застрахованного, его иждивенцам и родственникам выдается пособие в размере 20% годовой зарплаты. Пособие не может быть ниже 1.000 франков, но не может также превышать $^2/_3$ средней годовой зарплаты.

е) Страхование старости. Принцип, положенный в основу страхования старости, есть принцип капитализации определенной части взносов (3,5% зарплаты). Социальное страхование гарантирует застрахованному пенсию не ниже 40% зарплаты при достижении 60 лет, при условии внесения 200 дневных взносов каждый год в течение 30 лет. При внесении взносов в течение 25 лет, застрахованный вправе получать пенсию, начиная с 55-летнего возраста при чем размер пенсии соответственно понижается в зависимости от числа взносов. С другой стороны, застрахованный может для увеличения своей пенсии отсрочить ликвидацию пенсии до 65-летнего возраста.

ж) Пособие по семейному положению. Застрахованные, на иждивении которых находятся дети старше шести недель, но моложе 16-ти лет и не занятые наемным трудом, получают право на дополнительное пособие ко всем видам основных пособий в следующем размере: прибавку в 50 сантимов к дневному пособию, прибавку в 100 франков в год к инвалидной пенсии, прибавку в 100 франков к пособию в случае смерти. Если каждый из родителей ребенка застрахован отдельно, то семейное пособие не удваивается.

Вдова застрахованного, имеющая не меньше трех детей в возрасте не больше 13-ти лет, получает временное пособие за каждого ребенка в возрасте меньшем 17-ти лет, считая со второго. Получают пособия круглые сироты в возрасте до 13 лет. Приравниваются к 13-летним дети моложе 16-ти лет, которые находятся по договору в ученичестве. Пособие каждого из сирот не может быть меньше 90 франков в год.

Административное управление. Общее управление социальным страхованием принадлежит Высшему совету социального

страхования, состоящему из 66 человек. 12 из них представляют застрахованных, а остальные—это сенаторы, члены парламента, крупные чиновники и предприниматели. Во главе низовых касс стоят административные советы, в составе 18 членов, из которых половина из числа застрахованных, а другая половина из представителей от предпринимателей и медицинского персонала. Департаментские кассы управляются административными советами в таком же составе.

С. Сорбонский (С. Ашкенази).

IV. Рабочий класс в Испании

(*ср.* XLVII, 676/82). *1. Исторический обзор.* Первой боевой организацией рабочих, достойной этого названия, было общество ручных ткачей, образованное в Барселоне в 1840 г. на основании закона о рабочих ассоциациях, изданного в предшествующем году. Несмотря на значительные оговорки, содержащиеся в законе, основанные общества сделались боевыми организациями, которые часто прибегали к забастовкам, а в 1854 г. объединились в местные федерации. Привязанность рабочих к этим организациям была настолько велика, что, когда в 1856 г. правительство попыталось посягнуть на право ассоциаций, в Барселоне была объявлена (впервые за всю историю испанского движения) всеобщая забастовка.

Следующие годы до 1868 г. отмечены рабочими волнениями и крестьянскими бунтами, после которых всегда начиналось ожесточенное преследование рабочих организаций, вынужденных вследствие этого почти все время работать в подполье. Тем не менее рабочее движение всячески старается прорвать свою изолированность и даже посылает своего представителя на учредительный съезд I Интернационала.

После победы сентябрьской революции 1868 г., восстановившей право ассоциаций, рабочее движение переживает новый подъем. Создается крайне благоприятная почва для распространения принципов I Интернационала. Учредительный съезд испанской секции „Международной ассоциации рабочих“ состоялся в Барселоне в 1870 г.; на нем было представлено 40.000 рабочих. „Областная рабочая федерация“ развивается с замечательной быстротой, число ее членов достигает через несколько месяцев после учредительного съезда ста тысяч. Правительственные репрессии не замедлили обрушиться на молодую организацию, и в январе 1872 г. испанская секция I Интернационала была объявлена вне закона. Это не помешало ей продолжать свою работу в подполье.

Провозглашение республики в 1873 г. вызвало новый сильный подъем рабочего движения. Республиканское правительство поспешило ответить на него репрессиями. Во многих частях страны вспыхнули забастовки, сопровождавшиеся бурными инцидентами. Кровавые столкновения с войсками произошли в Алькое (июль 1873 г.) во время объявленной там всеобщей забастовки. В Картахене вспыхнуло восстание под руководством крайне левых республиканцев и сторонников I Интернационала.

С реставрацией монархии в 1874 г. начинается новый период репрессий. „Федерация“ влачит жалкое существование. Она созывает съезд в Мадриде и несколько конференций, но ее реальное значение сводится к нулю. Испанская секция I Интернационала, официально распущенная только в 1881 г., фактически перестала существовать уже в 1878 г. В исторической схватке марксизма с бакунизмом огромное большинство деятелей испанского рабочего движения встало на сторону последнего. Дело не обошлось, однако, без ожесточенных боев. Раскол в испанской секции произошел в июне 1872 г., когда девять членов мадридской организации были исключены из нее за обнародование декларации с требованием немедленного роспуска секций „союза социалистической демократии“ („Альянс“), продолжавших функционировать несмотря на все принятые решения. Исключенные основали новую федерацию, которая была признана генеральным советом Интернационала и созвала свой конгресс в Толедо в 1873 г., но вскоре распалась, оказавшись совершенно нежизнеспособной.

В сентябре 1881 г. анархисты снова созвали рабочий конгресс в Барселоне. На этом конгрессе была основана „Испанская рабочая федерация“, объединившая около 60.000 человек. В 1888 г., когда число ее членов уже превысило 70.000, она была распущена правительством. Период между 1882 и 1890 гг. характеризуется крупными бунтами беднейших крестьян и с.-хоз. рабочих в южных провинциях. Это движение закончилось трагическим эпилогом, т. наз. процессом „черной руки“ (якобы существовавшей тайной организации), по которому пять рабочих были приговорены к смертной казни, а сотни других к каторге и ссылке. Правительственные репрессии и разгром рабочих организаций бросают значительную часть рабочего движения на путь террористической тактики. Промышленная отсталость страны и проникшая в рабочее движение, в связи с преобладанием бакунизма, мелкобуржуазная идеология явились, конечно, очень благодарной почвой для развития индивидуального террора.

В 1882 г. в Барселоне состоялся рабочий конгресс, на котором марксистское

течение одержало верх над анархистским; но основанная на этом конгрессе „Национальная ассоциация испанских рабочих" фактически и года не действовала. Лишь в 1888 г. был основан профсоюзный центр, руководимый социалистами, — „Всеобщий союз рабочих".

Потеря колоний в результате неудачной войны с Соед. Штатами (1898) вызвала глубочайший кризис в промышленности страны, оказавшейся лишенной своих главных рынков сбыта. Последствия кризиса буржуазия постаралась по обыкновению взвалить на плечи Р. к. Пролетариат дает энергичный отпор. Рабочее движение возродилось на этот раз в форме массового действия. Важнейшим событием этого периода была всеобщая забастовка в Барселоне (1902), объявленная в знак солидарности с рабочими металлургического производства, которые бастовали уже восьмую неделю, требуя 9-часового рабочего дня и повышения зарплаты. Забастовка окончилась поражением после восьмидневной упорной борьбы, во время которой барселонский пролетариат дрался на баррикадах. 1902—1908 гг. были периодом затишья. Профсоюзные организации были разгромлены правительством. Число забастовок было ничтожно: за все шесть лет только две крупных забастовки бискайских горняков в 1903 и 1906 гг.

С конца 1908 г. снова происходит перелом. Рабочие начинают мало по малу восстанавливать свои профорганизации. Возникает и быстро растет федерация, объединяющая все каталонские союзы, „Рабочая солидарность". В июле 1909 г., в знак протеста против марокканской войны, рабочие организации Каталонии объявляют всеобщую забастовку, немедленно переходящую в вооруженное восстание. После его подавления начались массовые аресты, расстрелы и поход против профсоюзов. Однако, рабочее движение быстро оправилось от этого удара. В 1911 г. в Барселоне основывается „Национальная конфедерация труда", руководимая анархо-синдикалистами. В этом же году по всей стране была объявлена всеобщая забастовка протеста против милитаризации забастовавших железнодорожников и гонений на рабочие организации. Движение сопровождалось кровавыми столкновениями в районе Валенсии. Военные суды расстреливают и массами ссылают на каторгу участников движения. В 1912 г. бастуют горняки в Астурии, в 1913 г. — горнозаводские рабочие в Барселоне, табачники в Андалузии, текстильщики в Каталонии и Бехаре (Кастилия).

Испанская промышленность, работавшая почти исключительно на внутренний рынок[1]), нашла с объявлением империалистической войны 1914—1918 гг. новую область сбыта для своей продукции. В этот период забастовки, почти всегда оканчивающиеся победой рабочих, вспыхивают чуть ли не ежедневно. Членский состав профсоюзов возрастает до небывалых размеров. В марте 1917 г. реформистский профсоюзный центр и анархо-синдикалистская конфедерация объявляют 24-часовую всеобщую забастовку в знак протеста против дороговизны жизни. Политическая атмосфера страны в первую половину этого года была крайне напряженной, что объясняется следующими причинами: ростом силы промышленной буржуазии, чрезвычайно обострившим ее антагонизм с аграриями, стоявшими у власти; быстрым и могучим развитием рабочего движения; недовольством мелкой буржуазии политикой правительства, особенно в области продовольственного вопроса. Крупную роль сыграла также русская Февральская революция, нашедшая глубокий отклик в Испании. 17 августа Всеобщий союз рабочих и Национальная конфедерация труда объявляют всеобщую забастовку, которая продолжалась 8 дней и закончилась поражением рабочих после многочисленных кровавых схваток. Либеральная буржуазия, напуганная ростом пролетарского движения, переметнулась в решительную минуту в лагерь аграриев, с которыми она заключила союз против Р. к.

Несмотря на отход буржуазии от революции, рабочее движение продолжало подниматься. Этому способствовали два обстоятельства: успехи промышленности и свежее напоминание об августовской забастовке, которая, несмотря на свой печальный исход, дала Р. к. уверенность в своей силе. Эта восходящая фаза рабочего движения продолжалась до 1920 г. Национальная конфедерация труда, насчитывавшая в 1913 г. 70.000 членов (в Каталонии), достигла к началу 1920 г. одного миллиона. Всеобщий союз рабочих, имевший в 1910 г. 40.000 членов, довел в 1920 г. свой членский состав до 220.000 с лишним. Забастовки исчисляются в этот период сотнями. Отметим из них всеобщую забастовку по всей Каталонии, продолжавшуюся 15 дней. Одной из отличительных черт этого бурного времени является необычайный расцвет системы индивидуального террора, как средства революционной борьбы. Индивидуальный террор уже не заменяет теперь мас-

[1]) Напомним, что по переписи 1910 г. во всей промышленности Испании вместе с горным делом было занято всего 1.100.000 чел., в то время как сельское хозяйство (причисляя сюда и рыболовство) занимало 4.200.000.

совое действие, а применяется одновременно с выступлениями масс.

В конце 1919 г. торговый баланс страны продолжает оставаться активным, но буржуазия уже сознает неизбежность близкого кризиса в связи с возвращением на мировой рынок конкурентов, временно выбывших в годы войны, и считает, что теперь наступил момент для серьезного наступления на Р. к. Первым актом этого наступления был всеобщий локаут, объявленный в Каталонии в ноябре 1919 г. и охвативший 500.000 рабочих и служащих. Этот локаут продолжался три с половиной месяца. Одновременно усиливается режим репрессий: закрываются профсоюзы, арестуются массами профработники и организуются „свободные союзы", фактически объединяющие только профессиональных убийц, находящихся на содержании у полиции и систематически истребляющих наиболее видных деятелей профдвижения. Профсоюзы оказывают мужественное сопротивление, к торое удалось сломить только к концу 1920 г. Тем не менее и за время от конца 1920 г. до переворота Примо де Ривера (13 сентября 1923 г.) мы имеем несколько крупных боевых выступлений пролетариата: забастовки горняков в Астурии, Бискайе и Сеговне в 1922 г., рабочих метрополитена и местного транспорта в Барселоне в мае и июне 1923 г. и забастовку бискайских горняков летом того же года, которая закончилась всеобщей забастовкой солидарности в Бильбао, сопровождавшейся кровавыми столкновениями. Военный переворот, открыто поддержанный промышленной буржуазией, явился до некоторой степени увенчанием той политики репрессий, начало которой было положено в 1920 г. Революционные профсоюзы подвергаются жестоким гонениям и фактически перестают существовать. Наоборот, реформисты находят у Примо де Ривера открытую поддержку. С момента переворота до весны 1927 г. было только несколько забастовок, лишенных всякого значения. Но уже начинают обнаруживаться явные признаки нового подъема. В июле барселонские текстильщики, совершенно дезорганизованные, стихийно забастовали против попытки удлинить рабочий день и добились победы; в ноябре объявили забастовку астурийские горняки, вопреки своему реформистскому союзу и правительственным репрессиям; почти одновременно, в день открытия диктатором Примо де Ривера совещательного собрания (жалкой пародии на парламент), пролетариат Бильбао объявил однодневную политическую забастовку под лозунгами коммунистической партии против военной диктатуры. Наконец, в феврале 1928 г. на нескольких барселонских фабриках и в крупнейших городах Каталонии вспыхнули забастовки протеста против налога на заработную плату. Период пассивности остался позади, открывается новый период боевых выступлений.

2. Экономическое положение. До империалистической войны уровень заработной платы был в Испании необычайно низок. Выше мы уже отметили, что Р. к. воспользовался высокой конъюнктурой военного времени для предъявления требований о прибавках. Так, средний уровень зарплаты, составлявший в 1913 г. 2,81 пез. в день, равнялся 3,53 п. в 1917 г. и 5,04 п. в 1920 г. Тем не менее, несмотря на ее постоянный рост, зарплата почти всегда отстает от цен на предметы первой необходимости, как это видно из нижеследующей таблицы:

Заработная плата и движение цен на предметы первой необходимости.

Годы	Индекс зарплаты	Индекс цен в больших городах (розн. цены)	Индекс цен в провинции
1913	100	100	100
1915	107,4	118,8	117,1
1917	110,6	136,1	139,8
1918	125,6	167,7	178,5
1919	146,9	192,3	208,11
1920	186,0	197,3	185,3
1925	216,0	195	—
1926	204,2	199,2	—

Необходимо иметь в виду, что индекс вычислен только на основании двенадцати основных пищевых продуктов, без учета стоимости квартиры, одежды, культурных потребностей и т. д. Между тем эти последние расходы играют большую роль в бюджете рабочего. Их значение станет еще очевиднее, если принять во внимание постоянный рост цен на электричество и газ, с одной стороны, и на мануфактуру, с другой. Первые возросли, напр., по сравнению с 1913 г. на 20% в 1918 г., а вторые — на 139% в 1920 г. и на 81% в 1925 г. [1]).

[1]) По исчислениям Международного бюро труда при Лиге наций, средняя реальная зарплата за час труда, учитывая только стоимость продовольствия рабочей семьи, на апрель 1928 г. составляет в Мадриде лишь с небольшим половину —54% оплаты тех же видов труда в Лондоне, но она лишь немногим ниже, чем в Париже, где то же отношение к реальной зарплате в Лондоне равняется 56%, и значительно выше, чем в Риме, для которого это соотношение к лондонской зарплате падает до 43%. По другому исчислению, исходящему от данных по тем же категориям труда, реальная зарплата за час работы к марту 1925 г. повысилась сравнительно с июлем 1914 г. в Мадриде на 84%, в Париже—на 24%, в Лондоне только на 11%, а в Риме оставалась на предвоенном уровне (разница в недельной зарплате будет значительно меньше, так как до войны продолжительность рабочего дня была на континенте больше; в частности для Испании нормальная неделя считается для 1914 г. в 54 часа, а для 1925 г.— 48 часов). Следует, однако,

Положение с.-хоз. рабочих несравненно хуже, чем индустриальных. Их заработная плата не превышает 1,25 пез. в день. В крупных латифундиях на юге и в центре некоторые категории рабочих получают даже меньше половины этой ставки.

Налог на заработную плату введен правительств. декретом в январе 1928 г. Всякий заработок, превышающий 2.200 пез. в год, облагается налогом в размере 3%.

Одним из последствий кризиса, пережитого испанской промышленностью, явился сильный рост *безработицы*. Испанская промышленность, не позаботившаяся в годы процветания возобновить свое оборудование, явно неспособна бороться со своими конкурентами. В настоящее время она не только терпит поражения на иностранном рынке, но даже едва выдерживает конкуренцию иностранных товаров внутри страны, несмотря на крайне высокие покровительственные пошлины. Отсюда — сильное сокращение производства. Безработица приняла чрезвычайно серьезные размеры, особенно с 1924 г., при чем ею поражены именно наиболее важные отрасли промышленности. Точных цифр, к сожалению, невозможно дать по той простой причине, что безработные нигде не регистрируются. Приблизительные данные таковы: в текстильном производстве безработных около 55%, в металлургическом — 40%, в бумажном — 45%, в строительном деле — 25%. Что касается горной промышленности, то 30 сентября 1927 г., т.-е. накануне забастовки, 4.000 астурийских горняков были уволены, а 1.785 были предупреждены об увольнении в ближайшем будущем. Остальные работали только 4 дня в неделю (общее число рабочих и служащих, занятых в горной промышленности Астурии, составляет 27.000). В бискайских рудниках (железных и угольных) безработица охватывает 12% рабочих. Остальные и здесь работают неполную неделю. Страхования от безработицы в Испании не существует. Безработные не получают никакого пособия ни от государства, ни от профсоюзов.

Декретом, опубликованным в апреле 1919 г., легальный *рабочий день* установлен в 8 часов. Однако, этим же декретом, а также рядом последующих, изданных в том же году и в 1920, 1921 и 1922 гг., введены многочисленные исключения. Важнейшие из них касаются: домашних работниц, надзирателей на фабриках и в имениях, ответственных торговых служащих (заведующих отделами и т. д.); рабочих, занятых в скотоводстве, аптекарских служащих; служащих гостиниц, кафе и ресторанов; рабочих шахт, в которых, по климатическим условиям, работы могут производиться только шесть месяцев в году. Этот перечень исключений может быть еще увеличен; для этого достаточно сговора между предпринимателями и местными властями.

Декрет о рабочем дне разрешает также в очень многих случаях сверхурочные работы. Для этого требуется только соответствующее соглашение между рабочими и предпринимателем. Сверхурочные работы не могут превышать 50 часов в неделю и 240 часов в год для мужчин и 2 часов в день для женщин. Женщины получают за сверхурочные часы надбавку в 40%, мужчины — в 20% за первые два часа и в 40% за следующие часы. Рабочие и служащие железнодор. станций могут работать сверхурочные 4 часа в день, с надбавкой к их зарплате в 20%. Сверхурочная работа не допускается ни в каком случае для подростков моложе 16 лет. Можно смело утверждать, что в течение последних четырех лет декрет о рабочем дне оставался мертвой буквой. Не говоря уже о том, что он оставляет широкий простор для многочисленных исключений, буржуазия, энергично поддерживаемая правительством Примо де Ривера, сделала все возможное для фактического аннулирования восьмичасов. рабочего дня. И в значительной мере ей это удалось.

Воскресный отдых был установлен законом от 3 марта 1904 г., вводившим, однако, целый ряд исключений. Этот закон был отменен королевским указом от 17 декабря 1926 г., утвердившим декрет-закон от 8 июня 1925 г. Если, по существу, этот декрет оставляет в силе первоначальный закон, то он открывает в то же время полный простор для всевозможных нарушений воскресного отдыха. Сначала в нем указаны в самой общей форме предприятия и учреждения, для которых соблюдение воскресного отдыха необязательно; затем перечисляются работы, которые могут производиться в воскресенье, при чем, однако, для некоторых из них (сельскохозяйственные работы, срочный ремонт и т. д.) требуется в этом случае специальное разрешение. Нарушение воскресного отдыха разрешается также в неуспевающих отраслях промышленности. Декрет фиксирует способы осуществления воскресного отдыха в ряде профессий (на судах, в го-

---

иметь в виду, что все эти расчеты основываются на данных, специально сообщенных Международному бюро труда испанским правительством, естественно склонным представить в наилучшем свете положение рабочих при нынешнем режиме военной диктатуры. Далее, среднее увеличение зарплаты выведено арифметически, без учета сравнительной численности различных групп, между тем разница в росте денежной зарплаты в разных профессиях, по данным для Испании, исключительно велика, поэтому строить какие-либо выводы на основании этих данных М. Б. Т. совершенно нельзя.

стиницах и ресторанах, в продовольственных складах, в театрах, в издательствах и агентствах печати, в банях, при погрузке и разгрузке товаров и т. д.).

Вопрос о возмещении за *несчастные случаи* регламентирован законами 1900 и 1922 гг. На предпринимателя возложены все расходы по медицинскому и фармацевтическому обслуживанию. Пострадавший рабочий получает три четверти своей зарплаты. В случае полной инвалидности он получает компенсацию в размере двухгодовой зарплаты, в случае частичной инвалидности — в полуторагодовом размере. Если пострадавший умирает, предприниматель оплачивает расходы по его похоронам. Семья умершего имеет право: 1) на его двухгодовую зарплату, когда остаются вдова и дети; 2) на полуторагодовую зарплату, когда остается только вдова или только дети; 3) на 10-месячную зарплату, когда остаются престарелые родители старше 60 лет; 4) на 6-месячную зарплату, когда остается только один из родителей. Дети старше 18 лет не получают никакого возмещения. Для выполнения предписанных законом правил предприниматели основывают специальные страховые кассы.

До 1919 г. существовало только добровольное *страхование от старости* при помощи касс, субсидировавшихся правительством. С 1919 г. обязательно страхование всех рабочих и служащих. На получение пенсии имеют право все лица, которые достигли 65 лет и заработок которых не превышает 4.000 пез. в год.

Национальным институтом социального обеспечения выработан проект, предусматривающий создание *страховых касс* на средства государства, предпринимателей и рабочих. Застрахованные больные имеют право на клиническое и больничное лечение, а также на пособие в $2^1/_2$ пез. в день, начиная с пятого дня болезни. Это пособие можно получать в течение полугода. Рабочие, совершенно потерявшие трудоспособность, имеют право на пособие в размере 2 пез. в день.

Нормальный рабочий день установлен для женщин, как и для мужчин, в 8 часов. Запрещено (декретом 1902 г.) применение *женского труда* в шахтах и в ночное время, за исключением случаев крайней необходимости. Королевским указом от 20 августа 1927 г. предписано предоставление работницам минимального отдыха в 12 часов между двумя последовательными рабочими днями; в особых случаях это время может быть сокращено на один час с тем, однако, чтобы эти сбавленные часы не превышали в общей сложности 60 часов в год. В сельском хозяйстве и на производстве скоропортящихся продуктов допускается работа женщин ночью. Для больниц и для санитарных и благотворительных учреждений установлены особые правила. Действие декрета о женском труде не распространяется на домашнюю прислугу, а также на работниц, работающих на дому или в семейных предприятиях.

Охрана материнства. Работницы имеют право на отпуск с восьмого месяца беременности и в течение месяца после родов. В обоих случаях закон обеспечивает их от увольнения, но не дает им права на получение зарплаты. На кормление младенца, по закону, полагаются два перерыва в день, по получасу каждый. Эти ежедневно предоставленные работнице перерывы в работе могут быть и увеличены, но тогда у нее делают соответствующий вычет из зарплаты. С октября 1923 г. работницы получают пособие в размере 50 пез. с момента родов и 50 пез. в месяц во время кормления. В 1927 г. комиссия экспертов, назначенная Нац. институтом обеспечения, одобрила проект обязательного страхования материнства. Этот проект предусматривает, с одной стороны, бесплатные услуги акушерки или врача, бесплатную выдачу лекарств и бесплатное пользование диспансером и домами ребенка, а с другой — шестинедельный отпуск до и после родов с сохранением зарплаты. Потребный для этого страховой фонд составляется из взносов государства, предпринимателей и рабочих.

Дети моложе 9 лет (грамотные) и 10 лет (безграмотные) не допускаются к работе на предприятиях. Для детей моложе 14 лет рабочий день продолжается 6 час. на производстве и 8 час. в торговых предприятиях; перерывы для отдыха установлены в 1 час для детей, не посещающих школу, и в два часа для школьников; работа не может продолжаться без перерыва больше 3 час. на производстве и больше 4 час. в торговых заведениях; ночные работы воспрещены. До 16-летн. возраста не разрешается выполнять работы, могущие стать опасными для здоровья, в роде переноски тяжестей больше 10 кгр. Для подростков рабочий день установлен в 8 часов. Ночные работы разрешаются для подростков от 14 до 18 лет.

Охрана труда введена рядом декретов (1900, 1919 и 1920 гг.), составленных в крайне расплывчатых выражениях. В этих декретах говорится только о необходимости принятия рациональных мер для охраны жизни и здоровья рабочих на опасных производствах, но не предусмотрено никаких гарантий для действительного проведения этих мер. Фабричная инспекция на-

ходилась до 1925 г. в руках соответствующей секции Института социальных реформ. После роспуска этого учреждения и его местных органов правительством Примо де Ривера фабричная инспекция перешла в непосредственное ведение министерства труда. В отношении фабричной инспекции Испания разделена на двенадцать районов. Работает около сотни инспекторов и их помощников. Одной этой цифры достаточно, чтобы дать представление о плохой постановке инспекционного дела: предприятия такого, напр., большого города, как Барселона, посещаются инспектором в среднем не чаще, чем раз в год.

Между тем в отчетах инспекторов ежегодно отмечается около сотни тысяч нарушений правил о труде. Нарушаются в особенности правила о 8-час. рабочем дне, о детском труде, о ночной работе женщин. Взыскания, налагаемые за эти нарушения, незначительны. Обыкновенно они сводятся к небольшим штрафам, заплатить которые предпринимателям выгоднее, чем соблюдать закон. Судебное вмешательство бывает крайне редко, при чем суды проявляют большую снисходительность к предпринимателям. В среднем в суд поступает ежегодно около тысячи дел, из которых больше половины, а в некоторые годы даже три четверти (в 1921 г.), оканчивается оправдательными приговорами.

Право *рабочих ассоциаций* было признано только в 1887 г. особым законом, предоставившим рабочим довольно широкие права. Рабочие организации были оставлены почти вне всякого правительственного контроля. Положение изменилось в корне после издания мартовского декрета 1923 г. Каждый вновь организовавшийся профсоюз должен зарегистрироваться в местных официальных учреждениях (в органах „гражданского управления" в главных провинциальных городах, в муниципалитетах—в остальных городах). Это требовалось и прежним законом; но по декрету 1923 г. профсоюзы должны еще представить список своих членов с точными сведениями об их местожительстве, профессии, времени вступления в организацию и т. д. Полицейская цель этого правила не требует пояснений. Далее профсоюзы должны представлять на просмотр свою денежную отчетность и сообщать о всяком изменении своего устава. Заметим, что ни один профсоюз не может получить официального признания до утверждения его устава гражданским губернатором. Последний имеет право в любой момент произвести ревизию профсоюза. Право забастовок регламентировано в основных чертах законом 1887 г. и мартовским декретом 1923 г. Всякая забастовка признается законной, если рабочие сообщают о ней местным властям за 8 дней до ее объявления. Законом предусмотрены наказания за „нарушение права на труд".

Третейские суды введены законом 1908 г. Их решения не имеют принудительной силы. Они состоят из трех представителей от рабочих, трех от предпринимателей и одного председателя, назначаемого правительством. Третейский суд должен иметься в каждом городе. Когда забастовка уже объявлена, вмешательство третейского суда допускается только в том случае, если примирительный трибунал, назначаемый местными органами Института соц. реформ, не сумеет добиться соглашения.

Таково было положение до военного переворота 1923 г. Примо де Ривера решил уничтожить всякую возможность забастовок. Министр труда Аунос подверг радикальному пересмотру закон о забастовках. В конце декабря 1926 г. правительство опубликовало декрет, которым вводилась „система корпоративной организации", установившая (впервые в Испании) порядок принудительного арбитража. В состав этой системы входят организации четырех типов: 1) паритетные комитеты, 2) смешанные комиссии, 3) советы корпораций и 4) комиссия, выделенная этими советами. Фундамент всей системы образуют паритетные комитеты, состоящие из 5 представителей от рабочих и 5 представителей от хозяев и из одного председателя и одного вице-председателя, назначаемых правительством. Задача этих комитетов—регламентировать условия труда, предупреждать и разрешать конфликты, организовывать биржи труда и т. д. Паритетные комитеты имеют право налагать взыскания на лиц, нарушивших принятые решения. Смешанные комиссии объединяют в местном масштабе представителей от паритетных комитетов различных отраслей промышленности. Они состоят из 3 представителей от хозяев, трех от рабочих и одного председателя и одного вице-председателя, назначаемых правительством. Советы корпораций назначаются паритетными комитетами (8 делегатов от рабочих, восемь от хозяев и председатель, назначаемый сверху). Комиссия, выделенная советами корпораций (семь представителей от рабочих, семь от хозяев, один председатель и один вице-председатель, назначаемые правительством), играет роль высшего совещательного учреждения при министерстве труда.

3. *Существующие профорганизации.* *а) Всеобщий союз рабочих* (U. G. T.) основан, как было отмечено, на рабочем съезде в Барселоне в 1888 г. Это—реформистский профсоюзный центр, примыкаю-

щий к Амстердамскому Интернационалу. Низовыми организациями ВСР являются местные профсоюзы, большей частью цехового характера (т.-е. по специальностям членов). Только с 1920 г. приступлено к их перестройке на производственной основе, но процесс этого преобразования совершается очень медленно. Вертикально профсоюзы объединяются в национальные федерации по профессиям или по производствам. По горизонтальной линии мы имеем федерации местные, провинциальные и областные. Центральное руководство принадлежит Национальному комитету, в котором представлены областные федерации и федерации профессиональные и производственные. Много лет ВСР опирался прежде всего на рабочее население Мадрида (где фабричного пролетариата не существует вовсе) и на рабочих Астурии (угольные копи) и Бискайи (уголь и железная руда, горнозаводская промышленность). В Каталонии, важнейшем промышленном районе страны, ВСР никогда не имел никакого влияния. За последние годы, особенно с 1923 г., социальный состав ВСР подвергся серьезным изменениям. Тысячи рабочих покинули эту организацию, особенно в тех районах, где прежде она была наиболее сильна (в Бискайе и Астурии). Тем не менее членский состав ВСР не испытал соответствующего уменьшения. Это объясняется тем, что параллельно с массовым уходом пролетариев, в ВСР начали тысячами вступать полупролетарские и мелкобуржуазные элементы (ремесленники, крестьяне и т. д.). Переход ВСР от более или менее приличного реформизма к открытому предательству совершился чрезвычайно быстро. Начало этого процесса относится к годам империалистической войны, когда ВСР, подобно всей социалистической партии, принял сторону одной из групп воюющих держав, именно „союзников", и даже высказался за выступление на их стороне. В 1917 г. ВСР принимает участие в организации всеобщей забастовки в августе, но его главной целью было при этом привлечение к себе мелкобуржуазных либеральных элементов. В 1920 г., когда на активных работников Национальной конфедерации труда обрушились жестокие репрессии, ВСР не предпринял ничего в их защиту и отказался присоединиться к всеобщей забастовке протеста, объявленной конфедерацией в ноябре. Переход ВСР к прямому отступничеству особенно ускоряется с конца 1923 г. В тот момент, когда Примо де Ривера производит свой переворот, ВСР отвергает предложение коммунистической партии и революционных профсоюзов образовать единый фронт и объявить всеобщую забастовку против диктатуры. Дальнейшие шаги не заставили себя ждать. Генеральный секретарь ВСР Ларго Кабаллеро становится членом государств. совета. Представители реформистского профсоюзного центра сотрудничают во всевозможных правительственных органах. И когда Примо де Ривера вводит так наз. корпоративный режим, реформисты принимают активное участие в его разработке. ВСР собирался далее, вместе с социалистической партией, участвовать в качестве „оппозиции его величества" в Совещательном собрании (этой, как упомянуто уже, пародии на парламент, созданной военным диктатором). Однако, это намерение вызвало такую бурю протестов со стороны членов ВСР, что руководители последнего оказались вынужденными забить отбой. В последнее время реформисты оказали активную помощь диктатуре, поддержав ее в вопросе об удлинении рабочего дня в шахтах и сорвав всеобщую забастовку астурийских углекопов.

Коммунистические элементы и революционные рабочие, стоящие на платформе Профинтерна, вели энергичную борьбу внутри ВСР против его политики. Но реформистские лидеры пустили в ход все средства, чтобы избавиться от неприятной оппозиции. В Бискайе и Астурии они даже не остановились перед расколом, исключая целые секции (составлявшие иногда большинство), в которых господствовала оппозиция. На съезде, состоявшемся в Мадриде в ноябре 1922 г., было исключено 29 профсоюзов, руководимых коммунистами. В результате, ряды оппозиции внутри ВСР чрезвычайно сократились. В настоящий момент в них насчитывается не больше 8—10 тысяч рабочих.

Исключенные профсоюзы остались вне всякого профсоюзного центра. Они-то, гл. обр., и ведут сейчас борьбу за единство. Для достижения этой цели они требуют слияния всех существующих профорганизаций в единый профсоюзный центр, идеологическая и тактическая установка которого должна быть определена объединительным съездом.

Приведем цифровые данные, характеризующие развитие ВСР[1]):

Годы	Число членов
1888	3.355
1895	6.276
1902	32.778
1906	84.537
1910	40.984
1914	127.804

[1]) Данные за 1925, 1926, 1927 гг. не были опубликованы, потому что за эти годы не было ни одного с'езда ВСР. Приводимые цифры явно преувеличены. В настоящий момент членский состав ВСР не превышает 170.000 человек.

Годы	Число членов
1918	89.601
1920	220.000
1922	208.000
1923	210.617
1924	210.741

Наиболее многочисленную категорию организованных составляют с.-хоз. рабочие и крестьяне (69.062 чел. в 1923 г.); далее идут (все по данным 1923 г.) рабочие-строители (33.722), горняки, транспортники (17.736), рабочие металлопромышленности, пищевики и т. д. Для горняков офиц. отчет дает цифру в 23.945 чел., для металлопромышленности — в 13.971. Обе эти цифры, несомненно, преувеличены. Число организованных горняков не превышает 7.000, горнозаводских рабочих — 5.000. Отметим, что ВСР насчитывает в своих рядах не более 2.000 текстильщиков, тогда как всего в этой отрасли занято более 100.000 рабочих.

б) Национальная конфедерация труда (C. N. F.). Как было указано, это—анархо-синдикалистский профсоюзный центр, основанный в 1911 г. на съезде, созванном в Барселоне профорганизациями каталонской области. Низовую базу НКТ составляют в крупных городах местные производственные союзы, крайне централизованные, а в небольших городах единые рабочие союзы, охватывающие наемных рабочих *всевозможных категорий*. Эти союзы не объединены вертикально, т.-е. не существует федераций или национальных объединений производственных союзов. По горизонтальной линии союзы одного и того же города объединяются в местную *федерацию*. Кроме того, существуют окружные и областные конфедерации и Национальная конфедерация. По уставу, все низовые организации пользуются самой широкой автономией. НКТ никогда не организовывала фабрично-заводских комитетов, но в годы промышленного подъема большую роль играли фабричные и цеховые делегаты. Только на крупных предприятиях, где от каждого цеха выбирался свой делегат, эти делегаты образовывали своего рода фабзавком.

Как ВСР возглавляется социалистами, так НКТ всегда находилась под преобладающим влиянием анархистов. Идеологические корни этой организации восходят, как мы упоминали выше, к „Областной рабочей федерации", которая была секцией I Интернационала. В самом деле, все позднейшие попытки анархистов организовать профсоюзный центр всегда сводились к воссозданию бывшей „федерации". До империалист. войны НКТ имела влияние только в Каталонии, но и здесь она охватывала лишь незначительное меньшинство рабочих. Так, при общем количестве наемных рабочих в Каталонии приблизительно в 500.000 чел., в НКТ входило в 1913 г. только 70.000. В годы империалист. войны она делает большой скачок вперед. Число ее членов составляет в 1915 г. 160.000 чел.; с 321.800 в 1917 г. оно поднимается до 653.000 в 1918 г. и до 1.125.000 в начале 1920 г. Но с 1921 г. начинается упадок организации, и ее членский состав падает катастрофически: в 1921 г. она насчитывает 212.000 членов, в 1922 г. уже только 97.000, а в 1924 г.—46.400. В настоящее время НКТ, как организация, фактически не существует. Беспощадно преследуемая властями, она пока обречена на жалкое прозябание. В Каталонии у нее нет почти никаких сил; небольшие кадры она имеет в Астурии, Андалузии и Валенсии. Число ее членов не превышает 15.000. Не подлежит, однако, сомнению, что НКТ возродится, как только рабочее движение вступит в новую стадию подъема. Революционн. рабочие, покинувшие НКТ, *не входят ни в какую другую* организацию: они выжидают. Коммунистическая партия и сторонники Профинтерна выбросили лозунг „восстановления НКТ", и этот лозунг уже находит отклик в рабочих массах. Сторонники Профинтерна в Испании превосходно подготовили почву. В течение нескольких лет сперва „La Batalla", а потом „Lucha Social" вели энергичную пропаганду принципов и тактики Профинтерна. Результатом этой кампании было образование оппозиционных групп внутри НКТ (революционных профсоюзных комитетов). Своими жестокими репрессиями Примо де Ривера нанес тяжелый удар этому движению. Но уже появляются признаки возрождения.

в) Католические профсоюзы. Влияние католических профсоюзов ничтожно. Католицизм почти не имеет корней в испанском пролетариате, особенно среди промышленных рабочих. Все попытки создать мощную католическую профорганизацию окончились провалом. Существуют две главных католических организации: „Народное социальное действие" и „Национальная конфедерация католических рабочих союзов". Первая, основ. в 1908 г., является скорее пропагандистским обществом, ставящим себе целью развитие кооперативов, касс взаимопомощи и т. д. Конфедерация, основанная в 1900 г., пользуется некоторым влиянием среди крестьян и с.-хоз. рабочих Валенсии; кроме того, она насчитывает в своих рядах несколько тысяч бискайских горнозаводских рабочих и астурийских горняков (точнее, горняков, занятых в рудниках маркиза Комильяса) и около 4.000 железнодор. Согласно данным, опублико-

ванным самой конфедерацией, число ее членов составляло в конце 1926 г. 60.000 чел., организованных в 220 союзов и в две национальные федерации (железнодор. и горняков). Но эти цифры сильно преувеличены; число членов католических союзов не превышает 35.000.

г) Свободные профсоюзы. Мы уже упоминали, что это чисто полицейская организация, основ. в 1920 г. в Барселоне губернатором генер. *Мартинесом Анидо* (нынешним вице-предс. кабинета Примо де Ривера) и гл. начальн. полиции Арлеги. Состоят эти „свободные" профсоюзы из общественных отбросов (бывших каторжников, сутенеров, апашей), которые под охраной полиции терроризировали рабочих, заставляя их выходить из профсоюзов, и систематически убивали революционных работников. Единственной организацией, которая более или менее заслуживает названия профсоюзной, был вначале „свободный" союз кельнеров барселонских кафе. Впоследствии удалось насильственными способами навербовать в „свободные" профсоюзы ничтожное меньшинство рабочих других категорий, по преимуществу неквалифицированных. В настоящее время „свободные" профсоюзы объединены в Национальную конфедерацию, имеющую местопребывание в Барселоне, где она издает свой еженедельник. У нее есть несколько организаций—впрочем не пользующихся никаким влиянием,—в Барселоне, в Валенсии и в Баскской области. Ее основные принципы — сотрудничество классов и открытая борьба с революционными профсоюзами. Нечего и говорить, что „свободные" профсоюзы открыто поддерживают военную диктатуру. Число членов „свободных" профсоюзов по всей стране не превышает 15.000.

A. Нин (*A. Nin* [1]).

V. Рабочий класс в Португалии (*ср.* XLVII, 670/76). Острый экономический кризис, принявший в Португалии постоянный характер, непосредственно отразился на условиях существования Р. к. Инфляция, с одной стороны, и дороговизна жизни, с другой, привели к сильному уменьшению реальной величины заработной платы. Безработица — постоянное явление (официальн. стат. данных не имеется). Продолжительность рабочего дня установлена законом от 7 мая 1919 г. в 8 часов, но законом же допускается множество исключений. Сверхурочная работа оплачивается в двойном размере. Детский труд в возрасте моложе 12 лет воспрещен. Женщины освобождаются от работы в течение четырех недель после родов. Вопрос о коллективных договорах не урегулирован в законодательном порядке. Законом 10 июня 1919 г. введено обязательное страхование на случай болезни, инвалидности, старости и несчастных случаев.

Профессиональное движение в Португалии *очень молодо. В 1900 г. возникли* первые рабочие организации, поставившие себе целью борьбу с предпринимателями. *Это были* чисто цеховые союзы, охватывавшие лишь незначительный процент рабочих и совершенно не связанные друг с другом ни в местном, ни в национальном масштабе. Руководили этими организациями социал-демократы, деятельность которых отличалась крайним оппортунизмом и разорительным ведением денежных дел. *Этим отчасти* объясняется быстрота, с какой стали распространяться среди португальских рабочих революционные синдикалистские идеи, вывезенные из Франции. В 1909 г. состоялся национальный съезд профсоюзов и кооперативов, на котором впервые шумно выступили сторонники революционного синдикализма. Впрочем, никаких практических результатов съезд не дал. Буржуазная республика, провозглашенная после революции 1910 г., в которой приняли активное участие рабочие массы, рассеяла последние остатки оппортунистических иллюзий. С тех пор профессиональное движение развивается быстрым темпом. Республиканское правительство прибегло к необычайно жестоким *репрессиям. Несмотря на отсутствие* какой либо централизованной организации, Р. к. ответил на эти репрессии 31 января 1912 г. всеобщей забастовкой протеста, изумительной по своему единодушию. Было объявлено осадное положение. Войска взяли приступом лиссабонскую биржу труда; уличное сражение унесло сотни жертв, множество рабочих было арестовано. Движение было раздавлено. Вплоть до 1914 г. рабочее движение остается в стадии почти полной пассивности. Забастовки, крайне малочисленные, охватывают лишь ничтожную часть рабочих. Во *время империалистической войны* и особенно после Октябрьской революции в России положение меняется радикальным образом. Революционный энтузиазм овладел массами. Крупные забастовки, из которых отметим забастовки железнодорожников и работников почты и телеграфа, потрясают страну. Анархо-синдикалисты, руководящие профсоюзными организациями, не сумели использовать момента; их грубые тактические ошибки, из которых важнейшей следует признать применение индивидуального террора, приводят к быстрому упадку движения, которое уже вырастало

[1]) *Перевод с рукописи.*

в грозную опасность для буржуазии. Вследствие этих обстоятельств Р. к. мог оказать лишь самый незначительный отпор наступлению капиталистов, начавшемуся с 1921 г. С этого момента почти все возникавшие забастовки заканчивались поражением. Важнейшими из них были: забастовки трамвайных рабочих в Лиссабоне и Опорто в защиту 8-часового рабочего дня и шахтеров против снижения зарплаты в Ашустреле (1922 г.), металлистов в Лиссабоне и Браге, кожевников в Белеме, рабочих консервного производства в Олао, текстильщиков в Лиссабоне, портовых рабочих в Сетубале, шахтеров в Сан-Педро де Коба (1923 г.), печатников и почтовиков в Лиссабоне (1924 г.). Начиная с 1925 г. никаких сколько-нибудь крупных забастовок не было.

Когда в 1925 г. произошел военный переворот, профсоюзы, окончательно ослабленные, не могли оказать ни малейшего сопротивления режиму диктатуры. С тех пор Р. к. сделался жертвой жесточайших репрессий. Тем не менее до самого начала 1927 г. профсоюзы продолжали существовать легально, и ежедневный орган ВКТ „A Batalha", выходил регулярно, но после подавления февральского восстания 1927 г., в котором рабочие массы приняли довольно активное участие, репрессии приняли чудовищный характер. Помещения многих профсоюзов были разгромлены, сотни активных работников были арестованы и высланы в африканские колонии, свобода печати и собраний была отменена, ВКТ должна была уйти в подполье. Подобное положение продолжается до сих пор.

Как мы уже сказали, в течение приблизительно 20 лет организация португальских профсоюзов не выходила из чисто местных рамок. В 1914 г. на съезде в Томаре была сделана первая попытка объединить в национальном масштабе все существующие организации. Съездом было принято решение о создании профсоюзного центра, но это решение осталось на бумаге. Только в 1919 г., в момент наивысшего подъема рабочего движения, на съезде в Коимбре была основана Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), но ее успехи продолжались недолго. В 1921 г. в результате наступления капитала, с одной стороны, и тактических ошибок анархо-синдикалистов с другой, — членский состав португальских профсоюзов начинает быстро падать. Этот процесс, продолжавшийся без перерывов, еще усилился вследствие репрессий, которые последовали за военным переворотом, и благодаря происшедшему расколу профдвижения. Следующие цифры, представляющие число организованных рабочих в Португалии, дают ясное представление о быстром упадке ВКТ:

1910	65.000
1914	95.000
1919	135.000
1922	80.000
1924/26	40.000

Характерной чертой португальских профорганизаций всегда был крайний автономизм. Лишь в результате многолетних усилий удалось создать национальный профсоюзный центр. Связь между местными союзами, впрочем довольно слабая, осуществляется через биржи труда, но никаких федераций или национальных объединений по профессиям или производствам не существует. Величина членских взносов крайне ничтожна. За исключением союзов, объединяющих рабочих армейского и флотского арсеналов, португальские союзы не имеют никаких забастовочных фондов, касс взаимопомощи и т. д.

Португальское профдвижение много лет находилось под преобладающим влиянием анархо-синдикалистов. Русская революция, давшая сильный толчок португальскому рабочему движению, поколебала это влияние. Рабочая масса восторженно приветствовала революцию, а многие активные работники, и притом наиболее серьезные и авторитетные, подвергли коренному пересмотру свои старые взгляды. Идея захвата политической власти и диктатуры пролетариата начала прокладывать себе путь. Началась эволюция от синдикализма к коммунизму. Основание в 1921 г. Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна) ускорило эту эволюцию. В тот период непримиримые анархисты, увлекшиеся в первую минуту успехами русской революции, но в сущности не изменившие своих старых взглядов, вели против Профинтерна ожесточенную кампанию. Им удалось добиться на съезде в Ковиле (1922) принятия португальской Конфедерацией труда резолюции против Профинтерна, а позднее — ее присоединения к так наз. берлинскому Интернационалу (анархо-синдикалистскому). Однако, еще в 1923 г. появился манифест, озаглавленный „Берлин или Москва?" и призывавший к вхождению в Профинтерн; авторы манифеста — 21 видных работника, занимавших ответственные места в крупнейших профорганизациях. Вскоре после этого был организован „комитет сторонников Профинтерна". Этот комитет, существующий до сих пор, вел и ведет ожесточенную борьбу с идеологией и тактикой анархо-синдикалистов, требуя выхода ВКТ из берлинского Интернационала. Печатный орган комитета, „A Internacional", был запрещен в 1927 г. правительством воен-

ной диктатуры. Борьба комитета с анархо-синдикалистами чрезвычайно обострилась. Последние, видя явные успехи сторонников Профинтерна, не остановились перед расколом. Наиболее крупные союзы, и прежде всего союзы рабочих армейского и флотского арсеналов, решили выйти из ВКТ. Рабочая организация была сломлена. На одной стороне оказались союзы, стоящие за Профинтерн, со своими 24.000 членов, на другой—обломок ВКТ с 16.000 членов. Впрочем, сторонники Профинтерна не прекращали борьбы за единство и не раз предлагали ВКТ созвать чрезвычайный конгресс для его восстановления. Но они натолкнулись на упорное сопротивление со стороны анархо-синдикалистских руководителей ВКТ, повидимому „утвердившихся в расколе". Распыление рабочих организаций, как результат самоубийственной политики вождей профдвижения, облегчило победу военной диктатуре и способствовало ее укреплению.

А. Нин (*A. Nin* [1]).

VI. Рабочий класс в Италии

(*ср.* XXII, 442/76, и прил. *статист.-эконом. о зор Италии*). *1. Социальный состав населения.* По посл. переписи (1/XII 1921 г.). социальный состав населения Италии [1]) был след.

Помещики, средние и мелкие крестьяне, арендаторы	8.707.296
Половники (большей частью крестьяне-полупролетарии)	1.592.295
Батраки и равного рода наемные сельскохозяйственные рабочие	8.263.963
Крупные предприниматели и коммерсанты, директора предприятий и т. п.	373.386
Мелкие торговцы	1.964.374
Ремесленники	2.499.190
Промышленные рабочие	6.192.937
Домашние служащие, рассыльные, носильщики и т. п.	3.334.052
Лица свободных профессий, служители культа	789.411
Офицеры, государственные коммунальные и банковские служащие и т. п.	897.647
Торговые служащие, приказчики	767.306
Пенсионеры	545.788
Рантье	609.855
Прочие: лица неопределенных занятий, с неуказанной профессией и т. д.	624.481
Всего	38.696.098

Эти цифры указывают на решительное преобладание пролетарских и полупролетарских элементов как среди городского, так и деревенского населения. В настоящее время население Италии достигает около 40.800.000 чел. (на 1/I 1928 г.). Данные о современном социальном составе населения отсутствуют. Но надо полагать, что коренных изменений в соотношении различных социальных групп не произошло.

По данным торгово-промышл. переписи 15/X 1927 г., в промышленности и на транспорте занято 4.002.931 человек, распределяющиеся след. обр.:

	Всего	Из них женщ.
Владельцы предприятий, заведующие, директора	838.810	100.615
Высший руководящий персонал	40.537	1.346
Административно-технический персонал	184.960	28.794
Персонал, занятый продажей	32.923	12.912
Рабочие в собственном смысле слова	2.906.201	866.016

Из общего числа рабочих больше $^1/_3$ занято на предприятиях с количеством занятых лиц свыше 100. Наибольшее количество занятых (включая владельцев и административно-технический персонал) занято:

В текстильной промышленности	636.687
В металлической (тяжелой и легкой)	590.151
На транспорте и службе связи (включая работников государственных железных дорог, почты, телеграфа и телефона)	514.729
В швейной промышленности	490.798
В пищевой промышленности	389.520
В строительной промышленности	328.734
В деревообделочной промышленности	284.931

В коммерческих предприятиях, по данным той же переписи, занято 1.640.290 человек, распределяющихся след. обр.:

Кредитные и страховые учреждения	92.115
Оптовая торговля	173.448
Розничная торговля	926.454
Гостиницы, рестораны и т. п.	17.318
Издательства	122.299

при чем собственников и руководителей предприятий насчитывается свыше миллиона.

На государственной службе состоит (на 1/I 1928 г.):

Преподавателей высших, средних и специальных учебных заведений, содержимых правительством	14.459 [1])
Почтово-телеграфных и телефонных служащих	32.038
Железнодорожных служащих	168.524
Служащих административных учреждений и судебных органов	70.706
Рабочих военных и других ведомств	62.183
Постоянные кадры фашистской добровольческой милиции	85.657
Кадровый состав армии	73.085
Всего	506.652

Число рабочих на дому исчисляется приблизительно в 300—350 тысяч человек, находящихся в типичных условиях системы выжимания пота. Это—преимущественно женщины и дети, занятые в производстве деревянных, соломенных и плетеных

[1]) *Перевод с рукописи.*

[2]) Классифицированного по социальному положению главы семьи.

[1]) Учительский персонал низших школ, содержимых коммунальными органами, составляет: 20.121 учителей и 71.498 учительниц.

изделий, в домашней ткацкой и швейной промышленности.

2. Экономическое положение Р. к. Италия — страна, бедная сырьем и топливом, что значительно затрудняет развитие ее промышленности. Сельское хозяйство тоже недостаточно развито и не в состоянии прокормить население, которое вынуждено в большом количестве покидать деревни, направляясь частью в городские районы Италии, частью за границу. Этот избыток рабочих рук до известной степени компенсирует предпринимателям недостаток сырья и топлива, позволяя им довести эксплоатацию труда до максимальных пределов. До войны, как и в настоящее время, итальянские рабочие оплачивались ниже, чем рабочие почти всех прочих стран Европы. В довоенное время (в первую половину 1914 г.) средний дневной заработок рабочих в таком крупном промышленном центре, как Милан, где рабочие были более организованы и имели коллективные договоры, составлял:

У типографов:

Машинист	8,00	лир [1])
Печатник	5,85	„
Переплетчик	4,50	„

У строителей:

Мастер-каменщик	4,80	„
Подручный	3,20	„
Землекоп	3,40	„

У металлистов:

Механик-инструментальщик	4,86	„
Котельщик	5,12	„
Литейщик	4,50	„
Токарь	4,56	„
Подручный	3,29	„

Текстильщицы:

На хлопчатобумажных фабриках	3,80	„
Трикотажницы и позументщицы	2,00	„

В других местностях заработная плата была в значительной степени ниже. По данным кассы страхования от несчастных случаев, общая средняя зарплата по Италии составляла в 1913 г. 3,54 лиры.

Значительно ниже средней была зарплата сельскохозяйственных рабочих. Средний годовой заработок сезонного сельскохозяйственного рабочего Северной Италии составлял в 1911—1913 гг.—688,92 лиры, а в 1914 г.—694,42 лиры. Еще ниже был заработок сельскохозяйственных рабочих в Южной Италии.

Исходя из прожиточного минимума, „ниже которого наступает физическое разрушение организма", еженедельный расход на питание типичной миланской рабочей семьи в составе двух взрослых и трех детей был исчислен миланским самоуправлением на июль 1913 г. в размере 27,76 лиры, а на первую половину 1914 г.—в 25,58 лиры. А весь недельный прожиточный минимум рабочей семьи определен на первую половину 1914 г. след. обр.:

	Лиры	В % %
Питание	25,58	62,09
Одежда	4,94	12,00
Жилище	4,70	11,40
Отопление и освещение	1,86	4,51
Прочее	4,12	10,00
Итого	41,20	100

Война, как повсюду, принесла с собой значительное ухудшение реальной зарплаты. Но в первые годы после войны итальянское рабочее движение пережило период революционного подъема, благодаря которому Р. к. удалось поднять реальную зарплату до довоенного уровня и даже слегка превзойти его. Но с упадком революционного движения, и в особенности с установлением фашистского режима (октябрь 1922 г.), реальная зарплата итальянского рабочего снова понижается.

По данным национальной кассы страхования от несчастных случаев, движение средней номинальной зарплаты в Италии представляется в след. виде:

1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
3,54	3,54	4,03	4,90	6,04	8,84	14,27
1921 г.	**1922 г.**	**1923 г.**	**1924 г.**	**1925 г.**	**1926 г.**	**1927 г.**
18,74	18,13	16,92	17,02	19,03	20,39	20,20

Но падение лиры и рост стоимости жизни обгоняют рост зарплаты, как это видно из след. табл.:

Годы	Индекс номинальной зарплаты	Индекс стоимости жизни	Индекс реальной зарплаты
1913—1914	*100*	100	100
1921	530	541	98
1922	510	500	102
1923	478	494	97
1924	480	526	91
1925	529	611	87
1926	571	653	87

После 1926 г. положение Р. к. еще более ухудшилось. В связи со стабилизацией лиры фашистское правительство и фашистская партия объявили в 1927 г. кампанию по снижению цен и зарплаты. Размер снижения зарплаты был установлен теоретически в размере 10—20%, но на

[1]) В довоенное время лира стоила около 0,18 доллара. В настоящее время (с конца 1927 г.) лира стабилизирована на уровне курса 19 лир за 1 доллар.

деле зарплата во многих местностях была снижена гораздо значительнее 20%, между тем как средний индекс стоимости жизни, даже по далеко не объективным официальным данным, снизился в 1927—1928 г. не больше чем на 8%.

По официальному обследованию инспекции труда, произведенному в наиболее крупных предприятиях самых важных отраслей промышленности, средняя фактическая *почасовая* зарплата (расчет сделан, включая и оплату сверхурочных) составляла в марте 1928 г.:

На шелкопрядильных фабриках	0,99 лиры
„ шелкоткацких фабриках	1,77 „
В производстве искусственного шелка	1,85 „
„ текстильной хлопчатобумажной промышленности	1,61 „
„ железоделательной индустрии	3,06 „
„ литейном производстве	2,72 „
„ железнодорожных мастерских	2,59 „
„ производстве электрических материалов	2,68 „
На механических фабриках	2,45 „
„ судостроительных заводах	2,64 „
„ бумажных фабриках	1,92 „
„ льняных и пеньковых фабриках	1,41 „
„ джутовых фабриках	1,43 „
„ чулочных фабриках	1,36 „
„ шляпных фабриках	2,66 „
В автомобильном заводе	3,48 „
На резиновых фабриках	2,76 „
„ цементных заводах	2,27 „
„ макаронных фабриках	1,72 „

Средняя почасовая зарплата исчислена в 2,01 лиры.

Что касается среднего *месячного* заработка, то он составлял в марте 1928 г. всего около 374 лир (так как вследствие экономического кризиса, переживаемого Италией в течение последних 2 лет, многие предприятия перешли на сокращенную рабочую неделю). Между тем недельный прожиточный минимум средней рабочей семьи из 5 душ (2 взрослых и 3 детей) равняется в Милане (в марте 1928 г.) — 243,36 л., в Турине (в мае 1928 г.)—272,70 л., во Флоренции (в середине 1927 г.)—207 л.

Зарплата торгового и рядового государственного служащего в среднем составляет от 400 до 500 лир в месяц.

Еще ниже, чем городские рабочие, оплачиваются, как и в довоенное время, сельскохозяйственные рабочие. По колдоговору фашистских союзов, зарплата работниц на рисовых полях установлена в зависимости от местности: от 15,70 до 17,45 лир в день; батраки поденщики в Парме получают зимою: 1,65—1,75 л. в час, а летом—1,85—2,05 лиры. Зарплата работников леса составляет 15—16 лир. А в Южной Италии, по словам бывш. председ. фашистских союзов Россони, рабочие хотят добиться самого большого—10—12 лир в день!

По данным же антифашистских партий и классовых профсоюзов, зарплата рабочих как городских, так и сельскохозяйственных гораздо ниже приведенных цифр.

Женский и детский труд. Чтобы свести кое-как свой бюджет, рабочий вынужден посылать на работу жену и детей. По данным анкеты 15/X 1927 г., женщины составляют около 30% общего количества рабочих, занятых в промышленности; дети до 15 лет — 6,7%, а от 15 до 18 лет — 15½%. В целом ряде отраслей промышленности женский труд является преобладающим. Так, женщины составляют: в швейной промышленности около 90%, в текстильной — 85%, в табачной — 84%, в спичечной — 80% и т. д. Однако, женщина и подросток, производящие ту же работу, что и взрослые мужчины, оплачиваются меньше последнего на 20—40 и больше процентов.

Вычеты из зарплаты. Скудная зарплата итальянского рабочего еще урезывается вследствие различных обязательных и „добровольных“ сборов и отчислений с зарплаты. Помимо общих налогов, рабочий платит еженедельно около 5 лир на социальное страхование, обязательный налог в пользу фашистских союзов в размере однодневного заработка в течение года, „добровольный“ взнос в фашистский союз (если он член союза), членские взносы в культурно-просветительные организации, обязательные взносы в кассы взаимопомощи и т. п. Кроме того, фашистская партия и фашистские профсоюзы проводят часто кампании по сбору пожертвований на различные общегосударственные и местные нужды, а также на сооружение зданий и монументов, на преподнесение подарков администрации предприятия, фашистским профработникам и секретарям фашистских парторганизаций и т. д. Существует еще особый налог на холостяков, размер которого для рабочего достигает до 135 лир в год.

Наконец, из зарплаты следует вычесть штрафы, которые широко и систематически применяются на предприятиях по усмотрению администрации (генеральный колдоговор металлистов допускает штрафы в размере шестичасового заработка и недопущение к работе провинившегося в течение 3 дней).

По данным Международного бюро труда, сравнительный индекс реальной зарплаты составлял в июле 1928 г.: в Лондоне — 100, Берлине — 66, Лодзи — 51, Праге — 48, *Милане* — 45, *Риме* — 39.

Питание и жилищные условия. Низкая зарплата обрекает большинство итальянских рабочих на полуголодное существование. Особенно плохо питаются женщины. Пища рабочей семьи состоит, главным образом, из хлеба, макарон, риса, кукурузы

и огородной зелени. Мяса потребляется очень мало. Итальянец потребляет в среднем 18,2 килограмма мяса в год, в то время как среднее потребление мяса на одного жителя составляет: во Франции — 45 кило, в Германии —47 и в Англии — 60 кило. Точно так же мало потребляется молочных продуктов и фруктов вследствие их дороговизны.

Жилищные условия рабочих масс, в особенности в послевоенное время, очень тяжелы. По расчетам итальянского экономиста Флора, во всей Италии ощущается дефицит в 500.000 комнат. Строительство рабочих жилищ, несмотря на льготы, предоставляемые правительством жилстроительству, подвигается недостаточно быстро, так как постройка богатых квартир выгоднее, чем постройка скромных рабочих жилищ. Постройкой последних занимается, главным образом, общественная строительная организация под названием „Институт народных домов", возникшая в 1903 г. Институту на 31/XII 1926 г. принадлежало во всей стране около 51.000 квартир с 171.970 комнатами. Однако, фактически и эти жилища недоступны для рабочих, так как квартирная плата в них сравнительно очень высока (в Милане — 800 лир в год за 1 комнату). Со своей стороны правительственные органы и частные предприниматели занимаются строительством для своих служащих и рабочих, но далеко не в достаточном количестве для удовлетворения квартирного голода. С 1925 г. существует особая государственная организация, занимающаяся строительством (а так же субсидированием строительства) домов для государственных служащих. Ею выстроено и находится в постройке (на конец августа 1928 г.) около 2.500 квартир с 15.000 комнатами. Предпринимателями, по их данным, снабжено жилищами по конец 1927 г. 18.563 семьи рабочих и служащих.

В области регулирования условий сдачи в аренду квартир фашистское правительство еще с 1923 г. стремится перейти к свободному квартирному режиму, но этот переход оно старается осуществить постепенно; поэтому, признав за домовладельцами право выселять жильцов, оно в то же время предоставляет право префектам оторочивать по своему усмотрению выселения с таким расчетом, чтобы число выселяемых не оказалось слишком внушительным. В отношении размеров квартирной платы тоже была сделана попытка отменить всякие официал. правовые нормы, но в конце концов (в связи с кампанией снижения цен и зарплаты) пришлось снова вернуться к установлению лимитных размеров квартплаты. Они сводятся к тому, что квартплата не должна превышать больше чем в четыре раза квартплату 1914 г. Однако, 30-го июня 1930 г. должен окончательно вступить в силу свободный квартирный режим, и все существующие нормы в области аренды жилищ упраздняются. Несмотря на существующие покамест лимиты, квартплата рабочих и служащих в 1927 г. все же превышала довоенную, по данным официального обследования, в 6-7 раз. По неофициальным данным (фашистской прессы) она во многих случаях превышает квартплату 1915 г. в 10—15 раз.

Тяжелые условия работы, питания и жилья вредно отражаются на здоровьи рабочих, содействуя распространению туберкулеза, малярии и других заболеваний. Число умерших от туберкулеза поднялось с 52.293 чел. в 1922 г. до 59.829 в 1925 г., число умерших от пьянства увеличилось за тот же период времени с 644 до 1.315 человек. Возросло также количество сумасшествий и самоубийств. На ряду с этим наблюдается уменьшение браков и рождений, сильно беспокоящее фашистское правительство. По официальным данным, на 1.000 жителей приходилось:

Годы	Число браков	Число рождений	Число смертей	Разница между рождаемостью и смертностью
1908	8,37	33,7	22,8	10,9
1913	7,46	31,7	18,7	13,0
1922	9,39	30.2	17,7	12,5
1926	7,36	27,2	16,8	10,4

Эмиграция. Малоземелье и безземелье подавляющей массы итальянского крестьянства, отсталые формы обработки земли и обременительные налоги, тяготеющие над сельским населением, затрудняют развитие итальянского сельского хозяйства и создают в деревнях избыток рабочей силы, не находящей себе применение на месте. С другой стороны, итальянская промышленность, страдающая от отсутствия собственного сырья и топлива и лишенная емкого внутреннего рынка, не может поглотить избыток рабочей силы деревни. К тому же чистый прирост населения в Италии весьма значителен. Он достигает ежегодно свыше 400.000 душ. Естественно, что избыток населения искал и ищет выхода в эмиграции. В довоенное время количество эмигрантов достигало в среднем 670.000 ежегодно. Но после войны число эмигрантов значительно сократилось как вследствие ухудшения экономического положения в ряде стран итальянской иммиграции, так и вследствие законодательного ограничения иммиграции, введенного некоторыми правительствами, особенно в Америке.

Данные об эмиграции за последние годы (значительно преуменьшенные, так как не учтена тайная эмиграция):

Годы	Общее количество эмигрантов	Эмиграция в страны Европы и побережья Средиземного моря	Заокеанск. эмиграция
1924	364 614	239.332	125.282
1925	280.081	178.208	101.873
1926	263.810	141.314	122.496
1927	228.052	91.958	136.094

На ряду с эмиграцией за границу происходит значительная миграция населения внутри страны: из отсталых и бедных провинций в более промышленные.

В противоположность прежним правительствам, поощрявшим эмиграцию, фашистское правительство ее рассматривает как большое зло, с которым следует энергично бороться. Эмиграционная политика его сводится в настоящее время к фактическому запрету эмиграции, носящей окончательный характер, и к максимальному ограничению какой бы то ни было эмиграции лиц физического труда, в частности крестьян и чернорабочих, легче, чем интеллигенция, поддающихся влиянию революционного рабочего движения в странах иммиграции и более склонных натурализоваться там.

Правительство точно так же старается приостановить внутреннюю миграцию из деревень в города, принимая даже меры к принудительной разгрузке городов от пришлого элемента.

Безработица. С уменьшением возможностей для эмиграции и ухудшением экономического положения Италии, в стране начался довольно стремительный рост безработицы, как это видно из след. данных:

К концу января 1926 г.— 156.139 совершенно безработных и 9.287 частично безработных.
К концу января 1927 г.— 225.346 совершенно безработных и 65.716 частично безработных.
В конце января 1928 г.— 439.211 совершенно безработных и 76.327 частично безработных.

Правительственные меры борьбы с безработицей сводятся к разгрузке городов, к организации и поощрению общественно-полезных работ (работы по осушке болот, ирригации безводных районов и т. п.). По фашистским данным, всего на общественных работах, производившихся за счет государства, коммунальных органов и частных предприятий, было занято около 100.000 рабочих (на сентябрь 1928 г.).

Для регулирования рынка труда недавно издан закон об организации т. наз. „бюро труда“ (бирж). Предпринимателям вменяется в обязанность принимать на работу только лиц из числа зарегистрированных в бюро труда, но по их собственному выбору, причем в первую очередь должны приниматься на работу члены фашистской партии и фашистских профсоюзов. Бюро найма возглавляются комитетом, состоящим из равного количества представителей от фашистских предпринимательских и рабочих организаций под председательством секретаря местной фашистской парторганизации. Заведывание посылкой на работу возложено на представителя профсоюзов.

Регулирование зарплаты. По хартии труда [1]), „установление величины зарплаты изъемлется из действий каких бы то ни было общих норм и целиком предоставляется соглашению сторон в порядке коллективного договора“. Эта формулировка, маскирующая отказ от установления обязательного м и н и м у м а зарплаты, отнюдь не означает отказа правительства от регулирования зарплаты вообще. В качестве общей нормы хартия труда предписывает, чтобы зарплата соответствовала „нормальным жизненным требованиям, производственным возможностям и производительности труда“. Под прикрытием этой эластической формулы фашистское правительство, пользуясь аппаратом министерства, корпораций, фашистской партии и профсоюзов, проводит в широком масштабе регулирование зарплаты. Так, в 1927 г., как было уже отмечено, в связи со стабилизацией лиры была проведена общая кампания по снижению зарплаты на 10—20% (по официальным данным). Регулирование зарплаты проводится по партийной линии — путем директив генерального секретаря фашистской партии, по профсоюзной линии — через соответствующие центральные предпринимательские и рабочие профорганизации, и по правительственной линии — через министерство корпораций, являющееся посредником между предпринимательскими и рабочими организациями и совместно с секретарем фашистской партии разрешающее все наиболее крупные конфликты на почве заключения колдоговоров и установления зарплаты. Регулирование зарплаты (и условий труда) на местах находится в руках так назыв. „провинциальных межсоюзных комитетов“, состоящих из представителей фашистских предпринимательских и рабочих организаций, секретаря местной фашистской парторганизации и заместителя префекта.

О п л а т а с д е л ь щ и н ы и н о ч н о й р а б о т ы. В отношении сдельной оплаты труда Хартия труда ограничивается

[1]) Хартия труда — опубликованная фашистской партией в апреле 1927 г. декларация, содержащая основные положения фашистской социальной и рабочей политики, см. ниже отд. 5.

требованием, чтобы „сдельные расценки устанавливались таким образом, чтобы прилежный рабочий при нормальной работоспособности мог получать известное минимальное вознаграждение сверх основной ставки". О ночной работе сказано, что она (за исключением работы в регулярных ночных сменах) должна оплачиваться на определенный процент выше дневного труда.

Рабочее время. Законом 15 марта 1923 г. в Италии был формально установлен 8-часовой рабочий день. Однако, закон и регламент к нему содержал ряд изъятий и оговорок, значительно ограничивавших действие закона. Так, закон разрешал, по соглашению сторон (при чем соглашением считалось, если рабочие не заявляли протеста против этого), регулярные сверхурочные работы в размере не больше 2 часов в день или 12 часов в неделю. С разрешения же инспекции труда рабочий день мог быть удлинен еще больше, чем на 2 часа (на период времени не дольше 9 недель). Дополнительная плата за сверхурочную работу установлена была в размере 10%—как минимум. Министерству народного хозяйства предоставлено было право в случае необходимости на время отменить 8-часовой рабочий день для отдельных отраслей промышленности. Наконец, декретом 30 июня 1926 г., впредь до особого распоряжения, разрешено было предпринимателям во всех областях промышленности, земледелия и торговли увеличить рабочий день до 9 часов, не взирая на закон 1923 г. и на существующие колдоговоры.

Следует еще добавить, что действие закона о 8 часовом рабочем дне не распространялось на некоторые категории сельскохозяйственных рабочих, на домашнюю прислугу и служащих общежитий, на сторожей, швейцаров, поваров в гостиницах и ресторанах, на весовщиков, грузчиков, железнодорожный персонал, административный и высший технический персонал промышленных предприятий, на приказчиков и парикмахеров (в небольших городах) и т. д.

Фашистские союзы в своей колдоговорной практике придерживаются существующих норм о рабочем дне. Что же касается дополнительной оплаты за сверхурочные работы, то она по колдоговорам устанавливается обычно в размере от 10 до 25% за первые 2 часа и в несколько повышенном размере за последующие и за праздничные часы.

По неполным официальным данным (составленным на основании показаний владельцев наиболее крупных предприятий), в сентябре 1926 г. в среднем работали свыше 48 часов в неделю в числе многих других:

Отрасль промышленности	% предприятий.	% рабочих.
В рудниках и копях	39,0	21,0
„ каменоломнях	27,2	32,3
„ деревообделочной	31,0	38,3
„ железоделательной и металлургии	26,8	24,2
„ литейном производстве	32,6	38,9
„ судостроительном „	41,8	46,4
„ строительной промышленности	37,3	43,1
на транспорте	43,0	44,1

В среднем свыше 48 часов в неделю работало 27,6% рабочих на 26,3% предприятий. По всем данным (в особенности, если учесть работу в мелких предприятиях и мастерских), рабочий день в Италии фактически значительно превышает 8 часов, достигая во многих случаях 10 часов и больше. В сельском хозяйстве нередок и 11-часовой рабочий день. Рабочий день приказчика—приблизительно 10-часовой, а некоторые государственные и все банковские служащие, работавшие до установления фашистской власти 7 часов в день, в настоящее время переведены в большинстве на 8-часовой рабочий день.

Другие нормы, регулирующие условия труда. Хартия труда предусматривает ежегодный отпуск с сохранением зарплаты для рабочих, проработавших без перерыва не менее года на предприятии. Однако, количество дней отпуска не устанавливается. Колдоговорная практика устанавливает отпуск обычно от 3 до 6 дней в год. Для торгово-промышленных служащих существующий в Италии особый „закон о частном найме" предусматривает отпуск на время от 10 дней (для прослуживших до 5 лет) до 30 дней (для прослуживших свыше 25 лет). Для рабочих, уволенных по независящим от них обстоятельствам, Хартия труда устанавливает право на выходное пособие в соответствии с количеством проработанных на данном предприятии лет [1]).

Работа женщин и детей. Закон запрещает допущение на работу детей моложе 12 лет. К подземным работам вовсе не допускаются женщины, а также мальчики моложе 13 лет. Если на подземных работах отсутствует механическая тяга, то на работу допускаются дети только 14 лет и старше. Подростки моложе 15 лет и женщины моложе 21 года вовсе не допускаются на вредные производства. Не допуска-

1) Следует, однако, иметь в виду, что Хартия труда является декларацией фашистской партии, а не законодательным актом. Так что нормы, предусмотренные ею, только тогда получают обязательную силу, когда они включены в колдоговор по соглашению заинтересованных предпринимательских и рабочих профорганизаций.

ются на работу дети, не прошедшие школы низшей ступени. В случае беременности женщины не должны допускаться на работу за 3—4 недели до родов (декрет 13/V 1929 г.) и 3—4 недели после родов. Для кормящих грудью предусматривается перерыв на полчаса — в случае, если на предприятии есть специальная комната для кормления грудью детей, или на час—если таковой нет. Женщинам и подросткам моложе 16 лет (а в некоторых случаях 18 лет) запрещена ночная работа. Рабочий день подростков в общем установлен такой же, как и для взрослых, закон лишь предписывает для женщин и подростков обязательный перерыв в размере минимум получаса после 6 часов работы. Законодательство о труде женщин и детей не распространяется на сельское хозяйство, на торговые предприятия, на предприятия, где физический труд не является преобладающим, и на предприятия, где работают только члены одной и той же семьи.

3. Социальное страхование. Страхование от несчастных случаев. В Италии страхование от несчастных случаев распространяется на все предприятия горной промышленности, постройки, электрическое производство, на предприятия, пользующиеся взрывчатыми веществами, на рыбный промысел, судоходство и т. д. В других отраслях промышленности обязательное страхование рабочих от несчастных случаев обусловлено наличием более пяти рабочих или механического двигателя и т. п. В сельском хозяйстве подлежат страхованию батраки и мелкие крестьяне в возрасте от 12 до 65 лет, занятые по найму земледельческим трудом и лесными работами. Страхование производится исключительно за счет нанимателя. В случае несчастья на работе—застрахованные получают: при полной потере трудоспособности на всю жизнь—шестикратный годовой оклад жалованья (во всяком случае не меньше 6.000 лир); при частичной же потере трудоспособности—сумму в шесть раз больше той, на какую должен уменьшиться их годовой заработок в результате несчастного случая (но во всяком случае, не менее 1.000 лир). В случае смерти застрахованного—члены семьи получают пятикратный годовой заработок застрахованного (но не меньше 5.000 лир). В случае временной потери трудоспособности—застрахованному выплачивается половина заработка за весь период болезни. На мелких крестьян—землевладельцев, половников и членов их семьи, работающих по найму на земледельческих работах, страхование от временной утери трудоспособности не распространяется. Делом страхования от несчастных случаев занимаются: 1) национальная касса страхования от несчастных случаев при работе и 2) предпринимательские общества взаимного страхования от несчастных случаев. Национальная касса управляется советом по назначению министерства народного хозяйства, в составе представителей от работодателей и застрахованных, намечаемых соответствующими центральными предпринимательскими и рабочими профорганизациями, и представителей министерств народного хозяйства и финансов. Предпринимательские общества взаимного страхования могут быть организованы либо на добровольных началах, либо по постановлению правительства, в принудительном порядке (как, напр., общество взаимного страхования от несчастных случаев в серных копях Сицилии). Они объединяют предпринимателей, рабочие которых застрахованы от несчастных случаев, и выплачивают застрахованным пособия на общем основании. Особенностью этих обществ является то, что в них вовсе не представлены сами застрахованные. Предприниматели, входящие в эти общества, имеют широкие возможности производить нажим на рабочих своих предприятий, частично потерявших трудоспособность, принуждая их под страхом увольнения ограничить свои требования (или совершенно отказаться от них) по отношению к страховым обществам.

Страхование от старости и инвалидности распространяется на всех лиц наемного труда от 15 до 65-летнего возраста, занятых в сельском хозяйстве, промышленности, на лиц, работающих на дому, и на торговых служащих, получающих не больше 800 лир в месяц. Страхование производится пополам за счет нанимателей и застрахованных. Из зарплаты каждого застрахованного удерживается, в зависимости от размера его заработка,—от 0,50 до 3 лир каждые две недели. Такой же взнос должен сделать работодатель за каждого застрахованного. Право на пенсию получают застрахованные: 1) достигшие 65-летнего возраста и сделавшие не менее 240 двухнедельных взносов, 2) потерявшие совершенно трудоспособность (независимо от возраста) и сделавшие не менее 120 двухнедельных взносов. Размер пенсии, причитающейся застрахованному, устанавливается в зависимости от размера и количества произведенных им взносов и к этому прибавляется еще дополнительное пособие в размере 100 лир в год за счет государства. Кроме того (с 1 января 1929 г.), введено особое добавление к пенсии для застрахованных, имеющих несовершеннолетних детей. Размер ежегодной пенсии для рабочего с заработком выше 10 лир в день колеблется (в зависимости от времени со-

стояния на страховании и количества детей) от 1.036 до 4.112 лир (для состоявших в страхкассе 50 лет). Страхованием от старости и инвалидности ведает Национальная касса социального страхования. Она возглавляется административным советом, назначаемым министром народного хозяйства по соглашению с министром финансов, в составе: 8 представителей от предпринимательских организаций, 8 представителей от рабочих организаций, 4 сведующих в страховом деле лиц, председателя Национального страхового института, председателя Национальной кассы страхования от несчастных случаев и по одному представителю от министерств народного хозяйства и финансов.

Страхование от безработицы распространяется на лиц наемного труда в возрасте от 15 до 65 лет. Не подлежат страхованию сельскохозяйственные рабочие, служащие, получающие жалованье свыше 800 лир в месяц, работающие на дому, прислуга, государственные и коммунальные служащие, работники сцены и кинематографа, сезонные рабочие и др. Страховые взносы производятся как застрахованными, так и нанимателями — в одинаковом размере. Размеры взносов и пособия следующие:

Группа.	Дневной заработок.	Размер двухнедельного взноса (как застрахованного, так и нанимателя).	Размер получаемого дневного пособия (выплачиваемого только за рабочие дни).
I	до 4 лир	0,70 л.	1,25 л.
II	от 4 до 8 л.	1,40 „	2,50 „
III	свыше 8 л.	2,10 „	3,75 „

Застрахованные безработные имеют право на пособие максимум в течение 90 дней в году—если от них поступило 24 двухнедельных взноса в продолжении последних 2 лет, и в течение 120 дней в году—если от них поступило в последние 2 года не менее 36 двухнедельных взносов. До фашистской власти государство ассигновывало ежегодно 40 миллионов в фонд безработных при Национальной страхкассе. Но фашистское правительство эту помощь прекратило.

Страхование материнства. Страхованию подлежат все работницы в возрасте от 15 до 50 лет, на которых распространяется закон об охране женщин и детей. Страховые взносы составляют 7 лир в год, из которых 3 лиры вносит работница, а 4 лиры наниматель. Пособие, получаемое застрахованной в случае родов, составляет 150 лир. За время отпуска до и после родов застрахованная получает полагающееся ей пособие по безработице плюс 0,50 лир в день (декрет 13/V 1929 г.). Страхованием материнства ведает Национальная касса материнства, являющаяся автономной секцией Национальной кассы социального страхования. Во главе кассы материнства стоит комитет, назначаемый советом Нац. кассы соц. страхования в составе председателя и двух членов последней, трех представителей от предпринимателей и трех от рабочих тех отраслей производства, где преобладает женский труд. Государство участвует в расходах кассы материнства в размере 18 лир на каждое выданное пособие.

Страхование на случай болезни. Обязательное страхование по всяким видам болезни существует только в тех итальянских провинциях, которые были отвоеваны во время последней войны у Австро-Венгрии и где раньше действовал австро-венгерский закон о социальном страховании. Фашистское правительство сильно ограничило круг лиц, подлежащих обязательному страхованию на случай болезни, урезало права застрахованных на участие в управлении кассами и уменьшило материальные преимущества, которые давал этот вид страхования. По существующему положению, в этих провинциях функционируют окружные кассы, во главе которых стоят административные советы, назначаемые министерством народного хозяйства в составе: 3 представителей от предпринимательских организаций, 3—от рабочих организаций и 3 лиц, сведущих в делах социального страхования. Все окружные кассы объединены по территориальному признаку в 2 федерации: одна для Тридентинской Венеции и смежных с ней округов с центром в городе Тренто, а другая—для Джулианской Венеции и смежных с ней провинций с центром в Триесте. В федерации могут входить и добровольные общества взаимопомощи, оказывающие своим членам помощь на случай болезни. Страхование на случай болезни производится поровну за счет застрахованных и нанимателей. Размер взносов устанавливается соответствующими окружными кассами и не должен превышать 4% с зарплаты застрахованных. Застрахованные имеют право на бесплатную медицинскую помощь и на денежное пособие в размере не более 50% заработка и не дольше, чем в течение 26 недель. Роженицы, кроме акушерской помощи, имеют право на пособие в течение четырех недель после родов в размере не более 50% заработка. В случае смерти семья застрахованного получает пособие в двадцатикратном размере последнего дневного заработка умершего.

Декретом от 8/II 1929 г. введено обязательное *страхование по болезни работников морского и воздушного транспорта.*

Застрахованные имеют право, кроме лечебной помощи, на денежное пособие в размере 60% заработка в течение первых 4 месяцев болезни, и затем в уменьшенном размере (но не свыше года). Члены семьи застрахованного получают бесплатную медицинскую помощь. Взносы производятся поровну предпринимателем и застрахованным в размере не свыше 4% зарплаты последнего.

Страхование от туберкулеза. Законом 27/X 1927 г. в Италии введено обязательное страхование от туберкулеза, распространяющееся на все категории, подлежащие страхованию старости и инвалидности. Этой отраслью страхования ведает соответствующий автономный отдел Национальной кассы социального страхования. Страховые взносы установлены в размере от 1 до 2 лир каждые 2 недели и производятся наполовину застрахованными, наполовину работодателями. Застрахованный, сделавший не менее 12 двухнедельных взносов в течение последних двух лет, получает право на бесплатное лечение от туберкулеза, помещение в лечебницу или санаторий, посылку на курорт и т. д. За время пребывания в больнице, санатории или на курорте больной получает (если у него имеются на иждивении члены семьи) от 4 до 6 лир в день. Право на бесплатное лечение от туберкулеза распространяется также на его жену (или нетрудоспособного мужа) и детей (моложе 15 лет) или других иждивенцев (моложе 10 лет).

Страхование от профессиональных заболеваний. Недавно (декретом от 13/V 1929 г.) возвещено предстоящее введение обязательного страхования от профзаболеваний на особо вредных производствах (на почве отравления свинцом, ртутью, белым фосфором и т. п.). Страхование это предполагается возложить на Нац. кассу соц. страхования. Взносы будут производиться только предпринимателями. Срок введения в силу этого вида страхования еще не установлен.

Кассы взаимопомощи. Кассы взаимопощи достигли большого развития в Италии. Их задача заключается главным образом в оказании помощи членам на случай болезни. В 1904 г. насчитывалось 6.535 о-в взаимопомощи с более чем 95 тысячами членов. В последние годы особенного роста достигли кассы взаимопомощи на предприятиях, отчасти благодаря тому, что обыкновенно штрафы, налагаемые предпринимателями на рабочих, идут в кассы взаимопомощи. Фашисты, разгромив или фашизировав существовавшие раньше классовые кассы, в настоящее время стараются заместить отсутствующее обязательное общее страхование на случай болезни тем, что поощряют организации касс взаимопомощи. Так Хартия труда вменяет в обязанность включать в колдоговоры пункт о создании „там, где это технически возможно", касс взаимопомощи на случай болезни. Фонды этих касс должны составляться из взносов нанимателей и рабочих. Во главе касс должны стоять правления, составленные на паритетных началах из представителей работодателей и рабочих и работающие под контролем предпринимательских и рабочих организаций и органов министерства корпораций. Для руководства деятельностью касс создана Национальная организация взаимопомощи и обеспечения.

4. Другие виды государственного и общественного содействия рабочим. О-во охраны материнства и младенчества. Задача о-ва—всякого рода помощь беременным женщинам, одиноким нуждающимся матерям, забота о подкидышах, беспризорных, дефективных и бедных детях, распространение знаний, полезных для матерей и воспитания детей, организация разного рода приютов для бедных рожениц и детей, детских колоний и т. п. Общество работает под контролем министерства внутренних дел, и его правление состоит из представителей некоторых министерств, страховых органов и общественных организаций, назначаемых правительством. Средства общества составляются из ежегодных субсидий от правительства в размере 8 миллионов лир, взносов примыкающих к нему организаций и пожертвований.

О-во „Балилла". Это—фашистская, огосударствленная организация, монополизирующая дело воспитания детей и подростков. Организация работает под руководством фашистской партии и министерства внутренних дел. Средства ее составляются из ежегодной правительственной субсидии в размере 1 миллиона лир, членских взносов примыкающих о-в и лиц и пожертвований. Она ведет культурно-просветительную работу среди молодежи, монополизирует ее физическое воспитание, организует отряды так назыв. „балилла" (детей от 8 до 14 лет) и „авангардистов" (от 14 до 18 лет), поставленные на военную ногу, подготовляет молодежь к переходу в фашистскую партию, организует детские колонии, выезд детей в лагеря, открывает библиотеки и уголки для молодежи, организует профтехнические школы и курсы и т. п. По фашистским данным, отряды „Балилла" объединяют около 800.000 детей, а „авангардистов" — свыше 400.000 (на 1/I 1929 г.).

О-во „Дополаворо" („Рабочий досуг"). Задача его — ведение культурно-просветительной работы среди рабочих. Оно работает под руководством фашистской пар-

тии и министерства народного хозяйства. Возглавляется советом в составе секретаря фашистской партии, представителей ряда министерств, 1 представителя от предпринимательских и 1—от рабочих организаций (назначаемых министерством корпораций). Средства о-ва составляются из правительственной субсидии и членских взносов примыкающих организаций и членов, а также пожертвований. Существуют специальные организации „Дополаворо“ для железнодорожников и почтово-телеграфных служащих. Членские взносы рабочих в о-во „Дополаворо“ составляют в среднем около 5 лир в год. Всего членов различных организаций „Дополаворо“, по фашистским данным, около миллиона (к концу 1928 г.).

Национальный патронат социальной помощи (Patronato Nationale dell'a Assistenza Sociale). Это—учреждение, созданное по инициативе фашистских профсоюзов. Его задача — главным образом оказание юридической помощи застрахованным при истребовании от страховых органов полагающегося им пособия по социальному страхованию и изучение и популяризация социального законодательства. Учреждение работает под руководством фашистских профсоюзов и возглавляется советом в составе представителей фашистских профсоюзов, фашистской партии и общества увечных воинов. Контроль и надзор за патронатом принадлежит министерствам народного хозяйства и корпораций. Содержится он на средства фашистских союзов и субсидии государственных и коммунальных органов.

Кооперация. Кооперация в свое время получила большое распространение в Италии. В 1921—1922 г. насчитывалось около 20.000 кооперативных обществ разных видов, преимущественно рабочих. Большинство кооперативов было в руках социалистов и являлось могучим орудием Р. к. Италии в его борьбе против предпринимателей. Около трети кооперативных обществ составляли артели сельскохозяйственных и городских рабочих, обладавшие большими средствами и местами монополизировавшие рынок труда в своей области (грузчики, сельскохозяйственные рабочие, каменщики и т. п.). Фашисты, начав в 1921 г. громить рабочие организации, обрушились и на рабочие кооперативы и артели. Часть из них была разгромлена, другие, уцелевшие, были распущены или фашизированы. В конце 1926 г. фашистами создана огосударствленная Центральная кооперативная организация, подведомственная министерству народного хозяйства, монополизирующая кооперативную работу и объединяющая все кооперативы Италии. Эта организация объединяет (по данным на сентябрь 1928 г.) 8.000 обществ с 1.300.000 членами. Что касается рабочих артелей, то после строгой чистки, предпринятой фашистами в 1927 г., их насчитывалось на январь 1928 г. 1.667 со 133.722 членами.

Отличительной особенностью всех перечисленных организаций является то, что они огосударствлены, фашизированы, управляются по принципу назначенства, являются монопольными и в значительной части организованы на основе уже существовавших до установления фашистской власти рабочих организаций путем захвата имущества и средств последних, назначения в них фашистских комиссаров и принудительного их включения в сеть соответствующих фашистских организаций.

Из видов *содействия предпринимателей своим рабочим* укажем на рабочие лавки (организованные в связи с кампанией снижения цен и зарплаты, но не получившие достаточного распространения), на кассы взаимопомощи, субсидируемые предпринимателями (см. выше „кассы взаимопомощи“), профтехнические школы, ясли для детей и т. п.

По данным предпринимателей, из подобных учреждений насчитывалось:

	в I-й половине 1923 г.	в декабре 1927 г.
Касс взаимопом. . .	на 321 предпр. с 154.475 член.	на 529 предпр. с 304.009 член.
Сберегательн. касс .	на 24 предпр.	на 39 предпр.
Рабочих жилищ. . .	на 144 предпр. на 9.540 семей	на 356 предпр. на 8.568 семей
Спортивных организ.	„ 123 предпр.	на 366 предпр.
Библиотек.	„ 32 „	„ 66 „
Читален.	„ 30 „	„ 88 „
Общеобраз. курсов .	„ 26 „	„ 54 „
Детских яслей . . .	„ 30 „	„ 46 „
Профессион. школ .	„ 20 „	„ 79 „

Рабочие лавки обслуживали к концу 1927 г. 1.000 приблизительно предприятий со 120.000 рабочих и служащих, с ежемесячным отпуском товаров на 10 миллионов лир. По заявлениям самих фашистских профработников, роль этих лавок в снижении цен ничтожна.

5. Профессиональные организации. Отличительной особенностью рабочего движения Италии всегда являлся его резко выраженный классовый, революционный характер и сравнительно высокая для романской страны организованность. История рабочего движения Италии богата бурными политическими выступлениями и забастовками, принимавшими широкий массовый характер. Во время войны настроение рабочих масс было явно антиоборонческим и выливалось местами в вооруженные активные выступления (в 1915 и 1917 гг. в Турине). Особенно сильный размах приобрело рабочее движение в первые годы после

войны. Кульминационным пунктом его является захват фабрик, произведенный рабочими металлической и других отраслей промышленности в сентябре 1920 г. в ответ на локаут, объявленный предпринимателями. К этому времени число членов самого крупного классового профобъединения итальянских рабочих—„Всеобщей конфедерации труда"—достигало 2.200.000, а число членов католических профсоюзов („Итальянской конфедерации рабочих") составляло 1.248.000. Год спустя, когда рабочее движение пошло на убыль, состав профсоюзов был следующий:

Всеобщая конфедерация труда Италии (под руководством социалистов)	1.128.915	чел.
Итальянская конфедерация рабочих (католич.)	988.504	„
Итальянское профоб'единение (анархо-синдик.)	868.708	„
Итальянское об'единение труда (республиканско-патриотическое)	116.428	„
Итальянская конфедерация экономических профсоюзов (предшественница фашистских союзов)	48.086	„
Независимые профсоюзы (не входившие ни в одно из перечисленных об'единений) . . .	ок. 500.000	„
Итого	3.172.242	чел.

Самым мощным профобъединением, пользовавшимся огромным влиянием и на широкие неорганизованные массы, являлась ВКТ (Всеобщая конфедерация труда), находившаяся под руководством реформистов и работавшая в тесном контакте с социалистической партией. Неспособность социалистической партии руководить революционным движением, деятельность реформистских лидеров ВКТ, всячески тормозивших рост и распространение массовых выступлений, отсутствие сложившейся сильной коммунистической партии — привели к поражению революционного движения и облегчили торжество фашизма в Италии. Фашизм, возникший в начале 1919 г. и особенно усилившийся к концу 1921 г., при поддержке помещиков, предпринимателей и правительства, приступил к разгрому политических, профессиональных, культурно-просветительных и кооперативных рабочих организаций. Захватив власть 28 октября 1922 г., фашизм систематически продолжал дело разрушения рабочих организаций, параллельно насаждая и укрепляя свои фашистские профсоюзы. Наконец, в 1926 г. фашизм фактически завершил ликвидацию всякого рода нефашистских рабочих организаций и установил юридическую и фактическую монополию фашистских предпринимательских и рабочих союзов.

Фашистское союзное законодательство. Правовое положение профсоюзов в Италии определяется законом 3/IV 1926 г. „О правовых нормах коллективных трудовых отношений" и регламентом к нему, так называемой Хартией труда, и рядом декретов и циркуляров министерства корпораций, специально созданного для контроля над профсоюзами. Основная особенность итальянского союзного законодательства — это признание монополии фашистских союзов и их огосударствление.

Монополия фашистских предпринимательских и рабочих союзов. Единственными юридически признанными союзными организациями являются фашистские предпринимательские и рабочие союзы. Для юридического признания рабочего союза требуется, чтобы он объединял не менее $^1/_{10}$ части рабочих данного производства в данном районе и чтобы его члены, руководители и служащие, были политически благонадежны. Для предпринимательских организаций требуется, чтобы они объединяли предприятия, с количеством рабочих не меньше, чем $^1/_{10}$ данного производства. Юридически признанным профсоюзам предоставляется исключительное право представлять интересы данной категории рабочих или служащих перед государственными органами и предпринимательскими организациями. Только им предоставляется право заключать коллективные договоры и соглашения от имени рабочих и служащих.

Огосударствление фашистских союзов выражается в том, что они 1) признаются представителями и выразителями интересов не только объединяемых ими членов, но вообще всех рабочих и служащих данной отрасли производства на данной территории. Так, колдоговоры и соглашения, заключаемые ими, имеют обязательную силу для всех рабочих и служащих. Трудовой суд не принимает к разбору конфликта, если о нем предварительно не были извещены заинтересованные предпринимательские или рабочие организации. 2) Каждый рабочий и служащий, независимо от того, состоит ли он или не состоит в юридически признанном союзе, обложен налогом (в размере приблизительно однодневного заработка в год) в пользу союза. Налог удерживается предпринимателями из жалования и вносится в казну, которая его распределяет по соответствующим профорганизациям (то же относится и к предпринимателям. Они обложены налогом в размере общей суммы, вносимой их рабочими). 3) Закон предусматривает образование „корпораций", т.-е. паритетных органов, объединяющих предпринимательские и рабочие союзы определенной отрасли производства. Корпорациям присвоены права государственного органа. Они дол-

жны организовываться при министерстве корпораций. В их функции должны входить: разбор конфликтов, возникающих между представляемыми ими организациями, выработка общих норм по регулированию условий труда, содействие союзным организациям к улучшению производства, организация бюро найма рабочей силы, выработка норм фабрично-заводского ученичества и т. п.

Контроль над союзами. Предоставлением союзам таких широких прав фашистское законодательство мотивирует необходимость строгого государственного контроля над ним. Контроль выражается в следующем: 1) уставы союзов должны быть предварительно одобрены правительством (на деле министерство корпораций вырабатывает уставы союзов, не ставя их даже на обсуждение съездов). 2) Руководители как низовых, так и высших союзных органов могут занять свои посты лишь после утверждения их правительственными органами. 3) Министерству корпораций предоставлено право снятия с поста руководителей профсоюзов. 4) Министерству корпораций и префектам вверен надзор за деятельностью союзов. Они имеют право производить ревизии и обследования последних. Им должны представляться на утверждение сметы, отчетность и списки служащих союзов. Они имеют право отменять решения союзов и заставлять последние выполнять то, что от них требует союзный устав или закон. 5) Министерство корпораций не только имеет общее наблюдение над деятельностью союзов, но фактически руководит ими: оно разбирает конфликты, руководит заключением колдоговоров, решает вопросы размежевания союзов, меняет уставы и структуру союзов, назначает их руководителей и т. п. Оно не только распределяет между союзами обязательные взносы, но контролирует и регулирует взимание ими добровольных членских взносов (т.-е. взносов, поступающих только от членов), предписывая, например, уменьшение размеров этих взносов и т. д.

Коллективные договоры. Закон о профсоюзах и Хартия труда вменяют предпринимательским и рабочим союзам в обязанность заключать коллективные договоры, имеющие обязательную силу для всех предпринимателей и рабочих данной местности или данного производства. Но эти договоры должны быть заявлены в соответствующих правительственных органах и опубликованы в правительственной прессе, без чего считаются недействительными. Правительственные органы (префектура и министерства народного хозяйства и корпораций) могут отказать в опубликовании колдоговора (что равносильно его неутверждению) и вносить в него соответствующие изменения. Хартия труда, которой фаш. правительство и суд склонны придавать значение законодательного акта, предписывает обязательно включать в колдоговоры определенные пункты о дисциплинарных взысканиях, о сроках испытания, о размере и порядке выплаты зарплаты и продолжительности рабочего дня. Не имеют права заключать колдоговоры государственные и коммунальные служащие, а также занятые личным услужением. Подписавшие договор организации несут ответственность за невыполнение его, но только в том случае, если они не сделали всего зависящего от них, чтобы заставить представляемую ими сторону выполнить договор.

Разрешение конфликтов. Фашистское законодательство строго запрещает всякого рода забастовки и локауты. Конфликты индивидуального порядка разбираются в обыкновенном государственном суде с привлечением к разбору дела двух сведущих лиц (одного работодателя и одного рабочего), при чем суд принимает к разбору конфликт лишь после того, как истец поставил об этом в известность соответствующую профорганизацию. Всякого рода третейские суды и примирительные камеры отменены. Для разрешения коллективных конфликтов, возникающих на почве заключения и выполнения колдоговоров и не разрешенных усилиями соответствующих профорганизаций и министерства корпораций, служит так назыв. *магистратура труда* (трудовой суд). Магистратура труда функционирует как секция по трудовым делам при апелляционных областных судах и состоит из 3 судей и 2 экспертов по трудовым делам. По положению, магистратура труда в своих решениях должна руководствоваться не формальной стороной дела, а „высшими интересами производства". Однако, на деле разрешением конфликтов между предпринимательскими рабочими организациями занимается не магистратура труда, которой отведена очень скромная роль в этой области, а так назыв. *провинциальные межсоюзные комитеты*, состоящие из представителей предпринимательских и рабочих организаций, заместителя префекта и секретаря провинциальной фашистской партийной организации (последний является председателем комитета). Более крупные конфликты, не разрешенные в провинциальных межсоюзных комитетах или вообще носящие более серьезный характер, переходят на рассмотрение министерства корпораций или же Центрального межсоюзного комитета, построенного в общем по тому же принципу, что и провинциальные комитеты, и возглавляемого генеральным секретарем фашистской партии.

Фашистские профорганизации. В настоящее время состав и структура фашистских предпринимательских и рабочих профсоюзов таковы:

Предпринимательские конфедерации.

(Данные на 25/X 1928 г.).

1.	Конфедерация промышленников, об'единяющая	57.100 предприн.
2.	Конфедерация сельск. хозяев.	234.600 членов
3.	„ торговцев . .	300.000 „
4.	„ сухопутного и внутреннего водного транспорта	9.900 „
5.	Конфедерация морского и воздушного транспорта	626 „
6.	Банковская конфедерация . .	8.326 „

Рабочие конфедерации.

(Данные на 1/I 1928 г.).

1.	Конфедерация рабочих и служащих промышленности	1.206.586
2.	Конфедерация работников сельск. хозяйства	990.797
3.	Конфедерация торговли	254.179
4.	„ сухопутного и внутреннего водного транспорта	247.344
5.	Конфедерация морского и воздушного транспорта (данные на 25/X 1928 г.) .	66.506
6.	Конфедерация банковских служащих .	40.317
7.	Конфедерация лиц свободных профессий (на 1/I 1928 г.)	70.418

До конца 1928 г. перечисленные выше центральные объединения рабочих организаций (за исключением независимой организации работников морского и воздушного транспорта) и организация лиц свободных профессий были объединены в одну централизованную „Национальную конфедерацию фашистских союзов" под председательством Эдмонда Россони. Но к концу 1928 г. приказом Муссолини последняя организация была упразднена, и входившие в нее центральные профорганизации стали совершенно независимыми друг от друга.

Все конфедерации в свою очередь состоят из более узких общегосударственных объединений, носящих название национальных синдикатов, а последние подразделяются на провинциальные (губернские) союзы и их местные (коммунальные) отделения. Особенностью структуры фашистских союзов является то, что они отдельно организуют рабочих каждой крупной отрасли промышленности и отдельно служащих и технический персонал. Так что в металлургической индустрии мы имеем национальный синдикат рабочих металлистов и национальный синдикат служащих и техников металлургической индустрии. То же в других отраслях. Высший же административно-технический персонал образует отдельный национальный союз, входящий в предпринимательскую конфедерацию промышленности. Государственные и коммунальные служащие лишены права организовать союзы и заключать колдоговоры. Межсоюзным провинциальным органом, до последней реорганизации фашистских союзов, являлось межсоюзное бюро, назначавшееся председателем Национальной конфедерации фашистских союзов. В настоящее время, в связи с упразднением последней, каждая конфедерация имеет в провинциальных центрах свой межсоюзный орган („унион"), объединяющий все союзы, входящие в данную конфедерацию на территории данной провинции. В фашистских профорганизациях строго проводится принцип централизма и назначенства руководителей нижестоящих профорганизаций руководителями вышестоящих органов. В особенности это относится к более крупным профобъединениям, при чем руководители союза должны обязательно быть членами фашистской партии. Фабзавкомов и избранных уполномоченных фашистское союзное законодательство не признает. Фашистские союзы назначают на предприятиях своих профуполномоченных для выполнения чисто союзной работы. Но вести переговоры с предпринимателем от имени рабочих или союза уполномоченный права не имеет.

Работа фашистских профсоюзов. Фашистские союзы, как по своей программе, так и по практической деятельности, являются в первую очередь проводниками политики фашистской партии и правительства. Их задачи: осуществление классового сотрудничества и „примирения классов" в „высших интересах нации"; содействие развитию и рационализации производства; защита экономических и правовых интересов рабочих в рамках директив фашистской партии и правительства; культработа, культивирование национального чувства среди членов; участие в размещении рабочей силы; содействие развитию фабрично-заводского ученичества; организация взаимопомощи и т. п. Главное место в работе фашистских профсоюзов отводится заключению колдоговоров. По офиц. данным министерства корпораций, за 25 месяцев, протекших со дня учреждения этого министерства до конца июля 1928 г., заключено генеральных договоров — 67, областных — 116, провинциальных — 3.008. Однако, заключение этих договоров, как следует из всего вышеизложенного, отнюдь нельзя считать свободным актом профсоюзов, сообразующихся с требованиями членов профорганизации. Условия колдоговоров на деле диктуются союзам как вышестоящими профорганизациями, так и местными межсоюзными комитетами. А вышестоящие профорганизации и межсоюзные комитеты действуют по предписаниям министерства корпораций и секретаря фашистской организации. Затем

следует отметить, что многие из коллективных договоров носят скорее декларативный характер и не проводятся в жизнь, ибо фашистское законодательство не предусматривает соответствующего наказания за несоблюдение колдоговора. Кроме того, при отсутствии фабзавкомов и при слабой связи с массами фашистские союзы лишены возможности контролировать соблюдение колдоговоров и бороться за их проведение в жизнь. По смыслу фашистского союзного законодательства и по политике, проводимой министерством корпораций, фашистские профработники являются скорее государственными чиновниками, чем представителями рабочих. Они назначаются сверху, оплачиваются за счет обязательных членских взносов, взимающихся как налог, и в такой же мере независимы от союзной массы, в какой находятся в полной зависимости от правительственных и партийных органов. Однако, при всем том, отношения между предпринимательскими и рабочими организациями отнюдь не проникнуты тем духом миролюбия и классового сотрудничества, какого хотело бы добиться фашистское правительство. Перед лицом экономического кризиса, переживаемого уже несколько лет Италией, бессилия фашистских союзов и полного бесправия рабочих масс, предприниматели и их организации проявляют необузданную агрессивность, попирая не только интересы рабочих, но и права фашистских союзов. Это вызывает протесты и жалобы со стороны фашистских профработников перед соответствующими правительственными и партийными инстанциями и иногда принуждает фашистских профсоюзных деятелей к газетной полемике и острым выпадам в речах против „непримиримого классового духа" предпринимателей. Бывает даже, что, поддаваясь настроению масс, фашистские низовые профработники молчаливо санкционируют забастовку или выступают перед судом в защиту забастовщиков. Это в свою очередь вызывает нарекания со стороны предпринимательских организаций и репрессии со стороны министерства корпораций, предпринимающего чистку профорганизаций и стремящегося исправить „уклоны" фашистских профсоюзов путем все большего обюрокрачивания их. Систематический нажим предпринимателей на Р. к., лишенный свободы организаций и фактической возможности защиты своих интересов, вызывает временами вспышки стихийных забастовок, часто продолжающихся непродолжительное время и быстро ликвидируемых, но иногда принимающих более бурный и длительный характер и сопровождающихся уличными демонстрациями. Особенного размаха достигло забастовочное движение в 1927 г. во время кампании по снижению зар. платы. По некоторым сведениям (фашистской прессе запрещено писать о стачечном движении), число забастовок в 1927 г. достигло 82, охватив свыше 200.000 промышленных и сельскохозяйственных рабочих. В 1928 г. забастовочное движение было слабее. Но все же произошли такие забастовки, как забастовка 8.000 текстильщиц в Порденоне (Венецианская область), принявшая бурные формы и продолжавшаяся около месяца, и целый ряд других конфликтов. Кроме того, 1928 г. (как и 1927 г.) ознаменовался случаями демонстраций голодающего крестьянского населения и городских безработных.

Нелегальная Всеобщая конфедерация труда. Несмотря на законодательное установление монополии фашистских союзов и на террор и репрессии, применяющиеся по отношению ко всем не фашистским политическим, экономическим и прочим организациям, в Италии все же продолжает существовать нелегальная профорганизация, являющаяся продолжением старой Всеобщей конфедерации труда. Последняя, находясь под руководством реформистов, влачила в продолжение нескольких лет пассивное легальное существование. Реформистские лидеры ее не обнаруживали ни желания, ни умения вести борьбу с наступлением буржуазной фашистской реакции. Стремясь во что бы то ни стало оставаться в рамках фашистской легальности, они направляли весь огонь свой против левых, революционных элементов, стремившихся оживить конфедерацию и связать ее теснее с массами. Этим они изолировали себя от широких слоев Р. к. и облегчили фашистам ликвидацию классового профдвижения. В январе 1927 г., в момент особого усиления фашистских репрессий, они пошли на прямую измену, вынеся постановление о самоликвидации конфедерации, за которым через месяц последовала филофашистская декларация семи бывших наиболее видных реформистских руководителей ВКТ (Д'Арагона, Ригола и др.), выразивших свое согласие работать совместно с фашистами над осуществлением и усовершенствованием корпоративной системы. Все же конфедерация осталась существовать. По инициативе трех профорганизаций, находившихся под руководством коммунистов (деревообделочников, торговых служащих и служащих гостиниц и ресторанов), в феврале 1927 г. состоялась в Милане нелегальная конференция уцелевших от фашистских преследований профработников, объявившая незаконным и самовольным решение реформистских лидеров о роспуске

конфедерации и постановившая сохранить последнюю как подпольную организацию, перестроив ее соответствующим образом. С тех пор ВКТ работает в подполье, несмотря на огромные трудности. К концу 1927 г. ей удалось объединить до 12.000 членов, в то время как число членов легальной ВКТ к середине 1926 г. составляло всего около 7.000. Она ведет путем нелегальных собраний, летучек и своего подпольного органа „Батталье Синдакале" упорную работу по организации итальянских рабочих и подготовке выступлений против предпринимателей и фашизма. Нет сомнения, что в стачечном движении 1927 г. сыграла свою роль и деятельность ВКТ. Оставаясь на почве решений последнего съезда ВКТ (1924) и желая устранить все, что могло бы вызвать раскол в рядах профорганизаций, Миланская конференция решила оставаться в рядах Амстердама, несмотря на то, что идейно подавляющее число членов итальянской ВКТ в настоящее время стоит на платформе Профинтерна. Однако, Амстердам отказался признавать нелегальную ВКТ. С его согласия, бывший секретарь ВКТ, Буоцци (скрывшийся за границу еще до предательского акта реформистских профсоюзных главарей), объявил ВКТ перенесенной за границу и создал в Париже заграничный „Исполком ВКТ", примкнувший первоначально к Амстердаму, но в конце 1929 г., в виду секретной поездки председ. и секретаря Амстерд. Интерн. в Италию и переговоров с группой Ригола и через нее, как предполагают, и с фашистами, нелегальная конференция ВКТ постановила порвать с Амстердамом и вступить в Профинтерн.

6. Рабочие партии. К рабочим партиям Италии относятся: компартия Италии, Итальянская социалистическая партия (Partito Socialista Italiano, „максималисты"), Итальянская унитарная социалистическая партия рабочих (Partito Socialista Unitario dei lavoratori italiani, реформисты) и анархистские группы. Первые три партии ведут свое происхождение от некогда единой социалистической партии, образовавшейся в 1892 г. В январе 1921 г. (на Ливорнском съезде) произошел откол от последней коммунистов, образовавших свою партию. В октябре 1922 г. (на Римском съезде) из социалистической партии были исключены реформисты; наконец, в 1924 г. произошел уход из социалистической партии группы сторонников III Интернационала (во главе с Сератти, Маффи и Риболди), влившихся в компартию. Максималистская партия примыкает к так наз. Парижскому интернациональному бюро, стоящему за образование нового единого Интернационала, куда вошли бы социалисты и коммунисты. Теоретически максималисты высказываются за диктатуру пролетариата и за поддержку СССР, против Лиги Наций и Международного бюро труда, но на деле все больше приближаются к реформистам, блокируясь с ними против коммунистов и нелегальной ВКТ и нападая вместе с ними на советское правительство, Коминтерн и ВКП (б). Главой максималистов в настоящее время является Анджелика Балабанова.

С тех пор как фашисты запретили все оппозиционные партии, реформисты и максималисты совершенно прекратили свое организационное существование в Италии. Единственной партией, продолжающей нелегальное существование и партийную работу в Италии, является компартия. Несмотря на жестокие гонения, каторжные приговоры и пытки, которым революционеры подвергаются в фашистских тюрьмах, компартии удается издавать в Италии свой подпольный орган „Унита" и ряд местных партийных изданий, фабрично-заводских газет, комсомольских листков и пр. В последний год своего легального (вернее, полулегального) существования, в 1926 г., КПИ насчитывала около 30.000 членов, из которых 19.000 составляли промышленные и сельскохозяйственные рабочие.

Остальные рабочие партии в настоящее время перенесли свою деятельность за границу. Центром их политической деятельности является Париж, где они занимаются, главным образ., антифашистской агитацией среди итальянской эмиграции. В 1927 г. руководящие органы максималистов, реформистов, республиканцев, итальянской лиги прав человека и созданный за границей комитет ВКТ Италии образовали блок под названием „Антифашистской концентрации" для борьбы против фашизма. Итальянские коммунисты к этому блоку не примкнули и ведут энергичную борьбу против него, так как этот блок стоит на той точке зрения, что борьба против фашизма должна вестись и возможна только совместно с итальянской буржуазией, которая, хотя и причастна к установлению фашистской власти, но теперь, по мнению блока, „раскаялась" и все более восстанавливается против фашизма. Из чего делается вывод о необходимости не слишком обострять классовую борьбу в Италии, не выдвигать лозунгов, которые в состоянии оттолкнуть буржуазию от антифашистской борьбы. В противоположность „концентрации", компартия Италии исходит из того положения, что фашизм в Италии все более отождествляется с буржуазией, что фашистский режим это — диктатура банкиров, промышленников и аграриев, что задача

фашизма—стабилизировать капиталистический строй в Италии за счет интересов широких масс городской мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата. Поэтому борьба против фашизма неотделима от борьбы против буржуазии. Поэтому компартия, в противоположность буржуазно-социалистической „Антифашистской концентрации", стоит за действенную борьбу с фашизмом, в первую очередь в самой Италии; за работу в нелегальном профдвижении; за создание в процессе повседневной борьбы рабочих масс в защиту своих прав и интересов единого пролетарского фронта и рабоче-крестьянского блока, направленного как против фашизма, так и против буржуазии.

С. Слободской.

VII. Современное положение Р. к. в Германии (*ср.* XIV, 71/174, и XLVII, 186/271).

1. Численность и состав германского пролетариата. Точное определение численности германского пролетариата наталкивается на значительные затруднения в виду того, что капиталистическое государство не заинтересовано в обнаружении численной силы пролетариата и вообще трудовых слоев населения. Статистика, как и всякая буржуазная наука, старается скрыть классовое лицо общества и по возможности затормозить в этом отношении работу научного исследования. Тем не менее, переписи населения по профессиям и предприятиям, производимые в Германии, примерно, раз в десять лет, дают довольно ценный материал для исследования, хотя методы этих подсчетов иногда очень сильно расходятся между собой. В дальнейшем мы принимаем за основу профессиональную перепись 1925 г. Попутно мы дадим краткий обзор роста пролетариата и его важнейших слоев.

Если еще сравнительно легко установить число рабочих и служащих, то почти совершенно невозможно выяснить количество пролетариев среди тех элементов, которые в статистических сводках фигурируют как самостоятельные лица, т.-е. лица, не занимающиеся наемным трудом. Сюда относятся ремесленники, не эксплоатирующие чужой рабочей силы, мелкие торговцы и бедные крестьяне, которым собственного урожая обыкновенно нехватает для прокормления семьи. Численность этих слоев приходится устанавливать окольными путями. К мелким крестьянским собственникам и ремесленникам нужно еще прибавить тех членов их семей, которые постоянно или временно помогают своей работой в хозяйстве. Таким путем можно будет составить себе представление об общей численности пролетарского населения.

При этом нельзя ограничиваться только пролетариатом в теснейшем смысле слова, но необходимо учесть и те слои, которые подвергаются *косвенной эксплоатации.* Это не должно, конечно, мешать строгому различению этих двух категорий, ибо их боевая сила и организованность весьма различны, соответственно различному уровню развития их классового сознания.

а) Численность пролетариата и трудового населения в Германии. Исходя из этих предпосылок, мы получаем следующие данные о составе и численности германского пролетариата (1925 г.):

	Самодеятельное население	Не работ. члены семей
а. Наемные рабочие в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и транспорте	14.433.751	12.140.055
б. Служащие и чиновники (без руководящего персонала)	5.273.774	4.911.136
в. Домашние работники и наемные рабочие, живущие у своих хозяев	1.325.588	12.858
г. Мелкие ремесленники и торговцы, не эксплоатирующие чужой рабочей силы	1.051.119	400.000
д. Мелкие крестьянские собственники	1.769.400	800.000
е. Члены семей, помогающие в хозяйстве (для групп „г" и „д")	4.437.229	—
Всего	28.390.861	18.264.049
Общее количество лиц, принадлежащих к пролетарским и трудовым слоям	47.354.910	

Однако, для правильной оценки удельного веса пролетариата в Германии необходимо сравнить число пролетариев со всем населением страны. При этом нужно различать между зарабатывающим (самодеятельным) населением, т.-е. лицами, имеющими денежный заработок, и той частью населения, которая живет на счет самодеятельных членов общества. Нельзя только смешивать самодеятельность с принадлежностью к трудовому населению, потому что для статистики капиталистических стран капиталист или рантье тоже являются самодеятельными лицами.

б) Пролетариат и другие слои населения. Прежде всего сравним численность пролетариата с численностью самодеятельного населения вообще. Получим следующие цифры:

	Число	В %%%
Самодеятельное население вообще	32.008.889	100
Пролетарии	28.390.861	88,7
Наемные рабочие	14.433.751	45,1

Таким образом, на 100 самодеятельных лиц приходится почти 90 пролетариев, из которых около половины составляют наемные рабочие. А если к наемным рабочим причислить еще и домашних работников, а также служащих и чиновников, то окажется, что $^2/_3$ населения Германии живут наемным трудом.

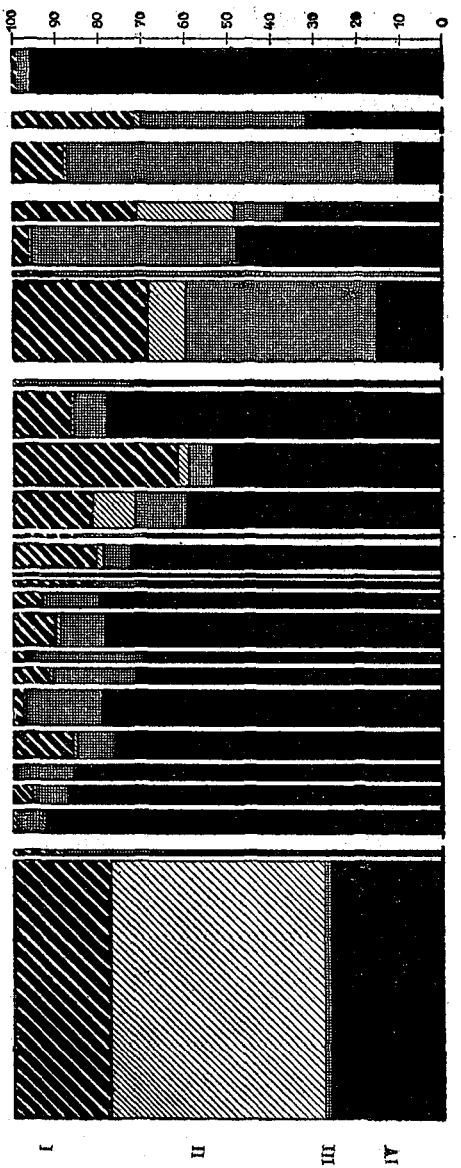
в) Отношение пролетарских слоев к общей численности населения. Сравним теперь число пролетариев, включая и их семьи, с общей величиной всего населения Германии:

	Число	В %%%
Общая величина населения	62.410.619	100
Пролетарские слои	47.354 910	75.89
Наемные рабочие с семьями	26.573.806	42,6
Лица без определенных занятий, рантье и т. д.	5.662.868	9,1
Другие непролетарские элементы	9.392.841	15,48

Выходит, таким образом, что больше $^3/_4$ всего населения в Германии принадлежит к пролетариату и не меньше половины к наемным рабочим. Непролетарские элементы составляют никак не больше одной пятой. При этом нужно еще учесть, что среди рантье имеется, по крайней мере, 2 миллиона военных и трудовых инвалидов, которые по своему социальному положению должны быть отнесены к пролетариату. Но поскольку это большей частью старые и тяжело больные люди, выброшенные за борт общественной жизни, мы оставляем их в стороне.

Постараемся теперь глубже вникнуть в состав различных слоев пролетариата. К полупролетарским слоям крестьянской бедноты и мелких ремесленников мы еще вернемся ниже.

г) Соотношение отдельных групп по отраслям производства. Чтобы составить себе ясное понятие о классовых отношениях в отдельных отраслях промышленности, необходимо соответствующим образом конкретизировать данные общей статистики. Для большей наглядности мы приводим диаграмму, заимствованную из отчетов официального статистического ведомства Германии (см. *диагр. 1*). В группу „самостоятельных лиц" входят, разумеется, и здесь пролетарские элементы; но так как, с другой стороны, остальные группы (члены семей и служащие) содержат в себе и буржуазные элементы, то ошибка, в общем, компенсируется. Исключение составляют только торговля, портняжное дело и некоторые мелкие отрасли хозяйства, в которых число самостоятельных лиц значительно превышает число капиталистиче-



Диагр. 1. Количество самодеятельных лиц в отдельных отраслях народного хозяйства по их социальному положению (в %%%).
I—Самостоятельные лица. II—Члены семей, помогающие своей работой. III—Служащие и чиновники. IV—Рабочие. 1—Сельское хозяйство. 2—Лесное хозяйство. 3—Горное дело. 4—Производство строит. материалов. 5—Железоделат. промышл. и проч. металлургия. 6—Производство металлич. изделий. 7—Машиностроение. 8—Электротехнич. промышл. 9—Химич. промышл. 10—Текст. промышл. 11—Бумажная промышл. 12—Кожев. промышл. 13—Резиновая промышл. 14—Деревообдел. промышл. 15—Производство музыкальных инструментов. 16—Пищевая промышл. 17—Швейная промышл. 18—Строительство. 19—Снабжение водой, газом и электричеством. 20—Торговля. 21—Страховое дело. 22—Транспорт и связь. 23—Гостиницы и рестораны. 24—Управление и т. д. 25—Здравоохранение. 26—Домашние услуги.

ских элементов. Во всяком случае эта диаграмма дает наглядное представление о существующих соотношениях, и нам еще придется возвращаться к этим данным.

д) Состав и распределение служащих и чиновников. Огромная армия служащих и чиновников охватывает как надсмотрщиков и специалистов, так и выполняющих конторскую работу пролетариев, экономическое положение которых большей частью даже ниже среднего пролетарского уровня. Сюда относятся, во-первых, конторские работники, а, во-вторых, мастера, штейгеры в рудниках и т. д., находящиеся в постоянном общении с рабочими на производстве. Германская статистика выключает руководящий служебный персонал — директоров, уполномоченных предприятий, высших чиновников — из категории служащих и причисляет их к разряду самостоятельных лиц. Это верно в том смысле, что эти элементы действительно ничем не отличаются от капиталистов, их оклады представляют собой уже не заработную плату, а долю в предпринимательской прибыли.

Мы выделяем особо служащих, получивших специальное образование и работающих в предприятии или учреждении по своей специальности. Сюда относятся инженеры, опытные бухгалтеры, чиновники с высшим образованием — словом, лица, более или менее соответствующие ходячему понятию специалиста. Вторую категорию составляют мастера и надсмотрщики, которые *без всякой особенной квалификации* выполняют функцию непосредственного наблюдения за рабочими на предприятии. Наконец, к последней и наиболее многочисленной категории относятся технические служащие, торговые служащие и канцелярский персонал. Вот как распределяются эти различные категории между различными отраслями хозяйства:

	Всего	Сельское хозяйство	Промышленность	Транспорт и торговля	Управление
Технические служащие и чиновники . .	1.588.869	123.292	228 845	479.509	526.113
Мастера и надсмотрщики	885.260	20.520	297.997	58.196	5.885
Торговые служащие и канцелярский персонал	3.300.145	17.965	924.993	1.683,113	620.509
Всего . . .	5.273.774	161.777	1.451 835	2.220.818	1.152.509

Так как технические служащие, специалисты, являются по своему происхождению и образованию чуждым и большей частью враждебным пролетариату элементом, так как, далее, они в большинстве случаев связаны высокими окладами и долгосрочными договорами с предпринимателем, или, что то же самое, с государством, то о какой-нибудь связи основной массы этих работников с пролетариатом едва ли приходится говорить. Ближе уже стоят к рабочему классу низшие служащие, мастера и т. д., из которых, однако, нужно выключить понукальщиков как определенных слуг капитала. Группируя служащих с этих точек зрения, мы получаем следующую картину:

	Число	В %%
Служащие, прямо относящиеся к пролетариату	3.600.145	68,3
Понукальщики	85.260	1,62
Специалисты	1.588.869	30,1

Если сложить вместе количество служащих чисто пролетарского типа, домашних работников и промышленных рабочих, то получится число пролетариев в собственном смысле слова:

	Число	На 100 лиц самодеятельн. населения	На 100 лиц трудящ. населения
Наемные рабоч., служащие-пролетарии и домашн. работн.	19.359.484	60,5	67

Таким образом, трудящиеся чисто-пролетарского типа составляют большинство не только трудового, но и всего самодеятельного населения вообще.

е) Распределение служащих по отраслям промышленности. Рассмотрим теперь ближе распределение отдельных групп служащих между сельским хоз., промышленностью, торговлей, транспортом и их важнейш. отраслями: (см. табл. на стр. 685/86).

Эти цифры позволяют внести некоторые поправки в данный выше общий обзор. А именно, из высокой цифры технических служащих (специалистов) в гостиничном деле и транспорте видно, что германская статистика причисляет к специалистам не только средних канцелярских служащих на железных дорогах (станционных кассиров, контролеров и т. д.), но также и кельнеров. Это один из тех приемов, с помощью которых официальная буржуазная статистика пытается подтасовать свои цифры.

Наибольшее количество мастеров и надзирателей показано для горного дела и строительства, где и в самом деле число штейгеров и надсмотрщиков очень велико.

ж) Рабочие. Если сравнительно легко обозреть всю массу служащих по отдельным категориям, то по отношению к ра-

Группы и отрасли хозяйства	Общее количество служащих	В них: Техническ. служащие и специалисты	Мастера и надзиратели	Торговые служащие, администрат. и канцелярский персонал: Всего	В том числе женщин
Промышленность и ремесла . .	1.451.835	228.845	297.997	924.993	319.251
В том числе:					
Горное дело	59.391	10.913	23.663	24.815	2.275
Добыча железа и др. металлов	77.932	13.884	16.950	47.598	8.776
Производство скобяных товаров	88.817	6.165	19.558	63.094	22.573
„ машин, приборов и перевозочных средств	287.487	63.994	37.395	186.098	32.248
Электротехническ. промышлен.	111.831	25.284	12.383	74.164	30.382
Химическая промышленность	93.547	14.916	11.130	67.501	21.309
Текстильная „	125.028	8.470	33.034	83.524	26.595
Пищевая „	164.379	6.633	24.348	133.398	55.008
Швейная „	88.644	2.493	12.364	73.787	39.890
Строительство	186.112	51.972	42.743	41.397	15.327
Торговля и транспорт	2.220.318	379.509	58.196	1.863.113	644.639
В том числе:					
Торговля	1.319.587	20.121	10.639	1.288.727	551.257
Транспорт	726.957	405.061	45.515	275.380	59.247
Гостиницы и рестораны	78.364	52.807	893	24.664	12.561

бочим германская статистика не дает никаких опорных пунктов для различения квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы. Практиковавшееся прежде различение квалифицированных (обученных) и необученных рабочих, лежавшее в основе прежних профессиональных переписей, теперь оставлено и вполне правильно, потому что очень многие рабочие не отвечают на вопрос об их квалификации или же указывают ту отрасль труда, в которой они заняты в настоящий момент. И поскольку после войны старые правила, стеснявшие свободное занятие определенными профессиями, все больше теряли силу, такое различение не имело бы теперь никакого смысла. Нам придется поэтому удовольствоваться разделением рабочих по отделам народного хозяйства, производственным группам и предприятиям разной величины. Таким путем мы получим сравнительно полное представление о численной силе и позициях Р. к.

Распределение рабочих по отделам народного хозяйства:

Отдел хозяйства	Число рабочих	Из них женщин	На 100 раб. в данной группе занято
Сельское и лесное хозяйство	2.607.282	1.053.897	18,10
Промышленность и ремесла	9.781.894	1.959.454	67,90
Торговля и транспорт	1.440.375	265.881	10,00
Управление, свободные профессии и т. д. . .	163.590	42.954	1,14
Санитарн. дело и т. д.	187.488	89.153	1,10
Непостоянн. наемный труд.	253.622	92.585	1,76
Всего . . .	14.433.751	3.503.824	100

Для большей точности необходимо, однако, ближе рассмотреть распределение рабочих по отдельным отраслям хозяйства, а также по различным областям. Начнем с сельского хозяйства.

з) Сельский пролетариат. В приведенных выше данных обращает на себя внимание низкая цифра сельскохозяйственных рабочих. Хотя Германия и является по преимуществу индустриальной страной, нельзя все-таки забывать о большом значении сельского хозяйства. Низкая цифра сельскохозяйственных рабочих объясняется тем, что в крестьянских хозяйствах значительная часть рабочей силы состоит из членов семьи, которых статистика отделяет от рабочих.

Кроме того, из общей массы сельского пролетариата нужно выделить находящихся в теснейшей зависимости от хозяина *домашних рабочих*, т.-е. батраков и батрачек, а также сезонников, которые работают в сельском хозяйстве лишь несколько месяцев в году. С этой точки зрения состав сельского пролетариата представляется в след. виде: (см. табл. на стр. 687/88).

Наибольшую часть рабочей силы в сельском хозяйстве составляют, таким образом, члены семей мелких и средних крестьян. Число рабочих возрастает пропорционально увеличению размеров хозяйства. В крупных хозяйствах дворовый рабочий вытесняется постоянно работающим, но уже не живущим у хозяина рабочим. Число сезонников тоже увеличивается вместе с размерами хозяйства. Среди этих сезонных рабочих опять-таки нужно различать разные группы. В этом отношении приведенные выше данные страдают тем недостатком,

Распределение сельскохозяйственной рабочей силы по размерам хозяйств в середине июня 1925 г.

Размеры хозяйства	Число хозяев	Члены семьи, работающие в хозяйстве	Служащие (надсмотрщики, счетоводы)	Рабочие, живущие у хозяина	Другие постоянные рабочие	Сезонные рабочие
5 аров —0,5 гкт	905.134	1.249.989	1.694	15.244	8.923	42.815
0,5—2 „	754.524	1.481.762	2.915	38.818	21.135	88.025
2—5 „	780.580	1.755.716	4.087	91.286	23.847	105.654
5—20 „	919.687	2.451.538	12 834	525.174	61.146	271.168
20—100 „	197.186	511.577	23.420	530.049	176.892	239.549
свыше 100 „	18.766	16.325	48.248	108.410	624.015	244,691
	3.578.827	7.466.957	92.678	1.308.981	815.958	986.902

что соответствующая перепись была произведена в такое время, когда работы по уборке урожая еще не были в полном ходу: число сезонных рабочих взято, поэтому, слишком низко. Их максимальная цифра составляла в 1925 г. 1.791.831. Из этого количества только одна треть состояла из пришлых рабочих, приехавших на полевые работы из других мест; из них 340.057 чел. прибыло из Германии, а 108.413 чел. из за границы (эти последние принадлежат на $^9/_{10}$ к чужим национальностям). Эти пришлые рабочие (т. наз. Sachsengänger) устраивались в огромном большинстве случаев в крупных сельскохозяйственных предприятиях.

Ясно само собой, насколько важно различать между отдельными группами с.-х. рабочих, ибо с.-х. пролетариат в собственном смысле составляют только те рабочие и крестьяне, которые постоянно заняты в сельском хозяйстве. Необходимо помнить, что 160.000 рабочих, временно занятых в сельском хозяйстве, работают вместе с тем в промышленности или торговле. Очень многие бедные крестьяне тоже занимаются, в виде побочной профессии, ремеслами, кустарничеством или даже работой на фабрике. Таким образом, низший слой сельского населения отчасти связан с городским населением, в первую голову с пролетариатом.

Разнородный состав пролетариата деревни воздвигает почти неодолимые препятствия на пути его организации. Домашние рабочие находятся в теснейшей политической и экономической зависимости от работодателя. В крестьянстве продолжают жить крепкие традиции, отделяющие его от пролетариата. Наконец, странствующие рабочие составляют крайне шаткий, изменчивый по своему составу и по месту своей работы слой населения. Так как объединить трудовые слои деревни может только правильная политика, а она то и была совершенно неизвестна в Германии в довоенное время, то пролетарские элементы на селе, несмотря на их крайне бедственное положение, пока еще довольно далеки от надлежащей классовой организованности.

и) Промышленный пролетариат. Мы переходим теперь к главному ядру пролетарской армии, к промышленным рабочим. Этой основной группой мы и будем заниматься в первую очередь в дальнейшем, ибо все остальные пролетарские слои разделяют судьбу этого авангарда своего класса. Прежде всего важно установить, как разделяются рабочие между различными отраслями промышленности. Мы приведем здесь цифровые данные хотя бы для важнейших отраслей:

		На 100 рабочих занято
Общее количество рабочих	9.781.394	—
В том числе:		
Горное дело	785.605	8,04
Металло- и машиностроительная промышленность	1.803.808	18,44
Бумажная и графическая промышленность	427.998	4,38
Химическая промышленн.	244.637	2,5
Пищевая „	799 995	8,17
Швейная „	851.070	8,7
Текстильная „	947.541	9,69
Строительство	1.335.337	13,6
Электропромышленность	407.368	4,17

Итак, по числу занятых в них рабочих крупнейшими отраслями германской промышленности являются: металлопромышленность и машиностроение, строительство, текстильное производство и горное дело. Если принять во внимание, что в строительстве преобладает сезонная работа, а у текстильщиков неквалифицированная рабочая сила женщин и подростков, что, конечно, вредно отзывается на их организованности, то окажется, что ядро германского пролетариата составляют, на ряду с металлистами, горнорабочие.

Но наш обзор был бы не полон, если бы мы не учли еще распределение рабочей силы по крупным и мелким предприятиям. В самом деле, для развития современного

пролетариата типичным и определяющим моментом является его скопление на крупных фабриках и заводах. Если работающий член крестьянской семьи или живущий у своего хозяина батрак, как правило, более далек от пролетариата, чем рабочий в крупном сельскохозяйственном предприятии, то то же самое следует сказать и о городском рабочем, занятом в мелком предприятии. Капиталистическое производство неизбежно уничтожает в своем развитии самостоятельность мелкого капиталистического предприятия, но далеко не всегда самую форму мелкого производства. Наоборот, некоторые крупные отрасли промышленности вызвали к жизни новые отрасли мелкого промышленного и ремесленного производства, которое, однако, остается лишь подсобным органом, лишь придатком к крупным капиталистическим предприятиям. Таковы, например, многочисленные мастерские для ремонта автомобилей, возникающие повсюду, где автомобиль становится одним из важнейших перевозочных средств. Чтобы отделить рабочих, занятых в этих мелких предприятиях, от рабочих крупных фабрик и заводов, мы приведем данные о распределении рабочих по предприятиям разной величины:

Мелкие и крупные предприятия в промышленности, торговле и транспорте.

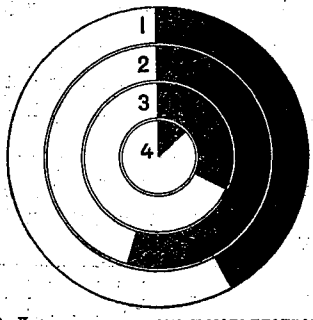
	Число предприятий		Число занятых рабочих	
	Число	В %%	Число	В %%
Мелкие предприятия (до 5 раб.)	3.109.000	89,1	5.360.000	28,6
Средние предпр. (6—50 раб.) . .	337.000	9,7	4.538.000	24,2
Крупные предпр. (свыше 50 раб.)	43.000	1,2	8.841.000	47,2
Общее количество предприятий .	3.489.000	100,0	18.739.000	100,0

Таким образом, на $^9/_{10}$ всех предприятий приходится меньше $^1/_8$ рабочих. Это доказывает, что мелкие предприятия представляют по числу занятых в них рабочих весьма незначительную величину. С другой стороны, на долю крупных предприятий, составляющих около 1% всех промышленных предприятий вообще, приходится около половины всех рабочих. Однако, эти данные слишком приблизительны, чтобы дать вполне отчетливое представление о существующих соотношениях. Главный их недостаток в том, что они относят к крупным предприятиям все те, в которых занято свыше 50 рабочих. Поэтому мы дадим более детальный обзор, учитывающий вместе с тем распределение предприятий разной величины по отдельным отраслям хозяйства: (см. след. стлб.).

Из этих цифр видно, что форма крупного предприятия преобладает в горном деле, в машиностроении и в химической промы-

Отрасли промышленности	Одиночные предприятия	Промышленные предприятия с числом рабочих: До 5 человек		6—50 человек		51—200 человек		201—500 человек		500—1.000 человек	
		Число предприят.	Число рабочих	Число предприят.	Число рабочих	Число предпр.	Число рабочих	Число предпр.	Число рабочих	Число предпр.	Число рабочих
Промышленность и ремесла в целом	751.119	1.614.080	2.687.327	205.911	2.893.756	25.492	2.392.337	5.036	1.526.259	1.341	928.609
Горное дело	189	1.423	2.433	556	12.068	341	37.382	208	67.342	117	85.031
Металлопромышленность	35.499	128.685	280.265	19.474	252.965	1.727	160.651	319	94.229	71	48.410
Произв. машин, прибор. и перев. сред.	9.350	26.077	53.787	11.838	169.014	2.350	229.208	643	201.492	234	163.350
Электротехник. промышленн.	17.631	37.126	69.383	8.137	113.149	852	81.634	197	59.956	58	39.353
Химическая промышленность	1.284	4.553	10.313	3.190	52.754	650	64.933	168	50.129	40	27.587
Текстильная „	82.767	109.773	138.546	8.910	159.089	3.025	306.257	939	286.786	231	159.982
Бумажн. и графическая промышл. . .	11.963	24.665	46.574	8.855	147.842	1.760	166.261	877	113.213	83	55.516
Пищевая и вкусовая „	30.753	259.160	601.209	31.364	359.949	2.414	214.017	340	99.736	65	43.555
Швейная промышленн.	393.420	572.028	832.111	25.648	300.242	1.788	164.354	273	81.168	40	26.693
Строительство (и подсоб. отрасли) .	75.476	180.505	343.500	41.640	600.077	4.275	376.448	433	129.078	65	43.544

шленности. Мелкие предприятия играют заметную роль в производстве готового платья, в пищевой и в текстильной промышленности. Велико число мелких предприятий и в строительном деле. Это объясняется тем, что там каждый мастер-каменщик с одним или двумя подмастерьями считается владельцем предприятия, хотя он большей частью является только наемным рабочим подрядчика. Разница в цифрах между нашим первым обзором и этой второй, более подробной таблицей происходит оттого, что здесь мы приняли во внимание только промышленность и ремесла, между тем как в первой таблице учтены также торговые и транспортные учреждения. Кроме того, официальная статистика исходит из формального единства предприятия, не считаясь с тем, является ли оно действительно самостоятельной единицей или только частью более крупного целого. Во всяком случае и последняя таблица свидетельствует о преобладающей роли горного дела, металлургии и металлообработки в производстве страны. Нижеследующая диаграмма (см. *диагр. 2*) показывает, насколько важен этот сектор промышленности: общее число горных, металлических и металлообрабатывающих предприятий не очень велико; число занятых в них рабочих не составляет и половины всего промышленного пролетариата; но число лошадиных сил, расходуемых на этих предприятиях, превосходит половину энергетического расхода всей германской промышленности.



Диагр. 2. Доля горного дела и металлопромышленности во всей промышленности (по пер. 1925 г.).
1.—Мощность механич. перевозочных средств. 2—Мощность силовых установок. 3—Число занятых лиц. 4—Число предприятий.

Таким образом, удельный вес пролетариата так наз. тяжелой промышленности еще больше, чем это могло бы показаться на основании его количества и сконцентрированности.

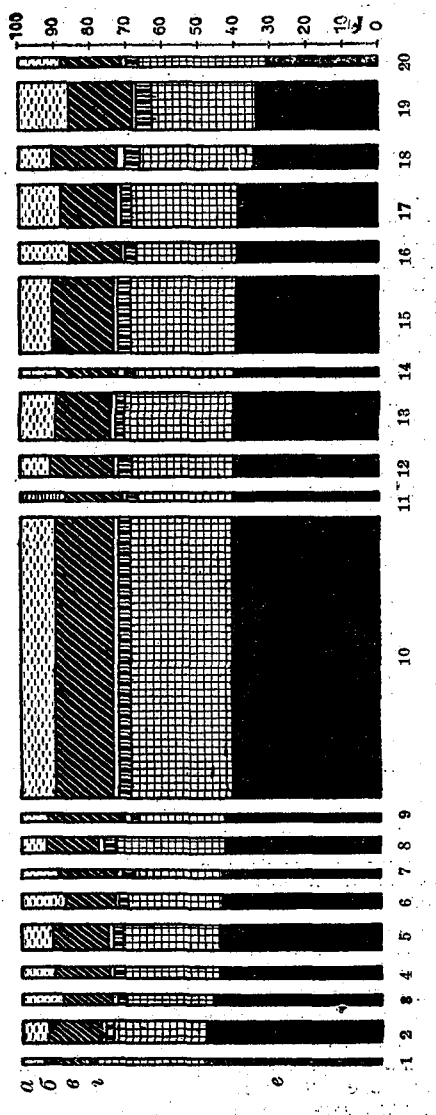
к) Территориальное распределение рабочих. Параллельно с концентрацией производства в крупных предприятиях происходила также все большая концентрация этих предприятий. Хотя в связи с рационализацией и заменой работы пара электрической энергией открылись пути к децентрализации промышленности, тем не менее пока еще для Германии остается характерным скопление фабрик и заводов вокруг отдельных центров. Как известно, германская промышленность была первоначально сосредоточена в трех центрах: в Саксонии, Силезии (текстильная промышленность) и в Рейнско-вестфальском угольном районе, сделавшемся подлинной колыбелью германского капитализма. В дальнейшем к этим трем центрам прибавился еще Берлин; в виду привилегированного положения этого города, как столицы германской империи, вокруг него развилась мощная промышленность, несмотря на неблагоприятные естественные условия.

Но и в крестьянских областях южной Германии промышленность пустила глубокие корни, и там она создала крупные центры. Вне промышленного развития остались в сущности только северные районы с преобладающим помещичьим землевладением; там промышленность развилась только в портовых городах (Гамбург, Бремен, Любек, Штеттин, Кенигсберг), но зато развилась с гигантской быстротой.

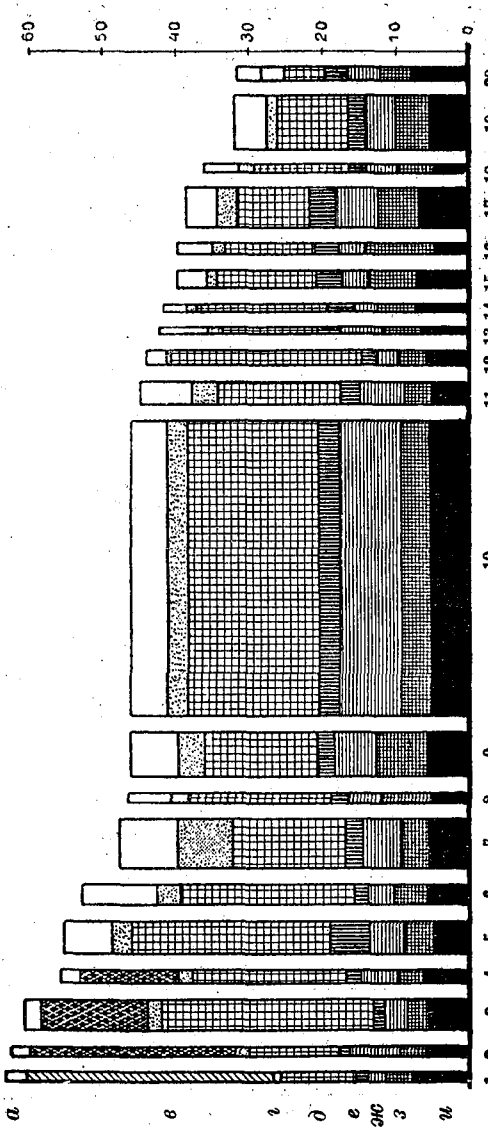
л) Скопление промышленных рабочих в крупных городах. Для процесса концентрации городского пролетариата особенно характерно его скопление в крупных городах. Если отвлечься от Рейнско-вестфальского промышленного района, который в сущности представляет собою один большой город и административное подразделение которого на отдельные округа становится тем бессмысленней, чем больше его города сливаются в одно целое благодаря пространственной близости и условиям транспорта,— если отвлечься от этого района, то социальный состав населения в 20 крупных германских городах, охватывающих больше $^1/_6$ всего германского населения, представляется в следующем виде (см. *диагр. 3*).

Какие же отрасли промышленности являются руководящими в крупных городах? Прежде всего — металлопромышленность. Второе место после нее занимает пищевая промышленность, а в некоторых районах — текстильная, как это показано в след. диаграмме распределения промышленного населения вышеприведенных крупных городов по важнейшим отраслям промышленности (см. *диагр. 4*).

м) Участие женщин в составе пролетариата. Роль женского труда в промышленности и сельском хозяйстве становится все значительней. В сельском хозяйстве женщины составляют большинство

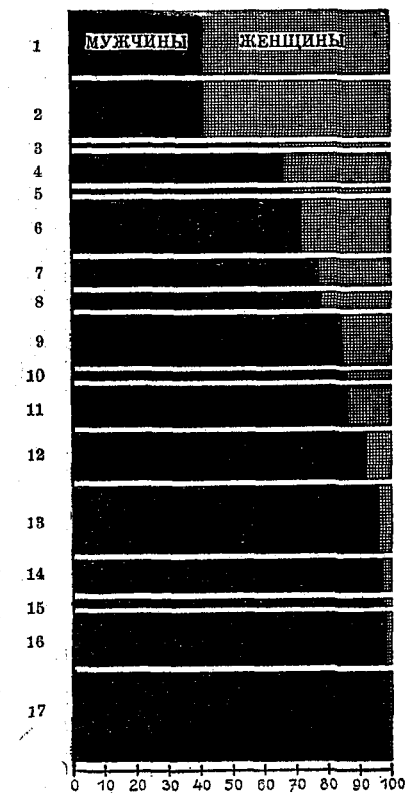


Диагр. 3. Социальный состав населения в 20 германских крупных городах по профес. переписи 1925 г. (в %% ко всему населению города).
а—Самостоятельные лица без определ. профессии. *б*—Самостоятельные лица. *в*—Члены семьи, помогающие своей работой. *г*—Домашние работники. *д*—Служащие и чиновники. *е*—Рабочие. 1—Людвигсгафен. 2—Хемниц. 3—Аугсбург. 4—Альтона. 5—Нюренберг. 6—Киль. 7—Любек. 8—Маннгейм. 9—Плауэн. 10—Берлин. 11—Брауншвейг. 12—Бремен. 13—Лейпциг. 14—Майнц. 15—Гамбург. 16—Кенигсберг. 17—Дрезден. 18—Штуттгарт. 19—Мюнхен. 20—Карлсруэ.



Диагр. 4. Промышленное население 20 крупных городов по профес. переписи 1925 г. (в %% к населению города).
а—Прочие отрасли промышленности. *б*—Текстильная пром. *в*—Химическая пром. *г*—Бумажная пром. *д*—Металлопромышленность. *е*—Деревообделочная и пр. пром. *ж*—Швейная пром. *з*—Пищевая пром. *и*—Строительство. 1.—Людвигсгафен. 2.—Плауэн. 3—Хемниц. 4.—Аугсбург. 5.—Нюренберг. 6.—Маннгейм. 7.—Лейпциг. 8.—Брауншвейг. 9.—Дрезден. 10.—Берлин. 11.—Штуттгарт. 12.—Киль. 13.—Майнц. 14.—Любек. 15.—Бремен. 16.—Альтона. 17.—Мюнхен. 18.—Карлсруэ. 19.—Гамбург. 20.—Кенигсберг.

среди работающих членов крестьянских семей; в промышленности их участие возрастает с каждым годом по размерам и значению. Рост хозяйственной самодеятельности женщин является одним из красноречивейших симптомов пролетаризации широких масс, ибо не сознание их подчиненной роли в обществе толкает женщин на путь этой самодеятельности, а нужда, невозможность мужчине прокормить всю семью собственным трудом. В настоящее время число зарабатывающих мужчин относится к числу зарабатывающих женщин, как 2 : 1.



Диагр. 5. Соотношение мужского и женского труда в промышленности и ремеслах (по профес. переписи 1925 г.).
1—Текстильная промышл. 2—Швейная промышл. 3—Резиновая пром. 4—Бумажная пром. 5—Производство музыкальных инструментов. 6—Пищевая пром. 7—Электротехническая пром. 8—Химическая пром. 9—Производство металлических изделий. 10—Кожевенная пром. 11—Производство строительных материалов. 12—Деревообделочная пром. 13—Машиностроение. 14—Железоделательная пром. и пр. металлургия. 15—Снабжение водой, газом и электричеством. 16—Горное дело. 17—Строительство.

Среди рабочих, занятых в промышленности, насчитывается 3.503.824 женщины. По различным отраслям промышленности они распределены далеко не одинаково. В общем надо сказать, что женщины выполняют менее квалифицированную работу, чем мужчины. Даже там, где они могли бы заняться более квалифицированным трудом, они не находят доступа к нему вследствие укоренившихся предрассудков. Процентное соотношение между мужским и женским трудом в отдельных отраслях промышленности показано в следующей диаграмме (см. *диагр. 5*).

В текстильной промышленности и в швейном производстве преобладает, таким образом, женский труд; в резиновой и бумажной промышленности он превышает средний процент трудящихся женщин; наконец, в горном деле и в строительстве участие женщин минимально.

2. Численный рост пролетариата и его источники. Офиц. статистика, являющаяся единственным источником для знакомства с развитием германского пролетариата, не дает достаточного материала для подробной характеристики этого развития. Профессиональные переписи, производившиеся с 1882 г., настолько различны по своим методам, что их результаты можно сравнивать только с большими оговорками. Так как вопрос о составе германского населения в общих чертах достаточно освещен в статье об индустриализации Германии (*см.* XIV,71/174), то мы ограничимся здесь характеристикой движения народонаселения с 1907 г., т.-е. за то время, на которое приходится мощный расцвет германского империализма, война и кризисный послевоенный период. За эти годы мы наблюдаем, на ряду с ростом населения в целом, также изменения в его составе, которые теснейшим образом связаны с развитием капиталистического производства: сельское хозяйство идет на убыль, а промышленность переживает сильный подъем, при чем особенно обращает на себя внимание резкий прирост женской рабочей силы.

Нижеследующая диаграмма (см. *диагр. 6*) показывает прирост или убыль самодеятельного населения с 1907 г. в процентах от соответствующих цифр этого года.

Особенно бросается в глаза огромный прирост служащих. Это явление вызвано происшедшей концентрацией и централизацией промышленности и теснейшим образом связано с созданием гигантских центральных учреждений, столь характерных для эпохи империализма. Впрочем, и здесь капиталистическая рационализация уже успела произвести изменения, о которых мы еще будем говорить ниже.

Из каких же категорий населения рекрутируются жители городов? Хотя официальная статистика и учитывает различие на-

селенных пунктов по их величине, но это дает лишь слабое представление об изменениях в составе различных профессиональных групп, потому что очень многие рабочие живут вдали от мест своей работы в небольших поселках. Тем не менее прирост городского населения позволяет до некоторой степени судить о происходящей передвижке в соотношении города и деревни.

Согласно данным официальной статистики, городское население возрастало в период от 1880 до 1907 г. следующим образом:

1880—1895 г.	36,47%
1895—1907 „	38,9%
1880—1907 „	89,6%

Таким образом, за 25 лет городское население увеличилось почти на 90%. На ряду с этим мы видим не убыль, а слабый прирост сельского населения. Это объясняется тем, что за данный промежуток времени произошел прирост всего населения в целом—с 45,1 млн. в 1880 г. до 60,3 млн. в 1905 г. (лишь в 1925 г. можно было установить абсолютную убыль сельского населения). Этот прирост пошел почти исключительно на увеличение городского населения, хотя наибольшее число детей рождается в деревнях. Согласно данным за 1896—1901 г.г., на один крестьянский брак приходилось 5 детей, а на один брак среди рабочих-металлистов—только 3 ребенка. Избыток сельскохозяйственного населения идет, таким образом, в первую голову на увеличение *городского пролетариата*.

а) Экспроприация крестьян, как источник роста пролетариата. Крестьянство составляет значительную долю пролетаризующихся элементов населения. Возрастающее дробление крестьянских земель приводит к тому, что крестьянину уже не хватает земли для прокормления своего семейства. Конечно, этот процесс совершается не механически, так как большинство крестьян сознает угрожающую опасность и принимает меры против дробления крестьянской собственности. Делались даже попытки провести такие меры в законодательном порядке. В некоторых частях Германии с этой целью попытались возродить т. наз. дворовое право. Смысл этих законов сводится к тому, чтобы оградить определенные крестьянские земли, заносимые в особый подворный список, от раздробления путем разделов между наследниками. Вместо соответствующей земельной доли сонаследникам выдается денежное возмещение и т. д. На практике этот порядок не дал больших результатов, потому что он возлагает на крестьянина больше тягот, чем приносит ему выгод. Неделимость крестьянского владения покупается ценой ограничения возможностей получать ипотечный кредит и т. д. В случае большой семьи на главного наследника ложатся такие расходы, которые делают весь этот порядок весьма маловыгодным для крестьянина (*см.* XXIX, 610/12; XXXI, 308/10).

Как бы то ни было, цифры профессиональных переписей свидетельствуют о дальнейшем дроблении крестьянских хозяйств: с 1882 до 1895 г. число последних возросло с 5,27 до 5,56 млн., при одновременном сокращении обрабатываемой площади на 0,1 гкт. на хозяйство. В виду произведенных за последние годы разделов некоторых земель для переселенческих и колонизационных надобностей, цифры позднейших переписей не годятся для сравнения, но во всяком случае тенденция к дроблению крестьянской собственности сохраняется.

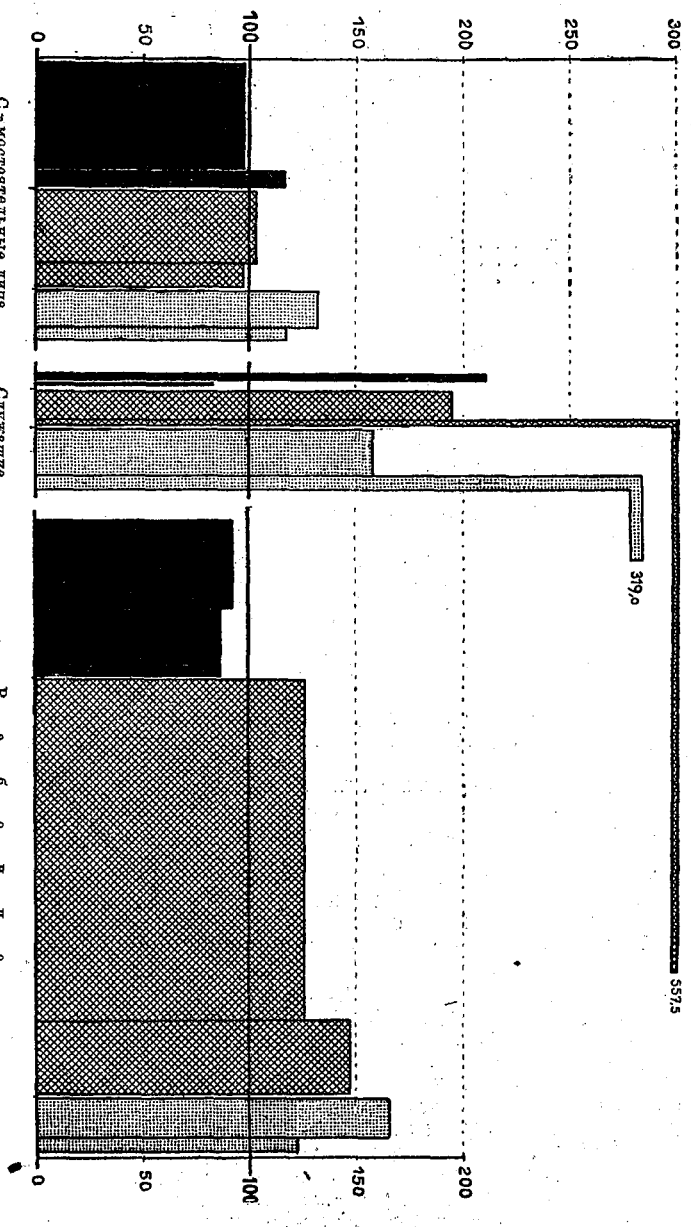
На ряду с младшими крестьянскими сыновьями, у которых нет другого выхода, кроме работы в городе, необходимо еще учесть число крестьян, которые уже не могут прокормиться своим хозяйством и поэтому вынуждены искать еще других заработков. В 1907 г. в сельском хозяйстве насчитывалось 500.000 самостоятельных хозяев, которые должны были прирабатывать на стороне. Кроме того, имелось 2,26 млн. человек других профессий, занимавшихся сельским хозяйством в виде побочного заработка. Сюда относятся многочисленные кустари, чулочники, резчики по дереву, выдувальщики стекол, плетельщики соломенных шляп и т. д., работающие со своими семьями на крупных заказчиков.

Многочисленность лиц этой категории объясняется большим количеством карликовых крестьянских хозяйств. Почти у половины крестьянских хозяйств Германии обрабатываемая площадь составляет меньше 1 гектара, у трех четвертей — меньше 5 гектаров. Есть целый миллион карликовых хозяйств с площадью меньше чем в 20 аров.

Тем не менее, приток крестьян в города не так велик, как можно было бы думать в виду такого обнищания крестьянского населения. Вызывается это, во-первых, тем, что промышленность все больше проникает в сельские районы; а во-вторых, в результате интенсификации крестьянского хозяйства возрастает спрос сельскохозяйственного производства на рабочие руки, так что часть разоренных крестьян и неимущих крестьянских сыновей поглощается обратно сельским хозяйством.

б) Тяга сельскохозяйственных рабочих в города. Гораздо сильнее, чем у крестьян, выражена тяга в города у сельскохозяй-

ственных рабочих и малоимущих арендаторов в районах с преобладающим помещичьим землевладением. Полуфеодальные формы эксплоатации в Вост. Пруссии по-



Диагр. 6. Изменения в социальном составе.

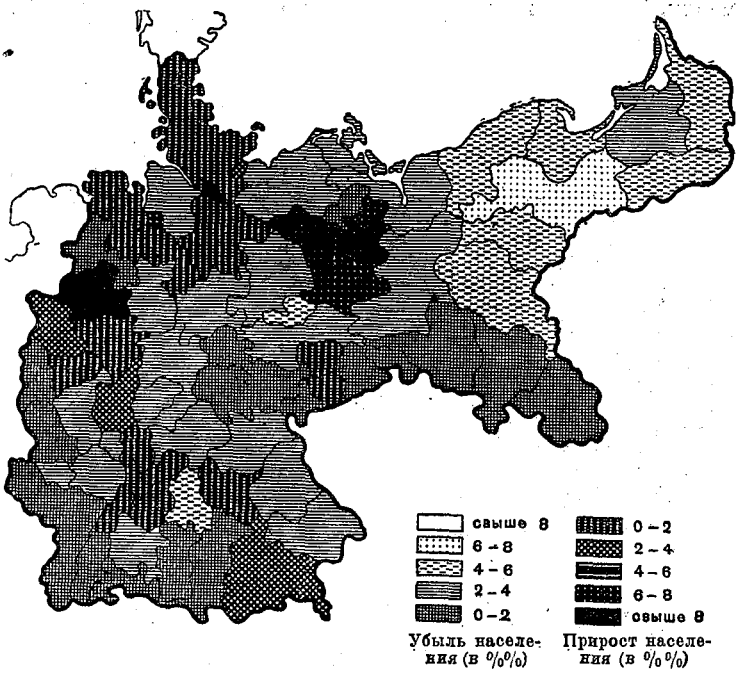
Количество самостоятельных лиц, служащих и рабочих, мужчин и женщин, в сельском хозяйстве, промышленности и ремеслах, а также в торговле и транспорте (1925 г. по отношению к 1907 = 100).
(Черные колонки — сельское хозяйство, заштрихованные косой клеткой — промышленность и ремесла, заштрихованные точками — торговля и транспорт; первая колонка — мужчины, вторая — женщины).

мешали росту и интенсификации сельского хозяйства. Экстенсивные методы земледелия в помещичьих имениях не давали возможности поглотить излишки крестьянского населения. Несмотря на быстрые успехи сельскохозяйственной промышленности, население восточных провинций Пруссии убывает. Из тех 10 миллионов человек, которые переселились в города за время от 1895 до 1905 г., целых 4 миллиона приходится на области к востоку от Эльбы. Как показывают помещаемые ниже диаграммы — см. *диагр.* 7 *и* 8—это движение продолжалось до 1925 г. Этот

поток устремлялся к двум центрам—в Берлин и в Рейнско-вестфальскую область. В вестфальской горной промышленности имелось и имеется также много польских рабочих, пришедших, главным образом, из Вост. Пруссии и лишь в незначительной части из России. Отчасти способствовала этому переселенческому движению и политика германского правительства, которое в целях борьбы с национальными меньшинствами старалось заселить славянские области немецкими крестьянами и вытеснить оттуда польских сельскохозяйственных рабочих.

Правда, огромным препятствием являются здесь низкий уровень их образования и подчас сильные религиозные предрассудки. Там, где имеются и национальные различия, это обстоятельство усердно используется предпринимателями, чему способствует также довольно глубоко вкоренившееся предубеждение немецкого квалифицированного рабочего против иностранцев и в особенности против славян.

в) Эмиграция и иммиграция. Подобно всем крупным капиталистическим странам, и Германия „экспортировала" часть своего избыточного населения. Но так как у Германии не было колоний, куда она могла бы направлять излишки своего населения (германские колонии были в состоянии поглотить лишь небольшое количество выходцев из метрополии, и туда обыкновенно старались направлять наиболее „надежные" элементы — бывших офицеров, членов старых буржуазных фамилий и т. д.), то главный поток эмигрантов шел в Соед. Штаты Сев. Америки, и лишь меньшинство уходило в другие страны, среди которых за первые десять лет текущего столетия особенно выделились южно-американские государства.



Диагр. 7. Итоги внутрени. переселенческого движения за 1905—1910 гг.

Великое различие между крестьянами-кустарями и уходящими в города сельскохозяйственными рабочими заключается в том, что последние теряют даже ту слабую связь с деревней, которая еще остается у крестьянина, рассчитывающего в случае безработицы вернуться на землю. Если сыновья середняцких крестьян, даже став рабочими, часто продолжают оставаться в плену у буржуазной идеологии и замыкаются от своих товарищей по классу, если многие из них стараются устроиться в армии, в полиции и в низовых органах государственного аппарата, то совсем другой слой представляют собою сельскохозяйственные рабочие, гораздо более доступные влиянию пролетарской идеологии.

Но если в период от 1875 до 1890 г. эмигрировали преимущественно рабочие, бежавшие от преследований революцион-

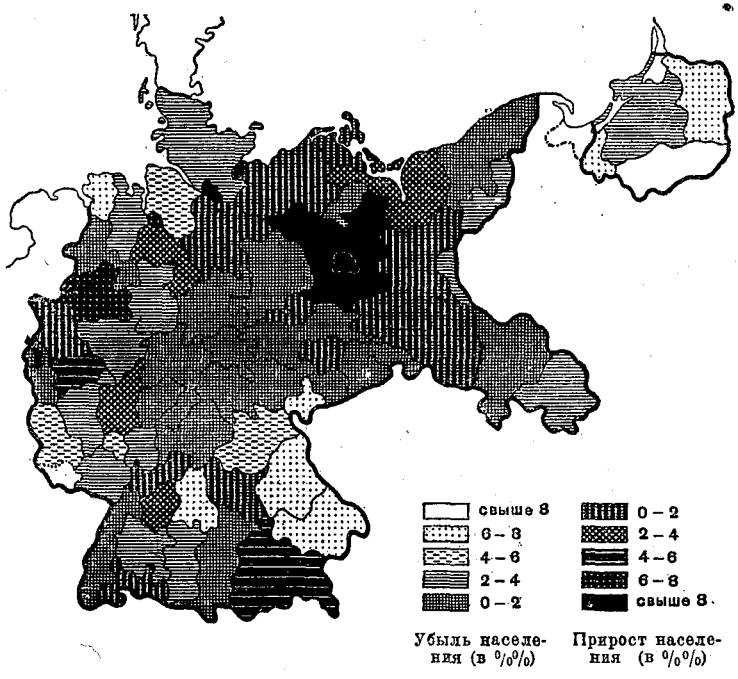
ного рабочего движения и социал-демократии, то в позднейшие годы главную массу эмигрантов составляли крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, которые надеялись найти работу в Америке. Отлив из страны квалифицированной рабочей силы, игравший прежде заметную роль, уменьшался по мере того, как германский империализм приобретал возможность подкупать верхний слой пролетариата из своих монопольных прибылей. В общей сложности из Германии эмигрировало в 1901—1914 гг. 300.000 человек.

Но одновременно в Германию притекали новые элементы. В невыносимых условиях

Постоянным фактором иммиграции являются так наз. Sachsengänger'ы (странствующие рабочие). Это—иностранные, преимущественно польские сельскохозяйственные рабочие, ежегодно приезжающие в Германию на время уборки урожая для работы в помещичьих имениях. Число их колеблется между 60.000 и 300.000. Часть из них остается в Германии и теряет таким образом характер странствующего рабочего элемента. Наконец, в пограничных районах имеется около ста тысяч рабочих, попеременно находящих себе работу то в одной, то в другой стране.

В больших строительных работах (сооружение шоссейных и железных дорог, водопроводов, портовых построек и т. д.) нередко участвовали итальянские строители; подобно Sachsengänger'ам, они летом работали в Германии, а зимой возвращались на родину.

Как итальянские строители, так и Sachsengänger'ы всегда служили средством для снижения зарплаты. Связанные большей частью договорами с посредниками и боящиеся высылки или преследований за малейшее самостоятельное выступление, они были и остаются совершенно беззащитными перед предпринимателем. Для их организации и прочного объединения с не-



Диагр. 8. Итоги внутренн. переселенческого движения за 1910—1925 гг.

русского царизма, угнетавшего национальные меньшинства и в особенности евреев, Россию ежегодно покидали тысячи эмигрантов, направлявшихся раньше всего в Германию. Это, несомненно, доставляло Германии по несколько тысяч приезжих в год, хотя у нас и нет относящихся сюда цифр, потому что этот „нежелательный" приток иностранцев всегда старались трактовать, как чисто временное явление. Впрочем, лишь самая незначительная часть этих эмигрантов состояла из пролетариев в тесном смысле слова; в большинстве это были полупролетарские элементы, мелкие торговцы и т. д.

мецкими рабочими не было сделано почти ровно ничего.

После войны из странствующих рабочих остались только Sachsengänger'ы и живущие в пограничных районах иностранные рабочие. Там, где национальные различия не играют роли, иностранные рабочие уже охватываются теперь пролетарскими организациями и не являются больше чужеродным элементом внутри германского Р. к.

г) Пролетаризация средних слоев городск. населения. Огромным резервуаром, из которого непрестанно пополняются пролетарские кадры, служит городское мещанство—ремесленники и мелкие торговцы. При этом надо различать рабочих, занятых в ремесленном производстве или в торговле и транспорте и отличающихся от остальной рабочей массы только своей идеологией, своим подчеркнуто цеховым образом мысли,—и экономически самостоятельные элементы. „Самостоятельные" торговцы, мастера и т. д. составляют группу, которая, по крайней мере до 1925 г., была проникнута сознанием своего безусловного превосходства над пролетариями. А между тем уже сейчас большинство этой группы следует прямо причислить к пролетариату. Уже в 1895 г. 58,74% обследованных промышленных предприятий обслуживалось одним рабочим, а 33,24% имело до пяти рабочих. К этим двум категориям принадлежало, таким образом, больше $^9/_{10}$ всех рассматриваемых предприятий, при чем следует еще заметить, что речь идет здесь только о предприятиях без механического двигателя.

На ряду с этим существует, однако, еще домашняя промышленность, т.-е. предприятия, не имеющие общей мастерской; из этих предприятий 81,15% занимает по одному рабочему, 17,50%—до пяти рабочих. Стало-быть, около 99% всех ремесленных предприятий этого типа относится к двум наинизшим категориям.

Особенно велико число этих „самостоятельных пролетариев" в швейной промышленности. Усердный поклонник и панегирист капитализма, Вернер Зомбарт, дает следующую весьма выразительную характеристику этого вида промышленности и его развития:

„Начало производства готового платья восходит в Германии к сороковым годам прошлого века... Ныне производство готового платья сделалось одной из важнейших отраслей промышленного капитализма в Германии. При этом оно и сейчас осуществляется, главным образом, в форме домашней промышленности: следует только отметить, что в этой отрасли между крупной фирмой и домашними рабочими часто фигурируют „мастера-посредники", об'единяющие рабочих или работниц в собственных небольших мастерских по шести, десяти, пятнадцати человек. О росте и распространении этой важной отрасли промышленности сообщу еще следующее. В Германии в производстве мужского готового платья можно различить три производственных района: северо-германский, южно-германский и западно-германский. Центрами первого из этих районов являются Берлин и Штеттин. Главным центром, и не только для северной Германии, но для всей Германии вообще, бесспорно служит Берлин, всецело господствующий на рынке высокосортных товаров, но изготовляющий также в большом количестве и дешевые вещи. Южно-германский район охватывает, гл. обр., Франкфурт-на-Майне и его окрестности, Ашаффенбург, Нюренберг и Штуттгарт. К западно-германскому району принадлежит рейнско-вестфальское производство рабочей одежды и летнего платья; его главные центры — Мюнхен-Гладбах, Бармен-Эльберфельд и округа Минден, Герфорд, Люббеке, а также Билефельд (город и округ). Производство дамского платья локализовано в трех городских центрах; его главный центр в Берлине, производящем все высокосортные товары, между тем как в Бреславле и Эрфурте вырабатывается более дешевый и массовый продукт. Все производство готового платья сосредоточено преимущественно в крупных, большей частью в очень крупных предприятиях. Крупнейшая фирма мужского и детского платья в Бреславле выпускает ежедневно 1.000—1.800 костюмов, крупнейшая фирма дамских пальто там же изготовляет ежегодно 200.000 „штук" (т.-е. дамских пальто и жакетов). В Бреславле имеется около 25—30.000 портных и портних, большинство которых работает на дому в производстве готового платья. В Штеттине насчитывается около 30 предприятий, в которых занято несколько тысяч рабочих, в Ашаффенбурге шесть оптовых заведений с числом рабочих до 2.000 человек. Продукция этих гигантских предприятий сбывается лишь в незначительной своей части на месте производства (хотя большинство фирм имеет и розничные магазины), главная же масса товаров высылается во все страны мира; из Германии ежегодно вывозится дамского платья приблизительно на 100 млн. марок. Но внутри страны остается еще гораздо больше. Стоимость производимого в Германии готового платья оценивается в 400 млн. марок, стоимость одного берлинского производства пальто—в 120—180 млн. марок" (В. Зомбарт, „Die deutsche Volkswirtschaft", 4-е изд., стр. 291—292).

Аналогичное положение мы имеем в пищевой промышленности с ее бесчисленными мелкими пекарнями, мясными лавками и т. д., в мелкой торговле и гостиничном деле: сотни тысяч мелких торговцев суть не что иное, как служащие крупных промышленных в торговых заведений. Мелкие комиссионеры, которых как статистика, так равно и их собственное самочувствие отделяет от пролетариата, тоже на самом деле пролетарии и к тому же очень жестоко эксплоатируемые.

Профессиональная перепись 1925 г. показывает, что очень многие из этих карликовых предприятий все еще сохранили свою самостоятельность на ряду с мощным развитием капитализма; согласно данным этой переписи, в Германии до сих пор имеется 751.000 предприятий с одним рабочим и 863.000—с числом рабочих до пяти человек (обе группы составляют 87,1% всех предприятий).

Только капиталистическая рационализация резко изменила положение: мелкое производство без механического двигателя, при формальной самостоятельности рабочего, имеет смысл лишь до тех пор, пока

максимальная эксплоатация рабочей силы при минимальной зарплате обеспечивает более высокую прибыль, чем механизация трудового процесса. В пекарном деле и в *обувной промышленности* рационализированные механические фабрики уже сейчас в значительной мере вытеснили работу на дому. Но этого еще нельзя сказать о производстве готового платья и белья, где пока машинизированы только некоторые трудовые процессы (кройка), вообще же домашний труд продолжает держаться. Объясняется это тем, что домашний труд допускает гораздо большую эксплоатацию (неограниченное рабочее время, отсутствие социального страхования, помощь членов семьи и т. д.).

Пролетаризация городского мещанства происходит обыкновенно так, что старые хозяйственные формы пронизываются новыми отношениями зависимости и подчинения, при чем, однако, сохраняется иллюзия самостоятельности. Избыток населения, занятого в ремесленном производстве и мелкой торговле, лишь в ничтожной своей части поглощается промышленным пролетариатом: немецкий мелкий буржуа всегда стремился остаться хотя бы по видимости чем-то „более высоким", чем „простой рабочий". Ради этой видимости он готов пойти на крайнее напряжение трудовых усилий и на гораздо худшие условия жизни, чем те, в каких живет квалифицированный рабочий. Ценою таких жертв молодое поколение этих слоев получило возможность выбрать себе другие профессии. В лучшем случае, это — интеллигентные профессии (врачи, учителя, духовенство), государственная служба или служба в частных предприятиях и торговых заведениях.

Именно из этих слоев рекрутируется великая армия получающих скудный прожиточный минимум низших чиновников и низших служащих в торговле, банках и промышленности. Право на пенсию, этот идеал мелкого буржуа, служит им „компенсацией" за потерю самостоятельности.

Мы приходим к следующему результату: ремесленники, торговцы и т. д. частью низводятся до пролетарского уровня, сохраняя при этом кажущуюся самостоятельность, частью же эти элементы вливаются в те слои пролетариата, которые отделяются от остальных рабочих некоторыми мнимыми привилегиями или же действительными преимуществами. Служащие и „самостоятельные" пролетарии во многом сохраняют, таким образом, после своей пролетаризации старую буржуазную идеологию. Происхождение низших служащих из слоев городского мещанства, связанных многочисленными личными, родственными и традиционными связями со средними слоями господствующей буржуазии, помогает командующему классу разлагать и развращать весь состав служащих до самых низов. Поскольку число служащих, во всяком случае до окончания войны, непрерывно возрастало, здесь открывалась возможность устройства для подавляющего большинства пролетаризованных мелкобуржуазных элементов.

д) Война и инфляция, как факторы ускорения пролетаризации. Война и последовавший за нею тягчайший кризис, выразившийся прежде всего в обесценении валюты и в полнейшей экспроприации мелких и средних рантье, чрезвычайно ускорили процесс пролетаризации. Война расширила круг самодеятельного населения; женщины, исполнявшие в военное время мужскую работу, оказались вынуждены, в экономических условиях послевоенного кризиса, искать самостоятельных заработков, не ограничиваясь прежней ролью домашних хозяек. Другим последствием войны было то, что привилегированное положение некоторых слоев служащих стало колебаться, так как буржуазии было важнее успокоить *кое-какими уступками рабочих, чем и без* того лойяльных служащих и чиновников.

Это ярко обнаружилось в том курсе, который был взят во время войны в вопросах заработной платы. Социальные уступки (социальное страхование, обеспечение безработных, права рабочих на предприятиях и т. д.), вырванные у буржуазии революционным движением 1918 г., явились дальнейшим ударом по привилегированному положению служащего; если последний мирился прежде с жалкими условиями своего труда потому, что он все-таки имел некоторый обеспеченный минимум, то теперь это обстоятельство отпало. И поскольку рабочему тоже были теперь гарантированы отпуска, соблюдение определенных условий при увольнении и даже было обещано обеспечение старости, нельзя было понять, почему бы служащему и чиновнику, особенно низшему чиновнику, приказчику и т. д., не начать борьбу за улучшение своего положения теми же способами, какими борется рабочий.

Так в результате войны различные слои пролетариата сблизились между собою. Даже те широкие уступки, которые были сделаны служащим в области социального обеспечения, не могли восстановить прежнего положения тесной связанности служащих с предпринимателями.

Дальнейшим шагом в том же направлении явился тяжелый кризис, завершившийся революционной вспышкой 1923 г.: обесценение бумажных денег до одной миллиардной их первоначальной стоимости разорило миллионы мелкобуржуазных се-

мейств, низвело условия их жизни гораздо ниже пролетарского уровня. Многочисленные узы, еще связывавшие эти слои с буржуазией, были порваны. То обстоятельство, что более организованные рабочие гораздо быстрее справлялись с трудностями, добивались более высокой зарплаты и т. д., убеждало многих служащих в преимуществах пролетарского положения.

Если уже все перечисленные обстоятельства ускоряли, экономически и идеологически, процесс пролетаризации, то совсем особенное значение принадлежит в этом отношении рационализации промышленности. Начиная с 1925 г., рационализация все больше охватывает те отрасли труда, которые до того были преимущественным достоянием мелкобуржуазных и полупролетарских слоев; это относится как к домашней промышленности и кустарничеству, так и к службе в государственных и частных учреждениях. Машинизация канцелярского труда (бухгалтерские и счетные машинки, карточная система и т. д.), а также последовавшая за инфляцией гигантская централизация обрекли на безработицу сотни тысяч служащих. Вся армия бухгалтеров, счетоводов и т. д., ведших прежде скромное, но обеспеченное существование, оказалась вытесненной по крайней мере из крупных предприятий. Это поневоле заставляет людей искать другого заработка вместо предпочитавшегося прежде канцелярского труда. И те из более молодых служащих, которые не в состоянии приобрести техническую квалификацию, вынуждены теперь итти в рабочие.

Учитывая это положение, органы по борьбе с безработицей и профсоюзы устраивают т. наз. курсы переподготовки для создания из безработных служащих кадров квалифицированной рабочей силы. Окончившие эти курсы имеют особенно много шансов попасть на производство, где они должны составить привилегированную гвардию предпринимателей. Таким путем они могут при известных обстоятельствах вернуть себе свои прежние преимущества.

3. Экономическое положение германского пролетариата. Германский пролетариат достиг накануне войны сравнительно высокой ступени благосостояния; немецкий квалифицированный рабочий приближался по своему жизненному уровню к английскому рабочему. Он шел впереди Р. к. больших европейских стран; только американский, английский и шведский рабочий-специалист зарабатывали больше немецкого. Молодой германский империализм поставил своих рабочих в более благоприятные условия, чем его более старый французский соперник.

Однако, война изменила в корне это положение. Головокружительное падение валюты, начавшееся во время войны и достигшее прямо фантастических размеров к 1923 г., уравняло условия жизни всего германского Р. к., сведя их к нищенскому уровню. Затем начинается новый период — период дифференциации и постепенного подъема заработной платы германских рабочих. Эта дифференциация становится все глубже, создаются новые привилегированные слои пролетариата, с особенно высокой зар. платой и благоприятными условиями труда. В результате жизненный уровень одной части Р. к. повышается против довоенной нормы, между тем как для всего пролетариата в целом он значительно снижается в виду безработицы, ставшей хроническим массовым явлением.

Массовая безработица сделалась, действительно, одним из характернейших признаков „стабилизованного" германского хозяйства. Это есть очевидное последствие перманентного кризиса капитализма, неустранимого такими временными подъемами конъюнктуры, как подъем 1928 г. Мы займемся теперь рассмотрением заработной платы различных категорий рабочих сравнительно с ее довоенным уровнем; это даст нам некоторый материал для суждения о том, как изменилось положение германского Р. к.

а) Разряды заработной платы. Чтобы составить себе ясное представление о дифференциации германского пролетариата, начнем с обзора различных ставок оплаты труда.

Определение *денежной зар. платы* в Германии дело не трудное, поскольку огромное большинство и даже почти все рабочие оплачиваются по коллективному договору. Это позволяет собрать нужный материал для сравнения различных ставок.

Наихудше оплачиваемую категорию рабочих составляют сельскохозяйственные рабочие. Часть заработной платы выдается им натурой. Затем идут текстильщики, за ними рабочие графической и бумажной промышленности и химики. К выше оплачиваемым категориям принадлежат горняки, печатники, металлисты и строители. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что в строительном деле работы производятся только весной, летом и осенью, так что высокая на первый взгляд зар. плата строителей при раскладке на целый год оказывается довольно низкой.

С 1925 г. по 1927 гг. зар. плата повышалась не раз. Высокая конъюнктура 1925 г. была временно использована рабочими. Но предприниматели быстро сумели снова отнять те не очень большие прибавки, которых рабочие добились в этот период. Мы возьмем поэтому за основу ставки середины

1927 г., когда уже началось понижение конъюнктуры. В нижеследующей таблице показаны тарифные ставки недельной зар. платы (при 54—60-часовой рабочей неделе в горной промышленности и 48-часовой в остальных отраслях):

Недельная заработная плата обученных и необученных рабочих 1 июля 1927 г.

Отрасли производства	Обученные	Необученные
	(в марках)	
Горное дело	54,00	38,04
Металлопромышленность	48,82	33,81
Химическая промышленность	44,30	37,80
Строительство	57,88	47,24
Деревообделочная промышленность	49,05	42,24
Бумажная промышленность	35,18	31,58
Текстильная промышленность (мужская зарплата)	32,11	26,93
Текстильная промышленность (женская зарплата)	25,25	19,92
Пивоваренная промышленность	51,76	45,77
Кондитерская и пекарная пром.	42,77	36,91
Печатное дело	49,40	43,01
Картонажная промышленность (мужская зарплата)	39,79	33,65
Картонажная промышленность (женская зарплата)	26,11	21,46
Государственные железные дороги	44,78	35,88
Средняя величина	49,17	36,70

По всем отраслям, обнимаемым тарифными договорами, средняя недельная тарифная заработная плата в абсолютных числах изменялась следующим образом (для уяснения ее покупательного значения приводим параллельно официальные данные об изменении стоимости жизни рабочей семьи сравнительно с довоенным временем =100):

	Обучен. рабоч.	Необуч. рабоч.	Изменен. стоимости жизни	
	в имперок. марках		всего	без кварт. платы
1913	35,33	23,52	100,0	100,0
июль 1924	35,71	26,41	126,4	142,4
„ 1925	45,90	32,37	143,3	158,9
„ 1926	45,98	34,05	142,4	152,0
1 авг. 1927	49,09	36,64	147,7	156,0
июль 1928	51,46	38,90	152,6	159,4
июль 1929	53,79	41,66	154,4	161,6

Но, разумеется, при оценке этого роста номинальной зар. платы, помимо вздорожания жизни, следует постоянно иметь в виду полную и частичную безработицу, данные о которой приведены ниже (см. 717).

Чтобы дать лучшее представление о величине денежной зар. платы, напомним, что 2 марки равняются 1 рублю зол., так что максимальная недельная зар. плата составляет 29 руб. зол., а минимальная — 9 р. 50 к. (отвлекаясь от сельскохозяйственных рабочих). Если при подсчете средней величины зар. платы исходить из числа соответствующих рабочих, то для квалифицированных рабочих получается средняя ставка в 22 руб., а для неквалифицированных в 15 руб.

б) Формы заработной платы. В Германии мы имеем, главным образом, лишь часовую или сдельную (поштучную) зар. плату. Натуральной зар. платы, как правило, больше не существует. Но есть ряд отраслей, в которых часть зар. платы выдается натурой. Эту часть (т. наз. Deputat) сельскохозяйственные рабочие получают продовольствием, горняки—углем, рабочие-пищевики—продуктами своей фабрики. Размеры этих выдач различны и определяются коллективным договором. Их денежная стоимость включается в зар. плату. В отдельных отраслях, напр., в пивоваренной, принято в тех случаях, когда рабочий не в состоянии потребить все количество полагающегося ему пива, выдавать ему соответствующую денежную компенсацию. Надо, впрочем, сказать, что такой порядок встречается в общем довольно редко.

К заработной плате добавляется еще социальное пособие, небольшие *прибавки на содержание семьи*, различные в зависимости от числа детей. Эти прибавки составляют максимально 8% от зар. платы.

О соотношении между сдельной и повременной зар. платой заметим следующее. Чисто повременная зар. плата встречается первоначально только у некоторых категорий рабочих более высокой квалификации, у транспортников и у подсобных рабочих („поденщиков"). До войны в горном деле, в металлопромышленности и в сельском хозяйстве была почти исключительно сдельная зар. плата, между тем как у текстильщиков, у химиков и в таких отраслях, как пищевая и деревообделочная, преобладала повременная оплата труда.

Что касается сдельщины, то тут выработались своеобразные формы, применяющиеся, гл. обр., в горной промышленности и в сельском хозяйстве. Это т. наз. *групповая*, или *урочная сдельщина*. Заключается она в том, что определенная группа рабочих (напр., в горной промышл. один забойщик, два его помощника и несколько тягольщиков) получают общую сдельную зар. плату, которую они и делят между собой соответственно своим разрядам. В сельском хозяйстве это практиковалось прежде в такой форме, что предпринима-

тель сдавал подрядчику определенную часть полевых работ, а тот уже оплачивал рабочих из этих денег. Работа оплачивалась, таким образом, независимо от затраченного на нее времени, и предпринимателю не приходилось платить рабочим за дни, в которые они не работали из-за плохой погоды. В течение последних 10 лет эта система была урегулирована в законодательном порядке, что предохраняет эти слои сельскохозяйственных рабочих от чрезмерной эксплоатации подрядчиками.

Вообще за последние 10 лет вопрос о сдельщине прошел через ряд этапов. До войны профсоюзы ожесточенно боролись со сдельщиной. Десятками лет они твердили, что сдельщина недопустима, и во многих отраслях сдельная работа считалась своего рода штрейкбрехерством. Это не мешало, однако, тому, что в горном деле, в металлопромышленности и строительстве (в последней для квалифицированных рабочих) оплата труда была преимущественно сдельной. После войны одна из подачек рабочим заключалась в ограничении сдельщины и в комбинировании сдельной зар. платы с *минимальными ставками*. Фактически предприниматели скорей соглашались на минимальные ставки, чем на отказ от сдельной системы, как средства повышения производительности труда. После разгрома германского пролетариата в 1923 г. сдельщина принимает снова более широкие размеры.

Перемена наступила с началом *капиталистической рационализации*. Сдельщина—сравнительно примитивный способ повышать интенсивность труда. Там, где рабочие хорошо организованы, они могут сказать свое слово при определении сдельных ставок. Правда, как правило, капиталист время от времени снижает ставки соответственно подъему производительности труда. Но и это ему не очень помогает. Естественно поэтому, что в поисках за возможностью усиленной эксплоатации он хватается за такие средства, которые обеспечивают ему успех независимо от доброй воли рабочего. Таким средством является т. наз. работа *непрерывным потоком*, сущность которой заключается в механическом повышении интенсивности труда путем взаимной зависимости рабочих друг от друга. Наивысшим выражением этого метода служит работа на конвейере. Этот метод, теснейшим образом связанный с рационализацией, поставил на очередь ряд проблем в области зар. платы. Вместо определения сдельных ставок в кабинете заведующего они определяются теперь посредством измерений и наблюдений на месте производства. Берется под контроль скорость работы отдельных рабочих. Наибольшая скорость сдельной работы устанавливается в качестве нормы при введении конвейера. Одновременно капиталист заменяет сдельную зар. плату повременной, так как всякая сдельщина, кроме разве групповой, теряет теперь смысл: отдельный рабочий, работающий на конвейере, никак не может превысить ту норму выработки, которая диктуется ему самим конвейером. Он должен поэтому довольствоваться повременной зар. платой.

В горной промышленности сдельщина тоже теряет смысл с каждым днем. Она становится здесь своего рода рентой для рабочих, занятых в шахтах с более благоприятным местоположением. Прежде размеры выработки какой-нибудь группы горнорабочих зависели от их сноровки: опытный забойщик и сильный возчик могли действительно выработать больше других. Теперь же, когда кирка заменена пневматическим молотом, а работа возчика—электрическими шахтными локомотивами, различия в размерах выработки стали минимальны. Скорость работы определяется и здесь состоянием шахты и совершенством механических приспособлений.

На тарифных договорах и ставках зар. платы влияние рационализации прямо не сказывается. Как это часто бывает, письменные соглашения не отражают и здесь изменений в действительной жизни, потому что предприниматели и их реформистские друзья всячески стараются представить капиталистическую рационализацию как нечто вполне безвредное для рабочих.

в) Реальная заработная плата. Ставки зар. платы, регулируемые коллективными договорами, о которых мы еще будем говорить, дают весьма слабое представление о фактическом жизненном уровне рабочих. Выше мы сказали, что до войны германский рабочий занимал по условиям своей жизни четвертое место среди рабочих важнейших промышленных стран. Исходя из этого, посмотрим теперь, как относится нынешняя зар. плата германского рабочего к его довоенной зар. плате. Денежная величина зарплаты значительно выросла, равно и повременные и сдельные ставки. Но зато сильно повысилась интенсивность труда, а рабочее время сократилось благодаря введению 8-часового рабочего дня. Что же касается *реальной* величины зар. платы, то она для большинства рабочих ниже довоенной нормы. Если сравнить уровень цен до и после войны, то окажется, что тогда как зар. плата составляет теперь 120—140% от довоенной, цены поднялись в среднем до 150%.

Эти цифры относятся к 1927—1928 г.г. До того реальная зар. плата была значительно ниже. Осенью 1923 г. она составляла в

среднем едва десятую часть довоенной реальной зар. платы. В настоящее время мы имеем, таким образом, значительное повышение зар. платы против 1923 г. Это повышение и является в конечном счете источником всех реформистск. иллюзий в Германии.

Параллельно с ростом реальной зар. платы идет дифференциация внутри различных рабочих слоев. В период общего обнищания, в 1923 г., все больше исчезали привилегии квалифицированных рабочих, а низшие слои рабочих оказались в особенно тяжелых условиях. Восстановление довоенных ставок коснулось в первую голову рабочих высшей квалификации и выше оплачиваемых категорий. Возникающий новый германский империализм в свою очередь избирает путь сравнительно высоких ставок для подкупа верхушки Р. к. Впрочем, эта форма подкупа рабочей аристократии встречается реже, чем другие приемы воздействия (особенно приемы политического характера).

Основной формой подкупа верхушек рабочего класса является, помимо указанных приемов, обеспечение места работы, создание кадров постоянных рабочих при постоянной смене подсобных р бочих, обеспечение постоянным местом работы, квартирой и т. д. Высококвалифицированные рабочие резко выделяются из основной массы Р. к., которая находится под постоянной угрозой безработицы. Эти верхние слои рабочих, рабочие-аристократы в полном смысле слова, в состоянии теперь удовлетворять такие потребности, которые они едва ли знали до войны; высоко оплачиваемый металлист, имеющий обеспеченное место, может купить себе мотоцикл, хорошую квартиру, парусную лодку. Объясняется это, между прочим, и тем, что за последние 20 лет мотоциклы и тому подобные предметы сильно подешевели, но все же это свидетельствует о значительном подъеме жизненного уровня верхушки Р. к., при одновременном ухудшении положения основной массы Р. к.

г) Условия оплаты труда служащих. Таким же путем шло движение оплаты труда служащих. Заработок служащего в общем *ниже* среднего оклада квалифицированного рабочего. Только специалисты получают более высокое жалованье, весьма, однако, различное по месту и времени. Очень велико число молодых специалистов, которые не могут найти себе места и работают практикантами в предприятиях за смехотворно низкое вознаграждение, утешаясь надеждой на хорошее место в будущем.

д) Домашнее хозяйство и быт рабочего. Из сказанного выше о реальной зар. плате можно составить себе представление и о домашнем хозяйстве современного германского рабочего. Жизненный уровень германского пролетариата в целом еще не достиг довоенной высоты. Правда, довоенная норма питания уже достигнута и во многих случаях даже превзойдена, но жилищные условия сейчас хуже, чем до войны. Однако, одних этих указаний еще недостаточно. Необходимо иметь в виду, что число хозяйственно самодеятельных лиц возросло, в особенности среди женщин; за время от 1907 до 1925 г. число женщин, работающих в промышленности, увеличилось на 50%, а число служащих женщин—почти на 300%. Это означает, что там, где прежде семья содержалась трудом одного человека, теперь зарабатывает несколько членов семьи. В семье, в которой сыновья и дочери не работают на производстве, большей частью работает с отцом и мать. Согласно статистическим данным за 1925 г., на 14,4 млн. рабочих приходится 12,1 млн. не работающих членов семей, в том числе 4,2 млн. замужних женщин, которых содержат их мужья. Если отбросить холостых рабочих, то выходит, что, примерно, из трех жен рабочих только одна занята исключительно в домашнем хозяйстве, а остальные две работают на производстве. Домашнее хозяйство германского пролетария держится, т. обр., на труде нескольких членов семьи. Если условия питания рабочих остались приблизительно те же, то число лиц, зарабатывающих на жизнь, увеличилось после войны.

Относительно образа жизни рабочего имеются только отдельные указания. Но было бы грубейшей ошибкой думать, что довоенный уровень был в этом отношении очень высок. Дети высококвалифицированных рабочих питаются в общем хорошо. Но масса пролетарских детей недоедает и плохо одета. В Берлине больше половины детей уходит в школу, не позавтракав. Как правило, дети получают горячую пищу только раз в день. В текстильных районах Саксонии и Силезии у многих детей нет белья, и они ходят в школу без рубашки. В горнопромышленном районе Вальденбурга, где царит жесточайшая нищета, население питается т. наз. кофе, т.-е. отваром жженого ячменя или жженых кореньев, картофелем, кусочком хлеба и кониной. При этом конина и маргарин, равно как и хлеб, считаются редким, изысканным блюдом.

Во всех промышленных районах можно наблюдать, как рабочий является на работу с кружкой кофе и небольшим куском черного хлеба с маргарином: это все его питание за восемь часов работы. Особых столовых при фабриках не существует, да они и мало посещались бы при таких обстоятельствах. Служащие в большинстве

случаев тоже принимают горячую пищу только раз в день, а в перерыв ограничиваются, как и рабочие, хлебом и кофе. Так питается достигший высокого жизненного уровня германский рабочий! Довольно часты попытки рабочих семей заняться, для облегчения существования, огородничеством или разведением домашних животных (кроликов, коз, свиней, кур). Но это возможно далеко не всюду, и особенно трудно осуществимы такие попытки в городах.

То обстоятельство, что даже для такой жизни необходима работа нескольких членов семьи, позволяет судить о последствиях безработицы для германского рабочего.

е) Безработица. Если в довоенное время промышленная резервная армия германского капитализма регулярно ликвидировалась в периоды высокой конъюнктуры, то после войны мы имеем совершенно новое явление: на ряду с промышленной резервной армией капитализма, рост и убыль которой регулируется сменой подъемов и кризисов, появляется перманентная безработица, столь характерная для монополистического капитализма послевоенного периода. Из всех капиталистических стран ни одна не пострадала в такой мере от вызванного войной сокращения рынков сбыта, как Германия; германский империализм потерял свои колонии, он временно лишился своего привилегированного положения на мировом рынке, он потерял, наконец, русский рынок, на котором он был прежде почти полновластным господином. В тот момент, когда восстановительная работа послевоенных лет сменилась дальнейшим развертыванием капиталистического производства, германский капитализм оказался не в состоянии полностью использовать наличную рабочую силу. Если тенденция в этом направлении обнаружилась уже с 1923 г., то особенно типичным сделалось явление постоянной массовой безработицы в тот период, когда германский империализм принялся за восстановление своих сил с помощью капиталистической рационализации. Основная мысль этой новой формы реорганизации производства прекрасно выражена в циничном заявлении мюнхенского профессора Грубера: „Десять миллионов немцев должны эмигрировать". Поскольку сейчас на земном шаре нет такой страны, которая могла бы принять у себя 10 миллионов человек, этим последним остается, очевидно, только „эмигрировать" на кладбище.

Безработица охватила самые различные отрасли. На ряду с квалифицированными рабочими, которые в зависимости от конъюнктуры ищут разной работы, мы находим среди безработных рабочих почти всех категорий. Лишь немногих высококвалифицированных отраслей не коснулась безработица, как массовое явление. Особенно велика она, в связи с рационализацией, среди служащих, число которых сильно сократилось против довоенного времени. Это, как будто, противоречит сравнительному приросту числа служащих, который мы отметили выше. Но приведенные нами цифры относятся к 1925 г., когда процесс рационализации едва только начался.

Каково же число безработных? Оно сильно колеблется в зависимости от конъюнктуры, растет, как сказано уже, с ходом капиталистической рационализации и в общем с 1923 г. показывает громадное увеличение сравнительно с довоенным временем. Это ясно показывают данные профессиональных союзов, верно отражающие положение наемного труда во всех его видах, за исключением, однако, сельского хозяйства. Не считая работавших неполное время, процент безработных среди организованных рабочих составлял:

В среднем за	январь	июль	средн. за год
1907—1913	2,9	2,1	2,3
1921	4,5	2,6	2,8
1922	3,3	0,6	1,5
1923	4,2	3,5	9,6
1924	26,5	12,5	13,5
1925	8,1	3,7	6,7
1926	22,6	17,7	18,0
1927	16,5 [1]	5,5 [2]	—
1928	11,2 [1]	6,3 [2]	—
1929	19,4 [1]	8,5 [3]	—

Количество получавших пособие по безработице составляло в январе 1929 г. 2,0 млн., что равняется 11,8% всех застрахованных на случай безработицы, в феврале это количество поднялось даже до 2,4 млн. (14,1% застрахов.), в марте несколько понизилось—до 2,2 млн. (13,0% застрахов.; (в 1928 г. отношение получавших пособие по безработице к общему числу застрахованных равнялось в те же месяцы 8,1; 8,2 и 7,4%). Но следует иметь в виду, что благодаря различным ограничениям для выдачи пособий, в особенности большим ограничениям, установленным в 1929 г. для сезонной безработицы, число получающих пособия далеко ниже (особенно в зимний период) количества безработных.

На ряду с безработными важную роль играют рабочие, работающие неполное время. В периоды падающей конъюнктуры и повышенной производительности труда предприниматель сокращает рабочее время за счет рабочих. Фабрика закрывается на определенные дни недели (напр., от пятни-

[1] 31 янв. [2] 30 июня. [3] 30 июня.

цы до понедельника), и рабочие получают зар. плату только за рабочие дни. Этот метод очень распространен. Он позволяет предпринимателю продолжать пользоваться прибылями монопольных объединений союзов, но в то же время освобождает его от риска, связанного с перепроизводством. Значение частичной безработицы в различных отраслях достаточно иллюстрируется следующими данными о проценте членов профсоюзов, работавших неполное время, на 31 января и 30 июня 1929 г.; параллельно приводится также процент совершенно безработных:

Производства	Общее число организован., в тысячах		% безработных		% работ. неполное время	
	31/I	30/VI	31/I	30/VI	31/I	30/VI
Производство предмет. производства						
Горноделие	157,3	168,0	9,2	1,4	5,4	1,7
Металлургия	1.022,5	1 045,0	9,3	7,2	9,3	7,4
Химическ. пром.	116,0	128,0	8,4	5,7	4,8	2,4
Строительн. дело	675,6	702,9	63,2	10,4	2,4	—
Деревообделоч.	315,9	319,2	19,3	15.0	9,3	6,6
Бумажная пром.	62,0	65,1	5,0	5,3	3,3	6,1
Полиграфич.	146,8	150,8	6,7	7,9	0,6	0.8
Кожевен.	42,9	44,7	13,7	16,3	28,0	18,0
Всего по группе	2.539,0	2.622,7	24,3	8,7	6,7	4,5
Производство предметов потребления						
Текстильн.	387,7	377,7	8,0	9,3	26,5	26,9
Швейн. и обувн.	168,9	168,6	24,3	18,6	27,3	21,5
Кожевенн. издел.	28,6	29,0	22,0	18,7	15,2	10,9
Пищев.	305,1	301,9	11.3	9,3	9,4	7,3
Бумага и т. п. изд.	59,1	60,2	9,5	12,5	14,3	15,5
Керамическ.	204,7	209,1	23,3	7,9	7,1	4,5
Всего по группе	1.154,1	1.146,5	14,4	11,0	17,6	15,8
Транспорт	364,3	375,7	7,0	5,5	0,9	0,6
Прочие производ.	448,0	473,6	14,9	4,1	3,5	1,5
ИТОГО	4.505,4	4.618,5	19,4	8,5	8,7	6,7

Еще страшнее, чем этот вид безработицы, равномерно охватывающий все области, безработица местная. Процесс концентрации промышленности привел в ряде районов к полному прекращению производства. Так, напр., большой международный трест по производству красок сконцентрировал азотную промышленность в нескольких крупных фабриках и закрыл все остальные азотные фабрики Германии. Рационализация обувной промышленности лишила целые районы прежнего источника их доходов; крупные механические фабрики обуви уничтожили мелкие обувные предприятия вместе с остатками ремесленного производства. В средней Германии и в окрестностях Франкфурта-на-Майне имеются десятки тысяч безработных рабочих-обувников. Этот пример ярко характеризует положение важных промышленных районов Германии.

Тяжесть безработицы падает на занятых в производстве рабочих двойным бременем: во-первых, непосредственно, поскольку им приходится содержать безработных членов своей семьи, и, во-вторых, косвенно, поскольку установленное законом пособие по безработице составляется из взносов рабочих. Миллионная армия безработных ложится, таким образом, прямым, и отнюдь не маловажным, бременем на бюджет рабочего.

Но, помимо этого, существуют еще и другие денежные повинности, снижающие заработок рабочего.

ж) Налог на заработную плату и платежи по социальному страхованию. Данные о денежных ставках заработной платы, приведенные выше, нуждаются в поправке: в них не приняты во внимание разные вычеты. Сюда относится, прежде всего, подоходный налог, взимаемый, независимо от категории рабочего и величины его заработка, в размере 10% от зар. платы. Исклю-

чение допускается только в том отношении, что каждый ребенок моложе 14 лет может быть засчитан за 1% облагаемого заработка, так что, напр., отец трех детей платит только 7%. Высота ставки принимается во внимание лишь постольку, поскольку рабочий, зарабатывающий меньше определенного годового минимума (который для каждого года устанавливается особо и сейчас составляет 2.400 марок), может потребовать возвращения части уплаченного налога. Налог на зар. плату удерживается с рабочих предпринимателем, который большей частью пускает на время в оборот собранную сумму. В случае банкротства предпринимателя и неуплаты им налога, рабочий обязан внести налог еще раз. Это случается довольно часто. Несправедливость налога на зар. плату тем больше, что капиталист уплачивает свой подоходный налог задним числом, обыкновенно с запозданием на год.

Кроме этого вычета, из заработка рабочего вычитаются еще взносы на страхование от болезней, старости и безработицы. Эти вычеты составляют от 4 до 7% зар. платы. Новый закон о страховании от безработицы (окт. 1929 г.) предусматривает дальнейшее повышение страхового взноса на $^1/_2$ %. На некоторых фабриках существует еще соглашение, по которому профсоюзные взносы, плата за обязательную подписку на профсоюзные газеты и т. д. тоже удерживаются предпринимателем при выдаче зар. платы. Благодаря всем этим вычетам заработная плата снижается на 10—20%, а между тем до войны вычеты таких размеров не достигали. Так, в металлургической промышл. Берлина вычеты на налог и социальн. страхование повысились к окт. 1928 г., сравнительно с 1913/14 г., у квалифицированных рабочих с 6,3% заработка до 11,4%, у вспомогательных рабочих (старше 21 г.)—с 5,6 до 11,0%; у женщин (старше 18 л.)—с 4,3 до 9,6%. Наибольшее увеличение падает на социальное страхование (с 3—3,6% зар. платы до 7,8—8,9%), между тем то, что соц. страхование дает рабочему, совершенно не соответствует тем новым тяготам, которые оно на него налагает.

Приведенные данные взяты из правительств. анкеты о фактич. заработках рабочих в металлургии в Берлине. Сравнивая современный фактический заработок в этой отрасли промышленности с довоенным (1913) и учитывая разницу в стоимости жизни, анкета приходит к заключению, что, за вычетом расходов по налогу на зар. плату и по социальному страхованию, заработок в октябре 1928 г. составлял по сравнению с 1913 г. следующий процент для различных категорий рабочих:

Недельн. заработок за указ. вычетами сравнит. с 1913 г.	при повремен. плате	при сдельной плате
Квалифиц. раб. старше 21 г.	94	85
Полуквал. „ „ 21 „	96	86
Вспомогат. „ „ 21 „	91	84
Работницы старше 18 л.	99	94

Подобная же правительственная анкета по текстильной промышленности показывает, что в сентябре 1927 г., когда конъюнктура в этой области и на товарном и на рабочем рынке была очень благоприятная, недельный заработок по сравнению с 1913 г., принимая во внимание разницу в стоимости жизни и также за вычетом налога на зар. плату и взносов по социальн. страхованию, составлял:

Для квалифиц. рабоч.	мужчин	104,6
„ „ „	женщин	109,6
„ вспомогат. „	мужчин	107,4
„ „ „	женщин	101,0

з) Жилищные условия. Очень важным показателем положения Р. к. являются жилищные условия. В Германии жилищные условия рабочих в крупных городах были до войны значительно лучше, чем в остальных странах; Лондон, Париж, Нью-Йорк сильно отставали в жилищном отношении от Берлина и других больших городов Германии. Правда, и здесь рабочие жили тесно в больших казармах, но улицы были гораздо шире и санитарные условия несравненно лучше, чем в промышленных центрах других стран. Впрочем, в мелких промышленных городах Германии жилищная нужда была очень велика. Жилищное строительство, сосредоточенное почти целиком в руках земельных спекулянтов (исключение составляли только рабочие жилища, строившиеся предпринимателем), не удовлетворяло и в отдаленной степени спрос на жилищную площадь.

Во время войны правительство издало постановление, воспрещавшее повышать квартирную плату, и этот запрет сохранялся некоторое время в силе и после войны, пока это казалось необходимым для успокоения рабочих. Это привело к тому, что земельные спекулянты прекратили жилищное строительство, чтобы заставить таким путем правительство отменить ограничение квартирной платы. Оно и было отменено в 1926 г. С тех пор ставки квартирной платы поднялись до 125% довоенных ставок в золотой валюте. При таких условиях капиталисты получили возможность вновь заняться жилищным строительством.

Но квартиры в новых домах рассчитаны, в первую очередь, на буржуазию; они настолько дороги, что рабочий не может и мечтать о них. Таким образом, несмотря

на огромное количество вновь отстроенных домов, сожительство нескольких рабочих семейств в одной квартире представляет собой обычное явление, при чем это—почти всегда небольшие рабочие квартирки в одну-две комнаты.

Как показывают результаты жилищной переписи 1927 г., в среднем 10% семей живет в крупных городах без собственной квартиры. А что касается специально пролетарских семей, то из них почти 20% вынуждены жить в одной квартире с другими.

Существуют, конечно, разные степени жилищной нужды. В больших рабочих домах берлинских предместий квартирное сожительство еще более или менее сносно. Но в убогих казармах силезских или саксонских горняков оно прямо невыносимо. Подумать только, что дети живут в одной каморке не только со своими родителями, но и с чужими семейными людьми! Неизбежным результатом таких жилищных условий является преждевременная половая жизнь. Случаи изнасилования детей и подростков их родственниками довольно часты, несмотря на лицемерные вопли негодования, которые поднимает по их поводу буржуазия.

Особенно жестокая нужда царит в некоторых трущобах больших городов со смешанным пролетарским и люмпен-пролетарским населением. Обследование берлинских трущоб весной 1929 г. показало, что из живущих там сотен проституток многие занимаются своим ремеслом в комнатах, в которых живут не только их собственные, но часто даже чужие дети. Было установлено, что в одной квартире с 6 детьми различных родителей проживают 3 проститутки. Вся квартира состояла из маленькой кухни и одной комнаты. В этих трущобах живут тысячи рабочих, которые не могут устроиться в другом месте.

Но далее, в Германии существуют десятки тысяч пролетариев, у которых вообще нет собственного крова. Во всех городах ночлежные дома переполнены, но их далеко не хватает для приема всех, не имеющих крова. Особенно страдают в этом отношении бездомные семьи. Так как в ночлежные дома семьи не принимаются или, в крайнем случае, муж и жена помещаются отдельно, то им поневоле приходится искать себе другого жилья. Люди устраиваются на местах строительных работ, на незастроенных участках предместий, в навозных ямах. Многие живут в садовых шалашах. Все промышленные города Германии окружены кольцом небольших садов, которые берутся рабочими в аренду. Садовые шалаши служат пристанищами для тех, кто не может найти или оплатить квартиру.

Неудивительно, что при таких условиях *строительство новых поселков* принимает все более широкие размеры. Душой этого движения является мысль о создании городов-садов на кооперативной основе при поддержке со стороны государства. Правительство и реформисты поощряют это движение не столько потому, что видят в нем путь к разрешению жилищного кризиса, сколько потому, что считают его удобным средством для вовлечения рабочих в реформистское русло. В виду больших затрат, связанных со строительством новых поселков, это движение распространяется почти только на высококвалифицированных рабочих и не смягчает жилищной нужды низших слоев пролетарского населения.

и) Санитарные условия и трудоспособность. Мировая война оставила, само собой разумеется, глубокие следы на германском Р. к. Меры охраны труда, которыми славилась довоенная Германия, не могли воспрепятствовать губительному влиянию войны на здоровье пролетариата в целом. Сколько-нибудь исчерпывающих данных о состоянии здоровья германских рабочих не существует, потому что в Германии почти совершенно неизвестны регулярные врачебные осмотры и диспансеризация. Исключение в этом отношении составляют только некоторые отрасли пищевой промышленности и больничного дела, где самый характер труда требует регулярных медицинских осмотров. Поэтому единственным источником для суждения о распространении различных болезней является статистика смертности. В последнее время стали производиться регулярные осмотры школьников, что тоже дает некоторый материал для характеристики населения с медицинской точки зрения.

До войны наиболее распространенными болезнями были туберкулез и сифилис. Война доставила им еще более широкое распространение (в частности сифилис глубоко проник в деревню). Но, с другой стороны, в последнее время значительно усилился врачебный надзор за больными. По отзывам врачей, заболевания сифилисом сильно сократились. Борьба с легочным туберкулезом тоже ведется теперь более рационально, что уменьшает число смертных исходов этой болезни. Тем не менее, туберкулез все еще остается болезнью, наиболее часто поражающей рабочих.

Действительно серьезная перемена произошла только в области детской смертности, которая убывает с каждым годом. Это явление тесно связано с убылью рождаемости, вызванной в свою очередь тем, что

в рабочих семьях все шире практикуется искусственное регулирование числа рождений. Несмотря на реакционные законы, воспрещающие рекламирование, а отчасти и продажу противозачаточных средств и сурово карающие за аборт, эти меры играют важную роль в жизни рабочего. Число абортов, несмотря на запрещение, очень велико; в среднем на каждые роды приходится один-два аборта. Этими цифрами мы обязаны подсчетам некоторых врачей, которые хотят добиться отмены законов против искусственного понижения рождаемости. Так как врачей, согласных сделать аборт, очень немного, то большинство женщин становится жертвами бессовестных повивальных бабок, профессионально занимающихся этим делом.

Средний возраст, до которого доживает германский рабочий, после войны еще не был установлен. До войны он составлял 65 лет, при чем в горном деле, в металлопромышленности, в текстильной и швейной промышленности смертность была выше, и средняя продолжительность жизни составляла 55 лет. Предельный срок трудоспособности несколько ниже этих цифр. Неквалифицированные рабочие считаются слабосильными уже с 50 лет; с этого возраста они могут найти себе работу только в исключительных случаях. Рабочие-специалисты тоже не могут поступить в этом возрасте на новое место, но если они уже работают в каком-нибудь предприятии, то они обыкновенно остаются в нем до 65 лет. Впрочем, есть также немало рабочих старше 70 лет, продолжающих работать на фабрике.

Вследствие надорванности здоровья населения ряд эпидемий, бывших до войны сравнительно неопасными, унес с собой после войны огромное количество жертв. Прежде всего тут следует назвать две эпидемии гриппа, в 1919 и 1928/29 гг. На втором месте стоит тиф, который одно время исчез почти совершенно, но за последние годы снова появился в ряде промышленных центров Германии.

к) Положение остальных слоев трудового населения. Было бы ошибкой думать, что о положении других полупролетарских и трудовых слоев можно дать такие же подробные сведения, как о положении рабочих: для этого у нас нет соответствующих статистических данных. Можно только утверждать, что эти слои мало отличаются по условиям своего существования от рабочих; жизнь мелкого ремесленника и торговца, жизнь крестьянина-бедняка отличается от жизни рабочего разве только еще большей нуждою. Их сравнительно более прочное положение едва ли может компенсировать нищенские условия их существования.

4. Социальное законодательство и социальное обеспечение. а) Предварительные замечания. До войны Германия пользовалась репутацией страны, в которой социальное обеспечение рабочих поставлено наилучшим образом. Объясняется это не тем, что германский капитализм был особенно проникнут социальными и рабочелюбивыми настроениями, а исключительно тем, что германская буржуазия впервые оценила по достоинству значение мелких реформ. Если не считать романтических попыток в этом направлении, с таким шумом возвещенных в 1830 г., начало социальных реформ в Германии совпадает с преследованиями рабочих организаций («закон против социалистов»).

Бисмарк, надеявшийся задержать рост социал-демократии полицейскими мерами, является вместе с тем родоначальником социальных реформ в Германии. Профессора, известные под ироническим наименованием «катедер-социалистов», только подвели теоретическую базу под политику Бисмарка, который пытался расправиться с рабочим движением при помощи дубинки своего анти-социалистического закона, позолоченной «социальными реформами».

После отмены названного закона, явившегося серьезным препятствием для развития рабочего движения от 1878 до 1890 гг., начался период активной борьбы Р. к. за реформы. В этот период главными руководителями германских рабочих были люди, считавшие реформы единственным, за что может и должен бороться Р. к.

Право коалиций, т.-е. право создавать организации в масштабе отдельных государств и общегерманском, существовало уже с 1869 г. Правда, оно оставалось большей частью на бумаге, потому что отдельные германские правительства всегда ухитрялись использовать различные законы для роспуска или недопущения рабочих союзов. Только закон об объединениях от 1899 г. дал юридическую возможность организовывать союзы в государственном масштабе. С 1908 г. свобода коалиций получила в Германии формальное признание. Наоборот, по отношению к стачкам существовали даже специальные правила об охране лиц, желающих работать, о воспрещении стачечных пикетов и т. д.

В области социального обеспечения в тесном смысле слова старейшим учреждением являются больничные кассы (15 июля 1883 г.). Уже за несколько десятков лет до издания закона против социалистов эти кассы существовали в отдель-

ных отраслях в виде добровольных объединений (в горной промышленности это были принудительные объединения). 6 июля 1884 г. был издан закон о страховании от несчастных случаев и 22 июня 1889 г.— закон о страховании на случай старости и инвалидности.

Существенное дополнение и расширение социального страхования было проведено после переворота 1918 г. Изданные тогда законы подверглись впоследствии значительным изменениям в результате которых усилилось обложение рабочих, а рабочее самоуправление было урезано в пользу государства, профбюрократии и предпринимателей.

Охрана труда, т.-е. надзор за санитарными условиями и мерами предупреждения несчастных случаев, осуществлялась в довоенной Германии ведомством промышленной инспекции, полномочия которой были, однако, настолько ничтожны, что это фактически превращало охрану труда в пустой звук. Правил об ограничении рабочего времени не существовало, зато с 1869 г. действовал закон, воспрещавший применение детского труда в промышленности. В сельском хозяйстве подростки не пользовались никакой охраной.

Нынешнее социальное законодательство и социальное обеспечение в Германии являются в большой степени результатом переворота 1918 г., после которого социал-демократия и буржуазия прибегли к тем же средствам, с помощью которых Бисмарк попытался уничтожить социализм в Германии в 1878 г. Разница только в том, что на этот раз эти средства — на ряду с голым насилием — были пущены в ход для «успокоения» революционных рабочих самой социал-демократией.

б) Правовое положение рабочего на предприятии. Тотчас же после переворота 1918 г. была предпринята попытка как-нибудь «фиксировать» в законодательном порядке фабзавкомы (Betriebsräte), стихийно возникшие на предприятиях в качестве органов революционной классовой борьбы. Цель этого шага заключалась в низведении фабзавкомов на степень простых орудий реформистской политики. Согласно существующему закону, фабзавкомы могут избираться на предприятиях, на которых занято больше 20 рабочих или больше 10 служащих. Более мелкие предприятия избирают только доверенных лиц. Закон предписывает, чтобы фабзавкомы избирались только там, где этого требуют рабочие. В результате на довольно многих предприятиях фабзавкомов нет совсем. Если предлагается только один список кандидатов в фабзавком, эти кандидаты считаются выбранными. Если вносится несколько списков, выборы производятся посредством тайного голосования. Предприятия решают сами, придерживаться ли при выборах принципа большинства или принципа пропорционального представительства; большей частью применяется принцип большинства. Рабочие и служащие выбирают отдельно (отсюда название «рабочий комитет» для представителей рабочих в фабзавкоме). Фабзавкомы пользуются следующими правами: 1) представительство рабочих перед хозяевами в вопросах, относящихся к трудовому процессу (мелкие конфликты и т. д.). 2) Участие в увольнении рабочих. Этот пункт, имевший прежде большое значение, свелся в конце концов к нулю, потому что фабзавком может только тогда протестовать против увольнения, когда его нельзя мотивировать соображениями трудового порядка (сокращением производства, недостаточной квалификацией рабочего, его болезненностью, переходом на другие методы работы и т. д.). А так как предприниматель всегда имеет возможность подыскать *такого рода аргументы, то фабзавкому* остается только вступить на длинный путь обжалования без какой-либо надежды на успех. 3) Участие в управлении органами по улучшению быта рабочих предприятия. 4) Участие в выработке коллект. договора и внутреннего распорядка на предприятии. 5) В акционерных обществах — представительство рабочих всего предприятия на общем собрании. 6) Право ознакомления с бухгалтерскими книгами и финансовыми отчетами во всех крупных предприятиях (это право есть чистейшая фикция, потому что фабзавком или отдельный его член, допущенный к просмотру отчетности, обязуется никому не раскрывать коммерческих тайн, к которым он получил доступ). 7) Члены фабзавкома имеют право выполнять свои функции и в рабочее время, поскольку это не мешает ходу работы. 8) В крупных предприятиях, в которых обязанности председателя фабзавкома или рабочкома настолько сложны, что их выполнение несовместимо с работой на производстве, председатель фабзавкома, а иногда и другие его члены, освобождается от работы и оплачивается за счет рабочих.

Срок деятельности фабзавкома установлен в год, но может быть продлен на неопределенное время, если это не встречает возражений. Члены фабзавкома не могут быть уволены за свою фабзавкомовскую деятельность. Но их увольнение допускается в том случае, когда отдел предприятия, в котором они работали, закрывается полностью или частично. Путем соглашений с хозяевами рефор-

мистские профсоюзы сумели изъять из ведения фабзавкомов политические вопросы и вопросы, не относящиеся к внутренней жизни предприятия. Обсуждение таких вопросов фабзавкомом является законным поводом для его роспуска. Практика трудовых судов все определеннее санкционирует репрессии против «политических» фабзавкомов.

Дальнейшие права рабочего, кроме права избирать свой фабзавком, заключаются в праве на защиту в случае незаконного увольнения и в тех правах, которые устанавливаются коллективными договорами.

в) Тарифные договоры. Уже свыше 30 лет в Германии существует традиция тарифных (коллективных) договоров между отдельными группами рабочих и определенными группами предпринимателей. После 1918 г. тарифные договоры сделались общим правилом и фактически охватывают теперь всех промышленных рабочих и частных служащих. Тарифный договор распадается на общий договор и специальные соглашения. Общий договор устанавливает общие условия труда, продолжительность рабочего времени, разряды зар. платы, правила об отпусках и т. д. Он обыкновенно распространяется на довольно обширные производственные округа. Как предприниматели, так и реформистские професс. союзы большей частью стремятся заключать такие договоры на возможно более долгий срок. Специальные соглашения, заключаемые на более короткое время, регулируют вопросы зар. платы для отдельных групп рабочих и предприятий. Эти соглашения заключаются по отдельным предприятиям или по группам предприятий одинаковой величины. Тарифные договоры действуют между рабочей организацией (профсоюзом) и организацией предпринимателей. Иногда различные профессиональные союзы образуют картель с целью достижения общего тарифа. До 1926 г. «желтые» профсоюзы не имели права заключать тарифные договоры, потому что они не считались самостоятельными организациями. Но за последние годы они добились признания за ними «тарифо-способности».

Обыкновенно тариф распространяется и на неорганизованных рабочих, но они не имеют права участвовать в обсуждении тарифного договора. Тарифный договор ставится, как правило, на общее голосование членов организации. В тех случаях, когда не удается выработать соглашения и рабочие или предприниматели отказываются продолжать работу без тарифа, т.-е. на старых условиях, вступает в действие государственный арбитраж (см. ниже).

Тарифные договоры выгодны для рабочих тем, что избавляют их от снижения зар. платы при индивидуальных поисках работы. Но, с другой стороны, невыгода долгосрочных общих договоров состоит в том, что благодаря им стачечная борьба рабочих за свои интересы признается нелегальной, вследствие чего рабочие организации, их руководители и доверенные лица могут быть привлечены к личной ответственности за понесенный предпринимателем при стачке материальный убыток, притом, при нынешнем положении вещей в Германии, государственный аппарат в союзе с профбюрократией насильственно навязывает рабочим условия, желательные для предпринимателей.

г) Трудовые суды. Защитой интересов рабочих, контролем за коллект. договорами и за соблюдением условий труда ведают трудовые суды. Они решают, прежде всего, вопросы о мелких конфликтах (жалобы на незаконное увольнение, на невыдачу причитающейся зар. платы), но также такие вопросы, как роспуск фабзавкомов и т. д. В состав низших органов трудовой юрисдикции, имеющихся в каждом округе, входит один профессиональный судья в качестве председателя и по одному представителю от рабочих и предпринимателей. На решения этого суда можно апеллировать в краевой, а в вопросах принципиального значения в имперский трудовой суд, в состав которого входят три профессиональных судьи и по одному представителю от рабочих и предпринимателей.

Вопросы принципиального значения разрешаются обыкновенно не трудовыми судами, а арбитражными органами. Представители рабочих в трудовых судах не избираются, а назначаются правительством по предложению профессиональных союзов.

Рабочий имеет возможность отвести рабочих представителей в суде, если у него есть уважительные причины сомневаться в их объективности; он может, таким образом, возражать против поручения защиты его интересов определенным лицам, но не может сам выбирать своих представителей.

д) Арбитражная система. Опаснейшей западней для германского рабочего является при нынешних порядках арбитражная система. Исходя из реформистского представления об известной общности интересов труда и капитала и о способности государства быть надклассовым судьей в спорах между рабочими и капиталистом, влиятельные в германской республике со-

циал-демократы вместе с некоторыми буржуазными кругами добились того, что была создана целая сеть арбитражных органов, имеющих целью заменить забастовки и локауты более „гуманными" средствами. Реформисты не устают повторять, что забастовка—это „варварский" метод борьбы и что Р. к. может с таким же успехом добиваться своих целей посредством переговоров. Они хотят обеспечить „промышленный мир" долгосрочными коллективными договорами и требуют от рабочих, чтобы они сознавали себя членами единого „трудового коллектива", к которому принадлежат и предприниматели. На почве этой идеологии был предпринят ряд попыток притти к соглашению об устранении забастовок и локаутов и поставить на их место третейские суды, решения которых должны быть обязательны для договорившихся сторон. Подобные договоры существовали уже до войны, и особенно в области мелкого ремесленного производства индивидуальные и общие конфликты почти всегда улаживались посредством третейского суда. Но после войны этого оказалось недостаточно. В годы империалистической войны, когда стачки были воспрещены военными властями, вошло в обычай, чтобы заработная плата устанавливалась правительством, где это казалось необходимым для успокоения рабочих. Этот порядок, который реформисты приветствовали как шаг к социализму, был возобновлен после войны, когда было важно предотвратить забастовки или признать их незаконными. Закон от 30 октября 1923 г. о третейском разбирательстве провозглашает право государства на вмешательство в трудовые конфликты, в которых стороны не могут притти к соглашению, а между тем стачка или локаут были бы опасны для государственных интересов.

Для осуществления этого вмешательства были созданы арбитражные органы (третейские комитеты в отдельных государствах и округах, 16 третейских судей в важнейших промышленных округах и, в качестве высшей инстанции, имперское министерство труда). Когда стороны не могут договориться, они обращаются к подлежащему третейскому судье (или третейскому комитету). Судья выносит третейское решение, которое передается рабочим организациям и предпринимателям на рассмотрение.

В случае его отклонения одной из сторон, другая может внести предложение об объявлении его обязательным. Получив такое предложение, судья объявляет свое решение обязательным, если это требуется государственными интересами (а таковые, конечно, всегда найдутся, когда рабочие собираются бастовать).

Объявление третейского решения обязательным (оно должно быть подтверждено имперским министром труда) возлагает на обе стороны необходимость привести вынесенное решение в исполнение. Это значит, что установленные третейским судом условия труда получают силу закона. Всякая забастовка против третейского решения воспрещена. Профессиональные союзы, поддерживающие или пропагандирующие такую забастовку, могут быть привлечены к ответственности за убыток, причиненный ею предпринимателю. Есть предположение издать в Германии, по образцу некоторых других стран, общий закон, воспрещающий всякую забастовку и забастовочную пропаганду против третейских решений.

Арбитражное дело находится целиком в руках правительственной бюрократии, которая, за редкими исключениями, и решает все вопросы. Это гарантирует предпринимателям безусловную защиту их интересов в арбитражных инстанциях. Рабочее представительство в этих инстанциях монополизировано верхушкой профсоюзной бюрократии: в арбитражной системе особенно ярко проявляется сращение профсоюзного аппарата с государственным.

е) Другие права рабочих на предприятии. За исключением права избирать фабзавком, рабочий в большой степени бесправен. Если в коллективном договоре нет особых оговорок, рабочий может быть уволен в любое время. Рабочего, получающего поденно, можно вовсе не предупреждать об увольнении, рабочего с недельной зар. платой достаточно предупредить в день выдачи зар. платы (в пятницу), что со следующей недели он больше не нужен. Для закрытия целых фабрик и массовых увольнений требуется согласие арбитражных инстанций. Положение служащих несколько лучше; они могут быть уволены только с предупреждением за месяц, а после двухлетней службы—за три месяца вперед, при чем им должно быть полностью выплачено жалование за все это время, если они теряют место не по собственной вине. Исключение составляют только случаи, когда предприятия закрываются из хозяйственных соображений. Право заниматься политической и профсоюзной работой, формально признаваемое за рабочими, может ими осуществляться на предприятии и в рабочее время лишь постольку, поскольку это допускается предпринимателем. Порядок отпусков не урегулирован законом. Только служащим полагается оплаченный отпуск, продолжительностью от одной недели до месяца в зависимости от служеб-

ного стажа. Во многих коллективных договорах пункт об отпусках рабочих оговорен особо. Особые условия установлены для женщин и подростков.

ж) Рабочее время. С 1918 г. законом установлен максимальный 8-часовой рабочий день для всех категорий рабочих. Но тем же законом предусмотрено столько исключений, что о действительном проведении 8-часового дня не может быть и речи. Исключаются, прежде всего, полевые работы, а затем работа транспортников и домашней прислуги, для которых рабочее время только „в среднем" не должно превышать восьми часов. В 1923 г. социал-демократами была проведена отмена закона о 8-часовом рабочем дне под предлогом спасения германского хозяйства. В ряде важных отраслей промышленности — в горной, текстильной, металлургической—8-часовой рабочий день так и не был с тех пор восстановлен. Из года в год тарифными договорами возобновляются соглашения, по которым профсоюзы обязуются не считаться с 8-часовой нормой. В связи с рационализацией было выдвинуто требование о сокращении рабочего времени и о введении обязательных перерывов в работе. Борьба за восстановление 8-часового рабочего дня и против сверхурочных работ играет важную роль в экономических боях германского пролетариата.

з) Охрана труда и промышленная инспекция. Существует ряд законов об охране труда: об обязательном устройстве предохранительных приспособлений у машин, об охране рабочих от профессиональных заболеваний на вредных для здоровья производствах (на химических фабриках, в типографиях, в рудниках), о запрещении ночных работ в пекарнях, об охране занятых в промышленности подростков и женщин.

Их соблюдение находится под контролем промышленной инспекции, которая должна время от времени производить осмотры и знакомиться с жалобами рабочих. Однако, число промышленных инспекторов настолько мало, что действительный контроль невозможен. К тому же в органах промышленной инспекции сидят не представители рабочих, а юристы и техники, которые не умеют, да и не желают действительно вникнуть в нужды рабочих. Особыми отделами промышленной инспекции являются горная инспекция (главным образом, для угольной промышленности), затем фабрично-врачебный надзор и надзор за положением кустарей. Но возможности этих контрольных органов крайне ограничены ничтожной численностью их врачебного персонала. Деятельность промышленной инспекции до такой степени слаба, что там, где надзор за условиями производства необходим в интересах самого предприятия, функцию государственного контрольного аппарата заменяет инициатива хозяев. Так, наблюдение за паровыми машинами, весьма важное с точки зрения технической безопасности, осуществляется особыми группами лиц, организуемыми с этой целью предпринимателями.

В связи с рационализацией и новыми методами эксплоатации труда не было издано никаких правил, охраняющих интересы рабочих. Более того, даже существующие правила о сокращении рабочего времени на вредных для здоровья производствах, об обеспечении рабочих спецодеждой, о мерах технической безопасности и т. д. то и дело нарушаются.

и) Охрана женщин и детей. Правила об охране женщин и подростков далеко не достаточны. Запрещено только применение детского труда. Труд детей моложе 13 лет воспрещен во всех предприятиях, в которых занято свыше 10 рабочих, равно как запрещено пользоваться трудом чужих детей в мелких предприятиях или в работе на дому. Рабочее время установлено для детей в 3 часа во время школьных занятий и в 4 часа во время каникул. Но это нисколько не мешает тому, что сотни тысяч детей занимаются производственным трудом,—правда, главным образом в сельском хозяйстве. Дети городских рабочих чаще работают в домашнем хозяйстве, чем на производстве. Для рабочих подростков от 13 до 16 лет продолжительность рабочего дня установлена в 6 часов. Ночные работы воспрещены. Отдых между двумя рабочими днями должен составлять минимально 11 часов. Кроме того, предусмотрены перерывы для отдыха на работе. В горном деле запрещена работа под землей. Работа подростков моложе 18 лет во вредных для здоровья производствах тоже воспрещена. Во вредных для здоровья предприятиях и в горном деле применение женского труда воспрещено или допускается только с особого разрешения. Ночная работа запрещена для женщин. Для беременных и родильниц установлены следующие правила охраны: в течение 6 недель до и стольких же после родов работница не может быть уволена. За 6 недель до родов работница освобождается от работы, если это требуется предписанием врача, и столько же недель она должна отдыхать после родов. Для обратного приема на работу требуется удостоверение об истечении 6-недельного срока. Отпуск после родов может быть продлен до 12 недель. По требованию кормящей матери ей должны быть предоставлены на работе два пере-

рыва в день для кормления в течение 6 месяцев. Эти правила не распространяются, однако, на сельское хозяйство, мелкие предприятия и домашних работниц. На тех же предприятиях, для которых эти правила обязательны, хозяева большей частью обходят их, увольняя работницу тотчас же, как только обнаруживается ее беременность. Краткость срока, в течение которого запрещается увольнять беременную работницу, лишает этот запрет всякого значения. Отпуск по беременности оплачивается больничной кассой.

До войны профессиональные союзы требовали гораздо более широкой охраны женщины и молодежи, но они отказались от этого требования, как только усмотрели в нем угрозу позициям социал-демократического правительства.

к) Социальное страхование. Социальное страхование представляет собою с 1925 г. единообразно урегулированную систему. До того отдельные его отрасли были совершенно независимы друг от друга. Теперь все страховое дело (т.-е. построенные на принципе самоуправления страховые кассы и товарищества) находится под контролем государственного страхового ведомства. Надо различать страхование от болезней, от несчастных случаев, страхование старости и страхование от безработицы, при чем последнюю форму страхования лучше рассматривать отдельно.

α) Страхование от болезней. Органами этого страхования служат больничные кассы, которые являются либо местными, фабрично-заводскими, либо корпорационными. Фабрично-заводские больничные кассы допускаются в промышленных предприятиях, в которых занято больше 150 рабочих, и сельскохозяйственных предприятиях, в которых работает больше 50 человек. Управляет больничными кассами президиум, состоящий на $^2/_3$ из представителей рабочих и на $^1/_3$ из представителей предпринимателей; выборы правления больничных касс производятся тем же порядком, как и выборы фабзавкома.

Расходы по страхованию от болезней на $^2/_3$ несет рабочий. Страховые взносы рабочих вычитываются из заработной платы. Застрахованный имеет право на бесплатную врачебную помощь и больничное лечение, на больничное и похоронное пособие и в известных случаях на пособие членам семьи. Женщины имеют, кроме того, право на бесплатную помощь при родах и на дополнительную выдачу на время кормления. Размер пособий, выдаваемых больничными кассами, устанавливается государственными контрольными органами. Рабочие разделены на разряды по средней величине их заработка, при чем в большинстве случаев разряд ниже, чем действительный средний заработок, так что размер пособия отстает от заработной платы. Некоторые больничные кассы идут несколько дальше — строят собственные амбулатории, дома отдыха и т. д. Во избежание перегрузки больничных касс существует домашний контроль. Контрольные врачи осматривают на дому рабочих, заболевание которых кажется больничной администрации недостаточно серьезным.

Больничные кассы представляют собой громоздкий бюрократический аппарат, совершенно недоступный контролю со стороны рабочих. Так как врачи больничных касс занимаются обыкновенно этим делом только в виде дополнения к своей частной практике, то оказываемая ими рабочим помощь крайне недостаточна, и в случае серьезного заболевания рабочие предпочитают обращаться к частным врачам.

Страхование обязательно для всех рабочих и низших служащих. Страховка действительна до тех пор, пока застрахованный уплачивает свои взносы; уволенный рабочий может, таким образом, оставаться членом больничной кассы и после своего увольнения.

Срок действия страховки ограничен 26 неделями; дольше этого срока выдача больничного пособия или больничное лечение допускается только в исключительных случаях. В больничных кассах могут быть застрахованы и члены семьи рабочего.

β) Страхование от несчастных случаев распространяется на всех рабочих фабричной промышленности, горного дела, транспорта. Органами этого страхования являются профессиональные корпорации, в которые объединяются предприятия каждой данной отрасли промышленности. В случае временной потери трудоспособности размер выдаваемого пособия зависит от степени повреждения; при длительной потере трудоспособности к этому еще присоединяется бесплатная врачебная помощь. При полной потере трудоспособности пострадавшему выдается пособие в размере $^2/_3$ его годового заработка, а если он при этом совершенно беспомощен, то в размере полного годового заработка. При несчастных случаях со смертельным исходом семье выдаются деньги на похороны и пособие в размере $^1/_5$ годового заработка для вдовы и на каждого ребенка. Пособие не выдается, когда установлено, что несчастный случай произошел по собственной вине пострадавшего, из-за его небрежности или какого-нибудь орга-

нического заболевания. Расходы по страхованию от несчастных случаев несут предприниматели.

γ) Страхованию старости и инвалидности подлежат все рабочие и низкооплачиваемые служащие, за исключением государственных служащих, которые с определенного возраста переходят на пенсию. Каждый, кто имеет право на этот вид страхования, может в случае безработицы продолжать уплату страховых взносов. Застрахованному полагается: 1) инвалидное пособие при профессиональных заболеваниях, продолжающихся более 26 недель, и при потере трудоспособности вследствие болезни (т.-е. когда по страхованию от несчастных случаев пособие не выдается); 2) пособие на старость по достижении 65-летнего возраста; 3) пособие оставшимся членам семьи (вдовам и сиротам). Размер выдаваемого пособия зависит от числа уплаченных взносов. Следовательно, чем дольше рабочий был застрахован, тем больше получаемое им пособие, независимо от его разряда по зар. плате.

Средства на страхование старости доставляются, во-первых, государством, оплачивающим управленческие расходы по этому страхованию и часть каждого выдаваемого пособия, а во-вторых, предпринимателями и рабочими в равном размере. Страховые взносы рабочего удерживаются предпринимателем при выдаче зар. платы. Для служащих существует отдельное страхование старости и инвалидности, отличающееся только более высокими ставками пособия.

л) *Страхование безработных и биржи труда.* От рассмотренных видов страхования надо отличать реорганизованное в 1927 и 1929 гг. страхование безработных. После переворота 1918 г. в Германии было прежде всего организовано государственное обеспечение безработных: безработным, потерявшим работу не по своей вине, было назначено—весьма, правда, небольшое—государственное пособие. Против этого порядка предприниматели повели особенно ожесточенную борьбу с того момента, когда им показалось, что спадение революционной волны уже позволяет оставить безработных без пособия. Были сделаны попытки создать такой порядок, при котором помощь безработным шла бы исключительно из средств занятых рабочих. С этой целью был издан закон от 16 июля 1927 г., установивший страхование безработных за счет рабочих.

Система нового страхования безработных увенчивается „имперским ведомством по трудовому посредничеству и обеспечению безработных", в состав которого входят представители больничных касс, профессиональных союзов и промысловых кооперативов. Президиум состоит из 3 чиновников, выполняющих обязанности председателей, из 5 представителей от предпринимателей, 5 представителей от профсоюзов и 5 чиновников, представляющих разные государственные учреждения. Руководство этим органом находится, таким образом, целиком в руках бюрократии. То же самое следует сказать о 13 краевых трудовых бюро и подчиненных им органах, осуществляющих непосредственные сношения с рабочими. В этих последних органах совместно работают чиновники проф. союзов и правительственные чиновники.

Страхование от безработицы обязательно для всех рабочих и служащих. Страховые взносы удерживаются предпринимателем из заработной платы. В случае безработицы застрахованный имеет право на 26-недельное пособие, если он работал в течение года и исправно уплачивал страховые взносы. Выключаются из страхования от безработицы только те отрасли хозяйства, в которых безработица носит по преимуществу сезонный характер (сельское хозяйство, строительное дело).

На ряду с выдачей пособий трудовое ведомство обязано организовывать биржи труда и давать рабочему возможность, в случае хронической безработицы, переподготовиться к другой профессии. Рабочий, получающий пособие, не имеет права отказаться от предложенной ему работы; он обязан итти и на такую работу, которая не связана с его специальностью, и в особенности на все общественно неотложные работы (разгребание снега, спешное строительство и т. д.), на которые его посылает биржа. Всякий отказ от выполнения назначенной работы влечет за собой лишение пособия.

Получатель пособия, который в сущности лишь получает обратно деньги, уплаченные им в виде страховых взносов, является, таким образом, совершенно бесправным, вполне зависящим от произвола чиновников. И хотя ему предоставлено право подачи жалоб, он может быть вполне уверен, что всякое осуществление этого права прежде всего повредит ему же.

м) *Другие формы социального обеспечения.* На ряду с рассмотренными официальными органами в отдельных предприятиях существуют учреждения по улучшению быта рабочих, создаваемые предпринимателем для удержания рабочего на своей фабрике. Сюда относятся, прежде всего, учреждения для детей рабочих — фабричные школы, детские ясли, выдача пособий членам семьи, а также учреждения более крупного масштаба в роде рабочих жилищ. Еще до войны некоторые герман-

ские предприятия славились образцовостью своих учреждений по социальному обеспечению. При этом цель предпринимателей всегда заключалась в том, чтобы отвлечь таким способом рабочих от их боевых классовых организаций и привязать их к своему предприятию. Так, напр., Эрнст Аббе, основатель германской оптической промышленности, организовал большие шлифовальные цехи Цейссовских заводов на кооперативных началах, чтобы каждый рабочий чувствовал себя участником предприятия, при чем, конечно, предпринимательская прибыль была заранее обеспечена тонко придуманным способом. Заводы Бош в Штуттгарте, крупнейшее предприятие в области осветительной промышленности и производства автомобильных принадлежностей, точно так же организовали участие рабочих в прибылях. В том и другом случае цель заключалась в прикреплении к предприятию наиболее квалифицированных рабочих, ибо даже рабочие средних категорий уже знали те производственные секреты, которые доставляли обоим этим предприятиям их монопольное положение. Крупповские заводы в Эссене, крупнейшее предприятие германской военной промышленности, строили в свою очередь обширные рабочие поселки. Строительство рабочих жилищ возникло из потребности снабдить жилой площадью вовлекаемых в производство рабочих. Пока было можно, довольствовались постройкой бараков и казарм, в которых селили холостых рабочих, а часто и женатых с семьями. Для предпринимателей эти казармы были выгодны тем, что давали им возможность крепче держать рабочих в своих руках, ибо в случае увольнения рабочий терял не только кусок хлеба, но и помещение. Заводы Круппа скупали землю, строили дешевые дома и фактически монополизировали рабочие жилища на территории своего производства. Эта система прикрепления рабочих к предприятию была дополнена организацией фабричных потребительских союзов, которые отпускали рабочим широкий кредит. Этот кредит еще усиливал зависимость рабочих от предприятия.

Наряду с этими чисто экономическими методами прикрепления рабочих применялись и другие, носившие скорее социальный характер. Сюда относится, прежде всего, предоставление известных льгот рабочим за многолетнюю верную службу, учреждение стипендий для сыновей рабочих, занятых на предприятии, даже организация фабричных пенсионных касс. Но и путь чисто культурного улучшения быта рабочих был использован предпринимателями для прикрепления рабочих к своим предприятиям. Еще до войны во многих местах предпринимателями были выстроены рабочие дома, в которых обыкновенно помещались также клубы, хоровые и музыкальные кружки и т. д. Но если до войны с помощью этих организаций старались вовлечь рабочих в буржуазные клубные и спортивные кружки, то после войны входит в употребление новый метод. Исходя из мысли о необходимости как можно крепче привязать рабочего к предприятию и, прежде всего, отвлечь его от боевых пролетарских организаций, предприниматели создали целую сеть фабричных обществ, среди которых наиболее важны спортивные общества. При виде огромных успехов рабоч. спортив. движения с 1919 г. предприниматели сочли нужным создать контрорганизации, которым они отдали всю свою силу и значительные денежные средства. Эти организации охватывают сейчас сотни тысяч рабочих, теснейшим образом привязывая их к предприятию. Таким путем предприниматели привлекают к себе в особенности более молодых рабочих: великолепные спортивные площадки, превосходные учителя спорта и неограниченные возможности спортивной деятельности (даже в рабочее время, когда дело идет о постановке рекордов и т. д.) являются в руках этих организаций могучим средством привлечения.

н) Органы пролетарской самопомощи. Крайняя недостаточность государственного социального обеспечения вызывает необходимость создания пролетарских органов самопомощи. Эти органы весьма разнообразны. Прежде всего сюда относятся профессиональные союзы с их вспомогательными органами, которые часто возникают одновременно с самими профсоюзами. Таковы кассы взаимопомощи на случай экстренной нужды, особенно на случай безработицы. Вопрос о желательности подобных учреждений при профсоюзах вызвал много споров в рабочих организациях; революционное меньшинство очень долго и отчасти справедливо выражало опасение, что создание таких органов может привести к перерождению профессиональных союзов в общества взаимопомощи. Если выдача стачечного пособия всегда считалась бесспорной обязанностью профсоюзов, как не вызывало возражений и оказание профсоюзами помощи своим странствующим товарищам по профессии, то, наоборот, профсоюзная поддержка безработных отвергалась многими самым решительным образом. Только в 1911 г. победила точка зрения реформистов, хотя, впрочем, выдача пособия по безработице еще не была тогда введена в общем порядке. Там, где оно выдавалось, его размер был различен в

различных союзах. После войны профсоюзы перестали выдавать пособие по безработице (за исключением немногих союзов рабочих-специалистов).

Другую форму самопомощи представляют собою кооперативные организации рабочих, главным образом потребительские кооперативы. Оказывая рабочим известную поддержку, они являются немаловажным средством самопомощи в борьбе против монопольного положения предпринимателей (см. ниже). Очень многочисленны сберегательные кружки, организуемые рабочими для откладывания небольших сбережений и взаимной поддержки в случаях особой нужды. Такие кружки существуют в Германии тысячами, но насчитывают большей частью лишь по несколько сотен и даже меньше членов.

Важным центром пролетарской самопомощи является *Межрабпом* (Международная рабочая помощь) — организация, возникшая в 1921 г. для объединения деятельности рабочих всех стран по оказанию помощи жертвам голода в Советской России. Межрабпом выступает, главным образом, во время экономических боев и забастовок, организуя продовольственное снабжение и бесплатные столовые, оказывая помощь детям бастующих и т. д. Эта организация охватывает несколько сотен тысяч членов, преимущественно рабочих, но также интеллигентов и непролетарские элементы. Вокруг нее концентрируется вся социально-политическая работа тех частей Р. к., которые идут за коммунистической партией. Для объединения работы пролетарских организаций самопомощи компартией Германии был создан „Комитет по вопросам революционной социальной политики“ (A. R. S. O.).

В противовес Межрабпому в 1924 г. была создана реформистская организация — „Имперский комитет по улучшению быта рабочих“. Работа этого комитета сводится, главным образом, к попечению о молодежи и к поддержке государственных мероприятий по улучшению рабочего быта; поддержку забастовок и боев за зар. плату он отвергает принципиально.

б) Использование досуга. До войны жизнь германского рабочего протекала сравнительно однообразно. Правда, в крупных городах делались попытки создать дома культурного отдыха для рабочих, но это никак не отражалось на жизни широких рабочих масс. Воскресный отдых сводился, главным образом, к посещению трактиров и выпивке. Для широких слоев германского пролетариата такое положение остается характерным и сейчас. Повсюду, где нет мест развлечения или культурно-просветительных учреждений, пьянство в качестве формы воскресного „отдыха“ играет огромную роль. Только младшее поколение, примерно с начала войны, заметно отличается по своему быту от старого поколения рабочих.

Какие формы отдыха, кроме посещения трактиров, стали появляться среди рабочих еще до войны? Мы имеем здесь, разумеется, в виду не активного, политически и профсоюзно деятельного рабочего, у которого обыкновенно слишком мало свободного времени для развлечений. Воскресенье он использует для посещения пассивных членов партии и проф. союза, для сбора членских взносов и вербовки новых членов. Не даром функционеры пролетарских организаций называются в Германии доверенными лицами: метод их работы, и сейчас еще применяемый в широких кругах коммунистической партии, заключается в завоевании доверия своих партийных и профсоюзных товарищей путем проникновения в их личную жизнь. Часто можно услышать такое выражение: „доверенное лицо должно быть отцом своей организации“. У такого „отца организации“ редко бывает досуг для себя, и если он идет в трактир, то большей частью для работы среди своих друзей, а не для личного отдыха. Не забудем, что и в Германии, как повсюду, потребление алкоголя имеет в себе что-то принудительное: многие рабочие считают, что без выпивки не может быть настоящего пролетария. Эта обязательность особенно сказывается на тех, кто боится слишком отличаться от своих товарищей. Оставляя в стороне рабочих-активистов (насчитывающихся, правда, десятками тысяч), мы будем говорить в дальнейшем только о быте германского пролетариата в целом.

До войны в крупных городах среди рабочих было особенно распространено *огородническое движение.* Суть этого движения заключалась в снабжении рабочих небольшими садами с огородами в целях улучшения их домашнего хозяйства. Эти крохотные садики („шреберовские сады“) с их деревянными шалашами до сих пор окружают десятками тысяч крупные города Германии. Рабочие семьи работают в них по воскресеньям и часто в свободные вечера. Эти садовые колонии, как их называют в Берлине, являются местом отдыха для широких масс, которые пользуются в них, в чрезвычайно скромных размерах, преимуществами дачной жизни. Неудивительно, что это отвлекает их от повседневной борьбы. Летний сезон вообще является в Германии временем упадка активности большинства рабочих. Шреберовское огородническое движение бесспорно отчасти содействует проникновению мещанского духа в некоторые слои Р. к.

На ряду с этим делались до войны попытки приблизить пролетариат к искусству. В центре этого движения стояли так называемые *народные театры*. В конце прошлого века, по инициативе Фр. Меринга, был основан берлинский народный театр, поставивший себе целью давать общедоступные спектакли, соответствующие классовым потребностям пролетариата. Это движение стало быстро расти, главным образом, благодаря поддержке со стороны либеральных интеллигентов. Последние, однако, быстро вытеснили из народного театра Меринга и представителей рабочих, после чего все это предприятие приобрело определенно мелкобуржуазный характер. Тем не менее, и число рабочих сторонников народного театра было довольно велико. После войны это движение получило широкое распространение; в одном Берлине организация „народного театра" располагает приблизительно одной пятой частью всех театральных мест. Правда, под ее руководством работают только два театра, да и в тех она всячески старается не допускать к постановке революционные пьесы.

Существовали также попытки привлечь рабочих к художественной самодеятельности, особенно в форме *рабочих певческих кружков*. Имевшие своей первоначальной целью способствовать украшению пролетарских праздников, кружки эти вскоре выросли в крупное музыкальное движение, в котором, однако, все цеховые, псевдосентиментальные традиции сильнее, чем где бы то ни было.

Рабочее *спортивное движение* было до войны очень слабо. Хотя и существовали рабочие спортивные кружки, но недостаток средств и противодействие со стороны органов городского самоуправления большей частью не давали им развернуться. К тому же рабочая масса относилась к спортивному движению с полнейшим равнодушием.

На почву старых традиций встало *движение „любителей природы"*. В старой цеховой Германии существовало правило, что каждый подмастерье должен несколько лет провести в странствиях. Эта традиция странствования чрезвычайно сильна. До войны мало было рабочих, которые не странствовали бы хоть короткое время. Некоторые из них побывали в самых отдаленных местах. И когда нависала очередная угроза безработицы, молодые неженатые рабочие по-прежнему „пускались в путь". Не следует при этом думать, что они шли в определенное место, где немедленно получали работу, — нет, они скитались по живописным местностям Германии, добывая себе хлеб случайными заработками. Движение „любителей природы" организовало это странствование, придя в этом отношении на помощь профсоюзам, для которых поддержка странствующих товарищей по профессии была очень обременительна. Постройкой домиков в ненаселенных местностях и своевременной информацией желающих общества „любителей природы" организовали странническое движение рабочих, предпочитавших временно оставаться в горах или на берегу моря. Это движение охватило после войны сотни тысяч людей и увлекло широкие слои младшего поколения рабочих.

Важно еще отметить ряд кружков и организаций, посвященных культурному обслуживанию рабочих. Это движение взялось за *борьбу с церковью*, которую в Германии не вела, да отчасти и не желала вести социал-демократия. Исходя из примитивного материализма, большей частью не имевшего ничего общего с марксизмом, и из аргументов либеральных атеистов, движение свободомыслящих явилось, с одной стороны, крупным фактором культурного прогресса, но вместе с тем и центром притяжения для отсталых и мелкобуржуазных элементов. Грань между буржуазным атеизмом и пролетарским свободомыслием никогда не была проведена в нем достаточно резко для успешного отпора буржуазному влиянию. Поэтому внутри движения свободомыслящих и на ряду с ним развилось движение за свободную религию, пытавшееся облечь атеизм в религиозные одежды. Однако, эти пролетарские течения не были достаточно сильны, чтобы оказать противодействие могущественному организационному аппарату церкви. Церковь, в особенности католическая, организует в своих бесчисленных *обществах, союзах* и т. д. подавляющее большинство женщин и значительную часть мужчин, главным образом, из молодого поколения. Влиянию церкви в некоторых частях Германии еще только нанесен первый удар среди промышленных рабочих; мелкая буржуазия, крестьяне, неквалифицированные рабочие еще в большей своей части связаны с церковью и находятся под ее влиянием. При этом следует заметить, что влияние римско-католической церкви значительно сильнее, потому что она располагает лучше организованным аппаратом и тоньше подходит к потребностям и бытовым условиям рабочих.

Перейдем теперь к *культурно-просветительным организациям*. Либеральная буржуазия стремилась удовлетворить тягу рабочих к знанию посредством создания самых разнообразных просветительных учреждений, стараясь в то же время монополизировать эту просветительную работу. Так возникли до войны во всех

крупных городах Германии народные библиотеки, народные академии, высшие курсы для рабочих и т. д., отличавшиеся тем общим свойством, что все они старались внедрить в сознание рабочих профессорскую школьную мудрость. На ряду с этим не было недостатка в попытках рабочих организаций противопоставить этим буржуазным затеям пролетарские марксистские курсы и школы. До войны это было возможно лишь в самых ограниченных размерах. Партийные и профсоюзные организации устраивали доклады известных рабочих деятелей, а также циклы лекций по определенным отраслям знания. Партия посылала разъездных лекторов, которые за плату читали доклады или курсы по поручению местных организаций. На ряду с этим существовала партийная школа для воспитания кадров партийных функционеров. Несмотря на все трудности, с которыми было связано оборудование этой школы, она давала очень много. Главными преподавателями этих школ были Роза Люксембург и позднее Гильфердинг. После войны необычайно разрослись как буржуазные, так и пролетарские учреждения этого рода. Сейчас не существует ни одной сколько-нибудь важной отрасли промышленности, в которой не было бы высших курсов для рабочих. Социал-демократия создала целую сеть своих школ (см. ниже). С 1918 г. в Берлине открыта руководимая компартией марксистская рабочая школа, организовавшая свои отделы во всех рабочих округах. В этой школе ежегодно проходят курсы по всем отраслям знания несколько тысяч рабочих.

п) Роль спорта. Исключительное значение приобрел после войны спорт. Если до войны, как мы уже упоминали, некоторую роль играло только гимнастическое движение среди рабочих, то после войны спорт становится в Германии массовым явлением. Нужно различать активных спортсменов, которые насчитываются миллионами и входят большей частью в буржуазные спортивные организации, и любителей спорта, которые занимаются спортом случайно или посещают в качестве зрителей спортивные состязания. Число этих любителей спорта нельзя установить сколько-нибудь точно, но оно во всяком случае огромно. В большие дни спортивной жизни места состязаний переполнены десятками тысяч рабочих. Наиболее популярный вид спорта — футбол, которым, наверное, занимается столько же любителей, сколько всеми остальными видами спорта вместе. Воскресное развлечение многих рабочих заключается в посещении футбольных матчей. На втором месте стоит бокс, тоже насчитывающий огромное число любителей. Далее идет плавание и велосипедный спорт.

Влияние спорта, в особенности на молодое поколение, громадно. Не скоро рабочие организации выучились понимать, что спорт им не враг, а, наоборот, их важный союзник в борьбе за завоевание самых различных слоев Р. к. Нынешний мощный расцвет спортивных рабочих организаций есть результат этого признания.

Буржуазный спорт, со своими бессмысленными рекордами, не перестает привлекать к себе пролетарских зрителей, в особенности молодых рабочих, которые сами активно не занимаются спортом. Что это может содействовать падению их интереса к политическим вопросам, не подлежит спору, и с этим обстоятельством необходимо серьезно считаться.

Но самой важной формой воздействия буржуазии на пролетариат через посредство спорта, несомненно, являются фабричные общества, которые за последние пять лет стали организовываться предпринимателями. Последние руководятся при этом столько же стремлением повысить трудоспособность рабочего до требуемого в рационализированном производстве уровня, сколько желанием привязать его к предприятию. Идея сотрудничества капитала и труда играет здесь большую роль. Фабричные спортивные общества внешне политически нейтральны и местами пытаются даже подчеркнуть эту нейтральность своими связями с рабочими организациями. Что касается их численного состава, то можно смело утверждать, что почти половина младшего поколения служащих и добрая треть молодых рабочих уже охвачена ими. Противовесом этим организациям служит мощное развитие классовых спортивных обществ, хотя следует подчеркнуть, что реформисты всячески стараются свести на-нет их классовый характер.

р) Рабочие общества. Для полного понимания широко разветвленных организаций германского пролетариата необходимо помнить, что в Германии вообще принято для удовлетворения каждой общественной потребности создавать особую организацию, особое общество. Если в каждом городе имеется множество обществ, которые объединяют своих членов, главным образом, для игры в карты или кегли и для совместного питья пива, то легко себе представить, что по каждому сколько-нибудь серьезному вопросу общественной жизни существуют общества, деятельное участие в которых берет очень много времени. Спортивное движение распадается на множество обществ соответственно разным видам спорта. Пролетарские любители

фотографии, друзья радио, кролиководы, эсперантисты образуют отдельные общества, работа в которых целиком поглощает все свободное время многих рабочих. Бюрократизм, составляющий опору реформизма в Р. к., точно так же вырастает на этой почве, как и влияние церкви, которая под самыми различными вывесками основывает общества, видимо или невидимо руководимые попами.

5. Профессиональное движение. а) Характер германских профсоюзов. Как известно (*см.* XIV, 161/64), в первый период развития профсоюзов наметилось три различных направления. Первое и наиболее значительное находилось под влиянием сторонников I Интернационала, второе возглавлялось последователями Лассаля, третье, наконец, выразилось в создании буржуазно-либеральных гирш-дункеровских профсоюзов. Два первые течения образуют основу „свободных", т.-е. стоящих на почве классовой борьбы, профсоюзов Германии. Но между тем как в лассалианских союзах с самого начала господствовал реформизм, в других профорганизациях реформистское и революционное направления боролись друг с другом. Препятствием на пути их развития явился закон против социалистов, применявшийся и к профсоюзам и не давший им развиться в более широком масштабе. Одновременно буржуазные круги стали создавать новые типы профсоюзов, пытаясь вытеснить ими социалистические организации. Сюда относятся, прежде всего, христианские рабочие союзы и профессиональные объединения, которые стали возникать параллельно с антисемитской агитацией, но, впрочем, никогда не захватывали особенно широких рабочих масс. Наряду с ними создавались желтые профсоюзы, т.-е. такие, которые содержатся непосредственно самим предпринимателем. Меньшее значение имеют так называемые национальные рабочие об'единения, тоже созданные в виде противовеса классовым организациям пролетариата.

Важнейшей ветвью рабочего движения были и остаются свободные профсоюзы, которые до и особенно после войны находятся в тесной связи с социал-демократией и которые сейчас являются носителями реформизма в германском рабочем движении. Эти реформистские профсоюзы, развившиеся из социал-демократических и лассалианских организаций, объединялись сначала „Генеральной комиссией", а затем были окончательно об'единены на федеративных началах Всегерманским конгрессом профсоюзов в 1892 г., положившим начало единому профессиональному движению германского Р. к. Все остальные профорганизации играли и играют второстепенную роль по сравнению с реформизмом. Свободные профсоюзы, объединившиеся в 1892 г., уже успели вполне определенно выявить свое лицо: профсоюзы были, с одной стороны, тесно связаны с социал-демократической партией, которая зависела от их материальной помощи, а с другой стороны — в этих профсоюзах уже создалась собственная бюрократия, которая стремилась вести свою реформистскую „реальную политику" до известной степени против политической линии социалдемократии. „Партия и профсоюзы суть одно", сказал Бемельбург, один из основателей „генеральной комиссии". Но это единство обнаруживалось, главным образом, лишь постольку, поскольку внутри партии побеждал реформизм и оппортунизм.

Период закона против социалистов был периодом развития германского „ревизионизма", этой первой теории реформизма в неприкрытом виде. В первых рядах сторонников Эдуарда Бернштейна, вождя ревизионистов, шли руководители профсоюзов во главе с Карлом Легином, который был председателем Генеральной комиссии и оставался на этом посту до конца жизни. Профсоюзы были важнейшими практическими проводниками реформистской политики. И когда в связи с русской революцией 1905 г. был поставлен вопрос о политической и всеобщей стачке — первый вопрос, на котором отчетливо выявилась точка зрения крайней левой внутри германской партии (Роза Люксембург и Карл Либкнехт),— тогда реформистские профсоюзные лидеры принципиально высказались против всеобщей стачки. Бемельбург заявил: „Всеобщая стачка есть всеобщая бессмыслица".

Свою главную задачу профсоюзы усматривали в реформистской защите повседневных интересов рабочих и заранее отказывались от всего, что могло иметь отношение к подготовке революционной борьбы. Их политическая деятельность ограничивалась поддержкой социал-демократии на выборах, при чем определенное число профсоюзных лидеров получало за это места в парламенте.

Этой общей тенденции соответствовала и организационная форма: германские профсоюзы были, за весьма редкими исключениями, узко-профессиональными, а не производственными союзами. Принцип производственных союзов резко отвергался большинством реформистов, и лишь за последние 10 лет возникло несколько таких союзов—прежде всего союз строителей и союз металлистов, поглотившие все многочисленные профессиональные объединения соответствующих отраслей. В химической промышленности так называемый союз фабричных рабочих тоже почти совершенно

превратился в производственный союз. Но и этот частичный переход на производственную базу никогда не мог бы иметь места, если бы не тяжелые экономические кризисы 1919—1923 гг., в корне подорвавшие самостоятельность многих союзов.

Центральное руководство в лице Генеральной комиссии и профсоюзных с'ездов было крайне слабо и не оказывало никакого влияния на внутренние дела отдельных профсоюзов. Каждый союз оставался совершенно автономным, и деятельность Генеральной комиссии ограничивалась поддерживанием связи с партией, с одной стороны, и обсуждением таких принципиальных вопросов, как вопрос о 8-часовом рабочем дне и т. д.—с другой. Отдельные союзы ревниво следили за тем, чтобы не образовался центральный орган, который мог бы вмешиваться в их внутренние дела. В сущности влияние Генеральной комиссии ограничивалось областью идеологии, но зато здесь оно было решающим.

Местные организации связались друг с другом гораздо позднее, чем центральные. Повседневные потребности заставили создать местные и окружные картели, которые тоже играли скорее совещательную роль, охватывая все профсоюзы данного района. Вокруг этих местных картелей вскоре возникло два интересных учреждения: рабочие секретариаты и рабочие дома. *Рабочие секретариаты* организовывались местными картелями в качестве консультаций для их членов по юридическим вопросам, особенно по вопросам трудовых договоров; они брали также на себя защиту рабочих в мелких процессах по этим договорам. Их работа приобрела большое вербовочное значение, потому что они явились притягательным центром для рабочих, искавших совета и помощи, но получавших эту помощь лишь при условии членства в каком-нибудь профсоюзе. В то же время через эти рабочие секретариаты в партию стали проникать „профессиональные политики", всякие интеллигенты и юристы, потому что при сложности вопросов, разбиравшихся секретариатами, нельзя было обойтись без лиц со специальным юридическим образованием.

Что касается *рабочих домов*, то их стали строить на средства профсоюзов и их членов с целью прекращения вечной борьбы с полицией и содержателями гостиниц из за помещений для собраний. Кроме многочисленных комнат для собраний и секретариатов, в этих домах бывало также большей частью помещение для странствующих членов профсоюзов. Некоторые из этих рабочих и профсоюзных домов довоенного времени были настоящими дворцами (напр., в Гамбурге и Берлине).

Несмотря на постоянно подчеркивавшуюся ими политическую нейтральность, свободные профсоюзы всегда считались социал-демократическими организациями, и сами члены профсоюзов большей частью смотрели на себя как на социал-демократов. Понятно поэтому, что профсоюзы удовлетворялись почти фиктивным центральным руководством Генеральной комиссии и оставались в рамках своей цеховщины, пока это дозволяла все возрастающая концентрация капитала. Война изменила положение. Раскол рабочего движения сначала на три (реформизм, центризм, революционная социал-демократия), а потом на два (реформизм и коммунизм) направления заставил реформистское руководство переменить свою тактику. Нужно было сильнее подчеркнуть самостоятельность профессионального движения и создать центральный орган, опираясь на который реформисты могли бы повести борьбу за руководство профсоюзами без прямого обращения к социал-демократической партии. С этой целью объединявшиеся Генеральной комиссией профсоюзы были реорганизованы во Всегерманское об'единение профсоюзов.

б) Всегерманское об'единение профсоюзов (*Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund — A. D. G. B.*). Всегерманское объединение профсоюзов, основанное в 1919 г., в сущности мало отличалось от своей предшественницы — Генеральной комиссии. Внутри все осталось по старому. Вовне афишировалось решение предоставить отдельным союзам возможно бо́льшую самостоятельность и занять в борьбе между различными направлениями в германском Р. к. „нейтральную" позицию. Как мало изменилась внутренняя установка профсоюзов видно хотя бы из того, что ни служащие, ни чиновники не вошли в ADGB, а образовали обычные организации — всегерманский союз служащих (AFA) и всегерманский союз чиновников (ADB), которые, впрочем, работают в постоянном контакте с ADGB. Все же новое объединение отчасти способствовало процессу концентрации рабочего движения. Цеховые союзы в металлопромышленности, в строительном деле, в химическом производстве в значительной степени слились с крупными профорганизациями. Но и сейчас еще в составе свободных профсоюзов существует свыше сорока различных профобъединений. Такая же распыленность наблюдается и в других организациях.

в) Рост свободных профсоюзов. Каково же число рабочих, охватываемых профсоюзами? До войны насчитывалось 2,5 млн. профессионально организованных рабочих, что составляет приблизительно $^1/_5$ всего промышленного пролетариата. После вре-

менного упадка профсоюзов, вызванного войной, наступает огромный под'ем, достигающий кульминационного пункта в 1920 г., когда членский состав профсоюзов дошел до 8 миллионов. Затем опять следует упадок, и в 1924 г. число организованных рабочих опускается до 4 миллионов. Но и эта цифра слишком высока и не дает настоящего представления о тогдашнем катастрофическом положении профсоюзов. В нижеследующей таблице приведены данные о движении членского состава отдельных профсоюзов, иллюстрирующие вместе с тем распыленность германского профдвижения:

Свободные профсоюзы (Всегерманское об'единение профсоюзов).

Союзы	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
	Число членов к концу года в тысячах									
Металлисты	545	1.605	1.609	1.587	1.625	1.296	711	765	675	816
Текстильщики	138	428	538	658	728	608	326	313	285	301
„Фабричн. рабочие" (химики)	207	602	645	682	739	522	326	335	376	422
Строители	310	424	466	477	560	431	319	342	339	402
Транспортники	229	521	578	567	546	408	259	289	313	351
Деревообделочники	193	361	371	388	435	377	285	298	266	294
Горнорабочие	102	437	467	447	396	300	190	188	184	195
Железнодорожники	—	345	544	451	404	288	168	198	211	233
Рабочие коммун. и госучрежд.	54	271	300	289	272	211	180	200	208	229
Сельско-хозяйств. рабочие	20	625	680	626	499	102	180	185	142	153
Швейники	49	146	130	141	158	109	88	83	70	74
Обувники	44	94	90	105	155	101	85	84	71	78
Табачники	32	79	113	129	118	82	67	58	59	71
Плотники	60	79	87	93	108	93	80	86	86	102
Печатники	69	70	73	76	73	67	72	79	80	81
Пищевики	51	71	73	81	82	69	65	68	69	74
Каменщики	31	43	45	47	52	51	44	56	54	64
Переплетчики	33	76	80	88	99	57	72	50	49	53
Рабочие вкусовой промышлен.	29	60	65	81	81	55	53	54	52	53
Маляры	45	50	54	58	59	47	38	42	43	49
Машинисты	26	70	89	96	110	65	40	44	44	46
Подсобн. рабочие графич. произв.	16	36	40	47	50	33	33	38	36	39
Кожевники	16	33	35	44	49	47	40	39	36	38
Шорники и т. д.	15	26	38	41	46	37	31	32	27	30
Служащие гостиниц и т. д.	16	64	63	54	48	37	22	22	23	25
Литографы	17	18	19	21	21	20	13	22	22	23
Музыканты	2	35	46	39	28	18	23	25	21	23
Шляпочники	12	20	23	27	29	25	19	19	17	19
Мясники	7	23	24	24	21	16	13	13	14	17
Швейцары	—	—	10	10	11	11	11	11	11	11
Кровельщики	9	9	10	11	13	10	9	9	9	11
Садовники	7	24	23	19	18	13	9	10	9	10
Бондари	9	12	13	13	14	10	9	9	8	8
Пожарные	—	—	—	9	2	2	1	8	8	8
Медники	5	7	7	7	8	7	6	6	6	7
Парикмахеры	2	11	10	8	7	4	4	4	4	4
Трубочисты	—	2	3	3	3	3	3	3	3	3
Прочие	99[1]	563[2]	634	143	178	51	94	95	—	—
Итого	2.499	7.338	8.026	7.778	7.810	5.750	3.975	4.183	3.933	4.416

Наиболее организованной была и остается металлопромышленность. В 1922 г. германский союз металлистов с его 1,6 млн. членов был крупнейшим профсоюзом в мире. Впоследствии, правда, его членский состав уменьшился почти наполовину. Следующее место занимают, по степени организованности рабочих, союзы печатников, плотников и коммунальников. Хорошо организованы также железнодорожники, но они распылены по отдельным профсоюзам. Высокой степенью организованности отличаются цеховые профессии переплетчиков, кожевников, шляпочников, мясников, медников, бондарей. Гораздо слабее профсоюзы в текстильной промышленности, в горном деле, в химическом производстве и в строительстве. Отсюда ясно видно, что в профсоюзах представлены, главным образом, рабочие высшей квалификации.

Какими факторами определялось движение членского состава профсоюзов в послевоенное время? Наплыв рабочих в профсоюзы в 1919 г. был вызван революционным настроением широких масс, надеявв-

[1]) Из них 366.000 членов Центрального союза служащих.
[2]) Из них 364.000 „ „ „ „

шихся, что профсоюзы помогут им осуществить революционные задачи, стоявшие тогда перед германским пролетариатом. Это была чистейшая иллюзия, об'ясняемая исключительно тем, что большинство этих рабочих состояло из политически незрелых, революционизированных войною элементов.

Революционное крыло германского рабочего движения, представленное в то время Спартаковским союзом, не учло всей важности борьбы за завоевание профсоюзов на данном этапе и не оказало должного отпора тенденциям, стремившимся, вместо превращения существующих профсоюзов в подлинные органы классовой борьбы, создавать новые революционизированные профсоюзы. После долгих колебаний, отметивших особенно 1919, 1921 и 1924 г. г., эта ошибка была, наконец, исправлена благодаря усилиям Коминтерна.

Германские профсоюзы были насквозь проникнуты реформизмом; в момент падения монархии они усматривали свою главную задачу в противодействии революционной волне. Неудивительно, что они оттолкнули от себя как раз наиболее передовых рабочих. И тем не менее, профсоюзы очень скоро сделались ареной борьбы между реформизмом и коммунизмом — тем более, что коммунисты быстро освободились от своего первоначального сектантского характера и вступили на путь большевистской массовой партии. Завоевание профсоюзов пошло вперед такими быстрыми шагами, что на лейпцигском профсоюзном съезде 1922 г. больше половины делегатов поддерживали коммунистическую фракцию, и реформисты смогли добиться большинства только благодаря голосам профсоюзных бюрократов и служащих.

Лейпцигский с'езд, состоявшийся накануне крупных революционных событий, чрезвычайно способствовал отходу рабочих от профсоюзов. В еще большей мере содействовала этому тактика реформистов, которые тотчас после событий 1923 г. начали исключать коммунистов из союзов или снимать их с руководящих постов. Результатом было массовое бегство рабочих из профсоюзов, чему коммунисты, после некоторых колебаний, стали оказывать самое энергичное сопротивление. Дело в том, что массовый уход радикально настроенных членов и их частичное вступление в революционные организации были использованы профбюрократией для очищения профсоюз в от революционных элементов и укрепления своих собственных позиций. Для профбюрократии это было совершенно необходимо, потому что только при этом условии она могла выполнить свою роль пособницы буржуазии в деле стабилизации и капиталистической рационализации. Тем не менее, оппозиционным элементам удалось завоевать и закрепить за собой новые позиции внутри профсоюзов.

г) Профсоюзы в условиях нового германского империализма. Реформистский характер профсоюзов резко усилился в связи с ростом нового германского империализма, который сумел заинтересовать в своих успехах определенные круги Р. к. и в особенности профсоюзную бюрократию. Из монопольных прибылей, извлекаемых германским капитализмом из рационализированной промышленности, кое-что перепадает некоторым слоям Р. к. Профбюрократия использует это обстоятельство для решительного превращения профсоюзов в орудия политики классового примирения и солидарности с интересами капитала. Политика делового сотрудничества, совместной работы с капиталистами, хозяйственной демократии, арбитражной системы и т. д. находит в профбюрократах своих усерднейших защитников. Но при этом профбюрократам нужно во что бы то ни стало „очистить" профсоюзы от революционных элементов. К этой цели и направлена вся их деятельность с 1927 г.: профсоюзная демократия все более заменяется диктатурой профсоюзных чиновников (редкие созывы с'ездов, урезывание избирательных прав оппозиционных членов, недопущение членов революционных или оппозиционных организаций к профсоюзным должностям, мобилизация буржуазных судов против оппозиционных профорганизаций и т. д.). Все это вызывает огромное движение протеста среди рабочих масс, и при известных обстоятельствах это движение может привести к необходимости создания новых организаций для охвата неорганизованных. Важнейшим вопросом остается вопрос о стачечной тактике: между тем как профсоюзы допускают стачки только в исключительных случаях и, как правило, ищут спасения в переговорах, рабочие часто рвутся в бой, предпочитая деятельную борьбу пассивному выжиданию в профсоюзах.

е) Профсоюзная бюрократия. Омертвение профсоюзов ярче всего проявляется в их усиливающейся бюрократизации: руководство профсоюзами находится теперь целиком в руках функционеров. Среди последних встречается еще не мало бывших рабочих, которые работают в профсоюзах по 30 и больше лет и получают оклады, во много раз превосходящие заработки рядовых членов; но среди профсоюзных чиновников есть также много интеллигентов, никогда в жизни не работавших в производстве и после окончания высшей школы пошедших на профсоюзную работ

ради карьеры. Эта бюрократия составляет сейчас 80% на всех с'ездах и на конференциях свободных профсоюзов. Контакт между бюрократической верхушкой и членской массой осуществляется через множество платных служащих, которые зависят только от крупных бюрократов, но не от рядовых членов.

Характерно в этом отношении создание т. наз. Рабочего банка — чисто капиталистического предприятия, заведывающего профсоюзным имуществом (в 1928 г. оно составляло 117 млн. марок). Этот банк является самым наглядным выражением капиталистических тенденций в германском профдвижении.

е) Другие профессиональные организации. Как уже было упомянуто выше, все остальные профессиональные союзы имеют сравнительно мало значения. Старейшими из не социал-демократических союзов являются *гирш-дункеровские*, называемые так по именам их основателей — Макса Гирша и Франца Дункера, стремившихся насадить в Германии либеральное профдвижение английского образца. Эти союзы отвергают забастовку как орудие борьбы, признают „необходимость" капитализма и отстаивают политику классовой гармонии. То обстоятельство, однако, что вначале в них было много рабочих, часто вынуждало их об'являть забастовки. Гирш-дункеровские союзы—определенные противники социализма. При своем основании они насчитывали 30.000 членов, в 1910 г.— 120.000, к концу 1918 г.—133.000. Первое место по величине членского состава занимает союз металлистов, в который входят, впрочем, не только рабочие, но и ремесленники, и члены которого вербуются, главным образом, из мелких предприятий. За последние годы наблюдается явное сближение гирш-дункеровских союзов с социал-демократами.

Более заметную роль играют *христианские профсоюзы*, возникшие на рялу с католическими обществами подмастерьев. Эти профсоюзы — плод попыток католической церкви использовать профсоюзы для привлечения к себе рабочих — существуют в Германии с 1894 г. Их основная цель — религиозное воспитание своих членов и умеренная защита повседневных интересов рабочих. Препятствием для их роста служит то, что Германия распадается в религиозном отношении на две части, при чем число католиков и протестантов приблизительно одинаково. Христианские профсоюзы постарались устранить эту трудность подчеркиванием межконфессионального момента. Но политическое руководство этими профсоюзами всегда принадлежало католической партии центра. Особенно значительно влияние христианских профсоюзов среди горняков, текстильщиков, металлистов мелких предприятий и сельскохозяйственных рабочих. Чиновники и железнодорожники тоже тяготели к этим союзам.

Христианские профсоюзы не отвергают забастовку, как орудие борьбы. Поэтому им удалось удержать свои позиции внутри Р. к. С 72.744 человек в 1900 г. они подняли свой членский состав до миллиона с лишним после войны. Дальше этой последней цифры они, однако, не пошли.

По сравнению с христианскими организациями роль *синдикалистских союзов* ничтожна. В 1897 г. было основано „Свободное об'единение германских профсоюзов", которое с 1919 г. приняло название „Свободный союз германских рабочих" (синдикалисты). Эта организация, пытающаяся перенести в Германию принципы французского анархо-синдикализма (см. *синдикализм*), никогда не охватывала больше 100.000 рабочих и до войны даже ни разу не насчитывала больше 10.000 членов. В настоящее время она не играет никакой роли.

После войны мысль об организации рабочих в об'единения, которые охватывали бы в противоположность профсоюзам широчайшие массы рабочих, стала пускать все более глубокие корни. Крупнейшее из этих об'единений, „*Союз работников физического и умственного труда*", об'единявший, впрочем, преимущественно горняков, довольно долго находился под влиянием коммунистов. Сейчас членский состав всех этих союзов крайне мал.

Следует еще упомянуть о *польских профсоюзах*, которые охватывали, главным образом, горняков и в 1914 г. насчитывали 76.000 членов. Теперь они не насчитывают и 30.000.

Всем перечисленным профсоюзным организациям противостоят *желтые*, т.-е. содержащиеся предпринимателями профсоюзы. Сюда относятся: численно слабые фашистские организации, далее т. наз. национал-либеральные (national-freiheitliche) профсоюзы и, наконец, в самое последнее время хозяйские союзы (Werksgemeinschaften). Определить величину их членского состава невозможно, потому что членские взносы уплачиваются в них предпринимателями, и поэтому цифры, которыми оперируют эти организации, указываются совершенно произвольно. Если фашистские и национальные профсоюзы имеют реакционную программу, направленную к разрушению профсоюзов и проповедующую идеал средневекового цехового строя, то идеология хозяйских союзов более современна и поэтому более опасна: они стремятся создать общность интересов между предпринимателями и рабочими и с этой целью сближают

их между собой на почве спорта и т. д. Кроме того, рабочих втягивают в эти союзы обещанием более высокой зар. платы. Хозяйские союзы подражают в своих методах работы большевизму, они организуют фабрично-заводские ячейки и издают фабричные газеты, прекрасно иллюстрированные и содержащие богатый материал. Желтые профсоюзы этого типа, уже сейчас подчинившие своему влиянию около полумиллиона рабочих, особенно опасны потому, что рабочие отчасти подготовлены к сочувственному отношению к ним реформистской пропагандой идей хозяйственной демократии.

6. Предпринимательские организации. Планомерным об'единением своих действий предприниматели сумели создать противовес рабочим организациям еще задолго до полного развития концентрации капитала: все отрасли промышленности без исключения уже десятки лет организованы в предпринимательские союзы, охватывающие под властью крупнейших капиталистов всех более мелких и мельчайших предпринимателей и обязывающие их к борьбе против рабочих организаций.

Если до войны предпринимательские об'единения носили более или менее добровольный характер, то теперь они фактически являются принудительными организациями. Война особенно способствовала этому, потому что во время войны получать товары или сырье мог только предприниматель, организованный в своем союзе.

Предпринимательские союзы различных отраслей промышленности заключают коллективные договоры с профсоюзами своей отрасли; переговоры ведутся уже не рабочими и предпринимателями, а секретарями рабочих и предпринимательских союзов. При этом нередко случается, что представителями договаривающихся сторон оказываются лица одинакового социального происхождения и культурного круга.

Все предпринимательские союзы объединены в могущественную *Ассоциацию союзов германских работодателей*, представляющую политические и экономические интересы предпринимателей (председатель этой ассоциации был много лет одновременно вторым председателем рейхстага; германский мин. иностр. дел Штреземан начал свою карьеру юрисконсультом этой предпринимательской организации). Руководящую роль в союзе работодателей играла до 1924 г. тяжелая промышленность (горное дело и металлургия), а после нее стала играть химическая промышленность, которая является сейчас наиболее влиятельной капиталистической силой в Германии (как известно, германская химическая промышленность объединена в единый всеобъемлющий трест „Interessengemeinschaft Farbenindustrie", в руках которого сосредоточен самый крупный капитал в мире).

Методы предпринимательских организаций подвергались на протяжении десятилетий разным изменениям. Если до войны предприниматели всячески боролись с профсоюзами и, как правило, отказывались от каких-либо переговоров с ними, то теперь они вполне оценили профсоюзы, как орудие борьбы против Р. к. Они уже не пытаются подорвать профсоюзные организации — более того, они поддерживают профсоюзы в их борьбе с революционными элементами, и все их усилия направлены к тому, чтобы соответствующим образом углубить идею классового сотрудничества, проповедуемую реформистскими лидерами.

Новые методы работы, применяемые ныне в Германии предпринимателями, возникли вследствие стремления убедить рабочих в необходимости рационализации и прочно связать с предпринимателями определенные слои рабочих. В Дюссельдорфе, одном из центров рейнской промышленности, был основан институт „Dienta" (Германский институт технического образования), который ставит себе целью создавать кадры специалистов по обращению с рабочими. Этот институт является, другими словами, школой капиталистических агитаторов внутри Р. к. На основе последних выводов психологии там готовят молодых инженеров к вербовочной деятельности среди рабочих в пользу идеи „делового сотрудничества". При этом применяются самоновейшие методы: свыше тысячи фабричных газет с превосходными иллюстрациями и статьями известных буржуазных журналистов и специалистов, фабрично-заводские ячейки и спортивные общества — таковы, как уже было упомянуто выше, средства, с помощью которых предприниматели стараются использовать настроение, создаваемое среди рабочих реформистами. Что касается революционных кругов Р. к., то против них принимаются, конечно, попрежнему методы самой ожесточенной борьбы. Из Америки была заимствована система *пинкертоновщины:* переодетых рабочими шпионов посылают на фабрики и заводы, где они стараются посредством провокаторских методов взорвать революционные организации. Эта система, нашедшая широкое распространение, ежегодно вырывает из среды пролетариата тысячи жертв.

7. Политические течения в Р. к. Из всего вышеизложенного ясно, что социальный состав Германии отнюдь не соответствует политической установке ее населе-

ния. Как всякая буржуазная демократия, так и германская республика характеризуется тем, что в ней только часть пролетариата пробудилась к классовому сознанию, большинство же трудящихся остается в идеологическом плену у буржуазии. Школа, церковь, суд и государственный аппарат совместно работают над закреплением этой буржуазной установки. Но у буржуазии есть и сверх того неисчерпаемый арсенал средств для подчинения пролетариата своему влиянию. Укажем только на буржуазную печать, которая в Германии количественно относится к пролетарской, как 100:1. К тому же отравлением сознания пролетарских масс занимается не только чисто буржуазная, но и т. наз. политически нейтральная „сверхпартийная" пресса.

Мы различаем среди рабочих и трудящихся вообще чисто буржуазные, реформистские и революционные, т.-е. идущие за коммунистической партией, элементы. Их численное соотношение представляется, на основании результатов выборов 1928 г., в следующем виде:

Число голосов за буржуазные партии . .	18.347.000
„ „ „ социал-демократию . .	9.146.000
„ „ „ коммунистов	3.263.000

Если вспомнить, что по нашему подсчету на одних наемных рабочих с их семьями приходится 26,5 млн. человек, т.-е. по крайней мере 18 млн. избирателей, а число избирателей, приходящихся на все трудовые слои вместе, достигает почти 30 млн., то из приведенных цифр вытекает, что большинство рабочих голосов получили буржуазные партии, и притом в первую очередь националисты, полновластно господствующие в стране, а затем католическая партия центра. При этом, конечно, трудно отделить рабочих, голосующих за буржуазные партии под каким-нибудь давлением, от рабочих, которые солидаризируются с буржуазией вследствие политической незрелости или ошибочных политических взглядов.

Хотя среди рабочих и трудящихся вообще, совсем не участвующих в выборах или голосующих за буржуазию, имеется много таких, которые в час серьезной борьбы встанут на сторону пролетариата, все же для оценки политической установки германского пролетариата принципиально важна только роль коммунистической партии и реформизма. Начнем с последнего, как представляющего собою соединительное звено между Р. к. и буржуазией.

Социал-демократия и ее методы работы. Социал-демократическая партия Германии, до сих пор живущая традициями довоенного времени и пытающаяся убедить рабочих в своей верности этим традициям, держит под своим влиянием весьма значительную часть германского пролетариата. Из 9 млн. избирателей, отдавших ей свои голоса, огромное большинство, несомненно, принадлежит Р. к. и другим трудовым слоям населения. Воздействие социал-демократии на всю эту массу избирателей осуществляется через ряд ступеней.

Низшую ступень в этой системе воздействия представляют собою члены партии. Число их составляло к концу 1928 г. 937.381, в том числе 198.731 женщина. Эти цифры меньше соответствующих цифр первых послевоенных цифр, потому что разочарование в реформистской политике партии охватило широкие слои рабочих, и вступление новых членов не может компенсировать уход старых.

Убыль своего членского состава в промышленных центрах социал-демократия старается покрыть работой в деревнях и селах, где она вербует себе новых сторонников среди отсталых рабочих. Об этом ясно свидетельствует число местных групп партии: социал-демократия имеет в своем распоряжении 8.916 местных групп, из которых до 1.000 было основано за последние годы. Эти новые местные группы ведут партийную работу в областях, в которые социал-демократия смогла проникнуть только после войны, когда она сделалась правительственной партией. Потери членского состава партии относятся исключительно к промышленным районам (Берлин, Рейнская область, Саксония, Баден), наибольший же его прирост наблюдается в сельскохозяйственных и мелкобуржуазных областях.

Активность отдельных партийных организаций проявляется теперь уже только в связи с выборами. В среднем за 1928 год местными группами было проведено 7—8 членских собраний, т.-е. меньше одного собрания в месяц. Число участников этих собраний в общем не превышает 10% членского состава. Открытые собрания устраиваются еще реже. Небольшая активная верхушка партийных организаций работает по директивам партийного аппарата, размеры которого гораздо больше, чем обыкновенно считают. Данные о величине отдельных аппаратов достать не легко, их приходится восстанавливать по официальным сведениям различных партийных учреждений. Мы попытаемся здесь дать возможно более полное представление об аппарате соц.-дем. партии, при чем особенно отметим те его элементы, которые характеризуют сращение социал-демократии с государственным аппаратом.

Обзор партийного аппарата соц.-дем. партии.

1. Партийный аппарат в тесном смысле слова:

Секретари и редактора	838
Технические партийные служащие	3.018

2. Парламентские работники:

Министры и экс-министры	60
Депутаты рейхстага и ландтагов	450
Депутаты окружных сеймов	9.000
Члены муниципалитетов	30.000

3. Профсоюзный и кооперативный аппарат:

Секретари и служащие профсоюзов	7.000
Служащие кооперативов	25.000
Служащие больничных касс, страховых учреждений и т. д.	15.000
Прочие организации	4.000
4. Чиновники и платн. служащие муниципалитетов:	
Бургомистры и городские советники	4.000
Высшие чиновники (полицейпрезиденты, ландраты, регирунгспрезиденты)	2.000
Чиновники арбитражного и страхового государств. аппарата	15.000

Если еще прибавить к этому социал-демократических членов фабзавкомов, а с другой стороны—учесть чрезвычайно распространенное среди социал-демократов совместительство, то выйдет, что соц.-дем. партия имеет с своем распоряжении около 100.000 агитаторов, связанных с ней при помощи мандатов и служебных мест.

Для правильной оценки приведенных цифр следует иметь в виду, что соц.-дем. партийная печать располагает 172 ежедневными газетами, которые печатаются в 163 типографиях, составляющих, за двумя исключениями, собственность соц.-дем. организаций. Общий тираж всех этих газет не слишком превосходит один миллион, т.-е. является сравнительно очень низким. Кроме того, партия издает ряд журналов. Все издательское дело сосредоточено в руках соц.-дем. треста „Концентрация". Наконец, имеется еще ряд вспомогательных организаций, ведущих вербовочную работу в массах. Таким образом, если даже отвлечься от профсоюзов, больничных касс и потребительских обществ, являющихся, особенно в провинции, главными центрами соц.-дем. агитации, остается еще множество побочных организаций, выполняющих роль агентов социал-демократии.

Вспомогательной военной организацией соц.-дем. партии служит „Имперское знамя", в лице которого она имеет, совместно с другими лево-буржуазными партиями, антикоммунистическую гвардию, уже отличившуюся в многочисленных боях против революционных рабочих.

Организации по улучшению быта рабочих об'единяются особым комитетом, который стремится восполнить работу буржуазных учреждений по социальному обеспечению. Совместно с этим комитетом работает соц.-дем. страховое общество „Народное обеспечение" (Volksfürsorge), в котором сейчас застраховано 1,5 млн. человек и агенты которого тоже ведут вербовочную работу в пользу социал-демократии. Наконец, культурно-просветительная работа соц.-дем. партии сосредоточена на социалистическом „Культурбунде", который пытается овладеть всем культурно-просветительным движением и всей клубной жизнью германского пролетариата.

Таковы средства, которыми стремится привлечь к себе рабочих социал-демократия, являющаяся, как мы видим, гораздо больше аппаратной организацией, чем живой партией. Профсоюзы, кооперативы и другие массовые пролетарские организации представляют собою ту почву, на которой развертывается борьба социал-демократического аппарата против возрастающего влияния коммунистов. Там, где силы партийного аппарата оказываются недостаточными, на помощь социал-демократии приходит ее могущественный союзник в лице государственного аппарата, полицейские органы которого сплошь и рядом находятся в руках социал-демократов.

Внутри социал-демократии существуют сильные оппозиционные течения, в которых находит себе выход недовольство рабочих масс. Но организационно эти тенденции почти не выявляются, потому что соц.-дем. лидеры отлично умеют приспосабливаться к настроению рабочих при помощи левых фраз. Поэтому все промежуточные партии между коммунизмом и социал-демократией были поглощены и уничтожены в кратчайший срок. Совершенно бессильные секты, об'единяющиеся вокруг нескольких вождей так наз. средних групп, не доказывают противного.

Коммунистическая партия. Коммунистическая партия Германии возникла из оппозиции против оппортунизма внутри старой социал-демократии—оппозиции, об'единившейся во время войны вокруг группы „Интернационал" („Интернационалистические социалисты Германии"), а позднее вокруг союза „Спартак" (*см.* XL, 504). Она соединяет международный опыт большевизма с собственным богатым опытом, накопленным ею за время мировой войны и последующих революционных кризисов вплоть до настоящего периода капиталистической рационализации и фашистского курса правительства.

В противоположность социал-демократии, КПГ—партия активности широких масс; построенная на организационном принципе фабрично-заводских ячеек, коммунистическая партия в состоянии руководить рабочими массами на предприятиях.

КПГ об'единила вокруг себя в ряде боев наиболее решительные слои пролетариата, — в известных случаях и политически созревшие слои внепролетарского

трудового населения, как это было, напр., в 1923 г. или во время кампании против возмещения за имущества бывших владетельных князей в 1926 г. Одинаково усердно преследуемая правительством, полицией, предпринимателями и реформистской профбюрократией, компартия должна прибегать, наряду с существующими пролетарскими организациями, к новым формам об'единения в соответствии с изменившимися условиями.

КПГ издает 52 ежедневные газеты и обширную журнальную литературу. 120 коммунистических депутатов рейхстага и ландтагов ведут революционную работу в парламенте и одновременно энергично поддерживают массовую работу партии, пользуясь привилегиями, которые еще предоставляет им буржуазное государство. Число членов партии доходит до 120.000.

Большое значение имеет сеть массовых организаций, руководимых партией (массовые организации, в которых коммунисты и социал-демократы борются за большинство, мы здесь оставляем в стороне, так как о них уже была речь выше; заметим только, что аппарат этих организаций всемерно противодействует работе коммунистов и пользуется малейшим предлогом для снятия революционных рабочих с должностных постов). Наиболее обширной из этих массовых организаций является *Союз красных фронтовиков*, насчитывавший до его запрещения свыше 200.000 членов. Вместе с *Красным союзом женщин* он ставит себе задачей вести в массах антиимпериалистическую пропаганду и добиться вооружения пролетариата. В связи с кровавой баней, которая была устроена 1 мая 1929 г. полицией в ответ на выступление берлинских рабочих против запрещения первомайского праздника, Союз красных фронтовиков был закрыт.

Другой крупной организацией является МОПР (Международная организация помощи борцам революции).

Далее, массовыми организациями, находящимися под влиянием компартии, являются: Союз друзей Межрабпома — организация по усилению кампаний помощи во время забастовок, стихийных бедствий и т. д.; Союз друзей СССР, возникший из делегаций на 10-летнюю годовщину Октябрьской революции — ведет энергичную агитацию против подготовки империалистического нападения на Советский Союз; Лига борьбы с империализмом и колониальным угнетением — основана в Брюсселе в 1927 г.; Антифашистская лига — основана в 1929 г. в Берлине.

Число рабочих, находящихся прямо или косвенно под коммунистическим влиянием, довольно трудно установить, потому что и приведенные выше данные о количестве голосов, поданных за различные партии, не вполне точны. Но во всяком случае не подлежит сомнению, что уже сейчас не меньше трети германских рабочих находится под неуклонным влиянием коммунизма.

Г. Глаубауф (*H. Glaubauf*)[1].

[1]) *Перевод с рукописи* И. Румера.

(Продолжение цикла в следующем томе).

Энциклопедический словарь

7-е Издание

Русского Библиографического

Института „Гранат"

Пастернак

Энциклопедический словарь

7-е Издание

Русского Библиографического

Института „Гранат"

Пастернак